ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
ВАЗОРАТИ КОРҲОИ ДОХИЛӢ
А К А Д Е М И Я

РЕСПУБЛИКА ТАДЖИКИСТАН
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
А К А Д Е М И Я

МАСОИЛИ МУБРАМИ НАЗАРИЯ, ҚОНУНГУЗОРӢ ВА АМАЛИЯИ МУҚОВИМАТ БА ҶИНОЯТКОРӢ ДАР ЗАМОНИ МУОСИР

МАВОДИ I-УМИН КОНФЕРЕНСИЯИ ИЛМӢ-АМАЛИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

ш. Душанбе, 21-уми майи соли 2026

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

МАТЕРИАЛЫ I-ОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Душанбе, 21 мая 2026 года

ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
ВАЗОРАТИ КОРҲОИ ДОХИЛӢ
А К А Д Е М И Я

Ба 35-солагии Истиқлолияти Давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Рӯзи қабули Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин, 30-солагии таъсиси Бюрои ҳамоҳангсозии мубориза бар зидди ҷиноятқории муташаккил ва дигар намудҳои ҷиноятҳои хатарнок бахшида шудааст

МАСОИЛИ МУБРАМИ НАЗАРИЯ, ҚОНУНГУЗОРӢ ВА АМАЛИЯИ МУҚОВИМАТ БА ҶИНОЯТКОРӢ ДАР ЗАМОНИ МУОСИР

МАВОДДИ I-УМИН КОНФЕРЕНСИЯИ ИЛМӢ-АМАЛИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

ш. Душанбе, 21-уми майи соли 2026

35-летию Государственной Независимости Республики Таджикистан, Дню принятия Уголовного кодекса Республики Таджикистан, а также, 30-летию создания Бюро по координации борьбы с организованной преступностью и иными опасными видами преступлений посвящается

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

МАТЕРИАЛЫ I-ОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

г. Душанбе, 21 мая 2026 года

ТДУ (УДК) 343 (094.4) (575.3)
ТБК (ББК) 67.6+67.99 (2 тоҷик)
Б-64

УЗВИ ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ / ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Раҳмадҷонзода Р.Р.	- муовини сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба илм, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники милитсия (заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент, полковник милиции);
Нарзуллозода С.С.	- сардори шуъбаи ташкилӣ-илмӣ ва табъу нашри Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники милитсия (начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции);
Заробидинзода С.З.	- сардори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, подполковники милитсия (начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции).

Масоили мубрами назария, қонунгузорӣ ва амалияи муқовимат ба ҷиноятқорӣ дар замони муосир: Маводди 1-умини конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ (ш. Душанбе, 21-уми майи с. 2026) // Зери назари н.и.ҳ., дотсент П.А. Насуриён. – Душанбе: Нашриёти ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2026. – 456 с.

Актуальные проблемы теории, законодательства и практики противодействия преступности в современный период: Материалы 1-ой международной научно-практической конференции (г. Душанбе, 21 мая 2026 г.) // Под ред. к.ю.н., доцента П.А. Насуриён. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2026. – 456 с.

Дар маводди конференсияи илмӣ-амалӣ байналмилалӣ мақолаҳои илмӣ ва маърузаҳои олимони ҷумҳурӣ ва дигар давлатҳои аъзои ИДМ оид ба проблемаҳои мубрами таърих, назария ва амалияи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва ҳуқуқи иҷрои ҷазои ҷиноятӣ гардидаанд. Ба мавод, инчунин, мақолаҳое, ки дар доираи татбиқи мавзуҳои илмӣ-таҳқиқотии Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ карда мешаванд, ворид гардидаанд. Рақамҳои бақайдгирии давлатӣ: 0126TJ01738, 0121TJ1289, 0121TJ1290, 0121TJ1291.*

*В материалах международной научно-практической конференции представлены научные статьи и доклады ведущих отечественных и ученых государств-участников СНГ по актуальным проблемам истории, теории и практики уголовного права**. В сборник вошли также статьи, подготовленные в рамках научно-исследовательских тем Академии МВД Республики Таджикистан, финансируемые за счет средств государственного бюджета Республики Таджикистан. Государственные регистрационные номера: 0126TJ01738, 0121TJ1289, 0121TJ1290, 0121TJ1291.*

ISBN 978-9906-9914-5-2

© Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2026

---

* *Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мақолаҳо ва маълумоти саҳеҳ муаллиф (муаллифон) масъул мебошанд. Мақолаҳо дар таҳрири муаллифон нашр карда мешавад. Ҳангоми пурра ё қисман чоп ё бо ҳар тарз истифода бурдани мавод, истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.*

** *Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Статьи публикуются в авторской редакции. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна*

МУНДАРИҶА **СОДЕРЖАНИЕ**

Раҳимзода, Р.Ҳ. Сухани ифтитоҳӣ 8
Ализода, З. Сухани ифтитоҳӣ 12
Бердиалиев, Б.Э. Приветственное слово 15
Саидвализода, Б.С. Сухани ифтитоҳӣ 17
Насуриён, П.А. Сухани ифтитоҳӣ 20

ТАҲҚИҚОТИ ИЛМИИ ДОКТОРОН ВА НОМЗАДОНИ ИЛМҲО
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКТОРОВ И КАНДИДАТОВ НАУК

Зайцев, О.А. Актуальные проблемы развития уголовно-процессуального законодательства России 23
Рахмаджонзода, Р.Р. Возможности и потенциал проведения крупных научных форумов Академией МВД Республики Таджикистан 27
Тепляшин, П.В. Сравнительный анализ наркопреступности в Российской Федерации и Республике Таджикистан: криминологические закономерности и векторы межгосударственного сотрудничества в рамках Организации Договора о коллективной безопасности 34
Шарипов, Т.Ш., Холиқзода, Ш.Л. Таъсири ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ ба қонунгузории миллӣ 39

Абдуллозода, Н.Р. Усулҳои хосси тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ вобаста ба экстремизм ва терроризм дар Ҷумҳурии Тоҷикистон 44
Абдурашидзода, А.А. Шахсияти инсон ҳамчун арзиши дахлнопазир дар ислом: чаро савдои одамон хилофи асосҳои ислом мебошад 49
Азимзода, Ш.Ҷ. Гузаронидани санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса оид ба ҷинояти куштор 52
Азимзода, Ш.Ҷ. Таҳлили ҳуқуқӣ-ҷиноятии ҷиноятҳои киберӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон 54
Akenina, A.V. On the issue of the purpose and results of teaching a foreign language to the postgraduate students of the educational institution of the ministry of internal affairs of Russia 57
Алексеева, Л.А. Особенности уголовной правоприменительной политики на современном этапе 61
Аминов, И.Р. Проблемы применения уголовного законодательства по преступлениям против свободы человека 65
Аҳёзода, Ш.Т. Баъзе андешаҳо перомуни объекти ҷиноятҳои хусусияти экстремистӣ тибқи қонунгузории ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон 68
Аҳёзода, Ш.Т., Маҳмудзода, Б.Н. Таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии ҷинояти даъвати оммавӣ барои бо роҳи зӯроварӣ тағйир додани сохти конститутсионӣ тибқи қонунгузории давлатҳои пасошӯравӣ 73

Baratova, D.O. Regional crime's latent forms, the problems of their detection and their criminological aspects 78
Беляева, О.В. Органы внутренних дел в сфере противодействия преступности 82
Власова, Е.Л. Влияние международных правовых актов на национальное уголовное законодательство 85
Гарина, О.В. Противодействие противоправной деятельности в цифровой среде 90
Гришин, А.В., Лопаткина, А.С. О специфике избрания мер принуждения в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) 94
Дворжицкая, М.А., Заробидинзода, С.З. Сравнительный анализ статей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации и 174-175 Уголовного кодекса Республики Таджикистан 98
Дудченко, Л.В. Противодействие вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность в условиях цифровизации 102
Заробидинзода, С.З., Дворжицкая, М.А. Уголовно-правовое значение судимости как признака рецидива преступлений и проблемы ее сохранения 106
Ивушкина, О.В. Проблемы применения института малозначительности деяния 111
Исмонзода, С.М. Контрольно-надзорная деятельность ГАИ Республики Таджикистан: научный подход к обеспечению безопасности дорожного движения 114
Каримзода, У.К. Международный год правового просвещения: основа глобальной безопасности 117
Қодирзода, Ғ.Н.Таъсири шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ ба сатҳи ҷиноятқорӣ 120
Kozhina, Y.G. Russian literature as a workbook for a modern criminalist (based on the works of F.M. Dostoyevsky and L.N. Tolstoy) 125
Кузнецов, Д.Ю. Концептуальные основы противодействия злоупотреблению правом на защиту в уголовном судопроизводстве 130
Нарзуллозода, С.С., Сунатуллозода, У.С. Таҳлили ҳуқуқӣ-ҷиноятии вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ (моддаи 211 КҶ ҶТ) 135
Никитин, А.В. Влияние международных правовых актов на формирование и развитие уголовного права Российской Федерации 141
Нурумбетова, С.А., Уринов, О.Л. Проблемы противодействия торговле людьми в киберпространстве и особенности работы с цифровыми доказательствами 145
Нурумбетова, С.А. Современная криминологическая характеристика преступлений, связанных с экстремизмом, и его профилактика 150
Одиназода, Н.С. Аломатҳои объективии гардиши ғайриқонунии металлҳои қимматбаҳо, сангҳои қимматбаҳои табиӣ 153
Писаревская, Е.А. Сравнительный анализ уголовной ответственности за публичные призывы к экстремистской деятельности в УК Российской Федерации и УК Республики Таджикистан (ст. 280 УК РФ и ст. 307(1) УК РТ) 161
Пшеничнов, И.М. Конституционная безопасность как объект уголовно-правовой охраны: сравнительно-правовые ориентиры противодействия преступности в государствах СНГ 165
Розикзода, Ф.М. Гарантии прав задержанных с момента лишения свободы: вопросы уголовно-процессуального регулирования Республики Таджикистан в контексте международных стандартов 170

Саидвализода, Б.С. Амнистия в международном уголовном праве: баланс между справедливостью, примирением и защитой прав 174
Саидвализода, Б.С. Мушкилоти татбиқи институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо ва роҳҳои ҳалли он 181
Сайнозимзода, Ф.С. Роль посланий Президента Республики Таджикистан в развитии уголовного законодательства 188
Смирнов, В.А. Еще раз о краже из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем 191
Солиев, К.Х. Искусственный интеллект и интеллектуальные границы как ключевой инструмент противодействия транснациональному наркотрафику 196
Терехова, Е.М. Правовые основы недопущения реабилитации нацизма в законодательстве Таджикистана и России 199
Фомина, И.А. Цифровая среда как фактор криминализации и виктимизации несовершеннолетних 203
Ҳайдарзода, М.П. Тафаккури миллатгароӣ ҳамчун ангезаи экстремитӣ 207
Хушвахтзода, Х.Х., Зайлобиддинзода, А., Салимзода, С.С. Криминология ҳамчун таълимот дар бораи ҷиноят: таҳлили назариявӣ ва амалии муосир 212
Шарифзода, П.Р., Ҳакимзода, З.Ҷ. Таҳлили танзими ҳуқуқии муқовимат ба коррупсия дар фазои ҳуқуқии ИДМ 217
Шарифзода, Р.Ф. Масоили мубрами ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ёрӣ нарасонидан ба бемор 220

ТАҲҚИҚОТИ ИЛМИИ ҲАЙАТИ ПРОФЕССОРОНУ ОМӮЗГОРОН
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

Анвариён, Ш.Ш., Карамшозода, Ф.Ш. Таъсири муҳити оилавӣ ва рафтори ҷиноятқоронаи ноболиғон 224
Асламов, Б.С., Убайдуллоев, Ш.Э. Социологические аспекты управления ОВД в противодействии преступности 228
Карамшозода, Ф.Ш., Анвариён, Ш.Ш. Исқоти ғайриқонунии ҳамл (аборт): масоили назария, амалия ва қонунгузорӣ 231
Қувватзода, Ф.Ҷ. Шиканҷа ҳамчун ҷиноят ба муқобили ҳуқуқ ва озодиҳои конститутсионии инсон ва шаҳрванд 238
Маҳинаи Нуралӣ, Ҷононаи Зикрулло. Сирояткардан бо касалии зӯҳравӣ мутобиқи қонунгузории ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон 243
Маҳмудзода, Б.Н., Ҷамшедзода, У.Ҷ. Баъзе масъалаҳо оид ба тавсифи ҳуқуқии ҷиноятӣ оид ба ёрӣ нарасонидан ба бемор тибқи қонунгузории ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон 247
Muzyka, Y.V. Current challenges and countermeasures against cyber threats 252
Раджабов, Ж.А. Проблемы, влияющие на эффективность профилактики преступления содержания притонов 257
Руппель, О.В., Струкова, А.В. Изменения в регулировании исправительных и принудительных работ в уголовном праве Российской Федерации 261
Раҳимзода, А.Р. Ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин тибқи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон 268
Саидзода, Т.Ш. Таҳқиқи муқоисавӣ-ҳуқуқии гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо ҳамчун чорабинии оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва амали тафтишотӣ 278

САИДЗОДА, Ҷ.З. Таҳқиқоти санадҳои ҳуқуқии байналмиллалӣ дар самти муқовимат ба савдои одамон 283
SELIVERSTOVA, O.V. Current issues in science: linguistic examination determines content of disputed texts in case investigations 289
УРИНОВ, О.Л. Механизмы виртуальной вербовки в торговле людьми и современные криминологические угрозы 293
УРФОНЗОДА, Д.С., РАХИМЗОДА, З.К. Роль и значение презумпции невиновности при прекращении уголовного дела: правовые аспекты и практика 296
ФАЙЗАЛИЗОДА, Ф.С., БУРИЕВА, М.К. Становление и развитие ответственности за склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни по уголовному законодательству Республики Таджикистан 300
ФИЛАТОВА, Н.Ю. Сравнительный анализ ответственности за жестокое обращение с животными в России и Таджикистане: проблемы применения и направления совершенствования 306
ҲАЙДАРЗОДА, Д.П., ФАЙЗЗОДА, С.С. Тавсифи криминологии ҷинояти савдои одамон 311
ҲАМИДОВ, Р.С., ЗИКРУЛЛОЗОДА, Ҷ.З. Масоили тавсифи ҳуқуқӣ-ҷиноятии дар хатар монондан 316
ҶАМШЕДЗОДА, У.Ҷ., ҲАМИДОВ, Р.С. Таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ тибқи муқаррароти Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон: тавсифи ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ 323
ШАВКАТЗОДА, И.Ё., МУРОДӢ, Б.А., ОРЗИЗОДА, Ҳ.О. Мушкилоти муайянсозии нишонаҳои объективии таркиби ҷинояти фаъолияти ғайриконуни бонкӣ 327
ШАВКАТЗОДА, И.Ё., САЙФИДДИНЗОДА, С.А. Моҳият ва аҳаммияти принсипҳои адолати судӣ 333
ШАРИФЗОДА, В. Профилактика преступности в Республике Таджикистан: роль виктимологии 340

ТАҲҚИҚОТИ ИЛМИИ АДЪЮНКТОН, АСПИРАНТОН, ДОКТОРАНТОН, УНВОНҶӮЁН ВА МАГИСТРАНТОН

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АДЪЮНКТОВ, АСПИРАНТОВ, ДОКТОРАНТОВ, СОИСКАТЕЛЕЙ И МАГИСТРАНТОВ

АБУОВА-БАЙМАГАНБЕТОВА, А.А. Дискреционные полномочия прокуратуры как инструмент уголовной политики: оценка эффективности соответствующих механизмов в Республике Казахстан 344
АЙТМАГАМБЕТОВ, А.С., БАЙГЕЛОВ, Е.С. Применение научно-технических средств при расследовании уголовных правонарушений как фактор повышения эффективности противодействия преступности 351
АСКАРОВ, А.А. Трансформация доказательственного мышления в контексте перехода от вещественных следов к цифровым структурам 356
БАЗАРОВ, М.М. Факторы, обуславливающие виктимизацию несовершеннолетних от преступлений, связанных с вовлечением в сексуальную эксплуатацию 364
ДАЛАТОВА, Ф.М. Понятие насилия. Соотношение уголовно-правового и криминологического понятий насилия 369
КАЗАХЕЦЯН, Г.О. Проблема соотношения принципа справедливости и общих начал назначения наказания 373
КАРИМЗОДА, Ф.Б. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего лица женского пола, совершившего преступление 378

Крысина, Т.Е. Оперативно-розыскная деятельность в борьбе с организованными схемами незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств и их цифровых аналогов 384
Пулоди, Ф.Ю. Научно-теоретическое обеспечение противодействия преступности несовершеннолетних в Таджикистане 390
Раджабов, Р.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с незаконной миграцией по законодательству России и Таджикистана 395
Расулиён, А.К. Выдвижение и проверка криминалистических версий при расследовании насильственных преступлений в семье на первоначальном этапе 399
Раҳмонзода, Р.А. Афзоиши киберҷиноятҳо бо мусоидати дропперҳо ва роҳҳои пешгирии онҳо 404
Раҳмонзода, Р.А. Зарурати такмили қонунгузорӣ дар самти ҷиноятҳо ба муқобили бехатарии ҳаракат ва истифодаи воситаҳои нақлиёт 407
Саидов, Ш.А. Мудофиаи зарурӣ аз таҷовузи ба ҷамъият хавфноке, ки дар шакли беҳаракатӣ содир мегардад 409
Тулеуова, А.Ж. Правовое регулирование конфискации имущества и обеспечительных мер в системе имущественного расследования в условиях цифровизации 414
Файзуллозода, Н.Ш. Ошкор ва тафтишоти ҷиноятҳои коррупсионӣ дар раванди санҷиши пешакии ариза ва иттиллоот 419
Черномырдин, Р.А. Современные тенденции развития принципа гласности в деятельности следователя в Российской Федерации 425
Шадрина, Е.С. К вопросу об уголовной ответственности в сфере государственных закупок в России и за рубежом 429
Шайхыстанова, С.Н. Оптимизация процесса доказывания на основе фреймового структурирования негласных следственных действий 436
Шукурова, Г.Р. Предупреждение преступлений несовершеннолетних мигрантов: роль Национального центрального бюро Интерпола России 440

ТАҲҚИҚОТИ ИЛМИИ КУРСАНТОН ВА ШУНАВАНДАГОН
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ

Бабенкова, А.И. Установление правовых границ как форма противодействия злоупотреблениям цифровыми коммуникациями 444
Зубкова, В.В. Проблема защиты прав потерпевших в семейно-бытовых конфликтах 448
Матвеева, М.С. Информационные технологии, применяемые при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) 452

СУХАНИ ИФТИТОҲӢ

РАҲИМЗОДА РАМАЗОН ҲАМРО
Вазири корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, генерал-полковники милитсия / Министр внутренних дел Республики Таджикистан, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Таджикистана, генерал-полковник милиции

Муҳтарам иштирокчиёни конференсия,
Меҳмонони гиромиқадр ва пажуҳишгарони соҳаи ҳуқуқ

Иҷозат фармоед, ҳамаи шуморо ба муносибати оғози кори I-умин Конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ таҳти унвони «Масоили мубрами назария, қонунгузорӣ ва амалияи муқовимат ба ҷиноятқорӣ дар замони муосир», ки ба пешвози ҷашнгирии 35-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон ташкил ва баргузор гардида истодааст, хайрамақдам гӯям.

Иштироки доираи васеи олимону коршиносон ва намояндагони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар ин ҳамоиш имкон медиҳад, ки мо чолишҳо ва таҳдидҳои муосири ҷаҳониро дар соҳаи ҷиноятқорӣ аз нигоҳи амиқи доктриналӣ мавриди таҳлил қарор диҳем.

Мо эътиқоди комил дорем, ки табоддули афкор ва пешниҳодҳои созандаи Шумо дар ин конференсия ҷиҳати такмили минбаъдаи қонунгузории ҷиноятӣ ва тақвияти механизми муқовимат ба зуҳуроти номатлуби замони муосир саҳми арзишманд хоҳад гузошт.

Ба ҳамаи Шумо барои ташрифи самимӣ, омодагӣ ва иштироки фаъолона бо маърӯзаҳои илмӣ изҳори миннатдории бепоён намуда, ба кори конференсия муваффақият ва дастовардҳои нави илмиро таманно дорам.

Ҳамкорони арҷманд ва муҳаққиқони илми ҳуқуқшиносӣ

Дар шароити рушди босуръати муносибатҳои ҷамъиятӣ, густариши равандҳои ҷаҳонишавӣ ва пешрафти технологияҳои иттилоотию коммуникатсионӣ ҷиноятқорӣ низ шаклу усулҳои нави худро пайдо намуда, хусусияти мураккаб ва фаромиллӣ касб кардааст.

Имрӯз ҷиноятқорӣ на танҳо ҳамчун падидаи иҷтимоӣ, балки ҳамчун таҳдиди ҷиддӣ ба амнияти миллӣ, суботи сиёсӣ, рушди иқтисодӣ ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон арзёбӣ мегардад.

Дар ин замина масъалаҳои такмили асосҳои назариявии муқовимат ба ҷиноятқорӣ, мутобиқсозии қонунгузорӣ ба таҳдидҳои нав ва баланд бардоштани самаранокии фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ аҳаммияти калидӣ пайдо менамоянд.

Маҳз ҳамин омилҳо зарурати таҳқиқи амиқи илмии масъалаҳои мубрами назария, қонунгузорӣ ва амалияи муқовимат ба ҷиноятқориро дар шароити муосир ба миён меоранд.

Дар илми криминология ҷиноятқорӣ ҳамчун маҷмуи ҷиноятҳое муайян карда мешавад, ки дар муҳити муайяни иҷтимоӣ ва дар давраи мушаххаси вақт содир мегарданд. Аммо дар шароити муосир хусусиятҳои анъанавии ҷиноятқорӣ тағйир ёфта, он бештар хусусияти муташаккилона, технологӣ ва байналмилалӣ гирифтааст.

Имрӯз ҷомеаи ҷаҳонӣ бо намудҳои паҳншудаи ҷиноятқорӣ рӯ ба рӯ мебошад, аз ҷумла:

- киберҷиноятқорӣ;
- терроризм ва экстремизми радикалӣ;
- савдои одамон;
- муомилоти ғайриқонунии маводди нашъаовар;
- коррупсия;
- экстремизми иттилоотӣ;
- ҷиноятҳои молиявӣ ва рақамӣ;
- қочоқи иттилоот ва маълумоти электронӣ.

Хусусияти асосии ҷиноятқории муосир дар он ифода меёбад, ки он аз имкониятҳои технологияҳои рақамӣ васеъ истифода мебарад. Масалан, истифодаи технологияҳои «deepfake», криптовалюта, шабакаҳои пӯшидаи интернетӣ (Darknet), технологияҳои зеҳни сунъӣ ва барномаҳои рамзгузорӣ имконият медиҳанд, ки фаъолияти ҷиноятӣ пинҳон ва пайгирии он мушкил гардад. Ин ҳолат барои мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мушкилоти нави исботкунӣ ва муайянсозии шахсияти ҷиноятқорро ба вуҷуд меорад.

Дар баробари ин, таҳлилҳои криминологӣ нишон медиҳанд, ки омилҳои иҷтимоӣ ва иқтисодӣ низ дар афзоиши ҷиноятқорӣ нақши муҳим доранд. Бекорӣ, сатҳи камбизоатӣ, муҳоҷирати меҳнатӣ, косташавии тарбияи ҳуқуқӣ ва бухрони арзишҳои ахлоқӣ ба ташаккули муҳити криминогенӣ мусоидат менамоянд.

Масалан, таҷрибаи як қатор давлатҳо нишон медиҳад, ки ҷавонони аз лиҳози иҷтимоӣ осебпазир бештар ба гурӯҳҳои ифротӣ ва ҷиноятқории муташаккил ҷалб мегарданд. Ин ҳолат зарурати таҳкими сиёсати иҷтимоӣ ва рушди механизмҳои профилактикиро ба вуҷуд меорад.

Яке аз мушкилоти асосии назариявӣ дар шароити муосир номувофиқии баъзе консепсияҳои анъанавии криминология ба воқеияти рақамӣ мебошад. Чунки дар шароити рушди технология шаклҳои нави объекти ҷиноят пайдо мешаванд, тарзи содиршавии ҷиноят тағйир меёбад, усулҳои исботкунӣ мураккаб мегарданд, сарҳади байни фазои воқеӣ ва рақамӣ аз байн меравад.

Аз ин рӯ, илми ҳуқуқшиносӣ бояд мафҳумҳои нави криминологиро таҳия намояд, таҳдидҳои рақамиро аз нигоҳи илмӣ таҳлил кунад, механизмҳои нави муқовиматро пешниҳод намояд.

Дар ин замина масъалаи таҳияи модели муосири сиёсати зиддиҷиноятӣ аҳаммияти муҳим дорад. Чунин модел бояд пешгирикунандаи ҷиноятқорӣ бошад, ба таҳлили илмӣ такя намояд, истифодаи технологияҳои муосирро пешбинӣ кунад, ҳуқуқ ва озодиҳои инсонро ҳифз намояд.

Такмили қонунгузорӣ яке аз шартҳои асосии муборизаи самаранок бар зидди ҷиноятқорӣ мебошад. Амалия нишон медиҳад, ки дар бисёр ҳолатҳо қонунгузорӣ аз рушди муносибатҳои ҷамъиятӣ ва технологияҳои рақамӣ қафо мемонад.

Аз ҷумла, мушкилоти зерин ҷой доранд:

– номукаммалии танзими ҳуқуқии ҷиноятҳои электронӣ;
– мушкилоти эътиборнокии далелҳои рақамӣ;
– норасоии механизмҳои ҳифзи маълумоти шахсӣ;
– мушкилоти муайян намудани салоҳияти ҳуқуқӣ дар ҷиноятҳои фаромиллӣ.

Масалан, ҳангоми содир гардидани киберҷиноят сервер метавонад дар як давлат, ҷиноятқор дар давлати дигар ва зарардида дар кишвари сеюм қарор дошта бошад. Ин ҳолат масъалаи татбиқи қонунгузории миллӣ ва ҳамоҳангсозии ҳуқуқии байналмилалиро мушкил мегардонад.

Дар чунин шароит зарур аст, ки қонунгузорӣ мутобиқ ба таҳдидҳои рақамӣ такмил дода шавад, ҷавобгарӣ барои намудҳои нави ҷиноятҳо муқаррар гардад, механизмҳои ҳифзи фазои иттилоотӣ тақвият дода шаванд, ҳамоҳангсозии санадҳои миллӣ бо меъёрҳои байналмилалӣ таъмин гардад.

Вобаста ба масоили амалияи муқовимат ба ҷиноятқорӣ бояд қайд намоем, ки самаранокии сиёсати зиддиҷиноятӣ пеш аз ҳама аз фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ вобаста мебошад. Аммо дар амалия як қатор мушкилот мавҷуданд.

Аввалан, сатҳи техникию технологӣ дар баъзе сохторҳои ҳифзи ҳуқуқ ба талаботи замони рақамӣ ҷавобгӯ нест.

Дуюм, норасоии мутахассисони баландихтисос дар самти амнияти кибернетикӣ ва таҳлили рақамӣ мушоҳида мешавад.

Сеюм, ҳамоҳангсозии фаъолияти байниидоравӣ ва байналмилалӣ ҳанӯз дар сатҳи зарурӣ қарор надорад.

Бо вуҷуди ин, таҷрибаи давлатҳои пешрафта нишон медиҳад, ки истифодаи технологияҳои муосир метавонад самаранокии муқовимат ба ҷиноятқориро ба таври назаррас баланд бардорад.

Аз ҷумла, истифодаи зеҳни сунъӣ, таҳлили маълумоти калонҳаҷм (Big Data), низомҳои биометрӣ, мониторинги рақамӣ, таҳлили криминологии электронӣ имкон медиҳад, ки:

– хавфҳои криминогенӣ пешакӣ муайян карда шаванд;
– робитаҳои байни гурӯҳҳои ҷиноятӣ ошкор гарданд;
– суръати тафтишот баланд бардошта шавад.

Аммо истифодаи чунин технологияҳо бояд дар доираи қонун ва бо риояи ҳуқуқу озодиҳои инсон амалӣ карда шавад.

Бояд қайд намоем, ки дар муқовимат ба ҷиноятқорӣ нақши профилактика хеле аҳаммияти калон дорад. Бинобар ин, дар шароити муосир сиёсати самараноки зиддиҷиноятӣ бояд пеш аз ҳама хусусияти профилактикӣ дошта бошад.

Самтҳои муҳимми пешгирӣ дар замони муосир инҳоянд:

– баланд бардоштани маърифати ҳуқуқии аҳолӣ;
– таҳкими тарбияи шаҳрвандӣ ва ахлоқӣ;
– таъмини шуғли ҷавонон;
– рушди фарҳанги амнияти рақамӣ;
– пешгирии радикализатсия ва экстремизм;
– муборизаи бо коррупсия.

Масалан, ворид намудани барномаҳои таълимии «амнияти рақамӣ» дар муассисаҳои таълимӣ метавонад сатҳи ҷабрдидагонро аз қаллобии интернетӣ коҳиш диҳад.

Инчунин, таҳқиқот нишон медиҳанд, ки сатҳи баланди маърифати ҳуқуқӣ бо коҳиши сатҳи ҷиноятқорӣ робитаи мустақим дорад.

Ҳамин тариқ, ҷиноятқорӣ дар замони муосир падидаи мураккаб ва бисёрсамтаи иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ мебошад, ки таҳти таъсири равандҳои ҷаҳонишавӣ ва рушди технологияҳои рақамӣ мунтазам тағйир меёбад.

Дар чунин шароит муқовимат ба ҷиноятқорӣ бояд, ба таҳқиқоти илмӣ такя намояд, хусусияти комплексӣ дошта бошад, ҳамгироии назария, қонунгузорӣ ва амалияро таъмин намояд, ба профилактика ва пешгирии ҷиноят афзалият диҳад, истифодаи технологияҳои муосирро дар доираи қонун таъмин намояд.

Танҳо дар сурати муттаҳид намудани иқтидори илмӣ, ҳуқуқӣ, техникӣ ва байналмилалӣ метавон ба муқовимати самаранок бар зидди ҷиноятқорӣ ноил гардид ва амнияти устувори ҷомеа ва давлатро таъмин намуд.

Иштирокчиён ва меҳмонони муҳтарам

Бори дигар ба ҳар як иштирокчии ин конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ барои ташриф ва саҳми арзишмандашон дар баррасии масоили мубрами ҳуқуқӣ изҳори сипоси бепоён менамоям.

Мо итминони комил дорем, ки ҳамоиши имрӯза танҳо як майдони мубодилаи афкор бокӣ намонда, балки ба як маркази тавлиди ғояҳои нав ва созанда табдил хоҳад ёфт. Маҳз чунин мубоҳисаҳои илмӣ имкон медиҳанд, ки:

– *муаммоҳои ниҳонӣ ошкор мегарданд, яъне,* монеаҳои назариявию амалие, ки дар раванди татбиқи қонунгузорӣ мавҷуданд, тавассути таҳлили интиқодии Шумо роҳҳои ҳалли худро пайдо кунанд;

– *қонунгузорӣ такмил меёбад, яъне,* пешниҳодҳои дар ин конференсия садомедода ҳамчун заминаи боэътимоди илмӣ барои ислоҳоти минбаъдаи қонунгузории кишвар амон хизмат менамоянд;

– *ҳамкориҳои байналмилалӣ тақвият меёбанд, яъне,* таҷрибаи муштараки олимони ватанию хориҷӣ дар муқовимат ба ҷиноятқорӣ заминаи амнияти фаромиллиро устувор мегардонад.

Бигзор натиҷаҳои ин конференсия дар рушди илми ҳуқуқшиносӣ ва таҳкими адолати судӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон саҳифаи наверо боз намоянд.

Ба кори ҳамоиш муваффақиятҳои беназир ва ба ҳамаи Шумо дар ҷодаи таҳқиқу омӯзиши ҳуқуқ дастовардҳои навбанавро орзумандам.

СУХАНИ ИФТИТОҲӢ

АЛИЗОДА ЗАРИФ
Ёрдамчии Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба масъалаҳои ҳуқуқӣ, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор / Помощник Президента Республики Таджикистан по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

Муҳтарам иштирокчиёни конференсия, дӯстон ва меҳмонони гиромӣ!

Сараввал, мехостам ташрифи Шумо, меҳмонони гиромиқадрро ба конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ дар мавзуи «Масоили мубрами назария, қонунгузорӣ ва амалияи муқовимат ба ҷиноятқорӣ дар замони муосир», ки ба ҷашни 35-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон бахшида шудааст, хайрамақдам гӯям.

Махсусан қайд менамоям, ки ноил гардидан ба Истиқлолияти давлатӣ, роҳи бунёди ҷомеаи ҳуқуқбунёд, демократӣ, дунявӣ ва ягонаро фароҳам сохт. Барои амалисозии ин мақсади наҷиб, таҳқиқу баррасӣ ва омӯзиши асосҳои ҳуқуқии бунёди давлатдории навин аз муҳимтарин аркони давлати соҳибистиқлол мебошад. Тавре Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон қайд намудаанд: «... инсон ва ҳуқуқу озодиҳои ӯ ҷавҳари асосии сиёсати давлатро ташкил медиҳад, вале амалӣ намудани ин ҳадафҳои олӣ бе қонунҳои муосири ҷавобгӯи талаботи ҷомеаи демократӣ ва танзимкунандаи фаъолияти бонизоми мақомоти давлатӣ ғайриимкон аст».

Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар Паёми навбатии худ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 16-уми декабри соли 2025 зикр намуданд, ки «Нақши қонунгузорӣ дар амалӣ гардидани хадафҳои стратегии кишвар ва таъмин намудани рушди устувору босуръати он, амнияти ҷомеа ва давлат, таҳкими суботу оромӣ ва ваҳдати миллӣ басо муҳим ба шумор меравад. Аз ин рӯ, таҳлили ҳамаҷонибаву пайвастаи қонунгузорӣ ва таҳияи пешниҳодҳо ҷиҳати такмили он барои иҷрои ҳадафҳои стратегӣ ва барномаҳои рушди иқтисодиву иҷтимоӣ ва фарҳангии кишвар зарур мебошад».

Дар шароити ҷаҳонишавӣ, ки раванди хеле босуръат касб намудааст, масъалаи ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд, таъмини қонуният, тартиботу амният ва суботи ҷомеа зарурати бештарро ба миён оварда, мавриди таваҷҷуҳи давлату Ҳукумат, бахусус доираи васеи олимону муҳаққиқон, коршиносони соҳа ва умуман аҳли ҷомеа қарор дорад.

Мақомоти корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон яке аз ниҳодҳои боэътимоду муқтадири ҳифзи ҳуқуқ буда, дар ҳамоҳангию ҳамкорӣ бо дигар мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва сохторҳои низомӣ, ҷиҳати пешгирӣ ва паст намудани сатҳи ҷиноятқорӣ, таъмини тартибот ва амнияти ҷамъиятӣ, муқовимат ба унсурҳои ҷиноятқорӣ, аз ҷумла терроризм, экстремизм, муомилоти ғайриқонунии воситаҳои нашъадор, савдои одамон, коррупсия, ҷиноятқории муташаккилона ва фаромиллӣ, ки бо таъсири тамоюлҳои муосири ҷиноятқорӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба вуҷуд омадаанд, назаррас мебошад.

Бо ин мақсад, яке аз самтҳои афзалиятнок дар ҷодаи фаъолияти илмӣ-таҳқиқотӣ, ин пеш аз ҳама ташкил намудани конфернесияҳои сатҳи ҷумҳуриявӣ ва байналмилалӣ мебошад, ки ба ин масъала диққати масхус дода мешавад.

Ҳайати конференсияи илмӣ-амалии байналмилалии имрӯзаро шумораи васеи олимон ва мутахассисони ватанӣ ва хориҷӣ ташкил медиҳанд. Умедворам, ки чорабинии имрӯза ҷолиб, хотирмон ва яке аз рӯйдодҳои муҳим хоҳад буд. Бо боварии комил гуфта метавонам, ки чорабинии имрӯза баҳри такмили қонунгузории ҷиноятӣ мусоидат хоҳад кард. Он бо мақсади ҳамаҷониба таҳлил намудани масоилаи мушаххаси қонунгузории ҷиноятӣ равона гардида, мавзуҳои дар барнома пешбинишудаи фарогири он ҳадафҳое мебошанд, ки дар дурнамои наздик бояд ҳалли худро ёбанд.

Боварии комил дорем, ки ҳамоиши илмии имрӯза, аз партави сиёсати пешгирифтаи давлату Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон маншаъ гирифта, ба мо имконият фароҳам меоварад, ки бо дарки масъулият мавқеи инкишофи амалия ва назарияи ҳуқуқи ҷиноятиро дар даврони соҳибистиқлолии кишвари азизамон Тоҷикистон муайян намуда, камбудиҳо ва масоили ҳалталаби қонунгузории ҷиноятиро муҳокима ва баҳогузорӣ намоем.

Саволҳо ва мавзуъҳое, ки дар кори конференсия муҳокима карда мешаванд, бешубҳа ба таъмин намудани ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд алоқаманд мебошад. Аз ҷумла, масъалаҳои фаъолияти кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар татбиқ намудани меъёрҳои Кодекси ҷиноятӣ, мушкилиҳои дар амалия ҷойдошта ва пешниҳодҳо оид ба бартараф намудани онҳо, дида баромада мешаванд.

Пешвои муаззами миллат ҳамзамон, дар паёми навбатии хеш ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон таъкид намуданд, ки «Сохторҳои низомӣ ва мақомоти ҳифзи ҳуқуқ бояд вазифаи худро дар самти ҳимояи суботу оромии ҷомеа, амнияту осоиши давлат ва мардуми Тоҷикистон бо садоқат ба давлат ва халқи кишвар таъмин намоянд».

Аз ин лиҳоз, итминон дорем, ки конференсияи имрӯза, пеш аз ҳамма баҳри баланд бардоштани савияи дониши ҳуқуқии ҷиноятии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва муҳассилини соҳаи ҳуқуқшиносӣ равона гардида, кормандони мақомоти судӣ, прокуратура, корҳои дохилӣ, амният, агентиҳои назорати маводи нашъаовар, назорати давлатии молиявӣ ва мубориза бо коррупсияро водор месозад, ки қонуният, тартибот ва суботу оромии ҷомеаро дуруст таъмин намоянд, содиршавии ҷиноятҳоро сари вақт пешгирӣ намоянд, ҷиноятро ошкор кунад, сабабу омилҳои содиршавии онҳоро муайян ва бартараф созанд.

Боис ба зикр аст, ки қабули Кодекси ҷиноятӣ яке аз дастовардҳои муҳимми давлати соҳибистиқлоли мо ба ҳисоб рафта, дар таҳкими волоияти қонун, ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, мубориза бар зидди ҷиноятқорӣ ва таъмини адолати иҷтимоӣ нақши калидӣ дорад. Ин санади муҳимми ҳуқуқӣ заминаи устувори сиёсати ҳуқуқии давлатро фароҳам оварда, ба рушди низоми муосири ҳуқуқӣ мусоидат менамояд.

Имрӯз, дар шароити ҷаҳонишавӣ ва таҳаввулоти босуръати ҷомеаи байналмилалӣ, ҳамкории давлатҳо дар самти такмили қонунгузории ҷиноятӣ аҳаммияти бештар касб намудааст. Маҳз чунин ҳамоишҳо имконият медиҳанд, ки

таҷрибаи пешқадами байналмилалӣ, дастовардҳои илмӣ ва роҳҳои самараноки муқовимат ба ҷиноятҳои муосир мавриди баррасӣ қарор гиранд.

Итминон дорам, ки ҳамоиши илмии имрӯза ба мо имконият фароҳам меоварад, ки бо дарки масъулият инкишофи назария ва амалияи ҳуқуқи ҷиноятиро муайян намуда, камбудиҳо ва масоили ҳалталаби қонунгузории ҷиноятиро муҳокима ва хулосабарорӣ менамоем.

Гузаронидани чунин конференсияҳо дар сатҳи байналмилалӣ барои ҳамоҳанг ва рушди қонунгузории ҷиноятии давлатҳои аъзои Иттиҳоди давлатҳои мустақил боз як такони ҷиддие мебахшад. Ба ҳамаи иштирокчиёни ҳамоиши байналмилалӣ ва дар кори конференсия бурдборӣ орзу менамоям.

Боиси сарфарозист, ки Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ташкил ва баргузор намудани чунин конференсияҳои сатҳи байналмилалидошта пешқадам буда, бо ин восита дар такмил додани низоми қонунгузорӣ саҳми хешро пайваста мегузорад.

Ҳозирини гиромӣ!

Ташкили конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ бори дигар аз он шаҳодат медиҳад, ки Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар меҳвари фаъолияти худ мақсади боз ҳам мустаҳкамтар намудани мавқеи қонунгузории ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, рушд ва такмили онро пеша намудааст.

Дар охир, ба кори конференсия ва иштирокчиёни он ҷиҳати расидан ба мақсадҳои хеш муваффақият орзу менамоям.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

БЕРДИАЛИЕВ БАХТИЁР ЭРКИНОВИЧ
Начальник Исследовательского института криминологии Республики Узбекистан, доктор философии права (PhD), полковник / Сардори Донишкадаи таҳқиқоти криминологии Ҷумҳурии Ӯзбекистон, доктори фалсафаи ҳуқуқшиносӣ (PhD), полковник

Уважаемый господин министр!
Уважаемые коллеги!

Прежде всего, позвольте выразить искреннюю признательность за приглашение и возможность принять участие в международной конференции, посвящённой актуальным вопросам теории, законодательства и практики противодействия преступности в современных условиях.

Современный этап мирового развития характеризуется глубокими технологическими, социально-экономическими и информационными трансформациями, которые формируют принципиально новую среду функционирования государства и общества. Эти изменения неизбежно отражаются на состоянии и динамике преступности.

Преступность, сохраняя свою социальную природу, претерпевает качественную трансформацию. Она приобретает новые формы, становится более гибкой, технологически оснащённой и сложно выявляемой. Наиболее значимой тенденцией выступает её транснационализация и цифровизация. Использование информационно-коммуникационных технологий, анонимных сетевых платформ и глобальных финансовых инструментов существенно повышает мобильность преступных структур, их латентность и устойчивость к традиционным мерам противодействия.

В результате формируется качественно новая криминальная среда, отличающаяся высокой адаптивностью и способностью к быстрому освоению достижений научно-технического прогресса. Это объективно снижает эффективность преимущественно реактивных моделей реагирования и усиливает проблему скрытой преступности.

В этих условиях становится очевидным, что традиционные подходы уголовно-правового воздействия уже не в полной мере отвечают современным вызовам. Проблематика преступности выходит за рамки исключительно уголовного права и приобретает комплексный характер, затрагивая вопросы национальной безопасности, устойчивости государственных институтов и защиты фундаментальных прав человека.

Особую актуальность приобретают киберпреступность, транснациональная организованная преступность, финансовые мошенничества, незаконный оборот цифровых активов, а

также формы информационно-психологического воздействия в цифровой среде. Одновременно развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий формирует как новые возможности для общества, так и новые криминогенные риски.

Следовательно, объективной необходимостью становится системная трансформация подходов к противодействию преступности. Она должна включать как системное совершенствование национального законодательства, так и развитие международного сотрудничества, поскольку современные угрозы по своей природе являются трансграничными.

В этих условиях возрастает роль юридической науки и криминологического сообщества. Современная криминология должна развиваться как наука прогностического типа, способная моделировать развитие криминогенной ситуации, обеспечивая научное сопровождение государственной политики в сфере безопасности.

Ключевое значение приобретает междисциплинарный подход. Исследование современной преступности невозможно без интеграции знаний права, социологии, психологии, экономики и информационных технологий. Только такая комплексная методология позволяет выявлять глубинные детерминанты преступности и формировать эффективные меры её предупреждения.

Следует подчеркнуть, что в условиях цифровой трансформации меняется сама система объектов уголовно-правовой охраны. Наряду с традиционными общественными отношениями возрастающее значение приобретают информационная безопасность, защита персональных данных, цифровой суверенитет и устойчивость критической инфраструктуры. В этих условиях уголовное право всё в большей степени приобретает превентивно-стратегический характер.

Эффективность противодействия преступности во многом определяется уровнем доверия общества к государственным институтам. Поэтому устойчивость правопорядка должна обеспечиваться, прежде всего, системой профилактики правонарушений. Она должна включать развитие системы образования, укрепление института семьи, поддержку молодёжи и формирование устойчивой правовой культуры общества.

Особую обеспокоенность вызывает вовлечение молодёжи в экстремистскую, радикальную и киберпреступную деятельность. В условиях глобального информационного пространства молодое поколение становится одной из наиболее уязвимых социальных групп. В этой связи ключевое значение приобретает формирование устойчивых ценностных ориентиров, гражданской ответственности и высокого уровня правосознания.

Одновременно современные вызовы объективно требуют дальнейшего укрепления международного научного и правоохранительного взаимодействия.

Международные конференции в этом контексте выступают важнейшей площадкой для обмена опытом, выработки согласованных подходов и развития сотрудничества в сфере безопасности.

Уважаемые коллеги!

Следует отметить, что современная юридическая наука и правоохранительная практика функционируют в условиях качественно новых вызовов, требующих системного, междисциплинарного и опережающего подхода.

Убеждён, что результаты научных дискуссий внесут значимый вклад в развитие теории, совершенствование законодательства и повышение эффективности практики противодействия преступности как на национальном, так и на международном уровнях.

Позвольте ещё раз выразить благодарность организаторам конференции за высокий уровень подготовки мероприятия и пожелать всем участникам плодотворной работы, конструктивного научного диалога и новых достижений.

СУХАНИ ИФТИТОҲӢ

САИДВАЛИЗОДА БАРНО САИДНАБӢ
Раиси Кумитаи Маҷлиси намояндагон Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба илм, маориф, фарҳанг ва сиёсати ҷавонон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, генерал-майори милитсия / Председатель Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан по науке, образованию, культуре и молодёжной политике, кандидат юридических наук, генерал-майор милиции

Муҳтарам намояндагони мақомоти давлатӣ ва ҳифзи ҳуқуқ!
Муҳтарам олимон, коршиносон ва иштирокчиёни конференсия!
Хонумон ва ҷанобон!

Имрӯз Ҷумҳурии Тоҷикистон дар марҳилаи нави таҳкими давлатдории миллӣ қарор дорад. 35 соли Истиқлолияти давлатӣ - ин роҳи пурифтихори ташаккули давлат, таҳкими ваҳдати миллӣ ва пойдории қонуният мебошад.

Мо хуб дарк менамоем, давлате пешрафта ва устувор аст, ки қонун дар он воло бошад, адолат таъмин гардад ва амният кафолат дода шавад. Имрӯз таҳдидҳо хусусияти нав гирифтаанд - ҷиноятқорӣ дигар танҳо масъалаи дохилӣ нест. Он ба омили таъсиргузор ба амнияти миллӣ, суботи сиёсӣ ва рушди устувори давлатҳо табдил ёфтааст. Терроризм, экстремизм, ҷиноятқории фаромиллӣ, ҳамлаҳои киберӣ ва муомилоти ғайриқонунии маводи мухаддир — таҳдидҳое мебошанд, ки сарҳад намешиносанд ва ба амнияти ҷаҳонӣ хатари ҷиддӣ эҷод менамоянд.

Ҷаҳон ба марҳилаи нави рақобатҳои геополитикӣ ва таҳдидҳои гибридӣ ворид гардидааст. Дар чунин шароит, масъалаи таҳкими давлатдорӣ ва ҳифзи манфиатҳои миллӣ аҳаммияти стратегӣ касб мекунад. Таҷрибаи ҷаҳонӣ собит намудааст, ки амнияти давлат бидуни қонунияти устувор таъмин намегардад. Ва қонуният бидуни давлати қавӣ пойдор наметонад.

Ҷумҳурии Тоҷикистон аз рӯзҳои аввали соҳибистиқлолӣ мубориза бо ҷиноятқорӣ ва таҳкими тартиботи ҳуқуқиро самти афзалиятноки сиёсати давлатӣ муайян намуд. Бо сиёсати хирадмандона ва дурандешонаи Пешвои муаззами миллат, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар кишвар заминаҳои муосири давлати ҳуқуқбунёд ташаккул ёфтанд, суботи сиёсӣ таъмин гардид ва низоми мақомоти ҳифзи ҳуқуқ таҳким пайдо кард. Қонунгузории миллӣ ба меъёрҳои байналмилалӣ мутобиқ гардонида шуд. Имрӯз Тоҷикистон ҳамчун давлати соҳибихтиёр, сулҳпарвар ва ташаббускор дар арсаи байналмилалӣ мавқеи устувори худро дорад. Маҳз сиёсати устувори давлатӣ имкон дод, ки Тоҷикистон дар шароити бисёр мураккаби минтақа амният, ваҳдати миллӣ ва

суботи ҷомеаро ҳифз намояд. Ин дастоварди бузурги сиёсӣ ва таърихии давлати тоҷикон мебошад.

Муҳтарам ҳозирин!

Имрӯз мо бояд воқеъбинона эътироф намоем, ки таҳдидҳои муосир шаклу усулҳои нав гирифтаанд. Ҷиноятқорӣ ба фазои рақамӣ ворид шудааст. Идеологияҳои ифротӣ тавассути шабакаҳои иҷтимоӣ паҳн мегарданд. Гурӯҳҳои ҷиноятии фаромиллӣ аз технологияҳои муосир истифода мебаранд. Ҷангҳои иттилоотӣ, таблиғоти ифротгароӣ ва таҳдидҳои киберӣ ба яке аз масъалаҳои калидии амнияти ҷаҳонӣ мубаддал шудаанд. Аз ин рӯ, имрӯз танҳо доштани механизмҳои анъанавии мубориза кофӣ нест. Замони муосир аз мо тафаккури нав, сиёсати ҳуқуқии нав ва равишҳои муосири муқовимат ба ҷиноятқориро тақозо менамояд. Қонунгузорӣ бояд пешгӯинашавандаи таҳдидҳоро пешбинӣ карда тавонад. Сохторҳои давлатӣ бояд ҳамоҳанг амал намоянд. Илм бояд ба амният хидмат кунад. Маориф бояд тафаккури ҳуқуқиро ташаккул диҳад. Ҷомеа бояд дар ҳифзи субот шарики давлат бошад. Маҳз бо ҳамин ҳадаф Ҷумҳурии Тоҷикистон қонунгузории худро пайваста такмил медиҳад ва ба санадҳои муҳими байналмилалӣ ҳамроҳ мегардад.

Тоҷикистон ҳамчун узви фаъоли Созмони Милали Муттаҳид ҷонибдори таҳкими ҳамкориҳои байналмилалӣ дар мубориза бар зидди терроризм, экстремизм, коррупсия, ҷиноятҳои фаромиллӣ ва таҳдидҳои киберӣ мебошад. Мо бар он назарем, ки имрӯз ҳеҷ давлат наметавонад танҳо ва дар алоҳидагӣ бар зидди ҷиноятқории муосир мубориза барад. Таҳдидҳои глобалӣ - ҷавоби глобалӣ талаб мекунанд. Аз ин рӯ, ҳамоҳангии байналмилалӣ, мубодилаи иттилоот, ҳамкориҳои илмӣ, ҳамгироии ҳуқуқӣ ва эътимоди мутақобилаи давлатҳо аҳаммияти ҳалкунанда доранд.

Ҳамзамон, дар ташаккули низоми муосири таъмини амнияти миллӣ ва муқовимат ба таҳдидҳои замони муосир, нақши Парламенти кишвар калидӣ ва муайянкунанда мебошад. Маҳз Парламент тавассути қабули санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ заминаҳои ҳуқуқии ҳифзи давлат, суботи ҷомеа ва амнияти шаҳрвандонро ташаккул медиҳад. Қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба терроризм», «Дар бораи муқовимат ба экстремизм», «Дар бораи амният», «Дар бораи милитсия», «Дар бораи мудофиа», «Дар бораи воситаҳои нашъадор, моддаҳои психотропӣ ва прекурсорҳо», инчунин Кодекси ҷиноятӣ, Кодекси мурофиавии ҷиноятӣ ва Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ — пояҳои асосии сиёсати давлатӣ дар самти ҳифзи тартиботи ҳуқуқӣ ва муқовимат ба таҳдидҳои муосир мебошанд. Ин санадҳо танҳо маҷмуи меъёрҳои ҳуқуқӣ нестанд.

Инҳо кафолати ҳуқуқии ҳифзи давлатдорӣ, суботи сиёсӣ ва амнияти миллӣ мебошанд. Маҳз ҳамин заминаи ҳуқуқӣ имкон медиҳад, ки давлат ба таҳдидҳои терроризм, экстремизм, ҷиноятқории муташаккил, гардиши ғайриқонунии маводи мухаддир ва ҷиноятҳои киберӣ вокуниши саривақтӣ ва муассир нишон диҳад.

Дар шароити муосир, ки таҳдидҳо хусусияти глобалӣ ва гибридӣ гирифтаанд, қонунгузорӣ бояд на танҳо ҷавобгӯ ба талаботи имрӯз, балки кафили амнияти фардо бошад.

Аз ҳамин лиҳоз, таҳкими қонунгузорӣ, мутобиқсозии он ба меъёрҳои байналмилалӣ ва такмили пайвастаи механизмҳои ҳуқуқии ҳифзи давлат – вазифаи стратегии Парламент ба ҳисоб меравад. Зеро давлате қавӣ аст, ки қонуни он қавӣ бошад. Ва ҷомеае устувор аст, ки шаҳрванд дар паноҳи қонун худро эмин эҳсос намояд.

Муҳтарам иштирокчиёни конференсия!

Мо набояд фаромӯш кунем, ки амният танҳо бо қувва таъмин намегардад. Амният, пеш аз ҳама, аз адолат, қонуният ва эътимоди ҷомеа ба давлат сарчашма мегирад. Ҳар қадаре ки шаҳрванд ба қонун эҳтиром дошта бошад, ҳамон андоза давлат устувор хоҳад буд. Ҳар қадаре ки ҷавонон соҳиби маърифати баланд, худшиносии

миллӣ ва масъулияти шаҳрвандӣ бошанд, ҳамон андоза ҷомеа аз таҳдидҳои ифротгароӣ ва ҷиноятқорӣ эмин мемонад. Аз ин лиҳоз, масъалаи тарбияи ҳуқуқии ҷавонон, таҳкими фарҳанги сиёсиву ҳуқуқӣ ва баланд бардоштани масъулияти шаҳрвандӣ бояд ба масъалаи стратегии давлат табдил дода шавад.

Муҳтарам ҳозирин!

Конференсияи имрӯза на танҳо майдони мубодилаи афкор, балки фазои ташаккули андешаҳои нави илмӣ ва ҳуқуқӣ мебошад. Мо бояд дарки дақиқ дошта бошем, ки ояндаи амният танҳо дар ихтиёри мақомоти ҳифзи ҳуқуқ нест. Ояндаи амният дар ихтиёри илм, маориф, маърифат, технология ва тафаккури ҳуқуқии ҷомеа қарор дорад.

Аз ҳамин нуқтаи назар, вазифаи мо - ташаккули низоми муосири муқовимат ба ҷиноятқорӣ мебошад, ки ба арзишҳои миллӣ, манфиатҳои давлатӣ ва меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ такя намояд.

Итминони комил дорам, ки натиҷаҳои ин конференсия барои такмили қонунгузории миллӣ, таҳкими сиёсати давлатӣ дар самти амният ва густариши ҳамкориҳои байналмилалӣ саҳми арзишманд хоҳанд гузошт.

Дар фарҷом, ба ҳамаи иштирокчиён барои ҳузур ва саҳми арзандаашон изҳори сипос намуда, ба кори конференсия муваффақият ва ба ҳамаи Шумо саломатӣ, саодатмандӣ ва комёбиҳои нав орзу менамоям.

СУХАНИ ИФТИТОҲӢ

НАСУРИЁН ПУЛОД АСАДУЛЛО
Сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, генерал-майори милитсия / Начальник Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, генерал-майори милитсия

Ассалому алайкум, меҳмонони арҷманд, олимон ва ҳуқуқшиносони гиромӣ!
Ҳамкорони азиз ва иштирокчиёни конференсия!

Пеш аз ҳама, ҳамаи шуморо ба Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон хайрамақдам мегӯям.

Имрӯз мо дар остонаи як рӯйдоди муҳими таърихӣ – 35-солагии Истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон қарор дорем. Маҳз ба шарофати ин неъмати бебаҳо ва сиёсати хирадмандону дурбинонаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон, имрӯз илми ҳуқуқшиносии тоҷик ба зинаи нави рушд ворид гардида, ҳамкориҳои байналмилалии мо бо кишварҳои аъзои ИДМ ва ҷаҳон густариш ёфтааст.

Баргузории аввалин конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ дар ин сатҳ, нишонаи таваҷҷуҳи хоссаи давлат ва ҳукумат ба масъалаҳои таъмини волоияти қонун ва мубориза бо ҷиноятқорӣ мебошад.

Муҳтарам иштирокчиён!

Мавзуи имрӯзаи мо – «Масоили мубрами назария, қонунгузорӣ ва амалияи муқовимат ба ҷиноятқорӣ дар замони муосир» танҳо як мавзуи илмӣ нест, балки ин як зарурати ҳаётии таъмини амнияти миллӣ ва суботи ҷомеа мебошад.

Дар тӯли солҳои Истиқлол, қонунгузории ҷиноятии Тоҷикистон роҳи пуршараферо тай намуд. Мо аз мероси ҳуқуқии гузашта гузашта, ба сӯйи кодификатсияи навини ҳуқуқӣ қадам гузоштем, ки он ба арзишҳои умумибашарӣ ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон нигаронида шудааст.

Таърихи рушди қонунгузории ҷиноятӣ ба мо нишон медиҳад, ки қонун набояд шахшуда бошад. Он бояд бо набзи ҷомеа тағйир ёбад. Имрӯз, ки ҷаҳон бо таҳдидҳои нави трансмиллӣ, терроризм, экстремизм ва ҷиноятҳои киберӣ рӯ ба рӯ аст, илми ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва ҳуқуқи иҷрои ҷазои ҷиноятӣ вазифадоранд, ки механизмҳои нави муқовиматро пешниҳод намояд.

Муҳтарам ҳозирин!

Таҳқиқоти муназзам ва ҳамаҷонибаи қонунгузории ҷиноятӣ яке аз самтҳои афзалиятноки фаъолияти илмиву амалии мақомоти корҳои дохилӣ ба шумор рафта, дар ин ҷода саҳми Вазири корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшинос, дотсент, генерал-полковники милитсия, муҳтарам Раҳимзода Рамазон Ҳамро ниҳоят назаррас мебошад.

Мавсуф ҳанӯз аз соли 1998, бо Амри Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон, ба сифати узви фаъоли гурӯҳи корӣ дар таҳияи тафсири Кодекси ҷиноятии кишвар ширкати бевосита доштанд. Натиҷаи фаъолияти пурмаҳсули илмии эшон дар таълифоти бунёдие, чун тафсири меъёрҳои «Ҷиноятҳо дар соҳаи иқтисодиёт» (2001), «Тафсири Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон» (2006) ва асари сеҷилдаи муҳташами «Ҳуқуқи ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон» (2023), инчунин даҳҳо монографияву китобҳои дарсӣ таҷассум ёфтаанд, ки имрӯз ҳамчун сарчашмаҳои муътамади илмӣ хидмат менамоянд.

Меҳмонони арҷманд!

Дар доираи конференсияи имрӯза мо якчанд меҳварҳои асосиро баррасӣ хоҳем кард, ки ҳар кадоме дар низоми ҳуқуқии мо ҷойи махсус доранд:

А) Сиёсати ҳуқуқии ҷиноятӣ ва Қисми умумии ҳуқуқ

Сиёсати ҳуқуқии ҷиноятии давлат ифодагари иродаи сиёсии мо дар роҳи инсонпарварӣ ва адолати иҷтимоӣ мебошад. Мо бояд масъалаҳои мубрами Қисми умумиро, аз ҷумла асосҳои ҷавобгарии ҷиноятӣ, низоми ҷазо ва озод кардан аз ҷавобгариро дар заминаи ислоҳоти ҳуқуқӣ аз нав бознигарӣ кунем.

Б) Масоили Қисми махсус ва зуҳуроти нави ҷиноятқорӣ

Ҷиноятқории замони муосир мураккаб ва «зеҳнӣ» шуда истодааст. Аз ин рӯ, таҳлили меъёрҳои Қисми махсус, ки ҷиноятҳо ба зидди амнияти ҷамъиятӣ, асосҳои сохти конститутсионӣ, иқтисодиёт ва сулҳу амнияти инсониятро фаро мегиранд, аҳамияти стратегӣ дорад.

В) Ҳамкориҳои байналмилалӣ ва таҷрибаи ИДМ

Ҳузури намояндагони кишварҳои аъзои ИДМ дар ин толор боиси ифтихори мост. Ҷиноятқорӣ сарҳад надорад. Аз ин рӯ, таҳлили ҳуқуқӣ-муқоисавӣ ва мубодилаи таҷриба бо ҳамкорон аз хориҷи кишвар имкон медиҳад, ки мо стандартҳои ягонаи мубориза бо ҷиноятқориро дар фазои Авруосиё таҳия кунем. Таъсири санадҳои байналмилалӣ ба қонунгузории миллӣ бояд бо дарназардошти манфиатҳои миллии мо амиқ омӯхта шавад.

Яке аз масъалаҳои муҳим, ки имрӯз баррасӣ мешавад, ин сиёсати иҷрои ҷазои ҷиноятӣ мебошад. Мақсади ҷазо на танҳо муҷозот, балки ислоҳ ва ба ҷомеа баргардонидани шахс аст. Мо бояд роҳҳои самараноки рафъи такрори ҷиноятро (рецидив) пайдо кунем.

Дар ин ҷо нақши криминология бениҳоят калон аст. Мо набояд танҳо бо оқибатҳои ҷиноят мубориза барем, балки бояд сабаб ва шароитҳои ба он мусоидаткунандаро пешгирӣ кунем. Криминология ҳамчун таълимот дар бораи ҷиноят бояд ба амалияи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ тавсияҳои илман асоснок пешниҳод намояд.

Конференсияи имрӯзаи мо майдони озоди баҳсу мунозираҳои илмӣ мебошад. Мо итминон дорем, ки дар ин ҷо тавсияҳои муфид барои такмили Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ таҳия хоҳанд шуд.

Иштироки олимон, намояндагони Дастгоҳи Иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, судяҳо, адвокатҳо ва кормандони амалияи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ кафолати он аст, ки ин нишаст на танҳо характери назариявӣ, балки амалӣ низ дорад.

Бо ҳамин ниятҳои нек, мо кори I-умин конференсияи илмӣ-амалии байналмилалиро зери унвони «Масоили мубрами назария, қонунгузорӣ ва амалияи муқовимат ба ҷиноятқорӣ дар замони муосир» кушода эълон менамоем.

Ба ҳамаи Шумо дар роҳи кашфиёти илмӣ, мубодилаи афкор ва таҳкими қонуният дар кишварҳоямон барору комёбиҳо таманно дорам!

Ба кори конференсия муваффақият мехоҳам!
Саломат бошед!

ТАҲҚИҚОТИ ИЛМИИ ДОКТОРОН ВА НОМЗАДОНИ ИЛМҲО
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКТОРОВ И КАНДИДАТОВ НАУК

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

МАСЪАЛАҲОИ МУБРАМИ РУШДИ ҚОНУНГУЗОРИИ МУРОФИАВӢ-ҶИНОЯТИИ РОССИЯ

ЗАЙЦЕВ ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ
Главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации / Ходими калони илмии маркази қонунгузории ҷиноятӣ ва мурофиавӣ-ҷиноятии Институти қонунгузорӣ ва ҳуқуқшиносии муқоисавии назди Ҳукумати Федератсияи Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор, Ходими шоистаи илми Федератсияи Россия
E-mail: crim@izak.ru

В современной юридической литературе отмечается значительное отставание уголовно-процессуального законодательства от реально сложившейся социально-экономической ситуации, появившихся новых вызовов и угроз национальной безопасности[1]. В связи с этим возникает необходимость проведения фундаментальных исследований, направленных на формирование инновационных подходов и решений, связанных с дальнейшим развитием российского уголовно-процессуального законодательства[2].

При этом необходимо принимать во внимание историко-теоретические закономерности как важный фактор функционирования права, а также критические оценки законодательства, как России, так и зарубежных стран. Важно учитывать все этапы развития уголовно-процессуального закона – от идеи, правотворчества, правоприменения до оценки эффективности правовых воздействий и их последствий[3]. Нуждаются в тщательном исследовании системообразующие принципы уголовного судопроизводства, определении допустимости их дальнейшего применения. Следует принимать во внимание реальные возможности ресурсного обеспечения и организационного характера; напрямую увязывать их с конкретными целями и задачами, стоящими перед современным правосудием.

Нельзя не упомянуть Концепцию судебной реформы 1991 г., положения которой сыграли свою положительную роль в развитии уголовно-процессуального законодательства. Они оживили теоретические и законодательные поиски в целях решения вопросов модерни-

[1] Тихомиров, Ю.А. Способы преодоления критических ситуаций как диформирующего фактора развития государства и мирового сообщества / Ю.А. Тихомиров // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 1. – С. 13-15.
[2] Зайцев, О.А. Обеспечение конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства в условиях пандемии «COVID-19» / О.А. Зайцев // Журнал российского законодательства. – 2022. – № 11. – С. 91-108.
[3] Дорошков, В.В. Разумное сочетание публичного и частного в уголовном судопроизводстве / В.В. Дорошков // Журнал российского права. – 2023. – № 1. – С. 31-41.

зации уголовного судопроизводства, а также деятельности суда и правоохранительных органов по противодействию преступности[1].

Ряд основополагающих идей Концепции судебной реформы 1991 г. нашли свое дальнейшее развитие при разработке нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) 2001 г. в части усиления гарантий обеспечения прав и законных интересов личности в ходе производства по уголовному делу, организации правосудия в рамках уголовного судопроизводства. Однако в последующем законодатель сделал некоторые уступки от имеющихся гарантий законности, которые выразились в упрощении процессуальных форм уголовного судопроизводства; ограничении отдельных полномочий прокурора; ликвидации контрольных функций стадии предания суду, увеличении объема единоличного рассмотрения уголовных дел в суде и др.

В результате проведенных исследований были предложены различные теоретические концепции модернизации уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. В частности, изучение теории уголовно-процессуального права, опыта совершенствования законодательства об уголовном судопроизводстве в правовых системах зарубежных стран, позволило ученым обосновать следующие концептуальные идеи и предложения:

а) о консолидации Общей части УПК РФ, сосредоточив в ней имеющие общие положения для ряда стадий процесса в целях исключения их дублирования и многократного повторения применительно к полномочиям субъектов уголовно-процессуальных отношений;

б) об освещении в УПК РФ таких вопросов, как порядок направления в специальные учебно-воспитательные учреждения лиц, не достигших возраста уголовной ответственности и совершивших тяжкие общественно опасные деяния; порядок выдачи лиц, обвиняемых в совершении преступлений или осужденных за их совершение; восстановление утраченного производства;

в) о дополнении УПК РФ новыми разделами о производстве в суде присяжных; апелляционном производстве по делам с приговором, не вступившим в законную силу;

г) о более подробном раскрытии в УПК РФ вопросов законодательного регулирования назначения и производства экспертизы; производства по делам несовершеннолетних и применения принудительных мер медицинского характера; предоставления иммунитетов; обеспечения безопасности свидетелей и потерпевших[2].

Большинство из указанных идей и прогнозов были реализованы в новом УПК РФ, введенном в действие с 1 июля 2002 года. Следует отметить, что юридическая общественность неоднозначно отнеслась к его нововведениям. Одни ученые поддержали новый Кодекс и положительно оценили «американизацию» российского уголовного процесса, другие – выступили в качестве противников многих новелл и призвали сохранить сложившееся судопроизводство в русле континентальной традиции, характерной не только для нашей страны, но и для ряда государств Европы[3].

Одним из существенных новаций в уголовно-процессуальном законодательстве стало развитие договорных процедур, которые представляют собой различные формы взаимодействия органов уголовной юстиции с гражданами, общественными институтами, гражданским

[1] Антонов, И.А., Горленко, В.А., Михайлов, Н.Н., Третьяков, И.Л. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации: итоги, состояние, перспективы / И.А. Антонов, В.А. Горленко, Н.Н. Михайлов, И.Л. Третьяков. – СПб.: Изд-во Фонд «Университет», 2006. – С. 5-9.

[2] Кашепов, В.П. Концепция развития уголовно-процессуального законодательства Концепции развития российского законодательства [Кашепов В.П. и др.] – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 1994. – С. 219-233.

[3] См., напр.: Правовая защита потерпевших в зарубежных странах: монография / В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова [и др.]; отв. ред. С.П. Кубанцев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2017. – 304 с.

обществом. Собственно, они и вызвали особую дискуссию среди ученых-исследователей, потому что в них особо проявились процессы конвергенции частного и публичного права[1].

В последние годы в российском уголовно-процессуальном законодательстве выражена тенденция использования современных цифровых технологий. В частности, в наибольшей степени в УПК РФ вносились новеллы относительно внедрения систем видеоконференцсвязи в целях получения показаний подсудимых и ряда других участников уголовного судопроизводства в ходе проведения разбирательства дела в суде первой и вышестоящих инстанций. На законодательном уровне была закреплена возможность изготовления копии судебного решения в формате электронного документа; допускается направление исполнительного листа вместе с копией судебного решения судебному приставу-исполнителю в форме электронного документа, подписанного судьей усиленной квалифицированной электронной подписью.

Потерпевшие наделены правом подавать заявления о преступлениях в электронной форме посредством официальных сайтов правоохранительных органов, а участники процесса – в форме электронного документа в суд ходатайства (жалобы, представления и др.), а также по вопросам, связанным с исполнением судебного акта и приговора. По заявлению субъекта уголовно-процессуальных отношений суд может направить ему копию судебного решения в электронном виде с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Особую актуальность новые законодательные положения, связанные с использованием информационных технологий, приобрели в условиях пандемии COVID-19, оказавшую существенное воздействие на все сферы деятельности (включая уголовно-процессуальную)[2].

Также следует отметить происходящую тенденцию закрепления на законодательном уровне надлежащих уголовно-процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов предпринимателей, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. На протяжении последнего времени законодатель развивает в отношении данной категории лиц наиболее целесообразные процессуальные формы и общие условия возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, судебного разбирательства, разрабатывает новый порядок деятельности судебно-следственных органов, позволяющий эффективно достигать основное назначение уголовного судопроизводства.

Особо значимы происшедшие изменения законодательства в части применения к предпринимателям мер уголовно-процессуального принуждения. По определенным категориям дел введен запрет на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении субъектов предпринимательской деятельности; указаны требования, предъявляемые к рассмотрению ходатайств, заявляемых следственными органами о продлении сроков содержания под стражей.

В целом создается организационно-правовой механизм для лиц, привлекаемых по делам о преступлениях, совершаемым в сфере предпринимательской деятельности; формируется особый процессуальный благоприятный режим, направленный на недопущение принятия незаконных ключевых процессуальных решений со стороны должностных лиц судебно-следственных органов[3].

Несмотря на указанные и другие тенденции изменения уголовно-процессуального законодательства в доктрине права обращается внимание на отсутствие четкой

[1] Зайцев, О.А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве / О.А. Зайцев // Журнал российского права. – 2019. – № 1. – С. 73-81.

[2] Андреева, О.И., Зайцев, О.А., Кудрявцева, А.В. Влияние COVID – 19 на осуществление конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства / О.И. Андреева, О.А. Зайцев, А.В. Кудрявцева // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 5. – С. 786-797.

[3] Зайцев, О.А. Процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей в уголовном судопроизводстве / О.А. Зайцев // Журнал российского права. – 2021. – № 10. – С. 108-126.

государственной научно обоснованной концепции осуществления уголовно-процессуальной политики, призывается к выработке новой стратегии развития уголовного судопроизводства, опирающейся на свои системообразующие основания и компоненты, обусловленные культурно-историческим наследием и духовно-нравственными основами российской общности[1].

В науке уголовно-процессуального права сохраняют живучесть убеждения в чрезмерном влиянии зарубежного законодательства и либеральных идей на отечественное судопроизводство, а также в самобытности советской уголовно-процессуальной модели, чем оправдывается сохранение старых порядков и нежелание менять привычный образ мыслей. Сторонники подобного подхода призывают к монополии следователя на установление истины по уголовному делу, повышенной тайности досудебного доказывания, игнорированию принципа состязательности[2].

В дальнейшем необходимо развивать фундаментальные и прикладные исследования влияния нравственных и духовных ценностей на формирование положений закона, допустимости методов и средств раскрытия и расследования преступлений с позиций профессиональной этики и соответствия моральным нормам. В частности, в первую очередь это касается правового регулирования применения мер уголовно-процессуального принуждения, производства следственных и судебных действий в ходе доказывания по уголовному делу, привлечения лица в качестве обвиняемого и др.[3]

Усиление антироссийских санкций и агрессивности давления со стороны недружественных стран, угрозы террористических атак на критически важные объекты инфраструктуры, рост организованной и транснациональной преступности требуют дальнейшего развития особых процедур в уголовно-процессуальном законодательстве. Нуждаются в совершенствовании уголовно-процессуальные механизмы обеспечения государственного суверенитета. В частности, это касается процессуального порядка выдачи лица для уголовного преследования (или исполнения приговора), находящегося на территории иностранного государства; передачи лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является; производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем и др.

Дальнейшее развитие уголовно-процессуального законодательства не может осуществляться в отрыве от новых цифровых технологий. Их применение в судопроизводстве должно служить не только интересам стороны обвинения, но и повышению процессуальных гарантий обеспечения прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в сферу правосудия. Данное обстоятельство диктует необходимость на законодательном уровне конкретизировать компетенцию и полномочия каждого из участников уголовного судопроизводства относительно возможностей использования информационно-цифровых технологий; предложить новые направления и механизмы реализации правовых отношений; определить пределы дискреции судебно-следственных органов. Требуют дополнительной законодательной регла-

[1] См., напр.: Уголовный закон и экономическая деятельность (соотношение частных и публичных интересов): научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина [и др.]; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. – 392 с.

[2] Пиюк, А.В. Проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации в свете типологии современного уголовного процесса. – Томск, 2011. – С. 43.

[3] См., напр.: Уголовный закон и нравственность: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 29 сентября 2021 г.) / А.И. Бастрыкин, И.М. Рагимов, Х.Д. Аликперов и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИД Юриспруденция, 2022. – 208 с.

ментации процедуры, связанные с изъятием, обработкой, сохранением и представлением в суде электронной информации, которая является доказательством по уголовному делу[1].

Перспективными тенденциями развития уголовно-процессуального законодательства являются:

а) разработка и внедрение новых подходов по устранению имеющейся разбалансированности уголовно-процессуальных функций и правомочий участников уголовного судопроизводства, выступающих на стороне обвинения и защиты;

б) закрепление дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам;

в) совершенствование механизмов предоставления квалифицированной юридической помощи по уголовным делам;

г) создание условий для расширенного применения мер пресечения, альтернативных аресту (в том числе залога);

д) введение новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда и др.

УДК 378.6

ВОЗМОЖНОСТИ И ПОТЕНЦИАЛ ПРОВЕДЕНИЯ КРУПНЫХ НАУЧНЫХ ФОРУМОВ АКАДЕМИЕЙ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН*

ИМКОНИЯТҲО ВА ПОТЕНСИАЛИ БАРГУЗОРИИ ФОРУМҲОИ БУЗУРГИ ИЛМӢ АЗ ҶОНИБИ АКАДЕМИЯИ ВКД ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

РАХМАДЖОНЗОДА РИФАТ РАХМАДЖОН
Заместитель начальника Академии МВД Республики Таджикистан по науке, доктор юридических наук, доцент, полковник милиции / Муовини сардори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба илм, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, полковники милитсия
reefat@yandex.ru

Академия МВД Республики Таджикистан – государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования, находящееся в прямом подчинении Министерства внутренних дел Республики Таджикистан, являющееся его учредителем. Академия МВД Республики Таджикистан сравнительно молодое специализированное высшее учебное заведение. Если взглянуть на историю, то Постановлением Кабинета министров Таджикской ССР от 23 декабря 1991 года, № 372 на базе Душанбинской средней специальной школы милиции МВД СССР была образована Душанбинская высшая школа милиции МВД Республики Таджикистан, которая функционировала до 2000 года. Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 декабря 2000 года, №519 Душанбинская высшая

[1] Андреева, О.И., Зайцев, О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / О.И. Андреева, О.А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 448. – С. 199-207; Зайцев, О.А. Особенности использования электронной информации в качестве доказательств по уголовному делу: сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства / О.А. Зайцев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 4. – С. 42-57.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской темы «Институциональная реформа правозащитной, правоохранительной и судебной деятельности в условиях трансформации политико-правовой организации Республики Таджикистан» (2026-2030)», финансируемую за счет средств государственного бюджета Республики Таджикистан. Регистрационый № 0126TJ01738.

школа милиции МВД Республики Таджикистан была преобразована в Академию МВД Республики Таджикистан[1].

В настоящее время, Академия МВД Республики Таджикистан вносит существенный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов в сфере правоохранительной деятельности. Профессиональная подготовка специалистов различных служб органов внутренних дел и других правоохранительных органов осуществляется Академией МВД Республики Таджикистан в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке. О процессах подготовки отечественных кадров системы МВД Республики Таджикистан активно публикуются различные труды профессорско-преподавательского состава[2].

Основными направлениями деятельности Академии является: учебная, учебно-методическая, научно-исследовательская, воспитательная, издательская, хозяйственная и международная.

Академия МВД Республики Таджикистан осуществляет подготовку специалистов по следующим направлениям: управленческое в сфере правопорядка; оперативно-розыскное; административно-правовое; следственно-криминалистическое; инженерно-техническое; командное.

Профессиональное обучение в Академии МВД Республики Таджикистан сочетается с научно-исследовательской деятельностью и базируется на новейших достижениях организации борьбы с преступностью и обеспечения общественного порядка с учетом новых технологий и передовых методов. Это обеспечивается сочетанием различные методов обучения (теоретических и практических занятий), широким привлечением к учебному и научно-исследовательскому процессу специалистов высокого класса в области фундаментальных и прикладных исследований – педагогов, ученых, практических сотрудников, что свидетельствует о достаточно высоком научном и научно-педагогическом потенциале.

Среди них осуществляют деятельность доктора наук, кандидаты наук, заслуженные юристы Республики Таджикистан, обладатели различных государственных премий в области науки, отличники образования, признанные специалисты отрасли, опытные педагоги и т.д.

Силами профессорско-преподавательского состава Академии МВД Республики Таджикистан издаются учебники, монографии, сборники научных трудов, брошюры, научные статьи, учебно-методические пособия, вносятся ежегодно сотни предложений по совершенствованию законов Республики Таджикистан и других нормативных правовых актов различного уровня и сферы действия и т.д. Об этих показателя профессорско-преподавательского состава более подробнее остановимся далее.

---

[1] Азими, У.А. Кадровое обеспечение органов внутренних дел Таджикистана: историко-правовой анализ: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / У.А. Азими. – Душанбе, 2020. – С. 83, 90-91.

[2] Абдулов, А. М. Единственный учебный центр для руководящих кадров (на тадж. яз.). – Душанбе, 2011. – 68 с.; Рачабзода, Р.М. Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун муассисаи таҳсилотии махсус дар ташаккул ва такмили шуур ва фарҳанги ҳуқуқии касбии кормандони мақомоти корҳои дохилӣ / Р.М. Рачабзода // Осори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 2021. – № 3 (51). – С. 61-85; Шарифзода, Ф. Р. Совершенствование системы подготовки кадров органов внутренних дел Республики Таджикистан для решения задач противодействия внутренним угрозам национальной безопасности / Ф.Р. Шарифзода // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 2 (46). – С. 213-224; Азими, У. А. Актуальные вопросы совершенствования профессионального обучения в учебных заведениях системы МВД Республики Таджикистан / У.А. Азими // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2024 году. – Уфа, 2024. – С. 192-196; Давлатшоева, А. Некоторые теоретические вопросы подготовки кадров для правоохранительных органов Республики Таджикистан / А. Давлатшоева // Вестник Академии образования Таджикистана. – 2025. – № 1 (55). – С. 305-311; Ташрифзода, Ф. К. Особенности образовательной, научной и исследовательской деятельности образовательных учреждений ОВД Республики Таджикистана / Ф.К. Ташрифзода // Вестник института языков. – 2025. – № 2 (58). – С. 379-384; Азими, У. А., Рахмаджонзода, Р. Р., Умари, Х. А. Подготовка и защита диссертации в Республике Таджикистан: монография (на тадж. языке). – Душанбе: «ЭР-граф», 2025. – 160 с.

В настоящее время, профессорско-преподавательский состав Академии МВД Республики Таджикистан осуществляют разработку 4-х научно-исследовательских тем Академии МВД Республики Таджикистан, финансируемых за счет средств государственного бюджета республики:

1. «Особенности профилактики и способы борьбы с проявлениями экстремизма и радикализма в молодежной среде Республики Таджикистан (2023-2027 гг.)» (Государственный регистрационный № 0121TJ1290);
2. «Совершенствование административно-правовой и уголовно-правовой деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан в сфере предупреждения насилия в семье (2023-2027 гг.)» (Государственный регистрационный №0121TJ1291);
3. «Правовое воспитание и политическая культура сотрудников правоохранительных органов в условиях трансформирующегося общества Республики Таджикистан: проблема и стратегия развития (2023-2027 гг.)» (Государственный регистрационный № 0121TJ1289));
4. «Институциональная реформа правозащитной, правоохранительной и судебной деятельности в условиях трансформации политико-правовой организации Республики Таджикистан (2026-2030 гг.)», (Государственный регистрационный № 0126TJ01738).

Ученые-специалисты Академии МВД являются членами различных рабочих групп, как на правительственном, так и на ведомственном уровне. Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что в Академии МВД Республики Таджикистан имеется достаточный высококвалифицированный состав персонала, способный реализовать данный проект. В Академии МВД Республики Таджикистан работает собственный радиоузел, выпускается газета «Набзи милитсия (Пульс милиции)», выходит научный журнал «Труды Академии МВД Республики Таджикистан», который с 2017 года входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК России и ВАК при Президенте Республики Таджикистан, также издаются два научных журнала «Оперативный вестник» и «Вестник Академии МВД Республики Таджикистан».

Отдельного внимания заслуживает организация и проведение ежегодных международных научно-практических конференций «Юридическая наука и практика»[1], «Права человека и глобализация»[2]. По первой конференции, в этом году была организована и проведена уже

[1] Сборник материалов I Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки (г. Душанбе, 29 апреля 2022 г.) // Под ред. д.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2022. – 372 с.; Сборник материалов II Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки (г. Душанбе, 29 апреля 2023 г.) // Под ред. д.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2023. – 316 с.; Сборник материалов III Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки и объявлению “Года правового просвещения” (г. Душанбе, 19 апреля 2024 г.) // Под ред. П.А. Насуриён. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – 468 с. Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки (Душанбе, 18 апреля 2025 г.) // Под ред. П.А. Насуриён. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2025. – 521 с.

[2] Права человека и глобализация: материалы I-ой международной научно-теоретической конференции посвященной 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека // Под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Издательство УМТ и ВС МВД Республики Таджикистан, 2019. – 218 с.; Права человека и глобализация: материалы II-ой международной научно-теоретической конференции, посвященной 71-летию принятия Всеобщей декларации прав человека // Под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2020. – 296 с.; Образование в области прав человека: материалы III-ой международной научно-теоретической конференции, посвященной Дню прав человека // Под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2021. – 391 с.; Права человека и глобализация: материалы IV-ой международной научно-теоретической конференции, посвященной Дню прав человека // Под общ. ред. к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2022. – 348 с.; Права человека и глобализация:

5-я юбилейная конференция, которая собрала видных ученых, практиков и руководителей различного уровня.

По второй нашей конференции, в декабре текущего года будет организована и проведена уже в 9-й раз данная конференция. Указанные конференции стали визитной карточкой Академии МВД Республики Таджикистан. В этих сборниках публикуются как отечественные ученые, молодые кадры, так и наши коллеги, партнеры с других государств. Географический охват позволяет судить о том, что конференции занимают достойное место как на республиканском, так и на международном уровнях.

Отрадно отметить и тот факт, что с других профильных кафедр Академии МВД Республики Таджикистан также стали присматриваться к организации и проведения масштабной конференции. Этому есть несколько причин. Первопричиной является то обстоятельство, что, организуя юбилейные конференции[1], мы стали заложниками и инициаторами традиционности этих направлений. К примеру, уже 21 мая текущего года по инициативе кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета №2 нашей Академии, инициирован вопрос об организации и проведения I-ой международной научно-практической конференции на тему «Актуальные проблемы теории, законодательства и практики противодействия преступности в современный период».

Планируется, что в работе конференции примут участие ученые юристы, представители органов законодательной, исполнительной и судебной властей, адвокатуры, руководители и сотрудники правоохранительных органов, а также представители государств-участников СНГ, заинтересованые в тематике нашей конференции. В ходе конференции планируется рассмотрение следующих вопросов: история развития уголовного законодательства Таджикистана; противодействие преступности в современный период; отражение уголовно-правовой политики в нормах уголовного законодательства и вопросах его реализации; актуальные вопросы Общей части уголовного права; актуальные вопросы Особенной части уголовного права; сравнительно-правовой анализ уголовного законодательства государств-участников СНГ и обмен опытом; влияние международных правовых актов на национальное уголовное законодательство; актуальные проблемы уголовно-исполнительного права; криминология как учение о преступлении; иные актуальные проблемы науки и практики уголовного законодательства.

Надеемся, что следующей инициативой станет организация и проведение уже традиционной конференции по уголовно-процессуальному законодательству. Об этом уже многие

материалы V-ой международной научно-теоретической конференции, посвящённой Дню прав человека // Под общ. ред. д.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: «Контраст», 2023.– 360 с. Материалы VI международной научно-теоретической конференции «Права человека и глобализация», посвященной Дню прав человека // Под общ. ред. д.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода, д.ю.н., доцента Р.Р. Рахмаджонзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – 363 с.; Материалы VII международной научно-теоретической конференции «Права человека и глобализация», посвященной Дню прав человека и объявлению «Года правового просвещения» // Под общ. ред. к.ю.н. П.А. Насуриён, д.ю.н., доцента Р.Р. Рахмаджонзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2025. – 308 с.; Материалы VIII международной научно-теоретической конференции «Права человека и глобализация», посвященной Дню прав человека // Под общ. ред. к.ю.н., доцента П.А. Насуриён, д.ю.н., доцента Р.Р. Рахмаджонзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2026. – 422 с.

[1] Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций: материалы международной научно-практической конференции // Под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 332 с.; 25-летие Уголовного кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы / Материалы международной научно-практической конференции // Под общ. ред. д.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2023. – 294 с.; Уголовное законодательство Республики Таджикистан: история, современность и развитие: материалы республиканской научно-практической конференции // Под общ. ред. к.ю.н., доцента П.А. Насуриён. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2025. – 225 с.

наши коллеги говорят и есть Тот самый задел[1], на основании которого мы сможем стать основоположниками в этой области только на республиканском уровне.

Уверены, что и другие наши направления деятельности, которые проходят апробацию уже стали значимыми конференциями[2]. Именно они становятся своеобразной платформой для обмена мнениями и опытом, а также ориентиром для дальнейших научных изысканий, как для молодых ученых, так и для состоявшихся ученых республики и ряда зарубежных государств.

Поэтапно развиваются различные направления подготовки кадров, где не последнее место занимают учебные и научные труды профессорско-преподавательского состава Академии МВД Республики Таджикистан.

В настоящее время, некоторые учебные издания по оперативно-розыскной деятельности[3], уголовному праву[4], уголовному процессу[5], криминалистике[1], административной дея-

---

[1] Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-практической конференции. – Душанбе: «Ирфон», 2014. – 283 с.; Предварительное расследование и перспективы его развития: материалы международной научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 248 с.; 15-летие Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: состояние и перспективы: сборник материалов международной научно-практической конференции, г. Душанбе, 03 декабря 2024 г. // Под ред. к.ю.н., генерал-майора милиции П.А. Насуриён, д.ю.н., доцента Р.Р. Рахмаджонзода. – Душанбе: Типография Министерство внутренних дел Республики Таджикистан, 2025. – 326 с.; Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: сборник материалов республиканской научно-практической конференции, г. Душанбе, 03 декабря 2025 г. // Под ред. к.ю.н., доцента П.А. Насуриён, д.ю.н., доцента Р.Р. Рахмаджонзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2026. – 184 с.

[2] Современная криминалистика: материалы республиканской научно-практической конференции // под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: «Типография МВД», 2022. – 188 с.; Роль законодательства в реформе милиции: достижения и недостатки: сборник статей республиканской научно-теоретической конференции // Под общ. ред. д.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2023. – 96 с.; Сборник материалов республиканской научно-практической конференции на тему «Противодействие торговли людьми: проблемы и взгляды» (г. Душанбе, 26 октября 2023 года) // Под ред. А. А. Аламшозода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – 250 с.; Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве», посвященной «Году правового просвещения» (г. Душанбе, 10 мая 2024 г.) // Под ред. д.ю.н., доцента Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – 290 с.; Сборник материалов Международной научно-практической конференции на тему «Конституция Республики Таджикистан: эволюция и перспективы развития», посвященную 30-летию принятия Конституции Республики Таджикистан и объявлению “Года правового просвещения” (г. Душанбе, 02 ноября 2024 г.) // Под ред. П.А. Насуриён. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – 318 с.

[3] Рахимов, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2012. – 596 с.; Рахимзода, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). 2-е изд. – Душанбе: «ЭР-граф», 2014. – 692 с.; Рахимзода, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). 3-е изд. – Душанбе: «ЭР-граф», 2015. – 756 с.; Рахимзода, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). 4-е изд. – Душанбе: «ЭР-граф», 2017. – 776 с.; Рахимзода, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность: учебник (на тадж. яз.). 5-е изд. – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. – 776 с.; Рахимзода, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. – Душанбе: «ЭР-граф», 2024. – 736 с.; Рахимзода, Р. Х. Оперативно-розыскная деятельность: краткий курс (на тадж. яз.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2025. – 384 с.

[4] Уголовное право. Общая часть: учебник: в 3 томах. I том / Под общ. ред. д.ю.н., доцента Рахимзода Р.Х. (на тадж. яз.). – Душанбе: «Нашриёти муосир», 2023. – 425 с.; Уголовное право. Особенная часть: учебник: в 3 томах. II том / Под общ. ред. д.ю.н., доцента Рахимзода Р.Х. (на тадж. яз.). – Душанбе: «Нашриёти муосир», 2023. – 640 с.; Уголовное право. Особенная часть: учебник: в 3 томах. III том / Под общ. ред. д.ю.н., доцента Рахимзода Р.Х. (на тадж. яз.). – Душанбе: «Нашриёти муосир», 2023. – 688 с.

[5] Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан: учебник / под ред. Н. С. Мановой, Ю. В. Францифорова, Р. Р. Юлдошева. – Душанбе: «ТАДЖПРИНТ», 2017. – 456 с.; Уголовный процесс: учебник / ответственный редактор Р. Р. Юлдошев. – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 552 с.; Бободжонзода, И. Х., Кудратов, Н. А., Рахмаджонзода, Р. Р., Кодирзода, Т.К., Рустамзода, М. М. Уголовно-процессуальное право: учебник (на тадж. яз.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2024. – 416 с.

тельности органов внутренних дел[2] занимают достойное место среди вузов республики, так как имеют уникальную особенность. Указанной особенностью является в основном подготовка вышеприведенных учебников на двух языках – на таджикском и русском языках соответственно.

Наравне с учебными материалам, активно издаются и монографические исследования[3], комментарии к кодексам и отдельным законодательным актам[4], а также другие научно-

[1] Криминалистика: учебник / отв. ред. А.Ф. Волынский, В.П. Лавров, Р.Х. Рахимзода. – Душанбе, 2021. – 654 с.

[2] Насуриён, П. А., Нуралиев, С. Ш., Нуриддинзода, С. Н. Административная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: учебник. – Душанбе: Издательство «ЭР-граф», 2017. – 376 с.; Административная деятельность органов внутренних дел Республики Таджикистан. Общая и особенная часть: учебник (на тадж. яз.). – Душанбе: «Контраст», 2024. – 836 с.

[3] Рахимзода, Р. Х. Оперативно-розыскная политика в сфере обеспечения экономической безопасности Республики Таджикистан: монография. – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 636 с.; Рахмаджонзода, Р. Р., Ализода, П. Х., Таджали, Д. А. Теоретическая модель уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан: монография. – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. – 236 с.; Рахмаджонзода, Р. Р., Махмадализода, А. М., Арипов, А. Л., Каримов, Э. Х. Актуальные проблемы досудебного производства по материалам и уголовным делам: монография (на тадж. яз.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. – 96 с.; Рахмаджонзода, Р. Р., Абдурашидзода, А. А., Музафаров, С. З., Раджабзода, Дж. И. Преступность. Наказуемость. Судимость: монография / под ред. к.ю.н. Н. М. Самиева. – Душанбе: «ЭР-граф», 2020. – 280 с.; Самиев, Н. М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): монография // Под ред. д.ю.н., профессора В. П. Лаврова. – М.: «Юрлитинформ», 2020. – 152 с.; Шарифзода, Ф. Р. Органы внутренних дел в системе национальной безопасности Республики Таджикистан: монография. – Душанбе: «ЭР-граф», 2021. – 372 с.; Нижник, Н. С., Абдулло, А. Р. Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние: монография. – Душанбе: «Бебок», 2021. – 476 с.; Азими, У. А. Кадровое обеспечение органов внутренних дел Таджикистана: историко-правовой анализ: монография. – Душанбе: Сифат-Офсет, 2022. – 250 с.; Заробиддинзода, С. З. Институт судимости по уголовному законодательству Таджикистана и России: монография // Под ред. профессора Б. В. Епифанова. – Душанбе: «ЭР-граф», 2022. – 300 с.; Тохирзода, О. Т. Особенности производства по уголовным делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): монография. – Душанбе: «Ирфон», 2025. – 240 с.

[4] Солиев, К. Х., Рахимов, Р. Х. Комментарии к преступлениям в сфере экономики. – Душанбе: Матбуот, «Универсал-3», 2001. – 275 с.; Комментарии к Уголовному кодексу Республики Таджикистан / Ответственный редактор Х. Х. Шарипов. – Душанбе: “Глобус”, 2006. – 880 с.; Солиев, К. Х., Шарипов, Т. Ш., Холиков, А. Г., Зоиров, Ш. Ю. Комментарии к Закону Республики Таджикистан «О борьбе с торговлей людьми». – Душанбе, 2007. – 132 с.; Комментарии к отдельным статьям Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан (на тадж. яз.) / под ред. Кахарова А. А. – Душанбе, 2011. – 695 с.; Солиев, К. Х. Комментарий к преступлениям, связанным с торговлей людьми. Душанбе, 2011. – 112 с.; Мирзоахмедов, Ф. А., Алиев, А. Ш., Курбонов, Р. Г., Сафаров, Х. С. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» (на тадж. яз.) // Под редакцией А. Г. Холикова. – Душанбе: «Сифат-Офсет», 2014. – 234 с.; Холико,в А. Г., Холикзода, Дж., Латипов, Н. Р., Хабирова, Т. А., Азимов, Н. Б., Мирзоахмедов, Ф. А., Кохири, С., Алиев, А. Ш. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» (на тадж. яз.) // Под редакцией А. Г. Холикова. – Душанбе: «Контраст», 2014. – 294 с.; Комментарии к Закону Республики Таджикистан «О противодействии торговли людьми и оказания помощи жертвам торговли людьми». – Душанбе: МОМ, 2015. – 506 с.; Маджидзода, Дж. З., Шарифзода, Ф. Р., Ализода, А. Ш., Насуриён, П. А., Махмудов Н. Р. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «О борьбе с организованной преступностью» (на тадж. яз.). – Душанбе: «Андалеб Р», 2015. – 176 с.; Маджидзода, Дж. З. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности. – Душанбе: «Андалеб-Р», 2015. – 440 с.; Юлдошев, Р. Р. Научно-практический комментарий к отдельным главам уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан: монография. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. – 226 с.; Холикзода, А. Г., Шарипов, Т. Ш., Солиев, К. Х., Табаров, Н. А., Гафуриён, А. М. Комментарий к Закону Республики Таджикистан «О противодействии торговли людьми и оказание помощи жертвам торговли людьми». – Душанбе, 2017. – 476 с.; Рекомендации для включения в проект Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019-2021 гг. – Душанбе: Центр по правам человека, 2018. – 85 с.; Научно-практический комментарий к преступлениям в сфере интеллектуальной собственности (на тадж. яз.) / Ответственный редактор Хафиззода Ш. Х. – Душанбе, 2018. – 96 с.

практические материалы[1], заслуживающие пристального внимания и соответствующей оценки.

Изданные труды профессорско-преподавательского состава Академии МВД Республики Таджикистан приведены в соответствующих библиографических изданиях[2], подготовленных к юбилейным периодам деятельности нашего вуза.

В сравнительном плане, подготовка научных кадров за последние несколько лет (2020-2025 гг.) идёт по нарастающей. Защита докторских и кандидатских диссертаций, осуществляются как в республике, так и в крупных научных и учебных центрах МВД Российской Федерации. Так, в 2020 г. защищено 5 кандидатских работ (3 в республике, 2 зарубежом); в 2021 г. – 3 (1 в республике, 2 зарубежом); в 2022 г. – 2 докторские (1 в республике, 1 зарубежом) и 5 кандидатских (4 в республике, 1 зарубежом); в 2023 г. – 1 докторская в республике, и 7 кандидатских (3 в республике, 4 зарубежом) и в 2024 г. – 4 кандидатские (2 в республике, 2 зарубежом); в 2025 г. защищены 2 докторские (в республике) и 12 кандидатских диссертаций (9 в республике и 3 зарубежом).

Следует особо подчеркнуть, что за первое полугодие 2026 г. состоялись 14 защит, из них 1 докторская (защищена в республике) и 13 кандидатских (12 в республике, 1 зарубежом). Из этого общего количества защищенных диссертаций 11 защит приходятся на наш диссертационный совет, который функционирует с 2022 г.[3].

Начиная с октября 2024 г. диссертационному совету 6D.KOA-043 при Академии МВД Республики Таджикистан предоставлено право принимать на рассмотрение докторские и кандидатские диссертационные исследования по научным специальностям 12.00.11 – Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная деятельность и правоохранительная деятельность и 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность[4]. В настоящее время, шифры научных специальностей изменились – 5.5.11. Судебная деятельность; прокурорская деятельность; правозащитная деятельность и правоохранительная деятельность и 5.5.12. Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность[5].

---

[1] Хафиззода, Ш. Х., Солиев, К. Х., Сафаров, Х. С., Юсуфзода, А. Х. Добровольное возвращение участников экстремистско-террористических организаций: практические рекомендации (на тадж. яз.). – Душанбе: Изд-во МВД Республики Таджикистан, 2019. – 21 с.; Солиев, К. Х. Практические рекомендации сотрудникам правоохранительных органов Республики Таджикистан в борьбе с торговлей людьми. – Душанбе, 2004. – 176 с.; Аламшозода, А. А. Деятельность оперативных аппаратов правоохранительных органов по борьбе с преступлениями террористического характера: практическое пособие. – Душанбе, 2017. – 68 с.; Юлдошев, Р. Р., Махмадиев, Х. Х., Акбарзода, А. А. Преступность в Таджикистане (1991-2016 гг.): научно-практическое пособие. – Душанбе: «КОНТРАСТ», 2018. – 320 с.; Шарифзода, Ф. Р., Юлдошев, Р. Р., Самиев, Н. М. Хрестоматия по оперативно-розыскной деятельности: научно-практическое пособие (на тадж. яз.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 520 с.; Рекомендации по совершенствованию положений Закона Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией» (на тадж. яз.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. – 60 с.; Рахмаджонзода, Р. Р., Арипов, А. Л., Самиев, Н. М., Махмадализода, А. М., Касимова, М. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе Республики Таджикистан: научно-практическое пособие. – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. – 60 с.

[2] Библиография (1991-2016) (на тадж. яз.). – Душанбе: «ЭР-граф», 2016. – 264 с.; Рахмаджонзода, Р. Р. (Юлдошев, Р. Р.). Библиография по уголовно-правовому профилю подготовки кадров: научное издание. – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. – 304 с.; Библиография Академии МВД Республики Таджикистан (1991-2021). Второе издание с доп. и изм. – Душанбе: «ЭР-граф», 2021. – 492 с.

[3] Распоряжение Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан от 01 апреля 2022 года, № 95/шд.

[4] Распоряжение Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан от 25 октября 2024 года, № 407/шд.

[5] Распоряжение Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан от 25 сентября 2025 года, № 10; Распоряжение Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан от 05 января 2026 года, № 03/шд.

С вышеприведенными достижениями в различных областях науки и практики противодействия преступности, подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для нужд органов внутренних дел республики приходится гордится благодаря поддержке и стремлению высшего руководства Министерства внутренних дел Республики Таджикистан. В этом контексте, особо следует упомянуть роль, значимость и поддержку Министра внутренних дел Республики Таджикистан, доктора юридических наук, доцента, Заслуженного юриста Таджикистана, генерал-полковника милиции Рахимзода Рамазона Хамро, который сам лично инициирует авторские коллективы по разработке и изданию учебных и научных трудов, несмотря на загруженность по занимаемой должности. Об этом дополнительно свидетельствуют приведенные выходные данные по изданным трудам за различный период деятельности нашей Академии.

Резюмируя изложенное, надеемся, что организуемые и проводимые Академией МВД Республики Таджикистан на достаточно представительском уровнях научные и научно-представительские мероприятия стали теми платформами на республиканском и международном уровнях, которые ежегодно посещают наши коллеги-партнеры из различных ведомственных и иных ведущих вузов стран СНГ.

Надеемся, что I-ая международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы теории, законодательства и практики противодействия преступности в современный период» также станет дополнительном свидетельством нашего общего стремления в развитии не только науки, но и практики.

УДК 343.976

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАРКОПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ВЕКТОРЫ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ҶИНОЯТҲОИ МАРБУТ БА МАВОДДИ МУХАДДИР ДАР ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ ВА ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН: НАМУНАҲОИ КРИМИНОЛОГӢ ВА САМТҲОИ ҲАМКОРИИ БАЙНИДАВЛАТӢ ДАР ДОИРАИ СОЗМОНИ АҲДНОМАИ АМНИЯТИ ДАСТАҶАМЪӢ

Тепляшин Павел Владимирович
Профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, доктор юридических наук, профессор // Профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологияи Донишкадаи ҳуқуқшиносии Сибирии ВКД Россия, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор
E-mail: pavlushat@mail.ru

Противодействие незаконному обороту наркотических средств остается одной из приоритетных задач правоохранительных систем как Российской Федерации, так и Республики Таджикистан. Оба государства являются членами Организации Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ; Организация) и на протяжении длительного времени взаимодействуют в рамках проведения антинаркотических операций «Канал», а также иных совместных мероприятий. Вместе с тем, объективные различия в географическом расположении государств, их экономическом развитии, характере наркоугроз и правовых традициях предопределяют как общие, так и специфические криминологические закономерности наркопре-

ступности как Российской Федерации, так и Республики Таджикистан. Выявление и сопоставление данных закономерностей представляет собой необходимое условие для выработки согласованных мер противодействия в рамках ОДКБ, особенно в контексте принятия Антинаркотической стратегии государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2026-2030 годы.

Итак, сопоставление статистических данных за 2025 год позволяет выявить как схожие, так и разнонаправленные тенденции наркопреступности в рассматриваемых государствах. В Российской Федерации в 2025 году зарегистрировано 214770 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 8,4% больше, чем в 2024 году (198043). Удельный вес наркопреступлений в структуре общей преступности составил 12,1% (рост на 1,7% по сравнению с 2024 годом). При этом доминирующей тенденцией является цифровизация наркорынка, поскольку 64,6 % наркопреступлений совершены с использованием информационно-коммуникационных технологий, что на 17,4 % по сравнению с 2024 годом. Изъято 40,2 тонны наркотических средств, то есть практически столько же, как и в 2024 году.

В свою очередь в Республике Таджикистан в 2025 году зарегистрировано 1003 наркопреступления, что на 20 % больше, чем в 2024 году (839). Доля наркопреступлений в общей структуре преступности составила 4,3%. Объем изъятых наркотических средств – 5 тонн 280 кг, что на 21 % (898 кг) превышает показатели 2024 года.

Таким образом, общей закономерностью является синхронный рост абсолютных показателей наркопреступности (Россия +8,4 %, Таджикистан +20 %). Однако специфика заключается в различном удельном весе наркопреступлений в общей структуре преступности: в России этот показатель составляет 12,1 %, что почти в три раза выше, чем в Таджикистане (4,3%). Объяснением может служить как более высокая латентность наркопреступлений в Таджикистане, так и объективно иная структура криминальной активности.

Осуществляя сравнительно-правовой анализ наркопреступности в Российской Федерации и Республике Таджикистан, стоит обратить внимание на роль географического фактора. Ведь как верно отмечает Ш.Б. Мирзозода «Республика Таджикистан активно реализует антинаркотическую политику как на внутри и государства, так и на международной арене. Страна участвует в интенсивном противодействии наркопреступности, что является адекватной реакцией на угрозы, исходящие от наркобизнеса. Особое внимание уделяется географическим факторам, которые способствуют накротизации населения»[1]. Так, Таджикистан выступает преимущественно как транзитное государство Северного маршрута наркотрафика из территории Афганистана (Исламского Эмирата Афганистан). Это подтверждается, во-первых, структурой изъятий: 72 % изъятых в 2025 году наркотиков приходится на каннабисную группу (3 т 811 кг), а объем изъятого опия вырос в 4,6 раза (до 1 т 180 кг). Во-вторых, контрабанда наркотиков (ст. 289 УК РТ) выросла на 10 %. В-третьих, 50 % изъятых наркотиков приходится на приграничные с Афганистаном районы Хатлонской области. Наконец, 9 из 22 задержанных иностранных граждан – граждане Афганистана, у которых изъято 99 кг наркотиков. Здесь можно привести точное мнение И.Ю. Захватова и Ш.Б. Мирзозоды, которые постулируют, что «наркопоток из Афганистана транзитом устремляется в основном в Россию, где… быстро находят свое место в новых условиях далеко не все вновь прибывшие граждане Таджикистана, что облегчает организованным преступным группам вовлекать их в противоправную деятельность, связанную с наркотиками»[2]. Однако Россия сталкивается со

[1] Мирзозода, Ш.Б. Совершенствование правового регулирования и усиление борьбы с наркопреступностью в Таджикистане в свете современных вызовов / Ш.Б. Мирзозода // Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие: сборник научных трудов по материалам XXVI Международной научно-практической конференции (Москва, 22 ноября 2024 года). – М.: Академия управления МВД России, 2024. – С. 335.

[2] Захватов, И.Ю. Современные вызовы наркопреступности и проблемы формирования системы правового регулирования и организационного механизма противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Таджикистан / И.Ю. Захватов, Ш.Б. Мирзозода // Государственное управление в правоохранительной сфере:

значительными объемами внутреннего производства синтетических наркотиков. Синтетические наркотики составляют 49,2 % от всех изъятий (17 т 602 кг). При этом основная форма распространения – дистанционный сбыт через маркетплейсы в Даркнете и тайники-закладки, что обуславливает высокий уровень (64,6 % наркопреступлений) использования информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). Кроме того, об этом может свидетельствовать ликвидация 218 подпольных нарколабораторий (в 2024 г. – 270).

Важной закономерностью выступает такая общая угроза для обеих стран как рост синтетических наркотиков. Так, в Таджикистане в 2025 году изъято рекордное за 10 лет количество психотропных веществ – 253 кг, из которых 247 кг (97 %) – метамфетамин, что в 2,3 раза больше, чем в 2024 году. Рекордные изъятия метамфетамина в Таджикистане вкупе с данными УНП ООН[1] о стремительном росте производства синтетических наркотиков на территории самого Афганистана (с использованием местного сырья – эфедры) свидетельствуют о диверсификации афганского наркопроизводства. Наряду с традиционными опиатами, Афганистан становится значимым производителем синтетических наркотиков, создавая новый поток транснациональной наркоугрозы, в том числе на северном направлении через Таджикистан в Россию и другие страны

Сравнительный анализ лиц, совершающих наркопреступления, выявляет как общие, так и особенные тенденции. Так, в России в 2025 году привлечено к уголовной ответственности 59252 лица, совершивших наркопреступления (снижение на 15% по сравнению с 2024 годом). При этом 2945 иностранных граждан совершили 12 988 наркопреступлений (рост на 48,6 % по сравнению с 2024 годом). Причем 82,5 % иностранных преступников – граждане Союза Независимых Государств (далее – СНГ). В Таджикистане задержано 1112 лиц за наркопреступления (рост на 14%). Иностранные граждане (22 чел.) задержаны с изъятием 275 кг наркотиков.

Таким образом, обнаруживается общая закономерность в виде роста числа иностранных граждан в наркопреступности (в России – на 48,6 %, в Таджикистане – на 57 %). Вместе с этим следует обратить внимание на специфическую особенность, которая состоит в том, что если в Таджикистане 9 из 22 иностранцев – граждане Афганистана (наркокурьеры), то в России – граждане СНГ (часто – закладчики).

Также, в Таджикистане зафиксирован значительный рост числа осужденных женщин (+30 %), что указывает на определенную феминизацию наркопреступности. Высокий уровень вовлечения женщин в сбыт наркотиков в России также фиксируется отдельными криминологическими исследованиями[2].

На основе кратко проведенного сравнительного анализа можно выделить следующие моменты, требующие пристального научного внимания.

I. Рекордные изъятия метамфетамина в Таджикистане (247 кг) при одновременном снижении изъятий опийной группы (героин – с 106 кг в 2024 г. до 35 кг в 2025 г.) свидетельствуют о переориентации афганского наркопроизводства на синтетику. В этой связи М.Ф. Муродзода однозначно указывает, что в Республике Таджикистан в «общей массе изъятых наркотиков теперь преобладают синтетические»[3]. Это означает, что через транзитные марш-

сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Москва, 15 ноября 2024 года). – М.: Академия управления МВД России, 2024. – С. 127.

[1] Управление ООН по наркотикам и преступности // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR2025/2511227R.pdf (дата обращения 22.04.2026).

[2] Например, см.: Морозов, Д.В. Отдельные криминологические характеристики личности женщины-наркопреступницы / Д.В. Морозов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2025. – № 1. – С. 77-81.

[3] Муродзода, М.Ф. Проблемы борьбы с наркопреступностью в Республике Таджикистан / М.Ф. Муродзода // Молодежь, наука и цивилизация: материалы международной конференции адъюнктов (аспирантов), курсантов, слушателей и студентов (Красноярск, 15 мая 2025 года). Выпуск 27. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 553.

руты в Россию в ближайшие годы может хлынуть волна синтетических наркотиков афганского происхождения.

II. В России 64,6 % наркопреступлений совершены с использованием ИКТ. В Таджикистане также фиксируется рост продаж наркотиков через социальные сети и мессенджеры с оплатой через электронные кошельки. Таким образом, цифровизация наркорынка проявляется в обеих странах, но в разных формах. Так, в России доминирует модель «маркетплейс – тайник», тогда как в Таджикистане чаще фиксируется использование мессенджеров для координации курьерской доставки. Различие в распространенных криминальных схемах предполагает необходимость адаптации совместных методов противодействия к специфике национальных наркорынков, что может быть учтено Объединенным штабом ОДКБ и Координационный совет руководителей компетентных органов по противодействию незаконному обороту наркотиков государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – КСОПН) при разработке соответствующих оперативно-профилактических мероприятий.

Кроме того, выявленные закономерности позволяют сформулировать следующие направления сотрудничества Российской Федерации и Республики Таджикистан, а также других государств – членов ОДКБ.

Во-первых, необходимо расширить обмен оперативной информацией о новых видах синтетических наркотиков, производимых в Афганистане, а также о маршрутах их транзита через Таджикистан в Россию. Целесообразно в рамках операций «Канал» усилить аналитический компонент по отслеживанию динамики синтетического рынка.

Во-вторых, в рамках ОДКБ и СНГ требуется продолжить работу по унификации подходов к определению крупного и особо крупного размеров для новых синтетических наркотиков. Это позволит исключить ситуации, когда деяние признается преступлением в одной стране и административным правонарушением – в другой. В 2025 году постановлением Правительства Российской Федерации № 880 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 года № 681, было включено 18 новых психоактивных веществ, а также, в связи с высокой общественной опасностью мефедрона, в 2,5 раза были снижены пороговые размеры для привлечения к уголовной ответственности за его незаконный оборот (крупный размер снизился с 2,5 г до 1 г). В Республике Таджикистан аналогичные законодательные изменения в анализируемый период не зафиксированы, что свидетельствует о сохраняющихся различиях в подходах к уголовно-правовому контролю за синтетическими наркотиками в рамках ОДКБ.

В-третьих, государства – члены ОДКБ, подтвердив на саммите в Бишкеке (ноябрь 2025 г.) намерение совместно противодействовать использованию Даркнета и криптовалют в наркоторговле, обладают необходимым инструментарием для этого (операция «ПРОКСИ»). Ключевым направлением дальнейшего развития должно стать налаживание на постоянной основе оперативного обмена сведениями о выявленных маркетплейсах и электронных кошельках между национальными штабами операции

В-четвертых, учитывая рост контрабанды наркотиков и озабоченность пограничных ведомств ростом наркотрафика из Афганистана, что было обозначено на заседании Совета командующих Пограничными войсками СНГ в октябре 2025 года, целесообразно расширить совместные патрулирования на таджикско-афганской границе, в том числе с дополнительным привлечением авиации и технических средств обнаружения. Кроме того, существующая практика направления российских специалистов для обучения таджикских кинологов и оперативников зарекомендовала себя как эффективная и нуждается в дальнейшем наращивании

В качестве криминологически значимых предложений допустимо предложить:

1) включить в ежегодные планы совместных мероприятий ОДКБ раздел о мониторинге синтетических наркотиков афганского происхождения, возложив на КСОПН (через его Рабочую группу) подготовку ежеквартальных сводных аналитических обзоров для последующей имплементации в программы оперативно-служебной деятельности компетентных органов;

2) разработать и подписать отдельное межправительственное соглашение между Россией и Таджикистаном о порядке обмена электронными доказательствами по фактам дистанционного сбыта наркотиков, включая использование криптовалют;

3) в целях предотвращения рекрутирования ранее осужденных лиц транснациональными наркосообществами целесообразно проработать на площадке КСОПН вопрос о расширении объема оперативно-значимой информации, передаваемой в рамках существующих каналов обмена (в частности, в ходе операции «ПРОКСИ»), включив в него данные о вынесенных приговорах в отношении иностранных граждан и лиц, склонных к совершению повторных наркопреступлений.

Таким образом, можно заключить, что диверсификация афганского наркопроизводства в сторону синтетики, подтвержденная рекордными изъятиями метамфетамина в Таджикистане (247 кг), формирует новый поток транснациональной наркоугрозы на северном направлении, что требует согласованного планирования антинаркотических мероприятий в рамках ОДКБ. Различия в формах цифровизации наркорынка (в России – модель «маркетплейс – тайник», в Таджикистане – использование мессенджеров для координации курьерской доставки) предполагают адаптацию совместных методов противодействия к специфике национальных наркорынков, что может быть учтено Объединенным штабом ОДКБ и КСОПН.

С учетом перехода с 1 января 2026 года председательства в ОДКБ к Российской Федерации и утверждения Антинаркотической стратегии на 2026-2030 годы представляется своевременным включить в ежегодные планы ОДКБ раздел о мониторинге синтетических наркотиков афганского происхождения с ежеквартальным представлением аналитических обзоров КСОПН, разработать российско-таджикское межправительственное соглашение об обмене электронными доказательствами по фактам дистанционного сбыта наркотиков, а также проработать на площадке КСОПН вопрос о расширении обмена оперативно-значимой информацией о вынесенных приговорах в отношении иностранных граждан и лиц, склонных к рецидиву. Реализация указанных мер в год российского председательства будет способствовать институциональному развитию антинаркотической составляющей ОДКБ и повышению эффективности сотрудничества государств – членов Организации в противодействии транснациональной наркопреступности.

ТДУ 343.21

ТАЪСИРИ ҲУҚУҚИ ҶИНОЯТИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ БА ҚОНУНГУЗОРИИ МИЛЛӢ

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ШАРИПОВ ТАҚДИРШО ШАРИПОВИЧ
Профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва муқовимат бо коррупсияи факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор / Профессор кафедры уголовного права и противодействия коррупции юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор
E-mail: takdirshoh@mail.ru

ХОЛИҚЗОДА ШЕРАЛӢ ЛОИҚ
Дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва муқовимат бо коррупсияи факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент / Доцент кафедры уголовного права и противодействия коррупции юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kholikov88@mail.ru

Ба ҳамагон маълум аст, ки дар масъалаи мутаносибии ҳуқуқии байналмилалӣ ва дохилии давлат, илми ҳуқуқшиносӣ се самти асосиро таҳия кардааст: дуалистӣ ва монистӣ.

Тарафдорони консепсияи нахустини монистӣ ба қонунгузории дохилии давлат бартарият медиҳанд. Ин назария дар адабиёти ҳуқуқии олмон дар сарҳади асрҳои XIX-XX инкишоф пайдо намудаст, ки мувофиқи он ҳуқуқи байналмилалиро ҳамчун маҷмуи ҳуқуқҳои берунаи давлат мавриди баррасӣ дода мешуд. Моҳияти ғояи мазкур аз он иборат буд, ки «давлат озодии интихобро барои риоя кардани ё накардани ҳуқуқи байналмилалӣ, аз он вобаста медонад, ки онҳо манфиатҳои ӯро нигоҳ медорад»[1].

Ҳарчи бештар паҳншуда назарияи дигари монистикӣ аст - консепсияи авлавияти ҳуқуқи байналмилалӣ нисбат ба ҳуқуқи миллӣ. Назарияи мазкур асосҳои назариявиро аз навиштаҳои муаллифони мактабҳои ҳуқуқшиносии Англо-Саксонӣ ва Фаронса ба даст овардааст. Чунончи, Келсен Г. (H. Kelsen) давлатро ҳамчун «зуҳуроти ҳуқуқӣ», «шахси ҳуқуқӣ» ва таносуби байни тартиботи ҳуқуқии байналмилалӣ ва дохилиидавлатро ҳамчун «таносуби тартиботи ҳуқуқии миллӣ ва меъёрҳои дохилии корпоратсия» баррасӣ кардааст[2]. Ҳамин тавр, тарафдорони ин доктринаҳо мавҷудияти истиқлолияти давлатиро ба манфиати ҳуқуқи байналмилалӣ инкор карда, охирин тартиботи олиро эълон мекунанд.

Дар айни замон оид ба фаҳмиши таносуби ҳуқуқӣ дохили давлат ва байналмилалӣ доктринаи дуалистӣ бартарӣ ҳосил кардааст. Моҳияти дуализм дар он аст, ки ҳуқуқи байналмилалӣ ва миллӣ на танҳо ҳамчун соҳаҳои гуногуни ҳуқуқ баррасӣ карда мешаванд, балки «тартиботи ҳуқуқии алоҳидаро ташкил медиҳанд»[3]. Оид ба ҳамкорӣ байни ин ду тартиботи ҳуқуқӣ дар айни замон ҳеҷ гуна истисно мавҷуд нест, зеро чӣ

[1] Международное право: учебник. В 2-х ч. Ч. 2. – М.: Лит.рес., 2020. - С. 273-274.
[2] Kelsen, H. General theory of law and state. Cambridge, 1945. - Pp. 16.
[3] Анцилотти, Д. Курс международного права. Т. 1. - М., 1961. - С. 66.

ҳуқуқи байналмилалӣ метавонад ба тартиботи ҳуқуқӣ дохилиидавлат муроҷиат кунад ва баръакс он низ имконпазир аст. Аммо давлатҳо ҳуқуқи байналмилалиро месозанд на баръакс. Ҳангоми ворид шудан ба уҳдадориҳои байналмилалӣ давлат меъёрҳои ҳуқуқии миллии худро, дар сурати зарурати тағйир додани онҳо бо мақсади мувофиқ намудан ба уҳдадориҳои байналмилалии қабулкардашон, ба назар мегирад. Аз ин сабаб дар миёнаи асри XX фарзияе асоснок карда шуд, ки мувофиқи он агар барои иҷрои уҳдадориҳои байналмилалӣ амали намудани чорабиниҳои муайяни қонунгузорӣ заруранд мавҷуд бошанд, пас онҳо бояд ба амад бароварда шаванд[1].

Фаҳмиши дуалистии ҳамкориҳои ҳуқуқи байналмилалӣ бо қонунҳои дохилӣ дар маҷмӯъ нишонаи компромис байни соҳибихтиёрии давлатӣ ва ҳуқуқи байналмилалӣ мебошад. Ин назария дар амалия ба ҳолатҳои зерин такя мекунад. Агар таъсири меъёрҳои ҳуқуқи дохилиро ибтидоӣ донем (зеро давлат ҳангоми созмон додани меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ аз муқаррароти қонунгузории худ бармеояд), пас ҳангоми мавҷуд будани меъёрҳои ҳуқуқии хусусияти байналмилалӣ алакай амалкунанда, давлат наметавонанд аҳамияти бартариятноки онҳоро нисбат ба меъёрҳои ҳуқуқи дохилӣ эътироф накунанд. Ин ҳолат дар санадҳои бунёдии ҳуқуқи байналмилалӣ инъикос ёфтааст. Чунончи, м. 27 Конвенсияи Вена оид ба ҳуқуқи шартномаҳои байналмилалӣ аз 23-юми майи соли 1963 нишон медиҳад, ки давлати узви ин шартнома «наметавонад ба муқаррароти ҳуқуқи дохилии худ ба сифати сафед кардан барои иҷро накардани ин шартнома иснод оварад»[2].

Бартарияти ҳуқуқи байналмилалӣ маънои онро дорад, ки «ҳуқуқи ҳар як давлат аз ду низоми ҳуқуқӣ иборат аст: низоми ҳуқуқии дохидиидавлатӣ ва низоми ҳуқуқии байналмилалӣ давлат. Онҳоро дар якҷоя ягонагии муайянро ташкил медиҳанд - ҳуқуқӣ кишварро *(Law of state)*[3] ва дар сурати ихтилоф, бартарият ба ҳуқуқи байналмилалӣ дода мешавад. Аз ин рӯ, меъёрҳои ҳуқуқи дохииидавлат на танҳо наметавонанд ба меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ мухолиф бошанд, балки бояд талаботҳои амалигардии меъёрҳои ҳуқуқии байналмилалиро муайян ва таъмин намоянд. Ҳангоми ихтилофи ҳуқуқӣ бартарият ба меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ дода мешавад.

Чи тавре, ки қаблан зикр карда будем чунин, фаҳмиши таносуби ду низоми ҳуқуқӣ-байналмилалӣ, ва дохилии давлат – дар конститутсияҳои аксар давлатҳои, аз ҷумла, дар қ. 2 м. 10 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дарҷ гардидааст.

Дар айни замон, аксари муаллифон шартномаҳои байналмилалииро сарчашмаи ҳуқуқи ҷиноятӣ мешуморанд. Чӣ гуна ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ ба ҳуқуқи ҷиноятии миллӣ таъсир мерасонанд? Таҳлили меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ, Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) , Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи шартномаҳои байналмилалии Ҷумҳурии Тоҷикистон" аз 23-юми июли соли 2016, № 1326 имкон медиҳанд, ки нисбати тарзҳои таъсиррасонӣ хулосаҳои зерин барорем.

Аввалан, дар матни бисёр қонунҳои ҷиноятии миллӣ (аз ҷумла, қ. 4 м. 14 КҶ ҶТ) ишора ба имконпазирии истинод ба меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ дар ҳалли масъалаҳои ҷиноятӣ мавҷуд аст.

Сониян, усули нисбатан универсалӣ ин аз ҷониби меъёрҳои қонунҳои ҷиноятии миллӣ қабул кадани меъёрҳои муқаррарадаи ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ мебошад. Чунин қабул намои метавонад моҳиятан бо се роҳ амалӣ карда шавад:

[1] Тункин. Г.И. Основы современного международного права. - М., 1956. - С. 9-10.
[2] Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 2016. №7. м. 606; Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.
[3] Nagy, K. Problems of relationships between international and domestic law // Questions of international law. Leyden, 1977. - Pp. 139.

1) бо роҳи ба таври текстуалӣ дохил кардани меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ ба қонунгузории ҷиноятӣ баҳри иҷрои шартномаи байналмилалӣ («ҳаволакунанда»);

2) бо дохил кардани меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ ба қонунгузории ҷиноятӣ, ҳоло он ки, муқаррароти шартномаи байналмилалӣ шакли қатъии қабул кадани чунин муқарраро дар ҳуқуқи дохилӣ давлат пешбинӣ намекунад («ретсепсия»);

3) тавассути ворид намудани тағйирот ба меъёрҳои мавҷудаи ҳуқуқи ҷиноятӣ баҳри иҷроиши муқаррароти ҳуқуқи ҷинояти байналмилалӣ («имплементатсия»).

Дохил кардани меъёрҳои муқарраркардаи ҳуқуқи байналмилалӣ ба низоми ҳуқуқии дохилиидавлат барои аксари давлатҳои қоида гардидааст. Чунончи, мувофиқи қ. 3 м. 10 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон « санадҳои ҳуқуқии байналмилалие, ки Тоҷикистон онҳоро эътироф кардааст, қисми таркибии низоми ҳуқуқии ҷумҳуриро ташкил медиҳанд. Агар қонунҳои ҷумҳурӣ ба санадҳои ҳуқуқии байналмилалии эътирофшуда мутобиқат накунанд, меъёрҳои санадҳои байналмилалӣ амал мекунанд”. Дар робита бо ин Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар Қарори худ аз 29-уми сентябри соли 2014, № 5 чунин тавзеҳотро овардааст: “бо дарназардошти муқаррароти конститутсионии дар боло номбурда суд, судяҳо зимни баррасии парванда ҳуқуқ надоранд меъёри қонуни батанзимдарорандаи муносибатҳои *ҳуқуқии* бавуҷудомадаро татбиқ намоянд, агар санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ дигар қоидаҳоро нисбат ба қонуни татбиқшаванда муқаррар намуда бошанд. Дар чунин ҳолатҳо меъёрҳои санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ татбиқ карда мешаванд” (б. 4).

Кодекси ҷиноятӣ санади меъёри ҳуқуқие мебошад, ки ба Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва принсипу меъёрҳои умумиэътирофшудаи ҳуқуқи байналмилалӣ асос меёбад ва танҳо дар он метавонад асосҳо ва ҳадди ҷавобгарии ҷиноятӣ барои кирдорҳои ҷиноятӣ муқаррар карда шавад, қонунҳои наве, ки ҷавобгарии ҷиноятиро муқаррар мекунанд, «ба Кодекси ҷиноятӣ бояд дохил карда шаванд» (қ. 1 м. 1 КҶ ҶТ)) Аз ин рӯ, тағйир додани шарти ҷавобгарии ҷиноятӣ барои кирдоре, ки дар шартномаҳои байналмилалии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ шудаанд, ворид намудани онҳоро ба матни КҶ ҶТ мустақиман талаб мекунад.

Дар акси ҳол, дар татбиқи меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятӣ хусусияти байналмилалӣ, мушкилоти ҳалнашаванда ба миён меояд. Тибқи б. 4 Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 29-уми сентябри соли 2014, № 5 “Оид ба татбиқи меъёрҳои Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳангоми амалӣ намудани адолат судӣ” бо дарназардошти муқаррароти конститутсионии дар боло номбурда суд, судияҳо зимни баррасии парванда ҳуқуқ надоранд меъёри қонуни батанзимдарорандаи муносибатҳои ҳуқуқии бавуҷудомадаро татбиқ намоянд, агар санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ дигар қоидаҳоро нисбат ба қонуни татбиқшаванда муқарра намуда бошад.

Дар чунин ҳолатҳо меъёрҳои санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ татбиқ карда мешаванд. Дар иртибот бо чунин тавзеҳоти саволе ба миён меояд. Чӣ гуна санадҳои ҳуқуқии байналмилалиро татбиқ кард. Дар ҳоле, ки ҷиноят будани кирдор, сазовори ҷазо ва оқибатҳои дигари ҳуқуқии ҷиноятӣ будани онро танҳо КҶ ҶТ муайян менамояд (қ. 1 м. 4) ва ҳангоми ба амал баровардани адолати судӣ аз рӯйи парвандаи ҷиноятӣ, суд бояд меъёрҳои онро татбиқ намояд . Ҷавоб бояд якто бодшад – нисбат ба мавриди баррасишаванд на бояд ихтилофот (коллизия) мавҷуд бошад. Пешгирии он танҳо бо роҳи дар як вақт ҳангоми ба тасвиб расонидани шартномаи байналмилалӣ вирид кардани тағийрот ба КҶ имкомпазираст.

Татбиқи бевоситаи ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ маънои онро дорад, ки ин меъёри мазкур аз ҷониби судҳои миллӣ ё байналмилалӣ мустақилона, бидуни ягон гуна эзоҳ ва маҳдудият татбиқ карда мешавад.

Хусусияти ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ дар имконияти нисбатан хурдтари мустақилона татбиқи намудани муқаррароти он мебошад. Дорои чунин хислат ба он

вобастааст, ки аксарияти санадҳои байналмилалии дорои хусусияти ҳуқуқии ҷиноятӣ талаб мекунанд, ки ҷиноят будани ин ва ё кирдор дар қонунгузории миллӣ муқаррар карда шавад.

Анъанаи шабеҳ дар м. 5 Конвенсияи оид ба геноцид с. 1948 пешбинӣ шудааст, ки мувофиқи он:" Тарафҳои аҳдкунанда уҳдадоранд, ки мутобиқи Конститутсия худ, он қонунеро қабул намоянд, ки муқаррароти ин Конвенсияро мавриди амал қарор медиҳад". Чунин гуна матн баъдан ба таври умум қабул карда шуд, гарчанде ки он аз уҳдадориҳои давлатҳои иштироккунанда дар бобати «андешидани тадбирҳо» барои иҷрои муқаррароти санади ҳуқуқии байналмилалӣ зарур, то талаботи мустақим оид ба муқарраркардани ҷиноятқорӣ ва ҷазо додани кирдор дар ҳуқуқи дохилиидавлат, сар мезанд[1].

Дар адабиёти илмӣ маъмулан тарзҳои зерини истифодаи бевоситаи ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалиро мавриди баррасӣ қарро додаанд. Аввалан, меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалиро мақомоти байналмилалӣ (суд) метавонад татбиқ кунад. Чунончи, мутобиқи қ. 1 м. 21-и Низомномаи Суди Байналмилалии Ҷиноятӣ, Суд дар навбати аввал муқаррароти Оинномаи худро татбиқ мекунад. Агар чунин татбиқ намудан ғайриимкон бошад, пас он метавонад ҳама гуна меъёрҳои амалкунандаи ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалиро татбиқ кунад.

Сониян, меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятии байналмиллалӣ метавонад бевосита аз ҷониби суди миллӣ татбиқ карда шавад. Дар ин ҳолат, чунин эҳтимолият метавонад аз нишондоди бевоситаи қонуни ҷиноятӣ пайдо шавад. Чунончи, масалан, КҶ ҶТ имконияти бевосита дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистонро амалкардани меъёрҳои байналмилалии хусусияти ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ доштаро, дар сурати мавҷуд будани масуният аз ҷавобгарии ҷиноятӣ, ки дар шартномаи байналмилалии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ шудааст, муқаррар менамояд (қ. 4 м. 14 КҶ).

Солисан, суди миллӣ уҳдадор аст, ки меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалии барои давлат ҳатмибударо татбиқ намояд, агар дар қонунгузории миллии давлат муқаррароти дахлдор мавҷуд набошад. Хулоса мазкур аз муқаррароти конститутсионии аксарияти давлатҳо бармеояд, ки мувофиқи он меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалии барои онҳо амалкунанда, ҷузъи ҷудонашавандаи низоми ҳуқуқи миллии онҳо мебошанд.

Аммо дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон истифодаи бевоситви меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ, ки ҷиноят будани кирдор ва ҷазо барои чунин кирдоро муқаррар мекунад, ғайриимкон аст. Азбаски дар тавзеҳоти б. 7 Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 18-уми ноябри соли 2013, № 9 "Дар бораи аз ҷониби судҳо татбиқ намудани санадҳои ҳуқуқи байналмилалие, ки аз тарафи Тоҷикистон эътироф гардидаанд", омадаст: «шартномаҳои байналмилалӣ, ки меъёрҳои он аломатҳои таркиби кирдори мушаххасро муқаррар мунамояд, наметавонанд аз ҷониби суд, судияҳо ва мақомоти пешбурди таъқиби ҷиноятӣ бевосита татбиқ шаванд, зеро дар шартномаҳои мазкур уҳдадории давлат оид ба таъмини иҷрои муқаррароти ин шартномаҳо бо роҳи дар қонунгузории дохиидавлатӣ муайян кардани таркиби ҷиноятҳои мушаххас пешбини шудааст.

Масалан, Конвенсияи ягона оид ба воситаҳои нашъадор аз соли 1961, Конвенсиядар дар бораи мубориза бар зидди ғасби гаравгогирӣ аз соли 1979, Конвесия дар бораи мубориза бар зидди гаравгонгирии ғайриқонунии киштиҳои ҳавоӣ аз 16-уми декабри соли 1970 ва ғайра. Ҳамзамон бо назардошти муқаррароти м. 11 КҶ ҶТ дар тавзеҳоти мибаъдаи ин банд омадааст: "шартномаҳои байналмилалӣ, ки аломатҳои таркиби ҷиноятро пешбинӣ намудаанд, аз тарафи суд, судияҳо ва мақомоти пешбурди

[1] Моддаи 22 Конвенсия дарбори маводи мадҳушкунонанда аз 21-уми феврали соли 1971 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 35. - М., 1981. - С. 425-426.

таъқиби ҷиноятӣ бояд ҳамон вақт татбиқ гарданд, ки агар меъёрҳои КҶ бевосита зарурияти тадбиқи шартномаҳои байналмилалӣ Ҷумҳурии Тоҷикистонро пешбини намуда бошанд". Масалан, м. 397 КҶ (Истеҳсол ё паҳн намудани силоҳи қатли ом) ва м. 405 КҶ (Дигар қонуншиканиҳои меъёри байналмилалии ҳуқуқи башар).

Чи тавре ки қаблан қайд карда шуд, ба ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ бештар хусусияти татбиқи бавосита хос аст, яъне, татбиқи ҳуқуқи ҷиноятии миллӣ бо риоя кардани талаботи ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ. Хусусияти фарқкунандаи аксари санадҳои байналмилалӣ ҷой доштани талабот оид ба муқаррар кардани ҷавобгарӣ барои ҷинояти байналмилалӣ дар ҳуқуқи миллӣ бо мақсади юрисдиксияи худро нисбат ба ҷиноят ба даст овардани давдат мебошад.

Масалан, дар м. 5 Конвенсия дар бораи бехатарии авиатсияи граждани аз соли 1971, нишон додашудааст, ки «ҳар як давлатӣ аҳдкунанда чораҳоеро меандешад, ки метавонанд барои муқаррар кардани юрисдиксияи худ нисбат ба ҷиноят зарур бошанд».

Ба шумули чунин чораҳо, пеш аз ҳама, дар қонуни дохилидавлатӣ муқаррар кардани ҷавобгари барои кирдоре, ки дар санади ҳуқуқии байналмилалӣ ҷиноят дониста шудаанд, дохил мегардад. Имконияти васеътари татбиқи бавоситаи ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалиро Низомномаи Суди Байналмилалии ҷиноятӣ пешбинӣ менамояд (бори дигар ба хотир меоварем - Суд «мақомоти адлияи ҷиноятиро пурра мекунад»).

Мувофиқи муқаддимаи Низомномаи Суди Байналмилалии ҷиноятӣ, «вазифаи ҳар як давлат ба амал баровардани юрисдиксияи ҷиноятии он нисбати шахсоне, ки барои содир кардани ҷиноятҳои байналмилалӣ ҷавобгаранд» мебошад. Аксар қонунҳои ҷиноятии миллӣ муқарраротро дар бар мегиранд, ки ҳуқуқи ҷиноятӣ ба таври қатъӣ мутобиқи қонуни ҷиноятӣ татбиқ карда мешавад (аз мазмуни қ. 1 м. 1 КҶ ҶТ бармеояд).

Суди миллӣ одатан қонуни ҷиноятии миллиро татбиқ мекунад. Дар ин ҳолат, банду басти кирдор ва таъини ҷазо низ мутобиқи талаботи ҳуқуқи ҷиноятии дохилӣ сурат мегирад. Хислати универсиали барои чунин татбиқи меъёрҳои ҳуқуқи дохилидавлатӣ мутобиқати он ба ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ мебошад. Агар меъёрҳои қонунгузории миллӣ ба байналмилалӣ мувофиқат накунанд ё бевосита мухолиф бошанд, он гоҳ охирин татбиқ карда шавад. Ин бевосита аз муқаррарот оид ба бартариятии ҳуқуқи байналмилалӣ нисбати қонунгузории миллӣ бармеояд.

Ҳамин тавр, татбиқи ҳуқуқи ҷинояти байналмилалӣ бо ду тарз роҳ дода мешавад: бевосита (мақомоти ҳуқуқтатбиққунардаи миллӣ ё мақомоти байналмилалӣ худи меъёри ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалиро татбиқ мекунад) ва бавосита (меъёрҳои қонуни ҷиноятии миллӣ мувофиқ бо ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ татбиқ карда мешаванд). Дар ҳолати ихтилофоти (коллизияи) меъёрҳои ҳуқуқи ҷинояти байналмилалӣ ва миллӣ, бартарият бояд ба меъёри амалкунандаи ҳуқуқи ҷиноятии байналмилалӣ дода шавад[1].

[1] Наумов, А.В. Международное уголовное право: учебник для вузов / А. В. Наумов, А. Г. Кибальник, В. Н. Орлов, П.В. Волосюк; под редакцией А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. - С. 58.

ТДУ 343.98.067

УСУЛҲОИ ХОССИ ТАФТИШИ ПАРВАНДАҲОИ ҶИНОЯТӢ ВОБАСТА БА ЭКСТРЕМИЗМ ВА ТЕРРОРИЗМ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН*

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

АБДУЛЛОЗОДА НЕЪМАТУЛЛО РАҲМАТУЛЛО
Сардори кафедраи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯии факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, полковники милитсия / Начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, полковник милиции
E-mail: nematullo.abdulloev@mail.ru

Фаъолияти экстремистӣ, ҳамчун падидаи мураккаби барои ҷамъият хавфнок ҳадафи ҷиноятии худ ва усулҳои хосси расидан ба ин ҳадафро дорад. Оқибатҳои мустақим ё ғайримустақими экстремизм ба тамоми соҳаҳои асосии ҳаёти ҷамъиятӣ, сиёсӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоӣ таъсир мерасонанд. Фаъолияти экстремистӣ, ҳамчун амали ҷиноятӣ бо тамоми зуҳурот ва хусусиятҳои гуногуни худ ба ин ё он роҳ ба сохти конститутсионии ва истиқлолияти Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳдид мекунад[1].

Усулҳои тафтиши ин гуна ҷиноятҳо аз мақомоти тафтишотии сохторҳои ҳифзи ҳуқуқ дониши амиқи соҳавӣ, истифодаи воситаҳои муосири техникӣ-криминалистӣ ва дарки дурусти хусусиятҳои психологии шахсияти ҷиноятқорони ифротиро талаб менамояд. Тафтиши парвандаҳои ҷиноятии вобаста ба экстремизм ва терроризм дар Тоҷикистон дорои хусусиятҳои хос мебошад, ки онҳо аз заминаи таърихӣ, вазъи иҷтимоӣ-сиёсии минтақа ва таҳаввулоти қонунгузории миллӣ сарчашма мегиранд.

Ҷиноятҳои дорои хусусияти экстремистӣ ва террористӣ дар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) дар бобҳои алоҳида гурӯҳбандӣ шудаанд. Ҷиноятҳои хусусияти террористидошта (моддаҳои 179, 179(1), 179(2), 179(3),)[2] ва ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта (моддаҳои 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4))[3] ҳамчун кирдорҳои хавфноки ҷамъиятӣ дониста мешаванд, ки мақсади онҳо тарсонидани аҳолӣ, таъсиррасонӣ ба қабули қарорҳои мақомоти давлатӣ ё халалдор сохтани амнияти ҷамъиятӣ мебошад. Тафтиши ин ҷиноятҳо аз мақомоти тафтишоти талаб мекунад, ки на танҳо далелҳои моддӣ, балки ҷанбаҳои идеологӣ ва ҳадафҳои ниҳоии ҷиноятқоронро низ ошкор созад.

Дар доираи илми криминалистика, тавсифи ин ҷиноятҳо аз унсурҳои мураккаб иборат аст. Яке аз мушкилоти асосӣ дар он ифода меёбад, ки ҷиноятҳои экстремистӣ, террористӣ аксаран хусусияти латентӣ дошта, бо истифода аз усулҳои муосири пинҳон-

* Мақола дар доираи татбиқи мавзуи илмӣ-таҳқиқотии «Хусусиятҳои пешгирӣ ва воситаҳои мубориза бо зуҳуроти ифротгароӣ ва тундгароӣ дар муҳити ҷавонони Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 2023-2028)», ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ мешавад, омода шудааст. Рақами бақайдгирии давлатӣ: 0121TJ1290.

[1] Абдуллозода, Н.Р. Конститутсия ҳамчун асоси ҳуқуқии муқовимат ба экстремизм / Н.Р. Абдуллозода // Маҷмуаи маводди конференсияи илмӣ-амалии байналмилалӣ дар мавзуи «Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон: таҳаввул ва дурнамои рушди он» бахшида ба 30-солагии қабули Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва эълон гардидани «Соли маърифати ҳуқуқӣ» (ш. Душанбе, 02 ноябри с.2024). – Душанбе: Матбааи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2024. - С.119.

[2] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи с.1998, № 574 (бо тағйиру иловаҳо то санаи 14.05.2025). – Душанбе: 2025. - С. 102-106.

[3] Ҳамон ҷо: - С. 201-204.

кори содир мешаванд. Бо назардошти ин, усули тафтишот бояд ба ҳамкории зичи муфаттиш бо воҳидҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ такя кунад. Мавриди қайд аст, ки дар шароити имрӯза истифодаи технологияҳои рақамӣ дар мурофиаи ҷиноятӣ як амри зарурӣ гардидааст.

Барои дуруст ташкил намудани раванди тафтишот, дарки амиқи табиати гносеологӣ ва диалектикаи робитаи байни экстремизм ва терроризм муҳим аст. Дар сатҳи назариявӣ, ин ду падида набояд ҳамчун мафҳумҳои комилан ҷудогона ё баръакс, комилан айниятдошта баррасӣ шаванд. Онҳо падидаҳои ба ҳам зич алоқаманд ва якдигарро шартгузор мебошанд. Экстремизм ҳамчун заминаи идеологӣ, фалсафаи нафрат ва радкунии мутлақи тартиботи мавҷуда баромад карда, дар шакли паҳн намудани ақидаҳои ифротӣ зоҳир мешавад. Дар навбати худ, терроризм ин марҳилаи амалӣ, қуллаи баландтарин ва шакли аз ҳама радикалию зӯроваронаи экстремизм ба шумор меравад.

Аз ин рӯ, дар криминалистикаи муосир тафтиши парвандаҳои ин намуд ҷиноятҳо равиши маҷмуиро талаб мекунад. Муфаттиш набояд танҳо бо ошкор кардани иҷрокунандагони бевоситаи амали террористӣ маҳдуд шавад; ӯ вазифадор аст, ки решаҳои идеологӣ, сарчашмаҳои маблағгузорӣ ва пешвоёни зеҳниеро, ки дар паси ин амалҳо меистанд, пайдо ва ба ҷавобгарӣ кашад.

Дар илми криминалистика, усули тафтиши ҳар як гурӯҳи ҷиноятҳо ба хусусиятҳои хосси механизми содиршавии онҳо такя мекунад. Ҳангоми тафтиши ҷиноятҳои самти экстремистӣ ва террористӣ аз нигоҳи илмӣ криминалистика дар он аст, ки онҳо сохтори ғайрианъанавӣ ва бисёрсатҳа доранд. Бар хилофи ҷиноятҳои анъанавии умумиҷиноятӣ (ба монанди одамкушӣ дар заминаи рашк, ғоратгарӣ ё авбошӣ), ки дар онҳо муноқиша танҳо байни ду ҷониб – ҷинояткор ва ҷабрдида сурат мегирад, ҷиноятҳои экстремистӣ террористӣ ҳамеша дар заминаи сохтори муноқишаи сеҷониба ба вуҷуд меоянд[1].

Дар ин модели сеҷониба нақшҳо ба таври зерин тақсим мешаванд: ҷониби якум – ҷинояткор ё гурӯҳи муташаккили ҷиноятӣ; ҷониби дуюм – ҷабрдидаи бевосита (шахсе, ки ҳаёт, саломатӣ ё молу мулки ӯ мавриди таҷовуз қарор мегирад); ва ҷониби сеюм – тарафи суроғавӣ ё ҳадафи ниҳоии таъсиррасонӣ. Нодирии ин механизм дар он аст, ки зарар расонидан ба ҷабрдидаи бевосита барои ҷинояткор мақсади ниҳоӣ набуда, балки танҳо ҳамчун восита барои расонидани паём, фишор ё таъсир ба тарафи сеюм хидмат мекунад.

Тарафи сеюм, ки ҳадафи асосии ҷинояткорон маҳсуб меёбад, вобаста ба вазъият метавонад аз ҷониби иштирокчиёни гуногун намояндагӣ карда шавад. Масалан, дар амалҳои террористӣ тарафи сеюм ин аҳолии осоишта (бо мақсади ба вуҷуд овардани воҳима ва тарси саросарӣ), мақомоти давлатӣ ва идораи давлатӣ (бо мақсади маҷбур намудани онҳо барои қабули қарорҳои муайяни сиёсӣ ё озод кардани ҳаммаслакони худ), ё созмонҳои байналмилалӣ мебошад. Дар ҷиноятҳое, ки дар заминаи нафрати динӣ ё миллӣ содир мешаванд, тарафи сеюм метавонад тамоми намояндагони ҳамон гурӯҳи иҷтимоӣ бошанд, ки ҷабрдида ба он мансуб аст. Дар ин ҳолат, паёми хунини ҷинояткорон ба он равона шудааст, ки ин гурӯҳро аз қаламрави муайян танг карда бароранд ё фаъолияти онҳоро маҳдуд созанд .

Фаҳмиши амиқи ин сохтори сеҷониба барои кормандони мақомоти тафтишотии Ҷумҳурии Тоҷикистон аҳамияти калидӣ ва раҳнамокунанда дорад. Ин маънои онро дорад, ки дар раванди исботкунии ҳолатҳои парванда, муфаттиш набояд фақат бо қайд ва тасдиқ кардани далели расонидани зарари ҷисмонӣ ё моддӣ ба ҷабрдида маҳдуд шавад. Баръакс, вазифаи мураккабтарини тафтишот ин пайдо кардан ва аз ҷиҳати ҳуқуқӣ мустаҳкам намудани робитаи сабабу натиҷавӣ байни амали ҷиноятӣ ва нияти таъсир расонидан ба тарафи сеюм мебошад. Бе исботи ин унсур, амалиёти террористӣ

[1] Иванов, А.А. Курс криминалистики // [Манбаи электронӣ] – Реҷаи воридшавӣ: https://be5.biz/pravo/k058/3-18.html (санаи мурочиат: 26.02.2026).

метавонад иштибоҳан ҳамчун одамкушии оддӣ ё авбошӣ арзёбӣ гардад, ки ин ба принсипҳои адолати судӣ ва муборизаи муассир бо радикализм созгор нест.[1]

Инчунин, таҷриба нишон медиҳад, ки барои тафтиши бомуваффақияти чунин парвандаҳо ташкили гурӯҳҳои муштараки тафтишотӣ-оперативӣ бо мақомоти ҳифзи ҳуқуқи давлатҳои шарик (масалан, дар доираи ИДМ ё СҲШ) ногузир аст. Чунин гурӯҳҳо метавонанд дар ду шакл фаъолият кунанд:

Якум-тафтишоти муштараки ҳамоҳангшуда: Вақте ки гурӯҳ ба таври мувозӣ ду парвандаи ҷиноятиро тафтиш мекунад – яке дар Тоҷикистон аз рӯи далели содиршавии амали террористӣ ва дигаре дар давлати хориҷӣ нисбати шахсоне, ки ин амалро маблағгузорӣ ё роҳбарӣ кардаанд .

Дуюм-тафтишоти муштараки ҳамгирошуда: Вақте, ки намояндагони мақомоти ҳифзи ҳуқуқи як давлат расман ба ҳайати гурӯҳи тафтишотии давлати дигар ворид карда мешаванд, то раванди ҷамъоварии далелҳои криминалистиро дар қаламрави хориҷӣ бемамониат таъмин намоянд.

Мавриди қайд аст, ки механизми ҷиноятҳои экстремистӣ аз нигоҳи усул ва воситаҳо ниҳоят гуногунранг мебошад. Воситаҳои содир намудани чунин ҷиноятҳоро ба ду гурӯҳи калон тақсим кардан мумкин аст:

1) Воситаҳои анъанавӣ: ба ин гурӯҳ силоҳи оташфишон, силоҳи сард, дастгоҳҳои тарканда ва моддаҳои тарканда, инчунин воситаҳои нақлиёт ва ашёи оддии рӯзгор (корд, табар), ки ҳамчун олоти ҷиноят истифода мешаванд, дохил мегарданд .

2) Воситаҳои ғайрианъанавӣ (иттилоотӣ ва рақамӣ): дар шароити муосир аҳамияти ин воситаҳо ба таври бесобиқа афзоиш ёфтааст. Ба онҳо нашрияҳои чопӣ (варақаҳо, брошюраҳо), расонаҳои рақамӣ (дискҳо, флешкартҳо), таҷҳизоти полиграфӣ ва компютерӣ (сканерҳо, принтерҳо), серверҳои интернетӣ, муҳити роёниши абрӣ ва смартфонҳо дохил мешаванд.

Давыдов В.О. қайд мекунад, ки дар амалияи муосир як падидаи ниҳоят хатарнок бо номи «худҷалбкунӣ» (самовербовка) пайдо шудааст. Тавассути истифодаи алгоритмҳои шабакаҳои иҷтимоӣ ва каналҳои мессенҷерҳо, ҷавонон бо тамошои маводҳои аудиоӣ ва видеоии дорои хусусияти ифротӣ мустақилона радикалӣ мешаванд.[2] Дар ин ҳолат, «олоти ҷиноят» на силоҳи оташфишон, балки маҳз смартфон ё компютере мебошад, ки тавассути он ҷавон мағзшӯӣ шудааст.

Яке аз қонуниятҳои муҳимтарини криминалистика ин аст, ки ҳар гуна фаъолияти ҷиноятӣ дар муҳити атроф пайҳои моддӣ ва идеалӣ мегузорад. Дар парвандаҳои экстремистӣ, ин пайҳо хусусияти махсус доранд:

Пайҳои ҳуҷҷатӣ: аҷиб он аст, ки баъзан маводи экстремистӣ дар чопхонаҳои расмӣ ва бо роҳи легалӣ ба табъ мерасанд. Дар ин ҳолат, пайҳои ҷиноят дар ҳуҷҷатҳои бақайдгирӣ, иҷозатномаҳо, шартномаҳои хариди коғазу ранг ва санадҳои ҳамлу нақл боқӣ мемонанд. Ҳатто ҳангоми чопи пинҳонӣ низ, ҷиноятқорон маҷбуранд таҷҳизот ва ашёи хомро харидорӣ кунанд, ки ин раванд изи молиявӣ мегузорад .

Пайҳои рақамӣ ва техникӣ: қисми зиёди далелҳо дар фазои виртуалӣ ва хотираи дастгоҳҳои электронӣ ҳифз мешаванд. Ин метавонад таърихи ҷустуҷӯ дар браузерҳо, мукотибаҳои рамзгузоришуда дар мессенҷерҳо, файлҳои нестшуда дар дискҳои сахт, IP-адресҳо ва маълумоти геолокатсионӣ бошад.

Аз ин рӯ, мусодира ва таҳлили фаврии дастгоҳҳои электронӣ дар марҳилаи аввали тафтишот аҳамияти ҳалкунанда дорад.

---

[1] Иванов А.А. Курс криминалистики. [Манбаи электронӣ] – Реҷаи воридшавӣ: https://be5.biz/pravo/k058/3-18.html (санаи мурочиат: 26.02.2026)

[2] Давыдов, В.О. О некоторых проблемах отечественной криминалистики в свете борьбы с современными формами преступной деятельности экстремистского характера / В.О. Давыдов // [Манбаи электронӣ] – Реҷаи воридшавӣ: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-otechestvennoy-kriminalistiki-v-svete-borby-s-sovremennymi-formami-prestupnoy-deyatelnosti-ekstremistskogo (санаи мурочиат: 26.02.2026)

Пайҳои идеалӣ (хотираи инсон): маълумоти бениҳоят арзишманди криминалистӣ дар хотираи ҷабрдидагон, шоҳидони ҳодиса ва худи иштирокчиёни созмонҳои ҷиноятӣ нигоҳ дошта мешавад. Бо назардошти хислати фанатикӣ ва омодагии равонии ҷинояткорон, гирифтани ин маълумот тавассути бозпурсӣ тактикаи махсуси равоншиносиро талаб мекунад.

Мавриди қайд аст, ки чинояткорони самти экстремистӣ ва террористӣ бо як дугонагии тактикӣ амал мекунанд: онҳо дар марҳилаи ташкилӣ ва омодагӣ ба ҷиноят ниҳоят пинҳонӣ амал мекунанд, аммо худи амали террористӣ ё баромади экстремистиро ба таври бениҳоят намоишкорона, бо мақсади ҷалби таваҷҷуҳи ҳадди аксари ҷомеа ва ВАО анҷом медиҳанд. Ин ҳолат аз мақомоти ҳифзи ҳуқуқ тақозо мекунад, ки тактикаи худро ба ин воқеият мутобиқ созанд.

Ҳангоми тафтиши парвандаҳои ҷинояти дар самти экстремизм ва терроризм мақомоти тафтишоти ба тактикаи гузаронидани амалҳои тафтишотӣ аҳмияти ҷидди диҳанд ба монанди:

Азназаргузаронии ҷойи ҳодиса: азназаргузаронии ҷойи ҳодисаҳои террористӣ амалиёти ниҳоят мураккаб буда, қоидаҳои махсуси бехатариро талаб мекунад. Аксар вақт ҷойи ҳодиса масоҳати хеле васеъро фаро мегирад ва хатари мавҷудияти дастгоҳҳои таркандаи дуюмдараҷа ё домҳои минадоршуда (ки барои нест кардани гурӯҳи тафтишотӣ пешбинӣ шудаанд) вуҷуд дорад. Аз ин рӯ, дар гурӯҳи тафтишотӣ иштироки ҳатмии мутахассисон оид ба маводи тарканда (взрывотехникҳо) ва кинологҳо шарт аст. Барои сабт ва таҳлили дақиқи масоҳатҳои калон истифодаи дастгоҳҳои парвозии бесарнишин (дронҳо) тавсия дода мешавад. Дронҳо имкон медиҳанд, ки манзараи ҳодиса аз паҳлӯи амудӣ ба навор гирифта шуда, мавқеи ашёҳо ва пайҳои парокандашуда бодиққат ҳуҷҷатгузорӣ гарданд .

Тактикаи пурсиш: пурсиши гумонбаршудагон аз ҷумлаи аъзоёни шабакаҳои радикалӣ яке аз душвортарин амалҳои тафтишотӣ ба ҳисоб меравад. Ин гуна шахсон одатан аз лиҳози идеологӣ сахт омода буда, ба дурустии амалҳои худ эътиқоди мутлақ доранд ва ба муфаттиш ҳамчун ба «душмани идеологӣ ё динӣ» муносибат мекунанд. Дар чунин ҳолат, муфаттиш бояд ба равонисозии максималии (психологизация) пурсиш такя кунад. Ҷалби мутахассисони равоншинос (психологҳо) барои тартиб додани портрети равонӣ-криминалистии гумонбар ва муайян кардани нуқтаҳои осебпазири ӯ зарур аст. Муфаттиш бояд пеш аз пурсиш тамоми маълумоти оперативиро дар бораи иерархияи гурӯҳ омӯзад, то тавонад бо истифода аз зиддиятҳои дохилии байни аъзоёни гурӯҳ ҳангоми пурсиш ба натиҷаҳои зарури ноил гашта нишондодҳои лозимиро ҳангоми пурсиш сабт намояд.

Назорати мукотиба ва технологияҳои рақамӣ: Дар шароити фаромиллӣ будани ҷиноятҳо, гузаронидани ҳаракатҳоли тафтишотӣ дар масофаи дур зарур меояд. Истифодаи расмии алоқаи видеоконфронсӣ (видеоконференцсвязь) имкон медиҳад, ки мубодилаи интерактивии аудиовизуалӣ бо шоҳидон ё гумонбарон дар дигар давлатҳо сурат гирад ва ҳуҷҷатҳо намоиш дода шаванд. Инчунин, назорати гуфтугӯҳои телефонӣ ва мукотиба дар шабакаҳои иҷтимоӣ як амали муҳими оперативӣ-тафтишотӣ буда, имкон медиҳад, ки шабакаи маблағгузорон ва роҳнамоён дар хориҷа ошкор карда шавад.

Хангоми тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ дар самти экстремизм ва терроризм нақши калидиро донишҳои махсус ва экспертизаҳои судӣ бози мекунад. Яъне, тафтиши мукаммали парвандаҳои марбут ба экстремизм ва терроризм бе истифодаи фаровони донишҳои махсус ғайриимкон аст. Донишҳои махсус дар ду шакл татбиқ мегарданд: шакли ғайримурофиавӣ (машваратҳо бо мутахассисон, истифодаи пойгоҳҳои кримина-

листӣ дар ҷараёни гузаронидани чорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ) ва шакли мурофиавӣ (таъйин ва гузаронидани экспертизаҳои судӣ)[1].

Азбаски аксарияти ҷиноятҳои экстремистӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон заминаи динӣ ва идеологӣ доранд, исботи қасди ҷиноятӣ (мавҷудияти ангезаи нафрат ва адоват) аҳаммияти ҳалкунанда дорад. Матнҳои таблиғотӣ, аудио ва видеоҳои ифротгароён пур аз истилоҳоти мазҳабӣ, иқтибосҳои контекстиашон тағйирёфта аз сарчашмаҳои динӣ ва рамзҳои пинҳонӣ мебошанд. Муфаттиш ё судя ба таври инфиродӣ ҳақ ва салоҳияти илмӣ надорад, ки мундариҷаи ин маводҳоро хулосабардорӣ кунад. Барои ин, таъини экспертизаҳои комплексии судӣ ҳатмӣ мебошад.

Дар амалияи муосир ва методикаи тафтиши парвандаҳои ҷиноятии марбут ба экстремизм ва терроризм таъйини экспертизаҳои зерин муҳим аст:

Экспертизаи лингвистӣ ва муайянкунии муаллиф: мутахассисон маънои луғавӣ, грамматикӣ ва семантикии калимаву ибораҳоро таҳлил карда, мавҷуд будан ё набудани даъватҳои кушод ё пинҳонӣ ба зӯроварӣ ва барангехтани адоватро муайян мекунанд. Инчунин, экспертизаи автороведӣ метавонад муаллифи воқеии матни беномро дар асоси хусусиятҳои услубии навиштор ошкор кунад.

Экспертизаи психолингвистӣ ва иҷтимоӣ-равоншиносӣ: ин навъӣ экспертиза муайян мекунад, ки оё маводи пешниҳодшуда дорои унсурҳои манипулятсияи равонӣ мебошад ва то чӣ андоза он метавонад ба шуури омма таъсир расонида, одамонро ба амалҳои зӯроварона таҳрик диҳад.

Экспертизаи диншиносӣ (теологӣ): Барои шароити Тоҷикистон яке аз экспертизаҳои муҳимтарин ба шумор меравад. Он мазмуни динии маводро таҳлил карда, фарқияти байни тафсири дурусти сарчашмаҳои динӣ ва таҳрифи ифротгароёнаи онҳоро бо мақсади талқини хусумат нишон медиҳад.

Экспертизаи компютерӣ-техникӣ ва фоноскопӣ: барои таҳлили сабтҳои садоӣ, барқарор кардани маълумоти нестшуда аз дастгоҳҳои рақамӣ, муайян кардани IP-адресҳо ва таҳлили фаъолияти рақамии гумонбаршуда истифода мегардад.

Дар хулоса қайд кардан лозим аст, ки таҳлили илмӣ ва амалии методикаи тафтиши парвандаҳои ҷиноятии марбут ба экстремизм ва терроризм дар шароити Ҷумҳурии Тоҷикистон собит месозад, ки мақомоти ҳифзи ҳуқуқ бо як падидаи фаромиллӣ, бисёрсатҳа ва аз нигоҳи технологӣ пешрафта мубориза мебаранд. Сохтори ғайрианъанавии муноқишаи сеҷониба, ки дар он ҷабрдида танҳо воситаи расонидани паёми даҳшатнок ба ҷомеа ё давлат маҳсуб меёбад, тағйири куллии равишҳои тафтишотиро тақозо мекунад.

Барои баланд бардоштани самаранокии тафтишоти чунин парвандаҳо ва таъмини амнияти миллии Тоҷикистон, як қатор тадбирҳои маҷмӯӣ бояд амалӣ карда шаванд:

1. Такмили мунтазами фаъолияти оперативӣ-ҷангӣ ва ташкили гурӯҳҳои муштараки тафтишотӣ дар доираи ҳамкориҳои байналмилалӣ (аз ҷумла, бо Интерпол), то ки имкони ошкор ва нест кардани марказҳои идеологӣ ва молиявии шабакаҳои экстремистӣ дар хориҷа фароҳам оварда шавад.
2. Баланд бардоштани сатҳи касбияти муфаттишон дар истифодаи донишҳои махсус, ташаккули малакаҳои дуруст гузоштани саволҳо ба коршиносони лингвист ва диншинос, ва таҳлили интиқодии хулосаҳои экспертизаҳои комплексӣ.
3. Ворид намудани технологияҳои рақамӣ ва зеҳни сунъӣ ба фаъолияти ҳаррузаи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ.

[1]Аминев, Ф.Г. Особенности использования специальных знаний как составной части методики расследования преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом / Ф.Г. Аминев // Правовое государство: теория и практика. – 2017. - № 3 (49). - С. 130-137.

ТДУ 342.7:343.431

ШАХСИЯТИ ИНСОН ҲАМЧУН АРЗИШИ ДАХЛНОПАЗИР ДАР ИСЛОМ: ЧАРО САВДОИ ОДАМОН ХИЛОФИ АСОСҲОИ ИСЛОМ МЕБОШАД*

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК НЕПРИКОСНОВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ В ИСЛАМЕ: ПОЧЕМУ ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ ПРОТИВОРЕЧИТ ОСНОВАМ ИСЛАМА

АБДУРАШИДЗОДА АЗИЗ АБДУМАНСУР
котиби Шурои олимони Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники милитсия / Секретарь Ученого совета Академии МВД Республики Таджикистан, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции
E-mail: abdurahsidow@mail.ru

Ислом масъалаи ҳуқуқи инсонро ва роҳи ҳалли амалии онро хеле пеш аз он ки ин масъала зеҳни мутафаккирони аврупоиро ба худ ҷалб кунад, ба миён овард. Ҷамъиятҳои мусулмонӣ аз озодиҳои сиесӣ ва динӣ истифода мебурданд, замоне ки дар дигар қисматҳои ҷаҳон зулми сиесӣ ва ноадолатии иҷтимоӣ ҳукмрон буд. Зиндагии комил бе озодӣ ғайриимкон аст ва азбаски набудани озодӣ маънои марги рӯҳониро дорад, ислом ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиесии инсонро эътироф мекунад[1].

Дар ҷаҳоне, ки ин ҷиноят то ҳол маъмул аст, хотиррасон кардан муҳим аст: Ислом шаъну шарафи инсонро аз ибтидо муқаддас эълон кард.

Худованд дар Қуръон мегӯяд, ки «Мо фарзандони Одамро каромат бахшидем ва бар дарёву хушкӣ савор кардем ва аз чизҳои хушу покиза рӯзӣ додаем ва бар бисёре аз махлуқоти худ бартариашон додем» (Қуръон 17: 70)[2].

Ин оят асос ва моҳияти фаҳмиши шаъну шарафи инсон мебошад. Биеед ғояҳои асосии ӯро баён кунем:

1. «Мо фарзандони Одамро каромат бахшидем», ибораи калидии «Каромат» маънои бузургӣ, шаъну шарафро дорад. Ин на дар бораи мақоми шоиста, балки дар бораи раҳмат ва ҳадяи Худовандӣ мебошад: одамон ҳамчун атои Офаридгор эҳтиром пайдо карданд. Зери маънои «Фарзандони Одам» ҳамаи авлоди Одамро дар назар дорад, яъне тамоми инсоният.

2. «Бар дарёву хушкӣ савор кардем» - ба зуҳуроти амалии эҳтиром ишора мекунад: Худованд ба инсон воситаҳои ҳаракат - ҳайвонот, киштиҳо, технологияҳои нақлиетиро додааст. Рамзи озодии ҳаракат ва азхудкунии ҷаҳон мебошад, яъне инсон ба як муҳит вобаста нест, метавонад сафар кунад ва таҳқиқ кунад. Дар заминаи замони Ваҳӣ, ин махсусан муҳим буд: корвонҳо ва роҳҳои баҳрӣ халқҳоро ба ҳам мепайвандонд, ба тиҷорат ва табодули дониш мусоидат мекарданд.

3. «Аз чизҳои хушу покиза рӯзи додаем» - ҳама чизҳои тоза ва барои ҳает фоиданок: ғизо, об, маъданҳои фоиданок, захираҳои табиӣ. Таъкид ба он аст, ки ин ҳама атои

* Мақола дар доираи татбиқи мавзуи илмӣ-таҳқиқотии «Такмили фаъолияти маъмурӣ-ҳуқуқӣ ва ҷиноятӣ-ҳуқуқии мақомоти ҳифзи ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти пешгирии зӯроварӣ дар оила (2023-2028», ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ мешавад, омода шудааст. Рақами бақайдгирии давлатӣ: 0121TJ1291.

[1] Манбаи электронӣ – Реҷаи воридшавӣ: https://ru.quranacademy.org/encyclopedia/article/huquq-insan (санаи мурочиат 22.04.2026).

[2] Ценности исламской цивилизации // [Манбаи электронӣ] – Реҷаи воридшавӣ: https://muslim.kz/ru/article/nravstvennost-v-islamskoyi-tsivilizatsii (санаи мурочиат: 22.04.2026).

Худованд аст, на дастоварди мустақили инсон. Ҳам неъматҳои моддӣ ва ҳам маънавӣ (ақл, сухан, қобилияти дониш)-ро дар бар мегирад.

4. «Бар бисёре аз махлуқоти худ бартариашон додем». Асосҳои бартарӣ: ақл, ирода, сухан, қобилияти эҷодкорӣ, масъулияти ахлоқӣ. Инсон - ноиб (халифа) дар замин (ниг.: Қуръон 2:30), ба ӯ эътимод дода шудааст, ки оламро идора намояд.

Ғояҳои калидӣ, ки муфассирон таъкид мекунанд:

– масъулият барои шарафи ҳадяшуда. Инсон бояд аз имкониятҳои додашуда барои хубӣ истифода барад, на барои хароб кардан;

– сабаби мағрурӣ нашавад. Қуръон онҳоеро, ки бар дигарон ғурур изҳор мекунанд, маҳкум мекунад (масалан, ҳикояи Фиръавн);

– инсон аз ҳайвонот ва наботот болотар аст. Беназирии он дар омезиши ибтидои ҷисмонӣ ва рӯҳонӣ мебошад;

– ёдрас кардани миннатдорӣ, яъне ин оят шукргузориро ба Худованд барои ҳадяҳои додашуда даъват мекунад, аз ҷумла, ғизо, саломатӣ, ақл, технология;

– эҳтиром ба тамоми инсоният бидуни фарқияти нажод, ҷинс, вазъи иҷтимоӣ ва дигар ҳолатҳо дода мешавад.

Ҳамин тариқ, аз ин оят принсипҳои муҳимми ахлоқӣ ва иҷтимоӣ бармеоянд:

1) **Эҳтиром ба шахсияти инсон.** Азбаски ҳар як инсон аз ҷониби Офаридгор эҳтиром карда мешавад, шаъну шарафи ӯ дахлнопазир аст. Таҳқир, ғуломӣ, истисмор манъ мебошад.

2) **Муносибати эҳтиеткорона ба захираҳо.** Неъматҳо барои истифодаи муваққатӣ дода шудаанд онҳоро беҳуда сарф кардан мумкин нест (Қуръон исрофкорӣ маҳкум мекунад).

3) **Рушди иқтидор.** Ақл ва қобилиятҳо бояд такмил дода шаванд: омӯзиш, эҷод кардан, кӯмак ба дигарон.

4) **Этикаи экологӣ.** Бартарӣ маънои роҳ додан ба бераҳмӣ нисбат ба ҳайвонот е хароб кардани табиатро надорад. Дар ислом қоидаҳои қатъии муносибат бо мавҷудоти зинда мавҷуданд.

5) **Адолати иҷтимоӣ.** Шараф ба ҳамаи авлоди Одам дахл дорад, яъне ҷомеа бояд барои ҳар яки онҳо молҳои асосӣ (хӯрок, об, маърифат) таъмин кунад. Пайғамбар Муҳаммад (с) шаъну шарафи инсонро чунин таъкид кард: «Ҳамаи инсон фарзандони Одам ҳастанд Ва Одам аз замин офарида шудааст» (ҳадис дар бораи баробарӣ).

Оят дар бораи ноибият: (Инак Парвардигори ту ба фариштагон гуфт: «Ман дар рӯйи замин ноиб хоҳам гузошт» (ниг.: Қуръон 2: 30).

Даъват ба сипосгузорӣ: («Маро Ёд кунед, ва ман шуморо дар ёд хоҳам кард» ниг.: Қуръон 2:152).

Ҳамин тариқ, ин оят принсипи бунедии ҷаҳонбинии исломиро тасдиқ мекунад: инсон - офаридаи махсуси Худо мебошад, ки бо озодӣ, захираҳо ва бартарӣ барои иҷрои рисолат дар рӯи замин дорад.

Савдои одамон бошад ба се арзишҳои муқаддас зарар мерасонад, ки Паёмбар Муҳаммад (с) ба онҳо хотиррасон кардааст: **«Хун, молу мулк ва шарафи ҳар як мусалмон барои мусалмони дигар муқаддас (дахлнопазир) мебошад» (**Саҳеҳи Бухорӣ ва Муслим)[1].

Гарчанде, ки ҳадис дар бораи мусулмонон сухан меронад, принсипи умумӣ дошта, ба ҳамаи одамон дахл дорад. Савдои одамон якбора ба якчанд ҳуқуқҳо зарар мерасонад:

[1] Такрими Худованд барои инсоният // [Манбаи электронӣ] - Реҷаи воридшавӣ: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1777637856&tld=ru&lang=tg&name=tg_Honor_Allah_to_the_children_of_Adam.pdf (санаи мурочиат 22.04.2026).

a. ҳуқуқ ба озодӣ - ислом амалияи ба ғуломӣ гирифтани одамони озодро бекор кард.

b. ҳуқуқ ба амният (бехатарӣ) - истисмор шахсро ба зӯроварии ҷисмонӣ ва равонӣ дучор мекунад.

c. обрӯ ва шаъну шараф - табдил додани инсон ба мол шарафи илоҳии ӯ поймон карда мешавад.

Анъанаи исломӣ ғуломдориро пайваста маҳдуд мекард ва озодиро ташвиқ мекард:

– Озод кардани ғуломон яке аз бузургтарин амалҳои нек ҳисобида мешуд.

– Қуръон озод кардани ғуломонро ҳамчун кафорат барои баъзе гуноҳҳо муқаррар мекунад (Мисол, сураи 5 ояти 89).

– Паёмбар Муҳаммад (с) шахсан ғуломонро озод карда, муносибати башардӯстонаро нисбат ба онҳо даъват мекард.

Донистан муҳим аст, ки ислом ғуломдориро ҳамчун далели таърихии замони худ эътироф кард, аммо механизмҳои тадриҷан барҳам додани онро ба вуҷуд овард. Савдои муосири одамон дар ислом баҳонае надорад, зеро:

– Ба одамони озод таъсир мерасонад, на ба асирони ҷанг.

– Ба фиреб ва маҷбуркунӣ асос ефтааст.

– Одамонро ҳамчун «мол» истифода мебарад, ки хилофи принсипи шаъну шарафи инсон аст.

Дар эъломияи Исломии ҳуқуқи инсон (1990) муқаррар шудааст: «Инсон озод таваллуд мешавад; ҳеҷ кас ҳақ надорад, ки ӯро ғулом кунад, таҳқир кунад, тобеъ кунад е истисмор кунад» (моддаи 11)[1]. Бузургтарин созмонҳои исломӣ ва олимони ҷаҳон якдилона савдои одамонро маҳкум мекунанд: шакли зулм; вайрон кардани ҳуқуқи инсон; мухолифат ба принсипҳои адолат ва раҳмат.

Агар шахсияти инсон муқаддас бошад, ҷомеаи мо вазифадор аст, ки амал кунад. Мо чӣ кор карда метавонем:

a) Маърифат: дар бораи ин масъала нақл кардан; ба ҷавонон фаҳмондан, ки чӣ гуна қурбонии фиреб нашаванд.

b) Дастгирии қурбониён: кӯмак ба марказҳои барқарорсозӣ; истифодаи воситаҳои закот барои кӯмак ба зарардидагон.

c) Ҳамкорӣ: кор бо мақомоти давлатӣ ва ташкилотҳои ғайридавлатӣ дар доираи маслах (манфиати ҷамъиятӣ); дастгирии қонунҳое, ки гурӯҳҳои осебпазирро ҳимоя мекунанд.

d) Намунаи шахсӣ: даст кашидан аз мол ва хидмати марбут ба истисмор; тарбияи фарзандон дар рӯҳияи эҳтиром ба шаъну шарафи ҳар як шахс.

Савдои одамон натанҳо ҷиноят ба муқобили қонунҳои давлат мебошад, балки ҷиноят бар зидди принсипҳоест, ки Худованд дар асоси олам гузоштааст, баромад мекунад. Вақте ки мо шаъну шарафи инсонро ҳимоя мекунем, мо вазифаи динии худро ичро мекунем. Биёед суханони Паёмбарро ба ёд орем: «Касе, ки ба бародараш дар мусибат кӯмак мекунад, Худо дар рӯзе, ки ҳама ба кӯмаки Худо ниез доранд, ба ӯ кӯмак мекунад». Дини Ислом моро даъват мекунад, ки муҳофизони заифон ва муборизони адолат бошем.

[1] Универсальная исламская декларация прав человека: Каир, 14 мухаррама 1411 года хиджры, 5 августа 1990 года Документ A/45/421 Генеральной Ассамблеи ООН // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://ru.quranacademy.org/encyclopedia/article/huquq-insan (дата обращения: 22.04.2026).

ТДУ 343.12

ГУЗАРОНИДАНИ САНҶИШИ НИШОНДОД ДАР ҶОЙИ ҲОДИСА ОИД БА ҶИНОЯТИ КУШТОР

ПРОВЕДЕНИЕ ПРОВЕРКИ ПОКАЗАНИЙ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЮ УБИЙСТВА

АЗИМЗОДА ШУҲРАТ ҶӮРАМУРОД
Сардори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва мурофиавии факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, майори милитсия / Начальник кафедры уголовного права и процесса факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции
E-mail: sazimzoda@mail.ru

Ҷиноятқорӣ дар замони муосир доимо дар ҳоли зиёдшавӣ буда, дар шаклҳои ҳар чӣ бештар муташаккилии он зоҳир меёбад ва имкон намедиҳад, ки вазъияти криминогении мураккаби тайи солҳои охир бавуҷудомада, беҳтар карда шавад. Сатҳи ҷиноятқорӣ, тағйирёбии тавсифи сифатии он, фаъолшавӣ ва такмилёбии усулҳои муқовимат ба ҷараёни ошкор ва тафтиши ҷиноятҳо, ҳанӯз ҳам дар мамлакат ба чорабиниҳои таъсиррасонии иҷтимоӣ ва ҳуқуқии амалишаванда нисбати он аз тарафи давлат дар маҷмуъ ва мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, фаъолона муқобилият карда истодааст.

Яке аз сабабҳои асосӣ ва умумии вазъи кунунии муборизаи бо ҷиноятқорӣ на танҳо сатҳи касбияти тафтишот, ҳамоҳангсозии дурусти фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ оид ба муборизаи бо ҷиноятқорӣ ва сифати ҳамкории мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, ки фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯиро амали мекунанд, балки сатҳи нокифояи таъмини тавсияҳои илмӣ ва тактикӣ барои ҳалли самараноки вазифаҳои гуногуни муосири тафтишотӣ мебошад.

Чунончи маълум аст, ки вазифаҳои асосӣ ва афзалиятноки мақомоти тафтишот муайян кардани гуноҳи айбдоршаванда дар ҷиноят, муайян кардани далелҳо, санҷиши дурустии пурраи нишондодҳо мебошанд. Тафтишот бояд муайян кунад, ки нишондоди айбдоршаванда ва ё гумонбар то чӣ андоза дуруст аст. Барои ин пурсиш гузаронида мешавад, мувофиқати нишондодҳо таҳлил карда мешавад, ҳатман онҳо бо далелҳо муқоиса карда мешаванд ва мувофиқати онҳо ба ҳолатҳои парванда санҷида мешавад. Муайян кардан муҳим аст, ки оё ихтилофот ё нишондоди бардурӯғ вуҷуд дорад. Вазифаи муҳимми тафтиши ҷиноятҳо ҷамъоварӣ ва санҷиши далелҳо дар доираи пешбурди амалҳои тафтишии пешбининамудаи қонунгузории мурофиавии ҷиноятӣ мебошад.

Тарз ва усули навтарини ҷамъоварӣ ва санҷиши далелҳо, ки дар солҳои панҷоҳуми асри XX пайдо шудааст, ҳамчун санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса номгузорӣ шудааст, ки то ҳол дар меъёрҳои қонунгузории мурофиавии ҷиноятӣ ва илми криминалистӣ мушаххас ва пурра танзим карда нашудааст, ки бояд ин мавзӯъ мавриди такмил қарор дода шавад. Бо вуҷуди ин, тарзи зикршудаи ҷамъоварӣ ва санҷиши далелҳо дар таҷрибаи тафтишӣ васеъ паҳн шудааст ва ҳангоми тафтиш намудани ҷиноятҳои куштор, таҷовуз ба номус, дуздӣ, роҳзанӣ ва дигар ҷиноятҳо ба таври самаранок истифода бурда мешавад.

Бояд гуфт, ки дар Паёми Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 22-юми декабри соли 2016 зикр карда шуда буд, ки «Бо

мақсади амалишавии ин арзиши конститутсионӣ дар даврони истиқлолияти давлатӣ тамоми заминаҳои ҳуқуқии кишвар такмил дода шуда, дар ин самт санадҳои меъёрии ҳуқуқии зиёд қабул гардидаанд»[1]. Дар баробари таҳияву қабули қонунҳо, риоя ва иҷрои қатъии онҳо низ муҳим мебошад, зеро риоя нагардидани талаботи қонун боиси поймолшавии ҳуқуқи инсон, манфиатҳои давлату ҷомеа, ташкилоту муассисаҳо, қонунияту адолат, афзоиши ҷиноятқорӣ ва бенизомӣ мегардад.

Аммо бояд қайд кард, ки дар вазъияти кунунӣ амалияи тафтишот тибқи рӯйхати тавсияҳо оид ба тактика, ки ба талаботи замони муосир оид ба гузаронидани санҷиш аз рӯйи нишондодҳои гумонбарон, инчунин шахсони дигар, аз ҷумла дар шароити мубориза бо ҷиноятҳои куштор ва такмили методологияи тафтишот оид ба ин ҷиноятҳо ҷавобгӯ мебошанд, дуруст таъмин карда нашудааст, ки бояд ин дар мавриди такмил қарор гирад то,ки барои манфиати кор самарабахш бошад.

Ёдовар бояд шуд, ки санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса дар амалияи тафтишӣ ҳамчун мафҳуми ҳуқуқӣ дар солҳои 40-50-уми асри гузашта ба вуҷуд омада, он дар ошкорсозӣ ва тафтиши ҷиноятҳо мавқеи муҳимро касб менамояд. Дар ҳамон солҳо аллакай оид ба мафҳум ва хусусиятҳои ҳуқуқии санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса олимон асару мақолаҳои зиёде таълиф намуда буданд, ки моҳияти ҳуқуқии он ба таври возеҳ бозгӯӣ шуда, оид ба татбиқи амалии санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса ва бақайдгирии он тавсияҳои мафассал ва судманд пешниҳод гардидааст[2].

Вақте ки санҷиш ва муайян кардани нишондод дар ҷойи ҳодиса танҳо дар амалияи тафтиши ҷиноят амалӣ гардид, яъне таърих ба мо гувоҳ аст, ки ин раванд боиси эътирози шадиде миёни баъзе олимон шуд. Ин ҷараёнро олимон Строгович М.ва Александров Г. қатъиян манъ карданд: «Амали тафтиширо бо номи «баромадан» ё «рафтан» ба ҷойи ҳодиса бо мақсади ягона, яъне «асоснокнамоӣ»-и нишондодҳои айбдоршавандаи ба гуноҳаш иқроршуда, ки ин далелҳо қаблан ба муфаттиш маълум мебошад, беш аз вайрон кардани қонун дигар ҳеҷ чиз наметавон ҳисобид ва он бояд аз амалияи тафтишӣ соқит карда шавад»[3].

Баъдан олими рус Белкин Р.С., ки баъдтар нуктаи назари худро дигар карда буд, соли 1958 қайд карда буд, ки «Мо чунин мешуморем, ки роҳандозии амали мустақили тафтишӣ рафтан «ба ҷойи ҳодиса» шарт нест. Кирдоре, ки муфаттиш дар ин мавриди анҷом додааст, ба мафҳуми чунин амалҳои тафтишӣ, ки дар амалия мавҷуд аст, ба мисли эксперементи тафтишӣ, комилан мувофиқ мебошад»[4].

Таваҷҷуҳи назариявии мушкилоти мақолаи тафсифшаванда дар он аст, ки хулосаҳо ва пешниҳодҳои дар кор овардашударо дар таҳқиқоти минбаъдаи илмии мушкилот вобаста ба тактикаи амалӣ намудани санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса вобаста ба ҷинояти куштор метавон истифода бурд.

---

[1] Паёми Асосгузори сулҳу вахдати миллӣ-Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 22-юми декабри с. 2016 // [Захираи электронӣ]. - Манбаи дастрасӣ: http://president.tj/ (санаи мурочиат: 21.04.2026).

[2] Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV-XV вв. / Под ред. Л.В. Черепнина. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1955. – С. 235-236; Быховский, И.Е. Происхождение и развитие института следственных действий / И.Е. Быховский // Вопросы совершенствования предварительного следствия. – Л., 1980. – Вып. 6. – С. 39

[3] Александров, Г.Н., Строгович, М.С. Неправильная практика / Г.Н. Александров, М.С. Строгович // Социалистическая законность. – Известия. – 1960. – №3. – С. 25.

[4] Белкин, Р.С. Избранные труды. – М., 2009. – С. 58.

Санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса ҳамчун амали тафтишии мустақил дорои иқтидори даркнамоии ба худ хос мебошад. Дар баъзе лаҳзаҳо, аз ҷумла, дар парвандаҳои ҷиноятии одамкушӣ, ҳангоми истифодаи санҷиши нишондодҳо дар ҷои ҳодиса бо мақсади тафтиши ҳамаҷониба, махсусан дар мавриди ошкор кардани паноҳгоҳҳо ё олотҳои одамкушӣ ва ғайра, бояд азназаргузаронӣ ва таҳқиқи ҷои ҳодиса гузаронида шавад.

Боз ҳам гуфта мешавад, ки бо мақсади аз байн бурдани мухолифатҳо байни нишондоди айбдоршаванда, гумонбаршуда ё шоҳид пешниҳод карда мешавад, ки санҷиши нишондод дар ҷойи ҳодиса дар раванди тафтиши ҷинояти куштор дар ҳолатҳои истисноӣ дар як вақт байни иштирокчиёни болозикр гузаронида шавад. Бо ин мақсад пешниҳод карда мешавад, ки дар моддаҳои дахлдори боби 23-и Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки ба гузаронидани санҷиши нишондод дар ҷои ҳодиса тааллуқ дорад тағйирот ворид карда шавад.

ТДУ 343.3/.7:004

ТАҲЛИЛИ ҲУҚУҚӢ-ҶИНОЯТИИ ҶИНОЯТҲОИ КИБЕРӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

УГОЛОВНО-ПРАВОВЙ АНАЛИЗ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

АЗИМЗОДА ШУҲРАТ ҶӮРАМУРОД
Сардори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва мурофиавии факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, майори милитсия / Начальник кафедры уголовного права и процесса факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, майор милиции
E-mail: sazimzoda@mail.ru

Солҳои охир шумораи истифодабарандагони интернет дар ҷаҳон афзуда алоқаи моҳворавӣ имкон додааст, ки дар дилхоҳ канори олам аз хизматрасонии интернет истифода карда шавад. Ин чиз боис гардидааст ки аҳолии зиёда аз 150 давлати дунё аз интернет истифода мебаранд, аз ҷумла, Ҷумҳурии Тоҷикистонт низ истифода мебарад.

Паҳнгардии технологияи муосири иттилоотӣ сабаби пайдоиши навъи нави ҷиноят ба монанди ҷиноятӣ компютерӣ ва терроризми компютерӣ гардидааст[1].

Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон зикр менамоянд, ки «Созмонҳои террористӣ бо истифода аз технологияҳои муосири иттилоотӣ ва бо роҳи тафсири ғаразноки сарчашмаҳои динӣ дар мафкураи ҷавонони камтаҷрибаву ноогоҳ ғояҳои тундгароиро ҷой карда, онҳоро ба қатлу куштор барҳам задани амният ва суботу ороми дар мамлакатҳои гуногун ташвиқ менамоянд.

Чунон чи киберҷиноятҳо пеш аз ҳама ба низоми компютерӣ равона мешаванд. Таърифҳои гуногуни низоми компютерӣ мавҷуданд. Масалан, дар моддаи 1 (а) -и Конвенсияи Шурои Аврупо оид ба киберҷиноятқорӣ соли 2001 “низоми компютерӣ” ҳамчун “ҳама гуна дастгоҳ ё гурӯҳи дастгоҳҳои ба ҳам алоқаманд ё омехта, ки як ё якчанди он мутобиқи барнома амал карда, коркарди маълумотро ба таври автоматӣ амалӣ менамояд”, фаҳмида шудааст. Дар баробари ин дар моддаи 1-и Конвенсияи Иттиҳоди Африқо оид ба киберамният ва ҳифзи маълумоти шахсӣ дар соли 2014

[1] Агентии Миллии иттилоотии Ҷумҳуриии Тоҷикистон «khovar/ tj/ (санаи мурочиат: 14.05.2026)

системаи компютериро ҳамчун «дастгоҳи электронӣ, магнитӣ, оптикӣ, электрохимиявӣ ё дигар дастгоҳи баландсуръати коркарди маълумот ё гурӯҳи дастгоҳҳои ба ҳам алоқаманд ва ё ҳамроҳкунандаи вазифаҳои мантиқӣ, арифметикӣ ё нигоҳдорӣ, аз ҷумла воситаҳои нигаҳдории маълумот ё воситаҳои алоқаи бевосита бо ин дастгоҳ ё ин гуна дастгоҳҳо алоқаманд, маънидод намудааст[1].

Ҷиноятҳо дар соҳаи иттиоолоти компютерӣ ва ҷиноятҳо бо истифода аз компютер ва дигар дастгоҳҳо содиршаванда дар қонунгузории ҷиноятӣ як намуди ҷинояти нав ба ҳисоб мераванд ва ин намуди ҷиноятҳоро аслан киберҷиноятҳо ном мебаранд. Лекин ногуфта намонад,ки таърифи умумиэътирофшудаи киберҷиноятҳо вуҷуд надорад. Аммо таърифи зерин унсурҳои барои ҳама таърифҳои мавҷудаи киберҷиноятҳо дохилшударо дар бар мегирад. Киберҷиноят як амали қонунвайронкуние мебошад, ки тавассути технологияҳои иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ (ТИК) содир мешавад ва ё шабакаҳо, низомҳо, маълумотҳо, вебсайтҳо ва / ё технологияро таҳти ҳадафи ҷиноятқорона қарор медиҳад киберҷиноят аз ҷинояти анъанавӣ бо он фарқ мекунад, ки «ҳудуди ҷисмонӣ ё ҷуғрофиро эътироф намекунад» ва метавонад нисбат ба ҷинояти маъмулӣ бо кӯшиши камтар, осонтар ва зудтар содир карда шавад[2].

Ҷинояткорӣ дар соҳаи технологияҳои олӣ(киберҷинояткорӣ) таҳдиди ҷиддӣ барои амнияти ҷамъиятӣ буда, он хусусияти ҷинояткории трансмиллиро кашф намудааст.

Ҷиноятҳо дар соҳаи иттилооти компютерӣ дар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон як намуди нави ҷиноятҳои мушаххас ба ҳисоб мераванд, ки дар натиҷаи пурра таъмин ва истифодаи таҷҳизоти техникӣ, ҳисоб ва истифодаи технологияи пешқадами муосир ба яке аз ҷиноятҳои аввалиндараҷа табдил гардида истодаанд.

Асосҳои таъмини ҳифзи иттилоот ба танзими муносибатҳои ҳуқуқии дар ин соҳа ба вуҷуд меомада аз тарафи як қатор санадҳои меъёрӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба таври муфассал танзим карда шудаанд.

Ҷиноятҳо ба муқобили амнияти иттилоотӣ дар фасли 12, боби 28, моддаҳои 298-304 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) пешбинӣ карда шудаанд. Объекти бевоситаи ҷиноятҳо - муносибатҳои ҷамъиятӣ дар соҳаи қоидаҳои истифодабарии МЭҲ, системаи МЭҲ ва ё шабакаҳои он мебошад, ки маҳфуз доштани иттилоот инчунин имконияти истифодабарии давомноки онҳоро ба манфиати соҳибмулк ва истифодабарандагон таъмин мекунад.[3] Қариб дар ҳамаи ҳолатҳо ба сифати нишонаи ҳатмӣ предмети ҷиноят баромад мекунад.

Тарафи объективии ҷиноят - кирдор дар шакли ҳаракат ва ҳам беҳаракатӣ (м. 304 КҶ ҶТ ҳам ҳаракат ва ҳам беҳаракатӣ). Таркиби ҷиноятҳо - расмӣ, материалӣ мебошад. Тарафи субъективии ҷиноят – гуноҳ дар шакли қасди бевосита, ба истиснои ҷинояте, ки дар м. 304 КҶ ҶТ пешбинӣ карда шудааст, яъне гуноҳ дар шакли беэҳтиётӣ. Субъекти ҷиноят умумӣ ва ҳам махсус буда, аз синни 16 солагӣ ҷавобгарии ҷиноятӣ ба миён меояд.

Инчунин, боиси қайд аст, ки дар асоси Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба терроризм», ки 23-юми декабри соли 2021 қабул гардидааст, ба ҷиноятҳои дорои хусусияти террористӣ – ҷиноятҳое, ки дар м.м. 179, 179(1), 179(2), 179(3), 181, 182, 184, 184(1), 184(2), 184(3), 184(4), 185, 193, 194, 194(1), 194(2), 194(3), 194(4), 194(5), 310 ва 402 КҶ ҶТ пешбинӣ шудаанд, дохил мешаванд ва дар таркибҳои алоҳидаи баъзе аз онҳо ҷавобгарии ҷиноятӣ барои кибертерроризм дида мешавад

[1] Ҳифзи иттилооти компютерӣ бо барномаи чорабиниҳои зиддивирусӣ // [Манбаи электронӣ[. – Реҷаи воридшавӣ:]https://allinweb.ru/informatika/26076/

[2] Чекунов, И.Г. Киберпреступность: понятие и классификация / И.Г. Чекунов // Российский следователь. - 2014. - № 2. - С. 37 - 44.

[3] Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / зери таҳрири Ҳ.Ҳ. Шарипов. - Душанбе: Глобус, 2005. - С. 398.

(масалан, б. “г” қ. 2 м. 179(1) КҶ ҶТ (Ҷалб кардан барои содир намудани ҷиноятҳои хусусияти террористӣ дошта ё мусоидати дигар барои содир намудани онҳо бо истифода аз воситаҳои ахбори омма ё шабакаи интернет) содир шуда бошад; қ. 2 м. 179(3) КҶ ҶТ (Даъвати оммавӣ барои содир намудани ҷиноятҳои хусусияти террористидошта ва (ё) сафедкунии оммавии фаъолияти террористӣ, ки бо истифода аз воситаҳои ахбори омма ё шабакаи интернет содир карда шудаанд)[1] ва ғайра).

Кибертерроризм аксар вақт ҳамчун зуҳуроти ҷиноятҳои киберҷиноятӣ, киберҷанг ё терроризми “мунтазам” номида гирифтааст.

Маркази тадқиқоти стратегӣ ва байналмилалӣ мафҳуми кибертерроризмро ҳамчун «истифодаи воситаҳои шабакаи компютерӣ барои халалдор кардани фаъолияти инфрасохтори муҳими миллӣ (бахусус, энергетика, нақлиёт, ҳукумат) ё мачбур кардан ё тарсонидани ҳукумат ё аҳолии осоишта» таъриф мекунад. Ҷим Ҳарпер, директори сиёсати иттилоотии Институти Като, қайд мекунад, ки хатари киберҷиноятҳо аз ҳад зиёд аст: ҳамлаҳои компютерӣ, ки метавонанд боиси тарс дар одамон, расонидани зарари ҷисмонӣ ва ҳатто бештар аз он марг шаванд, бо назардошти вазъи кунунии технологияи ҳамла ва амнияти иттилоотӣ[2].

Ҷиноятҳо дар соҳаи технологияҳои иттилоотӣ паҳн кардани барномаҳои зараровар, дуздии рақами кортҳои бонкӣ ва дигар реквизитҳои бонкӣ, паҳн кардани иттилооти ғайриқонунӣ (туҳмат, маводи порнографӣ, маводи барангехтани адовати байни миллатҳо ва динҳо ва ғ.) мебошанд.

Илова бар ин, яке аз ҷиноятҳои хатарнок ва маъмултарин бо истифода аз Интернет қаллобӣ мебошад.

Кибертерроризм танҳо амали шахсони алоҳида, гурӯҳҳои мустақил ё созмонҳоро метавон эътироф кард. Ҳама гуна ҳамлаҳои киберӣ, ки аз љониби ҳукумат ва дигар ташкилотҳои љамъиятӣ анљом дода мешаванд, зуҳури љанги киберӣ мебошад.

Кирдори кибертеррористӣ (ҳамлаи кибертеррористӣ) амали дорои ангезаҳои сиёсӣ мебошад, ки бо истифода аз воситаҳои компютерӣ ва алоқа анҷом дода мешавад, ки истифодаи онҳо бевосита ба ҳаёт ва саломатии одамон хатар эҷод мекунад ё метавонад ба вуҷуд орад, ба объектҳои моддӣ зарари калон расонида бошад ё метавонад расонад.

Дар киберфазо усулҳои гуногунро барои анҷом додани ҳамлаи кибертеррористӣ истифода бурдан мумкин аст:

– ба даст овардани дастрасии беиҷозат ба сирри давлатӣ ва ҳарбӣ, маълумоти бонкӣ ва шахсӣ;

– расонидани зарар ба унсурҳои алоҳидаи физикии фазои иттилоотӣ, масалан, вайрон кардани шабакаҳои барқӣ, эҷоди халалҳо, истифодаи барномаҳои махсус барои нест кардани таҷҳизот;

– дуздидан ё нобуд кардани иттилоот, барномаҳо ва захираҳои техникӣ тавассути бартараф кардани системаҳои амниятӣ, ворид кардани вирусҳо;

– таъсир ба иттилоот;

– ифшо ва таҳдиди нашри маълумоти махфӣ;

– мусодираи шабакаҳои васоити ахбори омма бо мақсади паҳн кардани маълумоти бардурӯғ, овозаҳо, нишон додани қудрати ташкилоти террористӣ ва эълони талабҳои онҳо;

– несту нобуд кардан ё фаъолона пахш кардани хатҳои алоқа, адреси нодуруст, изофабори узвҳои алоқа;

– гузаронидани амалиёти иттилоотию равонӣ ва ғ.

[1] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, №574 (бо тағйиру иловаҳо то санаи 14.05.2025) .

[2] Thomas, J Holt, Adam M Bossler, Kathryn C. Seigfried-Spellar. Legal challanges in dealing with malware // Cybercrime and Digital Forensics: An Introduction. - New York: Routledge, 2015.

Ҷомеаи муосирро хатарҳои мухталиф, ба монади савдои одамон, ғасби гаравгон, одамрабоӣ, ғайриқонунӣ маҳрум кардан аз озодӣ муомилоти ғайриқонунии силоҳ, муомилоти ғайриқонунии воситаҳои нашъадор ё моддаҳои психотропӣ ё ҳаммонандии (аналогҳои) онҳо, аз он ҷумла, падидаҳои бо терроризм ва экстремизм алоқамандидошта, ки ба хатари глобалӣ табдил ёфтаанд, ба ташвиш овардаанд.

Аз ҷумлаи онҳо кибертерроризм, яъне, терроризми компютерӣ чун падидаи негативӣ рӯ ба афзоиш дорад.

Терроризми компютерӣ (кибертерроризм) истифодаи технологияҳои компютерӣ ва телекоммуникатсионӣ (пеш аз ҳама Интернет) бо мақсадҳои террористӣ мебошад.

Мубориза бо терроризми кибериро мақомот ва созмонҳои байналмилалӣ: СММ, Шурои Аврупо, Созмони байналмилалии коршиносон, ОЭСР, Интерпол анҷом медиҳанд. Ҳамаи ин созмонҳо дар якҷоягӣ бо шарикии гуногунҷанбаи ғайрирасмӣ дар ҳамоҳангсозии кӯшишҳои байналмилалӣ, бунёди ҳамкориҳои байналмилалӣ дар мубориза бар зидди ҷиноятҳо дар соҳаи технологияҳои олӣ нақши муҳим мебозанд.

Дар охир вобаста ба ин мавзӯи тавсифшаванда ба таври хулоса баён менамоям: гарчанде, ки масъалаи истифодаи воситаҳои ахбори омма, махсусан шабакаи интернет дониш ва маърифати баланди инсонро талаб намояд ҳам, пешниҳод менамоем, ки барои баланд бардоштани истифодаи сатҳи дахлдори ин воситаҳо ҳар узви ҷомеа, алалхусус мақомотҳои давлатӣ фаъолияти худро дар ин самт пурзӯр намоянд. То ин ки шумораи ин намуди ҷиноятҳоро кам гардад.

Инчунин, барои содир намудани киберҷиноятҳо дар қонунгузории ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар санксияҳои меъёрҳои дахлдори ин намуди кордорҳо муҷозот сахттар таъин карда шаванд.

УДК 372.881.1

ON THE ISSUE OF THE PURPOSE AND RESULTS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE TO THE POSTGRADUATE STUDENTS OF THE EDUCATIONAL INSTITUTION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

К ВОПРОСУ О ЦЕЛИ И РЕЗУЛЬТАТАХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В АДЪЮНКТУРЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МВД РОССИИ

ҶИҲАТИ МАСЪАЛА ОИД БА МАҚСАД ВА НАТИҶАҲОИ ОМӮХТАНИ ЗАБОНИ ХОРИҶӢ ДАР АДЪЮНКТУРАИ МУАССИСАИ ТАЪЛИМИИ ВКД РОССИЯ

AKENINA ANNA VICTOROVNA
Associate Professor of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Candidate of Pedagogical Sciences / Доцент кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат педагогических наук / Дотсенти кафедраи забонҳои хориҷии Донишкадаи ҳуқуқшиносии Шарқи Дури ВКД Россия ба номи И.Ф. Шилов, номзади илмҳои педагогӣ
E-mail: akenina-anna@mail.ru

В статье рассматривается вопрос содержания обучения в адъюнктуре, цель, задачи и предполагаемые результаты обучения. По мнению автора, особенность курса обучения иностранному языку адъюнктов заключается в совокупности психолого-педагогических и методических характеристик. Адъюнкты мотивированы, но это качество взрослых обучающихся работает не всегда, поэтому преподаватель, как личность, может и должен влиять

на процесс обучения, прежде всего, как профессионал со всем набором компетенций и педагогического мастерства.

Дар мақола масоили мазмуни таҳсилот дар адъюнктура, мақсад, вазифаҳо ва натиҷаҳои интизории таълими он баррасӣ шудааст. Ба ақидаи муаллиф, хислати фарқкунандаи курси таълимии забони хориҷӣ барои адъюнктон дар омезиши хусусиятҳои психологӣ-педагогӣ ва методии он мебошанд. Адъюнктон сабабнок шудаанд, аммо ин хислат на ҳамеша дар донишҷӯёни калонсол мавҷуд мебошанд. Аз ин рӯ, омӯзгор, ҳамчун шахс, метавонад ва бояд ба раванди таълим ва пеш аз ҳама, ҳамчун мутахассиси дорои доираи пурраи салоҳият ва маҳорати педагогӣ, ба онҳо таъсир расонад.

Our research and practical experience allow us to consider the features of teaching a foreign language at the postgraduate course from the point of view of a set of psychological, pedagogical and methodological characteristics. Methodological features are understood as didactic tools suitable for this group of students and methods of pedagogical influence. Moreover, the issues of adult education in language education related to andragogy are considered not very often.

Understanding the psychological and pedagogical characteristics (social, personal, motivational, cognitive and communicative manifestations) of the postgraduate students is possible on the basis of ideas about adult learners, as a rule, correspondence students. These are mature students not only in the psycho-physiological, but also in the social sense of the word, as they work, and have certain professional success and professional self-actualization.

It is believed that it is easier to teach adult learners because they are more motivated, interested and have the psycho-physiological capabilities to perceive any reasonable amount of material. Adult part-time postgraduates are really interested in learning outcomes; they enter the postgraduate school consciously and understand the full responsibility of their decision. However, this does not mean that a teacher should expect that these qualities will always work on their own, so taking into account the age characteristics of adults is necessary.

Awareness and responsibility as key qualities of adult learners serve as a starting point for their other psychological and pedagogical characteristics. The adult audience is the most critical both in relation to the presented material, that is, to the content of the training, and to the methods, techniques, and style of the teacher's work. It should be taken into account that part-time postgraduates combine their studies not only with their main work, but also with work on research, which can be considered a separate type of activity; they are more rational about temporary categories.

Separately we need to talk about the relationship of this group of students with a teacher who cannot be an absolute authority only due to his or her age. In this case, the personal authority of the teacher is inextricably linked with his or her professional competence – communication with the teacher should be a challenge for the already formed specialist and personality.

From the point of view of methods of teaching, the process of teaching a foreign language to the post-graduate students should be qualitatively different from foreign language training at previous levels of higher education and should be filled with the tasks that best correspond to the daily tasks that a scientist faces in the process of information processing while preparing his scientific research and publications.

The discipline “Foreign language” implies active communication, which is extremely important. Interpersonal communicative interaction is realized in communication which is an axiomatic condition for success in language teaching in the modern understanding of the essence of this process, when language learning is fully equated with learning to communicate in it. It should also be borne in mind that we are talking about working with people who have already had more than a decade of compulsory foreign language learning, while this experience is completely different and often even polar.

From the standpoint of the competence-based approach in education, information competence is distinguished as a component of professional competence. Today, information competence of a specialist is considered as an integrative quality of the individual, a systemic formation of knowledge, skills and abilities of the subject in the field of information and information and communication technologies and experience in their use, as well as the ability to improve their knowledge, skills and make new decisions in changing conditions or unforeseen situations using new technological means.

Postgraduate students must competently use Internet resources, participating in teleconferences, webinars, and search for scientific information - all this contributes to the emergence of a natural need to improve their knowledge of a foreign language.

As a rule, in the group of postgraduate-students, both full-time and part-time, there are students who speak the language well enough (for a non-linguistic specialist), so there is a risk of a formal attitude to classes; other students do not speak the language even within the school curriculum, which is often the reason for language rejection, precisely because of negative experiences. These are the methodological features of the foreign language training of the postgraduates, since the lack of new knowledge, impressions and challenges of a cognitive and communicative nature will lead to a formal attitude towards classes.

It should be remembered that the methodological features of the foreign language training of the post-graduate students are that it should simultaneously be aimed at teaching a scientific language and teaching a professional foreign language in order to ensure the continuity of foreign language training after mastering a professional foreign language course at the institute.

From the very beginning of the foreign language course, we focus the attention of the postgraduates on the fact that full-fledged scientific communication in modern conditions is impossible without social or general professional communication, which a scientist, researcher or specialist has to perform in social interaction situations directly related to the professional activity.

Thus, it can be concluded that the formation of the content of teaching a foreign language to the postgraduates as future scientists and high-class professionals is based on the integration of the scientific, professional and socio-communicative components themselves, which are interrelated. First of all, we are talking about an intercultural paradigm, which is based on foreign language competencies. In fact, we are talking about a foreign-language version of all components of communicative competence, as well as information competence.

We consider that the foreign language training of the postgraduate students, as already noted above, cannot be reduced to teaching written translation, traditionally practiced at this level of education, since the process and ways of using the language by the researcher differ significantly from those of the translator. The specific first principle of a private didactic nature, in our opinion, is the modeling of scientific research work, taking into account its actual methodology and the specifics of information processing in its process. This ensures the formation of foreign-language variants of research competencies, which are special for the level of the postgraduates.

The second principle is based on the understanding of the fusion of narrow professional communication and social communication due to the fact that in today's communication-oriented world professional interaction takes place in a social environment and implies a fairly large number of general professional and near–professional situations in which a specialist must operate in a language other than professional - that is, master social and communicative etiquette and even elements of spoken language.

The idea that professionally oriented language teaching cannot be equated with a limited volume of lexical units and texts corresponds to the general interpretation of the content of teaching in linguo-didactics, where traditionally a speech or communicative component is also highlighted. Considering that speech, unlike language as a system, is always situationally determined should be concluded that the content of teaching a professional language, along with professional vocabulary, should include communicative situations in which the corresponding linguistic phenomena occur.

Thus, in the communicative foreign language interaction of a modern researcher, several styles of language interact and sometimes merge at once: scientific, casual business style and colloquial. From the point of view of the formation of the teaching content, at the junction of the first two of these, one can also distinguish a professional language (highly professional terminology), although this style is not distinguished separately in linguistics.

At the same time, the main "language tool" of the scientist is the scientific style. Given the rather high demands placed today on research that is published internationally, it is this style that needs to be most clearly differentiated from the rest.

In this regard, the third principle of the formation of the content of teaching a foreign language to the postgraduates can be called the principle of linguistic stylistic interaction and differentiation. The specific methodological possibilities for the implementation of these principles in the educational process are as follows.

At the methodological level, age-specific consideration is manifested in increased attention to the relevance and quality of materials, not only from a didactic, but also from a professional point of view. We are talking about a personal interest associated with practical benefits derived from foreign sources of information for professional activity. Ideally, the proposed materials should contain at least a small source of information for the dissertation, in parallel, this solves the problem of references to foreign language sources in the scientific thesis, which affects the efficiency of the time spent on language classes and affects the motivation of the postgraduate student.

All this can be ensured only with the help of authentic materials or manuals created on their basis, including by the teacher himself. The ideal option here is, of course, scientific articles, especially since many reputable journals publish their authors' works in the public domain today, but high-quality journalistic articles are also suitable, especially if they address scientifically sound issues and actively refer to research by scientists, which is typical, in particular, of high-quality English-language journalism.

Our work experience and research in the field of teaching a foreign language in at the postgraduate school allowed us to come to the following conclusions. Teaching a foreign language during the postgraduate course involves taking into account the specifics of intercultural communication and the use of foreign language knowledge by a modern scientist, or by a high-level professional whose practical activities are more or less related to scientific research.

From the psychological and pedagogical point of view, the training of the postgraduate students is based on the positions of andragogy, which implies taking into account the age characteristics of an adult as a subject of the educational process, the key of which are maximum responsibility and awareness.

Thus, the general conceptual foundations of foreign language training at the post-graduate school are aimed at finding new methods, forms, techniques, tools and technologies for teaching a foreign language to the postgraduate students with elements of modeling intercultural scientific communication and the use of a foreign language as a research tool.

УДК 340

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ХУСУСИЯТҲОИ СИЁСАТИ ҲУҚУҚТАТБИҚНАМОИИ ҶИНОЯТӢ ДАР МАРҲИЛАИ КУНУНӢ

АЛЕКСЕЕВА ЛИЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА
Профессор кафедры Государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции / Профессори кафедраи Фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники политсия
E-mail: Llllilia@mail.ru

Правоприменительная политика – это система целенаправленных, стратегически выверенных решений и действий компетентных государственных органов, посредством которых общие нормативные предписания переводятся в плоскость конкретных юридически значимых последствий для реальных субъектов. Соглашаясь с К.А. Лягиным, можно отметить, что «правоприменительная политика – особая форма детализации общей политико-правовой стратегии, относящейся к такому элементу правового регулирования, как реализация права»[1]. Но это не просто реализация права или правоприменительная деятельность, это осмысленная управляемая деятельность, имеющая собственную логику и инструментарий.

Одним из наиболее значимых и чувствительных направлений правоприменительной политики выступает уголовная, представляющая собой систему стратегических решений, практических подходов и принципов, которыми руководствуются государственные органы при применении норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права к конкретным жизненными ситуациям. По своей природе уголовная правоприменительная политика балансирует между двумя полюсами.

С одной стороны, правоприменители всегда должны действовать в рамках закона. Более того, именно уголовное право, гораздо больше, чем любая другая отрасль права требует строгого соблюдения нормативных предписаний, что находит свое непосредственное императивное закрепление в ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). С другой стороны, правоприменительная политика и правоприменительная деятельность в уголовно-правовой сфере включают в себя элемент «стратегического усмотрения», поскольку правоприменители зачастую вынуждены принимать решения в условиях неполноты информации, конкурирующих правовых позиций и стремительно меняющейся социальной реальностью. Именно в сфере уголовного права наиболее ярко выражается связи правоприменительной политики и правоприменительной деятельности.

Правоприменительная деятельность – властная деятельность специально уполномоченных компетентных органов и должностных лиц, направленная на разрешение конкретного юридического дела в результате которой принимается правоприменительный акт, содержащий предписания, обязательные для его адресатов[2]. Правоприменительная деятельность

[1] Лягин, К.А. Теоретические аспекты правоприменительной политики / К.А. Лягин // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 5-и томах. Том 3. 2016. – С. 26-29.

[2] Алексеева, Л.А., Майорова, С.А. Правоприменение как особая форма правореализации / Л.А. Алексеева, С.А. Майорова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2021. – № 2 (87). – С. 9-14.

представляет собой как алгоритмизированные операции, так и сложные, требующие развернутой аргументации решения по сложным делам.

По уровню обобщения правоприменительная деятельность является единичным актом применения права в то время, как политика – это закономерность, складывающаяся из множества актов и управляемая сверху. Круг правоприменителей очень широк – это любые специально-уполномоченные государственные органы и должностные лица в то время, как политика формируется на высшем уровне правовой системы, и транслируется по нижестоящим органам через руководящие разъяснения, инструкции, методические указания, прецеденты. Правоприменение — это решение конкретного дела, «здесь и сейчас». Такое решение основывается на имеющихся фактах (доказательствах), а усмотрение правоприменителя ограничено рамками этого конкретного дела.

В свою очередь правоприменительная политика имеет стратегическую протяженность – именно она формирует практику на годы вперед, задавая устойчивые ориентиры. Она носит системный, нормативно-значимый характер, а выбор одного из ряда возможных подходов к толкованию закона становится обязательным ориентиром для всей системы. Особую роль правоприменительная политика играет в современных условиях, когда «система законодательства отстает от достаточно быстрого развития общественных отношений»[1].

Вместе с тем, правоприменительная деятельность и правоприменительная политика находятся в неразрывной связи, поскольку политика реализуется через конкретные правоприменительные акты и без них она лишается какого-либо практического смысла. В свою очередь, правоприменительная деятельность, лишенная стратегического измерения политики, имеет все шансы превратиться в хаотичную совокупность несогласованных правоприменительных решений, разрушающих единство правового пространства.

Правоприменительная политика существует на стыке права и управления: она подчиняется правовым нормам, но одновременно выступает в форме властного целеполагания. Именно эта ее двойственная природа делает ее одним из сложных и наиболее дискуссионных вопросов в теории государства и права.

Субъектами правоприменительной политики выступают органы и должностные лица, наделенные полномочиями применять право. Прежде всего – это вся система судебных органов, а также прокуратура, органы предварительного расследования. Каждый из этих субъектов реализует уголовную правоприменительную политику в пределах своей компетенции, однако в совокупности они образуют единую систему, связанную иерархическими координационными связями.

Судебная власть занимает в системе правоприменительной политики особое место, принципиально отличающих ее от других ветвей власти. Суд не просто применят право, он его интерпретирует и конкретизирует, поскольку сам законодатель лишен возможности толковать закон. Именно это обстоятельство делает судебные органы не пассивными исполнителями, а активными участниками формирования правоприменительной политики. Наиболее значимое место в иерархии субъектов правоприменительной политики занимает Конституционный Суд РФ, поскольку, признавая норму неконституционной, он не просто разрешает конкретный спор, он устраняет ее из правовой системы с обязательной силой для всех правоприменителей. Его постановления формируют конституционно- правовую доктрину, которая связывает все ветви власти и предопределяет направление развития законодательства.

Особую роль играют правовые позиции Конституционного Суда – устойчивые интерпретационные суждения, воспроизводящиеся в различных его решениях. Фактически они обладают нормативным значением, хотя не являются источником права в классическом

[1] Беляева, О.В., Кулакова, Ю.Ю. Причины и условия возникновения коллизий в праве / О.В. Беляева, Ю.Ю. Кулакова // История государства и права. – 2024. – № 6. – С. 49-54.

смысле. Именно через правовые позиции Конституционного Суда РФ наиболее отчетливо проявляется правотворческая составляющая судебной правоприменительной политики[1].

Верховный Суд РФ также играет значимую роль в формировании правоприменительной политики. В его распоряжении имеются два основных инструмента – прежде всего – это Постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые содержат обязательные для всех субъектов правоприменительной деятельности разъяснения по вопросам применения законодательства. В этом ключе, принятие Постановления Пленума Верховного Суда – это акт правоприменительной политики в «чистом виде», поскольку высший судебный орган устанавливает единый стандарт для разрешения определенных категорий дел. В качестве второго инструмента представляется возможным назвать кассационную и надзорную практику, посредством которой Верховный Суд РФ корректирует ошибочные решения нижестоящих судов и тем самым создает ориентиры для последующей правоприменительной практики. Отмена решения нижестоящей инстанции с указанием на то, как необходимо было правильно применить норму представляет собой сигнал всей судебной системе.

На уровне судов первой и апелляционной инстанции правоприменительная политика формируется через применение единых подходов к разрешению типичных категорий дел. Это не просто обеспечение единства законности, это еще и локальная правоприменительная политика, влияющая на принятие решений по аналогичным делам. Необходимо отметить, что в настоящее время большое значение имеет публикация судебных решений, поскольку открытость судебной практики формирует своего рода «мягкий прецедент» даже в системе, официально его не признающей. При этом, все указанные органы объединены общей целью и системой ориентиров, на достижение которых направлена правоприменительная деятельность.

Цели могут быть ближайшими – как, например, решение конкретного юридического дела, а также стратегическими, такими как достижение законности и правопорядка, единообразие судебной практики, защита конституционных прав граждан. Без четкого определения целей правоприменительная политика превращается в хаотичную совокупность разрозненных правоприменительных решений.

Уголовная правоприменительная политика на современном этапе приобретает свой особые черты. Прежде всего, это криминализация новых сфер общественных отношений, расширение сферы уголовно-правового регулирования. В настоящее время законодатель последовательно криминализирует деяния, еще недавно находившиеся за пределами уголовного права: сферу информационных технологий, финансовых рынков, публичных высказываний. Принятие новых норм расширяет предметное поле уголовной правоприменительной политики, ставя перед правоприменителями задачи, к которым они оказываются не всегда готовы.

Кроме того, современная уголовная правоприменительная политика разворачивается в принципиально новой технологической среде. Все чаще используются электронные доказательства – переписка в мессенджерах, геолокационные данные, сведения из социальных сетей. Такого рода новые формы доказательств порождают проблемы их допустимости и достоверности, которые именно правоприменительная политика должна решать в режиме реального времени, не дожидаясь законодательного регулирования.

Характерной особенностью современной уголовной правоприменительной политики является ее противоречивый характер. Так, на протяжении последних полутора десятилетий отечественная уголовная правоприменительная политика декларировала курс на гуманиза-

[1] Алексеева, Л.А., Лысак, М.В. Правовые позиции высших судебных инстанций как источник права / Л.А. Алексеева, М.В. Лысак // Проблемы правопонимания: история и современность. Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора В. М. Курицына. Сборник научных трудов. – Москва, 2022. – С. 106-109.

цию, расширяя применение мер, не связанных с лишением свободы, внедрение института судебного штрафа, смягчение подходов к назначению наказаний по рядку категорий дел, прежде всего экономических. Однако, такое смягчение подходов по этой категории дел сопровождается ужесточением по другим категориям.

Так, уголовно-наказуемой стала розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, табачной продукции, табачных изделий, никотинсодержащей продукции или сырья для их производства, кальянов, устройств для потребления никотинсодержащей продукции, что закреплено в ст. 151.1 УК Р; привлечение к уголовной ответственности будет иметь место за неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве (ст.330.2 УК РФ), хотя характер и степень общественной опасности данного состава являются довольно сомнительными; уголовно наказуемым стало обещание посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ), которое вообще находится в явном противоречии с институтом добровольного отказа.

Еще одна характерная особенность – это проблема обвинительного уклона при привлечении лиц к уголовной ответственности. Доля оправдательных приговоров в российских судах существенно ниже, чем в большинстве других государств. Обвинительный уклон является структурным дефектом уголовной правоприменительной политики, несовместимым с принципом презумпции невиновности. Более того, статистика свидетельствует о том, что каждый второй оправдательный приговор, вынесенный судом присяжных, отменяется в апелляционной инстанции по формальным основаниям.

Весьма негативной тенденцией современной уголовной правоприменительной политики является последовательное расширение сферы уголовной ответственности за публичные высказывания. Правоприменительная политика в этой области отличается повышенной активностью при одновременной размытости критериев, отграничивающих преступное поведение от реализации права на свободу выражения мнений.

Безусловно, большое значение для правоприменительной политики имеет правовая база, в рамках которой эта политика осуществляется, поскольку именно она задает границы дозволенного усмотрения для правоприменителей и одновременно предоставляет инструментарий для достижения поставленных целей. Правоприменитель действует не только в рамках буквы закона, но и в соответствии с его духом, отраженным в принципах права.

Огромное значение для правоприменительной политики имеет доктрина, выражающаяся в системе юридических концепций, принципов толкования, методологических подходов, которыми руководствуется правоприменитель при решении дел. В условиях правовой неопределенности, пробельности или коллизионности законодательства, именно доктрина нередко способно преодолеть недостатки правового регулирования, задавая ориентиры для усмотрения. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, акты Конституционного Суда РФ, научные комментарии к законодательству – элементы доктринального обеспечения правоприменительной политики.

Таким образом, правоприменительная политика – это не просто рутинная деятельность, а система приоритетов, которыми руководствуется правоприменитель при выборе одного из нескольких законных вариантов решения; это курс, задаваемый вышестоящими органами для нижестоящих, целенаправленный формирование практики в той или иной сфере.

В свою очередь, уголовная правоприменительная политика на современном этапе – это весьма противоречивое явление, в рамках которого декларируемые гуманистические принципы сочетаются с обвинительным уклоном, а стремление к единообразию с фактической избирательностью при принятии конкретных правоприменительных решений, технологическая модернизация – с дефицитом правовых стандартов по ее использованию.

Преодоление этих противоречий требует не точечных корректив, а системной работы по формированию правоприменительной культуры, где главным ориентиром будут выступать не сиюминутные нужды, а права и свободы человека и гражданина.

УДК 343.41

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ПРОТИВ СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА

МАСОИЛИ ТАТБИҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТӢ БАРОИ ҶИНОЯТҲО БАР ЗИДДИ ҲУҚУҚҲОИ ИНСОН

АМИНОВ ИЛЬДАР РИНАТОВИЧ
Доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент / Дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологии Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Уфа, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
E-mail: Aminov76@mail.ru

В главе 17 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) группу преступлений против свободы человека входят два состава преступлений (ст. 126, 127 УК РФ)[1]. Незаконное лишение свободы и похищение человека имеет ряд схожих признаков.

Первое подразумевает за собой физическое ограничение свободы в конкретном месте без перемещения. Второе, в свою очередь, подразумевает ограничение свободы с перемещением потерпевшего в пространстве или же совершение этих действий в обратной последовательности[2], но состав преступления по похищению человека (ст. 126 УК РФ) в своем примечании закрепляет следующую поощрительную норму: «Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления». В свою очередь, незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), аналогично, вышеуказанному, не закрепляет.

По своей сути, вышеупомянутые составы преступлений имеют равную степень общественной опасности и схожие квалифицирующие признаки, тем не менее, законодатель закрепил лишь в одном составе поощрительную норму по освобождению от уголовной ответственности по группе преступлений против свободы человека (ст. 126, 127 УК РФ). На наш взгляд, данное решение не отвечает такому базовому принципу уголовного закона как справедливость. Для наиболее полного отражения вышеуказанной проблемы, считаю целесообразным обратиться к правоприменительной практике судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Дзержинским районным судом г. Ярославля от 21 августа 2019 г. по делу № 1-122/2019[3] были обозначены конкретные условия, предусматривающие обстоятельства по освобождению от уголовной ответственности лица, совершившего похищение человека по национальным обычаям, а именно в описательно-мотивировочной части судом приводятся обстоятельства, закрепляющие возможность применения примечания, закрепленное к ст. 126

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ
[2] О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 N 58 СПС КонсультантПлюс.
[3] Постановление Дзержинского районного суда г. Ярославля (Ярославская область) № 1-122/2019 1-222/2019 от 21 августа 2019 г. по делу № 1-122/2019 Текст: электронный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru

УК РФ. Исходя из обстоятельств дела, судом была установлена добровольность освобождения лицом, формально совершим преступление. Судом было обозначено, что добровольность освобождения похищенного, по смыслу уголовного закона, подразумевает за собой принятия решения по предоставлению свободы потерпевшему при наличии дальнейшей возможности его реально удерживать. К тому же, Дзержинский районный суд отметил, что мотивы добровольности по освобождению похищенного не имеют юридического значения при квалификации содеянного. Освобождение могло произойти по просьбе похищенного, по личным по побуждениям, по просьбе родственников потерпевшего, либо по требованию правоохранительных органов.

Судом также было отмечено, что примечание к ст. 126 УК является по методу правого регулирования императивным, соответственно, при наличии оснований и возможности ее применения суд не вправе не прибегнуть к ней. В данном уголовном деле отражена цель совершения реабилитированным преступления, а именно: целью удержания потерпевшего явилось получение ее согласия со родителей на свадьбу с ранее обвиняемым по национальным обычаям. Потерпевшая оказывала явное сопротивление и не желание вступать в брак с подсудимым.

Удерживая на дачном участке потерпевшую, подсудимый обратился уже в другом месте к её отцу и как следует по национальным обычаям спросил у последнего разрешение на помолвку с его дочерью. На что ему был выдвинут отказ и требование о немедленном освобождении его дочери с угрозой обращения с заявлением в полицию. Подсудимым после получения отказа со стороны родителя бывшей невесты было обозначено место удержания его дочери. Следовательно, имея фактическую (реальную) возможность последующего удержания потерпевшей и осознании того, что местонахождение потерпевшей не было известно ни сотрудникам правоохранительных органов, ни родственникам потерпевшей, ни иным лицам. Подсудимый принял решение об освобождение похищенной, в связи с недостижением поставленной цели (получение от родителей согласия на свадьбу), он вернул похищенную через общих старших родственников. Соответственно, с его стороны усматривалось добровольное освобождение потерпевшей, при наличии реальной возможности дальнейшего удержания потерпевшей.

Добровольность подсудимого также подтверждается тем, что принятие решения по освобождению похищенной было сформировано без вмешательства родственников потерпевшей или требований правоохранительных органов, но в случае, если освобождение потерпевшей было бы обусловлено фактическим выполнением требованием правоохранительных органов или родственников потерпевшей. Суд всё равно мог бы освободить подсудимого от уголовной ответственности, так как раннее было обозначено, что мотивы по освобождению потерпевшей не имеют юридического значения. В резолютивной части приговора суд постановил освободить подсудимого от уголовной ответственности в соответствии с применением примечания к ст. 126 УК РФ и прекратить уголовное дело. Такое решение было принято районным судом г. Ярославля.

Теперь, считаем необходимым обратиться к решению суда по привлечению лица к уголовной ответственности и по исключению оснований для применения примечания к ст. 126 УК РФ. Так, Боровичский районный суд Новгородской области вынес приговор в отношении лица, совершившего похищение своей супруги[1]. Формально у подсудимого усматривались условия по освобождению от уголовной ответственности, но тем не менее суд не применил освобождение.

Цель подсудимого заключалась в получение согласия на сохранение брака и на совместное проживание с общим ребёнком. Свою цель подсудимый достиг и в последующем

[1] Приговор Боровичского районного суда Новгородской области № 1-333/2023 от 23 ноября 2023 г. по делу № 1-333/2023 – Текст электронный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru

добровольно освободил потерпевшую, но освобождение от уголовной ответственности судом к нему не применили. В данном уголовном деле судом было обозначено, что добровольность освобождения потерпевшей не может быть обусловлено достижением цели виновного или выполнением какого-либо требования. В этой связи суд не нашёл оснований для применения к подсудимому примечания к ст. 126 УК РФ и ,соответственно, освобождения его от уголовной ответственности, поскольку в судебном заседании установлено, что подсудимый освободил потерпевшую лишь после того, как последняя согласилась на его требования о сохранении семьи и совместном проживании с ним и ребенком. Соответственно, возникает вопрос: изменилось бы решение суда в случае, если бы подсудимый не достигнул своей цели или, если бы потерпевшая отказалась выполнять его требования.

Анализируя вышеуказанные акты правоприменения судов общей юрисдикции РФ, проявляются спорные моменты при квалификации похищения человека. В одном случае, суд применяет примечание к ст. 126 УК РФ, а в другом случае суд другого региона РФ принимает антонимичное решение. В обоих событиях имело место достижение определенной цели в брачных отношениях, и в последующем при достижении этой цели обвиняемые освобождали похищенных лиц без принуждения правоохранительных органов.

Далее считаем необходимым, в очередной раз обратиться к судебной практике для наглядного обозначения проблемы, упомянутой в начале настоящей работы.

Так, Заинский городской суд Республики Татарстан 5 октября 2023 г. вынес приговор по делу № 1-68/2023[1] в отношении подсудимого, который из-за неприязни на почве ревности к потерпевшей, принял решение незаконно лишить её свободы, не сопутствуя это с ее похищением. При этом с целью воспрепятствовать реализации намерений потерпевшей покинуть совместную квартиру, нарушая её конституционное право на свободу и личную неприкосновенность, свободу передвижения, выбора места пребывания, подсудимый с целью подавления воли последней к сопротивлению, чтобы вызвать у нее чувство тревоги, беспокойства за свою безопасность, жизнь и здоровье, применяя насилие не опасное для жизни и здоровья потерпевшей. С последующем освобождением потерпевшей через определенное время, подсудимый понёс ответственность по п. «г» ч. 2 ст. 127 УК РФ. Эпизод данного уголовного дела имеет схожие обстоятельства с предыдущими рассматриваемыми судебными решениями.

Рассмотрев, решение городского суда Республики Татарстан и акты судов по привлечению и освобождению судов г. Ярославля и г. Боровичи возникает соответствующий вопрос: будет ли вышеупомянутое лицо освобождено от уголовной ответственности в случае, если он выполнит действия, указанные в диспозиции ст. 126 УК РФ? Например, переместит возлюбленную в какое-нибудь место (в соседнюю комнату или в иную квартиру).

По смыслу уголовного закона и представленной судебной практикой, в данном случае виновного формально необходимо было освободить от уголовной ответственности. В реальности же, по последнему эпизоду лицо было осуждено и приговорено к лишению свободы на 1 год и 6 месяцев.

Исходя из вышеизложенного допускаем, что суд мог бы освободить данное лицо от ответственности при наличии в деянии признаков похищения человека (ст. 126 УК РФ) или если бы действующее уголовное законодательство имело было в ст.127 УК РФ аналогичную поощрительную норму, закрепленную в ст. 126 УК РФ. Следовательно, исходя из вышеуказанного, считаем целесообразным и необходимым закрепить в ст. 127 УК РФ аналогичное освобождение от уголовной ответственности, содержащееся в примечание ст. 126 УК РФ.

[1] Приговор Заинского городского суда Республики Татарстан № 1-68/2023 от 5 октября 2023 г. по делу № 1-68/2023 – Текст электронный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru

ТДУ 343.325

БАЪЗЕ АНДЕШАҲО ПЕРОМУНИ ОБЪЕКТИ ҶИНОЯТҲОИ ХУСУСИЯТИ ЭКСТРЕМИСТӢ ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН*

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

АҲЁЗОДА ШОҲРУҲ ТАБАРУКШО
Профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети №2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники милитсия / Профессор кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции
E-mail: aheev89@mail.ru

Ба ҳайси яке аз унсурҳои ҳатмии таркиби ҷиноят, объекти он баромад менамояд, ки дар илми ҳуқуқи ҷиноятӣ ба чаҳор зина, яъне умумӣ, хелӣ, намудӣ ва бевосита ҷудо карда шудааст[1]. Ба ҳайси объекти умумӣ ҳифз намудани тамоми манфиатҳои ҷомеа, давлат ва инсон, ки дар м. 2 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) муқаррар гардидаанд, эътироф гардида, ба ҳайси объектҳои хелӣ маҷмуи манфиатҳои зери ҳимояи фаслҳои алоҳидаи КҶ ҶТ қарордошта баромад менамоянд. Объекти намудии ҷиноятҳо маҷмуи манфиатҳои зери ҳимояи бобҳои КҶ ҶТ қарордошта маҳсуб меёбанд.

Зери мафҳуми «объекти асосӣ ва ё бевосита» муносибатҳои ҷамъиятие эътироф мегарданд, ки бо воситаи моддаҳои мушаххаси КҶ ҶТ ҳимоя карда мешаванд[2]. Чунин таснифот (умумӣ, хелӣ, намудӣ ва бевосита)-ро олимон тарзи амудӣ номида, таснифоти уфуқӣ дар ҷиноятҳои мураккаб ба чашм мерасад, ки ба ду ва ё зиёда объект таҷовуз менамоянд. Аз ин лиҳоз, объекти ҷиноят ба асосӣ, иловагӣ ва факултативии бевосита ҷудо карда мешавад[3].

Зикр намудан зарур аст, ки бинобар дар фаслу бобҳои гуногуни КҶ ФР (ҷойгир гардидани ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта дар боб ва фаслҳои КҶ ҶТ ва КҶ ФР қариб якхелаанд) ҷойгир гардидани ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта, мавқеи олимони соҳа вобаста ба объекти бевоситаи онҳо хеле гуногунанд[4]. Аз ҷумла,

---

* Мақола дар доираи татбиқи мавзуи илмӣ-таҳқиқотии «Хусусиятҳои пешгирӣ ва воситаҳои мубориза бо зуҳуроти ифротгароӣ ва тундгароӣ дар муҳити ҷавонони Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 2023-2027)», ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ мешавад, омода шудааст. Рақами бақайдгирии давлатӣ: 0121TJ1290.

[1] Уголовное право России. Общая и Особенная части / Под ред. В.П. Ревина. – М., 2000. – С. 110-111.

[2] Ҳуқуқи ҷиноятӣ. Қисми умумӣ: китоби дарсӣ: дар III ҷилд. Ҷилди I / Зери таҳрири умумии д.и.ҳ., дотсент Раҳимзода Р.Ҳ. – Душанбе: «Нашриёти муосир», 2023. – С. 102.

[3] Бешукова, З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности: сравнительно-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.8 / З.М. Бешукова. – Краснодар, 2011. – С. 128.

[4] Борисов, С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / С.В. Борисов. – М., 2012. – С. 186; Рубан, Л.С. Как разрешать конфликты и формировать толерантность: учебное пособие. – М.: Московское бюро по правам человека, ДА-ИАМП, МосУ МВД России, 2007. – С. 11; Ветров, Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник. – М.: «Юниди-Дана», 2002. – С. 388-389; Хлебушкин, А.Г. Экстремизм:

Леншин Д.И. қайд мекунад, ки «дар илми ҳуқуқи ҷиноятӣ муайян намудани объекти бевоситаи ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта мушкилоти муайянеро ба вуҷуд меорад, зеро онҳо ба арзишу манфиатҳои гуногун зарар расонида, объекти ягонаи хелӣ ва намудӣ надоранд»[1]. Аммо мавқеи Борисов С.В. оид ба он, ки «Ҳар як ҷинояти хусусияти экстремистидошта дар баробари объекти бевоситаи асосии худ, ба дигар муносибатҳои ҷамъиятӣ (вобаста ба ҷойгиршавиашон дар моддаҳои дахлдори Қисми махсуси КҶ ҶТ) таҷовуз менамояд, ки онҳо бояд ба ҳайси объекти ҳатмӣ (аввалиндараҷа ва ё дуюмдараҷа) ва ё объекти иловагии ҳатмии онҳо эътироф карда шаванд»[2] боиси дастгирӣ мебошад.

Бо дарназардошти андешаҳои иброзгардида ва воқеияти замони муосир аломатҳои экстремизм дар қисм ва бандҳои дахлдори м.м. 104 , 110, 111, 112, 116, 120, 143, 157, 158, 160, 188, 189, 237, 237 (1), 242, 243, 307, 307(1), 307(2), 307(3), 307(4) ва 398 КҶ ҶТ баръало намоён аст, ки дар фаслу бобҳои гуногуни КҶ ҶТ ҷойгир шудаанд. Зеро таҷрибаи амалӣ собит месозад, ки дар асоси ангезаҳои экстремистӣ (сиёсӣ, динӣ (мазҳабӣ), нажодпарастӣ, миллатгароӣ, маҳалгароӣ) маъмулан ҷиноятҳои болозикр содир карда мешаванд ва ё таҳдиди содир кардани онҳо вуҷуд дорад. Чунин шакли экстремизм (бе аломатҳои зӯроварӣ) таркиби моддаҳои дахлдори КҲМ ҶТ ва дар давоми сол такроран содир кардан чунин кирдорҳо, оқибатҳои ҳуқуқии дар м.м. 143, 157, 158 ва 160 КҶ ҶТ пешбинишударо ба бор меорад.

Инчунин, содир кардани авбошӣ, вандализм (навиштаҷоти таҳқиркунандаи намояндагони миллату мазҳабҳои дигар ва ғ.), несту нобуд кардани ёдгориҳои таърих, навиштаҷоти сари қабристонҳо низ, ки дар доираи м.м. 237, 237(1), 242 ва 243 КҶ ҶТ аломатҳои таркибии онҳо муайян гардидаанд ва бо ангезаҳои экстремистӣ содир карда шудаанд, ба чашм мерасанд.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон бошад, дар даҳсолаи охир содир кардани ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта, аз қабили м.м. 189, 307, 307(1), 307(2) ва 307(3) КҶ ҶТ тамоюли зиёдшавиро касб намудааст.

Объекти бевоситаи асосии ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта, аз қабили м.м. 157, 158, 160 КҶ ҶТ, муносибатҳои ҷамъиятие эътироф мешаванд, ки поймол кардани ҳуқуқ ва озодиҳои конститутсионии инсон ва шаҳрвандро аз ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта эмин дошта, муносибатҳои хуби байни инсонҳоро таъмин месозанд. Аммо вобаста аз ҷойгиршавии ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта, дар Қисми махсуси КҶ ҶТ объекти номбурда, метавонад дар як маврид ба ҳайси объекти бевоситаи асосии ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта баромад намояд, дар мавриди дигар, ба ҳайси объекти асосии иловагӣ эътироф шавад. Масалан, ба ҳайси объекти асосии ҷиноятҳои дар м.м. 307(1), 307(2), 307(3) ва 307(4) КҶ ҶТ асосҳои сохти конститутсионӣ ва амнияти давлатӣ баромад намуда, объекти иловагии онҳо ҳуқуқу озодиҳои инсон маҳсуб меёбад. Инчунин, ҳангоми дар асоси ангезаҳои экстремистӣ содир гардидани ҷиноятҳои дар моддаҳои 104, 110, 111, 112, 116, 120, 237 ва 398 КҶ ҶТ пешбинишуда, агар объекти бевоситаи асосии онҳо ҳаёт, саломатӣ, тартиботи ҷамъиятӣ ва ё сулҳу амнияти инсоният маҳсуб ёбанд, объекти иловагии онҳо ҳуқуқ ва озодиҳои конститутсионии инсон ва шаҳрванд, эътироф карда мешаванд.

Новобаста ба мавҷудияти баъзе камбудиҳои ҷузъӣ дар таркиби м.м. 104, 110, 111, 112, 116, 120, 143, 157, 158, 160, 237, 237(1), 242, 243, 307(4) ва 398 КҶ ҶТ[3], аломатҳои таркибии

уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. – Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та МВД России, 2007. – С. 22.

[1] Леньшин, Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – С. 55.

[2] Борисов, С.В. Асари зикршуда. – С. 16.

[3] Масалан, дар банд ва қисмҳои дахлдори моддаҳои 112, 116, 120, 143, 157, 158, 160, 237, 237(1), 242 ва 243 КҶ ҶТ ангезаҳои экстремистӣ муқаррар нагардидаанд.

онҳо нисбатан мушаххас ва барои олимону кормандони амалӣ фаҳмо буда, дар таҷрибаи судиву тафтишоти мушкилоти ҷиддӣ оид ба дарки воқеии онҳо ҷой надорад.

Вобаста ба фарқият ва монандии табиати ҳуқуқӣ-ҷиноятии м.м. 189, 307, 307(1), 307(2) ва 307(3) КҶ ҶТ дар байни 200 нафар кормандони амалӣ пурсиши сотсиологӣ гузаронида шуда, бештари онҳо роҳи ҳалли ин масъаларо надониста, танҳо дар асоси фарзияҳои тахаюлӣ мавқеи хешро иброз намуданд[1].

Бинобар сабаби он ки предмети омӯзиши мо табиати ҳуқуқӣ-ҷиноятии экстремизм мебошад ва табиати ҳуқуқӣ-ҷиноятии он дар доираи м.м. 189, 307, 307(1) ва 307(3) КҶ ҶТ ҷойгузин аст, баррасӣ намудани аломатҳои умумӣ ва махсуси таркиби онҳо бо мақсади аз ҳамдигар шинохта гирифтани онҳо амри зарурист.

Олимони шинохтаи тоҷик Шарипов Т.Ш., Сафаров А.И. ва Саидов Ш.Н. зери мафҳуми «объекти ҷиноят» муносибатҳои ҷамъиятӣ ва манфиатҳоеро эътироф менамоянд, ки нисбати онҳо кирдорҳои хавфноки ҷамъиятӣ равонаанд ва бо воситаи қонуни ҷиноятӣ онҳо аз ин таҷовузҳо ҳифз карда мешаванд[2]. Чунин мавқеъро Солиев К.Ҳ., Имомов А.Х. ва дигар олимони ватанӣ низ ҷонибдорӣ намудаанд[3].

Моддаи 189 КҶ ҶТ ҷавобгарии ҷиноятиро барои барангехтани кинаю адоват ё низои миллӣ, нажодӣ, маҳалгароӣ ё динӣ, ё паст задани шаъну эътибори миллӣ инчунин тарғиби бартарии шаҳрвандон аз нигоҳи муносибати онҳо ба дин, мансубияти онҳо ба миллат, нажод ё маҳал пешбинӣ менамояд, ки дар боби 21 КҶ ҶТ «Ҷиноятҳо ба муқобили амнияти ҷамъиятӣ» ва фасли VIII «Ҷиноятҳо ба муқобили амнияти ҷамъиятӣ ва саломатии аҳолӣ» ҷойгир гардидааст.

Ба андешаи мо, чунин ҷойгиркунии моддаи мазкур бо якчанд асосҳо мувофиқи матлаб нест:

– моддаи 189 КҶ ҶТ ҷавҳари асосии ҳамаи ҷиноятҳои хусусияти экстремистидоштаро ташкил дода, дар алоқамандии мантиқӣ ва ҳуқуқӣ бо м.м. 307, 307(1), 307(2), 307(3) ва 307(4) КҶ ҶТ қарор дорад;

– аломатҳои объективӣ ва субъективии ин ҷиноят бо моддаҳои болозикр қариб якранг буда, ба андешаи мо, зинаи аввали кирдорҳои мазкурро ташкил медиҳад;

– агар мо ба сохтори Қисми махсуси КҶ ҶТ назар кунем, тамоми ҷиноятҳои бо ҳам алоқаманд аз рӯйи ангеза ва мақсад, тарзи содиршавӣ ва оқибатҳои ҷиноятӣ дар пайдарҳамии мантиқӣ бо якдигар ҷойгир шудаанд. Маслан, ҷиноятҳои марбут ба намудҳои одамкушӣ (м.м. 104, 105 ва 106), ҷиноятҳои марбут ба расонидани зарари дараҷаҳои гуногун ба саломатӣ (м.м. 110, 111 ва 112) ё вобаста ба доштани аломатҳои тасарруф (моддаҳои 244-250);

– моддаи 189 КҶ ҶТ яке аз намудҳои маъмули фаъолияти экстремистӣ маҳсуб меёбад, ки вобаста ба объекти бевоситаи асосӣ ва иловагиаш бо м. 282 КҶ ФР (барангехтани кина ё адоват, инчунин, паст задани шаъну шарафи инсон) ҳамшабеҳ мебошад. Моддаи 282 КҶ ФР (мутобиқ ба м. 189 КҶ ҶТ), м. 280 КҶ ФР[4] (мутобиқ ба м. 307(1) КҶ ҶТ) дар боби мутобиқ ба боби 29 КҶ ҶТ «Ҷиноятҳо ба муқобили асосҳои

[1] Аҳёзода, Ш.Т. Табиати ҳуқуқӣ-ҷиноятии экстремизми иттилоотӣ тибқи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. … номз. илм. Ҳуқуқ: 12.00.08 / Ш.Т. Аҳёзода. – Душанбе, 2025. – С. 118.

[2] Шарипов, Т.Ш., Сафаров, А.И., Саидов, Ш.Н. Уголовное право и использованием интерактивной методики преподавания: учебник для вузов. – Душанбе: «ЭР-граф», 2016. – С. 150.

[3] Имомов, А.Х. Терроризм – форма организованной преступности: монография. – Душанбе: «Санадвора», 2003. – С. 53-54; Солиев, К.Ҳ. Таркиби ҷиноят: дастури таълимӣ. – Душанбе: «Ирфон», 2014. – С. 14; Сафаров, А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.И. Сафаров. – М., 2011. – С. 78-79; Ҳусейнов, С.Ҳ. Таркиби ҷиноят: дастури таълимӣ. – Душанбе: «ЭР-граф», 2013. – С. 35.

[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года, №63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.08.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397073 (дата обращения: 24.08.2023).

сохти конститутсионӣ ва амнияти давлат» ҷойгир гардидаанд, на дар боби 21 КҶ ҶТ «Ҷиноятҳо ба муқобили амнияти ҷамъиятӣ».

– муҳаққиқони хориҷӣ Бурковская В.А. [1], Милников Б.А. [2], Яселенко Б.В. [3], Беляева А.Е. [4] асосҳои конститутсиониро ба ҳайси объекти бевоситаи асосии чунин ҷиноятҳо эътироф менамоянд. Олимони ватанӣ Маҷидзода Ҷ.З. ва Назаров Н. низ объекти бевоситаи онҳоро асосҳои сохти конститутсионӣ мешуморанд[5].

Аз ин лиҳоз, объекти хелии он на амнияти ҷамъиятӣ, балки ҳокимияти давлатӣ буда, объекти намудии он асосҳои сохти конститутсионӣ маҳсуб меёбад. Албатта, чунин таснифот шартӣ мебошад, зеро бархе аз олимон бар он ақидаанд, ки ба ҳайси объекти бевосита эътироф намудани амнияти ҷамъиятӣ низ мувофиқи мақсад мебошад[6]. Масалан, Бикеев И.И. чунин андеша дорад, ки ҷиноятҳои экстремистӣ ба доираи ҷиноятҳои муқобили амнияти ҷамъиятӣ ворид карда шаванд. Ба ақидаи ӯ, ҷиноятҳои номбурда нисбат ба асосҳои сохти конститутсионӣ ва амнияти давлат ба оромии ҷамъиятӣ бештар зарар мерасонанд[7].

Ба андешаи Каримзода М.М. сабаби аслии баҳсҳо миёни муҳаққиқон дар бораи объекти намудии ҷиноятҳои экстремистӣ ва ҷойгиршавии онҳо дар қисми Махсуси Кодекси ҷиноятӣ, пеш аз ҳама, номукаммалии таърифи «экстремизм» мебошад. Таҳлили қонунгузории ҷиноятӣ ва таҷрибаи судӣ нишон медиҳад, ки набудани тафсири дақиқи ҳуқуқии экстремизм ва таркиби ҷиноятҳои марбут ба он метавонад боиси тафсири гуногун ва татбиқи номутамаркази қонун гардад, ки дар навбати худ, татбиқи принсипи қонуният ва мутаносибии ҷавобгарии ҷиноятиро таҳти суол қарор медиҳад. Аз ин лиҳоз, зарур аст, ки консепсияи ҳуқуқии экстремизм ва ҷиноятҳои экстремистӣ дар сатҳи қонунгузории ҷиноятӣ ва амалияи ҳуқуқии миллӣ ва байналмилалӣ бознигарӣ ва дақиқ карда шавад, то ки муайянсозии объекти намудии ин ҷиноятҳо бо дарназардошти таҳдидҳои воқеӣ ба сохти конститутсионӣ, амнияти давлатӣ ва ҷомеаи шаҳрвандӣ анҷом дода шавад[8].

Бешубҳа, алоқаи ногусаста дар байни асосҳои сохти конститутсионӣ ва амнияти давлативу ҷамъиятӣ мавҷуд мебошад. Аммо ба андешаи мо, м.м. 189 ва 307(1) КҶ ҶТ (мутобиқ ба м. 282 ва м. 280 КҶ ФР) дар боби 29 КҶ ҶТ «Ҷиноятҳо ба муқобили асосҳои сохти конститутсионӣ ва амнияти давлат» ҷойгир намудан, ба мақсад мувофиқ мебошад.

Ҳамин тариқ, мо ҷонибдори он ҳастем, ки м. 189 КҶ ҶТ дар баробари м.м. 307, 307(1), 307(2), 307(3) ва 307(4) КҶ ҶТ дар боби «Ҷиноятҳо ба муқобили асосҳои сохти конститутсионӣ ва амнияти давлат» ҷойгир карда шавад, зеро объекти асосии бевоситаи он муносибатҳои ҷамъиятие мебошанд, ки ҳифз кардани асосҳои сохти

[1] Бурковская, В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.А. Бурковская. – М., 2006. – С. 239.
[2] Мыльников, Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.А. Мыльников. – М., 2005. – С. 116.
[3] Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. И.Э. Звечаровского. – М.: «Юрист». 2014. – С. 440.
[4] Уголовное право. Особенная часть: учебник / Под общ. ред. В.И. Радченко. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2004. – С. 454.
[5] Маҷидзода, Ҷ.З., Назаров, Н. Ҷинояткории муташаккил ва трансмиллӣ: дастури таълимӣ-методӣ. – Душанбе: «Дақиқӣ», 2014. – С. 94-95.
[6] Кашепов, В. Квалификация преступлений экстремистской направленности / В. Кашепов // Уголовное право. – 2007. – №3. – С. 32; Скудин, А.С. Правовые меры противодействия экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.С. Скудин. – М., 2011. – С. 94.
[7] Бикеев, И.И. Общественная безопасность как объект преступления по Российскому уголовному праву / И.И. Бикеев // Следователь. Федеральное издание. – 2007. – № 7. – С. 4.
[8] Каримзода, М.М. Ҷавобгарии ҷиноятӣ барои даъвати оммавӣ барои амалӣ намудани фаъолияти экстремистӣ (ифротгароӣ) ва сафедкунии оммавии экстремизм: дис. … номз. илм. ҳуқуқ: 12.00.08 / М.М. Каримзода. – Душанбе, 2025. – С. 97.

конститутсиониро аз таҷовузҳои экстремистӣ таъмин намуда, муносибатҳои хуби байниинсониро ба танзим медароранд.

Ҳангоми пурсиши сотсиологӣ, 44% пурсидашудагон ҷонибдорӣ намуданд, ки ҷинояти мазкур ҳамчун ҷинояти хусусияти экстремистидошта дар боби «Ҷиноятҳо ба муқобили асосҳои сохти конститутсионӣ ва амнияти давлат» ворид карда шуда, аз боби «Ҷиноятҳо ба муқобили амнияти ҷамъиятӣ» хориҷ карда шавад (27% пурсидашудагон ҷонибдорӣ накарда, 29% онҳо барои ҷавоб додан мушкилӣ кашиданд)[1].

Ба андешаи мо, объекти бевоситаи иловагии м.м. 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) ва 307(4) КҶ ҶТ алтернативӣ буда, вобаста ба он ки даъватҳои оммавӣ ва ё фаъолияти ташкилоти экстремистӣ барои содир кардани кадом ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта равона мебошанд, муайян карда мешавад.

Дар ҳамин радиф, зикр кардан зарур аст, ки аломатҳои субъективии м.м. 189, 307, 307(1), 307(2), 307(3) ва 307(4) ғайр аз баъзан мавридҳо, комилан ба ҳамдигар якранг мебошанд ва тафриқагузории онҳо дар байни худ танҳо аз рӯйи аломатҳои объективии онҳо имконпазир аст. Чунин мавқеъро олимони шинохта Борисов С.В.[2] ва Леншин Д.И.[3] низ ҷонибдорӣ менамоянд.

Ҳамин тавр, барои муайян намудани объекти ҷиноятҳои хусусияти экстремистӣ мазмуну моҳияти ҷинояти экстремистӣ бояд ба инобат гирифта шавад, зеро чунин ҷиноятҳо дар бобҳои гуногуни КҶ ҶТ муқаррар гардидаанд ва ҳангоми содир шудани ин қабил ҷиноятҳо дар ҳама ҳолат муносибатҳои ҷамъиятие зарар мебинанд, ки баҳри устувор нигоҳ доштани амнияти миллӣ ва қобилияти мудофиавии давлат, фаъолияти мӯътадили ҳокимияти давлатӣ, ҳифзи сохти конститутсионӣ равона шудаанд.

[1] Ниг.: Аҳёзода Ш.Т. Табиати ҳуқуқӣ-ҷиноятии экстремизми иттилоотӣ тибқи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. … номз. илм. ҳуқуқ. – Душанбе, 2025. – С. 123.

[2] Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис… д-ра юрид. наук. – М., 2012. – С. 352.

[3] Ниг.: Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 70.

ТДУ 343.31

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВӢ-ҲУҚУҚИИ ҶИНОЯТИ ДАЪВАТИ ОММАВӢ БАРОИ БО РОҲИ ЗӮРОВАРӢ ТАҒЙИР ДОДАНИ СОХТИ КОНСТИТУТСИОНӢ ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ДАВЛАТҲОИ ПАСОШӮРАВӢ*

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К НАСИЛЬСТВЕННОМУ ИЗМЕНЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

АҲЁЗОДА ШОҲРУҲ ТАБАРУКШО
Профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети №2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники милитсия / Профессор кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции
E-mail: aheev89@mail.ru

МАҲМУДЗОДА БОБОҶОН НУРАЛӢ
омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, лейтенант милиции

Таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии қонунгузории зиддиэкстремистии давлатҳои пасошӯравӣ бе омӯзиши санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, ки бунёди рушди низоми миллии ҳуқуқро дар бахши муқовимат бо чунин кирдорҳо ташкил медиҳанд, тасаввур кардан имконнопазир аст[1].

Вокуниши СММ ба ифротгароӣ дар заминаи муқовимат ба терроризм дар миёнаи солҳои 90-ум асри XX оғоз гардид. Аввалин маротиба оид ба ифротгароӣ дар Қатъномаи Маҷмаи Умумии Созмони Милали Муттаҳид (минбаъд – СММ) № 49/60, ки соли 1994 қабул шудааст, ёдоварӣ мегардад. Дар он «ифротгароӣ ва таҳаммулнопазирӣ ҳамчун заминаи содиршавии амалҳои мудҳиши террористӣ дар манотиқи гуногуни дунё эътироф карда мешавад»[2].

Дар Қатъномаи Ассамблеяи Генералии СММ № 68/127 «Ҷаҳон бар зидди зӯроварӣ ва ифротгароии хушунатомез», ки 18-уми декабри соли 2013 қабул шудааст, қайд гардидааст, ки «экстремизми хушунатомез барои ҳамаи давлатҳои узв нигаронии умумии ҷиддиро ба бор овардааст, зеро он ба амният ва некӯаҳволии кишварҳои узв ва ҷомеаҳои инсонӣ таҳдид мекунад»[3].

---

* Мақола дар доираи татбиқи мавзуи илмӣ-таҳқиқотии «Хусусиятҳои пешгирӣ ва воситаҳои мубориза бо зуҳуроти ифротгароӣ ва тундгароӣ дар муҳити ҷавонони Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 2023-2027)», ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ мешавад, омода шудааст. Рақами бақайдгирии давлатӣ: 0121TJ1290.

[1] Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2012. – С. 106.

[2] Сатановский, Е.Я. Глобализация терроризма и ее последствия / Е.Я. Сатановский// Россия и мусульманский мир. - 2012. - № 1. - С. 4.

[3] Резолюция ГА68/127 «Мир против насилия и насильственного экстремизма» от18 декабря 2013 г. // [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/447/09/PDF/N1344709.pdf (дата обращения: 22.12.2017).

Новобоста ба он, ки дар санадҳои ҳуқуқи байналмилалӣ[1] мафҳуми умумиэътирофшудаи «экстремизм» ва «сепаратизм» вуҷуд надорад, вале мафҳумҳои «табъиз», «ксенофобия» (бегонаҳаросӣ), «нажодпарастӣ», «таҳаммулнопазирӣ» ва як қатор вожаҳои дигар дар баъзан мавридҳо ҷойгузини ин падида мебошанд.

Конвенсияи Шанхай «Дар бораи мубориза бар зидди терроризм, сепаратизм ва экстремизм» аз 15-уми июни соли 2001, ки Тоҷикистон, Хитой, Россия, Қазоқистон, Қирғизистон ва Узбекистон иштирокчии он мебошанд, мафҳуми «сепаратизм» ва «экстремизм»-ро муқаррар намудааст[2], ки мутобиқи б. 2, қ. 1, м. 1 Конвенсияи мазкур, зери мафҳуми «сепаратизм» «ҳар гуна кирдоре фаҳмида мешавад, ки ба вайрон кардани тамомияти арзии давлат, аз ҷумла, ҷудо кардани қисми қаламрави он, ё пароканда кардани давлат равона шуда, бо роҳи зӯроварӣ содир шудааст, инчунин банақшагирӣ ё тайёрӣ барои анҷом додани чунин кирдор, ёрӣ расонидан ё таҳрик намудани дигар шахсон, ки мутобиқи қонунгузории миллии тарафҳо мавриди таъқиби ҷиноятӣ қарор мегиранд, равона гардидааст.

Мутобиқи б. 3, қ. 1, м. 1 Конвенсияи мазкур, бошад, зери мафҳуми «экстремизм» «ҳар кирдоре фаҳмида мешавад, ки ба таври зӯроварона ғасб намудани ҳокимият ё зӯроварона нигоҳ доштани он, инчунин, ба таври зӯроварона тағйир додани сохти конститутсионии давлат, ҳамчунин, таҷовузи зӯроварона ба амнияти ҷамъиятӣ, аз ҷумла, бо мақсадҳои зикршуда ташкил додани воҳидҳои ғайриқонунии мусаллаҳ ё иштирок дар онҳо, ки мутобиқи қонунгузории миллии тарафҳо мавриди таъқиби ҷиноятӣ қарор мегиранд, равона шудааст»[3].

Мутобиқи моддаи 3 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба экстремизм»[4] бо зӯроварӣ сарнагун кардан ва ё тағйир додани сохти конститутсионӣ, вайрон ва халалдор кардани соҳибихтиёрӣ, истиқлолият ва тамомияти арзии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун фаъолияти экстремистӣ эътироф гардида, меъёри дар м. 307 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбахд - КҶ ҶТ) дар муносибат ба м. 307(1) (даъвати оммавӣ барои амалӣ намудани фаъолияти экстремистӣ (ифротгароӣ) ва сафедкунии оммавии экстремизм ҳамчун меъёри махсус маҳсуб меёбад.

Дар мавриди ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта ва кирдорҳои дигари мансуб ба экстремизм дар сатҳи ИДМ Кодекси намунавии ҷиноятии ИДМ (минбаъд – КНҶ ИДМ) барои давлатҳои аъзои ИДМ, ки 17-уми феврали соли 1996 аз ҷониби Ассамблеяи байнипарлумонии давлатҳои аъзои ИДМ қабул шудааст ва он хусусияти тавсиявиро доро мебошад[5].

---

[1] Всеобщая декларация прав человека, Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml; Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) ETS N 005. С изменениями и дополнениями от: 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г., 13 мая 2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система ГАРАНТ: http://base.garant. ru/2540800/#ixzz4vNZC9CGv; Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions /pactpol.shtml; Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией2106(XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/ documents/declconv/conventions/raceconv. shtml (дата обращения: 22. 04. 2026 г.).

[2] Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие / Отв. ред.: В.С. Комиссаров, науч. ред. Н.Ф. Кузнецова. – М.: «Городец», 2009. – С. 37.

[3] Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.referent.ru/1/10927 (дата обращения: 23.04.2026).

[4] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба экстремизм» аз 2-юми январи соли 2020, №1655 // [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: https://mmk.tj (санаи мурочиат: 22.04.2026).

[5] Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств участников СНГ 17 февраля 1996 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/2566472 (дата обращения: 09.07.2022).

Дар Кодекси мазкур фасли XIII «Ҷиноятҳо ба муқобили ҳокимияти давлатӣ» ва дар он боби 31 «Ҷиноятҳо ба муқобили асосҳои сохти конститутсионӣ ва амнияти давлат» ҷой дорад.

Дар КНҶ ИДМ ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта аз қабили м. 294 (бо зӯроварӣ ғасб кардан ё нигоҳ доштани ҳокимияти давлатӣ (мутааллиқ ба м. 306 КҶ ҶТ), м. 295 (даъватҳои оммавӣ барои бо роҳи зӯроварӣ тағйир додани сохти конститутсионӣ (мутааллиқ ба м. 307 КҶ ҶТ) муқаррар гардидаанд, ки мазмуну муҳтавои онҳо бо моддаҳои дахлдори КҶ ҶТ аз рӯйи мазмун хеле монанд мебошанд. Зиёда аз ин, дар КНҶ ИДМ ҷиноятҳои марбут ба даъватҳои оммавӣ ба фаъолияти экстремистӣ ва сафедкунии оммавии экстремизм, ташкили иттиҳоди экстремистӣ ва ташкили фаъолияти ташкилоти экстремистӣ пешбинӣ нагардидаанд.

Дар кодексҳои ҷиноятии тамоми давлатҳои аъзои ИДМ аломатҳои «сепаратизм» ва «экстремизм» дар моддаҳои гуногун пешбинӣ шудаанд. Новобаста ба он ки ҷиноятҳои хусусияти экстремистӣ аз ҷиҳати мазмуну муҳтаво ба ҳамдигар монанданд, лекин дар онҳо аломатҳои фарқкунанда низ ҷой доранд, ки ин ҳолат зарурати таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии қонунгузории ҷиноятии зиддиэкстремистии давлатҳои аъзои ИДМ-ро тақозо менамояд. Бо дарназардошти ақидаҳои дар боло зикршуда, таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии қонунгузории ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ-ро мавриди таҳлилу омӯзиши илмӣ қарор медиҳем.

Яке аз кирдорҳое, ки дар тамоми кодексҳои ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ барои он ҷавобгарӣ муқаррар шудааст, ин «даъватҳои оммавӣ барои вайрон кардани тамомияти арзӣ ё ба истилоҳ сепаратизм» мебошад. Ҳарчанд чунин даъватҳо дар моддаҳои гуногуни КҶ давлатҳои аъзои ИДМ бо номҳои гуногун муқаррар шудаанд, лекин муҳтавои онҳо дорои мазмуни экстремистӣ дар шакли «сепаратизм» муқаррар гардидааст. Масалан, даъватҳои оммавӣ барои амалисозии ҳаракатҳое, ки ба вайрон кардани тамомияти арзии Федератсияи Россия нигаронида шудаанд (м. 280(1) КҶ Федератсияи Россия)[1], (кирдорҳои сепаратистӣ (ҷудоихоҳӣ) (м. 180 *КҶ* Ҷумҳурии Қазоқистон)[2], даъвати оммавӣ барои бо роҳи зӯроварӣ тағйир додани сохти конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон (м. 307 КҶ ҶТ)[3], ҳаракатҳое, ки ба тағйир додани тамомияти арзии Туркменистон равона гардидаанд (м. 187 КҶ Туркменистон)[4] ва ғ. Дар робита ба масъалаи мазкур бояд зикр намуд, ки яке аз хусусияти фарқкунандаи даъватҳои оммавӣ барои амалисозии ҳаракатҳое, ки ба вайрон кардани тамомияти арзии Федератсияи Россия нигаронида шудаанд (м. 280(1) КҶ Федератсияи Россия) дорои преюдитсияи маъмурӣ мебошад, яъне, ҷавобгарии ҷиноятӣ дар ҳолате ба миён меояд, ки агар шахс дар давоми сол баъди татбиқи ҷазои маъмурӣ чунин кирдорро содир намояд. Дар дигар кодексҳои ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ чунин ҳолат ҷой надорад.

Новобаста ба он, ки дар баъзе аз кодексҳои ҷиноятии давлатҳои ИДМ барои «даъватҳои оммавӣ барои вайрон кардани тамомияти арзӣ» меъёрҳои алоҳида муқаррар гардидааст, барои содир намудани «даъвати оммавӣ барои амалӣ намудани

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года, №63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.08.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397073 (дата обращения: 22.04.2026).

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года, № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 22.04.2026).

[3] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи соли 1998, № 574 // Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии ҶТ «Адлия» // [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: http://www.adlia.tj (санаи мурочиат: 22.04.2026).

[4] Уголовный кодекс Республики Туркменистан от 12 июня 1997 года, № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.04.2022 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 22.04.2026).

фаъолияти экстремистӣ» низ ҷавобгарии ҷиноятӣ пешбинӣ шудааст. Аз ҷумла, даъвати оммавӣ барои амалӣ намудани фаъолияти экстремистӣ (м. 280 КҶ Федератсияи Россия), даъватҳои ошкоро ба содир намудани кирдорҳои экстремистӣ ё дигар амалҳое, ки ба амнияти миллии Туркменистон зарар расонидаанд (м. 191 КҶ Туркменистон) ва даъвати оммавӣ барои амалӣ намудани фаъолияти экстремистӣ (ифротгароӣ) ва сафедкунии оммавии экстремизм (м. 307(1) КҶ ҶТ). Дар кодексҳои ҷиноятии давлатҳои Қазоқистон[1], Узбекистон[2], Озорбойҷон[3], Молдова[4], Беларус[5], Қирғизистон[6] ва Украина[7] барои содир намудани «даъвати оммавӣ барои амалӣ намудани фаъолияти экстремистӣ» моддаҳои алоҳида ҷой надорад, чунки аломатҳои экстремизм дар дигар моддаҳои кодекси ҷиноятии ин давлатҳо таҷассум ёфтаанд ва даъват намудан барои содир намудани онҳо ҷавобгарии ҷиноятиро ба миён меорад. Масалан, м. 180 КҶ ҶҚ (кирдорҳои сепаратистӣ (ҷудоихоҳӣ), м. 159 КҶ ҶУ (таҷовуз ба сохти конститутсионии Ҷумҳурии Узбекистон) м. 110 КҶ Ҷумҳурии Украина) (таҷовуз ба тамомияти арзӣ ва дахлнопазирии Украина) ва ғ.

КҶ Ҷумҳурии Туркменистон[8] низ бо баъзе вижагиҳои хосси худ аз аз дигар кодексҳои ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ дар самти муқовимат ба экстремизм тафовут дорад. Моддаи 191 КҶ Ҷумҳурии Туркменистон (даъватҳои ошкоро ба содир намудани кирдорҳои экстремистӣ ё дигар амалҳое, ки ба амнияти миллии Ҷумҳурии Туркменистон зарар расонидаанд) ҳаракатҳоеро пешбинӣ намудааст, ки дар дигар кодексҳои давлатҳои аъзои ИДМ мушоҳида намегарданд. Ҳаракатҳои номбурда даъватҳои ошкороро барои содир намудани ҳаракатҳои экстремистӣ ё дигар ҳаракатҳое, ки бо расонидани зарар ба амнияти миллии Ҷумҳурии Туркменистон равона гардидаанд ё ин ки паҳни оммавии маводи баръало экстремистӣ, ҳамчунин, истеҳсол ё нигоҳдошти чунин мавод бо мақсади ба таври оммавӣ паҳн намудан дар бар мегирад. Яке аз ҷиҳатҳои мусбати муқаррароти номбурда дар он ифода меёбад, ки он барои паҳн намудани маводи экстремистӣ дар ҳолате ҷавобгарии ҷиноятиро ба миён меоварад, ки шахс ба таври возеҳу равшан, яъне баръало донад, ки чунин мавод дорои хусусияти экстремистӣ бошад.

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года, № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 22.04.2026).

[2] Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года, №2012-XII) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.08.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 22.04.2026).

[3] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года, №787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 30.05.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 22.04.2026).

[4] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года, №985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.07.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 22.04.2026).

[5] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года, №275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 09.03.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984#pos=6;-142 (дата обращения: 22.04.2026).

[6] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года, №127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.07.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 22.04.2026).

[7] Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года, №2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.07.2023 г.) /\ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 22.04.2026).

[8] Уголовный кодекс Республики Туркменистан от 12 июня 1997 года, №222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.04.2022 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 22.04.2026).

Дар баробари қонунгузории ҷиноятии давлатҳои дар боло зикршуда, КҶ Ҷумҳурии Украина низ бо баъзе хусусияти фарқкунанда аз дигар кодексҳои давлатҳои аъзои ИДМ тафовут дорад. Дар м. 109 КҶ Ҷумҳурии Украина[1] ҷинояти ҳаракате, ки ба зӯран тағйир додан ё сарнагун кардани сохти конститутсионӣ ё ба даст овардани ҳокимияти давлатӣ нигаронида шудааст, пешбинӣ шудааст, ки қисми дуюми моддаи мазкур даъватҳои оммавӣ барои бо роҳи зӯроварӣ тағйир додан ё сарнагун кардани сохти конститутсионӣ ё ғасби ҳокимияти давлатӣ, инчунин, паҳн намудани маводе, ки ба чунин амалҳо даъват мекунанд, муқаррар намудааст.

Дар м. 110 КҶ Ҷумҳурии Украина, ки таҷовуз ба тамомияти арзӣ ва дахлнопазирии Украина ном дорад, содир намудани ҳаракатҳои қасдонаро бо мақсади тағйир додани сарҳади ҳудудӣ ё сарҳади давлатии Украина бо вайрон кардани тартиби муқаррарнамудаи Конститутсияи Украина, инчунин, даъвати оммавӣ ё паҳн намудани маводе, ки ба чунин амалҳо даъват мекунанд, пешбинӣ намудааст. Аз мазмуни диспозитсияи моддаи мазкур бармеояд, ки дар баробари содир шудани дигар ҳаракатҳо «даъвати оммавӣ ё паҳн намудани маводе, ки ба чунин ҳаракатҳо даъват мекунанд» яке аз тарзи мустақили содиршавии ҷинояти мазкур мебошад.

Дар КҶ Ҷумҳурии Озорбойҷон якчанд ҷиноятҳои хусусияти экстремистӣ муқаррар гардидаанд. Чунончи, м. 167-2 КҶ Ҷумҳурии Озорбойҷон (ғайриқонунӣ истеҳсол, воридот, фурӯш ё паҳн кардани адабиёт, маводи аудио ва видео, молу маҳсулоти динӣ ва дигар маводи иттилоотии дорои мазмуни динӣ) аломатҳои экстремизмро фаро гирифта, кирдорҳо дар шакли бе иҷозати дахлдор истеҳсол, воридот бо мақсади фурӯш ё паҳн кардан, фурӯш ё паҳн кардани адабиёт (дар воситаҳои коғаз ва электронӣ), маводи аудио ва видео, молу маҳсулоти динӣ ва дигар маводи иттилоотии дорои мазмуни динӣ равона гардидаанд. Банди 167-3.1 моддаи мазкур экстремизмро пурра дар бар гирифта, он ба истеҳсол, нигоҳ доштан ё паҳн кардани маводи экстремистии динӣ, яъне маводе, ки ба амалисозии фаъолияти экстремистии динӣ даъват мекунанд ё ин гуна фаъолиятҳоро асоснок ё сафедкунии чунин фаъолиятро зарур медонанд, равона гардидааст.

Дар ҷинояти даъватҳои оммавӣ ба муқобили давлат (м. 281 КҶ Ҷумҳурии Озорбойҷон) кирдорҳоро дар шакли даъватҳои оммавӣ ба ғасби зӯроваронаи ҳокимият, бо зӯроварӣ нигоҳ доштани ҳокимият ё бо зӯроварӣ тағйир додани сохти конститутсионӣ ё вайрон намудани тамомияти арзии Ҷумҳурии Озарбойҷон, инчунин, паҳн кардани маводи дорои чунин мазмун муқаррар намудааст. Аз мазмуни диспозитсияи моддаи мазкур бармеояд, ки паҳн кардани маводи дорои хусусияти экстремистӣ яке аз тарзҳои содиршавии ҷинояти номбурда мебошад.

Ҳамин тариқ, дар натиҷаи таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии қонунгузории зиддиэкстремистии давлатҳои пасошӯравӣ дар муқовимат ба сепаратизм ва экстремизм хулосаҳои зеринро манзур намудан мумкин аст:

1. Новобаста аз он, ки дар санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ аз ҷумла, Конвенсияҳо ва Қатъномаҳои СММ мафҳумҳои «сепаратизм» ва «экстремизм» муқаррар нагардида бошад ҳам, ин падидаҳои хавфнок ҳамчун заминаи содиршавии амалҳои мудҳиши террористӣ дар манотиқи гуногуни дунё эътироф карда шудаанд.

2. Конвенсияи созмони ҳамкории Шанхай «Оид ба муқовимат ба экстремизм (ифротгароӣ)» ягона санади минтақавие мебошад. ки мафҳуми «сепаратизм» ва «экстремизм»-ро муқаррар карда, хатари ба ҷамъият хавфнокии ин падидаҳоро ба назар гирифта, давлатҳои узвро тавсия додааст, ки тибқи принсипҳои асосии низоми ҳуқуқии худ тадбирҳоро дар сатҳи миллӣ барои муқовимат бо сепартизм ва экстремизм таҳия ва татбиқ намоянд.

[1] Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года, № 2341-III (с изменениями и дополнениями по состоянию на 13.07.2023 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 22.04.2026).

3. Таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии кодексҳои ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ моро ба чунин хулоса меоранд, ки новобоста аз он ки дар меъёрҳои ҷиноятҳои хусусияти экстремистидошта мазмуни якхела мушоҳида мешавад, лекин фарқиятҳо низ дида мешаванд. Агар аз диди умумият ба онҳо назар андозем, ҷиноятҳои хусусияти экстремистӣ дорои мазмуни якхела буда, даъвати оммавӣ барои амалӣ намудани фаъолияти экстремистиро бо шаклҳои гуногун, аз қабили амалисозии ҳаракатҳое, ки ба вайрон кардани тамомияти арзӣ, халалдор намудани амнияти давлат, дигаркунии сохти конститутсионӣ, бо зӯроварӣ ғасб ё нигоҳ доштани ҳокимият, истеҳсол, нигоҳдорӣ ё паҳн намудани маводи дорои мазмуни экстремистӣ ва ғайраро дар бар мегиранд. Фарқгузории онҳо бошад, дар муқаррар намудани ҷиноятҳои хусусияти экстремистӣ дар фаслу боби гуногун, номгузории ҳархелаи ҷиноятҳо, таъйини ҷазоҳо бо гуногунии намуд ва андозаи онҳо ифода меёбанд.

UDC 343.97

REGIONAL CRIME'S LATENT FORMS, THE PROBLEMS OF THEIR DETECTION AND THEIR CRIMINOLOGICAL ASPECTS

ЛАТЕНТНЫЕ ФОРМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ЕЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ШАКЛҲОИ ЛАТЕНТИИ ҶИНОЯТКОРИИ МИНТАҚАВӢ, МУШКИЛОТИ ОШКОРНАМУДАН ВА ҶАНБАҲОИ КРИМИНОЛОГИИ ОН

BARATOVA DILNOZA ODILJON KIZI
Leading Researcher Institute of Criminology of the Republic of Uzbekistan, (PhD) in Law / Ведущий научный сотрудник Исследовательского Института криминологии Республики Узбекистан, доктор философии права PhD / Ходими пешбари илмии Институти таҳқиқотии криминологии Ҷумҳурии Узбекистон, доктори фалсафаи ҳуқуқ PhD
E-mail: dilnozabaratova@list.ru

В статье проводится криминологический и правовой анализ латентных форм региональной преступности, факторов их возникновения и проблем их выявления. Рассматриваются объективные и субъективные виды латентности, а также влияние социально-экономических, демографических и культурных особенностей региона на уровень скрытой преступности. Особое внимание уделяется проблеме неполного отражения преступлений в официальной статистике и современным методам их выявления. По результатам исследования сформулированы практические рекомендации по совершенствованию деятельности правоохранительных органов.

Дар мақола таҳлили криминологӣ ва ҳуқуқии шаклҳои латентии ҷиноятҳои минтақавӣ, омилҳое, ки боиси пайдоиши онҳо мешаванд ва мушкилоти ошкор намудани онҳо оварда шудааст. Намудҳои объективӣ ва субъективии латентӣ, инчунин, таъсири хусусиятҳои иҷтимоӣ-иқтисодӣ, демографӣ ва фарҳангии минтақа ба сатҳи ҷиноятҳои пинҳонӣ баррасӣ мешаванд. Таваҷҷуҳи махсус ба мушкилоти гузориши ками ҷиноятҳо дар омори расмӣ ва усулҳои муосири ошкор намудани онҳо зоҳир карда мешавад. Дар натиҷаи таҳқиқот барои беҳтар кардани фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ тавсияҳои амалӣ пешниҳод карда шудаанд.

Understanding the real state of crime is essential for the effective functioning of law enforcement bodies, the development of sound crime prevention policies, and the safeguarding of public security. Nevertheless, official crime statistics capture only the portion of offenses that have been detected and formally recorded, while a substantial number of crimes remain unreported or undiscovered, thereby constituting what is commonly referred to as latent crime.

Since the Belgian sociologist and criminologist Adolphe Quetelet introduced the concept of the "dark figure of crime" in the nineteenth century, the issue of latent criminality has occupied a central place within criminological research. This notion encompasses those offenses that, for various reasons, are not reflected in official records, including crimes that remain undetected, unregistered, or beyond the effective reach of law enforcement authorities.

Latent criminality is not confined to a single locality but manifests in distinct forms across regions, shaped by their specific socio-economic, cultural, and demographic conditions. These factors significantly influence both the scale and the characteristics of hidden crime. Accordingly, a comprehensive legal and criminological analysis of the latent forms of regional crime, the identification of obstacles to their detection, and the formulation of effective countermeasures constitute a matter of considerable theoretical and practical importance.

In criminological doctrine, latent crime is understood as the aggregate of offenses that have in fact been committed but have not been officially registered or detected by law enforcement authorities. The term derives from the Latin word *"latens"*, meaning "hidden" or "invisible." Latent crime exists during the period from the moment an offense is committed until it is formally recorded by a competent state authority.[1]

Within criminology, various approaches have been developed to classify latent criminality. The most widely accepted classification distinguishes between two principal types: objective (natural) latency and subjective (artificial) latency. Objective latency, also referred to as natural latent crime, encompasses situations in which no information about the offense reaches law enforcement agencies. This may occur, for example, where victims fail to report the crime, where the offense is committed in a concealed manner, or where there are no witnesses. By contrast, subjective latency refers to cases where information about a crime has in fact reached law enforcement bodies, but the offense is not reflected in official statistics due to various reasons. These may include refusal to register the offense, incorrect legal qualification, or deliberate concealment. Such circumstances indicate not the absence of information, but deficiencies or distortions in the institutional response to criminal conduct.

The level and forms of latent crime at the regional level are shaped by a range of interrelated factors. These factors may, for analytical purposes, be grouped into three broad categories: socio-economic, cultural-psychological, and legal-institutional. Each of these plays a significant role in determining both the extent of hidden criminality and the challenges associated with its detection and proper legal assessment.

Secondly**,** cultural and psychological factors may also exert a significant influence. The customs, traditions, religious beliefs, and the level of legal awareness within a particular region directly affect the degree of crime latency. In some regions, incidents of domestic violence especially cases involving pressure or physical abuse against womenare not reported to law enforcement authorities due to prevailing views aimed at "preserving family honor".

Thirdly, the material and technical capacity of law enforcement agencies, the professional competence of their personnel, the transparency of crime registration and recording systems, and the existence of public oversight over their activities directly influence the level of latent crime at the regional level. In some areas, due to the low qualifications of law enforcement officers or their

[1] Mallayev, N., Dusanov, N. Latent jinoyatchilikni aniqlashda kriminologik metodlar: nazariya va amaliyot //advancing knowledge across interdisciplinary scientific fields. – 2026. – Т. 1. – №. 1. – Pp. 206-207.

susceptibility to corruption, cases of crimes being concealed or incorrectly classified are observed. For instance, Shavkat Mirziyoyev criticized systemic shortcomings in the activities of law enforcement bodies in the city of Tashkent, noting that due to the low level of professional competence among investigators and inquiry officers, criminal cases were not initiated in 833 instances and were effectively concealed from official records. This situation clearly demonstrates the significant impact of institutional factors on the level of latent crime at the regional level[1].

Research Findings. Regional latent crime is characterized by its diversity and manifests in different forms depending on the specific features of each region. Below, the most common and socially dangerous forms are analyzed.

First, it is appropriate to examine the shadow economy and economic crimes. The shadow economy refers to economic activities conducted outside state and societal control, where taxes are not paid and which are not reflected in official statistical records. Among participants in the shadow economy, crimes such as tax evasion, smuggling, fraud, illegal entrepreneurship, and money laundering are widespread.

At the regional level, the scale and forms of the shadow economy may vary. For instance, in the city of Tashkent, the volume of the shadow economy has reached 60 trillion soums, resulting in an annual loss of 7.5 trillion soums to the city budget[2]. These figures demonstrate the high level of latency of economic crimes. Another act that stands out among latent crimes due to its high level of social danger is corruption. Corruption is one of the most dangerous and concealed forms of latent criminality. Its latent nature is explained, on the one hand, by the fact that corrupt practices are carried out secretly and on the basis of mutual benefit, and on the other hand, by shortcomings in the activities of anti-corruption bodies. As emphasized by Shavkat Mirziyoyev, corruption is a factor that hinders the development of entrepreneurship, science, education, healthcare, and many other sectors.

At the regional level, the degree of corruption latency depends on factors such as the economic potential of the region, the distribution of budgetary funds, the volume of public procurement, and other related conditions.

Domestic violence offenses constitute one of the categories of crime with the highest degree of latency. This is primarily обусловлено the social vulnerability of victims predominantly women their economic dependence, the intention to preserve family unity, pressure exerted by close relatives, as well as a lack of trust in law enforcement authorities. According to official data of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, in 2023 protection orders were issued to more than 40,000 women subjected to harassment and violence[3]. However, this figure reflects only those victims who formally applied to competent authorities, whereas the actual number of affected individuals may be significantly higher, indicating a substantial latent component within this category of offenses.

With the rapid development of information and communication technologies, cybercrime has also been increasing at a fast pace, and its level of latency is significantly higher compared to traditional types of crime. The latent nature of cybercrime is обусловлено several factors, including the anonymity of offenders, the ability to quickly eliminate digital traces, the fact that victims often do not realize they have been subjected to a crime, and the insufficient technical preparedness of law enforcement authorities.

[1] O‘zbekiston Prezidenti poytaxtdagi huquq-tartibot idoralarining faoliyatida tizimli kamchiliklar mavjudligini ta’kidladi. (n.d.). Caravan-Info. https://caravan-info.uz/uz/obschestvo/503279-prezident-uzbekistana-ukazal-na-sistemnye-provaly-v-rabote-stolichnyh-silovyh-struktur.html

[2] Toshkentda yashirin iqtisodiyot hajmi 60 trln so‘mga yetdi. (2026, January 27). Kapital.uz.

[3] 2023-yilda respublikamizda huquqbuzarliklarning oldini olish va ularning profilaktikasi borasida qanday ishlar amalga oshirildi? https://gov.uz/oz/yoshlar/news/view/6645

Based on the above, it can be concluded that the detection of latent crime is a complex process, requiring the application of various scientific and practical methods of criminology in order to identify and eliminate such offenses.

In criminological science and law enforcement practice, the following principal methods are used to detect latent crime.

Firstly, the statistical method, which involves the comparative analysis of official statistical data, structural analysis, and the examination of correlations between different crime indicators. For example, the discrepancy between the number of reports received about crimes and the number of officially registered offenses may indicate the level of latency.

Another important method is the use of sociological surveys and victimological research, which are aimed at obtaining information directly from victims regarding their experience of being subjected to crime. The data obtained from victimological surveys are compared with official statistics, allowing for the determination of a latency coefficient for specific types of offenses.

Operational-search activity also plays a crucial role in detecting latent crime. The operational-search measures provided for on the Law of the Republic of Uzbekistan № LRU-344 "On operational investigative activities"[1] dated December 25, 2012, constitute one of the key instruments for identifying and uncovering concealed offenses. These methods are particularly effective in detecting crimes with a high level of latency, such as organized crime, corruption, and drug-related offenses.

In modern criminology, special attention is being given to the use of digital technologies and artificial intelligence in identifying latent crime. Criminological forecasting methods make it possible to anticipate future trends in criminality, including the development of its latent forms. In Uzbekistan, a task has been set to establish, by July 1, 2024, the "Crime Factors" module within the unified automated information system "E-Public Safety," which is designed to identify the determinants of crime based on scientific diagnostics. This module is intended to facilitate the systematic analysis and forecasting of crime trends, including latent crime, as well as to identify negative tendencies and develop targeted measures for their prevention and elimination.

The latent forms of regional crime remain one of the most pressing and complex issues in modern criminological science. The conducted analyses demonstrate that the "hidden" portion of crime, which is not reflected in official statistics, poses a direct threat to public safety and creates a distorted perception of the true scale and structure of criminality. Enhancing the professional competence of law enforcement officers, equipping them with modern technical tools and methods, and improving the effectiveness of operational-search activities and forensic examinations are of key importance in detecting latent crime. The Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan № DP–5005 of 2017 "On Fundamental Improvement of the Activities of Internal Affairs Bodies"[2] serves as the legal basis for reforms in this area. The establishment of a specialized unit within the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan to combat organized crime also represents a positive step in this direction.

[1] Law of the Republic of Uzbekistan "On operational investigative activities" 25.12.2012, № LRU-344.
[2] The Presidential Decree of the Republic of Uzbekistan "On Fundamental Improvement of the Activities of Internal Affairs Bodies" № DP–5005 of 2017.

УДК 351.74/.76

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

МАҚОМОТИ КОРҲОИ ДОХИЛӢ ДАР СОҲАИ МУҚОВИМАТ БА ҶИНОЯТКОРӢ

БЕЛЯЕВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА
Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции / Дотсенти кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшинос, дотсент, полковники политсия
E-mail: Julia18flash@yandex.ru

В научной литературе правопорядок определяется как общественное состояние, характеризующееся согласованностью и стабильностью, достигаемыми в результате последовательного исполнения норм права. Такая упорядоченность, будучи естественным следствием функционирования правовой системы, обеспечивается инструментами государственного воздействия. Особое место в этой иерархии занимает конституционный правопорядок, выступающий как фундаментальная составляющая правопорядка в целом, основополагающим элементом которого являются предписания основного закона страны. Таким образом, правовой и, в частности, конституционный порядок служат краеугольным камнем формирования общего устройства в социуме.

Специалисты, среди которых выделяются А.В. Безруков и И.В. Тепляшин, характеризуют конституционный правопорядок как многокомпонентную, интегрированную структуру, включающую принципы, нормы и механизмы, регулирующие деятельность государственного механизма. Эта система опирается на положения Конституции Российской Федерации, коррелирующее с ней законодательство, а также на интерпретации, предоставляемые Конституционным Судом Российской Федерации. Важным аспектом данного порядка является динамичное взаимодействие между различными ветвями власти и влиятельными группами гражданского общества[1].

Данное толкование убедительно раскрывает природу конституционного правопорядка, акцентируя внимание на его основополагающих компонентах:

1. Система обеспечения. Обладает четкой структурой, состоящей из нормативно-ценностного, институционального и функционально-инструментального блоков[2].
2. Правовая основа. Обычно, представлена нормами конституционного права.
3. Участники обеспечения. Идентифицирует лиц и органы, ответственные за поддержание установленного порядка.

Эффективность поддержания конституционного правопорядка в значительной степени зависит от совершенствования механизма его обеспечения.

Структура механизма, ответственного за конституционный правопорядок, представляет собой динамичное сочетание взаимосвязанных элементов, способствующих обеспечению устойчивости и прогресса правовой системы государства. Фундаментом данного механизма выступает равновесие между статичными (институциональными) и адаптивными (функцио-

[1] Безруков, А.В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования / А.В. Безруков, И.В. Тепляшин // Журнал российского права. - 2021. - Т. 25. - № 1. - С. 79.
[2] Безруков, А.В. Конституционно-правовой механизм обеспечения правопорядка органами публичной власти в России: монография / А.В. Безруков. – М.: Юстицинформ, 2018. - С. 99-100.

нальными) компонентами, чье взаимодействие направлено на воплощение конституционных принципов и защиту правопорядка.

Существенным фактором слаженной работы механизма поддержания конституционного правопорядка в Российской Федерации является не только результативное функционирование самой Конституции, но и скоординированные действия всех задействованных в данном процессе субъектов, в том числе государственных органов, правоохранительных структур и общественных организаций.

Ключевая роль в системе обеспечения конституционного правопорядка отводится органам внутренних дел (далее – ОВД), выполняющим функции связующего звена, объединяющего превентивные, защитные и восстановительные функции государства. Функциональный аспект деятельности ОВД, тесно связанный с обеспечением конституционного правопорядка и созданием предпосылок для реализации прав и свобод граждан, относится к динамической составляющей механизма. Институционально же ОВД, наряду с остальными участниками, относятся к статической, субъектной стороне механизма.

Деятельность ОВД, включая полицию, принадлежит к централизованной системе МВД Российской Федерации[1]. Однако, отсутствие четких законодательных определений органов внутренних дел и полиции приводит к неясности в их взаимосвязи и разграничении полномочий.

Традиционно деятельность ОВД ассоциируется с борьбой с преступностью, что, безусловно, является одним из главных направлений. Тем не менее, такое узкое понимание не отражает полноты их роли в обществе, игнорируя критическую важность органы внутренних дел в защите прав и свобод граждан.

Основная цель ОВД – поддержание законности и общественной безопасности, предупреждение противоправных деяний, а также защита и восстановление нарушенных прав. Обширные полномочия ОВД позволяют им оперативно реагировать на угрозы безопасности и благополучию граждан, способствуя тем самым реализации конституционных гарантий.

Функциональное назначение ОВД можно дифференцировать следующим образом:

1) Правоустановительная. Формирование административных нормативных актов.
2) Правообеспечительная. Лицензирование, выдача разрешений и прочий надзор.
3) Правоохранительная. Защита жизни, здоровья, прав и свобод, борьба с преступностью, поддержание общественного порядка.
4) Правоисполнительная. Исполнение законодательных актов в координации с другими ведомствами[2].

В рамках обеспечения правопорядка ОВД осуществляют следующие направления деятельности:

1. Уголовно-процессуальное. Преследование лиц, совершивших преступления.
2. Административно-правовое. Поддержание общественного порядка, обеспечение безопасности дорожного движения, ведение административных производств.
3. Оперативно-розыскное. Выявление и раскрытие преступлений, часто путем негласных мероприятий.
4. Организационно-правовое. Разработка нормативных актов, правовая экспертиза, организация собственной деятельности.

[1] Указ Президента РФ «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» от 21.12.2016 № 699 (ред. от 26.09.2025) // Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/ (дата обращения: 08.03.2026).

[2] Безруков, А.В. Конституционно-правовые основы деятельности и роль органов внутренних дел в механизме обеспечения конституционного правопорядка в России / А.В. Безруков, А.В. Савоськин // Административное право и процесс. - 2022. - № 3. - С. 27.

Данные направления, в особенности административно-правовое, оперативно-розыскное и уголовно-процессуальное, находятся в тесной взаимосвязи.

Полиция, являясь структурным элементом ОВД, представляет собой значимую организацию, чья работа направлена на обеспечение прав и свобод личности, что является краеугольным камнем правового государства. Обращения граждан, связанные с защитой их прав, часто находят решение вне судебных инстанций через полицию, что способствует оперативному разрешению споров[1].

Без прав и свобод человека невозможно представить себе правовой порядок, являющийся основой существования и развития общества, как справедливо отмечал Е.В. Киричёк[2].

Деятельность правоохранительных органов, в частности, органов внутренних дел, охватывает широкий спектр полномочий в рамках уголовного, административного и оперативно-розыскного производства. Приоритетное значение полиции в поддержании конституционного порядка определяется ее многофункциональностью: от предоставления государственных услуг до непосредственной защиты жизни и безопасности граждан. Сотрудники полиции наделены значительными полномочиями, включая возможность ограничения прав и свобод, что накладывает на них особую ответственность. Тесное взаимодействие с населением позволяет оперативно реагировать на правонарушения и предотвращать угрозы.

Эффективность работы органов внутренних дел напрямую зависит от уровня их сотрудничества с другими государственными структурами, общественными организациями и гражданами. Согласно заявлению Президента Российской Федерации В.В. Путина от 4 марта 2026 г., в 2025 г. наблюдалось снижение уровня преступности по всей стране[3].

На 2026 год были обозначены новые приоритеты для правоохранительной системы. Ключевыми направлениями деятельности МВД являются:

1) борьба с тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Особое внимание уделяется преступлениям против жизни, здоровья и собственности. Тревожная статистика подростковой преступности, где доля особо тяжких деяний превышает 40%, требует незамедлительных мер. Необходимо противодействовать систематическому вовлечению молодежи в криминальную деятельность, особенно в составе групп, и привлекать к ответственности лиц, использующих несовершеннолетних в противоправных целях.

2) Защита детей. Изменения в Уголовном кодексе предусматривают пожизненное лишение свободы для подстрекателей к диверсионной и террористической деятельности. Усиливается превентивная работа с молодежью, включая вовлечение подростков в социальную, спортивную и волонтерскую деятельность.

3) Противодействие экстремизму. Отмечается рост преступлений экстремистской направленности. МВД предстоит пресекать русофобию, ксенофобию, религиозную рознь и выявлять лиц, дестабилизирующих общественный порядок.

4) Обеспечение выборов. В сентябре 2026 года состоятся выборы в Государственную Думу и региональные кампании. Первостепенной задачей является обеспечение свободного и безопасного волеизъявления граждан.

5) Киберпреступность. Успешно сокращена численность киберпреступлений, особенно в отношении пожилых граждан, что является результатом профилактической работы. Необходимо активизировать деятельность по возмещению ущерба потерпевшим.

[1] Обеспечение законности, соблюдение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел: учебное пособие / В.В. Барбин [и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2019. - С. 18.

[2] Киричёк, Е.В. Полиция и институты гражданского общества в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: устоявшиеся постулаты, реалии и перспективы взаимодействия: монография / Е.В. Киричёк. – М.: Телер, 2015. - С. 24.

[3] Расширенное заседание коллегии МВД 4 марта 2026 года, Москва // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/79255 (дата обращения 08.03.2026)

6) Безопасность дорожного движения. Наблюдается улучшение ситуации на дорогах и снижение детского дорожно-транспортного травматизма. Особое значение имеет скоординированная работа ГИБДД, органов власти и транспортной отрасли.

Таким образом, можно констатировать, что ОВД играют фундаментальную роль в поддержании конституционного порядка. Их эффективность зависит от нормативного регулирования, а также от тесного взаимодействия с другими государственными органами и обществом, что является залогом существования правового государства.

УДК 343.2

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ УГОЛОВНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

ТАЪСИРИ САНАДҲОИ ҲУҚУҚИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ БА ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТИИ МИЛЛӢ

ВЛАСОВА ЕЛЕНА ЛЬВОВНА
Доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат педагогических наук, доцент / Дотсенти кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва фаъолияти маъмурии мақомоти корҳои дохилии Донишкадаи Шарқӣ-Сибирии ВКД Россия, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
E-mail: vlasovael1963@gmail.com

Влияние международных правовых актов на национальное уголовное законодательство представляет собой процесс, при котором нормы и принципы международного права интегрируются в правовую систему государства, изменяя и дополняя его уголовное законодательство. Данный процесс обусловлен глобализацией, необходимостью борьбы с транснациональной преступностью и выполнением международных обязательств[1].

Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы. При противоречии между нормами закона и международного договора приоритет отдаётся последним.

Влияние международных актов может проявляться в разных формах: нормативное влияние предполагает прямое изменение национального законодательства посредством имплементации международных норм. Например, в результате подписания и ратификации Конвенции ООН против коррупции 2003 года[2] Российская Федерация добровольно приняла на себя обязательства по приведению внутригосударственного уголовного законодательства в соответствие с этой Конвенцией.

Ненормативное влияние связано с рекомендательными положениями, которые государство вправе учитывать добровольно. Например, Сальвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире от 6 декабря 2010 года[3]. Этот акт

[1] Каюмова, А.Р. Уголовная юрисдикция в международном праве / А.Р. Каюмова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2016. – С. 249.
[2] Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121140/
[3] Сальвадорская декларация о комплексных стратегиях для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире // [Электронный

воздействует на внутригосударственное уголовное законодательство не столько с юридической, сколько с политической точки зрения, так как является предпосылкой влияния на уголовную политику государства-участника; прямое влияние реализуется через обязательные требования международных договоров, влекущие, например, криминализацию определённых деяний.

Ярким примером служит установление уголовной ответственность за геноцид (ст. 357 УК РФ), которое стало следствием влияния Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой резолюцией 260 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года[1]; косвенное влияние заключается в том, что международные акты создают ситуации, влияющие опосредованно.

Такие акты, как правило, носят ориентирующий характер, их положения приобретают обязательный характер только после включения в нормативные правовые акты. Например, Декларация Комитета министров Совета Европы о свободе выражения мнений и информации в средствах массовой информации в контексте борьбы с терроризмом (2005 год)[2]: документ не вносит прямых изменений в законодательство, но задает общие направлении его развития.

Имплементация – это процесс реализации международных норм в национальном законодательстве. Выделяют несколько способов: инкорпорация – дословное перенесение нормы международного акта в национальное право. Например, нормы о запрете агрессивной войны (ст. 353 УК РФ) и геноцида (ст. 357 УК РФ) были инкорпорированы из международных договоров[3].

Трансформация – адаптация нормы с учётом особенностей национального законодательства. При этом, объём правового регулирования может расширяться или сужаться. Например, ст. 358 УК РФ (экоцид) была сформулирована с учётом международных стандартов, но с учётом национальных особенностей[4].

Отсылка – указание в национальном законе на международный акт как источник регулирования. Например, в ст. 12 УК РФ «Действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации» юрисдикция РФ определяется с учётом международных договоров[5].

Примеры влияния международных актов на национальное законодательство представлены в таблице №1.

ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_256446/1671e94697641b04eb29edf4ccd43deba2b33cc0/

[1] Родионова, Т.А. Понятие и классификация влияния международного права на российское уголовное законодательство / Т.А. Родионова // Вестник ЧелГУ. – 2011. – №29. – С. 71.

[2] Декларация Комитета министров Совета Европы «О свободе выражения мнений и информации в СМИ в контексте борьбы с терроризмом» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=30012905

[3] Чахкиева, О.И. Особенности имплементации международных уголовно-правовых норм в российское законодательство / О.И. Чахкиева // Столыпинский вестник. – 2023. – №11. – С. 5397.

[4] Там же. – С. 5398.

[5] Основное влияние международного уголовного права на российское уголовное законодательство // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://apni.ru/article/14543-osnovnoe-vliyanie-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-prava-na-rossijskoe-ugolovnoe-zakonodatelstvo

Таблица № 1

Международный акт	Влияние на национальное законодательство
Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.)	Введение ст. 357 УК РФ «Геноцид»
Конвенция против транснациональной организованной преступности (2000 г.)	Криминализация связанных с ней деяний, например, ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми» (введена после ратификации Протокола о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за неё)
Конвенция ООН против коррупции (2003 г.)	Обязанность РФ принять меры по криминализации коррупции, что повлияло на соответствующие нормы УК РФ
Международные стандарты в области прав человека (Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах)	Закрепление в Общей части УК РФ принципов законности, справедливости, гуманизма, презумпции невиновности (ст. 3-7 УК РФ)

Влияние международного права на уголовное законодательство РФ носит не фрагментарный, а системный характер: оно затрагивает как отдельные составы преступлений (геноцид, торговля людьми, коррупционные деяния), так и базовые принципы уголовного права (законности, справедливости, гуманизма и т.д.).

Интеграция международных стандартов способствует сближению российской правовой системы с общемировыми подходами в сфере уголовного правосудия, укреплению защиты прав и свобод человека.

Несмотря на очевидную пользу интеграции международных норм, этот процесс сопряжён с рядом сложностей и противоречий. На практике реализация международных обязательств в сфере уголовного права нередко сталкивается с проблемами, обусловленными как объективными факторами (различиями в правовых традициях и системах), так и субъективными (недостаточной проработкой механизмов имплементации, ресурсными ограничениями и т. п.).

Рассмотрим ключевые проблемы и вызовы, возникающие при внедрении международных правовых актов в национальное уголовное законодательство. Противоречия могут возникать между международными обязательствами и устоявшимися положениями национального законодательства (коллизия норм). Например, в ст. 105 УК РФ (убийство) предусмотрено наказание от 6 до 15 лет лишения свободы для простого человека, а в ст. 277 УК РФ (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля) – от 12 до 20 лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь. Это противоречит принципу равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и международным нормам[1].

Ещё один пример – ст. 227 УК РФ (Пиратство). В ней предусмотрено ответственность за нападение только на морское и речное судно, тогда как в ст. 101 Конвенции по

[1] Кузнецов, А.П. Коллизии международного и уголовного законодательства / А.П. Кузнецов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – №1 (25). – С. 285.

морскому праву – также на воздушное судно[1]. Для решения этой проблемы (устранения коллизии) необходимо ввести в практику проведение предварительной правовой экспертизы законопроектов на соответствие международным обязательствам и внутренним нормам. В рамках экспертизы анализировать: соответствие новых норм принципам уголовного права (законности, равенства, справедливости); отсутствие противоречий между санкциями за схожие деяния в разных статьях УК РФ.

Создавать рабочие группы с участием представителей Минюста, Верховного Суда РФ, Генпрокуратуры, научного сообщества для согласования позиций по спорным вопросам. Разрабатывать методические рекомендации по толкованию коллизионных норм с учётом международных стандартов. Иногда нормы включаются в законодательство без создания действенных механизмов их реализации (формальная имплементация без реального эффекта). Например, ст. 355 УК РФ (разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения) не содержит запрета на хранение такого оружия, хотя международные договоры РФ устанавливают такие обязательства.

Для преодоления формальной имплементации необходимо при ратификации международных договоров одновременно принимать пакет подзаконных актов, обеспечивающих реализацию норм: постановления Правительства РФ о порядке исполнения; приказы профильных министерств (МВД, ФСБ, ФСИН) о механизмах применения; методические указания для правоохранительных органов и судов. Вводить обязательную оценку регулирующего воздействия (далее – ОРВ) для норм, имплементирующих международные обязательства, с анализом: ресурсной обеспеченности; прогнозируемой эффективности; возможных рисков. Также проблема возникает при ратификации международных договоров с запозданием. Например, Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности была ратифицирована только в 2001 году, хотя подписана в 1999 году. Это создавало противоречие между международным и внутренним правом[2].

Адаптация международных стандартов без учёта национальных условий может снизить эффективность новых норм. Например, внедрение требований по борьбе с коррупцией (Конвенция ООН против коррупции) требует не только формального закрепления составов преступлений, но и создания системы контроля, повышения правосознания, обеспечения ресурсов для правоохранительных органов. Без этого нормы остаются декларативными.

В российской правовой системе международные договоры, как правило, не имеют прямого действия без имплементации через национальные законы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Это создаёт процедурные барьеры и может замедлять процесс внедрения международных стандартов. Например, для применения норм международного договора в уголовном судопроизводстве требуется, чтобы УК РФ прямо устанавливал необходимость использования такого договора (ст. 9)[3].

Изменение международной обстановки, денонсация договоров или принятие новых актов требуют постоянной актуализации национального законодательства. Это особенно актуально в условиях геополитических сдвигов, которые влияют на правовые обязатель-

[1] Там же. – С. 286.
[2] Панова, Ю.А. Конкуренция и коллизии норм уголовного законодательства / Ю.А. Панова // Правовая культура. – 2009. – № 1 (6). С. 83.
[3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года №5 «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44722/

ства государства и его участие в международных механизмах[1]. Одним из ярких примеров такого изменения стало прекращение действия Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию в отношении России с 1 июля 2023 года. Денонсация этого документа была связана с выходом России из Совета Европы и прекращением полноправного членства в Группе государств против коррупции (ГРЕКО). В пояснительной записке к законопроекту о денонсации указывалось, что после ограничения прав России в ГРЕКО (лишение права голоса и участия в обсуждении докладов) дальнейшее участие в конвенции стало неприемлемым[2].

Несмотря на выход из конвенции, в России продолжают действовать статьи УК РФ, касающиеся коррупционных преступлений (например, ст. 290 – получение взятки, ст. 291 – дача взятки, ст. 285 – злоупотребление должностными полномочиями). Законодатели подчёркивали, что денонсация не означает декриминализации коррупционных деяний[3]. Россия осталась участником Конвенции ООН против коррупции, и законодатели заявляли о продолжении руководствоваться её требованиями. Это позволило сохранить часть международных обязательств в сфере борьбы с коррупцией, но с акцентом на другие механизмы сотрудничества. Денонсация может повлиять на практику выдачи лиц для уголовного преследования и оказание правовой помощи по коррупционным делам, так как конвенция предусматривала соответствующие процедуры. После денонсации усилилась ориентация на внутренние инструменты противодействия коррупции – Национальный план противодействия коррупции[4], Федеральный закон «О противодействии коррупции» и другие нормативные акты.

В итоге интеграция международных норм в уголовное законодательство выступает важным инструментом совершенствования национальной системы противодействия преступности и укрепления защиты прав и свобод человека, но её эффективность зависит от комплексного подхода: своевременного устранения коллизий, создания механизмов правоприменения, учёта национальных социально-экономических условий и баланса между выполнением международных обязательств и сохранением суверенитета правовой системы. Успешное решение возникающих вызовов позволит максимально использовать потенциал международного права для развития уголовного законодательства РФ в условиях глобализации и растущих транснациональных угроз.

[1] Российской коррупции Европа не указ // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/5759445

[2] Россия вышла из антикоррупционной конвенции Совета Европы // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rtvi.com/news/rossiya-vyshla-iz-antikorrupczionnoj-konvenczii-soveta-evropy/

[3] «Денонсация не означает декриминализация». Законодатели прокомментировали планы по выходу России из Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rtvi.com/news/denonsacziya-ne-oznachaet-dekriminalizacziya-zakonodateli-prokommentirovali-plany-po-vyhodu-rossii-iz-konvenczii-ob-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-korrupczyu/

[4] Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» от 16 августа 2021 года, № 478 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://focus.kontur.ru/site/news/53769-nacionalnyj_plan_protivodejstvij_korrupcii

УДК 343.97

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОТИВОПРАВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

МУҚОВИМАТ БА ФАЪОЛИЯТИ ҒАЙРИҚОНУНӢ ДАР МУҲИТИ РАҚАМӢ

ГАРИНА ОКСАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА
Старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, подполковник полиции / Омӯзгори калони кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники политсия
E-mail: ksu@myopusmail.ru

Деструктивные сообщества эксплуатируют фундаментальные социальные и гуманитарные потребности: поиск идентичности, справедливости, принадлежности к группе. Клубные форматы (закрытые чаты, игровые гильдии), психологическая поддержка, карьерные советы, благотворительные инициативы становятся «оберткой» для идеологической радикализации или вовлечения в преступную деятельность. Уязвимость заключается в недостаточной цифровой грамотности определенных слоев населения и латентности таких сообществ, которые формально могут не нарушать правила платформ.

В 2022 г. Следственным комитетом РФ была раскрыта схема вербовки несовершеннолетних в деструктивные группы через популярные среди школьников сервисы для совместной учебы и творческих проектов, где под видом «клубов по интересам» велась пропаганда суицидального поведения. В 2025 г. МВД совместно с ФСБ предотвратило деятельность ОПГ, создавшей в социальной сети «ВКонтакте» сеть фан-сообществ популярных музыкальных исполнителей, под прикрытием которых осуществлялся сбыт наркотиков.

В Стратегии национальной безопасности РФ[1] защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей от деструктивного информационного воздействия определена как приоритет. Это напрямую коррелирует с необходимостью выявления и нейтрализации описанных уязвимостей.

Борьба с киберпреступностью и экстремизмом в сети находится на постоянном контроле высшего руководства страны, что задает стратегические ориентиры для правоохранительных органов.

По итогам заседания Совета Безопасности РФ в сентябре 2023 г. Президент РФ В.В. Путин поручил «активизировать работу по выявлению и пресечению деятельности использующих информационно-телекоммуникационные сети экстремистских и террористических организаций, обратив особое внимание на профилактику вовлечения в них молодежи»[2]. Это поручение легло в основу ряда межведомственных профилактических операций МВД и ФСБ. На расширенной коллегии МВД России в феврале 2024 г. Министр внутренних дел В.А. Колокольцев обозначил «необходимость опережающего развития cyber-подразделений, их оснащения системами предиктивной аналитики на базе искусственного интеллекта для прогнозирования и нейтрализации киберугроз».

[1] Указ Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Президент России // [Электронный ресурс]. – Режим ввода: http://www.kremlin.ru/events/security-council/by-date/22.09.2023 (дата обращения - 10.03.2026).

Это напрямую коррелирует с курсом на технологический суверенитет в сфере информационной безопасности. В апреле 2025 г. Президент РФ потребовал «существенно повысить эффективность работы по возврату похищенных у граждан средств, в том числе за счет оперативного взаимодействия с финансовыми организациями и международными партнерами по блокировке криптовалютных кошельков, используемых преступниками»[1]. В выступлении на заседании Совета руководителей органов безопасности и спецслужб (СОРБ) государств СНГ в ноябре 2025 г. директор ФСБ России А.В. Бортников отметил, что «использование закрытых каналов в мессенджерах и даркнета координаторами экстремистских ячеек требует от нас не просто следования, а опережающего развития методов цифрового противодействия и кросс-платформенного анализа»[2]. Это указание стимулировало развитие межведомственного взаимодействия в области технической разведки в сети. Эти установки формируют политико-правовой контекст, в котором развиваются как оперативно-розыскная деятельность, так и судебная практика.

Практика противодействия преступлениям в социальных сетях характеризуется высокой латентностью, но и рядом громких успешных дел, демонстрирующих отработанные тактики. Популярным средством вербовки крайне правыми женщинами являются видеоблоги в YouTube, социальных сетях Facebook, «ВКонтакте». Экстремистские деятели и группы знают о потенциально впечатлительной аудитории, поэтому используют YouTube в качестве ключевой платформы для распространения своих идеологий и нарративов, а также для обмена видео, напоминающих имиджевые фильмы. Во избежание подозрений или контроля со стороны правоохранительных органов, после выявления потенциального новобранца дальнейшие беседы переносятся в службы обмена сообщениями, например, Telegram. В 2020 г. по требованию Генеральной прокуратуры Российской Федерации было заблокировано 10 тыс. сайтов с призывами к экстремизму, массовым беспорядкам и с фейковыми новостями, противоправный контент удален с 52 тыс. интернет-ресурсов[3].

В IV квартале 2024 г. Роскомнадзор совместно с профильными ведомствами удалил либо заблокировал свыше 228 тыс. материалов, сайтов и их отдельных страниц с запрещенной законом информацией. Всего за 2024 г. – почти 800 тыс., что на 19% больше, чем в 2023 г.[4]. За период с января по август 2025 г. с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) было совершено 471 500 преступлений. Больше половины из них – 51,1% – составило мошенничество. Об этом на форуме «Спектр 2025» 22 октября 2025 г. заявил заместитель начальника управления по организации борьбы с противоправным использованием ИКТ (УБК, киберполиции) МВД России Максим Толкачев[5]. Наибольший рост наблюдается в сегменте мошенничеств с использованием социальной инженерии. выше 1,2 тыс. человек осуждены за экстремистскую деятельность в России в 2025 г.[6].

[1] Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства (утв. Президентом РФ 01.04.2025 N Пр-706) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Глава ФСБ считает членов закрытых групп в мессенджерах «кандидатами в террористы-одиночки» // [Электронный ресурс]. – Режим ввода: https://tass.ru/obschestvo/7087712 (дата обращения - 10.03.2026).

[3] Дудниченко, А.Н., Григорян, Д.К. О некоторых аспектах рекрутинга женщин террористическими организациями посредством сети «Интернет» / А.Н. Дудниченко, Д.К. Григорян // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2023. - № 4 (64). - С. 108-114.

[4] РКН в 2024 г. удалил или заблокировал почти 800 тыс. материалов с запрещенным контентом // [Электронный ресурс]. – Режим ввода: https://www.interfax.ru/russia/1003386 (дата обращения - 10.03.2026).

[5] В IT-сфере совершено почти 500 000 преступлений за восемь месяцев 2025 года // [Электронный ресурс]. – Режим ввода: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/10/23/1149083-v-it-sfere-soversheno-pochti-500-000-prestuplenii (дата обращения - 10.03.2026).

[6] В России в 2025 году более 1,2 тыс. человек осудили за экстремизм // [Электронный ресурс]. – Режим ввода: https://tass.ru/proisshestviya/26084415 (дата обращения - 10.03.2026).

В процессе расследования уголовно-наказуемых деяний в IT-среде большое значение имеет оперативная работа. Она заключается в:

– Построение графов связей между подозрительными аккаунтами, выявление ключевых администраторов и наиболее активных распространителей.

– Внедрение оперативного сотрудника или агента в закрытые деструктивные сообщества под видом потенциального сторонника для сбора доказательств.

– Инициирование «поставки» запрещенного контента или предметов для задержания с поличным участников организованных преступных групп, занимающихся их сбытом через соцсети.

Разработка и внедрение стратегии противодействия противоправным проявлениям в социальных сетях в современных условиях представляет собой комплексную междисциплинарную задачу. Успех в этой области определяется не столько отдельными технологическими решениями, сколько способностью выстроить целостную, устойчивую систему, интегрирующую следующие ключевые элементы:

1. Технологический иммунитет, основанный на много эшелонированной защите, сочетающей внешние сервисы очистки трафика с внутренними системами поведенческого анализа и защиты на уровне приложений.

2. Операционную готовность, обеспечиваемую наличием отлаженных процедур и регулярным проведением киберучений, что позволяет минимизировать время простоя и репутационный ущерб.

3. Правовую адаптивность, предполагающую постоянную актуализацию национального законодательства и развитие международно-правовых механизмов, направленных на преодоление трудностей, связанных с атрибуцией и трансграничным характером киберпреступлений.

4. Геополитическую осведомленность, требующую от лиц, принимающих решения, понимания мотивации и структуры хактивистских группировок в контексте более широких международных процессов, что позволяет переходить от реактивного тушения возгораний к проактивному прогнозированию и нейтрализации угроз.

Современная стратегия не может быть просто технической. Она должна быть комплексной, адаптивной и учитывающей мотивацию атакующих. Положения указанной стратегии претворяются в жизнь сотрудниками полиции, которые специализируются на расследовании преступлений в сфере информационных технологий. Роль полиции эволюционировала от реакции на инциденты к активному предупреждению и расследованию.

Анализ деятельности полиции в указанной сфере позволил разделить ее на составляющие. Во-первых, полиции поручается производство оперативно-розыскных мероприятий в целях установления виновных в кибератаках и сбора цифровых доказательств совершенных преступлений в сфере цифровых технологий. В качестве примера можно привести простой поиск угроз в интернете и даже даркнете, мониторинг специализированных форумов, например для хакеров. По нашему мнению, такие действия следует обозначить как цифровое патрулирование.

Во-вторых, своевременное оказание помощи субъектам, подвергшимся атаке. Это будет способствовать минимизации возможного ущерба и сохранению следов преступной деятельности. В-третьих, профилактика и просветительская деятельность, в рамках которых осуществляется информирование о правилах кибергигиены представителей бизнеса, органов публичной власти и простых граждан. Это может выражаться не просто в проведении лекций, демонстрировании видеоматериалов и распространении бумажно-бланкетной продукции, но и создании обучающих приложений.

В-четвертых, участие в правотворческой деятельности, что реализуется за счет предложения законодательных инициатив и разработке соответствующих регламентов действий

при подозрении на осуществление хактивизма и DDoS-атаки. Представляется, что участие в составлении последнего указанного вида документа сотрудника полиции позволит учесть не только техническую составляющую, но и обеспечить последующее документирование в материалах уголовного дела.

Все вышесказанное предполагает высокий уровень образования сотрудника полиции. Одного юридического недостаточно, как и одного связанного с освоением цифровых (информационных) технологий. Это ключевой момент. Успех в противодействии современным киберугрозам напрямую зависит от кадров. Можно провести аналогию с жизненными представлениями людей разных поколений и отношением к новому со стороны «новых» и «старых» кадров в полиции, т.е. существует проблема «разрыва поколений». Традиционная полиция часто работает по устоявшимся процедурам, где важны иерархия и опыт. Киберпространство же требует гибкости, нестандартного мышления и скорости. Современное молодое поколение по праву можно назвать «цифровыми аборигенами». Они выросли в интернете, интуитивно понимают его логику, культуру мемов, соцсетей и теневых форумов. Для них технологии – это родная стихия. Действительно, противодействие и предупреждение хактивизма и DDoS-атак требует общения на языке понятном представителям указанной сферы.

По нашему мнению, обновление кадров, вовлечение в такую работу молодых сотрудников полиции обоснованно, ведь это вполне вероятно изменит ситуацию в лучшую сторону и сделает мир чуть безопаснее. Приход молодых привнесет актуальные знания и навыки. Образованные молодые кадры полиции обладают свежими, практическими знаниями в области программирования, сетевых технологий, анализа данных и искусственного интеллекта, полученными не только в вузах, но и самостоятельно. Указанные субъекты быстрее обучаются новым инструментам и лучше понимают психологию современного хакера, который часто является их ровесником. Такая политика позволит усилить оперативно-розыскную деятельность. Это обусловлено тем, что молодой сотрудник полиции понимает соцсети и мессенджеры, что позволяет эффективнее вести виртуальную разведку, внедряться в сообщества хактивистов под прикрытием, отслеживать их коммуникации. Они могут говорить с подозреваемыми на одном языке, понимать сленг и культурные коды.

Немаловажным моментом является новый взгляд на работу молодого сотрудника полиции. Современное поколение стремится к эргономичности и оптимизации, что проявляется в предложении новых эффективных мер решения поставленных задач, т.е. формулирование инноваций внутри системы. Молодые сотрудники являются драйверами внедрения новых технологий (например, машинного обучения для анализа больших данных по киберинцидентам).

Современное общество и государство заинтересовано в квалифицированных кадрах. В борьбе за них государство не всегда одерживает «победу». Поэтому необходимо проводить комплексную работу и стимулировать молодых людей, обладающих высоким потенциалом (уровень образования, стремление повысить профессиональный уровень, высокое чувство справедливости и ответственности перед Родиной). Так, привлечению и удержанию талантов способствуют высокие зарплаты программы стимулирования, интересные проекты и возможности для карьерного роста. Немаловажна адаптация управления. Руководству полиции необходимо научиться управлять молодыми, амбициозными и независимыми специалистами, предоставляя им больше автономии и создавая горизонтальные команды. В служебных отношениях следует придерживаться принципов сотрудничества, взаимопомощи, и избегать конфликтных ситуаций, в которых априори прав руководитель, без выяснения позиции подчиненного. Важно не противопоставлять, а объединять опыт ветеранов оперативной работы с техническими навыками и свежим взглядом молодежи т.е. сочетать опыт и инновации.

Разработка стратегии противодействия противоправным проявлениям в социальных сетях – это динамичный процесс, требующий симбиоза технологий, геополитического анализа и кадрового потенциала. Роль полиции трансформируется. Она становится высокотехноло-

гичной службой безопасности, работающей на опережение. Приход молодых кадров – не просто «полезное дополнение», а необходимое условие работы и эффективности полиции в цифровую эпоху. Именно они являются тем мостом, который позволяет правоохранительной системе адекватно реагировать на вызовы, исходящие из киберпространства, и говорить с противником на его языке. Задача государства и руководства МВД – создать среду, в которой этот потенциал будет раскрыт и использован в полной мере.

УДК 343.13

О СПЕЦИФИКЕ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)

ОИД БА ХУСУСИЯТҲОИ ИНТИХОБИ ЧОРАҲОИ МАҶБУРӢ НИСБАТ БА НОБОЛИҒОНИ ГУМОНБАРШУДА (АЙБДОРШАВАНДА)

ГРИШИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
Профессор кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент / Профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологии Дрнишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшинос, дотсент
E-mail: ronsove@bk.ru

ЛОПАТКИНА АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА
Старший преподаватель кафедры «Социальные отношения, реклама и связи с общественностью» Московского технического университета связи и информатики, кандидат юридических наук / Омӯзгори калони кафедраи «Муносибатҳои иҷтимоӣ, реклама ва робита бо ҷомеа»-и Донишгоҳи техникии алоқа ва информатикаи ш. Москва, номзади илмҳои ҳуқуқшинос
E-mail: a.s.lopatkina@mtuci.ru

Законодатель зафиксировал полный перечень мер пресечения, которые могут быть применены в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, в ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ). При этом ни одна из них не исключается и возможно применения любой из всех указанных в положении с условием учета следующего - ч. 2 ст. 423 УПК РФ, содержание которого предполагает рассмотрение возможности передачи несовершеннолетнего под присмотр в порядке ст. 105 УПК РФ.

Суть этой нормы заключается в передаче обязанности по «перевоспитанию» (исправлению поведения) несовершеннолетнего его родителям, опекунам, попечителям и иных лиц, которые заслуживают доверия, включая должностных лиц детских специализированных учреждений. А.С. Исакова относительно данной меры отмечает, что факт доверия подлежит соответствующему подтверждению, но тогда напрашивается вопрос о регламентации порядка получения последнего и конкретных субъектах[1]. Это, своего рода, пробел в уголовно-процессуальной регламентации порядка применения присмотра за несовершеннолетним обвиняемым, поскольку в ст. 105 УПК РФ четко не обозначен круг лиц, которым разрешено передавать несовершеннолетнего под присмотр, а также лица, которые имеют право инициировать передачу им несовершеннолетнего под присмотр путем подачи соответствующего

[1] Исакова, А.С. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как мера пресечения в уголовном процессе / А.С. Исакова // Молодой ученый. - 2013. - № 11 (58). - С. 530-532.

ходатайства. Причем лицо, которое обязалось следователем (дознавателем) или судом на исполнение этой меры, санкционировано денежным взысканием за его неисполнение в соответствии с ч. 3 ст. 105 УПК РФ. Можно предположить, что таким образом происходит защита прав и законных прав несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, а именно оснащается социальная и психологическая составляющие несовершеннолетнего, обуславливающих осознать ему противоправность своего поведения самостоятельно и встать на путь исправления.

В основе избрания меры пресечения лежит не только уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, которым должен руководствоваться следователь (дознаватель) при осуществлении предварительного расследования по уголовным делам несовершеннолетних, но и международные нормативно-правовые акты. Это объясняется тем, что уровень защиты и обеспечения прав несовершеннолетних в России как на досудебных стадиях уголовного производства, так и на судебных, не должен уступать международному. Именно поэтому должностным лицам, ведущих уголовное производство в отношении несовершеннолетних, необходимо систематически совершенствовать свою специальную подготовку. В п. 12 Пекинских правил этот аспект обосновывается тем, что «сотрудник полиции для несовершеннолетнего является первым контактом с системой правосудия, поэтому крайне важно, чтобы он действовал квалифицированно и должным образом».

Альтернативной мерой «передачи несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого под присмотр» выступает «личное поручительство». Отличием последней является: основания, условия и мотивы избрания. Так, условие, которое способствует избранию данной меры – одно или несколько лиц, инициирующих волеизъявление и возможность обязать себя статусом исполнителя по обеспечению правомерного поведения подозреваемого или обвиняемого. Кроме этого, в обязательном порядке составляется подписка о личном поручительстве, свидетельствующая об ответственности в виде денежного взыскания в случае нарушения подозреваемым (обвиняемым) условий мер пресечения, обозначенных в подписке или протоколе (постановлении) следователя. Но вопрос об определении доверия, в первую очередь, следователя к поручителю аналогично актуален, как и в случае применения ранее указанной меры («присмотр за несовершеннолетним обвиняемым или подозреваемым»).

Подписка о невыезде и надлежащем поведении как одна из самых часто применяемых в практике расследования уголовных дел несовершеннолетних выражает характер психического принуждения и необходимости в силу того, что иные меры не предоставляется возможности использовать. Критерием, который препятствует применению альтернативных мер пресечения к несовершеннолетнему, является тяжесть содеянного преступления. В подобной ситуации должностному лицу целесообразнее было бы отказаться от применения мер пресечения вовсе и воспользоваться процессуальной мерой принуждения - обязательство о явке, поскольку таким образом оказывается наиболее благоприятное психологическое воздействие на несовершеннолетнего и его поведение в процессе дальнейшей процессуальной деятельности по его уголовному делу.

Суть ранее указанной меры принуждения заключается в том, что она может быть избрана в отношении подозреваемого (обвиняемого) с постоянным или временным местожительством. В указанное в постановлении время несовершеннолетний обязан явиться в правоохранительные органы. Цель этого процессуального решения – персональный контроль за подозреваемым (обвиняемым) со стороны следователя (дознавателя) и исключение вероятности скрытия несовершеннолетнего от следствия. Предполагаемый результат данной меры - создание условий, способствующих эффективному предварительному расследованию. Помимо «отметки» в правоохранительном органе, здесь также подразумевается проведение профилактической беседы, которая якобы должна оказывать положительное влияние на поведение несовершеннолетнего, налаживанию контакта с следователем (дознавателем), ведущем производство по его уголовному делу. Несовершеннолетний дополнительно предупре-

ждается о замене ранее избранной меры пресечения на более строгую, если это является возможным в рамках уголовно-процессуального законодательства.

Выбор в пользу обязательства о явке вместо подписки о невыезде и надлежащем поведении вызвано тем, что следователям (дознавателям) не хватает доказательств по уголовному делу несовершеннолетнего подозреваемого для установления его перспективности и направления в суд для дальнейшего производства.

В следственной практике (дознании) относительно редко должностными лицами избирается залог как мера пресечения в связи с возникающей сложностью её механизма избрания и применения. Условие, препятствующее к её избранию – материальная составляющая в жизни несовершеннолетнего подозреваемого. Поскольку последний находится на иждивении его законных представителей, то зачастую самостоятельно не может внести соответствующую сумму за своё освобождение или применения другой меры пресечения, и у родителей, соответственно, может и не быть такой финансовой возможности. Но эффективность данной меры оправдывает своё место в ряде иных мер тем, что она подкреплена таким сдерживающим фактором как «крайняя обязанность»: нарушение обязательств влечёт неспособность несовершеннолетнего (его законных представителей) вернуть в полном размере заложенное имущество.

Как правило, залог, как мера пресечения, избирается следователем (дознавателем) исключительно на основании решения суда. Следует отметить также, что право на освобождение подозреваемого (обвиняемого) под залог или избрания в его отношении иной меры пресечения, которое, в свою очередь, выступает гарантом его явки в суд, признано мировым сообществом и закреплено в международном законодательстве, а именно в ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, в ст. 5 Римской конвенции. Предмет залога и его размер определятся в рамках суда в зависимости от ходатайства лица, инициирующего избрать эту меру пресечения, тяжести и характера содеянного преступления, финансового положения залогодателя, возможного наказания (но не от наступившего ущерба потерпевшему в результате преступления).

А.В. Антонова предложила следующую теорию в уголовно-процессуальной сфере относительно сложности применения домашнего ареста и запрета определенных действий[1]. В реальности современная статистика показывает, что к совершению преступлений и правонарушений склонны несовершеннолетние из неблагополучных семей. Поэтому, исходя из этого фактора, применение домашнего ареста и запрета определенных действий окажется безрезультатным в такой ситуации. В связи с этим необходимо изначально исследовать условия, в которых проживает несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый.

Рассматривая вопрос об избрании несовершеннолетнему такой меры как заключение под стражу, стоит отметить, что данная мера является одной из строгих мер пресечения. Порядок её применения регламентирован не только уголовно-процессуальным законодательством России в ст. 108 и 109 УПК РФ, но и законодательством международного уровня – п. 13 Пекинских правил «Содержание под стражей до суда». Суды, осуществляя производство уголовных дел в отношении несовершеннолетних, а именно разрешая вопрос о применении к несовершеннолетнему заключения под стражу, обязаны Пленумом Верховного Суда РФ выносить на обсуждение возможность отдачи последнего под присмотр в случае наличия ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Строгость меры обусловлена тем, что она тесно связана с закрепленным в Конституции РФ правом на свободу и

[1] Антонова, А.В. Процессуальные особенности домашнего ареста несовершеннолетних обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений / А.В. Антонова // Уголовно-правовая, уголовно-процессуальная политика и современные проблемы борьбы с преступностью: материалы Всерос. науч.-практ. конф. - Краснодар, 2016. - С. 6-15.

личную неприкосновенность (ст. 22), таким образом фактически лишающего подозреваемого (обвиняемого), относящегося к указанной категории лиц, такого права.

Ранее в настоящей работе уже отводилось внимание проблеме о передаче несовершеннолетнего под присмотр, где были обозначены конкретные сложности с исполнением этой меры пресечения лицами, «заслуживающими» доверия в лице следователя (дознавателя), а также факторы, влияющие на эффективность её применения. Так, если брать за основу эти факторы, то, в большинстве своем, заключение под стражу представляется единственным вариантом выхода из складывающейся ситуации, по логике законодателя. Но тогда имеет место быть следующая позиция: если несовершеннолетний до заключения под стражу проживал и воспитывался в семье низкого социального статуса, то это значительно сужает его шансы на последующую социальную адаптацию. Именно поэтому в реальной практической деятельности применять заключение под стражу в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) нужно в исключительных случаях и только за совершение тяжких, если ранее уже был судим, либо в его отношении прекращали уголовное преследование в связи с недостижением возраста уголовной ответственности, и особо тяжких преступлений. Вполне гуманным и заслуживающим поддержки, было высказано мнение О.П. Колударовой, которая предлагает помещать беспризорных несовершеннолетнего в центры временного содержания, если заключение под стражу не значится уместным[1].

Ещё одна специфичная мера принуждения, применяемая в отношении несовершеннолетних подозреваемых, в ряде всех ранее указанных – задержание. Его порядок производства, согласно ст. 423 УПК РФ, предусмотрен ст. 91 УПК РФ и по факту ничем не разнится с порядком задержания совершеннолетнее лицо. К исключительным особенностям относят:

1. Обязательное участие защитника в качестве дополнительного гаранта защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего подозреваемого, а также, по необходимости, педагога, психолога с момента первого допроса;
2. Обязательное извещение законных представителей несовершеннолетнего посредством любых средств связи;
3. Место содержания несовершеннолетнего подозреваемого на период его задержания должно быть отдельным от совершеннолетних лиц.

Эти положения соответствуют п. 10 Пекинских правил «Первоначальный контакт» и полно отражены в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

Законодатель четко не указал в главе 50 УПК РФ случаи, обосновывающие требование задерживать несовершеннолетних подозреваемых в совершении преступления, однако на практике следователи (дознаватели) опираются на фактические обстоятельства дела, характеристики подозреваемого и степень тяжести преступного деяния. Такой процессуальный порядок является законным и резонным с точки зрения международного сообщества: в Конвенции о правах ребенка 1989 года зафиксирована ст. 37, где напрямую указывается, что «…арест или тюремное заключение ребенка осуществляется согласно закону и используются лишь в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого соответствующего периода времени».

В УПК РФ на настоящий период времени относительно «задержания» несовершеннолетнего подозреваемого распространяется только общий порядок применения данной меры принуждения. Соответственно, уместно полагать, что в уголовно-процессуальном законе присутствует весомый пробел, который требует дополнительного урегулирования, в части исключительности применения.

[1] Колударова, О.П. Производство по уголовным делам в отношении безнадзорных несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых (отдельные вопросы теории и практики): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / О.П. Колударова. - Ижевск, 2011. - С. 13.

Актуальность вышеизложенного неизменно остается прежней, поскольку дети и несовершеннолетние лица занимают первоочередные позиции во внимании всего мирового сообщества, особенно их права, свобода и законные интересы. Правоохранительные органы, вступая в контакт с несовершеннолетним с того момента как стало известно о совершенном преступлении последним, обязаны обеспечить абсолютную защиту прав и законных интересов подозреваемого на всех этапах досудебного производства в соответствии с положениями уголовно-процессуального и международного законодательств, а применяемые меры процессуального принуждения должны носить, в сущности, предупредительный характер, не карательный. Именно таким образом несовершеннолетние подозреваемые могут быть сами заинтересованы в надлежащем исполнении избранных в их отношении мер, а гарантированная и реализованная со стороны сотрудников органов внутренних дел «защита» построит эффективный диалог между этими субъектами на всей стадии предварительного расследования.

УДК 343.54

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТАТЕЙ 156 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И 174-175 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН*

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ МОДДАҲОИ 156 КОДЕКСИ ҶИНОЯТИИ ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ ВА 174-175 КОДЕКСИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

ДВОРЖИЦКАЯ МАРИНА АНДРЕЕВНА
Старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, кандидат юридических наук / Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии филиалии Шимолӣ-Ғарбии Донишгоҳи давлатии адлияи Россия ба номи В.М. Лебедев, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ
E-mail: dvorzhickaya91@mail.ru

ЗАРОБИДИНЗОДА СУЛАЙМОН ЗАРОБИДИН
Начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции / Сардори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, подполковники милитсия
E-mail: muzafarovsz@mail.ru

В соответствии с основополагающими международными документами, защита от пыток, жестокого и бесчеловечного обращения гарантирована всем лицам, включая взрослых и несовершеннолетних[1]. В представленных документах подчёркивается необходимость приня-

* Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательской темы «Совершенствование административно-правовой и уголовно-правовой деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан в сфере предупреждения насилия в семье (2023-2028 годы))», которая финансируется за счет средств государственного бюджета Республики Таджикистан. Государственный регистрационный номер: 0121TJ1291.

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/ (дата обращения: 08.02.2026).

тия специальных мер для защиты детей от жестокого обращения. В связи с этим поведение, которое не является жестоким по отношению к взрослым, может быть расценено как жестокое по отношению к ребёнку.

Обеспечение безопасности детей, которые в силу своего возраста нуждаются в усиленной защите от потенциально опасных действий взрослых, является одной из приоритетных задач, как Российской Федерации, так и Республики Таджикистан. Ключевым аспектом в этой области является снижение уровня противоправных действий, как со стороны несовершеннолетних, так и направленных против них.

В Российской Федерации уголовно-правовая защита несовершеннолетних обеспечивается, в том числе, с помощью специальной нормы, предусматривающей ответственность взрослого лица за неисполнение обязанностей по воспитанию ребёнка (статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации). В Республике Таджикистан уголовно-правовая защита несовершеннолетних обеспечивается более комплексно с помощью специальных норм, предусматривающих ответственность взрослого лица как за невыполнение обязанностей по обучению и воспитанию ребёнка (статья 174 Уголовного кодекса Республики Таджикистан), так и за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (статья 175 Уголовного кодекса Республики Таджикистан).

Родовые и видовые объекты исследуемых преступных посягательств схожи. В качестве родового объекта в Российской Федерации и Республики Таджикистан рассматриваются общественные отношения в сфере охраны интересов личности, видового – общественные отношения в сфере охраны интересов семьи и несовершеннолетних. Непосредственный объект преступлений, предусмотренных ст. ст. 156 УК РФ и 174 УК РТ, включает в себя общественные отношения, направленные на создание условий для нормального развития несовершеннолетних, включая их психическое, физическое и нравственное развитие[1].

Дополнительным непосредственным объектом являются телесная или психическая неприкосновенность несовершеннолетнего, а также свобода, честь и достоинство личности. Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 175 УК РТ, – физическая безопасность и здоровье малолетнего. Вред от данного преступления причиняется потерпевшему – несовершеннолетнему лицу, не достигшему восемнадцатилетнего возраста (в ст. ст. 156 УК РФ и ст. 174 УК РТ), малолетнему лицу, не достигшему четырнадцатилетнего возраста (ст. 175 УК РФ).

Объективная сторона преступного посягательства по ст. 156 УК РФ включает в себя обязательный признак – деяние, которое выражается в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. В статье 174 УК РТ также прослеживается сходство в части деяния объективной стороны, которое выражается в невыполнении или ненадлежащем выполнении обязанности. Однако в российском законодательстве предусмотрена ответственность только за невыполнение обязанностей по воспитанию детей, в то время как в Таджикистане ответственность предусмотрена как за невыполнение обязанностей по воспитанию, так и обучению. Обязанность по воспитанию в российском законодательстве трактуется широко и представляет собой комплекс мер, направленных на

---

[2] Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // КонсультантПлюс // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15160#PyUGOZUo2NkzSsAz (дата обращения: 08.02.2026).

[3] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // КонсультантПлюс // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 08.02.2026).

[1] Прозументов, Л.М. Уголовно-правовая характеристика объективных признаков преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ / Л.М. Прозументов // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статьей статей. Ч. 50. – Томск, 2011. – С. 22.

обеспечение заботы о ребёнке, уважения его человеческого достоинства, удовлетворения всех его жизненно важных интересов и потребностей с учётом возраста, состояния здоровья, а также на создание благоприятных условий для этого. В связи с этим, в случае если ребёнок не посещает школу, родитель пренебрегает мерами безопасности, проявляя жестокое обращение, это может быть квалифицировано в соответствии со статьёй 156 УК РФ.

Кроме того, в статье 156 УК РФ говорится об обязанностях во множественном числе, хотя на практике эта норма применяется с использованием ограничительного толкования. В статье 174 УК РТ указывается на невыполнение обязанности в единственном числе. В свою очередь, в статье 175 УК РТ общественно опасное деяние выражается в ненадлежащем исполнении обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего. Для того чтобы установить уголовно-правовое бездействие, связанное с невыполнением или ненадлежащим выполнением обязанностей, необходимо наличие трёх условий:

1. Наличие у лица обязанности действовать определённым образом.
2. Наличие возможности реализовать возложенную обязанность.
3. Факт невыполнения обязанности.

Составы преступлений, предусмотренные статьями 156 УК РФ и 174 УК РТ, характеризуются ещё одним обязательным признаком - жестоким обращением с несовершеннолетним. Однако по конструкции объективной стороны эти составы представлены в виде формальных, а последствия находятся за рамками состава преступления. В статье 175 УК РТ отсутствует такой признак, как «жестокое обращение», достаточно небрежного исполнения обязанностей по обеспечению безопасности. Состав преступления является материальным и предусматривает наступление вреда здоровью средней тяжести по неосторожности (ч. 1), тяжкого вреда здоровью (ч. 2) или смерти малолетнего (ч. 3). Иными словами, в статье 175 УК РТ предусмотрена ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего, что влечет за собой тяжкие последствия.

Интересно, что в российской правоприменительной практике существует следующая особенность: если взрослое лицо, на которое возложены воспитательные обязанности, применяет физическое насилие в отношении несовершеннолетнего, не обеспечивая должные меры безопасности, и в результате причиняет вред, подпадающий под признаки преступлений, предусмотренных статьями 115, 116 или 116.1 УК РФ, то такое деяние квалифицируется исключительно по статье 156 УК РФ. В данном случае насилие охватывается жестоким обращением, которое охватывается статьёй 156 УК РФ, учитывая сопоставимость санкций за данные преступления. Однако если взрослое лицо применяет физическое насилие к ребёнку, влекущее ответственность по статьям 112, 111, 117 УК РФ, то содеянное должно оцениваться по совокупности этих преступлений и противоправного посягательства, предусмотренного статьёй 156 УК РФ. Это связано с тем, что, учитывая сопоставимость санкций за данные преступления, они не охватываются статьёй 156 УК РФ.

В ходе анализа правоприменительной практики статьи 156 УК РФ были выявлены следующие комбинации неисполнения обязанностей, связанные с жестоким обращением:

– неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию в одном деянии, а жестокое обращение – в другом.

– Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию, сопровождающееся длительным и систематическим бездействием, которое оценивается как жестокое обращение.

– Применение насилия в отношении ребёнка, что само по себе является недопустимым методом воспитания и жестоким обращением.

В большинстве случаев на практике наблюдается ситуация, когда лицо, обязанное осуществлять воспитание, не выполняет свои обязанности, выраженные в одном акте бездействия, а жестокое обращение проявляется в другом акте действия, связанном с применением насилия. Статья 156 УК РФ чаще всего применяется в совокупности с преступлениями,

предусмотренными пунктом «г» части 2 статьи 117 УК РФ. Однако также встречаются случаи квалификации в совокупности со статьями 105, 109, 110, 111, 112 и 125 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Анализируя субъект преступления, следует отметить, что, в соответствии со статьей 156 УК РФ, обязанности по воспитанию несовершеннолетнего могут быть возложены, как на родителей, так и на других лиц (педагогических работников, сотрудников образовательных, медицинских и социальных учреждений, а также представителей иных организаций, осуществляющих надзор за несовершеннолетними). Схожий субъектный состав в преступлении, предусмотренном ст. 174 УК РФ – родитель или иное лицо, на которое по закону возложена эта обязанность, а равно педагог или другой работник учебного или воспитательного учреждения. Субъект преступления, предусмотренного ст. 175 УК РФ, – обязанное лицо, на которое обязанности возложены по службе, либо лицом, выполняющим эти обязанности по специальному поручению или добровольно принявшим на себя такие обязанности. Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ и ст. 174 УК РТ, выражается в вине в форме прямого умысла. Виновное лицо осознает общественную опасность своих действий и желает их совершения. В статье 175 УК РФ вина представлена неосторожностью.

Сравнивая санкции исследуемых норм, следует отметить, что все три статьи предусматривают лишение права занимать определённые должности/заниматься деятельностью, связанной с работой с несовершеннолетними. Однако отличие вырежется в том, что санкции ст. 175 УК РТ существенно строже, чем ст. 156 УК РФ и ст. 174 УК РТ, поскольку речь идёт уже о реальном причинении вреда здоровью или смерти ребёнка.

Таким образом, необходимо сделать вывод, что обеспечение безопасности детей, которые в силу своего возраста нуждаются в усиленной защите от потенциально опасных действий взрослых, является одной из приоритетных задач, как Российской Федерации, так и Республики Таджикистан. Ключевым аспектом в этой области является снижение уровня противоправных действий, как со стороны несовершеннолетних, так и направленных против них. Несмотря на схожесть правовых систем, подходы к квалификации деяний, связанных с воспитанием и безопасностью детей, имеют особенности.

В Российской Федерации уголовно-правовая защита несовершеннолетних обеспечивается, в том числе, с помощью специальной нормы, предусматривающей ответственность взрослого лица за неисполнение обязанностей по воспитанию ребёнка (статья 156 УК РФ). Указанная статья 156 УК РФ и статья 174 УК Республики Таджикистан фактически совпадают по содержанию, поскольку включают в большей мере одинаковые признаки состава преступления и направлены на защиту одних и тех же общественных отношений. Несмотря на общие черты законодательных подходов, в Республике Таджикистан несовершеннолетние находятся под более широкой защитой уголовного законодательства, которая обеспечивается двумя специальными нормами. Помимо статьи 174 УК РТ имеется норма, предусматривающая ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (статья 175 УК РТ). Статья 175 УК РТ представляет собой самостоятельный состав, ориентированный на предотвращение вреда жизни и здоровью несовершеннолетнего, причинённого по неосторожности.

УДК 342

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ДЕСТРУКТИВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

МУҚОВИМАТ БА ҶАЛБИ НОБОЛИҒОН БА ФАЪОЛИЯТИ ХАРОБИОВАР ДАР ЗАМИНАИ РАҚАМИКУНОНӢ

ДУДЧЕНКО ЛОЛИТА ВАДИМОВНА
Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, майор полиции / Омӯзгори кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, майори политсия
E-mail: lv_dudchenko92@mail.ru

Мы привыкли, что интернет – это пространство безграничных возможностей. Образование, общение, творчество. Но у медали есть обратная сторона, и сегодня она выглядит пугающе. Все чаще мы слышим новости о том, где-то подросток поджег релейный шкаф, кто-то попался на распространении запрещенных материалов, а кто-то просто исчез из реального мира, погрузившись в деструктивный онлайн. Это не случайность. Это система. Это «цифровая охота».

К сожалению, данная проблема перестает быть гипотетической и приобрела масштабы национального вызова и угрозы. По данным Следственного комитета РФ, только за последние три года к уголовной ответственности за терроризм и диверсии привлекли 159 несовершеннолетних[1]. А с начала специальной военной операции более 40% задержанных за диверсии на железной дороге оказались подростками.[2] Согласно данным судебной статистики, за диверсии (ст. 281 УК РФ) за полгода 2025 г. осуждены в РФ 48 человек, еще 2 - за содействие диверсионной деятельности, 13 из них подростки[3] Цифры сухие, но за ними – сломанные судьбы, слезы матерей и вопросы без ответов. Именно подростки являются наиболее предпочтительной аудиторией для вовлечения в экстремистскую деятельность вербовщиками, в силу возрастных особенностей развития, уязвимости перед манипуляциями вербовщиков.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что масштаб проблемы требует системного анализа как правовых, так и психологических аспектов. Если касаться правового регулирования, то государством сформирована многоуровневая система противодействия вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность. Так, уголовное законодательство закрепляет ответственность и несовершеннолетних достигших возраста уголовной ответственности, а согласно ст. 20 УК РФ за совершение деяний предусмотренных статьями 205 (террористический акт), 205.1 (Содействие террористической деятельности), 207.3 (Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооружённых Сил

[1] Глава СК Бастрыкин: за 15 лет добились возмещения ущерба от преступлений на 1 трлн рублей // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://sledcom.ru/press/interview/item/2052284/.

[2] Открывайте газ и идите в школу. Как украинские спецслужбы делают диверсантов из российских детей и подростков? // Официальный сайт информационного портала «Rambler» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://woman.rambler.ru/children/52357016-otkryvayte-gaz-i-idite-v-shkolu-kak-ukrainskie-spetssluzhby-delayut-diversantov-iz-rossiyskih-detey-i-podrostkov/.

[3] В России за теракты и диверсии за полгода осудили 260 человек // Официальный сайт Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/25401501.

Российской Федерации), 281 (диверсия) наступает с 14 лет[1]. О высокой степени общественной опасности свидетельствует установление пониженного возраста уголовной ответственности за указанные составы преступлений.

Для привлечения к ответственности лиц вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений террористической и экстремисткой направленности предусмотрена ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления). Санкция данной статьи предусматривает лишение свободы на срок до 5 лет, а при совершении данного деяния с использование сети Интернет до 6 лет.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности квалифицируются по статье 205.2 УК РФ, а возбуждение ненависти либо вражды, что позволяет пресекать деятельность анонимных кураторов, распространяющих деструктивную идеологию в сети Интернет по статье 282 УК РФ.

В связи с усилившимся влиянием на распространение деструктивной идеологии в информационном и цифровом пространстве России законодателем были созданы механизмы ограничения доступа к деструктивному контенту. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» расширил полномочия Роскомнадзора, в части касающихся, внесудебных оснований блокировки сайтов и онлайн ресурсов[2], к числу таких оснований относится распространение запрещенной информации (призывы к массовым беспорядкам, участию в несанкционированных публичных мероприятиях, экстремизму, терроризму, распространение материалов пропагандирующих деструктивное поведение); нарушение закона о персональных данных (отказ от локализации баз данных россиян на серверах в РФ); не удаление контента по требованию Роскомнадзора или Генпрокуратуры Российской Федерации.

Еще одним стратегическим документом государственной политики в рассматриваемой проблеме является Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. №1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». В ней актуализированы подходы к противодействию экстремизму с учётом современных вызовов и угроз в цифровом пространстве. В данной стратегии дается определение таким терминам как «идеология насилия», «радикализм», «русофобия», в стратегии отдельный раздел посвящен источникам угроз, среди которых выделяются внешние и внутренние. К внешним угрозам относится поддержка недружественных странами экстремисткой деятельности, которая направлена на дестабилизацию обстановки в России, а также распространение экстремисткой идеологии, которая способствует радикализации общества. К внутренним угрозам документ относит распространение идеологии насилия, вовлечение (склонение, вербовка) российских и находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан в экстремистскую или иную противоправную деятельность.

Анализируя основные документы по рассматриваемой проблеме, мы видим, что государством пересмотрен подход к обеспечению национальной безопасности с учетом защиты молодежи от увеличившегося деструктивного воздействия. Но следует отметить, что даже принятые меры не позволяют полностью искоренить рассматриваемою проблему и к сожалению, подростки и сегодня становятся легкой добычей для вербовщиков.

Раньше вербовщики работали со взрослыми, искали идейных. Сейчас тактика изменилась. Взрослые слишком осторожны, они задают вопросы, сомневаются, проверяют. Подростки – идеальный «расходный материал». Им хочется приключений, они ищут себя, им

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

[2] Федеральный закон«Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264&ysclid=mdnmjb9yh7699148675.

нужны деньги и признание. А главное – многие из них глубоко одиноки даже в переполненных школах и внешне благополучных семьях.

Вербовщики – тонкие психологи. Они умело пользуются психологическими и социально-психологическими методами в своей неправомерной деятельности. Они тактично и последовательно используют импульсивность, юношеский максимализм, склонность к риску, потребность в формировании идентичности, сепаратизм, а также восприимчивость к мнению сверстников как благоприятные условия для распространения радикальных идей. Они не начинают разговор в предложения совершить теракт. Они начинают с дружбы, понимания, сочувствия. Подросток, который не находит общего языка с родителями, которого буллят в школе, чувствующий себя «белой вороной», вдруг встречает того, кто его принимает. Того, кто говорит: «Ты особенный. Мир несправедлив. Давай это исправим».

Особенно уязвимы дети из семей, где нет доверия. Прокуратура Московской области прямо называет это «окном возможностей» для иностранных кураторов. Если подростку не с кем поговорить дома, он пойдет искать понимания в сети. И там его уже ждут. Добавьте сюда жажду легких денег – обещание 150-300 долларов за «простое задание» для многих звучит как сказка[1]. А у детей с синдромом дефицита внимания и гиперреактивностью, которые живут импульсами и не думают о последствиях, шансов устоять меньше. Можно отметить, что охота ведется по уже существующим социальным и личностным проблемам, предлагая подросткам искаженный, преступный путь к самоутверждению и решению внутренних конфликтов.

Методы вербовки эволюционировали. Ушли в прошлое примитивные рассылки «прочитай и передай другому». Сегодня это многоступенчатые системы, которые напоминают компьютерные игры или даже университетские курсы.

Основная арена – социальные сети и мессенджеры, стриминговые платформы, особенно принадлежащие иностранным владельцам. Где обеспечивается анонимность, шифрование, каналы, которые создаются за минуту, где ведется «идеологическая подготовка» в прямом эфире[2].

Одну из таких схем, установили правоохранители. В чате знакомств с подростком знакомится девушка. Она начинается с приманки: вербовщик создает фейковый аккаунт под видом симпатичной девушки в чатах знакомств, чтобы установить эмоциональную связь и вызвать доверие. Следующий этап – сбор информации и провокация: в ходе общения «девушка» выясняет адреса или места времяпровождения подростка, а затем отправляет ему компрометирующее видео с «благодарностью от военного» за помощь ВСУ. Финальный акт – шантаж и манипуляция: с подростком связывается человек, представляющийся «сотрудником ФСБ», который заявляет о возбуждении уголовного дела за госизмену на основании имеющегося видео и предлагает «спасательный» выход – выполнить ряд заданий, чтобы «загладить вину». Именно так в ноябре 2025 года двое подростков сожгли магазин «Военторг» релейного шкафа и кинотеатра в Одинцове и ТЦ «Авиапарк»[3].

Появились и целые «университеты диверсии». Заполнил анкету (а это уже компромат – паспортные данные, адрес), тебя зачисляют на курс с ироничным название «Основы хлопко-

[1] Хотелось легких денег, о вражеских замыслах даже не думал. Как наших детей вербуют спецслужбы Украины // Официальный сайт Российской газеты [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rg.ru/2025/02/05/agenty-s-nashego-dvora.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

[2] Одноразовые диверсанты: как дети становятся марионетками врагов // Официальный сайт телеканала РЕН ТФ России [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ren.tv/longread/1383539-upravliali-slovno-robotom-kak-deti-stanoviatsia-marionetkami-vragov-rf.

[3] Спецслужбы Украины нашли новый способ вербовки российских подростков // Официальный сайт информационного агенства Lenta.ru [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://lenta.ru/news/2025/12/15/spetssluzhby-ukrainy-nashli-novyy-sposob-verbovki-rossiyskih-podrostkov/.

водства («хлопок» на жаргоне – взрыв). Что бы перейти на следующий уровень, нужно выполнить «контрольное действие».[1] Выхода нет.

Последствия этого вовлечение катастрофична. Прежде всего, подросток теряет способность объективно оценивать информацию и принимать взвешенные решения, теряется способность к критическому мышлению. Нарастает агрессия, мир делится на «своих» и «чужих», агрессия растет. В самых страшных случая вербовщики подводят детей к суициду, используя во благо радикальных идей психологические уязвимости для склонения к саморазрушительным действиям.

Но есть и юридическая сторона. И она безжалостна. Уголовная ответственность за терроризм и диверсия наступает с 14 лет. Статья 281 УК РФ («Диверсия») – 20 лет лишения свободы[2]. Два 17-летних друга из Долгопрудного, которые подожгли релейные шкафы за обещанные 150 долларов, уже осуждены. 17-летний житель Новосибирска осужден на 4года и 6 месяце, совершив поджог опоры контактной сети на участке пути между станциями Томск-1 и Томск-2 Западно-Сибирской железной дороги по заданию неизвестного человека из интернета[3]. Вместо выпускного и поступления в вузы – колония. Важно понимать: суд не принимает оправдание «меня заставили». Закон суров, и возврат здесь не главный смягчающий фактор, когда речь идет о взрывах и поджогах. Кроме того, внесение в реестр террористов и экстремистов – пожизненное клеймо. С ним не берут в банки, на госслужбу, в серьезные компании, не дают кредиты, не выпускают заграницу. И даже дети этого человека в будущем не смогут работать в правоохранительных органах.

Противодействие цифровой охоте требует усилий множества институтов несмотря на то, что в стране сформирована многоуровневая система противодействия экстремисткой деятельности. Правоохранители блокируют каналы, ловят вербовщиков, лично выходят к родителям через телеканалы, объясняя схему вовлечения. Суды ужесточают практику: есть примеры, когда подростков осуждали за администрирование экстремистских каналов, а родителей штрафовали за бесконтрольность.

В школах проводят уроки медиаграмотности, психологи работают с группами риска.

Но главный рубеж обороны – семья. Родителям сегодня мало, просто содержать и обеспечивать детей. Следует стать гидом ребенка в цифровом мире. Нужно говорить. Не поучать, не читать морали, а спрашивать: «Как дела? Что нового в сети? С кем дружишь?». Нужно строить доверие. Ребенок, который знает, что дома его поймут и не осудят, вряд ли пойдет искать понимания у анонимов в цифровом пространстве.

Цифровая охота реальна. Она ведется каждый день, и жертвами становятся самые уязвимые – дети. Государством принимаются к обеспечению национальной безопасности с учетом защиты молодежи от увеличившегося деструктивного воздействия. Но главное оружие против нее – консолидация всех институтов государства и общества для их защиты.

[1] Открывайте газ и идите в школу. Как украинские спецслужбы делают диверсантов из российских детей и подростков? // Официальный сайт информационного портала «Rambler» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://woman.rambler.ru/children/52357016-otkryvayte-gaz-i-idite-v-shkolu-kak-ukrainskie-spetssluzhby-delayut-diversantov-iz-rossiyskih-detey-i-podrostkov/.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // «Российская газета», № 113, 18.06.1996, № 114, 19.06.1996, № 115, 20.06.1996, № 118, 25.06.1996.

[3] Несовершеннолетние диверсанты - игрушка кукловодов. Как юноши из российских регионов лишились свободы за «легкое задание» // Официальный сайт Российской газеты [Электронный ресурс] – Режим доступа:https://rg.ru/2025/07/21/reg-pfo/nesovershennoletnie-diversanty-igrushka-kuklovodov.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

УДК 343.2

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУДИМОСТИ КАК ПРИЗНАКА РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ СОХРАНЕНИЯ*

АҲАММИЯТИ ҲУҚУҚӢ-ҶИНОЯТИИ ДОҒИ СУДӢ ҲАМЧУН АЛОМАТИ РЕТСИДИВИ ҶИНОЯТ ВА МАСОИЛИ НИГОҲДОРИИ ОН

ЗАРОБИДИНЗОДА СУЛАЙМОН ЗАРОБИДИН
Начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции / Сардори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, подполковники милитсия
E-mail: MuzafarovSZ@mail.ru

ДВОРЖИЦКАЯ МАРИНА АНДРЕЕВНА
Старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, кандидат юридических наук / Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии филиали Шимолӣ-Ғарбии Донишгоҳи давлатии адлияи Россия ба номи В.М. Лебедев, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ
E-mail: dvorzhickaya91@mail.ru

Рецидив – специальный медицинский термин, активно использующийся в юриспруденции[1], происходит от латинского слова «recidivius», что значит повторное проявление чего-нибудь[2], возврат какого-либо явления после кажущегося исчезновения[3]. Рецидивная преступность представляет собой серьезную угрозу для правопорядка в обществе. Повторное совершение преступлений лицами, уже ранее осужденными свидетельствует о неэффективности мер уголовно-правового воздействия, социальных программ реабилитации и адаптации[4].

В Уголовном кодексе Республики Таджикистан (далее – УК РТ) в отличие от мнения криминологов[5], рецидив преступления без судимости трудно представить. Согласно содержанию ч. 1 ст. 21 УК РТ: рецидив преступления – это совершение умышленного преступле-

* Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательской темы «Совершенствование административно-правовой и уголовно-правовой деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан в сфере предупреждения насилия в семье (2023-2028 годы))», которая финансируется за счет средств государственного бюджета Республики Таджикистан. Государственный регистрационный номер: 0121TJ1291.

[1] Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 460.

[2] Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2016. – С. 671.

[3] Словарь иностранных языков. 15-е изд., испр. Русский язык. – М., 1998.

[4] Загорулько, У.М. Рецидивная преступность в контексте общей преступности: понятие, особенности, соотношение с иными видами преступности / У.М. Загорулько // Актуальные проблемы современного общества, науки и образования. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. - Пенза, 2026. - С. 141-143.

[5] Антонян, Е.А. Личность рецидивиста: монография. – М.: Юрлитинформ, 2018. – С. 25.

ния лицом, которое имеет судимость за ранее совершенное умышленное преступление[1]. Однако не все виды судимости учитываются при признании рецидива преступлений, в частности это преступления, совершенные лицом в возрасте до 18 лет.

Институт судимости с момента своего возникновения в уголовном праве вызывал неоднозначную оценку среди ученых и практиков. Наряду с поддержкой со стороны ряда советских правоведов неоднократно высказывались предложения об исключении данного института из уголовного законодательства. Некоторые современные исследователи[2] считают, что активная дискуссия о необходимости института судимости началась в период кодификации уголовного законодательства 1958-1961 гг. Однако анализ научной литературы показывает, что критика института судимости и предложения о его отмене появились значительно раньше.

Одним из первых противников института судимости был Б. Янчевский, который в 1924 г. подверг его резкой критике[3]. Он отмечал, что среди рецидивистов встречается немало случайных преступников, совершивших преступления под влиянием тяжелых социальных условий – голода, безработицы, нужды и последствий гражданской войны. По мнению ученого, судимость превращалась в своеобразное клеймо, которое мешало человеку вернуться к нормальной жизни. Бывшие осужденные сталкивались с отказами в трудоустройстве, общественным осуждением и вынуждены были либо скрывать факт судимости, либо вновь совершать преступления.

Несмотря на гуманистическую направленность данной позиции, она не учитывала уголовно-правовое значение судимости при повторном совершении преступлений. Судимость выполняет не только ограничительную, но и предупредительную функцию, позволяя учитывать степень общественной опасности личности при назначении наказания.

В 1930 г. Неверов в статье «Вопросы уголовной политики: об уничтожении судимости»[4] также выступил против существования данного института. Он считал, что после отбытия наказания человек должен иметь возможность начать новую жизнь без дополнительных ограничений. Автор предлагал закрепить в уголовном законодательстве принцип «исправимости» осужденного и предусмотреть автоматическое прекращение судимости после отбытия наказания.

Однако подобная позиция вызывает сомнения, поскольку практика показывает, что далеко не все лица после освобождения прекращают преступную деятельность. Статистические данные свидетельствуют о росте рецидивной преступности, в том числе среди несовершеннолетних. Так, в России количество ранее судимых несовершеннолетних, вновь совершивших преступления, увеличилось с 3840 человек в 1970 г. до 17 981 в 1996 г[5]. Это подтверждает необходимость существования механизма учета предыдущих преступлений.

Большое значение в развитии дискуссии об институте судимости имела конференция Института уголовной политики, состоявшаяся 16 июня 1936 г. На ней А.А. Сольц выступил с

[1] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. (в ред. от 27.12.2025, №2205) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. № 9. Ст. 68; Ст. 69; 2014. № 3. Ст. 141; (Закон РТ от 17.12.2018 № 1088; № 1380).

[2] Галбат, Г. Институт судимости по уголовному законодательству Монголии и России (сравнительно-правовой анализ): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г. Галбат. – СПб., 2008. – С. 26; Голик, Ю.В. Энциклопедия уголовного права. – СПб.: СПб ГКА; Издание профессора Малинина, 2008. Т. 10: Освобождение от уголовной ответственности и наказания. - С. 773–774.

[3] Янчевский, Б. Погашение судимости / Б. Янчевский // Еженедельник советской юстиции. - 1924. - № 50. - С. 1207.

[4] Неверов, С. Вопросы уголовной политики: об уничтожении судимости / С. Неверов // Советская юстиция. - 1930. - № 12. - С. 12–13.

[5] Судебная статистика: Преступность и судимость (современный анализ данных уголовной судебной статистики России 1923–1997 гг.) / под ред. И. Н. Андрюшечкиной. – М.: Российский Юридической Издательский Дом, 1998. – С. 47.

докладом «Последствия отбытия наказания и вопросы снятия судимости». Доклад вызвал широкие споры среди советских ученых.

А.А. Сольц считал, что после победы социализма отношение к бывшим осужденным должно измениться. По его мнению, лица, совершившие незначительные преступления, не представляют серьезной общественной опасности и должны иметь возможность забыть о своей судимости. Государство, в свою очередь, обязано обеспечивать их трудоустройством и условиями для возвращения к нормальной жизни[1].

Данная позиция представляется справедливой в части необходимости социальной поддержки бывших осужденных. Между безработицей и преступностью существует прямая связь. О взаимосвязи преступности и экономики писал еще Я. Якубсон. Он связывает экономические условия с преступностью. Ведь чем хуже экономические условия страны и народных масс, тем быстрее растет преступность[2].

По нашему мнению, позиция А.А. Сольца не совсем объективна, поскольку при оценке рассматриваемого института он исходил только из того соображения, что лицо, совершившее, как пишет автор, незначительное преступление, пострадает из-за судимости несоизмеримо больше по сравнению с тем вредом, который он причинил, совершив это преступление. Однако возникает вопрос: что будет, если лицо совершило не «незначительное», а тяжкое или особо тяжкое преступление – убийство, изнасилование, террористический акт, измену государству и т. п.? Неужели и в подобных случаях необходимо создавать такие условия, чтобы не только мы забыли о том, что он как личность является опасным для общества, но и сам осужденный забыл о своей судимости, как нам предлагал докладчик? Ответ очевиден – нет.

Позицию А.А. Сольца поддержал Тадевосян, который предлагал отказаться от формального института судимости и решать вопрос о ее снятии индивидуально – с учетом личности осужденного и обстоятельств дела. Вместе с тем он признавал необходимость наблюдения за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Следует отметить, что в современном законодательстве именно наличие судимости служит основанием для установления административного надзора за некоторыми категориями лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Поэтому отказ от института судимости может привести к противоречиям между уголовным законодательством и нормами, регулирующими административный надзор[3].

Против исключения института судимости выступили многие участники конференции. В частности, М. Шляпочникова указывала, что отказ от судимости не устранит негативного отношения общества к бывшему осужденному. Даже после формального прекращения судимости от человека могут требовать сообщать о факте прежнего осуждения[4].

Исторический анализ показывает, что институт судимости возник как более гуманная альтернатива прежним формам клеймения преступников. В прошлом широко применялись телесные наказания и членовредительские меры, следы которых сохранялись на теле челове-

[1] Сольц, А.А. Последствия отбытия наказания и вопросы снятия судимости / А.А. Сольц // Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. – М.: Советское законодательство, 1936. № 22. - С. 15–16.

[2] Якубсон, В. Голод и тюремное население / В. Якубсон // Еженедельник Советской юстиции. - 1922. - № 14–15. - С. 9–10.

[3] Закон Республики Таджикистан «Об административном надзоре в отношении лиц, освобожденных из исправительных учреждений» от 22 июня 2023 года № 1970: принят Постановлением МН МОРТ от 7 июня 2023, №1020; Одобрен Постановлением ММ МОРТ от 16 июня 2023, №387; Федеральный закон от 06.04.2011, №64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // Собрание законодательства РФ от 11.04.2011, №15, ст. 2037.

[4] Шляпочникова, М. Материалы дискуссии по докладу А.А. Сольц на тему «Последствия отбытия наказания и вопросы снятия судимости / М. Шляпочникова // Советская юстиция. Орган НКЮ РСФСР. – М.: Советское законодательство. - 1936. - № 22. - С. 15–16.

ка на всю жизнь. Такие меры фактически превращали преступника в пожизненно изолированного члена общества[1].

Появление института судимости и установление сроков ее погашения позволили ограничить период негативных правовых последствий осуждения. Это стало важной гарантией защиты прав лиц, отбывших наказание.

Дурманов, выступая против отмены института судимости, подчеркивал его большое уголовно-правовое значение. Судимость играет важную роль при назначении наказания, квалификации преступлений и предупреждении рецидивной преступности. Кроме того, сведения о судимости необходимы правоохранительным органам для борьбы с преступностью.

В конце 1950-х – начале 1960-х годов вопрос о необходимости института судимости вновь стал предметом научных дискуссий. Б.С. Никифоров указывал на наличие противоречий между нормами о судимости и другими положениями уголовного закона. Он предлагал признавать несудимыми некоторые категории лиц, в частности несовершеннолетних и осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы[2]. Мы солидарны с мнением Б. С. Никифорова, поскольку в действительности нормы о судимости не всегда соответствовали другим нормам уголовного закона. Однако стоит отметить, что несогласованность или противоречия, связанные с нормами о судимости, встречаются и в действующем уголовном законодательстве, что служит основанием для авторов рассуждать на тему: «Судимость как один из самых противоречивых институтов уголовного права»[3].

Наиболее последовательным противником института судимости был С. Степичев. Он считал, что судимость препятствует возвращению человека к честной жизни, несправедливо оценивает личность преступника и создает препятствия для борьбы с рецидивной преступностью. В частности, С. Степичев указывал, что лица, освобожденные по амнистии, нередко сразу признаются несудимыми, тогда как другие осужденные после полного отбытия наказания продолжают считаться судимыми[4]. Кроме того, он полагал несправедливым сравнение лиц, ранее судимых, с теми, кто неоднократно совершал преступления, но сумел избежать уголовной ответственности[5].

Однако многие ученые подвергли данную позицию критике. Отмечалось, что судимость необходима для индивидуализации уголовной ответственности и оценки степени общественной опасности личности. Сам факт повторного совершения преступления свидетельствует о недостаточности исправительного воздействия предыдущего наказания.

Кроме того, не всегда повторное преступление свидетельствует о формировании устойчивой преступной направленности личности. Законодатель учитывает характер пре-

---

[1] Славин, И. Наказуема ли уголовная неблагонадежность (Административная и судебная практика) / И. Славин // Еженедельник Советской юстиции. - 1922. - № 14-15. - С. 5–7.

[2] Никифоров, Б.С. О рецидиве и судимости / Б.С. Никифоров // Советское государство и право. - 1957. - № 5. - С. 100–105.

[3] Минаев, К.А. Судимость как один из самых противоречивых институтов уголовного права / К.А. Минаев // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства Российской Федерации: сборник тезисов докладов (по материалам Всероссийской ежегодной научной студенческой конференции. Саратов, 15–16 апреля 2009 г.). – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2009. - С. 399–400.

[4] По нашим подсчетам, в Таджикистане с момента обретения независимости 1991 г. и по нынешнее время свыше 10 раз принимался закон «Об амнистии», что представляется достаточно частым, однако в большинстве из них был установлен запрет на снятие судимости: Ч. 2 ст. 9 Закона Республики Таджикистан «Об амнистии» от 20 июня 2007 г., № 286// Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2007. № 6. Ст. 442; Ч. 2 ст. 10 Закона Республики Таджикистан «Об амнистии» от 03 ноября 2009 г., № 560 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 7-8. Ст. 696; Ч. 2 ст. 14 Закона Республики Таджикистан «Об амнистии» от 20 августа 2011 г., № 764; Ч. 2 ст. 10 Закона Республики Таджикистан «Об амнистии» от 29 октября 2014 г., № 1130; Ч. 2 ст. 10 Закона Республики Таджикистан «Об амнистии» от 24 августа 2016 г., № 1355 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2016. № 8-9. Ст. 714.

[5] Степичев, С. Нужен ли институт судимости? / С. Степичев // Социалистическая законность. - 1965. - № 9. - С. 14–18.

ступлений, форму вины, промежуток времени между преступлениями и другие обстоятельства.

Против исключения института судимости выступали В. Филимонов и В. Ткаченко[1]. Они указывали, что даже формальная ликвидация судимости не изменит отношение общества к бывшему осужденному. По их мнению, институт судимости имеет не только предупредительное, но и гуманистическое значение, поскольку ограничивает сроки негативных последствий осуждения.

Вопрос о конституционности института судимости был рассмотрен Конституционным Судом РФ в 2003 г. Поводом стали жалобы граждан, считавших, что учет судимости нарушает принцип «non bis in idem» – запрет повторного осуждения за одно и то же преступление.

Конституционный Суд РФ признал положения уголовного закона соответствующими Конституции РФ. Суд указал, что судимость не означает повторного наказания, а служит характеристикой личности виновного и учитывается при квалификации преступлений и назначении наказания[2].

Вместе с тем отдельные судьи Конституционного Суда РФ высказали особое мнение. Н. В. Витрук полагал, что судимость фактически превращается в продолжение уголовного наказания после его отбытия и противоречит принципам справедливости и гуманизма. Аналогичную позицию занимал А.Л. Кононов.

Против данной точки зрения выступил Ю.И. Бытко, который отметил, что учет судимости необходим для дифференциации уголовной ответственности. По его мнению, речь идет не о повторном наказании за прежнее преступление, а об оценке личности виновного и степени его общественной опасности.

Действительно, отказ от института судимости может привести к разрушению системы учета лиц, склонных к повторной преступной деятельности. Судимость позволяет выявлять лиц, представляющих повышенную общественную опасность, и применять к ним соответствующие меры уголовно-правового воздействия.

На современном этапе большинство ученых и практиков признают необходимость сохранения института судимости в уголовном законодательстве.

Во-первых, судимость играет важную роль в предупреждении рецидивной преступности. Во-вторых, институт судимости обеспечивает индивидуализацию уголовной ответственности. Согласно уголовному законодательству, наказание должно соответствовать не только характеру и степени общественной опасности преступления, но и личности виновного. Судимость позволяет суду учитывать особенности личности при назначении наказания.

В-третьих, институт судимости имеет важное значение в уголовно-исполнительной системе. Наличие судимости используется при классификации осужденных и определении условий отбывания наказания. Это способствует обеспечению безопасности в исправительных учреждениях и позволяет проводить более эффективную воспитательную работу.

В-четвертых, судимость играет значительную роль в системе административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Сроки административного надзора во многом зависят от сроков погашения судимости.

Кроме того, институт судимости обеспечивает защиту интересов личности, общества и государства, ограничивая доступ к отдельным видам деятельности лицам, ранее совершавшим преступления. Вместе с тем такие ограничения должны быть соразмерными и учитывать характер совершенного преступления, степень общественной опасности личности и

[1] Филимонов, В., Ткаченко, В. Институт судимости следует сохранить / В. Филимонов, В. Ткаченко // Социалистическая законность. - 1966. - № 2. - С. 41-43.
[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г., № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

иные обстоятельства. Например, лицо, совершившее неосторожное преступление небольшой тяжести, не должно подвергаться таким же ограничениям, как лицо, совершившее тяжкое корыстное преступление или преступление против личности. Поэтому при регулировании последствий судимости необходимо соблюдать баланс между интересами общества и правами бывших осужденных.

Таким образом, исторический анализ показывает, что институт судимости всегда являлся предметом научных дискуссий. Несмотря на существующие недостатки и противоречия, данный институт сохраняет важное значение для уголовного права. Судимость обеспечивает индивидуализацию уголовной ответственности, способствует предупреждению рецидивной преступности, играет важную роль в уголовно-исполнительной системе и административном надзоре. Аргументы сторонников отказа от института судимости имеют важное значение, поскольку указывают на существующие проблемы правового регулирования и необходимость совершенствования законодательства. Однако эти недостатки не свидетельствуют о целесообразности полного отказа от института судимости.

В современных условиях институт судимости необходимо не упразднять, а совершенствовать, обеспечивая разумное сочетание принципов гуманизма, справедливости и защиты общественной безопасности.

УДК 343.2

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ ДЕЯНИЯ

МАСЪАЛАҲОИ ТАТБИҚИ ИНСТИТУТИ КАМАҲАММИЯТИИ КИРДОР

ИВУШКИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА
Доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент / Дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологияи Донишкадаи Шарқӣ-Сибирии ВКД Россия, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
E-mail: Grigorievao86@mail.ru

Институт малозначительности деяния закреплен в ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1]. Являясь гуманистическим по своей природе, на практике данный институт уголовного права сталкивается с серьёзными проблемами, главная из которых – отсутствие объективных способов определения качественных и количественных критериев малозначительности деяния, что порождает субъективизм, правовую неопределённость и риск произвола[2]. Это центральная и фундаментальная проблема как данного института, так и значительного пласта правоприменительной практики на современном этапе, так как, хотя уголовный закон и говорит о «малозначительности» и «отсутствии общественной опасности», но не даёт чётких, объективных критериев для их определения.

Малозначительность как оценочное понятие представляет собой не конкретный юридический факт (как, например, возраст), а качественную характеристику, которая требует от правоприменителя сложной интеллектуальной работы по оценке, уяснению и толкованию

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июни с. 1996 № 63-ФЗ // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. (дата обращения 08.04.2026).
[2] Уголовное право. Общая часть. Практикум: учебное пособие для вузов / под редакцией И. А. Подройкиной. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 410 с.

обстоятельств дела. Так как ч. 2 ст. 14 УК РФ не содержит цифр, сумм или чётких признаков, поэтому считать «малозначительным» вредом – решает следователь, дознаватель, прокурор и, в конечном счёте, суд, исходя из обстоятельств конкретного дела.

С одной стороны такой подход позволяет учесть конкретные обстоятельства дела, даёт правоприменителю возможность принять справедливое решение, учитывая «контекст» совершенного деяния, позволяет не применять уголовное принуждение к человеку, чьё поведение хоть и было незаконным, но не повлекло причинение существенного вреда общественным отношениям, позволяет правоохранительной системе сосредоточиться на действительно серьезных общественно-опасных деяниях.

С другой же стороны, правоприменители могут по-разному оценивать одни и те же факты, что, в свою очередь порождает правовую неопределённость, которая выражается, кроме всего прочего в том, что гражданин не может быть заранее уверен, будет ли его действие признано преступлением или малозначительным деянием. Кроме того, одинаковые по сути деяния могут быть по-разному квалифицированы в зависимости от субъективного мнения следователя или судьи, региона правоприменения и т.д.

Более того, зачастую на практике имеет место смешение самих критериев «качества» причинённого вреда и его количественного выражения, когда, например, при рассмотрении уголовных дел о кражах имущества, суды часто пытаются установить некий «порог» в денежном выражении, что не может рассматриваться однозначно правомерным способом определения малозначительности деяния[1].

Кража пачки дорогого кофе из магазина может быть признана малозначительной, а кража старого письма, имеющего огромную нематериальную ценность для потерпевшего, – нет, даже если его рыночная стоимость ничтожна. Именно поэтому основной источник судебного толкования нормы, закреплённой ч. 2 ст. 14 УК РФ - Верховный Суд РФ допускает применение малозначительности по различным категориям уголовных дел: мошенничество, присвоение или растрата (п. 33 постановления Пленума ВС РФ (далее – ППВС) от 30.11.2017 № 48); кража, грабёж и разбой (п. 25.4 ППВС от 27.12.2002 № 29); преступления в сфере обращения официальных документов, бланков и печатей (п. 18 ППВС от 17.12.2020 № 43); экономические преступления (п. 18.3 ППВС от 15.11.2016 № 48); фиктивная регистрация (п. 18 ППВС от 09.07.2020 № 18); незаконный оборот оружия (п. 22.1 ППВС от 12.03.2002 № 5); неуплата алиментов (п. 9 ППВС от 22.12.2022 № 39) и др.

Анализ постановлений Пленумов ВС РФ позволяет выделить обстоятельства, которые рекомендуется учитывать судам при решении вопроса о возможности применения малозначительности, не называя при этом напрямую количественный показатель - сумму причинённого ущерба. Так, судам надлежит руководствоваться мотивом и целью, которыми руководствовался обвиняемый (подсудимый), обстоятельствами, способствовавшими совершению деяния, степенью реализации преступных намерений, размером похищенного, поведением, предшествующим совершению деяния и (или) в период совершения деяния, отношениями подсудимого с лицом, в связи с которым нарушены положения миграционного законодательства (например, фиктивная регистрация родственника).

Ещё одной проблемой применения института малозначительности деяния выступает проблема конкуренции оснований прекращения дела и соотношения с другими смежными институтами уголовного права. В правоприменительной практике, следователь, дознаватель или суд, установив наличии признаков малозначительности деяния, прекращает уголовное дело (или отказывает в его возбуждении) на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие события преступления) или п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие состава преступления).

[1] Козаченко, И.Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 400 с.

Поэтому, институт малозначительности деяния надлежит отличать от административной преюдиции (ч. 2.1 ст. 14.1 КоАП РФ, примечания к статьям УК), где некоторые составы преступлений, например, побои, предусматривают, что уголовная ответственность наступает только после привлечения к административной за аналогичное правонарушение.

В данной связи важно разграничивать: малозначительность – это отсутствие общественной опасности, а преюдиция – это наличие общественной опасности, но недостаточной для назначения уголовного наказания после первого факта совершения проступка. Еще одним смежным по отношению к малозначительности деяния институтом уголовного права выступает примирение с потерпевшим. Случаи разграничения малозначительности и примирения с потерпевшим – одни из самых часто встречающихся в практике.

Хотя в обоих случаях уголовное дело может быть прекращено, юридическая природа, основания и последствия таких решений – совершенно разные. В данном случае необходимо учитывать, что малозначительность – это констатация того, что преступного деяния (действия) как такового не было с точки зрения уголовного закона, так как в нем отсутствует главный признак преступления – общественная опасность. Примирение же с потерпевшим – это констатация того, что преступление было, но лицо, его совершившее, загладило вред и перестало быть общественно опасным.

И, наконец, третьим смежным институтом уголовного права выступает деятельное раскаяние[1].

Малозначительность, то есть отсутствие общественной опасности в данном случае констатируется на момент совершения деяния. Деятельное раскаяние предполагает, что изначально деяние было общественно опасным, но виновный своими последующими действиями (заглаживание вреда и т.д.) устранил эту опасность, что по своей сути, схоже с правовой оценкой общественной опасности деяния на момент его совершения при примирении с потерпевшим.

В качестве путей решения оговорённых выше проблем применения института малозначительности деяния представляются такие приёмы правоприменительной практики и судебного толкования права, как детализация разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, для чего необходимо разработать более подробные и структурированные рекомендации по оценке малозначительности с примерами из практики по разным категориям дел, а также закрепление в УПК РФ презумпции малозначительности, т.е. смещение акцента на досудебные стадии производства, обязав следователя и дознавателя более тщательно проверять этот признак до возбуждения дела, с возможностью обжалования их решения прокурору.

Таким образом, проблемы применения института малозначительности деяния в уголовном праве носят системный характер и возникают на всех этапах правоприменительной практики. Решение же указанных проблем возможно только при одновременной переработке норм уголовного и уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации и более полного и подробного рассмотрения, приведенных выше вопросов в актах судебного толкования права.

[1] Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 448 с.

УДК 342.951:351.82

КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГАИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: НАУЧНЫЙ ПОДХОД К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

ФАЪОЛИЯТИ НАЗОРАТБАРӢ-НАЗОРАТИИ БДА ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН: РАВИШИ ИЛМӢ БАРОИ ТАЪМИНИ БЕХАТАРИИ ҲАРАКАТ ДАР РОҲ

ИСМОНЗОДА САЙФУДДИН МАХМАДКАБИР
Сотрудник управляющей компании «Башня Федерация» города Москва Российской Федерации, кандидат юридических наук / Коргари ширкати идоракунии «Бурҷи Федератсия»-и дар ш. Москва, Федератсияи Россия
E-mail: sa-19@mail.ru

Государственная автомобильная инспекция (далее – ГАИ) является структурным подразделением МВД Республики Таджикистан и наряду с другими органами внутренних дел, помимо общих задач, выполняет специально возложенные на него государственные функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения (далее – БДД). Напомним, что в соответствии с законодательством Республики Таджикистан, безопасность дорожного движения – это комплекс мероприятий, направленных на обеспечение безопасности участников дорожного движения[1].

Поэтому, главной задачей ГАИ является обеспечение соблюдения нормативных требований в сфере дорожного движения, относящихся к обеспечению его безопасности, а также осуществление государственного контроля в части соблюдения нормативов предельно допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и уровней шума, установленных для автотранспортных средств. Контрольно-надзорная же деятельность ГАИ представляет собой комплексную систему мер, направленных на обеспечение безопасности дорожного движения, соблюдение законодательства и формирование правосознания всех участников дорожного процесса. С научной точки зрения, эта деятельность может быть рассмотрена как многоуровневая система управления рисками, где каждый элемент направлен на минимизацию вероятности возникновения дорожно-транспортных происшествий (далее - ДТП), а также их негативных последствий. Как отмечает Р.Э. Вицке, увеличение количества отдельных видов ДТП на практике обусловливается различными факторами, в число которых входит недостаточность применяемых контрольно-надзорных механизмов[2]. Поэтому правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств не могут быть в полной мере реализованы без надлежащих контроля и надзора за их исполнением.

Отметим, что государственный контроль и надзор представляет собой одну из функций государственного управления, в связи с чем действующие внутри механизма управления связи присущи также и контрольно-надзорной деятельности. Соответственно, функция государственного контроля и надзора, а также субъекты, ее осуществляющие, в своей совокупности образуют одну из подсистем в рамках государственного управления. Здесь нельзя не согласиться с мнением А.Е. Лунева, который утверждал, что каждый элемент системы должен

[1] Закон Республики Таджикистан «О дорожном движении» от 17 мая 2018 г., № 1533 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2018 г., № 5, ст. 284.

[2] Вицке, Р.Э. ГИБДД МВД России на современном этапе / Р.Э. Вицке // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения), 23 марта 2018 года. - СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. - С. 566.

выполнять свою специфическую функцию в рамках системы, в органичном взаимодействии с другими ее элементами, во имя решения общих задач[1]. Иными словами, когда система вступает в отношения с внешней средой, она действует как единое целое.

При этом контрольно-надзорная деятельность в области обеспечения БДД включает в себя оценку законности, целесообразности, а равно организационных, кадровых, финансовых и других аспектов. Надзор как составная часть этой деятельности преимущественно связан именно с оценкой соблюдения режима законности в области обеспечения безопасности дорожного движения[2].

Отсюда следует вывод, что деятельность ГАИ по контролю и надзору следует относить к формам государственного управления, предполагающим прямые методы властного воздействия с наделением ее подразделений и сотрудников определенными полномочиями, в соответствии с которыми они вправе давать подконтрольным субъектам обязательные для исполнения указания об устранении выявленных нарушений, ставить перед компетентными органами вопрос о привлечении к ответственности лиц, совершивших нарушения, а также осуществлять непосредственное применение в установленных случаях мер государственного принуждения.

Продолжая мысль, необходимо отметить, что в основе контрольно-надзорной деятельности ГАИ лежат такие ее принципы, как:

– системный анализ, при котором дорожное движение рассматривается как сложная, динамическая система, включающая в себя множество взаимосвязанных элементов - от водителей и пешеходов, до транспортных средств, дорожной инфраструктуры и нормативной правовой базы и т.д. Контрольно-надзорная деятельность направлена на оптимизацию взаимодействия этих элементов и минимизацию дестабилизирующих факторов

– Управление рисками, когда деятельность ГАИ строится на выявлении, оценке и снижении рисков, связанных с дорожным движением, и включает в себя анализ причин и условий возникновения ДТП, выявление наиболее уязвимых участников движения и участков дорожной сети, статистический анализ данных о ДТП, моделирование сценариев развития аварийных ситуаций а также применение превентивных мер, направленных на предотвращение нарушений и аварий на дорогах.

– Профилактика, где основной акцент делается на упреждающие меры, направленные на формирование культуры безопасного поведения и предотвращение нарушений. Это включает в себя разработку и внедрение научно обоснованных методик обучения правилам дорожного движения (далее – ПДД), формирование устойчивых навыков безопасного поведения, использование современных медиатехнологий для повышения осведомленности населения о рисках и последствиях нарушений и наконец, изучение поведенческих паттернов* участников дорожного движения, выявление факторов, способствующих совершению нарушений.

– Правоприменение, т.е. применение мер административного воздействия в соответствии с законодательством, направленное на коррекцию поведения нарушителей и предотвращение повторных нарушений.

Ключевыми же направлениями контрольно-надзорной деятельности ГАИ с научной точки зрения являются:

1. Надзор за дорожным движением (оперативно-розыскная и контрольная деятельность), составными частями которой являются методы фиксации нарушений; анализ данных; профилактические рейды. Эта деятельность, будучи многогранной, охватывает не только оперативное реагирование на текущие нарушения, но и системную работу по предотвраще-

[1] Осейчук, В.И. Теория государственного управления: учебник / В.И. Осейчук. – М.: Юрайт, 2020. - С. 68.

[2] Сидоряк, Н.В. Некоторые аспекты реализации государственной функции по контролю и надзору в области обеспечения безопасности дорожного движения / Н.В. Сидоряк // Российская юстиция. - 2011. - № 3. - С. 73-75.

* От английского слова *pattern* - «шаблон», «образец», подразумевает устойчивые, повторяющиеся модели поведения, реакций или мышления, которые человек использует в различных жизненных ситуациях.

нию потенциальных угроз. Важно понимать, что инспекторы на дороге – это лишь видимая часть этой системы. За их работой стоит кропотливый анализ статистики ДТП, выявление наиболее опасных участков дорог и причин возникновения аварий. На основе этих данных разрабатываются и внедряются меры по повышению безопасности, от установки дополнительных знаков, до изменения организации дорожного движения или проведения целевых рейдов.

2. Регистрационно-экзаменационная деятельность, в которую входят психофизиологическая оценка кандидатов в водители; моделирование экзаменационных ситуаций; анализ эффективности обучения. Эта фундаментом для формирования ответственного сообщества водителей. Процесс получения водительского удостоверения – это не просто формальность, а этап, на котором будущий водитель должен продемонстрировать не только знание правил, но и умение безопасно управлять транспортным средством. Строгий подход к экзаменам и регулярная проверка знаний и навыков водителей, особенно при замене удостоверений или при выявлении фактов грубых нарушений, способствует поддержанию высокого уровня профессионализма на дороге, а четкий учет транспортных средств и их владельцев обеспечивает прозрачность и возможность идентификации в случае необходимости

Поэтому с уверенностью можно констатировать тот факт, что контрольно-надзорная деятельность ГАИ – это не просто «штрафы и проверки», а целая комплексная система, направленная на создание безопасной и цивилизованной среды на дорогах, где каждый чувствует себя защищенным.

Профилактическая работа, как уже было отмечено, играет ключевую роль в формировании сознательного отношения к ПДД. Информационные кампании, направленные на разъяснение сложных моментов ПДД, на повышение осведомленности о последствиях нарушений, а также на пропаганду культуры вождения, способны изменить менталитет участников движения. Особое внимание уделяется работе с подрастающим поколением, так как именно в детстве закладываются основы безопасного поведения.

Продолжая мысль о многогранности контрольно-надзорной деятельности ГАИ, стоит подчеркнуть, что ее эффективность напрямую зависит от постоянного совершенствования методов и инструментов. В современном мире, где технологии развиваются стремительными темпами, ГАИ активно внедряет инновационные решения. Это и системы автоматической фиксации нарушений, которые работают круглосуточно и охватывают гораздо большие территории, чем это возможно при традиционном патрулировании, и использование современных аналитических платформ для обработки данных о дорожном движении и ДТП. Эти инструменты позволяют не только оперативно выявлять нарушения, но и прогнозировать потенциально опасные ситуации, а также оценивать эффективность принимаемых мер.

Важным аспектом является и постоянное повышение квалификации личного состава. Инспекторы ГАИ должны быть не только хорошо осведомлены о законодательстве и правилах дорожного движения, но и обладать навыками психолога, уметь грамотно общаться с участниками дорожного движения, разрешать конфликтные ситуации и, что немаловажно, быть примером законопослушности. Регулярные тренинги, аттестации и обмен опытом способствуют поддержанию высокого профессионального уровня сотрудников.

Кроме того, нельзя недооценивать роль взаимодействия с общественностью и обратной связи. ГАИ, как составная часть МВД Республики Таджикистан, в соответствии со Стратегией и Программой реформы милиции в Таджикистане стремится к открытости и прозрачности своей деятельности, предоставляя гражданам возможность сообщать о нарушениях, вносить предложения по улучшению дорожной обстановки и получать информацию о своей работе[1].

[1] Стратегия реформы милиции на 2013-2020 годы, утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2014 г., № 1438 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=14909; Программа реформы милиции на 2021-2025 годы, утвержденная постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 июня 2021 г.,

Такой диалог с обществом позволяет не только выявлять «слепые зоны» в работе, но и формировать доверие к правоохранительным органам, что, в свою очередь, способствует более сознательному отношению граждан к соблюдению правил.

Исходя из вышесказанного необходимо сделать вывод о том, что контрольно-надзорная деятельность ГАИ – это не просто карательная функция, а многоуровневая система, направленная на создание безопасной, предсказуемой и комфортной среды для всех, кто пользуется дорогами. Это постоянный процесс, требующий не только строгости и бдительности, но и глубокого понимания причин и следствий, а также активного взаимодействия с обществом и другими государственными органами. В конечном итоге, эффективность этой деятельности измеряется не количеством выписанных штрафов, а количеством спасенных жизней и предотвращенных трагедий. Такая деятельность требует не только строгого исполнения законодательства, но и постоянного поиска новых, более эффективных путей достижения главной цели – создания безопасных дорог для всех, представляющий непрерывный процесс, в котором каждый элемент, от технического оснащения до человеческого фактора, играет свою важную роль в обеспечении порядка и безопасности на дорогах.

Отсюда вытекает вывод о том, в целях улучшения деятельности ГАИ, необходимо более активно применять научный подход к контрольно-надзорной деятельности. Это предполагает использование систематических исследований, анализа данных и разработки действенных стратегий для повышения безопасности дорожного движения. Важно интегрировать знания из различных областей и применять передовые методы. Научные подходы позволяют не только совершенствовать текущие практики, но и адаптировать их к динамично меняющейся транспортной среде. Применение статистики, современных технологий и знаний о психологии поведения поможет повысить эффективность работы этого органа и сделать дороги более безопасными.

УДК 341

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ: ОСНОВА ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

СОЛИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ МАЪРИФАТИ ҲУҚУҚӢ: БУНЁДИ АМНИЯТИ ҶАҲОНӢ

КАРИМЗОДА УМАР КАРИМ
Начальник кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции / Сардри кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, полковники милитсия
E-mail: muminov-u85@mail.ru

Большой гордостью и достижением национального достоинства каждого гражданина Республики Таджикистан является тот факт, что благодаря мудрой и дальновидной инициа-

№ 211 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mvd.tj/881-programma-reformy-milicii-na-2021-2025-gody.html

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской темы «Особенности профилактики и способы борьбы с проявлениями экстремизма и радикализма в молодежной среде Республики Таджикистан (2023-2027 гг)», финансируемой за счет государственного бюджета Республики Таджикистан. Государственный регитсрационный № 0121TJ1290.

тиве Основателя мира и национального единства – Лидера нации, Президента Республики Таджикистан, уважаемого Эмомали Рахмона, на сегодняшний день приняты более 16 резолюций Организации Объединенных Наций (далее – ООН)[1]. Это ещё выше подняло авторитет Таджикистана на мировой арене как миролюбивого государства, инициатора, защитника общечеловеческих интересов и прав человека.

Действительно, в современных условиях, сопровождающихся ростом конфликтов, нарушением норм международного права и необходимостью укрепления мира и стабильности, международные инициативы по повышению правовой культуры приобретают особое значение.

Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон на дебатах 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложил объявить Международный год правового просвещения. По мнению Президента Республики Таджикистан, инициатива направлена на укрепление глобальной культуры соблюдения законов, прозрачности и справедливости. Как отметил, Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон «Мировое сообщество сегодня является свидетелем игнорирования и нарушения норм международного права, являющихся фундаментом порядка, мира и стабильности в мире»[2].

Также Президент Республики Таджикистан подчеркнул о необходимости строгого соблюдения международных законов, решения всех конфликтов и противоречий исключительно в рамках правового поля. Глава таджикского государства призвал все страны-члены ООН поддержать инициативу Таджикистана и принять участие в формировании единой глобальной культуры правового просвещения.

Президент Республики Таджикистан отметил: «С глубоким осознанием этой реальности Таджикистан предлагает Генеральной Ассамблее ООН рассмотреть возможность объявления Международного года правового просвещения. Мы призываем все государства присоединиться к этой инициативе и укрепить глобальную культуру прозрачности и справедливости»[3]. Инициатива Таджикистана направлена на повышение осведомленности населения всех стран о важности соблюдения законов, защите прав человека, международных обязательств и укреплении доверия между государствами.

12 декабря 2025 года Генеральная Ассамблея ООН в ходе своей 80-й сессии единогласно приняла резолюцию об объявлении 2027 года Международным годом правового просвещения. Эта инициатива, знаменует собой важный этап в развитии международного гуманитарного сотрудничества. В эпоху стремительной цифровизации, глобальных социальных трансформаций и усложнения правовых отношений, доступность правовой информации становится не просто вопросом образования, а фундаментом устойчивого развития.

Как отмечают исследователи, объявление Международного года правового просвещения может стать важной платформой для обмена опытом в области образования, правового регулирования и соблюдения международных норм[4]. Предложение Таджикистана также отражает стремление страны активно участвовать в формировании справедливого и стабильного международного порядка, минимизировать конфликты и укреплять сотрудничество между государствами.

---

[1] Сангинзода, Д. Эмомалӣ Раҳмон - ташаббускори ҷаҳонии маърифати ҳуқуқӣ // [Манбаи электронӣ] - Манбаи дастрасӣ: https://amit.tj/tj/emomali-rakhmon-tashabbuskori-chakhonii-marifati-khukuki/ (санаи мурочиат: 08.04.2026).

[2] Участие в 80-х дебатах Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://president.tj/event/news/52878 (дата обращения: 02.04.2026).

[3] Там же.

[4] Сангинзода, Д. Эмомалӣ Раҳмон - ташаббускори ҷаҳонии маърифати ҳуқуқӣ // [Захираи электронӣ] – Манбаи дастрасӣ: https://amit.tj/tj/emomali-rakhmon-tashabbuskori-chakhonii-marifati-khukuki/ (санаи мурочиат: 08.04.2026).

В документе отмечается значение правовой грамотности для продвижения прав человека, расширения общественного участия и обеспечения доступа к правосудию. Резолюция также учитывает опыт Таджикистана, где 2024 год был объявлен Годом правового просвещения, что способствовало повышению осведомлённости населения о правовых вопросах. Напомнин Основатель мира и национального единства – Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своем ежегодном послании к Парламенту страны, в целях повышения уровня правовых знаний и гражданского воспитания, а также по случаю 30-летия принятия Конституции Республики Таджикистан, объявил 2024 год «Годом правового просвещения», которое с воодушевлением было принято и поддержано обществом страны[1]. Одним из важным моментом, объявления Года правового просвещения в Республике Таджикистан, является сложная и тревожная ситуация в регионе и мире, в том числе нарастающий процесс передела мира, быстрого вооружения, холодная война, современные угрозы и опасности – терроризм и экстремизм, незаконный оборот оружия, киберпреступность и транснациональная организованная преступность.

Иными словами, обеспечение безопасности страны, стабильности общества и безопасности личности обязывает каждого быть вооруженным современными знаниями, осознавать геополитические игры сверхдержав мира и региона, более чем раньше – даже со времён гражданской войны и действовать и добиваться успехов в достижении национальных целей. Поэтому объявление 2024 года Годом правового просвещения следует считать новым этапом развития общества. То есть, пройдя сложные и запутанные этапы первых лет государственной независимости под руководством Лидера нации, избавившись от навязанной гражданской войны, успешно преодолев последствия гражданской войны, перейдя на этап развития и созидания, нахождения устойчивого положения во влиятельных международных сообществах, принятия документов и законов, отвечающих требованиям времени, теперь пришло время, чтобы право стало основой жизнедеятельности и дальнейшего развития общества страны[2].

Инициатива по объявлению 2027 года Годом правового просвещения не является изолированным событием. Она коррелирует с региональными процессами, в частности, с решением Совета глав государств СНГ объявить 2027 год Годом правового просвещения на пространстве Содружества. На международном уровне этот шаг отражает запрос мирового сообщества на:

– снижение правовой неосведомленности: преодоление разрыва между нормами права и повседневной практикой граждан.

– укрепление верховенства права: создание условий, при которых каждый член общества осознает свои права и обязанности.

– технологическую адаптацию: внедрение правового просвещения в цифровую среду и использование искусственного интеллекта для повышения юридической грамотности.

Международный год правового просвещения призван консолидировать усилия государств, международных организаций и гражданского общества по нескольким ключевым направлениям:

1. Институциональное развитие: разработка национальных программ, направленных на доступ к юридической помощи и повышение правовой культуры населения.

2. Образовательная интеграция: внедрение элементов правового обучения в программы общего и профессионального образования.

---

[1] Каримзода, У.К. Нақши Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ташаккули маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон / У.К. Каримзода // Осори Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 2024. - №1 (61) - С. 32.

[2] Мансурзода, Б. Правовое просвещение – как уникальное и бесценное явление // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cs.gov.tj/ru/pravovoe-prosveshhenie-kak-unikalnoe-i-besczennoe-yavlenie/ (дата обращения: 02.04.2026).

3. Международный обмен опытом: проведение конференций, форумов и диалоговых площадок для систематизации лучших практик просветительской деятельности.

4. Развитие правовых институтов: совершенствование законодательных механизмов, способствующих защите прав граждан в условиях глобализации.

Правовая грамотность является ключевым компонентом социального контракта. Когда граждане понимают принципы функционирования правовой системы, это ведет к:

– повышению доверия к государственным институтам.
– активному участию граждан в общественно-политической жизни.
– снижению уровня правонарушений и конфликтов за счет превентивного правового информирования.

По нашему мнению, реализация Международного года правового просвещения будет способствовать развитию национальных и международных инициатив в сфере правового образования, включая интеграцию правовых знаний в образовательные программы, расширение доступа к правовой информации, а также поддержку проектов гражданского общества, направленных на правовое просвещение. В резолюции также подчёркивается важность сотрудничества между структурами ООН, государствами-членами, академическими кругами и общественными организациями.

Объявление 2027 года Международным годом правового просвещения открывает уникальное «окно возможностей» для государств-членов ООН. Успех этого года будет зависеть от того, насколько эффективно будут выстроены коммуникации между государством и обществом. Основная цель заключается в том, чтобы право стало понятным, доступным и востребованным инструментом для каждого человека, независимо от его социального статуса или региона проживания.

ТДУ 340.114.5

ТАЪСИРИ ШАКЛДИГАРКУНИИ ШУУРИ ҲУҚУҚӢ БА САТҲИ ҶИНОЯТКОРӢ*

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ НА УРОВЕНЬ ПРЕСТУПНОСТИ

ҚОДИРЗОДА ҒОЛИБ НУРУЛЛО
Профессори кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии факултети №2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники милитсия /
Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции
E-mail: golibjon2020@mail.ru

Дар марҳилаи муосири рушди давлатдории ҳуқуқӣ, масъалаи устувории шуури ҳуқуқӣ ҳамчун омили калидии таъминкунандаи тартиботи ҷамъиятӣ ва пешгирии содиршавии ҳуқуқвайронкунӣ баромад мекунад. Мубрамияти ин мавзуъ дар он зоҳир мегардад, ки сарфи назар аз такмили мунтазами қонунгузории ҷиноятӣ ва пурзӯр кардани чораҳои ҷазо, сатҳи ҷинояткорӣ ҳамоно ташвишовар боқӣ мемонад. Таҷриба нишон медиҳад, ки решаи аслии рафтори зиддиҳуқуқӣ на дар норасоии меъёрҳои ҳуқуқӣ, балки дар шаклдигаркунии шуури ҳуқуқии шахсият нуҳуфта аст. Костагии

* Мақола дар доираи татбиқи мавзуи тадқиқотии «Тарбияи ҳуқуқӣ ва фарҳанги сиёсии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар шароити тағйирпазирии ҷомеаи Ҷумҳурии Тоҷикистон: проблема ва сиёсати рушд (2023-2027)» таҳия шудааст, ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ карда мешавад. Рақами бақайдгирии давлатӣ 0121TJ1289.

арзишҳои маънавӣ, паҳншавии нигилизми ҳуқуқӣ ва бемасъулиятии шаҳрвандӣ боиси он мегарданд, ки қонун дар шуури фард аҳамияти танзимкунандаи худро гум кунад. Бинобар ин, омӯзиши механизми таъсири шуури шаклдигарнамуда ба содиршавии ҷиноятҳо барои пешгирии самарабахши ҳуқуқвайронкуниҳо аҳамияти муҳим дорад.

Маҳз дар ҳамин замина, мубрамияти таҳқиқи таъсири шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ ба сатҳи ҷинояткорӣ дар партави эълон гардидани соли 2024 ҳамчун «Соли маърифати ҳуқуқӣ» дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷилои нав пайдо мекунад. Ин иқдоми наҷиби Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон собит менамояд, ки дар марҳилаи кунунии давлатдорӣ, муборизаи бо ҷинояткорӣ танҳо бо такмили қонунгузорӣ маҳдуд нашуда, балки ислоҳи ботинии шуури фард ва решакан кардани нигилизми ҳуқуқиро ҳадафи стратегӣ қарор додааст. Дар ин замина, омӯзиши механизмҳои шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ имкон медиҳад, ки заминаҳои психологӣ-иҷтимоии ҷинояткорӣ ошкор карда шаванд.

Аз ҷониби дигар, ташаббуси байналмилалии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба эълон намудани соли 2027 ҳамчун «Соли байналмилалии маърифати ҳуқуқӣ» аз ҷониби Маҷмаи Умумии СММ, ин масъаларо аз доираи миллӣ ба сатҳи умумибашарӣ мебарорад. Ин нишон медиҳад, ки шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ ва паёмадҳои ҷиноятии он ба мушкилоти умумибашарӣ табдил ёфтааст. Аз ин рӯ, таҳлили таъсири шуури шаклдигарнамуда ба сатҳи ҷинояткорӣ дар шароити ҷаҳонишавӣ барои таҳияи стандартҳои нави тарбияи ҳуқуқӣ ва муқовимати муштарак бар зидди ҷинояткории трансмиллӣ аҳамияти калони назариявию амалӣ дорад. Ин тадқиқот замина фароҳам меорад, ки механизми таъсири маърифати ҳуқуқӣ ҳамчун воситаи коҳиш додани солимгардонии муҳити ҳуқуқии ҷомеа дар арсаи байналмилалӣ муаррифӣ гардад.

Мақсади асосии таҳқиқоти мазкур аз таҳлили назариявӣ ва амалии таносуби байни ҳолати шуури ҳуқуқӣ ва сатҳи ҷинояткорӣ дар ҷомеа иборат мебошад. Дар доираи ин мақсад вазифаҳои зерин гузошта шудаанд:

1. Муайян намудани моҳияти шуури ҳуқуқӣ ҳамчун механизми фаъоли танзимкунандаи рафтор.
2. Ошкор кардани механизмҳои таъсири шаклҳои мухталифи шаклдигаркунии шуур ба қабули қарори содир намудани ҷиноят.
3. Таҳлили андешаҳои мутафаккирон ва олимону донишмандон ҷиҳати муайян кардани робитаи байни иллатҳои ахлоқӣ ва ҷинояткорӣ.

Натиҷаҳои ин тадқиқот метавонанд дар таҳияи стратегияҳои нави пешгирии ҷинояткорӣ, ки на танҳо ба ҷазо, балки ба ислоҳи шуури ҳуқуқӣ нигаронида шудаанд, истифода шаванд. Дурнамои мавзуъ дар он дида мешавад, ки тавассути солимгардонии шуури ҳуқуқии шаҳрвандон ва баланд бардоштани фарҳанги қонунпазирӣ, метавон ба коҳиши босуботи сатҳи ҷинояткорӣ ноил гашт. Ин тадқиқот заминаеро барои гузариш аз равиши ҷазодиҳӣ ба равиши маърифатӣ, тарбиявӣ ва пешгирикунанда дар сиёсати ҳуқуқии давлат фароҳам меорад. Бояд қайд кард, ки дар низоми ҳуқуқӣ шуури ҳуқуқӣ танҳо бо инъикос ё шинохти воқеияти ҳуқуқӣ маҳдуд намешавад. Он як падидаи мураккаб ва бисёрҷабҳа мебошад. Тавре таъкид мегардад шуури ҳуқуқӣ на танҳо донишҳоро дар бораи ҳуқуқ ва ниҳодҳои он ташаккул медиҳад, балки вокуниши инсонро ба воқеияти ҳуқуқӣ, муносибат ба ҳуқуқ ва инчунин ангезаҳои амалро дар соҳаи ҳуқуқ муайян мекунад. Шуури ҳуқуқӣ ба ташаккул ва дигаргунсозии низоми ҳуқуқӣ таъсир мерасонад ва танҳо як инъикоси ғайрифаъоли ҳуқуқ намебошад[1].

Маҳз ҳамин табиати фаъоли шуури ҳуқуқӣ имкон медиҳад, ки он ҳамчун омили асосии интихоби модели рафтори шахс баррасӣ шавад. Тавре ки Нижник Н.С. қайд мекунад, рафтори ҳуқуқӣ, чун қоида, натиҷаи марҳила ба марҳила ташаккул ёфтани шуури ҳуқуқӣ мебошад. Бинобар ин, рушд ва нигоҳ доштани сатҳи баланди шуури

[1] Колтунова, В.И. Психологические компоненты правового сознания / В.И. Колтунова // ADVANCES IN LAW STUDIES. Том 11. – № 2. – 2023. – С. 22.

ҳуқуқии шаҳрвандон вазифаи муҳимми ҷомеа, давлат ва ниҳодҳои таълимӣ ба шумор меравад[1].

Дар илми криминология робитаи байни шуури ҳуқуқӣ ва ҷинояткорӣ ҳанӯз аз нимаи дуюми солҳои 60-уми асри гузашта мавриди таҳқиқи васеъ қарор гирифтааст. Дар ин давра олимони намоён Карпетс И.И. ва Ратинов А.Р. ғояеро пешниҳод намуданд, ки мувофиқи он ҷиноят пеш аз ҳама бо норасоиҳои шуури ҳуқуқии шахс алоқаманд аст. Онҳо таъкид мекарданд, ки шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ яке аз сабабҳои бевосита ва мушаххасест, ки ҷиноятро ба вуҷуд меоранд ва онро аз дигар кирдорҳои зиддиҷамъиятӣ фарқ мекунанд[2].

Бо вуҷуди ин, дар илм дидгоҳҳои дигар низ вуҷуд доранд, ки нақши шуури ҳуқуқиро дар содиршавии ҷиноят мутлақ намеҳисобанд. Чунончи, Сахаров А.Б. бар он ақида буд, ки шуури ҳуқуқӣ дар рафтори ҷиноятӣ нақши мустақили танзимкунанда намебозад. Ба андешаи ӯ, инфантилизм ё негативизми ҳуқуқӣ танҳо инъикоси мавқеи ахлоқии шахсият мебошанд ва сабаби ҷиноятро бояд дар иллатҳои умумии ахлоқӣ ва равонӣ ҷуст, на танҳо дар шуури ҳуқуқӣ[3].

Аммо воқеияти имрӯза нишон медиҳад, ки костагии шуури ҳуқуқӣ ба мушкилоти умумиинсонӣ табдил ёфтааст. Набудани шуури ҳуқуқӣ ба он оварда мерасонад, ки шаҳрванд дар ҳолатҳои гуногуни ҳаётӣ ба падидаҳои ахлоқию ҳуқуқӣ баҳои нодуруст дода, дар асоси андешаҳои шаклдигарнамуда рафтори зиддиҳуқуқиро интихоб мекунад. Яке аз навъҳои хатарноки шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ дар асри XXI – инфантилизми ҳуқуқӣ мебошад. Бино ба андешаи Нижник Н.С., ин падида дар заминаи тағйироти куллӣ дар тамоюлҳои ташаккули шахсият ба унвони як «пандемияи иҷтимоӣ» зуҳур кардааст, ки то ҳол дар илми ҳуқуқшиносӣ ба таври кофӣ мавриди баррасӣ қарор нагирифтааст[4]. Дар баробари дидгоҳҳои назариявӣ, ҷанбаҳои амалӣ ва иҷтимоии шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ низ дар корҳои олимони муосир мавқеи марказиро ишғол мекунанд.

Долгова А.И. яке аз криминологҳои машҳури рус, бар он ақида аст, ки шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ танҳо надонистани қонун нест, балки натиҷаи муҳити иҷтимоии зиддиҳуқуқӣ мебошад. Ӯ мегӯяд, ки агар дар ҷомеа адолат ва баробарии ҳама дар назди қонун вайрон шавад, ба таври зарури шуури ҳуқуқӣ шаклашро дигар мекунад[5].

Профессор Матузов Н.И. нигилизми ҳуқуқиро шакли хатарноктарини шаклдигаркунӣ меҳисобад. Баҳси ӯ дар он аст, ки нигилизм на танҳо дар байни ҷинояткорон, балки дар байни мансабдорон низ ҳаст ва маҳз ҳамин нигилизми давлатӣ боиси афзоиши ҷинояткорӣ мегардад[6].

Сорокин П.А., ҷомеашиноси маъруф, як ҷанбаи хеле баҳсбарангезро пешниҳод мекунад. Ӯ иброз менамояд, ки ҷинояткорӣ вақте ба вуҷуд меояд, ки меъёрҳои расмии давлат бо боварии ботинии инсон (шуури ҳуқуқӣ) мувофиқат намекунанд[7].

Дар ин замина, бояд таъкид кард, ки шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ танҳо бо инкори қонун маҳдуд намешавад. Яке аз ҷанбаҳои хатарноки он дар истифодаи техникаҳои нейтрализатсия зоҳир мегардад. Тавре ки асосгузорони ин назария Сайкс Г. ва Матза Д. қайд менамоянд, шахсе, ки шуури ҳуқуқиаш шаклашро иваз намудааст,

[1] Нижник, Н.С. Правовой инфантилизм как явление современной правовой реальности / Н.С. Нижник // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 68-95.
[2] Карпец, И.И., Ратинов, А.Р. Правосознание и причины преступности / И.И. Карпец, А.Р. Ратинов // Советское государство и право. – 1968. – № 12. – С. 47-54.
[3] Сахаров, А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. – М.: Госюриздат, 1961.
[4] Нижник, Н.С. Асари зикршуда. – С. 68-95.
[5] Долгова, А.И. Криминология: учебник для вузов. – М.: Норма, 2010. – С. 245.
[6] Матузов, Н.И. Правовой нигилизм как общественное явление \ Н.И. Матузов // Государство и право. – 1993. – № 10. – С. 143-153.
[7] Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 84.

пеш аз содир намудани ҷиноят дар назди виҷдони худ баҳонаҳои ҳуқуқӣ меҷӯяд. Масалан, тавассути инкори зарар (фикр мекунад, ки дуздии моликияти давлатӣ ба касе зарар намерасонад) ё инкори қурбонӣ (гумон мекунад, ки ҷабрдида худаш гунаҳкор аст), шахс монеаҳои маънавиро аз байн мебарад[1]. Ин нишон медиҳад, ки шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ ба шахс имкон медиҳад, ки ҳатто ҳангоми содир кардани ҷиноят худро одами ҳақ ҳисоб кунад, ки ин сатҳи ҷиноятқории такрориро афзоиш медиҳад.

Яке аз омилҳои калидии даст задан ба ҳуқуқвайронкунӣ дар муҳити муосир, ин зиддияти байни ниёзҳои моддии шахс ва имкониятҳои қонунии қонеъ кардани онҳо мебошад. Олими маъруфи соҳаи криминология Кудрявцев В.Н. қайд менамояд, ки механизми рафтори ҷиноятӣ аксаран аз номутаносибии байни мақсадҳои инфиродӣ ва воситаҳои дастраси иҷтимоӣ оғоз мешавад[2]. Вақте ки дар шуури фард арзишҳои истеъмолӣ бар меъёрҳои ахлоқӣ ғолиб меоянд, шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ суръат гирифта, монеаҳои ботинии содир намудани ҷиноятро аз байн мебарад. Дар ин раванд, нобаробарии иҷтимоӣ на танҳо ҳамчун омили иқтисодӣ, балки ҳамчун ангезандаи психологӣ барои рафтори зиддиҳуқуқӣ баромад мекунад.

Дар баробари омилҳои иқтисодӣ, заифшавии назорати иҷтимоӣ ва коҳиши нуфузи ниҳодҳои тарбиявӣ заминаи мусоидро барои ҳуқуқвайронкунӣ фароҳам меорад. Тавре ки профессор Антонян Ю.М. таъкид медорад, сабаби аслии ҷиноятқорӣ дар бегонашавии шахсият аз ҷомеа ва арзишҳои он нуҳуфта аст[3]. Ин бегонашавӣ боиси он мегардад, ки фард худро берун аз майдони масъулияти ҳуқуқӣ эҳсос намуда, ба таъсири гурӯҳҳои зиддиҷамъиятӣ зуд дода мешавад. Маҳз дар натиҷаи чунин буҳрони маънавӣ, шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ ба вуҷуд омада, ҷиноят ҳамчун воситаи худтасдиққунӣ ё роҳи осони ҳалли мушкилот дарк карда мешавад.

Омили дигари муҳиме, ки ба сатҳи ҳуқуқвайронкунӣ таъсири бевосита мерасонад, мавҷудияти духӯрагӣ дар фазои ҳуқуқии ҷомеа ва паст будани фарҳанги ҳуқуқии атрофиён мебошад. Олим Э.Ф. Побегайло ба ин назар аст, ки бечазомонии воқеӣ ва паҳншавии психологияи ҳама иҷозат аст дар шуури оммавӣ, заминаи психологиро барои такрори ҷиноятҳо устувор мегардонад[4]. Вақте ки шахс дар муҳити атрофаш риоя нашудани қонунро аз ҷониби дигарон мушоҳида мекунад, дар ӯ муқовимати ҳуқуқӣ коҳиш ёфта, тасаввурот дар бораи адолат ва ҳатмӣ будани ҷазо аз байн меравад, ки ин дар ниҳоят ба шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ ва афзоиши ҳуқуқвайронкуниҳо оварда мерасонад. Аз ин рӯ, метавон хулоса кард, ки маҳз омезиши нобаробарии иҷтимоӣ ва костагии назорати маънавӣ механизми содиршавии ҷиноятро ба кор меандозад.

Ҳамин тариқ, консепсияҳои болозикр дар шароити муосир ҷилои нав пайдо мекунанд: муҳити зиддиҳуқуқии – Долгова А.И. тавассути фазои маҷозӣ сарҳадҳои миллиро рахна месозад, нигилизми – Матузов Н.И. дар заминаи коҳиши эътимод ба ниҳодҳои давлатӣ шиддат мегирад ва ихтилофи меъёрҳои – Сорокин П. натиҷаи бархӯрди арзишҳои ҷаҳонӣ бо фарҳанги ҳуқуқии миллӣ мегардад, ки дар маҷмӯъ сатҳи ҷиноятқориро мураккаб месозанд. Бояд эътироф кард, ки дар марҳилаи кунунӣ сатҳти ҷиноятқорӣ на танҳо бо нишондиҳандаҳои оморӣ, балки бо суръати мутобиқшавии шуури шаклдигаркарда ба шароитҳои нав (масалан, ҷиноятҳои киберӣ) чен карда мешавад, ки ин мураккабии раванди пешгириро боз ҳам бештар месозад.

Дар ин замина, бояд ба як нуқтаи муҳим таваҷҷуҳ зоҳир кард, ки самаранокии мубориза бо ҷиноятқорӣ на дар шиддати ҷазо, балки дар ислоҳи ботинии шуури ҳуқуқӣ

[1] Сайкс, Г., Матза, Д. Методы нейтрализации: теория деликвентности / Г. Сайкс, Д. Матза// Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – С. 319-330.
[2] Кудрявцев, В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. – М.: Форум-инфра-М, 1998. – С. 56.
[3] Антонян, Ю.М. Личность преступника. Криминологический и психологический анализ. – М.: Норма, 2004. – С. 112.
[4] Побегайло, Э.Ф. Криминологические проблемы управления социальными процессами. – М.: Юрид. лит., 1980. – С. 89.

нуҳуфта аст. Таҳлили мо нишон медиҳад, ки равиши ҷазодиҳии муборизa бо ҷиноятқорӣ таъсири кӯтоҳмуддат дорад, зеро тарс аз ҷазо шаклдигаркунии шуурро табобат намекунад, балки танҳо нишонаҳои берунаи онро муваққатан боз медорад. Мушкилии аслии низоми ҷазодиҳӣ дар он аст, ки он баъзан шаклдигаркунии шуурро амиқтар мекунад. Барои коҳиши босуботи сатҳи ҷиноятқорӣ, зарур аст, ки сиёсати ҳуқуқии давлат аз равишҳои тарсонидан бо роҳи ҷазодиҳӣ ба модели дарккунонӣ тавассути маърифатикунонии ҳуқуқӣ гузариш намояд.

Ин маънои онро дорад, ки меъёри ҳуқуқӣ бояд аз як фишори беруна ба як эътиқоди ботинии фард табдил ёбад. Танҳо вақте ки шахс на аз тарси зиндон, балки аз рӯи эҳтиром ба қонун рафтор мекунад, мо метавонем дар бораи солимии шуури ҳуқуқӣ ва амнияти ҷомеа сухан гӯем. Ин равиш бо сиёсати инсондӯстонаи Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон комилан ҳамоҳанг мебошад. Зеро Пешвои миллат иброз менамоянд, ки таъмин намудани волоияти қонун ва тарбияи шаҳрвандон дар рӯҳияи эҳтиром ба Конститутсия ва риояву иҷрои қонунҳо аз ҷумлаи ҳадафҳои аслии «Соли маърифати ҳуқуқӣ» ба ҳисоб рафта, мақсади асосии он ба ҳукми одату анъана табдил додани эътирофу эҳтироми қонун мебошад[1].

Ин собит менамояд, ки танҳо тавассути ташаккули шуури солими ҳуқуқӣ ва маданияти қонунпазирӣ метавон ба коҳиши босуботи ҷиноятқорӣ ноил гашт. Маҳз дар ҳамин замина, ташаббусҳои доимӣ оид ба инсондустии қонунгузории ҷиноятӣ ва қабули қонунҳои авф собит менамояд, ки давлат ба ислоҳи шуури ҳуқуқии шаҳрвандон ва додани имконияти дубора барои бозгашт ба ҳаёти солим аҳамияти аввалиндараҷа медиҳад. Ин иқдомҳо исбот менамоянд, ки дар низоми давлатдории мо инсон ва ҳуқуқҳои ӯ арзиши олӣ дошта, ҳадафи ниҳоӣ на интиқом аз ҷинояткор, балки солимгардонии маънавии ҷомеа мебошад.

Таҳлили андешаҳои олимони болозикр собит менамояд, ки дар шароити муосир шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ на танҳо як мушкили равонии инфиродӣ, балки падидаи мураккаби иҷтимоист.

Таҳқиқи масъалаи мазкур имкон медиҳад, ки хулосаҳои зерин бароварда шаванд. Аввалан, шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ омили калидиест, ки сатҳи ҷинояткориро на танҳо дар сатҳи миқдорӣ, балки дар сатҳи сифатӣ низ тағйир медиҳад. Сониян, муборизa бо ҷиноятқорӣ танҳо тавассути роҳҳои ҷазо натиҷаи босубот намедиҳад, агар раванди солимгардонии шуури ҳуқуқӣ ба роҳ монда нашавад.

Ҳамин тариқ, дар шароити муосири таҳаввули низоми қонунгузорӣ, пешгирии шаклдигаркунии шуури ҳуқуқӣ ҳамчун омили калидии коҳиши сатҳи ҷиноятқорӣ баромад мекунад. Барои ин на танҳо такмили меъёрҳои ҳуқуқӣ, балки баланд бардоштани сатҳи маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон дар ҳамбастаги ба арзишҳои ахлоқӣ зарур аст. Ин раванд бояд ба он нигаронида шавад, ки эҳтироми қонун аз як талаботи беруна ба эътиқоди ботинии фард ва ниёзи маънавии ӯ табдил ёфта, риояи бошууронаи ҳуқуқро ҳамчун сиришти инсонӣ таъмин намояд.

[1] Суханронии Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ, Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар маҷлиси тантанавӣ ба ифтихори 30-солагии қабули Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6 ноябри соли 2024 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: http://base.mmk.tj (санаи мурочиат: 31.03.2026).

UDC 811.381

RUSSIAN LITERATURE AS A WORKBOOK FOR A MODERN CRIMINALIST (BASED ON THE WORKS OF F.M. DOSTOYEVSKY AND L.N. TOLSTOY)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ЗАДАЧНИК ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО КРИМИНАЛИСТА (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И Л.Н. ТОЛСТОГО)

АДАБИЁТИ РУС ҲАМЧУН МАҶМУАИ МАСЪАЛАҲО БАРОИ КРИМИНОЛОГИ МУОСИР (ДАР АСАРҲОИ Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ ВА Л.Н. ТОЛСТОЙ)

KOZHINA YULIA GEORGIEVNA
Head of the Department of Foreign Languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, named after I.F. Shilov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor / Заведующий кафедрой иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова, кандидат педагогических наук / Мудири кафедраи забонҳои хориҷии Донишкадаи ҳуқуқшиносии Шарқи дури ВКД Россия ба номи И.Ф. Шилов, номзади илмҳои педагогӣ
E-mail: cozhina.iulia2011@yandex.ru

Классическая зарубежная и русская литература может помочь в обучении будущих специалистов правоохранительных органов в решении различных, но часто схожих и сложных проблем. Психологическая глубина и художественная многогранность русской литературы как культурного феномена стали вневременными иллюстрациями человеческой натуры, её характеров, обстоятельств жизни и психологических трудностей, с которыми она сталкивается. Возможности современной криминологии несравнимы с реалиями того времени, но детальное, тонкое и психологическое содержание классической литературы может служить тренировочной площадкой для решения задач, стоящих перед следователями.

Адабиёти классикии хориҷӣ ва русӣ метавонад ба мутахассисони ояндаи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ барои ҳалли масъалаҳои гуногун, вале аксар вақт якхела ва мураккаб кумак кунад. Амиқии равонӣ ва гуногунҷабҳагии бадеии адабиёти рус ҳамчун падидаи фарҳангӣ ба тасвирҳои безаволи табиати инсон, хислатҳои он, шароити зиндагӣ ва мушкилоти равонии он табдил ёфтааст. Имкониятҳои криминологияи муосир бо воқеияти он замон муқоисанашавандаанд, аммо мазмуни муфассал, нозук ва равонии адабиёти классикӣ ҳамчун заминаи омӯзишӣ барои ҳалли мушкилоте, ки муфаттишон бо онҳо рӯбарӯ мешаванд, метавонад хизмат кунад.

The psychological depth and artistic versatility of Russian literature as a cultural phenomenon is a timeless illustration of human beings, their characters, and the circumstances of their lives, as well as the psychological challenges they face. How can Russian literature contribute to the education of future law enforcement professionals and the resolution of diverse yet similar complex issues? Many people simply enjoy reading, allowing them to experience events that may not have occurred in their own lives or learn about specific historical periods. For future police officers, these situations can serve as examples and challenges to overcome. Taking into account the achievements of science, many examples could have been solved if these achievements were available.

For example, if we had the modern means, could we find the murderer from the novel Crime and Punishment? How could we find footprints, handprints, bloodstains, etc.?

Or, for another example, could we find the murderer from the novel “The Brothers Karamazov?” How would analyzing bloodstains help to exonerate Mitya Karamazov? How could we prove that he did not enter the house?

This is the paradox of literature: while it describes the state of society at a given time, it always focuses on the individual and their problems. Through the characters in literature, we gain insight into the concepts of good and evil, what helps individuals grow and progress, and what leads to moral decline.

By understanding the psychological basis of a book, we learn to make the most correct choices in life, choices that we won't regret, choices that will make us truly happy and won’t hurt others. Russian writers have repeatedly addressed ethical and psychological issues in their works, leading their characters through difficult and unfair trials, making them stronger and more meaningful.

The main lesson of classical literature is self-awareness and a sober and objective assessment of life’s events. Such a lesson is necessary not only in order to live happily and harmoniously, but also in order to create a beautiful and just world around us.

The humanistic traditions of literature, its moral, spiritual, and psychological focus, are the main key to inner harmony, and they represent the most correct solution to most of the human problems.

An important characteristic at all times is the description of a person's appearance and the manifestations of their character. The description of appearance is directly related to the psychological portrait of a person.

“Going out in such rags on the street.... However, the neighborhood was such that it was difficult to surprise anyone with one’s costume. The proximity of Sennaya, the abundance of well-known establishments, and, above all, the artisan and craftsman population that crowded these middle-class streets and alleys of St. Petersburg, sometimes filled the overall panorama with such individuals that it would be strange to be surprised by a different figure.” However, the young man had already accumulated so much bitterness and contempt that, despite his sometimes very young sensibilities, he was least concerned about his tattered clothes on the street. It was different when he met other people he knew or former friends he didn't like to see.

And yet, when a drunken man, who was being transported along the street for some unknown reason and to where in a huge cart pulled by a huge dray horse, suddenly shouted to him as he passed: “Hey, you, German hatter!” and he shouted at the top of his voice, pointing at him with his hand. The young man suddenly stopped and clutched his hat convulsively. The hat was tall, round, and Zimmerman’s, but it was worn out, completely red, with holes and stains, and it had no brim, and it was tilted at an ugly angle. But it was not shame that filled him, but a different feeling, almost like fear.

“I knew it!” he muttered in embarrassment. “I knew it! This is the worst of it!” There's something silly, something vulgar that could ruin the whole plan! Yes, the hat is too conspicuous... It's funny, which makes it conspicuous... I need a cap to go with my rags, even if it’s an old one, but not this ugly thing. No one wears hats like this, they’ll notice it from a mile away, and they’ll remember it... and that’s a clue. You have to be as inconspicuous as possible... The little things, the little things are the most important! It’s the little things that always ruin everything...”. This is a vivid example of characterization, life circumstances, and individuality.

The scene from Fyodor Dostoevsky’s novel “Crime and Punishment characterizes both the criminal and the victim.

How would a specialist describe a person’s psychological characteristics?

A little later, the door opened a crack: the landlady peered out at the visitor with visible distrust, and her eyes shone brightly in the darkness. But when she saw that there were many people on the landing, she became more cheerful and opened the door wide. The young man stepped over the threshold into a dark hallway, which was divided by a partition into a tiny kitchen. The old woman stood in front of him, silent and looking at him questioningly. She was a tiny, dry old woman of

about sixty, with sharp, angry eyes, a small, pointed nose, and hair that was streaked with gray. Her hair was greasy, and she wore a flannel shawl around her thin, long neck, which looked like a chicken's leg. Despite the heat, she was wearing a tattered, yellowed fur coat. She coughed and wheezed frequently. The young man must have looked at her in a special way, because her eyes suddenly became mistrustful again.

"How, in your opinion, did the young man look at her?"

Raskolnikov's meeting with Marmeladov is psychologically significant, as are other encounters with people we don't know, whom we become interested in at first sight, suddenly and unexpectedly, before we even say a word. This is precisely the impression Raskolnikov was given by the guest who sat at a distance, resembling a retired official. "The young man later recalled this initial impression several times and even attributed it to a premonition. He kept glancing at the official, of course, and also because the official was looking at him fixedly, and it was clear that he was eager to start a conversation. As for the others in the tavern, including the owner, the official looked at them in a familiar and even bored manner, with a hint of haughty disdain, as if they were people of a lower social status and development, with whom he had nothing to say. He was a man in his fifties, of medium height and stout build, with gray hair and a large bald spot, and a face swollen from constant drinking had a yellow, even greenish, face, and his eyelids were swollen, revealing tiny, slit-like, but animated, reddish eyes.

But there was something very strange about him; there seemed to be a kind of enthusiasm in his eyes, and perhaps a kind of intelligence, but at the same time there seemed to be a kind of madness. He was dressed in an old, tattered black frock-coat, with buttons that had fallen off. Only one button was still attached, and he buttoned himself up with it, as if he wanted to maintain a certain degree of decorum. A shirt-front was sticking out from under the nankov vest, all crumpled up, dirty, and soaked. His face was shaven, in the official style, but it had been a long time, so that a thick growth of blue bristles had already begun to appear. And there was really something solidly official in his manner. But he was restless, ruffling his hair, and sometimes, in anguish, resting his head on both hands, with his torn elbows on the soaked and sticky table. Finally, he looked directly at Raskolnikov and said loudly and firmly: "May I address you, my dear sir, with a proper conversation? Although you are not in a significant position, my experience tells me that you are an educated man who is not accustomed to drinking. I have always respected education combined with a warm heart, and I am also a titular councilor. My name is Marmeladov, and I am a titular councilor."

There are almost no significant social, moral, ethical, or other issues that have not been addressed in the artistic, philosophical, religious, and journalistic works of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky (1821-1881), a brilliant representative of Russian and world culture. Today, Dostoevsky is not only one of the most prominent writers of the 19th century, but also perhaps the most widely read Russian novelist in the modern world. His work has been the subject of extensive and diverse scientific, bibliographic, memoir, and other literature, which covers almost every aspect of his life and work.

Fyodor Dostoevsky lived during a rather complex, if not crucial, historical period in the development of the Russian state and society. The second half of the 19th century was marked by significant changes in the social and political system. In 1864, one of the most democratic reforms of Alexander II, the judicial reform, was implemented. The pre-reform judicial system was characterized by features typical of a feudal court. The court was strictly class-based. There were separate judicial bodies for nobles, clergy, townspeople, and peasants. In addition, there were special courts, such as conscience courts, land courts, commercial courts, and others. Administrative and police bodies also performed judicial functions. All of this greatly complicated the judicial system, making it extremely slow and prone to red tape and corruption.

Court sessions were held behind closed doors, and there was no judicial process. Judges were guided by the theory of formal evidence when considering cases. In general, the judicial process

was dominated by inquisitorial principles. Administrative bodies exerted pressure on the court's activities. Preliminary investigations and the execution of sentences were conducted by police agencies, which could also perform judicial functions in minor cases.

On November 20, 1864, the acts of judicial reform were approved and came into force: the Establishment of Judicial Institutions, the Statute of Criminal Procedure, and the Statute on Punishments Imposed by Magistrates.

The following principles of legal proceedings were proclaimed: adversarial proceedings, separation of the court from the administration, non-class-based proceedings, equality before the court, irremovability of judges and investigators, election (of magistrates and jurors), and publicity.

The principle of adversarial proceedings was introduced, which meant separating the function of the judicial prosecution from that of the defense. To implement this principle, the institution of the bar was established, and the prosecutorial system was reorganized.

These democratic transformations in the judicial system were reflected in the works of Russian writers, including Fyodor Dostoevsky. Dostoevsky not only described the events and pointed out the existing problems, but also proposed various ways to study and solve them.

F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" became a kind of illustration of the results of judicial reform. The author unwittingly showed us not only the post-reform criminal process, all its stages, but also its significant differences from inquisitorial justice. M. Krasnov notes that we are faced from beginning to end with the entire trial of the murder of "retired titular adviser Fyodor Pavlovich Karamazov," in which his son Dmitry Karamazov is accused. First, the composition of the jury is formed. Then the Chairman of the court announces the hearing of the case. The bailiff introduces the defendant. Defense attorney Fetyukovich enters. The chairman asks the defendant "about his name, title, etc." After that, the "list of persons summoned to the judicial investigation, i.e., witnesses and experts" is read. The court clerk reads out the indictment, and the chairman asks the defendant if he pleads guilty.

Witnesses are brought in to take the oath. The interrogation of the prosecution witnesses begins and the lawyer asks those questions, then the chairman asks the defendant "if he has anything to notice about these statements." The next stage is a medical (rather forensic psychiatric) examination, which consists of questioning the doctors who had previously examined the defendant. After that, the defense witnesses are interrogated, who, in turn, are addressed by the prosecutor. Next, the prosecutor makes a big accusatory speech, followed (after a break) by the lawyer. However, this exchange of views does not end there, as there is a stage called "exchanging objections." Finally, the defendant is given the floor, after which the jury goes into "consultation," and the judge gives them a final word of advice. After an hour of deliberation, the jury returns with their verdict, which is announced by the foreman: "Yes, he is guilty!" And then, for every single charge, it was the same: guilty, guilty, and not a shred of mercy! No one could have expected this.

Perhaps the only stage of the process that Dostoevsky did not describe was the very last one, when he simply noted, "Mitya was taken away. The verdict was postponed until tomorrow."

In this detailed description of the criminal trial in fiction (Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"), which accurately reflects the objective reality, we see the actual implementation of the reform's provisions and can assess its outcomes and significance. The democratic innovations were not only enshrined in relevant legal acts but were also put into practice. Dostoevsky described the fundamental principles of the new judicial system (adversarial proceedings, publicity), the bar association, and the institution of the jury trial.

A task that can be set for students: Are there any grounds for reviewing the case in order to acquit the criminal who was wrongfully accused of committing a crime? What mistakes were made by the prosecutor, the defense attorney, the jurors, and the judge? Which witnesses' testimonies contradict each other? How did the emotional state of the witnesses influence the decision? Analyzing the above, it should be noted that the profound social changes that took place in Russia in the second half of the nineteenth century were reflected in the artistic work and worldview of the greatest

Russian writer Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. The judicial reform carried out in 1864 was no exception, and the problems of its implementation were reflected in his works. The new democratic principles of judicial procedure, despite the various assessments of his work, were highly appreciated by Dostoevsky, and their criticism is related to the insufficient preparation of society for the changes that have taken place.

The task that can be set for students: Are there any grounds for reviewing the case in order to acquit the criminal who was wrongfully accused of committing a crime? What mistakes were made by the prosecutor, the defense attorney, the jury, and the judge? Which witnesses' testimonies contradict each other? How did the emotional state of the witnesses affect the decision?

Analyzing the above, it should be noted that the profound social changes that took place in Russia in the second half of the nineteenth century were reflected in the work art and worldview of the greatest Russian writer Fyodor Mikhailovich Dostoevsky. The judicial reform carried out in 1864 was no exception, and the problems of its implementation were reflected in his works. The new democratic principles of judicial procedure, despite the various assessments of his work, were highly appreciated by Dostoevsky, and their criticism is related to the insufficient preparation of society for the changes that have taken place.

We come to the conclusion that Russian literature can help in the education of future law enforcement specialists, in solving various complex problems. The use of resources from Russian and world literature is a pedagogical technique that allows the read to be personally appropriated, meaningful, experienced, emotionally accepted. The state of science, technique, technology today gives unlimited opportunities from step-by-step fixation (video, audio, electronic trace), and the discovery of the smallest traces, DNA samples, etc. The psychological portrait of the criminal is also a technique of search, assessment of possible actions, deeds.

The analysis of Raskolnikov's portrait is a combination of the reasons for his condition and his personality traits. The character's personality is not fully understood throughout the novel. During the trial, actions that characterize him positively are revealed, such as his attitude towards his friend's father, his relationship with his fiancée, and others. The external manifestations are not only related to his character but also to his psychological state. Analytical tasks can be interesting for experts: Who is willing to report the crime? What is the reason for this decision? Who influences this decision?

An interesting task for a forensic expert: a step-by-step analysis of where and what traces Raskolnikov might have left: shoe prints, traces on his clothing (description of tattered clothes, frayed cuffs, and bloodstains on the bottom of his trousers), traces on the wallpaper where he hid money and valuables in his room, fingerprints on all items, blood smears on the axe and other objects, and fingerprints on the doorknob. Many traces could have been found in the apartment where he was hiding, traces in the newly renovated apartment where he dropped the jewelry.

The story "The Letter" by Anton Chekhov provides valuable insights into the inhumane treatment, abuse, and crimes committed against children.

The investigation of a murder without a "body" in Anton Chekhov's short story "Swedish Matchsticks": an imaginary disappearance. Why did the investigators take the wrong path? In Fyodor Dostoevsky's novel "Demons," the murder of Ivan Shatov, a student, is a group-planned murder involving a political community, motivated by an imaginary suspicion of treason. The novel provides a description of a group of political conspirators, and the author reveals that each individual has their own weaknesses. How do you think it is possible to work with each of the characters?

Based on the content of the novel "Demons," we can conduct a study of a political or criminal community, and its leader, Pyotr Verkhovensky, can be identified by the following characteristics: how each of them behaves on the eve of a planned crime, such as drunkenness, illness, hysteria, and the expectation of change; who and why was able to refuse to participate in the crime or actively avoid it: Shigalev refuses to engage in criminal activities, but does not prevent the crime.

Fyodor Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov." There was a judicial error. How to correct it? How to prove that Mitya is innocent? The main contradiction is that Fyodor Pavlovich was killed in the room; there is no doubt about it. Dmitry did not enter the house. How to prove that Mitya did not enter. What questions and research would help in this? Are there any traces in the room? What traces were left on the wet soil of the garden? The direction of the footprints in the garden? The study of the object used to kill Fyodor Pavlovich. How to correlate the time when Smerdyakov could have done it and the moment when Mitya left. The traces of blood - whose blood, is it? The object - the murder weapon, and whether there are fingerprints on the paperweight and other objects.

Modern methods allow us to determine more complex circumstances: the study of money - the money was folded and carefully stored, and it may have had a banking history. The blood on Mitya's clothes could be used to prove, through DNA testing, that it was the blood of a servant, not his father. DNA testing could also be used to determine whether Smerdyakov had any reason to believe that he was a half-brother of the Karamazovs. The capabilities of modern science are incomparable to the realities of that time, but the material of Russian literature is detailed, subtle in its presentation, and psychological, and can serve as a textbook for training in solving today's problems.

УДК 343.131

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ НА ЗАЩИТУ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

АСОСҲОИ КОНСЕПТУАЛИИ МУҚОВИМАТ БА СУИИСТИФОДА АЗ ҲУҚУҚИ ҲИМОЯ ДАР МУРОФИАИ СУДИИ ҶИНОЯТӢ

Кузнецов Дмитрий Юрьевич
Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, майор полиции / Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологии Донишкадаи ҳуқуқшиносии дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, майори политсия
Тел. +79536175675 E-mail: demetrio.k@yandex.ru

В условиях современных вызовов, стоящих перед правоохранительными системами государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), проблема поддержания баланса между незыблемостью конституционных гарантий личности и необходимостью эффективного осуществления уголовного преследования приобретает особую остроту. Для органов внутренних дел, являющихся ключевым звеном досудебного производства, вопрос противодействия злоупотреблениям процессуальными правами со стороны недобросовестных участников – это не отвлечённая теоретическая конструкция, а повседневная практическая реальность, прямо влияющая на соблюдение разумных сроков расследования и достижение целей правосудия.

Республика Таджикистан, последовательно совершенствуя национальное уголовно-процессуальное законодательство в духе общепризнанных международных стандартов, также сталкивается с необходимостью доктринального осмысления и нормативного ограничения деструктивных форм реализации права на защиту. В этом контексте исследование концептуальных основ противодействия злоупотреблению правом на защиту в уголовном судо-

производстве, предпринятое преимущественно на анализе российского уголовно-процессуального закона и практики его применения, приобретает межгосударственное научно-прикладное значение, позволяя выявить универсальные закономерности и предложить подходы, востребованные в образовательном и правоприменительном поле.

Институт права на защиту, предоставленного подозреваемому и обвиняемому в рамках уголовного дела, традиционно рассматривается как фундаментальная процессуальная гарантия, образующая неотъемлемый компонент их правового статуса в сфере уголовного судопроизводства. Данная гарантия выступает важнейшим инструментом, призванным обеспечить реальный, а не формально-декларативный баланс сил между сторонами обвинения и защиты. Развивая принцип состязательности, законодатель сконструировал исключительно широкий спектр процессуальных возможностей, реализуемых названными участниками как лично, так и через профессионального представителя. Однако, формируя столь объемный арсенал правовых средств, законодательная мысль оставила без должного внимания сопутствующие риски, сопряженные с вероятностью недобросовестного использования предоставленных правомочий, не предусмотрев в этой части каких-либо специальных ограничительных фильтров или корректирующих механизмов. Подобная нормативная асимметрия закономерно порождает почву для процессуальных манипуляций и актуализирует потребность в теоретическом осмыслении и практическом конструировании эффективной системы противодействия злоупотреблению правом на защиту.

Системообразующим ориентиром в рассматриваемом случае выступает конструкция уголовного судопроизводства, получившая нормативное закрепление в ч. 2 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). В соответствии с данным предписанием, задачи уголовного преследования виновных и применения к ним справедливых мер государственного принуждения пребывают в диалектическом единстве и равновесии с задачами отказа от преследования невиновных, их освобождения от наказания и реабилитации лиц, пострадавших от необоснованного уголовного преследования[1].

Таким образом, анализируемая законодательная формула, развивая и усиливая конституционное право каждого на защиту от незаконного уголовного преследования, одновременно задает аксиологическую рамку, в которой любое недобросовестное использование процессуальных прав, нарушающее это равновесие, неизбежно вступает в противоречие с назначением судопроизводства, подрывая одновременно и публичный, и частный интерес.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, очерчивая границы реализации права на защиту, законодатель прибегает к предельно общей, практически размытой формулировке. Как следует из п. 11 ч. 4 ст. 46 и п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, подозреваемый и обвиняемый управомочены применять любые не запрещенные уголовно-процессуальным законом средства и способы защиты. Подобный прием юридической техники, по существу, делегирует решение вопроса о допустимости конкретных актов защитительного поведения на уровень индивидуального правоприменительного усмотрения, что неизбежно продуцирует зону повышенной правовой неопределенности и создает потенциал для разнонаправленных, подчас полярных интерпретаций в следственной и судебной практике. Отсутствие внятных критериев правомерности избираемой тактики защиты становится катализатором процессуальных аномалий, требующих выработки адекватных средств реагирования.

Сформулированный подобным образом правовой институт закономерно интенсифицирует доктринальную дискуссию о самой принципиальной допустимости постановки вопроса о злоупотреблении правом на защиту. Современная судебно-следственная практика не демонстрирует единства подходов: позиции правоприменителей, как правило, поляризуются в зависимости от их отраслевой принадлежности и функциональной роли в уголовном процес-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ: действующая редакция // СЗ РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. 1), ст. 4921.

се. Вместе с тем в ходе данной полемики методологически оправданно апеллировать к межотраслевому общеправовому началу, закрепленному в виде норм о злоупотреблении правом, вполне традиционным для цивилистики. Устанавливаемый запрет на осуществление прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, а равно на иные формы злоупотребления правом, представляет собой универсальную правовую диспозицию. Согласно доктринальным подходам и правовым позициям высших судебных инстанций, дух и логика данного принципа, ввиду его системообразующего характера, подлежат расширительной экстраполяции и на регулирование отношений в иных отраслях, включая уголовно-процессуальную. Именно этот межотраслевой императив и должен служить концептуальным фундаментом для формирования механизмов противодействия недобросовестному процессуальному поведению.

Для построения обоснованной правовой позиции по затронутой проблеме требуется ее концептуальное осмысление в контексте общетеоретической дихотомии прав. Вопрос о допустимости абсолютизации субъективных прав личности уходит корнями в классические естественно-правовые учения. Согласно общепризнанным постулатам теории государства и права, свойством абсолютности, предполагающим неограниченность и логическую невозможность злоупотребления, наделяются исключительно права естественные – такие, как право на жизнь и личную неприкосновенность. Они принадлежат индивиду в силу его природы и не опосредованы участием в конкретных правоотношениях; именно поэтому их реализация не может быть обращена во вред[1].

Экстраполируя означенный теоретический критерий на область уголовного судопроизводства, можно заключить, что из всей совокупности процессуальных прав статусом абсолютного обладает лишь право, гарантированное статьей 51 Конституции РФ, – право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. Право же на защиту, будучи неоспоримо неотъемлемым элементом статуса подозреваемого и обвиняемого, возникает и существует исключительно в связи с обретением лицом особого процессуального положения. Следовательно, его природа носит не естественный, а позитивный, производный от норм объективного права характер, что уже на концептуальном уровне предполагает потенциальную возможность его девиантного использования – искажения в форме многообразных злоупотреблений.

Признание данного подхода служит необходимой предпосылкой для легитимации ограничительных мер противодействия.

Таким образом, центральным критерием для квалификации действий стороны защиты как неправомерных выступает субъективная направленность и действительная цель подобной процессуальной активности. Если удается доказать, что реализация предусмотренных законом правомочий производится не в русле добросовестной защиты от предъявленного обвинения и не для отстаивания охраняемых законом интересов, а преследует заведомо деструктивные цели – умышленное затягивание судопроизводства, возведение искусственных барьеров для правосудия либо причинение ущерба правам и законным интересам иных участников процесса, – то такая деятельность утрачивает свое правомерное качество. В этом случае она уже не может квалифицироваться как легитимная защита и трансформируется в классическое злоупотребление процессуальным правом, которое должно с неизбежностью влечь адекватные правовые последствия и меры процессуального реагирования. Отсутствие же таковых мер девальвирует саму идею недопустимости злоупотребления правом.

Определенной степени нормативной конкретизации в разрешении рассматриваемой коллизии удалось достичь благодаря имплементации правовой позиции высшей судебной инстанции, выраженной в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации

[1] Матузов, Н.И., Малько, А.В. Теория государства и права: учебник. 5-е издание. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. - С. 175-176.

от 30 июня 2015 года № 29[1]. В пункте 18 названного акта судебного толкования Верховный Суд РФ сформулировал принципиальное положение, согласно которому суд правомочен не констатировать нарушения права обвиняемого на защиту в ситуациях, когда отказ в удовлетворении ходатайства либо установление известных ограничений в реализации отдельных процессуальных прерогатив обвиняемого (или его защитника) объективно обусловлены доказанным фактом недобросовестного использования ими предоставленных правомочий, повлекшего ущерб законным интересам иных субъектов судопроизводства. Приведенная правовая позиция имеет прочный конституционный фундамент в виде части 3 статьи 17 Конституции РФ, провозглашающей, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, и тем самым очерчивает имманентные пределы всякого субъективного права.

Вместе с тем, серьезные сомнения вызывает тезис о том, что предложенная Верховным Судом РФ интерпретация в полной мере отвечает запросам современного уровня правоприменения и исчерпывающе разрешает существующие коллизии. С одной стороны, как справедливо подчеркивают отдельные юристы-практики, совмещающие правоприменительную деятельность с научными изысканиями, избранная высшей судебной инстанцией конструкция не обладает необходимой степенью конкретности. Помимо оперирования оценочной и содержательно размытой дефиницией «недобросовестное использование правомочий», в тексте Постановления отсутствует какой-либо детализированный категориальный аппарат, который позволял бы правоприменителю однозначно идентифицировать конкретные процессуальные действия в качестве злоупотребления правом[2].

С другой стороны, – и это видится наиболее существенным пробелом – Пленум Верховного Суда фактически обошел молчанием вопрос о конкретных процессуальных последствиях, которые должны наступать для стороны, допустившей злоупотребление. Доктринальный анализ также показывает, что научное сообщество преимущественно фокусирует исследовательское внимание на проблематике злоупотребления правом на защиту сквозь призму судебных стадий уголовного процесса. Характерным примером выступает исследование таких злоупотреблений, как систематическое заявление заведомо необоснованных и невыполнимых ходатайств, имеющих единственной целью затягивание процесса и создание препятствий для осуществления правосудия[3]. Досудебный же аспект данной проблематики, равно как и специфические меры противодействия на этом этапе, остается, как правило, на периферии активного научного дискурса.

Сложившаяся правоприменительная практика не может быть охарактеризована как сбалансированная и отвечающая идеалам справедливого правосудия, поскольку в ней прослеживается системное игнорирование законных интересов органов предварительного расследования. Следователи и дознаватели, жестко ограниченные процессуальными сроками, императивно установленными уголовно-процессуальным законом, и одновременно несущие обязанность по обеспечению защиты от необоснованного обвинения, фактически поставлены в уязвимое положение. Наряду с легальным определением самого феномена злоупотребления, настоятельно требуют научной проработки и безотлагательного нормативного разрешения вопросы формирования системы эффективного противодействия подобным неправомерным тактикам.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» от 30 июня 2015 г., № 29 // Российская газета, № 150, 10.07.2015.

[2] Головко, Л., Резник, Г., Смирнов, А., Колоколов, Н., Львова, Е., Кипнис, Н., Голубок, С. Злоупотребление правом на защиту // Закон. - 2015. - № 7. - С. 26.

[3] Гордейчик, С.А. Новеллы уголовно-процессуального законодательства, расширяющие права адвокатов / С.А. Гордейчик // Законность. - 2017. - № 8. - С. 52.

Бесспорно, судебная инстанция, обладающая широкими дискреционными полномочиями в силу диспозитивно-состязательного построения процесса, располагает достаточным арсеналом средств для оперативного пресечения недобросовестных действий любого участника судопроизводства. Принципиально иная ситуация складывается на досудебных стадиях, где следователь и дознаватель зачастую лишены адекватных инструментов реагирования и вынуждены в одиночку противостоять тактике недобросовестного защитника, искусственно блокирующего нормальное движение уголовного дела.

Парадоксальность положения усугубляется тем обстоятельством, что согласно статье 38 УПК РФ следователь де-юре провозглашается центральной фигурой механизма уголовного преследования и всего досудебного производства, однако де-факто абстрактность законодательной регламентации права на защиту во многих случаях ставит сторону обвинения в прямую зависимость от произвольных действий противоположной стороны. Наглядной иллюстрацией служит норма части 3 статьи 50 УПК РФ, обязывающая следователя, дознавателя и суд при замене защитника – в ситуации отказа обвиняемого от его самостоятельного приглашения – руководствоваться процедурой, определяемой советом Федеральной палаты адвокатов. Данная законодательная новелла с момента ее инкорпорирования в уголовно-процессуальный закон продолжает вызывать обоснованную критику, поскольку формирует потенциально безграничные возможности для недобросовестных участников по искусственному затягиванию процесса посредством манипуляций с механизмом замены защитника. Думается, что преодоление сложившегося дисбаланса требует разработки специальных процессуальных механизмов, предоставляющих органам расследования легальные рычаги для оперативного реагирования на очевидные злоупотребления без ущерба для фундаментальных гарантий права на защиту.

Таким образом, обширный арсенал правовых возможностей, легитимно предоставленный участникам уголовного судопроизводства нормами УПК РФ, с объективной неизбежностью актуализирует проблему поддержания процессуального баланса между диспозитивными началами защиты и полномочиями государственного обвинения. В данной связи ни один процессуальный институт, включая такой основополагающий, как право на защиту, не может быть абсолютизирован и выведен за рамки действия общего запрета на злоупотребление правом. Достижение означенного баланса и формирование культуры добросовестного использования предоставленных законом процессуальных правомочий всеми субъектами уголовного процесса, как демонстрирует проведенный анализ, является не только необходимой гарантией реализации принципов равенства сторон и верховенства права, но и действенным инструментом обеспечения разумных сроков судопроизводства, выступающих одной из фундаментальных ценностей современного правового государства.

Проведённое исследование подтверждает, что эффективное противодействие злоупотреблению правом на защиту не может быть сведено ни к механическому ограничению процессуальных гарантий, ни к исключительно судебному усмотрению. Решение данной проблемы лежит в плоскости системной межотраслевой регламентации, включающей легальное определение признаков недобросовестного процессуального поведения, разработку соразмерных и оперативных мер реагирования на досудебных стадиях, а также формирование единообразной правоприменительной практики, согласованной с конституционным императивом части 3 статьи 17 Конституции РФ и аналогичными нормами конституций государств СНГ.

Предложенные подходы и анализ коллизионных аспектов могут найти применение не только в законотворческом процессе и правоприменительной деятельности органов внутренних дел, но и в ходе преподавания уголовно-процессуальных дисциплин, способствуя формированию у будущих следователей и дознавателей профессионального правосознания, ориентированного на неукоснительное соблюдение баланса публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве. Дальнейшая доктринальная разработка и нормативная конкре-

тизация мер противодействия злоупотреблению правом на защиту представляют собой насущную задачу для уголовно-процессуальной доктрины и законодателя.

ТДУ 343.346.24

ТАҲЛИЛИ ҲУҚУҚӢ-ҶИНОЯТИИ ВАЙРОН КАРДАНИ ҚОИДАҲОИ БЕХАТАРИИ ҲАРАКАТ ВА ИСТИФОДАИ НАҚЛИЁТИ РОҲИ ОҲАН, ҲАВОӢ Ё ОБӢ (МОДДАИ 211 КҶ ҶТ)*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЖЕЛЕЗДОРОЖНОГО, ВОЗДУШНОГО ИЛИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА (СТАТЬЯ 211 УК РТ)

НАРЗУЛЛОЗОДА СУҲРОБ САИДАҲМАД
Сардори шуъбаи ташкилӣ-илмӣ ва табъу-нашри Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники милитсия / Начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции
E-mail: n.suhrob-92@mail.ru

СУНАТУЛЛОЗОДА УМЕДҶОН СУНАТУЛЛО
Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия / Старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции
E-mail: n.suhrob-92@mail.ru

Имрӯзҳо Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон масъалаи бехатарии ҳаракат дар роҳҳо ва истифодабарии воситаҳои нақлиётро маркази диққати худ қарор додааст. Бояд иброз дошт, ки инкишоф ёфтани соҳаҳои алоҳидаи иқтисодиёт ва баланд гаштани сатҳи зиндагии аҳолӣ ба зиёд гаштани боркашонӣ ва воситаҳои нақлиёт оварда расонид. Сол аз сол зиёд гаштани ҳаҷми интиқоли молу маҳсулот ва афзоиши аҳолӣ зарурати такмили инфрасохтори коммуникатсионӣ, дар баробари ин, риояи ҳатмии қоидаҳои таъмини бехатарӣ ва истифодаи воситаҳои нақлиётро ба миён овардааст. Инкишофи соҳаи нақлиёт, дар навбати худ воситаи мусоидат ба савдои дохилӣ ва хориҷӣ буда, омили асосии рушди муносибатҳои иқтисодӣ, тиҷоратӣ ва транзитии байналмилалии кишвар мансуб меёбад.

Дигаргунсозиҳо дар соҳаи авиатсияи граждани низ барои ширкатҳои ҳавопаймоии ватаниву хориҷӣ фазои рақобати озод ва бозори хизматрасониҳои авиатсионирро фароҳам овардааст. Айни ҳол бо мақсади мутобиқ намудани сатҳу сифати хизматрасонӣ ва роҳ ёфтани ширкатҳои ҳавопаймоии ватанӣ ба бозори байналмилалӣ ислоҳоти сохтории ин соҳа гузаронида шуда истодааст. Ин иқдом имкон медиҳад, ки дар соҳаи ҳавопаймоӣ заминаи устувори инкишоф ба вуҷуд ояд. Далели гуфтаҳои болозикр парки тайёраҳои ширкатҳои ҳавопаймоии Тоҷикистон «Тоҷик Эйр», «Сомон Эйр» «Ист Эйр» ва ширкатҳои ҳавопаймоии хориҷӣ Turkish Airlines, Fly Dubai, China

* Мақола дар доираи татбиқи мавзуи тадқиқотии «Тарбияи ҳуқуқӣ ва фарҳанги сиёсии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар шароити тағйирпазирии ҷомеаи Ҷумҳурии Тоҷикистон: проблема ва сиёсати рушд (2023-2027)» таҳия шудааст, ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ карда мешавад. Рақами бақайдгирии давлатӣ 0121TJ1289.

South Airlines, Kam Air, Osmon Air, Utair, Ural Airlines, Sibir Airlines мебошад, ки батадриҷ нав шуда истодааст.

Қобил ба зикр аст, ки дар шароити имрӯза баробари пешрафту тараққиёти кишвар масъалаи таъмини бехатарии ҳаракат дар роҳ характери умумиҷамъиятӣ гирифта, ба яке аз масъалаҳои ҳаётан муҳимми давлатӣ табдил ёфтааст. Мутобиқи гузориши Ташкилоти умумиҷаҳонии тандурустӣ вобаста ба вазъи бехатарии ҳаракат дар роҳ, ҳамасола дар ҷаҳон зиёда аз 1,2 миллион одам вафот карда, 50 миллиони дигар бошанд, зарарҳои гуногун ба саломатӣ мегиранд. Тибқи пешгӯии гузориши мазкур, дар ҳолати қабул нагардидани чораҳои таъхирнопазир ҷиҳати пешгирии ҷиноятҳои нақлиётӣ, он дар соли 2030 миёни дигар сабабҳое, ки боиси марги инсон мегарданд, ҷойи панҷумро ишғол менамояд.

Оид ба танзим намудани бехатарии ҳаракат дар роҳ ва истифодабарии воситаи нақлиётӣ аз тарафи мақомоти қонунгузори ҷумҳурӣ якчанд қонунҳо ба тасвиб расидааст. Мақсади қабули санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ аз он иборат мебошад, ки инсоният дар фаъолияти ҳаррузаи зиндагии худ аз воситаи нақлиётҳои автомобилӣ, ҳавоӣ, обӣ ва роҳи оҳан истифода мебарад ва воситаи нақлиёт дар ҳаёти инсоният ҷойи хосаро ишғол намудааст. Бинобар ин, дар замони муосир муқовимат бар зидди ҷиноятҳои нақлиётӣ на танҳо масоили мубрами давлати алоҳида, балки ҷаҳонӣ мебошад.

Вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ, ҳамчун ҷиноят дар моддаи 211 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КҶ ҶТ) муқаррар гардидааст ва аз се қисм иборат мебошад.

Лозим ба ёдоварист, ки вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ, дар м. 83 Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон соли 1961 ҳам, ҳамчун ҷиноят пешбинӣ гардида буд ва номи ин модда каме дигар, яъне, вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифода бурдани нақлиёт ном дошт ва аз ду қисм иборат буд. Моддаи 83 КҶ РСС Тоҷикистон ҳамон вақт ҷиноят эътироф мешуд, ки агар ин вайронкунӣ боиси рӯй додани ҳодисаҳои бадбахтии одамон, чаппа, ғарқ ё дучори дигар ҳалокат шудани поезду киштӣ ё ки боиси рӯй додани дигар хел оқибатҳои вазнин гардад, инчунин бадсифат таъмир кардани воситаҳои нақлиёт, роҳҳо, воситаҳои сигналдиҳӣ ва алоқа, ки боиси рӯй додани ҳамон гуна оқибатҳо гардад ё хатари рӯй додани чунин оқибатҳоро ба бор оварад[1].

Тибқи муқаррароти диспозитсияи м. 211 КҶ ҶТ бошад, вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ аз ҷониби шахсе, ки вобаста ба корҳои иҷронамуда ё вазифаҳои ишғолнамудааш ӯҳдадор шудааст ин қоидаҳоро риоя кунад, агар ин кирдор аз беэҳтиётӣ ба саломатии инсон зарари вазнин ё миёна расонидааст ё зарар ба миқдори калон ворид намудааст.

Дар м. 211 КҶ ҶТ мақомоти қонунгузор ду таркиби ҷинояти ба ҳам монанд, вале алоҳидаро пешбинӣ намудааст. Якум вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракати нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ ва дуюм, иҷро накардани уҳдадориҳо оид ба истифодаи нақлиёт аз ҷониби шахсе, ки тибқи қонун уҳдадор буд, онро иҷро намояд.

Бинобар сабабе, ки диспозитсияи моддаи таҳқиқшаванда бланкетӣ аст, дар он мафҳуми нақлиёт, намудҳои нақлиёт ва вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодабарии нақлиёт шарҳ дода нашудааст ва барои муайян кардани ин мафҳумҳо ба дигар санадҳое, ки бехатарии ҳаракат ва истифодабарии ин намудҳои нақлиётро таъмин менамояд, назар кардан даркор аст:

[1] Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон: бо тағйироту иловаҳое, ки то 1-уми июни соли 1988 дохил карда шудаанд. - Душанбе: Ирфон, 1989. - 224 с.

– нақлиёт – соҳаи истеҳсолоти моддиест, ки кашонидани борҳо, мусофирҳо ва бағочро амалӣ мегардонад[1];

– нақлиёти роҳи оҳан – яке аз навъҳои комплекси нақлиёти Ҷумҳурии Тоҷикистон буда, аз хоҷагиҳои гуногуни ба ҳамдигар алоқамандлокомотив, вагон, хоҷагии роҳ, хоҷагии энергетика, сигнализатсия ва алоқа, ки комплекси ягонаи истеҳсолию техникиро ифода мекунанд, иборат аст[2];

– нақлиёти ҳавоӣ – ин ҳамаи авиатсияи гражданӣ ва ҳамаи воситаҳои ҳавопаймоие мебошанд, ки таъиноти мусофиркашӣ ва ё боркашии гражданиро доранд. Ба ин гурӯҳи воситаҳои нақлиёти ҳавоӣ дохил мешаванд: ҳавопаймоҳо, чархболҳо, планеру дережаблҳо, аэростатҳо ва дигар нақлиёте, ки ба инҳо монанданд.

– нақлиёти обӣ – ҳамаи киштиҳои худгард, новобаста аз тобеъияташон ва бо бақайдгирии дар обанборҳо ва бандарҳои баҳрӣ-тиҷоратӣ дохил мешаванд. Воситаҳои нақлиёти обие, ки худгард нестанд, лекин ба воситаи санадҳои меъёрии идоравӣ ба нақлиёти обӣ дохил карда шудаанд ҳамчун предмети ҷинояти мазкурро ташкил карда наметавонанд.

– бехатарии ҳаракат дар роҳ – ҳолати раванди мазкур буда, инъикоскунандаи дараҷаи муҳофизати иштирокчиёни он аз ҳодисаҳои роҳу нақлиёт ва оқибатҳои онҳо аст;

– таъмини бехатарии ҳаракат дар роҳ – фаъолияте мебошад, ки барои пешгирии сабабҳои ба амал омадани ҳодисаҳои роҳу нақлиёт, сабук гардонидани вазнинии оқибатҳои он нигаронида шудааст;

– бехатарии парвозҳо – ҳолате, ки зимни он хавфҳои марбут ба фаъолияти авиатсионӣ, ки ба истифодабарии киштиҳои ҳавоӣ дахл дорад ё бевосита чунин истифодабариро таъмин менамояд, то сатҳи имконпазир кам ва назорат карда мешавад[3].

Объекти хелии (гурӯҳии) ҷинояти мазкурро фаъолияти муътадили бехатарии ҳаракат ва истифодаи воситаи нақлиёти роҳи оҳан, обӣ ва ҳавоӣ ташкил медиҳад. Дар адабиёти ҳуқуқӣ объекти хелии (гурӯҳии) ин ҷиноят ба маъноҳои гуногун зикр гардидааст, ба монанди «муносибатҳои ҷамъиятие, ки бехатарии ҳаракат ва истифодабарии воситаи нақлиётро таъмин менамоянд»[4].

Объекти бевоситаи асосии ин ҷиноятро муносибатҳои бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае ташкил медиҳанд, ки бехатарӣ ва истифодабарии фаъолияти нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ва обиро таъмин менамояд, ки имконияти иҷрои интиқоли мусофирон ва бор бе таҳдид, ба ҳаёт ва саломатии одамон, вайрон ё несту нобуд кардани амвол зоҳир мегардад. Дар баробари ин, объекти бевоситаи асосии ин ҷиноятро фаъолияти муътадили нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ ташкил медиҳад[5]. Ба сифати объекти иловагии ин ҷиноят саломатӣ ва ҳаёти инсон баромад мекунад. Объекти факултативии ин ҷиноят – моликият ва амволи ғайр мебошад. Предмети ҷинояти мазкурро воситаҳои нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ ташкил медиҳад. Ба назари баъзан олимон предмети

[1] Қоидаҳои ҳаракат дар роҳ аз 29-уми июни с. 2017, № 323 // Адлия: Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии ҶТ. Шакли 7.0. // Вазорати адлияи ҶТ. Душанбе, 2020.

[2] Оинномаи нақлиёти роҳи оҳани Ҷумҳурии Тоҷикистон: Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 5-уми июни с. 2002, № 244 // Адлия: Махзани мутамаркази иттилоотӣ-ҳуқуқии ҶТ. Шакли 7.0. // Вазорати адлияи ҶТ. Душанбе, 2020.

[3] Кодекси фазои ҳавоии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13-уми ноябри с. 2023, № 1999 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=28183 (санаи мурочиат: 31.03.2026).

[4]Ниг., мисол: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М., 1996. – С. 328; Уголовное право Российской Федерации / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М., 2011. – С. 533.

[5] Энциклопедия уголовного права. Т. 24. Преступления против безопасности и эксплуатации транспорта – Издание профессора Малинина – МИЭП при МПА ЕврАзЭС. - СПб., 2014. – С. 327.

ҷинояти таҳқиқшавандаро ба ғайр аз воситаҳои нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ, инчунин дигар таҷҳизот ё дастгоҳҳои танзимкунандаи бехатарии ҳаракат ё истифодабарии нақлиёт ташкил медиҳад[1].

Киштиҳои ҳавоии ҳарбӣ предмети ин ҷиноятро ташкил намекунанд, аммо вайрон кардани бехатарии ҳаракат ва истифодаи чунин воситаҳои нақлиёт аз рӯйи м. 390 КҶ ҶТ баҳо дода мешавад.

Бехатарии фаъолияти автомашина, трамвай, тролейбусҳо ва дигар воситаҳои механикии нақлиёт аз тарафи м. 212 КҶ ҶТ ҳифз карда мешавад[2].

Тарафи объективии моддаи тадқиқшаванда аз кирдорҳои зерин иборат мебошанд: Кирдори ба ҷамъият хавфнок – дар шакли ҳаракат (вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракати нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обӣ ё вайрон кардани қоидаҳои бехатарии истифодаи воситаҳои нақлиёти номбаршуд) ё беҳаракатӣ (аз ҷониби шахс иҷро накардани он уҳдадориҳое, ки вобаста ба корҳои иҷронамуда ё вазифаҳои ишғолнамудааш мутобиқи қонунгузорӣ уҳдадор шудааст ин қоидаҳоро риоя кунад); Оқибати ба ҷамъият хавфнок (расонидани зарари миёна ва вазнин ба саломатиии одам ё ба миқдори калон расонидани зарар ба амволи он ё боиси марг ё боиси дигар оқибатҳои вазнин); Алоқаи сабабӣ байни кирдор ва оқибатҳои ба ҷамъият хавфнок.

Вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёт дар моддаи мазкур чунин ифода ёфтааст:

– дар нақлиёти роҳи оҳан – набудани мушоҳида доир ба холӣ будан ё набудани роҳ, худсарона ишғол кардани роҳ, надодани сигнал, баланд кардани суръат дар ҷойи манъшуда ва ғайра;

– дар нақлиёти ҳавоӣ – иҷро накардани нақшаи парвоз, инкор кардани талаботе, ки ба парвоз ва экипаж пешбинӣ шудааст, риоя накардани техникаи ҳавонавардӣ;

– вайрон кардани дарвозаи парвоз ва фурудоӣ, вайрон кардани хати парвоз ва ғайра.

Кирдори ба ҷамъият хавфноки содиршуда ҳамон вақт таркиби ҷиноятро ташкил медиҳад, ки он қоидаҳои дар меъёрҳои ҳуқуқӣ ҷойдоштаро вайрон кунанд. Вайрон кардани чорабиниҳои эҳтиётии умумии қабулшуда таркиби ин ҷиноятро ташкил намедиҳанд. Зеро ҳангоми вайрон кардани қоидаҳои ҳаракат ва истифодаи нақлиёт, мақомоти тафтишотӣ ва суд вуҷуд доштани ҷиноятро бо иборахои «чорабиниҳои эҳтиётиро надидаааст», «асосҳои чорабиниҳои заруриро наандешидааст» ва ғайра асоснок карда наметавонанд. Аз рӯйи ҳар як парванда бояд аниқ муайян карда шавад, ки кадом қоида вайрон карда шудааст ва шахси гунаҳгор вазифадор буд, ки ин қоидаҳоро риоя кунад.

Чунончи дар қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон омадааст, ки диққати мақомоти таҳқиқ, тафтишоти пешакӣ ва судҳо ба он ҷалб карда шавад, ки ҳангоми санҷиши сабабҳои ба амал омадани ҳолати садамавӣ бояд муайян карда шавад, ки кадом бандҳои Қоидаҳо вайрон карда шудаанд ва кадом вайронкунӣ бо оқибатҳои дар м. 212 КҶ пешбинишуда алоқаи сабабӣ доранд[3].

Дар зери мафҳуми «вайрон кардани қоидаҳо», ки дар моддаи мазкур гуфта шудааст, гунаҳкорона содир кардани ҳаракатҳое, ки ба танзими ҳуқуқии бехатарии ҳаракат

[1] Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / Под общ.ред. Председателя Верховного Суда РФ, докт. юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В.М. Лебедева / отв. ред. канд. юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ А.В. Галахова. – М.: Издательский Дом «Городец», 2009. – С. 757.

[2] Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / дар зери таҳрири Ҳ.Ҳ. Шарипов. – Душанбе: Глобус, 2006. – С. 530.

[3] Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи тачрибаи судӣ оид ба ҷиноятҳои вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаҳои нақлиёт, инчунин ғайриқонунӣ ҳай карда бурдани автомобил ё дигар воситаҳои нақлиёт бидуни мақсади тасарруф» аз 18-уми декабри с. 2009, № 28.

ва истифодаи нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ва нақлиёти обӣ зидбуда ё ки иҷро накардани қоидаҳои бехатарӣ фаҳмида мешавад.

Бехатарии кори нақлиёт на фақат аз таҷҳизотҳои техникии ӯ вобаста аст, балкӣ аз тарзи дуруст риоя кардани қоидаҳои ҳаракат ва истифодабарии воситаҳои нақлиёт низ вобаста аст.

Вайрон кардани қоидаҳои дар қонун пешбинишуда бо роҳи ҳаракат ва ҳам бо роҳи беҳаракатӣ содир мешавад.

Аз рӯйи беҳарактӣ вайрон кардани қоидаҳои номбаршуда фақат дар он ҳолат ҷавобгарии ҷиноятиро ба миён меорад, ки гунаҳкор вазифадор бошад, ки ҳаракат содир кунад. Ин уҳдадорӣ дар санадҳои меъёрии идоравӣ муайян карда шудааст. Зеро барои ба ҷавобгарии ҷиноятӣ аз рӯйи беэҳтиётӣ ҷалб намудани субъекти ҷиноят ҳамчун як қисми таркибии низоми муносибатҳое, ки бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиётро таъмин менамуда, барои он ки фаъолияти вай барои таъмини бесадама дар нақлиёти роҳи оҳан, обӣ ва авиатсияи гражданӣ равона карда шудааст.

Бо баробари вайрон кардани қоидаҳои ҳаракат дар қонун, дар бораи вайрон кардани қоидаҳои истифодаи нақлиёти номбаршуда сухан меравад. Дар зери вайрон кардани қоидаҳои истифодабарӣ, вайрон кардани қоидаҳои истифодаи воситаҳои нақлиёт ва ҳам вайрон кардани қоидаҳои истифодабарии он олоту системаҳое, ки бехатарии фаъолияти нақлиётро таъмин мекунад, фаҳмида мешавад. Мафҳуми «истифодабарии нақлиёт» аз мафҳуми «ҳаракат» васеътар мебошад.

Агар раванди ҳаракати воситаи нақлиёт аз истифодабарии он ҷудонашаванда бошад, истифодабарии воситаи нақлиёт бе раванди ҳаракат ҳам (масалан, ҳангоми истгоҳ, давраи тайёрии пеш аз парвоз ва ғайра) вуҷуд дорад. Вайрон кардани қоидаҳои истифодаи нақлиёт, ки ба бехатарии он алоқаманд нест, таркиби ин ҷиноятро ташкил намедиҳад.

Баъзан тадқиқотҳо дар самти ҷиноятҳои нақлиётӣ нишон медиҳанд, ки аз шумораи умумии вайронкунии қоидаҳоро 69% қоидаҳои ҳаракати роҳ, 22% қоидаҳои истифодабарӣ ва 9% дигар қоидаҳо ташкил медиҳанд[1].

Оқибати ба ҷамъият хавфнок дар қисми якуми моддаи мазкур дар намуди аз беэҳтиётӣ ба саломатии инсон расонидани зарари вазнин ё миёна ё зарар ба миқдори калон пешбинӣ шудааст.

Дар робита ба ҳамин масъала тафсири КҶ ҶТ-ро нигарем, гуфта шудааст, ки зараре, ки ба саломатии инсон дар натиҷаи содир кардани ҷиноят мерасад метавонад ҳам ҷисмонӣ ва ҳам моддӣ шавад. Андозаи расонидани зарари миёна ва вазнин ба саломатӣ тибқи м.м. 110 ва 111 КҶ ҶТ муайян карда мешавад. Аммо зарар ба миқдори калон ворид намуданро ҳамчун мафҳуми баҳодиҳӣ шарҳ додааст. Дар зери мафҳуми зарар ба миқдори калон расонидан ҳам зарари моддии расонидашуда ва ҳам зарар ва фаъолияти муътадили ҳаракати воситаҳои нақлиёти номбаршуда фаҳмида мешавад[2]. Лекин зарар ба микдори калон то чӣ андоза аст ва кадом зарар ба ҳайси зарари калон баромад мекунад, муайян карда нашудааст.

Бо баробарии оқибатҳои ба ҷамъият хавфноки дар қонун пешбинишуда, дар ин таркиби ҷиноят оқибатҳои ба ҷамъият хавфноки иловагӣ пайдо шуданаш мумкин аст. Дар ин ҷо сухан дар бораи оқибатҳое меравад, ки аз рӯйи характерашон ва ба ҷамъият хавфнокиашон аз он оқибатҳое, ки дар қонун пешбинӣ шудааст, камтаранд. Масалан, расонидани зарари сабук ба саломатӣ ё ворид намудани зарар ба миқдори миёна ё хурд. Дар ҳолати рух додани чунин оқибатҳо баҳодиҳии ҷиноят на аз рӯйи маҷмӯи ҷиноят

[1] Энциклопедия уголовного права. Т. 24. Преступления против безопасности и эксплуатации транспорта – Издание профессора Малинина – МИЭП при МПА ЕврАзЭС. - СПб., 2014. – С. 332.

[2] Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / зери таҳрири Ҳ.Ҳ. Шарипов. – Душанбе: Глобус, 2006. – С. 530.

балки бо ҳамин модда баҳо дода мешавад, зеро оқибатҳое, ки дар қонун пешбинӣ шудааст, чунин оқибатҳои дар боло номбаршударо дар бар мегиранд.

Муайян кардани алоқаи сабабии байни кирдори шахсони қоидаи бехатарӣ ва истифодабарии воситаҳои нақлиётиро вайронкунанда ва оқибатҳои ба вуҷуд омада аҳаммияти муҳим дорад. Сар задани оқибатҳои дар қонун нишондодашуда дар бисёр ҳолатҳо натиҷаи на танҳо як, балки якчанд вайронкунии қоидаи бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёт мегардад. Вобаста ба ин, муайян намудан зарур аст, ки кадом омили вайронкунӣ (вайронкуниҳо) сабаби асосии расонидани зарари вазнин ё миёна ба саломатӣ, ё боиси марги инсон гаштаанд. Агар қоидавайронкуниҳо якчанд намуд буда, аз ҷониби шахсони гуногун ба амал омада бошанд, пас масъалаи ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани ҳар яки онҳоро, бояд ба таври алоҳида ҳал кард.

Таркиби ин ҷиноят моддӣ буда, аз лаҳзаи дар натиҷаи беэҳтиётӣ ба саломатии инсон зарари вазнин ё миёна расонидан ё зарар ба миқдори калон ворид намудан, хотимаёфта эътироф мешавад.

Ба сифати аломати ҳатмии тарафи объективӣ дар ин ҷиноят ҷойи содиркунии ҷиноят баромад менамояд, яъне танҳо нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ва обӣ.

Тарафи субъективии ҷинояти вайрон кардани қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёти роҳи оҳан, ҳавоӣ ё обиро гуноҳ дар шакли беэҳтиётӣ дар намуди худбоварӣ ё бепарвоӣ ташкил медиҳад.

Ҷинояти мазкур ҳангоме аз худбоварӣ содир карда мешавад, ки шахс, қоидаҳои ҳаракат ва истифодаи нақлиётро вайрон карда пешбинӣ мекунад, ки ин кирдорҳо ба зарари вазнин ё миёна ба саломатӣ ё зарар ба миқдори калон оварда мерасонанд, лекин шахс бе асоси кофӣ худбоварона умед бар он мебандад, ки чунин оқибатҳо рух намедиҳанд ё ӯ чунин оқибатҳоро пешгирӣ карда метавонад. Ин ҷиноят ҳангоме аз рӯйи бепарвоӣ содир карда мешавад, ки шахс оқибатҳои ба ҷамъият хавфноки рух медодаро пешбинӣ карда наметавонад, лекин дар натиҷаи бодиққатӣ ё дурандешии зарурӣ, мебоист ва метавонист он оқибатҳоро пешбинӣ кунад.

Субъекти ҷинояти мазкур – махсус эътироф мешавад. Яъне шахсе, ки аз рӯйи иҷрои вазифааш, ишғоли мансабаш вазифадор аст, ки қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёти ҳавоӣ, роҳи оҳан ва обиро риоя намояд. Ин шахсонро ба ду гурӯҳ тақсим кардан мумкин аст.

1. Гурӯҳи шахсоне, ки корашон бо ташкили бехатарии фаъолияти нақлиёт алоқаманданд.

2. Гурӯҳи шахсоне, ки фаъолияташон бо ҳаракат ва истифодаи чунин воситаҳои нақлиёт алоқаманданд.

Муайян кардани ин гурӯҳи ашхос ва вазифаҳои онҳо аз рӯйи санадҳои меъёрии идоравӣ гузаронида мешавад. Масалан: шахсоне, ки вазифаҳои диспетчери калон, диспетчер, маркази идораи ҳаракати ҳавоӣ, штурмани калон, штурмани фурудгоҳ, сардори парвозҳо ва ғайраро иҷро мекунанд. Ба корҳое, ки бо ҳаракат ва истифодаи нақлиёт алоқаманд аст, фақат шахсони ба синни 18 расида гирифта мешавад. Аз синну соли муайяншуда ба ҷавобгарии ҷиноятӣ ҷалб карда мешавад. Содир кардани ин кирдорҳои ба ҷамъият хавфнок аз тарафи ноболиғон таркиби ин ҷиноятро ташкил намекунад, нисбати онҳо меъёрҳоеро, ки тадбиқ мекунанд, ки маҳдудиятро аз рӯйи нишонаи субъекти махсусро надоранд. Ҳангоми қабул ба кор дар системаи нақлиёт вазъи саломатӣ, тайёрии касбӣ мувофиқи санадҳои меъёрӣ аҳаммияти аввалиндараҷа доранд, аммо онҳо аломати субъекти ҷиноятҳои мазкурро ташкил намедиҳанд. Нокофӣ будани тайёрии касбӣ, таҷрибаи ками корӣ, ваъзи саломатӣ ҷавобгарии ҷиноятиро истисно накарда, балки боз ба намуд ва андозаи ҷиноят таъсир мерасонанд[1].

[1] Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / зери таҳрири Ҳ.Ҳ. Шарипов. – Душанбе: Глобус, 2006. – С. 530.

Ҳамзамон, ҳолатҳои гуногуни муносибати рӯҳии шахси содирнамудаи ҷиноят нисбат ба ҳодисаи вайрон кардани қоидаҳо, ки дар муқаррароти м. 211 КҶ ҶТ пешбинӣ гардидааст, бояд аз ҷониби суд ҳангоми таъини ҷазо ба инобат гирифта шавад[1].

Аз рӯйи дараҷаи ба ҷамъият хавфнокиаш, категорияи ҷинояти дар қ. 1 м. 211 КҶ ҶТ пешбинигардида дараҷаи начандон вазнинро ташкил медиҳад: бо корҳои ислоҳӣ ба мӯҳлати то ду сол ё маҳрум сохтан аз озодӣ ба ҳамин мӯҳлат бо маҳрум намудан аз ҳуқуқи ишғоли мансабҳои муайян ё машғул шудан бо фаъолияти муайян ба мӯҳлати то ду сол ё бидуни он ҷазо дода мешавад. Намуди санксия алтернативӣ мебошад, зеро ду намуди ҷазоро ҳамчун ҷазои асосӣ ва як намуди ҷазоро ҳамчун ҷазои иловагӣ пешниҳод намуда истодааст, ки суд яке аз онҳоро интихоб мекунад.

Вобаста аз оқибатҳои ба ҷамъият хавфноки рухдода таркибӣ асосӣ, бо ҳолатҳои вазнинкунанда пешбинӣ шудааст. Ҳамчун ҳолати вазнинкунанда дар қисми дуюми ҳамин модда аз беэҳтиётӣ ба вуҷуд омадани марги инсон пешбинӣ шудааст. Қисми дуюми моддаи тафсиршаванда низ аз рӯйи дараҷаи ба ҷамъият хавфнокияш ба категорияи начандон вазнин дохил мешавад, ки санксияаш чунин баён карда шудааст: бо маҳрум сохтан аз озодӣ ба мӯҳлати то панҷ сол бо маҳрум намудан аз ишғоли мансабҳои муайян ё машғул шудан бо фаъолияти муайян ба мӯҳлати то се сол ҷазо дода мешавад.

Ҳамчун ҳолати махсусан вазнинкунанда бошад, дар қисми 3-юми моддаи мазкур оқибати ба ҷамъият хавфнок дар намуди аз беэҳтиётӣ боиси марги ду ва ё зиёда ашхос ва ё боиси дигар оқибатҳои вазнин гардида бошад, пешбинӣ шудааст. Қисми 3-юми моддаи мазкур аз рӯйи дараҷаи ба ҷамъият хавфнокиаш ба категорияи дараҷаи миёна дохил мешавад, ки санксияааш чунин аст: бо маҳрум сохтан аз озодӣ ба муҳлати аз панҷ то дувоздаҳ сол бо маҳрум намудан аз ҳуқуқи ишғоли мансабҳои муайян ё машғул шудан бо фаъоляти муайян ба муҳлати то панҷ сол ҷазо дода мешавад.

УДК 343.2

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТАЪСИРИ САНАДҲОИ ҲУҚУҚИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ БА ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТӢ ДАР ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ

Никитин Александр Викторович
Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент / Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва фаъолияти маъмурии мақомоти корҳои дохилии Донишкадаи Шарқӣ-Сибирии ВКД Россия, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
E-mail: aleksandr-nikitin.63@mail.ru

Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации (далее – РФ), общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры РФ являются составной частью её правовой системы. При этом установлено, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Это положение определяет приоритет

[1] Уголовное право. Особенная часть: курс лекций. - СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2010. – С. 438.

международных обязательств над национальным законодательством при наличии противоречия. Кроме того, в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции закреплено, что в РФ признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией. Это подчёркивает связь между международными обязательствами и внутренним правопорядком в сфере защиты прав личности.

Влияние международных правовых актов на национальное уголовное законодательство реализуется через несколько механизмов, а именно: имплементация – процесс реализации императивных международно-правовых норм в системе национального уголовного законодательства. Имплементация может осуществляться в различных формах, среди которых наиболее распространены рецепция и отсылка. Так, рецепция предполагает прямое включение положений международного договора в текст национального уголовного закона путем их дословного или адаптированного воспроизведения. В случае с отсылочной имплементацией национальный уголовный закон не дублирует текст международного акта, но содержит прямое указание на его применение в определенных сферах.

Заметим, что имплементация может осуществляться путём разработки и принятия новых законодательных актов, внесения изменений или дополнений в действующие нормативные акты, а также посредством контрольных мероприятий. Например, ратификация Конвенции ООН против коррупции 2003 года[1] (далее – КПК) потребовала от РФ приведения внутреннего уголовного законодательства в соответствие с её положениями. В Уголовный кодекс были введены новые составы преступлений, такие как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) и коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ), которые напрямую коррелировали с требованиями статей 15, 16 и 21 КПК. Параллельно происходило существенное ужесточение санкций за преступления коррупционной направленности, что отражало принцип неотвратимости наказания, заложенный в международном документе. Кроме того, был расширен круг субъектов, под который теперь подпадали не только должностные, но и иные лица, использующие своё влияние для получения незаконных преимуществ.

Так, Федеральным законом от 25 декабря 2008 года №280-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединённых Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»» были введены существенные корректировки в Уголовный кодекс Российской Федерации, расширившие и конкретизировавшие перечень деяний, признаваемых коррупционными. Помимо уже упомянутых норм о посредничестве во взяточничестве и коммерческом подкупе, законодатель установил ответственность за нецелевое использование бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.1 УК РФ), что напрямую связано с требованиями международных конвенций о обеспечении добросовестного и ответственного управления публичными финансами. Также была криминализирована незаконная передача или предоставление лицами, выполняющими управляющие функции в коммерческих или других организациях, имущественных преимуществ и иных благ (ст. 201.1 УК РФ) Так, был установлен запрет для лиц, занимающих государственные и муниципальные должности, а также служащих Банка России, принимать подарки в связи с должностным положением или исполнением служебных обязанностей.

[1] Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции была принята 31 октября 2003 года в Нью-Йорке (Принята Генеральной Ассамблеей ООН на 51-ом пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Резолюция 58/4). Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 8 июня 2006 года. Она была ратифицирована Федеральным законом РФ от 8 марта 2006 года №40-ФЗ с заявлениями.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ «О противодействии коррупции», принятый в рамках реализации КПК, заложил основу государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, определил основные направления и механизмы противодействию. Данный нормативный акт стал системообразующим, установив единые понятийные и методологические принципы для всей антикоррупционной деятельности в России. Впервые на законодательном уровне было дано легальное определение коррупции, охватившее как классические формы в виде злоупотребления служебным положением, дачи и получения взятки, так и иные противоправные действия, направленные на незаконное использование физическим лицом своего статуса для получения материальных и нематериальных благ. Как результат, Россия обязалась на основе взаимности использовать КПК в качестве правового основания для сотрудничества в вопросах выдачи и правовой помощи.

Отметим, что Россия сделала ряд заявлений при ратификации КПК, ограничивающих применение некоторых её положений. Например, РФ не приняла на себя обязательства по реализации статьи 20 Конвенции, которая предусматривает уголовную ответственность за незаконное обогащение (значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы и не могущее быть разумным образом обосновано). Это связано с тем, что такая норма могла противоречить статье 49 Конституции РФ о презумпции невиновности.

В апреле 2024 года группа депутатов Госдумы вносила законопроект №486691-6, направленный на реализацию статьи 20 КПК, а уже в октябре 2014 года законопроект был снят с рассмотрения[1]. Проект предполагал, что сам факт наличия у чиновника имущества, стоимость которого существенно превышает его законные доходы за предшествующие годы, становится основанием для возбуждения уголовного дела. Таким образом, обязанность доказать законность происхождения этого имущества возлагалась бы на само должностное лицо. В действующем УК РФ есть ст. 285 и 290, но по ним обвинение должно само доказывать факт взятки или злоупотребления. Проект предлагал внести изменения в УПК РФ, создав специальный порядок возбуждения такого уголовного дела на основе данных, представленных налоговыми и другими контролирующими органами.

Следующим механизмом реализации международных правовых актов в национальное уголовное законодательство является отсылочная имплементация[2]. Так, под ней понимаются прямые или косвенные отсылки национального законодательства к международным договорам или принципам. Прямая отсылка представляет собой четкое указание в статье уголовного закона на необходимость применения положений конкретного международного договора. Косвенная, или опосредованная, отсылка, в свою очередь, выражается в использовании в национальном законодательстве формулировок, отсылающих к общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам, а иногда и к необходимости их учета при квалификации деяний или назначении наказания. Такие конструкции часто встречаются в общей части уголовного кодекса. Таким образом, международный договор определяет сферу применения национального закона: он конкретизирует условия, при кото-

[1] Название законопроекта №486691-6 – «О внесении изменений в ст. 14 и 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и другие статьи этого закона (о реализации ст. 20 Конвенции ООН против коррупции)». Документ был внесён в Государственную думу 1 апреля 2014 года группой депутатов от фракции КПРФ. Среди авторов – Г.А. Зюганов, А.А. Андреев, А.В. Корниенко, А.Д. Куликов, И.И. Мельников, С.П. Обухов, В.Ф. Рашкин, С.Н. Решульский, Ю.П. Синельщиков, В.Г. Соловьёв // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/486691-6

[2] В российской системе права положения международных актов обычно не имеют прямого действия, поэтому для их реализации в уголовном законодательстве часто используется отсылочная имплементация. Это позволяет избежать дублирования норм и обеспечивает гибкость в применении международных обязательств.

рых РФ может осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений, совершённых за рубежом[1].

Еще одним механизмом реализации международных правовых актов в национальное уголовное законодательство является судебное толкование – суды при отсутствии прямой законодательной трансформации или в дополнение к ней могут толковать нормы национального права в свете международных обязательств государства. Отметим, что, механизм судебного толкования проявляется в нескольких ключевых формах: непосредственное применение общепризнанных принципов и норм международного права для восполнения пробелов в регулировании; использование международно-правовых актов в качестве нормативного ориентира для разрешения коллизий между национальными нормами; толкование национального законодательства в пользу его совместимости с международными обязательствами государства (принцип «дружественного к международному праву» толкования); прямая отсылка к положениям международных договоров и практике международных судебных органов в мотивировочной части судебного решения для обоснования своей позиции.

Так, в тематическом обзоре Президиума Верховного Суда РФ от 8 декабря 2021 года «Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел» упоминается дело, связанное с обыском компьютера адвоката. Суд Ямало-Ненецкого автономного округа отменил постановление нижестоящего суда, удовлетворившего ходатайство следователя об обыске, сославшись на позицию Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Колесниченко против Российской Федерации». Верховный Суд, анализируя эту ситуацию, обратился к положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также к практике Европейского суда по правам человека. Суд отметил, что изъятие электронных устройств адвоката, содержащих потенциально конфиденциальные данные, не только затрагивает интересы конкретного обвиняемого, но и создает риск нарушения прав других лиц, чьи данные могут находиться на том же устройстве. Президиум Верховного Суда также подчеркнул, что российское уголовно-процессуальное законодательство, в целом соответствующее международным стандартам, предусматривает специальные правила для производства следственных действий в отношении адвокатов.

Обратим внимание и на факт того, что судебное толкование не должно противоречить Конституции РФ. Применение правил международных договоров в истолковании, противоречащем Конституции, не допускается. Если возникает противоречие между международными обязательствами и национальным законодательством, суд обязан оценить потенциальные последствия применения международных стандартов, сохраняя уважение к национальному суверенитету и правопорядку[2]. Любое понимание и интерпретация норм права, включая международные, должны проходить проверку на соответствие фундаментальным основам государственного устройства, правам и свободам человека и гражданина, закрепленным в Конституции РФ. Это касается всех источников права, но в отношении международных договоров вопрос приобретает особую актуальность. В сою очередь, Россия, как участник множества международных соглашений, стремится к добросовестному исполнению своих обязательств. Однако их реализация внутри страны возможна лишь в той мере, в которой они согласуются с национальным конституционным законодательством.

Отметим, что еще одним механизмом реализации международных правовых актов в национальное уголовное законодательство является их влияние на формирование уголовно-

[1] Липинский, Д.А. Имплементированные правовые конструкции в уголовном праве России как фактор усиления юридической аномии / Д.А. Липинский, А.В. Малько, А.А. Иванов, Р.С. Маркунин // Наука. Общество. Государство. – 2023. – Т.11. – № 3 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/lipinsky_da_malko_av_ivanov_aa_markunin_rs_2023_3_04.pdf

[2] Обзор практики применения судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/all/30586/

правовых принципов. Воздействие международного права здесь носит опосредованный, концептуальный характер. Оно проявляется в том, что общепризнанные принципы и нормы, сформулированные в универсальных конвенциях и пактах, постепенно трансформируются в базовые идеи национального уголовного права. Классическим примером служит принцип законности. Его суть заключается в том, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются исключительно УК РФ. Применение уголовного закона по аналогии не допускается. Под влиянием практики международных судебных органов, в частности Европейского суда по правам человека, принцип законности стал трактоваться более широко. Также стоит отметить, что помимо принципа законности в Общей части УК РФ нашли закрепление такие общепризнанные принципы международного права, как гуманизм, справедливость, презумпция невиновности и другие (ст. 3-7 УК РФ).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что влияние международных правовых актов на формирование и развитие уголовного права Российской Федерации носит комплексный характер. Как было показано, основными механизмами такого воздействия выступают: прямая инкорпорация норм (прежде всего, в рамках реализации составов международных преступлений и преступлений транснационального характера), отсылочная имплементация, судебное толкование, а также опосредованное влияние через толкование конституционных и отраслевых принципов. Так, например, трансформация обязательств, вытекающих из ратифицированных международных договоров (таких как Конвенция ООН против коррупции, Конвенция Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, Конвенция против пыток), в нормы Уголовного кодекса РФ привела к криминализации новых деяний (например, связанных с отмыванием денег, терроризмом, киберпреступностью) и уточнению существующих составов. А под влиянием общепризнанных принципов и норм международного права произошло развитие принципов и институтов общей части уголовного права.

УДК 343.431

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ И ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ С ЦИФРОВЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ

МАСЪАЛАИ МУҚОВИМАТ БА САВДОИ ОДАМОН ДАР ФАЗОИ КИБЕРӢ ВА ХУСУСИЯТҲОИ КОР БО ДАЛЕЛҲОИ РАҚАМӢ

НУРУМБЕТОВА САДОКАТ АЛЛАЯРОВНА
Ответственный работник Научно-исследовательского института криминологии Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам (PhD), доцент / Корманди масъули Институти илмӣ-таҳқиқотии криминологияи Ҷумҳурии Узбекистон, доктори фалсафаи ҳуқуқшиносӣ (PhD), дотсент
E-mail: nurumbetovasadokat3107@gmail.com

УРИНОВ ОДИЛБЕК ЛАЗИЗОВИЧ
Главный специалист Департамента оперативно-розыскной деятельности МВД Республики Узбекистан, капитан / Сармутахассиси Департаменти фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯии ВКД Ҷумҳурии Узбекистон, капитан

В эпоху глобальной цифровизации транснациональная организованная преступность, в частности торговля людьми, претерпевает кардинальную технологическую и финансовую трансформацию. Анализ современных криминологических тенденций показывает, что

традиционные методы мониторинга и выявления таких преступлений стремительно теряют свою эффективность. Это связано с тем, что основные логистические, вербовочные и финансовые операции организованных преступных групп переместились в скрытый сегмент интернета – «Dark Web» (теневую сеть) и осуществляются посредством децентрализованных криптографических систем.

Исследуя эту сверхсложную и закрытую криминальную экосистему, американский ученый С. Кара убедительно доказывает технологическую трансформацию современного рабства. По его научным оценкам, Dark Web выполняет для торговцев людьми функцию абсолютно безопасной, анонимной и глобальной «криминальной биржи». На зашифрованных форумах теневой сети жертвы вносятся в специальные каталоги подобно вещам или товарам и выставляются на онлайн-аукционы. При этом финансовые транзакции, являющиеся кровеносной системой преступности, полностью осуществляются через крипто-кошельки, что позволяет преступникам в обход национальных границ бесследно перемещать миллионы долларов нелегальных средств за считанные секунды[1].

Подобная финансово-технологическая эволюция преступности полностью парализует традиционную тактику правоохранительных органов «идти по следу денег». Известный российский ученый А.И. Чучаев, оценивая роль электронных платежных систем и криптовалют в финансировании торговли людьми, подчеркивает, что технология блокчейн и децентрализованные криптовалюты с высокой степенью анонимности (например, Bitcoin) предоставляют преступникам абсолютную финансовую неприкосновенность. Ученый называет данное явление феноменом «цифрового уничтожения финансового следа», что является величайшим вызовом для современной криминалистики и органов финансового мониторинга[2].

Перемещение объективной стороны преступления и его финансовой базы в виртуальное пространство естественным образом требует фундаментального пересмотра всей методики раскрытия, расследования и сбора доказательств. Данная трансформация ставит перед криминалистикой и уголовно-процессуальным правом сложнейшие задачи по идентификации, фиксации и оценке абсолютно нового явления – «цифровых следов» и электронных доказательств.

Обобщая макроэкономическую теорию С. Кары о «криминальной бирже» и концепцию А.И. Чучаева о «цифровой финансовой анонимности», в рамках данного исследования мы выдвигаем следующую авторскую позицию. На сегодняшний день объективная сторона преступления торговли людьми переместилась в цифровую и криптографическую реальность. Действия преступников в Dark Web и крипто-транзакции стремительно развиваются в условиях правового вакуума, не охваченного классическим уголовным правом и уголовно-процессуальными нормами.

В связи с этим, в национальной практике превенции и расследования требуется незамедлительное внедрение абсолютно нового криминалистического механизма – института «Крипто-криминалистики» (блокчейн-анализа) и соответствующей законодательной базы. Предлагается создание в структуре органов внутренних дел и Департамента по борьбе с экономическими преступлениями специализированных подразделений «Цифровой финансовой разведки», отслеживающих трафик в теневых сетях (Darknet) и деанонимизирующих подозрительные транзакции между крипто-кошельками через алгоритмы блокчейна. Только путем пресечения виртуальной финансовой кровеносной системы (денежных потоков) на

[1] Kara, Siddharth. Modern Slavery: A Global Perspective. – New York: Columbia University Press, 2017. – Pp. 112-118.

[2] Чучаев, А.И., Грачева, Ю.В., Маликов, С.В. Оборот криптовалюты и криминализация финансирования торговли людьми / А.И. Чучаев, Ю.В. Грачева, С.В. Маликов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. – С. 134-139.

уровне блокчейна можно ликвидировать целую организованную сеть транснациональной кибер-торговли людьми.

Хотя на сегодняшний день в национальной судебно-следственной практике Узбекистана официально не зарегистрировано завершенных уголовных дел, непосредственно связанных с финансированием торговли людьми через криптовалюты или теневые сети, глобальные темпы технологического развития делают эту угрозу неизбежной реальностью ближайшего будущего. Ярким подтверждением этому служит проникновение за последние годы абсолютно новых, ранее не наблюдавшихся в нашей криминогенной практике видов транснациональных преступлений. В частности, если в 2024 году в Узбекистане впервые была раскрыта торговля людьми в целях трансплантации человеческих органов, то к 2025 году были зафиксированы сложные уголовные дела, связанные с трансграничным суррогатным материнством[1]. Столь стремительная тенденция в эволюции транснациональной организованной преступности служит самым серьезным основанием для прогнозирования того, что в ближайшие годы преступные группы перейдут к электронным анонимным платежам (криптотранзакциям) и в нашей национальной юрисдикции, что требует начала институциональной и процессуальной подготовки уже сегодня.

После анализа криминологических и финансовых механизмов глобальной кибер-торговли людьми логически целесообразно остановиться на вопросе квалификации данного преступления в рамках нашего национального законодательства и оценки его объективной стороны. В традиционном уголовном праве объективная сторона торговли людьми проявляется в конкретных физических действиях, таких как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека. Однако перемещение преступления в виртуальное пространство полностью изменило юридическую природу этих действий.

Общие теоретические основы этой трансформации глубоко освещены в учебном пособии «Криминологическая характеристика преступлений в сфере информационных технологий», подготовленном учеными Академии МВД Республики Узбекистан. Как подчеркивают специалисты, главная опасность киберпреступности, в том числе виртуальной торговли людьми, заключается в экстерриториальном (не знающем границ) характере преступления и полной цифровизации орудия преступления[2]. Преступник, физически находясь на одном континенте, через социальные сети, серверы которых расположены на другом континенте, может превратить в жертву гражданина третьей страны. Это резко ограничивает юрисдикцию и возможности сбора доказательств национальными следственными органами.

Развивая эту мысль в своих монографических исследованиях, отечественный ученый Ф.Х. Бакаева оценивает приобретение торговлей людьми транснационального характера через интернет как высшую точку современных угроз. Согласно ее научной позиции, на сегодняшний день для того, чтобы преступление приобрело транснациональный характер, жертве не обязательно физически пересекать государственную границу. Сама сеть Интернет является виртуальной транснациональной территорией[3]. Как только жертва, сидя дома перед компьютером или смартфоном, подвергается психологической манипуляции зарубежных вербовщиков и соглашается на электронные предложения, транснациональная объективная сторона преступления уже считается сформированной.

Однако как доказать такие виртуальные действия в нашей национальной уголовно-процессуальной практике? Исследователь Б.А. Мурадов в своей диссертационной работе поднимает именно эту проблему. По его анализу, в национальной следственной практике для

[1] На основе данных МВД Республики Узбекистан о преступлениях, зарегистрированных по республике в 2023-2025 годах.

[2] Исмаилов, И. [и др.] Криминологическая характеристика преступлений в сфере информационных технологий: учебное пособие. – Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2021. – С. 56-59.

[3] Бакаева, Ф.Х. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия торговле людьми: монография / Ф.Х. Бакаева. – Ташкент: ТГЮУ, 2018. – С. 112-115.

возбуждения уголовного дела по факту торговли людьми часто требуется физический контакт между преступником и жертвой (например, покупка билета, изъятие паспорта или встреча на вокзале) в качестве доказательства. Но в кибер-торговле людьми вербовщик никогда не встречается с жертвой: он отправляет электронный билет через Telegram, оформляет визу онлайн и дает инструкции через голосовые сообщения. Как справедливо отмечает ученый, следователи сталкиваются с серьезными теоретическими и практическими трудностями при квалификации таких виртуальных действий по «цифровой вербовке» как полноценного завершенного преступления[1]. Таким образом, понятия «вербовка», «передача» или «получение» в виртуальном пространстве проявляются в виде «цифрового груминга» (вербовка), «электронного соглашения» (передача) и «крипто-транзакции» (оплата).

Перемещение объективной стороны и финансовых транзакций в виртуальное пространство закономерно требует радикального изменения методики раскрытия, расследования и сбора доказательств. Если традиционная криминалистика опирается в основном на физические и материальные следы (отпечатки пальцев, биологические материалы, бумажные документы), то в условиях кибер-торговли людьми следователям и оперативным сотрудникам приходится работать с абсолютно новым феноменом – «цифровыми следами».

Российский ученый Е.П. Ищенко в своем труде «Виртуальная криминалистика» глубоко раскрывает специфическую криминогенную и процессуальную природу электронных доказательств. Как отмечает ученый, цифровые следы (IP-адреса, MAC-адреса устройств, метаданные переписок в социальных сетях, хеши крипто-транзакций) обладают крайне нестабильной природой и могут быть дистанционно уничтожены (удалены) или изменены преступником за считанные секунды из любой точки мира. Отмечая, что традиционные методы расследования теряют свою силу в киберпространстве, ученый научно обосновывает необходимость незамедлительного перехода правоохранительных органов к алгоритмам «виртуальной криминалистики» для идентификации и фиксации цифровых доказательств[2].

Реальное состояние этих теоретических проблем в судебно-следственной практике Узбекистана отражено в научно-практических комментариях к постановлениям Пленума Верховного суда Республики Узбекистан под редакцией М.Х. Рустамбаева. Национальная судебно-следственная практика показывает, что суды до сих пор испытывают серьезные процессуальные колебания при признании электронных доказательств (например, скриншотов переписок в Telegram или WhatsApp, аудиосообщений или восстановленных копий удаленных чатов) допустимыми доказательствами[3]. Отсутствие в национальном уголовно-процессуальном законодательстве строгого регламента по сбору цифровых следов, их немедленному замораживанию и сохранению криптографической подлинности позволяет стороне защиты (адвокатам подозреваемого) легко отклонять их под предлогом «фальсификации».

Пагубные последствия этого процессуального пробела в судебной практике наглядно подтверждаются статистическими показателями последних лет. В частности, только в 2024 году в Хорезмской и Ферганской областях (по 1 делу), а в 2025 году в Самаркандской (1), Сырдарьинской (2), Ферганской (1) и Хорезмской (2) областях в общей сложности 8 уголовных дел о торговле людьми не нашли своего подтверждения в ходе судебного разбирательства именно из-за проблем с допустимостью электронных доказательств [9]. Основная причина заключается в том, что следователи и оперативные сотрудники не переводили изъятые в качестве вещественных доказательств мобильные устройства немедленно в «режим поле-

[1] Мурадов, Б.А. Совершенствование методики расследования преступлений торговли людьми: дис. ... д-ра философии (PhD) по юрид. наукам / Б.А. Мурадов. – Ташкент, 2020. – С. 84-88.
[2] Ищенко, Е.П. Виртуальная криминалистика: реалии и перспективы / Е.П. Ищенко // Вестник криминалистики. – 2018. – № 1 (65). – С. 12-18.
[3] Научно-практические комментарии к постановлениям Пленума Верховного суда Республики Узбекистан / Под ред. М.Х. Рустамбаева. – Ташкент: Адолат, 2021. – С. 245-250.

та» (то есть не соблюдали правила замораживания цифровых следов) и допускали процессуальные ошибки при криминалистической фиксации электронных переписок.

В результате защитникам преступников удавалось добиться признания этих доказательств недопустимыми в суде, и транснациональные преступления торговли людьми, совершенные в киберпространстве (статья 135 Уголовного кодекса), переквалифицировались судом на более мягкую квалификацию, то есть на сводничество (статья 131 Уголовного кодекса). Подобная печальная практика доказывает, что при расследовании киберпреступлений традиционные процессуальные подходы абсолютно непригодны, и незамедлительное внедрение в законодательство института «немедленного замораживания электронных доказательств» является задачей, не терпящей отлагательств.

Обобщая вышеизложенные проблемы и учитывая все выявленные недостатки, можно сделать однозначный вывод: в современных реалиях эффективное противодействие торговле людьми невозможно без внедрения механизмов «цифровой превенции» и процессуальной модернизации. Для решения концептуальных и судебно-следственных проблем, связанных с раскрытием преступлений в киберпространстве, предлагается следующее:

Во-первых, в связи с тем, что логистические и финансовые операции транснациональных организованных групп полностью переместились в теневые сети (Dark Web) и децентрализованные крипто-кошельки (что снижает значимость традиционных методов финансового мониторинга), необходимо внедрить в структуру национальных правоохранительных органов институт «Цифровой финансовой разведки» (Крипто-криминалистики).

Во-вторых, учитывая, что объективная сторона преступления (вербовка, перевозка, передача) в цифровой среде кардинально изменилась, что вызывает серьезные пробелы при квалификации деяний в национальной следственной практике, целесообразно внести в соответствующие постановления Пленума Верховного суда Республики Узбекистан следующее руководящее разъяснение: «электронные переписки, отправленные виртуальные билеты и фиктивные онлайн-контракты, осуществленные через социальные сети и мессенджеры, означают не приготовление к преступлению, а полностью оконченную объективную сторону преступления (этап вербовки)».

В-третьих, принимая во внимание крайнюю нестабильность электронных доказательств и высокий риск их дистанционного уничтожения, необходимо внедрить в национальный Уголовно-процессуальный кодекс процессуальный институт «Оперативного сохранения и замораживания электронных (цифровых) доказательств» на основе передовых стандартов Будапештской конвенции. Это предоставит следственным органам полномочия немедленно замораживать цифровые доказательства до их уничтожения и гарантировать суду их криптографическую подлинность без длительного ожидания судебного определения.

В-четвертых, в оперативно-розыскную деятельность органов внутренних дел и Службы государственной безопасности предлагается внедрить методику интеллектуальной разведки по открытым источникам – OSINT (Open Source Intelligence). Данная технология позволит автоматизированно идентифицировать и блокировать деятельность кибер-рекрутеров и их фейковые объявления на начальном этапе с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, что и является подлинной «цифровой превенцией».

УДК 343.97:323.28

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЭКСТРЕМИЗМОМ, И ЕГО ПРОФИЛАКТИКА

ХУСУСИЯТҲОИ МУОСИРИ КРИМИНОЛОГИИ ҶИНОЯТҲОИ МАРБУТ БА ЭКСТРЕМИЗМ ВА ПЕШГИРИИ ОН

НУРУМБЕТОВА САДОКАТ АЛЛАЯРОВНА
Ученый секретарь Научно-исследовательского института криминологии Республики Узбекистан, доктор философии по юридическим наукам (PhD), доцент, подполковник / Котоиби илмии Институти илмӣ-таҳқиқотии криминологияи Ҷумҳурии Узбекистон, доктори фалсафаи ҳуқуқшиносӣ (PhD), дотсент, подполковник
E-mail: nurumbetovasadokat3107@gmail.com

Обеспечение долгосрочной стабильности и безопасности в нашем регионе и стране напрямую связано со своевременными и эффективными мерами по противодействию экстремизму. Поддержание социально-политического равновесия определяется как конституционный долг и первоочередное обязательство любого правового государства.

На сегодняшний день идеологические угрозы, создающие почву для экстремизма, в частности процессы радикализации, активизировались в глобальном масштабе. Экстремистские силы адаптируют свои стратегии, широко используя методы разрозненных и индивидуальных действий. Данные процессы проявляются как фактор, несущий прямую угрозу не только внутренней стабильности, но и целостности государств, а также системе международной безопасности.

В последнее время экстремизм приобрел беспрецедентно жестокий и коварный облик. Методы его совершения становятся более профессиональными, а последствия - катастрофическими. Рост числа подобных преступлений требует от нас особой бдительности. Для предотвращения этой угрозы необходимо, прежде всего, оградить молодое поколение от чуждых идей, а также усилить профилактическую работу в махаллях и образовательных учреждениях. Преступления экстремистского характера совершаются преимущественно молодежью; эта категория лиц характеризуется чрезмерной восприимчивостью к экстремистской пропаганде и стремлением к импульсивной реакции на те явления действительности, которые воспринимаются ими как «несправедливость».

Криминологические исследования в сфере экстремизма показывают, что возрастной показатель занимает центральное место в социально-демографическом облике преступника[1]. Незавершенность процесса социальной адаптации, отсутствие финансовой независимости и низкий уровень идеологического иммунитета к информационным атакам делают молодежь основной мишенью экстремистских организаций. В частности, возможности цифрового пространства еще больше ускоряют этот процесс, что находит свое отражение и в реальной динамике преступности в нашей стране.

В частности, исследования показывают, что значительную часть лиц данной категории составляют безработные, учащиеся или лица, не занимающиеся стабильной официальной трудовой деятельностью, а также молодежь в возрасте 14-17 лет с антисоциальным поведением. Они, как правило, объединяются в группы, склонные к устойчивому и агрессивному

[1] Егорова, А.Д., Телтевская, В.С. Криминалистический портрет личности экстремиста в эпоху информационных технологий // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://conf.siblu.ru/kriminalisticheskiy-portret-lichnosti-ekstremista-v-epohu-informacionnyh-tehnologiy

мышлению, и называют себя «скинхедами», однако наблюдается, что общие черты этих групп с экстремистской идеологией в большинстве случаев носят поверхностный характер.

Данные лица по различным причинам совершают основную часть преступлений на почве ненависти, включая нанесение телесных повреждений, вандализм, хулиганство, а также осквернение мест захоронения. Встречаются также случаи совершения ими более тяжких социально опасных деяний, которые характеризуются более полным отражением в статистике преступности. Кроме того, отмечается, что лица данной категории выступают активными участниками массовых беспорядков, и существует высокая вероятность их вовлечения в насильственные действия на начальных этапах[1]. Согласно концепции Е. Ганаевой, юношеский максимализм в условиях острой социальной дестабилизации служит фундаментом для деструктивного поведения[2]. Формирование экстремизма представляет собой многогранный процесс, в котором наряду с макросоциальными факторами (ухудшение благосостояния населения и трансформация системы ценностей) важную роль играют и микросоциальные проблемы (кризис в семейной и образовательной среде)[3]. Кроме того, отсутствие системного подхода в профилактической работе государственных органов, в частности, ее репрессивный характер и слабость механизмов реинтеграции еще больше усугубляет данную проблему.

Вербовщики международных экстремистских и террористических организаций широко используют материалы, размещенные в сети Интернет, для первичной идеологической обработки граждан. Таким образом, по месту жительства осуществляется онлайн-подготовка к «хиджре» и «джихаду». В результате граждане с низким уровнем религиозных знаний, не имеющие жизненного опыта, со средним образованием, безработные, а также лица, склонные к религиозному фанатизму, попадают под влияние вербовщиков и стремятся выехать в зоны ведения боевых действий («горячие точки»).

По нашему мнению, исходя из вышеизложенного теоретического и научного анализа, причины совершения экстремистской деятельности в криминологии (на примере молодежи) следует классифицировать по следующим детерминантам:

1. Психологический фактор: наличие присущего молодежи максимализма и нарастающей агрессивности;
2. Духовно-бытовой фактор: кризис ценностей и наличие неблагополучной обстановки в семье;
3. Учебно-воспитательный фактор: несовершенство системы поддержки социально неадаптированной молодежи;
4. Методологический фактор: использование в профилактике исключительно стратегий «наказания» и «запрета», отсутствие механизмов реабилитации;
5. Кадровый вопрос: нехватка профессиональных специалистов в данной сфере;
6. Финансовое обеспечение: преимущественно незанятость молодежи, а также тот факт, что экстремистские группы или сообщества в определенной степени решают их материальные проблемы;
7. Недостаточная религиозная грамотность: популяризация бесконтрольного изучения сомнительной информации в социальных сетях без критического анализа.

[1] Ившин, В.Г., Кондаков, А.С. Криминологическая характеристика личности преступника-экстремиста / В.Г. Ившин, А.С. Кондаков // Вестник Удмуртского университета. Серия “Экономика и право”. - 2015. - № 5 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lichnosti-prestupnika-ekstremista-1

[2] Ганаева, Е.Э.. Криминологическая характеристика личности экстремиста / Е.Э. Ганаева // Евразийский Научный Журнал. – 2016. - № 9 (сентябр) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://journalpro.ru/articles/kriminologicheskaya-kharakteristika-lichnosti-yekstremista

[3] Сорокин, А.И. Факторы, влияющие на возникновение экстремизма в молодежной среде и их профилактика / А.И. Сорокин // Виктимология. – 2018. - № 4(18). – С. 14–19.

В результате воздействия некоторых из вышеуказанных факторов наблюдается отрыв граждан, покинувших родину на длительный срок, от социального контроля (влияния семьи и общества). Подобное состояние изоляции делает их уязвимыми перед идеологическим воздействием международных террористических и экстремистских структур и, как следствие, создает почву для их выезда в «горячие точки», где происходят вооруженные конфликты.

В Узбекистане в целях обеспечения межнационального согласия и религиозной толерантности проводится политика, соответствующая международным стандартам; осуществляются широкомасштабные реформы по обеспечению свободы вероисповедания и защите интересов народов, проживающих в стране. В частности, на сегодняшний день в республике свободно функционируют более 2 300 религиозных организаций, принадлежащих к 16 конфессиям, и проживают представители более 130 наций и народностей. Созданная государством возможность получения образования на 7 языках, трансляция телерадиопрограмм на 12 языках, издание газет и журналов на 14 языках, а также свободная деятельность 155 национальных культурных центров являются практическим примером атмосферы межнационального согласия, межрелигиозной толерантности и сплоченности[1].

Современная религиозная картина в Узбекистане отражает конфессиональное многообразие: в стране действуют в общей сложности 2 142 исламские и 193 неисламские организации. Основную часть учреждений неисламского направления составляют христианские организации (174), остальная часть приходится на иудейские (8) и бахаистские (6) общины, а также такие религиозные структуры, как Свидетели Иеговы, Общество сознания Кришны, Буддийский храм и Библейское общество.

Согласно анализу научной литературы, в криминологии понятия причин, условий и факторов преступления именуются детерминантами преступности[2]. Различие между ними заключается в их роли в «механизме» совершения преступления: первые побуждают личность к совершению преступления, вторые создают для этого условия, а третьи объединяют всё это в общую систему. В частности, причины (внутренняя побудительная сила или «двигатель») – это факторы, непосредственно порождающие преступление. Например, корысть (желание быстро разбогатеть), месть, ревность, агрессивность, неуважение к закону. Условия же (внешняя «обстановка») – это обстоятельства, которые сами по себе не порождают преступление, но облегчают его совершение или способствуют формированию причин[3]. Условия не создают преступление, но дают импульс для действия причины.

В свою очередь, стоит отметить, что динамика преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, на протяжении последних пяти лет неразрывно коррелирует с социальными детерминантами. В частности, вовлечение в экстремистскую деятельность слоев молодежи с низким уровнем занятости, недостаточным образованием и слабым идеологическим иммунитетом достигло тревожного уровня. Совокупность данных проблем — наряду с экономической нестабильностью и неосведомленностью — создает благоприятную среду для

[1] O‘zbekiston Respublikasining 25.02.2025-yildagi “O‘zbekiston Respublikasida fuqarolarning vijdon erkinligini ta’minlash va diniy sohadagi davlat siyosati konsepsiyasini tasdiqlash to‘g‘risida”gi O‘RQ-1037-son Qonuni // https://lex.uz/docs/7404923

[2] Криминология: учебник для вузов / под ред. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – С. 154; Кудрявцев, В.Н. Причинность в криминологии : о детерминации преступного поведения. – М.: Норма, 2007. – С. 28-30.; Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – С. 182.; Антонян, Ю.М. Криминология: избранные лекции / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2004. – 448 с.; Малков, В.Д. Криминология: учебник для вузов / В.Д. Малков. – М.: Юстиция, 2023. – 528 с.

[3] Глобалная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций. План действий по предупреждению воинствующего экстремизма A/70/674. 2016, – S. 9-11. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.refworld.org/

преступности и требует от государственных органов реализации специальных профилактических мер, ориентированных именно на эти группы населения.

По нашему мнению, стратегия раннего предупреждения преступности, прежде всего, опирается на глубокий анализ и устранение детерминант (причин и условий), создающих почву для совершения правонарушений. Такой подход имеет фундаментальное значение и в борьбе с экстремизмом и терроризмом, что обуславливает необходимость научно обоснованного исследования факторов развития данных угроз. Целесообразно определить четкий перечень преступлений экстремистского характера; изучить существующие формы экстремизма в государствах Центральной Азии и Европы; провести по данным направлениям научно-практические исследования; широки внедрять передовой опыт зарубежной криминологии в теорию и практику профилактики.

ТДУ 343.37

АЛОМАТҲОИ ОБЪЕКТИВИИ ГАРДИШИ ҒАЙРИҚОНУНИИ МЕТАЛЛҲОИ ҚИММАТБАҲО, САНГҲОИ ҚИММАТБАҲОИ ТАБИӢ

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ, ПРИРОДНЫХ ДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ

ОДИНАЗОДА НОСИР САДИР
Омӯзгори кафедраи мурофиаи ҷиноятӣ факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, полковники милитсия / Преподаватель кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, полковник милиции
E-mail: odinaev1977@yandex.ru

Муайян намудани моҳияти дилхоҳ ҷиноят бояд таҳлилро аз объекти он ҳамчун унсури асосии таркиби ҷиноят оғоз намуд. Объекти ҷиноят – ин муносибатҳои ҷамъиятие мебошад, ки таҳти ҳифзи қонуни ҷиноятӣ қарор гирифтааст. Дар илми ҳуқуқи ҷиноятӣ эътироф шудааст, ки муайян кардани объекти зарардида ва арзишҳои ҳифзшавандаи ҷамъиятӣ барои татбиқи самараноки меъёрҳои ҳуқуқӣ аҳаммияти ҳалкунанда дорад.

Ба ақидаи Бобоҷонов И.Ҳ. объекти ҷиноятро муносибатҳои ҷамъиятӣ ташкил медиҳад[1]. Ба андешаи дигар олимон объекти ҷиноят – ин муносибатҳои муҳимми ҷамъиятие мебошад, ки аз ҷониби қонунгузории ҷиноятӣ мавриди ҳифз қарор гирифтаанд[2].

Объектҳои кирдори ҷиноятӣ ба намудҳои зерин тақсим мешаванд: «умумӣ, хелӣ, намудӣ ва бевосита». Объекти умумӣ, дар муносибат бо кирдори ҷиноятӣ, ки дар м.м. 284, 285 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КҶ ҶТ) пешбинӣ шудааст – ин тамоми муносибатҳои ҷамъиятие мебошад, ки бо қонуни ҷиноятӣ ҳифз карда мешаванд[3]. Ба назари мо, чунин менамояд, ки таърифи объекти умумӣ қисми «осонтарини» ин маҷмуи ҳамаи муносибатҳои ҷамъиятие, ки бо қонунгузории ҷиноятӣ

[1] Бобоҷонов, И.Ҳ. Масоили мубрами бандубасти ҷиноятҳо (дар назария ва амалия): васоити таълимӣ-амалӣ. Дар се қисм. Қисми 2. – Душанбе: Ямини Содиқ, 2014. – С. 7.
[2] Сафаров, А.И., Саидов, Ш.Н., Қудратов, Н.А. Ҷиноятҳои иқтисодӣ: воситаи таълимӣ. – Душанбе: «Империал-Групп», 2015. – С. 6.
[3] Ҳуқуқи ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми умумӣ: китоби дарсӣ / Зери таҳрири Р.Ҳ. Раҳимзода ва И.Ҳ. Бобоҷонзода. – Душанбе: «Эр- граф», 2019. – С. 126.

ҳифз карда мешаванд. Масъалаи мафҳум ва фаҳмиши сатҳҳои дигари объекти таҳқиқшаванда хеле мураккаб мебошанд. Масалан, дар фаҳмиши объекти хелӣ (гуруҳии) дар адабиёти махсуси илмӣ муносибатҳо хеле гуногун мебошанд. Аз ҷумла, дар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КҶ ҶТ) соли 1998, м. 284 КҶ ҶТ, объекти хелӣ дорои хусусияти муайян мебошад.

Ҳамзамон, қайд менамоем, ки объекти хелӣ ба ақидаи Сафаров А.И., «гуруҳи муносибатҳои ҷамъиятӣ, ки фаъолияти муътадили иқтисодиётро ҳамчун маҷмуи муносибатҳои истеҳсолӣ дар раванди истеҳсолӣ, мубодила, тақсимот ва истеъмоли неъматҳои моддиву ғайримоддӣ фаҳмида мешавад» ҳамчун объекти хелӣ баромад мекунанд[1].

Динека В.И. иброз медорад, ки «ба ғайр аз унсурҳои дар боло зикршуда» дар низоми объектҳо инчунин унсури «ҳамгиро», яъне як объекти фарогуруҳӣ мавҷуд аст, ки онро чунин муайян мекунад: ин «гуруҳи муносибатҳои наздики иҷтимоӣ мебошад, ки дар асоси онҳо кирдорҳои ҷиноятӣ ба бахшҳои алоҳидаи Қисми махсуси КҶ муттаҳид карда мешаванд», дар ҳоле, ки объекти хелӣ «дар Қисми махсуси КҶ вобаста ба бобҳо муайян карда шудааст». Ин мавқеъро Гаухман Л.Д. низ ҷонибдорӣ мекунад, ки шаклҳои монандӣ объекти намудиро (умумӣ, хелӣ) номбар менамояд[2]. Вобаста ба ин олимони ватанӣ объекти хелӣ барои созмон додани Қисми махсуси КҶ ҶТ аҳаммияти калон дорад. Асоси ба фаслҳо, баъдан ба бобҳо ҷудо намудани Қисми махсуси ҚҶ ҶТ-ро ин намуди объект ташкил медиҳад[3]. Мисол, объекти хелии ҷиноятҳои мавриди омӯзиши мо дар фасли 11 КҶ ҶТ пешбинишуда, оварда шудааст.

Бояд қайд намуд, ки дар як бахш якҷоя кардани кирдорҳои ҷиноятӣ нисбат ба моликият ва кирдорҳои ҷиноятӣ дар соҳаи фаъолиятҳои хусусияти иқтисодидошта набояд ҳамчун кӯшиши «эҷоди як навъ объекти намудӣ» маънидод карда шавад. Кирдорҳои ҷиноятӣ алайҳи моликият «дорои объекти навъии худ, яъне, маҳз моликият мебошанд, ки дар сарлавҳаи боб зикр шудаанд». Ҳамин тавр, тамоми маҷмуи муносибатҳо, ки муҳтавои объекти хелиро ташкил мекунанд, хеле васеъ мебошанд ва барои мушаххас гардонидани он, ба мафҳуми объекти намудӣ рӯй овардан лозим аст.

Агар дар тақсим кардани фасл дар Қисми махсуси КҶ меъёри объекти хелӣ ҳамчун асос гирифта шуда бошад, пас, бобҳо дар асоси объекти намудӣ ташкил карда мешаванд.

Бояд тазакур дод, ки Қисми махсуси КҶ ҶТ ба фаслҳо ва бобҳо тақсим шудааст ва дар ин меъёри тақсимбандӣ объектҳои хелӣ ва намудӣ истода (объекти хелӣ дар сарлавҳаи фасли Қисми махсуси КҶ нишон дода шудааст ва намудӣ дар сарлавҳаи боб нишон дода мешавад, ки ба ин ё он фасл дохил мешавад. Вобаста ба ин, барои муайян намудани объекти намудии кирдорҳои ҷиноятӣ, дар м.м. 284 ва 285 КҶ ҶТ пешбинӣ шудаанд, имконияти дар ин бора хулоса баровардан медиҳад, ки олимони соҳаи илми ҳуқуқи ҷиноятӣ якдилона бар ин ақидаанд, ки ба ҳайси он муносибатҳои ҳаёти ҷамъиятӣ баромад мекунанд, ки дар соҳаи фаъолиятҳои хусусияти иқтисодидошта ба вуҷуд меоянд.

Аммо таваҷҷуҳи бештар дар масъалаҳои баррасишаванда муайян намудани объекти бевоситаи металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ мебошад, ки ҳам барои бандубасти кирдори ҷиноятӣ ва ҳам барои ҷудокунии таркибҳои ҳамҳудуд ба ҷуз аҳаммияти назариявӣ, аҳаммияти бузурги амалӣ дорад. Ғайр аз ин, таърифи объекти

1 Сафаров, А.И., Саидов, Ш.Н., Қудратов, Н.А. Ҷиноятҳои иқтисодӣ: воситаи таълимӣ. – Душанбе: «Империал-Групп», 2015. – С. 9–10.

2 Гаухман, Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. 4-е изд., перераб. и дополн. – М.: АО «Центр ЮрИнфор», 2010. – С. 79.

3 Шарипов, Т.Ш., Сафарзода, А.И., Камолов, З.А., Холиқзода, Ш.Л., Зокиров, З.Х., Зиёбоева, М.Н. Ҳуқуқи ҷиноятӣ (Қисми умумӣ): китоби дарсӣ. – Душанбе, 2019. – С. 78.

бевосита барои дақиқтар ифода кардани моҳияти таркибҳои мавриди таҳқиқ ва муайян намудани ҳудуди муносибатҳои иҷтимоии ҳифзшаванда кӯмак мекунад.

Дар адабиётҳое, ки аз тарафи мутахассисони ватанӣ омода гардидаанд, вобаста ба объекти бевосита қариб, ки фикру ақидаҳои ягон вуҷуд дорад.

Масалан, Аламшозода А.А. қайд мекунад, ки объекти бевоситаи ҷинояти мазкур он муносибатҳои ҷамъиятие мебошанд, ки дар соҳаи танзими давлатии муомилоти металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ ва марворидро ба вуҷуд меоянд, маҳсуб медонанд[1].

Дигар мутахассисон бошанд, объекти ҷиноятҳои номбурдаро муносибатҳои ҷамъиятии бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае, ки фаъолияти муътадили муомилоти металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ ва марворидро таъмин мекунад, маҳсуб медонад[2].

Вобаста ба ин, дар адабиёти ҳуқуқи ҷиноятии ватанӣ таърифи объекти бевоситаи кирдорҳои ҷиноятӣ, ки мавзуи он сангҳои табиӣ ва металҳои қиматбаҳо мебошанд, ба таври гуногун маънидод карда шудааст. Дар асарҳои мухталиф – «Ҷиноятҳои иқтисодӣ»[3], «Ҳуқуқи ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон»[4] ва ғайраҳо мафҳуми объекти бевоситаи ҷиноят нишон дода шудааст.

Тарафи объективии ҷиноят ин тарафи зоҳирии кирдори ба ҷамъият хафнок мебошад. Ин амалест, ки дар олами объективӣ таҷассум ёфта, ба объекти аз ҷониби қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзкунанда зарар мерасонад ё чунин таҳдидро ба миён меорад. Бояд тазакур дод, ки дар диспозитсияи моддаи 284 КҶ ҶТ, асосан тарафи объективии ҷиноят тасвир ёфтааст, ки ин барои банду басти дурусти тарафи объективӣ маҳаки муҳим аст[5].

Лопашенко Н.А., ҷиноятҳо дар соҳаи фаъолияти иқтисодиро чун «кирдорҳое, ки субъекти он барои ба даст овардани манфиатҳои иқтисодӣ, аз он ҷумла манфиатҳои давлат, ҷамъият, субъектони хоҷагидорӣ ё шахсони алоҳида равона карда шудаанд» мефаҳмад[6]. Албатта, ин таърифи хеле васеъ аст ва ба он таркиби боби 27 КҶ ҶТ мувофиқат мекунанд ва аз ҳама муҳим, он ба ҳеҷ вақҳ имкон намедиҳад, ки муносибатҳои бо м.м. 284, 285 КҶ ҶТ ҳифзшаванда ба таври алоҳида ҷудо карда шаванд.

Аммо таърифҳои нисбатан мушаххас низ ҳастанд. Онҳоро як чиз сарҷамъ месозад, ки бо вуҷуди вариантҳои мухталифи онҳо, муаллифон таърифҳои худ дар бораи «объекти бевоситаро» ба тартиби муқаррарнамудаи қонун барои муомилоти металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ оварда мерасонанд. Вобаста ба ин қайд намудан ба маврид аст, ки объект муносибатҳои ҷамъиятие мебошанд, ки дар соҳаи муносибатҳои иқтисодӣ ва танзими давлатӣ ва дигар фаъолиятҳо, ки предмети он, металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣро ташкил медиҳад, баромад мекунанд, ки муомилоти ғайриқонунии металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ ба иқтисодиёти давлат зарар мерасонад[7]

---

[1] Аламшозода, А.А. Муқовимат ба муомилоти ғайриқонунии металлҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: дастури илмӣ-методӣ. – Душанбе: «Эр-граф», 2018. – С. 73.

[2] Ҳафиззода, Ш.Х. Асосҳои муборизаи бар зидди муомилоти ғайриқонунии металҳои қиматбаҳо: дастури амалӣ-методӣ – Душанбе: «Эр-граф», 2018. – С. 20.

[3] Сафаров, А.И., Саидов, Ш.Н., Қудратов, Н.А. Ҷиноятҳои иқтисодӣ: воситаи таълимӣ. –Душанбе: «Империал-Групп», 2015. – С. 92–96.

[4] Ҳуқуқ ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми умумӣ: қитоби дарсӣ / Зери таҳрири Р.Ҳ. Раҳимзода ва И.Ҳ. Бобоҷонзода. – Душанбе: «Эр-граф», 2019. – С. 131–133.

[5] Одиназода, Н.С. Тарафи объективии муомилоти ғайриқонунии металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ / Н. С. Одиназода // Осори Академияи ВКД ҶТ. - 2022. – С. 60-65.

[6] Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Н.А. Лопашенко. – Саратов, 1997. – С. 18.

[7] Одиназода, Н.С. Ҳифзи ҳуқуқӣ-ҷиноятии гардиши металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: монография. – Душанбе 2023. – С 107–108.

Туранов М.Ю. чунин мешуморад, ки объекти бевосита ба ҳайси муносибатҳои иҷтимоие баромад мекунад, ки дар танзими тартиби содир намудани муомилот (шартнома, қарордод) бо металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ ё марворид, бо тартиби муқаррарнамудаи қонун дар соҳаи ҳуқуқи ҷиноятии кишвар, иштирок мекунанд[1]. Ба ақидаи мо, дар муҳтавои ин таъриф нопуррагии назаррасе аён мегардад, зеро муносибатҳои номбаршуда, дар доираи соҳаи аз ҷониби муаллиф зикрнагардида, ҳамчунон тартиби нигоҳдории сарватҳои номбаршуда, интиқол ва кашонидани онҳоро низ дар бар мегирад, ки онҳо махсусан дар диспозитсияи м. 284 КҶ ҶТ ифода ёфтаанд.

Объекти бевосита муносибатҳои ҷамъиятие баромад мекунанд, ки мазмуни онҳоро қоидаҳои муқаррарнамудаи қонунгузории ҷиноятии ҶТ ташкил мекунанд, ки ҳам тартиби амалӣ гардонидани муомилот бо металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ, марворидҳо ва ҳам тартиби нигоҳдорӣ, интиқол ва инчунин, кашонидани ин сарватҳоро муайян мекунанд.

Ғайр аз ин, хусусияти холигии диспозитсияи м.м. 284 ва 285 КҶ ҶТ комилан аён аст, ки мутаносибан барои пурра фаҳмидани мазмуни мафҳумҳое, ки предмети ҷиноятиро ташкил медиҳанд, ба қонунгузории махсуси танзимкунандаи муносибатҳои ҷамъиятӣ дар ин соҳа рӯй оварданро тақозо мекунад. Пеш аз ҳама, албатта, бояд Қонуни ҶТ «Дар бораи металлҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо» ҷудо карда шавад. Дар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ тавсифи мафҳумҳои мавриди назар нисбатан муфассалтар дода шудааст.

Ҳангоми таҳлили муқоисавии матни қонунҳо, пеш аз ҳама (номуносибии, номувофиқии), баръало намоёни байни тарзи баёни предмети кирдори ҷиноятӣ, ки дар КҶ ҶТ нишон дода шудааст ва мазмуни мафҳуми «сангҳои қиматбаҳои табиӣ», ки дар Қонуни ҶТ «Дар бораи металлҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо» нишон дода шудааст, диққатро ба худ ҷалб мекунад, зеро ки марворид тавассути санади меъёрии дахлдор (соҳавӣ) ба рӯйхати сангҳои қиматҳои табиӣ дохил карда мешавад, аммо меъёри КҶ онро ҳамчун предмети алоҳидаи кирдор, берун аз категорияи «сангҳои табиӣ» ҷудо мекунад. Ғайр аз ин, худи ин категория (мафҳум, истилоҳи «сангҳои қиматбаҳо») дар м.м. 284, 285 КҶ ҶТ дар шаклҳои мухталиф инъикос ёфтааст, алахусус, дар аввал сухан дар бораи сангҳои қиматбаҳои табиӣ меравад, дар қисми дигар – танҳо сангҳои қиматбаҳо, илова бар ин марворид номбар карда намешавад.

Бояд қайд намуд, ки тарафи объективии муомилоти ғайриқонунии металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ низ истисно нест, ки дар адабиёт оид ба ҳуқуқи ҷиноятӣ тафсири ягона надорад[2]. Ин мубоҳисаҳо таърихи тӯлонӣ дошта, бо шаклҳои гуногуни гузориши ақидаҳо, ҳатто бо такрори хулосаҳои тақрибан ҳафтод сол пеш то ба имрӯзҳо идома доранд[3].

Ба баррасии муқаррароти дар боло зикргардида, вобаста ба тартиботи ҳуқуқи ҷиноятии (меъёри) мавриди таҳлили худ (КҶ ҶТ «муомилоти ғайриқонунии металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ») баргардем. Диспозитсияи он дар КҶ ҶТ дар чунин таҳрир: «Бастани аҳди ғайриқонунии бо металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ ё марворид» омадааст, ки он бо вайронкунии қоидаҳои муқаррарнамудаи қонунгузорӣ дар соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ, инчунин нигоҳдории ғайриқонунӣ, интиқол ё кашонидани металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ ё марворид низ дохил карда мешаванд, алоқамандӣ дорад.

---

15 Туранов, М Ю . Незаконный оборот драгоценных металлов, драгоценных камней или жемчуга: лекция. – М.: ЦИиНМОКП МВД РФ, 1999. – С. 15.

[2] Иванов А.Г. Преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней: дис. … канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2010. – 215 с.

[3] Ҳуқуқи ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон. Қисми умумӣ: китоби дарсӣ / Зери таҳрири Р.Ҳ. Раҳимзода ва И.Ҳ. Бобоҷонзода. – Душанбе: «Эр- граф», 2019. – С. 123–125.

Бо мақсад, мо чунин мешуморем, ки ин сохтор ҳамчун тарафи объективӣ, дар заминаи мафҳуми умумӣ, ки намудҳои номбаршудаи кирдорҳои ҷиноятиро дар дохили як сохтор дарбар мегирад, ба назар гирифта шавад, зеро сухан дар бораи «муомилоти ғайриқонунӣ» меравад. Донистани ин категория аз нуқтаи назариявӣ ва методологии соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ ногузир муҳаққиқро ба ғояи зарурати дарк кардани моҳияти муайянкунандаи таркиби категорияҳои он водор мекунад:

а) дар зери мафҳуми «ғайриқонунӣ» будани муомилот чӣ бояд фаҳмида шавад;

б) «муомилот» дар доираи мавзӯъ ва корҳои баррасишаванда чиро ифода мекунад.

Зоҳиран, яъне дар назари аввал, чунин менамояд, ки «ҳалли масъала баръало намоён аст», зеро, чи тавре ки қонунгузорӣ пешниҳод мекунад, «ғайриқонунӣ ҳар чизест, ки ба қонун мувофиқат намекунад». Дар асл, ҳама чиз хеле мураккабтар аст, масалан: оё фақат вайрон кардани муқаррароти Қонун (дар бораи муомилоти ғайриқонунии металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо) дар ҳолати зикршуда, як қатор асосҳоро барои ҷавобгарии ҳуқуқӣ эҷод мекунад.

Ба андешаи мо, ҷавобгарии ҷиноятӣ барои содир кардани кирдори ҷиноятӣ, ки дар м. 284 КҶ ҶТ пешбинӣ шудааст, на танҳо дар ҳолатҳои вайрон кардани муқаррароти қонун, балки санадҳои меъёрии ҳуқуқии зерқонунӣ низ дода шуданаш мумкин аст.

Дигар ин ки, «муомилот» дар ҷанбаи матн мавриди назари кори мазкур мафҳуме мебошад, ки намудҳои гуногуни фаъолиятҳои дорои хусусияти ҷиноятиро дар бар мегирад, ки мутобиқи м. 284 КҶ ҶТ бандубаст шудаанд.

Дар КҶ ҶТ, ҳамчунин дар КҶ ФР ва дигар давлатҳои ИДМ, мафҳуми «муомилот» аз ҷониби мақомоти қонунгузор бисёр вақт мавриди истифода қарор мегирад ва барои мисол, м. 284 КҶ ҶТ ягона мавриди истифодаи он нест. Ин мафҳумро дар моддаи «муомилоти ғайриқонунии моддаҳои сахттаъсир ё заҳролуд бо мақсади ба соҳибияти каси дигар додан» низ пайдо кардан мумкин аст, ки дар он муомилот ҳамчун «истеҳсол, тайёр намудан, коркард, соҳиб шудан, нигоҳ доштан, интиқол ё фиристодан бо мақсади ба соҳибияти каси дигар додан, ҳамчунин ғайриқонунӣ ба соҳибияти каси дигар додани моддаҳои сахттаъсир ва заҳролуд, ки воситаҳои нашъадор ё моддаҳои психотропӣ намебошанд», маънидод карда мешавад. Дар моддаи «Вайрон намудани қоидаҳои муомилоти воситаҳои нашъадор, моддаҳои психотропӣ ё прекусорҳо, моддаҳои сахттаъсир ё заҳролуд» низ дида мешавад, ки дар он муомилот ҳамчун «истеҳсол, тайёр намудан, коркард, соҳиб шудан, нигоҳ доштан, интиқол ё фиристодан бо мақсади ба соҳибияти каси дигар додан, ҳамчунин ғайриқонунӣ бо мақсади ба соҳибияти каси дигар додани моддаҳои сахттаъсир ё заҳролуд, ки воситаҳои нашъадор ё моддаҳои психотропӣ, инчунин ҷараёни парвариши растаниҳо, «ки барои истеҳсоли он истифода мешаванд», фаҳмида мешавад; дар моддаҳои мазкур мафҳумҳои «муомилоти ғайриқонунӣ» ва «гардиши ғайриқонунӣ» аз ҷониби қонунгузорӣ ба таври аён ҳамчун муродифҳо истифода мешаванд, яъне истилоҳҳои «муомилот» ва «гардиш» тавассути калимаҳои «соҳиб шудан, нигоҳ доштан, интиқол ё фиристодан ва ғайра» ифода шудаанд ва ин маънои онро дорад, ки қонунгузор дар шароити ҳолатҳои мухталиф тавассути истилоҳҳои (мафҳумҳои) нобаробар масъаларо баён мекунад, аммо онҳоро ҳамчун муродифҳо истифода мекунад. Ин ҳолат дар м. 284 КҶ ҶТ низ ҷой дорад.

Аз ин рӯ, қайд мекунем, ки Қонуни ҶТ «Дар бораи металлҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо» ба истифодаи ин категорияҳо афзалият додааст, ки онҳо «муомилот» ва «гардиш» мебошанд: аллакай дар муқаддима, вақте ки доираи муносибатҳои ҷамъиятие, ки аз тарафи қонун танзим карда мешаванд, муайян карда мешавад, сухан дар бораи «муносибатҳое, ки дар соҳаи таҳқиқу ҷустуҷӯи геологии конҳои металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо, истихроҷ, истеҳсол, коркард, истифода ва муомилоти онҳо ба миён меоянд», меравад.

Бояд тазакур дод, ки мавҷуд набудани ҳифзи ҳуқуқӣ-ҷиноятии ҳуқуқвайронкуниҳои марбут ба як қисми ин раванд дар м. 284 КҶ ҶТ ва вайрон намудани қисми дига-

ри ин раванд дар м. 285 КҶ ҶТ бояд бо қатъ гардидани эътибори м. 285 КҶ ҶТ бартараф карда шаванд, зеро дар таҳрири нави м. 284 КҶ ҶТ доираи «ҳифзи ҳуқуқии» онро бо пуррагӣ фаро мегирад. Муқаррароти умумиятёфтаи меъёрии пешниҳодшуда, ки мо онро пешбарӣ менамоем (дар м. 284 КҶ ҶТ), бисёре аз камбудиҳо ва норасоиҳоеро, ки то имрӯз дар амал дучор мешаванд, бартараф хоҳад кард.

Инчунин бояд қайд намуд, ки муқаррароти меъёрии пешниҳодшуда низ характери холӣ хоҳад дошт ва самаранокии истифодаи он мустақиман аз сифати заминаҳои меъёрию ҳуқуқии аз тарафи мақомоти татбиқи ҳуқуқ истифодашаванда вобастагӣ дорад. Дар айни замон санадҳои меъёрии ҳуқуқии мухталифи ҶТ, ки ба таркиби қонунгузорӣ дар бораи металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ дохил мешаванд, бояд мукаммал гардонида шаванд.

Нисбати кирдорҳои ғайриқонунӣ вобаста ба нигоҳдорӣ, интиқол ва кашонидани металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ, бо мақсади риояи қонунгузорӣ дар соҳаи ҷиноятии ҶТ, махсусан дар соҳаи «таҳқиқу ҷустуҷӯи геологии конҳои» металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ, истихроҷ, истеҳсол, истифода ва муомилоти онҳо; истифодаи самараноки захираҳои табиии металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ; инчунин бехатарии металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ, аз ҷумла, маҳсулоти онҳо, давлат ва мақомоти онро мебояд на фақат низоми махсуси нигоҳдорӣ, интиқол, ирсол ва дигар муомилоти вобаста ба сарватҳои номбаршударо муқаррар кунанд, балки такмили сиёсати кадрӣ, интихоб ва ҷобаҷогузории кадрҳо дар ин соҳа, хусусан дар соҳаи назорат муҳим аст, зеро ғайриқонунӣ будани кирдорҳои баррасишаванда, пеш аз ҳама, аз рафтори ғайриқонунӣ, таҷрибаҳое, ки мустақиман ба вайронкуниҳои зикршуда вобастаанд, сарчашма мегиранд[1].

Азбаски металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ, маҳсулоти онҳо, инчунин шикастапора ва партовҳои дорои ҳамин маҳсулот дар муассисаҳо ба таври нигоҳ дошта мешаванд, ки бехатарии онҳо ҳангоми истеҳсол, коркард, истифода ва интиқоли онҳо таъмин карда мешавад: дар ҳуҷраҳои аз рӯи муҷаҳҳаз будан бо воситаҳои техникии муҳофизатӣ аз сӯхтор (сигнализатсия) ва бо камераҳои босифати рақами муҷаҳҳаз намуда ба талаботи махсус ҷавобгӯ, ки мувофиқи муқаррароти мақомоти ҳокимияти иҷроия, мутобиқи қонунгузорӣ дар соҳаи ҳуқуқи ҷиноятии ҶТ нигоҳ дошта мешаванд; дар ин самт нақш риояи тартибот ва шиддати ҳушёрӣ, муҳимтар аз ҳама, ростқавлӣ ва эътимоднокии ҳайати шахсии назорати давлатӣ афзоиш меёбад.

«Дастурамал доир ба тартиби баҳисобгирӣ ва нигоҳдории металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ, маҳсулоти онҳо ва ба роҳ мондани тартиби ҳисобот ҳангоми истеҳсол, истифода ва коркарди онҳо» қоидаҳои мазкурро мушаххас менамояд, масалан, бо роҳи илова намудаи чунин талаботе ба монанди утоқҳои анбор, ки дар онҳо металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ, шикастапораву партови онҳо нигоҳдорӣ карда мешаванд, инчунин ҷевонҳои ба оташ тобовар, қуттиҳои металӣ ва сейфҳо, ки пас аз анҷоми кор бояд бо тамға (пломба) ё муҳр маҳкам карда шуда ва ба муҳофизон супорида шаванд.

Далелҳои риоя накардани ин ва як қатор қоидаҳои дигари дастуроти муқаррарнамудаи талаботи меъёрӣ дар амал мавҷуданд, ки имкони ба ҷавобгарӣ ҷиноияти ҷалб намуданро мутобиқи м. 284 КҶ ҶТ ба миён меорад.

Бояд қайд намуд, ки ҳама гуна фаъолияти шахс вобаста ба нигоҳдорӣ, ҳамлу нақл ва интиқоли металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ, ки талаботи дар боло муҳокимашударо вайрон мекунанд, дар сурати мавҷуд будани нишонаҳои дигар, ҳамчун ҷинояте, ки дар м. 284 КҶ ҶТ пешбинӣ шудааст, ба назар гирифта шавад.

Вобаста ба ин ба хулосае омад, ки дар Қонуни ҶТ «Дар бораи металлҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо» ва таҳқиқоти илмии олимон, таърифи нисбатан

[1] Одиназода, Н.С. Ҳифзи ҳуқуқӣ-ҷиноятии гардиши металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон: дис. ... ном. илм. Ҳуқуқ: 12.00.08 / Н.С. Одиназода. - Душанбе, 2022. – С. 110.

мукаммали нигоҳдорӣ, интиқол, кашонидани металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ дода шудааст, ки таҳлили онҳо имкон медиҳад хулосаҳои зерин бароварда шаванд:

Нигоҳдорӣ, чунин амале мебошад, ки «бо воқеан соҳиби» металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо будани ҷиноятқор алоқамандӣ дорад, ҳангоме ки онҳо дар тасарруфи гунаҳгор мебошанд, ҳам бевосита ва ҳам дар бино ва дар ҷойҳои дигар, дар ҳоле ки ин кирдорҳо бо вайрон кардани талаботи қонунгузорӣ дар соҳаи ҳуқуқи ҷиноятии ҶТ содир карда шудаанд.

Интиқол, ин чунин амале мебошад, ки ҷиноятқор бо интиқол додани металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ дар фазо, бо ба таври ғайриқонунӣ «истифода бурдан аз ҳама гуна воситаҳои нақлиёт» ва бо вайрон кардани қоидаҳои муқаррарнамудаи қонунгузорӣ дар соҳаи ҳуқуқи ҷиноятии ҶТ содир карда мешавад.

Кашонидан, ин чунин амале мебошад, ки аз ҷое ба ҷои дигар бурдани металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ тавассути шабакаҳои почта, дар шакл ва намуди почта, ирсоли бағоҷ, қасдан ё ба тариқи дигар, агар аз ҷое ба ҷои дигар гузаронидани онҳо «бе иштироки ирсолкунанда» амалӣ карда шаванд ва ин кирдорҳо бо «вайрон кардани талаботи муқарраршуда» бо қонунгузорӣ дар соҳаи ҳуқуқи ҷиноятии ҶТ ба анҷом расонида мешаванд.

Нигоҳдории ғайриқонунӣ, интиқол ва кашонидани металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ бояд аз лаҳзаи содир шудани онҳо баанҷомрасида ҳисоб карда шавад.

Аммо дар таҳрири м. 284 КҶ ҶТ, аз тарафи мақомоти қонунгузор меъёри ҳадди ақҷал пешбинӣ нашудааст, ки дар асоси он нигоҳдорӣ, интиқол ва ирсол ғайриқонунӣ дониста мешаванд, ки ин имкон медиҳад гунаҳкор ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шавад ва ӯ аз ҷавобгарии маъмурӣ барои ҳуқуқвайронкунии пешбиникардаи КҲМ ҶТ маҳдуд карда шавад.

Ҳангоми содир намудани ин кирдор “ба миқдори калон” мутобиқи банди «б» қ. 2 м. 284 КҶ ҶТ бандубаст карда мешавад, ки мафҳуми «ба миқдори калон» дар эзоҳ м. 284 КҶ ҶТ пешбинӣ шудааст[1]. Мо боварӣ дорем, ки м. 284 КҶ ҶТ бояд бо чунин меъёрҳои кирдорҳои ҷиноятӣ пурра карда шуда, то ки доираи ҷавобгарии ҷиноятӣ, масалан, аз маъмурӣ ҷудо карда шавад. Дар асоси мулоҳизаҳои зикршуда, арзиши сарватҳо ҳамчун предмети кирдори ҷиноятӣ, ки дар м. 284 КҶ ҶТ пешбинӣ шудааст, ҳангоми ноил шудан ба он барои фаъолияти муътадили иқтисодиёт хавф вуҷуд дорад, бояд дар ҶТ бо 72 000 сомонӣ (яъне, бо ҳаҷми мафҳуми «ба миқдори калон») мувофиқат кунад, ки дар асл яке аз меъёрҳои кирдори ҷиноятӣ хоҳад буд, ки ҳамчунон, ба ҳайси меъёри ҳудудгузории кирдори ҷиноятии мазкур аз қонуншиканиҳои маъмурӣ хизмат мекунад.

Инчунин, ҳангоми таҳлили диспозитсияи ин моддаҳо маълум мешавад, ки дар онҳо нишонаҳои ғайришартии (факултативии) нишонаҳои тарафи объективӣ, махсусан «ҷой», «вақт», «тарз», «вазъият», «олот» ва «воситаи содир намудани ҷиноят» баромад мекунад, ки ин низ бояд дар м. 284 КҶ ҶТ пурра карда шавад.

Дар асоси муқаррароти назариявии дар боло зикргардида оид ба бандубасти таркиби кирдорҳои ҷиноятӣ, ки дар м. 284 КҶ ҶТ пешбинӣ шудааст, бояд таркиби расмӣ ҳисобида шавад ва кирдори ҷиноятӣ аз лаҳзаи содир шудани ҳама гуна ҳаракатҳо, ки таркиби муҳтавои кирдори ҷиноятиро муайян мекунад, содиршуда ҳисобида шавад.

Вобаста ба ин, барои бартараф кардани ин камбудиҳо ва норасоиҳо метавонад, ворид кардани тағйиру иловаҳо ба м. 284 КҶ ҶТ бошад, ки барои илова намудани

[1] Эзоҳи моддаи 284 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, таҳти № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 1998. – №9. – М. 68–69; – №22. – М. 306; Қонунҳои ҶТ соли 2020, таҳти №1. – М. 8–9; – 2020. – №7–9. – М. 607, 623; – 2020. – №12. – М. 904; – 2021. – №4. – М. 196.

муомилот дар соҳаи «таҳқиқ ва ҷӯстуҷӯи геологии конҳои» металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳои табиӣ, истихроҷ, истеҳсол ва истифодаи онҳо дар соҳаи ҳифзи ҳуқуқи ҷиноятӣ ба диспозитсияи м. 284 КҶ ҶТ мазкур, ҷой дода шавад, ки на танҳо дарки моҳият, балки фаҳмидан ва татбиқ кардани ин талаботи меъёриро хеле осон мекунад.

Ҳамзамон таклиф карда мешавад, ки дар *б. «а»* қ. *2 м. 284 КҶ ҶТ калимаи «такроран», ба* вожаи *«якчандкарата» иваз карда шавад.* Инчунин ҳолатҳои вазнинкунанда дохил карда шаванд, содир шудани ҷиноят ба миқдори махсусан калон ва аз ҷониби гуруҳи муташаккил. Зеро дараҷаи ба ҷамъият хавфнокии он, бештар буда, ҳамчун ҳолати вазнинкунанда ҷудо намудани онҳо ба мақсади фарқгузории ҷавобгарии ҷиноятӣ мувофиқ мебошад.

Дар ном ва диспозитсияи м. 284 КҶ ҶТ «марворид» ба ҳайси предмети ҷиноят зикр ёфтааст, аммо дар Қонуни ҶТ «Дар бораи металлҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо» дар доираи мафҳуми «металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо», «марворид» инъикос нашудааст. Ҳамчунин, дар канданиҳои фоиданоки ҶТ марворид вуҷуд надорад. Аз ин рӯ таклиф карда мешавад, ки калимаи «марворид» аз ном ва диспозитсия м. 284 КҶ ҶТ бардошта шавад.

Ҳаракатҳое, ки тарафи обективиии м.м. 284 ва 285 КҶ ҶТ-ро ташкил мекунанд, дар амалияи ҳуқуқтатбиққунӣ якхела фаҳмида намешаванд. Аммо аз рӯйи моҳият ва мазмуни ин ҷиноятҳо ба металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо алоқаманд мебошанд. Ҷиҳати дуруст фаҳмидани ин масъала ва риояи принсипи қонуният чунин таклиф карда мешавад, ки бо ворид намудан тамоми аломатҳои таркиби ҷиноят, марбут ба муомилоти ғайриқонунии металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қиматбаҳо дар доираи м. 284 КҶ ҶТ, м. 285 аз КҶ ҶТ хориҷ карда шавад.

Бояд қайд намуд, ки тибқи маълумоти Сармаркази иттилоотию таҳлилии Вазорати корҳои дохилӣ ва аз рӯзи қабул гардидан ва мавриди амал қарор гирифтани КҶ ҶТ бо м. 285 КҶ ҶТ ягон ҷиноят ба қайд гирифта нашудааст.

Дар асоси гуфтаҳои боло, таҳлил ва омӯзиши ин ҷиноят пешниҳод менамоем, ки ном ва диспозитсияи м. 284 КҶ ҶТ дар таҳрири зерин пешниҳод карда шавад:

Моддаи 284 КҶ ҶТ «Муомилоти ғайриқонунӣ бо металлҳои қимматбаҳо ва сангҳои қимматбаҳои табиӣ»

1) Додугирифти металлҳои қимматбаҳо ва сангҳои қимматбаҳои табиӣ бо вайрон кардани қоидаҳои ҳатман ба давлат фурӯхтан ё супоридан, таҳқиқу ҷустуҷӯи геологии ин конҳо, истихроҷ, истеҳсол, коркард ва истифодаи онҳо бар хилофи қоидаҳои муқарраргардидаи қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин ғайриқонунӣ нигоҳ доштан, интиқол додан, кашондан ё ба соҳибияти каси дигар додани ин сарватҳо дар ҳар намуди ҳолат, бо истиснои маснуоти заргарӣ (ҷавоҳирот) ва маишӣ ва пораҳои чунин маснуот,

бо ... ҷазо дода мешавад.

2) Ҳамин кирдор, агар

а) *якчандкарата;*

б) ба миқдори калон;

в) аз ҷониби гуруҳи шахсон бо маслиҳати пешакӣ содир шуда бошад,

бо … ҷазо дода мешавад.

3) Ҳамин кирдор, агар

а) ба миқдори махсусан калон;

б) аз ҷониби гуруҳи муташаккил;

в) аз ҷониби шахс бо истифода аз вазифаи хизматӣ содир шуда бошад,

– бо … ҷазо дода мешавад».

Эзоҳ: 1. Зери мафҳуми «сарватҳо» дар диспозитсияи моддаи мазкур – ин металлҳои қимматбаҳо ва сангҳои қимматбаҳо фаҳмида мешавад.

2. Зери мафҳуми «ҷустуҷӯи конҳои фоиданок» дар диспозитсия моддаи мазкур – шахсоне, ки барои вайронкардани тартиботи муқарраршудаи таҳқиқу ҷустуҷӯи геологии конҳои металлҳои қимматбаҳо ва сангҳои қимматбаҳо, истихроҷ, истеҳсол, истифода ва муомилоти онҳо айбдоранд ва маблағе, ки аз муомилоти ғайриқонуни ба даст оварда мешавад, тибқи қонунгузории ҶТ ба қисми даромади буҷети давлат ворид карда мешавад.

Инчунин, ташкилотҳо ва муассисаҳо, сарфи назар аз шакли моликияташон, ҳангоми вайрон кардани қоидаҳои конҳои металлҳои қимматбаҳо ва сангҳои қимматбаҳо, ки ба нобудшавии металҳои қиматбаҳо ва сангҳои қимматбаҳо оварда расонидаанд, фаҳмида мешавад.

3. Зери мафҳуми «ба миқдори махсусан калон» кирдорҳои дар ҳамин модда пешбинишуда ҳамон вақт ба миқдори махсусан калон содиршуда эътироф карда мешавад, ки агар арзиши металлҳои қимматбаҳо ва сангҳои қимматбаҳо, ки мавриди муомилоти ғайриқонунӣ қарор гирифтаанд, аз ду ҳазор нишондиҳанда барои ҳисобҳо зиёд бошанд.

Татбиқи ин пешниҳодҳо метавонад ба баланд бардоштани самаранокии мубориза бо ҷиноятҳои мазкур ва такмили низоми ҳуқуқии кишвар мусоидат намояд. Аз ин рӯ, пешниҳодҳои дар мақола ироашуда метавонанд ҳамчун заминаи илмӣ барои такмили минбаъдаи Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон истифода шаванд.

УДК 343.34

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПУБЛИЧНЫЕ ПРИЗЫВЫ К ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН (СТ. 280 УК РФ И СТ. 307(1) УК РТ)

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ҶАВОБГАРИИ ҶИНОЯТӢ БАРОИ ДАЪВАТИ ОМАВӢ БА ФАЪОЛИЯТИ ЭКСТРЕМИСТӢ ДАР КҶ ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ ВА КҶ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН (М. 280 КҶ ФР ВА М. 307(1) КҶ ҶТ)

ПИСАРЕВСКАЯ ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА
Доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент / Дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии Филиали Шимолӣ-Ғарбии Донишгоҳи давлатии адлияи Россия ба номи В.М. Лебедев, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
E-mail: liorev@mail.ru

Согласно нормам международного права, в частности Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (преамбула; подп. 3 п. 1 ст. 1)[1], Всеобщей декларации прав человека (ст. 18, 19, п. 2 ст. 29)[2], признаются недопустимыми экстремизм, включая возбуждение ненависти, вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по социальному, расовому, национальному, религиозному или языковому признаку.

Вопросы ответственности за публичные призывы к экстремистской деятельности при-

[1] Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма: заключена 15.06.2001 // СПС «Кодекс». Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/902339374?section=text (дата обращения: 16.04.2026 г.).
[2] Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблей ООН 10.12.1948 // СПС «Кодекс». – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1900204 (дата обращения: 16.04.2026 г.).

обретают особую актуальность. Борьба с экстремизмом является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации и Республики Таджикистан в области обеспечения национальной безопасности. В современных условиях эта борьба становится особенно важной, поскольку распространение подобных призывов, оказывающих деструктивное воздействие на население, может происходить быстро и повсеместно без значительных усилий благодаря использованию сети Интернет. В связи с этим необходимо эффективно применять уголовное законодательство для защиты основ конституционного строя и обеспечения общественной безопасности.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ) имеется норма, предусматривающая ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ). В Уголовном кодексе Республики Таджикистан (далее - УК РТ) ответственность за исследуемое деяние предусмотрена в статье 307(1) УК РТ, именуемой «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма».

Родовым объектом преступления, предусмотренного статьёй 280 УК РФ, являются общественные отношения, связанные с обеспечением нормального функционирования государственной власти. Видовым объектом являются общественные отношения, связанные с двумя важными институтами:

1. Основами конституционного строя, представляющими собой совокупность принципов, закреплённых в Конституции Российской Федерации и составляющих основу социально-экономической и политико-правовой политики государства.
2. Безопасностью государства, которая включает в себя состояние защищённости и стабильности государства, его конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и обороноспособности. Непосредственным объектом исследуемого преступления является система основополагающих социальных, экономических, политико-правовых отношений государства, закреплённая в Конституции РФ и других конституционных нормах, а также безопасность личности, общества и государства[1].

Дополнительным объектом преступления, предусмотренного статьёй 280 УК РФ, являются права и свободы личности, а также общественный порядок, учитывая публичный характер преступных действий[2]. Родовой, видовой и непосредственный объекты преступления, предусмотренного статьёй 307(1) УК РТ, совпадают с объектами преступления, предусмотренного статьёй 280 УК РФ.

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьёй 280 УК РФ, представляет собой общественно опасное деяние, выраженное в форме публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Объективная сторона преступления, предусмотренного статьёй 307(1) УК РТ, шире, поскольку включает в себя не только общественно опасное деяние в форме действия, выраженное в призывах к соответствующей деятельности, но и публичное оправдание экстремизма. В то же время, в УК РФ отсутствует ответственность за публичное оправдание экстремизма, и наказуемым является только публичное оправдание терроризма в соответствии со статьёй 205.2 УК РФ. Иными словами, в статье 280 УК РФ конструкция состава более «узкая»: акцент делается на призывах, а не на общей идеологической пропаганде.

Однако применительно к публичному оправданию терроризма представляет интерес примечание к статье 307(1) УК РТ, в котором даётся определение публичному оправданию экстремизма и отдельно подчеркивается, что одобрение, выраженное в виде «лайка» или

[1] Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. А. В. Наумова, А. Г. Кибальника. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – С. 564.
[2] Ахъядов, Э.С. Анализ состава публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) / Э.С. Ахъядов // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 3. – С. 172-174.

иного знака, не считается публичным оправданием. В УК РФ отсутствует примечание, аналогичное упомянутому, и оценка поведения лица в сети Интернет оценивается с учетом разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Она определяется с учётом всех обстоятельств уголовного дела, включая поведение лица до и после размещения информации в сети Интернет, его приверженность экстремистской идеологии и совершение других действий экстремистской направленности[1].

Следует отметить, что публичные призывы должны характеризоваться рядом признаков, таких, как:

1. Обращение к другим лицам.
2. Публичность обращения.
3. Призывной характер информации, содержащейся в обращении.
4. Экстремистская направленность призывов.

В свою очередь, термин «призыв» в толковом словаре имеет значение – лозунг, лаконичное обращение, включающее руководящую политическую идею, требование, просьбу или мольбу[2]. Призывы не следует отождествлять с любыми утверждениями, содержащими информацию об экстремистской деятельности.

Подобные высказывания представляют собой целенаправленные действия, которые необходимо отличать от выражения личной позиции, в том числе в ходе семейных, дружеских и научных дискуссий, направленных на поиск ответов на обсуждаемые вопросы. Отсутствие в обращении призывов, учитывая заключение судебной экспертизы, которая выявила совокупность лингвистических и психологических признаков побуждения, свидетельствует об отсутствии состава преступления, которое исследуется.

Практика и научные исследования показывают, что при оценке данного деяния возникают сложности, связанные с определением его объективной стороны, которая устанавливается и оценивается, в том числе через субъективные признаки. В соответствии с обобщенными позициями Верховного Суда Российской Федерации, публичные призывы к экстремистской деятельности имеют место в случае, если:

1) Обращение к аудитории происходит открыто.
2) Оно направлено к двум и более лицам или к неограниченному кругу лиц.
3) Обращение, как правило, не адресовано конкретному лицу.
4) Размещение обращения, комментариев или постов в социальных сетях, мессенджерах и других публичных местах направлено на то, чтобы они были восприняты неопределённым кругом лиц или участниками группы.
5) Форма обращения должна быть ясной и доступной для понимания аудиторией.
6) Публичность обращения устанавливается независимо от фактического количества лиц, ознакомившихся с информацией.
7) Обращение не должно быть направлено на побуждение конкретных лиц к совершению конкретного преступления.

Несмотря на то, что в диспозиции употребляется слово «призывы» во множественном числе практика применения УК РФ идет по пути ограничительного толкования, и показывает, что одного безуспешного обращения достаточно для привлечения к ответственности по статье 280 УК РФ. Единичный призыв к совершению экстремистской деятельности причиняет вред объекту уголовно-правовой охраны и может не только вызвать у населения представление о допустимости подобных действий, но и простимулировать их к их совершению.

В УК РФ и УК РТ не установлено ограничений в отношении формы призыва. Призыв

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011, № 11 (ред. от 28.10.2021) // Консультант Плюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 18.04.2026 г.).

[2] Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн. – Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=23783 (дата обращения: 18.11.2025 г.).

может быть выражен как в устной, так и в письменной форме, а также с использованием технических средств. Традиционные формы призыва включают в себя очные выступления на митингах, распространение печатных материалов и использование средств массовой информации, размещение призывов в общедоступных местах. Современные формы включают в себя публикации в социальных сетях и на новостных лентах, текстовые, аудио- и видеокомментарии в социальных сетях, а также видеотрансляции в мессенджерах. Практика показывает, что в настоящее время наиболее распространены цифровые формы призывов.

По УК РФ и УК РТ субъектом исследуемого преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летенго возраста, субъективная сторона выражается в вине в форме прямого умысла, лицо имеет намерение побудить других лиц к осуществлению экстремистской деятельности. В УК РФ и УК РТ составы преступлений построены по формальному типу, то есть преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения хотя бы одного обращения, независимо от того, удалось ли побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности.

Существуют различия и в части оценки квалифицирующих признаков. В статье 280 УК РФ и в части 2 статьи 307(1) УК РТ предусмотрен квалифицированный состав преступления – те же деяния, совершённые с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет». Однако в УК РТ также предусмотрен особо квалифицированный состав преступления, который отсутствует в УК РФ. Согласно этому особо квалифицированному составу, более строгая ответственность наступает за деяния, предусмотренные частями 1 или 2 настоящей статьи, если они совершены повторно или при опасном или особо опасном рецидиве.

Разнятся и санкции в исследуемых нормах. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма (ст. 307(1) УК РТ) в части 1 предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 5 лет. По части 1 ст. 280 УК РФ санкция альтернативная и наказание может быть либо в виде штрафа в размере 100–300 тыс. рублей, либо в виде принудительных работ на срок до 3 лет, либо ареста сроком 4-6 месяцев, либо в виде лишения свободы до 4 лет с возможным лишением права занимать должности/заниматься деятельностью.

В Таджикистане интернет-вариант публичных призывов к экстремисткой деятельности также влечет более строгую ответственность и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. В Российской Федерации публичные призывы к подобной деятельности в интернете наказываются в соответствии с альтернативной санкцией: принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Таким образом, статья 307(1) УК РТ и статья 280 УК РФ предусматривают ответственность за публичные призывы к экстремистской деятельности, но в УК РТ дополнительно закреплена ответственность за публичное оправдание экстремизма, чего нет в УК РФ. В Таджикистане наказание за указанные деяния более строгое и сразу строится на лишении свободы (от 3 до 5 лет, а при использовании СМИ и интернета – от 5 до 10 лет), тогда как в РФ предусмотрены альтернативные меры (штраф, принудительные работы, арест) и максимальный срок лишения свободы до 4 лет, а при использовании СМИ и интернета – до 5 лет, возможна замена принудительными работами. В Таджикистане повторность и рецидив выделены отдельной частью с длительными сроками лишения свободы (до 12 лет) и лишением права занимать должности до 5 лет, в РФ усиление по рецидиву опирается на общие положения УК. Кроме того, в РТ прямо исключено из понятия публичного оправдания экстремизма простое одобрение в виде «лайков», тогда как в РФ такой формат может оцениваться судами в зависимости от обстоятельств и умысла. В целом, ответственность по статье 307(1) УК РТ

выглядит более строгой и детализированной, а статья 280 УК РФ допускает более гибкие и альтернативные санкции.

УДК 343.3

КОНСТИТУЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ СНГ

АМНИЯТИ КОНСТИТУТСИОНӢ ҲАМЧУН ОБЪЕКТИ ҲИФЗИ ҶИНОЯТӢ-ҲУҚУҚӢ: АЛОМАТҲОИ МУҚОИСАВӢ-ҲУҚУҚӢ ҶИҲАТИ МУҚОВИМАТ БА ҶИНОЯТКОРӢ ДАР КИШВАРҲОИ ИДМ

Пшеничнов Илья Михайлович
Старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, кандидат юридических наук, майор юстиции / Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва мурофиаи ҷиноятии Филиали дар ш. Нижний Новогороди Академияи Кумитаи тафтишотии дар ш. Санкт-Петербург, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, майори адлия
E-mail: pshenichnov.im@skspba.ru

Вопрос об объекте уголовно-правовой охраны редко имеет лишь терминологическое значение. От того, как он назван и раскрыт, зависят место нормы в системе Особенной части, круг деяний, признаваемых посягательством на соответствующее благо, предмет доказывания и граница между смежными составами. Особенно отчётливо это видно применительно к преступлениям, затрагивающим устойчивость публичной власти, территориальную целостность, гражданский мир и установленный конституцией порядок её осуществления. Уголовные законы государств – участников СНГ содержат специальные нормы о защите государственной власти, общественной безопасности, территориальной целостности, основ конституционного строя и безопасности государства; задача, однако, не в инвентаризации этих норм, а в оценке того, насколько точно они позволяют установить объект посягательства, механизм причинения вреда и направленность умысла.

О том, что речь идёт не о чисто теоретическом вопросе, свидетельствует национальная уголовная статистика: в Российской Федерации в январе – декабре 2024 г. зарегистрировано 1719 преступлений экстремистской направленности и 3714 деяний террористического характера[1]; в Республике Таджикистан за тот же период, по данным Антитеррористического центра государств – участников СНГ, зарегистрировано 1494 преступления террористического и экстремистского характера[2]; в Республике Казахстан подразделениями по противодействию экстремизму выявлено 85 преступлений соответствующей группы[3]. Прямого количественно-

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года: статистический сборник / Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». - Москва, 2025. - 64 с.

[2] Пресс-конференция Генеральной прокуратуры Республики Таджикистан // Генеральная прокуратура Республики Таджикистан: официальный сайт. 14 февраля 2025 г. Режим доступа: https://www.prokuratura.tj/point65/73-to-ik/news/important-news/2426-press-reliz-oidi-safari-korii-dodsitoni-kulli-um-urii-islomii-eron-ba-u-13.html (дата обращения: 25.04.2026).

[3] Отчет № 1-ЭТ «О правонарушениях, связанных с экстремизмом и терроризмом и о состоянии прокурорского надзора» за январь-декабрь 2024 года / Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной

го сопоставления эти показатели не допускают, поскольку национальные учётные категории различаются, однако они делают вопрос о том, что именно закон здесь охраняет, практически безотлагательным.

Точность ответа требует последовательно разводить три уровня анализа: конституционно-правовой, отвечающий на вопрос о значимости охраняемого порядка и его месте в организации публичной власти; уголовно-правовой, устанавливающий состояние общественных отношений, которое нарушается или ставится под угрозу; и уровень состава преступления, показывающий, какими признаками это воздействие выражается и доказывается. Смешение уровней рождает типовую ошибку: конституционно значимая ценность начинает восприниматься как уже готовый объект состава преступления, хотя одного указания на ценность уголовному праву недостаточно – требуется конструктивное описание причиняемого или угрожающего вреда.

Конституционный строй» действительно может рассматриваться как объект уголовно-правовой охраны, поскольку в доктрине он раскрывается через общественные отношения, опосредующие форму организации государства[1], однако для целей квалификации этого уровня описания недостаточно. Он позволяет обозначить круг охраняемых отношений, но не всегда отвечает на три ключевых вопроса: какое состояние этих отношений нарушается, через какой механизм причиняется или создается вред и как реконструируется направленность умысла применительно к конкретному составу преступления. «Основы конституционного строя» стоят ещё дальше от охраняемого состояния, поскольку представляют собой совокупность исходных ценностей и принципов, задающих пределы правотворчества и правоприменения, и потому плохо поддаются описанию в категориях вреда или угрозы, фиксируемых в объективной реальности. «Национальная безопасность», со своей стороны, олицетворяет собой стратегическую категорию, охватывающую разнородные сферы защищённости государства, общества и личности[2]; подобная модель описания через состояние защищённости корректна сама по себе, однако её предметное содержание слишком широко, чтобы удержать необходимую точность уголовно-правовой систематизации.

Таким образом основная задача состоит не в формальной замене одного наименования другим, а в поиске действительно релевантной технико-юридической конструкции, способной соединить конституционно значимое состояние общественных отношений с признаками состава преступления. Такая категория должна выполнять три функции:

– систематизирующую (объединяет разные по способу совершения общественно опасные деяния);

– разграничительную (отделяет посягательства на конституционно значимое состояние от внешне сходных преступлений);

– доказательственную (ориентирует на то, какие обстоятельства должны быть установлены для подтверждения направленности вреда).

Таким содержанием обладает, на наш взгляд, «конституционная безопасность», понимаемая как охраняемое уголовным законом состояние устойчивости конституционно значимых институтов и механизмов, обеспечивающих организацию публичной власти, единое правовое пространство, территориальную целостность и гражданский мир. Такая формула описывает не ценность, а состояние, и потому прямо требует раскрытия механизма вреда: насильственный захват власти оценивается через направленность насилия на разрушение установленного порядка формирования, осуществления или сменяемости власти; публичные

прокуратуры Республики Казахстан // Qamqor.gov.kz. Режим доступа: https://qamqor.gov.kz/crimestat//files/2024/12/19/202412_1et_00000___ru.xlsx (дата обращения: 25.04.2026).

[1] Нудель, С.Л. Конституционный строй как объект уголовно-правовой охраны / С.Л. Нудель // Журнал российского права. - 2022. - Т. 26. - № 12. - С. 121.

[2] Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 02.07.2021, № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

призывы к нарушению территориальной целостности – через угрозу пространственному и правовому единству; организация экстремистского сообщества – через создание устойчивой структуры, способной воздействовать на гражданский мир и равноправие.

Внутри этого состояния различаются четыре взаимосвязанных аспекта: порядок формирования, осуществления и сменяемости власти; гражданский мир и равноправие; территориальная целостность и единство правового пространства; недопущение создания и функционирования террористических и экстремистских структур, способных обеспечивать постоянную угрозу остальным аспектам. Ни один из них не образует самостоятельного объекта преступления – вместе они раскрывают внутреннюю структуру одного охраняемого состояния, и механическое разнесение составов по четырём «объектам» недопустимо: корректнее говорить о преимущественном аспекте, на который направлено конкретное деяние.

В уголовно-правовой плоскости расположение статьи в той или иной главе закона задаёт лишь презумпцию того, какой объект охраны имел в виду законодатель; принадлежность же конкретного посягательства к группе преступлений против определённого объекта устанавливается при квалификации – через признаки состава и механизм причинения вреда. К.В. Чистяков и С.А. Гримальская, обсуждая соотношение конституционной безопасности и политической преступности, предлагают относить к последней все деяния главы 29 УК РФ[1]; в криминологическом описании это допустимо, но в уголовно-правовом анализе совпадение нормативного перечня и группы посягательств не презюмируется, а проверяется. Включение статьи в главу о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства само по себе не означает, что деяние во всяком случае посягает на конституционную безопасность; размещение же нормы в главе об общественной безопасности не исключает обратного, что наглядно демонстрирует ст. 205 УК РФ, помещённая в главу 24, но при специальной цели дестабилизации деятельности органов власти направленная одновременно и на конституционно значимое охраняемое состояние.

Та же проблема обнаруживается в уголовном законодательстве государств Содружества, к которому мы обращаемся для её проверки. В Уголовном кодексе Российской Федерации соответствующий массив норм сосредоточен в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Уже на уровне заголовка соединены разноуровневые категории: «основы конституционного строя» относятся к уровню учредительных принципов, «безопасность государства» – к уровню охраняемых состояний. Для систематизации это создаёт внутреннее напряжение. Часть составов главы – насильственный захват власти, вооружённый мятеж, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля – затрагивает именно устойчивость публично-властной организации; другая часть – возбуждение ненависти либо вражды, организация экстремистского сообщества – при ориентации на «основы» требует значительных интерпретационных усилий, тогда как с конституционной безопасностью связана непосредственно. То же напряжение видно и в положении террористического акта: норма расположена в главе об общественной безопасности, однако диспозиция статьи 205 УК РФ связывает общеопасные действия с целью дестабилизации деятельности органов власти или воздействия на принятие ими решений[2], что не позволяет ограничить её смысл одним объектом и открывает конституционное измерение посягательства.

Уголовный закон Республики Таджикистан демонстрирует близкую, но не тождественную модель. Глава 29 УК РТ обозначена как глава о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства; в ней закреплены нормы об измене государству,

[1] Чистяков, К.В., Гримальская, С.А. Конституционная безопасность и политическая преступность / К.В. Чистяков, С.А. Гримальская // Образование и право. - 2019. - № 2. - С. 16.
[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 9 апреля 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

насильственном захвате или удержании власти, публичных призывах к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан, публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности и публичном оправдании экстремизма, организации экстремистского сообщества, организации деятельности экстремистской организации, организации учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера, шпионаже, диверсии, посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля Республики Таджикистан, разглашении государственной тайны, утрате документов, содержащих государственную тайну, и вооруженном мятеже[1]. При таком построении главы законодательная рубрика не исчерпывается простым указанием на родовой объект: диспозиции соответствующих составов раскрывают направленность посягательства через угрозу суверенитету, территориальной целостности, конституционному строю, безопасности государства, обороноспособности, деятельности органов власти и режиму охраны государственной тайны.

По сходному принципу построена и структура Уголовного кодекса Республики Казахстан. Глава 5 «Уголовные правонарушения против основ конституционного строя и безопасности государства» объединяет государственную измену, шпионаж, посягательство на жизнь экс-Президента и Президента Республики Казахстан, пропаганду или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя, сепаратистскую деятельность, вооруженный мятеж, создание, руководство экстремистской группой или участие в ее деятельности, дачу разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов, диверсию, незаконное собирание, распространение, разглашение государственных секретов и утрату носителей сведений, содержащих государственные секреты[2]. В одном законодательном блоке здесь соединены разные способы воздействия на охраняемое состояние: насильственный, территориальный, организационный, публично-призывной, диверсионный и связанный с нарушением режима государственной тайны. Именно это соединение, а не количество совпадающих статей, составляет значимый итог сопоставления, из также следуют три наблюдения:

– близость законодательной рамки, использующей в каждом из трёх уголовных законов конструкцию преступлений (правонарушений) против основ конституционного строя и безопасности государства;

– неодинаковое распределение террористических и экстремистских посягательств между блоками общественной безопасности и охраны конституционного порядка;

– сохранение общей методологической проблемы, при которой ни заголовочное сходство, ни совпадение диспозиций не заменяют анализа механизма причинения вреда.

В данных обстоятельствах категория «конституционная безопасность», не повторяющая ни одного из обозначенных наименований глав уголовных законов, даёт содержательно единое основание систематизации, пригодное для национальных законодательств независимо от сложившейся терминологической традиции.

Прежде всего такое основание должно быть соотносимо с элементами состава преступления и именно в предложенном виде оно позволяет связать насильственный захват власти с порядком осуществления публичной власти, вооружённый мятеж – с насильственным воздействием на государственную устойчивость, публичные призывы к нарушению территориальной целостности – с территориально-правовым единством, организацию экстремистского

[1] Уголовный кодекс Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовая система «Континент». Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 25.04.2026).

[2] Уголовный кодекс Республики Казахстан: кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V ЗРК (с изменениями и дополнениями) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет». Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 25.04.2026).

сообщества – с устойчивой организационной угрозой гражданскому миру, террористический акт при специальной цели – с дестабилизацией публично-властной организации.

Вторым условием выступает способность разграничивать смежные общественно опасные деяния: одно и то же внешнее действие (насилие, публичное высказывание, организационная радикальная деятельность) получает различную квалификацию в зависимости от объекта воздействия и направленности умысла, и решающим оказывается то, какой охраняемый порядок подвергается угрозе и подтверждается ли она признаками состава.

Третье условие – возможность описать типовой механизм причинения вреда: воздействие на порядок формирования и осуществления власти, нарушение территориального и правового единства, разрушение гражданского мира и равноправия, создание устойчивых объединений, формирующих постоянную угрозу ещё до совершения отдельных актов насилия.

Четвёртое касается связи с направленностью умысла, которая в рассматриваемой группе посягательств выполняет не вспомогательную, а разграничительную функцию, отделяя посягательство на конституционную безопасность от деяния, лишь внешне связанного с политическим или общественным конфликтом.

Пятое условие – способность предупреждать квалификационное размывание: опора на объектный признак снижает соблазн применять «удобные» составы с расширенными пределами криминализации к деяниям, существенной связи с конституционной безопасностью не обнаруживающим.

Можно возразить, что для квалификации конкретного дела достаточно анализа непосредственного объекта соответствующего состава преступления, а обращение к общей категории лишь усложняет описание. Применительно к единичной уголовно-правовой оценке подобное возражение может быть уместно, но оно утрачивает силу при систематизации, разграничении смежных составов и оценке уголовной политики. Конституционная безопасность не заменяет непосредственный объект, но позволяет увидеть, почему разные по способу деяния затрагивают различные стороны одного охраняемого состояния. С этим связана и её ограничительная функция, выражающаяся в том, что предложенная категория не превращается в универсальную рамку для любого публичного социального конфликта и/или общественного резонанса; учётные рубрики – «преступления террористического характера», «преступления экстремистской направленности» – показывают масштаб правоохранительной работы, но не тождественны научной группе преступлений против конституционной безопасности, и объектный вывод делается только после проверки способа посягательства, адресата воздействия и направленности умысла.

В правоприменении предлагаемый подход смещает границы предмета доказывания. Установление самого действия, его публичности, насильственного характера или организационной формы оказывается недостаточно, поскольку для посягательств на порядок осуществления власти устанавливается направленность на его изменение, захват, удержание или дестабилизацию; для территориальных посягательств – связь с нарушением территориальной целостности или единства правового пространства; для деяний, затрагивающих гражданский мир, – содержание воздействия на равноправие и межгрупповое согласие; для организационных форм – устойчивость объединения, целевая направленность, распределение ролей и реальная способность создавать постоянную угрозу охраняемому состоянию.

Наряду с этим признание конституционной безопасности объектом уголовно-правовой охраны меняет и способ квалификационного анализа, так как правоприменитель устанавливает не только формальное соответствие деяния диспозиции, но и его связь с охраняемым состоянием, выраженную через механизм причинения вреда, адресат воздействия и направленность умысла; без такой проверки специальная норма утрачивает разграничительную функцию.

Сравнительно-правовое сопоставление законодательства России, Таджикистана и Казахстана подтверждает, что близость наименований глав УК не освобождает от самостоятельной объектной проверки: термины «основы конституционного строя», «безопасность государства», «общественная безопасность» задают направление анализа, но не заменяют установления способа воздействия и направленности умысла. Тогда как уголовно-правовая пригодность предложенной категории определяется именно её связью с элементами состава и возможностью провести разграничение со смежными составами. Для правоприменения она выступает одновременно систематизирующим и ограничительным средством, препятствуя как необоснованному расширению специальных составов на деяния, не затрагивающие конституционно значимое охраняемое состояние, так и обратной ошибке, при которой посягательство на устойчивость публичной власти, территориальную целостность или гражданский мир искусственно сводится к общеуголовному преступлению.

Для уголовной политики государств СНГ обращение к конституционной безопасности переводит, наконец, обсуждение противодействия преступности из сферы простого усиления ответственности в плоскость точности криминализации и системности уголовно-правовой охраны, что придаёт сравнительно-правовому обмену в рамках Содружества содержательное, а не только обзорное значение.

УДК 343.1

ГАРАНТИИ ПРАВ ЗАДЕРЖАННЫХ С МОМЕНТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ

КАФОЛАТҲОИ ҲУҚУҚҲОИ ДАСТГИРШУДА АЗ ЛАҲЗАИ МАҲРУМИЯТ АЗ ОЗОДӢ: МАСЪАЛАҲОИ ТАНЗИМИ МУРОФИАВӢ-ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ЗАМИНАИ СТАНДАРТҲОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

РОЗИКЗОДА ФАРХОД МИРЗОМАХМАД
Старший преподаватель кафедры предупреждения террористических преступлений и обеспечения общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции / Омӯзгори калони кафедраи пешгирии ҷиноятҳои террористӣ ва таъмини бехатарии ҷамъиятии факултети № 6-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники милитсия
E-mail: rozikovfarhod644@gmail.com

В уголовном судопроизводстве момент фактического лишения свободы является точкой отсчета для формирования доказательств и одновременно зоной максимального риска нарушений прав личности. Международные органы подчёркивают необходимость гарантировать всем задержанным – включая несовершеннолетних – фундаментальные правовые гарантии с самого начала лишения свободы[1]. При этом в национальном регулировании Республики Таджикистан наблюдается характерная для постсоветских моделей проблема временного разрыва между фактическим удержанием лица и формально-процессуальным при-

[1] CAT/C/TJK/CO/3: Комитет против пыток - заключительные замечания по третьему периодическому докладу Таджикистана // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.ohchr.org/ru/documents/concluding-observations/committee-against-torture-concluding-observations-third-0 (дата обращения: 26.03.2026).

знанием статуса (задержанный/подозреваемый), что создаёт серую зону для неформальных контактов и неучтённых периодов лишения свободы. Указанная проблематика усиливается тем, что в отношении административно задержанных уровень правовой защиты может быть ниже, чем в уголовном судопроизводстве, что отдельно отмечено в обозначенном международном акте.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан[1] (далее – УПК РТ) формально исходит из того, что процессуальные гарантии должны включаться с момента фактического задержания лица. Так, законодатель закрепляет возможность пользоваться услугами защитника с момента фактического задержания (ч. 3 ст. 92 УПК РТ). Норма о порядке задержания подозреваемого предусматривает информирование о подозрении, разъяснение права уведомить защитника или близких, права на защитника и права отказаться от объяснений, а также обязанность составить протокол задержания не позднее трёх часов с момента доставления (ч.ч. 1, 2 ст. 94 УПК РТ). Таким образом, в нормативной конструкции УПК РТ заложены элементы международного «минимального пакета» ранних гарантий: уведомление о сути подозрения, праве на защиту и фиксация процессуального факта задержания.

Важной особенностью таджикского регулирования является дифференциация максимального срока задержания: общий предел составляет 72 часа, однако для несовершеннолетних установлен более короткий срок – 48 часов (ч. 3 ст. 92 УПК РТ). Эта тенденция коррелирует с направленностью современных международных подходов к более строгому стандарту оперативного контроля в делах несовершеннолетних и с принципом минимизации лишения свободы детей[2]. Одновременно реализованное в соответствии с п. 17 упомянутого Документа Экономического и Социального Совета ООН по страновой программе Республики Таджикистан различие 72 и 48 часов на задержание демонстрирует, что национальная система уже признала допустимость более короткого предела – но пока только для детей, что создаёт нормативное основание для возможного расширения стандарта и на взрослых.

Специальные гарантии несовершеннолетних проявляются и в обязанности информировать родителей или законных представителей о задержании или помещении под стражу (ч. 1 ст. 100 УПК РТ). Это соответствует международной логике дополнительной защиты детей через вовлечение законного представителя и обеспечение контакта с семьёй как ключевого противовеса изоляции.

Наряду с УПК РТ, значительный объём гарантий закреплён в специальном Законе Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. № 720 «О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых»[3] (далее – Закон РТ №720). В контексте вопроса предоставления ранних гарантий принципиальна норма ч. 1 ст. 18 обозначенного Закона, согласно которой свидания с защитником предоставляются с момента задержания, наедине и без ограничений количества и продолжительности, а конфиденциальность обеспечивается возможностью сотруднику наблюдать за ходом свидания, но не слышать обсуждаемые моменты. Данная формула является правовым эквивалентом международного требования эффективного доступа к независимому адвокату с самого начала лишения свободы, поскольку исключает формальный допуск адвоката без возможности конфиденциального общения.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (с изм. и доп. от 24.12.2022) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12, ст. 816 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj (дата обращения: 26.03.2026).

[2] ЮНИСЕФ. Страновая программа: Таджикистан (E/ICEF/2022/P/L.29) // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.unicef.org/executiveboard/media/13081/file/2022-PL29-Tajikistan_CPD-RU-ODS.pdf (дата обращения: 27.03.2026).

[3] Закон Республики Таджикистан«О порядке и условиях содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и подсудимых» от 28 июня 2011 г. № 720 // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=13084 (дата обращения: 27.03.2026).

Что касается прямо предусмотренных в международных стандартах медицинских гарантий, то, будучи реализованными в Законе РТ № 720, они также имеют антипытковый потенциал. Так, в ст. 24 Закона РТ № 720 предусматривает безотлагательное освидетельствование при ухудшении состояния здоровья или травмах, фиксирование результатов, информирование лица и выдачу копии заключения по желанию лица или адвоката; допускается освидетельствование внешними медучреждениями, а отказ может быть обжалован надзирающему прокурору. Для несовершеннолетних предусмотрены усиленные условия и специализированное обслуживание, а при поступлении обращения о применении насилия – обязательное освидетельствование с участием не менее трёх медицинских работников, не подчинённых учреждению содержания (ч. 6 ст. 32 Закона РТ № 720). Эта усиленная медицинская гарантия может рассматриваться как пример повышенного стандарта в отношении несовершеннолетних, который целесообразно частично распространять и на взрослых (как минимум в части обязательности конфиденциального медицинского осмотра и выдачи копии заключения при заявлении о насилии).

Несмотря на наличие нормативного фундамента, международный мониторинг указывает на проблемы практического обеспечения гарантий. Комитет против пыток выразил обеспокоенность тем, что задержанные «не пользуются, на практике, всеми фундаментальными гарантиями с самого начала лишения свободы», отдельно указал на меньшую защиту административно задержанных, на практику «неформальных приглашений на беседы» с последующим удержанием без оформления статуса и на отсутствие полноценного централизованного регистра на всех стадиях лишения свободы. Комитет рекомендовал обеспечить регистрацию всех периодов лишения свободы, гарантировать оперативный доступ к адвокату, медицинский осмотр и немедленное уведомление близких, усилить судейский контроль и снизить 72-часовой период милицейского удержания.

Сравнительный анализ показывает, что ключевой узел проблемы лежит в механизме автоматического запуска гарантий. В национальных нормах права и процедуры часто привязаны к оформлению протокола и процессуального статуса; международный стандарт же ориентирован на фактическую ситуацию – любое лишение свободы должно быть немедленно зарегистрировано и сопровождаться доступом к защите[1]. Отсюда вытекает научно-практическая задача: переопределить «момент включения гарантий» как юридический факт, не допускающий опосредования ведомственными практиками.

С учётом выявленных разрывов предлагается пакет точечных поправок и организационно-процессуальных решений.

Во-первых, целесообразно закрепить в УПК РТ дефиницию лишения свободы и фактического задержания как любой ситуации, когда лицо объективно не свободно покинуть место нахождения по воле должностного лица, и ввести обязанность немедленной регистрации такого факта (включая так называемых «приглашённых на беседу») с установлением санкции недопустимости доказательств, полученных до разъяснения прав и допуска адвоката.

Во-вторых, требуется привести максимальный срок задержания взрослых к 48 часам, синхронизировав режим судейского контроля с современной трактовкой оперативности и с уже действующим детским стандартом 48 часов.

В-третьих, необходимо унифицировать минимальные фундаментальные гарантии для административных и уголовных задержаний, поскольку риск пыток, принуждения и незарегистрированного удержания связан с фактом лишения свободы, а не с юридической квалификацией процедуры.

[1] Абдуллоева, М.К. Дастгир кардани шахс бо гумони содир намудани ҷиноят: автореф. дис. … н. и. ҳ: 12.00.09 / М.К. Абдуллоева. - Душанбе, 2023. - С. 9.

В-четвёртых, при производстве по делам несовершеннолетних следует закрепить обязательность участия адвоката и законного представителя на ранней стадии и предусмотреть обязательную аудио-, видеофиксацию первичных процессуальных контактов.

В-пятых, целесообразно рассмотреть присоединение к ОРСАТ как системную меру превенции пыток и усиления независимого мониторинга мест лишения свободы.

Научная значимость и практическая реализуемость предложений подтверждаются тем, что Республика Таджикистан уже демонстрирует способность к реформам в отношении несовершеннолетних: в 2021 г. в УПК РФ были внесены поправки о сокращении первоначального задержания детей с 72 до 48 часов; одновременно государству требуется ресурсное закрепление реформ по всей стране. При этом статистика преступности несовершеннолетних, приводимая в научной публикации на основе данных МВД, показывает относительную стабильность показателей (2020-2021), что создаёт благоприятные условия для качественной правовой настройки системы гарантий без режима чрезвычайной перегрузки[1].

По результатам проведённого исследования, представляется целесообразным обозначить следующие выводы:

1) Национальное уголовно-процессуальное регулирование Республики Таджикистан содержит существенные элементы международного минимального пакета ранних гарантий: право на защиту с момента фактического задержания; требования к содержанию и сроку составления протокола задержания; возможность уведомления защитника или близких; сокращённый срок задержания несовершеннолетних до 48 часов; специальные правила уведомления родителей/законных представителей.

2) Закон РТ № 720 усиливает гарантии реального доступа к защитнику с момента задержания и закрепляет медицинские механизмы фиксации травм, включая выдачу копии заключения и возможность внешнего освидетельствования; для несовершеннолетних предусмотрены усиленные условия и специальная процедура освидетельствования при заявлении о насилии.

3) Международный мониторинг указывает на практико-ориентированные дефициты: запаздывание гарантий относительно фактического лишения свободы, неполнота регистрации, проблема «неформальных бесед», меньшая защита административно задержанных и необходимость снижения 72-часового срока удержания взрослых.

4) Предложена модель запуска гарантий автоматически с момента фактического лишения свободы, что должно сопровождаться обязательной регистрацией и иметь процессуальные санкции за нарушение. В качестве ключевых законодательных шагов предлагаются: дефиниция момента лишения свободы и запрет «допроцессуальных» опросов без гарантии; унификация стандартов для административных и уголовных задержаний; сокращение срока задержания взрослых до 48 часов; расширение обязательной фиксации процессуальных действий и усиление детских гарантий; рассмотрение присоединения к ОРСАТ.

[1] Хакимзода, А.Х. Назначение уголовно-процессуального статуса несовершеннолетнего подозреваемого по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации / А.Х. Хакимзода // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. - 2022. - № 2 (54). - С. 95-101.

УДК 341.4:343.293

АМНИСТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: БАЛАНС МЕЖДУ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ, ПРИМИРЕНИЕМ И ЗАЩИТОЙ ПРАВ

АФВ ДАР ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ ҶИНОЯТӢ: МУВОЗИНАТ БАЙНИ АДОЛАТ, ОШТӢ ВА ҲИФЗИ ҲУҚУҚҲО

САИДВАЛИЗОДА БАРНО САИДНАБИ
Председатель Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан по науке, образованию, культуре и молодёжной политике, кандидат юридических наук / Раиси Кумитаи Маҷлиси намояндагон Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба илм, маориф, фарҳанг ва сиёсати ҷавонон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ
E-mail: barno.7373@mail.ru

Институт амнистии давно занимает важное место в системе уголовного права. На протяжении веков государства прибегали к нему как к средству завершения конфликтов, смягчения последствий военных действий и обеспечения перехода к мирной жизни, а также для урегулирования внутренних противоречий[1]. В последние десятилетия вопрос применения амнистии в отношении международных преступлений вызывает активные дискуссии. Все больше международных и региональных судебных органов, правозащитных институтов, включая ООН, а также ряд специалистов в области международного права придерживаются позиции, что такие амнистии недопустимы. По их мнению, они противоречат нормам международного публичного права, которые возлагают на государства, особенно пережившие конфликт, обязанность привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении военных преступлений, преступлений против человечности и геноцида.

Так, Верховный комиссар по правам человека подчеркивает: «Принципиальный подход ООН состоит в том, что амнистия не должна применяться к лицам, подозреваемым в совершении военных преступлений и преступлений против человечности.».

В то же время существует и противоположная точка зрения. Ее сторонники считают, что амнистия может способствовать мирному урегулированию и переходу от конфликта к стабильности. При этом они настаивают на необходимости разграничивать различные формы амнистии с учетом условий их принятия и содержания, выделяя, в частности, так называемые «самоамнистии», принимаемые государствами для ухода от юридической ответственности, и амнистии, выработанные по соглашению сторон конфликта[2].

Существуют также компромиссные подходы к данной проблеме. Так, Генеральный секретарь ООН, с одной стороны, высказывается против применения амнистии, однако одновременно отмечает сложность и неоднозначность этого вопроса. Он признает, что в отдельных ситуациях амнистия может выступать эффективным инструментом, особенно когда иные способы примирения сторон оказываются невозможными. В частности, она способна содействовать процессам разоружения, демобилизации и последующей интеграции бывших участников вооруженных конфликтов в мирную жизнь.

[1] Кохман, Д.В. Амнистии в целях восстановления мира / Д.В. Кохман // Теория государства и права. - 2017. - № 1. - С. 21-27.
[2] Freeman, M. Necessary evils: amnesties and the search for justice // Cambridge University Press, 2009. - 376 p.; Mallinder, L. Amnesty, human rights and political transitions: bridging the peace and justice divide // Hart Publishing, 2008. - 598 p.; Schabas, W. Unimaginable atrocities: justice: politics and rights at the war crimes tribunals. - Oxford: Oxford University Press, 2012. - 240 p.

Таким образом, институт амнистии в международном уголовном праве остается предметом научных и практических споров. При этом, если в национальных правовых системах данное понятие достаточно подробно разработано и изучено, то в международном праве его четкое нормативное определение по-прежнему отсутствует.[1] Как правило, амнистия определяется как акт, принимаемый законодательным органом, который ликвидирует правовые последствия отдельных уголовно наказуемых деяний, прекращает уголовное преследование и освобождает от наказания.

На протяжении многих веков государства прибегали и продолжают прибегать к амнистии как средству достижения мира и завершения вооруженных противостояний. Данная практика сохраняется и в современный период.

Так, в Московском соглашении по Таджикистану 1996 года, вошедшем в состав Генерального соглашения о мире и национальном согласии в Таджикистане 1997 года, подчеркивалась необходимость проведения всеобщей амнистии[2]. К числу государств, которые сравнительно недавно прибегали к амнистии, относятся, например, Эфиопия (2018 г.), Никарагуа (2019 г.).

Следовательно, несмотря на широкое распространение так называемого «каскада правосудия», выражающегося в увеличении числа судебных разбирательств, основанных на принципах универсальной юрисдикции, амнистии продолжают активно использоваться. Более того, они сохраняют статус одного из наиболее востребованных инструментов правосудия переходного периода, опережая такие механизмы, как судебные процессы, комиссии по установлению истины, программы компенсации ущерба и люстрационные меры[3] .

Неудивительно, что многие государства, ставя под сомнение безусловный запрет на применение амнистии, продолжают ее поддерживать и рассматривать как важный инструмент для урегулирования внутренних противоречий и достижения политических договоренностей. При этом они исходят из того, что нормы международного публичного права могут быть интерпретированы таким образом, чтобы допускать использование амнистии, по крайней мере в отдельных случаях, одновременно не отрицая необходимости защиты прав пострадавших и соблюдения требований международного права[4].

В результате каждый раз, когда во время работы над международными договорами обсуждается вопрос об амнистии, государства проявляют очевидное нежелание его решить[5], хотя после Нюрнбергского и Токийского процессов был принят ряд международных договоров в отношении наиболее тяжких международных преступлений, налагающих определенные обязательства на ратифицировавшие их государства.

Так, Конвенция о предупреждении геноцида возложила обязанность на государства-участники «...предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида или других упомянутых в статье III преступлений»[6].

Конвенция против пыток, а также иных жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство форм обращения и наказания закрепляет недопустимость оправдания либо снижения ответственности за указанные в ней правонарушения. Вместе с тем в научной литературе

[1] Fijalkowski, A. Amnesty // An introduction to transitional justice / ed. O. Simic. - London: Routledge, 2020. - Pp. 123-148.
[2] Раджабов, С.А. Применение амнистии в ходе вооруженных конфликтов (опыт Афганистана и Таджикистана) / С.А. Раджабов // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 7 (158). - С. 70-73.
[3] Sikkink, K. The justice cascade: how human rights prosecutions are changing world politics. - New York: W.W. Norton & Co, 2011. - 342 p.; Jeffery, R. Amnesties, accountability and human rights. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. - 312 p.
[4] Roht-Arriaza, N., Gibson, L. The developing jurisprudence on amnesty // Human Rights Quarterly. - 1998. - Vol. 20. - Pp. 843-885.
[5] Freeman, M. Necessary evils: amnesties and the search for justice // Cambridge University Press. - 2009. - 376 p.
[6] Jeffery, R. Amnesties, accountability and human rights. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. - 312 p.

данное положение нередко рассматривается как допускающее определенную свободу усмотрения государств при выборе способов исполнения своих международных обязательств[1].

Статья 11 Международной конвенции о защите всех лиц от насильственных исчезновений также возлагает на государства-участники ряд обязательств. В частности, она требует закрепления в национальном законодательстве уголовной ответственности за совершение насильственных исчезновений, а также исключает возможность освобождения виновных лиц от такой ответственности[2].

Ни одна из перечисленных выше конвенций, как и многие другие международные акты, прямо не запрещает и не разрешает применение амнистии. Их нормы ограничиваются обязанностью предотвращать международные преступления и обеспечивать привлечение к уголовной ответственности лиц, признанных виновными компетентными органами. При этом действие этих документов распространяется исключительно на государства, которые их ратифицировали.

В то же время, как уже отмечалось, амнистия на протяжении столетий применялась государствами для достижения мира между бывшими противниками, юридического закрепления взаимного «забвения» прежних преступлений после завершения конфликта и восстановления нормальных мирных отношений.

В этом контексте особое значение в международном уголовном праве приобретают Женевские конвенции 1949 года, которые сегодня ратифицированы практически всеми странами мира. Они накладывают на государства обязательство преследовать в судебном порядке или выдавать лиц, обвиняемых в серьезных нарушениях, указанных в конвенциях, что делает их ключевым инструментом обеспечения международной юридической ответственности.[3]. В статье 6 (п. 5) Дополнительного протокола II 1977 года к Женевским конвенциям говорится: «По завершении военных действий органы власти стремятся предоставить максимально широкую амнистию участникам вооруженного конфликта и лицам, находившимся в заключении по причинам, связанным с конфликтом, независимо от того, были ли они интернированы или задержаны».

Тем не менее мнения по поводу правильной интерпретации этой нормы разделились. Так, Д. Кассел отмечает, что она касается исключительно комбатантов, принимавших участие в боевых действиях с соблюдением законов войны, и, в соответствии с принципами гуманитарного права, не распространяется на лиц, совершивших тяжкие преступления[4]. Национальные суды, применяя данную статью, толкуют ее как поддержку амнистии в отношении тяжких преступлений[5].

Интерпретация, предложенная МККК, подвергается критике среди специалистов. По их мнению, она противоречит буквальному содержанию статьи, где отсутствует указание на конкретные виды преступлений, а также расходится с подготовительными материалами (the travaux préparatoires) ко второму Протоколу.

Несмотря на разногласия в толковании статьи, ясно, что она отражает признание МККК амнистий как одного из инструментов, способствующих национальному примире-

[1] Orentlicher, D.F. Settling accounts: the duty to prosecute human rights violations of a prior regime // Yale Law Journal. - 1991. - Vol. 100. - Pp. 253.
[2] Orentlicher, D.F. Указ. раб.
[3] Naqviv, Y. Amnesty for war crimes: defining the limits of international recognition // International Review of the Red Cross. - 2003. - Vol. 85. - Pp. 583-625.; Павлова, Л.В. Роль статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. в прогрессивном развитии международного гуманитарного права / Л.В. Павлова // Журнал международного права и международных отношений. - 2010. - № 4. - С. 3-7.
[4] Cassel, D. Lessons from the Americas: guidelines for international response to amnesties to atrocities // Law Contemporary Problems. - 1996. - Vol. 59. - №. 4. - Pp. 197-230.
[5] Lenta, P. Amnesties, transitional justice and the rule of law // Hague Journal on the Rule of Law. - 2023. - No. 15. - Pp. 441-469.

нию. Включение нормы в Дополнительный протокол II дополнительно укрепило легитимность использования амнистий для урегулирования вооруженных конфликтов.

Не случайно спустя несколько лет в Комментарии к Белфастским руководящим принципам об амнистии и ответственности, подготовленных международной группой экспертов и ученых, отмечается, что практически все правовые системы предусматривают возможность применения амнистии во время или после конфликтов. При этом особо подчеркивается, что важно, чтобы амнистии разрабатывались таким образом, чтобы дополнять механизмы, «обеспечивающие ответственность и установление истины».

Некоторые ученые, обсуждая запрет амнистии, пытаются провести аналогию с отсутствием срока давности, утверждая, что запрет на применение сроков давности к международным преступлениям фактически запрещает амнистию. Однако такая аргументация спорна, поскольку амнистия и срок давности – это разные институции уголовного права. Сроки давности лишь ограничивают период, в течение которого возможно привлечение к ответственности, не отменяя самой уголовной ответственности, тогда как амнистия преследует совершенно иную цель[1].

Следовательно, запрет на применение сроков давности для отдельных преступлений не может автоматически приравниваться к запрету на амнистию. Это подтверждается практикой обсуждения Конвенции о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества: государства имели возможность запретить амнистию так же, как и сроки давности, однако такой запрет принят не был.

В дискуссиях о признании или непризнании амнистии иногда выдвигается аргумент, что недопустимость нарушений основных прав человека исключает возможность амнистии. Однако этот подход представляется ошибочным. Основные права человека налагают на государства обязанность воздерживаться от нарушений этих прав, а не абсолютное обязательство преследовать все нарушения до такой степени, чтобы запрещать амнистию. Иными словами, невозможность отступлений от прав человека не коррелирует напрямую с институтом амнистии и не подразумевает ее запрета.

Международные суды неоднократно рассматривали вопросы, связанные с амнистией. Причем даже если в уставе конкретного суда отсутствуют прямые положения об амнистии, его позицию можно определить исходя из прецедентной практики и судебных решений.[2].

Так, в деле Анто Фурундзии (Furundzija), командующего подразделением боснийских хорватских сил, обвиняемого в военных преступлениях, включая пытки, Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) постановил, что амнистия не распространяется на тяжкие нарушения норм международного гуманитарного права. Суд обосновал это тем, что запрет на пытки является нормой jus cogens, и любые амнистии, освобождающие от ответственности за пытки, противоречат этой императивной норме. Однако такая позиция МТБЮ не является единодушной в научной и правоприменительной среде. Некоторые специалисты считают, что императивный характер нормы jus cogens не ведет автоматически к запрету или отмене амнистии, и вопрос применения амнистий в таких случаях требует более взвешенного анализа[3].

Свое мнение относительно амнистии выразил и Межамериканский суд по правам человека в деле «Барриос Альтос против Перу» (Barrios Altos Case, 2001). Суд отметил, что «любые положения об амнистии, давности или иных мерах, направленных на освобождение от ответственности, являются недопустимыми, если их цель – препятствовать расследованию и

[1] Boed, R. The effect of a domestic amnesty on the ability of foreign states to prosecute alleged perpetrators of serious human rights violations // Cornell International Law Journal. - 2000. - Vol. 33. - № 2. - Pp. 297-329.
[2] Jacobs, D. Puzzling over amnesties: defragmenting the debate for international criminal tribunals // The diversification and fragmentation of international criminal law / eds. L. van den Herik, C. Stahn. Martinus Nijhoff Publishers, 2012. - Pp. 305-346.
[3] O'Keefe, R. International criminal law. - Oxford University Press, 2015. - 678 p.

наказанию лиц, ответственных за серьезные нарушения прав человека, включая пытки, внесудебные казни, произвольные задержания или насильственные исчезновения. Такие положения запрещены, так как нарушают права, от которых не допускаются отступления и которые признаются международным правом о правах человека»[1].

В Сьерра-Леоне ситуация развивалась иначе, чем в большинстве других постконфликтных стран, поскольку здесь особое внимание уделялось созданию условий для прекращения многолетнего насилия и восстановления общественного порядка. В 1999 году был заключен Ломейский мирный договор, который стал ключевым инструментом урегулирования вооруженного конфликта, охватившего страну.

Соглашение предусматривало комплекс мер, направленных на достижение политического компромисса между правительственными силами и повстанческими группировками, включая предоставление амнистии участникам конфликта, что позволило стимулировать процесс прекращения боевых действий и создать платформу для долгосрочного мира.

Это соглашение как соглашение, подписанное 27 июня 1997 года в Москве «Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане» сыграло решающую роль в снижении уровня насилия и открытии возможностей для национального примирения, обеспечив формальные рамки для интеграции бывших комбатантов в гражданскую жизнь и стабилизации государственных институтов. Принятие Ломейского соглашения также продемонстрировало, что амнистия может использоваться как стратегический инструмент переходного правосудия, позволяющий мирным переговорам продвигаться вперед даже в условиях глубокой социальной и политической напряженности.

В отличие от подходов, где амнистия категорически запрещена за тяжкие нарушения прав человека, опыт Сьерра-Леоне показывает, что иногда этот инструмент рассматривается как необходимый компромисс для восстановления мира и обеспечения функционирования государства.[2]. Соглашение содержало, в том числе, противоречивое положение об амнистии, которая распространялась на всех участников вооруженного конфликта, независимо от их роли в боевых действиях. Во время подписания Ломейского соглашения Специальный представитель Генерального секретаря ООН открыто выступил против предоставления такой амнистии, разделяя позицию ряда международных правозащитных организаций, считавших этот шаг проблематичным с точки зрения правосудия и защиты жертв.

В то же время многие государства признали, что амнистия в данном случае представляет собой практически единственный инструмент, способный эффективно остановить военные столкновения и создать условия для перехода к миру. Именно этот компромиссный подход позволил сторонам конфликта сесть за стол переговоров и согласовать меры, направленные на прекращение насилия, восстановление нормальной жизни и интеграцию бывших комбатантов в гражданское общество. Таким образом, амнистия выступила как ключевой механизм, обеспечивающий возможность мирного урегулирования, несмотря на наличие серьезных этических и правовых споров[3]. В результате 20 августа 1999 года Совет Безопасности ООН принял компромиссную резолюцию, в пункте 10 которой акцентировалось на необходимости содействия установлению мира и национального примирения в Сьерра-Леоне.

Однако, несмотря на Ломейское соглашение, насилие в стране не прекратилось, что побудило президента Сьерра-Леоне обратиться в ООН с просьбой о содействии в создании

[1] Binder, Ch. The Prohibition of amnesties by the Inter-American Court of Human Rights // German Law Journal. - 2011. - Vol. 12. - № 5. - Pp. 12031229.

[2] Майзенберг, С.М. Законность амнистий с точки зрения международного гуманитарного права. Решение Специального суда по Сьерра-Леоне относительно амнистий, предоставленных на основании Ло-мейского мирного соглашения / С.М. Майзенберг // Международный журнал Красного Креста. - 2004. - Т. 86. - № 856. - С. 141-159.

[3] Akinrinade, B. International humanitarian law, and the conflict in Sierra Leone // The Notre Dame Journal of Law, Ethics and Public Policy. - 2012. - Vol. 15, issue 2. - Pp. 439-440.

международного уголовного органа для преследования лиц, ответственных за тяжкие преступления. В результате Совет Безопасности учредил Специальный суд Сьерра-Леоне, Устав которого включает статью 10, посвящённую вопросу амнистии.

Спустя несколько лет Суд вновь вернулся к проблеме амнистии в деле «Прокурор против Морриса Каллона и Бримы Баззи Камары» (2004 г.). Обвиняемые утверждали, что Ломейское соглашение предоставило им безусловную амнистию за все преступления, совершённые до 1999 года, и, следовательно, Суд не имеет права привлекать их к уголовной ответственности. Этот спор стал ключевым моментом в определении границ применения амнистии в контексте международного уголовного права и переходного правосудия[1].

Чрезвычайная палата судов Камбоджи в своих решениях поддержала подходы, выработанные МТБЮ и Специальным судом Сьерра-Леоне, подтвердив ограниченную применимость амнистии к тяжким международным преступлениям.

В Статуте и Правилах процедур и доказывания Международного уголовного суда (МУС), как и в упомянутых ранее международных актах, амнистия напрямую не упоминается. Однако в статье 17 (п. 2) (а) МУС предусмотрено, что Суд может признать дело приемлемым, если «национальное решение было принято с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию настоящего Суда». Это положение фактически позволяет МУС учитывать амнистии, предоставленные на национальном уровне, при оценке допустимости начала собственного расследования, не делая их полностью автоматическим основанием для освобождения от ответственности[2].

Палата подчеркнула, что, несмотря на существующую в международном праве «тенденцию» отказываться от амнистий за тяжкие международные преступления, определённые исключения возможны. В частности, Суд допускает предоставление амнистий в рамках программ национального примирения, направленных на восстановление гражданского мира и укрепление социальной сплоченности в постконфликтном обществе. Такие амнистии могут считаться оправданными, если они сопровождаются надлежащими мерами возмещения ущерба и восстановления прав жертв, а также не используются государствами как средство ухода от ответственности за умышленные убийства и другие тяжкие преступления.

Позиция Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) была подтверждена сравнительно недавно в деле «Макучян и Минасян против Азербайджана и Венгрии» (2020 г.), что продемонстрировало постепенное формирование более гибкого подхода к институту амнистии в международном праве. В этом деле ЕСПЧ подчеркнул, что в определённых ситуациях амнистия может быть допустимой, если она применяется в рамках комплексных мер национального примирения, направленных на стабилизацию постконфликтного общества и восстановление мирных отношений.

Параллельно Африканский суд по правам человека и народов также обратился к вопросу амнистии и сделал акцент на правах жертв. В своем решении суд указал: «Закон об амнистии совместим с правами человека только в том случае, если он сопровождается восстановительными мерами в интересах жертв». Такой подход отличается от позиции ЕСПЧ тем, что основной акцент ставится именно на обеспечение жертвам доступа к правосудию и возмещение причиненного вреда, а не только на поддержание общественного порядка и национального примирения.

[1] Гамурарь, В. Судебная практика международных трибуналов и ее роль в процессе унификации норм, применяемых к вооруженным конфликтам международного и немеждународного характера / В. Гамурарь // Revista Studii Juridice Universitare. – 2014. - Nr. I-2. - Pp. 11-25.

[2] Трикоз, Е. Решение Палаты предварительного производства I Международного уголовного суда «О ходатайстве Прокурора на основании статьи 58 Статута в отношении Муаммара Мохаммеда Абу Ми-ньяра Каддафи, Сейфа аль-Ислама Каддафи и Абдуллы аль-Сенусси» от 27 июня 2011 года / Е. Трикоз // Международное правосудие. - 2012. - № 1 (2). - С. 34-44.

Таким образом, можно констатировать, что ЕСПЧ занимает более гибкую позицию по сравнению с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ), Международным уголовным судом (МУС) и Межамериканским судом по правам человека, позволяя ограниченное применение амнистий при соблюдении конкретных условий: сохранении баланса между интересами национального примирения и справедливостью для жертв преступлений. Примером практической реализации такого подхода стала Колумбия. В 2016 году страна приняла Закон об амнистии, который сыграл ключевую роль в завершении многолетнего вооруженного конфликта между правительственными силами и партизанской группировкой ФАРК. Амнистия стала необходимым условием для достижения мирного урегулирования, поскольку ФАРК согласилась на прекращение боевых действий только при предоставлении определённых гарантий.

При этом закон исключает амнистию за преступления против человечности и серьезные нарушения прав человека. Чтобы воспользоваться амнистией, лица должны были признать свою вину и сотрудничать с правоохранительными органами, что позволило сочетать прекращение конфликта с реализацией принципов справедливости. Этот пример наглядно демонстрирует, что законы об амнистии и обеспечение доступа к правосудию не являются взаимоисключающими. Чтобы амнистия была легитимной, она не должна превращаться в «самоамнистию», обязана исключать наиболее тяжкие преступления и соответствовать Основным принципам ООН о правах жертв на правовую защиту и компенсацию.

Амнистия за тяжкие международные преступления имеет свои преимущества и недостатки. С одной стороны, она может рассматриваться как инструмент достижения мира, необходимый компромисс для предотвращения политической нестабильности, остановки насилия и защиты гражданского населения. С другой стороны, амнистия порождает серьёзные моральные и этические вопросы, ставя под сомнение возможность прощения участников конфликтов и их возвращения к нормальной жизни.

Решение этой проблемы осложняется тем, что, хотя международные договоры накладывают определённые обязательства на государства-участники, это не означает автоматической недействительности амнистий. Государства сохраняют право осуществлять свою юрисдикцию в рамках принципа универсальности и могут по своему усмотрению признавать или не признавать амнистию в конкретных случаях.

Кроме того, на сегодняшний день отсутствует международный договор, который бы прямо запрещал государствам предоставлять амнистию за тяжкие международные преступления. Тем не менее ничто не мешает национальным, гибридным или международным судам использовать свои полномочия и принимать решения, учитывая конкретные обстоятельства дела, в том числе признавать амнистию либо ограничивать её действие в интересах правосудия и защиты жертв. Такой комплексный подход позволяет сочетать необходимость поддержания мира с соблюдением международных стандартов ответственности за тяжкие преступления.

На основе рассмотренных материалов можно сделать вывод, что амнистия в международном уголовном праве является крайне сложным и многогранным институтом, вызывающим как юридические, так и морально-этические дискуссии. Эти подходы подчеркивают обязательство государств и международных органов обеспечивать уголовную ответственность, защищать права жертв и не допускать уклонения от правосудия посредством амнистий.

С другой стороны, практика Республики Таджикистан, Европейский суд по правам человека, а также примеры национального применения амнистии, такие как Колумбия и Сьерра-Леоне, показывают, что в конкретных постконфликтных ситуациях амнистия может служить важным инструментом национального примирения, стабилизации государства и прекращения насилия. В таких случаях амнистия оправдана, если она сопровождается механиз-

мами восстановления прав жертв, признанием вины и сотрудничеством с правоохранительными органами, а также исключает наиболее тяжкие преступления.

Таким образом, амнистия в международном контексте не является ни полностью запрещенной, ни абсолютно допустимой. Её применение должно рассматриваться как компромиссный инструмент переходного правосудия**,** балансирующий между интересами мира, справедливости и защиты прав жертв. Практика показывает, что легитимная амнистия возможна лишь при строгих ограничениях и контроле, что позволяет использовать её как средство мирного урегулирования конфликтов без полного игнорирования принципа ответственности за тяжкие преступления.

ТДУ 343.265.2

МУШКИЛОТИ ТАТБИҚИ ИНСТИТУТИ ШАРТАН ПЕШ АЗ МУҲЛАТ ОЗОД КАРДАН АЗ АДОИ ҶАЗО ВА РОҲҲОИ ҲАЛЛИ ОН

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

САИДВАЛИЗОДА БАРНО САИДНАБИ
Раиси Кумитаи Маҷлиси намояндагон Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба илм, маориф, фарҳанг ва сиёсати ҷавонон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ / Председатель Комитета Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан по науке, образованию, культуре и молодёжной политике, кандидат юридических наук
E-mail: barno.7373@mail.ru

Дар марҳилаи муосири рушди низоми иҷрои ҷазои ҷиноятӣ ба масъалаҳои татбиқи институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо диққати махсус дода мешавад. Таҳлили амалияи солҳои охир нишон медиҳад, ки ин чора ҳамчун яке аз василаҳои инсондӯстонаи сиёсати ҷиноятӣ нисбат ба гузашта камтар истифода мегардад. Маълумоти оморӣ низ аз коҳиш ёфтани шумораи маҳкумшудагоне, ки шартан пеш аз муҳлат озод мешаванд, шаҳодат медиҳад, ки ин ҳолат зарурати омӯзиши амиқтари сабабҳои чунин тамоюл ва арзёбии самаранокии механизми амалкунандаи татбиқи ин институти ҳуқуқиро ба миён меорад.

Бояд қайд намуд, ки институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо одатан ҳамчун воситаи муҳими ҳавасмандгардонии рафтори қонунии маҳкумшудагон ва воситаи бозгашти онҳо ба ҳаёти муқаррарии ҷомеа арзёбӣ мегардад. Аммо дар амал татбиқи ин чора бо як қатор мушкилот ва масъалаҳои баҳснок рӯ ба рӯ мешавад, ки аксар вақт доираи истифодаи онро маҳдуд месозанд. Дар натиҷа, масъалаи зарурати такмили танзими ҳуқуқӣ ва тартиботи марбут ба қабули қарорҳо оид ба пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо ба миён меояд.

Яке аз мушкилоти асосии фаъолияти ин институт дар он ифода меёбад, ки қарори ниҳоӣ оид ба татбиқи институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо аз ҷониби суд қабул карда мешавад. Дар ин раванд судя ҳукмро дар асоси эътиқоди дохилии худ, ки дар ҷараёни баррасии маводҳои парванда ташаккул меёбад, қабул менамояд. Чунин ҳолат дараҷаи баланди ихтиёрдории судиро пешбинӣ мекунад, ки метавонад сабаби истифодаи муносибати гуногун дар ҳолатҳои якхела ва ташаккул наёфтани амалияи ягонаи судӣ дар ин самт гардад.

Дар ташаккули мавқеи суд, инчунин пешниҳоди маъмурияти муассисаи ислоҳӣ, ки маҳкумшуда дар он ҷо ҷазоро адо менамояд, нақши муҳим мебозад. Тавсифи рафтори

маҳкумшуда, маълумот дар бораи муносибати ӯ ба меҳнат, риояи тартиботи нигоҳдорӣ, инчунин иштирок дар барномаҳои тарбиявӣ ва дигар чорабиниҳо метавонанд ба қарори ниҳоӣ таъсири ҷиддӣ расонанд. Ҳамин тариқ, мавқеи маъмурияти муассиса аксар вақт ба яке аз омилҳои асосие табдил меёбад, ки суд ҳангоми баррасии масъалаи имконияти шартан пеш аз муҳлат озод кардан онро ба инобат мегирад.

Дар маҷмуъ, ҳолатҳои зикршуда нишон медиҳанд, ки институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо ба таҳлили минбаъда ва такмил ниёз дорад. Зарур аст, ки меъёрҳои возеҳтар барои баҳодиҳии рафтори маҳкумшудагон ва шартҳои озод намудани онҳо муқаррар карда шаванд, то шаффофият ва объективияти қарорҳои судӣ баланд бардошта шуда, эътимод ба ин механизми сиёсати ҷиноятӣ таҳким ёбад[1]. Вазъияти амалии ба вуҷудомада, бешубҳа, аз мавҷудияти як қатор мушкилот дар фаъолияти низоми судӣ ва механизми қабули қарорҳо вобаста ба масъалаи шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз ҷазо шаҳодат медиҳад. Коҳиш ёфтани шумораи шахсоне, ки пеш аз муҳлат озод карда мешаванд, нишон медиҳад, ки амалияи мавҷуда ба таҳлили иловагӣ ва такмил ниёз дорад. Чунин тамоюлҳо боиси нигаронии мутахассисони соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва муҳаққиқоне мегарданд, ки масъалаҳои самаранокии чораҳои ба ислоҳи маҳкумшудагон ва пешгирии такрори ҷиноят равонашударо меомӯзанд.

Бояд қайд намуд, ки ин мушкилот дорои оқибатҳои васеи иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ низ мебошад. Дар муҳити илмӣ ва амалӣ аксар вақт ба робитаи зич байни сатҳи ҷиноятқории такрорӣ ва амалияи татбиқи шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо таъкид карда мешавад. Агар шумораи маҳкумшудагони имконияти пеш аз муҳлати муқарраршуда ба озодӣ баромаданро дошта кам гардад, ин метавонад бавосита ба зиёд шудани шумораи шахсони ба ҷойҳои маҳрум сохтан аз озодӣ баргарданда мусоидат намояд. Ба ибораи дигар, коҳиш ёфтани ҳиссаи шахсоне, ки пеш аз муҳлат озод мешаванд, метавонад боиси афзоиши шумораи маҳкумшудагоне гардад, ки барои содир намудани ҷиноятҳои нав боз барои адои ҷазо ҷалб мегарданд[2].

Илова бар ин, худи тартиби баррасии дархостҳо оид ба шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо низ мушкилоти муҳим ба ҳисоб меравад. Барои бисёр маҳкумшудагон ин раванд ба як озмоиши ҷиддии равонӣ табдил меёбад. Баррасии дархостҳои онҳо аксар вақт муддати дароз тӯл мекашад, ки ба ҳолати номуайянӣ ва интизории тӯлонӣ оварда мерасонад. Маҳкумшуда дар давоми вақти зиёд намедонад, ки оё дархости ӯ қонеъ мегардад ё не ва оё имконияти пеш аз муҳлат озод шудан пайдо мешавад ё не?

Чунин номуайянӣ ба ҳолати ахлоқӣ ва равонии шахсе, ки ҷазоро адо мекунад, таъсири ҷиддӣ мерасонад. Интизории тӯлонӣ метавонад ангезаи ислоҳшавӣ, иштирок дар фаъолияти меҳнатӣ ва барномаҳои таълимиро, ки барои бозгашти маҳкумшудагон ба ҷомеа равона шудаанд, коҳиш диҳад. Дар ин замина зарурати такмил додани тартиби баррасии чунин дархостҳо, кутоҳ намудани муҳлати қабули қарорҳо ва баланд бардоштани шаффофияти меъёрҳое, ки дар асоси онҳо масъалаи шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо ҳал карда мешавад, ба миён меояд[3].

Аз ҷониби суд баррасӣ гардидани дархости шартан пеш аз муҳлат озод кардан нисбати маҳкумшудагоне, ки ҷинояти ба муқобили дахлнопазирии ҷинсӣ ва озодии ҷинсии ноболиғон (то 14-сола) содир намудаанд, дорои хусусиятҳои махсус мебошад. Чунин парвандаҳо таваҷҷуҳи зиёди мақомоти судиро талаб мекунанд, зеро онҳо бо

[1] Лебедева, В.М. История становления института условно-досрочного освобождения от наказания В.М. Лебедева // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе: сборник трудов научно - практической конференции. - Кострома, 2023. - С. 390-395.
[2] Исломидинова, Х.С. Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации / Х.С. Исомидиднова // Вестник науки. - 2023. - Т. 2. - № 11. - С. 214-220.
[3] Пимантьева, С.А., Буркина, О.А. Проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / С.А. Пимантьева, О.А. Буркина// Вестник Пермского института ФСИН России. - 2022. - № 1. - С. 33-45.

ҳифзи гурӯҳи осебпазиртарин - кӯдакон алоқаманд мебошанд. Аз ин рӯ, масъалаи имконияти шартан пеш аз муҳлат озод кардани чунин маҳкумшудагон имрӯз яке аз масъалаҳои баҳснок ва муҳим ҳам дар амалияи ҳуқуқтатбиққунӣ ва ҳам дар муҳити илмӣ ба ҳисоб меравад[1].

Мушкилоти махсуси баррасии чунин дархостҳо ба он вобаста аст, ки шахсони маҳкумшуда барои ҷиноятҳои мазкур аксар вақт дорои баъзе ихтилолҳои равонӣ мебошанд, ки ба соҳаи равонӣ ва рафтори ҷинсӣ таъсир мерасонанд. Дар баъзе ҳолатҳо дар чунин шахсон ихтилолҳои мушаххас, аз ҷумла бемориҳои равонӣ-ҷинсӣ, мисли педофилия, муайян карда мешаванд. Мавҷудияти чунин ҳолатҳо метавонад ба рафтори шахс таъсири ҷиддӣ расонида, хатари содир намудани ҷиноятҳои такрориро баъд аз озодшавӣ зиёд намояд.

Аз ин сабаб, ҳангоми баррасии масъалаи шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо, суд бояд на танҳо рафтори маҳкумшударо дар муассисаи ислоҳӣ ба назар гирад, балки натиҷаҳои ташхисҳои махсуси тиббиро низ ба ҳисоб гирад. Дар чунин ҳолатҳо хулосаи экспертизаи стационарии психологӣ-психиатрӣ, ки дар доираи парвандаи ҷиноятӣ гузаронида шудааст, аҳамияти махсус пайдо мекунад. Ин ташхис имкон медиҳад, ки мавҷуд будан ё набудани ихтилолҳои равонӣ дар шахс муайян карда шуда, хусусияти онҳо ва дараҷаи хавфи эҳтимолии шахс барои ҷомеа арзёбӣ гардад.

Бояд ба назар гирифт, ки суд дорои дониши махсус дар соҳаи психиатрия ва психология нест, бинобар ин наметавонад мустақилона ва объективона мавҷудияти бемориҳои равонӣ ё ихтилолҳоро дар соҳаи равонӣ ва рафтори ҷинсӣ муайян намояд. Аз ҳамин сабаб, хулосаҳои коршиносон дар қабули қарор нақши муҳим мебозанд. Онҳо ба суд имкон медиҳанд, ки вазъи равонии маҳкумшударо ба таври касбӣ арзёбӣ намуда, масъалаи озод намудани ӯро бо далелҳо асоснок ҳал намояд[2].

Ҳамин тариқ, ҳангоми ҳал намудани масъалаи шартан пеш аз муҳлат озод кардани шахсоне, ки барои ҷиноятҳо ба муқобили дахлнопазирии ҷинсии ноболиғон маҳкум шудаанд, суд бояд маҷмуи омилҳо: рафтори маҳкумшуда дар давраи адои ҷазо, дараҷаи ислоҳшавии ӯ, мавқеи маъмурияти муассисаи ислоҳӣ, инчунин натиҷаҳои экспертизаи психологӣ-психиатриро ба назар гирад. Чунин муносибати ҳамаҷониба имкон медиҳад, ки хавфи содир намудани ҷиноятҳои такрорӣ коҳиш дода шуда, сатҳи зарурии ҳифзи ҳуқуқ ва амнияти ноболиғон таъмин гардад[3].

Дар чунин ҳолатҳо озод намудани шахсе, ки ҷиноят ба муқобили дахлнопазирии ҷинсии ноболиғ содир намудааст, бо дараҷаи баланди масъулият барои мақомоти судӣ алоқаманд мебошад. Агар пас аз шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо чунин шахс дубора нисбати кӯдак ҷиноят содир намояд, масъалаи эҳтимолии хунукназарии қарори қабул намуда ба миён меояд.

Бо дарназардошти дараҷаи баланди хавфнокии ҷамъиятии чунин ҷиноятҳо, судҳо, одатан, ба баррасии ин гуна дархостҳо бо диққат ва эҳтиёткории махсус муносибат мекунанд. Амалия нишон медиҳад, ки мақомоти судӣ эҳтиёткории зиёд зоҳир намуда, аксар вақт аз қонеъ гардонидани дархостҳо оид ба шартан пеш аз муҳлат озод кардани шахсоне, ки барои ҷиноятҳо ба муқобили дахлнопазирии ҷинсии ноболиғон маҳкум шудаанд, худдорӣ менамоянд. Ин ҳолат бо зарурати таъмини амнияти ҷомеа ва пеш аз ҳама, ҳифзи кӯдакон аз эҳтимоли ҷиноятҳои такрорӣ вобаста мебошад.

Ҳамзамон, дар он ҳолатҳое, ки суд қарор дар бораи пеш аз муҳлат озод кардани чунин шахсро қабул менамояд, масъалаи ташкили назорати самаранок аз болои рафтори ӯ пас аз озодшавӣ аҳамияти махсус пайдо мекунад. Зарур аст, ки нисбати ин

[1] Лебедева, В.М. Указ. раб. - С. 390-395.
[2] Маркелов, Д.И. Порядок и проблемы применения условно-досрочного освобождения / Д.И. Маркелов // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы научной конференции. - Самара, 2023. С. 100-102.
[3] Исломидинова Х.С. Указ. раб. - С. 214-220.

категорияи шахсон назорати сахттар ва мунтазам муқаррар карда шавад, зеро маҳз дар марҳилаи бозгашт ба ҷомеа хавфи содир намудани кирдорҳои ғайриқонунӣ зиёд боқӣ мемонад[1].

Яке аз вазифаҳои афзалиятнок дар чунин ҳолатҳо пешгирии ҳама гуна тамоси чунин шахсон бо ноболиғон мебошад. Маҳдуд кардани имкониятҳои муошират бо кӯдакон метавонад эҳтимолияти содир шудани ҷиноятҳои такрориро ба таври назаррас коҳиш дода, ҳифзи иловагии ҳуқуқ ва амнияти ноболиғонро таъмин намояд.

Бо назардошти ин, ба мақсад мувофиқ аст, ки масъалаи ҷорӣ намудани маҳдудиятҳои иловагӣ нисбати озодии чунин шахсон пас аз шартан пеш аз муҳлат озод кардан баррасӣ карда шавад. Ба чунин чорабиниҳо метавон манъи мустақилона ташриф овардан ба муассисаҳои кӯдакона, ташкилотҳои таълимӣ, майдончаҳои бозӣ ва дигар ҷойҳое, ки кӯдакон одатан ҳузур доранд, мансуб донист. Чунин маҳдудиятҳо метавонанд дар доираи назорати бо қонун муқарраршуда, масалан, бо ҳамроҳӣ ё бо иҷозати мақомоти ваколатдор татбиқ карда шаванд.

Татбиқи чорабиниҳои зикршуда имкон медиҳад, ки пешгирии ҷиноятҳои такрорӣ тақвият ёфта, сатҳи амнияти ҷамъиятӣ баланд бардошта шавад ва ҳамзамон муносибати бештар асоснок ва масъулона нисбат ба татбиқи институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо нисбати шахсоне, ки ба муқобили дахлнопазирии ҷинсии ноболиғон ҷиноят содир намудаанд, таъмин гардад[2].

Ҳангоми баррасии масъалаи ҷорӣ намудани маҳдудиятҳо нисбати шахсоне, ки шартан пеш аз муҳлат озод шудаанд, ба назар гирифтани ҳуқуқҳои асосии инсон, аз ҷумла ҳуқуқ ба озодии ҳаракат, аҳамияти махсус дорад. Ҳар гуна маҳдудияти ин ҳуқуқ бояд дорои асоси равшани ҳуқуқӣ бошад, бо далелҳои кофӣ асоснок гардад ва танҳо дар доираи меъёрҳои қонунгузорӣ татбиқ карда шавад. Ин маънои онро дорад, ки чунин чорабиниҳо набояд хусусияти худсарона дошта бошанд ва танҳо дар ҳолати мавҷуд будани асосҳои кофӣ, бо риояи принсипҳои қонуният ва адолат таъин карда шаванд.

Аз ин рӯ, дараҷа ва хусусияти маҳдудиятҳо бояд ба таври инфиродӣ, бо дарназардошти шахсияти маҳкумшуда, хусусиятҳои рафтори ӯ ва инчунин ҳолатҳои мушаххаси ҷинояти содирнамуда муайян карда шаванд. Чунин тарз имкон медиҳад, ки тавозуни зарурӣ байни ҳифзи манфиатҳои ҷамъият ва риояи ҳуқуқҳои инсон таъмин гардад. Ҳамаи маҳдудиятҳои таъингардида бояд дар қарори судӣ ба таври возеҳ нишон дода шуда, ба шахси озодшаванда фаҳмонда шаванд ва иҷрои онҳо таҳти назорати мақомоти ваколатдори давлатӣ қарор дода шавад.

Илова бар ин, метавон масъалаи ҷалби мутахассисон ва кормандони муассисаҳои гуногунро ба раванди назорат аз болои шахсони ин категория пас аз озодшавии онҳо баррасӣ намуд. Иштироки онҳо метавонад ба назорати самараноктари рафтори шахсони озодшуда мусоидат намуда, ҳамзамон имконият диҳад, ки ҳар гуна тамоюлҳои манфӣ ё омилҳои хавф сари вақт муайян карда шаванд.

Чунин амалия метавонад таъсири мусбати иловагӣ низ дошта бошад. Аз ҷумла, ҷалби мутахассисон имкон медиҳад, ки хусусиятҳои равонии шахсоне, ки ба муқобили дахлнопазирии ҷинсии ноболиғон ҷиноят содир намудаанд, амиқтар омӯхта шаванд. Таҷрибаи ҷамъовардашуда ва натиҷаҳои чунин таҳқиқот метавонанд барои такмил додани корҳои пешгирикунанда, ки ба пешгирии чунин ҷиноятҳо дар оянда равона шудаанд, истифода бурда шаванд. Илова бар ин, ин метавонад ба баланд бардоштани сифати кӯмаки равонӣ ва корҳои профилактикӣ бо кӯдакон мусоидат намояд, ки дар низоми ҳифзи ноболиғон аҳамияти муҳим дорад[3].

---

[1] Оразлиев, Н.А. Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации / Н.А. Оразлиев // Вестник науки. - 2024. - Т. 2. - № 1. - С. 352-356.

[2] Маркелов, Д.И. Указ. раб. - С. 100-102.

[3] Бабаян, С. Проблемы условно-досрочного освобождения и пути их решения / С. Бабабян // Преступление и наказание. - 2008. - № 7. - С. 23-25.

Дар баъзе ҳолатҳо ҳангоми баррасии масъалаҳои вобаста ба шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо маҳкумшудагон на ҳамеша аз ҳуқуқҳои худ бархурдоранд. Яке аз сабабҳои асосии ба вуҷуд омадани ин мушкилот номуайян будани танзими ҳуқуқии институти мазкур мебошад. Набудани меъёрҳои равшан ва дақиқ, ки суд бояд дар асоси онҳо қарор дар бораи татбиқ ё рад намудани шартан пеш аз муҳлат озод кардан қабул намояд, аксар вақт ташаккули мавқеи объективии судро душвор мегардонад.

Дар шароите, ки меъёрҳои ҳуқуқӣ ба истилоҳ «номуайян» ва норавшан мебошанд, барои судя қабул намудани қарори пурра асоснок ва якхела мушкил мегардад, зеро баҳодиҳии рафтори маҳкумшуда ва дараҷаи ислоҳшавии ӯ асосан ба ихтиёри субъективии судя вобаста аст. Ин ҳолат боиси он мегардад, ки дар вазъиятҳои шабеҳ қарорҳои судӣ метавонанд ба таври назаррас фарқ кунанд, ки дар навбати худ сатҳи муайяннокии ҳуқуқӣ ва пешгӯишавандагии амалияи ҳуқуқтатбиқкунӣ коҳиш меёбад.

Бо дарназардошти ин, такмили танзими қонунгузории институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо мақсаднок ба назар мерасад. Яке аз самтҳои эҳтимолии чунин такмил метавонад ворид намудани номгӯйи возеҳ ва дақиқи меъёрҳое бошад, ки суд ҳангоми баррасии дархости дахлдор ҳатман бояд онҳоро таҳқиқ намояд. Таҳлили чунин меъёрҳо ба суд имкон медиҳад, ки бо асоснокии бештар муайян кунад, ки оё маҳкумшуда ба категорияи шахсоне дохил мешавад, ки ба адои пурраи ҷазо эҳтиёҷ надоранд ё не, инчунин оё мақсади ислоҳ ва пешгирии содир шудани ҷиноятҳои нав ба даст омадаанд ё не[1].

Мавҷуд будани чунин номгӯйи меъёрҳо дар қонун метавонад ба баланд гардидани объективияти қарорҳои судӣ мусоидат намояд. Дар ин ҳолат суд, ҳангоми баррасии дархост оид ба шартан пеш аз муҳлат озод кардан, уҳдадор мегардад, ки ҳар як меъёри муқарраршударо пайдарпай таҳқиқ намуда, ба онҳо дар қарорҳои худ баҳои ҳуқуқӣ диҳад. Ин имкон медиҳад, ки аз ҳолатҳое, ки танҳо баъзе омилҳо бо интихоби субъективии суд ба назар гирифта мешаванд, пешгирӣ карда шавад. Дар айни замон, муқаррар намудани чунин меъёрҳо метавонад ҳам дар сатҳи қонунгузории ҷиноятӣ ва ҳам дар санадҳои зерқонунӣ, аз ҷумла тавзеҳҳои махсусе, ки амалияи судиро шарҳ медиҳанд, амалӣ карда шавад.

Яке аз мушкилоти муҳими дигар ташкил намудани назорат аз болои рафтори шахсоне мебошад, ки шартан пеш аз муҳлат озод шудаанд. Айни ҳол, ин вазифаҳо, одатан, ба зиммаи нозирони корҳои ислоҳӣ гузошта мешаванд. Аммо дар амал чунин назорат аксаран хусусияти расмӣ дорад, зеро шахсони озодшуда воқеан бе назорати доимӣ мемонанд ва танҳо баъзан ба доираи назари мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ворид мегарданд.

Барои баланд бардоштани самаранокии назорат аз болои шахсоне, ки шартан пеш аз муҳлат озод шудаанд, роҳҳои гуногунро бояд ҷуст. Яке аз чунин роҳҳо таъсиси гурӯҳҳо ё бахшҳои махсус дар назди нозироти корҳои ислоҳӣ мебошад, ки фаъолияти онҳо танҳо ба кор бо ин категорияи шахсон равона карда шавад. Равиши дигар метавонад ташкили мақомоти махсусе бошад, ки ба масъалаҳои мутобиқшавии иҷтимоӣ, пешгирии ҳуқуқвайронкуниҳо ва назорати рафтори чунин шахсон пас аз озодшавӣ машғул гардад[2].

Ҳамчун варианти алтернативӣ, дар адабиёти илмӣ баъзан пешниҳод мешавад, ки қисми салоҳиятҳо оид ба масъалаи шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо ба

[1] Барсукова, С.Г. Условно-досрочное освобождение по уголовному законодательству досоветской России / С.Г. Барсукова // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность: сб. тр. Вып. 6. - Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 1999. - С. 19-53.; Вырастайкин, В. Условно-досрочное освобождение / В. Вырастайкин // Законность, - 2006. - № 2. - С.32-34.

[2] Дуюнов, В.К. Системность как необходимая предпосылка эффективности российского уголовного законодательства / В.К. Дуюнов // Вестник Самарской гуманитарной академии, Серия Право. - 2007. - № 2. - С. 56-59.; Зельдов, С.И. Освобождение о наказания и от его отбывания. - М.: Юрид. лит., 1982. - 136 с.

комиссияҳои махсус, монанди комиссияҳои бахшиши ҷазо, вогузор карда шаванд. Чунин комиссияҳо метавонанд дар назди мақомоти давлатӣ таъсис ёфта, намояндагони суд, прокуратура, адвокатура ва инчунин ташкилотҳои ҷамъиятиро дар бар гиранд. Ин гуна низом то андозае ба таҷрибаи баъзе давлатҳои хориҷӣ монанд буда, метавонад ба баррасии ҳамаҷониба ва коллегиалии масъалаи озод намудани маҳкумшудагон мусоидат намояд.

Дар ин замина, истифодаи таҷрибаи давлатҳои хориҷӣ, ки ба татбиқи воситаҳои муосири техникӣ асос ёфтааст, мувофиқи мақсад мебошад. Ҷорӣ намудани чунин технологияҳо имкон медиҳад, ки бо хароҷоти нисбатан кам самаранокии назорат аз болои ҳаракати шахсони озодшуда ба таври назаррас баланд бардошта шавад.

Ба чунин воситаҳо метавон, масалан, дастбандҳои электрониро бо истифода аз системаҳои мониторинги моҳворавӣ, аз қабили GPS ё ГЛОНАСС, дохил намуд. Истифодаи чунин таҷҳизот имкон медиҳад, ки ҳаракати нафароне, ки ҷиноятҳо ба муқобили дахлнопазирии ҷинсии ноболиғонро содир намуда ва баъдан озодшуда пайгирӣ карда шавад ва маҳдудиятҳо нисбати ташриф овардан ба ҷойҳои муайян, аз ҷумла муассисаҳои томактабӣ, мактабҳо ва дигар ҷойҳое, ки ноболиғон мунтазам ҳузур доранд, муқаррар карда шаванд. Ин чораҳо метавонанд хавфи содир шудани ҷиноятҳои такрориро ба таври назаррас коҳиш дода, ҳифзи иловагии ҳуқуқ ва амнияти кӯдаконро таъмин намоянд.

Илова бар ин, бояд ба назар гирифт, ки шахсоне, ки ҷиноятҳои ин категорияро содир намудаанд, аксар вақт дорои ихтилолҳои равонӣ ё ихтилолҳо дар соҳаи равонӣ ва рафтори ҷинсӣ мебошанд, ки на ҳамеша бо гузашти вақт пурра аз байн мераванд. Дар робита ба ин, муқаррар намудани давраи дарозтари назорат ва мушоҳида нисбати чунин шахсон, ки аз муҳлати қисми адонашудаи ҷазо бештар бошад, асоснок ба назар мерасад. Чунин чора метавонад ба пешгирии самараноки ҷиноятҳои такрорӣ ва баланд бардоштани сатҳи амнияти ҷамъиятӣ мусоидат намояд[1].

Бо ин мақсад, баррасии ин масъала аз нуқтаи назари танзими муфассалтари қонунгузорӣ мувофиқи мақсад мебошад. Такмили заминаи ҳуқуқӣ дар ин самт метавонад ба баланд бардоштани самаранокии назорат аз болои шахсоне, ки шартан пеш аз муҳлат озод шудаанд, мусоидат намояд. Ин масъала махсусан муҳим аст, зеро муҳлати қисми адонашудаи ҷазо аксар вақт барои ислоҳшавии пурраи маҳкумшуда ва мутобиқшавии устувори иҷтимоии ӯ пас аз бозгашт ба ҷомеа кофӣ намебошад.

Таҳлили амалияи муосири ҳуқуқтатбиқкунӣ нишон медиҳад, ки механизми амалкунандаи шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо ба як қатор такмил ва мушаххасгардонӣ ниёз дорад.

Бояд қайд намуд, ки қонунгузории амалкунанда номгӯйи дақиқи маълумот ва хусусиятҳои шахсияти маҳкумшударо, ки суд ҳангоми баррасии масъалаи шартан пеш аз муҳлат озод кардан бояд ба назар гирад, дар бар намегирад. Дар натиҷа, баҳодиҳии дараҷаи ислоҳшавии шахс аксар вақт дар асоси таҳлили умумии маводҳои парванда ва ихтиёри субъективии суд анҷом дода мешавад. Дар ин замина, ворид намудани меъёрҳои мушаххастар, ки имкон медиҳанд ба таври объективӣ муайян карда шавад, ки оё маҳкумшуда сазовори татбиқи чунин чораи ҳавасмандгардонӣ мебошад ё не, асоснок ба назар мерасад.

Мушаххасгардонии чунин меъёрҳо метавонад баҳодиҳии рафтори маҳкумшударо дар давраи адои ҷазо, муносибати ӯ ба меҳнат ва таҳсил, иштирок дар барномаҳои иҷтимоӣ ва равонӣ-барқарорсозӣ, мавҷудияти чораҳои муҷозотӣ ё ҳавасмандгардонӣ, инчунин дараҷаи дарки ҷинояти содиршуда ва омодагии ӯ ба риояи қонун дар ояндаро дар бар гирад. Мустаҳкам намудани чунин омилҳо дар сатҳи қонунгузорӣ метавонад ба

[1] Оразлиев, Н.А. Указ раб. - С. 352-356; Коробеев, А.И., Усс, А.В., Голик, Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. - Красноярск: 1991. - 356 с.

якхелагии амалияи судӣ мусоидат намуда, муносибати объективиро ҳангоми баррасии чунин дархостҳо таъмин намояд[1].

Ҳамин тариқ, институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо дорои имкониятҳои васеъ барои рушд ва такмили минбаъда мебошад. Танзими дақиқтар ва пайдарпайи ҳуқуқии он имкон медиҳад, ки самаранокии татбиқи ин чора баланд бардошта шуда, ҳадафҳои ислоҳи маҳкумшудагон ва пешгирии ҷиноятҳои такрорӣ пурратар амалӣ гарданд. Илова бар ин, ин метавонад эҳтимолияти қабули қарорҳои беасосро коҳиш дода, бори изофиро аз дӯши мақомоти судӣ, ки ба баррасии масъалаҳои бекор намудани шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз ҷазо вобаста аст, кам намояд.

Институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо яке аз унсурҳои муҳими сиёсати ҷиноятӣ ва иҷрои ҷазои ҷиноятии давлат ба ҳисоб меравад. Мақсади асосии он дар ҳавасмандгардонии рафтори қонунӣ, фароҳам овардани шароит барои ислоҳшавии маҳкумшудагон ва мутобиқшавии тадриҷии онҳо ба ҳаёти ҷомеа пас аз озодшавӣ ифода меёбад. Бо вуҷуди ин, таҳлили амалияи муосири ҳуқуқтатбиққунӣ нишон медиҳад, ки механизми татбиқи ин институт бо як қатор мушкилоти ҷиддӣ рӯ ба рӯ буда, такмили минбаъдаро талаб менамояд[2].

Яке аз мушкилоти асосӣ нокифоя будани мушаххасгардонии меъёрҳои қонунгузорӣ мебошад, ки тартиби татбиқи шартан пеш аз муҳлат озод карданро танзим мекунанд. Набудани меъёрҳои возеҳ барои баҳодиҳии шахсияти маҳкумшуда ва дараҷаи ислоҳшавии ӯ аксар вақт ба он оварда мерасонад, ки қарорҳои судӣ дар асоси ихтиёри субъективии суд қабул мегарданд. Ин ҳолат, дар навбати худ, боиси ташаккули амалияи нобаробари судӣ шуда, метавонад барои вайрон гардидани принсипи баробарии шаҳрвандон дар назди қонун ва суд замина фароҳам оварад.

Таваҷҷуҳи махсус бояд ба масъалаи шартан пеш аз муҳлат озод кардани шахсоне равона карда шавад, ки барои ҷиноятҳо ба муқобили дахлнопазирии ҷинсии ноболиғон маҳкум шудаанд. Баррасии чунин дархостҳо таҳлили амиқтари шахсияти маҳкумшуда, натиҷаҳои экспертизаи психологӣ-психиатрӣ ва баҳодиҳии хавфи содир намудани ҷиноятҳои такрориро талаб менамояд. Дар чунин ҳолатҳо на танҳо қарори суд, балки ташкили назорати самаранок аз болои рафтори шахсони озодшуда низ аҳамияти калон дорад.

Мушкили дигари муҳими мавҷуда самаранок набудани низоми назорат аз болои шахсоне мебошад, ки шартан пеш аз муҳлат озод шудаанд. Амалия нишон медиҳад, ки механизмҳои амалкунанда аксар вақт натиҷаи кофӣ намедиҳанд, ки ин зарурати таҳияи чораҳои иловагии ташкиливу ҳуқуқиро ба миён меорад. Аз ҷумла, баррасии имконияти таъсиси воҳидҳо ё мақомоти махсусе, ки ба назорат ва мусоидат ба мутобиқшавии иҷтимоии чунин шахсон машғул бошанд, инчунин истифодаи воситаҳои муосири техникии назорат мувофиқи мақсад мебошад[3].

Такмили институти шартан пеш аз муҳлат озод кардан аз адои ҷазо муносибати маҷмуиро талаб мекунад, ки мушаххас намудани меъёрҳои қонунгузорӣ, таҳияи меъёрҳои ягонаи баҳодиҳии рафтори маҳкумшудагон ва рушди механизмҳои самараноки назорати пас аз адои ҷазоро дар бар мегирад. Татбиқи чунин тадбирҳо имкон медиҳад, ки самаранокии истифодаи ин институти ҳуқуқӣ баланд бардошта шуда, кафолатҳои ҳифзи ҳуқуқи инсон тақвият ёбанд ва сатҳи зарурии амнияти ҷамъиятӣ таъмин гардад.

[1] Павлов, В. Некоторые ответы на старые вопросы практики условно-досрочного освобождения / В. Павлов // Российская юстиция. - 2004. - № 3. - С. 40-41,

[2] Полозюк, В.Л. На условно-досрочное освобождение может рассчитывать каждый осужденный / В.Л. Полозюк // Преступление и наказание. - 2008. - № 7. - С. 14-17.

[3] Сверчков, В. Пределы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / В. Сверчков // Российская юстиция. - 2002. - № 10. - С 49-51.

УДК 342.511.7

РОЛЬ ПОСЛАНИЙ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В РАЗВИТИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

НАҚШИ ПАЁМҲОИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР РУШДИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТӢ

САЙНОЗИМЗОДА ФИРУЗ САЙНОЗИМ
Начальник международного, информационно-аналитического и организационного отдела Аппарата Уполномоченного по правам человека в Республики Таджикистан, кандидат юридических наук / Сардори шуъбаи байналмилалӣ, иттилоотӣ, таҳлилӣ ва ташкилии Дастгоҳи Ваколатдор оид ба ҳуқуқи инсон дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ
E-mail: mr.holov@inbox.ru

На основании части третьей статьи 1 Конституции Республики Таджикистан, форма правления в Республике Таджикистан объявлена президентской, а в главе четвертой Конституции определён и конкретизирован правовой статус Президента Республики Таджикистан[1].

Стоит напомнить, что институт Послания Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» возник в результате внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Таджикистан на всенародном референдуме 26 сентября 1999 года, в частности, в статью 55 и 69. Впервые Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон 27 апреля 2000 года выступил с Посланием «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» на совместном заседании Маджлиси милли и Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

Следует отметить, что место и роль посланий Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» в развитии законодательства Республики Таджикистан, особенно уголовного законодательства страны, являются значительными.

По данному вопросу профессор Э.С. Насриддинзода справедливо отметил, что «Система законодательства Республики Таджикистан развивалась на основе различных причин и факторов, и одним из важнейших средств её совершенствования являются именно послания Президента Республики Таджикистан. Этот стратегически важный документ способствует реформированию законодательной системы посредством принятия новых нормативных правовых актов, внесения изменений и дополнений в кодексы и законы, совершенствования деятельности правотворческих органов, усиления деятельности правоприменительных органов, улучшения качества законов и их реализации в социально-экономической, политико-правовой жизни, а также приведению их в соответствие с национальными и международными стандартами»[2].

Ярким подтверждением этому может служить тот факт, что Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон в своем Послании 30 апреля 2004 года, говоря о высшей ценности прав и свобод человека, предложил ввести мораторий на применение

[1] Конституция Республики Таджикистан, принята 6 ноября 1994 года путем всенародного референдума; в неё внесены изменения и дополнения посредством всенародных референдумов от 26 сентября 1999 года, 22 июня 2003 года и 22 мая 2016 года (на таджикском и русском языках). – Душанбе: Гандж, 2016. – 136 с.

[2] Насриддинзода, Э.С. Вклад Лидера нации в развитие правовой политики Республики Таджикистан // Джумхурият. – 2022. – 4 августа. – № 150 (24 509).

смертной казни в Республике Таджикистан, особо подчеркнув, что «Ограничение применения смертной казни является весьма важной мерой, однако по отношению к человеческой жизни следует применять гуманное отношение. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью и неприкосновенны, среди которых право на жизнь занимает особое место. Действительно, право на жизнь - естественная ценность, и никто не имеет права лишать другого этого права.

Учитывая вышеуказанные положения, в Республике Таджикистан объявляется мораторий на применение смертной казни. В связи с этим, создаётся рабочая группа для подготовки соответствующих нормативных правовых актов в кратчайшие сроки»[1].

В целях реализации задач, поставленных в данном Послании, был подготовлен проект Закона Республики Таджикистан «О приостановлении применения смертной казни» и 7 мая 2004 года Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон, воспользовавшись правом законодательной инициативы, представил данный законопроект на рассмотрение в Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли страны.

Данный проект Закона был направлен на защиту и обеспечение прав и свобод человека, а также на приведение положений Уголовного кодекса Республики Таджикистан в соответствие с гуманистическими нормами международного права.

Таким образом, Закон Республики Таджикистан «О приостановлении применения смертной казни» был принят и одобрен парламентом страны и 15 июля 2004 года подписан Президентом Республики Таджикистан[2]. В соответствии со статьей 1 настоящего Закона, приостановлено применение наказания в виде смертной казни в Республике Таджикистан за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 104, ч. 3 ст. 138, ч. 3 ст. 179, ст. 398 и 399 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее – УК РТ), а также исполнение смертной казни и других, связанных с ним правил, предусмотренных статьями 19, 21, 23, 25, 78, 100, 127, 129, 131, 133, 214-222 Кодекса исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан. В период приостановления применения смертной казни было установлено наказание в виде лишения свободы сроком на двадцать пять лет.

Кроме того, в УК РТ от 15 июля 2004 года были внесены соответствующие изменения, в частности, в ч. 2 ст. 58, санкциях ч. 2 ст. 104, ч. 3 ст. 138, ч. 3 ст. 179, санкциях ст. 398 и 399, слово «двадцать» заменено на слова «двадцати пяти».

В Послании Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 26 апреля 2013 года была особо подчёркнута необходимость подготовки новой редакции Уголовного кодекса Республики Таджикистан. В частности, Глава государства заявил, что «С целью приведения регулирования важнейших общественных отношений в соответствие с требованиями современности, Правительству Таджикистана необходимо подготовить и представить новые редакции Гражданского и Уголовного кодексов»[3].

В соответствии с этим, проект новой редакции УК РТ был подготовлен и в настоящее время находится на рассмотрении в Правительстве страны, однако до настоящего времени не внесён на рассмотрение Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

В Послании Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» от 20 января 2016 года была выражена обеспокоенность угрозам терроризма и экстремизма. В частности, было подчёркнуто, что «В рамках усиления борьбы с терроризмом и экстремизмом следует расширить и уточнить перечень

[1] Послание Президента Республики Таджикистан Э.Ш. Рахмонова Маджлиси Оли, г. Душанбе, 30 апреля 2004 г. – Душанбе, 2004. – С. 25.
[2] Закон Республики Таджикистан «О приостановлении применения смертной казни» от 15 июля 2004 г., № 45 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2004. – № 7. – Ст. 452.
[3] Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, г. Душанбе, 26 апреля 2013 г. – Душанбе: Шарки озод, 2013. – С. 47.

субъектов, борющихся с ними, одновременно, усилить ответственность и наказание за совершение преступлений против конституционного строя и безопасности государства, за преступления террористического и экстремистского характера, измену Родине, соучастие в подобных преступлениях, в том числе в отношении организаторов и лиц, способствующих им»[1].

В этой связи, Генеральной прокуратуре, министерствам юстиции и внутренних дел, Государственному комитету национальной безопасности и Национальному центру законодательства было поручено всесторонне проанализировать и рассмотреть положения УК РТ и других соответствующих законов, а также представить в Правительство страны конкретные предложения по внесению необходимых изменений и дополнений. Также было поручено подготовить и представить Национальную стратегию Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы.

Таким образом, совершенствуется законодательство Республики Таджикистан в сфере противодействия терроризму, экстремизму и другим преступлениям, в частности, Уголовного кодекса республики, с целью предотвращения и сокращения преступности, ужесточения уголовной ответственности за совершение преступлений против основ конституционного строя и государственной безопасности, лиц, способствующих терроризму и экстремизму, а также с целью внедрения эффективного механизма защиты и обеспечения национальной безопасности, предотвращения вовлечения граждан в незаконные партии и движения, были внесены необходимые изменения и дополнения в ст. 179 (Терроризм), 179(3) (Публичные призывы к совершению преступлений террористического характера и (или) публичное оправдание террористической деятельности), 305 (Измена государству), 306 (Насильственный захват власти или насильственное удержание власти), 307 (Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан), 307(1) (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма), 307(2) (Организация экстремистского сообщества), 307(3) (Организация деятельности экстремистской организации), 307(4) (Организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера).

Также, указом Президента Республики Таджикистан от 12 ноября 2016 года, № 776, была утверждена Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы[2]. Указанная стратегия, как программный документ, определила цели, задачи и основные направления государственной политики Республики Таджикистан в области противодействия экстремизму и терроризму.

Президент страны уважаемый Эмомали Рахмон в Послании к Маджлиси Оли от 23 декабря 2022 года, с целью предотвращения преступлений экстремистского и террористического характера, а также преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, указал на необходимость создания Единого информационного центра[3]. В результате, указом Президента Республики Таджикистан от 19 апреля 2023 года при центральной структуре аппарата Генеральной прокуратуры была создана новая структура – Единый информационный центр по предупреждению экстремизма, терроризма и киберпреступлений. Большинство рабочих единиц центра обладают специальными профессионально-техническими знаниями, что способствует усилению борьбы с экстремизмом, терроризмом и киберпреступностью и обеспечению их предотвращения.

[1] Послание Лидера нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан, г. Душанбе, 20 января 2016 г. – Душанбе: Шарки озод, 2016. – С. 33–34.

[2] Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016–2020 годы от 12 ноября 2016 г., № 776. – Душанбе: Контраст, 2016. – 88 с.

[3] Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики», 23 декабря 2022 г. – Душанбе: Шарқи озод, 2022. – 48 с.

Следует напомнить, что в стране для реализации требований посланий Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» был принят и утверждён целый ряд нормативных правовых актов и документы стратегического планирования, а также внесены соответствующие изменения и дополнения в действующие нормативные правовые акты, направленные на устранение различных причин и факторов, способствующих терроризму, экстремизму, коррупции, и на их предупреждение и противодействие. В частности, это законы Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» (от 2 января 2020 года), «О противодействии коррупции» (от 7 августа 2020 года), «О противодействии терроризму» (от 23 декабря 2021 года), а также Стратегия противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы (утверждена указом Президента Республики Таджикистан от 1 июня 2021 года) и т.д.

Таким образом, на основе посланий Президента Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» в сфере противодействия терроризму, экстремизму, коррупции и другим преступлениям идет процесс совершенствования уголовного законодательства страны, направленное на защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечение государственной и общественной безопасности, защиту государственной независимости, укрепление законности и устойчивого мира и стабильности в стране, а также на предупреждение преступности.

УДК 343.71

ЕЩЕ РАЗ О КРАЖЕ ИЗ ОДЕЖДЫ, СУМКИ ИЛИ ДРУГОЙ РУЧНОЙ КЛАДИ, НАХОДИВШИХСЯ ПРИ ПОТЕРПЕВШЕМ

БОРИ ДИГАР ОИД БА ДУЗДИИ ЛИБОС, СУМКА Ё ДИГАР БАҒОҶИ ДАСТӢ, КИ ДАР ҶАБРДИДА БУД

СМИРНОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ
Доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук / Дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии Донишкадаи Шарқӣ-Сибирии ВКД Россия, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ
E-mail: smirnovvical@gmail.com

Ответственность за кражу из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (т.н. «карманная кража»), не сразу была закреплена в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ) – соответствующее квалифицирующее обстоятельство появилось только спустя почти 6 лет с момента его введения в действие, 31 октября 2002 года. Между тем, возможность его самостоятельного учета изначально предлагалась в Модельном Уголовном кодексе стран СНГ (п. «б» ч. 2 ст. 240)[1], однако воспринято в итоге было только 4 странами постсоветского пространства: помимо России данный признак выделен также в УК Азербайджана, УК Литвы и УК Узбекистана. Несмотря на это, исследование указанной проблематики может поспособствовать совершенствованию уголовного законодательства и другие бывших союзных республик.

[1] Модельный Уголовный кодекс: Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств (постановление № 7-5 от 17 февраля 1996 года) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/901781490 (дата обращения: 24.04.2026)

Как считают многие исследователи, повышение ответственности за такого рода кражи объясняется с одной стороны большей дерзостью злоумышленника, который, не опасаясь разоблачения, совершает хищение имущества, находящегося под непосредственным контролем потерпевшего, а с другой – особым мастерством такого лица, который, «обладая ловкостью пальцев, отточенной точностью движений, нервной системой, может у нормального человека, который, не спит, не пьян, не под наркозом, может вытащить всё из карманов, снять часы, а он ни сном, ни духом»[1]. «Мы отдельно выделили из категории краж, которые ранее относились к простым кражам, достаточно распространенный вид – карманные кражи. Мы посчитали, что эти кражи представляют наиболее серьезную опасность для нашего общества. Мы ввели новый квалифицирующий признак в части второй статьи 158: хищение, совершенное из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем. Таким образом, карманники, профессиональные воры-карманники, теперь будут караться строже – по части второй статьи 158».[2]

Действительно, опасность такого преступления связана, главным образом, высоким профессионализмом виновного лица, который позволяет ему совершать преступления даже в таких условиях и ситуациях, когда другие лица, не обладающие соответствующими навыками, скорее всего воздержались бы от его совершения. Как отмечает П.С. Яни, важным здесь также является тот факт, что жертва «лишена возможности обнаружить и пресечь действия осужденного…».[3] Таким образом, наличие такого мастерства не столько облегчает совершение хищения (его еще надо натренировать до соответствующей степени), а позволяет такому лицу с большей вероятностью его совершить, не взирая на обстоятельства. Как справедливо писал В.Д. Филимонов «…там, где ущерб становится более вероятным, нужны дополнительные преграды на пути преступника. Роль такой преграды выполняет угроза более тяжкого наказания за совершенное преступление».[4]

Между тем, применение указанной нормы на практике не в полной мере соответствует смыслу ее появления в уголовном законодательстве, приведенной криминологической обусловленности. Так, до сих пор особые споры вызывает квалификация карманных краж, совершенных у пьяного, спящего, находящегося в бессознательном состоянии лица. Вплоть до 2016 лица суды относились к подобной ситуации диаметрально противоположно – кто-то усматривал в этом наличие состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, кто-то – решительно отвергал.

Однако в 2016 году в постановление Пленума Верховного Суда РФ, посвященное вопросам уголовной ответственности за кражу, грабеж и разбой, был добавлен п. 23.1, которым, в том числе, предписывалось, что «…особенности состояния потерпевшего (например, сон, опьянение, потеря сознания, психическое расстройство и т.п.) значения для квалификации преступления по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ не имеют, так как использование субъектом преступления состояния потерпевшего не исключает его умысла на хищение из одежды, сумки или другой ручной клади и лишь указывает на тайный характер такого хищения»[5]. На

[1] Цитаты из фильмов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://цитаты-из-фильмов.рф/phrases/1/6/ (дата обращения: 24.04.2026)

[2] Стенограмма обсуждений законопроекта № 156181-3 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/156181-3 (дата обращения: 24.04.2026). (Цит. по: Белецкий, И.А. Квалификация «карманных» краж: когда вещи надеты на потерпевшего или находятся в непосредственной близости от него / И.А. Белицкий // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2024. - № 1 (54). - С. 17).

[3] Яни, П.С. Кража из одежды, сумки и другой ручной клади / П.С. Яни // Законность. – 2016. - № 5. - С. 37.

[4] Филимонов, В.Д. Криминологические основы уголовного права. - Томск: Издательство Томского университета, 1981. - С. 106.

[5] О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (в последней редакции) // [Электронный ресурс]: Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2026. Режим доступа: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 24.04.2026).

наш взгляд, дав такое разъяснение, высшая судебная инстанция России фактически расширила круг деяний, подпадающих под указанный пункт ст. 158 УК РФ, и нивелировала весь тот смысл, который обуславливал его появление.

Мы согласны с теми исследователями, которые предлагают в подобных ситуациях исходить не из самого факта хищения из одежды, сумки или ручной клади, а из наличия или отсутствия у виновного осознания глубины сна, степени опьянения и т.п. потерпевшего и, как следствие, учета этого обстоятельства[1]. Представляется, что если злоумышленник предварительно проверил (попытался его разбудить, привести в чувство и т.п.), что потерпевший ни при каких обстоятельствах не среагирует на его действия по изъятию, и понимал, что вполне легко и безопасно для себя (не рискуя быть обнаруженным), без применения каких-либо способов и ухищрений сможет украсть его имущество, то вряд ли здесь можно согласиться с применением анализируемого пункта. В свою очередь, отсутствие «поправок на крепость сна» могут свидетельствовать о том, что виновный будет действовать с той же степенью осторожности и изощренности, как и в отношении бодрствующего человека, а следовательно, основания для квалификации его действий по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ имеются.

На наш взгляд, оценка содеянного с учетом субъективной направленности действий виновного должна иметь место и в случае его ошибки в характере состояния лица, из одежды которого он изымает какое-либо имущество. Так, если он считает потерпевшего спящим или пьяным, а тот на самом деле мертв, то, следуя рассуждениям из предыдущего абзаца, а также логике разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о том, что указанный пункт может быть вменен только за совершение действий в отношении живых потерпевших, содеянное должно быть квалифицировано как покушение на кражу из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем (естественно, при отсутствии иных квалифицирующих или особо квалифицирующих признаков кражи).

Еще одним вопросом, который не редко возникает в судебно-следственной практике, является квалификация хищений украшений, находящихся на теле потерпевшего. По мнению П.С. Яни, «из одежды» нужно понимать и как «из-под одежды» - так похищаются прикрытые одеждой украшения, например, носимые под плащом или шалью кулоны на шейной цепочке, надетые на руку браслеты, закрытые в момент хищения рукавами одежды[2]. Не оспаривая такое предложение, мы не можем не обратить внимание на половинчатость такой трактовки: как быть с украшениями, не закрытыми одеждой?! Действительно, незаметно снять с руки часы, с шеи – цепочку, вынуть из ушей серьги требует особой ловкости и сноровки, и вряд ли факт прикрытости их деталями одежды существенно повышает общественную опасность такого хищения по сравнению с хищением открыто носимых предметов. Кроме того, как оценить действия преступника, если он незаметно вынул серьги из ушей, прикрытых не деталями одежды (например, шапкой), а длинными волосами потерпевшей?! Вопрос представляется риторическим.

Некоторые суды, буквально следуя тексту закона, не усматривают в таких хищениях признаки, преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Например, 8 кассационный суд общей юрисдикции, рассмотрев материалы уголовного дела, по которому Т. была осуждена за совершение преступления, предусмотренного п.п.

[1] См., например: Хилюта, В.В. Кража у спящего человека: есть ли основания усиливать ответственность? / В.В. Хилюта // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2016. - № 4 (63). - С. 23 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/krazha-u-spyaschego-cheloveka-est-li-osnovaniya-usilivat-otvetstvennost/viewer (дата обращения: 24.04.2026); Савенко, И.А. Проблемы судебной практики по делам о кражах из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем / И.А. Савенко // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2015. - № 3 (29). - С. 35 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sudebnoy-praktiki-po-delam-o-krazhah-iz-odezhdy-sumki-ili-drugoy-ruchnoy-kladi-nahodivshihsya-pri-poterpevshem/viewer (дата обращения: 24.04.2026)

[2] Яни, П.С. Указ. раб. - С. 34-35.

«в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, исключил из обвинения признак «кражи имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем» по следующим основаниям:

«Т. признана виновной в том, что 19 ноября 2024 года, находясь в спальной комнате …, воспользовавшись тем, что потерпевшая спит и за ее преступными действиями не наблюдает, тайно похитила золотые серьги путем снятия их с ушей потерпевшей, причинив последней материальный ущерб на общую сумму 10 272 рублей 30 копеек.

По смыслу закона, ответственность по пункту «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ наступает только за совершение кражи имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 23.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», нахождение имущества при потерпевшем означает, что одежда, сумка или другая ручная кладь, из которых совершается хищение этого имущества, находятся на потерпевшем, в его руках или непосредственной близости от потерпевшего.

Между тем, как следует из установленных судом обстоятельств дела, осужденная Т. похитила золотые серьги, сняв их с ушей спящей потерпевшей.

При таких обстоятельствах, согласиться с квалификацией действий осужденной как тайное хищение чужого имущества, находившегося при потерпевшей, нельзя»[1].

Обнаружившаяся проблема привела к появлению мнений о необходимости изменения текста УК РФ в этой части. Так, Н.А. Карпова, отмечая неясную правовую природу подобных ситуаций предложила данный пункт изложить в следующей редакции «из одежды, ручной клади или других вещей, находившихся при потерпевшем, а равно кража иных предметов, находившихся при нем»[2]. Безусловно, формулировка требует апробации, но сам смысл предлагаемых изменений нами всецело поддерживается.

Наконец, стоит обратить внимание на использование в тексте рассматриваемого пункта термина «потерпевший». Поскольку уголовное право в настоящее время оперирует данным термином только в теории применительно к характеристике факультативных признаков объекта преступления, практика вынуждена использовать его в уголовно-процессуальном смысле. В соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ «Потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации»[3].

В этой связи неоднозначным выглядит решение проблемы, когда имущество изымается из одежды, сумки, иной ручной клади, находящихся при лице, который формально не является их собственником и ущерб ему фактически не причиняется, а тот, кому этот ущерб действительно причинен, не находится в месте совершения преступления. Д.Б. Чернышов приводит пример, в котором «М. и О. обвинялись в том, что, вступив в сговор, направленный на кражу денежных средств у продавца передвижного пункта продажи фермерской молочной продукции, и, действуя согласно заранее распределенным ролям, М. разговором привлек на себя внимание продавца, в результате чего О. удалось незаметно приблизиться к ней и из-

[1] Кассационное постановление от 20 ноября 2025 г. № 77-3943/2025 / Архив Восьмого кассационного суда общей юрисдикции // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=40126224&case_uid=c34c4ecd-c087-4ac6-8d87-a375b618f3ac&new=2450001&delo_id=2450001 (дата обращения: 24.04.2026)

[2] Карпова, Н.А. Уголовная ответственность за кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.А. Карпова. М., 2006. – С. 9.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001, № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // [Электронный ресурс]: Программа информационной поддержки российской науки и образования // справочные правовые системы Консультант Плюс: Высшая школа. 2026. Режим доступа: http://www.consultant.ru. (дата обращения: 24.04.2026).

влечь из кармана фартука денежные средства, составлявшие выручку от торговой деятельности в размере 22 500 рублей, принадлежавшие потерпевшему - фермерскому хозяйству»[1]. Как справедливо рассуждает автор, «похищенные денежные средства не принадлежали лицу, из чьей одежды они были похищены. … Трактуя указанное положение (ст. 42 УПК – *прим. наше. В.С.*) буквально, можно сделать вывод, что потерпевшим от действий М. и О. является юридическое лицо - фермерское хозяйство, а не продавец. … В таком случае возникает вопрос: должно ли описанное выше хищение, совершенное М. и О., квалифицироваться как совершенное из одежды, находившейся при потерпевшем? С формальной точки зрения на данный вопрос можно ответить отрицательно, т. к. юридическое лицо не имеет материальной формы, не может иметь при себе одежду, сумку или другую ручную кладь. Данный факт подтверждается результативной частью приговора, согласно которому М. и О. были осуждены только по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, то есть за совершение кражи группой лиц по предварительному сговору.

Полагаем, в случае если бы похищенное имущество принадлежало физическому лицу, однако находилось в одежде, сумке или другой ручной клади другого лица, такие действия также нельзя было бы квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ»[2].

В результате автор предлагает изменить в этой части формулировку признака с «потерпевшего» на «собственник и иной владелец». Опять же разделяя общий смысл указанных предложений, мы хотели бы обратить внимание, что в рядом находящемся пункте «б» законодатель использует более нейтральный термин «гражданин», который, на наш взгляд, может быть использован и в данном случае.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что это далеко не полный перечень проблем, возникающих при применении квалифицирующего признака кражи «из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем». Поднимаемые в теории вопросы должны стать ориентиром и для законодателя, и для правоприменителя (на уровне Верховного Суда РФ) в их работе по совершенствованию проанализированных законоположений, что должно положительно сказаться на состоянии законности в сфере противодействия преступлениям против собственности.

[1] Приговор от 27.12.2017 по делу № 1-639/2017 / Архив Тагилстроевского районного суда г. Нижний Тагил Свердловской области // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tagilstroevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&n_c=1&case_id=419395846&case_uid=e003aff5-9f8b-46de-82be-f8047efc178e&delo_id=1540006&new=0 (дата обращения: 24.04.2026)

[2] Чернышов, Д.В. Кража из «чужого кармана»: проблемы квалификации / Д.В. Чернышов // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2024. - № 1 (55). - С. 135 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/krazha-iz-chuzhogo-karmana-problemy-kvalifikatsii/viewer (дата обращения: 24.04.2026).

УДК 343.85:004

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ КАК КЛЮЧЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМУ НАРКОТРАФИКУ*

ЗЕҲНИ СУНЪӢ ВА МАРЗҲОИ ЗЕҲНӢ ҲАМЧУН ВОСИТАИ КАЛИДИИ МУҚОВИМАТ БА ҚОЧОҚИ ВОСИТАҲОИ НАШЪОВАРИ ФАРОМИЛЛӢ

СОЛИЕВ КАРИМ ХОДЖИЕВИЧ
Советник министра внутренних дел Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Таджикистана, генерал-майор милиции / Мушовири вазири корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, Ҳуқуқшиноси шоистаи Тоҷикистон, генерал-майори милитсия
E-mail: karsol7@mail.ru

Масштабы преступности в мире достигли такого уровня, что она стала фактором, серьезно подрывающим безопасность, стабильность и развитие государств, оказывая значительное воздействие на общественные и государственные институты. Мировому сообществу еще предстоит осмыслить весь колоссальный реальный ущерб, который наносит преступность. Но именно поэтому, глобализация преступности диктует необходимость глобализации мер по ее пресечению. В связи с этим, возникает вполне резонный вопрос: почему, несмотря на десятилетия усилий, международные программы, ужесточение законодательства и наращивание сил правоохранительных органов, глобальная преступность не только не снижается, но в ряде регионов становится более устойчивой, гибкой и технологически продвинутой?

Ответ, как ни парадоксально, лежит не в плоскости недостатка ресурсов или политической воли. Ответ в том, где именно мы проигрываем эту борьбу. Мы, на мой взгляд, проигрываем транснациональным организованным сообществам, в том числе наркосетям, не только на улицах, но ещё и на границе.

Сегодня основная масса наркотиков пересекает границы не потому, что границы слабы физически, а потому, что они информационно слепы. Потому, что в большинстве случаев границы остаются информационно и аналитически ограниченными, в то время как преступные сети уже действуют в логике данных, алгоритмов и адаптивных систем.

Пока мы совершенствуем расследование уже совершённых преступлений, транснациональные наркосети действуют быстрее, умнее и технологичнее. Они не ждут – они адаптируются. Они не рискуют – они просчитывают. Они уже используют алгоритмы, маршрутизацию, распределённые цепочки поставок. А мы по-прежнему во многом опираемся на выборочный контроль, человеческое наблюдение и реакцию постфактум.

В этой логике возникает ключевой вопрос: можем ли мы позволить себе бороться с алгоритмами без алгоритмов? Наркотрафик идёт не «через забор», он идёт через «дыры» в данных, анализе и прогнозировании.

Граница стала самым уязвимым звеном глобальной антинаркотической системы. И именно здесь должен произойти перелом.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской темы «Институциональная реформа правозащитной, правоохранительной и судебной деятельности в условиях трансформации политико-правовой организации Республики Таджикистан» (2026-2030)», финансируемую за счет средств государственного бюджета Республики Таджикистан. Регистрационый № 0126TJ01738.

Сегодня наркотрафик – это не просто перевозка запрещённых веществ из точки «А» в точку «Б». Это сложная, распределённая, самообучающаяся система, которая:

– постоянно меняет маршруты;
– тестирует уязвимости границ;
– использует малозаметные способы доставки – от пеших переносчиков до беспилотных аппаратов;
– дробит потоки, чтобы избежать выявления;
– и, что особенно важно, учится на наших действиях быстрее, чем мы адаптируемся к её методам.

Фактически мы имеем дело с противником, который уже действует по логике искусственного интеллекта – даже если он не всегда формально его использует.

И здесь возникает принципиальный вопрос: можем ли мы эффективно противостоять такой системе, оставаясь в рамках преимущественно ручного анализа и реактивного реагирования? Ответ, по нашему мнению, очевиден. Именно граница является той точкой, где наркотрафик либо останавливается, либо проникает внутрь страны и становится внутренней проблемой, то есть, становится фактором риска для здравоохранения, приобретает характер комплексного вызова, оказывающего воздействие на уровень преступности и проблемой социальной деградации населения.

Но современная граница – это уже не только линия на карте. Это поток данных. И тот, кто контролирует этот поток – контролирует безопасность.

Сегодня традиционная модель пограничного контроля основана на выборочности. Мы проверяем часть потока, надеясь выявить угрозу. Но наркотрафик действует иначе. Он маскируется внутри потока, становится его частью, растворяется в нём. Человек физически не способен проанализировать миллионы сигналов, маршрутов и отклонений одновременно. Именно поэтому мы неизбежно пропускаем то, что не укладывается в заранее заданные шаблоны. И вот здесь появляется то, что способно изменить правила игры. Это искусственный интеллект (далее - ИИ).

Но здесь хотелось бы сразу подчеркнуть: мы часто недооцениваем его потенциал, воспринимая его как инструмент ускорения процессов. На самом деле искусственный интеллект – это инструмент изменения самой логики правоохранительной деятельности.

Постараемся привести конкретный пример. Так, в ряде стран уже внедряются системы, где искусственный интеллект анализирует тысячи эпизодов пересечения и других потоков данных одновременно – от видеонаблюдения до радиолокации и поведенческих моделей и выявляет закономерность, которую человек не заметил бы.

В одной из таких систем алгоритм выявил неочевидную закономерность: небольшие группы людей, не связанные между собой, пересекали границу в разное время, но по идентичной траектории, то есть использовали схожие микромаршруты с минимальными отклонениями.

Для человека это выглядит как случайные перемещения. Для машины – как устойчивая логистическая сеть. В результате была вскрыта устойчивая логистическая схема наркотрафика, существовавшая длительное время и не попадавшая в поле зрения правоохранительных органов.

Это принципиальный момент. ИИ не просто ускоряет работу – он видит то, чего человек не видит.

Другой пример связан с использованием сенсорных технологий. Современные системы способны фиксировать микровибрации почвы и акустические сигналы, указывающие на подземную активность. Такие технологии уже позволяют выявлять подземные туннели, используемые для транспортировки наркотиков. Это означает, что туннель может быть обнаружен

не тогда, когда он уже используется, а в момент его строительства. Фактически мы говорим о возможности предотвратить канал наркотрафика до его появления.

И здесь мы подходим к ключевой идее: ИИ меняет саму философию правоохранительной деятельности – от реагирования к перехвату до события.

Третий пример: использование алгоритмов прогнозирования. Анализируя данные о перемещениях, погодных условиях, активности на сопредельных территориях и других факторах, система способна с высокой вероятностью определить, где в ближайшее время возникнет попытка нелегального пересечения. Это уже не реакция. Это – предвосхищение.

Все эти примеры сводятся к одному выводу: ИИ позволяет нам перейти от модели «обнаружить и задержать» к модели «выявить, предсказать и предотвратить». Именно этот переход имеет решающее значение для борьбы с транснациональным наркотрафиком.

Однако внедрение технологий само по себе не решает проблему. Если каждая страна будет действовать изолированно, мы получим лишь локальное усиление, в то время как наркотрафик остаётся глобальным. Поэтому ключевой вопрос – как масштабировать эти возможности на международный уровень.

Позвольте предложить ряд конкретных инициатив.

1) Создание межгосударственной глобальной платформы интеллектуального анализа наркотрафика. Это должна быть не просто база данных, а система, в которой алгоритмы анализируют:

– трансграничные маршруты, то есть маршруты перемещения;
– поведенческие модели, паттерны, то есть необычные, нетипичные или отклоняющиеся от нормы действия в поведении людей;
– аномалии перемещения, то есть пересечения границ.

Такая платформа позволит видеть не отдельные эпизоды, а глобальную архитектуру наркотрафика, его логистические цепочки.

2) Формирование «умных коридоров риска» на границах, или так называемых интеллектуальных пограничных узлов – участков границы с высокой концентрацией искусственных интеллектуальных систем. Не вся граница должна быть одинаково насыщена технологиями. Искусственный интеллект позволяет точно определить, где риск максимален, и сосредоточить ресурсы именно там.

3) Создание международных аналитических групп МВД, работающих на постоянной основе на стыке данных разных стран. Сегодня преступные сети действуют глобальна, транснационально, а аналитика остаётся национальной. Это стратегический разрыв, который необходимо устранить.

4) Внедрение принципа «цифрового профиля маршрута», а не только лица или груза, то есть следует внедрить концепцию «анализа маршрута как объекта». Мы должны перестать фокусироваться исключительно на человеке или грузе. Мы привыкли проверять человека. ИИ позволяет анализировать сам маршрут, то есть, даёт возможность проверять сам маршрут:

– как он формируется, его структуру;
– как повторяется;
– какие отклонения в нём появляются.

И именно маршрут зачастую является ключом к раскрытию сети.

5) Переход к модели прогностического перехвата. ИИ уже способен с высокой вероятностью прогнозировать:

– где появится новый канал;
– какие маршруты будут задействованы;
– какие участки границы станут уязвимыми.

Это означает, что операция может проводиться до активной фазы наркотрафика.

Мы часто говорим о необходимости усиления борьбы с наркотиками. Сегодня мы стоим перед выбором. ИИ даёт нам шанс: либо мы продолжаем усиливать контроль в рамках старой логики и остаёмся в позиции догоняющих, либо мы переходим к новой модели, где граница становится интеллектуальной системой, способной думать, анализировать и предупреждать.

Но, возможно, сегодня важнее не усиление, а переосмысление самой модели борьбы. В конечном итоге речь идёт не только о технологиях. Искусственный интеллект – это не технология будущего. Это уже инструмент настоящего, который определяет, кто контролирует границу – государство или преступная сеть. И в конечном итоге, это вопрос не технологий, но вопрос здоровья наших граждан, безопасности наших обществ и устойчивости наших государств.

И ответ на этот вопрос во многом зависит от того, готовы ли мы использовать новые инструменты, готовы ли мы делать это вместе. В этом контексте роль международных институтов, таких как СНГ, ОДКБ, ШОС и иных объединений становится ключевой.

Сегодня граница – это не линия. Это система. И тот, кто сделает её умной, будет контролировать не только территорию, но и будущее безопасности.

УДК 343.2

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ НЕДОПУЩЕНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ

АСОСИ ҲУҚУҚИИ ПЕШГИРИИ БАРҚАРОРШАВИИ НАЖОДПАРАСТӢ ДАР ҚОНУНГУЗОРИИ ТОҶИКИСТОН ВА РОССИЯ

ТЕРЕХОВА ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА
Преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, майор полиции / Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологияи Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, майори политсия
E-mail: ekaterina_m_terehova@mail.ru

В условиях сохраняющегося глобального риска возрождения идеологии фашизма, особенно в его крайней форме – нацизма, а также ксенофобии и исторических ревизионизмов, государства бывшего Советского Союза продолжают развивать правовые механизмы противодействия подобным явлениям. Страны Содружества Независимых Государств (далее - СНГ) активно выступают против нацизма и его проявлений, что подтверждается рядом совместных инициатив, заявлений и действий на международном уровне. Недопущение деструктивной идеологии в СНГ реализуется не только через политические декларации, резолюции, образовательные и культурные проекты, но и через сотрудничество в правовой сфере. В этом направлении взаимодействие между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан – государства чьи народы внесли значительный вклад в разгром нацистской Германии, демонстрирует консолидированную позицию. В настоящей статье отметим некоторые правовые основы их законодательств, являющиеся базой в борьбе с возрождением нацизма.

Определение «нацизма» в его историческом и социологическом понимании оформилось от названия фашистской Национал-социалистской партии Германии и представляет со-

бой форму государственного и/или общественного устройства, объединяющую социализм с крайним национализмом (расизмом), а также идеологию, на основе которой обосновывается существование такого социального порядка[1]. В словаре русского языка С.И. Ожегова нацизм определяется как «германский фашизм»[2].

В доктрине авторы, формулируя определение нацизма, солидарны в том, что он является крайним проявлением фашизма[3] «как более общего феномена»[4] и «в итоге представляет собой «венец» экстремистской идеологии и деятельности»[5]. При этом в уголовно-правовом понимании нацизма обращается внимание на его отличительный признак – «наличие геноцидальной цели», выражающейся в частичном или полном уничтожении иных расовых, национальных и прочих групп людей, неугодных идеологии превосходства[6].

В Российской Федерации понятие «нацизм» не имеет самостоятельного нормативного определения в законодательстве. Вместе с тем, в соответствии с Федеральным законом № 114-ФЗ от 25 июля 2022 года «О противодействии экстремистской деятельности», в понятие экстремистской деятельности включаются действия, связанные с использованием нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или символики, сходных с ней до степени смешения[7]. При этом совместное Указание Генеральной прокуратуры России и МВД России относит ряд деяний, среди которых и реабилитация нацизма (ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации – далее УК РФ), при условии их совершения по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, к перечню преступлений экстремистской направленности[8]. Таким образом, российское законодательство в сфере борьбы с экстремизмом фактически признает реабилитацию нацизма формой экстремистской деятельности[9].

В Республике Таджикистан в соответствии с Законом № 1655 от 2 января 2020 года «О противодействии экстремизму», к экстремистской деятельности относятся действия, направ-

---

[1] Толковый словарь русского языка // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ozhegov.slovaronline.com/17563-NATSIZM (дата обращения 10.07.2025).

[2] Словарь русского языка С.И. Ожегова // [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=16218 (дата обращения 10.07.2025).

[3] См., например: Умланд, А. Современные концепции фашизма в России и на Западе / А. Умланд // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 5. – С. 119; Грибанов, Е.В., Яблонский, И.В. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: историко-правовые основания и характеристика Е.В. Грибанов, И.В. Яблонская // Общество и право. – 2017. – № 1(59). – С. 144; Шевелева, К.В. О нормативно-правовом закреплении понятий «нацизм» и «фашизм» в отечественном законодательстве / К.В. Шевелева // Вестник Академии права и управления. – 2021. – №2 (63). – С. 81 и др.

[4] Mann, M. Fascists. Cambridge University Press, – 2004. – Pp. 9.

[5] Иванов, А.Ю. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Ю. Иванов. – Краснодар, 2018. – С. 27.

[6] Наумов, А.В., Кибальник, А.Г., Орлов, В.Н., Волосюк, П.В. Международное уголовное право / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. 3-е изд. М., – 2016. – С. 193; Рыжов, П.С. Разграничение понятий фашизма и нацизма в отечественной правовой системе / П.С. Рыжов // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 385.

[7] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ // [Электронный ресурс] - СПС «Консультант плюс»: Режим доступа: https://cgi/online.cgi?req=doc&ts=nTmZhYT4mbxedyr42&cacheid=E (дата обращения 23.04.2026).

[8] Указание Генеральной прокуратуры РФ № 401/11 и Министерства внутренних дел РФ г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса РФ, используемых при формировании статистической отчетности» от 19 июня 2023 г., № 2 // [Электронный ресурс] // Кодификация.РФ. Режим доступа: https://rulaws.ru/acts/Ukazanie-Genpr (дата обращения 23.04.2026).

[9] Терехова, Е.М. О некоторых проблемах в расследовании реабилитации нацизма / Е.М. Терехова // Уголовно-правовое обеспечение правоохранительной деятельности: взгляд молодежи: Материалы научно-практической конференции I Съезда Молодежной секции Международного союза криминалистов, Москва, 27 сентября 2024 года. – М.: Московская академия СК РФ, 2024. – С. 319.

ленные на разжигание расовой, национальной, региональной, религиозной и социальной вражды, а также пропаганда исключительности или превосходства граждан по признакам их религиозной, конфессиональной, языковой, национальной, расовой или региональной принадлежности, если такие действия осуществляются публично, с использованием средств массовой информации либо сопровождаются применением насилия или угрозой его применения[1]. При этом в законе прямо не упоминается термин «нацизм», однако, его положения охватывают такую идеологию, особенно в части разжигания национальной и расовой ненависти.

Таким образом возможно отметить, что Россия и Таджикистан единообразно подходят к пониманию «нацизма» как одной из форм экстремистской деятельности, идеология и преступления которого осуждены Приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси в Нюрнберге в 1946 году.

Помимо этого, в Российской Федерации и в Республике Таджикистан указами президентов утверждены и реализуются соответствующие национальные Стратегии по противодействию экстремизму[2]. Их общими чертами выступает ориентация на конституционные принципы; акцент на профилактику и раннее предупреждение; вовлечение гражданского общества; технологическое противодействие в цифровой-среде; а также стремление к международному сотрудничеству. Эти сходства отражают глобальный характер угроз и необходимость комплексного подхода к их нейтрализации.

Особенно стоит отметить, что в российской Стратегии возрождение идей нацизма, принявшее на современном этапе форму неонацизма, оценивается как одна из ключевых угроз экстремистского характера национальной безопасности государства. Таким образом акцентное внимание на недопущение влияния деструктивной нацистской идеологии на общество предусматривает комплекс мер по его пресечению как на национальном, так и на международном уровне.

В контексте международного сотрудничества Таджикистан и Россия координируют усилия по сохранению исторической памяти и противодействию фальсификации итогов Второй мировой войны, в том числе в рамках деятельности Организации Объединенных Наций (далее по тексту – ООН). Республика Таджикистан систематически поддерживает ежегодные инициативы Российской Федерации, вносимые в Генеральную Ассамблею ООН с 2005 года, направленные на недопущение героизации нацизма. Кроме того, Таджикистан традиционно выступает соавтором резолюции «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, способствующими эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ней нетерпимости», что свидетельствует о консолидированной позиции двух стран в вопросах защиты исторической правды и противодействия возрождению нацистской идеологии. Так, резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН в 2025 году[3], осуждает инциденты, связанные с героизацией и пропагандой нацизма, призывает государства к полной ликвидации всех форм расовой дискриминации и рекомендует принятие мер, направленных на недопущение фальсификации исторических событий и пересмотра итогов Второй мировой войны.

---

[1] Закон Республики Таджикистан «О противодействии экстремизму» от 02 января 2020 г., № 1655 // [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. Режим доступа: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=121505 (дата обращения 23.04.2026).

[2] Указ Президента России «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» от 28 декабря 2024 г., № 1124 // [Электронный ресурс] // ИПП ГАРАНТ.РУ. Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/ (дата обращения 23.04.2026); Указ Президента Республики Таджикистан «О Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы» от 1 июня 2021 г., № 187 // [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ. Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=38755791&pos=6;268 (дата обращения 23.04.2026).

[3] ГА ООН приняла российскую резолюцию // [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/info/25924419 (дата обращения 23.04.2026).

Помимо этого в ответ на интенсификацию попыток фальсификации итогов Второй мировой войны, усиление политического влияния праворадикальных движений, а также процессы героизации нацистской идеологии и практик в ряде стран Восточной Европы и Балтии, а также с целью гармонизации национальных законодательств стран СНГ в сфере борьбы с реабилитацией нацизма и героизацией его последователей Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ еще в 2012 году принят Модельный закон «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников»[1]. Принятие которого было направлено на укрепление исторической памяти, защиту общепризнанных принципов международного права и обеспечение безопасности государств СНГ от угроз, связанных с возрождением нацистской идеологии, и должно было стать основой для разработки или совершенствования соответствующих норм в национальных правовых системах государств-участников. Однако, его имплементация не была полностью осуществлена в законодательства стран участников.

Так в Российской Федерации реализация мер по борьбе с проявлениями нацизма воплощена через уголовно-правовой запрет и с 2014 года деяния, связанные с оправданием преступлений нацистского режима, подлежат уголовной ответственности. В соответствии с Федеральным законом № 128-ФЗ от 5 мая 2014 года в главу 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» была включена статья 354.1 «Реабилитация нацизма»[2], установившая ответственность за публичное распространение заведомо ложных сведений о роли СССР в развязывании Второй мировой войны, а также за оправдание нацистской агрессии и преступлений нацистского режима. К настоящему времени практика ее применения значительно расширилась и согласно проведенным нами исследованиям, ежегодно наблюдается тенденция увеличения количества преступных фактов.

В других странах СНГ положения модельного закона либо не внедрялись в полном объеме, либо реализовывались частично через отдельные нормы законов о противодействии экстремизму. Так, в Уголовном кодексе Республики Таджикистан содержится статья 189 «Разжигание социальной, расовой, национальной, региональной, религиозной (конфессиональной) вражды или розни»[3] применяющаяся только с административной преюдицией, за такие же правонарушения, предусмотренные статьей 462(1) Кодекса об административных правонарушениях Республики Таджикистан[4]. Стоит отметить, что данные изменения были внесены в уголовное и административное законодательство Республики Таджикистан в 2020 году с целью его гуманизации. Однако, до этого времени эти же действия, совершенные публично или с использованием средств массовой информации, образовывали уголовно-наказуемое деяние.

В Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации (далее - КоАП РФ) правовой нормой, предусмотренной статьей 20.3, запрещена пропаганда или публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, а также атрибутики или

[1] Модельный закон «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» (принят на тридцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ постановлением № 37-18 от 17 мая 2012 года) // [Электронный ресурс] // Е-досье. Режим доступа: https://e-ecolog.ru/docs/UZcOuCVLTcZici_IZsMBe (дата обращения 23.04.2026).

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05 мая 2014 г., № 128-ФЗ // [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» Режим доступа: https://www.consultant.ru/documen (дата обращения 23.04.2026).

[3] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 574 // [Электронный ресурс] //ИС Параграф. Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=30397325&pos=225;311&doc_id2=30397325 (дата обращения 06.08.2024).

[4] Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 г. № 455 // [Электронный ресурс] //ИС Параграф. Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=30414710&pos=525;300&doc_id2=30414710&pos2=3282;291 (дата обращения 06.08.2024).

символики признанных экстремистскими и запрещенными федеральными законами. Отметим, что нацистская атрибутика и символика (знамёна, значки, элементы униформы, свастика, приветственные жесты и т.д.) ассоциируются с преступными организациями, признанными таковыми Нюрнбергским трибуналом. Их публичное использование рассматривается как форма экстремизма, которая может формировать враждебные установки в обществе. Данный запрет продиктован уважением к жертвам Великой Отечественной войны и сохранением исторической правды о преступлениях нацизма. Использование такой символики рассматривается как оскорбление памяти многонационального народа России. Таким образом, статья 20.3 КоАП РФ служит важным инструментом в системе правового недопущения возрождения нацизма.

Важными превентивными мерами в данном направлении помимо законодательного запрета безусловно служит воспитание патриотических граждан и сохранение исторической памяти о подвигах наших предков, что является одной из важнейших задач руководства всех стран. Однако то, что, казалось бы, очевидно и незыблемо, в сегодняшних реалиях приходится защищать и отстаивать у приверженцев другой идеологии или идеи. Примером этому служит снос памятников советскому солдату, которые были установлены в европейских странах в честь тех, кто эти страны спас от фашизма, что является обесцениванием подвигов русских, таджиков, узбеков, казахов, украинцев, армян и других народов. Такие современные проявления только подтверждают, что «чем дальше от нас события из истории нацистской Германии, тем ощутимее их присутствие в нашей памяти»[1].

Таким образом, проведя некоторый сравнительный анализ законодательства двух государств, являющихся союзными республиками СССР – победителя во Второй Мировой войне, актуализируется справедливое замечание А.В. Сигарева о том, что «любому государству необходимо проводить определённую политику по защите своей истории от искажений. Для этого в его распоряжении находится целый набор средств, в том числе и такое крайнее средство, как уголовное преследование»[2].

УДК 343.9

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ВИКТИМИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

МУҲИТИ РАҚАМӢ ҲАМЧУН ОМИЛИ КРИМИНАЛИЗАТСИЯ ВА ВИКТИМИЗАТСИЯИ НОБОЛИҒОН

ФОМИНА ИННА АНАТОЛЬЕВНА
Доцент кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент / Дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологияи Донишкадаи Шарқӣ-Сибирии ВКД Россия, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
E-mail: iafomina@mail.ru

Мы живем в период стремительной цифровизации современного общества, которая сопровождается глубокими трансформациями социальных коммуникаций, форм взаимодей-

[1] Stackelberg, R. The Nazi Germany Sourcebook: An Anthology of Texts / R. Stackelberg, S.A. Winkle. – L.: Routledge, 2002. – 496 p., p. XXIII.
[2] Сигарев, А.В. Наказание за отрицание: к вопросу о юридической ответственности за искажение исторических фактов / А.В. Сигарев // История государства и права. – 2014. – № 1. – С. 61.

ствия и поведенческих практик. Цифровая среда сегодня выступает не просто дополнительным каналом обмена информацией, а полноценным пространством социализации, в котором формируются ценностные установки, модели поведения и межличностные связи, в том числе у несовершеннолетних.

Согласно исследованию, проведенному Ю.А. Кочетовой и М.В. Климаковой «формирование идентичности в подростковом возрасте является центральной задачей развития, а в современном мире значительную роль в этом процессе играют цифровая среда и социальные сети»[1]. В этих условиях, характеризуемых повсеместной цифровизацией, ранним вовлечением несовершеннолетних в интернет-коммуникацию, отсутствием у большинства взрослых достаточной цифровой компетентности и институциональной неготовностью правоохранительной и образовательной систем к динамичным киберугрозам, традиционные механизмы социального контроля утрачивают свою прежнюю эффективность.

Под традиционными механизмами здесь понимаются как формальные институты (органы опеки, подразделения по делам несовершеннолетних, комиссии, школьные службы безопасности), так и неформальные регуляторы (родительский авторитет, контроль успеваемости, влияние референтной группы сверстников в классе или во дворе, общественное мнение локального сообщества). Все они исторически складывались применительно к офлайн-среде, где поведение подростка разворачивалось в физическом пространстве с прозрачными временными и пространственными границами, где взрослый мог непосредственно наблюдать за действиями ребенка, вмешиваться в реальном времени и применять санкции, подкрепленные личным присутствием и авторитетом.

В цифровой же среде эти механизмы сталкиваются с рядом непреодолимых ограничений: анонимность участников коммуникации затрудняет идентификацию нарушителя и жертвы; трансграничность интернета делает невозможным применение юрисдикционных мер отдельно взятого государства или школы; высокая скорость распространения информации позволяет травмирующему контенту за секунды охватить огромную аудиторию, а удаленность и опосредованность взаимодействия снижают у подростка чувство ответственности и эмпатии, одновременно лишая взрослого возможности своевременного и адекватного реагирования.

В результате, подросток может быть вовлечен в деструктивные сообщества, стать объектом кибербуллинга или совершить противоправное действие в отсутствие прямого контроля со стороны значимых взрослых. Данное обстоятельство, то есть системная неспособность традиционных механизмов социального контроля эффективно функционировать в условиях цифровой трансформации детства и отрочества, с неизбежностью обуславливает необходимость фундаментального переосмысления устоявшихся криминологических и виктимологических подходов к оценке влияния цифровой среды на подростковую аудиторию.

Переосмысление требуется как на теоретическом уровне (разработка новых объяснительных моделей криминализации и виктимизации в онлайне), так и на прикладном (создание валидных методик оценки рисков, шкал виктимности, алгоритмов раннего выявления деструктивного поведения). Без такого переосмысления любые профилактические меры рискуют остаться декларативными или запаздывающими по отношению к реальным процессам, происходящим в цифровой среде, где несовершеннолетние сегодня проводят значительную часть своей жизни.

Особую значимость указанная проблема приобретает в связи с устойчивым ростом и массовостью вовлеченности несовершеннолетних в онлайн-пространство. Согласно данным исследования, проведенного компанией Mediascope (результаты были представлены в 2025 году) «более 90% детей в возрасте до 11 лет активно пользуются интернетом, при этом среди

[1] Кочетова, Ю. А., Климакова, М. В. Подросток в цифровой среде: идентичность и образ себя / Ю. А. Кочетова, М. В. Климакова // Социальные науки и детство. – 2025. – № 6 (3). – С.87.

подростков 9–11 лет данный показатель достигает 99%. Кроме того, значительная часть несовершеннолетних использует цифровые сервисы ежедневно, начиная с раннего возраста, а доступ к персональным устройствам формируется в среднем уже к 6–8 годам»[1], что свидетельствует о ранней и практически непрерывной цифровой социализации данной возрастной группы. В этом контексте цифровое пространство необходимо рассматривать как полноценную микросистему, наряду с семьей и школой, поскольку оно определяет как несовершеннолетний формирует и проявляет свою идентичность. Так, эксперименты в рамках теории сдвига идентичности демонстрируют, что целенаправленная самопрезентация в онлайн-контексте (например, в роли интроверта или экстраверта) приводит к реальным изменениям в самовосприятии подростков. Публичная самопрезентация вызывала «сдвиг идентичности» – интеграцию цифрового образа в Я-концепцию, усиливающуюся даже при однократной неперсонализированной положительной реакции[2]. При этом уровень цифровой активности несовершеннолетних зачастую существенно превышает уровень их правовой, психологической и информационной защищенности.

Недостаточная сформированность критического восприятия информации, ограниченный жизненный опыт и повышенная внушаемость создают предпосылки для их активного вовлечения в различные формы онлайн-взаимодействия, включая потенциально опасные и противоправные практики. Цифровая среда в данном контексте приобретает характер пространства, в котором стираются возрастные, социальные и территориальные границы, что объективно расширяет спектр рисков, связанных с участием несовершеннолетних в сетевых коммуникациях.

Наиболее интенсивное воздействие в данном контексте оказывают социальные сети, мессенджеры и игровые онлайн-платформы, которые функционируют не только как средства коммуникации, но и как устойчивые каналы социального влияния и манипулятивного воздействия. Одновременно с этим наблюдается существенное усиление криминальных и виктимологических рисков для несовершеннолетних, связанных с функционированием цифровой среды.

С одной стороны, цифровая среда становится пространством, в котором несовершеннолетние могут выступать в качестве активных участников противоправной деятельности. Так, «в 2025 году каждое пятое киберпреступление в России было совершено людьми младше 18 лет»[3]. Именно в этих пространствах формируются устойчивые коммуникативные связи, в рамках которых осуществляется целенаправленное вовлечение несовершеннолетних в различные формы противоправной деятельности, включая участие в незаконных финансовых схемах, распространение запрещенного контента, выполнение заданий анонимных кураторов, а также иные формы цифровой девиации. Особую роль в этом процессе играет социальная инженерия, основанная на использовании психологических механизмов воздействия, эксплуатации доверчивости, недостатка жизненного опыта и стремления к социальной включенности несовершеннолетних. Манипулятивные практики в цифровой среде приобретают высокую эффективность вследствие анонимности субъектов воздействия и отсутствия непосредственного контроля со стороны взрослых, что значительно снижает барьеры для вовлечения подростков в противоправные сценарии поведения. В совокупности это формирует феномен так называемого «низкого порога входа» в цифровые формы девиации, при котором

[1] Mediascope. Исследование цифровой активности детей и подростков в России // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.tek.fm/news/290096 (дата обращения: 14.04.2026).
[2] Soh, C., Talaifar, S., Harari, G. M. Identity shift in online self-presentation: Experimental evidence of changes in self-concept among adolescents / C. Soh, S. Talaifar, G. M. Harari // Journal of Personality and Social Psychology. – 2024. – Vol. 126, No. 3. – Pp. 412–428.
[3] В каждом пятом киберпреступлении в России замешаны подростки // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2026/02/18/reg-dfo/v-kazhdom-piatom-kiberprestuplenii-v-rossii-zameshany-podrostki.html (дата обращения: 14.04.2026).

совершение противоправных действий не требует значительных технических знаний или осознанной криминальной мотивации, а зачастую осуществляется под влиянием внешнего давления либо заблуждения относительно характера совершаемых действий.

С другой стороны, подростки все чаще оказываются в положении потерпевших[1]. В структуре цифрового насилия в отношении несовершеннолетних одной из наиболее распространённых форм выступает кибербуллинг, проявляющийся в систематическом психологическом давлении, унижении, распространении дискредитирующих сведений, а также ином целенаправленном воздействии, осуществляемом посредством цифровых коммуникационных каналов. Указанные практики отличаются высокой степенью устойчивости последствий, что обусловлено спецификой цифровой среды, в которой информация сохраняется длительное время и может многократно тиражироваться без контроля со стороны первоначального источника. Значимую угрозу представляют также мошеннические и фишинговые схемы, ориентированные на получение персональных данных, доступ к учетным записям либо незаконное завладение денежными средствами несовершеннолетних пользователей. При этом злоумышленники зачастую прибегают к имитации интерфейсов официальных сервисов, игровых платформ и социальных сетей, что способствует повышению уровня доверия со стороны потенциальных жертв и снижает критичность восприятия получаемой информации.

Также случаи сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в цифровой среде, включая так называемый груминг, под которым понимается поэтапное установление доверительных отношений с ребенком с последующим его вовлечением в совершение действий сексуального характера либо иные формы противоправного поведения. Согласно данным Европейского парламента, в 2024 году «было зафиксировано более 20,5 млн сообщений о подозрительных материалах, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних в цифровой среде, при этом отмечается рост числа случаев онлайн-груминга и тенденция к «омоложению» жертв»[2]. Исследования EU Kids Online показывают, что «до 34% девочек и 23% мальчиков в возрасте 9–17 лет сталкивались с нежелательными сексуализированными контактами в сети, а в старшей подростковой группе данный показатель достигает 43%. При этом значительная часть случаев остаётся латентной: по различным оценкам, до 80–90% эпизодов онлайн-груминга не фиксируется официальной статистикой»[3], что обусловлено страхом жертв, отсутствием осознания виктимизации и трансграничным характером преступлений. Виктимологическая уязвимость несовершеннолетних в цифровой среде во многом обусловлена их психологическими особенностями, включая повышенную доверчивость, эмоциональную восприимчивость и недостаточный уровень критического восприятия информации. В сочетании с постоянным онлайн-присутствием это формирует устойчивую предрасположенность несовершеннолетних к виктимизации в условиях цифрового взаимодействия.

При этом сама цифровая среда обладает рядом специфических криминологических и виктимологических характеристик, существенно отличающих ее от традиционных форм социальной коммуникации.

К числу таких характеристик относится анонимность субъектов взаимодействия, позволяющая скрывать реальную идентичность и затрудняющая установление личности правонарушителей. Одновременно цифровое пространство является фактически безграничным,

[1] Число киберпреступлений впервые снизилось. Жертвами теперь чаще становятся подростки // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2025/12/28/chislo-kiberprestuplenij-v-rossii-vpervye-snizilos.html (дата обращения: 14.04.2026).

[2] Combating child sexual abuse online: briefing / European Parliamentary Research Service // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI%282022%29738224 (дата обращения: 14.04.2026).

[3] Fang X. et al. One in 12 children globally exposed to online sexual exploitation or abuse // Euronews (по данным исследования) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.euronews.com/next/2025/01/26/1-in-12-children-globally-exposed-to-widespread-online-sexual-exploitation-or-abuse (дата обращения: 14.04.2026).

что обеспечивает трансграничный характер противоправной деятельности и усложняет применение национальных правовых механизмов реагирования.

Существенные затруднения возникают и на этапах выявления, фиксации и предупреждения цифровых правонарушений, что обусловлено высокой динамичностью информационных потоков, сложностью цифровых следов, а также необходимостью применения специальных знаний и технических средств, характерных для современной цифровой криминалистики. Указанные обстоятельства в значительной степени осложняют своевременное реагирование на противоправные деяния и формирование эффективных профилактических мер. В этой связи следует отметить, что противодействие процессам криминализации и виктимизации несовершеннолетних в цифровой среде возможно лишь при условии комплексного, междисциплинарного подхода, предполагающего участие различных социальных и институциональных субъектов. Существенная роль традиционно принадлежит семье и образовательным организациям как базовым институтам социализации, формирующим первичные модели поведения и систему ценностных ориентиров.

Важным направлением профилактической работы выступает развитие цифровой грамотности несовершеннолетних, включая формирование навыков критической оценки информации, безопасного поведения в сети и осознания рисков, связанных с онлайн-коммуникацией и цифровым взаимодействием. Наряду с этим особое значение приобретает совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере защиты несовершеннолетних в условиях цифровизации, направленное на адекватное отражение новых форм угроз.

Приоритетное значение должно быть отдано профилактике правонарушений и формированию устойчивого правосознания несовершеннолетних как ключевого элемента обеспечения их безопасности в условиях цифровой трансформации общества.

ТДУ172.15:343.3

ТАФАККУРИ МИЛЛАТГАРОЙ ҲАМЧУН АНГЕЗАИ ЭКСТРЕМИТӢ*

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ КАК ЭКСТРЕМИСТСКАЯ УСТАНОВКА

ҲАЙДАРЗОДА МУРОД ПИРМАҲМАД
Дотсенти кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва фаъолияти маъмурии факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, подполковники милитсия / Доцент кафедры административного права и административной деятельности факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции
E-mail: murod.23.09.1990@mail.ru

Ҳодисаҳои даҳшатбори солҳои охир дар як қатор давлатҳои ҷаҳон шаҳодат медиҳанд, ки тафаккури миллатгароӣ барои шиддат гирифтани низоҳои дохили давлатӣ ва минтақавию байналмилалӣ мусоидат мекунад. Ин аст, ки дар тамоми санадҳои меъёрии ҳуқуқии зиддиэкстремистии байналмилалӣ, минтақавӣ ва миллии

* Мақола дар доираи татбиқи мавзуи илмӣ-таҳқиқотии «Ислоҳоти институтсионалии фаъолияти ҳимояи ҳуқуқ, ҳифзи ҳуқуқ ва судӣ дар шароити таҳаввули ташкили сиёсӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 2026-2030)», ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ мешавад, омода карда шудааст. Рақами қайди давлатӣ: 0126TJ01738.

давлатҳои ҷаҳон миллатгароӣ вобаста аз дараҷаи хавфнокиашон ҳамчун кирдори ҷиноятӣ ва ё маъмурӣ эътироф шудааст.

Дар моддаи 6 Конституцияи Ҷумҳурии Тоҷикистон омадааст, ки "Халқи Тоҷикистонро сарфи назар аз миллаташон шаҳрвандони Тоҷикистон ташкил медиҳанд". Ҳамзамон, дар сархати панҷуми моддаи 8-уми Конституцсия омадааст, ки таъсис ва фаъолияти иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ ва ҳизбҳои сиёсие, ки миллатгароиро тарғиб мекунанд ва ё барои бо зӯрӣ сарнагун кардани сохтори конституцсионӣ ва ташкили гурӯҳҳои мусаллаҳ даъват менамоянд, манъ аст. Бағайр аз ин дар моддаи 17 новобаста аз мансубияти миллӣ ба шаҳрвандон кафолати баробарии шаҳрвандон дар назди қонун ва суд дода шудааст. Инчунин, мутобиқи сархати дуюми моддаи 30 Конституцсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон таблиғот ва ташвиқоте, ки бадбинӣ ва хусумати миллиро ба миён меорад манъ аст[1].

Каме баъдтар истилоҳи "миллатгароӣ" дар сатҳи қонунгузорӣ дар дар банди "е" қ. 1 м. 62, б. "м" қ. 2 м. 104, б. "м" қ. 2 м. 110, б. "е" қ. 2 м. 111, б. "ж" қ. 2 м. 117, м. 143, б. "в" қ. 2 м. 179, м. 189, б. "б" қ. 2 м. 243, м. 307(2) ва м. 399 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) истифода карда шудааст[2].

Ба ғайр аз ин, истилоҳи миллатгароӣ дар қ. 1 м. 374 Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон, яъне, тайёр кардан, нигоҳ доштан, воридот, ҳамлу нақл ва паҳн кардани маҳсулоти мамнуи воситаҳои ахбори омма дигар маҳсулоти чопии манъшуда, дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон, моддаи 462(1), яъне, барангехтани кинаю адоват ё низои иҷтимоӣ, нажодӣ, миллӣ, маҳалгароӣ ё диннӣ (мазҳабӣ) истифода карда шуда, барои содир намудани ин кирдорҳо ҷавобгарии маъмурӣ муқаррар карда шудааст[3].

Ҳамзамон, истилоҳи миллатгароӣ бевосита дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи мубориза бар зидди экстремизм", ки 8 декабри соли 2003, таҳти № 69 қабул шуда буд ва он қаблан амал мекард, бевосита дар мафҳуми "экстремизм" ворид карда шуд[4]. Дар айни замон истилоҳи "миллатгароӣ" дар мафҳуми экстремизм, ки дар Қонуни амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи муқовимат ба экстремизм" мавҷуд аст[5].

Ҳамин тавр, дар қонунгузории зиддиэкстремистии Ҷумҳурии Тоҷикистон низ бо роҳи зӯроварӣ ва амалҳои дигари зиддиқонунӣ ҳал намудани масъалаҳои миллӣ (миллатгароӣ) ҳамчун кирдори зиддиҳуқуқӣ эътироф шуда, он ҳамчун яке аз аломатҳои мафҳуми экстремизм аст, ки дар сархати якуми моддаи 1 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "Дар бораи муқовимат ба экстремизм" оварда шудааст[6].

Аз нигоҳи эътималогӣ миллатгароӣ аз вожаи фаронсавии "натсионализм" (nationalisme) гирифта шуда, маъноияш идеологиест, ки асоси онро бартари додани як миллат аз болои дигар миллатҳо ташкил медиҳад.

Бархе аз забоншиносон такид месозанд, ки миллатгароӣ ин ҳамчун идеология ва сиёсате мебошад, ки аз ғояҳои бартарии миллӣ ва муқобилияти миллати худ бо дигарон

---

[1] Конституцсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994 (бо тағйиру иловаҳо аз 26.09.1999, 22.06.2003 ва 22.05.2016 с.). // [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_ sanad&ordertype=ASC.

[2] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи соли 1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с. 1998, №9, м. 68, м. 69, №22, м. 306 (Қонуни ҶТ аз 13.11.2023, № 1985).

[3] Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 31-уми декабри соли 2008, № 455 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2008, №12, қ. 1, мод. 989, мод. 990; с. 2009, №5, мод. 321, №9-10, мод. 543; Қонуни ҶТ аз 25.06.2021 № 1784, № 1785.

[4] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи мубориза бар зидди экстремизм (ифротгароӣ)» аз 8-уми декабри соли 2003, № 69 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2003, № 12, м. 697; соли 2007, № 3, мод.158, соли 2014, №11, мод.655 (аз эътибор соқит дониста шуд).

[5] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба экстремизм» аз 02-юми январи соли 2020, № 1655 // Ҷумҳурият: нашрияи расмии Ҷумҳурии Тоҷикистон // [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: http://www.jumhuriyat. tj/index.php?art_id=39276.

[6] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба экстремизм» аз 2-юми январи с. 2020, № 1655 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с. 2020, № 1, мод.2.

бармеояд[1]. Дигар олимон чунин мешуморанд, ки барои шуури ҳаррӯза вожаи “миллатгароӣ” садои бетараф надорад ва ҳамеша ранги эҳсосӣ дорад[2].

Ҳамин тавр, дар байни таҳқиқот оид ба миллатгароӣ се мактаби пешрафта аз қабили: примордиализм, модернизм ва этносимволизм мавҷуд аст, ки ҳар кадоми он оид ба пайдоиши миллат ва миллатгароӣ андеша ва далелҳои илмии мутамадро манзур менамояд.

Масалан, намояндагони примордиализм тахмин месозанд, ки миллатҳо ҳамеша буданд ва миллатгароӣ падидаи табиӣ аст. Ба қавли онҳо прототипҳои миллатҳо ва миллатгароӣ ҳамеша аз ибтидои таърихи инсоният вуҷуд дошт ва одамоне, ки ба як ҷомеаи этникӣ тааллуқ доштанд, дар ибтидо ва то абад як қатор хосиятҳои фарҳангии ҳамшабеҳро дороянд, ки рафтори онҳоро муайян мекунанд. Мақсади примордализм ҷустуҷӯи як навъ “асоси аслии” этникӣ мебошад. Дар айни замон дар байни мутахассисон тарафдорони примордализм қариб ки боқӣ намондаанд. Таҳқиқотҳо дар ин самт нишон медиҳанд, ки анъанаҳои воқеан қадимӣ вуҷуд надоранд, меъёрҳо ва арзишҳои фарҳангӣ то он даме, ки институтҳои иҷтимоии ташаккулдиҳандаи онҳо нигоҳ дошта мешаванд, устувор мебошанд.

Аз нуқтаи назари модернизм миллат ва миллатгароӣ падидаҳои таърихие мебошанд, ки дар оғози даврони саноатикунонӣ пайдо шудаанд ва бо тақвияти давлатҳо ва рушди капитализм алоқаманданд. Тибқи ин назария, ҳукмронии мустақими давлат бар сокинон, фарҳанг ва ҳаёти ҳаррӯза тақвият ёфта, онҳо бештар ба кишвари истиқомат вобаста шуданд. Дар ин замина рушди технологияҳои коммуникатсионӣ ва бозори иқтисодӣ ба пайдоиши робитаҳои ҷамъиятӣ дар байни одамоне, ки ҳеҷ гоҳ бо ҳамдигар мустақиман муошират накардаанд, мусоидат кард. Ин боиси дар дохили кишварҳо торафт якхелашудани зиндагӣ шуд ва муқоисаҳо дар байни кишварҳо афзоиш ёфт.

Тарафдорони ин самт инкор намекунанд, ки мансубияти этникӣ дар пайдоиши миллатгароӣ нақш мебозад ва фарҳанг бошад дар марҳилаи ниҳоии ташаккули миллат ва дар маҷмӯъ робитаи миллатгароӣ бо мансубияти этникӣ ҳамбастагиро ба миён меорад. Ҳамзамон, онҳо бар ин назаранд, ки мансубияти миллиро давлати муосир муайян мекунад ва назорати ягонаи қаламрави аниқ муайян кардашударо ба амал мебарорад, ки дар чунин маврид муносибатҳои мавҷудаи этникӣ аз нав дида баромада мешаванд, то ки онҳо бо сарҳадҳои давлат мувофиқат кунанд ё баръакс, дар муборизаи барои қудрат барои ташаккули давлатҳои нав асос гарданд. Яъне, тарафдорони ин мактаб андеша доранд, ки дар ҷомеаи илмӣ миллатгароӣ тавлиди давраи модерн аст ва он ба сохторҳои иҷтимоию иқтисодии ҷомеаи муосир ниёз дорад.

Этносимволизм бошад ба он назар аст, ки решаи миллатгароӣ дар баробари иқтисодиёт мансубияти этникӣ низ маҳсуб меёбад. Гарчанде этносимволистҳо миллатро таҳсилоти аҷдодӣ ё табии намешуморанд вале онҳо боварӣ доранд, ки он ба таърихи нисбатан қадим ва худшиносии миллӣ асос ёфтааст. Мувофиқи ин назария, ҳанӯз дар давраи пеш аз саноатикунонӣ бисёр ҷамоатҳои этникӣ пайдо шуданд, ки аҳолиро бо унсурҳои умумии фарҳанг, хотираҳои таърихӣ, афсонаҳо дар бораи ниёгон ва дорои андозаи муайяни ҳамбастагӣ мутаҳид месохтанд.

Азбаски афсонаҳо, рамзҳо, хотираҳо ва арзишҳо бо унсурҳои оҳиста тағйирёбандаи фарҳанг ва фаъолияти ҳаётӣ интиқол дода мешаванд, ҷомеаҳои этникӣ хеле устуворанд. Баъзе аз ин ҷамоатҳо ба марҳилаи нави ҳамгироии фарҳангӣ-иқтисодӣ ва стандартизатсия гузашта, ба қаламрави муайяни таърихӣ пайваст шуда, қонунҳо ва урфу одатҳои фарқкунандаро таҳия намуда миллат шуданд. Ҳаминтавр пайдоиши

[1] Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН: Институт русского языка: Российский фонд культуры. – М.: Азъ, 1993. – С. 27.
[2] Новейший философский словарь / [Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов]. - 2-е изд., перераб. и доп. - Минск: Интерпрессервис, Кн. Дом, 2001. – С. 879.

идеологияи миллатгароӣ дар охири асри XVIII сифати миллатҳо ва шакли онҳоро ба куллӣ тағйир дод.

Бо назардошти ҳамаи андешаҳо ва мафҳумҳои дар боло зикршуда хулоса кардан мумкин аст, ки принсипи асосии милатгароиро авалавияти як миллат аз болои дигар миллатҳо дар раванди давлатсозӣ ташкил медиҳад ва он ҳамчун як ҳаракати сиёсӣ кӯшиш мекунад, ки манфиатҳои ҷомеаи муайяни миллиро дар муносибат бо ҳокимияти давлатӣ ҳимоя кунад ва ин боис мегардад, ки кинаю адоват ва бадбини нисбати дигар қавму миллатҳо зиёд гардад.

Таърихи инсоният собит месозад, ки дар ҷаҳон аз даврaҳои хеле қадим халқу миллатҳои гуногун умр ба сар мебаранд ва имрӯз дар харитаи ҷаҳон қариб давлатеро пайдо кардан ғайриимкон аст, ки дар он танҳо як миллат зиндагӣ намояд. Яъне дар бисёре аз давлатҳо халқу миллатҳои гуногун зиндаги мекунанд, ки дар сурати бо якдигар таҳаммулпазир набуданашон метавонад боиси кинаю адоват ва бадбинӣ гашта, сабабгори содир гардидани ҳуқуқвайронкуниҳо бо ангезаи миллатгароӣ шавад.

Масалан, дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар баробари тоҷикон шаҳрвандони мансуб ба халқиятҳои мухталиф чун узбекҳо, туркманҳо, русҳо, қазоқҳо, қирғизҳо, афғонҳо ва амсоли инҳо зиндагӣ мекунанд. Бинобар ин, қонунгузор дар қисми сеюми м. 6 Конститутсия қайд намудааст, ки халқи Тоҷикистонро сарфи назар аз миллаташон шаҳрвандони Тоҷикистон ташкил медиҳанд[1]. Яъне, халқи Тоҷикистон ҳамаи инсонҳо сарфи назар аз мансубияти миллӣ ки бо роҳи қонунӣ ҳуқуқи шаҳрвандии Тоҷикистонро соҳиб шудаанд, мебошанд ва онҳо дар баробари забони тоҷикӣ забони худ, дар баробари расму оини мардуми тоҷик расму оини аҷдодии худро доранд, ки кафолату амнияти онро қонунҳои Тоҷикистон таъмин менамоянд. Аз ин лиҳоз, ба хулосае омадан мумкин аст, ки меъёри дар боло зикршудаи Конститутсия маҳз барои ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои халқу миллатҳои дигар шароити мусоид фароҳам оварда, барҳамзанандаи ангезаҳои миллатгароӣ дар кишвари мо мебошад.

Азбаски бисёре аз ҳаракатҳои радикалии миллатгароии муосир ранги этникӣ доранд, миллатгароӣ аксар вақт бо таҳаммулнопазирии этникӣ, фарҳангӣ ва динӣ ва ё ҳар гуна бадбинии дигари этникӣ алоқаманд аст. Бинобар ин, чунин таҳаммулнопазирӣ аз ҷониби тарафдорони равияҳои мӯътадил дар миллатгароӣ маҳкум карда мешавад.

Муҳақиқон такид мекунанд, ки дар миллатгароии этникӣ миллат марҳилаи рушди этнос аст ва он қисман ба миллатгароии шаҳрвандӣ муқобил аст. Ба қавли онҳо, миллатро мероси умумӣ, забон, дин, анъана, таърих, робитаи хун дар асоси умумияти пайдоиш, пайвастагии эҳсосӣ ба замин муттаҳид мекунад, то ки ҳамаи онҳо якҷоя як халкро ташкил диҳанд. Барои он ки анъанаҳои фарҳангӣ е қавмӣ асоси миллатгароиро ташкил диҳанд, онҳо бояд тасаввуроти умумиқабулшударо дар бар гиранд.

Ҳамзамон дар воситаҳои ахбори омма аксар вақт “миллатгароӣ”-ро этнонатсионализм меноманд, ки шаклҳои шадиди онро шовинизм, ксенофобия, этнократия ва ғайра ташкил медиҳанд ва онҳо ба бартарии як миллат нисбат ба дигар миллатҳо таъкид мекунанд. Шовинизм аз вожаи фаронсавии (chauvinisme) гирифта шуда, маъноияш идеологияи бартарии миллӣ, ки мақсади асоснок кардани ҳуқуқи табъиз, истисмор ва зулми дигар халқҳои ҷаҳонро дорад, мебошад[2].

Агар ба таври хеле мухтасар мазмуни шовинизмро баён созем шовинизм ин ба як қавми дигар ҳисси бадбинӣ доштан ва ин бадбинии худро ба намоиш гузоштан, миллати худро аз дигар миллатҳо боло пиндоштан ва дигаронро паст задан мебошад. Байни шовинизм ва фашизм чанд қадам аст, чун фашизм аз шовинизм сарчашма

[1] Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994 (бо тағйиру иловаҳо аз 26.09.1999, 22.06.2003 ва 22.05.2016 с.). // [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC.

[2] Новая философская энциклопедия / Отв. ред. В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. - М.: Мысль, 2010. – С. 591.

мегирад. Шовинизм ба пайдоиш ва паҳншавии нафрат ё нафрат нисбат ба бегонагон аз рӯйи принсипи “на он қадар бегона, балки бегона ва душман якҷоя” мусоидат мекунад. Вай яке аз шаклҳои ксенофобия мебошад[1].

Ксенофобия аз ду вожаи юнонӣ ксенос (ξένος) “бегона” ва фобия (φόβος) “тарс” гирифта шуда маънояш таҳаммулнопазирӣ ба касе ё чизи бегона, ношинос, ғайриоддӣ, дарки бегона ҳамчун падидаи нохуш ва хатарнок фаҳмида мешавад[2]. Вай ба хориҷ кардани категорияҳои шахсоне, ки ҳамчун “бегона” баррасӣ мешаванд, табъизҳои онҳо дар сиесат, рӯзгор, ягон шуғл, маориф ва таъминоти иҷтимоӣ аз ҷомеаи маҳаллӣ оварда мерасонад.

Этнократия низ аз ду вожаи юнонии қадим этнос (θνος) “халқ” ва кратос (κράτος) “ҳокимият” гирифта шуда маънояш таъсири бартаридошта, бартарии ҳуқуқҳои коллективӣ ва манфиатҳои этнос бар ҳуқуқҳои инфиродӣ ва манфиатҳои шахс ва ё ҳокимияти гурӯҳи этникӣ бар дигар этносҳо мебошад[3]. Гурӯҳи этникии бартаридошта бо этнос (миллат) алоқаманд аст, ки таърихан дар ин қаламрав зиндагӣ мекунад ва дар давлати бисермиллатӣ этноси бонуфузтарин ном бурда мешавад. Конструксияҳои идеологии этнократизм ба соҳибихтиерии ҳамаҷонибаи этноси мушаххас асос ёфтаанд, ки танҳо он манбаи ҳокимияти олӣ дар давлати бисермиллатӣ мебошад.

Ҳамин тавр, истилоҳи “этнос” аз вожаи юнонӣ гирифта шуда, маънояш мардум ё гурӯҳи одамоне мебошад, ки дорои ном ва унсурҳои фарҳанги ягона, хотираи умумии таърихӣ буда, худро ба қаламрави махсус алоқаманд медонанд ва дорои ҳисси ҳамбастагӣ мебошанд.

Аз ин лиҳоз, гуфтан мумкин аст, ки этнонатсионализм ин болотар донистани миллати худ аз дигар миллатҳо, эътироф намудани миллат, майли тоза кардани миллат аз дигар қавмҳо ва бартарияти миллати худ нисбат ба дигар миллатҳо мебошад. Аслан бисере аз зуҳуротҳои этнонатсионализми шадид, аз ҷумла барангехтани низоъҳои байни миллатҳо ва табъизҳои этникӣ, ба ҳуқуқвайронкуниҳои байналмилалӣ тааллуқ доранд. Бо вуҷуди ин муҳаққиқон менависанд, ки миллатгароӣ ба парокандагии низоми мустамликадорӣ ва империяҳо, ташаккули давлатҳои миллӣ мусоидат кардааст.

[1] Ҳамон ҷо. – С. 592.

[2] Большая российская энциклопедия // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://bigenc.ru/c/ksenofobiia-1f75e6

[3] Тощенко, Ж.Т. Этнократия: история и современность: монография / Ж.Т. Тощенко. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 401.

ТДУ 343.98

КРИМИНОЛОГИЯ ҲАМЧУН ТАЪЛИМОТ ДАР БОРАИ ҶИНОЯТ: ТАҲЛИЛИ НАЗАРИЯВӢ ВА АМАЛИИ МУОСИР

КРИМИНОЛОГИЯ КАК УЧЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

ХУШВАХТЗОДА ХУРШЕД ХУДОЙҚУЛ
Сардори кафедраи тайёрии ибтидоӣ ва такмили ихтисоси факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, полковники милитсия / Начальник кафедры первоначальной подготовки и повышения квалификации факультета № 4 Академии ВКД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, полковник милиции
E-mail: Xushvaxtzoda76@bk.ru

ЗАЙЛОБИДДИНЗОДА АЛИШЕР
Омӯзгори калони кафедраи тайёрии ибтидоӣ ва такмили ихтисоси факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, майори милитсия / Старший преподаватель кафедры первоначальной подготовки и повышения квалификации факультета № 4 Академии ВКД Республики Таджикистан, майор милиции

САЛИМЗОДА СОЛИҶОН САЛИМ
Омӯзгори кафедраи тайёрии ибтидоӣ ва такмили ихтисоси факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти калони милитсия / Преподаватель кафедры первоначальной подготовки и повышения квалификации факультета № 4 Академии ВКД Республики Таджикистан, старший лейтенант милиции

Криминалогия – ин илми иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ мебошад, ки ҷиноятқориро ҳамчун падидаи ҷамъиятӣ меомӯзад. Бархӯрди ин илм аз ҳуқуқи ҷиноятӣ фарқ мекунад: агар ҳуқуқи ҷиноятӣ ба моддаҳои қонун ва ҷазо таваҷҷӯҳ намояд, криминалогия сабабҳои содиршавии ҷиноят ва роҳҳои пешгирии онро таҳқиқ менамояд. Дар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) омадааст, ки ҷиноят ҳамчун кирдори (ҳаракат ё беҳаракатӣ) содиршудаи гунаҳкоронаи барои ҷамъият хавфноке, ки ҳамин кодекс бо таҳдиди тадбиқи ҷазо ман кардааст, ҷиноят эътироф мешавад[1]. Дар низоми илмҳои ҳуқуқшиносӣ, криминология ҷойи махсусро ишғол мекунад. Агар қонунгузории ҷиноятӣ ҳудудҳои рафтори мамнуъро муайян кунад, криминология кӯшиш мекунад, ки сабабҳои пайдоиши ин рафторро дарк намояд.

Криминология (аз калимаи лотинии crimen – ҷиноят ва юнонии logos – таълимот) илм дар бораи ҷиноятқорӣ, сабабҳои он, шахсияти ҷиноятқор ва роҳҳои пешгирии он мебошад.

Криминология на танҳо як фанни назариявӣ, балки воситаи муҳими сиёсати ҳуқуқии давлат аст. Вазифаи асосии ин таълимот аз он иборат аст, ки ҷиноятқориро на ҳамчун ҳодисаи тасодуфии алоҳида, балки ҳамчун як падидаи иҷтимоӣ омӯзад. Аммо таҳлили криминологӣ доираи васеътар дошта, омилҳои иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва равонии ташаккули рафтори ҷиноятқоронаро фаро мегирад.

[1] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, таҳти № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – 1998. – №9. – М. 68-69; – №22. – М. 306; Қонунҳои ҶТ соли 2020, №1. – М. 8–9; – 2020. – №7–9. – М. 607, 623; – 2020. – №12. – М. 904; – 2021. – №4. – М. 196.

Ба ақидаи Кудрявсев В.Н., криминология илмест, ки бояд сабабият ва механизми ҷиноятқориро дар робита бо муҳити иҷтимоӣ таҳлил намояд[1]. Ин мавқеъ имкон медиҳад, ки ҷиноят ҳамчун падидаи мураккаби иҷтимоӣ арзёбӣ гардад. Долгова А.И., яке аз криминологҳои барҷастаи замони муосир ва роҳбари Ассотсиатсияи криминологии Россия буд. Аз нуқтаи назари ӯ шахсияти ҷиноятқор бо муносибати системавӣ ва ҷомеашиносӣ фарқ мекунад.

Бархӯрди Долгова А.И. ба шахсияти ҷиноятқор дар асарҳои ӯ, аз ҷумла китоби дарсии машҳури «Криминология», ба таври зерин тасниф медиҳад. Шахсияти ҷиноятқор ин танҳо маҷмуи нишонаҳои биологӣ ё психологӣ нест. Ин низоми хусусиятҳои иҷтимоӣ-психологии шахс мебошад, ки дар раванди таъсири мутақобила бо муҳит ташаккул ёфта, ӯро ба содир кардани ҷиноят водор мекунад. Ӯ таъкид мекард, ки шахсият на танҳо «инъикос»-и муҳити атроф аст, балки худаш фаъолона қарор қабул мекунад.

Долгова А.И. яке аз олимони намоёни соҳаи криминалогия, таснифоти ҷолиби шахсияти ҷиноятқоронро пешниҳод кардааст. Вай ҷиноятқоронро вобаста ба дараҷаи «Олудагии ҷиноятӣ» ва устувории рафтори зиддиҷамъиятиашон ба чор гурӯҳ (тойифа) тақсим намудааст:

1. Ҷиноятқорӣ тасодуфӣ. Ин шахсест, ки бори аввал ва дар натиҷаи ба вуҷуд омадани вазъияти ногаҳонӣ ҷиноят содир кардааст. Хусусият: Рафтори умумии ӯ мусбат аст ва ҷиноят ба тарзи ҳаёти ӯ мувофиқ нест. Ӯ аз кардааш пушаймон мешавад. Мисол: Дар ҳолати ҳаяҷони сахт ё вазъияти ногаҳонии мудофиавӣ даст ба ҷиноят задан.

2. Ҷиноятқори вазъиятӣ. Ин шахс низ бори аввал ҷиноят содир мекунад, аммо вазъияте, ки ӯро ба ҷиноят бурд, то андозае аз ҷониби худи ӯ ё муҳити носолими ӯ омода шуда буд. Хусусият: Арзишҳои ахлоқии ин шахс заифанд. Ӯ на аз рӯйи нақша, балки аз сабаби он ки «шароит фароҳам омад», ҷиноят содир мекунад. Мисол: Шахсе, ки дар ҳолати мастӣ бо дӯстонаш ҷанҷол карда, зарари ҷисмонӣ мерасонад.

3. Ҷиноятқори ашаддӣ. Шахсе, ки қасдан ва такроран ҷиноят содир мекунад. Ҷиноятқорӣ барои ӯ ба як одат ё тарзи ҳаёт табдил ёфтааст. Хусусият: нн шахс огоҳона роҳи ҷиноятро интихоб кардааст ва ба меъёрҳои ҷомеа беэҳтиромӣ хоир мекунад. Ӯ аксар вақт барои ҷиноятҳои гуногун суд шудааст. Мисол: Дузди касбӣ ё қаллобе, ки пайваста аз ҳисоби дигарон зиндагӣ мекунад.

4. Ҷиноятқори ашаддии махсус. Ин гурӯҳи хатарноктарин мебошад. инҳо ҷиноятқороне мебошанд, ки на танҳо ҷиноят содир мекунанд, балки фаъолияти ҷиноятиро ташкил ва роҳбарӣ менамоянд. Хусусият: Онҳо ба идеологияи ҷиноятӣ содиқанд ва кӯшиш мекунанд, ки дигаронро низ ба роҳи ҷиноят кашанд. Сардорони гурӯҳҳои муташаккил ба ин гурӯҳ дохил мешаванд[2].

Ин таснифоти Долгова А.И. барои кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ хеле муҳим аст, зеро усули кор бо ҳар як ин гурӯҳ бояд гуногун бошад (масалан, бо ҷиноятқори тасодуфӣ корҳои тарбиявӣ ва бо ашадӣ чораҳои сахти ҷазо лозим аст).

Объекти криминология ҷиноятқорӣ ҳамчун маҷмӯи ҷиноятҳо дар ҷомеа мебошад. Предмети он қонуниятҳои сабабияти ҷиноят ва роҳҳои пешгирии он аст. Долгова А.И. таъкид менамояд, ки омӯзиши шахсияти ҷиноятқор унсури марказии тадқиқоти криминологӣ мебошад. Яке аз ғояҳои калидии Долгова А.И. ин аст, ки «қалби шахс ба ҷиноятқорӣ» як раванди тӯлонӣ аст. Вай боварӣ дошт, ки: ҷиноятқорӣ натиҷаи деформатсияи (вайроншавии) иҷтимоишавии шахс аст (дар оила, мактаб, кӯча); шахсияти ҷиноятқор на танҳо қурбонии муҳит аст, балки ӯ интихоби бошуурона мекунад; муборизаи бо ҷиноятқорӣ бояд аз тағйир додани низоми арзишҳои шахс оғоз шавад.

Дар инҷо бояд қайд намоем, ки ақидаи Долгова А.И. баръакси Чезаре Ломброзо аст. Агар Ломброзо сабабро дар «биология» бинад, Долгова А.И. исбот мекард, ки ҳеҷ

[1] Кудрявцев, В.Н. Криминология: учебник. – М.: Норма, 2010. – 800 с.
[2] Долгова, А.И. Криминология: учебник для вузов. – М.: Норма. – 2005. – С. 350-352.

кас ҷинояткор таваллуд намешавад. Ҷиноятқорӣ ҳосили зиддиятҳои ҷомеа аст, ки дар психологияи шахси мушаххас ҷой гирифтаанд.

Чезаре Ломброзо - пизишки рӯҳшинос ва криминалогии итолиёвӣ_мебошад, ки ӯро ҳамчун «падари криминологияи муосир» ва асосгузори самти антропологӣ дар илми криминология мебошад. Ломброзо назарияеро пешниҳод кард, ки тибқи он ҷиноятқорӣ на танҳо натиҷаи иродаи озоди инсон, балки натиҷаи омилҳои биологӣ ва ирсӣ мебошад. Ғояи маркази Ломброзо ин буд, ки ҷинояткорон на сохта мешаванд, балки таваллуд мешаванд. Вай бовари дошт, ки ҷиноятқорӣ на натиҷаи озод ё муҳими иҷтимоӣ, балки натиҷаи нуқсонҳои биологӣ ва ирсӣ мебошад.

Ғояи марказии ӯ ин буд, ки ҷинояткорон нисбат ба одамони муқаррарӣ аз ҷиҳати физологӣ фарқ мекунанд. Ӯ боварӣ дошт, ки ҷинояткорон таваллуд мешаванд, на сохта мешаванд: баъзе одамон бо майлҳои ҷиноятӣ ба дунё меоянд. Лосброзо чунин мешуморид, ки ҷиноятқор ин як навъ «одами ақибмонда» дар замнаи таҳаввулот (эволютсия) аст, ки хислатҳои гузаштагони ваҳшии худро нигоҳ доштааст. Ломброзо кӯшиш мекард, ки «намудҳои зоҳирии ҷиноятқор»-ро муайян кунад. Ба ақидаи ӯ, ҷинояткорон чунин нишонаҳои ҷисмонӣ доранд: пешонии паст ва танг; чоғҳои (ҷоғҳои поён) калон ва барҷаста; гӯшҳои хеле калон ё номутаносиб; асимметрияи рӯй (тарафи чап ва рости рӯй ба ҳам мувофиқ нестанд). Ӯ ҷиноятқоронро ба якчанд гурӯҳ тақсим карда буд:

– ҷинояткорони модарзод: хатарноктарин гурӯҳ, ки нишонаҳои физиологии зиёд доранд;

– ҷинояткорони рӯҳӣ: шахсоне, ки аз сабаби бемориҳои асаб ва рӯҳӣ даст ба ҷиноят мезананд;

– ҷинояткорон аз рӯйи ҳавас (эҳсосот): одамоне, ки дар ҳолати ҳаяҷон, хашм ё рашк ҷиноят содир мекунанд;

– ҷинояткорони тасодуфӣ: шахсоне, ки нишонаӣ надоранд, аммо таҳти таъсири шароит ҷиноят содир кардаанд.

Гарчанде, ки имрӯз назарияи «нишонаҳои зоҳирӣ»-и ӯ аз ҷиҳати илмӣ рад шуда бошад ҳам, саҳми ӯ дар инҳост:

1. Пеш аз ӯ ҳуқуқшиносон танҳо «ҷурм»-ро меомӯхтанд, Ломброзо аввалин шуда диққатро ба «ҷиноятқор» (инсон) равона кард.
2. Аввалин шуда усулҳои тиббӣ ва омориро дар криминалогия истифода бурд.
3. Замина гузошт, ки бояд на танҳо ҷазо дод, балки сабабҳои содиршавиро омӯхт[1].

Ҳамин тавр, Ҷ. Ломброзо ҷинояткориро бо хусусиятҳои ирсӣ алоқаманд медонист. Назарияи антропологии Ломбарзо ҳарчанд аз нигоҳи биологӣ хато буд, аммо барои пайдоиши криминологияи клиникӣ ва психологияи ҷиноятӣ замина гузошт. Бо вуҷуди танқидҳо, ин назария ба рушди минбаъдаи криминология таъсири назаррас расонид. Имрӯз илми муосир назарияи Ломброзоро дар мавриди «намуди зоҳирӣ» комилан рад мекунад, зеро ҳеҷ робитаи мустақиме байни шакли зоҳирӣ ва майли ҷиноятқорӣ вуҷуд надорад. Аммо назарияи ӯ ду саҳми бузург гузошт:

1. Диққати илмро аз “ҷиноят ” ба “шахсияти ҷиноятқор” равона кард.
2. Аввалин шуда усулҳои тарбиявӣ ва омориро дар криминология истифода бурд.

Яке аз олимони барҷастаи соҳаи криминалогия ва психологияи ҷиноятӣ дар замони пасошӯравӣ, доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор Антонян Ю.М.мебошад, ки дар илми криминалогияи муосир мактаби хоси худро дорад, ки бештар ба ҷанбаҳои психологӣ ва субъективии ҷиноятқорӣ нигаронида шудааст. Дар китоби дарсии “Криминалогия”-и зери таҳрири Долгова А.И. андешаҳо ва саҳми Антонян Ю.М. дар қисматҳои гуногун, махсусан дар боби 9 ба шахсияти ҷиноятқор дарҷ гардидаанд.

[1] Ломброзо, Ч. Преступный человек. – М.: Инфра-М, 2010. – С. 44-49.

Бархӯрди ӯ аз дигарон фарқ мекунад. Ӯ боварӣ дорад, ки барои фаҳмидани ҷиноятқор, на танҳо шароити иҷтимоӣ, балки тарсу ҳарасҳои дохилӣ, изтироб ва осебҳои равонии даврони кӯдакии шахсро бояд омӯхт. Тибқи таҳқиқоти Антонян Ю.М., муҳити иҷтимоӣ ва вазъи оилавӣ ба ташаккули рафтори зиддиҳуқуқӣ таъсири ҷиддӣ мерасонанд[1]. Тадқиқотҳои ӯ бештар ба ҷанбаҳои амиқи психологӣ ва таъсири муҳити микроиҷтимоӣ (оила ва атрофиён) ба ташаккули рафтори ҷиноӣ нигаронида шудаанд.

Нуқтаи назари Антонян Ю.М.-ро оид ба таъсири оила ва муҳит ба чанд ҷанба тақсим кардан мумкин аст:

1. Оила ҳамчун «Манбаи аввалияи» шахсияти ҷиноятқор. Ба ақидаи Антонян, таҳқурсии рафтори зиддиҳуқуқӣ на дар мактаб ё кӯча, балки дар давраи аввали кӯдакӣ дар дохили оила гузошта мешавад. Ӯ исбот кардааст, ки ҷиноятқорӣ натиҷаи «деформатсияи иҷтимоишавии аввалия» аст.

– набудани муҳаббати модар: Яке аз кашфиёти муҳимми ӯ ин аст, ки аксари ҷиноятқорони бераҳм дар кӯдакӣ аз ҷониби модаронашон рад шудаанд (депривatсияи эмотсионалӣ). Ин боиси пайдоиши эҳсоси «бегонагӣ» (алиенатсия) мегардад.

– хушунати хонаводагӣ: Кӯдаке, ки шоҳиди лату кӯб ё таҳқир аст, зӯровариро ҳамчун ягона роҳи ҳалли мушкилот қабул мекунад.

2. Мафҳуми «Бегонагӣ» (Отчуждение). Антонян Ю.М. консепсияи бегонагии психологиро инкишоф дода, фикри худро чунин иброз намудааст: агар дар оила кӯдак худро нодаркор ҳис кунад, робитаи эмотсионалии ӯ бо ҷомеа канда мешавад. Чунин шахс ҷомеаро ҳамчун «душман» ё «чизи бегона» мебинад, бинобар ин содир кардани ҷиноят дар назди ин гуна ҷомеа барои ӯ бори гарони ахлоқӣ намеорад.

Шахсияти ҷиноятқор маҷмӯи хусусиятҳои иҷтимоӣ - демографӣ ва равонӣ мебошад. Омилҳое чун бекорӣ, сатҳи пасти маърифат ва муҳити носолим, хавфи ҷиноятро зиёд менамоянд[2].

Яке аз бузургтарин ҷомеашиноси асри XX ва асосгузори яке аз муҳимтарин мактабҳои криминалогияи сотсиологӣ Мертон Р.К. мебошад. Назарияҳои ӯ то имрӯз дар криминалогияи ҷаҳонӣ барои фаҳмидани сабабҳои ҷиноятқорӣ истифода мешаванд. Мертон Р.К. ба саволи «Чаро одамон ҷиноят содир мекунанд?» на аз нуқтаи назари биологӣ (мисли Ломброзо), балки аз нуқтаи назари сохтори иҷтимоӣ ҷавоб меҷӯяд. Олим қайд мекунад, ки дар ҷомеаи муосир байни ҳадафҳои фарҳангӣ ва воситаҳои қонунии расидан ба онҳо номувофақиятӣ вуҷуд дорад. Вақте инсон мехоҳад муваффақ шавад, аммо роҳи қонунӣ надорад, ӯ дучори «фишор» мешавад ва метавонад ба роҳи ҷиноят гузарад. Мертон рафтори одамонро дар ҷомеа ба 5 категория тақсим кардааст: мувофиқат, инноватсия, маросимпарастӣ, гурехтан ва исён.

Ӯ нишон дод, ки ҷиноятқорӣ на ҳамеша «бемории рӯҳӣ» ё «ирсӣ» аст, балки метавонад реаксияи табии инсон ба нобаробарии иҷтимоӣ бошад[3]. Назарияи ӯ барои фаҳмидани он ки чаро дар кишварҳои камбизоат ё дар минтақаҳои дорои сатҳи баланди бекорӣ ҷиноятқорӣ бештар аст, калидӣ мебошад.

Ҳамин тавр, пешгирии ҷиноятқорӣ самти муҳимми сиёсати давлатӣ мебошад. Дар Стратегияи миллии рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон то соли 2030 таъмини амнияти ҷамъиятӣ ҳамчун афзалияти стратегӣ муайян шудааст[4].

Пешгирии ҷиноятӣ ба се сатҳ ҷудо мешавад: умумии иҷтимоӣ, махсуси криминологӣ ва инфиродӣ. Татбиқи чораҳои маҷмӯӣ метавонад ба пастшавии сатҳи ҷиноятқорӣ

[1] Антонян, Ю.М., Кудрявцев, В.Н., Эминов, В.Е. Личность преступника: учебник. – М.: Юристь. – 1994. – С. 320-335

[2] Антонян, Ю.М., Еникеев, М.И. Психология преступника и расследования преступлений. – М.: Юристь. – 1996. – С. 128.

[3] Мертон, Р.К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: Хранитель. 2006. – С. 185

[4] Стратегияи миллии рушди Ҷумҳурии Тоҷикистон то соли 2030: бо қарори Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 1-уми декабри с. 2016, № 636 тасдиқ шудааст.

мусоидат намояд. Рушди технологияҳои иттилоотӣ боиси афзоиши киберҷинояткорӣ гардидааст. Ин ҳолат зарурати такмили қонунгузорӣ ва ҳамкории байналмилалиро ба миён меорад.

Криминология ҳамчун таълимот дар бораи ҷиноят заминаи илмии сиёсати зиддиҷиноятиро ташкил медиҳад. Тадқиқоти комплексӣ ва татбиқи амалии онҳо барои таъмини амнияти миллӣ аҳамияти калон дорад.

Таҳлили криминалогии сабабҳои ҷинояткорӣ нишон медиҳад ва равониро дар бар мегирад. Аз нигоҳи антропологӣ решаҳои ҷиноткориро дар хусусиятҳои физиологии инсон ҷустуҷӯ кард. Ҳарчанд ин назария дар шакли аслӣ имрӯз маҳдуд аст, аммо он ба омӯзиши шахсияти ҷинояткор заминаи мустаҳкам мегузорад. Аз нигоҳи сотсиологӣ, исбот кард, ки ҷинояткорӣ аксар вақт вокуниши табии инсон ба «фишори иҷтимоӣ» мебошад. Вақте ҷомеа имкониятҳои қонунии муваффақиятро маҳдуд мекунад, шахс ба таври ғайриқонунӣ барои расидан ба ҳадафҳо роҳ меҷӯяд. Аз назари равоншиносӣ бошад, тадқиқот амиқтар рафта, таъсири олами ботинӣ, осебҳои қудакӣ ва бегонашавии иҷтимоиро ба рафтори ҷиноятӣ ошкор менамояд.

Барои пешгирии самараноки ҷинояткорӣ танҳо ҷазо додан кофӣ нест. Пешгирии иҷтимоӣ: бартараф кардани нобаробарӣ ва фароҳам овардани имконият (тибқи Мертон); пешгирии равонӣ: кор бо шахсоне, ки осебҳои равонӣ доранд (тибқи Антонян Ю.М.); таҳқиқи ҳамаҷонибаи шахсият: барои муайян кардани сабаби аслии ҷиноят дар ҳар як ҳолати алоҳида гузаронидан лозим. Дар замони муосир, ки тасири омилхои беруна ба шахсияти инсон пеш аз хама ба кӯдак махсусан бо шабакаҳои иҷтимоӣ боиси вайроншавии тафаккуру мафкураи онҳо мешавад. Бояд тазаккур дод, ки маҳдуд кардани шабакаҳои иҷтимоӣ (фейсбук, тикток, однокласники, инстрограмм ва ғ.) хусусан барои кӯдакон ва насли наврс аз манфият холӣ нест зеро мо имрӯз ин шабакаҳои номбурдаро таъсири ҳам физологӣ, ҳам психологӣ онро ҳис карда истодаем, ки на онқадар оқибати хуб дорад. Аз ин лиҳоз, пешниҳод карда мешавад, ки барои пешгирии хама гуна ҷиноятҳо мартбут бо таъсири психологӣ ва идеологӣ тавассути шабакҳои иҷтимоӣ бо маҳдудияти ин шабакаҳо чораҷӯӣ карда шавад.

ТДУ 343.2

ТАҲЛИЛИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ МУҚОВИМАТ БА КОРРУПСИЯ ДАР ФАЗОИ ҲУҚУҚИИ ИДМ*

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА ПРАВОВОЙ ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

ШАРИФЗОДА ПАРВИНИ РАҲМУЛЛО
Сардори кафедраи пешгирии ҷиноятҳои террористӣ ва таъмини бехатарии ҷамъиятии факултети № 6-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, подполковники милитсия / Начальник кафедры предотвращения террористических преступлений и обеспечения общественной безопасности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции
E-mail: Sharifzoda.parvin@mail.ru

ҲАКИМЗОДА ЗОКИРҶОН ҶАБАР
Профессори кафедраи ташкили тактикаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯйи факултети №6 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия / Профессор кафедры организации тактики оперативно-розыскной деятельности факультета № 6 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции
Тел.: +992 934011000

Муқовимат ба коррупсия ба яке аз самтҳои асосии сиёсати дохилӣ ва хориҷии давлатҳо дар ҷаҳони муосир табдил ёфтааст. Кишваре нест, ки бо ин мушкилот рӯ ба рӯ нашуда бошад ва алайҳи он муборизаи сартосарӣ набарад. Коррупсия яке аз зуҳуроти хавфноки ҷомеа буда, дар миқёси ҷаҳонӣ ҳамчун ҷинояти вазнин ва яке аз унсурҳои таҳдидкунанда ба амнияти миллӣ ва халалдоркунандаи рушди босуботи иҷтимоию иқтисодии давлат эътироф гаштааст, ки он ба пешрафти иқтисодиёт халал расонида, бунёди ҷомеаи демократиро заиф месозад ва ба рушди демократия таъсири манфӣ мегузорад.

Масъалаҳои танзими ҳуқуқии муқовимат ба коррупсия чун анъана дар қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар давлатҳои аъзои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил мавқеи муҳимро ишғол мекунанд.

Қобили зикр аст, ки ҳамаи давлатҳои узви ИДМ барои муқовимат ба коррупсия ба истилоҳқонунҳои махсус қабул кардаанд: Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 7-уми августи соли 2020, № 1714 «Дар бораи муқовимат ба коррупсия»[1], Қонуни федералии Федератсияи Россия аз 25-уми декабри соли 2008, № 273-ФЗ «Дар бораимуқовимат ба коррупсия»[2], Қонуни Ҷумҳурии Озарбойҷон аз 13-уми январи соли 2004, № 580-IIГ «Дар бораи мубориза бо коррупсия»[3], Қонуни Ҷумҳурии Арманистон аз 28-уми июни соли

---

* Мақола дар доираи татбиқи мавзуи илмӣ-таҳқиқотии «Такмили фаъолияти маъмурӣ-ҳуқуқӣ ва ҷиноятӣ-ҳуқуқии мақомоти ҳифзи ҳуқуқи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти пешгирии зӯроварӣ дар оила (2023-2028», ки аз ҳисоби буҷети давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон маблағгузорӣ мешавад, омода шудааст. Рақами бақайдгирии давлатӣ: 0121TJ1291.

[1] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 7-уми августи соли 2020, № 1714 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https: // www.mmk.tj (санаи мурочиат: 04.03.2026).

[2] Қонуни федералии Федератсияи Россия «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 25-уми декабри соли 2008, № 273-ФЗ // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ:https://www.consultant.ru (санаи мурочиат: 05.03.2026).

[3] Қонуни Ҷумҳурии Озарбойҷон «Дар бораи мубориза бо коррупсия»/ аз 13-уми январи соли 2004, № 580-IIГ // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://mia.gov.az/ru (санаи мурочиат: 06.03.2026).

2017 таҳти № ЗР-96 «Дар бораи Комиссия оид ба пешгирии коррупсия»[1], Қонуни Ҷумҳурии Белорус аз 15-уми июли соли 2015, № 305-З «Дар бораи мубориза бо коррупсия»[2], Қонуни Ҷумҳурии Қазоқистон аз 18-уми ноябри соли 2015, № 410-V ЗРК «Дар бораи муқовимат ба коррупсия»[3], Қонуни Ҷумҳурии Қирғизистон аз 8-уми августи соли 2012, № 153 «Дар бораи муқовимат ба коррупсия»[4], Қонуни Туркманистон аз 1-уми марти соли 2014 «Дар бораи муқовимат ба коррупсия»[5], Қонуни Ҷумҳурии Узбекистон аз 3-юми январи соли 2017, № ЗРУ-419 «Дар бораи муқовимат ба коррупсия»[6], Қонуни Ҷумҳурии Молдова аз 25-уми майи соли 2017, № 82 «Дар бораи содоқатӣ»[7], Қонуни Украина аз 14-уми октябри соли 2014, № 1700-VII «Дар бораи пешгирии коррупсия»[8].

Аксари қонунҳои давлатҳои ИДМ дар худ иборaи «муқовимат ба коррупсия»-ро истифода мебаранд. Танҳо қонунгузорони Ҷумҳурии Озарбойҷон ва Ҷумҳурии Белорус дар худ иборaи «мубориза бо коррупсия»-ро истифода кардаанд.

Қонуни Ҷумҳурии Арманистон «Дар бораи Комиссия оид ба пешгирии коррупсия» ва Қонуни Ҷумҳурии Молдова «Дар бораи содоқатӣ» номгузорӣ шудааст. Аз тамоми давлатҳои ИДМ танҳо дар Ҷумҳурии Арманистон қонуни махсус оид ба мубориза бо коррупсия вуҷуднадорад.

Дар моддаи 1 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» қайд шудааст, ки «коррупсия - кирдоре (ҳаракат ё беҳаракатие), ки аз ҷониби шахси барои иҷрои вазифаҳои давлатӣ ваколатдор ё шахсони ба он баробаркардашуда бо истифода аз мақоми хизматии худ ва имкониятҳои он барои ба манфиати худ ё шахси дигар ғайриқонунӣ ба даст овардани неъматҳои моддию ғайримоддӣ, бартарӣ ё имтиёзҳои дигар содир карда мешавад, инчунин ба ин шахс бевосита ё бавосита додани неъматҳои моддию ғайримоддӣ, бартарӣ ё имтиёзҳои дигар ба субъектҳои ҳуқуқвайронкуниҳои ба коррупсия алоқаманд бо мақсади моил кардан ё мукофотонидани онҳо барои содир намудани чунин ҳаракатҳо ба манфиати шахси воқеӣ ё ҳуқуқӣ мебошад».

Қонуни федералии Федератсияи Россия «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» мафҳуми коррупсияро дар моддаи 1 қонунчунин нишон додааст: «коррупсия – сӯйистифода аз мақоми хизматӣ, додани пора, гирифтани пора, сӯиистифода аз ваколат, ришвадиҳии тиҷоратӣ ё дигар ғайриқонунӣ аз мақоми хизматии шахси воқеӣ, ки хилофи манфиатҳои қонунии ҷамъият ва давлат мебошад, бо мақсади ба даст овардани фоида дар шакли пул, ашёи қиматнок, дигар молумулк ё хизматрасониҳои молумулкӣ, дигар ҳуқуқҳои молумулкӣ ба худ ё ба шахсони сеюм, ё ба шахси номбурда аз тарафи шахсони дигар ғайриқонунӣ додани чунин имтиёзхо».

Дар Қонуни Ҷумҳурии Озарбойҷон «Дар бораи мубориза бо коррупсия» дар моддаи 1 дарҷ шудааст, ки «коррупсия – ин аз ҷониби шахсони мансабдор бо истифода аз мақоми худ, мақоми мақомоти (сохтори) намояндагии онҳо, ваколатҳои мансабӣ ё им-

[1] Қонуни Ҷумҳурии Арманистон «Дар бораи Комиссия оид ба пешгирии коррупсия» аз 28-уми июни соли 2017, № ЗР-96 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: http://www.parliament.am (санаи мурочиат: 07.03.2026).
[2] Қонуни Ҷумҳурии Белорус «Дар бораи мубориза бо коррупсия» аз 15-уми июли соли 2015, № 305-З // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://pravo.by (санаи мурочиат: 08.03.2026).
[3] Қонуни ҶумҳурииҚазоқистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 18-уми ноябри соли 2015, № 410-V ЗРК // [[Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://adilet.zan.kz/ru (санаи мурочиат: 09.03.2026).
[4] Қонуни Ҷумҳурии Қирғизистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 8-уми августи соли 2012, № 153 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://cbd.minjust.gov.kg/ru (санаи мурочиат: 10.03.2026).
[5] Қонуни Туркманистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 1-уми марти соли 2014 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://base.spinform.ru (санаи мурочиат: 11.03.2026).
[6] Қонуни Ҷумҳурии Узбекистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» аз 3-юми январи соли 2017, № ЗРУ-419 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://lex.uz (санаи мурочиат: 12.03.2026).
[7] Қонуни Ҷумҳурии Молдова «Дар бораи содоқатӣ» аз 25-уми майи соли 2017, № 82 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://www.legis.md (санаи мурочиат: 13.03.2026).
[8] Қонуни Украина «Дар бораи пешгирии коррупсия» аз 14-уми октябри соли 2014, № 1700-VII // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://base.spinform.ru (санаи мурочиат: 14.03.2026).

кониятҳои аз ин мақом ва ваколатҳо бармеоянд ғайриқонунӣ гирифтани неъматҳои моддӣ ва дигар неъматҳо, имтиёзҳо, инчунин аз ҷониби шахсони воқеӣ ва ҳуқуқии ин мансабдорон ба тарафи худ ҷалб намудани онҳо бо роҳи ғайриқонунӣ пешниҳод кардан ё ваъда кардан ё додани неъматҳои моддӣ ва дигар имтиёзҳо мебошад».

Моддаи 1 Қонуни Ҷумҳурии Белорус «Дар бораи муборизаба коррупсия» муқаррар мекунад, ки «коррупсия – ин аз ҷониби шахси мансабдори давлатӣ ё шахси ба ӯ баробаркардашуда ё шахси мансабдори хориҷӣ қасдан истифода намудани мақоми хизматиаш ва имкониятҳои ба он алоқаманд бо мақсади ғайриқонунӣ ба даст овардани молумулк ё дигар манфиатҳо дар шакли кор, хизматрасонӣ, сарпарастӣ ё ваъда додани афзалият ба худ ё шахсони сеюм, инчунин ришваситонӣ ба шахси мансабдори давлатӣ ё шахси мансабдори хориҷӣ дар шакли кор ё ба шахси мансабдори хориҷӣ дар шакли дигар додани кори ба ӯ баробаркардашуда, хизматрасонӣ, сарпарастӣ ё ваъдаи афзалият ба онҳо ё шахсони сеюм, то ки ин мансабдори давлатӣ ё шахси ба ӯ баробаркардашуда ё шахси мансабдори хориҷӣ ҳангоми иҷрои вазифаҳои хизматии (меҳнатии) худ амалҳо анҷом диҳад ё аз иҷрои онҳо худдорӣ намояд».

Қонуни Ҷумҳурии Қазоқистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» дар моддаи 1 коррупсияро «бо истифодаи ғайриқонунии шахсоне, ки вазифаи масъули давлатиро ишғол мекунанд, шахсони ба иҷрои вазифаҳои давлатӣ ваколатдор, шахсони ба иҷрои вазифаҳои давлатӣ баробар кардашуда, шахсони мансабдори ваколатҳои (хизматии) онҳо ва имкониятҳои ба онҳо алоқаманд бо мақсади ба даст овардан ё бавоситаи миёнаравӣ (шахсон ё ғайриқонунӣ) ба манфиати молумулк ё ғайриқонунӣ, инчунин ришва додан ба ин шахсон бо роҳи додани имтиёзу бартариятҳо» - ро алоқаманд мекунад.

Қонуни Ҷумҳурии Қирғизистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» дар моддаи 1 мафҳуми коррупсияро чунин муқаррар мекунад: «коррупсия кирдори қасдан содир шудааст, ки аз ба вуҷуд овардани робитаи ғайриқонунӣ, устувори байни як ё якчанд шахсони мансабдори дорои ваколатҳо бо шахсони алоҳида ё гурӯҳҳо бо мақсади ғайриқонунӣ ба даст овардани неъмату афзалиятҳои моддӣ ё дигар, инчунин ба шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ додани ин неъматҳо ва бартариятҳо, ки ба манфиатҳои ҷамъият ё давлат таҳдид мекунад, иборат мебошад».

Қонуни Туркманистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия»дар моддаи 3 муайян мекунад, ки «коррупсия шахсан ё тавассути миёнаравҳо гирифтани хизматчиёни давлатӣ ба худ ё шахсони сеюм бо истифода аз ваколатҳои мансабӣ ё имкониятҳои бо онҳо алоқаманд ба манфиати худ ё шахсони сеюм гирифтани фоида дар шакли пул, сарватҳо, дигар молумулк ё хизматрасониҳои дорои хусусияти молумулкӣ, инчунин дигар ҳуқуқҳои молумулкӣ бо истифода аз ваколатҳои мансабӣ ё имкониятҳои бо онҳо алоқаманд, инчунин аз ҷониби шахсони воқеӣ ба даст овардани ришва мебошад. Инчунин аз номи шахси ҳуқуқӣ ё ба манфиати шахси ҳуқуқӣ анҷом додани амалҳои дар боло зикргардида» фаҳмида мешавад.

Қонуни Ҷумҳурии Узбекистон «Дар бораи муқовимат ба коррупсия» дар моддаи 3 мафҳуми коррупсияро чунин нишон медиҳад: «коррупсия аз ҷониби шахс ғайриқонунӣ истифода бурдани мансаб ва мақоми хизматӣ бо мақсади ба даст овардани неъматҳои моддӣ ё ғайримоддӣ ба манфиати шахсии худ ё ба манфиати шахсони дигар, инчунин пешниҳоди ғайриқонунии чунин неъматҳо мебошад».

Қонуни Ҷумҳурии Молдова «Дар бораи садоқатӣ» коррупсияро ҳамчун «истифодаи ғайриқонунӣ аз мансаб ба манфиати шахсӣ тасниф мекунад. Чунин истифода аз мансаб метавонад дар доираи субъектҳои давлатӣ ё хусусӣ, бевосита аз ҷониби дорандаи мансаб ё бавосита аз ҷониби миёнаравҳо амалӣ карда шавад ва манфиати хусусӣ метавонад ба манфиати дорандаи мансаб ё ба манфиати шахсони дигар бошад».

Қонуни Украина «Дар бораи пешгирии коррупсия» дар моддаи 1 муайян мекунад, ки «коррупсия – аз ҷониби шахсе, ки дар қисми якуми моддаи 3 Қонун «Дар бораи пешгирии коррупсия» зикр шудааст, истифодаи ваколатҳои мансабии ба ӯ додашуда ё

имкониятҳои бо онҳо алоқаманд бо мақсади ба даст овардани фоидаи ғайриқонунӣ ё қабули чунин манфиат ё қабули ваъда / пешниҳод оид ба чунин фоида барои худ ё шахсони дигар ё мутаносибан ба шахси дар қисми якуми моддаи 3 Қонун «Дар бораи пешгирии коррупсия» пешбинишуда ваъда / пешниҳод ё додани фоидаи ғайриқонунӣ мебошад».

Ҳамин тариқ, мафҳуми коррупсия, ки дар қонунгузории давлатҳои ИДМ оварда шудаанд, имкон медиҳанд, ки хусусиятҳои асосии ин падида иманфии иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ, ки дар тамоми давлатҳо ҳамчун таҳдид ба амнияти миллии кишвар арзёбӣ мешавад, муайян карда шаванд. Муҳиммияти таҳияи мафҳуми возеҳ даркшуда ва тафсиршудаи коррупсия ҳам барои ҳуқуқэҷодкунӣ ва ҳам барои ҳуқуқиҷрокунӣ равшан аст, зеро он имкон медиҳад, ки танзими ҳуқуқӣ дар соҳаи муқовимат ба коррупсия равшан, шаффоф ва дар асоси қоидаҳои ягонаи назоратшаванда амалӣ карда шавад.

ТДУ 343.624

МАСОИЛИ МУБРАМИ ҶАВОБГАРИИ ҶИНОЯТӢ БАРОИ ЁРӢ НАРАСОНИДАН БА БЕМОР

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ

Шарифзода Раҳматулло Файзулло
Ассистенти кафедари ҳуқуқи ҷиноятӣ ва муқовимат бо коррупсияи факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ / Ассистент кафедры уголовного права и противодействия коррупции юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук
E-mail:sharifzoda.05@mail.ru

Яке аз муҳиммтарин бахшҳои фаъолият ва рушди ҳар як давлат дар шароити кунунӣ соҳаи тандурустӣ ба ҳисоб меравад. Фаъолияти чунин соҳаи ҷамъиятӣ низ дар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) инъикоси худро ёфтааст. Ба андешаи банда, дар ҳама даврањои таърихӣ ва муосир, соҳаи тиб яке аз самтҳои мубрам буд ва хоҳад монд. Вазифаи аввалиндараҷаи кормандони соҳаи тиб ин расонидани ёрӣ ба беморон ва ҳифзи саломатии инсонҳо ба шумор меравад. Маҳз ба ҳамин сабаб ин муҳиммтарин соҳаи ҷамъиятӣ ба шумор меравад. Зикр кардан ба маврид аст, ки масъалаи мазкур ҳалли худро танҳо дар фаъолияти сохторҳои як давлат ёфта наметавонад, балки дар ин ҷода ҳар як давлати муосирро мебояд, ки дастаҷамъона барои пешгирии ҷиноятқорӣ дар ин самт мубориза баранд. Инчунин, оид ба масоили зикршуда ҳар як давлат барои ҳифз ва беҳтарнамоии вазъи саломатии шаҳрвандонаш талош мекунад.

Дар як чанд конвенсияҳои байналмилалӣ низ масоили мазкур мавриди таъкид қарор гирифтааст. Ҳамзамон вобаста ба ҳифзи саломатӣ дар ҳама соҳаҳои ҷамъиятӣ тадбирҳои гуногун андешида шудааст, аз қабили: Эъломияи умумии ҳуқуқи башар аз 10-уми декабри соли 1948[1], Аҳдномаи байналмилалӣ дар бораи ҳуқуқҳои иқтисодӣ,

[1] Эъломияи умумии ҳуқуқи инсон (10-уми декабри с. 1948 аз тарафи Ассамблеяи Генералии СММ қабул гардидааст) // Маҷмуи санадҳои асосии байналмилалӣ ва миллӣ оид ба ҳуқуқи инсон: мураттибон З. Ализода [ва диг.]. Нашри 2-юм. – Душанбе: Контраст, 2018. – С. 3-12.

иҷтимоӣ ва фарҳангӣ аз 16-уми декабри соли 1966[1], ва инчунин, дар бораи ҳуқуқҳои маданӣ ва сиёсӣ аз 16-уми декабри соли 1966[2].

Дар ин радиф Эъломияи умумии ҳуқуқи башар, доштани ҳуқуқ ба саломатиро ҷузъи таркибии ҳуқуқи шахс ба шароити арзандаи зиндагӣ пешбинӣ намудааст.

Ҳамзамон моддаи 12 Аҳдномаи байналмилалӣ дар бораи ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳанги, доштани ҳуқуқ ба саломатиро ба таври устувор дарҷ намудааст.

Меъёрҳое, ки мустақиман ҳуқуқ ба саломатиро фаро мегиранд дар Аҳдномаи байналмилалӣ дар бораи ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ аз 16 декабри соли 1966 вуҷуд надорад. Ҳамзамон аҳдномаи мазкур чанд муқаррароте оиди "ҳуқуқ ба саломатӣ ба монанди ҳуқуқ ба зиндагӣ, ба озодӣ ва амнияти шахсӣ ва ғайра"-ро доро мебошад[3].

Ҳуқуқҳои инсон вобаста ба ёрии тиббӣ дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон низ зикр гардидааст. Дар мувофиқа бо моддаи 38 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон «Ҳар шахс ҳуқуқи ҳифзи саломатӣ дорад. Шахс дар доираи муқаррарнамудаи қонун аз ёрии тиббии ройгон дар муассисаҳои нигаҳдории тандурустии давлатӣ истифода менамояд. Давлат барои солимгардонии муҳити зист, инкишофи оммавии варзиш, тарбияи ҷисмонӣ ва сайёҳӣ тадбирҳо меандешад. Шаклҳои дигари ёрии тиббиро қонун муайян мекунад»[4].

Дар ҳар як давлат барномаҳои давлатии ҳифз ва беҳсозии саломатии аҳолӣ фаъолият мекунад. Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои нигоҳдории саломатии аҳолӣ, рушди тарбияи ҷисмонӣ ва варзиш дастгирӣ шуда, оид ба рушд намудани соҳаи тандурустӣ, тадбирҳои зарурӣ андешида мешаванд. Ҳамзамон аз тарафи шахсони масъул, барои ниҳон доштани далелҳо ва ҳолатҳое, ки барои ҳаёт ва саломатии инсон бевосита хатар эҷод мекунад, мақомоти қонунгузор, ҷавобгарии ҷиноятӣ пешбинӣ намудааст. Дар ин ҷода "ҳифз ва беҳтар кардани саломатии аҳолӣ дар асоси баланд бардоштани дастрасӣ, сифати ёрии тиббӣ, ташаккули тарзи ҳаёти солим аз афзалиятҳои сиёсати давлатӣ мебошанд"[5].

Сиёсати давлат баҳри рушд намудани соҳаи тандурустӣ, таъсиси механизми танзимнамоии ҳуқуқӣ ва ҳифзи робитаи созанда миёни кормандони ин соҳа ва беморон ба вуҷуд омадаро тақозо менамояд. Чунин механизм имкон медиҳад, ки "шаҳрвандон барои ҳимоя намудани мавқеи худ эътимоди зиёд пайдо кунанд ва инчунин, шуури кормандони тиб барои амали намудани ӯҳдадориҳои касбияшон зиёд гардад"[6].

Ҳангоми баҳои ҳуқуқи додан ба кирдори нарасонидани ёрӣ ба бемор ва таҳлил объекти ин ҷиноят ба андешаҳои гуногуни муҳаққиқони ҳуқуқи ҷинояти рӯ ба рӯ шудан мумкин аст. Оид ба ин масъала Тагансев Н.С. зикр мекунад, ки "кирдори ҷиноятӣ ҳамчун зуҳуроти шахсият, ки барои расондани он чораҳои маҳдудкунанда – ҷазо дода

---

[1] Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ: бо қатъномаи 2200А Ассамблеяи Генералии СММ аз 16-уми декабри с. 1966 қабул шудааст. Бо қарори Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13-уми ноябри с. 1998 тасдиқ шудааст // Маҷмуи санадҳои асосии байналмилалӣ ва миллӣ оид ба ҳуқуқи инсон: мураттибон З. Ализода [ва диг.]. Нашри 2-юм. – Душанбе: Контраст, 2018. – С. 13-28.

[2] Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ: бо қатъномаи 2200 (XXI) 16-уми декабри с. 1966 қабул шудааст. Бо қарори Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13-уми ноябри с. 1998 тасдиқ шудааст // Маҷмуи санадҳои асосии байналмилалӣ ва миллӣ оид ба ҳуқуқи инсон: мураттибон З. Ализода [ва диг.]. Нашри 2-юм. – Душанбе: Контраст, 2018. – С. 29-57.

[3] Беляков, А.В. Право на здоровье как одно из основных прав человека (международно-правовые аспекты) / А.В. Беляков // Медицинское право. - 2009. - № 3. - С. 3-6.

[4] Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри с. 1994 (26-уми сентябри с. 1999, 22-юми июни с. 2003 ва 22-юми майи с. 2016 бо тариқи раъйпурсии умумихалқӣ ба он тағйиру иловаҳо ворид карда шудаанд) // [Манбаи электронӣ]. - Реҷаи воридшавӣ: https://mmk.tj/content/ (санаи мурочиат: 15.03.2026).

[5] Стратегияи ҳифзи солимии аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон барои давраи то соли 2030, бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30-юми сентябри с. 2021, № 414 тасдиқ шуд.

[6] Блинов, А.Г. Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Блинов. – Саратов, 2014. – С. 5; См.: Он же. Уголовно-правовая охрана прав и свобод пациента в России: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. - Саратов, 2001. - 212 с.

мешавад, объекти фаъолияти ҷазодиҳӣ мебошад”[1]. Пиантковский А.А. бошд ба он назар аст, ки “Кирдоре, ки ба ягон объект равона нашудааст ё ба объекте равона шудааст, ки тавассути қонуни ҷиноятӣ ҳифз карда намешавад, наметавонад ҷиноят маҳсуб шавад”[2].

Аз андешаи муҳаққиқони соҳа бармеояд, ки зери мафҳуми объекти ҷиноят он муносибатҳое фаҳмида мешавад, ки “таҳти ҳимояи қонуни ҷиноятӣ қарор доранд, ва он ба шарте объекти ҷиноятро ташкил медиҳанд, ки: якум, кирдори хатарноки ҷамъиятӣ ба муқобили онҳо равона шуда бошад, дуюм, хатари расондани зарар ба онҳо ба миён оварда шуда бошад ё худи зарар расонида шавад”[3].

Ҳангоми таҳлили объекти ҷинояти ёрӣ нарасонидан ба бемор таваҷҷуҳи худро бештар, мафҳуми «бемор» ба худ ҷалб менамояд. Дар ин ҷо муайян намудан даркор, ки бемор кист. Шахсе ҳамчун бемор эътироф мегардад, ки мавриди муоинаи тиббӣ мутобиқ ба тартиби пешбининамудаи санадҳои дахлдор қарор гирифта дар интиҳо ташхиси беморӣ ба ӯ муқаррар шудааст.

Ҳамин тариқ мафҳуми бемор ба мафҳуми корманди соҳаи тиб робитаи ҷудонашаванда дорад. Тавре, ки қаблан зикр намудем, диспозитсияи м. 128 КҶ ҶТ муқаррар менамояд, ки кадом шахс ба ҳайси ҷабрдида баромад карда метавонад. Ҳамзамон мафҳуми бемор дар низоми қонунгузори оид ба масъалаи мазкур “шахсе, ки ба ёрии тибби эҳтиёҷ дорад”[4] шарҳи мушаххаси худро наёфтааст. Аз рӯйи таҳлилҳои болозикр муқаррар мегардад, ки ҷавобгарии ҷиноятӣ ҳамонвақт метавонад амали шавад, ки агар саломатии ҷабрдида бад бошад, ӯ маҳз ба ёрии тиббӣ ё ёрии тиббии таъҷили эҳтиёҷ дошта бошад, инчунин ҳангоми нарасонидани ёрӣ ба ин шахс дар чунин ҳолат ба ҳаёт ё саломатии ӯ хатар таҳдиди намояд.

Бояд зикр намуд, ки кирдори мазкур танҳо аз ҷониби кормандони тиб содир намегардад. Вобаста ба таҳлили субъекти ҷинояти мазкур, гуфтан мумкин аст, ки ба ҷуз аз кормандони соҳаи тиб боз категорияи дигари шахсон ҳастанд, ки ба ҳайси субъекти ин ҷиноят баромад мекунанд. Дар аксар мавридҳо ҷинояти мазкур ҳамон вақте содир мегардад, ки шахсе, ки барои расонидани ёрӣ уҳдадор аст ва аз ин уҳдадорӣ даст мекашад.

Ҳамзамон категорияи шахсони дигаре, ки барои расонидани ёрии тиббӣ уҳдадоран ин кормандони милитсия, кормандони дар самти ҳарбӣ фаъолияткунанда ва кормандони Кумитаи ҳолатҳои фавқулодда, ки дорои малакаи касбии расонидани ёрӣ мебошад ва аз иҷрои ин ӯҳдадорӣ даст мекашанд.

Дар сурати аз паҳлуи дигар назар кардан ба ин ҷиноят, мушкилии сифати хизматрасониҳои тиббӣ ба чашм мерасад, ки дар аксар ҳолатҳо аз сатҳи пасти донишҳои ҳуқуқии кормандони соҳаи тиб, шаҳодат медиҳад. Дар ин раванд метавон аз таҷрибаи давлатҳои хориҷа истифода намуд: масалан “Ноиби президенти Иттиҳодияи ҳуқуқи тиббии Россия, сардухтури беморхонаи ҳарбӣ, ҳуқуқшинос Канунникова Л. парвандаҳои тиббии судиро дар вилояти Новосибирск таҳлил кардааст. Вазифае, ки ӯ дар назди худ гузошт, иборат аз он буд, ки сатҳи густариши расонидани ёрии тиббии бесифат ё номувофиқ ва вайронкунии ҳуқуқи беморон муайян карда шавад. Дар натиҷа муайян гардид, ки дар бештари мавридҳо сабаби нарасонидани ёрии тиббии бесифат ноогоҳии ҳуқуқӣ ва инкори муқаррароти ҳуқуқӣ аз ҷониби худи кормандони тиббӣ мебошад. Аз ин рӯ, солҳои охир дар вилояти Новосибирск ба таври доимӣ натанҳо

[1] Таганцев, Н.С. Русское уголовное право: в 13 т. – Т.2. – Тула: Автограф, 2001. – С. 113.
[2] Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 137.
[3] Назмутдинова, Л.М. Объект преступления неоказания помощи больному по уголовному праву России / Л.М. Назмутдинова // Учён. зап. Казан. ун-т. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн.4 – С. 213.
[4] Краева, А.В. Проблемные вопросы применения уголовной ответственности за неоказание помощи больному / А.В. Краева // Общество и преступность: уголовно-правовые, пенитенциарные и криминологические аспекты: сб. науч. статей участников II Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Б. Коновалова. – Киров: ООО «Аверс», 2017. – С. 31–35.

роҳбарони муассисаҳои тандурустӣ, балки тамоми кормандони тиббӣ бо таълими ҳуқуқӣ фаро гирифта мешаванд”[1]. Чунин равандро дар Ҷумҳурии Тоҷикистон низ барои беҳтар гардидани сатҳи хизматрасониҳои тиббӣ, ҳамзамон барои омӯзиши ҳуқуқҳо аз ҷониби кормандони соҳаи тиб, бояд роҳандози намуд.

Бояд дар назар дошт, ки корманди соҳаи тиб дар ҳолати таҳқиқшаванада имконияти расонидани ёрӣ ба беморро дошт ё не? Чун ки ҳастанд ҳолатҳое, ки табиб имконияти расонидани ёриро надорад. Ба ин мисол шуда метавонад: корманди соҳаи тиб ҳангоми навбатдори дар муассисаи тиббии шаҳру ноҳияҳои дурдаст, яку якбора чанд беморро барои расонидани кумак ба беморхона дастрас мекунанд дар чунин ҳолат аз ҳисоби шумораи ками кормандони ин соҳа онҳо наметавонад ба ҳама бемороне, ки ба расонидаи ёрии тиббӣ эҳтиёҷ доранд, ёрӣ расонанд. Чунин ҳолат метавонад боз ҳангоми мавҷуд набудани тахассуси корманди тиб яъне самте, ки ба бемор бояд ёрии тиббӣ расонад. Ичунин бояд ба инобат гирифт, ки агар тахассуси корманди тиб дигар бошад ӯ наметавонад ба бемор ҳама намуди ёрии тиббиро расонад (масалан табиби гуш, гулӯ, бинӣ наметавонад ба шахсе, ки дасташ шикастааст ва ба ҷарроҳии таъҷили ниёз дорад ёрии тиббӣ расонад).

Бояд зикр намуд, ки кормандони мақомотҳои тафтишотиро мебояд, ки ҳангоми оғоз ва пешбурди парвандаи ҷиноятӣ боят вазъ, тахассус ва ҳолати корро ба инобат гирад. Инчунин бояд зикр намуд, ки ҳангоми нарасонидани ёрӣ ба бемор, ки дар натиҷа зарари сабук ба саломати расидааст аз рӯйи талаботи м. 128 КҶ ҶТ, оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ номумкин аст. Дар сурати нарасонидани ёрии тиббӣ ба бемор, ки дар натиҷа зарари миёна, вазнин ва ё марг ба вуҷуд омадааст, дуруст мебошад. Дар ин ҷо саволе ба миён меояд, ки дар кадом ҳолат метавон шахсро фавтида эътироф намуд? Дар асоси м. 150 Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Муайянкунии фавт аз тарафи табиб, дар набудани табиб аз тарафи кормандони миёнаи тиббӣ гузаронида мешавад. Хулосаи тиббӣ дар бораи фавт дар асоси муайян шудани фавти бебозгашти пурраи мағзи сар (марги мағзи сар) мутобиқи дастурҳои аз ҷониби мақоми ваколатдори давлатӣ дар соҳаи тандурустӣ тасдиқшуда дода мешавад»[2]. Яъне, аз рӯйи муқаррароти ин модда ба хулосае омадан мумкин аст, ки ҳангоми муайян гардидани пурра аз фаъолият боз монадани (бебозагаш) майнаи сар, шахс фавтида эътироф мегардад.

Ҳамин тариқ ҷанбаҳои муҳимми кирдори мазкурро баҳогузорӣ намуда, чунин хулосабарорӣ намудан мумкин аст:

1. Нарасонидани ёрӣ ба бемор аз ҷониби субъектони ин ҷиноят дар шароити кунунӣ яке аз масоили мубрами ҳуқуқӣ ба шумор меравад, ки дар натиҷаи ин кирдор ҳаёт ё саломатии инсонро хатари ҷидди таҳдид мекунад.
2. Ҳангоми таҳлил намудани кирдори мазкур муайян мегардад, ки кирдори шахсоне, ки барои расонидани ёрӣ ӯҳдадоранд на танҳо боиси расонидани зарар ба саломатӣ ё ҳаёти инсон мегардад, балки имкони ба вуҷуд овардани оқибатҳои вазнини равонӣ ва иҷтимоиро низ метавонад ба миён орад.
3. Кирдори мазкурро қонунгузории ҷиноятии амалкунанда, ҳамчун ҷиноят эътироф намуда онро дар м. 128 КҶ ҶТ пешбинӣ намудааст.
4. Ҳамазамон, пешгирӣ намудани кирдори мазкур тақозо менамояд, ки дараҷаи маърифатнокӣ, ҳуқуқӣ ва масъулияти касбии кормандони дар ин самт ӯҳдадор буда зиёд карда шавад. Ҳамин тавр, сари вақт таъмин намудани ёрии тиббӣ ба бемор, инчунин риоя намудани ӯҳдадориҳои касбии субъектони ин ҷиноят яке аз шартҳои асосии ҳифз намудани ҳуқуқу манфиатҳои бемор ба шумор меравад.

[1] Всеобщей декларации прав человека – 60 лет: материалы международной конференции омбудсменов / Науч. ред. Р.Г. Вагизов – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. - С. 178.

[2] Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30-юми майи с. 2017, № 1413 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2017, № 5, қ. 1, мод. 270; Қонуни ҶТ аз 29.01.2021 с., № 1762 // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://afif.tj/images/files/pdf/kodeks_toj.pdf (санаи мурочиат: 17.03.2026).

ТАҲҚИҚОТИ ИЛМИИ ҲАЙАТИ ПРОФЕССОРОНУ ОМӮЗГОРОН
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА

ТДУ 343.915

ТАЪСИРИ МУҲИТИ ОИЛАВӢ ВА РАФТОРИ ҶИНОЯТКОРОНАИ НОБОЛИҒОН

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

АНВАРИЁН ШАБНАМ ШЕРЗОД
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, капитан милиции
E-mail: Anvaraiyon@mail.ru

КАРАМШОЗОДА ФАЗОЛАТ ШОДӢ
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, капитан милиции
E-mail: karamshoevaf@gmail.com

Мавқеи оила дар рушду тараққиёти ҳамаи соҳаҳои ҳаёти сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоӣ маданию маишӣ, илмию техникӣ ва тарбияи сифатҳои ахлоқию маънавии насли наврас-насли созандаю эҷодкор ва бунёдкори ҷомеа хеле назаррас мебошад. Оила манбаи дилхушию болидарӯҳӣ, офарандаи қувваҳои эҷодӣ, тамаддуни башарӣ ва нобиғаҳои нотакрор мансуб меёбад. Аз ин рӯ, мавқеъ ва имконоти тарбиявии оиларо ҳеҷгуна боигарии моддии ҷомеа иваз карда наметавонад. Зеро рушду нумӯи ҳамаи соҳаҳои ҳаёти иҷтимоию иқтисодӣ ва фарҳангии ҷомеаро бидуни мақсаднок ба роҳ мондани муносибатҳои никоҳию оилавӣ, солимии аъзоёни оила, риояи муҳити солими психологӣ, дуруст ба нақша гирифтани тавлиди фарзанд, тайёрии ҷавонон ба ҳаёти муносибатҳои занию шавҳарӣ, падарию модарӣ, сарфаю сариштакорона истифода бурдани буҷаи оилавӣ, мӯътадил ташкил намудани хоҷагии оилавӣ, ташкили оқилонаи истироҳат ва фароғати аъзоёни оила тасаввур кандан гайриимкон аст. Инчунин дар оила зоҳир намудани ғамхориву меҳрубонӣ ва эҳсоси масъулияти волидайн дар тарбияи фарзандон таъсири мусбат расонида инкишофи психики онҳоро метезонад.

Аз ин ҷиҳат ҳар қадар падару модарон дар муносибатҳои оилавӣ ба сабру таҳамул риоя намоянд, ҳамон қадар оила мустаҳкаму пойдор мегардад. Оила барои ноболиғон он мактаби ибтидоиест, ки дар он онҳо зиндагиро меомӯзанд, ҷаҳонбинии худро ташаккул медиҳанд ва муносибаташонро нисбат ба одамон ва муҳити атроф муайян мекунанд.

Вобаста ба он ки оила чӣ гуна аст, кадом принсипҳои ахлоқӣ дар муносибатҳои байни падару модар ҳукмронанд, онҳо бо ҳамдигар, бо фарзанд ва бо атрофиён чӣ гуна рафтор мекунанд, оё нисбат ба давлат, хешу табор ва ҳатто фарзандони худ ростқавл ҳастанд ё не, кӯдакон ё ҳамчун шаҳрвандону ватандӯстони ҳақиқӣ ба воя мерасанд ё баръакс ба ҷиноятқорони манфиатҷӯ табдил меёбанд. Тарбияи оилавӣ яке аз вазифаҳои муҳимтарини оила буда, на танҳо дар ташаккули ахлоқии шахсияти ноболиғон нақши

асосӣ мебозад, балки ҳамзамон яке аз вазифаҳои муҳими равонӣ низ ба ҳисоб меравад. Оила ҳамчун як ҷузъи хурди ҷомеа бояд шахсияти комилу солимро тарбия намояд,

Бисёр тадқиқотҳо нишон медиҳанд, ки қисми зиёди падару модарон барои тарбияи фарзанд омода нестанд, яъне онҳо наметавонанд барои амалҳои фарзанди худ ҷавобгар бошанд ва баъзан нисбат ба онҳо бепарво мебошанд, Ҳамчунин бояд қайд кард, ки қисми зиёди ноболиғоне, ки ҷиноят содир намудаанд, дар чунин оилаҳо тарбия ёфтаанд, ки имкониятҳои тарбиявӣ маҳдуд будаанд оилаҳои нопурра, ин ҳолат махсусан дар шароите бештар мушоҳида мешавад, ки падар дар оила ҳузур надорад – хоҳ бо сабаби ҷудошавӣ аз ҳамсар ва фарзандон, ё дар натиҷаи вафот, аммо мутаассифона, дар солҳои охир ин вазифа то андозае халалдор шудааст. Номувофиқии оилавӣ ба пайдоиши ихтилолҳои асабиву равонӣ дар ноболиғон мусоидат намуда, метавонад онҳоро ба содир кардани ҷиноят водор созад.

Ҳамзамон набояд фаромуш кард, ки сатҳи некӯаҳволии оила дар дараҷаи назаррас (тақрибан 75%) ба имкониятҳои молиявии он вобастагӣ дорад. Дар ҳолатҳое, ки оила қодир нест ниёзҳои асосии фарзанд, аз ҷумла таъминоти ғизо, либос ва дигар талаботи заруриро қонеъ гардонад, эҳтимолияти пайдоиши рафтори девиантӣ дар байни наврасон зиёд мегардад. Аз ҷумла, чунин шароит метавонад наврасро водор созад, ки барои қонеъ намудани эҳтиёҷоти худ ба роҳҳои мустақилона, ҳатто ғайриқонунӣ, водор шавад.

Омили дигаре, ки дар ҳолатҳои ҷиноятқоронаи ноболиғон муайян шудааст, ин аз ҷониби аъзои калонсоли оила, ки маводи нашъадор истеъмол мекунанд ё аз машрубот сӯиистифода мебаранд, ба вуҷуд омадааст. Дар оилаҳое, ки дар онҳо ҳамдигарфаҳмӣ вуҷуд надорад ва зӯроварӣ ва майзадагӣ қисми ҷудонашавандаи зиндагӣ мебошанд, кӯдак аксаран аз муҳаббат маҳрум монда, зери фишор ва зӯроварӣ қарор мегирад. Дар чунин ҳолат, ноболиғ худ қурбонии рафтори бераҳмонаи наздиконаш мегардад, ки ин ба рӯҳияи ӯ таъсири манфӣ расонида, метавонад ӯро ба роҳи ҷиноят барад[1].

Чунин рафтори манфӣ метавонанд наврасонро ба гурӯҳҳои ҷиноятӣ ҷалб намоянд. Муҳити носолими ҷиноятӣ дар дохили оила ба равобити байни аъзои он таъсири манфӣ мерасонад. Қисми зиёди ноболиғони даст ба ҷиноятзанӣ зада аз оилаҳое мебошанд, ки падару модарашон собиқаи судӣ доранд. Инчунин бояд дар хотир дошт, ки падару модар барои кӯдак ҳамеша намунаи ибрат мебошанд, бинобар ин бисёре аз ноболиғон мехоҳанд ба онҳо монанд шаванд, ҳатто агар онҳо доғи судӣ дошта бошанд.

Илова бар ин, падару модарон баъзан ба ҳаёти худ машғул шуда, ба фарзандон диққати кофӣ намедиҳанд ва онҳо дар ҷустуҷӯи фаҳмиш ба гурӯҳҳои ҳамсолон ё калонсолони дорои тамоюли ҷиноятӣ мепайванданд. Ин гурӯҳҳо дар шуури кӯдакон тасаввуроти ғалат ва таҳрифшудаи арзишҳои ахлоқӣ ва меъёрҳои ҳуқуқиро ба вуҷуд оварда, ҳамчун яке аз омилҳои муҳими ангезандаи рафтори ҷиноятқорона баромад мекунанд.

Равоншиноси амрикоӣ Эрик Эриксон таъкид мекард, ки дар солҳои аввали ҳаёт инсон таъсири назарраси оиларо эҳсос мекунад. Асосҳои ташаккули шахсияти солим, аз ҷумла боварии ибтидоӣ ба ҷаҳон, мустақилият ва ташаббускорӣ, дар шароити мавқеи дурусти тарбиявии волидайн шакл мегиранд. Қобили зикр аст, ки тибқи назарияи Эриксон, дар синни балоғат иҷрои вазифаи падару модарӣ яке аз самтҳои асосии рушди шахсият ба шумор меравад.

Наврас якбора ба роҳи ҷиноят, балки омилҳои дар боло дарҷшуда боиси пайдоиши ангезаҳои рафтори девиантӣ ва дигар ҷиноятҳо гардад. Бинобар ин, волидон барои пешгирии рафтори ҷиноятқоронаи ноболиғон нақши асосиро бозида, ба наврас роҳи дурустро нишон диҳанд ва нагузорад, ки ӯ ба муҳити ҷиноятӣ ворид шаванд.

[1] Вологина, Ж.Ю. Преступность среди несовершеннолетних / Ж.Ю. Вологина, Н.В. Спивакова, А.А. Камалов // Право: современные тенденции: материалы междунар. науч. конф. – М., 2012. №2 3. - С. 64-69.

Чунон чи, ташаккули мақсадноки шахс дар синнусоли наврасӣ, ки хусусиятҳои характерноки он муносибатҳои сифатан нав, худшиносии инкишофёбанда ва калонсолӣ мебошанд, баҳисобгирии хусусиятҳои синнусолӣ, фардияти психика ва фаъолияти олии асаби кӯдаконро талаб мекунад.Дар ин давра махсусан тараққиёти бошиддати ҳамаи функсияҳои ҳаётии организм, сабзиши бадан, тағйирёбии мубодилаи моддаҳо ва дигаршавии соҳаи асабу психика ба амал меояд. Аз ин рӯ, пешбарандаи фаъолият бояд ба ин хусусиятҳои навташкили давраи наврасӣ ҷавобгу бошад. Яъне, муносибатҳои байниҳамдигарии худи кӯдакон бо якдигар бо калонсолон бояд гуногунранг сурат гирад,ба назорату идоракунӣ дода шавад ва дорои мақсади умумии ҷамъиятӣ бошад. Макаренко А.С. навишта буд, ки нуқсондории шуур ин,албатта нуқсондории техники шахс набуда, ин нуқсондории кадом як ҳодисаҳои иҷтимоӣ, муносибатҳои иҷтимоӣ, муҳиту атрофе, ки наврасро иҳота кардааст ҳамон мебошад, яъне муҳиту аторф чи гунае ки бошад, наврас ҳамон тавр ба воя мерасад. Рафтору кирдор ва ҳуқуқувайронкуниҳои онҳо бо сабаби норасоию камбудиҳои тарбияи оилавию мактабӣ рӯй медиҳанд.

Мушоҳидаҳои психолгӣ нишон медиҳанд, ки дар наврасони ҳуқуқувайронкунанда инчунин шавқу ҳавасҳояшон ба дигаргунӣ дучор мешаванд,зеро ба таҳсил,ба ҳаёти ҷамъиятию сиёсӣ чандон таваҷҷӯҳ зоҳир намекунанд шавқу ҳвасҳои касбию меҳнатӣ суст ва ё умуман инкишоф наёфтаанд, шавқу ҳвасҳои зебоипарастиашон маҳдуданд ва ё танҳо пассивонаи мазмуни филмҳо (таваҷҷӯҳ ба бозиҳои компютерӣ, ҷангу ҷидол ва дигар рафторҳои манфӣ) равона шудаанд. Онҳо ба театр, китоб кам таваҷҷӯҳ зоҳир мекунанд. Наврасони душвор нисбатан фаъоланд. Вале ин фаъолӣ табиати манфиро дорад ин муқобилият нишон додан ба мақсадҳои мураббияҳо ва коллектив аст. Дар ин наврасон системаи маромҳои рафторашон дигар гаштааст, рафтору кирдори онҳо бе ҳеҷ гунна нияту мақсадҳои равшан ифода наёфта содир мешавад ва ё дар асоси шавқу ҳавасҳои носолим ба амал меояд.

Кон И.С. қайд менамояд, ки тағйиротҳои асосии психологии давраи наврасӣ бо ифтитоҳ ё кашфи олами ботинӣ, ҳамчунин бо мушкилотҳо ва арзишҳои он алоқаманд аст. Шаклгирии Ман - тасвири раванди марказии психологии давраи наврасӣ башумор рафта, дар баробари ин яке аз дастовардҳои муҳими он ба ҳисоб меравад. Аз рӯйи натиҷаҳои бадастовардаи психологон, «наврасоне, ки дар ибтидои давраи наврасӣ қарор доранд дорои чунин хусусиятҳоянд: худбаҳодиҳии паст, муносибати манфӣ доштан нисбати сифатҳои худ, шармгинанд. Дар баробари ин дар наврас боварие бедор мешавад, ки волидайн, муаллимон ва дӯстон бо ӯ муносибати бад мекунанд»[1].

Наврас, ба ақидаи Дубровин И.В., мустақилӣ ва баробарии худро доим талаб менамояд, ҳол он ки барои амалӣ гаштани ин талаботҳо шароитҳои ҳам физиологӣ, ҳам ақлӣ ва ҳам иҷтимоӣ мавҷуд нестанд. Танҳо дар фаъолиятҳои махсуси ҷамъиятӣ ҳолатҳоеро во хурдан мумкин аст, ки наврас ба муносибати ҳақиқии баробар бо калонсолон, ворид мешавад. Махсусияти психологии ин воридшавӣ аз он иборат аст, ки дар он наврас ба системаи калони муносибатҳо ворид шуда даъвои худро нисбат ба муносибат бо калонсолон, талаб мекунад[2].

Кунитсина В.Н. қайд менамояд, ки нобарориҳо дар ҳайёти наврас ҳисси нобовариро дар ӯ бедор месозад ва инчунин ҳиссиёти бегонагӣ ва нодаркориро ба вуҷуд меорад. Бо мурури замон ин метавонад ба як хусусияти фарқкунанда ва устуворӣ наврас шакл гирад. Барои наврас паси сар намудани ҳолатҳои манфӣ хело ҳам зарур мебошад, зеро ин метавонад барои иҷрои ягон намуди фаъолият монеъа шавад ва ё ин ҳолати мувақатии манфӣ метавонад ба як хислати характер табдил ёбад[3].

[1] Кон, И.С. Психология старшеклассника / И.С. Кон. –М., 1980. – С. 190.
[2] Проблемы возрастной и педагогической психологии / под ред. И.В.Дубровина. – М., 1995. – С. 149.
[3] Куницына, В.Н. Восприятие подростками других людей и себя / В.Н. Куницына. – М., 1987. – С. 115.

Бо мақсади пешгирии ташаккули муҳити ҷиноятқорона дар миёни ноболиғон, аз ҷониби қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон санади меъёрии ҳуқуқии махсус – Қонун «Дар бораи масъулияти падару модар дар таълиму тарбияи фарзанд», ки соли 2011 қабул гардидааст, ба тасвиб расонида шудааст. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи масъулият барои таълиму тарбияи кӯдак» яке аз санадҳои муҳимми ҳуқуқӣ ба ҳисоб меравад, ки нақши оиларо дар тарбияи дурусти кӯдакон ва пешгирии рафтори зиддиҳуқуқии ноболиғон муайян менамояд. Маҳз ин қонун масъулияти падару модар ва дигар шахсони масъулро дар таълиму тарбияи кӯдак муқаррар намуда, онҳоро уҳдадор месозад, ки барои рушди ҷисмонӣ, маънавӣ ва ахлоқии фарзанд шароити мусоид фароҳам оранд.

Тибқи талаботи қонуни мазкур, падару модар вазифадоранд, ки кӯдаконро дар рӯҳияи эҳтиром ба қонун, арзишҳои миллӣ ва умумибашарӣ тарбия намоянд. Ин раванд барои пешгирии каҷрафторӣ ва ҷиноятқорӣ миёни ноболиғон аҳамияти калон дорад, зеро маҳз дар муҳити оила асосҳои рафтори иҷтимоии кӯдак ташаккул меёбанд.

Қонун инчунин таъкид менамояд, ки беэътиноӣ нисбат ба таълиму тарбияи кӯдак, набудани назорати доимӣ ва муҳити носолими оилавӣ метавонад ба ташаккули рафтори номатлуб оварда расонад. Аз ин рӯ, масъулияти оила дар пешгирии ҷиноятқорӣ на танҳо ахлоқӣ, балки ҳуқуқӣ низ мебошад.

Ҳамзамон, ин санади меъёрии ҳуқуқӣ ҳамкории оила, муассисаҳои таълимӣ ва мақомоти давлатӣ, аз ҷумла мақомоти корҳои дохилиро муҳим мешуморад. Чунин ҳамкорӣ барои муайян ва бартараф намудани омилҳое, ки метавонанд ба рафтори ҷиноятқоронаи ноболиғон оварда расонанд, заминаи мусоид фароҳам меорад.

Ҳамин тавр, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи масъулият барои таълиму тарбияи кӯдак» ҳамчун механизми муҳим дар танзими муносибатҳои оилавӣ ва таъмини тарбияи дурусти кӯдакон баромад намуда, дар пешгирии каҷрафторӣ ва ҷиноятқорӣ миёни ноболиғон нақши калидӣ мебозад. Риояи муқаррароти он метавонад ба ташаккули насли солим, боахлоқ ва масъулиятшинос мусоидат намояд[1].

Обрӯи падару модар дар ҷомеа ба тарбияи фарзанд таъсири калон мерасонад. Чунки сарчашмаи тарбияи фарзанд аз оила оғоз мегирад. Вазъи ногувори оила метавонад асосии пайдоиши тарс дар вуҷуди кӯдак гардад. Кӯдакон тарбияи дурустро на танҳо аз суханони калонсолон, балки бештар аз рафторашон қабул мекунанд. Бинобар ин, падару модар бояд нисбати фарзандони хеш назорати ҷиддиро ба роҳ монанд зеро дар ҳаёт вазифаи волидон пеш аз ҳама тарбияи фарзанд аст. Дар инкишофи психикии кӯдак нақши тарбия аҳаммияти басо муҳиммро ишғол мекунад, тавассути тарбияи дуруст кӯдаки ҷисман заифро ба камолоти баланди маънавӣ психологӣ расонидан мумкин аст. Аксар олимон чунин мешуморанд, ки 30% рафтори тифл аз хун мегузарад ва 70% дигар ба талиму тарбия вобастагӣ дорад. Бинобар ин, равшан мегардад, ки рафтори кӯдак пеш аз ҳама ба таълиму тарбия вобастагӣ дорад. Аз ин рӯ, бояд саъю кӯшиш намоем, то дар тарбияи шоистаи насли ояндасози миллат ва давлати худ саҳми арзанда гузорем.

[1] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи масъулият барои таълиму тарбияи кӯдак» аз 20-уми июни с. 2024, № 2049.

УДК 334.025:316.4.051.2

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ ОВД В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ*

ҶАНБАҲОИ СОТСИОЛОГИИ ИДОРАКУНИИ МКД ДАР МУҚОВИМАТ БА ҶИНОЯТКОРӢ

АСЛАМОВ БОЗОРАЛИ САФАРАЛИЕВИЧ
Старший научный сотрудник отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции / Ходими калони шуъбаи адъюнктураи Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия
E-mail: aslamov.bozorali.64@mail.ru

УБАЙДУЛЛОЕВ ШАВКАТ ЭШОНКУЛОВИЧ
Доцент кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции / Дотсенти кафедраи мурофиаи ҷиноятии факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия
E-mail: saida.safarova.2014@mail.ru

Современное общество как объект социологического познания составляет определённые закономерности, формы и методы управления социальными процессами. В социологии часто эквивалентом термина «социология управления» употребляется термин «менеджмент». Социология управления - отрасль социологического знания, изучающая систему и процессы управления в условиях, складывающихся в обществе социальных отношений.

Общество представляет собой системную организацию социального взаимодействия и социальных связей, обеспечивающую удовлетворение всех основных потребностей людей, стабильную, саморегулирующуюся и самовоспроизводящуюся. Французский социолог Анри Менура при изучении индивидов общества и объединяющих их связей использует теорию позиций и ролей[1].

Социология управления изучает органы управления государственной и общественной как социальной системы весь комплексный подбор, расстановки, воспитания управленческих кадров, отношения, складывающихся между работниками аппарата управления, специфику формирующихся у них интересов. В этом плане социология управления близка к социологии организации.

По мнению российского социолога А.Н. Роша, «в управленческой деятельности применяются различные методы: административные, экономические, социально-психологические. На протяжении длительного времени в управлении, в том числе и органах внутренних дел (далее – ОВД), использовались только командно-административные методы. Системе ОВД были присущи максимальная централизация в решении основных проблем, жесткая регламентация многих видов деятельности по борьбе с преступностью и охране общественного порядка, детальный и плотный контроль, абсолютизация централизованного планирования и ответственности должностных лиц за формальное выполнение пунктов, составленных в центральном

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской темы «Особенности профилактики и способы борьбы с проявлениями экстремизма и радикализма в молодежной среде Республики Таджикистан», финансируемую за счет средств государственного бюджета Республики Таджикистан. Государственный регистрационный №: 0121TJ1290.

[1] Менура, А. Основы социологии. - М., 1999. - С. 90.

аппарате инструкции[1] .

Именно такой консервативный подход привёл к тому, что в системе управления ОВД произошла неспособность управления личным составом, повторное выполнение приказов, исключение потребности ОВД как социальной организаций.

Рассматривая социологические аспекты управления ОВД, мы не должны забывать о том, что в школе профессионального престижа по данным американских социологов Несса В. Максона Е. и Стейнд Р. профессия офицера занимает 21 место, её опережают такие профессии как профессор колледжа, судья, адвокат, врач, инженер, учитель, бухгалтер и ряд других профессий. По данным национального центра изучения общественного мнения США в 1949, 1946, 1970 и 1980 г. школа престижа показывает свою устойчивость, по мнению российских социологов, престижность работы в ОВД, прежде всего, связана с получением юридического образования. В системе ОВД Российской Федерации последние годы замечается острая нехватка сотрудников полиции. В правоохранительных органах должностная номенклатура вышестоящих постов, должностей, прежде всего, связана с высшим юридическим образованием.

Управление ОВД руководящим составом закреплено статьёй 9 Закона Республики Таджикистан «О милиции», в которой говорится о том, что «В своей деятельности милиция подчинятся МВД Республики Таджикистан, руководство всей милицией республики осуществляет Министр внутренних дел Республики Таджикистан, назначаемый и освобождении от должности Президентом Республики Таджикистан. Указ о назначении и освобождении министра предоставляется на утверждение совместного заседания Маджлиси Милли и Маджлиси Намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан.

В областях, городах и районов руководство деятельностью милиции осуществляют начальники управлений (отделов) внутренних дел. Назначение и освобождение от должности начальников главных управлений МВД управлений ГБАО, областей города Душанбе, ОВД городов и районов, милиции на железнодорожном и воздушном транспорте осуществляет Министр внутренних дел Республики Таджикистан по согласованию с Президентом Республики Таджикистан.

Руководители милиции на особо важных и режимных объектах назначаются и освобождаются от должности в порядке, определяемом Министром внутренних дел Республики Таджикистан»[2] .

Сущность управления ОВД как социальной организации заключается в том, что сотрудники ОВД, прежде чем бороться с преступностью, должны учитывать встречающиеся формы отклонения в нашем обществе. По мнению французского социолога Анри Мендра «с точки зрения социологии логический противоположный вопрос: почему не крадут всё? Почему не все потребляют наркотики, в действительности феномен преступности очень крепко связан с молодёжью и с нижними категориями индивидов на социальной лестнице»[3].

Социологический аспект управления интересует не только социальные аспекты экологического и научно-технического развития, социальной политики, выработки и реакции управленческих решений, изучение процесса самоуправления, взаимоотношений руководства и подчиненных.

Но, несмотря на почти идеальные качества, которыми должен обладать управляющий, он, прежде всего человек со всеми его особенностями характера, формой взаимоотношения с другими людьми. Как всякому человеку ему присущ характер и

[1] Роша, А. Н. Основы социологических знаний. - М., 1990. – С. 3.
[2] Закон Республика Таджикистан «О милиции» от 17 мая 2004 г., № 41 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2004 год, № 5.
[3] Менура А. Основы социологии. - М.,1999. - С. 123.

темперамент, от этого в большинстве случаев и зависит его стиль, метод тип руководства. По мнению социолога А.Н. Роша «Сложность функций определяет величину организации и так называемый диапазон руководства оптимальное число работников, подчиненных одному руководителю, не должен превышать восемь двенадцать человек»[1].

Исходя из вышесказанного российского социолога соотношение между милицией рядового и младшего начальствующего состава приблизительно ровна числу лиц среднего и старшего начальствующего состава, что не соответствует научному диапазону руководства. В процессе управления ОВД как социальной организации от каждого руководителя ОВД требуются следующие качества:

– наличие общих знаний в области управления правоохранительных органов, в частности ОВД;

– компетентность в вопросе организации работы ОВД по виду и характеру деятельности ОВД как правоохранительного органа;

– владение не только навыками администрирования, но и умение владеть политической, социально-экономической, криминогенной ситуацией в обществе, проявлять инициативу и активно перераспределять ресурсы организации в наиболее выгодных сферах применения;

– принятие обоснованных и компетентных решений на основе согласования с нижестоящими руководителями и работниками и распределение участия каждого в их исполнении.

Важнейшими принципами управления ОВД является принцип участия общественности в управлении, где участвуют общественные объединения, предприятие, организации и граждане, которое закреплено в Законе Республики Таджикистан «О милиции».

Согласно данному принципу, в этой работе участвуют все слои общества, не зависимо от национальности, пола, религиозных и политических убеждений, социального происхождения. Статья 4 Закона Республика Таджикистан «О милиции» обязывает граждан оказывать милиции помощь в охране общественного порядка и в борьбе с преступностью. Связь с населением и учет общественного мнения в борьбе с преступностью - является приоритетным принципом работы милиции. Социальная практика показывает, что деятельность ОВД как правоохранительного органа, прежде всего в системе управления, зависит от сложенного профессиональное деятельности всех подразделений ОВД. Предметом профессиональное деятельности милиции являются различные категории лиц:

а) нарушители законности и правопорядка (т.е. лица, покушающиеся на государственную и личную собственность, на жизни, свободу, честь и достоинство граждан).

б) должностные лица учреждений, предприятий, организаций, действия которых связаны нарушением финансовой, трудовой дисциплины.

в) члены неблагополучных семей, которые при определённых условиях могут встать на путь нарушения.

г) лица, привлекающийся по делу в качестве потерпевших, свидетелей, понятых и других.

д) лица, способствующие поддержанию правопорядка и раскрытию преступления.

е) лица, обращающиеся в милицию по делам не связанными с правонарушениями (оформление и получение паспортов, водительских прав, вниз на выезд за грани-

[1] Роша, А. Н. Основы социология знаний. - М., 1990. – С. 27.

цу и.т. п.).

Итак, можно констатировать тот факт, что каждому руководителю ОВД необходимо знать различную социальную направленность, общественное содержание и действия этих категорий лиц.

Таким образом, в ОВД положение каждого сотрудника обусловлено его должностным положением и функциональными обязанностями. На основе обусловленного порядка субординации и координации, подчинения и взаимодействия организуется и обеспечивается управление ОВД, в этом и заключается сущность борьбы с преступностью.

ТДУ 343.621

ИСҚОТИ ҒАЙРИҚОНУНИИ ҲАМЛ (АБОРТ): МАСОИЛИ НАЗАРИЯ, АМАЛИЯ ВА ҚОНУНГУЗОРӢ

НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗОДСТВО АБОРТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ПРАКТИЧЕСКИЕ И ЗАКОНДАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

КАРАМШОЗОДА ФАЗОЛАТ ШОДӢ
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, капитан милиции
E-mail: karamshoevaf@gmail.com

АНВАРИЁН ШАБНАМ ШЕРЗОД
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, капитан милиции
E-mail: anvaruyon@mail.ru

Исқоти ғайриқонунии ҳамл (аборт) ҳамчун ҷиноят дар моддаи 123 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) муқаррар гардида, аз се қисм иборат мебошад. Моддаи мазкур 3 ҳолати исқоти ҳамлро чун ҷиноят эътироф намудааст:

– исқоти ғайриқонунии ҳамл аз ҷониби шахси дорои таҳсилоти олии тиббии риштаи дахлдор (қ. 1);

– исқоти ҳамл аз ҷониби шахсе, ки таҳсилоти олии тиббии риштаи дахлдор надорад, содир шуда бошад (қ. 2);

– исқоти ҳамл аз ҷониби шахси қаблан барои исқоти ғайриқонунии ҳамл судшуда содир шуда бошад (қ. 3)[1].

Он вақт исқоти ҳамл ҷиноят эътироф карда мешавад, ки агар он ғайриқонунӣ ба амал бароварда шавад.

[1] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с.1998, № 9, мод.68, мод. 69, № 22, мод. 306; Қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13.11.2023 № 1985, аз 20.06.2024 № 2050, аз 15.04.2025 № 2163.

Мутобиқи қ. 3 м. 87 Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба зан ҳуқуқ дода мешавад, ки масъалаи модар шуданашро худаш ҳал кунад[1].

Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Стандарти миллӣ оид ба таъмини исқоти ҳамли бехавф ва идоракунии оризаҳои пас аз исқоти ҳамл, ки бо Фармоиши Вазорати тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти № 145 аз 19-уми марти соли 2011 қабул гардидааст, муайян мекунанд, ки дар се маврид исқоти сунъии ҳамл иҷозат дода мешавад:

– бо хоҳиши худи зани ҳомиладор;
– аз рӯйи нишододҳои иҷтимоӣ, ки ба зани ҳомиладор мутааллиқ мебошанд;
– аз рӯйи нишондодҳои тиббӣ ва бо розигии зани ҳомиладор.

Тибқи стандарти 3 (кай ва дар куҷо қатъ намудани ҳомиладорӣ гузаронида мешавад) Стандарти миллӣ оид ба таъмини исқоти ҳамли бехавф ва идоракунии оризаҳои пас аз исқоти ҳамл, қатъи ҳомиладорӣ бо хоҳиши зан дар муҳлати то 12 ҳафтаи ҳамл гузаронида мешавад[2].

Рӯйхати нишондиҳандаҳои тиббӣ барои қатъи сунъии ҳомиладорӣ аз тарафи Вазорати тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва рӯйхати нишондиҳандаҳои иҷтимоӣ бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда мешавад.

Қатъи сунъии ҳомиладорӣ то 21 ҳафтаи аввали пас аз ҳайзи охирон иҷозат дода мешавад, яъне аз лаҳзаи ҳомиладорӣ то 21 ҳафтагии он танҳо бо сабабҳои иҷтимоӣ қонунӣ этироф карда мешавад[3]. Аз 22 ва зиёда аз он ҳафта танҳо бо сабаби нишондоди тиббӣ иҷозат дода мешавад. Бо сабаби нишондоди тиббӣ дар ҳама даврaҳои ҳомиладорӣ исқоти ҳамл иҷозат дода мешавад ва албатта агар талаботи Стандарти миллӣ оид ба таъмини исқоти ҳамли бехавф ва идоракунии оризаҳои пас аз исқоти ҳамл риоя карда шаванд.

Чунин сабабҳо ба сифати нишондодҳои иҷтимоии қатъи ҳомиладорӣ баромад карда метавонанд:

1. Фавти шавҳар ҳангоми ҳомиладории зан;
2. Иҷрои ҷазо дар намуди маҳрумӣ аз озодии худи зани ҳомиладор ё шавҳари ӯ;
3. Агар зани ҳомиладор ё шавҳари ӯ ҷойи кори муваққатӣ ё доимӣ надошта бошанд;
4. Қабули ҳалномаи суд оид ба маҳрум кардан ё маҳдуд кардани ҳуқуқи падариву модарӣ;
5. Бе шавҳар (бе никоҳ) ҳомиладор шудан;
6. Бекор кардани ақди никоҳ ҳангоми ҳомиладорӣ;
7. Ҳомиладорӣ аз натиҷаи таҷовуз ба номус;
8. Маъюби гурӯҳи I – II эътироф гардидани шавҳар;
9. Будани кӯдаки маъюб дар оила;
10. Бехона будан, дар хобгоҳ истиқомат кардан, иҷоранишин будан;
11. Зане, ки мавқеи гурезаро доро мебошад;
12. Даромади як аъзои оила аз ҳадди ақали зиндагӣ камтар будан;
13. Серфарзанд будан (шумораи фарзандон 5 ва аз он зиёд)[4].

Аз муқаррароти дар боло зикргардида маълум мешавад, ки то 21 ҳафта (аз 22 ҳафта поён) ҳомиладорӣ ба интихоби зани ҳомила вобастагӣ дорад.

---

[1] Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30-юми майи с. 2017, № 1413 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2017, № 5, қ. 1, мод. 270; Қонуни ҶТ аз 29.01.2021 с., № 1762.

[2] Стандарти миллӣ оид ба таъмини исқоти ҳамли бехавф ва идоракунии оризаҳои пас аз исқоти ҳамл. - Душанбе, 2011. - С. 8-11.

[3] Ҳамин ҷо.

[4] Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи тасдиқи номгӯйи нишондодҳои иҷтимоӣ барои қатъи сунъии ҳомиладорӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон” аз 11-уми марти с. 1998, № 432.

Агар, аз 22 ҳафта ҳомиладорӣ зиёд бошад, имконияти зинда таваллуд шудани кӯдак бештар мебошад, бинобар ин бо сабаби иҷтимоӣ исқоти сунъии ҳамл иҷозат дода намешавад. Агар, ҳангоми исқоти ҳамли қонунӣ (бо нишондоди тиббӣ зиёда аз 22 ҳафтаи ҳомиладорӣ), кӯдак зинда таваллуд гардад ва баъд аз он аз ҳаёт маҳрум карда шавад, пас дар ин ҳолат ҷавобгарии ҷиноятӣ бо банди "в" қ. 2 м. 104 КҶ ҶТ – агар аз ҷониби акушер-гинеколог содир шавад ё бо м. 105 ҳамин Кодекс – агар аз ҷониби модари кӯдаки навзод содир шавад, фаро мерасад. Агар, ин исқоти ҳамл ғайриқонунӣ аз тарафи акушер – гинеколог содир шавад, пас кирдори содирнамудаи ӯ бо м. 123 ва банди "в" қ. 2 м. 104 КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун маҷмуи ҷиноят бандубаст карда мешавад.

Тибқи муқаррароти Стандарти миллӣ оид ба таъмини исқоти ҳамли бехавф ва идоракунии оризаҳои пас аз исқоти ҳамл, агар қатъ намудани ҳомиладориро табиб – мутахассис дар ҳолати зерин аҷом дода бошад, ҳамчунин исқоти қонунии ҳамл эътироф мешавад:

– қатъи ҳомиладорӣ барои наҷоти ҳаёт, саломатӣ ё комилии зани ҳомила зарур буд, дар ҳолате ки хавфи ҷиддии ногузир, ки онро бо дигар роҳ бартараф намудан номумкин буд, мавҷуд бошад;

– агар зани ҳомила қобилияти додани розигӣ надошта бошад ва қатъ намудани ҳомиладорӣ аз рӯйи нишондодҳои тиббӣ зарур башад.

Дар сурати нишондодҳои тиббӣ ва розигии зани ҳомиладор, муҳлати ҳомиладорӣ муқаррар нагардидааст, яъне дар сурати ҷой доштани нишондоди тиббӣ бо розигии зани ҳомиладор, қатъи ҳомиладорӣ ба роҳ монда мешавад. Дар ҳолати нишондодҳои тиббӣ новобаста аз муҳлати ҳомиладорӣ, танҳо он вақт исқоти сунъии ҳамл иҷозат дода мешавад, ки агар раванди ҳомиладорӣ ё таваллуд ба ҳаёт ва саломатии зан хатар дошта бошанд ё нодуруст инкишофёбии ҷисмонии ҷанин муқаррар гардида бошад. Ба сифати нишондодҳои тиббии исқоти сунъии ҳамл инҳо баромад карда метавонанд:

– шакли фаъоли бемории сил;

– сирояти гепатит;

– ВНМО/БПНМ[1];

– сироятҳои узвҳои ҷинсӣ, инчунин дигар бемориҳое, ки ба ҳаёт ва саломатии зани ҳомиладор хавф доранд ва онҳо аз тарафи Вазорати тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар гардидаанд.

Барои расонидани хизмат оид ба қатъи сунъии ҳомиладорӣ муассисаи тиббии давлатӣ ё хусусӣ бояд дорои иҷозати махсус, ки барои ин мақсад мутобиқи меъёрҳо ва тартиби амаликунанда ва стандарту тавсияҳо дода шудааст, бошад.

Барои гирифтани иҷозат ҷиҳати расонидани хизматҳо оид ба қатъи ҳомиладорӣ муассисаи тиббӣ дар воҳидҳои кории худ бояд мутахассисони тахассусноки зеринро дошта бошанд:

а) табиб – акушер – гинеколог;

б) табиб – анестезиолог, мутахассис оид ба табобати шиддатнок;

в) ҳамшираи тиббӣ;

г) корманди тахассуснок ҷиҳати гузаронидани машварат оид ба масъалаҳои исқоти ҳамл, оризаҳои он ва инчунин танзими оила.

Тибқи муқаррароти Стандарти миллӣ оид ба таъмини исқоти ҳамли бехавф ва идоракунии оризаҳои пас аз исқоти ҳамл, қатъ намудани ҳомиладорӣ ӯро дар пеш истодааст, дар бораи розигии хабардоркардашуда бояд ба таври лозимӣ маълумот гирифта бошад. Маълумоти пешниҳодшаванда дар бораи хатар ва бартариҳои қатъи ҳомиладорӣ бояд пурра ва холисона пешниҳод карда шавад ва инҳоро дар бар гирад:

[1] Стандарти миллӣ оид ба таъмини исқоти ҳамли бехавф ва идоракунии оризаҳои пас аз исқоти ҳамл. - Душанбе, 2011. - С. 8-11.

а) алтернативаҳои қатъ намудани ҳомиладорӣ;

б) дастгирие, ки зани ҳомила тибқи қонун бояд гирад;

в) муассисаҳое, ки ин дастгириро метавонанд пешниҳод намоянд;

г) техникаи қатъ намудани ҳомиладорӣ ва хавфи эҳтимолии ҳар як амалиёт, аз ҷумла алоқаманд бо беҳискунии истифодашаванда;

д) ориза ва оқибатҳои эҳтимолӣ. Маълумот дар бораи ориза ва оқибатҳо бояд ҷанбаҳои зеринро дар бар гирад:

– хунравӣ;
– сурохшавии (кафидани) бачадон;
– осебёбӣ;
– давомёбии ҳомиладорӣ;
– сирояти пас аз исқот;
– қобилияти репродуктивии минбаъда.

Ҳангоми пешниҳод намудани ин маълумот, маълумотдиҳанда на бояд ба қарори қабулкардаи зани ҳомиладор таъсир расонад.

Мақсади розигии хабардоркардашуда таъмин намудани ихтиёрӣ ва хабардоркардашуда будани он ва ба таври қонунӣ гирифтани иҷозат барои қатъи ҳомиладорӣ мебошад.

Ҳар зане, ки ба ӯ қатъ намудани ҳомиладорӣ гузаронида мешавад, дар муассисаи давлатӣ ё хусусӣ то оғози амалиёт бояд розигии худро аз рӯйи шакл, ки ба Стандарти миллӣ оид ба таъмини исқоти ҳамли бехавф ва идоракунии оризаҳои пас аз исқоти ҳамл замима карда шудааст, нависад, ки дар он тасдиқ намудани он, ки ӯ амалиёт ва алтернативаҳои мавҷудбуда, хавфҳои эҳтимолӣ, бартарӣ ва оризаҳоро мефаҳмад ва қарори қабулкардаи ӯ озод аст ва ӯ барои қатъ намудани ҳомиладорӣ тайёр аст, ифода ёфтааст.

Агар ҳомиладор ба синни 18 солагӣ нарасида бошад, пас дар ҳуҷҷати тиббӣ розигии волидайн ё парастор дар бораи қатъ намудани ҳомиладорӣ қайд карда мешавад[1].

Объекти ҷинояти мазкур – муносибати ҷамъиятии бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае, ки амнияти саломатии шахсро (зани ҳомиладорро) таъмин менамояд, ташкил медиҳад.

Тарафи объективии исқоти ғайриқонунии ҳамл дар ҳаракатҳои фаъоле, ки барои исқоти сунъии ҳамл равона гардидаанд, бо вайрон кардани қоидаҳои муқарраргардида, ифода мегардад.

Аз рӯйи конструксияи тарафи объективии ҷиноят, таркиби ҷинояти мазкур расмӣ эътироф гардида, аз лаҳзаи бурун омадани ҷанин аз бачадони зан хотимаёфта эътироф мешавад, новобаста аз он, ки ҳангоми исқоти ғайриқонунии ҳамл ба саломатии зан ягон зарар расонида шудааст ё не. Чи тавре зикр намудем, ҳангоми исқти ҳамл мумкин аст оқибат хунравӣ, сурохшавии (кафидани) бачадон, осебёбӣ, давомёбии ҳомиладорӣ, сирояти пас аз исқот, қобилияти репродуктивии минбаъда ба миён оянд, аммо ин оқибатҳо нишонаҳои ҳатмии таркиби ҷинояти мазкур эътироф намешаванд. На дар ҳамаи мавридҳои исқоти ҳамл ин оқибатҳо ба миён меоянд:

– дар мавриди гузаронидани исқоти ҳамл хунравӣ ба назар мерасад – 1,5 ҳодиса ба 1000 ҳодисаи исқоти ҳамл. Басомади боз ҳам пасттар дар мавриди гузаронидани исқоти ҳамл дар муҳлатҳои бармаҳали ҳомиладорӣ ба назар мерасад (1,2 ҳодиса ба 1000 ҳодисаи исқоти ҳамл дар муҳлати то 13 ҳафта);

– сӯрохшавии (кафидани) бачадон дар вақти исқот ниҳоят кам ба назар мерасад. Басомад тахминан ба 4 – 5 ҳодиса аз 1000 ҳодисаи исқоти ҳамл баробар аст. Боз ҳам камтари он ҳангоми исқоти ҳамли бармаҳал ва ҳангоми гузаронидани он аз тарафи табиби малакадор ба назар мерасад;

[1] Ҳамин ҷо. - С. 18-19.

– осебҳои гарданаки бачадон: басомад дар лаҳзаи гузаронидани исқоти ҳамл на зиёда аз 1% ташкил медиҳад. Ин фоиз ҳангоми қатъ намудани ҳомиладорӣ дар муҳлати бармаҳал ва аз тарафи табиби малакадор гузаронидашаванда боз ҳам пасттар мебошад;

– ҳомиладории давомёбанда: ҳамаи усулҳои исқоти ҳамл дар семоҳаи аввал бо хавфи қатъи ҳомиладории нобарор алоқаманд мебошад. Дар чунин ҳолатҳо амалиёти такрорӣ зарур аст. Басомад тахминан 2,3 ҳодиса аз 1000 исқоти ҳамл баробар аст;

– сироятҳои пас аз исқоти ҳамл: сирояти узвҳои ҷинсии мураккабии дараҷаҳои гуногун, аз ҷумла илтиҳоби узвҳои косаи хурд зиёда аз 10% ташкил менамояд. Хавф ҳангоми ба таври профилактикӣ таъйин намудани антибиотикҳо ё дар ҳолатҳое, ки сирояти узвҳои ҷинсии беруна бо роҳи бактериологӣ истисно шуда буданд, паст мегардад;

– қобилияти репродуктивии минбаъда: алоқа миёни қатъ намудани ҳомиладорӣ, ки дар шароити бехавф гузаронида шудааст ва бачапартоии минбаъда ё безурриётӣ исбот нагардидааст;

– оқибатҳои руҳӣ: танҳо дар шумораи ками занон пас аз гузаронидани қатъи ҳомиладорӣ парешониҳои руҳии давомнок ба назар мерасад.

Вобаста ба таркиби ҷинояти мазкур дар адабиёт ақидаҳои гуногун иброз гардидаанд. Дар баъзе адабиёт таркиби ҷинояти мазкурро ҳатто моддӣ ҳам эътироф намудаанд[1].

Онҳое, ки таркиби ҷинояти мазкурро расмӣ эътироф менамоянд, онро гуногун шарҳ додаанд. Кругликов Л.Л. ва Загородников Н.И. эътироф менамоянд, ки исқоти ғайриқонунии ҳамл аз лаҳзаи берун омадани ҷанин аз бачадони зан хотимаёфта эътироф мешавад ва ҳамаи ҳаракатҳои то амалӣ шудани он ҳамчун сӯиқасд ба исқоти ғайриқонунии ҳамл эътироф мешаванд[2]. Ин ақидаро олимони соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ, ба монанди Наумов А.В. [3], Хабаров А.В. [4], Гладких В.И. ва Курчеев В.С. [5] низ тасдиқ кардаанд. Дар аввал, Красиков А.Н. зикр менамояд, ки таркиби исқоти ғайриқонунии ҳамл расмӣ буда аз лаҳзаи содир намудани кирдорҳои дахлдор новобаста аз он, ки ҷанин аз бачадони зан берун оварда мешавад ё не[6].

Албатта, таркиби ҷинояти мазкур расмӣ эътироф мешавад, вале ҷиноят аз лаҳзаи берун омадани ҷанин аз бачадони модар хотимаёфта эътироф мешавад, на аз лаҳзаи содир намудани кирдорҳои ба исқоти ҳамл равонагардида. Аз лаҳзаи содир намудани кирдорҳои ба исқоти ҳамл равонагардида ҷинояти мазкур хотимаёфта эътироф намегардад ва кирдори шахс ҳамчун сӯиқасд ба исқоти ғайриқонунии ҳамл бо қ. 3 м. 32 ва қ. 1 м. 123 КҶ ҶТ бандубаст карда мешавад. Ҳамчунин, фикри минбаъдаи Красиков Н.А.-ро ҷонибдорӣ намудан ба мақсад мувофиқ аст, зеро ӯ зикр намудааст, ки “ҷинояти аз лаҳзаи содир намудани исқоти ғайриқонунии ҳамл хотимаёфта эътироф мегардад. Яъне, агар кирдори гунаҳгор новобаста аз иродаи ӯ ба исқоти ҳамл боис нагардида бошад, пас кирдори мазкур ҳамчун ҷинояти нотамом эътироф карда мешавад”[7].

---

[1] Уголовное право: учебник для вузов. Особенная часть / Под. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселова. - М., 1998. - С. 98; Сборник методических материалов по курсу «Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть». - М., 1997. - С. 19.

[2] Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов // под ред. Л.Л. Кругликова. - М., 1999. - С. 89; Загородников, Н.И. Преступления против здоровья. - М., 1969. - С. 128.

[3] Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций. В двух томах. Т. 2. Особенная часть. - М.: Юрид. лит., 2004. - С. 103.

[4] Хабаров, А.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебное пособие и курс лекции для студентов дистанционной формы обучения. Ч. 1. - Тюмень: Изд-во Тюменского Государственного университета, 2005. - С. 127.

[5] Гладких, В.И., Курчеев, В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник // Под общей редакцией д.ю.н., профессора В.И. Гладких. - М.: Новосибирский государственный университет, 2015. - С. 193.

[6] Красиков, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. - Саратов, 1996. - С. 105.

[7] Красиков, А.Н. Асари зикршуда. - С. 86.

Ҳамин тавр, аз муқаррароти диспозитсияи қ. 1 м. 123 КҶ ҶТ бар меояд, ки то искоти ҳамл амалӣ карда нашавад, ҷиноят хотимаёфта эътироф намешавад. Агар диспозитсияи моддаи зикргардида дар чунин тарз мешуд, пас ҷиноят аз лаҳзаи содир намудани кирдорҳои ба искоти ҳамл равонагардида ҷиноят хотимаёфта эътироф карда мешуд: “аз ҷониби шахси дорои таҳсилоти олии тиббии риштаи дахлдор содир намудани кирдорҳое, ки ба искоти ғайриқонунии ҳамл оварда расониданашон мумкин аст”.

Тарзи содир намудани ҷиноят ба бандубасти ҷиноят таъсир намерасонад.

Тарафи субъективии искоти ғайриқонунии ҳамл дар қасди бевосита ифода мегардад, яъне гунаҳгор дарк мекунад, ки ӯ бо кирдорҳои зиддиҳуқуқии худ ҳомиладории зани ҳомиладорро қатъ мекунад ва хоҳони қатъи сунъии ҳомиладории ӯ мебошад.

Субъекти ҷиноят мазкур махсус эътироф мешавад, яъне шахси дорои таҳсилоти олии тиббии риштаи дахлдор. Аз муқаррароти диспозитсияи м. 123 КҶ ҶТ бар меояд, ки на ҳамаи шахсони дорои таҳсилоти олии тиббӣ ба сифати субъекти ин ҷиноят баромад мекунанд, балки риштаи дахлдор, яъне танҳо акушер-гинеколог.

Дар қ. 2 м. 123 КҶ ҶТ ду ҳолати искоти ҳамл ҳамчун ҳолати вазнинкунандаи ҷазои ҷиноятӣ муқаррар гардидааст:

1. Искоти ҳамл аз ҷониби шахсе, ки таҳсилоти олии тиббии риштаи дахлдор надорад, содир шуда бошад;
2. Искоти ҳамл аз ҷониби шахси қаблан барои искоти ғайриқонунии ҳамл судшуда содир шуда бошад.

Якум ҳолати фарқкунандаи қ. 2 м. 123 КҶ ҶТ аз қисми 1-уми он дар аломатҳои субъекти ҷиноят мебошад, яъне искоти ҳамл аз ҷониби шахсе, ки таҳсилоти олии тиббии риштаи дахлдорро надорад. Бо ин қисм на танҳо шахсоне, ки маълумоти олии тиббӣ надоранд, балки дорои маълумоти олии тиббидошта низ ба ҷавогарӣ кашида мешаванд, ки акушер – гинеколог намебошанд. Аз ҷониби шахсони зикргардида искоти ҳамл худ ғайриқонунӣ эътироф мешавад, ба истисно аз ҷой доштани ҳолатҳои муқаррарнамудаи м. 42 КҶ ҶТ – зарурати ниҳоӣ ҳамчун ҳолати истиснокунандаи ҷиноят: барои рафъи хавфи бевосита ба ҳаёт, саломатӣ ва ҳуқуқу манфиатҳои қонунии ин шахс ё шахсони дигар, манфиатҳои ҷомеа ё давлат таҳдидкунанда расонидани зарар ба манфиатҳое, ки ҳамин Кодекс муҳофизат мекунад, агар рафъи ин хавф бо воситаҳои дигар номумкин бошад ҷиноят ҳисоб намешавад, агар зимнан зарурати ниҳоӣ аз ҳад нагузашта бошад.

Субъекти ҷинояти дар қ. 2 м. 123 КҶ ҶТ муқарраргардида умумӣ эътироф мешавад, яъне шахси воқеии мукаллафе, ки ба синни шонздаҳсолагӣ расидааст.

Барои искоти ҳамли худ, зан ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида намешавад. Тибқи қонунгузории ИҶШС солҳои 1936 то 1954 ҳама намудҳои искоти сунъии ҳамл (ғайр аз он ҳолатҳое, ки искоти ҳамл бо нишондодҳои тиббӣ ҳатмӣ эътироф шавад) ҷиноят эътироф мешуданд[1] ва ҳатто агар аз тарафи зан ҳомиладории худаш қатъ карда шавад ҳам, ҷиноят эътироф мешуд. 27-уми июни соли 1936 қарори Комитети Иҷроияи Марказӣ ва Шӯрои Комиссариатҳои Халқии ИҶШС “Оид ба манъ будани искоти ҳамл, баланд бардоштани кумаки моддии таваллудкардагон, муқаррар намудани кумаки давлатӣ ба оилаҳои калон, зиёд кардани таваллудхонаҳо, ясли ва боғчаҳои кӯдакона, пурзӯр кардани ҷазои ҷиноятӣ барои саркашӣ аз пардохти алимент ва баъзе тағйиротҳо оид ба бекор кардани ақди никоҳ”[2] қабул карда шуд, ки тибқи он чи дар беморхонаҳо ва муассисаҳои махсуси муолиҷавӣ ва чи дар хонаи табиб ва дар хонаи худи ҳомиладор искоти ҳамл манъ карда шуд.

[1] Мендельсон, Г.А. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву (в свете Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов»). - М., 1957. - С. 4-5.
[2] СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

Дар баробари ин, ҷавобгарии ҷиноятӣ барои исқоти ҳамл берун аз беморхона ё дар беморхона бо риоя накардани қоидаҳои муқарраргардида, маҷбур кардан барои исқоти ҳамл ва барои худи зани ҳомиладор, муқаррар карда шуд. Барои розигӣ додан ба исқоти ғайриқонунии ҳамл, худи зани ҳомиладор низ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешуд[1].

Натиҷаи чунин ҳолат оқибатҳои нохушро бештар ба миён овард, яъне исқоти ҳамл дар ҷойҳои ғайритиббӣ бештар гардид, ки он хавфи зиёдтари зарар ба ҳаёт ва саломатии зани ҳомиладорро ба миён овард. Бо дарназардошти ин ҳолат, бо Фармони Президиуми Шӯрои Олии ИҶШС “Оид ба манъи ҷавобгарии ҷиноятии занҳои ҳомиладор барои исқоти ҳамл” аз 5-уми августи соли 1954 ҷавобгарии ҷиноятии занҳои ҳомиладор барои исқоти ҳамли худ бекор карда шуд, ки минбаъд занҳои ҳомиладор барои исқоти ҳамли худ ба ҷавогарии ҷиноятӣ кашида намешуданд[2].

Мақсад аз қабули санадҳои мазкур аз мустаҳкам кардани оила буд. Ҳатто, дар солҳои Ҷанги бузурги Ватанӣ, барои мушкилиро ба бор наовардани фарзанди минбаъд таваллудшаванда, бо Қарори Президиуми Шӯрои Олии ИҶШС аз 8-уми июли соли 1944 кӯмаки давлатӣ ба модарони серфарзанд ва модарони танҳо, зиёд карда шуд ва унвонҳои фахрии “Модар - қаҳрамон”, ордени “Материнская слава” ва медали “Медаль за материнство” ҷорӣ гардид[3].

Минбаъд, 23-юми ноябри соли 1955 Фармони Президиуми Шӯрои Олии ИҶШС “Дар бораи бекор кардани манъи исқоти ҳамл” интишор гардид[4].

Дуюм ҳолати фарқкунандаи қ. 2 м. 123 КҶ ҶТ аз қисми 1-уми он дар шахсияти субъекти ҷиноят ифода мегардад. Яъне, исқоти ҳамл аз ҷониби шахси қаблан барои исқоти ғайриқонунии ҳамл судшуда, содир шуда бошад.

Дар қ. 3 м. 123 КҶ ҶТ ду ҳолати исқоти ҳамл ҳамчун ҳолати махсусан вазнинкунандаи ҷазои ҷиноятӣ барои исқоти ғайриқонунии ҳамл муқаррар гардидааст:

3. Ҳаракатҳои дар қ. 1 ё 2 м. 123 КҶ ҶТ пешбинигардида, агар онҳо аз беэҳтиётӣ боиси зарари вазнин ба саломатии ҷабрдида гардида бошанд;

4. Ҳаракатҳои дар қ. 1 ё 2 м. 123 КҶ ҶТ пешбинигардида, агар онҳо аз беэҳтиётӣ боиси марги ҷабрдида гардида бошанд.

Ҳаёт ва саломатӣ дар ин қисм ҳамчун объекти бевоситаи иловагӣ баромад мекунанд. Бинобар ин, мафҳуми объекти ҷинояти дар қ. 1 м. 123 КҶ ҶТ ифодагардида аз мафҳуми объекти ҷинояти дар қисми 3 ҳамин модда зикргардида, тафовут дорад. Ҳамин тавр, объекти ҷинояти мазкур – муносибатҳои ҷамъиятии бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае, ки амнияти ҳаёт ва саломатии шахсро таъмин менамоянд, ташкил медиҳад.

Таркиби ҷинояти мазкур моддӣ мебошад. Он вақт шахс бо қ. 3 м. 123 КҶ ҶТ ба ҷавобгарӣ кашида мешавад, ки агар оқибат дар намуди зарари вазнин ба саломатӣ ё марги ҷабрдида фаро расида бошад.

Марги зани ҳомила мумкин аст ҳангоми исқоти ҳамл ё бевосита пас аз он фаро расад. Муҳим он аст, ки марги ҷабрдида бо исқоти ҳамл дар робитаи сабабӣ бошад.

Агар ҳангоми исқоти ҳамли қонунӣ аз беэҳтиётӣ боиси марги зан ё зарари вазнин ба саломатии ӯ гардида бошад, пас кирдори акушер-гинеколог бо м. 123 КҶ ҶТ бандубаст карда намешавад. Дар чунин маврид ҷавобгарии ҷиноятӣ бо м. 129 КҶ ҶТ фаро расиданаш мумкин аст.

---

[1] Лозанович, Л.А. Незаконное производство аборта: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.А. Лозанович. - Ставрополь, 2004. - С. 118.

[2] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство абортов» от 05 августа 1954 г // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 15. Ст. 334.

[3] Мендельсон, Г.А. Асари зикршуда. - С. 6.

[4] Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов» от 23 ноября 1955 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425.

Тарафи субъективии ҷинояти мазкур бо ду шакли гуноҳ содир карда мешавад: нисбат ба кирдор қасди бевосита; нисбат ба оқибат (марг ё зарари вазнин ба саломатӣ) беэҳтиётӣ дар шакли худбоварӣ ё бепарвоӣ.

ТДУ 342.7

ШИКАНҶА ҲАМЧУН ҶИНОЯТ БА МУҚОБИЛИ ҲУҚУҚ ВА ОЗОДИҲОИ КОНСТИТУТСИОНИИ ИНСОН ВА ШАҲРВАНД

ПЫТКИ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

ҚУВВАТЗОДА ФОТЕҲ ҶУМЪА
Судяи Суди конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Судья Конституционного суда Республики Таджикистан
E-mail: 291079a@mail.ru

«Бо дарназардошти арзиши олии ҳуқуқ ва озодиҳои инсон қатъиян иброз менамоям, ки ҳеҷ як корманди мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар ягон маврид ҳуқуқи истифодаи шиканҷа ва паст задани қадру қимати инсонро надорад»
Эмомалӣ Раҳмон

Ҳуқуқу озодиҳои инсон дастоварди умумии тамаддуни инсонӣ буда, он яке аз масъалаҳои асосии ҳуқуқи конститутсионӣ ва фаъолияти тамоми давлатҳои ҷаҳон ба шумор меравад. Зеро инсон бузургтарин унсури иҷтимоии давлат буда, бо шуур ва фаъолияти худ дар табиат ва ҷамъият нақши муҳим мебозад. Аз ин рӯ дар таърихи зиёда аз 3-ҳазор солаи афкори сиёсиву ҳуқуқӣ ба нақш ва мавқеи инсон, ҳуқуқу озодиҳои ӯ аҳммияти муҳим дода мешавад.

Шиканҷа яке аз зуҳуроти асосии халалдор гардидани ҳуқуқу озодиҳои конститутсионии инсон маҳсуб меёбад. Таърихи тамаддуни башарият шаҳодати он мебошад, ки ҷомеаи инсонӣ дар даврaҳои гуногуни таърихӣ роҳу усулҳои гуногуни муайян намудани ҳолатҳои содиршавии ҷиноятро истифода бурда, далелҳои исботкунандаро бо шаклҳои мухталиф ба даст оварда, адолати судӣ амалӣ гардонида мешуд. Бо ин мақсад, ҷиҳати ошкор намудани ҳолати кор бо гузаронидани ҳаракатҳои гуногуни таҳқиқӣ ва тафтишотӣ, аз ҷумла бо истифодаи шиканҷа, далелҳо ҷамъ оварда мешуд, ки дар ҷараёни он ҳуқуқҳои инсон ба ҳаёт, қадр, номус, дахлнопазирӣ ва дигарҳо вайрон карда мешуданд. Вале чунин таҷрибаи номатлуб бо чорaҳои маҷмӯие ҷорӣ мегардид, ки мардум бо он муросо доштанд ва истифодаи шиканҷаро ҳамчун амали зарурӣ қабул мекарданд.

Вобаста ба муносибатҳои инсон, ҷомеа ва фарматсияҳои иҷтимоӣ, яъне инкишофи шуур ва тафакури инсонӣ доир ба арзиши олӣ доштани инсон ва ҳуқуқу озодиҳои ӯ бахусус ҳуқуқҳои фитрӣ андешаҳо оид ба риоя, эътироф ва ҳифзи онҳо пайваста ташаккул ёфта, рӯшд мекарданд ва оҳиста оҳиста дар санадҳои байналмилалӣ ва дар конститутсияҳои давлатҳои миллӣ мавқеи худро ишғол мекунанд.

Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун узви комилҳуқуқи ҷомеаи ҷаҳонӣ, пас аз қабули Конститутсияи замони соҳибистиқлолӣ ва дар заминаи он бунёд намудани ҷомеаи демокративу ҳуқуқмеҳвар ба муқаддас будани инсон ва ҳуқуқу озодиҳои ӯ аҳмияти аввалиндараҷа дода, онро дар меҳвари арзишҳои конститутсионӣ қарор дод. Ҳамин аст, ки дар моддаи 5-и Конститутсия Ҷумҳурии Тоҷикистон инсон, ҳуқуқ ва озодиҳои ӯ

арзиши олӣ дониста, ҳаёт, қадр, номус ва дигар ҳуқуқҳои фитрии инсон дахлнопазир гардиданд[1].

Ин муқаррарот яке аз асосҳои сохтори конститутсионӣ дониста шуда, нишондиҳандаи муҳимтарини моҳияти демокративу ҳуқуқбунёдии давлат маҳсуб меёбад. Ва дар асоси моддаи 100 Конститутсия он ҳамчун яке аз падидаҳои асосҳои сохтори конститутсионӣ бекорнашаванда ва тағйирнопазир эълон гардидаанд. Аксари ҳуқуқу озодиҳои асоси инсон ва шаҳрванд хислати сарчашмавӣ дошта, бештари онҳо ба шахс аз вақти ба дунё омадан ба вуҷуд омада, тағйирнопазиранд.

Дар баробари эътироф риоя ва ҳифзи ин арзишҳои олӣ уҳдадории муҳими давлат буда, масъулияти таъмини онро ба зимаи мақомоти давлатӣ вогузор менамояд, ба санадҳои меъёрию ҳуқуқӣ ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсонро ҳамчун маҳаки марказӣ ворид намуда, дигар усулу принсипҳоро дар атрофи он мутаҳид *месозад*. Маҷмӯи имкониятҳои амали ҳуқуӣ ба сифати ҳуқуқу озодиҳои инсон эътироф шудаанд, ки бидуни онҳо инсон ҳамчун зуҳуроти иҷтимоӣ, сиёсӣ ва ҳуқуқӣ дар ҷомеа рушду нумуъ ёфта наметавонанд.

Муофиқи моддаи 14 Конститутсия ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ба воситаи Конститутсия, қонунҳои ҷумҳурӣ ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалие, ки аз тарафи Тоҷикистон эътироф шудаанд, ҳифз мегарданд.

Ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд бевосита амалӣ мешаванд. Онҳо мақсад, мазмун ва татбиқи қонунҳо, фаъолияти ҳокимияти қонунгузор, иҷроия, мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ ва худидоракуниро муайян мекунанд ва ба воситаи ҳокимияти судӣ таъмин мегарданд.

Маҳдуд кардани ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд танҳо ба мақсади таъмини ҳуқуқ ва озодии дигарон, тартиботи ҷамъиятӣ, ҳимояи асосҳои сохтори конститутсионӣ, амнияти давлат, мудофиаи мамлакат, ахлоқи ҷомеа, сиҳатии аҳолӣ ва тамомияти арзии ҷумҳурӣ раво дониста мешавад.

Бевосита амалӣ шудани ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандро эътироф намудан мазмуни онро дорад, ки ҳамаи шахсони мансабдор ва мақомоти давлатӣ бояд онҳоро эҳтиром, риоя ва ҳифз кунанд. Фаъолияти онҳо дар ягон маврид набояд ҳуқуқу озодиҳои инсонро халалдор созад ё маҳдуд кунад[2].

Дар баробари ин Конститутсия ва қонунҳо ҳолатҳои истисноиеро пеш- бинӣ ва муайян кардаанд, ки дар сурати мавҷудияти онҳо давлат метавонад ҳуқуқу озодиҳои шахси алоҳида ё гурӯҳи алоҳидаи шаҳрвандонро маҳдуд намояд. Вале дар ҳолатҳои мавҷуд будани асосҳои қонунӣ низ набояд ба суиистеъмол ва худсарӣ роҳ дода шавад.

Шиканҷа ҳамчун муҳимтарин унсури халалдор сохтани ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд проблемаи ҳуқуқи конститутсионӣ ба шумор меравад ва дар кадом давру замон ва давлате, ки набошад, новобаста аз тарзу усулҳои татбиқшавандааш, истифодаи шиканҷа ба ҳуқуқу озодиҳои инсон таҷовуз намуда, амалӣ гардидани адолати судиро зери шубҳа мегузорад. Зеро агар шахсе даст ба қонунвайронкунӣ зада, ҷиноят дуздӣ содир намудаасту минбаъд нисбати ӯ аз тарафи шахси мутасаддии тафтиши ҷиноят талаботи қонун риоя нагардида, шиканҷа, ки дар худ таҳдид, иҷроб, зӯроварӣ ва дигар кирдорҳои ғайриқонуниро таҷассум менамояд, истифода шуда, ҳолати содиршавии ҷиноят муайян карда мешавад, дар ин маврид фарқ байни гумонбари дастгиршуда ва шахси тафтишбаранда намемонад[3].

Бо ин назардошт дар қисми 2-и моддаи 18 Конститутсия омадааст, ки дахлнопазирии шахсро давлат кафолат медиҳад.Ба ҳеҷ кас шиканҷа, ҷазо ва муносибати ғайриинсонӣ раво дида намешавад.

[1] Ниг.: моддаи 5 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: Ганҷ, 2016. – С. 8.
[2] Тафсири илмию омавии Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: Шарқи озод, 2009. – С. 47.
[3] Азиззода, З.Н. Шиканҷа - ҷиноят аст. – Душанбе, 2014. - С. 21.

Бояд қайд намуд, ки ба конститутсия дохил кардани меъёр оид ба манъи шиканҷа, ҷазо ва муносибати ғайриинсонӣ нисбат ба инсон тартиби нави муқаррар намудани меъёр дар ҳуқуқи конститутсионӣ ба ҳисоб меравад ва дар навбати худ қонунгузор ин муқаррароти бунёдиро ҳамчун унсури муҳими принсипи инсодустӣ дар ҳуқуқи ҷиноятӣ низ баррасӣ намудааст. Хулоса, ба ҳама унсур ва заминаҳое, ки шиканҷаро ба вуҷуд меоранд дар Конститутсия роҳ дода нашуда, манъ будани онро пешбинӣ кардааст.

Маврид ба зикри хос аст, ки озодӣ аз шиканҷа орзуи қадимии инсоният буда, он танҳо дар гузаштаи начандон дур бо қабули ҳуҷҷатҳои байналмилалӣ, ки кӯшишҳои ҷомеаи ҷаҳониро бобати на танҳо манъ кардани муносибати бераҳмона, инчунин, таъқиби пуртаъсири ашхоси дар истифодаи шиканҷа айбдоршаванда, ба амал баровардани тадбирҳои пешгирикунандаи ба решакан сохтани шиканҷа нигаронидашуда таҷассум менамоянд, имконпазир гардид.

Чунончи мутобиқи қ. 2 м. 9 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) ҷазо ё чораҳои дигари дорои хусусияти ҳуқуқии ҷиноӣ, ки нисбати шахси ҷиноят содирнамуда истифода мешавад, мақсади озори ҷисмонӣ, таҳқири шаъну эътибори инсонро надорад.

Инчунин дар асоси ин меъёри ҳаволакунандаи Конститутсия қонун ва санадҳои меъёрӣ ҳуқуқии зерин имрӯз мавриди амал қарор дорад, ки муқовимат ба шиканҷаро пешбинӣ кардаанд:

Аз ҷумла, Кодексҳои ҷиноятӣ ва Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон; Кодекси иҷрои ҷазои ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон; Қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷуӣ”, “Дар бораи ҳимояи давлатии иштирокчиёни мурофиаи судии ҷиноятӣ”, “Дар бораи милитсия”, “Дар бораи тартиб ва шароити дар ҳабс нигоҳ доштани гумонбаршуда, айбдоршаванда ва судшаванда”, Қарори Пленуми Суди олии Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи татбиқ намудани меъёрҳои қонунгузории ҷиноятӣ ва мурофиавии ҷиноятӣ оид ба мубориза бар зидди шиканҷа” аз 25-уми июни с. 2012, № 1, инчунин, санадҳои байналмилалие, ки Ҷумҳурии Тоҷикистон ба онҳо ҳамроҳ шудааст ва якчанд дастурамалу протокол ва сандҳои дигар қабул карда шудаанд[1].

Гарчанде дар қонунгузории ҷорӣ таҳти ҷавобгарӣ ва ҷазои ҷиноятӣ қарор доштани кирдорҳои бо шиканҷа ва дигар намудҳои муносибат ва ҷазои бераҳмона, ғайриинсонӣ ё таҳқиркунандаи шаъну шараф алоқамандбуда, пешбинӣ шуда бошанд ҳам, вале баъди вориди кардани тағйиру иловаҳо ба КҶ ҶТ аз 16-уми апрели с. 2012 модаи алоҳидаи 143(1) ворид карда шуд, ки шиканҷаро ба пуррагӣ дар бар мегирад[2].

Моддаи мазкур мафҳуми шиканҷаро дар қасдан расонидани азобу уқубати ҷисмонӣ ва (ё) рӯҳӣ, ки аз ҷониби шахсе, ки таҳқиқ ё тафтишоти пешакӣ мегузаронад ё шахси мансабдори дигар ё бо таҳрики онҳо ё розигии хомӯшонаи онҳо ё бо огоҳӣ доштани онҳо аз ҷониби шахси дигар, бо мақсади аз шахси таҳти шиканҷа қарордошта ё шахси сеюм гирифтани маълумот ё иқроршавӣ ё ҷазо додани ӯ барои ҳаракате, ки содир намудааст ё дар содир намудани он гумонбар шудааст, инчунин тарсонидан ё маҷбур кардани ӯ ё шахси сеюм ё бо сабаби дигаре, ки ба ҳар гуна табъиз (дискриминатсия) асос ёфтааст, содир шудааст-ро пешбинӣ кардааст.

Дар фаъолияти Суди конститутсионӣ аз рӯйи ҳолати мурофиавии субъектони муроҷиат ё дигар иштирокчиёни мурофиаи судии конститутсионӣ бевосита шиканҷа вуҷуд дошта наметавонад, аммо Суди конститутсионӣ ба ин масъала наметавонад бе тафовут бошад.

---

[1] Маҷмуаи қарорҳои пленумҳоии Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон (солҳои 2002-2009). – Душанбе, 2019. – С. 188-195.

[2] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с.1998, № 9, мод.68, мод. 69, № 22, мод. 306; Қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13.11.2023 № 1985, аз 20.06.2024 № 2050, аз 15.04.2025 № 2163

Суди конститутсионӣ дар масъалаи шиканҷа аз рӯи 3-самти фаъолият муносибат дорад:

1. Вобаста ба ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд. Яъне нисбати инсон ва шаҳрванд раво надидани шиканҷа ё тибқи Конститутсия манъ будани шиканҷа дар Ҷумҳурии Тоҷикистон.

2. Вобаста ба волоияти Конститутсия ва қонунияти конститутсионӣ.Яъне тамоми қонун ва дигар санадҳои меъёрӣ ҳуқуқие, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон қабул карда мешаванд, бояд ба Конститутсия мутобиқ бошанд, дар онҳо ягон заминае барои рӯҳ додани шиканҷа вуҷуд надошта бошад.

3. Баамал баровардани салоҳияти Суди конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон.Яъне Суди конститутсионӣ салоҳияти онро дорад, ки дар сурати ба талаботи Конститутсия мувофиқ набудани меъёри қонун ё дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ваё заминаи шиканҷаро ба вуҷуд меорад, онҳоро беэътибор дониста, аз фаъолияти мақомоти давлатӣ мегирад.

Дар таҷрибаи Суди Конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар асоси дархости шаҳрванд Бобоев Ҷ. оид ба шиканҷа Қарори Суди конститутсионӣ аз 15-уми майи соли 2012 қабул карда шудааст[1].

Аз мазмуни қарори зикршуда бармеояд, ки шаҳрванд Бобоев Ҷ., дар парвандаи ҷиноятӣ нисбати кормандони мақомоти таъқиби ҷиноятӣ, ки нисбати фарзандаш шиканҷаро раво дониста, дар натиҷаи шканҷа фарзандаш ба ҳалокат расидааст, ҷабрдида эътироф шудааст, тафтишоти парвандаи ҷиноятии мазкур боздошта шудааст. Номбурда аз Прокуратураи Вилояти Суғд дархост кардааст, ки ӯро ҳамчун намояндаи фавтида аз амалҳои тафтишии гузаронидашуда, маҷмуи далелҳои ҷамъ-овардашуда ва қабули қарор дар бораи боздоштани тафтиши пешакӣ ягон иттилоот надорад, шинос кунанд.

Муроҷиатҳои ӯ дар хусуси пешниҳод намудани маводи парвандаи ҷиноятӣ барои шиносшавӣ аз тарафи мақомоти тафтиш бо назардошти муқаррароти сархати 8 қ. 2 м. 42 КМҶ ҶТ, ки тибқи он «Ҷабрдида, намояндаи қонунӣ ва намояндаи ӯ ҳуқуқ доранд пас аз анҷоми тафтиш бо ҳамаи маводи тафтишот шинос шаванд, аз онҳо ҳама гуна маълумотро ба андозаи гуногун барои худ рӯйнавис кунанд», рад карда шуданд”[2].

Ба андешаи муроҷиаткунанда ва адвокатҳои ваколатдор, сархати 8 қ. 2 м. 42 КМҶ ҶТ, ба ҷабрдидагон, аз ҷумла ба ӯ ҳамчун намояндаи ҷабрдида имконият намедиҳад, ки аз оғози тафтиши пешакӣ то ба анҷом расидани он бо маводи парвандаи ҷиноятӣ шинос шуда, ҳуқуқҳои конститутсионии худро оид ба баробарии ҳама дар назди қонун ва суд ва кафолати ҳифзи судӣ амалӣ намояд ва ин меъёри мурофиавӣ ба моддаҳои 17 ва 21 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мухолиф мебошад.

Бо ин назардошт, номбурда ба Суди конститутсионӣ муроҷиат карда, хоҳиш намудааст, ки дар асоси дархости ӯ мурофиаи судии конститутсионӣ оғоз карда шуда, мутобиқати сархати 8 қ. 2 м. 42 КМҶ ҶТ ба моддаҳои 17 ва 21 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда шавад.

Суди конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон дархости зикргардидаро мавриди баррасӣ қарор дода, ба хулоса омадааст, ки танзими ҳамаҷониба ва фарогири пешбурди мурофиаи судии ҷиноятӣ ва дар ин замина дуруст муайян намудани ҳолати ҳуқуқии иштирокчиёни он, аз ҷумла ҷабрдида, ки ба ӯ аз ҷинояти содиршуда зарари ҷисмонӣ, моддӣ ва маънавӣ расонида шуда, ҳуқуқу манфиатҳояш зери таҳдиди бевоситаи суиқасд ба ҷиноят қарор мегирад, яке аз самтҳои афзалиятноки фаъолияти меъёр эҷодкунии давлат ба шумор меравад.

---

[1] Ахбори Суди конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе, 2012, № 2. – С. 37-43.

[2]Ниг.: Моддаи 42 Кодекси мурофиаи ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3-юми декабри с. 2009, № 564 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз соли 2009, № 12, мод. 815; мод. 816; (Қонуни ҶТ аз 18.03.2022 с., № 1853).

Чунин амали давлат муҳимтарин кафолати таъмини ҳуқуқу ӯҳдадориҳои иштирокчиёни мурофиаи судӣ арзёбӣ гардида, он ба муқаррароти санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ оид ба адолати судӣ, алалхусус ба Эъломияи принсипҳои асосии адолати судӣ барои ҷабрдидаҳо аз ҷиноятҳо ва суистифода аз ҳокимият, ки 29-уми ноябри соли 1985 аз тарафи Ассамблеяи Генералии СММ қабул шудааст, асос ёфтааст.

Тартиби пешбининамудаи сархати 8 қ. 2 м. 42 КМҶ ҶТ, ки мутобиқати он ба моддаҳои 17 ва 21 Конститутсия мавриди баҳси муроҷиаткунанда қарор дода шудааст, бо назардошти хусусияти мурофиаи ҷиноятӣ наметавонад ҳамчун ҳолати маҳдудкунандаи ҳуқуқи ҷабрдида ба гирифтани иттилоот оид ба парвандаи ӯ арзёбӣ гардад. Зеро қонунгузор вобаста ба мавзӯи мурофиаи ҷиноятӣ, яъне баррасии ҷиноят ва ошкор кардани он, инчунин таъмин намудани адолати судӣ, ки қисмати муҳими адолати иҷтимоӣ дар ҷомеа ба шумор меравад, тартибе муқаррар кардааст, ки он бояд барои пурра, объективона ва холисона муайян намудани ҳолатҳои кор, айбдоркунии шахси ба ҷавобгарӣ кашидашуда ва барқарор намудани зарари ба ҷабрдида расонидашуда мусоидат карда тавонад.

Тартиби пешбининамудаи сархати 8 моддаи зикршудаи КМҶ ҶТ, инчунин ба муқаррароти моддаи 25 Конститутсия, ки бо он алоқамандии мантиқӣ ва мавзӯӣ дорад, низ мухолиф нест.

Конститутсия ба ҳар кас имконияти пайдо намудан ва шинос шуданро ба ҳуҷҷатҳое, ки ба ҳуқуқ ва манфиати ӯ дахл доранд, кафолат дода, ҳамзамон нисбати ин ҳуқуқи шаҳрвандон ҳолатҳои истисноӣ низ пешбинӣ менамояд, ки муайян намудани ҳолатҳои мазкурро ба қонун ҳавола кардааст. Марҳилаи тафтиши пешакӣ низ аз ин ҳолати истиноӣ берун буда наметавонад.

Ҳамин тариқ, бо маводи тафтишот пас аз анҷоми тафтиш шинос шудани ҷабрдида – ин манъ ва маҳдуд намудани ҳуқуқи ҷабрдида ба шиносшавӣ бо маводи тафтишот набуда, таъмини баробарҳуқуқии ҷабрдида бо дигар иштирокчиёни мурофиаи ҷиноятӣ мебошад. Он минбаъд асос ва заминаи кафолати ҳифзи судӣ ба шумор меравад, ки тавассути мурофиаи ошкорои судӣ, мубоҳиса ва баробарии тарафҳо сурат мегирад.

Бинобар ин, Суди конститутсионӣ бо назардошти ҳолатҳои дар боло зикршуда, сархати 8 қ. 2 м. 42 КҶ ҶТ-ро ба моддаҳои 17 ва 21 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мутобиқ ҳисобидааст.

Ҳамзамон, Суди конститутсионӣ ба Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешниҳод кардааст, ки дар фаъолияти худ риояи бечуну чарои талаботи моддаи 18 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистонро, ки тибқи он «Ба ҳеҷ кас шиканҷа, ҷазо ва муносибати ғайриинсонӣ раво дида намешавад» таъмин намуда, ҷиҳати ошкор кардани ҷинояти зикршуда ва ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани гунаҳгорон чораҳои дахлдори пешбининамудаи қонунгузориро андешанд.

ТДУ 343.347.2

СИРОЯТ КАРДАН БО КАСАЛИИ ЗӮҲРАВӢ МУТОБИҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

ЗАРАЖЕНИЕ ВЕНЕРИЧЕСКИМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

МАҲИНАИ НУРАЛӢ
Ходими илмии Шуъбаи ташкилӣ-илмӣ ва табъу нашри Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия / Научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Академии МВД Республики Таджикистан, подполковники милиции
e-mail: makhinanurali02@mail.ru

ҶОНОНАИ ЗИКРУЛЛО
Сардори кабинети кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти калони милитсия / Начальник кабинета кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, старший лейтенант милиции

Ҳифзи саломатии инсон ва пешгирии паҳншавиибемориҳо яке аз вазифаҳои муҳими давлатӣ ба ҳисоб меравад. Гувоҳи ин гуфтаҳо Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад, ки дар моддаи 18 «Ҳуқуқ ба ҳаёт» ва моддаи 38 «Ҳуқуқ ба хифзи саломатӣ» мустаҳкам карда шудааст[1].

Ба саломатии инсон пеш аз ҳама бемориҳои сироятӣ таҳдид менамоянд. Чунки ҳеҷ кас аз гирифтор шудан ба ин беморӣ дар амон буда наметавонад. Бинобар ҳамин қонунгузор якчанд намуди бемориҳои сироятиро аз қабили вируси норасоии масунияти одам ва касалиҳои зӯҳравӣ, ки ба ҳаёт ва саломатии инсон хавфи ҷиддӣ ба миён оварда метавонанд, ҳамчун ҷиноят дар Кодекси ҷиноятӣ мустаҳкам кардааст.

Ҷиноятҳои сироятӣ имрӯз як ҳодисаи маъмулӣ боқӣ монда, дар ҷомеаи муосир мушкили ҷиддӣ ба шумор меравад. Усули асосии мубориза бо бемориҳои сироятӣ – ин муқаррар кардани ҷавобгарии ҷиноятӣ барои сироят кардан ба ин намуди бемориҳо маҳсуб меёбад.

Яке аз чунин намуди бемориҳо – бо касалии зӯҳравӣ сироят кардани шахси дигар мебошад, ки ба категорияи ҷиноятҳо бар зидди саломатӣ дохил мешавад.

Ҳануз, ҷавобгарӣ барои сироят кардан бо касалии зӯҳравӣ ҳамчун ҷиноят дар м. 155 Кодекси ҷиноятии ҶШФСР (минбаъд – КҶ ҶШФСР) дар таҳрири соли 1922[2], ки баъд аз барқарор шудани Иттиҳоди Шуравӣ дар ҳудуди Тоҷикистон, сарчашмаи ҳуқуқи ҷиноятии Тоҷикистон ба ҳисоб мерафт, мустаҳкам шуда буд. Моддаи мазкур аз як қисм иборат буда, дар он аломатҳои бандубасткунандаи ҷиноят пешбинӣ нагардида буд. Тибқи диспозитсияи он барои дидаю дониста сироят кардани шахси дигар ба касалии вазнини зӯҳравӣ ҷазо дар намуди маҳрум сохтан аз озодӣ ба мӯҳлати то 3 сол пешбинӣ шуда буд.

Вобаста ба муқаррароти м. 155 КҶ ҶШФСР бояд қайд намуд, ки он дар замони амали худ ҷиҳати пешгирии паҳншавии касалиҳои зӯҳравӣ саҳми арзандаи худро гузоштааст. Тавре, ки муҳаққиқон қайд менамоянд, яке аз зарурати муқаррар кардани

[1] Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри с. 1994 (бо тағйироту иловаҳо). – Душанбе: Ганҷ, 2016. - 134 с.
[2] Кодекси ҷиноятии ҶШФСР аз 1-уми июни с. 1922, № 80, ки аз 8 боб, 227 модда иборат буд.

ҷавобгарии ҷиноятӣ барои кирдори таҳқиқшаванда – ин саркаши намудани баъзе аз шахсони мубталои касалии зӯҳравӣ аз муолиҷаи тиббӣ бо мақсади ифшо нагардидани шахсияти худ маҳсуб меёфт[1].

Қасдона ё беэҳтиётона сирояткунии шахси дигар бо касалии зӯҳравӣ, новобаста аз тарзи сироят ва оқибати ин беморӣ, ҷиноят ҳисоб меёфт. Эҳтимолияти таъқиби ҷиноӣ барои чунин сироят ва ҳолатҳои маҳкумияти воқеӣ барои сироят кардани шахсони дигар бо бемории ҷинсӣ, бешубҳа, аҳаммияти бузурги тарбиявӣ дошт. Илова бар ин, ин меъёри ҳуқуқи ҷиноятӣ метавонист таъсири бевосита даҳшатнокро ба вуҷуд орад, ки ба ин васила шахсони гирифтори ин беморӣ аз тарси ҷавобгарии ҷиноятӣ аз алоқаи ҷинсӣ, ки оқибати сироятёбиро нисбати дигар шахсон ба вуҷуд меовард, худдорӣ мекарданд[2].

Баъд аз тақсимоти миллӣ-марзӣ дар Осиёи Миёна соли 1924 Тоҷикистон ҳамчун Ҷумҳурии Худмухтор ба ҳайати ҶШС Узбекистон ҳамроҳ карда шуд. Дар натиҷа 16 июни соли 1926[3] Кодекси ҷиноятии ҶШС Узбекистон қабул карда шуд, ки аз 1 июли ҳамон сол дар тамоми қалamрави ҶШС Узбекистон ва Тоҷикистон амалӣ карда шуд. Моддаи 199 Кодекси мазкур ба касалии зӯҳравӣ бахшида шуда, аз як қисм иборат буд ва дар қисми дуюм осеби ҷисмонӣ ва зӯроварӣ нисбати шахс дар боби шашум ҷойгир карда шуда буд.

Баъди ба ҳайати ИҶШС ворид гардидани ҶШС Тоҷикистон аввалин Кодекси ҷиноятии ҶШС Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶШС Тоҷикистон), бо Қарори КИМ ҶШС Тоҷикистон аз 9-уми майи соли 1935 қабул гардида, 15-уми июни соли 1935 дар ҳудуди ҷумҳурӣ ба қувваи амал даромад. Кодекси мазкур давраи муҳим дар инкишофи ҳуқуқи ҷиноятӣ дар Тоҷикситон ба ҳисоб меравад.

Қабул намудани аввалин КҶ ҶШС Тоҷикистон дар таърихи қонунгузории ватанӣ аҳаммияти хело бузург дошт. Зеро муносибатҳои ҷамъиятие, ки ба ҷиноят алоқамандӣ доштанд, кодекси мазкур танзим менамуд. Дар Кодекси ҷиноятии қабули соли 1935 сироят кардан бо касалиҳои зӯҳравӣ дар моддаи 188 мустаҳкам карда шуда буд. Моддаи мазкур аз ду қисм иборат буда, дар қисми 1 бо касалии зӯҳравӣ сироят кардани шахси дигар аз ҷониби шахсе, ки мубталои ин беморӣ будани худро медонист, ҷавобгарӣ ба муҳлати то се сол аз озоди маҳрум намудани шахси гунаҳкор пешбинӣ шуда буд. Ин қисми модда ҳамчун дигар кодексҳои ҷиноятии пештар овардашуда бетағйир гузошта шуда буд, қисми 2 бо роҳи алоқаи ҷинсӣ ё дигар ҳаракатҳое, ки метавонист боиси касалии зӯҳравӣ гирифтор шудани шахси дигар гардад, бо корҳои ислоҳӣ ба мӯҳлати то 6 моҳ ҷавобгарӣ муқаррар шуда буд.

25-уми декабри соли 1958 Шурои Олии ИҶШС Асосҳои қонунгузории ҷиноятии Шӯрои ИҶШ ва ҷумҳуриҳои шӯравиро қабул намуд. Пас аз ин, давлатҳои алоҳидаи шӯравӣ ба қабул намудани қонуни миллии ҷиноятии худ шурӯъ намуданд. Дар ин миён ҶШС Тоҷикистон низ истисно набуд.

Тибқи Қонуни ҶШС Тоҷикистон «Дар бораи тасдиқ намудани Кодекси ҷиноятии ҶШС Тоҷикистон» аз 17-уми августи соли 1961 Кодекси навбатии ҷиноятии Тоҷикистон қабул гардид. Мувофиқи қонуни зикргардида бояд КҶ ҶШС Тоҷикистон аз 1-уми

[1] Бурдинская, А.Н. История развития уголовного законодательства советской России об ответственности за заражение венерической болезнью / А.Н. Бурдинская // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013, № 9 (35): в 2-х ч. Ч. II. - С. 45-48. // [Манбаи электроннӣ] - Реҷаи воридшавӣ: www.gramota.net/materials/3/2013/9-2/10.html.

[2] Пионтковский, А.А. Преступления против личности. - М.: Юрид. изд-во, 1938. - С. 36. (136) — (Уголовное право. Особенная часть / Всес. ин-т юрид. наук) // [Манбаи электроннӣ] – Реҷаи воридшавӣ: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005329499.

[3] Постановление Центральной Избирательной Комиссии Советов Узбекской ССР от 16 июня 1926 года, город Самарқанд.

ноябри соли 1961 мавриди амал қарор мегирифт, вале амали он бо қарори Президиуми Шӯрои Олии ҶШС Тоҷикистон ба 1-уми декабри соли 1961 гузаронида шуд[1].

Дар асоси омӯзиши меъёрҳои КҶ ҶШС Тоҷикистон аз соли 1961, чунин муайян карда шуд, ки дар он моддаи 118 сироят кардан ба касалиҳои зӯҳравӣ номгузорӣ карда шуда, аз як қисм бо касалии зӯҳравӣ сироят кардани шахси дигар аз ҷониби шахсе, ки мубталои ин беморӣ будани худро медонист, иборат буд. Дар моддаи мазкур ду намуди ҷазо аз озодӣ маҳрум намудан ба мӯҳлати то се сол ё корҳои ислоҳӣ ба мӯҳлати то як сол муқаррар гардида буд. Яъне, агар дар кодексҳои дар боло овардашуда дар қисми 2 барои бо роҳи алоқаи ҷинсӣ ё дигар харакатҳое, ки метавонист боиси ба касалии зӯҳравӣ гирифтор шудани шахси дигар гардад, бо корҳои ислоҳӣ ба муҳлати то 6 моҳ ҷавобгарӣ пешбини шуда буд, дар кодекси мазкур бошад, корҳои ислоҳӣ аз 6 моҳ ба як сол гузаронида шуда, барои як кирдор ду намуди ҷавобгарӣ ҳам аз озодӣ маҳрум ва ҳам корҳои ислоҳӣ пешбинӣ шуда буд.

Таҳлил ва муқоиса намудани тағйироти баъдинаи КҶ ҶШС Тоҷикистон (дар таҳрири 1-уми сентябри соли 1980) нишон дод, ки вобаста ба мавзуи таҳқиқшаванда дар меъёрҳои он тағйироти назаррас ба вуҷуд омадааст. Аз ҷумла, моддаи 118, ки ба сироят кардан ба касалии зӯҳравӣ бахшида шуда буд, чунин номгузорӣ карда шуд «Сироят кардани шахси дигар ба касалии зӯҳравӣ ва саркашӣ намудан аз табобати касалии зӯҳравӣ». Моддаи мазкур аз 4 қисм иборат буда, қисми 1 бо касалии зӯҳравӣ сироят кардани шахси дигар аз ҷониби шахсе, ки мубталои ин беморӣ будани худро медонист, аз озодӣ маҳрум сохтан ба муҳлати то се сол ё корҳои ислоҳӣ ба муҳлати то як сол ҷавобгарӣ пешбинӣ шуда буд.

Қисми 2 дидаю дониста таҳти хавфи сироят шудан ба касалии зӯҳравӣ гузоштани шахси дигар бо роҳи алоқаи ҷинсӣ ё дигар ҳаракатҳо, ҷавобгарӣ дар намуди маҳрум сохтан аз озодӣ ба муҳлати то ду сол, ё корҳои ислоҳӣ ба муҳлати то як сол ё ҷарима ба андозаи 100 (сад) рубл муайян шуда буд. Қисми 3 моддаи мазкур ҳаракатҳои дар қисми 1 пешбинигардидаи моддаи мазкур, аз ҷониби шахсе, ки пештар барои ҷинояти сироят кардан ба касалии зӯҳравӣ маҳкум шуда буд, инчунин сироят кардани ду ва зиёда шахсон, ё шахси ноболиғ, маҳрум сохтан аз озодӣ ба муҳлати то панҷ сол таъин гардида буд. Қисми 4 моддаи номбурда саркаши кардан аз табобати касалиҳои зӯҳравӣ, баъд аз огоҳии мақомоти тандурустӣ, бо маҳрум сохтан аз озодӣ ба муҳлати то ду сол, ё корҳои ислоҳӣ ба муҳлати то як сол, ё ҷарима ба андозаи 100 (сад) рубл муқаррар гардида буд.

Баъд аз ба даст овардани Истиқлоли давлатӣ Тоҷикистонро зарур буд, ки кодекси ҷиноятии худро ба талаботи замон ҷавобгу намуда, онро мутобиқ ба давлати соҳибихтиёр, демократӣ, дунявӣ ва ягона мустаҳкам намояд. Дар натиҷа, 1-уми майи соли 1998 аз ҷониби мақомоти қонунгузории кишвар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон) дар таҳрири нав қабул карда шуд[2]. Ҷавобгарӣ барои сироят кардан бо касалии зӯҳравӣ дар м. 126 КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон мустаҳкам гардида, аз ду қисм иборат мебошад. Дар қисми 1 барои бо касалии зӯҳравӣ сироят кардани шахси дигар аз ҷониби шахсе, ки мубталои ин беморӣ будани худро медонист, бо ҷарима ба андозаи аз дусад то панҷсад нишондиҳанда барои ҳисобҳо ё корҳои ислоҳӣ меҳнатӣ ба мӯҳлати аз як то ду сол ҷазо дода мешавад.

Дар қисми 2 бошад, ҳамин кирдор нисбати ду ва зиёда шахсон, нисбати шахси баръало ноболиғ содир шуда бошад, бо ҷарима ба андозаи аз панҷсад то ҳафтсад нишондиҳанда барои ҳисобҳо ё маҳрум сохтан аз озодӣ ба муҳлати то ду сол ҷазо муқаррар шудааст.

[1] Нарзуллозода, С.С. Ҷавобгарии ҷиноятӣ барои вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаҳои нақлиёт: дис. … н. и. ҳуқуқ: 12.00.08 / С.С. Нарзуллозода. – Душанбе, 2021. – 216 с.

[2] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с. 1998, № 9, мод. 68, мод. 69, № 22, мод. 306; с. 1999, № 12, мод. 316…; Қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13.11.2023, № 1985, аз 20.06.2024, № 2050, аз 15.04.2025, № 2163.

.

Бояд қайд намуд, ки аз вақти дар Кодекси ҷиноятӣ ҳамчун ҷиноят мустаҳкам гардидани ҷавобгарии ҷиноятии сирорят кардан бо касалиҳои зӯҳравӣ тағйироти назаррасро аз сар гузаронидааст. Дар кодекси ҷиноятии қаблан овардашуда ин намуди ҷавобгарӣ аз озодӣ маҳрум сохтан ба муҳлати то панҷ сол муқаррар шуда буд, ҳоло бошад ин муқаррарот сабуктар карда шуда, муҳлати ҷазо то ду сол маҳрум сохтан аз озодӣ пешбинӣ карда шуд.

Сирорят кардан бо касалии зӯҳравӣ аз ҷониби шахсе, ки мубталои ин беморӣ аст бо роҳҳои гуногун ба вуҷуд меояд, ки ин ҷиноятро афзоиш медиҳад.

Объекти ҷинояти сирорят кардан бо касалии зӯҳравиро муносибатҳои ҷамъиятие, ки ҳифзи саломатии шаҳрвандонро таъмин мекунанд ва бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифз карда мешаванд, ташкил медиҳад. Дар ин ҷо маълум мешавад, ки объекти умумӣ ва намудии ҷиноятҳои сирорят кардан бо касалиҳои зӯҳравӣ ва сирорят кардан бо вируси норасоии масунияти одам шабеҳи якдигаранд. Дар вақти содир намудани ин ҷиноят ба саломатии шахс зарар расонида мешавад ва дилхоҳ шахси ҷисмонӣ метавонад қурбони ин ҷиноят бошад. Объекти бевоситаи сирорят кардан бо касалиҳои зӯҳравӣ саломатии шахс баромад мекунад.

Дар таркиби таҳлилшуда тарафи объективии ҷиноят дар шакли ҳаракат ва беҳаракатӣ зоҳир мегардад. Ин амал боиси интиқол додани сирояти хатаркнок ба бадани одам мегардад, ки оқибат ба сироятёбӣ ба касалии зӯҳравӣ, ки метавонад ба воситаи алоқаи ҷинсӣ ё тавассути муошират муқаррарӣ (вайрон кардани қоидаҳои санитарию гигиенӣ, аз тамоси хун ба хуни сироятшуда) оварда мерасонад. Дар асарҳои илмии тиббӣ мо дида метавонем, ки касалии зӯҳравӣ, хамчун бемории сироятӣ аз шахси сироятёфта ба шахси солим бештари вақт тавассути алоқаи ҷинсӣ мегузарад[1].

Барои бандубасти ин ҷиноят роҳҳои сирорят ёфтан бо касалии зӯҳравӣ нақши муҳим намебозад. Таркиби ҷинояти м. 126 КҶ ҶТ моддӣ буда, ҷиноят ҳамон вақт хотима ёфта ҳисоб мешавад, ки оқибати ҷиноят ба амал ояд, яъне агар ҷабрдида ба касалии зӯҳравӣ гирифтор шавад. Лекин агар субъекти ҷиноят мақсади сирорят карданро дошт, лекин ба кадом сабабҳо шахс сирорят наёфт, мо метавонем онро ҳамчун суиқасд ба сирорят кардан банду баст намоем. Инчунин аз қисми 1 моддаи мазкур бармеояд, ки ҷавобгари он вақт метавонад ба вуҷуд ояд, агар шахси айбдоршаванда оиди сирорят буданаш ба касалии зӯҳравӣ дарак дошта бошад. Яъне ин маънои онро дорад, ки агар шахси сироятёфта дар асл сирорят буданашро намедонист ё инро дидаю дониста инкор менамояд, исботи ҷиноят душвор мегардад. Танҳо дар сурате, ки шахси айбдоршаванда ягон ҳуҷҷати тасдиққунандаи бо касалии зӯҳравӣ сирорят буданашро дошта бошад ё зери назорати муассисаҳои тиббӣ қарор дорад метавон гунаҳкории ӯро дар кирдораш тасдиқ намуд.

Субъекти ҷинояти мазкур шахси воқеии мукаллафи ба синни 16 сола расида, дорои касалии зӯҳравие ба ҳисоб меравад, ки дар вақти ҷиноят ба чунин беморӣ сирорят будани худро медонист.

Тарафи субъективии ҷиноятро гуноҳ дар шакли ҳам қасд ва ҳам беэҳтиётии худбоварона ташкил медиҳад[2].

Ин кирдори ҷинояткорона бисёртар бо қасди бевосита содир мешавад. Яъне шахс оид ба касалии зӯҳравӣ сирорят буданаш огоҳ аст ва медонад, ки ҳангоми бо шахси солим дар алоқаи ҷинсӣ қарор доштан метавонад ӯро сирорят намояд ва фаро рсидани чунин оқибатро мехоҳад.

[1] Кувшинова, В.С. Проблемы практики применения статей 121, 122 УК РФ / В.С. Кувшинова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – №. 7-2. – С. 127 // [Манбаи электронӣ] - Реҷаи воридшавӣ: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-praktiki-primeneniya-statey-121-122-uk-rf (санаи мурочиат: 16.03.2026 с.).

[2] Ҳусейнзода, С.Ҳ., Нажбудинов ,М.А., Ҳикматзода, Ҷ.У. Ҷиноятҳо ба муқобили саломатӣ: дастури таълимӣ. – Душанбе: «Эр-граф», 2017. – 364 с.

Кирдори ҷиноятқорона ҳамон вақт аз беэҳтёти содир шуда метавонад, ки шахси бо касалии зӯҳравӣ гирифтор ба худтабобаткунӣ машғул шуда умедвор аст, ки табобат ёфтааст ё гумон мебарад, ки хулосаи тибби нисбат ба сироят шуданаш хато дода шудааст ва умедвор аст, ки аз оқибати кирдори ӯ шахси дигар сироят намешавад.

Қисми 2 моддаи 126 КҶ ҶТ сироят кардани ду ва зиёда шахсон аз ҷониби як шахси бо касалии зӯҳравӣ сироятбуда пешбинӣ гардидааст. Дар ин ҷо бо кадом роҳҳо сироят шудани дигар шахсон ба бандубасти ҷиноят таъсир намерасонад, фақат шумораи шахсони аз ҷониби гунаҳкор ба касалии зӯҳравӣ сироят шудаанд, муайян карданашон зарур мебошад, чунки роҳи сироят ёфтан ба банду басти ҷиноят таъсир намерасонад. Инчунин қисми 2 боз як асоси дигар – бо касалии зӯҳравӣ сироят кардани шахси баръало ноболиғро пешбинӣ менамояд. Яъне, шахси гунаҳкор бояд донад, ки шахс баръало ноболиғ аст. Агар шахс оид ба ноболиғ будани ҷабрдида намедонист ё оиди синну соли ӯ шубҳа мебурд, кирдори ҷиноятии мазкур бо қисми 2 моддаи мазкур бандубаст карда намешавад.

Ҳамин тариқ, бо таҳлили ҷиноятҳои марбут ба паҳншавии бемориҳои сироятӣ, қайд кардан ба маврид аст, ки ҳангоми тасниф кардани амал дар доираи ин таркиб, бояд дар хотир дошт, ки кирдори ҷиноятии сироят кардан ба касалии зӯҳравӣ ҳамчун амали аз беэҳтиётӣ ё қасдан хатарноки иҷтимоӣ, ки ба саломатии аҳолӣ ва амнияти давлатӣ зарар мерасонад, фаҳмида мешавад. Назари қонунгузор оиди дар боби 16 («Ҷиноятҳо ба муқобили ҳаёт ва саломатӣ») ҷойгир кардани кирдори ҷиноятқорона боиси дастгирист, зеро объекти асосии ҷинояти мазкур саломатии шахс ва таҳдидиди хатар ба ҳаёти ӯ баромад мекунад. Инчунин, қонунгузорро мебоист, ки барои боз ҳам беҳтар кардани мубориза бо касалиҳои зӯҳравӣ санади меъёрии ҳуқуқии алоҳида оиди мушаххас намудани намуди касалиҳои зӯҳравӣ қабул намояд ва барои решакан кардани ин кирдори ҷиноятқорона сиёсати ҳуқуқи ҷиноятиро пурзур намояд.

ТДУ 343.624

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲО ОИД БА ТАВСИФИ ҲУҚУҚИИ ҶИНОЯТӢ ОИД БА ЁРӢ НАРАСОНИДАН БА БЕМОР ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ О НЕОКАЗАНИИ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ В СООТВЕТСТВИИ С УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

МАҲМУДЗОДА БОБОҶОН НУРАЛӢ
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, лейтенант милиции
E-mail: bobojon202@mail.ru

ҶАМШЕДЗОДА УМАР ҶАМШЕД
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, лейтенант милиции
E-mail: safarzodaumar@icloud.com

Ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ёрӣ нарасонидан ба бемор дар моддаи 128 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) пешбинӣ шудааст. Диспозитсияи

моддаи мазкур аз ду қисм иборат буда, фарқияти байни қисмҳои якум ва дуюми он аз нуқтаи назари бандубасти ҳуқуқӣ, қабл аз ҳама, дар хусусият ва вазнинии оқибатҳои аз ҷиноят фарорасида таҷассум меёбад.

Тибқи муқаррароти диспозитсияи м. 128 КҶ ҶТ, бидуни сабабҳои узрнок ёрӣ нарасондан ба бемор аз ҷониби шахсе, ки вазифадор буд мутобиқи қонун ё қоидаҳои махсус ёрӣ расонад ва он аз беэҳтиётӣ боиси ба саломатии бемор расонидани зарари миёна (қисми 1), вазнин ё боиси марги бемор (қисми 2) гардидааст, ҷавобгарии ҷиноятиро барои ёрӣ нарасонидан ба бемор ба миён меорад.

Бояд гуфт, ки Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон дар моддаи 137 ҷавобгарии ҷиноятиро барои ёрӣ нарасонидан ба шахси бемор муқаррар намуда буд ва дар он, ҷой надоштани худи ҳолати ёрӣ нарасонидан ба бемор ҷавобгарии ҷиноятиро ба миён меовард, - новобаста аз он, ки оқибат фаро мерасид ё не.

Диспозитсияи м. 128 КҶ ҶТ дорои хусусияти бланкетӣ буда, бо мақсади муайян намудани асосҳои ҷавобгарӣ ба санадҳои меъёрии ҳуқуқие ҳавола менамояд, ки уҳдадории касбии субъектони махсусро ҷиҳати расонидани ёрии тиббӣ муқаррар кардаанд. Ин ҳолат тақозо менамояд, ки ҳангоми бандубасти кирдор қоидаву дастурамалҳои соҳавии соҳаи тандурустӣ, ки тартиби расонидани ёриро танзим мекунанд, ба инобат гирифта шаванд.

Дар м. 38 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар гардидааст, ки ҳар шахс ҳуқуқи ҳифзи саломатӣ дорад[1]. Дар баробари ин, Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи милитсия”, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи хадамоти садамавию наҷотдиҳӣ, сохторҳои садамавию наҷотдиҳӣ ва вазъи ҳуқуқии наҷотдиҳандагон” ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқии дахлдори Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳифзи саломатии шахсро кафолат додаанд.

Объекти бевоситаи ёрӣ нарасонидан ба бемор муносибатҳои ҷамъиятии бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае, ки амнияти ҳаёт ва саломатии шахсро таъмин менамоянд, ташкил медиҳад.

Ҷабрдидаи ҷинояти мазкур дилхоҳ шахсе эътироф мешавад, ки дар ҳолати беморӣ қарор дорад ва ҳамчунин, эҳтиёҷ ба кӯмаки тиббӣ дорад. Дар натиҷаи содир гардидани ҷинояти мазкур, ҳуқуқи шаҳрвандон ҷиҳати ҳифзи саломатии онҳо, ки бо Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ доир ба ҳифзи саломатии аҳолӣ, муқаррар гардидааст. Дар сурати муроҷиати шахс ба корманди тиб ҷиҳати ҷарроҳии косметикӣ, ӯ ҳамчун ҷабрдидаи ҷинояти ёрӣ нарасонидан ба бемор эътироф намешавад ва радди ҷарроҳии чунин шахсон ҷиноят эътироф намешавад[2].

Тарафи объективии ёрӣ нарасонидан ба бемор аз чунин нишонаҳо иборат мебошад: Кидор дар шакли танҳо беҳаракатӣ ифода мегардад; Оқибат дар намуди зарари миёна ба саломатӣ (дар қ. 1 м. 128 КҶ ҶТ), вазнин ба саломатӣ ё маргӣ ҷабрдида (дар қ. 2 м. 128 КҶ ҶТ); Робитаи сабабии байни кирдор ва оқибати фарорасида.

Беҳаракатии кирдор дар ёрӣ нарасондан ба бемор аз ҷониби шахсе, ки вазифадор буд мутобиқи қонун ё қоидаҳои махсус ёрӣ расонад, ифода мегардад. Дар баробари ин, бояд муайян карда шавад, ки гунаҳгор имконияти воқеии ҳаракат карданро дошт ва ягон сабабҳои узрнок ҷиҳати монеаи ҳаракат кардани ӯ ҷой надошт. Мисол, мусофирзане дар фурудгоҳ интизори ҳавопаймо буд, ки ногоҳ дар тарафи чапи синааш дардро эҳсос карда, дарҳол назди қисми тиббии фурӯдгоҳ меравад, то ки бо хобонидан ба ӯ ёрии тиббӣ расонанд.

[1] Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри с. 1994 (26-уми сентябри с. 1999, 22-юми июни с. 2003 ва 22-юми майи с. 2016 бо тариқи раъйпурсии умумихалқӣ ба он тағйиру иловаҳо ворид карда шудаанд) // [Манбаи электронӣ] – Реҷаи воридшавӣ: https://www.mfa.tj/tg/main/tojikiston/konstitutsiya

[2] Мамонтов, Д.Ю. Объективные признаки неоказания помощи больному / Д.Ю. Мамонтов // Бизнес в законе. - 2008. - № 3. - С. 65.

Духтурони қисми тиббии фурӯдгоҳ беморро муоина накарда, чунин ҷавоб медиҳад: “бо ҷойи хоб таъмин кардани ҳар шахсе, ки бо ин ё он дарде мурочиат мекунад, - кори духтурони мо нест”. Занак дар ҳолати бемориаш ба назди ҷомадонаш рафта аз дарди тарафи чапи қафаси синааш нолиш мекард, ки дар ҳамин ҳолат духтуре бо номи И. аз бемории мусофирзан воқиф гардида, аз духтурони қисми тиббии фурӯдгоҳ хоҳиши кӯмак карданро хост, аммо ҳам духтури навбатдор ва ҳам ҳамшираи шавқат дар ҷавоб гуфтанд, ки “ин вазифаи мо нест”. И. мехост худаш беморро ба қисми тиббӣ барад, аммо мусофирзани бемор аз ҷояш хеста наметавонист: ҳар як ҳаракат дарди ӯро бештар мекард. И. такроран ба қисми тиббии фурӯдгоҳ омада дархости оҷилии даъвати ёрии таъҷилиро хостор шуд, ки дар ҷавоб духтурон гуфтанд, ки “агар боз як маротиба фаъолияти муътадили онҳоро халалдор созад, ба милитсия хабар медиҳанд”. Духтур И. худ ба ёрии таъҷилии наздиктарини шаҳр мурочиат кард, аммо онҳо дар ҷавоб гуфтанд, ки “танҳо бо даъвати духтурони қисми тиббии фурӯдгоҳ ҳозир хоҳанд шуд”. Танҳо баъди марги мусофирзан духтурони қисми тиббии фурӯдгоҳ баромада марги ӯро ба қайд гирифтанд[1]. Дар чунин маврид, кормандони қисми тиббии фурудгоҳ ва ёрии таъҷилӣ бо қ. 2 м. 128 КҶ ҶТ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешаванд.

Агар шахси вазифадор бинобар сабабҳои аз ӯ вобастанабуда (объективӣ ё узрнок) имконияти ба бемор ёрии тиббӣ расониданро надошта бошад, пас дар кирдори чунин шахс таркиби ҷиноят ҷой надорад. Мисол, шахсе, ки тибқи қонун ё қоидаҳои махсус ҷиҳати ёрӣ расонидан ба бемор вазифадор аст, бинобар зиёд будани беморон ва танҳо будани ӯ, имконияти ёрӣ расонидан ба бемори понздаҳум ё бистумро надошт, ки дар натиҷа бемор ҳалок мегардад. Дар чунин маврид, агар ба бемори понздаҳум ё бистум ёрӣ расонад, пас дигар бемороне, ки ба онҳо дар аввал ёрӣ расонид, ҳалок мегарданд.

Аз рӯйи ҳолатҳои муқаррароти қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон, назария ва таҷриба чунин шаклҳои беҳаракатиро дар ёрӣ нарасонидан ба бемор номбар кардан мумкин аст: ҳозир нашудан ба назди бемор тибқи даъват; қабул накардани бемор ба муассисаи тиббӣ; муоина ва ташхис накардани бемор; надодани машварат ба бемор; надодани нафаси сунъӣ ба бемор; надодани ёрӣ ҷиҳати қатъи хунравӣ ё бастани ҷароҳати аъзои бадани бемор ва ғайра.

Аз гуфтаҳои боло маълум мегардад, ки дар чунин мавридҳо беҳаракатӣ хусусияти сазовори ҷазо буданро доро мегардад: вазифадор (тибқи қонун ё қоидаҳои махсус) будани шахс ҷиҳати ёрӣ расонидан ба бемор; ҷой доштани имконияти воқеӣ ҷиҳати ёрӣ расонидан ба бемор; худдорӣ намудани шахс аз ёрӣ расонидан ба бемор, новобаста аз он, ки ӯ тибқи қонун ё қоидаҳои махсус барои ин ёрӣ вазифадор буд ва имконияти воқеии ёрӣ расониданро дошт.

Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар моддаи 43 ҳолатҳое муқаррар намудааст, ки ҳуқуқи шаҳрвандон барои даст кашидан аз муоина ва табиб низ муайян намудаанд. Тибқи муқаррароти ин модда, шаҳрвандон (намояндагони қонунии онҳо) ҳақ доранд, дар ҳар марҳила аз муоина ва табобат, ба истиснои занони ҳомила ва ноболиғон, ҳамчунин беморҳое, ки номгӯйи онҳоро Кодекси зикргардида муқаррар менамояд, даст кашанд. Дар чунин маврид, вазифадорӣ ҷиҳати ёрӣ расонидан ба бемор истисно карда мешавад ва шахс барои ёрӣ нарасонидан ба бемор тибқи м. 128 КҶ ҶТ ба ҷавобгарӣ кашида намешавад.

Ҳамчунин, тибқи талаботи қисми якуми м. 186 Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон табобат мумкин аст бе розигии шахси гирифтори бемории руҳӣ ё намояндаи қонунии ӯ танҳо ҳангоми истифодаи чораҳои маҷбурии дорои хусусияти тиббӣ бо қарори суд, инчунин шахсе, ки гирифтори бемории возеҳи руҳӣ гардида, қобилияти қарори бошуурона қабул карданро аз даст додааст ва бинобар ҳолати руҳӣ

[1] Шарифзода, Ф.Р., Насуриён, П.А., Назарзода, Н.Ҷ., Ҳусейнзода, С.Ҳ. Ҷиноятҳо ба муқобили ҳаёт ва саломатӣ: воситаи таълимӣ. – Душанбе: «ЭР-граф», 2024. – С. 231-232.

барои худ ва атрофиён хавфнок аст, ё шахсе, ки бо табобат ва ёрии тиббии руҳӣ фаро нагирифтани он боиси хатар ба саломатии ӯ ва расонидани зарари ҷиддии маънавӣ ва моддӣ ба атрофиён мегардад, бо қарори табиби бемориҳои равонӣ бе розигии бемор ва намояндаи қонунии вай, гузаронида шавад[1]. Дар ин сурат, ёрӣ нарасонидан ба бемор ҷавобгарии ҷиноятиро бо м. 128 КҶ ҶТ ба миён меорад.

Таркиби ҷинояти мазкур моддӣ буда, аз лаҳзае хотимаёфта эътироф мегардад, ки агар дар натиҷаи ёрӣ нарасонидан ба бемор, аз беэҳтиётӣ боиси зарари миёна (дар қ. 1 м. 128 КҶ ҶТ) ё вазнин ба саломатӣ ё маргӣ ӯ (дар қ. 2 м. 128 КҶ ҶТ) гардида бошад.

Тарафи субъективии ёрӣ нарасонидан ба бемор, дар ду шакли гуноҳ ифода мегардад: Нисбат ба кирдори ёрӣ нарасонидан ба бемор – гуноҳ дар шакли қасди бевосита. Гунаҳгор дарк мекунад, ки бемор ба кӯмаки тиббӣ эҳтиёҷ дорад ва хоҳони ёрӣ нарасонидан ба ӯ мебошад. Нисбат ба оқибати ёрӣ нарасонидан ба бемор – гуноҳ дар шакли беэҳтиётии худбоварӣ ё беэҳтиётии бепарвоӣ. Худбоварӣ: гунаҳгор имконияти фаро расидани оқибатҳои ёрӣ нарасонидан ба беморро дар намуди зарари миёна ё вазнин ба саломатӣ ё марги ҷабрдида пешбинӣ карда, вале бе асосҳои ба он кофӣ, худбоварона ҳисоб карда бошад, ки он оқибатҳоро бартараф мекунад. Бепарвоӣ: гунаҳгор имконияти фаро расидани оқибатҳои ёрӣ нарасонидан ба беморро дар намуди зарари миёна ё вазнин ба саломатӣ ё марги ҷабрдида пешбинӣ накарда бошад, ҳол он, ки дар сурати бодиққатӣ ва дурандешии зарурӣ мебоист ва метавонист ин оқибатҳоро пешбинӣ кунад.

Агар, қасди гунаҳгор барои фаро расидани ин ё он оқибат ҷой дошта бошад, пас кирдори ӯ на бо м. 128 КҶ ҶТ, балки аз рӯйи оқибати қасди доштааш бо м.м. 104, 110 ё 111 КҶ ҶТ бандубаст карда мешавад.

Субъекти ёрӣ нарасонидан ба бемор махсус эътироф мегардад: шахси воқеии мукаллафи ба синни шонздаҳсолагӣ расидаест, ки тибқи қонун ва қоидаҳои махсус бояд ба бемор ёрӣ расонад. Субъекти асосии ҷинояти мазкур кормандони тиб эътироф мешаванд. Барои он субъекти асосии ёрӣ расонидан ба бемор кормандони соҳаи тиб эътироф мегарданд, ки он вазифаи касбии онҳо мебошад. Кормандони соҳаи тиб, ки хусусияти ёридиҳанда мебошанд, субъекти ин ҷиноят эътироф намешаванд: посбони беморхона; шахсе, ки беморонро ба қайд мегирад; фарроши беморхона ва ғайраҳо[2].

Дар баъзе ҳолатҳо, ёрӣ расонидан ба бемор ба вазифаҳои бо қонун муқарраркардаи кормандони милитсия ва наҷотдиҳандагон низ ба ҳисоб меравад. Ин маънои онро надорад, ки ҳамчун касби тиббӣ ёрӣ мерасонанд, балки дар доираи муқарраркардаи қонун бояд ёрӣ расонанд.

Барои ба фаъолияти тиббӣ ва фармасевтӣ машғул шудан дар Ҷумҳурии Тоҷикистон шахсоне ҳуқуқ доранд, ки маълумоти олии тиббӣ ё миёнаи тиббӣ ва фармасевтӣ гирифта, диплом ва унвони махсус доранд ва барои машғул шудан бо намуди муайяни фаъолияте, ки феҳристи онҳоро Вазорати тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар менамояд, инчунин сертификати мутахассис ва иҷозатнома доранд.

Шахсоне, ки муассисаи таълимии тиббии Ҷумҳурии Тоҷикистонро хатм намуда, дипломи табибиро гирифтаанд, савганди табиби Ҷумҳурии Тоҷикистонро ёд мекунанд. Матни савганди табиби Ҷумҳурии Тоҷикистон дар м. 63 Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон сабт гардидааст ва он чунин аст:

«Ман, хатмкунандаи муассисаи таълимии таҳсилоти олии касбии тиббии Ҷумҳурии Тоҷикистон, бо масъулияти баланд дипломи табибро гирифта, ба фаъолияти табибӣ шурӯъ менамоям ва тамоми уҳдадориҳоеро, ки ин ихтисос ба зиммаи ман мегузорад, дарк намуда, савганд қабул мекунам, ки:

– вориси сазовори олим ва табиби бузург Абӯалӣ ибни Сино бошам;

[1] Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 30-юми майи с. 2017, № 1413.
[2] Шарифзода, Ф.Р., Насуриён, П.А., Назарзода, Н.Ҷ., Ҳусейнзода С.Ҳ. Асари зикршуда. – С. 235.

– тамоми донишу қувваамро ба ҳифз ва беҳтар кардани саломатии инсон, пешгирӣ ва табобати бемориҳо бахшам, дар ҳар ҷое, ки манфиатҳои одамон тақозо дорад, софдилона меҳнат кунам;

– барои кумак ба одамони муҳтоҷи табобат ҳамеша тайёр бошам, ба беморон бодиққат ва ғамхорона муносибат намоям, сирри табибиро муқаддас нигоҳ дорам ва маҳорати табибиро ба мақсади бад истифода набарам;

– дониши тиббии худро мунтазам такмил диҳам, бо меҳнати худ ба инкишофи илму амалия мусоидат намоям;

– агар манфиати бемор тақозо кунад, барои маслиҳат ба ҳамкорон муроҷиат намоям ва худ низ ҳеҷ вақт маслиҳату кумакамро ба онҳо дареғ надорам;

– анъанаҳои тибби халқиро ҳифз кунам ва инкишоф диҳам, дар тамоми фаъолияти худ аз рӯйи меъёрҳои ахлоқи умумибашарӣ амал кунам, вазифаи олии ворисони Синоро ҳамеша дар хотир нигоҳ дорам;

– қавл медиҳам, ки ба ин савганд умрбод содиқ бошам!».

Аз савганди табиби Ҷумҳурии Тоҷикистон бар меояд, ки табиб новобаста аз он, ки дар ичрои ягон вазифаи касбӣ машғул мебошад ё намебошад, бояд ба бемор ёрии тиббӣ расонад, яъне ҳамчун касб табиб вазифадор аст умрбод ба он содиқ бошад.

Мутобиқи муқаррароти м. 49 Кодекси тандурустии Ҷумҳурии Тоҷикистон кормандони тиббӣ ва фарматсевтӣ уҳдадоранд:

– дар асоси меъёрҳои башардӯстонаи одобу ахлоқи тиббие, ки муносибати ахлоқии кормандони тибро бо беморон, хешу табори онҳо ва байни онҳо танзим менамоянд, фаъолият кунанд;

– донишу малакаи касбии худро мунтазам такмил дода, талаботи Кодекси ахлоқи табиби Ҷумҳурии Тоҷикистонро, ки аз ҷониби мақоми ваколатдори давлатӣ дар соҳаи тандурустӣ таҳия ва қабул шудааст, риоя намоянд;

– дар фаъолияти худ комёбиҳои муосири илму техникаи тиббӣ ва фарматсевтиро ба манфиати беморон истифода намоянд;

– ба амале, ки бар зарари саломатии шаҳрванд мебошад, роҳ надиҳанд;

– меъёрҳои одобу ахлоқи тиббиро риоя намоянд, нисбат ба беморон бораҳму шафқат бошанд, аз амале, ки ба ичрои уҳдадориҳои меҳнатии кормандони дигар халал мерасонад, худдорӣ кунанд;

– ба шаҳрвандон дар кӯча ва ҷойҳои дигари ҷамъиятӣ ва дар хона, дар ҳама ҳолатҳое, ки имкони расондани кумаки саривақтии муқаррарӣ вуҷуд надорад, кумаки аввалияи тиббӣ расонанд;

– сирри тиббӣ (иттилоот вобаста ба вазъи саломатӣ, дар бораи ташриф ба муассисаи тандурустӣ) ва дигар маълумоти хусусияти шахсӣ доштаро нигоҳ доранд;

– масъалаи аз худи бемор пинҳон доштани сирри тиббиро дар ҳолати мушаххас ба манфиати бемор ҳал кунанд;

– оид ба бемории шаҳрвандон ба мақомоти тандурустӣ хабар диҳанд, агар онро ҳифзи саломатии аҳолӣ талаб кунад, инчунин маълумотро дар асоси қарори мақомоти тафтишотӣ ё таъйиноти суд диҳанд;

– дар амалияи тиб усулҳои пешгирӣ, ташхис ва табобат, дорувориҳои воситаҳои дигарро, ки бо тартиби муқарраргардида ба истифодаи онҳо иҷозат дода шудааст, истифода намоянд;

– таъсири суханони табибро ба рӯҳияи бемор то ҳадди имкон бештар истифода намоянд, ба рафторе (ба тариқи имову ишора, бо сухан), ки ба бемор ва наздикони ӯ таъсири манфӣ мерасонад, роҳ надиҳанд, ҳангоми ҳамсуҳбат шудан бо бемор ва хешу табори ӯ қоидаҳои одоби табибиро қатъиян риоя намоянд.

Ғайр аз ин муқаррарот, инчунин, Кодекси ахлоқи табиби Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки бо фармоиши Вазорати тандурустӣ ва ҳифзи иҷтимоии аҳолии Ҷумҳурии Тоҷики-

стон № 848 аз 03-юми октябри с. 2014 ба тасвиб расидааст, вазифаҳои табиби Ҷумҳурии Тоҷикистонро ҷиҳати ёрӣ расонидан ба бемор, муқаррар намудааст. Ҳамин тавр, мутобиқи банди 5 Кодекси ахлоқи табиби Ҷумҳурии Тоҷикистон табиб, новобаста аз ихтисосаш, ҳангоми дар назди бемор берун аз муассисаи тиббӣ ё дар назди ҷабрдидаи дар ҳолати вазнинбуда қарор доштан, бояд ба ӯ ёрӣ расонад ё боварӣ ҳосил намояд, ки ба ӯ дигарон ёрӣ расонида истодаанд.

Дар м. 10 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи милитсия” вазифаҳои милитсия муқаррар гардидааст, ки тибқи он дар самти ҳифзи саломатии аҳолӣ бар дӯши корманди милитсия чунин вазифаҳо гузошта шудааст:

– ба шахсоне, ки аз ҳуқуқвайронкуниҳо ё фалокату офатҳо зарар дидаанд, инчунин дар ҳолати оҷизӣ ё дигар ҳолатҳое, ки барои ҳаёту саломатии онҳо зараровар аст, ёрии таъҷилӣ расонад;

– ба мақомоти тандурустӣ дар кори ошкор намудан ва ба муассисаҳои табобатӣ овардани беморони руҳӣ, шахсоне, ки гирифтори майзадагии ашаддӣ, нашъамандӣ, бемориҳои таносулӣ ва мубталои аломати норасоии масунияти бадан (СПИД) мебошанд ва нисбати онҳо асосҳои бо ҳуҷҷатҳо тасдиқшуда мавҷуданд, мусоидат намояд[1].

Ҳачунин, дар м. 23 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи хадамоти садамавию наҷотдиҳӣ, сохторҳои садамавию наҷотдиҳӣ ва вазъи ҳуқуқии наҷотдиҳандагон” уҳдадориҳои наҷотдиҳандагон пешбинӣ гардидааст, ки тибқи он наҷотдиҳандагон уҳдадоранд фаъолона зарардидагонро ҷустуҷӯ намоянд, ҷиҳати наҷот додани онҳо чораҳои зарурӣ андешанд, ба онҳо кӯмаки аввалияи тиббӣ ва дигар намудҳои ёриро расонанд[2]. Категорияи ҷиноят дар қисми якум ва дуюми м. 128 КҶ ҶТ пешбинигардида начандон вазнин эътироф мегардад.

UDC 004.056

CURRENT CHALLENGES AND COUNTERMEASURES AGAINST CYBER THREATS

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРУГРОЗАМ

ДАЪВАТҲОИ МУОСИР ВА ЧОРАҲОИ МУҚОВИМАТ ОИД БА ТАҲДИДҲОИ КИБЕРӢ

MUZYKA YULIYA VLADIMIROVNA
Senior lecturer of the Department of foreign languages of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I. F. Shilov / Старший преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического института МВД России имени И. Ф. Шилова, преподаватель-исследователь / Омӯзгори калони кафедраи забонҳои хориҷии Донишкадаи ҳуқуқшиносии Шарқи дури ВКД Россия ба номи И.Ф. Шилов, омӯзгор-таҳқиқотчӣ
E-mail: Juliamuzyka@yandex.ru

В статье речь идет о проблемах, связанных с использованием современных технологий, а также вопросов, связанных с киберугрозами. Автором подчеркивается, что до сих пор существует иллюзия, что утечка информации не представляет опасности для обычных людей, не участвующих в разработке специальных служб, но это не так: информация может оказаться в руках злоумышленников. Тогда покой, финансы и даже здоровье могут

[1] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи милитсия» аз 17-уми майи с. 2004, № 41.
[2] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи хадамоти садамавию наҷотдиҳӣ, сохторҳои садамавию наҷотдиҳӣ ва вазъи ҳуқуқии наҷотдиҳандагон” аз 01-уми марти с. 2005, № 83.

стать доступными для посторонних. Вместе с тем, к сожалению, преступники часто используют интернет лучше, чем обычные люди. Поэтому крайне важно сочетать просветительскую работу с родителями и детьми, разрабатывать технические меры защиты и реализовывать государственные инициативы по минимизации рисков, связанных с кибермошенничеством.

Дар мақола оид ба масъалаҳое, ки оид ба истифодаи технологияҳои муосир ва баъзе масоилҳо марбут ба таҳдидҳои кибрӣ сухан меравад. Муаллиф таъкид мекунад, ки то ҳол тасаввуроти нодуруст вуҷуд дорад, ки ихроҷи иттилоот барои одамони оддие, ки дар рушди иктишофӣ иштирок намекунанд, хатаре надорад, аммо ин тавр нест: иттилоот метавонад ба дасти ҷиноятқорон афтад. Сипас, оромии рӯҳӣ, молиявӣ ва ҳатто саломатӣ метавонад дар назди шахсони бегона осебпазир гардад. Мутаассифона, ҷиноятқорон аксар вақт аз интернет нисбат ба одамони оддӣ беҳтар истифода мебаранд. Аз ин рӯ, муҳим аст, ки корҳои таълимиро бо волидон ва кӯдакон, таҳияи чораҳои муҳофизати техникӣ ва ташаббусҳои ҳукуматиро барои кам кардани хатарҳои марбут ба қаллобии кибрӣ маърифатнамоӣ намуда, амалӣ кард.

Bullying, as a systematic, purposeful, and aggressive behavior aimed at humiliating, suppressing, or harassing a victim who is unable to defend herself/ himself effectively, has a complex nature, multifaceted manifestations, and deep historical roots that are linked closely to social, cultural, and technological changes in the modern society.

In various sources, bullying is classified according to different criteria: physical bullying (inflicting bodily harm (pushing, hitting, and beating), damaging property; verbal (psychological) bullying – insults, humiliation, threats, spreading rumors, manipulation, and blackmail; social bullying – isolating the victim, boycotting, and excluding them from a group or team; cyberbullying – online harassment through social media, messaging apps (chats), and the distribution of commenting photos, audio recordings, or videos.

Let`s take a closer look on the history of the phenomenon of bullying. The study of bullying as a scientific phenomenon date back to the 20th century. Domestic and foreign scientists have made significant contributions to the study of this issue, analyzing its nature, forms, causes, and prevention methods.

French scientist C. Dewis published a work on school bullying in 1905, this work marked the beginning of the systematic study of this problem.

Swedish school doctor P.P. Heinemann published an article on school bullying in 1969, and in 1972 he published the book “Mobbing. Group Violence among Children and Adults”. In his work, the researcher used a socio-psychological approach to study the interaction between the aggressor and the victim, and created a model of the aggressor`s behavior.

Scandinavian scientist Dan Olvaeus coined the term “bullying”, which he interpreted as deliberate, systematically repeated aggressive behavior involving inequality of social power or physical strength. In 1973, the scientist published the book “Whipping Boys and School bullies”, where he considered bullying from the point of view of physical and verbal (psychological behavior). In his works, the scientist concludes that the source of bullying lies in the personal characteristics of the participants, their upbringing, environment, and family, although he did not rule out the influence of group processes. In his research, the scientist developed the Olweus Bullying Prevention Programm (OBPP), which has gained recognition and was adapted in various countries.

Russian researchers I.S. Kon, I.S. Berdyshev, and S.V. Kravtsova have studied various aspects of bullying, including the personality traits of the participants, victimization, aggression, emotional terror aimed at subjugation, and strategies for preventing bullying.

In the 21st century, in the era of the Internet, social media, and the digital age, bullying has taken on new and more sophisticated forms, with the emergence of cyberbullying, which has led to

an increase in the scale and methods of harassment. Bullying has evolved, migrating from the schoolyard to the digital realm, where it has gained unprecedented scale, sophistication, and destructive power. Harassment has ceased to be a localized incident and has become widespread, persistent, and public.

Over the past few years, the term “Buling 2.0” has been appearing on social networks and in the Internet. This term was not generally accepted in the scientific literature, it is rather a metaphor (colloquial designation), emphasizing the evolution of bullying in the digital age. This term refers to the concept of Web 2.0 (mid–2000), a period when the Internet became an interactive environment where users not only consume the content, but also create it (social networks, blogs, video hosting). In this context, «bullying 2.0» conventionally means: the transfer of harassment from the off-line environment to the online environment; new tools of aggression (messages, comments, memes (idea, image, symbol or other object of immaterial culture), fakes (intentionally fabricated information that does not correspond to reality), doxing (publishing personal information (address, phone number, family details) in order to incite harassment), trolling (a form of online communication behavior aimed at intentionally provoking an emotional reaction), cat phishing (creating a fake profile to gain the victim`s trust, followed by the publication of trusted secrets or compromising information), hate (mass mailing of offensive messages to the victim or about the victim via messengers and social networks) boycott in chat rooms (organized exclusion from all online group chats, which leads to complete social isolation in the digital environment); anonymity of the aggressor and global audience reach; constant exposure (the victim cannot «escape» from the bullying environment); long-term exposure (the digital footprint is eternal: screenshots, posts, and videos can resurface years later, negatively impacting the former victim`s reputation).

Consequently, «bullying 2.0» is a fundamentally new socio-psychological phenomenon that differs radically from traditional bullying in terms of its mechanisms, scale, and long-term consequences, requiring fundamentally different approaches to prevention, counteraction, and rehabilitation.

Therefore, as we discussed above, with the advent of the internet and social media in the 21st century, bullying has taken on new and more sophisticated forms, including cyberbullying, which has led to an increase in the scale and methods of harassment. Bullying has evolved, migrating from the schoolyard to the digital realm, where it has gained unprecedented scale, sophistication, and destructive power. Bullying has ceased to be a localized incident and has become widespread, persistent, and public. Children and teenagers are particularly vulnerable in this regard.

There is no doubt that the modern world is unthinkable without digital technologies, as the Internet has become an integral part of life. It offers children and teenagers endless opportunities for creativity, learning, self-realization, and socialization. However, along with the benefits of digitalization, new threats have emerged, such as cyber threats that specifically target the most vulnerable audience[1].

The statistics are unforgiving. According to international monitoring systems, tens of thousands of reports of online crimes against children are registered every year[2]. These figures are just the tip of the iceberg, as many incidents go unnoticed or are not reported.

Some analysts reassure parents that there is no cyber-threat, there are simply vulnerabilities in the networks that are simply misused, and that is, malicious software is not in the literal sense of the word a weapon of crime, until it has caused serious damage on a large scale. For example, in one of the articles about cyber weapons, the author compares malicious software to an ordinary hoe, which

[1] Bejtlich, R. The Practice of Network Security Monitoring: Understanding Incident Detection and Response: Indianapolis Library of Congress, 2020. 346 p.

[2] Sinitsyn, N.A. Information threats in the work of state authorities / N. A. Sinitsyn // Media in the Information Society: effects, opportunities, risks – 2023; Collection of scientific papers. In 3 volumes. – Saratov: Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 2023. – Pp. 99-105.

in the hands of a criminal can turn into a serious weapon of murder, but the hoe itself will not cease to be a tool of agriculture. It is the same with software, we cannot stop using the internet, and we just need to learn how to protect ourselves. Other sources claim that cyber weapons are a reality in our lives, a growing threat that targets both critical strategic assets and everyday individuals.

So, what is "cyber weapon"? Can cybercrime be relevant to any Internet user? Why are not only children and teenagers, but also adults and educated people, becoming targets of various cyber threats?

The term "cyber weapons" currently refers to a wide variety of technical and software tools, most often aimed at exploiting vulnerabilities in information transmission and processing systems or software and technical systems. Based on the scale of impact, cyber weapons are classified mainly as Flame-type viruses or zombie networks used for sending spam and organizing distributed attacks aimed at overloading information systems and resulting in denial of service.

Examples of modern cyber weapons include Samsung TVs that can be turned into bugs, smartphones, car control hijacking, and more. In 2015, a team of independent American researchers demonstrated remote control of a Jeep Cherokee car over the internet, allowing them to control the brakes, accelerator, and engine shutdown. This topic caught the attention of the CIA, as the latest smart cars are exploring the possibilities of using full-fledged autopilot systems, and the lives of passengers depend on the reliability of these systems.

Modern medical equipment with remote access can be just as dangerous. This includes various medical sensors that send data about patients' health to doctors, as well as pacemakers, defibrillators, insulin pumps, and other medical devices that can be remotely controlled. In 2012, a well-known New Zealand hacker managed to cause a pacemaker to deliver a sufficient charge to stop a patient's heart.

The problem of online security is very relevant, as the Internet can be used for criminal purposes.

Not only smartphones, but also TVs, medical devices, and lighting systems – all of this equipment can be a boon for cybercriminals who have decided to get information about your life. Attackers can copy information from USB drives connected to some smart TVs (for example, such a vulnerability was in LG, now, according to the company, it has been eliminated), to learn the daily routine of the owner, who fills in the planner in a smartphone or computer, through a coffee maker or refrigerator connected to a common network. The latter can also tell you about the owner`s eating habits. Surveillance cameras connected to computers can transmit images to hackers. Remote control of home security systems, lighting, and entertainment equipment (home theaters, etc.) via WiFi or other internet connections not only provides comfort but also poses a risk of sharing information about the owners` lifestyle and habits (music preferences, etc.), as well as their absence from the home, not only to marketers but also to criminals.

However, children and teenagers remain particularly vulnerable. This vulnerability is due to several reasons:

1) Lack of critical thinking. Children and teenagers are not always able to recognize manipulations, fakes, and fraudulent schemes.

2) The desire for recognition. The desire to make friends, receive likes, and gain status in online communities increases the risk of trusting malicious actors.

3) Low digital literacy. Many people do not know the basic rules of security, such as the importance of hiding personal information, using complex passwords, and so on.

4) Lack of control. In some families, parents do not monitor their child`s online activities or do not know how to do it technically.

Let`s focus on the ways of cyber fraud combating. They can be summarized into six main points.

1. Building trusting relationships with parents. It is important for children to share information about their new acquaintances, life events, and spending habits. This helps parents detect any suspicious activity in a timely manner.

2. It is very useful to hold regular conversations about cybersecurity. Children of school age should be explained in an accessible way, who are scammers, what tricks they use, why you should not click on suspicious links, tell strangers passwords, card data, personal information[1]. You need to learn how to decipher and recognize phishing emails (a type of cyber fraud in which attackers disguise messages as legitimate (from banks, government agencies, popular services, etc.) in order to force the recipient, for example, to click on a malicious link), scams (deliberate deception in the digital environment aimed at illegally obtaining money, personal data, or other valuables), and so on.

3. Parental control is required on the child`s devices, and filters should be set to block dangerous websites.

4. Restrict access to bank cards. If the child has their own card, you should set spending limits, disable auto-payments, and enable notifications about transactions. For parents' cards, disable linking to gaming accounts. If there is cash in the house, monitor the cash and do not tell the child the code for the safe.

5. Use code words. You should agree with your child in advance to use code words, passwords, and secret phrases that only the child and the parent know. If someone on the internet asks for money or information, the child should check if it is really one of the parents asking for money by asking for the code word.

6. Teach your child to create complex passwords and not share them with anyone.

Russia is taking measures to combat cyber fraud, including cases involving children. Federal law № 41 (which entered into force on March 1, 2024) obliges banks, mobile operators, and other organizations to actively combat fraud. The "Anti-Fraud" system is being introduced, which will block suspicious transfers, filter calls and messages from fake numbers, and stop hacked websites. Starting in August 2025, minors between the ages of 14 and 18 will need the consent of their parents or legal representatives to open a bank account. A federal system for collecting and analyzing data on digital crimes based on the Antifraud GIS is planned. The use of artificial intelligence systems and special technical means in cybercrimes will be made punishable.

In conclusion, it should be said that cyber weapons are a common hacker attack; it can be aimed at both important strategic objects and any person.

There is an illusion that the leakage of cyber weapons does not pose a danger to ordinary people who are not in the development of special services, but this is not so, information can be in the hands of intruders. Then our peace and our finances and even our health can be easily accessible to strangers. Science does not stand still. Criminals and terrorists often use the internet better than ordinary people do, and they are usually one-step ahead of the public[2].

Therefore, it is very important to combine educational work with parents and children, develop technical protection measures, and implement government initiatives to minimize the risks of cyber fraud.

[1] Shchepina, E. A. Research of Technologies for Protecting Intelligent Transport Systems / E. A. Shchepina // Tinchurin Readings - 2025 «Energy and Digital Transformation»: articles based on the materials of the International Youth Scientific Conference. In four volumes, Kazan, April 23-25, 2025. – Kazan: Kazan State Power Engineering University, 2025. – Pp. 166-170.

[2] Shostack, A. Threat Modeling: Designing for Security: San Francisco, No Search press inc.; 2021. - 198 p.

УДК 343.575

ПРОБЛЕМЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ПРИТОНОВ

МАСЪАЛАҲОЕ, КИ БА САМАРАНОКИИ ПЕШГИРИИ ҶИНОЯТИ НИГАҲДОШТИ ФАСОДХОНА ТАЪСИР МЕРАСОНАНД

РАДЖАБОВ ЖАХОНГИР АЪЗАМЖОН УГЛИ
Инспектор профилактики Управления координации деятельности ОВД Юнусабадского района ГУВД города Ташкента Республики Узбекистан / Нозир оид ба пешгирии Раёсати ҳамоҳангсозии фаъолияти ШВКД ноҳияи Юнусободи РВКД шаҳри Тошканди Ҷумҳурии Узбекистон

В системе преступлений, угрожающих нравственным устоям общества и здоровью населения, преступление, связанное с содержанием притонов или сводничеством, выделяется своей сверхвысокой латентностью и тем, что выполняет функцию своеобразной виктимогенной и криминогенной «базы» для организованной преступности. На сегодняшний день оценивать данное деяние просто как одно из проявлений моральной деградации в обществе является абсолютно устаревшим подходом. В современной криминологии притоны признаются основными инфраструктурными центрами торговли людьми, незаконного оборота наркотических средств и финансирования транснациональных преступных групп.

Известный криминолог Я.И. Гилинский, глубоко исследовавший социологию девиантного поведения и организованной преступности, в своих трудах называет притоны «финансовым и логистическим кровеносным сосудом» организованной преступности. Согласно научным наблюдениям ученого, притоны – это не только место оказания сексуальных услуг, но и многопрофильный криминогенный очаг, где формируется криминальная субкультура, легализуются незаконные доходы и планируются другие тяжкие преступления (в том числе торговля людьми)[1]. По этой причине организация профилактики данного преступления непосредственно составляет основу государственной стратегии борьбы с транснациональной преступностью.

Как подчеркивал основатель классической школы уголовного права Чезаре Беккариа, «лучше предупреждать преступления, чем карать за них; это составляет главную цель любого хорошего законодательства»[2]. Однако действующая практика правоохранительных органов по борьбе с преступлением содержания притонов в большинстве случаев носит не проактивный (предупреждающий), а реактивный (действия после совершения и выявления преступления) характер. По мнению Рональда Кларка, одного из основоположников теории ситуационной превенции преступности, для предотвращения деяния гораздо эффективнее брать под контроль и устранять объективную среду и физические условия, предоставляющие возможность совершения преступления, нежели пытаться изменить субъективный мотив преступника[3].

В нашей национальной судебно-следственной и оперативно-розыскной практике, несмотря на проводимые органами внутренних дел профилактические мероприятия (рейды,

[1] Гилинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 210-215.
[2] Beccaria, C. On Crimes and Punishments (Dei delitti e delle pene). – Milan, 1764. (Translated by David Young, Hackett Publishing, 1986). – Pp. 93
[3] Clarke, R.V. Situational Crime Prevention: Successful Case Studies. – New York: Harrow and Heston, 1997. – Pp. 15-18.

проверочные закупки), наблюдается постоянное возобновление данного вида преступлений в скрытой форме. Основная причина этого кроется в том, что механизмы профилактики сталкиваются с рядом правовых, организационно-тактических и технологических проблем. Мелкими профилактическими мерами, разъяснительной работой на местном уровне или разовыми административными штрафами искоренить этот системный криминальный бизнес невозможно.

Для этого требуется научный анализ пробелов, создающих условия для преступления, и разработка инновационных решений (в том числе систем цифрового мониторинга), берущих под институциональный контроль на государственном уровне инфраструктуры, служащие сокрытию преступлений. В данной статье комплексно анализируются основные факторы, снижающие эффективность профилактики преступления содержания притонов, и предлагаются современные правовые механизмы их устранения.

Самые серьезные препятствия, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, в частности оперативно-розыскные службы и службы превенции, при организации профилактики преступления содержания притонов, в первую очередь представляют собой правовые проблемы, связанные с отдельными процессуальными сложностями и соразмерностью наказания в нашем национальном уголовном законодательстве.

Первая и самая основная правовая проблема – это диспропорция между либеральностью наказания и сверхвысокими доходами, получаемыми от криминального бизнеса. Анализируя санкции, установленные в статье 131 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (Сводничество или содержание притонов) (далее – УК РУ), мы становимся свидетелями частого применения таких альтернативных видов наказания, как штраф, исправительные работы или ограничение свободы. Однако содержание притонов – это не просто случайное деяние, а выстроенная в четкую систему скрытая «бизнес-индустрия», приносящая сверхвысокие доходы.

Известный русский криминолог и правовед, академик В.Н. Кудрявцев, фундаментально исследовавший правовое поведение и причины преступности, в своем труде «Генезис преступного поведения» четко указал на криминогенные последствия подобной диспропорции. Как утверждает ученый, «если экономическая выгода, извлекаемая из преступной деятельности, во много раз превышает тяжесть применяемого государством наказания и риск финансовых потерь, никакие профилактические предупреждения и административные меры не смогут проявить свою сдерживающую силу»[1]. На практике преступники покрывают назначенные судом штрафы за счет своих нелегальных доходов буквально за несколько дней и продолжают свою преступную деятельность по новым адресам, еще в более скрытой форме.

Вторая правовая и процессуальная проблема – это следственно-практические трудности в доказывании объективной стороны преступления. Объективная сторона преступления содержания притонов требует неоднократного (регулярного) повторения деяния и наличия материальной заинтересованности (получение арендной платы, платы за услуги). Крупный представитель российской школы уголовного права, профессор А.В. Наумов, анализируя проблемы квалификации преступлений данной категории, подчеркивает, что в судебно-следственной практике крайне сложно отличить понятие «притон» от обычных гражданско-правовых отношений по «сдаче жилья в аренду»[2].

Преступники умело пользуются этим процессуальным пробелом. Например, когда в ходе оперативного мероприятия задерживается владелец квартиры, он ссылается на то, что «не знал, чем занимаются эти лица, и просто сдал квартиру в посуточную аренду». В такой ситуации непрерывная процессуальная фиксация оперативными сотрудниками корыстного

[1] Кудрявцев, В.Н. Генезис преступного поведения. – М.: Норма, 1998. – С. 210-212.
[2] Наумов, А.В. Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. Т. 3. Особенная ачсть. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – С. 345-348.

умысла владельца квартиры (получение доли от сводничества) и системности деяния (неоднократность его совершения) вещественными доказательствами требует колоссальных оперативных сил и средств. В результате в большинстве случаев выявленные факты остаются не на уровне преступления, а на уровне административного правонарушения.

Третья крупная проблема носит организационно-тактический характер и объясняется слабостью межведомственного взаимодействия и некомплексностью профилактики. На сегодняшний день притоны функционируют преимущественно под видом легальных субъектов предпринимательства – саун, массажных салонов, гостиниц и ночных клубов. Инспекторы профилактики или сотрудники оперативно-розыскной службы органов внутренних дел при проведении регулярных проверок на данных объектах сталкиваются с законодательными ограничениями, касающимися проверок субъектов предпринимательства.

Немецкий криминолог Клаус фон Лампе, исследовавший сети организованной преступности и их скрытые инфраструктуры, оценивает отсутствие «межведомственной синергии» в подобных ситуациях как наибольшую уязвимость. По его мнению, криминальные инфраструктуры, скрывающиеся под маской легального бизнеса, невозможно ликвидировать исключительно силами полиции (ОВД); для этого необходимо одновременное и скоординированное использование административно-экономических рычагов здравоохранения (санитарно-эпидемиологического надзора), налоговых органов и лицензирующих организаций[1].

В нашей же национальной практике информационный обмен и оперативное взаимодействие между данными ведомствами все еще остаются в рамках узковедомственных интересов. Несмотря на то, что притон под видом массажного салона может годами функционировать, уклоняясь от налогов или нарушая санитарные правила, другие контролирующие органы не оценивают уровень «опасности» данного объекта до тех пор, пока он не будет выявлен органами внутренних дел с поличным на месте преступления. Это, в свою очередь, приводит к тому, что криминальные субъекты, свободно пользуясь пробелами в государственном контроле, успешно маскируют свои притоны посредством легальной деятельности.

Еще одна фундаментальная проблема, формирующая современный криминологический облик преступления содержания притонов и усложняющая его профилактику, – это интеграция криминальных инфраструктур в сферу легального обслуживания и их совершенная маскировка. На сегодняшний день притоны функционируют не в изолированных от общества, маргинальных подвалах, а в виде развлекательных заведений с красивыми вывесками, саун, СПА- и массажных салонов, а также законспирированных квартир, сдающихся в посуточную аренду через интернет-платформы (OLX и др.). Основатели теории «Криминологии окружающей среды», изучающие территориальное и пространственное расположение преступлений, Патрисия и Пол Брантингем в своих исследованиях «Модели преступности» называют это явление «пространственной маскировкой преступления». Согласно их научным аргументам, преступники уходят из-под визуального и оперативного контроля правоохранительных органов путем адаптации своей незаконной деятельности к точкам повседневного легального передвижения общества (торговые центры, зоны отдыха)[2]. То есть, вход и выход клиента из массажного салона или гостиницы со стороны выглядит как абсолютно законный и естественный процесс.

Российский криминолог и крупный специалист по организованной преступности В.А. Номоконов, анализируя теневую экономику и деятельность криминальных предприятий, подчеркивает, что наиболее опасный аспект таких притонов под видом легального бизнеса заключается в их высоких возможностях по формированию коррупционной среды и обеспе-

[1] Lampe, K. von. Organized Crime: Analyzing Illegal Activities, Criminal Structures, and Extra-legal Governance. – SAGE Publications, 2015. – Pp. 284-287.
[2] Brantingham, P. J., & Brantingham, P. L. Environmental Criminology. – Beverly Hills, CA: Sage Publications, 1981. – Pp. 45-48.

чению утечки оперативной информации[1]. Владельцы массажных салонов или саун зачастую заранее осведомлены о проверках и своевременно принимают облик «законного предпринимателя».

Основным технологическим барьером, с которым сталкиваются национальные оперативно-розыскные и профилактические службы в борьбе с этой крайне хитрой и адаптивной криминальной инфраструктурой, является отсутствие единой, комплексной цифровизированной системы контроля над специальными объектами. Практика показывает, что сотрудники ОВД при проведении оперативного наблюдения или рейдов в отношении какого-либо развлекательного учреждения или сауны действуют преимущественно «вслепую» или исключительно на основании поступившей оперативной информации. То есть в системе предупреждения преступности отсутствуют цифровые алгоритмы, автоматически оценивающие уровень риска объектов. Данные хранятся разрозненно в базах различных ведомств (налоговой инспекции, кадастра, отделов профилактики ОВД, санитарного надзора), и уровень интеграции между ними крайне низок.

Современная правоохранительная практика требует незамедлительной цифровизации оперативно-розыскных процессов и создания специализированных баз данных мониторинга по местам с высоким криминогенным риском. Сегодняшний оперативный сотрудник или инспектор профилактики должен иметь возможность в режиме реального времени через один планшет видеть полную историю сауны или массажного салона на своей территории – такие специфические параметры, как личность истинного владельца здания, наличие прежних судимостей у арендатора, совершенные ранее по данному адресу административные правонарушения (например, нарушение тишины, конфликты в состоянии опьянения), статистика поступивших от населения анонимных жалоб и частая сменяемость обслуживающего персонала.

Если такие комплексные электронные реестры не будут сформированы, содержатели притонов будут продолжать уклоняться от ответственности, постоянно обновляя и меняя названия различных ООО (обществ с ограниченной ответственностью) или ИП (индивидуальных предпринимателей). Принцип сдерживания преступности не физической силой, а с помощью информационного превосходства и цифрового анализа должен стать золотым правилом современной оперативно-розыскной деятельности. Без этого невозможно пресечь на корню многоотраслевую систему притонов, скрывающихся за легальным бизнесом.

Проведенное выше исследование показывает, что преступление “содержание притонов” на сегодняшний день утратило свой маргинальный облик, глубоко интегрировавшись в сферы легального обслуживания, и превратилось в транснациональную криминальную инфраструктуру со сверхвысокими доходами. В борьбе с данным преступлением мелкие профилактические меры, такие как разъяснительная работа на местном уровне или разовые административные штрафы, абсолютно неэффективны. Ликвидировать этот логистический и финансовый очаг организованной преступности можно исключительно посредством высокого уровня институционального контроля со стороны государства и инновационных цифровых решений.

В этих целях для повышения эффективности профилактики преступления содержания притонов и совершенствования оперативно-розыскной деятельности мы выдвигаем следующие научно-практические предложения:

Во-первых, внедрение единого электронного реестра мониторинга «Специальных объектов». Разработка и внедрение в практику оперативно-розыскных и профилактических служб органов внутренних дел специальной цифровой базы данных, устанавливающей постоянный контроль над заведениями с высоким криминогенным риском – развлекательными

[1] Номоконов, В.А. Организованная преступность: тенденции, перспективы борьбы. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1999. – С. 112-115.

учреждениями, ночными клубами, саунами и массажными салонами. Создание механизма автоматической оценки уровня оперативного риска каждого объекта через данную базу на основе таких конкретных параметров, как история руководителя учреждения или арендатора, ранее совершенные административные правонарушения, анонимные жалобы населения и текучесть кадров.

Во-вторых, усиление уголовной ответственности и мер экономического воздействия. Пересмотр санкций, предусмотренных в статье 131 Уголовного кодекса Республики Узбекистан, и устранение либеральности наказания. В целях безусловного обеспечения того, чтобы тяжесть наказания превышала экономическую выгоду, извлекаемую из преступной деятельности, закрепление в законодательстве строгих институциональных мер, таких как конфискация в доход государства в качестве орудия преступления объектов легального бизнеса (сауны, гостиницы, частные квартиры), в которых выявлены факты содержания притонов, а также аннулирование лицензии на деятельность данных учреждений.

В-третьих, обеспечение межведомственной оперативно-профилактической синергии. Устранение ведомственных барьеров между органами внутренних дел, Налоговым комитетом и Службой санитарно-эпидемиологического благополучия для пресечения криминальной мимикрии под маской легального бизнеса. Утверждение порядка интегрированного взаимодействия, предоставляющего полномочия на проведение на объектах, склонных к содержанию притонов, не только физических рейдов, но и одновременных финансовых и санитарных проверок именно на основе данных оперативно-розыскной деятельности.

УДК 343.8

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ И ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТАҒЙИРОТ ДАР ТАНЗИМИ МЕҲНАТИ ИСЛОҲӢ ВА МАҶБУРӢ ДАР ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТИИ ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ

РУППЕЛЬ ОЛЕСЯ ВЛАДИМИРОВНА
Преподаватель кафедры уголовно-исполнительного и уголовного права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России, лейтенант внутренней службы / Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи иҷрои ҷазои ҷиноятӣ ва ҳуқуқи ҷиноятии Донишкадаи хадамоти федералии иҷрои ҷазои Россия, лейтенанти хизмати дохилӣ
E-mail: Drygina36vrn@yandex.ru

СТРУКОВА АЛИНА ВАЛЕРЬЕВНА
Курсант 3 курса учебной группы Юо2-ОР23 юридического факультета Воронежского института ФСИН России, рядовой внутренней службы / Курсанти курси 3-юми гурӯҳи таълимии Юо2-ОР23 факултети ҳуқуқшиносии Донишкадаи хадамоти федералии иҷрои ҷазои Россия, қатори хизмати дохилӣ
E-mail: strukova_2005@list.ru

С января 2026 года порядок назначения наказаний, которые не связаны с изоляцией осужденного, был изменен, что, в свою очередь, повлияло на пересмотр подхода к выбору мер уголовного правового воздействия. Ранее допускалась практика назначения исправительных работ даже при отсутствии у осужденного места работы. В случае отсутствия у осужденного стабильной занятости обязанность по рассмотрению вопроса о его трудо-

устройстве возлагалась на уголовно-исполнительные инспекции. Сейчас же законодатель отказался от прежней конструкции и установлена прямая взаимосвязь между видом наказания и трудовым статусом лица.

Назначение исправительных работ возможно только тем осужденным, которые имеют основное место работы. Данный подход обозначен в содержании ст. 50 УК РФ, а сам порядок исполнения наказания раскрывается в ст. 39-43 УИК РФ. В случае с лицами, которые не имеют занятости, основным видом наказания, который не связан с лишением свободы, стали принудительные работы, правовой режим которых закрепляется в ст. 53.1 УК РФ и ст. 60.10 УИК РФ[1].

В случае сравнения обязательных, исполнительных и принудительных работ в условиях действующего регулирования различия между ними выявляются значительно четче. Обязательные работы по правовой природе менее связаны с трудовым доходом осужденного. В соответствии со ст. 49 УК РФ они выражены в выполнении бесплатных общественно полезных работ в свободное время от основной занятости. Удержание из заработной платы в данном случае не происходит, а контроль за исполнением наказания производится уголовно-исполнительной инспекцией в взаимосвязи с органами местного самоуправления.

Сравнение ранее действовавшего порядка с актуальной редакцией позволяет выделить главные изменения, которые касаются условий назначения наказаний, а также самого механизма их исполнения.

Условия назначения исправительных работ (ст. 50 УК РФ):

– ранее назначение допускалось трудоустроенным лицам и лицам, не занятым трудовой деятельностью;

– в действующей правовой редакции назначение допускается лишь при наличии основного места работы.

Полномочия уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) (ст. 39 УИК РФ):

– раньше на УИИ возлагалась обязанность содействовать осужденному в поиске работы.

– механизм трудоустройства исключен из процедуры исполнения наказаний, что существенно сокращает объем административных действий.

Назначение принудительных работ (ст. 53.1 УК РФ):

– принудительные работы ранее рассматривались как альтернатива лишению свободы;

– в связи с изменениями стали основным видом наказания для лиц без постоянной занятости.

Изменения затронули и механизм исполнения наказаний: раньше большая организационная нагрузка затрагивала взаимодействие уголовно-исполнительных инспекций с работодателями, сейчас же ключевое значение получила система исправительных центров[2].

Действенность исполнения наказания имеет прямое значение от распределения осужденных по его видам. Старый порядок часто приводил к формальному назначению исправительных работ, а это затягивало исполнение и снижало предупредительное значение меры. Новый порядок исключает это разрыв, так как принудительные работы влекут за собой обязательное включение осужденного в трудовую деятельность.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. (в ред. от 29 дек. 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2025 г. № 534-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2026. – № 1 (ч. I). – Ст. 47.

Перед правоприменителем здесь встают сразу несколько проблем. Для государства принудительные работы влекут за собой немалые расходы, поскольку реализация наказания невозможна требует функционирование сети исправительных центров, подготовленного персонала и эффективной организации постоянного контроля за осужденными

Для уголовно-исполнительной системы нововведения означают лишь частичное снятие нагрузки. Исключение из процесса вопросов трудоустройства значительно сокращает объем административных действий, так как пропадает необходимость подбора вакансий, контроля явки осужденных и постоянного взаимодействия с работодателями.

В случае назначения осужденному исправительных работ особое значение приобретает обеспечение и защита его трудовых прав. Действие общих гарантий трудового законодательства сохраняется. Само по себе назначение наказания не дает работодателю права прекратить трудовой договор. Прекращение допускается лишь при наличии оснований, предусмотренных Трудовым кодексом РФ. При смене места работы осужденный должен сообщить уголовно-исполнительной инспекции о смене места работы, а работодателю необходимо исполнить требования, которые связаны с удержанием установленной части заработка. Порядок взаимодействия и сроки уведомлений устанавливаются УИК РФ и подзаконными актами ФСИН России[1].

Риск чрезмерного применения принудительных работ возникает тогда, когда фактическая трудовая занятость расходится с ее юридическим оформлением. Лицо может осуществлять трудовую деятельность, но в случае отсутствия официального статуса считаться безработным, а это расширяет основания для назначения данного вида наказания. Так как критерий наличия основного места работы связан с документальным оформленными трудовыми отношениями, наиболее явно данная проблема возникает в регионах с высокой долей неформальной либо же сезонной занятости. Иная картина складывается в субъектах с развитым рынком труда, там больше лиц с официальным местом работы, а пространство для назначения исправительных работ оказывается шире. Уже на первых этапах практического использования новых правил назначения наказаний видно, что результативность связана с региональной спецификой.

Решение вопроса упирается в то, как именно оценивать статус занятости. Неясность есть и в ином вопросе, можно ли при такой оценке принимать во внимание гражданско-правовые договоры, самозанятость и участие в индивидуальной предпринимательской деятельности без регистрации. Законодатель не сформулировал исчерпывающего ответа, поэтому на практике сохраняется вариативность. При ограничительном понимании нормы заметный круг лиц автоматически оказывается в категории, к которой назначается более строгое по режиму наказание. При более широком подходе возможность назначения исправительных работ не исчезает, однако возрастает риск того, что занятость будет закреплена лишь внешне, без фактического выполнения трудовых функций.

На практике реализация принудительных работ уже сталкивается с организационными и режимными затруднениями. Изначально исправительные центры задумывались как мера, заменяющая лишение свободы для строго ограниченного круга осужденных. Когда число направляемых туда лиц возрастает, приходится заново выстраивать вопросы размещения, трудовой организации и надзора. Уже просматривается сценарий, при котором инфраструктура начнет работать с повышенной нагрузкой. В такой ситуации ослабевает индивидуальный подход к исполнению наказания, при большом числе осужденных труднее принимать во

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ: принят Гос. Думой 18 декабря 1996 г.: одобрен Советом Федерации 25 декабря 1996 г. (в ред. от 29 дек. 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.

внимание личностные характеристики, степень социальной адаптации и мотивацию к исправлению[1].

В экономическом измерении рассматриваемый вопрос получает собственную значимость. Хотя режим принудительных работ ориентирован на трудовое участие осужденных, практическая результативность такого подхода зависит от наличия у исправительных центров устойчивых заказов и экономически оправданных рабочих мест. При отсутствии подобных условий занятость сохраняет лишь внешний вид, а трудовая активность теряет исправляющее воздействие и компенсирующий эффект. Ранее подобные риски удавалось лишь частично сглаживать за счет уже созданных рабочих мест, где были заняты осужденные.

В вопросе рецидивной преступности исходная теоретическая схема выглядит так, усиленный надзор при принудительных работах должен снижать риск нового нарушения. Однако недавние эмпирические исследования указывают на иной ориентир – решающим оказывается не масштаб ограничения свободы, а сохранность социальных связей, прежде всего трудовых. Отсюда вытекает, отказ от помещения безработных в режим исправительных работ ведет к неоднозначному итогу. Для исполнения наказания выход выражается в более высоком уровне дисциплины, а вместе с ним исчезает канал встраивания в «обычный» рынок труда, из-за чего последующая постпенитенциарная адаптация становится более затрудненной.

Поведенческую сторону здесь тоже нужно учитывать. Когда у осужденного есть постоянная занятость, исправительные работы он воспринимает не чуждыми, а продолжением уже сложившейся социальной позиции, к которой добавляется обязанность отдавать часть заработка. Для безработного принудительные работы выглядят резким переходом в иную среду, параллельно с этим возникают стресс и необходимость заново приспосабливаться к новым правилам. Поэтому ожидать одинакового результата от разных категорий осужденных не приходится. На практике нередко сохраняется лишь внешнее соблюдение режима, тогда как стойких перемен в поведении не возникает[2].

Особое место здесь занимает система согласованных действий органов УИС с участниками сферы занятости населения, органами местного самоуправления и работодателями. Хотя круг обязанностей по содействию устройству на работу в формальном плане уже сузился, потребность в координации не утрачивается. После выхода человека из исправительного центра на первый план выходит вопрос о дальнейшем трудоустройстве, ведь именно от него во многом зависит предупреждение нового преступления. При ненадлежащей выстроенности межведомственного порядка положительный эффект, достигнутый в ходе исполнения наказания, сводится на нет.

Перестройка механизма назначения наказаний затрагивает следующий за ним порядок исполнения, отсчет ведется с даты обретения приговором законной силы. На практике определяющим оказывается не только вид наказания, назначенный судом, но и безошибочная передача сведений в уголовно-исполнительную инспекцию. Цена просчета на данной стадии теперь выше, чем прежде; ранее дефицит трудовой занятости еще удавалось сгладить последующим трудоустройством, а сегодня запас гибкости уже отсутствует[3].

Уже на практике нередко выясняется, что сведения о трудовой занятости бывают неполными либо теряют актуальность, а потому после начала исполнения назначенной меры

[1] Артеменко, Н.В. Принудительные работы в системе уголовных наказаний: неиспользованные возможности / Н.В. Артеменко // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – № 3. – С. 287.

[2] Геранин, В.В. Принудительные работы: неиспользованные резервы / В.В. Геранин // Уголовно-исполнительное право. – 2025. – № 2. – С. 45.

[3] Геранин, В.В. Проблемы функционирования исправительных центров и колоний-поселений в системе уголовных наказаний / В.В. Геранин // Уголовно-исполнительное право. – 2021. – Т. 16. – № 4. – С. 365.

приходится вносить коррективы в ее порядок[1]. Повышенная требовательность к содержанию приговора объясняется сложившейся ситуацией, суду недостаточно обозначить лишь разновидность наказания, поскольку необходимо установить, что у осужденного действительно имеется основное место работы. Когда же ограничиваются одной внешней фиксацией обстоятельств, возникает риск последующей перестройки механизма исполнения наказания, что усложняет исполнение правовых предписаний и создает дополнительную нагрузку на суды при рассмотрении возникающих вопросов.

Практическая неопределенность в подобных случаях особенно заметна на сроках, соблюдение сроков становится для процедуры главным условием. Как только приговор направляется в уголовно-исполнительную инспекцию, на осужденного возлагается обязанность лично явиться для регистрации, передать бумаги, подтверждающие занятость, и приступить к исполнению назначенного наказания в предусмотренный срок. Когда сведения о трудовых отношениях представить невозможно, возникает вопрос, допустима ли реализация исправительных работ в привычном формате. Закон не закрепляет поэтапный порядок реагирования на такую ситуацию, поэтому на практике используют разные подходы – от передачи материалов в суд до срочного восполнения отсутствующих данных.

Речь идет о порядке удержаний из заработной платы. Правовая схема не меняет основы, однако перечень лиц, подпадающих под нее, меняется, преимущественно речь идет о работниках со стабильным трудовым статусом. По этой причине поступления в доход государства приобретают более устойчивый и заранее просчитываемый характер. Одновременно возрастает значение надлежащего поведения работодателя, поскольку во многом от него зависит исполнение наказания. При задержке перевода денежных сумм, ошибках в расчетах либо несвоевременном поступлении сведений в уголовно-исполнительную инспекцию подобные сбои могут быть формально истолкованы как нарушение режима осужденным, хотя фактически он не влияет на ход данных процедур[2].

При прекращении трудового договора у лица, отбывающего наказание, правовая картина не отличается определенностью. Нормативная модель выстроена так, что расторжение допустимо лишь при наличии оснований, закрепленных трудовым законодательством. В реальной практике подлинные мотивы и внешне корректное оформление нередко расходятся, из-за чего четкая линия между ними фактически стирается. Особенно показателен вариант, при котором уменьшение численности персонала либо пересмотр условий работы выступают не самостоятельной кадровой мерой, а способом опосредованно вывести из коллектива сотрудника со статусом осужденного. При такой схеме уголовно-исполнительная инспекция должна проверять не только соответствие действий правовым предписаниям, но и реальные обстоятельства, лежащие в основе решения, что уже выходит за рамки ее привычной компетенции.

Нарастание организационной сложности здесь связано с тем, что при смене трудового статуса требуется немедленная управленческая перестройка. Когда осужденный остается без работы, встает вопрос о том, каким образом изменить режим отбывания санкции. Однако единый алгоритм нынешнее регулирование не предусматривает, на практике остаются либо обращение в суд, либо ускоренный поиск нового места занятости, что по существу возвращает признаки прежней конструкции, от которой законодатель намеревался отойти. Выхо-

[1] Скиба, А.П., Воронин, М.Ю., Родионов, А.В. Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере: некоторые направления развития / А.П. Скиба, М.Ю. Воронин, А.В. Родионов // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18. – № 1. – С. 10-23.

[2] Ермасов, Е.В., Тепляшин, П.В., Скиба, А.П. Перспективы введения досудебной пробации в Российской Федерации / Е.В. Ермасов, П.В. Тепляшин, А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т. 19. – № 2. – С. 146.

дит, полное разделение исправительных и принудительных работ по критерию занятости в изменчивой социальной среде реализуется не всегда[1].

Подход к надзору меняется, прежде основная энергия уходила на содействие в устройстве на работу, теперь центральное место занимают проверка точности поданных данных и контроль за соблюдением регламента удержаний. По этой причине надзор утрачивает выраженную социальную направленность и приобретает преимущественно юридически регламентированный характер. Подобное уменьшает свободу выбора при принятии решений в инспекции, хотя письменное подтверждение каждого этапа исполнения наказания приобретает гораздо более весомое значение.

Результативность реформы во многом зависит от качества процессуального обеспечения. При слабой проработке процедур даже преобразования с убедительной теоретической базой способны породить неоднозначную правоприменительную линию. Тем самым на первый план выходит уровень исполнения, именно в его деталях и механизмах будет оформляться содержательное наполнение модели, выстраиваемой заново в уголовно-исполнительной сфере.

С учетом названных обстоятельств реформу нужно воспринимать не как финальную стадию, а как переходное решение, которому необходима последующая корректировка. Ее результат будет зависеть в первую очередь не от формализованных ориентиров при назначении наказаний, а от того, сумеет ли правоприменитель соразмерно принимать во внимание фактическую социально-экономическую обстановку и личностные особенности осужденных.

В реальной практике не исключены спорные эпизоды. Иногда работодатель, сохраняя внешнюю правомерность своих действий, выстраивает обстановку, при которой дальнейшее сохранение трудового договора оказывается существенно осложненным. В подобных обстоятельствах правовая охрана интересов осужденного зависит от действенности надзора со стороны УИИ и от готовности самого работника оспаривать действия работодателя.

Реформа не поддается однозначной оценке, результаты дают основания говорить и о выигрыше, и о новых издержках. С одной стороны, возрастает реальная исполнимость назначаемых наказаний, а инспекционные подразделения несут меньшую организационную нагрузку. Правовое регулирование приобретает более дробный и детальный характер. При ином подходе сохраняется вероятность увеличения числа лиц, фактически выведенных из общественной среды; возрастает и нагрузка на систему исправительных центров.

С точки зрения равного правового обращения подобная ситуация заслуживает отдельной оценки. Когда к лицу без работы применяется мера в виде принудительных работ, исполнение оказывается строже, чем при исправительных работах для занятого человека. Из-за такого различия социальное положение начинает влиять на степень реального карательного воздействия, что способно породить спор о соответствии принципу равенства перед законом.

Одной лишь внешней перегруппировкой осужденных между разными видами наказания невозможно обеспечить перемену поведенческих установок, без реального наполнения исполнения такая мера не гарантирует ни исправления, ни недопущения новых преступлений. По этой причине изучение изменений в регулировании данных видов наказания должно опираться не только на практическую результативность с организационной точки зрения, но и на степень согласованности с целями уголовного наказания, закрепленными в уголовном законодательстве. В центре оценки находится вопрос, ведет ли новая модель к достижению исправления осужденного и к предупреждению совершения новых преступлений.

В традиционной доктрине исправительные работы рассматривались как наказание, максимально сохраняющее социальную включенность лица, трудовые и бытовые отношения при назначении не прерываются. Осужденный при таком подходе остается в знакомой ему

[1] Уткин, В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2022. – С. 114.

среде, а его материальная сфера подвергается ограничениям. За счет такого решения государственное воздействие осуществляется без резкого перелома в обычном жизненном пути. При обновленной модели применение данного механизма допускается лишь при подтвержденной официальной занятости, поэтому круг его использования сужается, а возможности мягкой коррекции поведения уменьшаются.

В институте принудительных работ надзорная и дисциплинарная составляющие выражены особенно явно. Обе составляющие исправительного эффекта зависят от того, какую смысловую рамку формирует сам осужденный, видит ли он в данной мере возможность скорректировать свое поведение либо воспринимает ее как разновидность квазиизоляции. При преобладании второго взгляда возникает опасность того, что человек ограничится лишь внешним исполнением предписаний, не принимая правовые нормы внутренне. Сходный вывод уже фиксировался в ряде исследований, посвященных альтернативам лишения свободы, где подчеркивалось, избыточная регламентация способна ослаблять мотивацию к самостоятельному правомерному поведению[1].

На практике особенно заметно, что сами осужденные оценивают меру наказания через призму воспринимаемой соразмерности. Для работающего человека исправительные работы нередко кажутся менее обременительными, чем принудительные работы. Исток такого различия стоит искать не в степени общественной опасности содеянного, а в социальном положении лица на момент вынесения приговора. По этой причине у осужденных складывается впечатление, что правоприменение распределяет наказание неравно; со временем подобное ощущение способно ослаблять доверие к институту наказания.

В уголовно-правовой политике просматривается курс на более простую модель исполнения наказаний и на сокращение зон правовой неопределенности. По данной причине законодатель сохранил идею организации трудового участия неработающего осужденного в формате исправительных работ и отнес соответствующее решение к институту принудительных работ. С управленческой точки зрения подобный выбор выглядит последовательным, однако на уровне причин преступного поведения он остается недостаточным, поскольку состояние социальной дезадаптации, как правило, сохраняется без изменений.

Чтобы реформа дала долговременный эффект, на первый план выходит не только исполнение наказания, но и выстроенность последующей ресоциализации. Когда окончание принудительных работ не получает организационной поддержки при трудоустройстве, человек с высокой вероятностью снова оказывается в прежней социальной среде, не проходя через сколько-нибудь заметные перемены; именно так возникает «замкнутый цикл». Поэтому одно лишь разграничение видов наказаний нельзя считать достаточной мерой предупреждения. При сопоставлении официальных и неформальных способов влияния связь между ними показывает, правового каркаса недостаточно. В регулировании законодатель применяет нормативные средства, охватывающие меру ответственности, порядок ее исполнения, временные пределы и возложенные обязанности. Фактическое поведение осужденного задается не только указанными параметрами, на него воздействуют условия пребывания, уровень контроля и личные установки. Новая модель действительно делает правовую рамку более определенной, но вопрос о том, каким образом будет обеспечена реальная результативность влияния, направленного на исправление, сохраняется.

При развитии судебной практики в указанном направлении при выборе меры наказания судье придется учитывать не только юридическую оценку деяния по его характеру и степени общественной опасности, но и фактическое положение человека в сфере трудовой занятости. Подобный подход приведет к более подробному рассмотрению социального положения подсудимого, уже не в обобщенном, а в максимально конкретизированном виде. Наряду с этим

[1] Щетнева, В.А. Наказание в виде принудительных работ как альтернатива лишению свободы / В.А. Щетнева // Уголовно-исполнительное право. - 2025. - № 3. - С. 34.

нельзя исключать, что участники процесса будут стремиться подать сведения о трудоустройстве в более выгодной для себя интерпретации; по этой причине проверка правдивости подобных данных приобретет особое значение.

В совокупности данные поправки формируют иную модель сопряжения уголовно-правового регулирования, трудовой сферы и механизмов исполнения наказаний. Окончательную результативность удастся надежно оценить лишь после накопления достаточного массива практики реализации. Сейчас, впрочем, уже видно главное, дело не в частичной правке отдельных предписаний, а в переосмыслении самого подхода к использованию труда как инструмента уголовно-правового воздействия.

Происходит замена прежней конструкции, отличавшейся подвижностью, но слабой прикладной состоятельностью, на систему с гораздо более жестко закрепленными рамками. Для управления такая схема удобнее, хотя пространство допустимых решений в ней заметно уже. Окончательный ответ на вопрос о том, насколько оправдан подобный сдвиг и не вызовет ли он изменение равновесия между смягчающей направленностью наказания и требованием результативности, даст лишь дальнейшая практика.

ТДУ 343.775

ҶАВОБГАРИИ ҶИНОЯТӢ БАРОИ ХАРОБ КАРДАНИ ЗАМИН ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОРЧУ ЗЕМЕЛЬ В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

РАҲИМЗОДА АБДУҲАЛИМ РАҲИМ
Дотсенти кафедраи фанҳои ҳуқуқӣ-маданӣ факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия / Доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции

Дар шароити муосири рушди ҷомеа масъалаи ҳифзи замин ҳамчун объекти муҳимми табиат ва воситаи асосии истеҳсолоти кишоварзӣ аҳаммияти махсус касб намудааст. Замин ҳамчун қисми ҷудонашавандаи муҳити зист, сарвати миллӣ ва асоси фаъолияти хоҷагидорӣ дар рушди иқтисодиёти Ҷумҳурии Тоҷикистон нақши калидӣ дорад. Аз ҳамин сабаб, ҳифзи ҳуқуқии замин, пешгирии вайроншавӣ ва хароб гардидани он, инчунин муқаррар намудани ҷавобгарии ҳуқуқӣ барои расонидани зарар ба замин яке аз самтҳои муҳими сиёсати давлатии экологӣ ба ҳисоб меравад.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон масъалаҳои вобаста ба ҳифзи замин ва истифодаи оқилонаи он дар шароити рушди саноат, афзоиши фаъолияти сохтмонӣ, истифодаи ғайриқонунии нуриҳои химиявӣ, зиёд гардидани партовҳои истеҳсолӣ ва маишӣ, инчунин таъсири манфии фаъолияти инсон ба муҳити зист боз ҳам мубрам гардидаанд.

Мувофиқи маълумоти расмии Агентии омори назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Кумитаи ҳифзи муҳити зисти назди Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон, дар кишвар масъалаҳои эрозияи хок, пастшавии ҳосилхезии замин, шӯршавӣ ва ифлосшавии заминҳои кишоварзӣ ҳамчун яке аз мушкилоти муҳими экологӣ эътироф гардидаанд. Дар маърузаҳои Созмони озуқаворӣ ва кишоварзии СММ (FAO) низ таъкид мешавад, ки барои кишварҳои Осиёи Марказӣ, аз ҷумла Ҷумҳурии Тоҷикистон, таназзули замин ва эрозияи хок аз масъалаҳои асосии экологӣ ва аграрӣ ба ҳисоб

мераванд. Ин ҳолат зарурати пурзӯр намудани механизмҳои ҳуқуқӣ, аз ҷумла, ҷавобгарии ҷиноятиро барои хароб кардани замин ба миён меорад.

Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар моддаи 13 муқаррар менамояд, ки замин, сарватҳои зеризаминӣ, об, олами наботот ва ҳайвонот моликияти истисноии давлат буда, давлат истифодаи самаранок ва ҳифзи онҳоро таъмин менамояд. Ин меъёр асоси конститутсионии ҳифзи заминро ташкил дода, уҳдадории давлатро дар самти таъмини бехатарии экологӣ ва истифодаи оқилонаи замин муайян мекунад[1].

Кодекси замини Ҷумҳурии Тоҷикистон заминро ҳамчун сарвати муҳимтарини миллӣ эътироф намуда, истифодаи оқилона ва ҳифзи онро яке аз вазифаҳои асосии давлат мешуморад. Дар моддаҳои Кодекси замин талаботи ҳатмӣ оид ба ҳифзи замин аз эрозия, ботлоқшавӣ, шӯршавӣ, ифлосшавӣ ва дигар равандҳои вайронкунанда пешбинӣ гардидаанд[2].

Дар баробари ин, Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи муҳити зист» низ муқаррар менамояд, ки ҳифзи замин ва нигоҳ доштани ҳолати экологии он яке аз самтҳои муҳими сиёсати давлатии экологӣ мебошад. Қонун истифодаи технологияҳо ва фаъолияти хоҷагидориро, ки ба ифлосшавӣ ва вайроншавии замин оварда мерасонанд, маҳдуд намуда, уҳдадории шахсони воқеӣ ва ҳуқуқиро дар самти пешгирии таъсири манфӣ ба муҳити зист муайян мекунад[3].

Дар низоми ҷавобгарии ҳуқуқӣ ҷавобгарии ҷиноятӣ мавқеи махсус дорад, зеро он барои кирдорҳое татбиқ мегардад, ки ба муносибатҳои ҷамъиятӣ зарари ҷиддӣ мерасонанд. Ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин дар Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21 майи соли 1998 пешбинӣ гардидааст. Аз ҷумла, моддаи 228 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) ҷавобгариро барои хароб кардани замин муқаррар менамояд. Мувофиқи моддаи мазкур, заҳролуд кардан, ифлос намудан ё ба тарзи дигар хароб кардани замин дар натиҷаи вайрон намудани қоидаҳои муносибат бо нуриҳо, ангезандаҳои рушди растанӣ, моддаҳои кимиёвии хатарнок ва дигар моддаҳои биологӣ ё кимиёвӣ ҳангоми нигоҳдорӣ, истифода ё интиқоли онҳо, агар ин кирдор боиси расонидани зарар ба саломатии инсон ё муҳити зист гардад, ҳамчун ҷиноят эътироф карда мешавад. Қонунгузор дар ин модда ҳифзи заминро ҳамчун объекти муҳими муҳити зист ва сарвати миллӣ таъмин менамояд[4].

Объекти ҷинояти мазкур муносибатҳои ҷамъиятӣ оид ба ҳифзи замин, таъмини бехатарии экологӣ ва саломатии аҳолӣ мебошад. Предмети ҷиноят замин ҳамчун объекти табиӣ ва қисми муҳити зист ба ҳисоб меравад. Ҷониби объективии ҷиноят дар амалҳои ифлоскунӣ, заҳролудкунӣ ё хароб кардани замин ифода меёбад. Барои мавҷудияти таркиби ҷиноят зарур аст, ки чунин амалҳо дар натиҷаи вайрон намудани қоидаҳои истифода, нигоҳдорӣ ё интиқоли моддаҳои хатарнок содир шуда бошанд.

Ҷониби субъективии ҷиноят метавонад ҳам бо қасди бевосита ва ҳам бо беэҳтиётӣ содир гардад. Субъекти ҷиноят шахси воқеии ба синни ҷавобгарии ҷиноятӣ расида ме-

[1] Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994 (бо тағйиру иловаҳо аз 26.09.1999, 22.06.2003 ва 22.05.2016 с.). // [Захираи электронӣ]. – Манбаи дастрасӣ: http://base.mmk.tj/view_sanadholist.php?order=nomi_sanad&ordertype=ASC

[2] Кодекси замини Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13-уми декабри с. 1996, № 326 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон № 23 с. 1996, мод. 351 с. 1997, № 23-24, мод. 333; с. 1999, № 5, мод.59; с. 2001, № 4, мод.176; с. 2004, № 2, мод.55; №3, мод. 190; с. 2006, №7, мод. 347; с. 2008, №1 қ2 мод.22, с. 2008, №6, мод.463.; с. 2011, №3, мод. 171; Қонуни ҶТ аз 22.06.2023 № 1974.

[3] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳифзи муҳити зист» аз 2-юми августи с. 2011, № 760 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2011, № 7-8, мод. 614; с. 2014, №11, мод. 669; Қонуни ҶТ аз 27.11.2014 № 1160, аз 18.07.2017 № 1449, аз 08.06.2022 № 1879, аз 08.06.2022 № 1880, аз 13.11.2024 № 2099.

[4] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с.1998, № 9, мод.68, мод. 69, № 22, мод. 306; Қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 13.11.2023 № 1985, аз 20.06.2024 № 2050, аз 15.04.2025 № 2163

бошад. Дар ҳолати расонидани зарари вазнин ё ба вуҷуд омадани оқибатҳои махсусан хавфнок ҷавобгарии ҷиноятӣ вазнintар мегардад.

Дар адабиёти ҳуқуқӣ олимони соҳаи ҳуқуқи экологӣ масъалаи ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани заминро аз ҷиҳатҳои гуногун таҳлил намудаанд. Боголюбов С.А. қайд менамояд, ки «ҷиноятҳои экологӣ ба амнияти экологӣ ва саломатии аҳолӣ хатари ҷиддӣ доранд»[1]. Дубовик О.Л. таъкид мекунад, ки хароб гардидани замин ба пастшавии ҳосилхезии хок ва вайроншавии мувозинати экологӣ оварда мерасонад[2]. Ба ақидаи Ерофеев Б.В., ҳифзи ҳуқуқии замин яке аз самтҳои муҳими сиёсати давлатии экологӣ мебошад[3].

Дар амалияи ҳуқуқтатбиқкунӣ мушкилоти муайян намудани дараҷаи зарари экологӣ ва исбот намудани робитаи сабабӣ байни амал ва оқибатҳои ба вуҷудомада ҷой дорад. Бисёр вақт муайян намудани он ки маҳз кадом амал ба ифлосшавӣ ё хароб гардидани замин оварда расонидааст, душвор мебошад. Ғайр аз ин, экспертизаҳои экологӣ ва таҳлилҳои махсуси илмӣ хароҷоти зиёд талаб менамоянд.

Масъалаи хароб гардидани замин дар Ҷумҳурии Тоҷикистон махсусан дар соҳаи кишоварзӣ муҳим мебошад. Дар баъзе минтақаҳо истифодаи аз меъёр зиёди нуриҳои минералӣ, пестисидҳо ва дигар моддаҳои кимиёвӣ боиси пастшавии сифати хок ва ифлосшавии он гардидааст. Мувофиқи маълумоти ташкилотҳои байналмилалӣ, аз ҷумла Созмони озуқаворӣ ва кишоварзии СММ (FAO), дар кишварҳои Осиёи Марказӣ равандҳои эрозия ва таназзули замин яке аз мушкилоти ҷиддии экологӣ ба ҳисоб мераванд.

Тибқи маълумоти расмии мақомоти давлатӣ, дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳазорҳо гектар заминҳои кишоварзӣ ба эрозия, шӯршавӣ ва пастшавии ҳосилхезӣ дучор гардидаанд. Ин ҳолат ба истеҳсоли маҳсулоти кишоварзӣ, таъмини амнияти озуқаворӣ ва рушди иқтисоди миллӣ таъсири манфӣ мерасонад. Аз ҳамин сабаб, давлат сиёсати махсуси ҳифзи заминро амалӣ намуда, барои вайрон намудани талаботи экологӣ ҷавобгарии ҳуқуқӣ муқаррар кардааст.

Дар ҳуқуқи байналмилалӣ низ масъалаи ҳифзи замин ва пешгирии ифлосшавии он мавқеи муҳим дорад. Эъломияи Стокголм оид ба муҳити зисти инсон аз соли 1972 ва Эъломияи Рио-де-Жанейро оид ба муҳити зист ва рушд аз соли 1992 истифодаи оқилонаи захираҳои табиӣ ва пешгирии ифлосшавии муҳити зистро ҳамчун принсипҳои муҳими ҳуқуқи байналмилалии экологӣ муқаррар менамоянд. Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун узви ҷомеаи байналмилалӣ уҳдадор аст, ки стандартҳои байналмилалиро дар соҳаи ҳифзи муҳити зист риоя намояд[4].

Таҳлили қонунгузории хориҷӣ нишон медиҳад, ки дар бисёр давлатҳо ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин муқаррар шудааст. Масалан, дар Федератсияи Россия м. 254 Кодекси ҷиноятӣ ҷавобгариро барои вайрон кардани замин пешбинӣ менамояд. Дар Ҷумҳурии Қазоқистон ва Ҷумҳурии Ӯзбекистон низ барои ифлосшавӣ ва вайроншавии замин ҷавобгарии ҷиноятӣ мавҷуд аст. Ин таҷрибаҳо нишон медиҳанд, ки ҳифзи замин яке аз самтҳои муҳими сиёсати экологӣ дар аксари давлатҳо ба ҳисоб меравад.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон татбиқи самараноки ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин аз фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, мақомоти назорати экологӣ ва судҳо вобастагии калон дорад. Барои пешгирии чунин ҷиноятҳо гузаронидани монито-

[1] Боголюбов, С.А. Экологическое право: учебник. – М.: Юрайт, 2020. – С. 412.
[2] Дубовик, О.Л. Экологическое право. – М.: Проспект, 2018. – С. 533.
[3] Ерофеев, Б.В. Экологическое право России. – Москва: Юрайт, 2017. – С. 287.
[4] Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Женейро 14 июня 1992 года // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml

ринги экологӣ, такмил додани экспертизаҳои экологӣ ва баланд бардоштани маърифати ҳуқуқии аҳолӣ аҳаммияти муҳим доранд.

Яке аз мушкилоти муҳим дар ин самт паст будани сатҳи маърифати экологӣ мебошад. Дар баъзе ҳолатҳо шаҳрвандон ва субъектҳои хоҷагидор оқибатҳои истифодаи нодурусти моддаҳои химиявӣ ва партовҳоро пурра дарк намекунанд. Аз ҳамин сабаб, гузаронидани корҳои фаҳмондадиҳӣ ва таълимӣ дар самти ҳифзи замин аҳаммияти махсус дорад.

Инчунин, зарур аст, ки механизмҳои ҷуброни зарари экологӣ такмил дода шаванд. Дар амалия бисёр вақт муайян намудани ҳаҷми зарари расонидашуда ба замин мушкил мебошад. Барои ин истифодаи методикаҳои муосири экологӣ ва ҷалби мутахассисони соҳавӣ зарур аст.

Дар замони муосир масъалаи ҳифзи замин бо таъмини рушди устувор алоқаи зич дорад. Ҳадафҳои рушди устувори Созмони Милали Муттаҳид зарурати ҳифзи захираҳои табиӣ ва истифодаи оқилонаи онҳоро таъкид менамоянд. Ҷумҳурии Тоҷикистон низ дар доираи стратегияҳои миллии рушд масъалаҳои ҳифзи муҳити зист ва истифодаи оқилонаи заминро ҳамчун самти муҳими сиёсати давлатӣ муайян кардааст.

Бо мақсади баланд бардоштани самаранокии ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин пешниҳод менамояд, ки қонунгузории экологӣ ва ҷиноятӣ боз ҳам такмил дода шуда, механизмҳои назорати давлатӣ пурзӯр гарданд. Инчунин, зарур аст, ки таҷрибаи пешқадами байналмилалӣ дар самти муайян намудани зарари экологӣ ва пешгирии ҷиноятҳои экологӣ истифода бурда шавад.

Ҳамин тариқ, ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин воситаи муҳими ҳифзи муҳити зист ва таъмини бехатарии экологӣ ба ҳисоб меравад. Муқаррар намудани чунин ҷавобгарӣ ба ҳифзи ҳуқуқ ва манфиатҳои ҷомеа, нигоҳ доштани ҳолати экологии замин ва таъмини истифодаи оқилонаи он мусоидат менамояд. Дар шароити рушди муосир такмил додани қонунгузорӣ, баланд бардоштани самаранокии фаъолияти мақомоти давлатӣ ва рушди маърифати экологӣ барои пешгирии харобшавии замин аҳаммияти муҳим доранд.

Дар амалияи судӣ ва ҳуқуқтатбиққунӣ мушкилоти асосӣ ба исбот намудани зарари экологӣ, муайян намудани робитаи сababӣ байни кирдор ва оқибатҳои баамаломада, инчунин муайян намудани ҳаҷми зарари расонидашуда вобаста мебошад. Бо вуҷуди мавҷудияти ҷавобгарии ҷиноятӣ, дар бисёр ҳолатҳо кирдорҳои вобаста ба ифлоскунӣ ва вайрон намудани замин ҳамчун ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ арзёбӣ мешаванд. Аз ҳамин сабаб, такмил додани методикаҳои баҳодиҳии зарари экологӣ, пурзӯр намудани назорати давлатӣ ва баланд бардоштани маърифати ҳуқуқии субъектҳои хоҷагидор аҳаммияти муҳим доранд.

Дар назарияи ҳуқуқи ҷиноятӣ хароб кардани замин ҳамчун яке аз шаклҳои ҷиноятҳои экологӣ арзёбӣ гардида, хавфнокии ҷамъиятии он дар расонидани зарар ба муҳити зист, саломатии инсон ва захираҳои табиӣ ифода меёбад. Ба ақидаи Бринчук М.М., «ҷиноятҳои экологӣ ба муносибатҳои ҷамъиятӣ дар самти таъмини бехатарии экологӣ зарари мустақим мерасонанд»[1]. Боголюбов С.А. таъкид менамояд, ки замин ҳамчун объекти махсуси ҳифзи ҳуқуқӣ на танҳо аҳамияти иқтисодӣ, балки аҳамияти иҷтимоӣ ва экологӣ низ дорад[2].

Дар илмҳои экологӣ ва аграрӣ қайд карда мешавад, ки таназзули замин яке аз мушкилоти глобалии асри XXI мебошад. Тибқи маърузаҳои FAO, ҳамасола дар ҷаҳон миллионҳо гектар заминҳои ҳосилхез дар натиҷаи эрозия, истифодаи нодурусти нуриҳо, буридани ҷангалҳо ва ифлосшавии саноатӣ аз гардиши кишоварзӣ хориҷ мешаванд. Дар маърузаи UNEP Global Environment Outlook таъкид мегардад, ки зиёда аз 20 фоизи

[1] Бринчук, М.М. Экологическое право. – М: Городец, 2019. – С. 214.
[2] Боголюбов, С.А. Асари зикршуда. – С. 398.

заминҳои кишоварзии ҷаҳон ба равандҳои таназзул дучор гардидаанд. Ин ҳолат ба амнияти озуқаворӣ ва вазъи иҷтимоии аҳолӣ таъсири манфӣ мерасонад.

Дар Ҷумҳурии Тоҷикистон низ масъалаи хароб гардидани замин хусусияти мубрам дорад. Тибқи маълумоти мақомоти давлатӣ, қисми зиёди заминҳои обёришавандаи кишвар ба шӯршавӣ, эрозия ва пастшавии ҳосилхезӣ гирифтор шудаанд. Мутахассисон қайд менамоянд, ки истифодаи ғайриоқилонаи нуриҳои минералӣ ва заҳрхимикатҳо, инчунин вайрон намудани қоидаҳои агротехникӣ ба паст гардидани сифати хок оварда мерасонанд. Ба ақидаи олимони тоҷик, аз ҷумла А.Ҳ. Саидов ва Ш.Х. Одиназода, яке аз омилҳои асосии хароб гардидани замин риоя нагардидани талаботи қонунгузории экологӣ ва заиф будани назорати давлатӣ мебошад.

Дар таҷрибаи давлатҳои хориҷӣ масъалаи ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин васеъ танзим шудааст. Масалан, дар Федератсияи Русия м. 254 КҶ ҶТ ҷавобгариро барои вайрон кардани замин пешбинӣ намуда, барои ифлосшавӣ, захролудшавӣ ё дигар шаклҳои харобшавии замин дар натиҷаи фаъолияти хоҷагидорӣ ҷазо муқаррар менамояд. Дар Ҷумҳурии Беларус ва Ҷумҳурии Қазоқистон низ меъёрҳои шабеҳ мавҷуданд. Дар ҳуқуқи ҷиноятии Олмон ва Фаронса барои ифлос намудани хок ва вайрон кардани меъёрҳои экологӣ ҷаримаҳои калон ва маҳрум сохтан аз озодӣ татбиқ карда мешаванд.

Дар Иёлоти Муттаҳидаи Амрико қонунгузории экологӣ яке аз низомҳои мукаммалтарин ба ҳисоб меравад. Қонуни федералии CERCLA (Comprehensive Environmental Response, Compensation and Liability Act) барои ифлос намудани муҳити зист ва замин ҷавобгарии сахт, аз ҷумла ҷуброни ҳатмии зарари экологиро пешбинӣ менамояд. Дар бисёр ҳолатҳо ширкатҳои саноатӣ барои ифлос намудани замин ба маблағҳои миллионҳо доллар ҷарима карда шудаанд.

Таҳлили амалияи судӣ нишон медиҳад, ки дар аксари ҳолатҳо мушкилоти асосӣ ба исбот намудани робитаи сабабӣ байни фаъолияти шахс ва зарари экологӣ вобаста мебошад. Барои муайян намудани ҳолати воқеии замин истифодаи экспертизаҳои экологӣ, таҳлилҳои агрохимиявӣ ва хулосаҳои мутахассисон зарур аст. Дубовик О.Л. қайд менамояд, ки «бе истифодаи донишҳои махсус исбот намудани таркиби ҷиноятҳои экологӣ қариб ғайриимкон мебошад»[1].

Яке аз масъалаҳои муҳим дар ин самт фарқ намудани ҷавобгарии ҷиноятӣ аз ҷавобгарии маъмурӣ мебошад. Агар зарари расонидашуда ба замин хавфи ҷиддӣ ба муҳити зист ва саломатии инсон дошта бошад, кирдор ҳамчун ҷиноят арзёбӣ мегардад. Дар ҳолатҳои дигар, ҷавобгарии маъмурӣ татбиқ карда мешавад. Аз ҷумла, м. 236 Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷавобгариро барои вайрон кардани қоидаҳои ҳифз ва истифодаи замин пешбинӣ менамояд[2].

Дар ҳуқуқи байналмилалӣ масъалаи ҳифзи замин бо консепсияи рушди устувор алоқаи ногусастанӣ дорад. Дар Эъломияи Рио-де-Жанейро аз соли 1992 қайд гардидааст, ки давлатҳо уҳдадоранд захираҳои табииро бо назардошти манфиатҳои наслҳои ҳозира ва оянда истифода намоянд. Ҳадафҳои рушди устувори СММ низ ҳифзи захираҳои табиӣ ва муборизаи бар зидди таназзули заминро ҳамчун яке аз самтҳои афзалиятнок муайян менамоянд.

Омилҳои асосии хароб гардидани замин дар Тоҷикистон ба истифодаи ғайриоқилонаи заминҳои кишоварзӣ, буридани ғайриқонунии ҷангалҳо, сохтмонҳои худсарона, истифодаи аз меъёр зиёди нуриҳои минералӣ ва таъсири фаъолияти саноатӣ вобаста мебошанд. Дар баъзе минтақаҳо истихроҷи ғайриқонунии сарватҳои зеризаминӣ низ боиси вайроншавии қабати ҳосилхези замин гардидааст.

[1] Дубовик, О.Л. Асари зикршуда. – С. 547.
[2] Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 31-уми декабри соли 2008, № 455 // Ахбори Мачлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2008, №12, қ. 1, мод. 989, мод. 990; с. 2009, №5, мод. 321, №9-10, мод. 543; Қонуни ҶТ аз 25.06.2021 № 1784, № 1785

Дар адабиёти илмӣ пешниҳод мегардад, ки барои баланд бардоштани самаранокии муборизa бар зидди хароб кардани замин зарур аст: такмил додани қонунгузории ҷиноятӣ ва экологӣ; пурзӯр намудани назорати давлатӣ; рушди мониторинги экологӣ; баланд бардоштани маърифати ҳуқуқӣ ва экологӣ; ҷорӣ намудани технологияҳои муосири экологӣ ва истифодаи таҷрибаи байналмилалӣ[1].

Бо назардошти аҳаммияти замин ҳамчун сарвати миллӣ ва объекти муҳими муҳити зист, ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин яке аз воситаҳои муҳимтарини ҳифзи муҳити зист ва таъмини амнияти экологӣ ба ҳисоб меравад. Самаранокии татбиқи он аз такмили қонунгузорӣ, фаъолияти мақомоти давлатӣ, рушди маърифати экологӣ ва истифодаи таҷрибаи байналмилалӣ вобастагии калон дорад.

Дар назарияи муосири ҳуқуқи экологӣ масъалаи ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин ҳамчун яке аз самтҳои муҳимтарини ҳифзи ҳуқуқии муҳити зист арзёбӣ мегардад. Олимони соҳаи ҳуқуқи экологӣ қайд менамоянд, ки замин на танҳо объекти иқтисодӣ, балки асоси биологии ҳаёт ва ҷузъи муҳими экосистема мебошад. Ба ақидаи Шемшученко Ю.С., «ҳифзи замин ҳамчун ҷузъи муҳити табиӣ бояд ба принсипи афзалияти манфиатҳои экологӣ асос ёбад»[2]. Петров В.В. менависад, ки «ҷавобгарии ҷиноятӣ дар соҳаи ҳифзи замин ҳамчун воситаи ниҳоии таъсири давлатӣ барои пешгирии кирдорҳои аз ҷиҳати экологӣ хавфнок истифода мешавад»[3].

Дар адабиёти илмии аврупоӣ низ масъалаи таназзули замин васеъ таҳқиқ шудааст. Олимони олмонӣ Винтер Г. ва Боссельман К. қайд менамоянд, ки ҳуқуқи экологӣ бояд пеш аз ҳама ба пешгирии зарар нигаронида шавад, на танҳо ба ҷазодиҳӣ баъд аз расонидани зарар[4]. Ба ақидаи Эдит Браун Вайс, истифодаи захираҳои табиӣ бояд бо назардошти манфиатҳои наслҳои оянда амалӣ гардад[5]. Ин назария имрӯз яке аз асосҳои консепсияи рушди устувор ба ҳисоб меравад.

Олими рус Бринчук М.М. таъкид менамояд, ки ҷиноятҳои экологӣ аз дигар ҷиноятҳо бо он фарқ мекунанд, ки зарари онҳо аксаран хусусияти дарозмуддат дошта, оқибатҳои онҳо баъд аз солҳои зиёд низ идома меёбанд[6]. Масалан, ифлосшавии замин бо моддаҳои радиоактивӣ ё кимиёвӣ метавонад даҳсолаҳо муҳити зист ва саломатии инсонро зери хатар қарор диҳад. Аз ҳамин сабаб, дар бисёр давлатҳо ҷавобгарии ҷиноятӣ барои чунин кирдорҳо пурзӯр гардидааст.

Таҳлилҳои илмии ташкилотҳои байналмилалӣ нишон медиҳанд, ки ҳамасола дар ҷаҳон зиёда аз 24 миллиард тонна қабати ҳосилхези хок дар натиҷаи эрозия аз байн меравад[7]. Мувофиқи маълумоти FAO, тақрибан 33 фоизи хокҳои ҷаҳон ба дараҷаҳои гуногуни таназзул дучор гардидаанд. Дар маърузаи Global Land Outlook, ки аз ҷониби Конвенсияи СММ оид ба муборизa бар зидди биёбоншавӣ омода шудааст, қайд мегардад, ки таназзули замин ба иқтисодиёти ҷаҳонӣ ҳар сол миллиардҳо доллар зарар мерасонад[8].

Дар ҳуқуқи ҷиноятии давлатҳои гуногун меъёрҳои махсус оид ба ҳифзи замин пешбинӣ шудаанд. Дар Испания ва Италия ифлос намудани хок бо партовҳои саноатӣ ҳамчун ҷинояти вазнин арзёбӣ гардида, барои он ҷазои маҳрум сохтан аз озодӣ пешбинӣ шудааст. Дар қонунгузории Чин барои расонидани зарари экологӣ ба замин, ки ба саломатии аҳолӣ таҳдид мекунад, ҷавобгарии сахти ҷиноятӣ муқаррар гардида-

[1] Боголюбов, С.А. Асари зикршуда. – С. 421.
[2] Шемшученко, Ю.С. Экологическое право. – Киев: Юридическая мысль, 2015. – С. 214.
[3] Петров, В.В. Экологическое право России. – М.: БЕК, 2016. – С. 318.
[4] Bosselmann, K. Earth Governance: Trusteeship of the Global Commons. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – Pp. 147.
[5] Weiss, E.B. Environmental Change and International Law. – Tokyo: United Nations University Press, 1992. – Pp. 39.
[6] Бринчук, М.М.Асари зикршуда. – С. 224.
[7] FAO. Status of the World's Soil Resources Report. – Rome: FAO, 2015.
[8] Global Land Outlook. United Nations Convention to Combat Desertification. – Bonn, 2022.

аст. Дар Япония баъд аз ҳодисаҳои калони ифлосшавии муҳити зист қонунгузории экологӣ куллан такмил дода шуда, барои фаъолияти саноатии хавфнок талаботи махсус муқаррар карда шуданд.

Таҳлили таҷрибаи судии давлатҳои хориҷӣ нишон медиҳад, ки яке аз омилҳои асосии самаранокии ҷавобгарии ҷиноятӣ фаъолияти мустақили мақомоти экологӣ ва истифодаи экспертизаҳои илмӣ мебошад. Масалан, дар Иёлоти Муттаҳидаи Амрико Агентии ҳифзи муҳити зист (EPA) дорои ваколатҳои васеъ буда, метавонад нисбати шахсони воқеӣ ва ҳуқуқӣ парвандаҳои ҷиноятӣ оғоз намояд. Дар амалияи судии ИМА ҳолатҳое мавҷуданд, ки ширкатҳои бузург барои ифлос намудани замин ва муҳити зист ба маблағҳои миллиардҳо доллар ҷарима шудаанд.

Дар адабиёти илмӣ масъалаи фарқ намудани ҷавобгарии ҷиноятӣ аз дигар намудҳои ҷавобгарӣ низ муҳим арзёбӣ мегардад. Ба ақидаи Дубовик О.Л., меъёри асосии фарқкунандаи ҷиноят аз ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ дараҷаи хавфнокии ҷамъиятӣ ва ҳаҷми зарари расонидашуда мебошад[1]. Агар зарари экологӣ хусусияти ҷиддӣ дошта бошад ё ба саломатии инсон таҳдид намояд, ҷавобгарии ҷиноятӣ татбиқ мегардад.

Ҳуқуқшиносони амрикоӣ Ричард Лазарус ва Даниел Фарбер таъкид менамоянд, ки дар шароити рушди саноатӣ давлатҳо бояд сиёсати «таҳаммулнопазирӣ»-ро нисбат ба ҷиноятҳои экологӣ татбиқ намоянд[2]. Ба ақидаи онҳо, ҷазо барои ифлос намудани замин бояд на танҳо ҷуброни зарар, балки пешгирии чунин кирдорҳоро таъмин намояд.

Дар илми ҳуқуқи экологӣ масъалаи принсипҳои ҷавобгарӣ низ мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Олимон қайд менамоянд, ки ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин бояд ба принсипҳои қонуният, адолат, ногузирии ҷавобгарӣ ва ҷуброни зарари экологӣ асос ёбад. Ба ақидаи Ерофеев Б.В., «бе таъмини ногузирии ҷавобгарӣ муборизаи бар зидди ҷиноятҳои экологӣ самаранок нахоҳад буд»[3].

Дар шароити муосир истифодаи технологияҳои рақамӣ ва мониторинги экологӣ барои пешгирии хароб гардидани замин аҳаммияти калон дорад. Дар бисёр давлатҳо системаҳои GIS, мониторинги кайҳонӣ ва таҳлилҳои лабораторӣ муосир барои муайян намудани ҳолати хок истифода мешаванд. Ҷорӣ намудани чунин технологияҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон низ метавонад ба баланд гардидани самаранокии назорати экологӣ мусоидат намояд.

Ҳамин тариқ, таҳлили қонунгузорӣ, таҷрибаи байналмилалӣ ва назарияи илмӣ нишон медиҳад, ки ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин воситаи муҳимтарини ҳифзи муҳити зист ва таъмини амнияти экологӣ мебошад. Самаранокии он аз такмили қонунгузорӣ, фаъолияти касбии мақомоти давлатӣ, рушди маърифати экологӣ ва истифодаи дастовардҳои илмӣ вобастагии калон дорад.

Дар илми муосири ҳуқуқи экологӣ масъалаи ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин на танҳо дар давлатҳои аврупоӣ, балки дар тамоми минтақаҳои ҷаҳон мавриди таҳқиқи васеъ қарор гирифтааст. Дар давлатҳои Иттиҳоди Аврупо ҳифзи замин ҳамчун яке аз унсурҳои асосии сиёсати экологӣ эътироф шудааст. Санади стратегии Иттиҳоди Аврупо – EU Soil Strategy for 2030 зарурати муборизаи бар зидди таназзули замин, эрозия ва ифлосшавии хокро таъкид менамояд. Олимони аврупоӣ Винтер Г., Кремер Л. ва Боссельман К. қайд менамоянд, ки ҳифзи хок ва замин бояд қисми таркибии сиёсати рушди устувор бошад[4].

Дар Олмон қонунгузории экологӣ яке аз мукаммалтарин низомҳои ҳуқуқӣ ба ҳисоб меравад. Қонунгузории ҷиноятии Олмон барои ифлос намудани хок, вайрон кар-

[1] Дубовик, О.Л. Асари зикршуда. – С. 552.
[2] Farber, D., Lazarus, R. Cases and Materials on Environmental Law. – St. Paul: West Academic Publishing, 2020. – С. 87.
[3] Ерофеев, Б.В. Асари зикршуда. – С. 301.
[4] Bosselmann, K. Earth Governance: Trusteeship of the Global Commons. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – Pp. 152.

дани қоидаҳои истифодаи партовҳои саноатӣ ва заҳролуд намудани муҳити зист ҷавобгарии сахт пешбинӣ менамояд. Дар таҷрибаи судии Олмон ширкатҳои саноатӣ барои ифлос намудани хок ба ҷаримаҳои калон ва ҳатто қатъи фаъолияти истеҳсолӣ дучор шудаанд. Олимони олмонӣ қайд менамоянд, ки «принсипи пешгирии зарар» бояд асоси сиёсати экологӣ бошад.

Дар Фаронса ва Италия низ ҷиноятҳои экологӣ ҳамчун ҷиноятҳои зидди амнияти экологӣ эътироф гардидаанд. Дар Кодекси ҷиноятии Фаронса барои ифлос намудани муҳити зист ва замин ҷавобгарии ҷиноятӣ ва ҷуброни ҳатмии зарар пешбинӣ шудааст. Дар Италия баъд аз як қатор офатҳои экологӣ қонунгузорӣ пурзӯр гардида, барои фаъолияти ғайриқонунии саноатӣ ва партофтани партовҳои токсикӣ ҷазоҳои сахт муқаррар карда шуданд.

Дар давлатҳои Скандинавия – Шветсия, Норвегия ва Финландия – мониторинги экологӣ бо истифода аз технологияҳои рақамӣ ва таҳлилҳои лабораторӣ ба роҳ монда шудааст. Дар ин давлатҳо назорати давлатии экологӣ хеле пурзӯр буда, ҳолатҳои ифлос намудани замин фавран ошкор карда мешаванд. Олимони скандинавӣ таъкид менамоянд, ки самаранокии ҷавобгарии ҷиноятӣ бевосита ба фаъолияти шаффофи мақомоти экологӣ вобаста мебошад.

Дар давлатҳои Осиёи Марказӣ низ масъалаи таназзули замин хеле мубрам мебошад. Дар Ҷумҳурии Қазоқистон, Ҷумҳурии Ӯзбекистон ва Ҷумҳурии Қирғизистон қонунгузории ҷиноятӣ барои вайрон кардани қоидаҳои ҳифзи замин ҷавобгарӣ муқаррар намудааст. Дар ин давлатҳо эрозия, шӯршавӣ ва биёбоншавии заминҳо аз мушкилоти ҷиддии экологӣ ба ҳисоб мераванд.

Дар Ҷумҳурии Мардумии Чин масъалаи ҳифзи замин аҳаммияти стратегӣ дорад. Дар қонунгузории Чин барои фаъолияти саноатӣ, ки ба ифлосшавии хок ва замин оварда мерасонад, ҷавобгарии сахти ҷиноятӣ ва молиявӣ пешбинӣ шудааст. Баъд аз солҳои 2000-ум Чин сиёсати махсуси давлатии мубориза бар зидди ифлосшавии хокро қабул намуд. Олимони чинӣ қайд менамоянд, ки рушди иқтисодӣ набояд аз ҳисоби хароб гардидани муҳити зист амалӣ гардад.

Дар Япония баъд аз офатҳои экологӣ ва ҳодисаҳои марбут ба ифлосшавии муҳити зист қонунгузории экологӣ куллан таҷдид карда шуд. Таҷрибаи Япония нишон медиҳад, ки истифодаи технологияҳои муосир, мониторинги доимӣ ва назорати сахти давлатӣ метавонанд сатҳи ҷиноятҳои экологиро коҳиш диҳанд.

Дар Кореяи Ҷанубӣ ва Сингапур низ ҳифзи муҳити зист ҳамчун самти стратегии сиёсати давлатӣ эътироф шудааст. Дар ин давлатҳо барои фаъолияти саноатӣ ва сохтмонӣ талаботи экологӣ хеле сахт буда, барои ифлос намудани замин ҷаримаҳои калон ва маҳрум сохтан аз озодӣ пешбинӣ шудааст.

Дар Иёлоти Муттаҳидаи Амрико қонунгузории экологӣ яке аз низомҳои пешрафта ба ҳисоб меравад. Қонунҳои федералӣ, аз ҷумла CERCLA ва Clean Water Act, барои ифлос намудани муҳити зист ҷавобгарии сахт муқаррар менамоянд. Агентии ҳифзи муҳити зисти ИМА (EPA) дорои ваколатҳои васеъ буда, метавонад нисбати ширкатҳои саноатӣ ва шахсони воқеӣ парвандаҳои ҷиноятӣ оғоз намояд. Дар таҷрибаи судии ИМА ҳолатҳое ҷой доранд, ки ширкатҳои бузург барои ифлос намудани замин ба миллиардҳо доллар ҷарима шудаанд.

Олимони амрикоӣ Ричард Лазарус, Даниел Фарбер ва Эдит Браун Вайс қайд менамоянд, ки ҳифзи муҳити зист бояд ба принсипи адолати экологӣ ва масъулияти байнинаслӣ асос ёбад[1]. Ба ақидаи онҳо, истифодаи нодурусти замин ва захираҳои табиӣ метавонад ба ҳуқуқи наслҳои оянда зарари ҷиддӣ расонад.

Дар Канада ва Мексика низ масъалаи ҳифзи замин мавқеи муҳим дорад. Дар Канада назорати экологӣ махсусан нисбат ба фаъолияти ширкатҳои истихроҷи нафту газ

[1] Weiss, E.B. Environmental Change and International Law. – Tokyo: United Nations University Press, 1992. – Pp. 44.

пурзӯр мебошад. Дар Мексика баъд аз зиёд гардидани ифлосшавии муҳити зист қонунгузории ҷиноятӣ пурзӯр карда шуд.

Дар давлатҳои Америкаи Ҷанубӣ – Бразилия, Аргентина, Чили ва Колумбия – мушкилоти асосӣ ба буридани ғайриқонунии ҷангалҳо, фаъолияти саноати кӯҳӣ ва таназзули хок вобаста мебошад. Дар Бразилия барои нобуд намудани ҷангалҳои Амазон ва ифлос намудани замин ҷавобгарии сахти ҷиноятӣ муқаррар гардидааст. Олимони бразилӣ қайд менамоянд, ки таназзули замин ба тағйирёбии иқлим ва паст гардидани гуногунии биологӣ таъсири манфӣ мерасонад.

Дар давлатҳои Африқо масъалаи биёбоншавӣ ва таназзули замин яке аз мушкилоти асосии экологӣ мебошад. Дар доираи Конвенсияи СММ оид ба мубориза бар зидди биёбоншавӣ бисёр давлатҳои африқоӣ барномаҳои миллии ҳифзи заминро қабул намудаанд. Дар Ҷумҳурии Африқои Ҷанубӣ ва Кения қонунгузории экологӣ барои истифодаи ғайриқонунии замин ҷавобгарӣ пешбинӣ менамояд.

Дар Австралия ва Зеландияи Нав сиёсати экологӣ асосан ба ҳифзи захираҳои табиӣ ва пешгирии эрозияи хок равона гардидааст. Олимони австралиягӣ таъкид менамоянд, ки истифодаи ғайриоқилонаи замин метавонад ба коҳиши захираҳои обӣ ва вайроншавии экосистемаҳо оварда расонад.

Таҳлили таҷрибаи ҷаҳонӣ нишон медиҳад, ки самаранокии ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин аз чанд омил вобаста мебошад: мавҷудияти қонунгузории мукаммал; фаъолияти мустақили мақомоти экологӣ; истифодаи мониторинги рақамӣ; фаъолияти фаъоли ҷомеаи шаҳрвандӣ; маърифати баланди экологӣ ва ногузирии ҷавобгарӣ. Дар аксари давлатҳои пешрафта принсипи «ифлоскунанда пардохт мекунад» яке аз асосҳои сиёсати экологӣ ба ҳисоб меравад.

Ҳамин тариқ, таҷрибаи ҷаҳонӣ нишон медиҳад, ки ҳифзи ҳуқуқии замин ва ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани он яке аз унсурҳои муҳими таъмини амнияти экологӣ ва рушди устувор мебошад. Ҷумҳурии Тоҷикистон низ бо назардошти таҷрибаи байналмилалӣ метавонад механизмҳои ҳуқуқӣ ва институтсионалии ҳифзи заминро боз ҳам такмил диҳад.

Андешаҳои олимони давлатҳои гуногун низ аҳаммияти муҳими назариявӣ доранд. Олим ва ҳуқуқшиноси олмонӣ Клаус Боссельман қайд менамояд, ки «ҳуқуқи экологӣ бояд ба принсипи масъулияти байнинаслӣ асос ёбад ва давлат уҳдадор аст захираҳои табииро барои наслҳои оянда ҳифз намояд»[1]. Ба ақидаи ӯ, хароб намудани замин на танҳо зарари иқтисодӣ, балки зарар ба амнияти экологии ҷомеа мебошад.

Олими фаронсавӣ Мишел Прийёр менависад, ки «ҷиноятҳои экологӣ бо хатарнокии баланд аз дигар намудҳои ҷиноят фарқ мекунанд, зеро оқибатҳои онҳо метавонанд хусусияти глобалӣ дошта бошанд»[2]. Ӯ таъкид менамояд, ки давлатҳо бояд ҷавобгарии ҷиноятиро барои ифлос намудани замин ва хок пурзӯр намоянд.

Ҳуқуқшиноси амрикоӣ Ричард Лазарус қайд менамояд, ки «ҳифзи муҳити зист дигар масъалаи дохилии давлатҳо набуда, ба масъалаи амнияти байналмилалӣ табдил ёфтааст»[3]. Ба андешаи ӯ, фаъолияти саноатӣ ва истифодаи нодурусти захираҳои табиӣ ба тағйирёбии иқлим ва таназзули глобалии муҳити зист мусоидат менамоянд.

Эдит Браун Вайс, яке аз олимони маъруфи амрикоӣ дар соҳаи ҳуқуқи байналмилалии экологӣ, назарияи «адолати байнинаслӣ»-ро пешниҳод намуда, қайд мекунад, ки «ҳар як насл уҳдадор аст муҳити зист ва захираҳои табииро дар ҳолате нигоҳ дорад, ки

[1] Bosselmann, K. Earth Governance: Trusteeship of the Global Commons. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015. – Pp. 161.
[2] Prieur, M. Environmental Law and Sustainable Development. – Brussels: Bruylant, 2017. – Pp. 214.
[3] Farber, D., Lazarus, R. Cases and Materials on Environmental Law. – St. Paul: West Academic Publishing, 2020. – Pp. 44.

наслҳои оянда низ имкони истифодаи онҳоро дошта бошанд»[1]. Ин назария имрӯз дар бисёр санадҳои байналмилалӣ инъикос ёфтааст.

Олими ҷопонӣ Такаши Китамура масъалаи таназзули заминро бо рушди саноатӣ алоқаманд дониста, қайд менамояд, ки «бидуни назорати қатъии давлатӣ рушди саноат метавонад ба офатҳои экологӣ оварда расонад»[2]. Ӯ таҷрибаи Японияро баъд аз офатҳои экологӣ мисол оварда, зарурати пурзӯр намудани ҷавобгарии экологиро асоснок менамояд.

Олимони чинӣ Лю Хонг ва Ван Лэй менависанд, ки дар шароити рушди босуръати иқтисодӣ масъалаи ҳифзи хок ва замин бояд самти стратегии сиёсати давлатӣ бошад[3]. Ба ақидаи онҳо, ҷиноятҳои экологӣ ба саломатии аҳолӣ ва амнияти озуқаворӣ таъсири мустақим мерасонанд.

Ҳуқуқшиноси бразилӣ Паулу де Бесса Антунес таъкид менамояд, ки «ҳифзи ҷангалҳо ва заминҳои табиӣ дар кишварҳои Америкаи Ҷанубӣ бо масъалаи ҳифзи иқлим ва гуногунии биологӣ алоқаи ногусастанӣ дорад»[4]. Ӯ қайд мекунад, ки фаъолияти ғайриқонунии саноати кӯҳӣ ва буридани ҷангалҳо сабаби асосии таназзули замин дар минтақаи Амазон мебошанд.

Олими африқоӣ Вангари Маатаи масъалаи таназзули заминро бо камбизоатӣ ва норасоии захираҳои табиӣ вобаста дониста, менависад, ки «ҳифзи муҳити зист бидуни иштироки ҷомеа ва баланд бардоштани маърифати экологӣ ғайриимкон аст»[5]. Назарияҳои ӯ дар бисёр барномаҳои байналмилалии ҳифзи муҳити зист истифода шудаанд.

Олими австралиягӣ Тим Бинҳам қайд менамояд, ки эрозия ва шӯршавии хок аз мушкилоти асосии экологии минтақаҳои хушк ба ҳисоб рафта, истифодаи ғайриоқилонаи замин метавонад ба вайроншавии пурраи экосистемаҳо оварда расонад[6].

Дар илмҳои ҳуқуқӣ аксари олимон ба хулосае омадаанд, ки ҷавобгарии ҷиноятӣ барои хароб кардани замин бояд на танҳо ҷазодиҳӣ, балки пешгирии ҳуқуқвайронкуниҳоро таъмин намояд. Аз ҳамин сабаб, дар бисёр давлатҳо принсипҳои «ифлоскунанда пардохт мекунад», «пешгирии зарар» ва «рушди устувор» ҳамчун асоси сиёсати экологӣ эътироф гардидаанд.

[1] Ҳамон ҷо. - Pp. 44.
[2] Kitamura, T. Environmental Policy in Japan. – Tokyo: University of Tokyo Press, 2018. – Pp. 138.
[3] Liu Hong, Wang, Lei. Environmental Protection and Soil Security in China. – Beijing: China Legal Publishing House, 2021. – Pp. 205.
[4] Antunes, P.B. Direito Ambiental. – Rio de Janeiro: Atlas, 2020. – Pp. 312.
[5] Maathai, W. The Challenge for Africa. – New York: Pantheon Books, 2009. – Pp. 118.
[6] Bingham, T. Environmental Law and Land Degradation. – Sydney: Federation Press, 2017. – Pp. 74.

ТДУ 343.985

ТАҲҚИҚИ МУҚОИСАВӢ-ҲУҚУҚИИ ГӮШ КАРДАНИ ГУФТУГӮҲОИ ТЕЛЕФОНӢ ВА САБТИ ОНҲО ҲАМЧУН ЧОРАБИНИИ ОПЕРАТИВӢ-ҶУСТУҶӮЙӢ ВА АМАЛИ ТАФТИШОТӢ

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРОСЛУШИВАНИЯ ТЕЛЕФОННЫХ РАЗГОВОРОВ И ИХ ЗАПИСЬ КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ И СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ

САИДЗОДА ТОЛИБ ШАМСИДДИН
Омӯзгори кафедраи мурофиаи ҷиноятии факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти калони милитсия / Преподаватель кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, старший лейтенант милиции
E-mail: saidovtolib633@gmail.com

Дар шароити муосир, ки ҷомеа ба марҳилаи нави рушди технологӣ ворид гардидааст, воситаҳои алоқа, махсусан гуфтугӯҳои телефонӣ, ба яке аз муҳимтарин шаклҳои муоширати инсон табдил ёфтааст. Имрӯзҳо, на танҳо гуфтугӯҳои телефонӣ, балки шабакаҳои интернетӣ ҳамчун воситаи муҳимми муошират байни одамон баромад мекунанд. Платформаҳое чун «Facebook, Instagram, Messenjer, WhatsApp, Telegram, Viber, IMO, Twitter» ва ғайраҳо имконият медиҳанд, ки шаҳрвандон дар вақти воқеӣ (онлайн) мубодилаи иттилоот намоянд. Аммо ин раванд на танҳо шакли нави муоширатро тағйир дод, балки муҳити нави иттилоотро ба вуҷуд низ овард, ки дар он ҳам имкониятҳои мусбат ва ҳам хатарҳои муайян ҷой доранд. Мисол, рушди чунин технологияҳо ба осон гардидани муошират ва дастрасии иттилоот мусоидат намояд ҳам, аз ҷониби дигар, онҳо метавонанд, ҳамчун воситаи содир намудани ҷиноятҳо, паҳн намудани иттилооти ғайриқонунӣ ва ҳамоҳангсозии фаъолияти ҷиноятӣ истифода бурда шаванд.

Дар чунин шароит, кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ тибқи меъёрҳои Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар барои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ» (минбаъд – Қонуни дар бораи ФОҶ) ва Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМҶ ҶТ) барои пешгирӣ ва ошкор намудани ҷиноятҳо ҳангоми назорати муошироти электронӣ зимни гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо аз усулҳои муосир истифода мебаранд

Бо вуҷуди ин, истифодаи чунин чорабиниҳо (амалҳо) ба яке аз ҳуқуқҳои асосии инсон, яъне ҳуқуқ ба дахлнопазирии ҳаёти шахсӣ ва маҳрамияти мукотиба, суҳбатҳои телефонӣ ва дигар шаклҳои муошират бевосита таъсир мерасонад. Ин ҳуқуқ дар сатҳи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва дигар санадҳои байналмилалӣ кафолат дода шудааст. Чунончи, давлат дар баробари дигар ҳуқуқҳои позитивӣ дар Конститутсия маҳрамияти мукотиба, суҳбатҳои телефонӣ, муросилот ва мухобироти шахсро кафолат медиҳад, ба истиснои ҳолатҳое, ки қонун муайян кардааст[1].

Гузаронидани чорабиниҳои мазкурро қонунгузории миллӣ танҳо дар ҳолатҳои таъхирнопазир, яъне барои таъмини амнияти миллӣ, тартиботи ҷамъиятӣ, амнияти иқтисодӣ, пешгирии содиршавии ҷиноят, муайян намудани ҳолатҳои содиршавии ҷиноят ва ошкор кардани ҷиноятқорон, муҳофизати ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд ва ғ. бо тартиби махсуси гузаронидани он иҷозат додааст. Аз ин рӯ, татбиқи чунин чорабиниҳо бояд танҳо дар доираи талаботи қатъии қонун, бо риояи тавозуни оқилонаи манфиатҳои давлат ва ҳуқуқу озодиҳои шахс амалӣ карда шавад.

[1] Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 06-уми ноябри соли 1994 (бо тағйиру иловаҳо аз 23.09.1999 с., 22.06.2003 с. ва 22.05.2016 с.)

Илова бар ин, меъёрҳои қонунгузории мурофиавии ҷиноятӣ ва фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ (минбаъд – ФОҶ) бояд ба талаботи Конститутсия ҷавобгӯ бошанд. Аз ин лиҳоз, баамалбарории як қатор чорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ (минбаъд – ЧОҶ) ва амалҳои тафтишӣ бо гирифтани розигии прокурор ва иҷозати суд (судя) анҷом дода мешаванд, алалхусус гӯш ва сабт кардани гуфтугӯҳои телефонӣ.

Дар ин ҷода бояд қайд намуд, ки дар сатҳи байналмилалӣ моддаи 12-и Эъломияи умумии ҳуқуқи башар яке аз меъёрҳои бунёдии ҳифзи ҳуқуқи инсон буда, дахлнопазирии ҳаёти шахсӣ, оилавӣ, манзил ва сирри мукотибаро кафолат медиҳад. Мувофиқи мазмуни ин модда, ҳеҷ як шахс набояд мавриди дахолати худсарона қарор гирад ва ҳар инсон ҳуқуқ дорад дар ҳолатҳои чунин дахолат аз ҳимояи қонун истифода намояд[1]. Ин меъёр принсипи муҳимми ҳуқуқиро муқаррар мекунад ва тибқи он ҳаёти хусусии шахс дахлнопазир буда, танҳо дар ҳолатҳои пешбининамудаи қонун ва бо риояи кафолатҳои зарурӣ маҳдуд карда мешавад.

Ҳамзамон, меъёри болозикр ба қонунгузории миллӣ низ таъсири худро ҷиддӣ расонидааст. Қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон низ махфияти гуфтугӯҳои телефонӣ ва мукотибаро кафолат дода, иҷозати дахолат карданро танҳо дар асоси қарори суд пешбинӣ менамояд. Ин ҳолат нишон медиҳад, ки меъёрҳои байналмилалӣ, аз ҷумла моддаи мазкур, ҳамчун заминаи асосӣ барои ташаккули механизмҳои ҳифзи ҳуқуқи инсон барои манфиатҳои миллӣ хизмат мекунанд.

Новобаста аз ин, ҳуқуқу озодиҳои шахрванд дар ҳолатҳои истисноӣ метавонанд, дар асоси қонунгузории миллӣ маҳдуд карда шаванд. Мисол, зимни гузаронидани ЧОҶ дар намуди «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабт кардани онҳо» ё гузаронидани амали тафтишотии «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯ». Ҳарчанд ҳаракатҳои мазкур дар мадди аввал ҳамчун ду раванди якхела ба назар расанд ҳам, вале тартиб ва шакли гузаронидани онҳо аз ҳамдигар фарқ мекунанд.

Чунончи, мувофиқи б. 11 м. 6 Қонуни Дар бораи ФОҶ, гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо ҳамчун ЧОҶ муқаррар гардидааст, ки ба ҳайси субъекти амаликунандаи он корманди оперативӣ, яъне мақомоти амаликунанадаи ФОҶ баромад менамояд[3]. Ин меъёри ҳуқуқӣ ба мақомоти ваколатдори давлатӣ имкон медиҳад, ки нисбати шахси коркардшаванда (гумонбари эҳтимолӣ дар содир намудани ҷиноят) дар ҳолатҳои муқарраргардидаи қонун ба сирри мукотиба ва гуфтугӯҳои телефонӣ дахолат кунанд.

Аз нуқтаи назари ҳуқуқӣ, «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳ»о ба гурӯҳи чорабиниҳои дорои хусусияти маҳдудкунандаи ҳуқуқу озодиҳои конститутсионии шахрванд дохил мешавад. Зеро он мустақиман ба дахлнопазирии мукотиба ва ҳаёти шахсӣ таъсир мерасонад. Бинобар ин, қонунгузор истифодаи чунин чорабиниро танҳо дар ҳолатҳои истисноӣ, бо асосҳои кофӣ ва танҳо дар асоси иҷозати махсуси судӣ иҷозат додааст. Ин талабот ҳамчун кафолати муҳимми ҳуқуқи инсон хизмат мекунад, то ин ки дахолат ба ҳаёти хусусӣ худсарона сурат нагирад. Ҳамин тавр, меъёрҳои қонунгузорӣ тавонистааст, ки байни зарурати таъмини амнияти давлатӣ ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон тавозуни оқилонаро нигоҳ дорад.

Ҳамчунин, м. 196 боби 22 КМҶ ҶТ, «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯҳо» ҳамчун амали (ҳаракати) тафтишотӣ муқаррар шудааст, ки субъекти амаликунандаи он муфаттиш мебошад. Мувофиқи б. 10 м. 6 КМҶ ҶТ муфаттиш – шахси мансабдори давлатӣ буда, дар доираи салоҳияти муқаррарнамудаи КМҶ ваколатдор аст, ки тафтиши пешакии парвандаи ҷиноятиро анҷом диҳад[2]. Муфаттиш низ ин амалро бояд дар асоси санксияи суд амалӣ намояд. Ҳадафи асосии амали тафтишотии мазкур –

---

[1] Эъломияи умумии ҳуқуқи башар / [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: https://yorov.org/2022/06/20/эъломияи-умумии-ҳуқуқи-башар/ (санаи мурочиат: 21.04 соли 2026).

[2] Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03-юми декабри с. 2009 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2009, № 12 мод. 815, мод. 816; с. 2020, № 7-9, мод. 602. мод. 608 (дар таҳрири Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03.01.2024 с., № 2017).

ҷамъоварии далелҳои мурофиавӣ мебошад. Маълумоте, ки дар натиҷаи «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯҳо» ба даст меояд, бояд дар протоколи дахлдори мурофиавӣ сабт шуда, ба талаботи КМҶ ҶТ ҷавобгӯ бошад. Танҳо дар ин сурат амали мазкур метавонад дар муҳокимаи судӣ чун далели расмӣ истифода бурда шавад.

Дар ин замина, бояд қайд кард, ки ҳарчанд маҳфуми қонунии амали тафтишотии мазкур дар КМҶ ҶТ пешбинӣ нашуда бошад ҳам, аммо мафҳуми меъёрии «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» дар сархати 15 м. 1 Қонуни Дар бораи ФОҶ муқаррар шудааст. Чунончӣ, таҳти «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» – тавассути воситаҳои техникӣ гирифтан ва сабт кардани иттилооти акустикии ба воситаи хатти алоқаи телефонӣ ё иттилооти яктарафа интиқолшаванда бо мақсади дарёфти маълумот дар бораи фаъолияти ҷиноятии шахси таҳти омӯзиш қарордошта, ошкор намудани алоқаҳои ӯ ва дастрас намудани дигар маълумоте, ки барои ҳалли вазифаҳои мушаххаси ФОҶ мусоидат менамоянд, фаҳмида мешавад[1]. Чун қоида, амалҳои тафтишотӣ (ба ғайр аз азназаргузаронии ҷои ҳодиса) пас аз оғози парвандаи ҷиноятӣ сурат гирад, ЧОҶ дар бештари ҳолатҳо то оғози парвандаи ҷиноятӣ ва ба таври ғайриошкоро анҷом дода мешавад.

Дар ин ҷода, олими рус Лахин В.Д. қайд намудааст, ки мафҳуми «гӯш ва сабти гуфтугӯҳои телефонӣ» одатан сабти гуфтугӯҳои телефонӣ буда, аз ҷониби шахсони назоратбаранда бо истифодаи хатҳои алоқаи телефонии абонентӣ ва ба таври махфӣ анҷом дода мешавад. Гузаронидани ин ЧОҶ танҳо нисбат ба шахсоне иҷозат дода мешавад, ки онҳо дар содир намудани ҷиноятҳои дараҷаи миёна ва боло аз он гумонбар ё айбдор дониста мешаванд[2].

Бинобар ин, ба ақидаи мо гузаронидани «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» бояд танҳо аз ҷониби мақомоти махсуси ваколатдор амалӣ гардида, муфаттиш бошад фақат натиҷаҳои бадастомадаро мақсаднок истифода барад. Чунин равиш имкон медиҳад, ки ҳам самаранокии мубориза бо ҷиноятқорӣ таъмин гардад ва ҳам ҳуқуқу озодиҳои инсон ҳифз шаванд. Айни замон, дар назарияи илми ҳуқуқшиносӣ вобаста ба масъалаи таҳқиқшаванда баҳс вуҷуд дорад, ки «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ» чӣ гуна моҳият дорад: оё ин амали тафтишотӣ аст ё ин, ки ЧОҶ?

Ба андешаи олимони рус дар Федератсияи Россия «назорат ва сабти гуфтугӯҳо» (моддаи 186 КМҶ РФ) ҳамчун амали тафтишотӣ маҳсуб ёфта, «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ» (б. 10 қ. 1 м. 6 Қонуни федералии Россия «Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ») ҳамчун ЧОҶ ба ҳисоб меравад. Чунин тафрибаро мумкин аст дар ФОҶ ва мурофиаи ҷиноятии тоҷик низ истифода барем.

Дар ин ҷода назари олимон ҳам гуногун аст, мисол агар профессор Шейфер С.А. ин амалҳоро якхела (ҳаммонанд) шуморад[3], пас Гюрджинян А.С. баръакс зарурати фарқ намудан ва ҷудо кардани онҳоро қайд менамояд[4]. Ин масъала дар илми ҳуқуқи мурофиавӣ ва оперативӣ-ҷустуҷӯӣ яке аз баҳсноктарин нуқтаҳо ба ҳисоб меравад, зеро он ба сарҳади байни ду низоми ҳуқуқӣ-тафтишотӣ ва оперативӣ дахолат мекунад.

Аз таҳлили мавқеъҳои илмӣ бармеояд, ки фарқгузорӣ байни «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯ» ҳамчун амали тафтишотӣ ва «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» ҳамчун ЧОҶ на танҳо асоси назариявӣ, балки аҳаммияти бузурги амалии мурофиавӣ дорад.

---

[1] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ» аз 25.03.2011 сол № 687 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, соли 2011, № 3, мод. 15; соли 2014, №7, қ. 1, мод. 387. (дар таҳрири Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 18.07.2017 сол, № 1447).

[5] Лахин, В.Д. Правовой режим прослушивания телефонных переговоров / В.Д. Лахин // Вестник Омского ун-та. Сер.: Право. – 2006. – № 3/4 (8/9). – С. 195.

[3] Шейфер, С.А. О правовой регламентации доказательственной деятельности следователя. Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России. – М., – 2002. – 180 с.

[4] Гюрджинян, А.С. Контроль и запись переговоров, и прослушивание телефонных переговоров: сравнительная характеристика / А.С. Гюрджинян // Молодой ученый. - 2013. – № 6. – С. 546-548.

Аз нигоҳи мо, мавқеи ҷудо кардани ин ду институт дуруст ва аз ҷиҳати ҳуқуқӣ асоснок мебошад. Пеш аз ҳама, онҳо бо табиати ҳуқуқӣ ва тартиби амалишавиашон аз ҳам фарқ мекунанд. Амали «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯҳо» дорои хусусияти мурофиавӣ буда, бо мақсади ба даст овардани далелҳои қобили истифода дар суд амалӣ мегардад. Дар муқобили он «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» ҳамчун ҶОҶ бештар хусусияти махфӣ дошта, дар марҳилаи пеш аз мурофиавӣ ё барои ошкорсозии ҷиноят аз рӯйи маълумоти оперативӣ истифода мешавад.

Ҳамин тавр, кӯшиши баробар шуморидани ин ду падида, чунон ки баъзе муаллифон пешниҳод мекунанд, метавонад ба омехташавии институтҳои гуногуни ҳуқуқӣ ва норавшании меъёрҳои мурофиавӣ оварда расонад. Баръакс, мавқеи олимоне, ки ба фарқгузории дақиқи онҳо таъкид мекунанд, бештар ба талаботи қонуният, возеҳият ва системанокии ҳуқуқ ҷавобгӯ мебошад. Аз ин рӯ, ба назари мо, фарқгузории ин ду падида на танҳо дуруст, балки зарур аст, зеро он имкон медиҳад:

– сарҳади ваколатҳои мақомоти тафтишотӣ ва оперативӣ равшан гардад;
– тартиби ба даст овардан ва истифодаи далелҳо дақиқ танзим шавад;
– кафолатҳои ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон тақвият ёбанд.

Муфаттиш ҳуқуқ дорад, ки барои анҷом додани дилхоҳ амали тафтишӣ, аз тамоми имкониятҳо истифода намояд. Аммо баъзе аз онҳоро объективона ва мустақилона ба амал бароварда наметавонад, чунки дар баъзе ҳолатҳо гузаронидани он вақти зиёдро тақозо менамояд. Бояд қайд намоем, ки дар низоми мурофиаи ҷиноятӣ, ҷамъоварии далелҳо яке аз марҳилаҳои калидии исботкунӣ, асосан ба ваколати муфаттиш мансуб мебошад.

Бо вуҷуди ин, таҷрибаи ҳуқуқтатбикунӣ нишон медиҳад, дар як қатор ҳолатҳо ҷамъоварии далелҳо бе иштироки мустақими муфаттиш сурат мегирад. Ин ҳолат пеш аз ҳама, бо хусусияти махсуси баъзе амалҳо, зарурати истифодаи донишҳои тахассусӣ ва ё талаботи махфияти чорабиниҳои алоҳида вобаста мебошад. Масалан, санҷиши молиявии шахсони ҳуқуқӣ, ҷамъоварии далелҳо ҳангоми амалигардонии ҶОҶ ва ғайра.

Дар ин ҷода, бори дигар қайд мекунем, ки фарқи байни «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» ҳамчун ҶОҶ ва амали тафтишотӣ дар якчанд ҷанбаҳои муҳимми ҳуқуқӣ зоҳир мегардад, аз ҷумла:

1. Пеш аз ҳама, ин фарқият дар асоси танзимкунии ҳуқуқӣ ифода меёбад, яъне ҳамчун ҶОҶ, ин амал дар банди 11 моддаи 6 Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар барои фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ» пешбинӣ гардидааст.
2. Ҳамзамон, амали мазкур дар моддаи 196 КМҶ ҶТ танзим карда мешавад, яъне ин ҳолат нишон медиҳад, ки яке дорои хусусияти ғайримурофиавӣ (ҶОҶ) ва дигаре дорои комилан мурофиавӣ (амали тафтишотӣ) мебошад.
3. Фарқи дигар ба марҳилаи татбиқ вобаста аст. Чорабинии «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» ҳамчун ҶОҶ, одатан пеш аз оғози парвандаи ҷиноятӣ ё дар марҳилаи ибтидоии ошкорсозии ҷиноят анҷом дода мешавад, дар ҳоле, ки амали тафтишотӣ пас аз оғози расмии парвандаи ҷиноятӣ гузаронида мешавад.
4. Аз ҷиҳати субъекти татбиққунанда низ фарқият дорад. Дар доираи ФОҶ ин амал аз ҷониби мақомоти амаликунандаи ФОҶ анҷом дода мешавад, дар ҳоле ки дар мурофиаи ҷиноятӣ танҳо муфаттиш ҳуқуқ дорад онро татбиқ намояд. Дар ҶОҶ ҳадаф ва мақсад асосан ҷамъоварии маълумоти ибтидоӣ, пешгирӣ ва натиҷаҳое, ки танҳо барои роҳнамоӣ ва пайдо кардани самти таҳқиқ истифода мешавад ва ҳанӯз далели пурраи мурофиавӣ нест, доранд. Лекин дар амали тафтишотӣ мақсад дар ҷамъоварӣ ва таҳкими далелҳои мурофиавӣ мебошад ва натиҷаи он бо риояи талаботи КМҶ ҶТ метавонад ҳамчун далелӣ расмӣ дар суд истифода бурда шаванд[1].

[1] Жук, О.Д. Оперативно-розыскное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ / О.Ж. Жук. – М.: Альфа-М, 2010. – 480 с.

5. Ба ғайр аз ин, гузаронидани ЧОҶ-и мазкур бештар хусусияти махфигӣ дошта, назоратбарии он нисбатан маҳдуд аст, дар ҳоле, ки амали тафтишотӣ таҳти назорати ошкоррои прокурор ва суд қарор дорад.

Ҳамин тариқ, гарчанде ҳар ду шакл аз нигоҳи мазмун ба як амал – «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯҳои телефонӣ» дахл доранд, аммо аз лиҳози табиати ҳуқуқӣ, субъективӣ ва далелӣ фарқияти куллӣ доранд. Яке воситаи ба даст овардани маълумоти оперативӣ (роҳнамоӣ) ва дигаре воситаи ҷамъоварии далели мурофиавии судӣ ба ҳисоб меравад.

Дар ин замина ба андешаи Нарзуллозода С.С., Муҳитдинзода Н.М. ва Сулаймонзода Р.М. , барои он ки «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯ» ҳамчун амалӣ тафтишотӣ эътироф гардад, он бояд ба талаботи зерин ҷавобгӯ бошад:

а) бозёфт, мустаҳкамкунӣ ва таҳқиқу истифодаи далелҳо бевосита дар давраи тафтишотӣ пешакӣ сурат гирад;

б) дар гузаронидани амал муфаттиш бевосита иштирок намуда, вазъиятро дарк намояд ва маълумотро воқеан ба худ қабул кунад;

в) ошкоро гузаронида шавад ва доираи иштирокчиён муайян бошанд;

г) амалҳои анҷомдодашуда шакли мурофиавӣ дошта, натиҷаҳои он дар протоколи амали тафтишӣ дарҷ карда шаванд[1].

Ба назари мо, ин мавқеи муаллифон аз ҷиҳати ҳуқуқӣ асоснок мебошад, зеро он ба принсипҳои қонуният ва ҳифзи ҳуқуқҳои конститутсионии шаҳрвандон мутобиқат мекунад. Дар ҳақиқат, танҳо дар ҳолате, ки тартиби мурофиавӣ пурра риоя гардад, метавон натиҷаҳои «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯҳ»о-ро ҳамчун далели қобили қабул эътироф намуд.

Дар баробари ин, бо як ақидаи номбурда розӣ шудан мушкил аст. Аз ҷумла, муаллифони номбурда иброз медоранд, ки барои эътироф гардидани амали тафтишотӣ муфаттиш бояд дар гузаронидани амал бевосита иштирок намуда, вазъиятро дарк намояд ва маълумотро воқеан ба худ қабул кунад. Аммо ин мавқеъ аз нигоҳи назариявӣ ва ҳуқуқӣ низ қобили қабул нест, чунки ба принсипҳои асосии мурофиаи ҷиноятӣ мухолифат мекунад. Аз нигоҳи мо, яке аз масъалаҳои калидии назариявӣ дар мавриди «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯ» ин роҳ надодан ба омехташавии ваколатҳои мурофиавӣ ва оперативӣ мебошад.

Аз ин лиҳоз, иштироки бевоситаи муфаттиш зимни «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯ», ки аз ҷониби муаллифон ҷонибдорӣ мешавад, дуруст нест. Зеро дар ин ҳолат муфаттиш ҳамчун субъекти беғараз оид ба тафтиши парвандаи ҷиноятӣ воқеан ба шахсе табдил меёбад, ки иттилооти бадастовардаро мустақиман дарк мекунад ва метавонад, ки дар оянда ҳамчун манбаи аввалиндараҷаи далел ё худ шоҳиди бевоситаи ҳодиса баромад намояд. Яъне, эҳтимоли тағйирёбии мақоми ҳуқуқӣ ба вуҷуд меояд, ки ин ҳолат ба принсипи калидии мубоҳиса ва баробарии тарафҳо, ки дар м. 20 КМҶ ҶТ пешбинӣ шудааст, бараъло мухолифат мекунад. Мутаносибан, чунин вазъият ба беғаразӣ ва холисияти мурофиавӣ, инчунин ба қонуни будани ҷараёни исботкунӣ таъсири манфии худро мерасонад ва нисбат ба воқеъбинона тафтиш кардани парвандаи ҷиноятӣ саволҳои зиёдатиро ба миён орад.

Ҳамин тариқ, бо мақсади самаранок танзим намудани масоили баррасишаванда, риояи тақсимоти ваколатҳо (функсияҳо) ва таъмини адолати судӣ, зарур аст, ки муфаттиш аз иштироки бевосита дар чунин амалҳо худдорӣ намояд ва иҷрои бевоситаи онҳоро ба субъектҳои махсуси ваколатдор вогузор кунад.

Дар заминаи таҳлили ҳуқуқӣ-муқоисавии «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» ҳамчун ЧОҶ ва амали тафтишотӣ, якқатор пешниҳодҳои тавсиявӣ барои

[1] Нарзуллозода, С.С., Муҳитдинзода, Н.М., Сулаймонзода, Р.Н. Гӯш ва сабти гуфтугӯҳои телефонӣ ва дигар воситаҳои алоқа ҳамчун чорабинии оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва амали тафтишотӣ: таҳлили илмӣ-муқоисавӣ // Пайки оперативӣ. – 2024. - № 1. – С. 36-40.

такмил додани қонунгузорӣ ва таҷрибаи амалияи ҳуқуқтатбиқнамоӣ метавон ироа намуд:

1. Пеш аз ҳама, зарур аст, ки тақвияти кафолати ҳуқуқии ҳифзи сирри мукотиба ва ҳаёти шахсӣ таъмин карда шавад. Бо дарназардошти он, ки ин амал бевосита ба ҳуқуҳои конститутсионии инсон дахолат мекунад, бояд меъёрҳои қонунгузорӣ ба таври дақиқ онро муайян намоянд, то ҳар гуна дахолати худсарона пешгирӣ гардад.
2. Назоратбарии судӣ дар марҳилаи татбиқи ЧОҶ боз ҳам тақвият дода шавад. Гарчанде дар амалия иҷозати судӣ пешбинӣ шудааст, аммо дар ҳолатҳои истисноӣ механизми истифодаи фаврӣ метавонад хавфи сӯистифодаро эҷод намояд. Аз ин нуқтаи назар, ҷорӣ намудани назорати давравӣ ва минбаъдаи судӣ ва санҷиши асоснокии чунин амалҳо муҳим мебошад.
3. Механизми равшани фарқгузории истифодаи маълумоти оперативӣ ҳамчун далели мурофиавӣ такмил дода шавад. Дар амал баъзан маълумоти бадастомада аз ФОҶ бевосита дар мурофиаи ҷиноятӣ истифода мешавад, ки ин метавонад ба принсипи қонунияти далелҳо мухолифат дошта бошад. Бинобар ин, бояд тартиби қонунӣ ва шаффофии «табдили» иттилооти оперативӣ ба далели мурофиавӣ пурра танзим карда шавад.
4. Бо дарназардошти рушди технологияҳои рақамӣ, лозим аст, ки меъёрҳои қонунгузории амалкунанда бо хусусиятҳои асосии шабакаҳои интернетӣ ва паёмрасонҳои электронӣ мутобиқ карда шавад. Имрӯз қисми зиёди муошират тавассути платформаҳои рақамӣ «Facebook, Instagram, Messenjer, WhatsApp, Telegram, Viber, IMO, Twitter ва ғ.» анҷом меёбад ва аз ин рӯ танзими ҳуқуқии «гӯш ва сабт кардани гуфтугӯҳо» бояд ҳамаи шаклҳои муосири иртиботро фаро гирад.

Ҳамин тариқ, «гӯш кардани гуфтугӯҳои телефонӣ ва сабти онҳо» ҳамчун ЧОҶ ва «гӯш ва сабти кардани гуфтугӯ» ҳамчун амали тафтишотӣ, гарчанде зоҳиран ҳаммонанд бошанд ҳам, аммо аз ҷиҳати ҳуқуқӣ дорои табиати гуногун буда, набояд якхела арзёбӣ карда шаванд. Зимнан пешниҳодҳои мазкур метавонанд ба тавозуни оқилонаи байни манфиатҳои давлат дар роҳи мубориза бо ҷинояткорӣ ва ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои инсон мусоидат намоянд ва самаранокии низоми ҳуқуқии кишварро дар ин самт баланд бардоранд.

ТДУ 343.35

ТАҲҚИҚОТИ САНАДҲОИ ҲУҚУҚИИ БАЙНАЛМИЛЛАЛӢ ДАР САМТИ МУҚОВИМАТ БА САВДОИ ОДАМОН

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

САИДЗОДА ҶУМАХОН ЗИКРИЁ
Сардори шуъбаи назорати ҳуқуқӣ, ассистенти кафедраи фанҳои ҷомеашиносии Донишгоҳи давлатии тиббии Тоҷикистон ба номи Абуалӣ ибни Сино / Начальник отдела правового надзора, ассистент кафедры социальных дисциплин Таджикского государственного медицинского университета имени Абуали ибни Сино
E-mail: jumakhon-1989@mail.ru

Дар марҳилаи муосир савдои одамон андоза ва хусусиятҳои ҷиноятқории муташаккили фаромиллиро касб намудааст. Ҳамин тавр, дар таҳқиқоти илмие, ки ба таҳлил ва такмили чорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯии муқовимат ба ҷиноятҳои вобаста ба савдои одамон бо мақсади истисмори меҳнати ғуломона бахшида шудаанд, зикр

мегардад, ки «хусусияти хосси тарзи содир намудани ҷиноятҳои вобаста ба савдои одамон бо мақсади истисмори меҳнати ғуломона дар он аст, ки онҳо аз ҷониби гурӯҳҳои ҷиноятии муташаккил, баъзан трансмиллӣ, содир карда мешаванд»[1].

Фаромиллӣ будани навъи зикршудаи фаъолияти ҷиноятӣ наметавонист ба сиёсати байналмилалии ҷиноятӣ оид ба муқовимат ба ҷиноятқорӣ таъсир нарасонад[2].

Бо вуҷуди он ки аз ибтидои асри XX дар сатҳи байналмилалӣ дар ин самт қадамҳои муайяне андешида шуда, онҳо дар созишномаҳо ва конвенсияҳои байнидавлатӣ инъикос ёфта буданд, онҳо камсамар буда, натавонистанд ба савдои одамон муқовимати лозимаро таъмин намоянд[3].

Имрӯз метавон рӯйхати нисбатан васеи санадҳои меъёрии ҳуқуқии байналмилалиро номбар кард, ки дар сатҳи байнидавлатӣ фаъолияти муқовимат ба савдои одамонро танзим менамоянд[4]. Рӯйхати овардашударо наметавон комил донист, зеро паҳлӯҳои гуногуни муқовимат ба савдои одамон дар бисёр санадҳои дигари меъёрии ҳуқуқии байналмилалӣ низ дарҷ гардидаанд[5].

Аввалин санадҳои байналмилалӣ, ки ба муқобили савдои одамон равона карда шудаанд, ҳуҷҷатҳои зерин ба ҳисоб мераванд: даъвати Конфронси Лондон оид ба мубориза бо савдои занон бо мақсади истисмори ҷинсӣ ба давлатҳо ҷиҳати бастани созишномаҳои бисёрҷониба ва таъсиси кумитаҳои миллии дахлдор (1889), Шартномаи байналмилалӣ оид ба мубориза бо савдои «ғуломони сафед» (1904), Конвенсияи байналмилалӣ оид ба пешгирии савдои занон (1910), Конвенсияи байналмилалӣ оид ба мубориза бо савдои занон ва кӯдакон (1921)[6].

Ҳуҷҷатҳои зикршуда дар асл ваъдаҳои эълонии ҷомеаи байналмилалӣ барои андешидани чораҳо ҷиҳати пешгирӣ ва решакан намудани савдои одамонро ифода мекарданд. Бо дарназардошти маҳдудияти доираи татбиқ ва норасоиҳои техникаи ҳуқуқии онҳо, ин санадҳо ба зудӣ ба такмил ва пуррагардонии ҷиддитар ниёз пайдо карданд, ки он дар соли 1926 бо қабули Конвенсия оид ба ғуломӣ амалӣ гардид. Ин конвенсия ба барҳам додани ғуломӣ дар тамоми шаклҳои он ва савдои ғуломон нигаронида шуда буд.

Дар ин замина, «ғуломӣ» ҳамчун «ҳолат ё мавқеи шахсе, ки нисбат ба ӯ унсурҳои ҳуқуқи моликият ё баъзе аз онҳо татбиқ карда мешаванд» (қ. 1 м. 1) муайян гардидааст.

«Савдои ғуломон» бошад, ҳар гуна амали бадаст овардан, харид ё вогузории инсон бо мақсади фурӯши ӯ ба ғуломӣ; харидани ғулом бо мақсади фурӯш; инчунин вогузорӣ тавассути фурӯш ё иваз намудани ғуломе, ки бо мақсади фурӯш ё ивазкунӣ ба даст оварда шудааст, инчунин умуман ҳар гуна амали савдо ё интиқоли ғуломонро дар бар мегирад (қ. 1 м. 2).

Таърифҳои овардашуда ба таври кофӣ мувофиқ ба зуҳуротҳое мебошанд, ки онҳоро тавсиф мекунанд ва метавонанд ҳам дар санадҳои байналмилалӣ ва ҳам дар

[1] Плугин, Р.Ю. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с торговлей людьми с целью эксплуатации рабского труда / Р.Ю. Плугин // Российский следователь. - 2010. - № 4. - С. 17-20.
[2] Бойченко, К.А. Историческое решение Европейского Суда по правам человека в отношении Кипра и России, касающееся торговли людьми / К.А. Бойченко // Российский криминологический взгляд. - 2010. - № 2. - С. 13-18.
[3] Конвенция о рабстве от 25 сентября 1926 года, г. Женева // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention_slavery.shtml
[4] Конвенция относительно рабства от 25 сентября 1926 года, Конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании в Тегеране (Тегеран, 28.11.1943 - 01.12.1943); Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Принят в г. Лондоне 08.08.1945)
[5] Морозов, А.Ю. Уголовная ответственность за торговлю людьми в международном и российском законодательстве до 1917 г. / А.Ю. Морозов // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 19. - Ставрополь: Сервисгикола, 2008. - С. 11-14.
[6] Синицын, Ф.Л. Международное законодательство по противодействию торговле людьми. - Пермь, 2000. - С. 20.

санадҳои миллие истифода шаванд, ки меъёрҳои ин Конвенсияро дар самти криминализатсияи савдои одамон рушд ва такмил медиҳанд.

Пояҳои ҳуқуқӣ барои минбаъд таҳким бахшидани муқовимат ба савдои одамон дар Эъломияи умумии ҳуқуқи инсон (соли 1948)[1] гузошта шудаанд, ки тибқи он «ҳар як инсон ҳуқуқ ба ҳаёт, озодӣ ва дахлнопазирии шахсӣ дорад» (м. 3), инчунин «ҳеҷ кас набояд дар ғуломӣ ё ҳолати вобастагӣ нигоҳ дошта шавад; ғуломӣ ва савдои ғуломон дар тамоми шаклҳои он манъ карда мешаванд» (м. 4). Навоварии ин санад дар он ифода меёбад, ки манъи ҳуқуқии савдои одамон ба таври возеҳ муқаррар гардид, ки вайрон намудани он боиси ҷавобгарии ҷиноятӣ мегардад.

Соли 1949 аз ҷониби ҷомеаи байналмилалӣ Конвенсияи оид ба мубориза ба муқобили савдои одамон ва истисмори онҳо барои фоҳишагарӣ аз тарафи шахсони сеюм қабул гардид, ки дар он як қатор кирдорҳо ба таври муфассал ҳамчун ҷиноят муайян шудаанд: даллагӣ, водор намудан ё фирефтани шахси дигар ба фоҳишагӣ, ҳатто бо розигии ӯ, истисмори фоҳишагии шахси дигар, ҳатто бо розигии он шахс, нигоҳдорӣ ё идоракунии чунин фаъолият, инчунин маблағгузории дидаю дониста ё иштирок дар маблағгузории фоҳишахона, ба иҷора додан ё ба иҷора гирифтани бино ё дигар иншоот барои истифодаи онҳо бо мақсади фоҳишагии шахсони сеюм (м. 1-2). Дар баробари кирдорҳои зикршуда, инчунин кӯшиши содир намудани онҳо (м. 3) ва иштироки қасдона дар чунин кирдорҳо (моддаи 4) низ мавриди ҷавобгарии ҷиноятӣ қарор мегиранд.

Қайд кардан зарур аст, ки ин санад борҳо мавриди танқид қарор гирифтааст. Масалан, Карпетс И.И. таъкид менамояд, ки дар он ягон моддае вуҷуд надорад, ки ҷавобгарии ҷиноятиро барои савдои занон бо мақсади фоҳишагӣ муқаррар намояд (гарчанде дар унвони он ба савдои одамон ишора шудааст). Аз ин рӯ, зарурати такмил додани он ба миён меояд[2].

Ба ақидаи Горбунова О.Г., Конвенсия, сарфи назар аз давомнокии нисбатан тӯлонии амал (56 сол), ғайрисамаранок буд. Бештар пешниҳодҳо оид ба бознигарии қисман баъзе муқаррароти Конвенсияҳо ё пурра даст кашидан аз он ва таҳияи механизмҳои дигари мубориза бо зуҳуроти нангини савдои одамон ба миён гузошта мешаванд. Дар Конвенсия «мубориза бо савдои одамон ба ақидаи маҳви фоҳишагӣ ҳамчун зуҳуроти мустақил иваз карда мешавад»[3].

Чунин ақида асоснок ба назар мерасад, зеро ҳатто худи номи Конвенсия «оид ба мубориза ба муқобили савдои одамон ва истисмори онҳо барои фоҳишагарӣ аз тарафи шахсони сеюм» ба чунин андеша водор мекунад, ки фоҳишагӣ ҳамчун зуҳуроти ҳаммонанд бо савдои одамон арзёбӣ мегардад.

Конвенсияи иловагӣ оиди барҳам додани ғуломдорӣ, савдои ғуломон ва расму одатҳои ба ғуломдорӣ монанд аз 7-уми сентябри соли 1956 давлатҳои иштирокчиро уҳдадор менамояд, ки дар ҷойҳое, ки чунин расмуа одатҳо ҳанӯз вуҷуд доранд, барҳамдиҳии пурра ё бекор кардани онҳоро амалӣ созанд.

Ин санад, ки ҳамчун идомаи мантиқии Конвенсияи соли 1926 оид ба ғуломӣ баромад мекунад, дар баробари нигоҳ доштани таърифи анъанавии мафҳуми «ғуломӣ», ба таври муфассал мазмуни мафҳуми «институтҳо ва одатҳои ба ғуломӣ монанд»-ро мушаххас менамояд. Ҳамзамон, он доираи мафҳумии танзими ҳуқуқиро густариш бахшида, истилоҳҳои «шахси дар ҳолати маҷбурӣ қарордошта» ва «савдои ғуломон»-ро ҳамчун унсурҳои иловагӣ ворид месозад, ки ба амиқтар дарк намудани шаклҳои муосири зуҳури муносибатҳои маҷбурӣ ва истисмор мусоидат менамоянд.

[1] Всеобщая Декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Сборник международных документов. - М., 1998. - С. 39-44.
[2] Карпец, И.И. Преступления международного характера. - М., 1979. - С. 176.
[3] Горбунова, О.Г. К 50-летию ратификации Конвенции ООН 1949 года «О борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами». - Киев, 1999. - С. 2.

Савдои ғуломон чунин фаҳмида мешавад ва ба он тамоми амалҳое дохил мегарданд, ки ба соҳиб шудан, ба даст овардани шахс ё ихтиёрдорӣ кардани ӯ бо мақсади ба ғуломӣ табдил додан вобастаанд; инчунин тамоми амалҳое, ки бо ба даст овардани ғулом бо мақсади фурӯш ё иваз намудани ӯ алоқаманд мебошанд; ҳамаи амалҳои фурӯш ё иваз кардани шахсе, ки бо ҳамин мақсад ба даст оварда шудааст, ва умуман ҳар гуна амали савдо ё интиқоли ғуломон бо ҳар гуна воситаҳои нақлиётӣ (б. «с» м. 7).

Рушди минбаъдаи меъёрҳои манъкунандаи савдои одамон ва дар ҳолати маҷбурӣ қарор доштан дар Паймони байналмилалӣ оид ба ҳуқуқҳои шаҳрвандӣ ва сиёсӣ соли 1966[1], инчунин дар Конвенсияи СММ 1979 «Оид ба барҳам додани ҳама шаклҳои табъиз нисбат ба занон» идома ёфтаас.

Минбаъд қабул шудани эъломияи Пекинӣ мебошад, ки дар Конфронси IV умумиҷаҳонӣ оид ба вазъи занон дар Пекин соли 1995 қабул гардидааст. Тибқи он, мафҳуми савдои одамон васеъ гардида, тамоми шаклҳои дигари истисмори занонро низ дар бар мегирад. Мувофиқи муқаррароти он, ба доираи савдои одамон, ғайр аз ҷалби занон ба фоҳишагӣ, инчунин меҳнати маҷбурӣ ва издивоҷҳои маҷбурӣ низ дохил мешаванд[2].

Бо вуҷуди ин, дар санадҳои мазкур мафҳуми «фоҳишагӣ» боз ҳам дар як қатор бо чунин зуҳурот, мисли «савдои одамон» қарор дода мешавад. Аммо, ба андешаи мо, мафҳуми «савдои одамон» бояд мафҳуми «фоҳишагӣ»-ро дар бар гирад, ба шарте ки фоҳишагии маҷбурӣ аз фоҳишагии ихтиёрӣ ҷудо карда шавад. Дар ҳолати охирин сухан дар бораи машғул шудани зан ба фоҳишагӣ бо иродаи худ ва бе маҷбуркунӣ меравад.

Таҳлили мазмуни конвенсияҳои зикршуда нишон медиҳад, ки онҳо асосан ба ҳифзи ҳуқуқ ва озодиҳои занон ва баъдан кӯдакон равона шудаанд. Вале дар онҳо ба таври возеҳ зикр намегардад, ки қурбонии савдои одамон метавонад шахси ҷинси мард низ бошад. Аз ин рӯ, метавон қайд намуд, ки дар ин самт як муносибати яктарафа вуҷуд дорад, ки бояд ислоҳ карда шавад, яъне дар меъёрҳои ҳуқуқи байналмилалӣ бояд мустақиман нишон дода шавад, ки савдои одамон, ба ғуломӣ табдил додан ва ба ҳолати маҷбурӣ нигоҳ доштани ҳар як инсон, новобаста аз ҷинсаш, ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад.

Қадами муайян дар ин самт дар Эъломияи Вена ва Барномаи амал соли 1993 гузошта шудааст, ки «зӯроварӣ бо аломати ҷинс ва ҳамаи шаклҳои озору таъқиби ҷинсӣ ва истисмор, аз ҷумла онҳое, ки аз таассуботи фарҳангӣ ва савдои ғайриқонунии байналмилалии занон бармеоянд»-ро манъ менамояд[3].

Баъзе санадҳои меъёрии ҳуқуқии байналмилалӣ доираи маҷбуркунии ғайриҷиноятии меҳнатро тавассути ворид намудани фаъолияти меҳнатие, ки барои иҷрои уҳдадориҳои оилавӣ зарур аст, васеъ менамоянд. Масалан, Конвенсияи ИДМ оид ба ҳуқуқ ва озодиҳои асосии инсон дар м. 4, дар баробари ҳолатҳои дар боло зикршуда, ки ғайриқонунӣ будани меҳнати маҷбуриро истисно мекунанд, дар б. д қ. 3 «иҷрои уҳдадориҳои волидайн оид ба фароҳам овардани шароити зарурӣ барои кӯдак ва уҳдадориҳои фарзандони ба синни балоғатрасида оид ба таъмини падару модари ғайриқобили меҳнат, ки ба кӯмак эҳтиёҷ доранд»-ро пешбинӣ менамояд[4].

[1] Международный пакт от 16 декабря 1966 «О гражданских и политических правах» (принят Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 16 декабря 1966 г.).
[2] Эъломияи Пекинӣ ва барномаи амал // Ҳуҷҷати конференсияи 4-уми умумиҷаҳонӣ оид ба вазъи занон. Пекин, 1995.
[3] Эъломияи Вена ва барномаи амал // Ҳуҷҷати Конференсияи умумиҷаҳонӣ оид ба ҳуқуқи инсон. Вена, 25 июни 1993.
[4] Конвенсияи Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил оид ба ҳуқуқ ва озодиҳои асосии инсон аз 26-уми майи соли 1995 (бо тағйиру иловаҳо тибқи Протокол) // Кумитаи иҷроияи ИДМ. Реҷаи дастрасӣ: http://cis.minsk.by/page/11326 (санаи мурочиат: 23.04.2026).

Таҳлили санадҳои меъёрии ҳуқуқии байналмилалӣ, ки қонуният ва асоснокии истифодаи меҳнати маҷбуриро танзим мекунанд, имкон медиҳад ба чунин хулоса расид, ки субъекти истифодаи меҳнати маҷбурии инсон метавонад ҳам давлат ё ҷомеа бошад (масалан, дар ҳолати иҷозатдодашудаи маҷбуркунии меҳнат нисбат ба маҳкумшуда ё маҷбуркунии ҳуқуқии шаҳрванд ба хизмати ҳарбӣ ё хизмати алтернативии шаҳрвандӣ), ва ҳам шахси воқеӣ (масалан, дар ҳолати маҷбур кардани волидайн ба иҷрои уҳдадориҳо оид ба тарбияи фарзандони ноболиғ ва фароҳам овардани шароити зарурии зиндагӣ барои онҳо, инчунин маҷбур кардани фарзандони ба синни балоғат расида ва қобили меҳнат ба таъмини падару модари ғайриқобили меҳнат, ки ба кӯмак эҳтиёҷ доранд).

Ҳамин тариқ, дар сатҳи байналмилалӣ ҳолатҳо ва нишонаҳое пешбинӣ шудаанд, ки ҷиноят будани истифодаи меҳнати маҷбурии инсонро истисно менамоянд ва ба нишонаҳои меҳнати маҷбурӣ ё ғуломона дохил намешаванд. Аз ҷумла, субъектҳои истифодаи меҳнати маҷбурии инсон метавонанд давлат, ҷомеа ё шахси воқеӣ бошанд, дар ҳоле ки субъекти маҷбур намудани инсон ба меҳнат танҳо давлат буда, ин танҳо дар ҳолатҳое иҷозат дода шудааст, ки бевосита дар қонунгузорӣ пешбинӣ гардида бошанд.

Дар ҳамин замина дар қ. 2 м. 8 Кодекси меҳнати Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ гардидааст, ки меҳнати маҷбурӣ ҳисоб намешавад[1]:

– коре, ки мутобиқи қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба хизмати ҳарбӣ талаб карда мешавад;

– коре, ки дар шароити ҳолатҳои фавқулода, ҳангоми зери хатар будани ҳаёт, амнияти шахсӣ ва ё саломатии аҳолӣ талаб карда мешавад;

– коре, ки дар натиҷаи эътибори қонунӣ пайдо кардани ҳукми айбдоркунандаи суд талаб карда, таҳти назорати мақомоти ваколатдори давлатӣ, ки масъули назорати қонуният ҳангоми иҷрои ҳукми суд мебошанд, иҷро карда мешавад.

Ба андешаи мо, қонунгузории миллӣ дар маҷмӯъ ба меъёрҳои муқаррарнамудаи ҳуқуқи байналмилалӣ оид ба доираи истисноҳо ва ҳолатҳои қобили қабул будани маҷбуркунии давлатӣ-ҳуқуқӣ ба меҳнат мувофиқат менамояд. Бо вуҷуди ин, дар самти муқовимат ба савдои одамон ҳанӯз як қатор камбудиҳои танзимӣ ва масъалаҳои баҳсбарангез боқӣ мемонанд, ки дар қисматҳои минбаъдаи таҳқиқот мавриди таҳлил қарор мегиранд.

Яке аз санадҳои асосии ҳуқуқи байналмилалӣ дар самти муқовимат ба савдои одамон, ки ба қонунгузории ҷиноятии миллӣ таъсири назаррас расонида, дар он инъикоси мукаммал пайдо намудааст, «Протокол оид ба пешгирӣ ва рафъи савдои одамон, хусусан занону кӯдакон ва ҷазо барои он, ки илова ба Конвенсияи зидди ҷиноятқории муташаккили фаромиллӣ аз 15-уми ноябри соли 2000 қабул шудааст (минбаъд - «Протокол») ва бо тасдиқи он аз 29-уми майи соли 2002, № 645 аз ҷониби Маҷлиси намояндагони Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон[2], мебошад.

Ҳадафи қабули Протоколи мазкур ба таври возеҳ дар муқаддимаи он баён гардидааст: сарфи назар аз мавҷудияти як қатор санадҳои байналмилалӣ, ки меъёрҳо ва чорабиниҳои амалии мубориза бо истисмори одамон, махсусан занон ва кӯдаконро пешбинӣ менамоянд, то ҳол санади фарогир вуҷуд надошт, ки тамоми ҷанбаҳои падидаи савдои одамонро фаро гирад. Бо ҳамин сабаб, қабули ин Протокол ба мақсади такмил ва ҳамоҳангсозии низоми байналмилалии муқовимат ба савдои одамон ва таъмини механизмҳои самараноки пешгирӣ ва ҷазо пешбинӣ гардидааст.

Моддаи 3-и Протокол таърифи ҳуқуқии байналмилалии истилоҳоти дар он истифодашавандаро муқаррар менамояд. Ҳамин тавр, барои мақсадҳои Протоколи мазкур:

[1] Кодекси меҳнати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 23-юми июли соли 2016, № 1329.
[2] Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон. 2004. № 7. Мод. 454.

Савдои одамон мафҳуми бо мақсади сӯиистифода ҷалбкунӣ, интиқол, супоридан, пинҳонкунӣ ё гирифтани одамонро бо роҳи таҳдид ё истифода аз зӯрӣ ё истифода аз ҳама гуна шаклҳои маҷбурсозӣ, дуздӣ, қаллобӣ, фиреб, сӯиистифода аз қудрат ё ҳолати осебпазирӣ, ё бо роҳи ришва додан дар шакли пардохт ё фоида барои гирифтани розигии шахсеро, ки дигар шахсро назорат мекунад, дар назар дорад. Сӯиистифода ҳадди ақал аз сӯиистифодаи фоҳишагарии дигар шахсон ё дигар шакли сӯиистифодаи ҷинсӣ, кор ё хизмати маҷбурӣ, ғуломӣ ё расму одатҳои ба ғуломӣ монанд, ҳолати маҷбурӣ ё гирифтани бофтаҳои бадан иборат мебошад (м. 3 Протокол).

а) Савдои одамон бо мақсади сӯиистифода, ҷалб намудан , интиқол додан, супурдан, пинҳон кардан ё гирифтани одамонро бо мақсади маҷбурсозӣ дар бар мегирад, ки бо роҳи таҳдид ё истифода аз зӯрӣ, ё дигар шаклҳои маҷбуркунӣ, дуздӣ, фиреб, қаллобӣ, сӯиистифода аз қудрат ё аз ҳолати осебпазирӣ, ё бо роҳи ришвадодан дар шакли пардохт ё фоида барои гирифтани розигии шахсеро, ки дигар шахсро назорат мекунад, дар назар дорад. Суистифода, ҳадди ақал, суистифодаи фоҳишагии дигарон ё дигар шаклҳои суистифодаи ҷинсӣ, кор ё хизмати маҷбурӣ, ғуломӣ ё расму одатҳои ба ғуломӣ монанд, ҳолати маҷбурӣ ё гирифтани узвҳоро дар бар мегирад;

б) розигии қурбонии савдои одамон ба суистифодаи пешбинишуда, ки дар зербанди «а»-и ҳамин модда зикр шудааст, агар яке аз воситаҳои таъсиррасонии дар зербанди «а» пешбинишуда истифода шуда бошад, барои мақсадҳои муайян намудани ҷавобгарии ҳуқуқӣ аҳамият надорад;

в) ҷалб намудан, интиқол додан, супурдан, пинҳон кардан ё қабул намудани кӯдак бо мақсади истисмор ҳамчун «савдои одамон» эътироф мегардад, ҳатто агар он бо истифодаи ягон воситаи таъсиррасонии дар зербанди «а»-и ҳамин модда зикршуда алоқаманд набошад;

г) «кӯдак» ҳар шахсеро дар назар дорад, ки ба синни 18 нарасидааст.

Мутобиқи м. 5-и Протокол, ҳар як давлати иштирокчӣ чунин чораҳои қонунгузорӣ ва дигар тадбирҳои заруриро меандешад, то ки амалҳои дар м. 3 ҳамин Протокол пешбинишуда, вақте ки онҳо қасдан содир мегарданд, ҳамчун кирдори ҷиноятӣ эътироф карда шаванд; инчунин кӯшиши содир намудани чунин ҷиноятҳо, шарикӣ дар онҳо ва ташкил ё роҳбарии дигар шахсон бо мақсади содир намудани онҳо низ ҳамчун кирдори ҷиноятӣ ба ҷавобгарӣ кашида шаванд.

Таърифи савдои одамон, ки дар м.130(1) Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КҶ ҶТ) мавҷуд аст, асосан таърифи дар Протоколи Палермо пешниҳодшударо такрор мекунад. Аммо фарқияти онҳоро, ки баъди ворид намудани тағйирот ба м. 130(1) КҶ ҶТ мавриди назар маълум гардид, қайд накардан мумкин нест. Мутобиқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 2-юми январи соли 2019, №1554, таҳти ибораи “савдои одамон” дар м.130(1) КҶ ҶТ - хариду фурӯши одам ва ё нисбат ба ӯ анҷом додани дигар аҳдҳои ғайриқонунӣ, ҳамчунин, новобаста аз розигии қурбонӣ, бо мақсади истисмори ӯ ё бо дигар тарз гирифтани фоидаи ғайриқонунӣ пешниҳод намудан, ҷалб кардан, интиқол, пинҳон кардан, супоридан, ё гирифтани одам бо истифодаи маҷбуркунӣ, рабудан, фиреб, сӯиистифода намудани гунаҳгор аз вазъи хизматии худ, сӯиистифода аз боварӣ ё ҳолати оҷизии қурбонии савдои одамон ва ё ришвадиҳӣ ба шахсе, ки қурбонӣ таҳти вобастагии ӯ қарор дорад, фаҳмида мешавад.

Таҳлили муқоисавӣ-ҳуқуқии м.130(1) КҶ ҶТ ва санадҳои ҳуқуқии байналмилалӣ, хусусан меъёрии муқарраркардаи м. 3 Протокол, ки масъалаҳои муқовимат ба савдои одамонро танзим мекунанд, як қатор мушкилоти робитаи байни ин ду санади меъёриро ошкор менамояд. Пеш аз ҳама, ҳолати мазкур ба мафҳумҳои асосии чунин фаъолияти ҷиноятии муташаккили фаромиллӣ, ба хусус унсурҳои таркиби кирдори мазкур дахл доранд. Аз ҷумла: объекти бевоситаи савдои одамон, тарафи объективӣ, яъне ҳаракатҳо, тарзҳо, лаҳзаи хотимаёбии ҳаракатҳо ва тарафи субъективии он.

Хулоса, савдои одамон ҷинояти мураккаб, бисёрҷанба ва дорои хусусияти фаромиллӣ буда, ба озодии шахсӣ, шаъну эътибор ва маҷмӯи ҳуқуқҳои бунёдии инсон хатари ҷиддӣ мерасонад. Таҳлил нишон медиҳад, ки қонунгузории Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти муқовимат ба ин падида дар асоси санадҳои байналмилалӣ, махсусан Протокол, ташаккул ёфта, дар маҷмӯъ ба меъёрҳои байналмилалӣ мутобиқ мебошад. Ҳамзамон, дар масъалаҳои марбут ба табиати ҳуқуқии савдои одамон, объекти бевоситаи ҷиноят, мазмуни тарафи объективӣ ва субъективии он, инчунин доираи фаҳмиши истисмор, дар адабиёти ҳуқуқӣ ва амалияи ҳуқуқтатбиқкунӣ баҳсҳои илмии муҳим боқӣ мемонанд. Маҳз ҳамин ҳолат зарурати такмили минбаъдаи муқаррароти қонунгузорӣ, дақиқсозии мафҳумҳои ҳуқуқӣ ва таҳкими заминаҳои назариявию амалии мубориза бо савдои одамонро ба миён меорад.

UDC 343.985

CURRENT ISSUES IN SCIENCE: LINGUISTIC EXAMINATION DETERMINES CONTENT OF DISPUTED TEXTS IN CASE INVESTIGATIONS

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ СОДЕРЖАНИЕ СПОРНЫХ ТЕКСТОВ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛ

МАСЪАЛАҲОИ ҶОРӢ ДАР ИЛМ: ЭКСПЕРТИЗАИ ЗАБОНШИНОСӢ МУАЙЯНКУНАНДАИ МАЗМУНИ МАТНҲОИ БАҲСБАРАНГЕЗРО ДАР ТАФТИШОТИ ПАРВАНДАҲО

SELIVERSTOVA OKSANA VLADIMIROVNA
Lecturer in the Department of Foreign Languages at the I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia / Преподаватель кафедры иностранных языков Дальневосточного юридического институт МВД России имени И.Ф. Шилова / Омӯзгори кафедраи забонҳои хориҷии Донишкадаи ҳуқуқшиносии Шарқи дури ВКД Россия ба номи И.Ф. Шилов
E-mail: oksa.06@mail.ru

В статье говорится о том, что право тесно связано с судебной лингвистикой и лингвистической экспертизой, занимающейся анализом лингвистических доказательств с использованием письменных или устных текстов в качестве доказательств. Автор утверждает, что право и лингвистика являются взаимосвязанными областями, поскольку лингвистическая экспертиза связана с выявлением экспертом-лингвистом значимых текстовых доказательств в записях, стенограммах и т.д. В качестве вывода автор говорит о том, что лингвистическая экспертиза является явлением, используемым в уголовных расследованиях.

Дар мақола робитаи наздики ҳуқуқ ба забоншиносии судӣ ва экспертизаи забоншиносие, ки ба таҳлили далелҳои забонӣ бо истифода аз матнҳои хаттӣ ё шифоҳӣ ҳамчун далел машғул мебошанд, баррасӣ мешавад. Муаллиф изҳор медорад, ки ҳуқуқ ва забоншиносӣ соҳаҳои ба ҳам алоқамандананд, зеро экспертизаи забоншиносӣ муайян кардани далелҳои матнии назаррасро дар сабтҳо, стенограммаҳо ва ғайра аз ҷониби коршиноси забоншинос дар бар мегирад. Дар хулоса, муаллиф изҳор медорад, ки экспертизаи забоншиносӣ падидаест, ки дар тафтишоти ҷиноятӣ истифода мешавад.

Law correlates with forensic linguistics and linguistic examination for analyzing linguistic evidence using discourse analysis (written or spoken texts as evidence, etc.). Law and linguistics are coherent areas, as linguistic examination is associated with the solution of diagnostic tasks by an expert linguist to identify significant textual evidence in recordings, transcripts, etc. Linguistic examination is a phenomenon for criminal investigations.

The connection between legal norms and linguistics is fundamental since legal regulation as inherently verbal uses linguistic constructions. This relationship has become especially urgent and significant in the field of qualifying speech offenses, where the legislative text contains evaluative categories that require subsequent linguistic interpretation for their application in law enforcement practice:

– "Defamation" (slander/libel), an expert linguist determines whether the text contains statements about facts that are being verified for truth, and whether they are defamatory in terms of generally accepted moral norms.

– "Indecent form" (insult) – an expert linguist analyzes whether the vocabulary violates speech etiquette, humiliating the dignity of the addressee.

– "Enmity" or "hatred" – an expert linguist identifies linguistic markers of negative attitudes and justifications for the superiority/inferiority of a group of people.

– "Public appeals" – an expert linguist analyzes speech of suspects.

The verbal form of propaganda or agitation can be expressed in the form of appeals, justifications, persuasion, suggestion, etc[1].

Linguistics interprets indecent forms of insults in the texts, a statement as defamatory to honor and dignity, which stylistic discourse markers and expressive means negatively assess a social group of people or a person who say about enmity/hostility. Law and linguistics solve such issues.

Recently, the activity of "shadow" social engineering has been a particular threat. In the digital age, cyber security has been of prime importance. Businesses and law-abiding people are striving to protect their personal data from increasingly sophisticated threats. Among them, social engineering stands out as a particularly insidious strategy that exploits the most vulnerable human psychology. Traditional or sophisticated techniques of cyber-attacks use social engineering and target vulnerable people, who are manipulated, endangering their own security or organizations. The art of speech manipulation along with psychological influence is aimed at committing "speech crimes/verbal offenses".

The "framing method" is a promising trend in linguistic examination that allows overcoming the limitations of traditional approaches to the analysis of "legal text" with grammatically complex, sparsely punctuated, over-lexicalized, opaque written text, etc. This technique is based on the concept of frames as cognitive structures that organize the perception and interpretation of information. In the context of linguistic examination, "the framing method" makes it possible to reconstruct implicit meanings and identify manipulative strategies that cannot be detected by a superficial linguistic analysis.

This method refers to linguistic and social resources used to convince the recipient of a request to comply and perform a required social action. The request creates a social obligation to respond. The question should be convincing in context and sufficient. The "framing method" has the so-called characteristics of "benefit" (gain) and "cost" (loss) in sentence patterns of cybercriminals who use linguistic tools related to the use of semantic labeling of their roles and lexical conceptual structure (a specific thesaurus, extended verbs, etc.) as a manipulator in speech.

The essence of the "framing method" is to identify stable models of information that activate certain associative connections and value judgments in the recipient's mind. Frames operate as cog-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011, № 11.

nitive matrices that determine the interpretation of verbal messages through the prism of stereotypes. In linguistic practice, this is the ability of the forensic text to form a certain perception of the described events or phenomena without directly expressing evaluative judgments[1].

The "framing method" is of particular importance when analysing texts related to extremism and intergroup hostility. Traditional linguistic analysis helps interpret texts with implicit extremist influence in its content, in which there are no open appeals for hostile actions, but there have been detected implied negative and hostile words. For example, the systematic juxtaposition of "we-they" with the accentuation of cultural differences and attribution of threatening characteristics to the opponent creates a frame of "dangerous alien", which can serve as a basis for indirect hatred.

An expert linguist using the "method of frame" interprets frame semantics of verbal markers in the forensic text and semantic connections. The expert linguist also defines the author's communicative intention through the analysis of the frame semantics used in the text.

The practical application of the "method of frame" demonstrates its effectiveness in cases involving the qualification of extremism. In particular, an analysis of publications containing implicit appeals for spread racial hatred shows that the method allows identifying some negative stereotypes.

Traditional methods of linguistic examination and the "framing approach" reveal their advantages. While classical linguistic interpretation focuses on the verbal structures of the text, the framing analysis detects the implicit digital communication with multimodality and modes. This method helps to use parts of speech, categorical variations, and verbs informed by lexical-conceptual structure to yield significant precision and recall improvements for framing detection.

The analytical significance of forensic linguistic examination for law enforcement practice, criminology, and criminalistics determines the key role in bringing legal responsibility for speech offenses. The linguistic examination of forensic texts performs a system-forming function in cases where the main evidence is the text. It allows identify the content of controversial statements.

The linguistic determines statements about specific facts that are being verified as defamatory. Invectives create the prerequisites for bringing to justice for insulting. Negative generalizations of statements and appeals for hostile actions against a group of people forms the evidentiary basis for a criminal case.

The social significance of forensic linguistic examination is detected in the context of the balanced restriction of freedom of speech. On the one hand, the examination ensures the implementation of state coercion for actual speech offenses, and on the other hand, it serves as a guarantee against unfounded accusations. The linguistic analysis that reveals the use of metaphor, hyperbole, or satire as elements of a journalistic or artistic style that are not aimed at causing real harm to legally protected values helps protect citizens from criminalizing permissible public discussion.

In addition, forensic linguistic interpretation performs an important procedural function of ensuring the competitiveness of the parties. This creates the conditions for a comprehensive examination of the evidence and helps to establish the objective truth in the case.

An illustrative example of the practical significance of forensic linguistics is the case from judicial practice when one citizen posted a comment on a social network addressed to another citizen containing the phrase: "*He is incompetent and his actions have caused damage to the company".* A court-appointed forensic linguistic examination found that the statement "incompetent" is a value judgment, and the statement "causing damage" has a common significance and it doesn't contain specific and verifiable facts. Based on the linguist's opinion, the court dismissed the claim for the protection of honor, dignity and business reputation. This example clearly demonstrates how judi-

[1] Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие / А.Н. Баранов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2020. – 215 с.

cial linguistic examination provides a balance between protecting individuals from illegal encroachments and guaranteeing freedom of speech in public places[1].

Currently, the introduction and application of innovative semiotic methods from the field of cyber security is of particular importance for determining the meaning of individual words, for the identification of "masking indirect speech acts" in terroristic statements. Linguists help legal scholars interpret such messages, understand the motives of cybercriminals, and analyze threats in phishing emails, "criminal network", etc.

Meanwhile we can define the conceptual gap between legal and linguistic discourses. The legal system operates in binary categories ("guilty – innocent", "*a corpus delicti – no corpus delicti*"), while linguistics uses language as a flexible system where meaning often depends on the context, intonation, implicit meanings and the communicative intention of the author. Legal norms create a "request" for linguistic knowledge, and linguistics provides a "response" in establishing specific linguistic facts, which are important for defining legal concepts.

Linguistic knowledge has the potential for interpreting forensic information to assist investigators in detecting crimes, new criminal enterprises or high-technology crime when analysing the stylistically motivated testimonial, complex noun constructions, linguistic hallmarks.

Expert linguist studies acoustic and linguistic features of lies of suspects, higher pitch, increased pausing, slower speech rate, some hesitations, etc. The goal of linguists is to identify the meaning of a certain version of the facts. Linguists analyze definite features of sexual violence in the texts of mass media or they examine how people use discourse markers. Linguists research written statements as synthesis of evidence (cyberbullying) that can be used in any subsequent court hearing. The power of Words is especially great in the digital world, where information spreads almost instantly, and verbal communication inevitably changes. In the context of the World Wide Information Web, the flow of information transmitted through mass communication channels is rapidly increasing in quantity and becoming more complex in quality. Citizens, officials, social institutions, organizations and institutions actively participate in information exchange, which generates a lot of documentation and information disputes and conflicts, administrative offenses and crimes.

The power of Words is of great impact and influence. It can be dangerous in the times of digital age, where wrongful or even offensive/abusive information spreads almost instantly around the world and verbal communication has evolved and transformed. The flow of information generates a lot of disputes and conflicts, administrative offenses and crimes. The speech of suspects is full of metaphors, idioms, hints, allegories, jargonismes, neologisms, negative evaluative connotations and associations. Judicial linguistic examination facilitates acts in court proceedings as a means of establishing the facts and circumstances to be proved in the case, and as an argument for substantiating the final conclusions of the court in a judicial act[2].

Reproducibility of linguistic examination allows law-enforcers assessing reliability of obtained results, their objectivity, completeness and validity. Categorical and alternative methods of forensic linguistics establish scientific validity of research vocabulary.

Linguists identify already "marked" or "repetitive" textual elements compare them with the author. It can be the analysis of linguistic examination, the classification of identified linguistic patterns, of speech products and artificial intelligence.

Texts as speech products have become as corpus delicti, which threaten society. Words or words combinations can be considered as the means for committing crimes, felonies/misdemeanors. Utterances make *actus reus* or objective element of a crime. Language is also can be as evidence and how they interpret true statements of insult etc. Fact-finding is the essential concept for linguis-

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 5.
[2] Галяшина, Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза / Е.И. Галяшина. – М.: Проспект. 2023. – 423 с.

tic research. Linguists should explain the facts of “threat/damage/danger” etc. and determine what character the facts of validity have.

Linguistic profiling helps criminal investigations to analyze texts, messages, e-mails etc. and determine whether they have been written by researching its special style, elicit vocabulary, syntax, orthography. Linguists are eligible to scrutinize validity or falsification of witness’s testimony, notes; they also identify speaker’s speech, interpret audio recordings, the exact meaning of the conversation; they detect inconsistencies in testimonies; provide reliability of language evidence etc.

In some cases, the linguist’s contribution can be restricted to the meaning of a single word: “the expert testified that the verb “*killem*” (used by a Torres Strait Islander) has a much wider semantic range than the Standard English word “*to kill*”, which the uninformed might think was an obvious equivalent. In fact, apparently, the range of meanings for “*killem*” can include “hit” and thus the use of this word by the accused, when he was describing a fight with a man who subsequently died, could not be used to claim that he had necessarily confessed to manslaughter. So the accused may be even more vulnerable when the incriminating word or words are in an unrelated language”[1].

To sum up, linguistic examination as expert opinion means to establish truth correspondent to facts. Linguists help identify the attribution of authorship, sociolect/ idiolect; the linguistic component can play a crucial role in any legal dispute.

It is an expert linguist opinion (linguistic examination) that detects the linguistic form of statements about negative facts. The linguistic form is a classification attribute for application of legal norms according to judicial practice in the cases of protecting the honor and dignity of citizens, their business reputation and legal entities. Lexical-semantic methods just facilitate to investigate crimes and study modality of facts, expressive/phatic/metalinguistic/aesthetic functions of statements for analyzing.

Linguistic knowledge lays the foundation for legal linguistics in jurisprudence. Legal linguistics expands the concept and forms for legal phenomena and facts; for better understanding some types of manipulation, persuasion and communicative nature of investigative procedures; for interpreting texts of various speech genres. Linguistic examinations of the text determine semantic content of controversial utterances and thereby establish legally significant circumstances in case investigations.

УДК 343.431

МЕХАНИЗМЫ ВИРТУАЛЬНОЙ ВЕРБОВКИ В ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ И СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ

МЕХАНИЗМҲОИ ҶАЛБИ МАҶОЗӢ ДАР САВДОИ ОДАМОН ВА ТАҲДИДҲОИ МУОСИРИ КРИМИНОЛОГӢ

Уринов Одилбек Лазизович
Главный специалист Департамента оперативно-розыскной деятельности МВД Республики Узбекистан, капитан / Сармутахассиси Департаменти фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯии ВКД Ҷумҳурии Узбекистон, капитан

Вступление человечества в цифровую стадию развития спровоцировало фундаментальные изменения во всех сферах жизни общества, привело в том числе, к

[1] Malcolm Coulthard and Alison Johnson // An Introduction to Forensic Linguistics Language in Evidence / This edition published in the Taylor & Francis e-Library. 2007. - Pp. 250.

радикальной трансформации природы транснациональной преступности. На сегодняшний день при исследовании вопросов совершенствования действенных механизмов предупреждения торговли людьми возникает острая необходимость научного признания того неоспоримого факта, что данное преступное деяние вышло за рамки своих традиционных физических границ и практически полностью переместилось в виртуальное пространство.

Известный российский криминолог В.С. Овчинский, оценивая данный феномен, справедливо подчеркивает, что информационные технологии стали для преступности не просто инструментом, а абсолютно новой «средой обитания». По мнению ученого, глобальная сеть Интернет беспрецедентно повысила уровень латентности, являющейся главной характеристикой преступлений, связанных с торговлей людьми. В современных реалиях от преступника больше не требуется личной встречи с жертвой, физического пересечения государственных границ или значительных финансовых затрат; все транзакции и процессы вербовки осуществляются дистанционно и в условиях строгой анонимности[1].

Данная тревожная тенденция находит свое полное подтверждение и в международной практике. В частности, в специальном докладе Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (далее - ОБСЕ) «Использование инноваций в борьбе с торговлей людьми», опубликованном в 2024 году, особо признается, что киберпространство превратилось для торговцев людьми в самый дешевый, безопасный и не знающий границ глобальный криминальный рынок[2]. Таким образом, виртуализация преступных механизмов диктует необходимость кардинального пересмотра традиционных подходов к квалификации, выявлению и расследованию фактов торговли людьми, а также требует адаптации национального законодательства к новым криминологическим вызовам современности.

В контексте анализа торговли людьми в интернет-пространстве особую научно-практическую значимость представляет последний отчет полицейской службы Европейского союза (Europol) «Торговля людьми в цифровую эпоху» (2024-2025 гг.). Согласно аналитическим данным экспертов Europol, современные «бизнес-модели» торговцев людьми полностью адаптированы к алгоритмам социальных сетей (Facebook, Instagram, TikTok) и мессенджеров (Telegram, WhatsApp)[3]. Преступники при поиске потенциальных жертв отказываются от случайного подхода и активно используют методы целевого «цифрового профилинга». IT-специалисты преступных группировок запускают программы, которые автоматически фильтруют историю поиска пользователей, их «лайки», геолокацию и социальные статусы (например, ключевые слова «ищу работу», «финансовые трудности»).

Данная пугающая статистика получает свое подтверждение в глобальном отчете Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) за 2024 год, где технологическому фактору посвящен отдельный раздел. Согласно отчету, примерно в 65% выявленных случаев торговли людьми в мире первый контакт между преступником и жертвой произошел именно через сеть Интернет[4]. В качестве наиболее распространенных алгоритмов обмана выступают такие фальшивые объявления, как «кастинг для моделей за рубежом», «высокооплачиваемая удаленная работа», «знакомство с богатым иностранным женихом» или «инвестиционные криптовалютные проекты».

Национальные особенности данных глобальных киберугроз в условиях Узбекистана глубоко освещены в трудах отечественного исследователя С.С. Ниёзовой. В ее исследованиях подчеркивается, что в национальном сегменте (в частности, в Telegram-каналах) вербовщики в основном используют психологическую уязвимость молодых

[1] Овчинский, В.С. Криминология цифрового мира: монография. – М.: Норма, 2018. – С. 45-48.
[2] OSCE. Leveraging Innovation to Fight Human Trafficking: A Comprehensive Analysis. – Vienna, 2024. – Pp. 12-14.
[3] Europol. Trafficking in Human Beings in the Digital Age. – The Hague: Europol Public Information, 2024. – Pp. 21-25.
[4] UNODC. Global Report on Trafficking in Persons 2024: The Role of Technology in Human Trafficking. – Vienna, 2024. – Pp. 60-63.

девушек и парней, стремящихся к трудовой миграции[1]. Создавая через фейковые аккаунты иллюзию высокодоходной жизни (предлагая работу «няней», «продавцом» или «администратором ресторана» в Турции или ОАЭ), преступники электронным путем оплачивают все расходы на билеты и визы. Именно этот фактор виртуального общения становится главным криминогенным мостом, превращающим жертву в заложника реальной «долговой зависимости».

Переходя от этапа «цифрового профилинга» к механизмам непосредственной вербовки, мы сталкиваемся с самым опасным этапом – процессом виртуальной психологической манипуляции. Современные вербовщики выступают в сети не просто как работодатели, а как «виртуальные психологи». Они тщательно изучают страницы потенциальной жертвы, выявляют ее личные проблемы (семейные конфликты, безработица, одиночество) и предлагают именно то, чего ей не хватает – фальшивую эмпатию.

Особенно активно при вовлечении женщин в сексуальную эксплуатацию применяется метод «цифрового груминга» (digital grooming) – создание искусственной близости путем длительной (иногда многомесячной) регулярной переписки, отправки виртуальных подарков и «выслушивания» проблем жертвы. Ярким практическим подтверждением этой теории служит фабула уголовного дела, раскрытого в Джизакской области Республики Узбекистан в 2023 году. Преступник А.С. на протяжении нескольких месяцев вел непрерывное общение через социальную сеть «Instagram» с двумя молодыми девушками. Для вхождения в доверие он обещал познакомить их с «одинокими и богатыми мужчинами» в Стамбуле, сулил престижный брак и отправлял различные подарки. Потеряв критическое мышление и полностью поддавшись виртуальному обману, девушки по прибытии в Турцию под предлогом «временного заработка для покрытия текущих расходов до нахождения женихов» в течение 6 месяцев подвергались сексуальной эксплуатации[2].

Исследуя данную локальную теорию в глобальном масштабе и с точки зрения цифровых алгоритмов, зарубежные ученые К. Смит и Х. Мартин раскрывают еще более глубокие пласты проблемы. По их мнению, фактором обмана жертвы служит не только ловкость преступника, но и сам специфический дизайн социальных сетей, выступающий в роли криминогенного «катализатора». Социальные сети запрограммированы на выработку дофамина и снижение чувства опасности: иллюзия безопасности («если что-то не понравится, я просто заблокирую пользователя») толкает жертву на неоправданный риск. Кроме того, преступники создают в виртуальном пространстве мощную «фальшивую социальную поддержку» – сотни фейковых лайков, комментариев и качественные поддельные веб-сайты модельных агентств, заставляя жертву верить в реальность корпоративной среды[3].

Таким образом, традиционная теория виктимологии в киберпространстве теряет свою силу. Отсутствие физической дистанции в виртуальном мире приводит к обнулению психологической дистанции, что породило в криминологии абсолютно новый феномен – «кибер-виктимизацию». Ее самая страшная особенность заключается в том, что жертва осознает свое попадание в сети преступников лишь в тот момент, когда пересекает государственную границу и лишается паспорта.

Резюмируя проведенный криминологический и виктимологический анализ трансформации торговли людьми в цифровую эпоху, можно сделать однозначный вывод: традиционные превентивные меры, ориентированные исключительно на физический контроль государственных границ и выявление преступлений постфактум, демонстрируют свою критическую неэффективность в условиях киберпространства. Торговля людьми больше не требует физического контакта на стадии подготовки; социальные сети и мессенджеры стали не просто

[1] Ниёзова, С.С. Виртуальные проявления мошенничества и торговли людьми в социальных сетях / С.С. Ниёзова // Журнал правовых исследований. – 2023. – № 5. – С. 88-91.
[2] Материалы следственной практики Следственного управления УВД Джизакской области за 2023-2024 годы
[3] Katherine Taken Smith, Hannah M. Martin. Human trafficking: a global multi-billion-dollar criminal industry. // International Journal of Public Law and Policy. – 2014. – Vol.4 No.3. – Pp. 293-308.

средством коммуникации, а активной криминальной платформой, формирующей объективную сторону преступления.

Для адекватного ответа на эти современные криминологические угрозы предлагается внедрение следующих инновационных подходов:

Во-первых, назрела острая необходимость смещения фокуса профилактики из физической среды в виртуальную. В системе правоохранительных органов (в частности, в подразделениях по борьбе с торговлей людьми) требуется создание принципиально новых служб «цифрового патрулирования» (кибер-превенции). Данные подразделения должны обладать компетенцией и технологиями (например, OSINT – разведка по открытым источникам) для заблаговременного выявления потенциальных жертв на основе алгоритмов цифрового профилинга и выведения их из виртуальной ловушки еще до этапа реальной эксплуатации.

Во-вторых, с учетом появления феномена «кибер-виктимизации» и активного использования преступниками методов «цифрового груминга» и инженерии доверия, необходимо кардинально пересмотреть судебно-следственную практику оценки поведения потерпевших. Правовым критерием квалификации деяния и оценки статуса жертвы должен служить не факт ее «добровольного» согласия на выезд за рубеж, а степень примененной к ней виртуальной психологической манипуляции и информационного контроля.

Только путем адаптации национального уголовного правосудия к цифровым реалиям и внедрения интеллектуальных механизмов кибер-превенции государство сможет обеспечить надежную защиту своих граждан от современных транснациональных угроз в виде виртуальной торговли людьми.

УДК 343.131.7

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ И ПРАКТИКА

НАҚШ ВА АҲАММИЯТИ ЭҲТИМОЛИЯТИ БЕГУНОҲӢ ҲАНГОМИ ҚАТЪ ГАРДИДАНИ ПАРВАНДАИ ҶИНОЯТӢ: ҶАНБАҲОИ ҲУҚУҚӢ ВА АМАЛИЯ

УРФОНЗОДА ДОНИШМАНД САДОНШО
Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции / Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва фаъолияти маъмурии факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подпоковники милитсия
E-mail: sadonschoev.donisch@yandex.ru

РАХИМЗОДА ЗАФАР КАРОМАТ
Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции / Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи маъмурӣ ва фаъолияти маъмурии факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подпоковники милитсия
E-mail: hamzarahimov2008@gmail.ru

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее - УПК РТ) устанавливает принцип презумпции невиновности в ст. 15: «Никто не считается виновным в со-

вершении преступления до вступления приговора суда в законную силу»[1]. Представленная формулировка охватывает все социальные группы, включая субъектов правоприменения и теоретиков права, и устанавливает, что право признания обвиняемого виновным принадлежит исключительно судебной власти. Данное право реализуется только после полного и всестороннего изучения доказательств и материалов уголовного дела. Иные аспекты принципа презумпции невиновности включают в себя гарантии данного права в рамках уголовного судопроизводства. В целях обеспечения соблюдения презумпции невиновности, органы предварительного расследования обязаны руководствоваться соответствующими нормативными положениями.

Право на презумпцию невиновности всегда остается приоритетом для современного уголовного процесса. Поэтому все требования данного принципа должны быть реализованы и соблюдены, что является гарантом объективного и беспристрастного расследования уголовного дела.

Проблема прекращения уголовного дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям всегда вызывает интерес с точки зрения принципа презумпции невиновности. Ведь с позиции данного принципа дальнейшая судьба лиц, против которых прекращено уголовное дело по причисленным основаниям, остается неизвестным.

Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям влечет за собой признание невиновности обвиняемого. Это означает, что следствие не смогло доказать его вину. В соответствии с законом, орган, ведущий расследование, должен признать его невиновным и принять меры для защиты его прав, исходя из принципа презумпции невиновности.

С позиции принципа презумпции невиновности, человек может быть признан виновным только судом. Весь процесс предварительного расследования ведётся в целях доказывания виновности человека. Поэтому органы, которые ведут расследование, собирают только факты и доказательства, чтобы убедить суд в виновности лица. Если на какой-либо стадии уголовного судопроизводства прекращается уголовное дело в отношении обвиняемого, то это значит, что он является невиновным. Ведь сущность принципа презумпции невиновности заключается в том, что пока обвинительный приговор суда не вступит в законную силу, лицо считается невиновным.

В соответствии с п. 1 и 2 ч.1 ст.27 УПК РТ уголовное дело прекращается по реабилитирующим основаниям, что дает возможность лицу, против которого прекращено уголовное дело, оправдать себя и восстановить свое доброе имя. К реабилитирующим основаниям УПК РТ относит:

- отсутствие события преступления (п.1 ч.1 ст.27 УПК РТ)
- отсутствие в деянии признаков состава преступления (п.1 ч.1 ст.27 УПК РТ).

В случае прекращения уголовного дела по указанным основаниям, все следственные мероприятия, направленные против обвиняемого, прекращаются, и запускается процедура его реабилитации. Некоторые процессуалисты, в частности, А.О. Ермакова отмечает, что «при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям проблемы, связанные с реализацией принципа презумпции невиновности, не возникают, поскольку лицо, в отношении которого велось уголовное преследование, в этих случаях признается невиновным»[2]. Однако мы не можем согласиться с позицией данного автора ввиду того, что возбуждение уголовного дела при отсутствии события преступления или отсутствии в деянии обвиняемого признаков состава преступления, на наш взгляд, уже выступает нарушением принципа

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изм. и доп. от 03.01.2026 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 19.02.2026 г.).

[2] Ермакова, А.О. Реализация принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по не реабилитирующим основаниям / А.О. Ермакова // Инновационная наука. - 2019. - №4. - С. 134.

презумпции невиновности на стадии возбуждения уголовного дела. Принцип презумпции невиновности распространяется на все стадии уголовного судопроизводства, включая возбуждение уголовного дела.

Исходя из сути принципа презумпции невиновности любое решение лица, расследующего уголовное дело, которое подтверждает причастность человека в совершении преступления, должно быть обоснованным и мотивированным. Это особенно касается решений о возбуждении уголовного дела. Если уголовное дело было возбуждено в отношении лица и его привлекли к уголовному преследованию, тем самым затронули его конституционные права и свободы, но в итоге факт его причастности к совершению преступления не было выявлено, значит, против него необоснованно было возбуждено уголовное дело.

В подобной ситуации автоматически активируется механизм реабилитации для лица, в отношении которого уголовное дело было инициировано поспешно или ошибочно. Исходя из принципа презумпции невиновности, данный гражданин признается невиновным. Ему будет восстановлена репутация (доброе имя), прежний социальный статус и рабочее место. Также ему полагается компенсация упущенной выгоды за период необоснованного преследования и возмещение морального вреда. Кроме того, от имени государства будут принесены извинения, а сведения о его привлечении к уголовной ответственности будут удалены из всех соответствующих реестров.

Следует отметить, что подобные проблемы прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям очень часто встречается в практической деятельности правоохранительных органов нашей страны. Следователь (дознаватель) или другое лицо, осуществляющее уголовное преследование, при наличии соответствующих оснований, как правило, прекращает уголовное дело и больше не преследует обвиняемого, но при этом, не принимает каких-либо реабилитирующих лица решений, пока последний сам не начнет предпринимать действия в данном направлении. Хотя, исходя из содержания принципа презумпции невиновности, лицо, против которого прекращено уголовное дело, не обязано самостоятельно доказывать свою невиновность (ч. 3 ст. 15 УПК РТ).

В большинстве случаев его имя заносится в список лиц, которые были привлечены к уголовному преследованию, что негативно влияет на его дальнейшую карьеру и репутацию, так как фактически приравнивает его к ранее судимым. Подобные моменты создают неблагоприятные последствия для лиц, в отношении которых было прекращено уголовное дело по реабилитирующим основаниям.

Следует отметить, что предметом научного обсуждения ученых-процессуалистов является вопрос о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям.

Стоить подчеркнуть, что УПК РТ не разделяет четко реабилитирующие и нереабилитирующие основания, по которым может быть прекращено уголовное дело, на самостоятельные и отдельные группы. Только в ст.27 УПК РТ указывается ряд обстоятельств, исключающие производство по уголовному делу. Среди них только два обстоятельства являются реабилитирующими, остальные относятся к нереабилитирующим.

К обстоятельствам прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям относятся:

- истечение сроки давности (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РТ);
- принятие акта об амнистии (п. 4 ч. 1 ст. 27 УПК РТ);
- примирение стороны (п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РТ);
- смерть обвиняемого (п. 6 ч. 1 ст. 27 УПК РТ);
- активное сотрудничество со следствием (п. 7 ч. 1 ст. 27 УПК РТ).

Прекращение уголовного дела по таким основаниям порождает ряд неразрешенных вопросов, связанных с принципом презумпции невиновности, которые нуждаются в законодательном урегулировании. Во-первых, лицо, осуществляющее уголовное преследование ни

вправе считать обвиняемого виновным. Оно только на основе собранных доказательств выносит обвинительное заключение либо обвинительный акт до судебного разбирательства уголовного дела. Если нет судебного обвинительного акта, подтверждающего эти выводы лица, то они автоматически теряют свою юридическую силу. С позиции принципа презумпции невиновности человек либо виновен, либо невиновен. Его вина не может быть частично доказана или частично не доказана. Такой подход абсолютно противоречит принципу презумпции невиновности. Иначе говоря, презумпция невиновности не даёт право признать человека частично виновным без приговора суда. Исходя из этого, это лицо признается добросовестным, ввиду чего следователь (дознаватель) не вправе признавать его частично виновным. Получается, что при любом варианте прекращения уголовного дела, если нет обвинительного приговора суда, человек считается невиновным.

На эту проблему ученые обращали внимание еще во времена советского союза. Так, советский процессуалист А.П. Гуляев подмечал, что «неоднократно ставился и исследовался проблемный вопрос о действии презумпции невиновности в связи с прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям»[1]. С его позиции, в тот период велись активные поиски решения данного вопроса.

М.С. Строгович также «категорически отрицал возможность признания обвиняемого виновным на стадии предварительного следствия»[2]. Позиция М.С. Строгович вполне соответствует требованием принципа презумпции невиновности. Как мы уже выше подчеркивали, стадия предварительного расследования – это только процесс доказывания, а не установления виновности. Установление виновности возможно только на итоговой стадии уголовного судопроизводства – в суде. В данном контексте не выдерживает критики позиция А.П. Гуляева, который считает, что признание виновности или невиновности лица – это прерогатива следователя. Только следователь способен доказывать виновность человека. Поэтому, если он считал лицо виновным, значит, он виновен[3].

А.М. Ларин и Э.Б. Мельникова акцентировали внимание на данной проблеме и выдвинули свои аргументы: «Для того, чтобы принцип уголовного судопроизводства работал корректно, необходимо решить вопросы, связанные с прекращением уголовных дел по нереабилитирующим основаниям»[4]. Они подчеркивают значимость принципа презумпции невиновности, утверждая, что он должен быть основным и функционировать эффективно.

Г.П. Химичева считает, что принцип презумпции невиновности не исключает возможность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. Она придерживается мнения, что прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, не предполагающим виновность, допустимо, если это отвечает интересам обвиняемого и не нарушает принцип презумпции невиновности[5].

Э.И. Клямко подчеркивает, что «главное содержание презумпции невиновности – процессуальное ограничение правоприменителя; ее этические аспекты должны носить подчиненный характер. По его мнению, юридическое содержание презумпции невиновности важнее, потому что именно оно конкретно регламентирует процессуальные действия[6].

Прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям влечет за собой вынесение следователем (дознавателем) постановления о признании лица виновным в

[11] Гуляев, А.П. Следователь в уголовном процессе. - М., 1981. - С. 152.
[2] Строгович, М.С. Избранные труды: в 3 т. - М.: Наука, 1991. Т. 3: Теория судебных доказательств. - С. 73.
[3] Гуляев, А.П. Указ. раб. - С. 154.
[4] Ларин, А.М., Мельникова, Э.Б., Савицкий, В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. - М., 2014. - С. 128.
[5] Химичева, Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. - М.: Экзамен, 2003. - С.12.
[6] Клямко, Э.И. О правовом содержании презумпции невиновности / Э.И. Кимяко // Государство и право. - 1994. - № 2. - С. 90

совершении инкриминируемого деяния, с последующим прекращением уголовного дела по предусмотренным законом, но не реабилитирующим, основаниям. При этом к такому лицу не применяются реабилитационные меры, и оно сохраняет статус лица, привлеченного к уголовной ответственности, в информационных системах следственных органов.

Исходя из этого, в целях эффективного применения и действия принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям предлагается следующее:

– лицо, в отношении которого прекращается уголовное дело по реабилитационным основаниям, должно быть оправдано по решению суда, а его данные – вычеркнуты из всех списков лиц, привлечённых к уголовному преследованию;

– в УПК РТ должны быть включены нормы, конкретно разграничивающие реабилитирующие и нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела;

– лицу, в отношении которого прекращено уголовное дело по нереабилитирующим основаниям, необходимо отстаивать право на оспаривание своей невиновности;

– бремя доказывания вины возлагается на государство, а не на обвиняемого. Доказывать свою невиновность лицо, привлечённое к уголовному преследованию, не обязано;

– не доказанность виновности влечет за собой прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

УДК 343.614

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СКЛОНЕНИЕ К ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ЖИЗНИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ҶАВОБГАРӢ БАРОИ МОИЛ НАМУДАН БА ФАЪОЛИЯТЕ, КИ БАРОИ ҲАЁТ ХАТАРНОК АСТ ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

ФАЙЗАЛИЗОДА ФАРИДА САИДЖАФАР
Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, капитан милиции / Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия
E-mail: ffarida98@mail.ru

БУРИЕВА МЕХРИНИСО КАМОЛОВНА
Старший преподаватель кафедры языков факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции / Омӯзгори калони кафедраи забонҳои факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия
E - mail: mehri.b@bk.ru

Стремительное развитие общества, включая повсеместное применение информационно-коммуникационных технологий привело к совершенствованию существующих и появлению новых форм преступного поведения. Актуальным указанное остается и для такой преступной сферы как склонение к деятельности, представляющей опасность для жизни, включая доведение до самоубийства, представляющие собой специфическое преступление против жизни, при котором виновное лицо своими противоправными действиями создает условия, толкающие потерпевшего на причинение себе вреда, в том числе способом суицида. В по-

следние годы проблема получила новую актуальность в связи с резонансными случаями влияния третьих лиц (например, через интернет-сообщества) на поведение потерпевших, особенно среди подростков. В то же время уголовно-правовые подходы к ответственности за доведение до самоубийства и смежные деяния исторически менялись, что обусловливает обращение к ретроспективному исследованию ответственности за соответствующие деяния, а также раскрытию особенностей установления уголовной ответственности за них.

Проблема самоубийства и доведения до него имеет древние исторические корни. Сколько существует человечество, столь же давно общество сталкивается с явлением добровольного ухода человека из жизни и пыталось ему противодействовать. Уголовно-правовая ответственность за доведение до самоубийства прошла длительный и противоречивый путь становления. Историко-правовой ретроспективный анализ позволяет выявить эволюцию взглядов на доведение до самоубийства – от религиозных и этических запретов до современных уголовно-правовых норм.

На территории современного Таджикистана в дореволюционный период общественные отношения регулировались преимущественно социально-религиозными нормами – обычаями, моралью, религиозными заповедями – которые не были кодифицированы отдельно, а включались в общие предписания и акты, регулирующие жизнь общества. Первой правовой системой, повлиявшей на нормы поведения, была зороастрийская. Зороастризм, господствовавший на территории Таджикистана приблизительно с конца II тысячелетия до н.э., рассматривал человеческую жизнь как высшую ценность. Основой древне таджикского права стал свод священных книг зороастризма – Авеста. В учении зороастризма жизнь человека почиталась как божественный дар Ахура Мазды и подлежала всесторонней защите. Как отмечает Х.Х. Муминджанов, «Зороастризм, в отличие от современных мировых религий, глубоко почитая и воспевая жизнь, природу, красоту и совершенство материального мира, предлагает их человеку для его совершенства»[1]. Суицид в зороастрийской этике рассматривался крайне негативно, как посягательство на дарованную богом жизнь, хотя прямых письменных запретов самоубийства в известных текстах Авесты немного. Можно предположить, что доведение другого лица до самоубийства по зороастрийским представлениям также осуждалось, поскольку нарушало божественный замысел сохранения жизни.

С распространением ислама на территории Таджикистана (VII-X вв. н.э.) представления о самоубийстве и ответственности за него получили дальнейшее развитие. С точки зрения ислама самоубийство считается тяжким грехом и преступлением перед Всевышним. Человеческая жизнь объявляется священной, а самовольное ее прекращение – недопустимым. В Священном Коране прямо указано: «...не убивайте самих себя! Воистину, Аллах милостив к вам (запрещая вам это)» (Коран, сура «Ан-Ниса», аят 29). Исламское право не освобождает от ответственности за самоубийство даже при совершении его под принуждением или вследствие тяжкой болезни – уход из жизни по собственной воле греховен при любых обстоятельствах. Исключение делается лишь для случаев шахидства (самопожертвования на пути Аллаха в условиях джихада), которые не рассматриваются как суицид.

Подстрекательство к самоубийству или содействие ему также строжайше осуждается исламом. В Коране запрещены любые формы жестокости, унижения и оскорбления друг друга: «...Не обижайте друг друга и не называйте друг друга обидными прозвищами... А те, которые не раскаются, окажутся беззаконниками» (Коран, сура «Аль-Худжурат», аят 11).

Таким образом, традиционные для таджикского народа религиозные нормы – и зороастризм, и ислам – однозначно отрицательно относились к самоубийству и тем более к действиям, способным подтолкнуть человека к гибели. Однако вплоть до начала XX ст. эти за-

[1] Муминджанов, Х.Х. Развитие этико-правовых взглядов зороастризма / Х.Х. Муминджанов // Вестник института Востоковедения. - 2004. - № 2. - С. 45-53.

преты существовали преимущественно в морали и религии; специальных светских законов, предусматривающих наказание за доведение до самоубийства, не было.

После присоединения Средней Азии к Российской империи (вторая половина XIX ст.) в регионе постепенно внедряется светское имперское законодательство, хотя шариатские нормы продолжали частично применяться вплоть до 1920-х гг. Период 1868-1917 гг. характеризуется как эпоха «смешанного мусульманско-имперского права»[1], поскольку «Положение об управлении Туркестанским краем» 1867 г. и последующие договоры (например, Русско-Бухарский договор о дружбе 1873 г.) ввели на присоединенных территориях уголовную политику и судопроизводство Российской империи, в том числе распространение на местные суды проектов Российского Уложения о наказаниях.

По наиболее тяжким уголовным делам (убийства, разбой, кражи, изнасилования и др.) казийским (шариатским) судам указывалось руководствоваться нормами российского права (например, ст. 219 Проекта Уголовного уложения 1891 г.), а некоторые традиционные исламские наказания и правовые институты были отменены. Постепенно сфера применения шариата сокращалась: к 1927 году в Таджикской АССР оставалось лишь несколько шариатских казийских судов, пока Постановлением ЦИК и СНК Таджикской АССР от 30 июля 1928 г. они не были окончательно упразднены. Таким образом, к концу 1920-х гг. на территории Таджикистана полностью установилась светская судебно-правовая система, унаследованная от РСФСР.

При этом, после Октябрьской революции прежние царские уголовные законы были отменены. В первые годы советской власти прямых норм о наказуемости склонения к самоубийству не существовало. Тем самым воплощалась идея, что самоубийство – не преступление, и карать за содействие ему в отношении взрослого человека нецелесообразно.

Тем не менее, проблема не была оставлена совсем без внимания. После 1917 г. советский законодатель заново обратился к данной проблеме в первом УК РСФСР 1922 г. В обозначенный период источником уголовного права на территории современного Таджикистана также стали советские законодательные акты, что связано с распространением действия упомянутого кодифицированного акта и на территорию Бухарской Народной Советской Республики. УК РСФСР 1922 г. включил ст. 148, устанавливающую ответственность за содействие или подговор к самоубийству, но только в отношении ограниченного круга лиц – несовершеннолетних или заведомо невменяемых; максимальное наказание составляло 3 года лишения свободы. При этом какого-либо наказания за склонение к суициду дееспособного взрослого УК РСФСР 1922 г. не предусматривал. Подобное решение отражало декриминализацию суицида как такового, но одновременно закладывало противоречие: помощь в самоубийстве обычному человеку не наказуема, а помощь ребенку или недееспособному лицу – преступление, причём выделенное отдельно от убийства. Как отмечает С.В. Бородин, тем самым фактически был создан специальный состав убийства с смягчающими обстоятельствами (самоубийство потерпевшего)[2].

Последующее законодательство расширило рамки ответственности. На территории современного Таджикистана, то дальнейшее развитие законодательства о доведении до самоубийства связано с образованием Таджикской Автономной ССР в составе Узбекской ССР. На территории Таджикской АССР до принятия собственного кодекса действовал Уголовный кодекс Узбекской ССР 1926 г.[3] (введён постановлением Президиума ЦИК Советов УзССР от 16 июня 1926 г.). Первоначально его нормы об ответственности за суицидальные действия совпадали с УК РСФСР 1922 г. (аналогичная ответственность за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого). Однако уже через несколько лет в

[1] Муллаев, М.М. История государства и права Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 2010. – 276 с.
[2] Бородин, С.В. Преступления против жизни. - СПб., 2003. - С. 45.
[3] Уголовный кодекс Узбекской ССР. – Самарканд: Юрид. изд-во при Упр. делами СНК Уз ССР, 1927. – 60 с.

законодательство были внесены важные изменения. Постановлением ЦИК УзССР от 23 апреля 1929 г. в УК Узбекской ССР 1926 г. была добавлена норма о квалифицированном составе доведения до самоубийства. В результате ст. 192 УК УзССР стала предусматривать две самостоятельные группы деяний:

– часть 1 – содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего либо лица, заведомо не способного понимать свойства или значение своих действий, либо руководить ими (т.е. аналог прежней нормы 1922 г.), – наказуемые лишением свободы до 3 лет;

– часть 2 – доведение до самоубийства лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, путем жестокого обращения с потерпевшим или иного злоупотребления своим положением, если вследствие этого потерпевший покончил с собой либо совершил попытку суицида, – с наказанием в виде лишения свободы на срок до 8 лет.

Тем самым, впервые на законодательном уровне появилась ответственность именно за доведение зависимого лица до самоубийства. Существенно, что законодатель разнес во времени два состава: если в первом случае преступление теперь считалось оконченным уже в момент склонения (содействия) к суициду и не требовало наступления последствий, то во втором – необходимым признаком было достижение результата (смерти или покушения на нее).

Таким образом, в таджикском законодательстве начиная с 1929 г. склонение несовершеннолетнего (невменяемого) к самоубийству стало само по себе завершённым преступлением, даже если жертва ещё не успела осуществить намерение; а доведение зависимого лица до самоубийства выделилось в отдельный состав с более строгим наказанием. Норма ч. 2 ст. 192 УК УзССР 1929 г. имела ограниченную сферу применения. Объектом выступала жизнь лица, находящегося в отношениях зависимости от виновного (материальной, служебной, семейной и т.п.). Важно, что потерпевшим по данной норме мог быть только человек, находящийся в материальной или иной зависимости от виновного (например, ребенок по отношению к родителю, подчиненный – к начальнику, жена – к мужу, престарелый родитель – к взрослому сыну-кормильцу, работник – к работодателю и т.д.). Такой узкий круг потерпевших оставлял за рамками уголовно-правовой охраны случаи, когда травле и доведению до самоубийства подвергалось лицо, формально не зависимое от виновного.

Ограничения ранней нормы вызвали критику в науке того времени. Указывалось, что общественная опасность доведения до самоубийства не зависит от факта зависимости жертвы – довести до отчаяния можно любого человека, и такие действия так же нетерпимы в социалистическом обществе. В частности, А.А. Пионтковский писал: «Подобные действия, безусловно, общественно опасны и нетерпимы в социалистическом обществе. Поэтому потерпевшими от рассматриваемого преступления могут быть и лица, не находящиеся в какой-либо зависимости от виновного»[1].

Специфически практика указанного периода расценивала и субъективную сторону доведения до самоубийства, которая характеризовалась, как правило, косвенным умыслом или даже неосторожностью. Виновный сознавал, что его жестокое обращение может привести жертву к самоубийству, но прямой цели добиться смерти мог и не ставить. В то же время, если было установлено, что лицо действовало с прямым умыслом – сознательно создавало невыносимые условия именно с целью довести потерпевшего до гибели, – такие действия предлагалось квалифицировать уже как умышленное убийство (посредством доведения до самоубийства). По меткому высказыванию М.Д. Шаргородского, «когда речь идёт о подстрекательстве или соучастии в самоубийстве невменяемого, то это уже не помощь самоубийству, а убийство. Тот, кто вкладывает револьвер в руку психически больного, чтобы он покончил собой, тот, кто подговаривает ребенка застрелиться, – тот фактически убивает»[2].

[1] Пионтковский, А.А. Советское уголовное право. Особенная часть. – М.: Юридиздат, 1948. – 392 с.
[2] Шаргородский, М.Д. Причинная связь в уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1960. – 240 с.

Иными словами, советская доктрина признавала, что при наличии у виновного прямого умысла на смерть другого человека границы рассматриваемого состава исчерпываются – происходит переход к составу убийства.

В 1935 г. на территории Таджикской ССР был введен в действие первый собственно УК ТаджССР[1], утвердивший ответственность за доведение до самоубийства в качестве специального состава преступления. Одновременно был отменен прежний УК Узбекской ССР 1926 г., действовавший дотоле в Таджикистане. В действовавшей редакции предусматривалось наказание за доведение лица, находящегося в материальной зависимости от другого, до самоубийства или покушения на него путём жестокого обращения или иным подобным путём (ч. 1 ст. 173) – максимальная санкция 5 лет лишения свободы.

Сравнение с нормой 1929 г. показывает, что словосочетание «иным подобным путём» расширяло объективную сторону преступления по сравнению с прежней формулировкой «злоупотребление своим положением» – то есть ответственность наступала за доведение до самоубийства не только через прямое превышение власти, но и любыми другими аналогичными способами давления. В то же время максимально возможное наказание было снижено с 8 до 5 лет. При этом, ч. 2 ст. 173 УК ТаджССР 1935 г. фактически повторяла прежнюю норму о подговоре (склонении) к самоубийству несовершеннолетнего или недееспособного лица.

Таким образом, таджикский законодатель сохранил два отдельных состава: доведение зависимого до самоубийства (ч. 1) и склонение к самоубийству недееспособного (ч. 2). Оба состава, по сути, унаследованы из союзного законодательства, но с незначительными коррективами.

В дальнейшем на территории РСФСР и ТаджССР при подготовке нового уголовного законодательства в 1950-х гг. были учтены данные уроки. В Таджикистан был принят собственный Уголовный кодекс 1961 ТаджССР. 1961 г.[2], в котором законодатель подошёл к институту доведения до самоубийства следующим образом: Статья 173 нового кодекса претерпела важные изменения. Базовый состав (ч. 1) был сформулирован так: «доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путём жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства». Квалифицированный состав (ч. 2 ст. 173 ТаджССР 1961 г.) предусматривал повышенную ответственность, если те же действия совершены в отношении женщины на почве пережитков феодального быта либо в отношении несовершеннолетнего. Санкции были ужесточены: по ч. 1 – лишение свободы от 3 до 5 лет, по ч. 2 – от 5 до 10 лет.

Нововведением 1961 г. стало дополнение объективной стороны новым способом – систематическим унижением личного достоинства потерпевшего. Законодатель учёл, что довести до самоубийства можно не только физическим насилием, но и продолжительной моральной травлей, травмирующей психику человека. Такие действия должны вызывать у потерпевшего чувство полного отчаяния, безысходности, нервное перенапряжение, толкающее на роковой шаг. Одновременно перечень способов преступного воздействия был сделан исчерпывающим: из текста нормы исключили прежние слова «иным подобным путём». Таким образом, для квалификации требовалось установить либо факт жестокого обращения, либо факт систематического унижения.

Круг потерпевших по-прежнему ограничивался лицами, зависимыми от виновного, хотя уточнение «материальной или иной зависимости» сохранило достаточно широкий охват (включая как экономическую, так и семейно-личную зависимость).

Важным отличием УК ТаджССР 1961 г. от предыдущего законодательства было исключение специальной нормы о подстрекательстве (содействии) к самоубийству несовер-

[1] Уголовный Кодекс Таджикской ССР. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1938. – 166 с.
[2] Уголовный кодекс Таджикской ССР. – Душанбе, 1963.

шеннолетних и невменяемых. Иными словами, самостоятельный состав «склонение к самоубийству» был устранён – видимо, исходя из позиции, что такие ситуации надлежит квалифицировать как соучастие в убийстве. Судебная практика стала расценивать случаи, когда виновный побудил к гибели недееспособного (например, психически больного), не как доведение до самоубийства, а как убийство посредством опосредованного действия. Именно это и предвосхищал в своих трудах М.Д. Шаргородский, указывая, что лицо, сознательно давшее оружие в руки психически больному или убедившее ребенка покончить с собой, по сути является убийцей[1]. Такая точка зрения получила распространение и легла в основу практики применения норм об убийстве и соучастии в особых случаях.

Таким образом, к концу советского периода таджикское уголовное законодательство об ответственности за доведение до самоубийства было достаточно развитым для своего времени: оно охватывало как случаи семейно-бытового деспотизма, так и моральные издевательства, хотя все еще ограничивалось ситуациями зависимости жертвы.

В Республики Таджикистан в ходе разработки нового УК РФ 1998 г. государство продолжило развитие уголовно-правовых норм, опираясь на советское наследие. В действующем УК РТ 1998 г. предусмотрена ст. 109 «Доведение до самоубийства». В общей конструкции она во многом схожа с предыдущими нормами: предусматривается ответственность за доведение лица до самоубийства или покушения на него путем незаконных действий виновного, прежде всего жестокого обращения или систематического унижения достоинства. Круг потерпевших формально не ограничен зависимыми лицами – то есть ответственность наступает за доведение до суицида любого человека (в практике это часто бывают члены семьи, супруги, сослуживцы, ученики и т.д.). Закон предусматривает и отягчающие обстоятельства: более строго наказывается доведение до самоубийства заведомо несовершеннолетнего, беременной женщины или иного заведомо уязвимого лица, а также если деяние совершено группой лиц или повлекло смерть нескольких людей. Санкции по ст. 109 УК РТ достаточно суровы (максимальное наказание в особо квалифицированных случаях достигает 8-12 лет лишения свободы), что отражает высокую степень общественной опасности этого преступления.

Несмотря на наличие необходимой правовой базы, на практике борьба с доведением до самоубийства сталкивается с рядом проблем.

Во-первых, сложность представляет доказывание причинно-следственной связи между действиями виновного и фактом суицида. Самоубийство зачастую обусловлено комплексом личных и внешних факторов, и выделить решающую роль противоправного поведения другого лица бывает непросто. Органы следствия и суды требуют убедительных доказательств того, что именно жестокое обращение или унижения со стороны обвиняемого довели жертву до отчаяния.

Во-вторых, действующая редакция ст. 109 УК РТ ограничена определенными способами доведения (насилие, угрозы, унижения). В современных условиях появляются новые формы негативного воздействия на личность – например, травля в социальных сетях, кибербуллинг, психологическое давление посредством информационных технологий. Эти способы формально могут не подпадать однозначно под критерий «жестокого обращения» или «систематического унижения», что затрудняет квалификацию. В таджикской научной литературе обоснованно указывается на необходимость дополнить перечень способов доведения до самоубийства новыми формами, ранее не отраженными в законе[2]. Помимо указанного, предлагается предусмотреть ответственность за склонение к самоубийству и содействие ему в

[1] Шаргородский, М.Д. Причинная связь в уголовном праве. – М.: Госюриздат, 1960. – 240 с.
[2] Азизов, У.А. Становление уголовного законодательства Республики Таджикистан (1917-1929 гг.) / У.А. Азизов // Известия АН РТ. Серия правовая. - 2012. - № 1. - С. 14-22.

любых формах, включая советы, подстрекательство, распространение опасных «игр» в интернете и т.п. – в частности, путем введения самостоятельных норм[1].

В заключение следует отметить, в Республике Таджикистан уголовно-правовая охрана жизни от посягательств в форме доведения до самоубийства постепенно укреплялась и расширялась, отражая возрастающее внимание общества к проблеме психологического насилия. Современное законодательство Республики Таджикистан в целом соответствует мировым подходам, но нуждается в дальнейшей актуализации применительно к новым видам агрессивного психологического воздействия (кибербуллинг, интернет-игры смерти и др.). Для этого могут потребоваться как законодательные изменения, так и разъяснения высшей судебной инстанции.

УДК 343.58:34.05

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЖИВОТНЫМИ В РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ ҶАВОБГАРӢ БАРОИ МУНОСИБАТИ БЕРАҲМИЯТ НИСБАТ БА ҲАЙВОНОТ ДАР РОССИЯ ВА ТОҶИКИСТОН: МУШКИЛОТИ ТАТБИҚ ВА САМТҲОИ ТАКМИЛ

ФИЛАТОВА НАДЕЖДА ЮРЬЕВНА
Старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева / Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии филиали Шимолӣ-Ғарбии Донишгоҳи давлатии адлияи Россия ба номи В.М. Лебедев
E-mail: filatova_n_u@bk.ru

В настоящее время, массовое распространение случаев проявления жестокости по отношению к животным, в том числе пропаганда боев животных, «зоо-снаф» и трэш-стрим контента демонстрирует, что отсутствие эффективных правовых механизмов создает угрозу принципу неотвратимости наказания и превращает подобные деяния в форму «развлечения», усиливая социальную терпимость к насилию. Одновременно с этим, криминологические исследования показывают устойчивую связь между жестоким обращением с животными и последующими насильственными преступлениями в отношении человека (достаточно вспомнить набор из трёх поведенческих характеристик, сформулированный американским психиатром Джоном Макдональдом), поэтому своевременное выявление таких фактов и пресечение – важный элемент общей системы профилактики насильственных преступлений.

Сравнительный анализ национальных законодательств разных стран выявляет существенную разницу нормативных подходов: от полной декриминализации жестокого обращения с животными до уголовной ответственности, предусматривающей реальные сроки лишения свободы.

В Уголовном кодексе Российской Федерации закреплена статья 245, которая называется «Жестокое обращение с животными» (далее – УК РФ)[1]. Она включает в себя основной со-

[1] Абдухамитов, В.А., Абдуллаева, Р.А. Понятие и признаки доведения до самоубийства в уголовных законодательствах Республики Таджикистан и зарубежных государств / В.А. Абдухамитов, Р.А. Абдуллаева // Юридический вестник. - 2020. - №2 (2). - С. 105-110.

став с альтернативными признаками в виде цели (причинение боли/страдания животному), хулиганских побуждений или корыстных побуждений. Обязательным элементом являются общественно опасные последствия – гибель или увечье животного. Квалифицирующими признаками являются групповое совершение преступления, на виду у малолетнего, с применением садистских методов, публичной демонстрацией и в отношении нескольких животных.

В Республике Таджикистан ответственность за жестокое обращение с животными установлена в ст. 277 Кодекса об административных правонарушениях (далее – КоАП РТ)[2]. Основным составом административного правонарушения устанавливается санкция за издевательство, избиение, истязание или совершение иных насильственных действий, которые не повлекли их увечье или гибель, а также за пропаганду жестокого обращения с животными. В части второй уже включены последствия в виде увечья или гибели, хулиганских побуждений, особой жестокости, садизма, корыстных или иных низменных целей, публичной демонстрации, совершения деяния в присутствии заведомо малолетних лиц.

Таким образом, в России законодатель исходит из высокой общественной опасности такого противоправного поведения и относит его к сфере уголовно-правового регулирования. Это отражает тенденцию к восприятию животных не только как объекта собственности, но и как существ, которые нуждаются в самостоятельной правовой охране. При этом, объектом названного преступления выступает общественная нравственность. В Таджикистане уже длительное время защита животных от жестокого обращения остается на уровне административного права. Норма ст. 277 КоАП РТ расположена в главе 17, регламентирующей ответственность за правонарушения, связанные с ветеринарно-санитарными нормами и правилами. Тем не менее, отдельные депутаты и юристы (включая представителей научного сообщества и известных правоведов) выступают за введение уголовного состава за жестокое обращение с животными, а также дифференциацию ответственности по степени жестокости, последствиям (гибель, увечье, истязание), публичности деяния, вовлечению несовершеннолетних и гармонизацию таджикских норм с прогрессивной международной практикой.

Однако, стоит отметить, что норма ст. 277 КоАП РТ включает более широкий спектр общественных отношений, подлежащих охране. Во-первых, формулировки отражают не только причинение гибели или увечья, но и сам факт издевательств. Во-вторых, учитываются негативные последствия от пропаганды жестокого обращения с животными. В Российской Федерации до 2023 года отсутствовала норма в КоАП, которая предусматривала бы административную ответственность за формальный состав и пропаганду рассматриваемых деяний, что приводило в некоторых субъектах РФ к пробельности и определенному правовому вакууму, оставляя за рамками «бытовую» жестокость, не повлекшую тяжелых последствий, но формирующую толерантное отношение к насилию. В настоящее время введена ст. 8.52 КоАП, запрещающая жестокое обращение с животными при отсутствии признаков уголовного деяния[3]. Ответственность за пропаганду в России до сих пор устанавливается исключительно законами субъектов. Так, например, Закон Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» включает ст. 8-6 «Публичные призывы или публичное

---

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[2] Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (принят Законом Республики Таджикистан от 31 декабря 2008 года № 455) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.02.2026 г.) // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. Режим доступа: https://ncz.tj/content/кодекс-республики-таджикистан-об-административных-правонарушениях (дата обращения: 23.04.2026 г.)

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1

оправдание жестокого обращения с животными»[1]. Несмотря на то, что в Государственной Думе РФ уже несколько раз на рассмотрении находились законопроекты, предусматривающие изменения в этой области, на федеральном уровне установлен только запрет, а не ответственность:

- ст. 12 Федерального закона от 27.12.2018 N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которой запрещается пропаганда жестокого обращения с животными, призывы к жестокому обращению с животными, а также производство, изготовление, показ и распространение пропагандирующих жестокое обращение с животными кино-, видео- и фотоматериалов, печатной продукции, аудиовизуальной продукции, размещение таких материалов в сети Интернет[2];

- п. 3 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2010 года N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», согласно которому к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится, в том числе, информация, обосновывающая или оправдывающая допустимость насилия и (или) жестокости либо побуждающая осуществлять насильственные действия по отношению к людям или животным[3].

Кроме того, такой запрет предусмотрен в пункте 9 статьи 15 Модельного закона об обращении с животными (носит рекомендательный характер).

Стоит отметить, что в законодательствах обеих стран учитывается общественный резонанс и развитие информационных технологий: ответственность усиливается в случаях демонстративной жестокости, в том числе с использованием сети «Интернет».

Среди положительных тенденций в норме КоАП РТ можно отметить попытку законодателя очертить предмет административного правонарушения - животные и птицы, в том числе бесхозяйные животные. В России этот вопрос вызывает дискуссию в научном сообществе и среди правоприменителей. Безусловно, этот вопрос требует дальнейшей законодательной проработки в обеих странах.

В Российской Федерации значительным шагом стало принятие в 2018 году отдельного Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором изложены основные термины и принципы.

В Таджикистане, насколько это можно увидеть в открытых источниках, такого специализированного закона пока нет. Тем не менее, действует Закон «О ветеринарии», в котором также раскрываются термины, в том числе «жестокое обращение с животными» (умышленные действия, которые привели или могут привести к гибели, увечью животного: истязание животного голодом, жаждой, побоями, иными насильственными действиями, а также нарушением правил и условий содержания или оставление ответственным лицом животного без попечения, которые влекут гибель или увечье животных)[4]. Однако, этот закон носит, прежде всего, санитарно-эпидемиологический и хозяйственный характер. В контексте жестокого обращения с животными он устанавливает правила содержания и обращения с сельскохозяйственными и иными животными с точки зрения здоровья животных и безопасности человека,

[1] Закон Санкт-Петербурга «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (принят ЗС СПб 12.05.2010) от 31.05.2010 N 273-70 // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2010. № 21.

[2] Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27.12.2018 N 498-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2018. N 53 (часть I). Ст. 8424.

[3] Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. N 1. Ст. 48.

[4] Закон Республики Таджикистан «О ветеринарии» от 29.12.2010 г. № 674 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: https://ncz.tj/content/закон-республики-таджикистан-о-ветеринарии (дата обращения: 23.04.2026 г.)

опосредованно затрагивает вопрос гуманного обращения (например, при транспортировке, убое, ветеринарных процедурах), служит базой для подзаконных актов, которые могут регламентировать допустимые методы обращения, однако без прямой привязки к ответственности. Таким образом, «О ветеринарии» в большей мере защищает здоровье животных как ресурс, а не как объект самостоятельной гуманной защиты.

Анализируя санкции за жестокое обращение с животными, можно отметить, что в России предусмотрен широкий диапазон уголовных наказаний (от штрафа до лишения свободы), а также достаточно большие административные штрафы, которые дифференцируются для граждан, должностных и юридических лиц. В Таджикистане основным видом ответственности являются административные штрафы. Рассмотрим сравнительную характеристику санкций в Таблице 1. При этом, В КоАП РТ сумма штрафа рассчитывается, исходя из «показателя для расчетов», и равна – от трех до пяти показателей по ч. 1 ст. 277 КоАП РТ и от пяти до десяти таких показателей по ч.2 ст.277 КоАП РТ. В настоящее время, 1 показатель для расчетов установлен в ч.1 ст. 24 Закон Республики Таджикистан «О государственном бюджете Республики Таджикистан на 2025 год» и равен 78 сомони[1]. Один сомони по курсу равен примерно 7,94 руб.[2]

Таблица 1

Страна	Статья	Санкция
Таджикистан	ч. 1 ст. 277 КоАП РТ	штраф: 234 сомони – 390 сомони 1857,96 руб. – 3096,6 руб.
	ч. 2 ст. 277 КоАП РТ	штраф: 390 сомони – 780 сомони 3096,6 руб. - 6193,2 руб.
Россия	ч. 2 ст. 8.52 КоАП РФ	штраф: для граждан: 5000-15000 руб. для должностных лиц: 15000-30000 руб. для юридических лиц: 50000-100000 руб.
	ч.1 ст. 245 УК РФ	Альтернативно: - штраф до 80000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев, - обязательные работы до 360 часов - исправительные работы до 1 года - ограничение свободы до 1 года - принудительные работы до 3 лет - арест до 6 месяцев - лишение свободы до 3 лет.
	ч. 2 ст. 245 УК РФ	Альтернативно: - штраф 100000-300000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период 1-2 года, - исправительные работы до 2 лет - принудительные работы до 5 лет - лишение свободы 3-5 лет.

[1] Закон Республики Таджикистан от 07.12.2024 г. № 2115 «О государственном бюджете Республики Таджикистан на 2025 год» // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: https://ncz.tj/content/o-государственном-бюджете-республики-таджикистан-на-2025-год (дата обращения: 23.04.2026 г.)

[2] Официальные курсы валют на заданную дату, устанавливаемые ежедневно 23.04.2026 г. // Центральный Банк РФ. URL: https://cbr.ru/currency_base/daily/?UniDbQuery.Posted=True&UniDbQuery.To=23.04.2026. (дата обращения: 23.04.2026 г.)

Для удобства сравнения возьмем размеры минимальной заработной платы. В Республике Таджикистан она установлена на уровне 1000 сомони, то есть 7940 руб.[1]. В Российской Федерации - 27 093[2]. Следовательно, максимальный административный штраф в РТ составляет 78% от минимальной заработной платы, а в РФ – 55%.

Зоозащитники Республики Таджикистан выступают за усиление ответственности за жестокое обращение с животными[3] и даже за введение уголовной ответственности по аналогии с российским законодательством[4]. Эти предложения в экспертном и общественном обсуждении возникали неоднократно. Суть их сводится к установлению объектом охраны не только общественный порядок и собственность, но и гуманное отношение к животным как к самостоятельной ценности, общественную нравственность. Деяние - умышленное причинение боли, страданий, увечья или гибели животному, в том числе из хулиганских побуждений, с применением садистских методов, с публичной демонстрацией либо в присутствии несовершеннолетних, а в качестве санкции - штрафы существенного размера, в отягчающих случаях — лишение свободы.

В 2021 году была сформирована группа, в состав которой вошли юристы экологической общественной организации «Пешсаф», зооактивисты и журналисты. По итогам совместной работы активистов с депутатом нижней палаты Рустамом Шохмурод, парламенту предложили дополнить УК РТ статьей 237(2) (условно - ст. 237) о жестоком обращении с животными[5].

Пока подобные предложения остаются на уровне проектов и общественной дискуссии. Это формирует ключевой пробел: за наиболее опасные проявления жестокости к животным в Таджикистане всё ещё не предусмотрена уголовная ответственность, сопоставимая с российской моделью.

Таким образом, сравнивая регулирование в России и Таджикистане, можно прийти к выводу, что российское законодательство демонстрирует постепенное ужесточение ответственности за жестокое обращение с животными, рассматривая это деяние, как формирующее установки насилия, сопряженное с риском перехода агрессии на насильственные преступления против личности и затрагивающее нравственные основы общества. В Республике Таджикистан животные, в большей степени, остаются объектом утилитарного подхода: законодатель концентрируется на защите собственности, санитарно-эпидемиологических интересов и общественного порядка. Жестокость по отношению к животным в меньшей мере воспринимается как самостоятельная социальная угроза, что объясняет мягкость санкций. Дискуссия о необходимости уголовной ответственности во многом идет под влиянием зоозащитных организаций и основывается, в том числе, на международном праве.

В этом контексте, опыт России (и других стран, предусматривающих уголовную ответственность за жестокое обращение с животными) может служить ориентиром для дальнейшего реформирования уголовного законодательства в рамках выделения специального состава преступления. Российскому законодателю можно взять на вооружение опыт Таджики-

[1] Рост средней зарплаты в Таджикистане за год составил 21,7% // Финмаркет. Режим доступа: https://www.finmarket.ru/news/6612278 (дата обращения: 23.04.2026 г.)

[2] Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 N 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. N 26. Ст. 2729. (дата обращения: 23.04.2026 г.)

[3] Фаришта Хайдарова: «Животным Таджикистана нужна помощь государства» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://central-asia.news/tadzhikistan/proisshestviya-tadzhikistan/farishta-haidarova-jivotnym-tadjikistana-nyjna-pomosh-gosydarstva (дата обращения: 23.04.2026 г.)

[4] Таджикистан. Ответственность за жестокое обращение с животными следует ужесточить // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cabar.asia/ru/tadzhikistan-otvetstvennost-za-zhestokoe-obrashhenie-s-zhivotnymi-sleduet-uzhestochit (дата обращения: 23.04.2026 г.)

[5] Лохматые права: как таджикское законодательство защищает права животных и защищает ли вообще // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vecherka.tj/archives/49903 (дата обращения: 23.04.2026 г.)

стана по установлению ответственности за пропаганду жестокости по отношению к животным.

ТДУ 343.412.2

ТАВСИФИ КРИМИНОЛОГИИ ҶИНОЯТИ САВДОИ ОДАМОН

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

ҲАЙДАРЗОДА ДАВРОН ПИРМАҲМАД
Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия / Старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции
E-mail: dhaydarzoda@mail.ru

ФАЙЗЗОДА САВЗАЛӢ САДИР
Омӯзгори калони кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия / Старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции
E-mail: fayzzoda73@mail.ru

Савдои одамон яке аз кирдорҳои хавфноки ҷамъиятие мебошад, ки кайҳо боз характери трансмиллӣ касб карда, ба мушкилоти глобалӣ табдил ёфтааст. Ин зуҳуроти номатлуби иҷтимоӣ дар миқёси ҷаҳон ҳамчун ҷинояти вазнин ва поймолкунандаи ҳуқуқу озодиҳои инсон эътироф гардида, шумораи онҳо сол аз сол рӯ ба афзоиш мебошад.

Мувофиқи маълумотҳои Созмони Милали Мутаҳид (минбаъд – СММ) дар соли 2004 ҷиноятқорон аз ҷинояти савдои одамон дар як сол 7 миллиард доллари америкоӣ фоида ба даст меоварданд[1]. Ташкилотҳои байналмиллалии гуногун гардиш ва ё муомилоти ин шуғли ҷиноятиро дар як сол тақрибан 12 миллиард доллари ИМА арзёбӣ менамоянд[2]. Имрӯзҳо бошад тибқи маълумотҳои СММ дар миқёси ҷаҳон ҷиноятқорон аз савдои одамон ва ҷиноятҳои ба он алоқаманд ҳар сол беш аз 30 миллиард доллари америкоӣ фоида ба даст меоранд[3]. Даромади зиёд ва ниҳонӣ будани ҷиноятҳои мазкур боиси боз ҳам зиёдтар гардидани ин ҷиноятҳо гардидаанд[4].

Аз ин ҷост, ки Президенти кишвар, муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон дар Паёми худ ба Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 23-юми апрели соли 2014 дар баробари кирдорҳои махсусан хавфноки ҷамъиятӣ аз қабили терроризм ва экстремизм аз вусъат ёфтани ҷинояти савдои одамон низ изҳори нигаронӣ намуд. Ҳангоми мулоқот бо ҳайати роҳбарикунандаи мақомоти ҳифзи ҳуқуқу тартибот ва сохторҳои қудратӣ бошад ин кирдорҳоро сахт маҳкум сохта, фурӯши кӯдакон ва занону духтарони ҷавонро ба хориҷи кишвар “падидаи бисёр нангин ва барои миллати тоҷик бегона” номид ва

[1] Солиев, К.Х. Практические рекомендации сотрудникам правоохранительных органов Республики Таджикистан в борьбе с торговлей людьми: методические рекомендации. - Душанбе, 2004 – С. 6.
[2] [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: http://www.no2slavery.ru/.
[3] Савдои одамон амалест нангин // Садои мардум, нашрияи Маҷлиси Олии Ҷумҷурии Тоҷикистон, № 97 (3243.) аз 18.08.2014 сол.
[4] [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: http://www.no2slavery.ru/.

муборизаро бо чунин кирдорҳо вазифаи аввалиндараҷаи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ арзёбӣ намуд[1].

Дар арсаи ҷаҳонӣ ва хусусан дар давлатҳои рӯ ба тараққӣ ручӯъ ёфтани кирдорҳои мазкур бесабаб нест, зеро "савдои одамон" ҳамчун як намуди тиҷорати ғайриқонунӣ аз рӯи ҳаҷм ва даромаднокӣ баъди гардиши ғайриқонунии маводи нашъадор ва силоҳ ҷойи сеюмро ишғол менамояд[2].

Чи тавре ки аз гуфтаҳои боло бармеояд, дар давоми даҳсоли охир манбаи даромади ҷиноятқорон нисбат ба солҳои пешин се-чор маротиба зиёдтар гардидааст.

Маълумоти омории СММ аз он шаҳодат медиҳанд, ки имрӯзҳо дар ҷаҳон тақрибан 27 миллион одам дар ғуломӣ қарор дошта, шумораи қурбониёни савдои одамон пайваста инкишоф меёбад[3], ин дар ҳолест, ки дар давоми 400 соли аз Африқо ба Амрико интиқол додани ғуломон, танҳо 12 миллион ғулом оварда шуда буданд[4].

Ҳамасола то ду миллион одамон қурбонии ҷиноятқороне мегарданд, ки ба савдои одамон ва ба истисмори онҳо даст мезананд[5]. Дар Русия ва давлатҳои аъзои ИДМ бошад қурбониёни ин ҷиноят дар як сол ба 175 ҳазор одам мерасад[6], ки ин натиҷаи паст рафтани сатҳи зиндагии мардум ва бад шудани раванди рушди иқтисод дар маҷмӯъ асос мегирад.

Таҳлили адабиётҳои илмӣ ва таҷрибаҳои судӣ нишон медиҳанд, ки механизми асосии ҷиноятҳои савдои одамон се давраи асосиро дар бар мегирад:

1) Ҷалбкунӣ;
2) Ҷобаҷокунӣ;
3) Истисморкунӣ.

Мақсади аввалиндараҷаи механизми содиркунии ҷиноятҳои савдои одамон, ин ҷалбкунӣ ё ин ки бадастоварии қурбонии эътимолӣ аст. Қайд кардан ба маврид аст, ки ду давраи аввал ба даври сеюм дар алоқамандии зич қарор доранд, чунки мақсади ҷалбкунӣ ва ҷобаҷокунии ин ҷиноят истисмор мебошад.

Олими маъруфи тоҷик Маҷидзода Ҷ.З қайд менамояд, ки одамҷаллобон дар мадди аввал роҳҳои чӣ тавр бадаст овардани қурбониёнии эътимолиро ҷустуҷӯ мекунанд. Онҳо барои ба мақсади ҷиноятқоронаи худ расидан роҳҳои таъсиррасонии руҳӣ, ҷисмонӣ ва розикунонии қурбониёни эътимолиро барои тайёр кардан ва интиқол додан ба хориҷи кишвар истифода менамоянд. Барои ба боварии қурбониёни савдои одамон даромадан онҳо бо роҳи фиреб бо баҳонаи ба кор таъминкунӣ дар хориҷи кишвар, маоши арзанда гирифтан, ба ҷои зист таъмин кардан, сафарҳои сайёҳӣ, ба шавҳар баромадан ба шаҳрвандони хориҷӣ, бақайдгирии ҷой зисту ақди никоҳ, иштирок дар озмунҳои фариштаҳо, мусобиқаҳои варзишӣ, фаррош дар меҳмонхонаҳо ва пешхизмат дар тарабхонаҳо ва ғайраҳоро истифода намуда, онҳоро ба доми худ меафтонанд.

Бархе аз ҷиноятқорон бо роҳҳои дигари ғайриқонунӣ ба монанди одамрабоӣ, ба гарвгон гирифтан ё фиреб кардан бо мақсади ба соҳибиятӣ каси дигар супордан, интиқол додан барои хариду фурӯш бо мақсади истисмори шаҳвонӣ ё меҳнатӣ амалҳои худро пиёда месозанд.

---

[1] Мулоқоти сарвари давлат Эмомалӣ Раҳмон бо ҳайати роҳбарии мақомоти ҳифзи ҳуқуқу тартибот ва сохторҳои қудратӣ аз 10.07.2014, ш. Душанбе // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: http://www.president.tj/node/7099

[2] Торговля людьми: международно-правовые и внутригосударственные проблемы противодействия: монография / Р.В. Нигматуллин, Р.Р. Каримов, А.А. Романов, А. И. Казмиров; под.ред. Р.В. Нтгматуллина. – Уфа: УЮИ МВД России, 2013. – С. 5.

[3] Предотвращение торговли людьми. Проведение информационной работы среди молодежи: сборник информационно-методических материалов для работников образования. - Благовещенск, 2010. – С. 12-14.

[4] NEW Sru. com // Криминал и происшествия // Душанбе, 16.02.2009 г.

[5] [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: http://sartraccc.ru/.

[6] Федорович, Д.Ю. Борьба с торговлей людьми в России: состояние, проблемы, направления совершенствования. - М.: ВНИИ МВД России, 2009. – С. 3.

Теъдоди дигари савдогарони одамон бошад роҳҳо ва тарзҳои зеринро дар ҷалбкунии қурбониёнӣ эҳтимолӣ истифода мебаранд:

– тайёр кардан ва овехтани эълонҳо барои таъмини кор дар хориҷӣ кишвар;
– дар муассисаҳои таълимии кишварҳои хориҷӣ таҳсил кардан;
– ба хориҷи кишвар барои истироҳат ва ё табобат бурдан;
– бо воситаи рафиқон, хешутаборон ва сайтҳои интернетӣ ҷалб кардани шаҳрвандон барои фаъолияти корӣ[1].

Тарзҳои ҷалб кардани ҷинояткорон гуногун буда, онҳо рӯз аз рӯз, тарз ва усулҳои навро касб менамоянд.

Қайд кардан ҷоиз аст, ки ҷалбкунӣ дар ҳар як минтақа ва ё давлат бо тарзу усулҳои гуногун ба роҳ монда шуда, ҷинояткорон пеш аз ҷалб кардани шаҳрвандон хусусиятҳои демографӣ ва психологии аҳолии минтақаҳои дахлдорро омӯхта, тарз ва усулҳои ҷалбкуниро ба роҳ мемонанд. Дар бисёр ҳолатҳо барои омӯхтани характери шаҳрвандони ягон минтақа ҷинояткорон кӯшиш ба харҷ медиҳанд, ки дар он минтақа ба таври доимӣ ва ё муваққатӣ истиқомат кунанд ё ин ки ба ҳар роҳу восита характери шаҳрвандони он минтақаро омӯзанд.

Одамҷаллобон дар бештари мавридҳо қурбониёни навбатиро аз гурӯҳи зерини одамон ҷалб мекунанд:

– аз оилаҳои камбизоат, ки шароитҳои иқтисодиашон вазнин аст;
– оилаҳои душвортарбия ва носолим;
– оилаҳое, ки падар ё модари худро гум кардаанд ва ё бе сарпараст мондаанд;
– шахсоне, ки сатҳи саводнокиашон дар зинаи паст қарор дорад**;**
– шахсони бекор ё ҷои кори доимӣ надоранд.

Аз тарафи гуруҳҳои муташаккили одамҷаллобон ба қурбонии оянда, пешакӣ шиносномаҳои хориҷӣ, раводиди сафар, чиптаи ҳавопаймо ба самти хатсайри давлати таъиноташ омода карда шуда, барои ба асорати қарзи гирифтор шудани қурбониёни эҳтимолии хариду фурӯши одамон ва дар оянда истисмор намудани онҳо дар давлатҳои таъиноташ ва аз тарафи одамҷаллобон омодасозии ҳуҷҷатҳои дар боло зикр шуда маблағгузорӣ карда мешавад. Сару либоси онҳо ва дигар намуди моилкунии молиявӣ анҷом дода шуда, пурра ин маблағҳо пардохт карда мешавад, то ки қурбонии ояндаи онҳо ба пуррагӣ ба онҳо бовар намуда, ба асорати қарзӣ гирифтор шавад.

Аз сабаби он, ки ҷинояти савдои одамон маъмулан бо убур намудани марзҳои ҳудуди ду ва ё зиёда давлатҳо содир карда мешавад, ба худ номи трансмиллиро касб карда, характери байналхалқӣ гирифтааст. Аз рӯи хусусиятҳо чунин давлатҳоро ба намудҳои зерин тасниф намудан ҷоиз аст:

1) давлатҳои таъминкунандаи қурбониёни савдои одамон;
2) давлатҳои интиқолкунанда;
3) давлатҳои таъиноташ (истифодабарандаи қурбониён).

Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки мутаассифона давлатӣ таъминкунандаи қурбониёни савдои одамон мебошад, қурбониёни савдои одамон аз марзҳои давлатҳои ҳамсоя ба давлатҳои Аморати Муттаҳидаи Араб (шаҳри Дубай), Ҷумҳуриҳои Исломии Афғонистону Покистон, Қирғизистону Қазоқистон, Туркия ва Федератсияи Россия интиқол дода шуда, дар онҷо ба истимори шаҳвонӣ ва меҳнатӣ фаро гирифта мешаванд.

Аксарияти давлатҳои Аврупои Ғарбӣ бошад, давлатҳои қабулкунандаи қурбониёни савдои одамон ё транзити онҳо мебошанд, зеро қурбониёни савдои одамон дар бисёр ҳолатҳо аз тарафи гурӯҳҳои ҷинояткор аз як давлат ба давлати дигар интиқол

[1] Маҷидзода, Ҷ.З., Назаров, Н. Ҷинояткории муташаккил ва трансмиллӣ: монография. - Душанбе, 2014. – С. 76-77.

дода мешаванд. Ин гуна амалҳо дар давлатҳо-иштирокчиёни Созишномаи Шенген, бинобар кушода будани сарҳадҳо, осонтар анҷом дода мешаванд.

Ҳамзамон аксарияти давлатҳо, масалан Россия, ҳам давлати интиқолкунанда ва ҳам давлати таъиноту транзитии қурбониёни савдои одамон мебошад. Худи қурбониёни эҳтимолии савдои одамон одатан аз давлатҳои Аврупои Ғарбӣ, Осиё ва Африқо ҷалб карда мешаванд[1].

Қайд намудан ҷоиз аст, ки мувофиқи тадқиқоти криминологӣ[2], ниҳонӣ (латентӣ) будани ҷиноятҳои марбут ба савдои одамон тахминан ҳарсола 90-96%-ро ташкил медиҳад.

Тадқиқоти криминологӣ омилҳои зеринро сабаби ниҳонӣ будани савдои одамон ва истифодаи меҳнати маҷбурӣ мепиндоранд.

Аввалан, қурбониёни савдои одамон бо мақсади қонеъ гардонидани талаботи шаҳвонӣ маъмулан занон ва духтарон мебошанд, ки бо мақсади нигоҳ доштани обрӯ ва шаъну шарафи худ ба мақомотҳои ҳифзи ҳуқуқ мурочиат кардан намехоҳанд ва ошкор сохтани ин ҷиноятҳо донишҳои хуби равоншиносӣ ва чораҳои амиқу пайвастаи оперативӣ-ҷустуҷӯиро талаб менамоянд.

Дуюм, аксарияти қурбониёни савдои одамон ва истифодаи меҳнати маҷбурӣ қонунгузории миграцсионӣ ва забони муоширатии давлатҳои таъинотиро намедонанд ва тахассуси касбии хуб низ надоранд ва онҳо ба доми ашхоси ҷиноятпеша афтида, дар ҳолати ғайриқонунии фаъолияти меҳнатӣ қарор дода мешаванд. Аз ин лиҳоз, аз рӯйи тарсу ҳарос ва надонистани қонунгузории мамлакатҳои таъинотӣ ба мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мурочиат кардан намехоҳанд.

Сеюм, характери байналхалқӣ доштани ин ҷиноятҳо барои амалӣ сохтани фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ ва тафтишотӣ монеаҳо эҷод намуда, вақти дуру дароз, восита ва қувваҳои зиёдро талаб менамоянд.

Чаҳорум, кирдорҳои ғайриқонунии ашхоси мансабдор ва ширкатҳои туристӣ, ки характери коррупсионӣ касб кардаанд, дар интиқоли қурбониён мусоидат менамоянд ва бо мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ҳамкории назаррас намекунанд.

Ҷанбаҳои гуногуни савдои одамонро муҳаққиқи рус Е.М. Полянская омӯхта, таснифоти зерини савдои одамонро пешниҳод намудааст:

– савдои одамон бо мақсади қонеъ гардонидани талаботи шаҳвонӣ, ки маъмулан занон ва духтарон ҷалб карда мешаванд;

– савдои одамон бо мақсади истифодаи меҳнати маҷбурӣ, ки занону мардон истифода мегарданд;

– савдои одамон бо мақсади гадоӣ ва талбандагӣ, ки маъюбон, пиронсолон ва кӯдакон ҷалб карда мешаванд;

– савдои одамон бо мақсади тавлиди кӯдакон;

– савдои одамон бо мақсади фурӯхтани узвҳоё бофтаҳои бадани қурбониён[3].

Албатта, ин таснифот шартӣ буда, савдои одамон метавонад бо мақсадҳои дигар низ содир карда шавад. Масалан, имрӯзҳо ҷавонони зиёд бо роҳҳои фиреб, багапдарорӣ, ваъдаҳои пуливу молӣ, талқин намудани идеологияи таҳрифшудаи динӣ ва ғайра ба хориҷикишвар интиқол додашуда аз тарафи ашхоси сеюм барои ширкат дар задухӯрдҳои мусаллаҳона фурӯхта мешаванд ва ё дар шароите қарор дода мешаванд, ки ба ҷуз аз ширкат варзидан дар ин ҷангҳои таҳмилӣ чорае надоранд.

[1] Хусусиятҳои пешгирӣ ва тафтишоти ҷиноятҳое, ки бо савдои одамон вобастаанд: дастури таълимӣ / [Данилова Н.А. вадиг.]; зери таҳрири умумии И.Ч. Шушкевич. – М.: Волтерс Кулувер, 2008. – С. 8.

[2] Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. - М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013 - 839 с.

[3] Полянская, Е.М. Вопросы криминологической характеристики торговля людьми и использование рабского труда / Е.М. Полянская // Общество и право. - 2009. - № 5.

Дар ин ҷо қайд намудан ҷоиз аст, ки мақомоти ҳифзи ҳуқуқ танҳо дар самти аввали таснифоти мазкур тачрибаи зарӯрӣ пайдокардаистоданд ва теъдоди зиёди ҷиноятҳо низ дар ҳамин самт содир карда шудаанд.

Бояд гуфт, ки ҷинояти савдои одамон дар шакли истифодаи меҳнати маҷбурӣ нисбати шаҳрвандони Тоҷикистон дар Федератсия Русия мавриди тадқиқоти муфассали илмӣ қарор дода нашудааст ва маълумотҳои оморӣ дар ин самт ноқис мебошанд, зеро ҳар сол беш аз як миллион нафар шаҳрвандони мо ба кишвари номбурда ҳамчун муҳоҷири меҳнатӣ сафар намуда, теъдоди зиёди онҳо ба доми корфармоёни фиребгар ва ҷинояткор меафтанд. Аммо мақомоти салоҳиятдори мо дар ин самт маълумоти омории пурра надоранд ва ин вазъият метавонад яке аз сабабҳои манфии мубориза бо истисмори меҳнатӣ арзёбӣ гардад.

Истисмори меҳнатӣ дар шароити имрӯзаи ҷомеаи ҷаҳонӣ ба як шакли ғуломдории муосир табдил ёфтааст. Ин шакли асорат мухолифи талаботи меъёрҳои байналхалқӣ буда, ба маҳдуд намудани ҳуқуқу озодиҳои шаҳрвандон, дар ҳолати ноилоҷӣ қарор додани онҳо, зери фишору шиканҷа вогузоштан ва дигар кирдорҳои ғайриқонунӣ равона карда шудааст. Кирдорҳои мазкур мухолифи талаботи моддаи 35 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон низ мебошанд, зеро ин меъёр муқаррар намудааст, ки “ҳеҷ кас ба меҳнати маҷбурӣ ҷалб карда намешавад”[1] ва давлат муаззаф аст, ки ҳуқуқ ва озодиҳои шаҳрвандонро дар дохил ва хориҷи кишвар ҳамаҷониба муҳофизат намояд.

Таҳлилҳо нишон медиҳанд дар Ҷумҳурии Тоҷикистон қисми зиёди ҷиноятқорон занҳо мебошанд. Аз рӯи синну сол бошад,бештари онҳо, аз синни 30 то 40 соларо ташкил медиҳанд. Онҳо қурбониёни худро асосан дар давлатҳои зерин мефурушанд: дар шаҳри Дубайи Аморати Муттаҳидаи Араб, Федератсияи Русия, шаҳри Истамбули Ҷумҳурии Туркия ва дар ҳудуди Ҷумҳурии Тоҷикистон. Ҷиноятқорон аз савдои одамон барои ҳар як нафари қурбонӣ аз 300 (сесад) то 50000 (панҷоҳ ҳазор) долари ИМА маблағ ба даст овардаанд.

Бо мақсади пешгирӣ намудани савдои одамон, бартараф намудани сабабу шароитҳои содиршавии ин қабил ҷиноятҳо, самаранокии мубориза бар зидди ин падидаи номатлуби ҷомеа ва мукаммал гардонидани қонунгузорӣ, фаъолият дар самтҳои зерин бояд пурзур карда шавад:

– мустаҳкам намудани заминаҳои санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ, мукаммалсозии қонунгузории савдои одамон ва расонидани кумак ба қурбониёни савдои одамон;

– таҳкими ҳамкориҳои мақомоти давлатӣ, ғайридавлатӣ ва ташкилотҳои байналмилалӣ дар самти мубориза бар зидди савдои одамон, аз ҷумла гузаронидани чорабиниҳои мақсадноки огоҳикунии умуми иҷтимоӣ ва инфиродӣ миёни ашхосе, ки эҳтимолияти дар оянда содир кардани ҷиноятҳо марбут ба савдои одамонро доранд;

– омӯзиш ва муайян намудани сабабу шароитҳое, ки ба содир шудани ҷиноятҳои марбут ба савдои одамон мусоидат мекунад, аз ҷумла баланд бардоштани сатҳи донишу маърифати ҳуқуқии шаҳрвандон ва пурзӯр намудани назорати сарҳади давлатӣ дар ин самт.

[1] Канститутсияи ҶумҳурииТоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994 (бо таъғироту иловаҳои 1999, 2003 ва 2016 с.) // [Манбаи электронӣ]. – Реҷаи воридшавӣ: http://mmk.tj/legislation/base/constitution/.

ТДУ 343.214

МАСОИЛИ ТАВСИФИ ҲУҚУҚӢ-ҶИНОЯТИИ ДАР ХАТАР МОНОНДАН

ВОПРОСЫ УГЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСТАВЛЕНИЯ В ОПАСНОСТИ

ҲАМИДОВ РУСТАМ САЙФУЛЛОЕВИЧ
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти калони милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, старший лейтенант милиции
E-mail: khamidov-25@bk.ru

ЗИКРУЛЛОЗОДА ҶОНОНА ЗИКРУЛЛО
Сардори кабинети кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти калони милитсия / Начальник кабинета кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, старший лейтенант милиции
E-mail: Jonona-2000@mail.ru

Аломатҳои дар хатар мондан ҳамчун ҷиноят дар диспозитсияи моддаи 127 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) нишон дода шудаанд: дидаю дониста нарасонидани ёрӣ ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад ва аз сабаби хурдсолӣ, пиронсолӣ, беморӣ ё аз сабаби оҷизии худ имконияти андешидани чораҳои худмуҳофизатиро надорад, ҳангоме, ки шахси гунаҳгор метавонист ба ин шахс ёрӣ расонад ва вазифадор буд нисбати ӯ ғамхорӣ зоҳир намояд ё худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст.

Объекти ҷинояти мазкур – муносибатҳои ҷамъиятии бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае, ки амнияти ҳаёт ва саломатии шахсро (шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад ва аз сабаби хурдсолӣ, пиронсолӣ, беморӣ ё аз сабаби оҷизии худ имконияти андешидани чораҳои худмуҳофизатиро надорад) таъмин менамоянд, ташкил медиҳад.

Доир ба муқаррароти объекти дар хатар мондан олимони машҳури соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ ақидаҳои гуногунро пешниҳод мекунанд. Баъзеи онҳо зикр менамоянд, ки объекти ҷинояти дар хатар мондан ҳаёти шахс[1] ё амнияти ҳаёти шахс[2] баромад мекунад. Гурӯҳи дигари олимон дар баробари ҳаёт, инчунин амнияти саломатиро низ ҳамчун объекти ҷинояти мазкур эътироф менамоянд[3], ки ба муқаррароти диспозитсияи м. 127 КҶ ҶТ мувофиқат мекунад. Гурӯҳи сеюми олимон объекти бевоситаи дар хатар мононданро дар амнияти мавҷудияти худи шахсият ифода мекунанд[4].

Аз муқаррароти диспозитсияи м. 127 КҶ ҶТ бар меояд, ки ба ҷамъият хавфнокии дар хатар мондан бояд чунин аломатҳоро доро бошад:

---

1 Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья: монография. - Минск: Вышейш. Школа, 1973. - С. 172.

2 Советское уголовное право: Часть Особенная: учебник / Под ред. М.И. Ковалева. - М.: Юрид. лит., 1983. - С. 158.

3 Рашковская, Ш.С. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. - М., 1959. - С. 46; Саркисов, Г.С., Красиков, Ю.А. Ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. - Ереван, 1990. - С. 70-71; Брейво, В.Г., Иванов, В.Д. Ответственность за преступления против личности. - Фрунзе, 1981. - С. 71.

4 Горелик, А.С. Уголовная ответственность за оставление в опасности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / А.С. Горелик. - Л., 1964. - С. 7.

1. Ҳангоми дар хатар мондан, ҷабрдида бояд дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дошта бошад;

2. Ҳангоми дар хатар мондан, ҷабрдида бояд имконияти худмуҳофизаткуниро надошта бошад.

Вобаста ба ҳолати зикргардида, гурӯҳи муаллифон зикр менамоянд, ки вазъияти хавфнок на ба объекти ҷиноят, балки ба тарафи объективии ҷиноят тааллуқ дорад[1]. Гурӯҳи дигари муаллифон объекти ҷиноятро аз тарафи объективии ҷиноят ҷудо накарда, зикр менамоянд, ки вазъияти хавфнок ба аломати объективии таркиби ҷинояти мазкур тааллуқ дорад, яъне, ҳам ба объекти ҷиноят ва ҳам ба тарафи объективии ҷиноят[2].

Сабабҳои ба вазъияти хатарнок гирифтор шудани ҷабрдида гуногун буда метавонанд: офати табиӣ; амалҳои қасдона ё беэҳтиётонаи шахсони сеюм; ҳолати ғайричашмдошт; ҳолати физиологии организм ё синну соли ҷабрдида. Муҳим он аст, ки хавфи бавуқӯъомада ба ҳаёт ва саломатӣ воқеӣ бошад на тахайюлӣ.

Аз тарафи олимон ҷиддияти ҳолати хавф дар ҷинояти мазкур гуногун арзёбӣ мегардад. Як гурӯҳи онҳо зикр менамоянд, ки хавф ба ҳаёт ё ҳадди ақал зарари вазнин ба саломатии ҷабрдида, таҳдид мекунад[3]. Дигар олимон кайд менамоянд, ки дар сурати ҷой доштани ҳатто таҳдид ба зарари миёна ба саломатӣ низ, дар хатар мондан эътироф мешавад[4]. Диспозитсияи м. 127 КҶ ҶТ таҳдид ба ҳаёт ё саломатии ҷабрдидаро ҳамчун зери хатар қарордошта эътироф намуда, дараҷаи зарарро муқаррар накардааст, бинобар ин ҳатто таҳдид ба зарари сабук ба саломатӣ низ ҳамчун дар хатар мондан эътироф карда мешавад.

Дар таркиби ҷинояти дар хатар мондан ҳатман муайян карда шавад, ки оё ҷабрдида дар ҳолати хавфи бавуқӯъомада имконияти мустақилона рафъи онро дошт ё не.

Критерияи ҳолати оҷизӣ аз рӯйи хусусияти хавф ва холати ҷисмонии (қуввати) ҷабрдида муайян карда мешавад.

Сабабҳои хурдсолӣ, пиронсолӣ ва беморӣ ҳамчун имконияти худмуҳофизаткуниро надошта эътироф мешаванд. Ғайр аз хурдсолӣ, пиронсолӣ ва беморӣ, дар баъзе ҳолатҳо инсони солим низ ба кӯмаки дигарон эҳтиёҷ дорад, бинобар ин диспозитсияи м. 127 КҶ ҶТ “сабаби оҷизӣ”-ро низ ҳамчун имконияти худмуҳофизаткуниро надоштан муқаррар намудааст. Шахсе дар ҳолати оҷизӣ қарордошта эътироф мешавад, ки хавфи нисбат ба ӯ равонагардидаро дарк карда наметавонад (бо сабаби хоб будан, маст будан ва ғайра).

Бинобар гуфтаҳои боло, муайян мегардад, ки асоси ҷавобгарии ҷиноятӣ хурдсолӣ, пиронсолӣ, беморӣ ё оҷизии ҷабрдида набуда, ба сифати он, ҳангоми таҳдиди хатар ба ҳаёт ва саломатӣ – имконияти худмуҳофизаткуниро надоштани ҷабрдидаи хурдсол, пиронсол, бемор ё оҷиз, эътироф мешавад. Шахс бо м. 127 КҶ ҶТ ба ҷавобгарӣ кашида намешавад, агар ҷабрдида дар ҳолати ҷой доштани хатар ба ҳаёт ва саломатиаш, имконияти мустақилона бо истифодаи қувва, маҳорат ва дониши худ хавфи ҷойдоштаро рафъ карда тавонад.

Дар хатар мондани ҷабрдидае, ки аллакай кӯмак кардан ба ӯ ғайримкон аст, таркиби ҷинояти мазкурро ташкил намедиҳад. Доир ба ин муқаррарот, баъзе муаллифон зикр намудаанд, ки дар ҳамин ҳолат низ шахс ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад,

1 Орлов, П.И. Уголовная ответственность за оставление в опасности потерпевшего при автопроисшествии: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.00. / П.И. Орлов. - Харьков, 1980. - С. 9; Малыхин, В.И. Состав преступления оставление в опасности и его отграничение от смежных составов / В.И. Малыхин // Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности. - Куйбышев: Куйбыш. ун-т, 1988. - С. 62.

2 Портнов, И. Квалификация деяний, связанных с оставлением в опасности / И. Портнов // Советская юстиция. - 1975. - № 16. - С. 11.

3 Уголовное право России: учебник для вузов. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. - М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1999. - С. 106.

4 Ветров, Н.И. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. - С. 67-68.

зеро ҷавобгарии ҷиноятӣ аз лаҳзаи саркашӣ кардан аз кӯмак намудан ба шахсе, ки дар ҳолати хавфнок қарор дорад, ҷой дорад[1]. Бояд ба муқаррароти диспозитсияи м. 127 КҶ ҶТ такя намуд, зеро он дар ҳолати зикргардида ба имконияти шахс ҳавола кардааст: “шахси гунаҳгор метавонист ба ин шахс ёрӣ расонад”. Ҳамин тавр, ҳангоми зери хатар гирифтор шудани ҷабрдида, имконияти шахсе, ки вазифадор буд нисбати ӯ ғамхорӣ зоҳир намояд ё худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст, ба инобат гирифта мешавад. Агар шахс имконияти воқеии ғамхорӣ зоҳир расониданро надошта бошад, пас ҷавобгарии ҷиноятӣ тибқи моддаи зикргардида ҷой дошта наметавонад. Мисол, кирдори духтур ҷинояти дар хатар мондан эътироф карда намешавад, дар ҳолате, ки агар худи духтур ба бемории вазнин гирифтор бошад ё байни бемор ва духтур дарёе мавҷуд аст, ки духтур он ҷойро убур карда наметавонад.

Тарафи объективии дар хатар мондан дар кирдори беҳаракатӣ ифода мегардад – иҷро накардани он ҳаракатҳое, ки гунаҳгор бояд баҳри кӯмак намудан ба шахси таҳти хавфи хатар ба ҳаёт ва саломатиаш қарордошта, ҳаракат мекард.

Тибқи муқаррароти Қисми умумии ҳуқуқи ҷиноятӣ, ҷавобгарии ҷиноятӣ барои аз беҳаракатӣ содир намудани кирдор ҳамон вақт фаро мерасад, ки агар бар дӯши шахс уҳдадории содир намудани ин ё он ҳаракат вогузошта шуда бошад, ӯ имконияти воқеии содир намудани ҳаракатро, ки барои рафъи фаро расидани оқибати ба ҷамъият хавфнок қодир буд, дошт, вале беҳаракатӣ мекунад.

Диспозитсияи м. 127 КҶ ҶТ ду ҳолатҳои объективиро муқаррар кардааст, ки дар сурати риоя накардани онҳо, шахс барои беҳаракатӣ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад:

– шахси гунаҳгор вазифадор буд нисбати ҷабрдида ғамхорӣ зоҳир намояд;

– шахси гунаҳгор худаш ҷабрдидаро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст.

Вазифаи шахс ҷиҳати ғамхорӣ зоҳир намудан нисбати шахси дигар аз кӯмак ба шахси дигар тафовут дорад. Ғамхорӣ зоҳир намудан нисбати шахси дигар дар вазифаи ӯ ҷиҳати нигоҳубини доимии ҷабрдида ифода мегардад. Диспозитисяи м. 127 КҶ ҶТ ҷавобгарии ҷиноятиро на фақат барои ғамхорӣ зоҳир накарда дар хатар мондан муқаррар мекунад, балки барои иҷро накардани вазифаҳои касбии бо қонунгузорӣ муқарраркардаи худ ҷиҳати кӯмак намудан ба шахсе, ки дар ҳолати хавфи хатар ба ҳаёт ва саломатиаш қарордошта низ, муқаррар мекунад. Вобаста ба чунин ҳолат, Горбатова М.А. пешниҳод намудааст, ки хуб мешуд дар муқаррароти ҷинояти мазкур ба ҷойи калимаҳои “ғамхорӣ зоҳир намудан” вожаҳои “кӯмак намудан” истифода бурда шавад ва он ба ҳамаи шахсони уҳдадор ягона равона мегардад[2].

Уҳдадории ғамхорӣ зоҳир намудан нисбати ин ё он шахс метавонад аз муносибатҳои хешутаборӣ ё зану шавҳар сарчашма гиранд, ки ин муносибатҳоро Кодекси оилаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба танзим медарорад. Зану шавҳар вазифадоранд, ки муносибатҳои худро дар оила дар асоси эҳтирому кӯмаки якдигарӣ ба роҳ монанд, барои таҳкими оила мусоидат намоянд, ба некӯаҳволӣ ва рушду камоли фарзандонашон ғамхорӣ кунанд. Мисол, М. ном зан 11 январи соли 2012 кӯдакаш Ф. (духтарак) дар яке аз таваллудхонаҳои шаҳри Душанбе таваллуд мекунад. М. аз 17 июли соли 2012 ин ҷониб, дар хонаи истиқоматиаш, ки дар он иҷоранишин буд, мунтазам кӯдакаш Ф. танҳо гузошта, дар кӯчаҳои шаҳри Душанбе ба фоҳишагӣ машғул мешудааст. М. 15 августи соли 2012, тахминан соати 18:00 кӯдаки хурдсоли бемораш Ф. дар хонаи ба иҷораги-

1 Саркисов, Г.С, Красиков, Ю.А. Ответственность за преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. - Ереван, 1990. - С. 73; Сташис, В.В., Бажанов, М.И. Уголовно-правовая охрана личности. - Харьков: Вища школа, 1976. - С. 134.

2 Горбатова, М.А. Составы преступлений, ставящих в опастность жызнь или здоровье: понятие, система и уголовно-правовой анализ: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.А. Горбатова. - Саратов, 2002. - С. 152.

рифтааш бе соҳиб ва бе хӯрок партофта, бо мақсади машғул шудан ба фоҳишагӣ, аз хона баромада рафта, то рӯзи 17 августи соли 2012 бо якчанд мард дар ҳудуди шаҳри Душанбе ба фоҳишагӣ машғул шудааст. Дар ин давоми ду рӯз М. ба хона бар нагашт. Санаи 16 августи соли 2012 ҳамсоязан С. ба хонаи М. даромада ҷисми бечони Ф. дарёфт карда, ба дигар ҳамсояҳояш хабар медиҳанд. Баъди як рӯзи ҳодиса, санаи 17 августи соли 2012 М. аз тарафи кормандони ШВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе дастгир гардидааст. Ғайр аз ин, М. кӯдаки хурдсолаш Ф., ки дар вазъияти ҳаёт ва саломатиаш хавфнок – беморӣ қарордошта, дидаву дониста бе соҳиб ва гурусна партофта баромадааст.

Ҳамин тавр, суди ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе далелҳои дар мурофиаи судӣ мавриди омӯзиш қарордодашударо ба эътибор гирифта, гуноҳи М. барои иҷро накардан ё иҷрои номатлуби уҳдадориҳо оид ба тарбияи ноболиғ аз ҷониби падару модар ё шахси дигар, ки ин уҳдадориҳо ба зиммааш қонунан гузошта шудааст, агар ин кирдор бо муносибати бераҳмона нисбат ба ноболиғ алоқаманд бошад ва барои дидаю дониста нарасонидани ёрӣ ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад ва аз сабаби хурдсолӣ имконияти андешидани чораҳои худмуҳофизатиро надорад, ҳангоме, ки шахси гунаҳгор метавонист ба ин шахс ёрӣ расонад ва вазифадор буд нисбати ӯ ғамхорӣ зоҳир намояд ё худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст, ҳамин кирдор агар аз беэҳтиётӣ боиси марги ҷабрдида гардида бошад, тасдиқёфта ҳисоб карда, ҳаракатҳои ӯро бо м. 174 ва қ. 2 м. 127 КҶ ҶТ бандубаст намуд[1].

Фарзандон низ дар навбати худ вазифадоранд нисбат ба падару модари худ ғамхорӣ зоҳир намоянд.

Бар дӯш гирифтани вазифаи ғамхорӣ зоҳир намудан ба дигар шахс, дар асоси бастани шарнома (чи ба воситаи ҳуҷҷатгузорӣ ва чи ба воситаи шифоҳӣ) амалӣ карда мешавад. Дар ин маврид, вазифаи ғамхорӣ зоҳир намудан бар дӯши дилхоҳ шахс гузошта шуданаш мумкин аст: роҳбаладе, ки вазифаро ҷиҳати сайругашти сайёҳ иҷро мекунад; роҳгузаре, ки кӯмаки роҳгузари нобино, калонсол ё беморро бар дӯш гирифтааст; шахсе, ки дар хона нигоҳубини кӯдак, калонсол ё беморро бар дӯш гирифтааст ва ғайраҳо.

Вазифаи ғамхорӣ зоҳир намудан нисбат ба ҷабрдида аз уҳдадориҳои касбии ин ё он шахс низ сарчашма гирифтанаш мумкин аст. Мисол, мураббиён дар боғчаи кӯдакон.

Вобаста ба расонидани кӯмак ба шахсе, ки дар ҳолати хавфи хатар ба ҳаёт ва саломатиаш қарор дорад, аз уҳдадории касбӣ низ сарчашма гирифтанаш мумкин аст:

– вобаста ба тобеият – омӯзгор, мураббии варзишӣ, муҳофиз, роҳбари гурӯҳи сайёҳӣ ва ба инҳо монанд;

– вобаста ба гурӯҳи номуайяни шахсон – кормандони тиб, наҷотдиҳанда, оташнишон ва ба инҳо монанд.

Қоидаҳои ҳаракат дар роҳ аз 29-уми июни соли 2017 ҳамчун санади меъёрии ҳуқуқӣ, ҳангоми руй додани фалокати роҳу нақлиёт вазифаи ронандае, ки иштирокчии ҳодисаи роҳу нақлиёт мебошад, махсус муайян кардааст. Тибқи муқаррароти сархатҳои 1, 2 ва 3 зербанди «у» банди 11 Қоидаҳои ҳаракат дар роҳ, ронандае, ки иштирокчии ҳодисаи роҳу нақлиёт мебошад, уҳдадор аст:

– воситаи нақлиётро фавран боздорад (аз ҷояш наҷунбонад), сигнали нурии садамавиро фурӯзон намуда, аломати бозистии садамавиро мутобиқи талаботи боби 8 ҳамин Қоидаҳо гузорад, ҷойи предметҳои ба ҳодиса дахлдорро тағйир надиҳад, дар ҷойи ҳодиса, вобаста ба имконият берун аз қисми мошингарди роҳ, истад;

– ҳангоми дар натиҷаи ҳодисаи роҳу нақлиёт фавтидан ё осеб бардоштани одамон барои расонидани ёрии аввали тиббӣ ба осебдида (осебдидагон) чораҳои имконпазир андешида, ёрии таъҷилии тиббиро даъват намояд, агар ин ғайриимкон бошад, чо-

1 Парвандаи ҷиноятии № 1-100/13 // Бойгонии суди ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе.

раҳоро барои ба муассисаи тиббии наздиктарин расонидани осебдида (осебдидагон) бо воситаҳои нақлиёти роҳгузари ҳамсамт (дар ҳолати набудани ин гуна воситаи нақлиёт), бо истифодаи воситаи нақлиёти дар ҳодиса иштирокдошта, андешад;

– ронандае, ки шахси осебдида (осебдидагонро) ба муассисаи тиббӣ мерасонад, вазифадор аст ба ин муассиса насаб, ном ва номи падар ва рақами бақайдгирии давлатии воситаи нақлиётро бо пешниҳод намудани шаҳодатномаи ронандагӣ ё ҳуҷҷати тасдиқкунандаи шахсият ва шаҳодатномаи бақайдгирии воситаи нақлиёт (шиносномаи воситаи нақлиёт) хабар диҳад ва ба ҷойи ҳодисаи роҳу нақлиёт баргардад[1].

Аз ин муқаррарот маълум гардид, ки вазифаи расонидани кӯмак бар дӯши ронандае гузошта шудааст, ки иштирокчии ҳодисаи роҳу нақлиёт мебошад, новобаста аз он, ки бо айби ин шахс рух додааст ё шахси сеюм. Мисол, Г. санаи 20-уми декабри соли 2012 тахминан соати 23:50 автомашинаи тамғаи "Мерседес Бенс"-ро, ки дар ҳолати хуби техникӣ қарор дошт, бо роҳи мумфарши сатҳи болоияш хушку бенуқсони шоҳроҳи Душанбе – Қурғонтеппа аз самти кӯчаи Қосимов ба самти дидбонгоҳи маҳаллаи Чимтеппа бе бор ва бе мусофир тахминан бо суръати 60 км/соат, бо қатори якуми роҳ ҳаракат кардааст. Ҳангоми ҳаракат ва расидан дар рӯ ба рӯйи бинои мағозаи № 63 бозори Корвони шаҳри Душанбе, пиёдагард Э. пахш мекунад. Ин садама бо вайронкунии талаботи бандҳои 4.3 ва 4.5 Қоидаҳои ҳаракат дар роҳҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон (27.12.1997 – амал намекунад) аз тарафи пиёдагард Э. ба вуқӯъ омадааст. Бандҳои зикргардидаи Қоидаҳои ҳаракат дар роҳҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон пиёдагардро уҳдадор менамоянд, ки: "пиёдагардон қисми мошингардро бояд аз гузаргоҳи пиёдагард, аз ҷумла гузаргоҳҳои зеризаминӣ ва рӯйизаминӣ, ҳангоми мавҷуд набудани чунин гузаргоҳҳо – аз чорроҳа бо хати пиёдагард ё канори роҳ убур намоянд ва инчунин ҳангоми берун аз гузаргоҳҳои пиёдагард гузаштани қисми мошингард, пиёдагардон ба ғайр аз ин набояд ба ҳаракати воситаҳои нақлиёт халал расонанд, набояд аз ақиби воситаҳои нақлиётӣ истода ё дигар монеае, ки доираи назарро маҳдуд месозад, ба набудани воситаҳои нақлиётии наздикшуда истода боварӣ ҳосил накарда, бароянд".

Пиёдагард Э. ин талаботро риоя накарда, роҳи мошингардро дар ҷойи номуайяншуда аз тарафи рост ба тарафи чап нисбати самти ҳаракати автомашина бо қадамониҳои тез давида гузашта, бо қисми пеши тарафи рости автомашина бархӯрда аз пой меафтад. Дар натиҷаи садамаи зикргардида, Э. ҷароҳати ҷисмонӣ бардошта, дар ҷойи ҳодиса ба ҳалокат мерасад. Мувофиқи хулосаи экспертизаи тиббӣ – судӣ таҳти № 122 аз 24-уми декабри соли 2012 дар натиҷаи садамаи нақлиётӣ пиёдагард Э. зарари вазнин ба саломатӣ бардоштааст, ки боиси марги ӯ гардидааст.

Тибқи хулосаи экспертизаи судии автотехникӣ таҳти № 16/217/2013 аз 18 январи соли 2013 муайян карда шудааст, ки аз лаҳзаи сар кардани ҳаракати пиёдагард Э. аз ҷойи исташ аз тарафи рост ба тарафи чапи роҳ, автомашина тахминан бо суръати 60 км/соат аз ҷойи бархурд бо пиёдагард, дар масофаи 25,0 – 26,0 метр қарор доштааст. Ронандаи автомобил Г. имконияти техникии пешгирӣ намудани садамаи нақлиётиро (пахш намудани пиёдагардро) бо роҳи пахш намудани системаи манъкунии автомобил (системаи тормозӣ) аз лаҳзаи сар кардани ҳаракати охирон, яъне пиёдагард аз ҷойи исташ аз тарафи рост ба тарафи чапи роҳ дар мадди назари ронанда дошта нашудааст.

Баъди аз пой афтонидани пиёдагард Э. ронанда Г. дидаю дониста ба ҷабрдида, ки дар вазъияти барои ҳаёт хавфнок қарор дошт ва аз сабаби оҷизии худ имконияти андешидани чораҳои худмуҳофизатиро надошт, ҳангоме ки ӯ метавонист ба ин шахс ёрӣ расонад ва худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёташ хатарнок гузоштааст, ёрии худро барои кӯмаки тиббӣ ва расонидани ӯ ба муассисаи наздиктарини табобатӣ нарасонида ва оид ба ҳодисаи нақлиётии рухдода ба кормандони милитсия хабар надода, аз ҷойи ҳодиса ба самти номаълум ғайб мезанад. Бо ин амалаш, ӯ талаботи Қоидаҳои ҳаракат дар

1 Қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Қоидаҳои ҳаракат дар роҳ» аз 29-уми июни соли 2017, № 323.

роҳро дағалона вайрон менамояд. Суди ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе кирдори Г. бо қ. 2 м. 127 КҶ ҶТ бандубаст намуд: дидаю дониста нарасонидани ёрӣ ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад ё аз сабаби оҷизии худ имконияти андешидани чораҳои худмуҳофизатиро надорад, ҳангоме, ки шахси гунаҳгор метавонист ба ин шахс ёрӣ расонад ва вазифадор буд нисбати ӯ ғамхорӣ зоҳир намояд ё худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст, агар аз беэҳтиётӣ боиси марги ҷабрдида гардида бошад[1].

Агар, садамаи бавуқӯъомадаи зикргардида бо гуноҳи Г. содир мегардид, пас кирдори ӯ бо қ. 2 м. 212 ва қ. 2 м. 127 КҶ ҶТ ҳамчун маҷмуи ҷиноят бандубаст мегардид.

Дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш гузоштани ҷабрдида, субъекти ҷиноят вазифадор мегардад, то ки ба ӯ ёрӣ расонад, гарчанде вазифаи махсуси ӯ набошад ҳам. Ҷунин вазифаро бар уҳдаи шахс диспозитсияи м. 127 КҶ ҶТ бо муқаррароти махсус вогузор кардааст: “ё худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст”. Иловатан боз такрор карда мешавад, ки худи дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гирифтор кардани ҷабрдида сазовори ҷазо эътироф нагардида, балки дидаву дониста нарасонидани ёрӣ ба шахсе, ки дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатӣ хатарнок гирифтор аст ва худи субъекти ҷиноят ӯро ба ин ҳолат гирифтор кардааст.

Дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштани ҷабрдида аз тарафи худи гунаҳгор яке аз асосҳои вазифадор гардидани ӯ ҷиҳати ёрӣ расонидан ба ҷабрдида эътироф мешавад, ки аксар олимон инро ҷонибдорӣ мекунанд[2].

Ҳамин тавр, барои таркиби ҷинояти дар хатар мононданро хотимаёфта эътироф намудан, ҳатман бояд чунин ҳолатҳо муқаррар карда шаванд:

– гунаҳгор вазифадор буд ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад, ёри расонад, зеро вазифадор буд нисбати ӯ ғамхорӣ зоҳир намояд;

– гунаҳгор вазифадор буд ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад, ёри расонад, зеро худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст;

– гунаҳгори дар қисмҳои 1 ва 2 пешбинигардида имконияти воқеии ёрӣ расонидан ба ҷабрдидае, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад, дошт, аммо ёрӣ намерасонад, хотимаёфта эътироф мешавад.

Таркиби ҷинояти мазкур расмӣ эътироф мегардад – аз лаҳзаи дар хатар мононданӣ ҷабрдида аз тарафи шахсе, ки метавонист ба ин шахс ёрӣ расонад ва вазифадор буд нисбати ӯ ғамхорӣ зоҳир намояд ё худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст.

Тарафи субъективии ҷинояти дар хатар мононданро гуноҳ дар шакли қасди бевосита ташкил медиҳад. Ин аз муқаррароти диспозитсияи м. 127 КҶ ҶТ бар меояд: дидаю дониста нарасонидани ёрӣ ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад.

Аломатҳои қасди бевосита дар ҷинояти дар хатар монондан аз ҷиҳати зеҳнӣ ва иродавӣ муайян карда мешавад.

Аз ҷиҳати зеҳнӣ, гунаҳгор ба ҷамъият хавфнокии дар хатар мононданро дарк мекунад ва хавфи оқибати беҳаракатиашро пешбинӣ мекунад. Ҳамин тавр, гунаҳгор дарк мекунад, ки:

а) ҷабрдида дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад;

1 Парвандаи ҷиноятии № 1-97/13 // Бойгонии суди ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе.

2 Малыхин, В.И. Состав преступления оставление в опасности и его отграничение от смежных составов // Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности. - Куйбышев: Куйбыш. ун-т, 1988. - С. 65-66; Орлов, П.И. Уголовная ответственность за оставление в опасности потерпевшего при автопроисшествии: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / П.И. Орлов. - Харьков, 1980. - С. 9.

б) ҷабрдида аз сабаби хурдсолӣ, пиронсолӣ, беморӣ ё аз сабаби оҷизии худ имконияти андешидани чораҳои худмуҳофизатиро надорад;

в) аз рӯйи имкониятҳои худ ӯ метавонист ба ҷабрдида ёрӣ расонад;

г) ёрӣ расонидан ба ҷабрдида вазифаи ӯ мебошад.

Аз ҷиҳати иродавӣ, гунаҳгор хоҳони дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор гирифтани ҷабрдида мебошад.

Субъекти ҷинояти дар хатар монондан махсус эътироф мешавад, яъне шахси воқеии мукаллафи ба синни 16-солагӣ расидааст ва вазифадор буд нисбати ҷабрдида ғамхорӣ зоҳир намояд ё худаш ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ё саломатиаш хатарнок гузоштааст. Агар, дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор доштани ягон шахс аз тарафи шахси дигар, ки бо ӯ умуман дар алоқа намебошад, ёрӣ расонида нашавад, ҷавобгарии ҷиноятӣ ҷой надорад, гарчанде ки ба назар ҳамчун кирдори барои ҷамъият хавфнок намудор бошад ҳам.

Аз таърих то кунун баъзе муҳаққиқон ҷонибдори он ҳастанд, ки ёрӣ расонидан ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад, вазифаи инсонии ҳар як шахс мебошад ва дар сурати ёрӣ нарасонидан ба чунин шахс дилхоҳ шахси дигар бояд ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шавад[1]. Мухолифони ин ақида зикр намудаанд, ки аз шахси дигар талаб намудани он ҳаракатҳое, ки бо он ӯ вазифадор нест, ноодуруст мебошад, бар замми ин барои чунин амалҳоро содир накарданаш ба ӯ ҷазо додан, умуман хато мебошад[2].

Барои нарасонидани ёрӣ ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ё саломатиаш хавфнок қарор дорад, корманди тиб низ бо қ. 1 м. 127 КҶ ҶТ ба ҷавобгарӣ кашида мешавад, ба шарте ки оқибатҳои дар м. 128 кодекси зикргардида фаро нарасида бошанд.

Дар қ. 2 м. 127 КҶ ҶТ ҷавобгарии ҷиноятӣ барои дар хатар монондан пешбинӣ намудааст, ки агар аз беэҳтиётӣ боиси марги ҷабрдида гардида бошад.

Объекти ҷиноят – муносибати ҷамъиятии бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае, ки ҳаёти шахсро таъмин менамояд, ташкил медиҳад.

Тарафи субъективии ҷинояти дар қ. 2 м. 127 КҶ ҶТ пешбинигардида аз ду шакли гуноҳ иборат мебошад, яъне нисбат ба кирдор қасд ва нисбат ба оқибат беэҳтиётӣ мебошад.

Дар қ. 3 м. 127 КҶ ҶТ ду ҳолати вазнинкунандаи ҷавбгарии ҷиноятӣ барои дар хатар монондан пешбинӣ намудааст, ки агар он аз беэҳтиётӣ боиси:

а) марги одамон гардида бошад;

б) дигар оқибатҳои вазнин гардида бошад.

Марги ду шахс ё бештар аз он ҳамчун марги одамон эътироф карда мешавад.

Садамаи калонҳаҷм (садамаи нерӯгоҳҳои обӣ ва атомии барқӣ, қатора ё ҳавопаймо), бемории оммавии одамон, заҳролуд гардидани манбаъҳои обӣ ва ба инҳо монанд ҳамчун оқибатҳои вазнин эътироф мегарданд.

1 Проект Уголовного Уложения, подготовленный Государственным Советом в Особом присутствии. - СПб., 1901. - С. 197-198.

2 Таганцев, Н.С. Уголовное Уложение 1903 г. - СПб., 1904. - С. 660.

ТДУ 343.61

ТАҲДИДИ КУШТАН Ё РАСОНИДАНИ ЗАРАРИ ВАЗНИН БА САЛОМАТӢ ТИБҚИ МУҚАРРАРОТИ КОДЕКСИ ҶИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН: ТАВСИФИ ҲУҚУҚӢ-ҶИНОЯТӢ

УГРОЗА УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПО ПОЛОЖЕНИЯМ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

ҶАМШЕДЗОДА УМАР ҶАМШЕД
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, лейтенант милиции
E-mail: safarzodaumar@icloud.com

ҲАМИДОВ РУСТАМ САЙФУЛЛОЕВИЧ
Омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти милитсия / Преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, лейтенант милиции
E-mail: khamidov-25@bk.ru

Диспозитсияи моддаи 120 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатиро он вақт эътироф менамояд, ки агар барои амалӣ гаштани ин таҳдид асоси тарсу ҳарос мавҷуд бошад.

Объекти таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ – муносибатҳои ҷамъиятии бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае, ки дахлнопазирии ҳаёт ва саломатиии шахсро таъмин менамоянд, ташкил медиҳад.

Ҷабрдидаи ҷинояти мазкур дилхоҳ шахс буда метавонад, ба истиснои таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатии:

1. кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, хизматчиёни ҳарбӣ (ҳамчунин нисбати шахсони наздики онҳо) бо мақсади монеъ шудан ба фаъолияти қонунии ин шахсон оид ба муҳофизати тартиботи ҷамъиятӣ ё таъмини амнияти ҷамъиятӣ ё аз рӯйи интиқом барои фаъолияташон содир шуда бошад. Ҷавобгарии ҷиноятӣ дар ин ҳолат бо м. 329 КҶ ҶТ фаро мерасад. Агар таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатии кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ, хизматчиёни ҳарбӣ (ҳамчунин нисбати шахсони наздики онҳо) бо мақсади монеъ шудан ба фаъолияти қонунии ин шахсон оид ба муҳофизати тартиботи ҷамъиятӣ ё таъмини амнияти ҷамъиятӣ ё аз рӯйи интиқом барои фаъолияташон содир шуда набошад, пас ҷавобгарии ҷиноятӣ мутобиқи м. 120 КҶ ҶТ фаро мерасад;
2. судя, машваратчии халқӣ, прокурор, муфаттиш, шахсе, ки таҳқиқ мегузаронад, адвокат, эксперт, тарҷумон, пристави суд ё котиби суд, иҷрочии суд (ҳамчунин наздикони онҳо) вобаста ба гузаронидани таҳқиқ, тафтиши пешакӣ, баррасии парванда ё мавод дар суд ё иҷрои ҳукм, ҳалномаи суд ё санади дигари судӣ. Ҷавобгарии ҷиноятӣ дар ин ҳолат бо м. 356 КҶ ҶТ фаро мерасад. Агар таҳдиди куштани ё расонидани зарари вазнин ба саломатии судя, машваратчии халқӣ, прокурор, муфаттиш, шахсе, ки таҳқиқ мегузаронад, адвокат, эксперт, тарҷумон, пристави суд ё котиби суд, иҷрочии суд (ҳамчунин наздикони онҳо) бо гузаронидани таҳқиқ, тафтиши пешакӣ, баррасии парванда ё мавод дар суд ё иҷрои ҳукм, ҳалномаи суд ё санади дигари судӣ вобаста набошад, пас ҷавобгарии ҷиноятӣ мутобиқи м. 120 КҶ ҶТ фаро мерасад;

3. сардор бинобар вазифаҳои хизмати ҳарбиро иҷро кардани вай. Ҷавобгарии ҷиноятӣ дар ин ҳолат бо м. 371 КҶ ҶТ фаро мерасад. Агар таҳдиди куштани ё расонидани зарари вазнин ба саломатии сардор бо вазифаҳои хизмати ҳарбии ӯ вобаста набошад, пас ҷавобгарии ҷиноятӣ мутобиқи м. 120 КҶ ҶТ фаро мерасад.

Тарафи объективии ин ҷиноят – кирдор дар шакли ҳаракатҳое ифода мегардад, ки асоси дар ҷабрдида тарсу ҳароси марг ва зарари вазнин ба саломатиро ба миён меоранд.

Дар КҶ ҶТ мафҳуми таҳдид шарҳ дода нашудааст, ҳамчунин олимони соҳа доир ба он тасаввуроти ягона надоранд. Ҳамин тавр, як гурӯҳи олимон, аз қабили Стерехов Н.В., Бунеев И.Ю. зикр менамоянд, ки таҳдид дар куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ як шакли маҷбуркунӣ маҳсуб меёбад[1]; дигар гурӯҳ аз қабили Костров Г.К., Сердюк Л.В., Панов Н.И. эътироф менамоянд, ки ҳамчун шакли зӯроварӣ маҳсуб меёбад[2]. Сеюм гурӯҳи олимон –Андреев Л.А., Чучаев А.И., Бородин С.В., Ватанов М.М. қайд менамоянд, ки он ҳамчун ифодаи содир кардани ниятҳои ҷиноятқорона мебошад[3]. Чорум гурӯҳи олимон –Муҳаммадиев М.Т., Чугунов А.А., Чернявский А.Д. [4] таҳдидро чун таъсиррасонии (зӯроварии) руҳӣ (психологӣ) ба шахс эътироф менамоянд[5].

Ҳамаи ақидаҳои матраҳгардидаи олимон ва мутахассисони соҳа ҳақиқати таҳдидро ифшо менамоянд ва ба ҳамдигар алоқамандӣ доранд. Гурӯҳе аз онҳо таҳдидро чун маҷбуркунӣ ва дигарашон чун таъсиррасонии руҳӣ эътироф намудаанд.

Аз муқаррароти м. 43 КҶ ҶТ низ бармеояд, ки маҷбуркунӣ ҳам ҷисмонӣ ва ҳам руҳӣ буда метавонад. Дар м. 134 КҶ ҶТ ҷавобгарии ҷиноятӣ барои маҷбуркунӣ муқаррар гардидааст, ки мақсади он барои иҷро кардан ё иҷро накардани ягон ҳаракат равона гардидааст. Дар таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ бошад, иҷро кардан ё иҷро накардани ягон ҳаракат талаб карда намешавад. Бинобар ин, муқаррароти қонунгузорӣ фикри олимон Стерехов Н.В., Бунеев И.Ю., ки таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатиро чун шакли маҷбуркунӣ эътироф менамоянд[6], нодуруст меҳисобад. Вобаста ба ин, Крашенников А.А. тасдиқ менамояд, ки маҷбуркунӣ ифодакунандаи таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ намебошад[7], зеро дар ин таҳдид иҷро кардан ё иҷро накардани ягон ҳаракат дар назар дошта намешавад.

---

[1] Стерехов, Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву. - Свердловск, 1972. - С. 55; Бунеев, И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.Ю. Бунеев. - Омск, 2000. - С. 9–10.

[2] Костров, Г.К. Уголовно-правовое значение угрозы: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.00 / Г.К. Костров. - М., 1970. - С. 12; Сердюк, Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.00 / Л.В. Сердюк. - М., 1979. - С. 11; Панов, Н.И. Основные проблемы способа совершения преступления в советском уголовном праве: дис. … док. юрид. наук: 12.00.00 / Н.И. Панов. - Харьков, 1987. - С. 135; Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон // Зери таҳрири Шарипов Ҳ.Ҳ. - Душанбе: «ГЛОБУС», 2006. - С. 259.

[3] Андреев, Л.А. Состав преступления изнасилования в советском уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. - М., 1962. С. 81-82; Чучаев, А.И. Преступления против правосудия. - Ульяновск, 1997. - С. 16; Бородин, С.В. Преступления против жизни. - М., 2000. - С. 327.

[4] Тафсир ба моддаҳои алоҳидаи Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Зери таҳрири Қаҳҳоров А.А. - Душанбе, 2011. - С. 36; Чугунов, А.А. Принуждение к совершению сделки или к отказу в ее совершении / А.А. Чугунов // Труды филиала МГЮА в г. Кирове. - 2001. - № 5. - С. 128; Чернявский, А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.00 / А.Д. Чернявский. - М., 1991. - С. 48.

[5] Ильянова, О.И. Угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и их предупреждение: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.И. Ильянова. - Саратов, 2005. - С. 15.

[6] Стерехов, Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву. - Свердловск, 1972. - С. 55; Бунеев, И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / И.Ю. Бунеев. - Омск, 2000. - С. 9-10.

[7] Карашенников, А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования). - Ульяновск, 2002. - С.14.

Тасаввуроти маъмултарин ва мувофиқ ба таҳдид ин ақидаи Муҳаммадиев М.Т.[1], Чугунов А.А.[2], Чернявский А.Д.[3], ки таҳдидро чун таъсиррасонии (зӯроварии) руҳӣ (психологӣ) ба шахс эътироф менамоянд, мавриди қабул дониста мешавад. Дар баробари ин олимон, инчунин Лукянова И.В.[4] мафҳуми таҳдидро пешниҳод менамояд, ки он низ хусусияти таъсиррасонии руҳиро доро мебошад: "таҳдид – таъсиррасонии иттилоотии ба ҷамъият хавфноки зиддиҳуқуқӣ нисбат ба ҷабрдида".

Вобаста ба муқаррароти қонунгузорӣ ва ақидаи олимону мутахассисони соҳа, мафҳуми таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнинро чунин ифода кардан ба мақсад мувофиқ аст: "ҳамчун шакли зӯроварии руҳӣ (бавосита ё бевосита) эътироф гардида, дар ваъда додан ва огоҳ кардан чун иттилооти ба ҷамъият хавфнок ҷиҳати расонидани зарар ба ҳаёт ва саломатӣ, ифода меёбад". Мафҳуми зикргардидаро олимони дигари соҳа, аз қабили Данелян Л.В. [5] ва Хабарова М.В. [6] низ, шарҳ дода ҷонибдорӣ намудаанд.

Чи тавре аллакай зикр намудем, он вақт кирдори шахс ҳамчун таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ эътироф карда мешавад, ки агар барои амалӣ гаштани ин таҳдид асоси тарсу ҳарос мавҷуд бошад. Аломати ҷой доштани асоси тарсу ҳарос дар таҳдид шарти асосии ҷинояти мазкур ба ҳисоб меравад.

Таҳдид дар куштан ё расонидани вазнин ба саломатӣ бояд аз ҳазл ва шӯхӣ фарқият дошта бошад. Таҳдид дар куштан ё расонидани вазнин ба саломатӣ хусусияти ҷиддиро доро мебошад.

Олимони соҳа, ки доир ба таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ тадқиқоти илмӣ анҷом додаанд (Мазуков С.Х. [7], Побегайло Э.Ф. [8], Стерехов Н.В. [9], Илянова О.И. [10] ва ғайраҳо), асоси тарсу ҳарросро дар таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ ба омилҳои объективӣ ва субъективии он вобаста медонанд.

Ной И.С. и Крахмальник Л.С. ба сифати критерияи ҳатмии таҳдиди куштан танҳо дар омили субъективӣ ифода намудаанд: «Агар таҳдиди куштан дар ҷабрдида эҳсоси таҳдиди куштани ӯро ба миён оварда, ҳолати муқаррариашро вайрон карда бошад, пас ба ҷамъият хавфнокии ӯ чун ҷиноят эътироф карда мешавад»[11].

Асоси тарсу ҳарос дар таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ аз маҷмӯи аломатҳои объективӣ ва субъективие иборат мебошад, ки аз воқеият дур набудани содир гардидани ин амалҳоро ифода мекунанд. Ҳамин тавр, таърихи 15 майи соли 2012 тахминан соати 09:00 хоҳари Ш.Зи.С. (мард) – Ш.За.С. бо ҳамроҳии модараш Қ.З.Ш. бо шаҳрванд И.И.Н. (мард), ки дар ҳамсоягии онҳо истиқомат мекунад, барои

---

[1] Тафсир ба моддаҳои алоҳидаи Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Зери таҳрири Қаҳҳоров А.А. - Душанбе, 2011. - С. 36.

[2] Чугунов, А.А. Асари зикршуда. - С. 128.

[3] Чернявский, А.Д. Психическое насилие при совершении корыстных преступлений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.00 / А.Д. Чернявский. - М., 1991. - С. 48.

[4] Лукьянова, И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России: автореф. дис. … канд. юридю наук: 12.00.08 / И.В. Лукьянова. - М., 2004. - С. 9.

[5] Данелян, Л.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.В. Данелян. - Тюмень, 2011. - С. 8.

[6] Хабарова, М.В. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: уголовно-правовой и криминологический аспект (по материалам Краснодарского края): автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.В. Хабарова. - Краснодар, 2006. - С. 8-9.

[7] Мазуков, С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.00. / С.Х. Мазуков. - Ростов н/Д, 1997. - С. 48.

[8] Уголовное право России: в 2 т. / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. - М., 1999. Т. 2. - С. 49.

[9] Стерехов, Н.В. Ответственность за угрозу по советскому уголовному праву (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00. / Н.В. Стрехов. - Свердловск, 1972. - С. 138.

[10] Ильянова, О.И. Угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и их предупреждение: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.И. Ильянова. - Саратов, 2005. - С. 26.

[11] Ной, И., Крахмальник, Л. Об уголовной ответственности за угрозу убийством / И. Ной, Л. Крахмальник // Социалистическая законность. - 1959. - № 6. - С. 49.

он, ки духтари ноболиғи И.И.Н. – И.З.И. дар роҳрави бинои истиқоматиашон кӯдаконро ҷамъ карда бозӣ мекардааст, ҷангу ҷанҷол менамоянд. Сипас, тахминан соати 10:00 ҳамон рӯз Ш.Зи.С. бо мақсади пуштибонӣ намудани модараш ва хоҳараш ба хонаи И.И.Н. рафта, бар хилофи хоҳиши ӯ вориди манзили истиқоматиаш шуда, ӯро лату кӯб мекунад. Баъди ин ҳолат, Ш.Зи.С. аз мизи хӯрокхурии хонаи истиқоматии И.И.Н. корди хоҷагиро гирифта, ба тарафи И.И.Н. дошта таҳдид кардааст, ки ӯро мекушад, аммо аз дасташ модараш Қ.З.Ш. кордро гирифта, онҳоро халос мекунад. Суди ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе кирдори Ш.Зи.С. бо б. “а” қ. 2 м. 174 ва м. 120 КҶ ҶТ бандубаст намудааст[1].

Омилҳои субъективии асоси тарсу ҳаросро қонунгузории ҷиноятӣ ба ҷабрдида нисбат кардааст – ҳолати руҳии тарсу ҳароси ҷабрдида баҳо дода мешавад. Яъне, ҷабрдида дарк карда бошад, ки дар натиҷаи содир гардидани куштор ё зарари вазнин ба саломатии ӯ:

1) ба ҳаёт ё саломатии ӯ чун объекти бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшаванда зарар расонида мешавад;

2) имконият ё ногузирии фаро расидани марг ё зарари вазнин ба саломатии худро пешбинӣ карда бошад;

3) дарк намуда бошад, ки шахси дигар хоҳони аз ҳаёт маҳрум кардан ё расонидани зарари вазнин ба саломатии ӯ мебошад.

Ин се ҳолатро эҳсос карда, дар ҷабрдида тарсу ҳарос ба вуқӯъ омада бошад.

Ҳамчунин, на дар ҳамаи ҳолатҳо онҳое, ки таҳдид нисбаташон равона мегардад, онро якзайл эътироф менамоянд. Яъне, зани ҳомиладор таҳдиди ба ӯ равонагардидаро дигар хел эътироф менамояд, марди боқувват дигар хел эътироф мекунад – албатта вобаста ба омилҳои объективии таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ.

Омилҳои объективии ба миён омадани асоси тарсу ҳарос дар ҷой, вақт, вазъият, олот, восита ва тарзи содир намудани ҳаракатҳои ба ҷамъият хавфнок ифода мегарданд:

1. Ҷойи содир намудани таҳдид. Таҳдидро дар ҷое содир мекунад, ки касе набошад ва ҳатто садои ёрӣ ҳам барорад, касе намефаҳмад. Дар чунин ҳолат, дар бисёр мавридҳо шахсро тарсу ҳарос фарогир мешавад.

2. Вақти содир намудани таҳдид. Дар соати 02:00 шаб таҳдид ҳолати тарсу ҳаросро дар шахс бештар ба вуқӯъ оварданаш имкон дорад, нисбат ба соатҳое, ки дар он мардум бедор ҳастанд.

3. Вазъияти содир намудани таҳдид. Ҷабрдида дар ҳолати беморӣ, мастӣ, дасту пойи баста, ҳомиладорӣ ва ба инҳо монанд қарор дорад. Албатта дар чунин вазъиятҳо қарор доштани ҷабрдида, заифӣ ва ҳарчи бештар тарсу ҳарос ӯро фарогир мешавад.

4. Олоти содир намудани таҳдид. Агар таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ бо силоҳи оташфишонӣ ё дигар предметҳое, ки ба сифати силоҳ баромад мекунанд содир шавад, воқеияти содир намудани ин ҷиноят бештар мегардад.

5. Воситаи содир намудани таҳдид. Субъекти ҷиноят ҳангоми таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ воситаеро истифода мебарад, ки дар дилхоҳ шахс асоси тарсу ҳаросро ба миён меорад. Мисол, саги калони ваҳшӣ, мори заҳрнок, каждум ва ба инҳо монанд.

6. Тарзи содир намудани таҳдид. Ҳамаи ҳолатҳои зикргардидаи омили объективии асоси тарсу ҳарос, аз тарзи содир намудани таҳдид вобастагии зиёд доранд. Таҳдид бояд бо тарзе содир карда шавад, ки хусусияти ҳазлу шӯхиро надошта бошад. Дар он бераҳмӣ ва инсонбадбинии (садизми) таҳдидкунанда ифода гардад.

Ғайр аз ин аломатҳо, инчунин шахсияти таҳдидкунанда низ барои воқеияти тарсу ҳарос асос гардиданаш мумкин аст. Мисол, таҳдидкунанда шахсе мебошад, ки қаблан одамкуширо бо тарзи бераҳмона содир кардааст; ба касе таҳдиди куштан ё расонидани

[1] Парвандаи ҷиноятии № 1-433/12 // Бойгонии суди ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе.

зарари вазнин ба саломатиро раво дида бошад, онро иҷро кардааст; оворагарди беинтизом аст ва ба ин хусусиятҳо монанд.

Таркиби ҷинояти мазкур расмӣ буда, аз лаҳзаи содир намудани таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ хотимаёфта ҳисобида мешавад, новобаста аз он ки ҷиноятқор хостори содир намудани кирдори дар таҳдидаш ибрознамударо дошт ё не.

Тарафи субъективии таҳдиди куштан ё расонидни зарари вазнин ба саломатиро гуноҳ дар шакли қасди бевосита ташкил медиҳад. Мақсади ҷиноят нишонаи ҳатмӣ эътироф намешавад, яъне бо мақсади тарсонидан таҳдид кард ё дар воқеъ мақсади куштан ё расонидани зарари вазнин таҳдидро раво дида буд.

Субъекти ин ҷиноят, шахси воқеии мукаллафе эътироф мегардад, ки дар вақти содир намудани таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ ба синни шонздаҳсолагӣ расидааст.

Дар баъзе ҳолатҳо, таҳдиди куштан ё расонидани зарари вазнин ба саломатӣ дар ҷиноятҳои нисбатан вазнинтар ҳамчун аломати ҳатмӣ баромад намудааст, ки бандубасти иловагиро ҳамчун маҷмӯи ҷиноят бо м. 120 КҶ ҶТ-ро талаб намекунад. Мисол, дар диспозитсияҳои м.м. 138, 249 ва дигар моддаҳои Қисми махсуси Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ТДУ 343.359

МУШКИЛОТИ МУАЙЯНСОЗИИ НИШОНАҲОИ ОБЪЕКТИВИИ ТАРКИБИ ҶИНОЯТИ ФАЪОЛИЯТИ ҒАЙРИКОНУНИ БОНКӢ

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ШАВКАТЗОДА ИСКАНДАР ЁРМАМАТ
Сардори кабинети кафедраи омодагии касбӣ ва ҷисмонии факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти милитсия / Начальник кабинета профессиональной и физической подготовки факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, лейтенант милиции
E-mail: iskandar.shavkatzoda.@gmail.ru

МУРОДӢ БАҲОДУР АЗИМЗОДА
Сарнозири маркази тестии қисми таълими факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия / Главный инспектор тестового центра учебной части факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, капитан милиции
E-mail: murodi93@mail.ru

ОРЗИЗОДА ҲАБИБҶОН ОРЗӢ
Омӯзгори кафедраи омодагии касбӣ ва ҷисмонии факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, майори милитсия / Преподаватель кафедры профессиональной и физической подготовки факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, майор милиции
E-mail: orzuzodahabib395@gmail.com

Дар ҳуқуқи ҷиноятӣ барои як намуд ҷиноятро аз дигараш фарқ намудан институти махсус – таркиби ҷиноят истифода мешавад. Таркиби ҷиноят яке аз институтҳои марказии ҳуқуқи ҷинояти ба ҳисоб рафта, аҳамияти ҷидди доштанаш аз он

бармеояд, ки мутобиқи моддаи 11-и Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) «асоси ҷавобгарии ҷиноятӣ содир намудани кирдоре мебошад, ки дорои тамоми аломатҳои таркиби ҷиноятӣ дар ҳамин Кодекс пешбинигардида аст».

Аммо дар ягон моддаи КҶ ҶТ мушахасан аломатҳои таркиби ҷиноят муқаррар карда нашудааст, танҳо дар муқаррароти якчанд моддаҳо онҳоро мушоҳида кардан мумкин аст. Мисол, дар м. 2 КҶ ҶТ объекти ҷиноят, дар м.м. 22-24 Кодекси мазкур аломатҳои субъекти ҷиноят ва дар дигар моддаҳо бо тариқи умуми аломатҳои таркиби ҷиноят нишон дода шудааст[1].

Аз ин лиҳоз, дар асоси ақидаи умумиэътирофшудаи олимони соҳаи ҳуқуқи ҷинояти таркиби ҳар як ҷиноят аз аломатҳои объективӣ ва субъективӣ иборат мебошад, ки ҳангоми ҷой надоштани яке аз онҳо кирдор ҳамчун ҷиноят эътироф карда намешавад. Инчунин, аломатҳои объективӣ дар навбати худ ба ду элемент ҷудо карда мешавад: объекти ҷиноят ва тарафи объективии ҷиноят.

Объекти ҷиноят – он муносибатҳои ҷамъиятие эътироф мешаванд, ки аз тарафи қонуни ҷиноятӣ ҳифз карда мешаванд ёин ки ба онҳо кирдор (ҳаракат ёбеҳаракатӣ) равона карда шудааст ёҷиноятқор ба онҳо дахолат мекунад. Дар адабиёти ҳуқуқӣ-ҷиноятӣ оид ба масоили он, ки ба кадом муносибатҳои ҷамъиятӣ кирдори шахс таҷовуз меовараду, ақидаҳои гуногун ҷой доранд. Масалан, Куринов Б.А. дар яке аз асарҳои худ навишта буд: «Ҳамин тариқ, объекти ҷиноят танҳо муносибатҳои ҷамъиятии сотсиалистие мебошанд, ки аз ҷониби қонуни ҷиноятӣ ҳифз шуда метавонанд»[2].

Сабаби асосии ҷой доштани чунин ақида дар он мебошад, ки дар он замон сохти давлати шуравӣ хукмрон буд ва дар он давлат манфиати давлати сотсиалистӣ дар мадди аввал гузошта мешуд. Баъди аз байн рафтани он сохт вобаста ба мафҳуми объект дар байни олимони соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ гуногунақидагӣ ба вуҷуд омад. Чунки баъзе аз гурӯҳи олимон дар он ақида буданд, ки ба сифати объекти ҷиноят танҳо муносибатҳои ҷамъиятӣ баромад карда наметавонад[3]. Сабаб дар он аст, ки аз нигоҳи онҳо дар баъзе аз моддаҳои Кодекси ҷиноятӣ ба сифати объекти ҷиноят муносибати ҷамъиятӣ баромад карда наметавонад. Масалан, дар ҷинояти одамкушӣ (м. 104 КҶ ҶТ) ба сифати объект ҳаёти шахси дигар баромад мекунад, ки онро муносибати ҷамъиятӣ гуфтан на он кадар дуруст мебошад.

Дар ин ҷода Юлдошева Г.М. чунин қайд мекунад, ки «объекти ҷиноят манфиату неъматҳое, ки бо воситаи қонуни ҷиноятӣ давлат ба ҳифзи худ гирифтааст, ин ақида дуруст мебошад»[4]. Аммо гурӯҳи дигари муалифон дар он ақидаанд, ки объекти ҷиноят ин муносибатҳои ҷамъиятӣ мебошад, яъне мафҳуми дуюмро ҷонибдорӣ мекунанд. Масалан яке аз муалифони китоби дарсии «Ҷиноято дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ» Сафаров А.И. мафҳуми объекти ҷиноятро таҳлил карда ба хулосае омадааст, ки ба сифати объекти ҷиноят ин муносибати ҷамъияти баромад мекунад[5]. Дар баробари ин гурӯҳи сеюми олимони назарияи ҳуқуқи ҷиноятӣ масъалаи объекти ҷиноятро таҳлил карда мафҳуми сеюмро ҷонибдорӣ мекунанд. Мисол, Пашковская А.В. чунин овардааст, ки «ҳамин тариқ объекти ҷиноят ин он арзишҳои иҷтимоӣ, манфиатҳо, неъматҳо ва инчунин муносибатҳои ҷамъиятие мебошад, ки аз ҷониби қонуни ҷинояти ба ҳифз гирифта шуда, ҳангоми содир шудани ҷиноят ба онҳо кирдор таҷовуз мекунад»[6].

[1] Кодекси ҷиноятии ҶумҳурииТоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, № 574 (бо тағйиру иловаҳо то санаи 14.05.2025) // [Манбаи электронӣ] - Реҷаи воридшавӣ:: http://mmk.tj.

[2] Шарипов, Т.Ш., Сатторов, Ғ.С., Юлдошева, Г.М. [ва диг.]. Ҳуқуқи ҷинояти (Қисми умумӣ): китоби дарсӣ. – Душанбе, 2011. – С. 102.

[3] Сафаров, А.И., Саидов, Ш.Н., Қудратов, Н.А. Ҷиноятҳои иқтисодӣ: воситаи таълимӣ. – Душанбе: Империал-Групп, 2015. – С. 55.

[4] Шарипов, Т.Ш., Сатторов, Ғ.С., Юлдошева, Г.М. [ва диг.]. Асари зикршуда. – С. 302.

[5] Сафаров, А.И., Саидов, Ш.Н., Қудратов, Н.А. Асари зикршуда. – С. 10.

[6] Комиссаров, В.С., Крылова, Н.Е., Тяжкова, И.М. Уголовное право (Общая часть). – М.: Статут, 2012. – С 77

Фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ яке аз намудҳои соҳибкории ғайриқонунӣ мебошад. Вале вобаста ба хусусият ва дараҷаи ба ҷамъият хавфноки фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ қонунгузор онро ба таври алоҳида чун ҷинояти мушаххас дар м. 263 КҶ ҶТ муқаррар намудааст. Аз ин лиҳоз барои дуруст муайян кардани моддаи мушаххаси қисми махсуси Кодекси ҷиноятӣ донистани объекти хелӣ, намуди ва бевоситаи он зарур мебошад. Ба сифати объекти хелии ҷинояти мазкур, ки аз номи фасли он бармеояд, муносибатҳои ҷамъиятӣ дар соҳаи иқтисодиёт ба ҳисоб меравад. Ба сифати объекти намудиаш бошад, аз номи боби он гирифта шудааст, муносибатҳои ҷамъиятӣ дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ баромад мекунад.

Муайян кардани объекти бевоситаи ҷиноят барои банду баст кардани кирдор аҳамияти калон дорад. Барои он ки бо баробари муайян намудани объекти бевоситаи ҷиноят меъёри ҳуқуқие, ки мутобиқи он шахс ҷинояткор ҳисоб мешавад, аник карда мешавад. Бояд қайд кард, ки оиди он, ки ба сифати объекти бевоситаи ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ кадом муносибатҳои ҷамъиятӣ баромад мекунанд, дар байни олимон ақидаҳои гуногун ҷой доранд.

Масалан, Сафаров А.И. чунин қайд кардааст, ки «объекти бевоситаи ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ – муносибатҳои ҷамъиятие мебошанд, ки фаъолияти бонкҳо ва ёдигар ташкилотҳои қарзиро ҷиҳати ба амал баровардани фаъолияти бонкӣ ба танзим медароранд»[1]. Дар баробари ин олими ватанӣ Рахимзода Р.Ҳ. объекти бевоситаи ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкиро чунин қайд кардааст: «Объекти бевоситаи ҷинояти мазкур муносибатҳои ҷамъиятие маҳсуб мегарданд, ки барои таъмин намудани устувори ва эътимодияти системаи бонкӣ, мустахкам намудани соҳаи молия ва қарз дар ҷумҳурӣ равона карда шудаанд»[2]. Боз Комиссаров В.С. чунин қайд кардааст, ки объекти ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонки ин «тартиботи муайян кардаи қонуноиди таъмин кардани фаъолияти озодонаи бонкҳо ба ҳисоб меравад»[3]. Бояд чунин қайд кард, ки Маркунсов С.А. ақидаи Комисаров В.С.-ро оид ба объекти ҷинояти мазкур ҷонибдорӣ кардааст. Инчунин, ақидаи номбурдаро дигар олимони соҳаи ҳуқуқи ҷиноятӣ ҷонибдорӣ кардаанд. Дар баробари объекти бевоситаи асосии ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ баъзе аз гурӯҳи муҳакиққон қайд намудаанд, ки инчунин ҷинояти мазкур дорои объекти бевоситаи иловагӣ мебошанд.

Масалан, Саркисян А.Ж. дар рисолаи илмии худ қайд кардааст, ки объекти бевоситаиилovагии ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ, манфиатҳои молу мулкӣ (ҳуқуқ ба моликияти шаҳрвандон, макоматхои расмӣ ва давлат) баромад мекунад. Илова бар ин, Морозова Ю.В. оид ба м. 172-и КҶ Россия чунин қайд кардааст, ки объекти бевоситаи иловагии ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ манфиатҳои қонунии мизочони ташкилотҳои кредитӣ мебошанд.

Ҳамин тариқ, ҳамаи ин ақидаҳои номбар карда шударо таҳлил карда чунин хулоса кардан мункин аст, ки объекти бевоситаи ҷинояти мазкур муносибатҳои ҷамъияти оид ба тартиботи муайянкардаи қонун дар фаъолияти бонкҳо ва ёдигар ташкилотҳои қарзи (кредити), ки ҳангоми содир намудани ҷиноят ин муносибатҳо вайрон карда мешаванд баромад менамояд.

Бояд чунин қайд намуд, ки объекти ҷиноятро аз предмети ҷиноят фарқ бояд кард. Чи тавре, ки мо дар боло қайд кардем объекти ҷиноят ин муносибатҳои ҷамъиятӣ мебошанд, ки ҳангоми содир намудани ҷиноят онҳо зарар мебинанд ва ёзери тахдиди зарар қарор мегиранд. Объекти ҷиноят хусусияти маънавӣ дошта он тағйирнаёбанда аст

---

[1] Сафаров, А.И., Саидов, Ш.Н., Қудратов, Н.А. Асари зикршуда. – С. 55.
[2] Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон / Мухарири масъул Шарипов Ҳ.Ҳ. – Душанбе: Глобус. – С. 450.
[3] Комиссаров, В.С., Крылова, Н.Е., Тяжкова, И.М. Уголовное право: учебник. Изд- 2-ое перераб. – М.: Статут, 2014. – С. 30.

ва ҳеҷ чиноятеро дар Кодекси ҷиноятӣ ҷой надорад, ки объект надошта бошад. Предмети ҷиноят бошад ин ашёва ёдигар чизхои олами модди мебошад, ки ҳангоми ба он таъсир расонидан объекти ҷиноят зарар мебинад.

Мисол, ба сифати предмети ҷиноят баромад менамояд: пул, қоғазхои кимматнок, ҷавоҳиротҳо, сангхои кимматбаҳо ва ғайра. Аз ин талабот бармеояд, ки предмети ҷиноят дар олами моддӣ ҷой дошта ламзшаванда, тағйирёбанда, нестшаванда, ба чашм дидашаванда ва дорои дигар хусусиятҳои ба ҳамин монанд мебошад. Бояд қайд намуд, ки предмети ҷиноят на дар ҳама намуди ҷиноятҳо ҷой дорад.

Ҷиноятҳои дигаре вуҷуд доранд, ки дар қисми махсуси Кодекси ҷиноятӣ пешбинӣ карда шудаанду дорои объект буда, аммо предмет надоранд. Масалан, м. 104 КҶ ҶТ (Одамкушӣ); м. 138 КҶ ҶТ (Таҷовуз ба номус); м. 263 КҶ ҶТ (Фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ) ва ғайра. Лекин Гюлумян Л.А. оид ба м. 172-и КҶ ФР Россия қайд менамояд, ки ба сифати предмети ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ маблағхои пулии русӣ ва ё хориҷӣ, инчунин, металлхо ва сангхои кимматбахо баромад менамояд.

Аз нигоҳи мо, маблағхои пулии миллӣ ва ё асъори хориҷӣ инчунин, металлҳо ва сангхои кимматбахо, ки ҳангоми амалӣ намудани фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ аз шаҳрвандон, ташкилотҳо, барои анҷом додани амалиёти муайяне, ки бонк ичро менамояд гирифта мешавад ва ё маблағхои пулии даромаде, ки ҳангоми анҷом додани фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ ба даст оварда мешавад, ҳамчун предмети ҷинояти мазкур набуда, балки ҳамчун далели исботкунанда оиди ба чунин фаъолияти ғайриқонуни машғул шудан баромад мекунад, ки ба парвандаи ҷинояти аҳамияти далели шайъиро дорад. Аз ин лиҳоз, мувофиқи ақидаи мо инчунин аз таҳлили адабиётҳои гуногун, ки ба ҳамин мавзӯъ, яъне ба таҳлили ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ бахшида шудаанд ба хулосае омадан мумкин аст ки ҷинояти мазкур дорои предмет намебошад.

Ба сифати элементи дигари аломатҳои объективии ин тарафи объективии ҷиноят баромад мекунад. Бояд қайд намуд, ки ҳама намуди ҷиноят аз ду тараф (ботинӣ ва зоҳирӣ) иборат мебошанд. Дар ҳуқуқи ҷиноятӣ тарафи ботиниро тарафи субъективии ҷиноят, ки дар шуури инсон ифода ёфтааст ва тарафи зоҳириро бошад тарафи объективӣ, ки дар ҳаракат ёбеҳаракатии инсон ифода меёбад, меноманд. Тибқи талаботи қ. 1 м. 7 КҶ ҶТ «Ҳеч кас таҳти ҷавобгарии ҷиноятӣ қарор гирифта наметавонад ба ҷуз аз кирдори (ҳаракат ёбеҳаракатии) шахсии худ»[1].

Ҳамин хел, тарафи объективии ҷиноят гуфта ин амали зоҳирии кирдори барои ҷамъият хавфнокест, ки ба объекти аз ҷониби қонуни ҷиноятӣ ҳифзгардида таҷовуз мекунад, ки дар натиҷаи ин таҷовуз ба объект зарар мерасад. Тарафи объективии ҷиноят воқеияти ошкоро, зоҳиран амалкунанда бошад ҳам, дарк кардани он хеле мушкил аст. Мушкилӣ дар он ифода мегардад, ки ҷиноят аввалан дар тарафи ботинӣ зоҳир гашта ба шакли муайян медарояд ва пас аз ин он амалӣ карда мешавад, яъне аввал он дар шуури инсон таҳлил шуда сипас дар шакли муайян амалӣ мегардад.

Аз нуктаи назари дигар тарафи объективии ҷиноят чун объекти даркшаванда хеле муракаб бошад ҳам, бо осонӣ ошкор карда мешавад. Аслан дар Қисми умумии КҶ аломатҳои тарафи объективии ҷиноят муайян карда нашудааст, аммо дар ҳар як моддаи қисми махсуси КҶ аломатҳои тарафи объективи муайян карда шудааст, ки аз ин лиҳоз яке аз аломатии асосии таркиби ҷиноят ба ҳисоб меравад. Тамоми аломатҳои тарафи объективиро ба назар гирифта онҳоро ба ду гурӯҳ, яъне, асосӣ ва иловагӣ ҷудо кардан мумкин аст.

Аз нигоҳи мо, ба аломатҳои асосии тарафи объективии ҷиноят кирдор (ҳаракат ва беҳаракатӣ), оқибати барои ҷамъият хавфнок ва робитаи сабабии байни кирдори барои ҷамъият хавфнок ва оқибати хавфноки он дохил мешаванд. Ба аломатҳои иловагии та-

[1] Кодекси ҷиноятии ҶумҳурииТоҷикистон аз 21-уми майи с. 1998, № 574 (бо тағйиру иловаҳо то санаи 14.05.2025) // [Манбаи электронӣ] - Реҷаи воридшавӣ:: http://mmk.tj.

рафи объективӣ бошад ҷой, вақт, тарз, олот ва воситаи содиркунии ҷиноятро бояд дохил намуд. Дар баробари ин қайд намудан бамаврид аст, ки диспозитсияи ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ хусусияти бланкетӣ дошта аз ҳаракатҳои мустақили алтернативӣ иборат мебошад. Вобаста ба ин мафҳуми бонк ва фаъолияти бонкӣ дар дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ мустаҳкам гардидааст. Аз он ҷумла, мувофиқи Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Бонк ва фаъолияти бонкӣ» - бонк ин ташкилоти қарзие, ки мақсади асосиаш гирифтани фоида буда, дорои сармояи оинномавии барои он муқарраркардаи Бонки Миллии Тоҷикистон ва ҳуқуқи иҷрои на камтар аз се амалиёти зерин: ҷалби амонат ва пасандозҳо; додани қарз; кушодан ва пешбурди суратҳисобҳои бонкӣ мебошад[1].

Инчунин мутобиқи қонунгузории Тоҷикистон барои машғул шудан ба фаъолияти бонкӣ тавасути ба амал баровардани амалиётҳои бонкӣ зарур аст, ки аввалан ташкилоти қарзӣ бақайд гирифта шаванд. Дар асоси Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Бонки Милли Тоҷикистон» аз 28.06.2011 сол бонкҳо ташкилотҳои қарзии ғайрибонкӣ танҳо ба фаъолияте машғул мешаванд[2], ки Бонки Миллии Тоҷикистон иҷозат додааст ва онҳо танҳо дар асоси иҷозатномаи Бонки Миллии Тоҷикистон фаъолият менамоянд ва дар он ҷо худро ба қайд мегиранд.[3] Бо ин мақсад Бонки миллии Тоҷикистон ба ташкилотҳои қарзӣ иҷозатнома медиҳад, онҳоро дар феҳристи бақайдгирӣ сабт мекунад, стандартҳои назорати фаъолияти онҳоро таҳия намуда, тартиби татбиқи санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ва тавсияҳои худро муқаррар менамояд.

Хамин тарик, дар диспозитсияи м. 263 КҶ ҶТ қайд шудааст, ки тарафи объективии ҷинояти мазкур дар ҳаракати фаъоли зерин ифода меёбад: татбиқи фаъолияти бонкӣ (амалиёти бонкӣ) бидуни бақайдгирӣ ёиҷозатномаи махсус (литсензия) дар ҳолате, ки чунин иҷозатнома ҳатмӣ мебошад ёбо вайрон кардани шартҳои литсензиякунонӣ, агар ин кирдор бо ба даст овардани даромад ба миқдори калон вобаста бошад ёба манфиати шаҳрванд, ташкилотҳои тиҷоратӣ ёғайритиҷоратӣ ёдавлат ба миқдори калон зарар расонида бошад. Дар ин бора Комиссаров В.С. чунин қайд кардааст, ки тарафи объективии ҷинояти номбурда аз чунин ҳаракатҳо иборат мебошанд:

а) бидуни бақайдгирӣ;

б) бидуни иҷозатномаи махсус (литсензия) дар ҳолате, ки гирифтани чунин иҷозатнома (литсензия) ҳатмист;

в) бо вайрон кардани шартҳои литсензиякунонӣ оиди машғул шудан ба фаъолияти бонкӣ[4].

Яъне аз таҳлили ақидаи ӯ бармеояд, ки ҷинояти мазкур бо се ҳаракати мустақил содир карда мешавад, ки ин се ҳаракати мазкур низ дар диспозитсия м. 263 КҶ ҶТ низ дарҷ шудаанд.

Дар баробари ин Сафаров А.И., дар чунин ақида аст, ки тарафи объективии ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ аз ду ҳаракати мустақил иборат мебошад:

1. татбиқи фаъолияти бонкӣ (амалиёти бонкӣ) бидуни бақайдгирӣ ёиҷозатномаи махсус (литсензия) дар ҳолате, ки чунин иҷозатнома ҳатмӣ мебошад;
2. вайрон кардани шартҳои литсензиякунонӣ[5].

---

[1] Конуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи фаъолияти бонкӣ» аз 19-уми майи с. 2009, № 594 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2009, № 5, мод. 331; (Қонуни ҶТ аз 21.07.2010 № 623, аз 26.12.2011 № 782 аз 12.11.2013 № 1029, аз 27.11.2014 № 1154, аз 3.08.2018 № 1549, аз 20.06.2019 № 1626, аз 07.08.2020 № 1722, аз 13.11.2023 № 2004, аз 20.06.2024 №2072).

[2] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи Бонки миллии Тоҷикистон» аз 28-уми июня с. 2011, № 722 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с.2011, № 6, мод.435; с.2014, №7, қ.2, мод.409, мод.410; (Қонуни ҶТ аз 26.07.2014 № 1112, 1113, аз 3.08.2018 № 1548, аз 19.07.2019 № 1645, аз 07.08.2020 № 1721, аз 13.11.2023 № 2003, аз 20.06.2024 № 2070, аз 16.02.2026 № 2244.

[3] Ҳамон ҷо.

[4] Комиссаров, В.С., Крылова, Н.Е., Тяжкова, И.М. Асари зикршуда. – С. 30.

[5] Ҳамон ҷо. – С. 30.

Дар натиҷаи таҳлили дигар адабиётхо оиди он, ки тарафи объективии ҷинояти мазкур аз чанд ҳаракати мустақил иборат мебошад, ақидаи дигарро низ мушоҳида кардан мумкин аст. Масалан, Морозова Ю.В. чунин қайд кардааст, ки тарафи объективии ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ аз чунин ҳаракатҳои алтернативӣ иборат мебошад:

– амалӣ кардани фаъолияти бонкӣ бидуни бақайдгирӣ;

– амалӣ кардани фаъолияти бонкӣ (амалиёти бонкӣ) бидуни иҷозатномаи махсус (литсензия) дар ҳолате, ки чунин иҷозатнома (литсензия) ҳатмӣ мебошад.

Ҳамин тариқ, дар асоси таҳлили адабиёти гуногун ба хулосае омадан мумкин аст, ки тарафи объективии ҷинояти дар м. 263 КҶ ҶТ пешбинишуда, аз чунин ҳаракатхои мустақили алтернативии хусусияти бланкетидошта, иборат аст:

– бидуни бақайдгирӣ анҷом додани фаъолияти бонкӣ;

– бидуни иҷозатномаи махсус (литсензия) машғул шудан ба фаъолияти бонкӣ, дар ҳолате, ки гирифтани чунин иҷозатнома (литсензия) ҳатмист;

– бо вайрон кардани шартҳои литсензиякунонӣ оиди машғул шудан ба фаъолияти бонкӣ.

Инчунин, барои кирдори шахси гунаҳгорро бо ин модда бандубаст кардан танҳо анҷом додани ҳаракатхои дар боло зикр шуда аз ҷониби ӯ басандагӣ намекунад. Барои фаро расидани ҷавобгарии ҷиноятӣ бо м. 263 КҶ ҶТ, яъне, фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ ба ғайр аз кирдорҳои номбаршудаи тарафи объективии фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ, инчунин зарур аст, ки ин кирдорҳо бо ба даст овардани даромад ба миқдори калон вобаста бошад ё ба манфиати шаҳрванд, ташкилотҳои тиҷорати ва ё ғайритиҷорати ёин ки давлат ба миқдори калон зарар расонида бошанд.

Мутобиқи эзоҳи моддаи мазкур даромад ё зарар ба миқдори калон чунин даромад ё зарарест, ки маблағи он аз андозаи нишондиҳанда барои ҳисобҳо ҳадди ақал як ҳазор маротиба зиёдтар бошад. Шарти мазкур барои бандубаст кардани кирдори шахси гунаҳгор муҳим мебошад, дар сурати ба вуҷуд наомадани чунин оқибат мумкин аст дигар намуди ҷавобгарӣ ба вуҷуд ояд.

ТДУ 343.1

МОҲИЯТ ВА АҲАММИЯТИ ПРИНСИПҲОИ АДОЛАТИ СУДӢ

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ПРАВОСУДИЯ

ШАВКАТЗОДА ИСКАНДАР ЁРМАМАТ
Сардори кабинети кафедраи омодагии касбӣ ва ҷисмонии факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, лейтенанти милитсия / Начальник кабинета кафедры профессиональной и физической подготовки факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, лейтенант милиции
E-mail: iskandar.shavkatzoda.@gmail.ru

САЙФИДДИНЗОДА СУЛТОНХОН АҲРУЛЛО
Омӯзгори калони кафедраи омодагии касбӣ ва ҷисмонии факултети № 4-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, майори милитсия / Старший преподаватель кафедры профессиональной и физической подготовки факультета № 4 Академии МВД Республики Таджикистан, майор милиции
E-mail: iskandar.shavkatzoda.@gmail.ru

Баамалбарории адолати судӣ доир ба парвандаҳои ҷиноятӣ аз рӯйи қоидаҳои расмии умумиҳатмӣ ҷараён мегирад, ки онҳо дар ягонагӣ принсипҳои мурофиаи судии ҷиноятиро ташкил медиҳанд[1]. Қоидаҳои умумиҳатмӣ - принсипҳои баамалбарории адолати судӣ аз рӯйи мазмун ва моҳияти худ аз арзиши олӣ доштани ҳуқуқи инсон сарчашма мегиранд. Принсипҳои ба амалбарории адолати судӣ ба ҳам пайвастагии на танҳо мазмуни меъёрҳои ҳуқуқӣ, балки асосҳои ба ҳам алоқамандии амалҳои мурофиавӣ, меҳвари мурофиаи ҷиноятиро ташкил медиҳанд.

Истилоҳи «принсип» аз калимаи лотинӣ (principium)[2] бармеояд, ки мазмуни он ақидаи асосӣ, ғоя, қоида, усул, бунёд, таҳкурсӣ ё замина фаҳмида мешавад. Принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ гуфта, асосҳои роҳбарикунандаи мурофиаи ҷиноятиро меноманд, ки онҳо хусусиятҳои хос, табиати ҳуқуқӣ ва моҳияти мурофиаи ҷиноятиро ифода намуда, таъиноти мурофиаи ҷиноятиро дар доираи ташаккули анъанаҳои маънавӣ-фарҳангии миллӣ таҷассум менамоянд. Мурофиаи ҷиноятӣ маҷмуъи амалҳоеро дарбар мегирад, ки дар асоси принсипҳо-қоидаҳои умумиҳатмӣ ба амал бароварда мешаванд.

Принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ аз маҷмуъи қоидаҳои умумиҳатмие иборат мебошанд, ки дар меъёрҳои ҳуқуқӣ пешбинӣ шуда, таҳкурсии мурофиаи ҷиноятиро ташкил медиҳанд, ба ҳам пайвастагии мазмуни меъёрҳои ҳуқуқии мурофиаи ҷиноятӣ ва иҷроиши вазифаҳои мурофиаи ҷиноятиро, ки дар моддаи 2 Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КМҶ ҶТ) нишон дода шудааст[3], таъмин менамоянд.

На ҳама қоидҳои умумӣ метавонанд принсипи мурофиавии ҷиноятӣ эътироф шаванд. Принсипҳо бояд ҷавобгӯи як қатор талаботҳо бошанд:

а) принсипҳо на ҳама қоидаҳои худсарона интихобшуда оиди шакл ва тарзи мурофиавии ҷиноятӣ-судӣ, балки қоидаҳое мебошанд, ки ифодакунанда ва инъикоскунандаи асосҳои сохти сиёсӣ, иқтисодӣ, иҷтимоии ҳаёти ҷомеа ҳастанд;

[1] Устувории низоми судии Тоҷикистон: проблема ва мулоҳиза. – Д.: Матбуот, 2002. – С. 5-16
[2] Словарь иностранных слов. - М.: Наука, 1987. - С. 400.
[3] Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 3-юми декабри с. 2009 (бо тағйиру иловаҳо аз 03.01. 2024 № 2017) // [Манбаи электронӣ] - Реҷаи воридшавӣ: www.mmk.tj (санаи мурочиат 04.01.2024).

б) принсипҳо аз ҳуқуқи озодиҳои инсон сарчашма гирифта, кафолати боэътимоди риоя, иҷро ва амалӣ гаштани онҳоро таъмин менамоянд;

в) вазифаҳои мурофиаи ҷиноятӣ ҳамон вақт амалӣ мегарданд, ки агар ташкили тафтишот ва баррасии парвандаи ҷиноятӣ дар асоси қоидаҳои умумиэътироф гаштаи демократӣ ба роҳ монда шуда бошанд;

в) қоидаҳои умумиэътирофгашта ҳамон вақт принсип эътироф мегарданд, ки агар дар меъёрҳои ҳуқуқӣ пешбинӣ шуда бошанд, ба ҳам пайвастагии мазмуни меъёрҳои ҳуқуқии мурофиавии ҷиноятиро ифода намоянд, барои иҷроиши вазифа ва мақсади мурофиаи ҷиноятӣ шароити мусоид фароҳам оварда тавонанд;

г) дигар меъёрҳо бояд дар амал татбиқ гаштани қоидаҳои асосиро таъмин намоянд ва набояд мазмуни онҳо ба талаботҳои принсипҳои мурофиаи ҷиноятӣ мухолифат намоянд[1].

Ҳамин тавр, принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ – ин қоидаҳои умумиҳатмӣ ва асосҳои роҳбарикунандае мебошанд, ки аз ҳуқуқу озодиҳои инсон сарчашма гирифтаанд, моҳият ва таъиноти мурофиаи ҷиноятиро муайян карда, дар меъёрҳои ҳуқуқӣ инъикос ёфтаанд. Ҳадафи асосии принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ таъмини ба амалбарории адолати судӣ оиди парвандаҳои ҷиноятӣ мебошад.

Принсипҳо моҳияти ҳуқуқӣ доранд ва дар ҷараёни мурофиаи ҷиноятӣ дар шаклҳои гуногун ифода мешаванд:

а) онҳо моҳият ва хусусиятҳои хосси мурофиаи ҷиноятиро ифода менамояд;

б) онҳо низоми меъёрҳои ҳуқуқии хусусияти умумидоштаро ташкил дода, таҳкурсии асосии қонунгузории мурофиавии ҷиноятӣ ба ҳисоб мераванд;

в) вайрон кардани принсипҳо барои бекор кардани қарорҳои қабулшуда асос шуда метавонанд;

г) принсипҳои мурофиаи ҷиноятӣ иҷроиши вазифаҳои мурофиаи ҷиноятӣ ва ба амалбарории адолати судиро оиди парвандаҳои ҷиноятӣ таъмин менамоянд; д) присинпҳо моҳиятан аз неъмати олӣ, муқаддас эътироф шудани ҳуқуқу озодиҳои инсон бармеоянд;

е) принсипҳо қонуниятҳои ҳаёти ҷамъиятӣ ва давлатиро объективона инъикос менамоянд ва ба шароити сиёсӣ, иқтисодӣ- иҷтимоии ҳаёти ҷомеа мувофиқат мекунанд[2].

Моҳияти ҳуқуқӣ доштани принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ маънои онро надорад, ки онҳо танҳо дар меъёрҳои ҳуқуқи расмӣ пешбинӣ шудаанд. Принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ заминаи иҷтимоӣ-фарҳангӣ дошта аз ҳуқуқҳои фитрии инсон, анъанаҳои маънавии миллӣ сарчашма мегиранд, ки дар қонунгузории муосири мурофиавии ҷиноятии Тоҷикистон аввалин маротиба шакли расмӣ гирифтаанд ва хусусияти умумиҳатмӣ пайдо карданд. Бинобар ҳамин, беҳуда нест, ки принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ дар меъёрҳои қонуни асосӣ – Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон[3] пешбинӣ шудаанд. Принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ ҳаргиз натиҷаи нусхабардорӣ ё тақлид кардан ба қоидаҳои мурофиавии давлатҳои хориҷиро ифода намекунанд. Моҳият ва мазмуни онҳо таҷассуми сатҳи муосири ташаккул ёфтани ба амалбарории адолати судӣ ва таъмини адолати иҷтимоӣ дар Тоҷикистон мебошанд.

[1] Васильев, О.Л. Отечественное правосудие на перепутье / О.Л. Васильев // Журнал российского права. - 2001. - № 5.

[2] Вилкова, Т.Ю. Принципы уголовного судопроизводства и общие условия судебного разбирательства, характеризующие деятельность суда / Т.Ю. Вилкова // Российской юстиция. – 2017. -№ 1. - С. 35-36.

[3] Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 6-уми ноябри соли 1994 (бо тағйиру иловаҳои солҳои 1999, 2003 ва 2016) // [Манбаи электронӣ] - Реҷаи воридшавӣ: www.mmk.tj (санаи мурочиат 04.01.2024).

Конститутсияи амалкунанда Тоҷикистонро давлати соҳибихтиёр, демократӣ, ҳуқуқбунёд, дунявӣ ва ягона эълон кардааст (м. 1). Дахлнопазирии ҳаёт, қадр, номус ва ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрвандро давлат эътироф, риоя ва ҳифз менамояд ва воқеан амалӣ гаштани онҳоро кафолат медиҳад (м. 5). Дар амал татбиқ намудани ин қоидаҳо онро ифода мекунад, ки давлат ва ҳуқуқ пеш аз ҳама ва асосан барои инсон вуҷуд доранд, яъне талаботи аввалиндараҷаи аъзоёни ҷамъиятро воқеан инъикос менамояд, ҳаёти осоиштаи муътадил ва инкишофи озодонаро кафолат медиҳад. Ин нуқтаи назари инсонпарваронаи Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон дар принсипҳои дигари мурофиаи ҷиноятӣ ифодаи худро ёфтаанд. Зеро мазмуни фаъолияти мурофиавӣ - ҷиноятиро ҳимояи ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд аз ҷиноят ва ҷиноятқорӣ ташкил медиҳад.

Ба принсипҳои конститутсионии мурофиаи ҷиноятӣ чунин принсипҳо дохил мешаванд: принсипи қонуният; принсипи расмӣ-давлатӣ; принсипи ба амал баровардани адолати судӣ танҳо аз ҷониби суд; принсипи баробарҳуқуқии ҳама дар назди қонун ва суд; принсипи дахлнопазирии ҳуқуқу озодиҳои шахс; принсипи қадр ва номуси инсон; принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ; принсипи баҳодиҳӣ ба далелҳо аз рӯи ақидаи ботинӣ; принсипи сурат гирифтани мурофиа ба таври мубоҳиса ва дар асоси баробарии тарафҳо; принсипи ошкоро, бевосита ва шифоҳӣ баррасӣ намудани парвандаҳо; принсипи таъмини забони модарӣ дар мурофиаи ҷиноятӣ; принсипи озодии шикоят; принсипи иштироки шаҳрвандон дар мурофиаи судии ҷиноятӣ ва ғайраҳо. Принсипҳои мурофиаи ҷиноятӣ, ки дар боло зикршуданд ба пуррагӣ дар тамоми даврaҳои мурофиаи ҷиноятӣ амал мекунанд.

Дар адабиёти ҳуқуқӣ доир ба гурӯҳбандии низоми принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ нуқтаи назари дигарро низ дидан мумкин аст[1]. Ғуломов И.Ш. принсипҳои адолати судиро оиди парвандаҳои ҷиноятӣ аз рӯйи мазмун ва моҳияташон ба принсипҳои «қонуният» ва «мубоҳисавӣ» ҷудо намудааст. Ба ақидаи ӯ дигар принсипҳоро «қоидаҳои умумӣ» номидан дуруст аст, ки риоя ва иҷроиши принсипҳои қонуният ва мубоҳисавӣ будани мурофиаи ҷиноятиро таъмин менамоянд[2]. Баръакси ин ақида муаллифи дигар қайд мекунад, ки баъзе аз қоидаҳои мурофиавии ҷиноятӣ минбаъд бояд ба сифати принсипи мустақили мурофиавии ҷиноятӣ эътироф карда шаванд. Масалан, Агутина Н.В., ки манбаи ягонаи маънавӣ-фарҳангии миллӣ доштани принсипҳои мурофиаи ҷиноятиро эътироф намудааст, дар ҳамин раванд «баҳодиҳии озодонаи далелҳо»-ро принсипи асосии фаъолияти мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ дониста онро заминаи принсипи дигар - «аз рӯйи виҷдон» амал кардан номидааст[3]. Муаллиф пешниҳод кард, ки ин қоида ба эътироф шудани принсипи нави мурофиавии ҷиноятӣ – принсипи мустақилияти мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ низ мусоидат менамояд.

Бояд ќайд кард, ки баҳодиҳии озодона ба далелҳо, аз рӯи виҷдон амал кардан, мустақилияти мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ дар ҷараёни мурофиаи ҷиноятӣ аҳаммияти хоса доранд, лекин онҳо пурра ба талаботҳои принсипи мустақили мурофиаи ҷиноятӣ ҷавобгӯ нестанд. Принсип эътироф шудани баъзе аз қоидаҳои номбурда минбаъд ҳам дастгирӣ намеёбанд, чунки онҳо мазмуни ҷузъи талаботҳои

[1] Гафуров, Х.М. Судебная система Республики Таджикистан: Современное состояние и перспективы развития. - Душанбе: Ирфон, 2007. – С. 76.

[2] Гуломов, И.Ш. Принцип состязательности и реализация уголовно-процессуальных функций / И.Ш. Гуломов // В сб. научных трудов «Верховенство закона – основа укрепления независимости» / Под общ. ред. Рахматулоева А.Э. – Худжанд: Ношир, 2012. - С. 117-118.

[3] Агутина, Н.В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве: автореф…дисс. канд. юрид. Наук: 12.00.09 / Н.В. Агутина. - М.: 2007. - С. 10.

принсипи қонуниятро ифода мекунанд, бо ҳам пайвастагии дигар қоидаҳоро таъмин карда наметавонанд, на дар ҳамаи давраҳо, балки дар зинаи муайяни мурофиаи ҷиноятӣ ба роҳбарӣ гирифта мешаванд ва амал мекунанд. Масалан, мақомоти таъқиби ҷиноятӣ ба далелҳо аз нуқтаи назари кифоя будан барои ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахс баҳо медиҳад.

Суд, судя ба далелҳо аз нуқтаи назари кифоя буданашон барои ҳалли масъалаи гунаҳгор ё бегуноҳ будани судшаванда баҳо медиҳанд. Аммо ин қоидаи қобили амали танҳо зинаи баҳодиҳӣ ба далелҳо (як зинаи исботнамоӣ) ба шумор меравад. Дар акси ҳол ин қоида метавонад ба талаботҳои принсипи ҳамаҷониба, пурра, холисонаи муқаррар кардани ҳолатҳои содир шудани ҷиноят мухолифат намояд[1]. Мақомоти ваколатдори давлатӣ дар натиҷаи баҳодиҳӣ ба далелҳо бевосита дар бораи ҳолатҳои воқеӣ хулоса мебарорад. Хулосаи онҳо бевосита ташаккул ёфта нуқтаи назари бевоситаи онҳоро ифода мекунад. Яъне хулосаи онҳо – хулосаи новобаста, озодона, мустақилона, бедахолат, бевоситаи ботиниро (шахсиро) ифода мекунад. Баҳодиҳии озодона ба далелҳо танҳо дар ҷараёни исботнамоӣ (ҷамъоварӣ, санҷиши далелҳо) ба роҳбарӣ гирифта мешавад.

Қоидаи «аз рӯйи виҷдон» амал кардани мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ бошад, ҷузъи талаботи аз рӯи ақидаи ботинӣ баҳо додан ба далелҳоро ташкил медиҳад, ки аҳаммияти онро инкор кардан мумкин нест. Аммо ин қоида танҳо ба меъёри маънавӣ-ахлоқӣ мувофиқат кардани амалҳо ё хулосабарориро ифода мекунад, ки доираи амали он барои принсипи мустақили мурофиаи ҷиноятӣ эътироф шудан кофӣ нест.

Принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ мазмуни мустақил ва аҳаммияти хоси мурофиавӣ доранд, онҳо бо ҳамдигар алоқамандии зич дошта танҳо дар ягонагӣ моҳияти мурофиаи ҷиноятиро ифода ва инъикос карда метавонанд. Принсипҳои мурофиавии ҷиноятӣ кафолати таъмини амалӣ гаштани ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд дар ҷараёни пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ мебошанд.

Принсипҳои адолати судӣ оиди парвандаҳои ҷиноятӣ на танҳо дар ягонагӣ амал мекунанд, балки ба ҳам пайвастагии меъёрҳои моддӣ ва мурофиавӣ, ягонагии меъёрҳои ҳуқуқиро низ таъмин менамояд, ки барои мақсаднок, ба маврид, асоснок ва аз рӯйи адолат татбиқ гаштани меъёрҳои ҳуқуқӣ замина, таҳкурсии боэътимод тайёр мекунанд.

Принсипҳои мурофиаи ҷиноятӣ дараҷаи баланди умумӣ дошта, ба дигар меъёрҳо такя менамояд, ки онҳо низоми меъёрҳои мурофиавиро ташкил намуда, механизми таъсиррасонии мурофиаи ҷиноятиро ташкил менамоянд. Ин гуна алоқаманди, ки дар меъёрҳои қонунгузорӣ пешбинӣ карда шудаанд, таъминкунандаи ягонаи тартиботи мурофиави нисбати ҳамаи парвандаҳои ҷиноятӣ ва риояи қонуният дар марҳилаҳои мурофиаи ҷиноятӣ баромад мекунад[2].

Принсипҳои мурофиаи ҷиноятӣ дар ҳамаи марҳилаҳои мурофиа амал намуда, дар бисёр ҳолатҳо баъзе аз намуди онҳо вобаста аз вазифаҳояшон ҳангоми барраси намудани парвандаҳои ҷиноятӣ аз ҷониби мақомоти судӣ, ки дар як вақт ҳам принсипҳои мурофиа ва ҳам принсипҳои адолати судӣ ба ҳисоб меравад, амал мекунанд.

Принсипҳо моҳиятан дар худ риояи қонуниятро дар муносибатҳои ҷамъиятӣ ва ҳаёти давлатӣ инъикос мекунанд[3]. Мақомоти давлатӣ ва шахсони мансабдори он, ки

[1] Клеандров, М.И. Конституционные и законодательные особенности формирования судейского корпуса в государствах – участников СНГ / М.И. Клеандров // Российской юстиция. – 2018. - № 9. – С. 3.
[2] Зажитский, В.И. Правовые принципы в законодательстве Российской Федерации / В.И. Зажитский // Государство и право. – М.: 1996, №11. - С. 93-94
[3] Быков, В.Н. Принципы уголовного процесса / В.Н. Быков // Российская юстиция. – М.: 1994, № 8. С. 8-9

вазифаи тафтиш намудани парвандаи ҷиноятиро доранд бояд дар асоси принсипҳои муайян фаъолияти худро ба роҳ монанд, зеро дар сурати риоя накардани ин талаботҳо боиси ҷавобгариҳо дар қонун пешбинишуда мегардад. Амали шудани принсипҳои мурофиаи ҷиноятӣ ин риоя намудани ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрвандон ва самтҳои асосии пешгирифтаи давлат ба ҳисоб меравад[1]. Аз сабаби он ки мақомоти давлатӣ вазифа ва функисияҳои давлатро ба амал мебароранд, набояд дар тамоми соҳаи фаъолияти худ манфиатҳои қонунии инсон ва шаҳрвандонро поймол ва маҳдуд созанд.

Ҳамин тарз, намудҳои принсипҳои адолати судӣ оид ба парвандаҳои ҷиноятӣ иборатанд аз:

1. Принсипи қонуният – зери мафҳуми қонуният ин риояи бемайлон ва иҷрои якхелаи қонунҳо аз ҷумла Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, қонунҳои конститутсионӣ, қонунҳои ҷорӣ ва санадҳои меъёрию ҳуқуқӣ аз ҷониби мақомоти давлатӣ, иттиҳодияҳои ҷамъиятӣ, шахсони мансабдори онҳо, шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон дар давраи фаъолият ва ҳаёти худ ба ҳисоб меравад. Асоси ҳуқуқии батанзимдарории ин муносибат бо м. 42 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мустаҳкам карда мешавад.

Ин принсипи умумиҳуқуқӣ буда, бевосита ба мурофиаи ҷиноятӣ низ муносибат дорад. Дар қонунгузории мурофиаи ҷиноятӣ ин принсип ҳангоми баррасӣ намудани парвандаҳои ҷиноятӣ риоя карда мешавад. Судя, прокурор, муфаттиш, таҳқиқбаранда уҳдадоранд, ки дар фаъолияти худ меъёрҳои мурофиавӣ ва моддиро дар лаҳзаи оғоз кардани парвандаи ҷиноятӣ, тафтиши пешакӣ, омодагӣ ба муҳокимаи судӣ, тайёрии парванда ба маҷлиси судӣ, ҳангоми баррасии парванда, санҷида баромадани асоснок ва қонунӣ будани ҳукм аз ҷониби судҳои болоӣ бояд риоя карда шавад[2].

Принсипи қонуният ин таъминкунандаи дурусти мурофиаи ҷиноятӣ ба ҳисоб рафта нисбати ҳар як субъекти мурофиа, ки дар он иштирок менамояд дар шакли якхела татбиқ карда мешавад. Принсипи қонуниятро асосан шахсони мансабдори мақомоти давлатӣ, ки ба уҳдаи онҳо тафтиш намудани ҷиноят гузошта шудааст, риоя менамояд ва прокурор ҳамчун намояндаи давлат дар назорат аз болои иҷроиши қонунҳо назорат бурда, таъмини якхелаи онро кафолат медиҳад. Дар марҳилаи мурофиаи ҷиноятӣ прокурор ҳамчун шахси назоратбарандаи тафтишот, ки яке аз соҳаҳои назорати прокурорӣ ба ҳисоб меравад[3] аз болои фаъолияти мақомоти таҳқиқ, тафтиши пешакӣ ва мақомоте, ки фаъолияти оперативӣ-чустуҷӯиро ба амал мебароранд, назорат мебарад. Дар навбати худ прокурор аз болои санадҳои тартибдодашудаи судӣ назорат бурда нисбати ҳукмҳои ғайриқонунӣ ва беасоси судӣ эътироз меорад[4].

Риояи принсипи қонуният дар давраҳои мурофиаи ҷиноятӣ ва марҳилаҳои он ин қонунӣ оғоз намудани парвандаҳои ҷиноятӣ, гузаронидани тафтиши пешакии ҷиноят, интихоби чораҳои пешгирӣ, ба ҷавобгари кашидани шахсони ҷиноят содиркарда, озод намудани шахсони бегуноҳ аз ҷавобгарии ҷиноятӣ, додани баҳоҳои ҳуқуқии дуруст нисбати чинояти содиршуда, асоснок ва конуни кабул намудани санадхои суди мегардад.

2. Принсипи ҳифзи ҳуқуқу озодиҳои шахс ҳангоми пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ – дар Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Кодекси мурофиаи ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон мустаҳкам карда шуда ду ҷабҳаро дар бар мегирад: якум қадру қиммат, ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ин неъмати олӣ эътироф ва эълон карда шудааст, дуюм мақомоти давлатӣ, ташкилотҳои ҷамъиятӣ ва ғайра мақомотҳо, созмонҳо ва

[1] Искандаров, З.Ҳ. Ҳимояи судии ҳуқуқи инсон / З.Ҳ. Искандаров // Омӯзгор. – 2006. - № 6-7.
[2] Маҳмудов, М., Худоёров, Б. Суд: ҳалнома, ҳукм, таъинот, қарор. – Д.: Фирдавс, 1995. – С. 376.
[3] Прокуроры и судьи сели за парты // Народная газета. – 2006. – 27декабр. - № 52 (19554).
[4] Раҳмон, Ю. Назорати прокурорӣ: китоби дарсӣ. – Душанбе: Ирфон, 2019. – С. 21-30.

шахсони мансабдори онҳо уҳдадоранд, ки нисбати инсон боэҳтиромона муносибат намуда ва ҳуқуқу озодиҳои онро ҳимоя намоянд[1].

Қайд кардан ба маврид аст, ки дар вақти интихоб намудан ва татбиқи чораи пешгирӣ ба намуди ҳабси пешакӣ мувофиқи талаботи қонунгузории мурофиаи ҷиноятӣ бояд иҷозати прокурор гирифта шавад, лекин пас бо мутобиқи Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳабси пешакӣ танҳо бо қарори суд мумкин аст татбиқ карда шавад. Ҳимояи ҳуқуқи шахс ва дахлнопазирии манзил ҳангоми ба амал баровардани амали тафтишии кофтуков алоқамандӣ дорад.

Ба амал баровардани чорабиниҳои оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, ки ҳуқуқи конститутсионии шахрвандонро ба махфияти мукотибот, гуфтугӯиҳои телефонӣ, почта, телеграф ва дигар воситаҳои алоқа, ки бо алоқаҳои электронӣ ва алоқаҳои муассисавӣ алоқа дорад, инчунин ҳуқуқ ба дахлнопазирии манзил танҳо дар асоси иҷозати прокурор ба амал бароварда мешавад.

Гирифтани нишондодҳо аз ҷониби гумонбаршаванда, айбдоршаванда ё дигар гурӯҳи шахсон бо роҳи таҳдид, азобу шиканҷа додан ё бо роҳи дигари ғайриқонунӣ мумкин нест.

Агар дар рафти тафтиши ҷиноят шахс ба ҷавобгарии ҷиноятӣ ғайриқонунӣ ҷалб кардашуда, нисбати ӯ чораи пешгирӣ ба сифати ҳабси пешакӣ ё забонхат аз ҷойи истиқомат баромада нарафтан татбиқ шуда бошад ва ба ӯ зарар расонидашуда бошад, ин зарар дар ҳолати баровардани ҳукми сафедкунанда ё қатъ кардани парванда шуда бошад, он гоҳ аз ҷониби давлат бояд ба тариқи пурра новобаста аз гуноҳи судя, прокурор, муфаттиш, шахси таҳқиқбаранда бояд пурра пардохт карда шавад.

3. Принсипи ба амал баровардани адолати судӣ танҳо аз тарафи суд – санади батанзимдарори низоми судии Ҷумҳурии Тоҷикистонро м. 84 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар менамояд, ки гуфта шудааст:

– адолати судӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон танҳо аз тарафи мақомоти суд ба амал бароварда мешавад;

– низоми судии Ҷумҳурии Тоҷикистонро Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар менамояд;

– ташкил намудани судҳои фавқулода мумкин нест.

Барои ба танзим даровардани муносибатҳое, ки дар низоми судӣ ба вуҷуд омадаанд ба сифати асоси ҳуқуқи м.м. 84-92 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон, КМҶ ҶТ баромад мекунад. Меъёрҳои қайдгардида судҳое, ки ҳуқуқи ба амал баровардани адолати судиро доранд, парвандаҳои ҷиноятро ба танзим медароранд. Моҳияти ин принсип дар он ифода меёбад, ки танҳо суд дар доираи ваколати худ метавонад, судшавандаро гунаҳгор эътироф намуда, нисбати ӯ ҷазои ҷиноятиро мутобиқи қонунгузорӣ татбиқ намояд[2].

Пешбурди парвандаҳои ҷиноятӣ тибқи КМҶ ҶТ ба тариқи принсипи ошкоро амалӣ мегардад. Амали ин принсипро дар ҳама марҳилаҳои мурофиаи ҷиноятӣ дидан мумкин аст. Оғози парвандаи ҷиноятӣ, тафтиши пешакӣ, омодаги ба муҳокимаи судӣ ва маҷлиси судӣ ба тариқи махфӣ яъне пинҳонӣ анҷом дода намешаванд. Мутобиқи муқаррароти қонун иштирокчиёни мурофиаи ҷиноятӣ ҳуқуқи шинос шудан бо маводҳои парвандаи ҷиноятӣ, ҳуқуқи иштирок дар анҷом додани амалҳои тафтишӣ, ҳуқуқи арзу шикоят кардан, ҳуқуқи бо дархост мурочиат кардан, раддия баён кардан, ва дигар

[1] Химичев, Г.П. Принципы уголовного процесса. – М.: Норма, 1994. - С. 88.
[2] Горькин, А.Ф., Куликов, В.В. Рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции. - М.: Юрид. лит. 1982. - С. 134.; Химичев, Г.П. Принципы уголовного процесса. - М.: Норма, 1994. - С. 88.; Мартынович, И.И. Гласность советского уголовного судопроизводства. – М.: Экзамен, 1981. - С. 71.

имкониятҳои мурофиавиро доранд, ки бе ягон монеагӣ амалӣ мегардад. Дар ин марҳилаҳо ошкоро анҷом додашудани амалҳои мурофиавӣ ҷиноятӣ ҳадди худро дорад.

Маълумоти тафтиши пешакӣ, аз ҷумла, натиҷаи амалҳои тафтишотиро танҳо бо иҷозати шахси пешбарандаи таъқиби ҷиноятӣ ва ба андоза ва ҳадде, ки ӯ имконпазир медонад, фош кардан мумкин аст. Дар ҳолатҳои зарурӣ шахси пешбарандаи таъқиби ҷиноятӣ шоҳид, ҷабрдида, даъвогари гражданӣ, ҷавобгари гражданӣ, коршинос, мутахассис, тарҷумон, шахсони холис ва шахсони дигари ҳангоми пешбурди амали тафтишӣ иштирокдоштаро дар бораи норавоии фош кардани маълумоти тафтиши пешакӣ беиҷозати ӯ огоҳ месозад. Аз шахсони зикршуда дар хусуси огоҳ карда шуданашон оид ба ҷавобгарии ҷиноятӣ (м. 361 КҶ ҶТ) забонхат гирифта мешавад. Ин қоида низ махфиатро ифода намекунад, баръакс барои таъмини дахлнопазирии ҳуқуқу озодиҳои инсон ва шаҳрванд, амнияти иштирокчиёни мурофиаи ҷиноятӣ ва таъмини иҷроиши вазифаҳои мурофиаи ҷиноятӣ мусоидат менамояд.

Муҳокимаи судии парвандаҳои ҷиноятӣ ошкоро ва бевосита гузаронида мешаванд. Ҳама далелҳои ҷамъоварда ба суд пешниҳод шуда мавриди санҷиш ва баҳодиҳии бевосита ва ошкоро қарор дода мешавад. Суд, судя дар толори судӣ дар ҳузури тарафҳо далелҳои шайъиро азназар мегузаронад, протокол ва дигар ҳуҷҷатҳоро эълон мекунад ва дигар амалҳои судиро оид ба тафтиши далелҳо анҷом медиҳад. Оид ба ҳамаи масъалаҳое, ки ҳангоми муҳокимаи судӣ аз тарафи суд ҳал мегардад, суд таъинот (судя қарор) мебарорад, ки он дар маҷлиси суд ба иштирокчиён эълон карда мешавад.

Ошкоро гузаронида шудани маҷлиси судӣ низ ҳадди худро дорад, ки меъёри онро қонун муайян кардааст. Дар мавридҳои пешбиникардаи қонун маҷлиси судӣ оиди парвандаи ҷиноятӣ ба тариқи пӯшида анҷом дода мешавад. Тибқи м. 273 КМҶ ҶТ муҳокимаи пӯшидаи судӣ, бо таъиноти асосноки суд (қарори судя) оид ба парвандаҳои ҷиноятии шахсоне, ки ба синни 16 нарасидаанд, ба муқобили озодӣ ва дахлнопазирии ҷинсӣ ва ҷиноятҳои дорои сирри давлатӣ ва ҷиноятҳои дигар, ки бо мақсади пешгирии фош шудани маълумотҳои дорои сирри давлатӣ ва сирри дигар бо қонун ҳифзшаванда, ҷанбаҳои маҳрамонаи шахсони иштироккунандаи парванда ё маълумоте, ки шаъну эътибори онҳоро паст мезанад, инчунин дар ҳолатҳое, ки онро манфиати таъмини амниятӣ иштироккунандагони мурофиа ва шоҳидон ё хешовандони наздики онҳо талаб мекунад, гузаронида мешавад. Мутобиқи талаботҳои ҳамин моддаи қонун дар маҷлиси пӯшида барраси намудани парванда оид ба тамоми муҳокима ё қисмҳои алоҳидаи он паҳн шуда метавонад.

Парвандаи ҷиноятӣ дар маҷлиси пӯшидаи суд бо риояи қоидаҳои пешбурди судӣ барраси карда мешавад.

Шахсони иштироккунандаи маҷлиси ошкорои суд ҳуқуқ доранд рафти мурофиаи судиро ба магнитифон сабт намоянд. Аксбардорӣ ва сабти видео танҳо бо иҷозати раисикунанда ва ризои тарафҳо мумкин аст. Шахсоне, ки дар толори маҷлиси суд ҳузур доранд инчунин, шахсоне, ки мафиатдори мурофиа намебошанд вазифадоранд қоидаҳои талаботи маҷлиси судиро риоя намоянд.

Парвандаи ҷиноятӣ дар суд ба таври ошкоро муҳокима карда мешавад, лекин ин қоида маънои махфӣ ё пинҳонӣ баррасӣ ёфтани парвандаи ҷиноятиро надорад.

Муҳокимаи пӯшидаи судӣ танҳо дар ҳолатҳое, ки он ба фош шудани сирри давлатӣ ва сирри дигари бо қонун ҳифзшуда оварда мерасонад, ё оид ба парвандаҳои ҷиноятии шахсоне, ки ба синни 16 нарасидаанд, ба муқобили озодӣ ва дахлнопазирии ҷинсӣ ва ҷиноятҳои дигар, бо мақсади пешгирии фош шудани маълумоти ҷанбаҳои маҳрамонаи шахсони иштирокчии парванда ё маълумоте, ки шаъну эътибори онҳоро паст мезанад, инчунин дар ҳолатҳое, ки онро мафиати таъмини амнияти иштирокчиёни мурофиа ва шоҳидон ё хешовандони наздики онҳо талаб мекунад, мумкин аст

гузаронида шавад.

Таъиноти суд (қарори судя) ро дар хусуси дар маҷлиси пушида баррасӣ намудани парванда оид ба тамоми муҳокима ё қисмҳои алоҳидаи онро баровардан мумкин аст. Бо мақсади риояи махфияти мукотиба ва муросилоти телеграфӣ, тафтиш намудани мукотибаи хусусӣ ва иттилооти шахсии шаҳрвандон дар маҷлиси ошкорои суд танҳо бо розигии шахсоне, ки байни онҳо чунин мукотиба ё иттилооти телеграфӣ сурат гирифтааст, иҷозат дода мешавад. Мукотиба ва иттилоотӣ телеграфӣ дар маҷлиси пӯшидаи суд эълон ва тафтиш карда мешавад. Қоидаҳои зикршуда инчунин, ҳангоми тафтиши сабтҳои овоз ва видео, ки дорои хусусияти шахсӣ мебошанд татбиқ карда мешаванд.

Муҳокимаи ошкорои судӣ талаботҳои дигарро низ дар бар мегирад, аз ҷумла, шахсони иштирокчии маҷлиси ошкорои суд ҳуқуқ доранд рафти мурофиаро ба қоғаз ва ба магнитафон сабт намоянд. Суратгирӣ ва сабти видео танҳо бо иҷозати раисикунанда ва ризоияти тарафҳо мумкин аст. Ноболиғони то 16 сола, ба шарте, ки судшаванда, ҷабрдида ё аз рӯи парванда шоҳид набошанд, ба толори маҷлиси суд роҳ дода намешаванд.

УДК 343.851

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: РОЛЬ ВИКТИМОЛОГИИ

ПЕШГИРИИ ҶИНОЯТКОРӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН: НАҚШИ ВИКТИМОЛОГИЯ

ШАРИФЗОДА ВАФО
Доцент кафедры теории управления правоохранительной деятельности факультета № 1 Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции / Дотсенти кафедраи назарияи идоракунии фаъолияти ҳифзи ҳуқуқи факултети № 1-уми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, полковники милитсия
E-mail: vafo-84@mail.ru

Профилактика преступности в Республике Таджикистан играет важную роль в обеспечении безопасности и защите прав граждан. Одним из ключевых инструментов в этом процессе является виктимология - наука, изучающая жертвы преступлений и способы их защиты. Анализ данных по жертвам преступлений позволяет выявить основные причины и условия, способствующие совершению преступлений, разработать эффективные меры по их предотвращению. В данном контексте важно проводить профилактическую работу среди потенциальных жертв и преступников, а также сотрудничать с общественными организациями и государственными структурами для снижения уровня преступности в стране.

Высшими ценностями в Республике Таджикистан признаны человек, его жизнь, права и свободы. Согласно статье 5 Конституции страны, «человек, его право и свободы являются высшей ценностью. Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенный»[1]. Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон акцентирует внимание на важности защиты прав и свобод человека и гражданина. Он подчеркнул это на торжественном собрании, посвященном дню милиции. Как лидер государства, Эмома-

[1] Эмомали Рахмон. Выступление на торжественном собрании в честь дня таджикской милиции // Закон и общество. - № 46 (249). 2012.

ли Рахмон отметил, что Таджикистан в конце XX века начал строительство демократического правового и светского государства. С тех пор произошли значительные изменения во всех сферах общественной жизни, охватывая все структуры страны.

Органы внутренних дел в государстве получили особый статус в условиях глобализации и мирового финансового кризиса в СНГ. Криминальная ситуация усложнилась, что привело к уменьшению защищенности прав и свобод граждан и значительному увеличению уровня виктимизации общества. Уголовная статистика за 12 месяцев 2025 года по Республике Таджикистан отражает регистрацию 22 000 преступлений, но количество потерпевших от них может быть гораздо больше. Поэтому изучение жертв преступлений - одна из наиболее актуальных проблем, требующих решения. Ученые древности уделяли большое внимание этой научной теме.

Законы древних цивилизаций содержали строгие нормы и правила. Например, законы правителя Вавилона Хаммурапи устанавливали принцип возмездия: «Глаз за глаз», «Кость за кость», «Зуб за зуб». По XII таблицам законов, за членовредительство виновному наносилось то же повреждение[1]. Законы Ману также предусматривали ответственность за ложные обвинения и необоснованные иски. В случае доказанной нечестности исковых заявлений, виновные несли специальное наказание[2].

В современной криминологической науке также существует особый раздел – виктимология, предметом изучения, которого является жертва преступления. Согласно юридическому словарю Виктимология (лат. Victma - жертва) изучает личность жертвы, отношения между преступником и жертвой в целях предупреждения преступности[3].

В 60-х годах прошлого века в советском обществе начали активно изучать проблему жертв преступности. Известным основателем этого направления виктимологии был Л.В. Франк, который работал в Таджикском государственном университете в городе Душанбе. Впоследствии этой темой занимались такие выдающиеся ученые, как В.В. Вандышев, П.С. Дагель, В.П. Коновалов, В.С. Минская, В.И. Полубинский, Д.В. Ривман, В.Я. Рыбальская, Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, С.Я. Лебедев, В.Д.Малков, Г.М. Миньковский, А.Е. Наташев, В.А. Плешаков, В.П. Ревин, Н.А.Стручков. Их вклад в развитие виктимологии и разработку основных теоретических положений этой науки был огромен.

Преступность порождается различными явлениями социального, экономического, демократического и психологического характера. Однако во многих криминогенных ситуациях поведение жертвы преступного посягательства играет важную роль. Важно отметить, что в некоторых случаях правоохранительные органы Таджикистана уделяют недостаточное внимание виктимологическим аспектам в своей работе по противодействию преступности. При расследовании преступлений обычно акцент делается на личности преступника, в то время как жертва преступления остается в тени.

Очевидно, что фокус на личности преступника и его действиях понятен, однако необходимо учитывать, как отметил В.П. Полубинский, что преступление представляет собой систему, включающую в себя не только преступника, но и потерпевшего и само противоправное деяние. Таким образом, необходимо уделять должное внимание всем аспектам преступной ситуации для эффективной борьбы с преступностью[4].

Согласно исследованию В.И. Задорожного, помимо прочих методов предупреждения преступлений, необходимо уделять внимание виктимологической профилактике. Это средство поддержания безопасности жертвы и представляет собой часть системы предупрежде-

[1] Черниловский, З.М. История рабовладельческого государства и права. - М.,1959. - С. 89.
[2] Полубинский, В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький. 1979. - С. 5.
[3] Задорожный, В.И. Концептуальные основы виктимологический профилактики преступлений: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.08 / В.И. Задорожный. - М., 2006. - С. 7
[4] Полубинский, В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. - Горький. 1979. - С. 5.

ния преступлений. Виктимологическая профилактика состоит из нескольких взаимосвязанных блоков:

– участники с их функционально-организационной структурой;
– меры предупреждения;
– механизмы реализации[1].

Мы разделяем мнение автора о том, что в борьбе с преступностью необходимо уделять большое внимание виктимологической профилактике. Она предоставляет возможности для комплексного воздействия на причины и условия, способствующие преступности. Уже в 1967 году Абдель Фаттах отметил, что внимание исследователей сосредоточено на преступнике и самом преступлении, но не на жертве, что, возможно, стало причиной неудач в борьбе с преступностью[2]. Считаем, что в современном обществе такой подход все еще остается актуальным. Поэтому при разработке мер по предотвращению преступлений необходимо учитывать и позицию жертв. Важно помнить, что работа по выявлению потенциальных жертв преступлений не должна проводиться отдельно от установления лиц, готовых совершать правонарушения.

Предупредительная деятельность должна учитывать виктимологические особенности преступности конкретного государства. Виктимологическая профилактика важна в системе преступносте предупреждения, так как помогает устранить причины и условия, порождающие преступность, сделав это с помощью гуманных методов, направленных на жертв преступлений. Хотя виктимологическая профилактика не решает всех проблем, она значительно увеличивает уровень предотвращения преступлений и делает предупредительную деятельность последовательной.

Для эффективной предупредительной работы по отношению к определенным видам преступлений необходимо проводить направленную виктимологическую профилактику со стороны правоохранительных органов по отношению к определенным категориям лиц, которые могут стать жертвами преступлений в определенных ситуациях.

Для эффективной виктимологической профилактики в Республике Таджикистан необходимо принять ряд мер:

1. Разработать и принять необходимую законодательную базу для осуществления виктимологической профилактики.
2. Предотвращение возникновения или устранение причин и условий, способствующих жертвенности.
3. Выявление лиц с высоким уровнем жертвенности.
4. Проведение индивидуальной профилактической работы с такими лицами.
5. Контроль за нелегальной миграцией.
6. Сотрудничество правоохранительных органов Таджикистана и стран СНГ в этой области.
7. Проведение конференций, научных дискуссий и разработка рекомендаций по виктимологической профилактике.

Необходимо отметить, что в Республике Таджикистан недостаточно внимания уделяется виктимологической профилактике преступности в рамках предупредительной деятельности. Для эффективной работы в этом направлении следует обратиться к опыту развитых стран, в том числе Российской Федерации, в области виктимологического предупреждения преступности. Знание основ виктимологической науки поможет сотрудникам правоохранительных органов более успешно бороться с преступностью и обеспечить эффективную профилактику преступлений.

[1] Задорожный, В.И. Указ. раб. – С. 17.
[2] Фаттах, А. Виктимология: что это такое и каково ее будущее? / А. Фаттах // Международное криминологическое обозрение. Т.21. – Париж, 1976. - № 2-3.

В заключении можно сказать, что эффективная профилактика преступности в Таджикистане зависит от правильного использования принципов виктимологии. Она играет важную роль в предотвращении преступлений и создании безопасной общественной среды. Понимание жертв и их потребностей помогает разрабатывать эффективные стратегии предупреждения преступлений и защиты прав граждан. Виктимология становится неотъемлемой частью общественной безопасности и благополучия в республике.

ТАҲҚИҚОТИ ИЛМИИ АДЪЮНКТОН, АСПИРАНТОН, ДОКТОРАНТОН, УНВОНҶӮЁН ВА МАГИСТРАНТОН
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АДЪЮНКТОВ, АСПИРАНТОВ, ДОКТОРАНТОВ, СОИСКАТЕЛЕЙ И МАГИСТРАНТОВ

УДК 343.163:343.01(574)

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРАТУРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ: ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ СООТВЕТСТВУЮЩИХ МЕХАНИЗМОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

ВАКОЛАТҲОИ ИХТИЁРИИ ПРОКУРАТУРА ҲАМЧУН ВОСИТАИ СИЁСАТИ ҶИНОЯТӢ: АРЗЁБИИ САМАРАНОКИИ МЕХАНИЗМҲОИ ДАХЛДОР ДАР ҶУМҲУРИИ ҚАЗОҚИСТОН

АБУОВА-БАЙМАГАНБЕТОВА АКМАРАЛ АМАНГАЛИКЫЗЫ
Докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, юрист 1-го класса / Докторанти Академияи мақомоти ҳифзи ҳуқуқи дар назди Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Қазоқистон, магистри илмҳои ҳуқуқшиносӣ, ҳуқуқшиноси дараҷаи 1
e-mail: akmaral.abuova@bk.ru

Уголовная политика государства реализуется не только посредством принятия законов, устанавливающих запреты и санкции, но и через повседневные решения должностных лиц, наделённых полномочиями по применению этих законов. Среди всех участников уголовного судопроизводства именно прокурор занимает в данной системе уникальное и во многом определяющее положение. Будучи одновременно представителем государственного обвинения и органом надзора за законностью, он соединяет в своей деятельности нормотворческий замысел законодателя и правоприменительную реальность конкретного дела.

Принятие Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – УПК РК) 2014 года ознаменовало качественный сдвиг в архитектуре уголовного судопроизводства: роль прокурора была переосмыслена, его надзорные и координационные функции существенно расширены, а объём дискреционных полномочий значительно увеличен. Прокурор получил широкие возможности по прекращению уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, изменению квалификации деяния, отказу от поддержания обвинения, санкционированию следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан. Иными словами, реформа не только расширила компетенцию прокурора, но и возложила на него качественно новую ответственность за формирование содержательного вектора уголовной политики на уровне конкретных правоприменительных решений.

Между тем, расширение дискреционных полномочий само по себе не обеспечивает их эффективной реализации. Практика применения нового законодательства выявила ряд устойчивых системных проблем: оценочные критерии, заложенные в нормах УПК РК, нередко применяются формально; региональные различия в практике прекращения уголовных дел по однотипным составам достигают значительных масштабов; механизмы внешнего контроля за дискреционными решениями прокурора остаются недостаточно развитыми. Совокупность этих обстоятельств порождает закономерный вопрос: соответствуют ли действующие механизмы дискреции прокурора декларируемым целям казахстанской уголовной поли-

тики - обеспечению законности, справедливости и эффективности уголовного преследования?

Поэтому, в статье нами предпринимается попытка на основе анализа действующего законодательства, эмпирических данных и сравнительно-правового материала дать оценку эффективности механизмов дискреции прокурора в Республике Казахстан и предложить конкретные направления их совершенствования. Достижение указанной цели предполагает решение следующих задач: раскрыть понятие и структурные уровни дискреции прокурора применительно к механизму реализации уголовной политики; проанализировать законодательное регулирование дискреционных полномочий прокурора по УПК РК; оценить эффективность этих механизмов по трём ключевым критериям; выявить системные проблемы; предложить меры по их устранению с учётом зарубежного опыта.

Исследование выполнено на стыке уголовно-процессуального права, криминологии и сравнительного правоведения. Методологическую основу работы составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания.

Центральным методом исследования является сравнительно-правовой анализ: путём сопоставления законодательства и правоприменительной практики Казахстана, России, Беларуси и Кыргызстана выявляются сходства и различия в подходах к регулированию дискреции прокурора, определяются ориентиры для совершенствования казахстанской модели. Формально-юридический метод применяется при анализе норм Конституции Республики Казахстан, УПК РК 2014 года, приказов Генерального Прокурора Республики Казахстан, а также соответствующих норм УПК Российской Федерации и рекомендательных актов СНГ в сфере уголовного судопроизводства.

Эмпирическую базу исследования составляют: официальные статистические данные Генеральной прокуратуры Республики Казахстан о результатах надзорной деятельности за 2020–2023 годы; материалы обобщений прокурорской практики по вопросам прекращения уголовных дел; данные судебной статистики об отмене решений прокурора. Применение статистического метода позволяет выявить устойчивые тенденции в реализации дискреционных полномочий и оценить их динамику в исследуемый период.

Для оценки эффективности действующих механизмов используется авторская трёхкритериальная модель, включающая: (1) критерий законности – соответствие принимаемых решений требованиям закона, проверяемое через показатели судебной отмены; (2) критерий обоснованности – содержательное качество мотивировки дискреционных решений; (3) критерий транспарентности – открытость принятия решений для внешнего контроля и общественной проверки. Данная модель позволяет выйти за рамки традиционного формально-юридического анализа и дать содержательную оценку эффективности правоприменения.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие основные результаты исследования.

Во-первых, установлено, что законодательное регулирование дискреционных полномочий прокурора в Республике Казахстан характеризуется системным использованием оценочных категорий («достаточные основания», «общественный интерес», «тяжесть совершённого деяния») без закрепления нормативных критериев их содержательного наполнения. Ни УПК РК, ни подзаконные нормативные правовые акты, имеющие публичный статус, не устанавливают обязательных стандартов мотивировки дискреционных решений прокурора.

Во-вторых, по данным Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, в период 2020–2023 годов доля дел, прекращённых прокурором по нереабилитирующим основаниям, устойчиво составляла 12–14% от общего числа завершённых уголовных дел. Показатель судебной отмены прокурорских решений о прекращении не превышал 2–3%, что формально свидетельствует о высоком уровне соблюдения требований законности. Вместе с тем анализ материалов прокурорских проверок выявил широкое распространение формальной мотиви-

ровки постановлений, воспроизводящей законодательные формулировки без оценки конкретных обстоятельств дела[1].

В-третьих, зафиксированы существенные межрегиональные различия в практике применения дискреции при рассмотрении однотипных категорий дел, что свидетельствует об отсутствии единообразия правоприменения и недостаточности действующих механизмов ведомственной координации.

В-четвёртых, сравнительный анализ показал, что казахстанская модель дискреции прокурора занимает промежуточное положение среди государств СНГ: более структурирована, чем кыргызская, однако значительно уступает белорусской по степени детализации стандартов реализации дискреции. Российский опыт нормативного закрепления принципа «обоснованности обвинения» в качестве самостоятельного основания для отказа от уголовного преследования, а также британская практика детализированных публичных руководств (CPS Guidelines) признаны релевантными ориентирами для совершенствования казахстанского законодательства.

2.1. Дискреция прокурора в системе уголовной политики: теоретические основания

Дискреция прокурора как правовая категория давно вышло за рамки сугубо процессуального явления и стало предметом широкой научной дискуссии на стыке уголовно-процессуального права, криминологии и государственного управления. В теории уголовного процесса под дискреции прокурора понимается правомерная свобода прокурора избирать между двумя и более законными вариантами поведения, исходя из обстоятельств конкретного дела, профессионального суждения и целей уголовной политики. Принципиально важно, что данная свобода не является синонимом произвола: она ограничена принципами законности, равенства граждан перед законом, уважения прав и свобод человека, закреплёнными в Конституции Республики Казахстан, и представляет собой структурированную, нормативно опосредованную дискрецию[2].

Значение дискреции прокурора для уголовной политики определяется тем, что именно через него абстрактные нормативные установки законодателя трансформируются в конкретные правоприменительные решения.[3] Уголовная политика государства реализуется на трёх взаимосвязанных уровнях. На макроуровне прокурор участвует в формировании приоритетов уголовного преследования, определяя, какие категории правонарушений заслуживают первоочередного внимания в данный период. На мезоуровне он координирует деятельность органов, осуществляющих досудебное расследование, обеспечивая единство подходов в пределах своей территории. На микроуровне он принимает решения по каждому конкретному делу - о возбуждении или прекращении уголовного преследования, об изменении квалификации деяния, о выборе меры процессуального принуждения. Именно взаимодействие этих уровней определяет реальное содержание уголовной политики в отличие от её декларируемых целей. Разрыв между ними и есть главный предмет настоящего исследования.

2.2. Законодательные основания дискреционных полномочий прокурора по УПК РК

[1] Отчёт о работе прокуратуры Республики Казахстан за 2023 год / Генеральная прокуратура Республики Казахстан. – Астана: Генеральная прокуратура Республики Казахстан, 2024 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: file:///C:/Users/user/Downloads/_gluster_2024_7_24_3e234380caab99cc2dc13a3d35dec0c0_original.701380%20(1).pdf (дата обращения: 23.04.2026).

[2] Конституция Республики Казахстан: принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2023) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 19.04.2026).

[3] Ковтун, Н.Н. Усмотрение (дискреция) как категория современного уголовно-процессуального права / Н.Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2 (3). – С. 184–192 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://doi.org/10.17816/RJLS.23 (дата обращения: 22.04.2026).

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан 2014 года закрепил широкий спектр дискреционных полномочий прокурора, существенно отличающийся от аналогичного перечня по ранее действовавшему УПК 1997 года. Прежде всего это полномочие на прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием подозреваемого или обвиняемого (статья 65 УПК РК) и в связи с примирением сторон (статья 68 УПК РК). Оба основания относятся к числу нереабилитирующих и требуют от прокурора содержательной оценки совокупности обстоятельств – степени общественной опасности деяния, личности виновного, характера и полноты возмещения ущерба. Кроме того, УПК РК предоставляет прокурору право изменять обвинение в сторону смягчения на стадии судебного разбирательства (статья 301 УПК РК) и отказываться от поддержания обвинения при недостаточности доказательственной базы (статья 351 УПК РК)[1].

Анализ перечисленных норм обнаруживает характерную системную черту: законодатель конструирует основания для дискреционного решения через оценочные категории, не определяя ни их нормативного содержания, ни порядка документирования принятых решений. Такой подход создаёт значительную гибкость в правоприменении, однако одновременно порождает риски непоследовательности и в крайних случаях – злоупотреблений. Отсутствие обязательных стандартов мотивировки означает, что прокурор формально соблюдает закон, воспроизводя в постановлении о прекращении дела законодательную формулу, тогда как содержательная оценка обстоятельств конкретного дела может оставаться за рамками фиксируемого текста.

Следует также отметить, что приказы Генерального Прокурора Республики Казахстан, регламентирующие организацию надзора за законностью досудебного расследования, de facto восполняют часть законодательных пробелов, формируя ведомственные критерии реализации дискреции. Однако этот инструмент имеет два существенных ограничения. Во-первых, ведомственные нормативные акты обладают ограниченной публичностью и недоступны для широкого правоведческого анализа. Во-вторых, устанавливаемые ими стандарты носят организационно-надзорный, а не процессуально-правовой характер, что снижает их значение как гарантий прав участников судопроизводства.

2.3. Оценка эффективности по трём критериям

Критерий законности. По формальным показателям действующий механизм дискреции прокурора в целом выдерживает критерий законности. Доля судебной отмены прокурорских решений о прекращении уголовных дел в период 2020–2023 годов не превышала 2–3%, что сопоставимо с аналогичными показателями в государствах с устоявшимися процессуальными системами[2]. Вместе с тем, данный показатель отражает лишь «видимую часть айсберга»: он фиксирует исключительно те случаи, когда заинтересованные лица воспользовались правом на обжалование, и не позволяет выявить системные отклонения в правоприменении, не ставшие предметом судебного контроля.

Критерий обоснованности. Именно здесь действующий механизм демонстрирует наиболее выраженные дефекты. Анализ материалов прокурорских проверок свидетельствует о широком распространении так называемой «протокольной мотивировки» – воспроизведения в постановлении о прекращении дела законодательной формулы без раскрытия конкрет-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК (с изм. и доп. по состоянию на 16.09.2025) // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет» [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231 (дата обращения: 19.04.2026).

[2] Отчёт о работе прокуратуры Республики Казахстан за 2023 год / Генеральная прокуратура Республики Казахстан. – Астана: Генеральная прокуратура Республики Казахстан, 2024 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: file:///C:/Users/user/Downloads/_gluster_2024_7_24_3e234380caab99cc2dc13a3d35dec0c0_original.701380%20(1).pdf (дата обращения: 28.04.2026).

ных фактических обстоятельств, повлиявших на принятое решение. В таких случаях постановление становится юридически безупречным по форме, но лишённым содержательного обоснования по существу. Это существенно ограничивает возможности как вышестоящего прокурора по надзорной проверке принятых решений, так и заинтересованных участников процесса по формулированию обоснованной жалобы.

Критерий транспарентности. Действующая система характеризуется крайне низким уровнем публичности в сфере реализации дискреционных полномочий. Агрегированные данные о практике прекращения уголовных дел в региональном разрезе не публикуются в открытом доступе в формате, пригодном для независимого академического анализа. Институт судебного санкционирования охватывает лишь часть дискреционных решений прокурора — преимущественно те, что связаны с применением мер процессуального принуждения. Решения о прекращении уголовного преследования, об изменении квалификации деяния, о выборе формы досудебного расследования в значительной мере остаются вне сферы независимого судебного контроля.

2.4. Системные проблемы и их причины

На основании проведённого анализа можно выделить три взаимосвязанные системообразующие проблемы, определяющие нынешнее состояние механизма дискреции прокурора в Казахстане.

Первая проблема – правовая неопределённость пределов дискреции. Действующее законодательство не содержит нормативно закреплённого определения «общественного интереса» применительно к принятию решений о начале и продолжении уголовного преследования. Это понятие является ключевым в большинстве развитых правовых систем, использующих модель целесообразности уголовного преследования, однако его содержательное наполнение в казахстанском праве формируется исключительно правоприменительной практикой – непоследовательно и без публичного обсуждения. Отсутствие нормативных ориентиров порождает не только риски непоследовательного правоприменения, но и объективные трудности для самого прокурора, вынужденного действовать в условиях высокой степени правовой неопределённости.

Вторая проблема – дефицит институциональных ориентиров. В отличие от ряда государств, где стандарты дискреционного обвинения формируются посредством прецедентного права или детализированных публичных методических рекомендаций, казахстанская система полагается преимущественно на ведомственные нормативные акты ограниченной публичности. Это существенно затрудняет формирование единообразной практики, поскольку прокуроры в различных регионах страны лишены общедоступного ориентира при решении схожих вопросов. Зафиксированные межрегиональные различия в практике прекращения дел по нереабилитирующим основаниям являются прямым следствием данной проблемы.

Третья проблема – недостаточность внешнего контроля. Институт судебного санкционирования, введённый реформой 2014 года, распространяется преимущественно на решения прокурора, ограничивающие конституционные права граждан. За его рамками остаётся значительный массив дискреционных решений, напрямую влияющих на судьбу уголовного дела и права потерпевших: решения о прекращении преследования, об изменении квалификации, о выборе формы расследования. Ведомственный надзор со стороны вышестоящего прокурора, при всей его значимости, не обеспечивает того уровня независимости и публичности, который необходим для полноценного контроля над реализацией дискреции.

2.5. Сравнительно-правовой контекст

Помещение казахстанской модели в сравнительно-правовой контекст позволяет точнее определить направления её совершенствования. Среди государств — членов СНГ наименьшим уровнем формализации прокурорской дискреции отличается Кыргызстан, где широкие свободные от формализации полномочия прокурора фактически не сопровождаются публич-

ными критериями их реализации[1]. На противоположном полюсе находится Беларусь с детализированной регламентацией процедур применения дискреционных полномочий. Россия занимает промежуточную позицию, однако располагает одним важным инструментом, отсутствующим в казахстанском праве: принцип «обоснованности обвинения», закреплённый в статье 6 УПК РФ в качестве самостоятельного основания для отказа от уголовного преследования[2], создаёт нормативную точку отсчёта для формирования содержательных стандартов дискреции.

За пределами постсоветского пространства наиболее релевантным ориентиром представляется британская модель. Руководство для прокуроров Королевской прокуратуры (CPS Code for Crown Prosecutors) формулирует двухступенчатый тест для принятия решения о преследовании: достаточность доказательств и наличие публичного интереса[3]. Каждая из ступеней детально раскрыта через перечень конкретных факторов – как способствующих, так и препятствующих преследованию. Данное руководство является публичным документом, доступным гражданам, юристам и исследователям, что обеспечивает высокий уровень предсказуемости и подотчётности прокурорских решений. Адаптация этого подхода к казахстанским правовым реалиям представляется не только возможной, но и целесообразной.

2.6. Предложения по совершенствованию

На основании проведённого исследования предлагается следующий комплекс мер, направленных на повышение эффективности механизмов дискреции прокурора в Республике Казахстан.

1. Нормативная конкретизация оценочных критериев. Предлагается дополнить УПК РК нормой, раскрывающей содержание понятий «общественный интерес» и «достаточные основания» применительно к принятию прокурором решений о начале, продолжении и прекращении уголовного преследования. При разработке соответствующей нормы следует учитывать как опыт статьи 6 УПК РФ, так и структуру двухступенчатого теста британского руководства CPS, адаптировав их к специфике казахстанской правовой системы и принципам Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года[4].

2. Введение стандартизированных форм мотивировки дискреционных решений. Предлагается закрепить на уровне приказа Генерального Прокурора обязательную структуру постановлений о прекращении уголовного дела и об отказе от поддержания обвинения, включающую: указание на применённый критерий дискреции; изложение фактических обстоятельств, повлиявших на принятое решение; оценку альтернативных вариантов решения и обоснование их неприменимости. Данная мера не требует законодательных изменений, од-

[1] Петров, А.В. Прокурорское усмотрение в уголовном судопроизводстве стран СНГ: сравнительно-правовой анализ / А.В. Петров // Право и государство. – 2022. – № 3 (96). – С. 88–97 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://km.mnu.kz/ru/archiv/96/29-prokurorskoe-usmotrenie-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-stran-sng-sravnitelno-pravovoj-analiz (дата обращения: 22.04.2026).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ, ст. 6 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/9c0055b0210758105cac01789a12999ae05e7711/ (дата обращения: 23.04.2026).

[3] Crown Prosecution Service. The Code for Crown Prosecutors. London: Crown Prosecution Service, 2018 // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.cps.gov.uk/sites/default/files/documents/publications/Code-for-Crown-Prosecutors-October-2018.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

[4] Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года» // Акорда. [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/ob-utverzhdenii-koncepcii-pravovoi-politiki-respubliki-kazahstan-do-2030-goda (дата обращения: 25.04.2026).

нако способна существенно повысить как качество самих решений, так и возможности для их последующей проверки.

3. Расширение практики восстановительного правосудия как элемента дискреции прокурора. Институт медиации в уголовном судопроизводстве Казахстана закреплён законодательно, однако практически не используется по делам о преступлениях средней тяжести. Предлагается разработать методические рекомендации, обязывающие прокурора при рассмотрении вопроса о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям оценивать возможность применения примирительного урегулирования. Это соответствует принципам гуманизации уголовной политики, закреплённым в Концепции правовой политики, и международным стандартам в сфере восстановительного правосудия.

4. Введение ежегодной публичной отчётности о реализации дискреционных полномочий. Предлагается обязать Генеральную прокуратуру публиковать ежегодные данные о практике применения прокурорами дискреционных полномочий в разбивке по регионам и категориям дел. Данная мера не требует законодательных изменений и может быть реализована посредством расширения действующей формы статистической отчётности. Её практический эффект – создание основы для независимого мониторинга, выявления межрегиональных различий и публичного обсуждения приоритетов уголовной политики.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Дискреция прокурора является не факультативным, а конститутивным элементом механизма реализации уголовной политики: без него правовые нормы не могут быть адаптированы к многообразию жизненных ситуаций, а уголовная политика лишается необходимой гибкости. Вместе с тем дискреция, лишённая чётких нормативных ориентиров, надлежащих стандартов мотивировки и эффективного внешнего контроля, неизбежно превращается из инструмента справедливого правосудия в источник правовой неопределённости как для граждан, так и для самих прокуроров.

По результатам применения трёхкритериальной модели оценки установлено: действующие механизмы дискреции прокурора в Республике Казахстан в целом соответствуют формальному критерию законности, однако не в полной мере отвечают требованиям содержательной обоснованности и транспарентности. Выявленные системные дефекты – правовая неопределённость пределов дискреции, дефицит институциональных ориентиров и недостаточность внешнего контроля носят структурный характер и не могут быть устранены в рамках действующей модели без её целенаправленного совершенствования.

Предложенный комплекс мер – нормативная конкретизация оценочных критериев, стандартизация мотивировки дискреционных решений, расширение практики восстановительного правосудия и введение публичной отчётности направлен на устранение выявленных дефектов без коренного пересмотра архитектуры действующего уголовного судопроизводства. Меры разработаны с учётом международного опыта и совместимы с принципами Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года.

Научная значимость проведённого исследования определяется разработкой трёхкритериальной модели оценки эффективности дискреции прокурора, применимой как к анализу казахстанской правоприменительной практики, так и к сравнительно-правовым исследованиям в рамках пространства СНГ. Дальнейшее исследование в рамках диссертационного проекта предполагает эмпирическое тестирование предложенных критериев на материалах конкретных уголовных дел, а также углублённый сравнительный анализ с практикой государств-членов Шанхайской организации сотрудничества.

УДК 343.13

ПРИМЕНЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

ИСТИФОДАИ ВОСИТАҲОИ ИЛМӢ-ТЕХНИКӢ ДАР ТАФТИШОТИ ҲУҚУҚВАЙРОНИҲОИ ҶИНОЯТӢ ҲАМЧУН ОМИЛИ БАЛАНД БАРДОШТАНИ САМАРАНОКИИ МУҚОВИМАТ БА ҶИНОЯТКОРӢ

Айтмагамбетов Алмаз Сагындыкович
Докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, подполковник полиции / Докторанти Академияи мақомоти ҳифзи ҳуқуқи дар назди Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Қазоқистон, подполковники адлия
E-mail: dr.almaz@inbox.ru

Байгелов Ерболат Серикович
Ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем уголовного процесса Межведомственного научно-исследовательского института Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, советник юстиции / Ходими пешбари илмии Маркази таҳқиқоти масъалаҳои мурофиаи ҷиноятии Институти байнидоравии илмӣ-даҳқиқотии назди Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Қазоқистон, магистри илмҳои ҳуқуқшиносӣ, мушовири адлия
E-mail: 7340415@prokuror.gov.kz

Развитие современной преступности характеризуется не только сохранением традиционных форм противоправного поведения, но и их адаптацией к условиям цифровизации общественных отношений. Использование мобильной связи, интернет-коммуникаций, цифровых платформ, электронных носителей информации, систем видеонаблюдения и иных технологических решений изменяет не только способы совершения преступлений, но и механизм следообразования, способы сокрытия следов и последующего выявления доказательственной информации. В этих условиях эффективность противодействия преступности в возрастающей степени зависит от способности правоохранительных органов своевременно выявлять, фиксировать, изымать, сохранять и исследовать сведения, имеющие значение для уголовного дела, с использованием современных достижений науки и техники[1].

Государственный акцент на укреплении принципа «Закон и Порядок» в Казахстане и общая ориентация на повышение результативности правоохранительной деятельности в Таджикистане подтверждают, что данная проблематика имеет не только отраслевое, но и более широкое политико-правовое значение[2].

Актуальность исследования обусловлена тем, что на стадии досудебного производства формируется доказательственная основа для установления обстоятельств совершенного деяния, изобличения виновных лиц и обеспечения неотвратимости ответственности. Однако современная правоприменительная практика показывает, что нормативное и доктринальное

[1] См.: Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм» от 2 сентября 2024 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан; Информационное письмо Академии МВД Республики Таджикистан о проведении I Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы теории, законодательства и практики противодействия преступности в современный период».

понимание научно-технических средств во многом сохраняет традиционный, преимущественно инструментальный характер, тогда как реальная следственная деятельность уже включает обращение с цифровыми носителями, электронными данными, программной обработкой информации и иными технологически опосредованными формами получения доказательственных сведений. В результате возникает разрыв между классическим представлением о научно-технических средствах (далее - НТС) и современными задачами расследования.

Именно этот разрыв составляет центральную проблему настоящей статьи. Основной тезис исследования заключается в том, что в современных условиях научно-технические средства должны рассматриваться не только как вспомогательный инструментарий отдельных следственных действий, но и как один из структурных элементов системы противодействия преступности. От того, насколько полно и процессуально грамотно используются НТС, зависит не только качество фиксации доказательств, но и общая результативность выявления, раскрытия и расследования уголовных правонарушений.

В рамках настоящего исследования под научно-техническими средствами предлагается понимать совокупность приборов, устройств, материалов, программно-технических комплексов и иных средств, основанных на достижениях науки и техники и применяемых в установленном законом порядке для выявления, фиксации, изъятия, сохранения, исследования, воспроизведения и анализа информации, имеющей значение для уголовного дела. Данное определение исходит из необходимости охватить не только традиционные средства криминалистической техники, но и современные цифровые инструменты, посредством которых формируется, сохраняется и оценивается доказательственная информация. Такой расширенный подход представляется более адекватным современной практике расследования, чем узкое понимание НТС как исключительно приборов фиксации.

Целью исследования является выявление роли научно-технических средств в повышении эффективности расследования уголовных правонарушений как составной части современной системы противодействия преступности. Гипотеза состоит в том, что результативность выявления, раскрытия и расследования преступлений повышается при системном и процессуально грамотном применении научно-технических средств, тогда как их формальное, фрагментарное или неадаптированное к цифровой среде использование снижает возможности органов расследования по установлению фактических обстоятельств уголовно наказуемого деяния.

Научная новизна работы заключается в том, что НТС рассматриваются не только как криминалистический инструментарий, но и как фактор реализации государственной политики в сфере борьбы с преступностью. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы.

Современная система противодействия преступности предполагает не только предупреждение и пресечение противоправных деяний, но и обеспечение их своевременного раскрытия и качественного расследования. В этой связи значение научно-технических средств проявляется через конкретные механизмы влияния на досудебное производство. Во-первых, НТС обеспечивают выявление следов и иных объектов, имеющих доказательственное значение, включая нестабильные и быстро исчезающие данные. Во-вторых, они позволяют объективно фиксировать следственную ситуацию и содержание следственных действий, снижая риск искажения сведений вследствие субъективного восприятия. В-третьих, они обеспечивают изъятие и сохранение материальных и цифровых объектов в форме, позволяющей использовать их в дальнейшем доказывании. В-четвертых, НТС создают условия для исследования и анализа полученных данных, сопоставления источников информации и проверки следственных версий. В-пятых, они повышают воспроизводимость и проверяемость следственных действий, что усиливает устойчивость доказательственной базы.

Следовательно, значение НТС для противодействия преступности проявляется не абстрактно, а через воздействие на ключевые параметры расследования. Прежде всего они по-

вышают оперативность реагирования на преступление, поскольку позволяют быстро фиксировать следы и сохранять значимую информацию. Кроме того, они усиливают полноту доказывания, так как техническая фиксация и цифровое извлечение сведений дают следствию больший объем объективных данных по сравнению с одними лишь вербальными источниками. Не менее важно и то, что применение НТС повышает достоверность доказательственной информации, поскольку технический результат при надлежащем процессуальном оформлении обладает более высокой степенью проверяемости.

Наконец, НТС укрепляют доказательственную базу, а значит, непосредственно влияют на результативность уголовного преследования и реализацию принципа неотвратимости ответственности. Логика влияния научно-технических средств на результативность расследования и общую эффективность противодействия преступности представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Роль научно-технических средств в повышении эффективности противодействия преступности

Представленная схема показывает, что значение научно-технических средств не ограничивается только фиксацией отдельных следственных действий. Их системное применение охватывает весь процесс движения доказательственной информации — от выявления следов до усиления доказательственной базы, что в конечном итоге повышает результативность противодействия преступности.

Вместе с тем, именно в этой точке становится очевидной главная теоретико-практическая проблема: современное регулирование и традиционное понимание НТС во многом ориентированы на классические формы технической фиксации, тогда как современное расследование все чаще связано не только с использованием приборов и устройств, но и с обращением цифровых данных, программной обработкой информации и технологически опосредованным формированием доказательственного результата. Иначе говоря, закон и практика уже признают значение НТС, но уровень их нормативной и доктринальной разработки не всегда соответствует уровню технологической трансформации расследования.

Сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Казахстан и Республики Таджикистан подтверждает данный вывод. В Казахстане Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК РК) содержит специальное регулирование научно-технических средств в процессе доказывания, а также требует отражать в протоколе сведения о применении фотогра-

фирования, киносъемки, звуко- и видеозаписи и иных способов фиксации[1]. Дополнительно действуют специальные правила применения научно-технических средств фиксации хода и результатов следственных действий.[2] Тем самым казахстанская модель строится по логике общей дефиниции НТС и дополнительной подзаконной регламентации их процессуального использования.

В Таджикистане регулирование выстроено иначе. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) признает доказательственное значение аудио-, видеозаписей и электронных источников информации и детализирует отдельные гарантии применения звуко- и видеозаписи при допросе, включая отражение условий записи в протоколе и хранение соответствующих материалов при деле[3]. Однако, по данным доступных официальных источников, в таджикском регулировании отсутствует самостоятельная общая дефиниция НТС, аналогичная казахстанской модели, а процессуальные правила закрепляются преимущественно через отдельные нормы кодекса, посвященные конкретным способам технической фиксации. Следовательно, таджикская модель демонстрирует более точечную регламентацию отдельных процессуальных ситуаций, а казахстанская – более институционализированный подход.

С научной точки зрения это сравнение позволяет сделать важный вывод: и Казахстан, и Таджикистан исходят из признания допустимости и значимости технически опосредованной доказательственной информации, но обе модели пока в большей степени ориентированы на традиционные формы фиксации и не в полной мере отвечают на вопросы, связанные с обращением цифровых данных, программной обработкой информации и оценкой результатов использования более сложных технологических решений. Именно здесь и возникает необходимость дальнейшего развития законодательства и доктрины.

Потенциал научно-технических средств реализуется не в полной мере по нескольким причинам. Первая из них – неполная определенность самого понятия НТС. Традиционное понимание НТС как приборов и приспособлений уже не охватывает всего круга цифровых и программных инструментов, реально используемых в расследовании. Вторая проблема состоит в формальном подходе к применению НТС, когда фиксируется сам факт использования технического средства, но недостаточно подробно отражаются условия записи, характеристики устройства, способ сохранения информации и иные обстоятельства, важные для последующей проверки. Третья проблема связана с ростом роли цифровых данных и программной обработки информации, что ставит вопрос о границах допустимого использования технологических решений и об уровне процессуального контроля. Наконец, существенным препятствием остается недостаточная подготовка субъектов расследования, поскольку эффективность применения НТС зависит не только от наличия техники, но и от умения использовать ее в строгих пределах уголовно-процессуальной формы.

Именно поэтому наиболее перспективными представляются не общие призывы к совершенствованию законодательства, а более точные направления модернизации правового механизма применения НТС. В качестве приоритетных направлений совершенствования применения научно-технических средств при расследовании уголовных правонарушений предлагается: во-первых, дифференцировать научно-технические средства по уровню их технологической сложности и степени влияния на формирование доказательственной информации; во-вторых, нормативно закрепить обязанность документирования цифрового следа применения таких средств, включая сведения об устройстве, программной среде, времени, условиях фиксации и способе сохранения данных; в-третьих, выработать специальный про-

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК.
[2] См.: Приказ Генерального Прокурора Республики Казахстан от 22 сентября 2014 года № 91 «Об утверждении Правил применения научно-технических средств фиксации хода и результатов следственных действий».
[3] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2008 г. № 564.

цессуальный стандарт проверки доказательственной информации, полученной с использованием цифровых и программно-аналитических инструментов. Реализация указанных мер позволит повысить не только доказательственную устойчивость расследования, но и общую эффективность противодействия преступности в современных условиях.

Дифференциация НТС по уровню технологической сложности необходима потому, что не все средства одинаково влияют на содержание формируемого доказательственного результата. Одно дело — техническая фиксация обстоятельств события, другое — применение средств, предполагающих обработку, фильтрацию, реконструкцию или аналитическую интерпретацию данных. Следовательно, одинаковый процессуальный режим для всех видов НТС уже не отвечает требованиям современной доказательственной деятельности.

Не менее значимо и предложение о документировании цифрового следа применения НТС. В современных условиях правовое значение имеет не только конечный результат использования технического средства – запись, файл, изображение, извлеченные данные, но и прозрачность процесса его формирования. В этой связи процессуальному отражению должны подлежать сведения о виде и характеристиках устройства, используемой программной среде, дате, времени и условиях фиксации, способе извлечения, копирования и сохранения данных, а также последовательности действий, совершенных с цифровым объектом после его получения. Только при наличии такого комплекса сведений возможно обеспечить проверяемость, воспроизводимость и надлежащую оценку достоверности технически опосредованной доказательственной информации. При отсутствии подобных данных процессуальная устойчивость полученного результата существенно снижается.

Наконец, выработка специального процессуального стандарта проверки доказательственной информации, полученной с использованием цифровых и программно-аналитических инструментов, представляется необходимой потому, что традиционные подходы к оценке технической фиксации не всегда применимы к более сложным технологическим формам работы с информацией. Такой стандарт должен быть ориентирован на критерии проверяемости, воспроизводимости, целостности, неизменности и прозрачности условий получения результата.

Таким образом, научно-технические средства в современных условиях следует рассматривать не только как элемент уголовно-процессуальной техники, но и как один из ключевых инструментов современной системы противодействия преступности. Их значение определяется тем, что они способствуют более полному и объективному установлению обстоятельств уголовного правонарушения, повышают качество расследования, укрепляют доказательственную базу и тем самым усиливают возможности государства по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Однако для полной реализации этого потенциала необходимо преодолеть разрыв между традиционной моделью правового регулирования НТС и современными цифровыми вызовами. Именно в этом направлении, на наш взгляд, должно развиваться дальнейшее совершенствование механизмов расследования уголовных правонарушений в Казахстане и других государствах СНГ.

УДК 343.98:004

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА ОТ ВЕЩЕСТВЕННЫХ СЛЕДОВ К ЦИФРОВЫМ СТРУКТУРАМ

ТАҒЙИРИ ТАФАККУРИ ДАЛЕЛӢ ДАР ЗАМИНАИ ГУЗАРИШ АЗ НИШОНАҲОИ ШАЙЪӢ БА СОХТОРҲОИ РАҚАМӢ

АСКАРОВ АСЛАН АСКАРОВИЧ
Докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, капитан полиции / Докторанти Академияи мақомоти ҳифзи ҳуқуқи дар назди Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Қазоқистон, магистри илмҳои ҳуқуқшиносӣ, капитани политсия
E-mail: aslan.askarov.aaa@mail.ru

В условиях цифровизации правоохранительной деятельности криминалистика переживает изменения, затрагивающие не только методы получения доказательств, но и фундаментальные принципы их оценки. Эти изменения непосредственно отражаются на основе доказательственного мышления, сформированного в рамках традиционной криминалистической парадигмы. Если ранее предметом анализа выступали преимущественно материальные следы, обладающие относительной стабильностью и доступностью непосредственного восприятия, то в современных условиях все более значимую роль начинают играть цифровые объекты, существование которых неотделимо от технической среды их функционирования.

В Послании Главы государства народу Казахстана от 8 сентября 2025 года подчеркивается, что современный этап развития характеризуется усилением глобальных угроз, активным развитием искусственного интеллекта и масштабной цифровизацией общественных процессов, что обусловливает необходимость адаптации государственных институтов, включая правоохранительную систему, к новым условиям. В числе приоритетных задач обозначены построение цифрового государства, повышение прозрачности государственного управления и формирование эффективных механизмов противодействия киберпреступности[1].

На наш взгляд, ключевая проблема заключается не столько в появлении новых видов доказательств в криминалистической практике, сколько в несоответствии традиционных моделей ее восприятия и оценки реальной природы цифровых данных. Классическая криминалистическая логика исходит из того, что след представляет собой отражение события, которое может быть объективно зафиксировано и интерпретировано. Однако цифровая информация по своей природе не обладает подобной устойчивостью. Следует понимать, что она изменчива, зависит от программных и аппаратных условий, а также может быть воспроизведена, модифицирована или интерпретирована различными способами.

В ранее проведенных исследованиях было обосновано, что цифровые объекты следует рассматривать как самостоятельную категорию криминалистически значимой информации, обладающую специфическими свойствами, включая нематериальный характер, зависимость

[1] Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145

от технической среды и высокую уязвимость к изменениям[1]. Это обстоятельство, по нашему мнению, требует отказа от механического переноса традиционных подходов на цифровую среду и формирования новых принципов работы с такими объектами.

Дополнительный уровень сложности обусловлен тем, что современная цифровая среда характеризуется не только появлением новых источников информации, но и изменением масштаба ее формирования. Следователь в настоящее время сталкивается с массивами данных, объем которых зачастую превышает возможности их анализа. Это приводит к необходимости предварительного сбора информации, что неизбежно вносит элемент субъективности в процесс доказывания. Как отмечает С. Йоргенсен (S. Jorgensen) работа с цифровыми данными требует не только специальных технических навыков, но и знания механизмов формирования данных[2].

При этом сохраняются и усиливаются традиционные проблемы допустимости и достоверности доказательств. Нарушение процедур обращения с цифровыми данными может привести к утрате их доказательственной силы, что обусловлено их высокой чувствительностью к изменениям[3].

В то же время, Пауль В. Гримма (Paul W. Grimm) отмечает, что судебная практика демонстрирует отсутствие единообразного подхода к оценке таких доказательств, что связано с трудностями установления их подлинности и источника происхождения[4]. В условиях, когда данные могут быть легко скопированы, изменены или сгенерированы, возникает вопрос о границах доверия к цифровой информации.

В совокупности, происходящие изменения свидетельствуют о более глубоком сдвиге в криминалистике, выходящем за рамки технического обновления. Речь идет о трансформации самого доказательственного мышления, в рамках которого следователь все в меньшей степени выступает как наблюдатель материальных следов и все в большей степени как субъект, интерпретирующий сложные массивы цифровых данных. Это обстоятельство обусловливает необходимость научного осмысления новых подходов к восприятию, анализу и оценке цифровой информации в процессе доказывания.

В связи с этим возникает необходимость комплексного исследования трансформации доказательственного мышления в условиях цифровизации.

Целью настоящего исследования является анализ трансформации доказательственного мышления в условиях цифровизации правоохранительной деятельности, а также выявление ключевых проблем, возникающих при работе с цифровыми объектами и обоснование направлений их преодоления.

Научная новизна исследования заключается в смещении акцента с традиционного рассмотрения цифровых объектов как исключительно нового вида доказательств на анализ их влияния на изменение самой логики доказательственного мышления. В работе обосновывается необходимость формирования нового типа – цифрового доказательственного мышления, ориентированного на интерпретацию данных, оценку источников информации и принятие решений в условиях неопределенности.

---

[1] Аскаров, А.А. Роль цифровых объектов в криминалистике: особенности правового регулирования и доказательственного значения / А.А. Аскаров // Реализация цифрового законодательства в образовании Республики Казахстан и его правовые аспекты: материалы респ. науч.-практ. конф., 29 ноября 2024 г. – Алматы: Қазақ университеті, 2025. – С. 64–69.

[2] Jorgensen, S. Convergence of forensics, e-discovery, security, & law // Ave Maria Law Review. – 2014. – Vol. 12, No. 2. – Pp. 291-312.

[3] Wegman, J. Computer forensics: admissibility of evidence in criminal cases // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. – 2005. – Vol. 8, No. 1. – Pp. 1-12.

[4] Grimm, P.W. Authenticating digital evidence // GP Solo. – 2014. – Vol. 31, No. 5. – Pp. 47-49.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные методы познания, направленные на анализ трансформации доказательственного мышления в условиях цифровизации правоохранительной деятельности.

В рамках исследования использовались методы теоретического анализа, включая анализ и обобщение научной литературы по вопросам цифровой криминалистики, сравнительно-правовой анализ подходов к оценке цифровых доказательств, а также системный метод, позволивший рассмотреть изменения доказательственного процесса как комплексное явление.

Эмпирическую основу исследования составили результаты анкетирования специалистов, непосредственно участвующих в расследовании уголовных правонарушений. Анкетирование проводилось с целью выявления особенностей практического использования цифровых объектов, оценки уровня их распространенности, а также определения ключевых проблем, возникающих при работе с ними.

В исследовании приняли участие более 150 респондентов, представляющих различные правоохранительные органы, включая органы внутренних дел, прокуратуру и службу экономических расследований. Существенная часть участников обладает значительным профессиональным опытом, что обеспечивает репрезентативность полученных данных и позволяет рассматривать результаты как отражающие реальные практические тенденции.

Структура анкеты включала блоки вопросов, направленных на:

– определение частоты использования цифровых объектов в расследовании;
– оценку их актуальности и доказательственного значения;
– выявление трудностей, возникающих при извлечении и анализе цифровых данных;
– оценку необходимости разработки специализированных методик работы с цифровыми объектами.

Обработка полученных данных осуществлялась с использованием методов описательной статистики, а также сравнительного анализа ответов респондентов, что позволило выявить устойчивые тенденции и противоречия в восприятии цифровых объектов практикующими специалистами.

Применение указанных методов обеспечило комплексное исследование как теоретических, так и практических аспектов трансформации доказательственного мышления в условиях цифровизации.

Анализ современного состояния криминалистической деятельности показывает, что прежняя модель доказательственного мышления формировалась в условиях преобладания материальных следов. В рамках данной модели познавательная деятельность осуществлялась поэтапно: событие – его отражение в материальном следе – установление фактических обстоятельств. Логика мышления при таком подходе строилась по принципу «последовательности»: событие – след – вывод. Предполагались относительная стабильность доказательств, их физическая осязаемость и возможность интерпретации посредством непосредственной проверки. Основное внимание уделялось фиксации материальных объектов как носителей информации о событии и их последующей интерпретации.

Согласно П. Нойфельд (P. Neufeld), традиционная криминалистика на протяжении длительного времени основывалась на категоричных экспертных выводах без должной научной оценки, что ограничивает ее возможности в условиях усложнения доказательственной среды[1]. Это обстоятельство в очередной раз подтверждает необходимость переосмысления классических методов оценки доказательственной информации.

Вместе с тем, развитие цифровых технологий привело к существенному изменению характера доказательственной информации. В современных условиях значительную роль начинают играть цифровые объекты, представляющие собой данные, формируемые и суще-

[1] Neufeld, P. The trajectory of forensics // Duke Law Journal Online. – 2019–2020. – Vol. 69. – Pp. 17–21.

ствующие в рамках информационных систем. В отличие от традиционных следов, они не обладают материальной формой, зависят от технической среды и характеризуются высокой степенью изменяемости. Это обусловливает переход от восприятия следа как статичного отражения события к пониманию данных как динамичной, многослойной и контекстуально обусловленной информации.

Цифровая среда также характеризуется принципиально иным масштабом формирования доказательственной информации. Следователь сталкивается не с единичными объектами, а с массивами данных, объем которых зачастую значительно превышает возможности их непосредственного анализа. Это требует предварительного отбора, структурирования и интерпретации информации, что изменяет характер познавательной деятельности в процессе расследования. К тому же, А. Фергюсон (A. Ferguson) справедливо отмечает, «что значительная часть информации о деятельности человека в настоящее время фиксируется в цифровых данных и активно используется в процессе расследования»[1]. Это объясняет переход от анализа единичных следов к работе с массивами данных.

В целях проверки сформулированных теоретических положений, а также выявления особенностей практического использования цифровых объектов в правоохранительной деятельности было проведено анкетирование специалистов, непосредственно участвующих в расследовании уголовных правонарушений.

В исследовании приняли участие более 150 респондентов, среди которых значительную долю составили эксперты и криминалисты (70,5%). Основная часть опрошенных представлена сотрудниками органов внутренних дел (78,2%), а также органов прокуратуры (14,1%) и службы экономических расследований (3,8%). Существенная доля участников обладает значительным профессиональным опытом: 40,4% респондентов имеют стаж работы свыше 15 лет, 25% - от 10 до 15 лет, что позволяет рассматривать полученные результаты как отражающие практическую позицию специалистов с высокой степенью вовлеченности в процесс расследования.

Полученные в ходе анкетирования данные позволяют перейти от теоретического анализа к рассмотрению фактического состояния использования цифровых объектов в практике расследования.

Важным показателем, отражающим степень интеграции цифровых объектов в практику расследования, является частота их использования в профессиональной деятельности. Анализ данных показывает, что цифровые объекты используются на регулярной основе значительной частью респондентов. (рис. 1)

Рис.1. Частота использования цифровых объектов в расследовании преступлений

[1] Ferguson, A.G. Digital rummaging // Washington University Law Review. – 2024. – Vol. 101, No. 5. – Pp. 1473–1538.

Это позволяет сделать вывод, что цифровые объекты уже прочно закрепились в структуре доказательственной деятельности, однако уровень их использования остается неоднородным. Это указывает на сохраняющийся переходный характер цифровизации криминалистической практики.

С научной точки зрения более существенным представляется то обстоятельство, что даже при наличии значительной доли регулярного использования цифровых объектов их применение не носит полностью системного характера. Это позволяет предположить, что следователь сталкивается не столько с отсутствием инструментов, сколько с необходимостью адаптации собственных подходов к работе с цифровой информацией.

Логическим продолжением анализа является оценка актуальности использования цифровых объектов в криминалистике с позиции практикующих специалистов (рис. 2).

Анализ полученных данных показывает, что подавляющее большинство респондентов рассматривает применение цифровых объектов как актуальное, т.е. 41% опрошенных оценили их значимость как очень высокую.

Рис. 2. Оценка актуальности использования цифровых объектов

Полученные результаты свидетельствуют о практически единодушном восприятии цифровых объектов как важнейшего элемента современной криминалистической практики. Это указывает на то, что их использование воспринимается не как временная тенденция, а как устойчивое направление развития доказательственной деятельности.

Вместе с тем высокая оценка актуальности при сохранении неоднородности их фактического использования (рис. 1) позволяет выявить определенное противоречие между осознанием значимости цифровых данных и практическими возможностями их эффективного применения.

Выявленное противоречие между высокой оценкой актуальности цифровых объектов и неоднородностью их практического применения обусловливает необходимость анализа сложности работы с ними. Результаты анкетирования по данному вопросу представлены ниже (рис.3)

Рис. 3. Оценка сложности извлечения цифровых объектов

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что работа с цифровыми объектами не воспринимается как однозначно освоенная и стандартизированная деятельность. Напротив, значительное количество ответов, выражающих неопределенность, указывает на отсутствие устойчивых представлений о характере и уровне сложности данных процессов. Принципиальное значение имеет и тот факт, что выявленные причины затруднений не носят исключительно технический характер. Высокая доля ответов, отражающих неопределенность и неоднозначность, свидетельствует о наличии более глубоких проблем, связанных с восприятием и анализом цифровой информации.

В этой связи можно утверждать, что сложность работы с цифровыми объектами обусловлена не только их технической природой, но и необходимостью выработки новых подходов к их осмыслению. Это позволяет рассматривать выявленные затруднения как проявление переходного состояния доказательственного мышления следователя в условиях цифровой среды.

Представляется, что для более глубокого понимания природы выявленных затруднений необходимо проанализировать основные проблемы, возникающие при использовании цифровых объектов в качестве источников доказательственной информации.

Результаты анализа, показывают, что ключевыми проблемами являются технические сложности извлечения данных (35,9%), а также риски, связанные с возможной фальсификацией цифровых объектов (19,9%) (рис. 4).

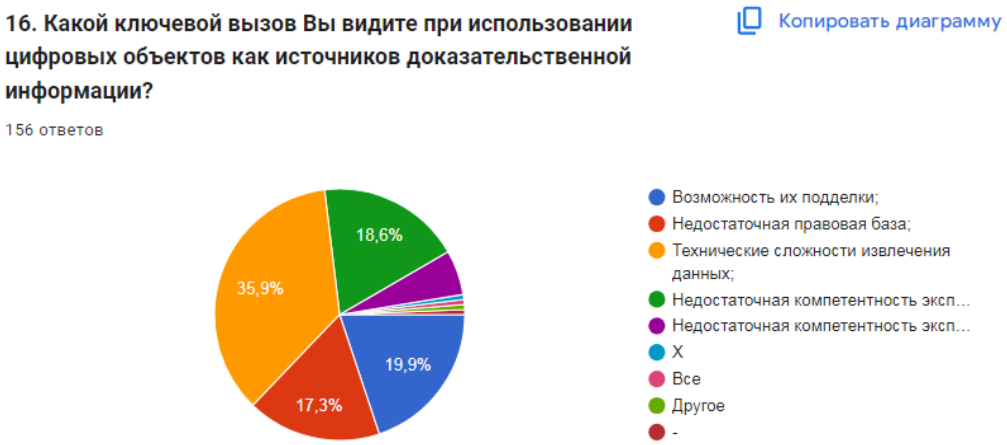


Рис. 4. Ключевые вызовы при использовании цифровых объектов

Г. Шварц (G. Schwartz) отмечает, что судебная практика нередко склонна переоценивать надежность цифровых доказательств, игнорируя особенности их формирования и воз-

можные ошибки, возникающие при использовании программных средств[1]. Это, в свою очередь, усиливает проблему доверия к цифровой информации и требует более строгого подхода к обращению с цифровыми объектами и данными. Важно подчеркнуть, что отсутствие явно доминирующей проблемы среди рассмотренных аспектов указывает на их внутреннюю, системную природу. Трудности, связанные с цифровыми объектами, не могут быть преодолены исключительно за счет совершенствования отдельных элементов – будь то технические средства или нормативное регулирование.

В этой связи можно предположить, что совокупность обозначенных проблем свидетельствует о необходимости формирования целостной, унифицированной системы работы с цифровыми данными. Речь идет не только о развитии отдельных инструментов или компетенций, но и о переосмыслении принципов восприятия и анализа доказательственной информации.

Важным элементом анализа выявленных проблем является оценка необходимости разработки самостоятельной методики установления цифровых объектов в криминалистике (рис. 5).

Анализ данных показывает, что большинство респондентов (55,8%) прямо указывают на необходимость разработки специализированной методики.

Также результаты заметно свидетельствуют о том, что существующие методические подходы не в полной мере соответствует современным условиям работы с цифровыми объектами. При этом значительная доля неопределенных и промежуточных оценок указывает на отсутствие сформированного единого представления о принципах работы с такими объектами.

Рис.5. Оценка необходимости разработки самостоятельной методики установления цифровых объектов

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что запрос на разработку новой методики отражает не только потребность в формализации процедур, но и необходимость переосмысления самих подходов к анализу доказательственной информации. Речь идет о переходе от традиционных моделей, ориентированных на работу с материальными следами, к новым принципам, основанным на интерпретации цифровых данных.

В этой связи можно утверждать, что выявленная потребность в разработке специализированной методики фактически отражает более глубокий процесс трансформации доказательственного мышления, связанный с необходимостью формирования новых когнитивных моделей работы с информацией.

В этих условиях следователь все в меньшей степени выступает как наблюдатель материальных следов и все в большей степени – как субъект, анализирующий сложные массивы

[1] Schwartz, G.D. When disciplines disagree: the admissibility of computer-generated forensic evidence in the criminal justice system // UCLA Law Review Discourse. – 2024. – Vol. 72. – Pp. 174–212.

данных, устанавливающий их происхождение, взаимосвязи и значение для расследуемого события. Это свидетельствует о формировании нового типа познавательной деятельности, ориентированной на работу с данными.

При этом в научной литературе М. Ниеми (M. Niemi) подчеркивается, что процесс юридического познания не сводится к применению формализованных методов, а представляет собой интерпретацию информации в зависимости от конкретной ситуации[1]. Данное положение позволяет глубже понять трансформацию роли следователя в условиях цифровизации.

Указанные изменения позволяют обосновать выделение нового типа доказательственного мышления, которое можно обозначить как цифровое доказательственное мышление. Данный тип мышления не является расширением традиционной модели, а представляет собой качественно иной способ познавательной деятельности. Он ориентирован на анализ массивов информации, оценку источников и условий формирования данных, учет их изменяемости, а также принятие решений в условиях неопределенности и вероятностного характера выводов.

Формирование такого типа мышления сопряжено с рядом системных затруднений, которые не могут быть сведены исключительно к организационным или техническим факторам. Их природа носит более глубокий характер и связана с несоответствием традиционной модели доказательственного мышления особенностям цифровой среды.

Следователь, ориентированный на работу с материальными следами, оказывается в ситуации, где объектом анализа выступают данные, не обладающие устойчивостью, не поддающиеся непосредственному восприятию и требующие интерпретации с учетом условий их формирования.

В этой связи стоит добавить, что проблема заключается не столько в недостатке профессиональной подготовки, сколько в отсутствии сформированной когнитивной модели, позволяющей воспринимать и анализировать цифровую информацию как специфический объект доказывания.

Существенным фактором также выступает сохраняющееся недоверие к цифровой информации, обусловленное ее спецификой и отсутствием единых стандартов оценки.

В совокупности указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости пересмотра существующих подходов к доказыванию. Речь идет не только о совершенствовании технических средств и процессуальных процедур, но и о переходе к формированию новых методик доказательственного мышления, ориентированных на эффективную работу с цифровыми объектами в условиях современной криминалистической практики.

Таким образом, выявленные данные указывают подтверждают, что трансформация криминалистической практики обусловлена не только внедрением новых технологий, но и необходимостью изменения самой логики доказательственного мышления. Без формирования новых когнитивных моделей эффективное использование цифровых объектов в процессе расследования остается ограниченным.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровизация правоохранительной деятельности оказывает комплексное влияние на криминалистику, затрагивая не только инструменты и методы расследования, но и фундаментальные основы доказательственного процесса. В условиях расширения роли цифровых объектов происходит трансформация самой природы доказательственной информации, которая приобретает динамичный, изменяемый и технологически обусловленный характер.

Результаты проведенного анкетирования подтверждают, что цифровые объекты уже заняли значимое место в практике расследования и воспринимаются специалистами как актуальный и необходимый элемент доказательственной деятельности. Вместе с тем выявлен-

[1] Niemi, M.I. Phronesis and forensics // Ratio Juris. – 2000. – Vol. 13, No. 4. – Pp. 392–404.

ные данные указывают на наличие существенных затруднений, связанных с их извлечением, анализом и оценкой. При этом данные затруднения носят не фрагментарный, а системный характер и обусловлены не только техническими и правовыми факторами, но и особенностями восприятия и анализа цифровой информации.

В этой связи ключевой вывод исследования заключается в том, что проблема использования цифровых объектов в криминалистике обусловлена не столько отсутствием технических средств или нормативного регулирования, сколько несоответствием традиционной модели доказательственного мышления современным условиям. Следователь, ориентированный на работу с материальными следами, сталкивается с необходимостью анализа данных, требующих интерпретации, оценки их происхождения, структуры и условий формирования.

Это позволяет обосновать выделение нового типа познавательной деятельности – цифрового доказательственного мышления, характеризующегося работой с массивами данных, вероятностным характером выводов и необходимостью принятия решений в условиях неопределенности.

В целях повышения эффективности использования цифровых объектов в процессе расследования представляется целесообразным:

– разработка и внедрение методик, ориентированных не только на регламентацию процессуальных действий, но и на формирование алгоритмов аналитической оценки цифровых объектов, включающих этапы идентификации, верификации, контекстуализации, сопоставления и интерпретации данных;

– совершенствование системы подготовки кадров с акцентом на развитие аналитических навыков, связанных с интерпретацией цифровой информации, выявлением ее взаимосвязей и оценкой достоверности;

– формирование единых подходов к оценке цифровых объектов как доказательств с учетом особенностей их формирования и возможности модификации;

– развитие институциональных механизмов, направленных на интеграцию цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов.

В совокупности полученные результаты подтверждают, что эффективное использование цифровых объектов невозможно без трансформации доказательственного мышления. В противном случае цифровизация правоохранительной деятельности будет носить преимущественно формальный характер, не приводя к качественному повышению эффективности расследования.

УДК 343.915

ФАКТОРЫ, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ ВИКТИМИЗАЦИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ВОВЛЕЧЕНИЕМ В СЕКСУАЛЬНУЮ ЭКСПЛУАТАЦИЮ

ОМИЛҲОЕ, КИ ВИКТИМИЗАТСИЯИ НОБОЛИҒОН АЗ ҶИНОЯТҲОИ МАРБУТ БА ҶАЛБ НАМУДАН БА ИСТИСМОРИ ҶИНСӢ МУАЙЯН МЕКУНАНД

Базаров Максуд Махмудович
Сотрудник УВД Бухарской области МВД Республики Узбекистан, капитан / Корманди РВКД вилояти Бухорои Ҷумҳурии Узбекистон, капитан

Одной из самых острых и неотложных задач, стоящих перед современным уголовным правом и криминологией, является защита несовершеннолетних, являющихся

наиболее уязвимым слоем общества, от преступных посягательств, в частности, от сексуальной эксплуатации и вовлечения в половые отношения. Преступления, направленные против половой неприкосновенности и свободы несовершеннолетних, не только наносят непоправимый вред здоровью и психике отдельной личности, но и угрожают генофонду и духовно-нравственным основам всей нации.

В последние годы центр криминологических исследований расширяется только от личности преступника к личности потерпевшего (виктимология), так как для полного понимания причин и условий преступления недостаточно изучить лишь злонамеренность агрессора; при этом необходим научно-правовой анализ того, почему потерпевший стал жертвой именно этого преступления, то есть факторов, обусловливающих уровень его виктимности.

Как отмечал немецкий криминолог и один из основоположников классической виктимологии Г. Хентиг, изучая отношения между преступником и жертвой, “в некоторых случаях социальная, биологическая или психологическая уязвимость жертвы служит для преступника своего рода магнитом[1]. Недоразвитая психика, правовая неграмотность и социальная неопытность несовершеннолетних превращают их именно в такой “магнит” для вербовщиков, которые привлекают их к сексуальной эксплуатации и сексуальным связям.

На пространстве СНГ, в частности, в российской криминологической школе данный вопрос изучен глубоко и системно. Выдающийся ученый-виктимолог, профессор Д.В. Ривман, оценивая виктимность несовершеннолетних, неразрывно связывает эту ситуацию не только с индивидуальными особенностями ребенка, но и с криминогенными деформациями в окружающей его микросреде (семья, школа, сверстники)[2]. Согласно научным выводам Ривмана, большинство детей, ставших жертвами сексуальных преступлений, являются лицами, пострадавшими от различных видов социального и семейного насилия еще до совершения преступления, отрезанными от механизмов социальной защиты.

При анализе объективной стороны преступления вовлечения несовершеннолетних в половую связь и виктимологических процессов в нем в глобальном масштабе выявляется, что комплекс факторов, приводящих к пострадании детей, является очень сложным и многоуровневым. Известный американский криминолог и ведущий специалист по детской виктимологии Дэвид Финкельхор в своей теории “Детская виктимология” делит факторы, обуславливающие становление несовершеннолетних жертвами сексуального насилия, на четыре крупные группы:

1) семейная среда, повышающая уязвимость ребенка;
2) социальная изоляция, создающая условия для беспрепятственного проникновения преступника;
3) не функционируют механизмы защиты государства и общества;
4) психологическая и материальная зависимость ребенка от агрессора[3].

Также французский криминолог Жан Пинатель в своих работах отмечает, что социальный статус жертвы используется преступником в качестве инструмента, подчеркивая, что наибольший риск подвергаются несовершеннолетние из маргинальной среды[4].

В отечественной науке уголовного права и криминологии также проведены важные исследования в этом направлении, в определенной степени проанализированы процессуальные механизмы защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации и их

[1] Hans von Hentig. The Criminal and His Victim: Studies in the Sociobiology of Crime. – New Haven: Yale University Press, 1948. – Pp. 384
[2] Ривман, Д.В. Криминальная виктимология. – СПб.: Питер, 2002. – С. 112-114.
[3] Finkelhor, D. Child Victimization: Maltreatment, Bullying and Dating Violence, Prevention and Intervention. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – Pp. 45-48.
[4] Pinatel, J. La Criminologie. – Paris: Éditions Spes, 1960. – Pp. 89-91.

виктимологический портрет. Однако сегодня в целях дальнейшего совершенствования оперативно-розыскной, профилактической и следственной деятельности требуется целостная и системная классификация социально-экономических, психологических и, в частности, вновь возникающих цифровых факторов, приводящих к вовлечению несовершеннолетних в сексуальные отношения.

С этой целью, в рамках данного исследования, на основе классических юридических и криминологических критериев, мы разделим основные факторы, обуславливающие страдания несовершеннолетних на два крупных блока - объективную (социально-экономическую, семейно-бытовую среду) и субъективную (индивидуально-психологическую и виртуально-цифровую) группы, проведя детальную правовую оценку каждой из них.

В криминологии и виктимологии виктимогенез (процесс превращения личности в жертву) объясняется прежде всего дефектами (недостатками) в семье и окружающей ее микросреде, которые являются первоначальным местом ее социализации. Анализируя детерминанты преступления вовлечения несовершеннолетних в половую связь, в качестве первого и наиболее сильного объективного фактора выступают семейная дисфункция и эмоциональное отчуждение.

Известный российский криминолог, профессор Ю.М. Антонян, фундаментально исследовавший семейный кризис и его криминогенные последствия, в своих работах глубоко освещает феномен “семейного отчуждения”. Ученый отмечает, что разрыв эмоциональных связей между родителями и детьми в семье, отсутствие любви и хронические конфликты создают тяжелый психологический вакуум у несовершеннолетнего[1]. Именно эта пустота заставляет ребенка искать “сочувствие” и “понимание” извне. Преступники, вовлекающие несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию (педофилы, сводники и вербовщики), очень быстро замечают такой эмоциональный голод и, выступая в качестве “ближайшего доверенного лица”, “защитника” ребенка, входят в его доверие.

Вторым крупным объективным фактором является социально-экономическая бедность и маргинализация. Неудовлетворение семьей базовых потребностей несовершеннолетних (пища, одежда, образование и воспитание) резко повышает уровень их виктимности. Известный британский криминолог и психолог Дэвид Фаррингтон в своих исследованиях в Кембридже доказал прямую корреляционную связь между экономической бедностью и делинквентностью и виктимностью несовершеннолетних[2]. Согласно его выводам, дети, растущие в условиях хронических финансовых затруднений, становятся крайне чувствительными к любому предложению, которое обещает дорогостоящие вещи, красивую одежду или “красивую жизнь”.

Практика преступлений сексуальной эксплуатации показывает, что рекрутеры в большинстве случаев нацеливаются именно на детей из малообеспеченных, многодетных или безработных семей (особенно девочек). Преступники используют их материальную уязвимость, предлагая им дорогие смартфоны, отвезти в рестораны или найти “легкую работу с хорошим доходом”. Пока ребенок не осознает, какая зловещая цель (сексуальная эксплуатация) скрывается за такой “помощью”, он оказывается под полным контролем преступника из-за сформировавшегося искусственного чувства “долга” по отношению к нему.

Такой фактор, как безнадзорность и беспризорность имеет особое криминологическое значение. Нынешние глобальные и региональные миграционные процессы, в частности, в результате длительного отъезда родителей на работу за границу, увеличивают количество случаев, когда дети остаются на попечении родственников или знако-

[1] Антонян, Ю.М. Преступность и психология. – М.: Юнити-Дана, 2020. – С. 145-148.
[2] Farrington, D.P. Childhood risk factors and risk-focused prevention. // The Oxford Handbook of Criminology (4th ed.). – Oxford University Press, 2007. – Pp. 602-605

мых. В такой ситуации резко ослабевает как физический, так и моральный контроль над несовершеннолетним. Удаление от школьного образования и бесконтрольность досуга приближают ребенка к уличной среде или бесконтрольному виртуальному пространству.

Российский криминолог А.И. Долгова отмечает, что безнадзорность несовершеннолетних является кратчайшим путем их попадания в криминогенную или виктимогенную среду[1]. Несовершеннолетние, оставшиеся без присмотра, часто примыкают к группам лиц старшего возраста, имеющих криминальный опыт. “Авторитетные” лица в таких группах сначала учат детей употреблять спиртные напитки или наркотики, а затем, пользуясь их беспомощным и зависимым положением, принуждают их к половому акту или занятию проституцией.

В заключение можно сказать, что совокупность таких объективных факторов, как семейная дисфункция, экономическая маргинализация и отсутствие родительского контроля, полностью разрушает внешнюю защитную оболочку несовершеннолетнего. Это создает идеальные условия для беспрепятственного приближения преступника к объекту посягательства и его сексуальной эксплуатации.

Наряду с объективными условиями вовлечения несовершеннолетних в половую связь, их субъективные, то есть индивидуально-психологические особенности также являются основной целью для преступников. Психическая нестабильность, чрезмерная доверчивость, подражание взрослым и стремление к самостоятельности в период перехода от детства к подростковому возрасту формируют специфический виктимологический портрет несовершеннолетних.

Как отмечал известный российский виктимолог В.А. Туляков, социальная неопытность и психологическое младенчество несовершеннолетних лишают их способности правильно оценивать реальную угрозу и критически мыслить. Преступники умело пользуются этой психологической уязвимостью, скрывая свои корыстные цели под маской заботы или дружбы[2]. Особенно в подростковом возрасте физиологическое развитие и повышение сексуального интереса, но непропорциональное формирование морально-правового сознания еще больше усиливают риск.

Известный немецкий криминолог Ганс-Дитер Швинд, анализируя подростковую криминологию, научно обосновывает, что сильное стремление несовершеннолетних к освобождению от родительского контроля и “самостоятельности” делает их более восприимчивыми к любым рискам и влиянию манипуляторов[3]. Ребенок всегда стремится чувствовать себя взрослым и легко поддается психологической обработке преступника, когда он говорит: «Теперь ты взрослый, можешь принимать собственные решения».

Сегодня эти традиционные психологические уязвимости переместились на совершенно новую и крайне опасную платформу - виртуальное (цифровое) пространство. Стремительное развитие информационных технологий породило новую форму сексуальной эксплуатации несовершеннолетних, известную как кибер-виктимизация. Британский исследователь, эксперт Джулия Дэвидсон, проводившая фундаментальные исследования по вопросам сексуального насилия в отношении детей в Интернете, в своих работах анализирует действия преступников в цифровом пространстве и утверждает, что анонимность и физическая дистанция в Интернете резко снижают естественный за-

[1] Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Норма, 2010. – С. 512-515.
[2] Туляков, В.А. Виктимология (социальные и криминологические проблемы). – Одесса: Юридическая литература, 2000. – С. 132-135.
[3] Schwind, H.-D. Kriminologie und Kriminalpolitik: Eine praxisorientierte Einführung mit Beispielen. – Heidelberg: Kriminalistik Verlag, 2011. – Pp. 245-248

щитный инстинкт (страх) несовершеннолетних[1][10]. Общение за экраном создает у ребенка лживое чувство безопасности.

В киберпространстве преступники широко используют метод "цифрового груминга" для вовлечения несовершеннолетних в половую связь. Преступник в социальных сетях (например, Telegram, Instagram, TikTok) выдает себя за сверстника подростка или за богатого, влиятельного человека. Через длительную переписку, виртуальные подарки и постоянную похвалу он входит в абсолютное доверие ребенка. После установления искусственной эмоциональной близости преступник просит несовершеннолетнего прислать фото или видеоматериалы интимного характера. После получения этих материалов психологическая манипуляция превращается в открытый шантаж. Преступник, угрожая показать материалы родителям или распространить их в сети Интернет, принуждает несовершеннолетнего в реальной жизни вступить в половую связь (проституцию) с собой или другими лицами.

В наших национальных условиях расширяется охват использования интернета несовершеннолетними, однако их недостаточная цифровая и правовая грамотность, а также отсутствие контроля со стороны родителей над виртуальной жизнью еще больше усугубляют криминогенное воздействие этих факторов. Таким образом, субъективная виктимность несовершеннолетних сегодня проявляется как крайне опасный синтез их естественной психологической доверчивости и бесконтрольности в интернете.

Криминологический и виктимологический анализ, проведенный выше, показывает, что преступление вовлечения несовершеннолетних в сексуальные отношения не происходит само по себе или случайно. Происхождение данного тяжкого преступления напрямую связано с высоким уровнем виктимности, формируемым в результате взаимного синтеза объективной (социально-экономическая беспомощность, семейная дисфункция, беспризорность) и субъективной (психологическое младенчество, доверчивость в цифровом пространстве) уязвимостей несовершеннолетнего.

Исходя из этого, в целях концептуального совершенствования механизмов виктимологической профилактики обеспечения сексуальной неприкосновенности несовершеннолетних и их защиты от преступных посягательств мы выдвигаем следующие научно-практические предложения:

1) Создание институционального механизма защиты на высоком уровне. Необходимо усилить стратегическую роль государства в реабилитации пострадавших, отказавшись от оказания краткосрочной и мелкой социальной помощи (например, единовременной материальной помощи). Для возвращения семей несовершеннолетних, пострадавших или находящихся в группе риска, в стабильную социальную среду необходимо строго закрепить в законодательстве механизмы их институциональной поддержки на высоком уровне - выделение целевых государственных субсидий, обеспечение стабильной занятости родителей и укрепление экономической базы семьи посредством льготных кредитов. Экономическая независимость семьи является основным препятствием для вовлечения несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию вследствие материальной зависимости.

2) Криминализация действий цифрового груминга. Учитывая, что сегодня первые контакты между преступником и несовершеннолетним формируются в виртуальном пространстве, предлагается внести специальную норму в национальный Уголовный кодекс. Согласно этой норме, действия по требованию от несовершеннолетнего материалов интимного характера или вовлечению его в виртуальное общение в сексуальных целях путем вступления в доверие - даже если в реальной жизни физическая встреча и половой акт не произошли, следует расценивать как оконченное преступление и устанавливать строгую ответственность.

[1] Davidson, J., Martellozzo, E. Exploring young people's use of social networking sites and digital media in the digital age. // Information, Communication & Society, 16(9), 2013. – Pp. 1456-1476

3) Внедрение единой электронной базы мониторинга. Разработка и внедрение в практику «Единого электронного реестра несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении», интегрированного с правоохранительными органами, махаллями, образовательными и медицинскими учреждениями, в целях раннего выявления криминогенной среды в безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних и дисфункциональных семьях. Данная цифровая база должна автоматически обобщать сигналы о том, что несовершеннолетний не ходит в школу, о конфликтах в семье или остается без присмотра, и предоставлять оперативным и профилактическим службам предупреждающую информацию до совершения преступления.

УДК 343.2/.7

ПОНЯТИЕ НАСИЛИЯ. СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПОНЯТИЙ НАСИЛИЯ

МАФҲУМИ «ЗӮРОВАРӢ». ТАНОСУБИ ҲУҚУҚӢ-ҶИНОЯТӢ ВА КРИМИНОЛОГИИ МАФҲУМҲОИ ЗӮРОВАРӢ

ДАЛАТОВА ФАРАНГЕЗ МАХМАДАМИНОВНА
Соискатель кафедры криминалистики и судебно-экспертной деятельности юридического факультета Таджикского национального университета / Унвонҷӯи кафедраи криминалистика ва фаъолияти судӣ-экспертии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Насилие сопровождало человечество практически во всех областях его жизнедеятельности. Оно проявлялось в ходе войн и вооружённых конфликтов, включая межэтнические и межрелигиозные столкновения, а также в политической борьбе. Кроме того, подобные проявления можно наблюдать в экономической, производственной и предпринимательской сферах, а также в семейно-бытовых отношениях и на производстве. Насилие встречается на различных уровнях социальных взаимодействий - от межличностного общения до межгосударственных отношений[1].

Изначально насилие возникло как один из способов урегулирования межличностных противоречий, например, при борьбе за пищу, территорию или в целях защиты потомства. С появлением человеческого общества его можно рассматривать как один из самых древних и примитивных методов разрешения социальных конфликтов. К таким проявлениям относятся, в частности, межплеменные войны, а также похищение и порабощение представителей других племён[2].

В древнерусском языке слово «насилие» было связано с целым рядом родственных понятий, отражавших разные смысловые оттенки: от активного противоборства до его последствий в виде травм и увечий, а также до представлений о победе как утверждении силы. При этом систематическое научное осмысление понятия «насилие» начало формироваться ещё в античной философии, в работах Платона, Аристотеля и других мыслителей.

Так, Ш. Монтескье отмечал, что сила, применяемая к человеку, может носить как физический, так и словесный характер. Он подчеркивал вред использования этой силы для по-

1 Антонян, Ю.М. Насилие. Человек. Общество. - М., 2001. - С. 33.
2 Иванцова, Н.В. Уголовная ответственность за общественно-опасное насилие: (вопросы теории и практики): монография / Н.В. Иванцова. - Чебоксары, 2006. - С. 8-9.

давления личности или установления над ней власти и рассматривал насилие в широком смысле. В его понимании оно включало не только убийства и иные посягательства на личность, но и проявления политического произвола.

Идеи Монтескье развил Ч. Беккариа в труде «О преступлениях и наказаниях». Он также трактовал насилие как несправедливое воздействие власти на человека, утверждая, что любое проявление власти человека над человеком, не обусловленное крайней необходимостью, является тиранией. Кроме того, Беккариа относил к насильственным деяниям преступления, нарушающие личную безопасность граждан, включая посягательства на их жизнь, имущество и честь.

Ф. Ницше, в свою очередь, обосновывал мысль о необходимости и даже определённой полезности насилия в жизни общества. Он распространял эту идею как на международный уровень, включая войны, так и на межличностные отношения. Более того, философ допускал проявление «насилия» человеком по отношению к самому себе как способ преодоления собственной лени, смирения, нигилизма и других внутренних слабостей.

По его мнению, сама жизнь в своей основе неизбежно связана с проявлением силы и в определённом смысле функционирует через насилие, без которого её основные процессы невозможно представить[1].

В современном русском языке понятие «насилие» трактуется в нескольких значениях. Во-первых, это применение физической силы к человеку; во-вторых, любое принудительное воздействие на кого-либо или что-либо; в-третьих, злоупотребление властью, притеснение и использование силы вне правовых норм; в-четвёртых, изнасилование. Таким образом, с точки зрения этимологии, насилие можно понимать как любое воздействие одного человека или группы лиц на другого человека или группу лиц против их воли. Подобное воздействие, как правило, имеет противоправный характер и приводит к негативным последствиям.

Вместе с тем А. И. Бойцов справедливо отмечал, что определить сущность насилия лишь через грамматическое или словарное толкование термина вряд ли возможно, поскольку такие подходы не раскрывают его полного содержания и многогранности[2].

С учётом философских, психологических, медицинских, социологических, криминологических, уголовно-правовых и других научных исследований содержание понятия «насилие» нередко существенно отличается от его этимологического значения. В связи с этим в различных научных областях сформировались разнообразные частно-научные определения насилия, содержание которых зависит от предмета, целей и задач конкретной дисциплины.

Так, в современной философии насилие рассматривается как применение силы, включая военную, одними людьми по отношению к другим в процессе достижения определённых целей. В психологии оно чаще всего интерпретируется через категорию агрессии. В антропологии М. Мосса насилие понимается как объективная составляющая социального бытия человека, которую общество должно контролировать и ограничивать. В политологии насилие определяется как подавление или принудительное ограничение свободы воли социального субъекта, осуществляемое социальными силами, стремящимися к власти, либо уже её реализующими, а также направленное на утверждение определённого порядка и удовлетворение политических, территориальных и иных интересов. Таким образом, можно сделать вывод, что в различных научных дисциплинах содержание понятия «насилие» существенно варьируется[3].

1 Ницше. Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1. - М., 1990. - С. 556.

2 Бойцов, А.И. Понятие насильственного преступления / А.И. Бойцов // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью. Межвузов, сб. статей / отв. ред. Н. А. Беляев, Д. А. Шестаков. - Л., 1988. - С. 139.

3 Толковый словарь русского языка. В 4-х т./ под ред. Ушакова Д.Н.: сост. Виноградов В. В., Винокур Г. О. и др. - М., 1994. Т. 2. - С. 428; Ожегов, С.И., Шведова НЛО. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук; Институт русского языка: Российский фонд культуры. - М., 1992. - С. 259-260.

Кроме того, возможно определение насилия в широком и узком смысле слова. Так, Ю.М. Антонян под насилием, в широком смысле слова, понимает «разрушение чего-либо, кого-либо, нанесение ущерба кому-то ради кого-то или чего-то»[1], А.А. Гусейнов «принуждение, ограничение свободы выбора», узурпацию свободной воли[2], А.Н. Классен и А.Ю. Анохин - «всякое принижение человека, все то, что ведет к ущемлению физических и духовных взглядов на жизнь индивидов, мешает им овладеть полнотой возможностей личностного характера», независимо от наличия целей и их содержания у насильника, их противозаконности.

В узком смысле насилие понимается как воздействие, направленное непосредственно на человека (личность). Разработка данного понятия относится к сфере уголовного права и осуществляется на основе теоретических положений и судебной практики. Однако даже в рамках уголовно-правовой науки до настоящего времени не сформировано единого общепринятого определения насилия.

Если обратиться к древним правовым источникам, можно заметить, что негативные последствия насилия осознавались уже в глубокой древности. Подобные представления отражены, например, в законах Хаммурапи (XVIII в. до н.э.), в Законах Ману (II–I вв. до н.э.), а также в Законах XII таблиц (I в. до н.э.). Вместе с тем в этих правовых системах защита жизни и здоровья в значительной степени распространялась прежде всего на имущие слои населения и представителей власти[3].

Термины «насилие», «насильственное» и «насильство» применялись при формировании составов преступлений на разных этапах развития российского уголовного права, начиная с «Русской Правды», где уже были закреплены такие проявления, как убийство и причинение вреда здоровью.

Некоторые исследователи, в частности Н.А. Неклюдов и Л.С. Белогриц-Котляревский трактовали насилие как любое противоправное принуждение, которое не обязательно связано со смертью или телесными повреждениями. Так, Н.А. Неклюдов определял насилие как совокупность действий, направленных на личность и вынуждающих её терпеть нежелательное или совершать то, чего она не хочет. При этом важным элементом он считал принуждение как ограничение свободы поведения человека, то есть лишение его возможности действовать и самостоятельно распоряжаться собой[4].

Л.С. Белогриц-Котляревский рассматривал насилие прежде всего как ограничение свободы личности, понимаемое им как «стеснение свободы лица». Кроме того, он относил к насилию преступные действия, которые охватывают не только физическое принуждение, но и воздействие через угрозу. Таким образом, в его понимании насилие включало как применение силы, так и психическое принуждение, выраженное в запугивании[5].

А.А. Жижеленко и П.И. Люблинский, оставаясь в определённой степени в рамках традиций старой школы русского уголовного права, тем не менее существенно расширили понимание физического воздействия на человека. Они включали в него более широкий круг насильственных посягательств, направленных против жизни, здоровья и личной свободы[6].

С одной стороны, А.А. Жижеленко понимал насилие как умышленное воздействие на

1 Антонян, Ю.М. Насилие. Человек. Общество. - М, 2001. - С. 17.

2 Гусейнов, А.А. Понятие насилия и ненасилия / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. - 1994. - № 6. - С. 36. Цит.: по Гилинский, Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль: курс лекций. - СПб., 2002. - С. 173. .

3 Лунеев, В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. - М., 2005. - С. 407.

4 Неклюдов, Н.А. Руководство к особенной части русского уголовного права. Преступления и проступки против личности. В 2 тт. СПб., 1876. Т 1. - С. 133.

5 Белогриц-Котляревский, Л С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. - Киев, 1903. С.377.

6 Иванцова, Н.В. Указ. раб. - С. 13.

телесную неприкосновенность человека, которое вызывает физическую боль и выражается в нанесении ударов, побоях или иных аналогичных действиях. При этом он не включал в это понятие угрозу.

Под насильственными действиями, причиняющими физическую боль, он также подразумевал любые иные способы силового воздействия на тело человека, например хватание за волосы, сильное сжатие рук, причиняющее боль, ущемление частей тела, выталкивание из помещения и подобные действия[1].

Наиболее детальная разработка уголовно-правового понятия насилия была представлена в трудах Л.Д. Гаухмана, который сосредоточил внимание на исследовании физического насилия. Он впервые системно выделил его фактические и юридические признаки.

К юридическим признакам физического насилия учёный относил общественную опасность и противоправность совершаемого насильственного действия. В свою очередь, к фактическим признакам он относил объективные характеристики, описывающие внешнюю сторону деяния и способ его совершения, а также субъективные признаки, отражающие волевое отношение как лица, применяющего насилие, так и потерпевшего[2].

В Юридическом энциклопедическом словаре (1984 г.) насилие определяется как физическое или психическое воздействие одного человека на другого, которое нарушает конституционное право граждан на личную неприкосновенность как в физическом, так и в духовном смысле.

При этом к физическому насилию отнесено прямое воздействие на организм человека, выражающееся в нанесении побоев, причинении телесных повреждений, истязании различными способами, в том числе с использованием предметов и различных веществ. Психическое насилие, в свою очередь, включает воздействие на психику человека через запугивание и угрозы, в том числе угрозы физической расправой, с целью подавить волю потерпевшего, лишить его возможности сопротивляться и отстаивать свои права и интересы[3].

Это определение насилия позволяет также выделить не только юридические, но и некоторые фактические признаки криминального насилия, а именно:

1) направленность на человека,
2) совершение воздействия помимо или вопреки воле человека, на которого это воздействие осуществляется,
3) физический или психический характер осуществляемого воздействия,
4) последствия насилия в виде причинения вреда здоровью или наступления смерти[4].

На основе изложенного можно выделить основные юридические и фактические признаки насилия.

К юридическим признакам относятся:

1) общественная опасность деяния;
2) его противоправный характер;
3) виновность, выраженная, как правило, в форме умысла.

К фактическим признакам насилия можно отнести:

1) наличие субъекта воздействия - человека или группы лиц;
2) направленность действий на реализацию целей и мотивов этого субъекта;
3) воздействие на организм и (или) психику другого человека либо животных;
4) причинение вреда либо создание реальной угрозы его причинения жизни, здоровью,

1 Жижеленко, А.А. Преступления против личности. - Л., 1927. - С. 53; Жижеленко, А.А. Половые преступления. - М., 1924. - С. 21; Цит. по: Иванцова, Н.В. Указ. раб. - С. 13.

2 Гаухман, Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. - М., 1969. - С. 4.

3 Юридический энциклопедический словарь / под гл. ред. Сухарева А. Я. – М., 1984. - С. 187; Юридическая энциклопедия / под ред. Тихомирова М.Ю. – М., 1993. С.170.

4 Тюменев, Л.В. Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологические аспекты): дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л.В. Тюменев. - Рязань, 2002. - С. 63.

чести, достоинству, иным правам и свободам человека, закреплённым Конституцией РТ и охраняемым уголовным законом, а также жизни, здоровью и физической свободе животных.

Таким образом, наличие указанных признаков позволяет сделать вывод, что с уголовно-правовой точки зрения насилие может рассматриваться исключительно как криминальное (преступное) явление, а приведённое определение фактически тождественно понятию криминального насилия.

Понятие насилия является многозначным и исторически изменчивым: его содержание формировалось на протяжении длительного времени, от древних правовых систем и философских учений до современных научных подходов.

В различных науках (философии, психологии, социологии, политологии и др.) насилие трактуется по-разному, что связано с различием целей и предмета исследования каждой из дисциплин.

В уголовно-правовой науке не существует единого универсального определения насилия, однако наиболее разработанным является подход, связывающий его с физическим и психическим воздействием на человека, обладающим общественной опасностью и противоправностью.

Историческое развитие уголовно-правовой мысли показало постепенное расширение понимания насилия - от исключительно физического воздействия к включению психического принуждения и угроз.

В современном уголовно-правовом понимании насилие включает совокупность юридических (общественная опасность, противоправность, виновность) и фактических признаков (воздействие на организм или психику, причинение вреда или создание угрозы вреда).

С уголовно-правовой точки зрения насилие следует рассматривать как исключительно криминальное явление, поскольку оно всегда связано с нарушением охраняемых законом прав и интересов личности.

УДК 343.2

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ И ОБЩИХ НАЧАЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

МУШКИЛОТИ ТАНОСУБИ ПРИНСИПИ АДОЛАТ ВА АСОСҲОИ УМУМИИ ТАЙЪИНИ ҶАЗО

КАЗАХЕЦЯН ГАГИК ОГАНЕСОВИЧ
Аспирант 1-го курса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / Аспиранти курси 1-уми Институти қонунгузорӣ ва ҳуқуқшиносии муқоисавии назди Ҳукумати Федератсияи Россия
E-mail: kazahetsyan09@mail.ru

Исследуя природу и содержание уголовного наказания, современная уголовно-правовая доктрина неизбежно обращается к вопросу соотношения принципа справедливости и общих начал назначения наказания, выступающих фундаментальными ориентирами судебной деятельности. Анализируя соответствующие положения уголовного законодательства и обобщая правоприменительную практику, можно констатировать, что именно на стадии назначения наказания наиболее отчетливо проявляется взаимосвязь между абстрактными принципами уголовного права и конкретными правилами, определяющими пределы судебного усмотрения.

Рассматривая систему уголовно-правовых принципов, закрепленных в современном законодательстве, следует отметить, что принцип справедливости занимает среди них особое место, выступая своеобразным ценностным ориентиром, направляющим деятельность правоприменителя. Формулируя данное требование, законодатель исходит из необходимости обеспечения соразмерности уголовно-правового воздействия, соотнося тяжесть совершенного преступления, характер общественной опасности деяния и данные о личности виновного. Подобное соотношение, будучи реализуемым посредством судебной оценки обстоятельств конкретного уголовного дела, формирует основу для индивидуализации наказания.

Общие начала назначения наказания представляют собой сложную нормативную конструкцию, включающую совокупность взаимосвязанных требований, определяющих пределы судебного усмотрения. С одной стороны, данные положения выполняют функцию правового ограничения, препятствуя произвольному назначению наказания. С другой стороны, предоставляя суду определенную свободу оценки обстоятельств дела, они обеспечивают возможность индивидуализации уголовно-правового воздействия.

Рассматривая проблему соотношения принципа справедливости и общих начал назначения наказания, необходимо подчеркнуть, что данные категории находятся в сложной взаимосвязи, характеризующейся одновременно их самостоятельностью и функциональной взаимодополняемостью. Принцип справедливости, выступая в качестве общеправовой идеи, формирует ценностное содержание уголовно-правового регулирования, тогда как общие начала назначения наказания представляют собой нормативный механизм, посредством которого указанная идея получает практическое воплощение.

Иными словами, рассматривая общие начала назначения наказания, можно утверждать, что они выступают своеобразным инструментом реализации принципа справедливости, трансформируя абстрактное требование соразмерности наказания в конкретные юридические критерии, подлежащие применению судом при разрешении уголовного дела. Подобный подход позволяет рассматривать данные положения не изолированно, а в рамках единой системы уголовно-правовых принципов и институтов.

Значительную роль в обеспечении справедливости назначаемого наказания играет правильная юридическая квалификация совершенного преступления. Исследуя механизм уголовно-правового регулирования, следует отметить, что квалификация преступления представляет собой сложный интеллектуально-правовой процесс, заключающийся в установлении тождества между фактическими обстоятельствами совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Осуществляя подобное сопоставление, правоприменитель, анализируя фактические обстоятельства дела и выявляя юридически значимые признаки преступления, формирует правовую основу для последующего назначения наказания.

Ошибки, допущенные на стадии квалификации преступления, неизбежно приводят к нарушению принципа справедливости, поскольку назначенное наказание оказывается несоразмерным фактическим обстоятельствам совершенного деяния. Именно поэтому в уголовно-правовой доктрине неоднократно подчеркивается, что справедливость наказания во многом обусловлена правильностью юридической оценки совершенного преступления.

Назначая наказание, суд, исследуя обстоятельства дела, должен учитывать не только характер и степень общественной опасности преступления, но и сведения о личности виновного, включая его поведение до и после совершения преступления, условия жизни, социальные связи и иные обстоятельства, способные повлиять на возможность исправления осужденного. Подобный комплексный подход, предполагающий всесторонний анализ обстоятельств дела, позволяет обеспечить индивидуализацию наказания, выступающую одним из важнейших элементов принципа справедливости.

Особого внимания заслуживает вопрос о пределах судебного усмотрения при назначении наказания. Предоставляя суду возможность выбора конкретной меры уголовно-

правового воздействия в пределах санкции соответствующей нормы, законодатель одновременно устанавливает ряд ограничений, направленных на предотвращение произвольного применения уголовного закона. В частности, закреплено правило, согласно которому более строгий вид наказания может назначаться лишь в том случае, если менее строгая мера не способна обеспечить достижение целей наказания.

Данное положение отражает гуманистическую направленность современного уголовного права, предполагающего применение наиболее мягкой меры уголовно-правового воздействия, достаточной для достижения целей наказания. Реализуя данное требование, суд, оценивая обстоятельства конкретного уголовного дела, обязан исходить из необходимости соблюдения разумного баланса между интересами общества и правами личности, избегая чрезмерной репрессивности.

Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что наибольшее распространение среди назначаемых наказаний продолжает сохранять лишение свободы, выступающее традиционной формой уголовно-правового воздействия. Подобная ситуация во многом обусловлена как структурой санкций уголовного закона, так и особенностями судебной практики, в рамках которой лишение свободы нередко воспринимается как наиболее эффективное средство предупреждения преступности.

Однако чрезмерная ориентация на применение изоляционных мер уголовного наказания неизбежно вызывает дискуссии в научной среде, поскольку подобный подход не всегда соответствует принципу справедливости и задачам индивидуализации уголовной ответственности. В этой связи в современной уголовно-правовой науке все чаще высказывается мнение о необходимости расширения применения альтернативных мер уголовно-правового воздействия, позволяющих достигать целей наказания без излишнего ограничения прав личности.

Рассматривая проблему соотношения принципа справедливости и общих начал назначения наказания, невозможно ограничиться исключительно анализом нормативных положений уголовного законодательства. Существенное значение для раскрытия содержания данного института имеет уголовно-правовая доктрина, в рамках которой на протяжении длительного времени формировались научные подходы к пониманию сущности назначения наказания, его критериев и пределов судебного усмотрения. Исследуя теоретические основы уголовно-правового регулирования, ученые неоднократно подчеркивали, что общие начала назначения наказания представляют собой сложный правовой механизм, соединяющий законодательные требования с ценностными ориентирами уголовной политики государства.

Анализ научных работ показывает, что среди исследователей отсутствует полное единство взглядов на правовую природу общих начал назначения наказания. Одни авторы рассматривают их преимущественно как систему нормативных правил, регулирующих деятельность суда при выборе конкретной меры уголовно-правового воздействия, другие же — как своеобразную форму реализации принципов уголовного права, воплощающую в правоприменительной практике требования законности, гуманизма и справедливости. Подобное разнообразие научных подходов обусловлено сложной природой рассматриваемого института, находящегося на пересечении теории уголовного права, уголовной политики и судебной практики.

Так, известный российский ученый-криминалист Л.А. Прохоров, исследуя природу общих начал назначения наказания, определяет их как закрепленное в уголовном законе общее правило определения меры наказания, основанное на учете объективных признаков совершенного преступления и субъективных характеристик личности виновного[1]. Развивая данную позицию, ученый подчеркивает, что общие начала назначения наказания выполняют

[1] Прохоров, Л.А. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / П.А. Прохоров. - Москва, 1972. - 180 с.

функцию своеобразного методологического ориентира для суда, обеспечивая достижение справедливости посредством индивидуализации уголовной ответственности. Иными словами, назначая наказание, суд, руководствуясь указанными правилами, сопоставляет тяжесть совершенного деяния, характер общественной опасности преступления и данные о личности виновного, формируя тем самым справедливую меру уголовно-правового воздействия.

Иной подход к рассматриваемой проблеме предлагает Г.С. Гаверов, который, исследуя содержание общих начал назначения наказания, рассматривает их прежде всего как систему требований, установленных уголовным законом и адресованных правоприменительным органам[1]. Подчеркивая нормативную природу данного института, ученый отмечает, что общие начала назначения наказания выполняют функцию правового ограничения судебного усмотрения, обеспечивая единообразие судебной практики и предотвращая произвольное применение уголовного закона.

Особый интерес представляет позиция Н.М. Кропачева, который рассматривает общие начала назначения наказания значительно шире, связывая их не только с назначением наказания, но и с применением иных мер уголовно-правового характера[2]. По мнению исследователя, общие начала представляют собой систему общерегулятивных норм, определяющих деятельность правоприменительных органов при выборе справедливой меры ответственности по каждому конкретному уголовному делу. Исходя из такого подхода, ученый подчеркивает, что назначение наказания следует рассматривать как часть более широкой системы уголовно-правового воздействия, направленной на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение новых преступлений.

Следует отметить, что в современной уголовно-правовой науке продолжается дискуссия о соотношении понятий «принципы назначения наказания» и «общие начала назначения наказания». Одни исследователи, рассматривая данные категории как тождественные, исходят из того, что общие начала назначения наказания фактически представляют собой нормативное закрепление принципов уголовного права, реализуемых в процессе правоприменительной деятельности. Другие ученые, напротив, подчеркивают различие между указанными понятиями, полагая, что принципы уголовного права обладают более широким содержанием и распространяются на все институты уголовного законодательства, тогда как общие начала назначения наказания применяются исключительно на стадии определения конкретной меры уголовно-правового воздействия.

Таким образом, анализ научной доктрины позволяет сделать вывод о том, что общие начала назначения наказания рассматриваются современными исследователями как важнейший элемент механизма реализации принципа справедливости в уголовном праве. Обобщая позиции ученых, можно утверждать, что именно через систему общих начал назначения наказания абстрактные идеи уголовно-правовых принципов получают конкретное нормативное воплощение, становясь инструментом формирования справедливой и индивидуализированной меры уголовной ответственности.

Несмотря на значительный объем научных исследований, посвященных вопросам назначения уголовного наказания, современная уголовно-правовая доктрина по-прежнему сохраняет ряд нерешенных теоретических проблем, связанных прежде всего с определением содержания и правовой природы общих начал назначения наказания, а также их соотношения с принципом справедливости. Анализ существующих научных подходов показывает, что в юридической литературе отсутствует единая концепция, позволяющая сформировать целостное представление о рассматриваемом институте, что, в свою очередь, затрудняет как

[1] Гаверов, Г.С. Общие начала назначения наказания в уголовном праве России / Г.С. Гаверов // Иркутский университет. – 1976. – 100 с.
[2] Кропачев, Н.М., Пряхина, Н.И., Щепельков, В.Ф. Уголовное право России. Общая часть: учебник. Изд. 4, испр. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский Государственный университет, 2025. - 642 с.

теоретическое осмысление проблемы, так и ее практическую реализацию в правоприменительной деятельности.

Прежде всего следует отметить, что в уголовно-правовой науке до настоящего времени сохраняется неоднозначность в вопросе о сущности самих общих начал назначения наказания. Одни исследователи, рассматривая их в качестве системы правовых правил, адресованных суду и регулирующих процедуру определения меры уголовно-правового воздействия, фактически сводят их содержание к совокупности нормативных предписаний, закрепленных в уголовном законодательстве. Другие авторы, напротив, придают им более широкий смысл, рассматривая их как выражение фундаментальных принципов уголовного права, реализуемых в процессе назначения наказания. Подобное расхождение научных позиций свидетельствует о недостаточной разработанности теоретических основ данного института, поскольку отсутствие четкого разграничения между принципами уголовного права и правилами назначения наказания приводит к неопределенности в понимании их функций и значения.

Наряду с этим в доктрине остается дискуссионным вопрос о месте принципа справедливости в системе общих начал назначения наказания[1]. В научной литературе можно встретить различные точки зрения на данную проблему. Одни исследователи исходят из того, что принцип справедливости представляет собой самостоятельное начало уголовного права, обладающее универсальным характером и распространяющееся на все институты уголовного законодательства. Другие авторы рассматривают его как составную часть системы общих начал назначения наказания, полагая, что именно посредством данных начал принцип справедливости получает свое конкретное нормативное выражение. Подобное расхождение подходов свидетельствует о том, что в современной теории уголовного права отсутствует единая концепция, позволяющая однозначно определить соотношение указанных категорий.

Еще одной существенной проблемой научной доктрины является недостаточная разработанность вопроса о пределах судебного усмотрения при назначении наказания. Рассматривая данный аспект, большинство исследователей ограничиваются констатацией необходимости соблюдения принципа справедливости и индивидуализации уголовной ответственности, не раскрывая в полной мере механизмов, посредством которых указанные требования должны реализовываться на практике. Между тем, именно проблема определения границ судебного усмотрения имеет принципиальное значение для обеспечения справедливости назначаемого наказания, поскольку чрезмерная свобода усмотрения может привести к различиям в судебной практике и, как следствие, к нарушению принципа равенства граждан перед законом.

Не менее значимой проблемой является недостаточная связь теоретических разработок с реальной правоприменительной практикой. Анализ научных публикаций показывает, что значительная часть исследований носит преимущественно теоретический характер, ограничиваясь анализом нормативных положений уголовного закона и существующих научных концепций. При этом вопросы, связанные с практическим применением общих начал назначения наказания, включая анализ судебных решений и выявление типичных ошибок правоприменения, освещаются значительно реже. Подобная ситуация приводит к тому, что многие теоретические положения остаются оторванными от практических потребностей судебной деятельности.

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что в современной уголовно-правовой доктрине недостаточно исследован вопрос о влиянии уголовной политики государства на формирование системы общих начал назначения наказания. Между тем, уголовная политика, определяя стратегические направления развития уголовного законодательства и практики его применения, оказывает существенное влияние на содержание и интерпретацию данных положений. Игнорирование данного фактора в научных исследованиях приводит к

[1] Белоус, В.Г., Дивитаева, О.А. Становление научной школы уголовного права НОУ ВПО «Институт Управления» / В.Г. Белоус, О.А. Дивитаева // На пути к гражданскому обществу. – 2015. – № 1 (17). – С. 13-18.

неполному пониманию природы рассматриваемого института и его роли в системе уголовного права.

Отдельного внимания заслуживает проблема терминологической неопределенности, которая также свидетельствует о несовершенстве существующей доктрины. В научной литературе нередко используются различные термины, обозначающие сходные по содержанию явления, что затрудняет формирование единого понятийного аппарата. В частности, понятия «общие начала назначения наказания», «принципы назначения наказания», «критерии назначения наказания» и «правила определения меры наказания» нередко употребляются как взаимозаменяемые, хотя в действительности они обладают различным юридическим содержанием и выполняют разные функции в системе уголовного права.

Таким образом, анализ современного состояния уголовно-правовой доктрины позволяет сделать вывод о том, что проблема соотношения принципа справедливости и общих начал назначения наказания остается недостаточно разработанной в теоретическом плане. Существующие научные подходы, характеризующиеся разнообразием и нередко противоречивостью, свидетельствуют о необходимости дальнейшего углубленного исследования данного института, направленного на формирование целостной концепции назначения наказания, учитывающей как требования уголовного закона, так и потребности правоприменительной практики. Развитие подобной концепции представляется важным условием совершенствования уголовного законодательства и повышения эффективности судебной деятельности в сфере назначения наказания.

Подводя итог проведенному анализу, следует отметить, что проблема соотношения принципа справедливости и общих начал назначения наказания продолжает оставаться одной из наиболее сложных и дискуссионных в теории уголовного права. Рассматривая указанные категории в их взаимосвязи, можно прийти к выводу о том, что общие начала назначения наказания выступают нормативным выражением принципа справедливости, обеспечивая его реализацию в правоприменительной деятельности суда. Именно в процессе назначения наказания, анализируя обстоятельства конкретного уголовного дела, оценивая характер совершенного преступления и личность виновного, суд, руководствуясь требованиями уголовного закона и реализуя принципы уголовного права, формирует справедливую меру уголовно-правового воздействия, обеспечивающую достижение целей уголовной ответственности и восстановление социальной справедливости.

343.915

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ЛИЦА ЖЕНСКОГО ПОЛА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

ХУСУСИЯТҲОИ КРИМИНОЛОГИИ ШАХСИЯТИ НОБОЛИҒИ ҶИНСИ ЗАН, КИ ҶИНОЯТ СОДИР НАМУДААСТ

КАРИМЗОДА ФАРИД БАХТИЁР
Соискатель кафедры криминалистики и судебно-экспертной деятельности юридического факультета Таджикского национального университета / Унвончӯи кафедраи криминалистика ва фаъолияти судӣ-экспертии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Изучение преступности среди несовершеннолетних с целью ее профилактики не может ограничиваться лишь анализом текущего уровня и изменений во времени.

Существенное значение имеет также исследование личности правонарушителя, а именно выявление тех качеств и особенностей, которые побуждают его к совершению противоправных действий[1].

В криминологии под личностью преступника обычно понимают человека, совершившего противоправное деяние, в котором проявилась его антисоциальная ориентация. Она выражает совокупность отрицательных, социально значимых качеств, которые во взаимодействии с внешней средой и конкретными обстоятельствами определяют особенности его преступного поведения[2].

Возрастная обусловленность личностных черт девушек, совершающих преступления, делает их во многом сходными с характеристиками юношей. Однако при этом они представляют собой особое явление, сформированное социальной ролью женщины, а также ее большей ориентацией на традиционные семейные ценности. Игнорирование этих ценностей, как правило, свидетельствует о серьезных деформациях личности.

При анализе личности правонарушителя ключевое значение имеет исследование ее структуры, поскольку именно сочетание ее элементов формирует различные типы преступного поведения. Личность несовершеннолетней преступницы, которая во взаимодействии с криминогенной ситуацией приводит к совершению правонарушения, включает ряд взаимосвязанных компонентов: биофизиологический, социально-демографический, нравственно-психологический и уголовно-правовой. В совокупности с интеллектуальными, эмоциональными и волевыми качествами они образуют целостную социально-биологическую сущность человека[3].

Основополагающим элементом, определяющим существование личности, ее индивидуальность и уникальность, является биологическая природа. К биофизиологическим характеристикам относятся состояние здоровья, особенности телосложения, врожденные свойства нервной системы и другие природные параметры[4]. Так, для несовершеннолетних, включая девушек, характерна физиологическая незрелость, а значит — недостаточная сформированность центральной нервной системы. Это приводит к преобладанию процессов возбуждения над торможением, что выражается в эмоциональной нестабильности и, как следствие, влияет на формирование специфических моделей поведения, отличающихся от поведения взрослых.

Помимо возраста, значимым основанием для выделения преступности среди несовершеннолетних девушек является их половая принадлежность, что обусловливает необходимость детального анализа гендерных особенностей. По мнению исследователей, биофизиологические различия между девочками и мальчиками проявляются уже на самых ранних этапах - с момента внутриутробного развития и в первые дни жизни, что связано с хромосомными и гормональными факторами. Хотя девочки при рождении, как правило, физиологически уступают мальчикам, их развитие происходит более интенсивно: они раньше начинают реагировать на голос и прикосновения, быстрее осваивают навыки удержания головы, сидения, ползания и ходьбы. С точки зрения физиологии девочки обладают большей жизнеспособностью, у них ниже показатели мертворождаемости и младенческой смертности, а также более низкие пороги чувствительности к тактильным и болевым раздражителям.

В дошкольный период девочки нередко опережают мальчиков в интеллектуальном развитии: они быстрее воспринимают информацию, раньше осваивают речь и счет, а также

[1] Швединская, Г.И. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступности несовершеннолетних женского пола: дис... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г.И. Швединская. - Краснодар, 2003. - С. 57.
[2] Кудрявцев, В.Н., Эминов, В.Е. Криминология: учебник. - М.: Норма, 2009. - С. 411.
[3] Кудрявцев, В.Н., Эминов, В.Е. Указ. раб. - С. 411.
[4] Грошев, И.В. Психофизиологические различия мужчин и женщин. - Воронеж: МОДЭК, 2005. - С. 59.

демонстрируют более высокую обучаемость, особенно при наличии эмоциональной поддержки и поощрения[1].

В период обучения в средней школе, на этапе полового созревания, у девочек происходит существенная гормональная перестройка организма. Она сопровождается непривычными изменениями внешности, что нередко приводит к снижению самооценки и эмоциональной нестабильности. В отличие от юношей, которым в большей степени свойственна рациональность, девочки в этот период чаще проявляют повышенную чувствительность, тревожность и склонность к слезам. Это усложняет их взаимодействие с окружающими, нередко вызывая замкнутость, ощущение отчуждения, недоверие, апатичность либо, напротив, внешне необоснованные вспышки агрессии. Усиление общего возбуждения в пубертатный период сопровождается ослаблением механизмов условного торможения.

Социально-демографическая структура личности несовершеннолетней правонарушительницы охватывает такие характеристики, как возраст, уровень образования, социальный статус, вид деятельности, национальная и профессиональная принадлежность, семейное положение, материальное обеспечение, а также принадлежность к городской или сельской среде и другие параметры.

Наполнение социально-демографических характеристик несовершеннолетних правонарушителей в значительной степени определяется возрастом и обусловленным им положением в системе социальных связей и ролей. Подростки, в отличие от взрослых, более восприимчивы к воздействию социальной среды, причем по мере взросления характер этого влияния существенно изменяется. Поэтому учет возрастных особенностей играет ключевую роль при разработке и выборе мер общей и специальной профилактики противоправного поведения[2]. Исходя из этого, анализ социально-демографической составляющей личности несовершеннолетней правонарушительницы целесообразно начинать с рассмотрения возрастных особенностей, которые обусловливают рост криминальной активности по мере приближения к совершеннолетию[3].

Образ жизни человека, его потребности и интересы, выбор окружения и способы проведения досуга во многом зависят от уровня образования и интеллектуального развития, что, в свою очередь, оказывает значительное влияние на характер противоправного поведения. Учитывая несовершеннолетний возраст рассматриваемой категории лиц, их образование чаще всего ограничивается незаконченным средним либо средним профессиональным уровнем. По этой причине затруднительно оценивать влияние конкретной профессии или рода занятий на их поведение, поскольку в большинстве случаев они еще не успевают получить специальность и начать трудовую деятельность.

В то же время сведения о семейном статусе, уровне материального обеспечения и месте проживания играют важную роль в криминологическом анализе социально-демографической структуры личности несовершеннолетней правонарушительницы[4]. Семейное воспитание играет ключевую роль в процессе социализации подростка. Результаты исследований показывают, что значительная часть девушек, совершивших преступления, воспитывалась в неполных семьях, вне семейной среды — в учреждениях для детей, оставшихся без попечения родителей, либо у дальних родственников.

[1] Ильин, Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. - СПб.: Питер, 2006. - С. 71.
[2] Козлов, С.П. Проблемы предупреждения преступлений несовершеннолетних лиц женского пола: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.П. Козлов. - М., 2010. - С. 39.
[3] Кондрашков, Н.Н., Кудрявцев, В.Н. Личность преступника. - М.: Юридическая литература, 1975. - С. 128.; Михайлова, Н.В. Криминологическое исследование и предупреждение преступлений, совершаемых несовершеннолетними женского пола: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Михайлов. - М., 2003. - С. 80.
[4] Кудрявцев, В.Н., Эминов, В.Е. Указ. соч. - С. 413.

С точки зрения материального положения, большинство несовершеннолетних правонарушительниц происходят из семей с низким уровнем дохода. Как правило, такие семьи существуют за счет малооплачиваемой работы одного или обоих родителей либо за счет пенсионных выплат пожилых членов семьи. Нередко они сталкиваются с жилищными проблемами: жилье может быть слишком тесным для проживания всей семьи или носить временный, съемный характер.

В структуре личности правонарушителя особое значение имеют нравственно-психологические характеристики, которые во многом определяют внутреннее содержание личности, ее мировоззрение и систему ценностей. Убеждения, взгляды, жизненные цели и ожидания формируют поведенческие установки человека и в конечном итоге отражаются на его поступках. Для многих несовершеннолетних девушек характерен образ жизни, связанный с пассивным или асоциальным времяпрепровождением и социально неодобряемыми формами досуга. Стремление подчеркнуть свою женственность через модную одежду, дорогие аксессуары и посещение престижных мест развлечений при отсутствии законных способов достижения этих целей нередко побуждает их к совершению противоправных действий с целью повысить свой статус в глазах окружающих.

Исследователи также отмечают у данной категории лиц такие особенности, как неустойчивость моральных ориентиров, недостаточно развитая самокритика, повышенная внушаемость, эмоциональная неустойчивость, а также склонность к агрессивному, нередко аффективному и трудно контролируемому поведению[1].

При анализе личности несовершеннолетней правонарушительницы важно учитывать ее ценностные ориентиры и уровень правосознания. Как правило, у девушек, склонных к противоправному поведению, формируются антисоциальные установки, проявляющиеся в отрицательном отношении к окружающим и обществу в целом, готовности игнорировать правовые нормы и осознанно нарушать запреты. Исследователи также отмечают у них несоразмерность требований: заниженные притязания к собственному поведению сочетаются с завышенными ожиданиями по отношению к другим. Социальные нормы и законы воспринимаются ими как ограничение личной свободы, что ведет к их отрицанию и формирует негативное отношение к правоохранительным органам.

Одним из характерных искажений правового сознания у несовершеннолетних выступает правовой инфантилизм. Он выражается в недостаточной информированности об уголовной ответственности за отдельные деяния, а также в неправильном понимании содержания правовых запретов и последствий их нарушения. По мнению специалистов, подобные деформации правосознания занимают значимое место в механизме формирования и реализации преступного поведения[2].

Правовой инфантилизм в целом свойственен рассматриваемой категории несовершеннолетних правонарушителей. Как и большинству подростков, им присущи недостаточная сформированность правосознания, фрагментарные знания о правовых нормах и искаженное понимание ответственности за противоправные действия. Нередко у них формируется ошибочное представление о собственной безнаказанности, связанное с несовершеннолетним возрастом. В отдельных случаях подростки, уже вышедшие из младшего возраста, полагают, что ответственность за их поступки несут родители. При этом

[1] Куприянова, А. В. Криминологическая характеристика женской преступности несовершеннолетних в Восточно-Сибирском регионе и её предупреждение: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. В. Куприянова. - Иркутск, 2008. - 237 с.

[2] Грошев, А.В. Уголовный закон и правосознание. Теоретические проблемы уголовно-правового регулирования. - Екатеринбург: ЕВШ МВД РФ. 1994. - С. 37.

сама возможность назначения реального лишения свободы за совершенное преступление зачастую ими не осознается[1].

Можно отметить, что на несовершеннолетних определенное отрицательное воздействие оказывают средства массовой информации, способствующие формированию искаженных представлений о системе ценностей современного общества. Вместо акцентирования внимания на соблюдении морально-нравственных норм, популяризации здорового образа жизни, уважении к труду как основе материального благополучия и необходимости правопослушного поведения, в молодежной среде нередко транслируются иные установки. Среди них - ориентация на демонстративную роскошь, стремление к богатству любой ценой, праздный образ жизни и представления о вседозволенности[2].

Склонность подростков к подражанию усиливает влияние негативных факторов и зачастую используется ими как оправдание собственного асоциального поведения.

Особое значение для понимания специфики личности несовершеннолетней правонарушительницы имеет ее уголовно-правовая характеристика. Она отражает степень социальной деформации личности и позволяет выделить ключевые особенности лиц, совершивших преступления. К числу таких признаков относятся форма вины, цели и мотивы противоправных действий, продолжительность и интенсивность преступной активности, наличие судимостей, а также роль лица в совершении конкретного преступления, уровень подготовки к нему и отношение к его последствиям.

Для несовершеннолетних преступниц в большинстве случаев характерна ориентация на незаконное получение материальной выгоды посредством хищения чужого имущества. Корыстная мотивация, проявляющаяся при возникновении благоприятной криминогенной ситуации, прослеживается в значительной части эпизодов их противоправной деятельности. Оставленные без присмотра вещи - сумки, мобильные телефоны, предметы одежды - в условиях свободного доступа нередко становились объектами хищения. При этом, согласно показаниям самих виновных, подобные действия часто носили спонтанный характер и совершались без предварительного обдумывания последствий и возможной ответственности.

Рассмотренные компоненты структуры личности несовершеннолетней правонарушительницы позволяют перейти к анализу ее криминологической составляющей, в частности к разработке типологии таких лиц. Это необходимо для более глубокого понимания устойчивости криминогенных свойств личности, механизмов совершения преступлений, а также определения возможностей их позитивной коррекции.

Криминологи, изучающие преступность несовершеннолетних, в целом опираются на подходы, применяемые к типологии взрослых преступников, используя в качестве критериев степень глубины, устойчивости и интенсивности антисоциальной направленности личности[3]. Так, по мнению В.Н. Кудрявцева, среди взрослых преступников можно выделить несколько основных типов: случайный, ситуационный, неустойчивый, злостный и особо злостный[4].

Для первого типа, как отмечает А.В. Куприянова, «характерно нарушение моральных и правовых норм под решающим воздействием неблагоприятной жизненной ситуации». В отношении несовершеннолетних правонарушительниц ситуативно-криминогенного типа можно сказать, что их противоправное поведение связано преимущественно не с устойчивыми антиобщественными установками, а с влиянием благоприятно сложившихся

[1] Обыденова, Т.В. К вопросу об использовании в России положительного опыта Германии в сфере профилактики правонарушений среди несовершеннолетних / Т.В. Обыденова // Административное и муниципальное право. - 2016. - № 1. - С. 83.
[2] Прозументов, Л.М., Шеслер, А.В. Общесоциальные детерминанты преступности / Л.М. Прозументов, А.В. Шеслер // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12. - № 1. - С. 9.
[3] Щербакова, Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Л.М. Щербакова. - М., 2008. - С. 16.
[4] Кудрявцев, В.Н., Эминов, В.Е. Указ. раб. - С. 414.

обстоятельств криминогенного характера, например провоцирующим или виктимным поведением потерпевшего.

Последовательно-криминогенный тип несовершеннолетних преступниц, по мнению А.В. Куприяновой, характеризуется тем, что преступное поведение становится для них привычным и фактически нормализуется в повседневной жизни. Оно носит осознанный и систематический характер. Такие лица способны самостоятельно формировать криминогенные ситуации, заранее планировать противоправные действия, выбирать потенциальных жертв и постепенно накапливать преступный опыт, увеличивая интенсивность своей противоправной деятельности[1].Следует отметить, что в научной литературе встречаются и альтернативные подходы к типологии личности несовершеннолетних правонарушительниц. В частности, Я.В. Самиулина предлагает классифицировать их на следующие типы: случайный, ситуативный, неустойчивый и злостный[2]. Как представляется, выделение злостного типа несовершеннолетней преступницы вызывает определенные сомнения, поскольку, как известно, пик криминальной активности среди девушек приходится на возраст 16-17 лет.

Рассматриваемые типы несовершеннолетних правонарушительниц могут существовать в переходных и смешанных формах. В дальнейшем они способны трансформироваться либо в злостный, либо в особо злостный тип уже во взрослом возрасте. Вместе с тем нельзя исключать и противоположную динамику: под влиянием различных биологических и социальных факторов по мере взросления у девушки могут укрепляться социально одобряемые модели поведения, которые постепенно вытесняют криминогенные установки и способствуют ее исправлению.

Исследование личности несовершеннолетней преступницы показывает, что формирование ее противоправного поведения обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов биологического, психологического и социального характера. Существенную роль играют возрастные особенности, связанные с физиологической и эмоциональной незрелостью, а также специфика полового развития, влияющая на поведенческие реакции и уровень самоконтроля.

Социально-демографические условия, прежде всего семейное воспитание, материальное положение и особенности ближайшего окружения, оказывают значительное влияние на процесс социализации. Неблагополучная семейная среда, низкий уровень дохода и ограниченность социальных ресурсов нередко выступают факторами, способствующими формированию криминогенных установок.

Важное значение имеют нравственно-психологические характеристики личности, включая систему ценностей, уровень правосознания и степень устойчивости моральных норм. У значительной части несовершеннолетних правонарушительниц выявляются искажения правосознания, правовой инфантилизм, а также склонность к импульсивному и эмоционально неустойчивому поведению.

Уголовно-правовая характеристика позволяет установить особенности преступного поведения, включая мотивы, цели и формы участия в преступлениях. Наиболее распространенной мотивацией выступает корыстная направленность, выражающаяся в стремлении к незаконному обогащению.

Типологический анализ показывает, что личности несовершеннолетних преступниц не являются однородными и могут иметь различные степени криминальной устойчивости, включая переходные формы. При этом существует возможность как усиления

[1] Куприянова, А.В. Криминологическая характеристика женской преступности несовершеннолетних в Восточно-Сибирском регионе и её предупреждение: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / А. В. Куприянова. - Иркутск, 2008. - 237 с.

[2] Самиулина, Я.В. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника / Я.В. Самиулина // Общество. Культура. Преступность. - Саратов, 2006. - Вып. 8. - С. 128-134.

криминогенных тенденций с возрастом, так и их постепенного ослабления под влиянием позитивных социальных факторов.

В целом, эффективная профилактика преступности несовершеннолетних требует учета всего комплекса выявленных особенностей и индивидуального подхода к предупреждению противоправного поведения.

УДК 343.979

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННЫМИ СХЕМАМИ НЕЗАКОННОГО ОБНАЛИЧИВАНИЯ И ТРАНЗИТИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ И ИХ ЦИФРОВЫХ АНАЛОГОВ

ФАЪОЛИЯТИ ОПЕРАТИВӢ-ҶУСТУҶӮӢ ДАР МУБОРИЗА БО НАҚШАҲОИ МУТАШАККИЛИ ШАКЛИ НАҚДӢ ВА ИНТИҚОЛИ ТРАНЗИТИИ МАБЛАҒҲО ВА АНАЛОГҲОИ РАҚАМИИ ОНҲО

Крысина Татьяна Евгениевна
Адъюнкт очной формы обучения Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова / Адъюнкти шакли рӯзонаи Донишкадаи ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов
E-mail: tatyana.krysina.02@mail.ru

В Российской Федерации организованная преступная деятельность в экономической сфере сформировалась как специфический сегмент нелегальной экономики. В известной степени функционирование организованных преступных групп направлено на удовлетворение противоправных и дефицитных общественных потребностей, что создает системные вызовы и угрозы национальной безопасности государства. Как показывает практика масштаб негативного воздействия организованной преступности охватывает все сферы социально-политической жизни, демонстрируя устойчивую тенденцию к инфильтрации в органы государственной власти и правоохранительную систему.

Нужно отметить, что в отличие от криминальных группировок 1990-х годов, современные организованные преступные формирования характеризуются качественно иным уровнем масштаба и влияния. Следовательно, в XXI веке они эволюционировали в транснациональные структуры с межрегиональными и международными связями, выстроив жесткую вертикальную систему управления. Особую опасность представляет вовлеченность в их деятельность представителей политической элиты и должностных лиц, что способствует расширению влияния преступных организаций и их проникновению в государственные институты.

С практической точки зрения необходимо отметить, что результаты современных криминологических и криминалистических исследований однозначно свидетельствуют: преступления, связанные с незаконным обналичиванием и транзитом денежных средств и их цифровыми аналогами, преимущественно совершаются в форме соучастия[1]. К числу таких форм относятся как группы лиц по предварительному сговору, так и организованные преступные группы. В отдельных случаях указанные противоправные деяния выступают составной частью преступной деятельности организованных преступных сообществ.

[1] Гармаев, Ю.П. Структура организованной преступной деятельности, связанной с незаконным обналичиванием денежных средств / Ю. П. Гармаев, Н. В. Поляков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2022. – № 3(48). – С. 46-51.

Вместе с тем, проведенный анализ научной литературы в рассматриваемой сфере выявляет существенный пробел: закономерности, имеющие ключевое значение для выявления и раскрытия преступлений, а также для их изучения в контексте организованной преступной деятельности в сфере незаконного обналичивания денежных средств, зачастую не получают должного теоретического и практического освещения.

Как упоминалось ранее представляется целесообразным включить организованную преступную деятельность в качестве самостоятельного элемента в структуру оперативно-розыскной характеристики преступлений, связанных с незаконным обналичиванием и транзитированием денежных средств, включая их цифровые аналоги. Таким образом, представленные действия позволят систематизировать знания о типичных признаках, механизмах и каналах совершения таких деяний, что повысит эффективность проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ) при выявлении и раскрытии рассматриваемой категории преступлений.

В современной юридической науке до настоящего времени не сформировано единое и общепризнанное определение организованной экономической преступности в сфере незаконного обналичивания и транзита денежных средств как самостоятельного криминального феномена. Таким образом, для всестороннего анализа указанной категории необходимо предварительно исследовать ее ключевые структурные компоненты, в том числе:

– субъектов преступной деятельности (организаторов, исполнителей, посредников и иных участников);

– характер и механизмы установления преступных связей между ними;

– специфику взаимодействия внутри преступных групп и между различными группами;

– распределение ролей и функций в рамках преступной схемы[1].

Следует отметить, что представленный подход позволит выявить системные признаки и закономерности функционирования организованных преступных структур при совершении деяний в сфере незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств, что послужит основой для выработки целостного научного определения.

Проведенный анализ следственно-судебной практики по реальным уголовным делам, изученным в рамках настоящего исследования, демонстрирует, что организованные группы, совершающие преступления в рассматриваемой сфере, как правило, включают ограниченное число участников - от 2 до 10 человек[2]. Следует остановиться на том, что типичная структура такой группы носит трехуровневый характер:

1. Руководящее звено. Организатор выступает как центр принятия решений, поэтому его деятельность характеризуется высокой степенью конспирации, использованием посредников для связи с исполнителями.

2. Исполнительно-контрольное звено. Профессиональные участники обеспечивают техническую реализацию схем:

– бухгалтерское сопровождение (фиктивная отчетность);

– юридическое оформление (нотариусы, адвокаты);

– операционное управление (администраторы-операторы).

3. Низшее исполнительное звено. Участники с минимальной информированностью о схеме в целом, поскольку их функции заключаются в выполнении конкретных задач:

[1] Зоз, В. А. Оперативно-розыскное обеспечение противодействия организованной преступности / В. А. Зоз, А. С. Карпенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 3-1. – С. 258-262.

[2] Макарова, К. Б. Понятие организованной экономической преступности / К. Б. Макарова // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 112-120. – DOI 10.24147/1990-5173.2021.18(4).112-120. – EDN CTROYQ.

– транспортировка средств (водители);
– формальное участие в регистрации фирм (номинальные учредители);
– участие в разовых операциях.

I. Руководящие звено. В структуре организованной преступной группы центральное место занимает лидер (либо несколько организаторов), выполняющий функции руководителя, инициатора преступных замыслов и основного аналитического центра формирования преступной схемы. В данном контексте необходимо отметить, что именно лидер принимает стратегическое решение о создании группы, исходя из существующего спроса на услуги по обналичиванию денежных средств среди представителей бизнес-среды и криминальных кругов в регионе планируемой преступной деятельности. Важными качествами для организатора является обладание специальными знаниями в сфере проведения финансовых операций через банковские счета, он четко осознает цели и возможные последствия своих действий.

В рамках реализации функций руководителя преступного сообщества по предоставлению услуг по незаконному обналичиванию и транзитированию денежных средств и их цифровых аналогов взял на себя комплекс организационно-управленческих задач, которые можно разделить по следующим направлениям:

1. *Кадровые функции:* поиск и вовлечение новых участников; распределение ролей и полномочий; назначение руководителей структурных подразделений; обучение и инструктаж участников.
2. *Финансово-операционные функции:* контроль выручки и целевое распределение преступного дохода; поиск клиентов незаконной банковской деятельности; мониторинг движения денежных средств по счетам подконтрольных организаций.
3. *Работа с номинальными руководителями:* привлечение лиц, не осведомленных о преступном характере деятельности; контроль их действий в интересах сообщества; сопровождение при открытии банковских счетов и оформлении ЭСП; обеспечение использования оформленных инструментов для незаконных переводов.
4. *Логистика наличных средств:* организация снятия наличных; транспортировка обналиченных средств; передача наличных клиентам незаконных операций.
5. *Обеспечение безопасности и методическое сопровождение:* разработка механизмов и методик совершения преступлений; внедрение способов минимизации рисков разоблачения; создание системы конспирации и защиты сообщества[1].

Отличительной чертой личностных характеристик организаторов преступных групп можно считать комплекс специфических качеств, оказывающих влияние на их преступную деятельность. К числу ключевых черт относятся: целеустремлённость, предприимчивость, уверенность в себе и развитая коммуникабельность. Кроме того, для таких лиц типичны властолюбие, профессиональный опыт и высокий авторитет среди соучастников. Интеллектуальные особенности организаторов характеризуются наблюдательностью, расчётливостью, развитым аналитическим мышлением, широкой эрудицией, а также склонностью к хитроумным решениям.

Организаторы преступных схем демонстрируют высокий уровень изобретательности: они систематически модифицируют уже известные способы совершения преступлений либо разрабатывают принципиально новые методики, позволяющие повысить эффективность противоправной деятельности и минимизировать риски разоблачения. Так, во Владимирской области в ходе расследования было установлено, что ФИО1 и ФИО2 совершили преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ, - осуществление банковской деятельности без регистрации и специального разрешения (лицензии), сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере. Стоит отметить, что механизм преступления заключался в созда-

[1] Приговор Советского районного суда г. Нижний Новгород (Нижегородская область) по делу № 1-172/2020 от 24 июля 2020 г. № 1-172/2020 / Судья Колягина О.Н.

нии сети фирм-однодневок с расчетными счетами, управляемыми через систему дистанционного банковского обслуживания «Банк-Клиент». Особое значение представляет то, что бюджетные потери составили 26 080 145 руб. из-за уклонения от уплаты налога на прибыль организаций, НДС, страховых взносов и иных обязательных платежей[1].

II. Исполнительно-контрольное звено. Следует подчеркнуть, что на следующем уровне иерархической структуры организованной группы находится исполнительно-контрольное звено. Согласно позиции, В. Г. Стаценко и Ю. Б. Самойловой, в состав данного звена могут входить такие специалисты, как главный бухгалтер, бухгалтеры, кассиры, нотариусы, адвокаты и другие аналогичные должностные лица[2].

В качестве иллюстративного примера приведем конкретный судебный приговор, в котором детально перечислены функции главного бухгалтера - члена преступного сообщества, выполнявшего контрольно-исполнительные функции в схеме незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств, а также их цифровых аналогов. Стоит отметить, что указанные функции были впоследствии подвергнуты анализу в рамках настоящего исследования. В рамках своих полномочий реализуются следующие функции:

1. Формирование фиктивной корпоративной структуры:

– подготовка регистрационных документов для подконтрольных организаций, не ведущих реальной финансово-хозяйственной деятельности;

– подбор и контроль номинальных руководителей (подставных лиц, не осведомлённых о преступных намерениях сообщества);

– сопровождение указанных лиц при открытии банковских счетов и оформлении электронных средств платежа (ЭСП).

2. Реализация незаконных финансовых операций:

– приобретение и хранение банковских карт и иных ЭСП, полученных от номинальных руководителей;

– организация снятия и транспортировки наличных денежных средств с последующей передачей клиентам и участникам сообщества;

– использование реквизитов фиктивных организаций для осуществления незаконной банковской деятельности.

3. Фальсификация отчетности и документооборота:

– ведение и сдача налоговой, бухгалтерской отчетности, а также отчётности по страховым взносам по подконтрольным организациям;

– изготовление фиктивной первичной документации (договоров поставки и услуг, спецификаций, товарных накладных, счетов-фактур и т.д.) для обоснования безналичных платежей;

– предоставление фальсифицированных документов в контролирующие органы и кредитные учреждения[3].

В контексте ранее изложенного необходимо подчеркнуть роль главного бухгалтера в реализации незаконной банковской деятельности, осуществляемой посредством незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств, включая их цифровые активы. Ключевая функция данного субъекта заключалась в легитимации противоправных операций - путем изготовления и фальсификации документов, создающих видимость соблюдения норм

[1] Приговор Октябрьского районного суда г. Владимира от 19 июля 2023 г. по делу № 1-28/2023 (УИД 33RS0003-01-2022-002635-36) / Председательствующий судья Соколова А.Н.

[2] Стаценко, В.Г. Особенности возбуждения уголовного дела о преступлении, предусмотренном ст. 172 УК РФ / В.Г. Стаценко, Ю.Б. Самойлова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – N 11-1. – С. 265.

[3] Приговор Кировского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 03 февраля 2025 г. по делу № 1-92/2025.

экономической деятельности и маскирующих истинный характер совершаемых финансовых операций.

III. Исполнительное звено.

Исполнительное звено преступного сообщества, задействованное в схемах обналичивания денежных средств и их цифровых аналогов, представляет собой операционный уровень структуры, непосредственно реализующий ключевые этапы преступной деятельности. В его функции входит:

– физическое перемещение наличных денежных средств (транспортировка, инкассация, доставка);

– осуществление операций по снятию и передаче наличных заказчикам;

– обеспечение взаимодействия с расчётными узлами (пересчет, упаковка, учет денежных средств);

– сопровождение финансовых операций с цифровыми активами, включая их конвертацию и перевод;

– выполнение вспомогательных действий, обеспечивающих бесперебойность схемы (открытие счетов, оформление платежных инструментов на подставных лиц и т.д.).

Состав звена, как правило, включает водителей-курьеров, водителей-инкассаторов, кассиров, операторов платежных систем и иных исполнителей, обеспечивающих техническую реализацию преступных операций.

Представляется актуальным отметить, что для обеспечения конспирации от сотрудников оперативных подразделений МВД России при координации незаконной банковской деятельности соучастники преступного сообщества часто применяли комплекс методов, направленных на сокрытие следов коммуникации и минимизацию рисков разоблачения. Среди распространенных способов можно выделить:

– использование зашифрованных каналов связи: применение защищенных почтовых сервисов с шифрованием трафика, а также мессенджеров шифрованием (например, Telegram, WhatsApp, Signal) для обмена информацией;

– применение анонимных или подменных средств связи: использование одноразовых SIM-карт, арендованных виртуальных номеров и «анонимных» смартфонов, не зарегистрированных на реальных участников схемы;

– завуалированную форму общения: кодирование информации в сообщениях и телефонных переговорах - сокращение слов и фраз, использование условных обозначений, сленга или иносказательных выражений для маскировки сути финансовых операций;

– регулярную смену средств коммуникации: периодическая смена мессенджеров, почтовых адресов, номеров телефонов и устройств для снижения вероятности установления устойчивых связей между участниками;

– организацию промежуточных узлов связи: введение в схему посредников или «ретрансляторов», которые передают информацию между ключевыми фигурантами, усложняя установление прямых контактов[1].

Одним из приоритетных направлений оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) является противодействие проявлениям организованной преступности, связанным с обналичиванием и транзитированием денежных средств, в том числе их цифровых аналогов. Реализация данного направления предполагает комплекс мероприятий, нацеленных на: обнаружение и раскрытие указанных противоправных деяний; идентификацию и привлечение к ответственности виновных лиц; минимизацию рисков совершения аналогичных преступлений в будущем посредством профилактических мер.

[1] Бессонов, А. А. Проблемные вопросы установления признаков организованной группы по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / А. А. Бессонов // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 108-119.

В рамках настоящего исследования представляется целесообразным акцентировать внимание на том, что ОРД по противодействию организованной преступной деятельности при совершении деяний по незаконному обналичиванию и транзитированию денежных средств реализуется посредством последовательного прохождения ряда этапов. Рассмотрим этим этаны:

1. *Этап планирования.* Разработка комплекса гласных и негласных ОРМ с учетом собранной информации, определение целей, задач, сил и средств, необходимых для их реализации, а также оценка возможных рисков.
2. *Этап реализации.* Непосредственное проведение ОРМ: наблюдение, наведение справок, проверочная закупка, оперативный эксперимент, внедрение в преступную среду и т. д. Стоит отметить, что основная цель проведения указанных мероприятий заключается в документировании преступной деятельности и получении доказательств.
3. *Этап фиксации и документирования.* Оформление результатов ОРМ в соответствии с требованиями законодательства (составление рапортов, актов, справок, приобщение аудио-, видеоматериалов), формирование оперативных материалов.
4. *Этап передачи материалов в следственные органы.* Представление результатов ОРД следователю для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, оказание содействия в планировании и проведении следственных действий.
5. *Заключительный этап.* Оценка эффективности проведенных мероприятий, анализ допущенных ошибок, обобщение опыта для совершенствования тактики противодействия организованной преступной деятельности в сфере незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств[1].

Таким образом, под организованной экономической преступностью в сфере незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств следует понимать устойчивую противоправную деятельность структурированных преступных групп или сообществ, нацеленная на систематическое извлечение преступного дохода путём совершения незаконных финансовых операций. Проведенное исследование убедительно демонстрирует, что ключевым элементом противодействия организованной преступности в сфере незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств, осуществляемых через незаконную банковскую деятельность, выступает не только качественная подготовка, но и результативное проведение ОРМ. Таким образом, в условиях динамичного развития криминальных схем критически важным становится непрерывное совершенствование методов ОРД. Особую значимость приобретает внедрение инновационных решений, в том числе цифровых технологий для анализа больших данных и прогнозирования криминальных рисков. Следует отметить, что указанные действия позволяют оперативно выявлять новые схемы отмывания денег, оценивать потенциальные угрозы и принимать превентивные меры, тем самым повышая общую эффективность противодействия преступным формированиям.

[1] Ильин, А. Е. Актуальные проблемы борьбы с организованной экономической преступностью / А. Е. Ильин, И. В. Чубенко // Актуальные вопросы современной науки : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 15 сентября 2021 года / Научно-методический издательский центр «Форпост науки». – Хабаровск: Форпост науки, 2021. – С. 49-57.

УДК 343.851.5

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ТАДЖИКИСТАНЕ

ТАЪМИНИ ИЛМӢ-НАЗАРИЯВИИ МУҚОВИМАТ БА ҶИНОЯТКОРИИ НОБОЛИҒОН ДАР ТОҶИКИСТОН

ПУЛОДИ ФАРИДАБОНУ ЮЛДАШКУЛ
Старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин факультета № 2, соискатель кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, майор милиции / Омӯзгори калони кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии факултети № 2-юм, унвончӯи кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, майори милитсия
E-mail: faridabonu1992@mail.ru

Вопросы преступности несовершеннолетних, в последнее время, стали самыми актуальными. Исходя из актуальности, жизненности и востребованности в обществе, во многих ключевых нормативных правовых актах об этом уже не только в декларативной форме указывается, но и особо подчеркивается в контексте общих усилий по минимизации не только опасности негативной составляющей преступности несовершеннолетних, но и их последствий. Так, в Национальная стратегия Республики Таджикистан в области защиты прав человека на период до 2038 года указывается, что «По вопросам правосудия в отношении несовершеннолетних рекомендовано обеспечить создание системы отправления правосудия по делам несовершеннолетних в полном соответствии с международными нормами, обеспечить соблюдение минимального возраста наступления уголовной ответственности, а также предоставлять им защиту, не прибегая к использованию системы уголовного правосудия, чтобы система правосудия в отношении несовершеннолетних была создана с особым упором на мероприятия по реабилитации и реинтеграции (пункт 36)»[1].

В настоящее время, проблематика преступности несовершеннолетних в современных реалиях набирает дополнительные обороты. Как нам кажется, влияет на преступность несовершеннолетних также и негативные составляющие общественных отношений. Как обоснованно указывается в Национальной программе по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних на 2020-2024 гг.[2] среди негативных причин способствующих совершению правонарушений несовершеннолетними являются такие, как: не охваченность несовершеннолетних образовательным и рабочим процессом; психологические проблемы; насилие в семье и обществе; не обеспеченность жильём; алкогольная и наркотическая зависимость и др. Вышеприведенным обоснованиям, а также современному состоянию уровня развития правосознания молодого населения с ее последствиями, негативно влияет рост преступности несовершеннолетних, и об этом свидетельствуют показатели преступности среди этой категории лиц.

[1] Национальная стратегия Республики Таджикистан в области защиты прав человека на период до 2038 года: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 05 августа 2023 г. № 357 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

[2] Национальная программа по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних на 2020-2024 гг.: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июля 2020 г. № 431 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

В контексте проводимого нами диссертационного исследования по проблематике преступности несовершеннолетних за последние 35 лет было выявлено определенное сходство, различия, темпы прироста и некоторые формы проявления дисбаланса в статистических данных, которые агрегируют в соответствующих базах данных правоохранительных и судебных органах.

Следует отметить и современный тренд преступности несовершеннолетних, который в большей степени связывают с использованием современных технологий. Но и без них, преступность несовершеннолетних была и остается одной из актуальных направлений теории и практики противодействия преступности, о чём мы часто в своих работах указываем[1].

К сожалению, приходится констатировать, что несовершеннолетние стали чаще совершать преступления, независимо от социально-экономического и иного их положения. Следовательно, в связи с ростом преступности несовершеннолетних, активно растет и число осужденных несовершеннолетних. Среди преступлений, совершаемых несовершеннолетними, определенное число составляют тяжкие и особо тяжкие преступления. Масштабы современной преступности несовершеннолетних представляют реальную угрозу основам многих государств. И ни одно государство мира не может гарантировать себе комфортную среду, которая оберегала бы несовершеннолетних от совершения преступлений. На этом фоне особую озабоченность вызывает интенсивная криминализация среди несовершеннолетних.

В связи с этим, нами предпринята попытка проанализировать законодательные основы, а также научно-теоретическую составляющую противодействия преступности несовершеннолетних. Нормативные правовые акты и научные труды, которые были приняты и опубликованы в разное время, дополнительно свидетельствуют о тщательной проработанности, выбранной нами проблематики, которая уже давно признана глобальной актуальной проблемой для современных государств.

Только за последние несколько лет в Республике Таджикистан были приняты ряд законов: Закон Республики Таджикистан «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка»[2], Закон Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье»[3], Закон Республики Таджикистан «О защите прав ребенка»[4], Закон Республики Таджикистан «О системе

[1] Пулатова, Ф.Ю. Реформирование системы правосудия в отношении детей в Таджикистане / Ф.Ю. Пулатова // Сборник материалов III Международной научно-практической конференции на тему «Юридическая наука и практика», посвященная Дню таджикской науки и объявлению “Года правового просвещения” (г. Душанбе, 19 апреля 2024 г.) // Под ред. П.А. Насуриён. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – С. 416-419; Пулатова, Ф.Ю. Механизм сбора статистических данных относительно детей-правонарушителей и детей, являющихся свидетелями или потерпевшими от преступлений и насилия / Ф.Ю. Пулатова // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Проблемы борьбы с преступностью на Евразийском пространстве», посвященной «Году правового просвещения» (г. Душанбе, 10 мая 2024 г.) // Под ред. д.ю.н., доцента Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2024. – С. 257-261; Пулоди, Ф.Ю. Законодательное и научно-теоретическое обеспечение противодействия преступности несовершеннолетних в Республике Таджикистан / Ф.Ю. Пулоди // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. – 2025. – № 3 (67). – С. 105-111; Пулоди, Ф.Ю. О некоторых аспектах противодействия преступности несовершеннолетних в Республике Таджикистан / Ф.Ю. Пулоди // Уголовное законодательство Республики Таджикистан: история, современность и развитие: материалы республиканской научно-практической конференции // Под общ. ред. к.ю.н., доцента П.А. Насуриён. – Душанбе: Типография МВД Республики Таджикистан, 2025. – С. 156-159.

[2] Закон Республики Таджикистан «Об ответственности за обучение и воспитание ребёнка» от 20 июня 2024 г. №2049 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2024. № 5-6. Ст. 250.

[3] Закон Республики Таджикистан «О предупреждении насилия в семье» от 19 марта 2013 г. №954 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2013. № 3. Ст. 197.

[4] Закон Республики Таджикистан «О защите прав ребенка» от 18 марта 2015 г. № 1196 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2015. № 3. Ст. 218.

предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних»[1] и Закон Республики Таджикистан «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений»[2].

Было принято определенное количество Постановлений Правительства Республики Таджикистан, других нормативных правовых актов, которые регламентируют общественные отношения в части решения актуальных вопросов семьи, несовершеннолетних и их интересов[3].

В части исследования вопросов научно-теоретической проработанности, выбранной нами проблематики, следует отметить, что многие труды отечественных специалистов, именитых ученых нашли свое полное описание в специально составленной библиографии[4]. Из анализа данных, приведенных в библиографии, приходим к выводу о том, что начиная с советских времён развития науки и практики противодействия преступности, в том числе в отношении несовершеннолетних были изданы ряд фундаментальных научных трудов, в которых исследовались: 1) актуальные проблемы совершения преступлений в сфере семейно-бытовых отношений и борьба с ними, 2) конфликты в вышеуказанной области, 3) преступления, составляющие пережитки родового и феодально-байского быта. На основе сделанной нами классификации опубликованных трудов, следует отметить отдельные кандидатские

[1] Закон Республики Таджикистан «О системе предупреждения и профилактики правонарушений несовершеннолетних» от 2 января 2020 г. № 1658 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2020. № 1. Ст. 5.

[2] Закон Республики Таджикистан «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» от 02 января 2025 г. № 2118 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2025. № 1. Ст. 2.

[3] Национальный План действий по защите прав и интересов ребенка на 2003-2010 гг.: утвержден Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 4 июля 2003 г. № 309 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Национальный План действий по реформированию системы ювенальной юстиции на период с 2010-2015 гг.: одобрен Протоколом Комиссии по правам ребенка при Правительстве Республики Таджикистан от 9 октября 2009 г. № 2/16.2 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Программа работы с несовершеннолетними в Республике Таджикистан на период 2010-2015 гг.: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 29 мая 2010 г. № 278 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Государственная программа по предупреждению насилия в семье в Республике Таджикистан на 2014-2023 годы: постановление Правительства Республики Таджикистан от 3 мая 2014 г. №294 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Программа реформирования системы правосудия в отношении детей на 2017-2021 гг.: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 29 июня 2017 г. № 322 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Программа по реабилитации и социальной реинтеграции несовершеннолетних, отбывших наказание в учреждениях лишения свободы или ограничения свободы на 2020-2024 гг.: постановление Правительства Республики Таджикистан от 25 июня 2020 г. № 387 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Национальная программа по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних на 2020-2024 гг.: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июля 2020 г. № 431 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; О Порядке водворения и сроке пребывания в приёмнике-распределителе для несовершеннолетних: постановление Правительства Республики Таджикистан от 27 августа 2020 г. № 459 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Государственная программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021-2030 гг.: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 г. № 265 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Программа реформирования системы правосудия в отношении детей на 2023-2027 годы: постановление Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2023 г. №310 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Государственная программа развития семьи в Республике Таджикистан на 2024-2028 годы: постановление Правительства Республики Таджикистан от 1 марта 2024 г. №136 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; Государственная программа по предупреждению насилия в семье в Республике Таджикистан на 2025-2030 годы: постановление Правительства Республики Таджикистан от 26 декабря 2024 г. №689 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0»; О Межведомственном совете по предупреждению насилия в семье при Правительстве Республики Таджикистан: постановление Правительства Республики Таджикистан от 28 февраля 2025 года №116 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

[4] Рахмаджонзода, Р. Р. (Юлдошев Р. Р.). Библиография по уголовно-правовому профилю подготовки кадров: научное издание. – Душанбе: «ЭР-граф», 2019. – 304 с.

диссертационные исследования Н.В. Жогина[1], Дж.С. Арипова[2], Ю.А. Курбанова[3], С. Хасанова[4], В.П. Коновалова[5], А.Д. Тартаковского[6].

В эту же классификационную группу признано входят монографические исследования Н.В. Жогина[7], Дж.С. Арипова[8], А.Д. Тартаковского и Н.А. Абдуллаева[9], а также Ю.А. Курбанова[10].

В период Государственной независимости Республики Таджикистан со стороны отечественных ученых различные вопросы преступности несовершеннолетних, их права и свободы, а также другие актуальные направления были предметами конкретных диссертационных исследований Ш.С. Хамроева[11] и Н.Б. Азимова[12].

Немаловажное место в нашей авторской классификации занимает и разработка вопросов уголовно-правовой ответственности за совершение преступлений в сфере семейных отношений, преступность несовершеннолетних, различные направления трендовых направлений современной юриспруденции – ювенальной юстиции и пробации, актуальные вопросы насилия в семье, которые стали также предметами отдельных монографических исследований С.С. Солехова, А.А. Абдуллоева[13], Н.Б. Азимова[14], Ф.А. Шараповой[15], В.Ю. Кощеева[16],

[1] Жогин, Н. В. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, составляющими пережитки родового и феодально-байского быта (по материалам Таджикской ССР): дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08 / Жогин Николай Венедиктович. – М., 1959. – 271 с.

[2] Арипов, Дж. С. Расследование преступлений составляющих пережитки феодального отношения к женщине (по материалам Таджикской ССР): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Арипов Джохонгир Салиевич. – Душанбе, 1963. – 216 с.

[3] Курбанов, Ю. А. Борьба с преступностью несовершеннолетних (по материалам Таджикской ССР): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Душанбе, 1968. – 14 с.

[4] Хасанов, С. Советское социалистическое право и коммунистическая нравственность в борьбе с преступлениями, составляющими пережитки феодального быта: (по материалам ТаджССР): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Хасанов Солибой. – Душанбе, 1973. – 208 с.

[5] Коновалов, В. П. Виктимизация от преступности и ее статистическое выражение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Коновалов Вадим Павлович. – М., 1979. – 22 с.

[6] Тартаковский, А. Д. Криминологические проблемы борьбы с истязаниями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Тартаковский Александр Давыдович. – М., 1981. – 22 с.

[7] Жогин, Н. В. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, составляющими пережитки феодально-байского быта / Отв. ред.: Гранберг В. Г. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – 89 с.; Жогин, Н. В. Борьба с преступлениями, составляющими пережитки феодально-байского быта: по материалам Таджикской ССР. – М.: Госюриздат, 1958. – 68 с.

[8] Арипов, Д. С. Борьба с преступлениями, составляющими пережитки феодального быта и некоторые вопросы квалификации / Отв. ред.: Яковлев Я. М. – Душанбе: Изд-во Тадж. гос ун-та, 1962. – 48 с.

[9] Тартаковский, А. Д. Конфликты в сфере семейно-брачных отношений и пути их устранения. – Душанбе: Маориф, 1989. – 25 с.

[10] Косимов, И., Курбонов, Ю. Руку, товарищ подросток. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 61 с.; Курбанов, Ю. А. Подросток и закон. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 112 с.; Курбанов, Ю. А. Наркомания: деградация личности и преступность (вопросы профилактики). – Душанбе: «Ирфон», 1991. – 112 с.

[11] Тартаковский, А. Д., Абдуллаев, Н. А. Преступления в сфере семейно-бытовых отношений и борьба с ними / Отв. ред. В. П. Коновалов. – Душанбе: Дониш, 1989. – 134 с.

[12] Хамроев, Ш. С. Проблемы правового воспитания школьной молодежи в Республике Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Душанбе, 2003. – 183 с.

[13] Гафорова, Ш. А. Криминологическая характеристика насилия в семье и способы его предупреждения: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Гафорова Шахноза Абдуджабборовна. – Душанбе, 2023. – 206 с. (на тадж. яз.).

[14] Солехов, С. С., Абдуллоев, А. А. Несовершеннолетние, наркотики, закон. – Душанбе, 2002. – 173 с.

[15] Шарапова, Ф. А. Формирование положительных жизненных позиций подростков-сирот в Республике Таджикистан: монография. – Душанбе: РТСУ, 2006. – 160 с.

[16] Азимов, Н. Б. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних по новому уголовному законодательству Республики Таджикистан / отв. ред. Х. С. Салимов. – Душанбе, 2006. – 244 с.; Азимов, Н. Б. Преступления против естественного развития несовершеннолетних и интересов семьи. – Душанбе, 2010. – 128 с.

М.М. Сафарзоды, Ш.Н. Авизовой[1], А.Ш. Ализода, С.Х. Хусейнзоды, З. Асрорзода[2], О.В. Кравченко[3], учебных и иных изданий В.П. Коновалова[4], Н.Э. Эмомова[5], В.Ю. Кощеева[6], Б.С. Асламова, Б.С. Самихова[7], соответствующих анализов, рекомендаций и соответствующих инициатив общественных и международных организаций, аккредитованных в Республике Таджикистан[8], которые в общем и в частности, затрагивают вопросы нашей проблематики.

Резюмируя краткий анализ законодательных и научно-теоретических трудов, приходим к выводу, что в настоящее время по степени научной проработанности выбранная нами проблематика с учетом авторских вкладов отечественных специалистов признаётся весьма репрезентативной, заслуживающей положительной оценки.

Проанализированные нормативные правовые составляющие нашего исследования, в настоящее время находятся в актуальном состоянии. К таким выводам нас приводит наша авторская классификация и проведеннчй соответствующий анализ в рамках диссертационного исследования, где некоторые параметры заслуживают комплексного исследования, которые в последующем могут послужить основой для дальнейших научных изысканий и выработке оптимальных путей решения многих вопросов и проблем преступности несовершеннолетних.

[1] Кощеев, В. Ю. Состояние преступности несовершеннолетних в Республике Таджикистан и проблемы её профилактики: монография / отв. ред. М. С. Газиев. – Душанбе, 2010. – 85 с.

[2] Азимов, Н. Б., Сафарзода, М. М., Авизова, Ш. Н. Незаконное изготовление и распространение порнографических материалов или предметов. Влияние порнографии на несовершеннолетних (на тадж. яз.). – Душанбе, 2014. – 120 с.

[3] Кравченко, О. В. Проблемы правовой социализации несовершеннолетних в Республике Таджикистан: теоретический аспект: монография. – Душанбе: РТСУ, 2022. – 202 с.

[4] Коновалов, В. П. Судебно-психологическая экспертиза акцентуации характера подростка: метод. рекомендации. – Душанбе: ТГУ, 1984. – 24 с.

[5] Эмомов, Н. Э. Несовершеннолетние и закон. Особенности производства дел о преступлениях несовершеннолетних: учебное пособие. – Душанбе, 2006. – 120 с.

[6] Кощеев, В. Ю. Ювенальная юстиция: проблемы и перспективы развития: учебно-методическое пособие. – Душанбе, 2018. – 73 с.

[7] Асламов, Б. С., Самихов, Б. С. Предупреждение девиантного поведения среди несовершеннолетних и молодежи: учебное пособие (на тадж. яз.). – Душанбе, 2018. – 70 с.

[8] Исследование законодательства, регулирующего семейные отношения в Таджикистане: анализ и рекомендации. – Душанбе, 2010. – 95 с.; Рекомендации по развитию ювенальной юстиции // Содействие реформе правосудия в Таджикистане: материалы семинара национального уровня» (Душанбе, 5 марта 2014 г.). – Европейский Союз, 2014. – С. 113-114; Принудительное исполнение судебных решений по семейным и гражданским делам в Таджикистане. Проблемы законодательства и практики. – Душанбе, 2016. – 23 с.; Анализ политики и законодательства Республики Таджикистан по правам детей в закрытых и полузакрытых учреждениях. – Душанбе, 2018. – 61 с.; Анализ законодательства Республики Таджикистан в области отправления правосудия в отношении детей. – Душанбе, 2021. – 61 с.; Правосудие для несовершеннолетних // Таджикистан 2016-2021. 3-ий цикл. Универсальный периодический обзор по правам человека, подготовленный организациями гражданского общества Республики Таджикистан. – Душанбе, 2021. – С. 60-63; Проект Концепции развития пробации в Республике Таджикистан. Правовой и социально-экономический анализ изучения возможностей внедрения института пробации и развития альтернативных мер уголовного наказания, не связанных с лишением свободы, в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2021. – 108 с.; Обзор уголовных и административных дел по насилию в семье и по преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы (на тадж. яз.). – Душанбе, 2025. – 41 с.; Обзор уголовных и административных дел по насилию в семье и по преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы. – Душанбе, 2025. – 41 с.

УДК 343.34

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА

ТАВСИФИ ҶИНОЯТӢ-ҲУҚУҚИИ ҶИНОЯТҲОИ МАРБУТ БА МУҲОҶИРАТИ ҒАЙРИҚОНУНӢ ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ РОССИЯ ВА ТОҶИКИСТОН

РАДЖАБОВ РУСТАМ АМОНОВИЧ
Адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России, старший лейтенант милиции / Адъюнкти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологияи Донишгоҳи ВКД Россия дар ш. Краснодар, лейтенанти калони милитсия
E-mail: rajabov_rustam87@mail.ru

Миграция как социально-демографическое явление сопровождает человечество на всём протяжении его истории. Однако с конца XX века интенсивность миграционных потоков приобрела качественно иные масштабы.

Постсоветское пространство, в силу исторической близости государств и существенных экономических диспропорций между ними, превратилось в один из наиболее активных миграционных «коридоров» мира. Россия является здесь, главным образом, страной-реципиентом. Таджикистан, напротив, исторически выступает в качестве страны-донора рабочей силы, экспортирующей значительную часть трудоспособного населения за рубеж, прежде всего, в Россию.

Незаконная миграция давно перестала быть исключительно административной проблемой. Она органично вплетена в совокупность угроз национальной безопасности, связана с торговлей людьми, финансированием незаконных структур, теневым рынком труда. Вследствие этого, как российский, так и таджикский законодатель криминализировали ряд деяний в характеризуемой сфере, создав самостоятельные уголовно-правовые механизмы противодействия.

Между тем, сравнительный анализ этих механизмов в отечественной науке остаётся недостаточно проработанным, хотя необходимость такого сопоставления очевидна – обе страны связаны двусторонними договорами в рамках СНГ. Они взаимодействуют при расследовании трансграничных преступлений.

Как представляется, выявление сходств и различий в конструкции соответствующих составов помогает не только лучше понять логику каждого национального законодателя, но и сформулировать практические рекомендации по гармонизации уголовно-правовых норм.

Итак, категория «незаконная миграция» не имеет единого законодательного определения ни в российском, ни в таджикском праве. И это само по себе порождает интерпретационные трудности. В научной литературе под незаконной миграцией обычно понимают перемещения иностранных граждан и лиц без гражданства, которые нарушают установленный порядок въезда, пребывания, транзита, выезда из государства[1]. Применительно к Таджикистану определение охватывает также незаконный выезд граждан республики за рубеж с нарушением прав мигрантов и миграционного законодательства

[1] Иванова, Е.Л. Актуальные вопросы уголовно-правовой политики в сфере противодействия незаконной миграции / ЕЛ. Иванова // Российский следователь. - 2024. - № 11. - С. 20.

принимающего государства[1]. Расширенное понимание отражает двойственную позицию Таджикистана как страны, одновременно озабоченной защитой собственных граждан за рубежом и контролем над въездом иностранцев.

В теории отечественного уголовного права принято разграничивать нелегальную миграцию (совершаемую с нарушением административных норм) и криминальную – речь идет о перемещениях, осуществляемых с целью совершения преступлений[2]. Подобное разграничение весьма значимо для правоприменения, поскольку влияет на квалификацию деяния, на определение совокупности преступлений.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) преступления, которые сопряжены с незаконной миграцией, сосредоточены в главе 32. До 2004 года в ней применительно к миграционной сфере присутствовала лишь статья 322 УК РФ. Однако нарастание масштабов нелегальной миграции обусловило последовательное расширение уголовного закона. Так, в 2004 г. была введена ст. 322.1, а в 2013 г. – ст.ст. 322.2 и 322.3.

Ст. 322 УК РФ устанавливает ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. Объективная сторона выражается в пересечении границы без действительных документов либо без надлежащего разрешения; квалифицированный состав (ч. 2) охватывает незаконное пересечение лицами, которым ранее был запрещён въезд. В ст. 322.1 УК РФ предусматривается ответственность за организацию незаконного въезда, пребывания, транзитного проезда иностранных граждан и лиц без гражданства: базовая санкция составляет лишение свободы на срок до 5 лет, при квалифицирующих признаках – до 7 лет со штрафом до 500 тысяч рублей. Ст.ст. 322.2 и 322.3 криминализируют фиктивную регистрацию и постановку на миграционный учёт соответственно[3].

Примечательно, что все перечисленные нормы являются бланкетными. Для установления противоправности необходимо обращение к миграционному законодательству – Федеральному закону № 114-ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ», Закону РФ № 4730-1 «О Государственной границе» и прочим актам. Указанное обстоятельство нередко создаёт трудности при квалификации деяний и разграничении преступлений от административных правонарушений по ст. ст. 18.1, 18.8, 18.9 КоАП РФ.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 года (с последующими изменениями) (далее – УК РТ) содержит несколько ключевых норм об ответственности за преступления в анализируемой сфере. Ст. 335 УК РТ устанавливает ответственность за незаконное пересечение госграницы. Ст. 335(1) – «Организация незаконного въезда в Республику Таджикистан иностранных граждан или лиц без гражданства или незаконного транзитного проезда» – по своей сути корреспондирует ст. 322.1 УК РФ[4].

Специфика таджикского законодательства проявляется в наличии самостоятельной ст. 335(2) – «Организация незаконной миграции». Она охватывает организацию нелегальной отправки и трудоустройства граждан за границей, а также трудоустройство мигрантов лицом без лицензии. Характеризуемая норма отсутствует в российском уголовном законе в

[1] Саидзода, И.И., Азимов, С.Ш. Правовые основы предотвращения незаконной миграции в Республике Таджикистан / И.И. Саидзода, С.Ш. Азимов // Права человека: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. - Душанбе: 2022. - С. 64.

[2] Корягина, С.А. Актуальные направления предупреждения незаконной миграции в фокусе миграционной политики в России на современном этапе / С.А. Корягин // Евразийский юридический журнал. - 2025. - № 1 (200). - С. 481.

[3] Исаев, М.Ф. Организация незаконной миграции как угроза национальной безопасности России: уголовно-правовое и криминологическое измерение / М.Ф. Исаев // Закон и власть. - 2026. - № 1. - С. 146-147.

[4] Махмадуллозода, Н.Р. Правовое регулирование трудовой миграции в рамках региональных международных организаций с участием Республики Таджикистан / Н.Р. Махмадуллозода // Правовая жизнь. - 2024. - № 4 (48). - С. 74-77.

подобной форме и отражает приоритеты Таджикистана как страны-донора. Это государство стремится защитить собственных граждан от эксплуатации недобросовестными посредниками в области занятости за рубежом. Как отмечается в сравнительно-правовой литературе, российский законодатель преследует организаторов незаконной миграции, в основном, с позиции страны-реципиента. А таджикский учитывает и роль страны-донора[1].

Санкции по УК РТ за организацию незаконной миграции включают штраф в размере от 500 до 1000 расчётных показателей либо исправительные работы. Это, по существу, более мягкая реакция законодателя по сравнению с российским правом, которое допускает лишение свободы на срок до 7 лет. Дополнительные наказания в обеих системах совпадают:

– ограничение свободы;
– штраф;
– лишение права занимать определённые должности.

Элементы составов преступлений в российском и таджикском законодательстве обнаруживают как существенные сходства, так и принципиальные различия.

Так, в обеих правовых системах родовым объектом служат общественные отношения в сфере государственного управления, безопасности; видовым – отношения, обеспечивающие установленный порядок миграции и государственную границу. Непосредственным объектом предстает конкретный сегмент миграционного правопорядка:

– законный порядок пересечения границы;
– пребывания иностранцев;
– регистрации;
– постановки на учёт.

По УК РФ субъект является общим (физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет). При квалифицирующих признаках специальный – лицо, которое использует служебное положение. По УК РТ конструкция схожа, однако применительно к ст. 335(2) субъектом может выступать работодатель либо посредник, осуществляющий трудоустройство без лицензии. И это придаёт составу отчётливо специальный характер.

В обеих характеризуемых системах преступления совершаются исключительно с прямым умыслом. Так, лицо осознаёт незаконный характер совершаемых им действий; оно желает их наступления. В ч. 2 ст. 322.1 УК РФ предусмотрен специальный мотив (совершение преступления на территории России). Это существенно повышает общественную опасность деяния.

Что касается объективной стороны обеих групп составов, то она описывается формальной конструкцией: преступное деяние считается оконченным в момент совершения, независимо от наступления вредных последствий. Формы деяний по ст. 322.1 УК РФ и ст. 335(1) УК РТ совпадают: организация въезда, транзита, пребывания. Специфика ст. 335(2) УК РТ проявляется в дополнительной форме в виде незаконной отправки граждан за рубеж.

Относительно квалифицирующих признаков в УК РФ речь идет о группе лиц по предварительному сговору, организованной группе, использовании служебного положения, цели совершения преступления на территории РФ. В УК РТ применительно к ст. 335(2) квалифицированный состав предусматривает аналогичные признаки, однако без специальной цели в виде совершения преступного деяния.

[1] Ахмадзода, Р.С. Специфика объективной стороны преступлений, связанных с незаконной миграцией, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан / Р.С. Ахмадзода // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. - 2025. - № 3 (104). - С. 42.

Сопоставление двух правовых систем дает возможность выделить ряд общих черт. Так, обе они задействуют бланкетные нормы, что требует системного толкования уголовного закона в связке с миграционным законодательством. Помимо этого, преступления в характеризуемых системах являются формальными по конструкции, умышленными по субъективной стороне. Предполагаются специальный или общий субъект. Оба уголовных закона предусматривают квалифицирующие признаки в виде организованной группы, использования служебного положения.

Принципиальные различия обусловлены разными ролями государств в миграционных процессах. Российский законодатель значительно более детально регулирует вопросы на предмет фиктивной регистрации и постановки на миграционный учёт, поскольку именно злоупотребления в указанной сфере распространены в стране-реципиенте. Таджикский же, напротив, акцентирует внимание на незаконном вывозе собственных граждан за рубеж и нелицензированном посредничестве в трудоустройстве (имеется в виду ответ на реалии страны-донора). В российском уголовном законе предусмотрены более суровые санкции в виде реального лишения свободы. В УК РТ они в целом мягче и тяготеют к штрафам, исправительным работам.

Проведённый сравнительно-правовой анализ дает основания сформулировать ряд практических предложений, посредством которых устраняются пробелы в законодательстве обоих государств.

Так, законодателю Республики Таджикистан целесообразно ввести нормы, аналогичные российским ст. 322.2 и 322.3 УК РФ (об ответственности за фиктивную регистрацию и постановку на миграционный учёт иностранных граждан). В настоящее время подобные деяния охватываются лишь административным правом. И это явно недостаточно при систематической организованной деятельности. Российскому законодателю, в свою очередь, следует дополнить ст. 322.1 УК РФ нормой об уголовной ответственности за незаконное вовлечение российских граждан в нелегальную трудовую миграцию за рубеж. Это сблизит подходы двух стран и создаст симметричную защиту вне зависимости от роли государства в миграционном процессе. Наконец, обоим странам необходимо закрепить законодательное определение «незаконной миграции» непосредственно в уголовном законе либо специальном миграционном акте, поскольку доктринальная неопределённость термина ведёт к неоднородной правоприменительной практике.

Таким образом, российское и таджикское уголовное законодательство, опираясь на общую правовую традицию советского периода, выработали самостоятельные, но частично пересекающиеся механизмы противодействия незаконной миграции. Их объединяет бланкетный метод регулирования, формальная конструкция составов, акцент на организованных формах преступной деятельности. Различия же проявляются в перечне криминализованных деяний, строгости санкций, расстановке законодательных приоритетов (закономерно отражают разные позиции стран: Россия выступает в роли крупнейшего реципиента трудовых мигрантов в регионе, Таджикистан – в качестве одного из основных поставщиков рабочей силы. Дальнейшее исследование данной проблематики видится перспективным в части разработки модельных норм для государств – членов СНГ и усовершенствования механизмов международного правового сотрудничества по трансграничным миграционным преступлениям.

УДК 343.98

ВЫДВИЖЕНИЕ И ПРОВЕРКА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ВЕРСИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СЕМЬЕ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

ПЕШНИҲОД ВА САНҶИШИ РИВОЯТИ КРИМИНАЛИСТИИ ДАР ТАФТИШОТИ ҶИНОЯТҲОИ ЗӮРОВАРОНАИ ОИЛАВӢ ДАР МАРҲИЛАИ ИБТИДОӢ

РАСУЛИЁН АНИСА КАХОР
Докторант кафедры криминалистики и судебно-экспертной деятельности юридического факультета Таджикского национального университета / Докторанти кафедраи криминалистика ва фаъолияти судӣ-экспертии факултети ҳуқуқшиноии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Вероятностное представление о произошедших и возможных будущих событиях является одной из ключевых составляющих человеческой психики. В ходе любого расследования невозможно обойтись без формирования следователем (дознавателем) предположений о том, как именно развивались события, то есть без выдвижения версий, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье. Криминалистическая версия представляет собой научно и фактически обоснованное предположение следователя (либо иного уполномоченного лица) относительно сущности события или отдельных его обстоятельств, подлежащее обязательной проверке[1].

Учение о криминалистической версии является одним из наиболее детально разработанных направлений в криминалистической науке. В научных работах, посвящённых данной теме, а также в исследованиях по смежным вопросам, на высоком теоретическом уровне проанализирован широкий круг ключевых положений, включая понятие и сущность версий, их классификацию, а также особенности их формирования и последующей проверки, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье[2]. В этой связи представляется нецелесообразным повторно рассматривать уже достаточно подробно и обоснованно изложенные в научной литературе теоретические положения, в том числе в монографических исследованиях. Вместе с тем, анализ следственной практики свидетельствует о том, что следователи и дознаватели нередко сталкиваются с трудностями при формулировании и проверке версий, включая ситуации при расследовании насильственных преступлений в семье.

Как отмечает В.Н. Карагодин, в известных научно-методических пособиях отсутствуют материалы, которые позволяли бы устранить подобные пробелы в профессиональных знаниях практических работников[3].

Исходя из изложенных теоретических положений, представляется возможным определить особенности выдвижения и проверки версий при расследовании насильственных преступлений в семье.

Версионная деятельность, как правило, проходит несколько последовательных этапов. Первый этап связан со сбором информации о насильственном преступлении, совершённом в

[1] Волохова, О.В. Криминалистика: учебник / под ред. Е. П. Ищенко. - М.: Проспект, 2011.
[2] Драпкин, Л.Я. Выдвижение и проверка следственных версий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00 / Л.Я. Драпкин. - М., 1972; Он же. Основы теории следственных ситуаций. - Свердловск, 1987. - С. 59-89; Ларин, А. М. От следственной версии к истине. - М., 1976. - С. 54.
[3] Карагодин, В.Н. Выдвижение версий о личности субъекта нераскрытого преступления / В.Н. Карагодин // Законность. - 2009. - № 7. - С. 14.

жилом помещении, и её последующим логическим анализом. На практике эти процессы нередко осуществляются одновременно. Изучая и осмысляя обстановку места происшествия, показания потерпевшего, а также сведения, полученные от очевидцев из числа членов семьи, следователь (дознаватель) формирует ряд сменяющих друг друга мысленных моделей произошедшего. Например, допускается, что преступление могло быть совершено посторонним лицом, знакомым потерпевшего либо членом семьи, который присутствовал или отсутствовал в момент осмотра. Затем полученные фактические данные сопоставляются с каждой из выдвинутых моделей.

Г. Арцишевский отмечал, что основанием для формирования следственных версий могут выступать различные категории информации[1]. По его мнению, помимо доказательств, полученных в ходе следственных действий, при формировании версий допустимо использовать также сведения, поступающие из непроцессуальных источников. Он полагает, что криминалистическая версия может строиться не только на достоверно установленных фактах, но и учитывать информацию, не прошедшую процессуальную проверку.

Ученый обосновывает данную позицию тем, что следственная версия по своей природе представляет собой вероятностное знание. В связи с этим выводы, вытекающие из неё до момента проверки, носят условный и предварительный характер, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье[2].

Вместе с тем мы не разделяем позицию А. Григоряна о том, что информация, используемая при построении криминалистической версии, должна обязательно быть закреплена на материальном носителе и не может включать в себя сведения в форме разговоров, слухов, мнений или обсуждений[3]. Мы исходим из того, что любые сведения, независимо от того, зафиксированы ли они на материальном носителе или нет, могут быть использованы в качестве основы для выдвижения версии. Так, при обнаружении трупа соседи потерпевшего могут высказывать предположение о возможной причастности одного из членов семьи к произошедшему. Подобное мнение нередко формируется не на основе конкретных фактов, а вследствие длительного наблюдения за семейными отношениями, оценки характера взаимодействия между родственниками и иных косвенных признаков, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье.

При этом соседи могут отказаться от фиксации своих слов в протоколе, опасаясь негативной социальной оценки или обвинений в распространении слухов. Однако исключение подобной информации из процесса построения версий представляется методологически ошибочным.

Е. Коцева-Владимирова отмечает, что исходные данные, используемые для формирования версий, могут носить как проверенный, так и непроверенный характер. Более того, основанием версии могут выступать даже заведомо неверные объяснения обвиняемого. Это объясняется тем, что при альтернативных умозаключениях опровержение ложного предположения способствует установлению истинного[4].

Второй этап непосредственно связан с формулированием версий о том, совершено ли насильственное преступление одним из членов семьи в отношении другого и каковы возможные мотивы такого деяния. Если на данном этапе следователь (дознаватель) не может выдвинуть хотя бы одну достаточно обоснованную версию, это свидетельствует о преждевременности сделанных выводов и необходимости возврата к сбору дополнительной информации, прежде всего касающейся внутрисемейных отношений жертвы

[1] Арцишевский, Г. В. Выдвижение и проверка следственных версий. - М.: Юрид. лит., 1978. - С. 25-27.
[2] Павлов, Х.П. Характеристика процесса мышления, связанного с выдвижением и проверкой следственных версий / Х.П. Павлов // Рос. следователь. 2012. № 6. С. 43-46.
[3] Григорян, А. Значение данных о личности потерпевшего - сотрудника органов внутренних дел при построении следственных версий / А. Григорян // Рос. следователь. - 2011. - № 17. - С. 2-4.
[4] Коцева-Владимирова, Е. Версии при расследовании. -С.: Юриспрес: 2002.

насильственного преступления в семье.

Х. Павлов отмечает, что обоснованность выдвигаемых криминалистических версий может быть констатирована при определённых условиях. Во-первых, версии формируются следователем на основе имеющихся доказательств и иной информации после их тщательного анализа и обобщения. В этой связи в рамках уголовного дела может выдвигаться несколько гипотетических предположений относительно обстоятельств исследуемого события, однако каждое из них может рассматриваться как криминалистическая версия лишь в том случае, если оно опирается на уже известные и проверенные сведения[1].

Во-вторых, криминалистические версии должны не только опираться на имеющийся по делу доказательственный материал, но и служить инструментом его дальнейшего анализа. С их помощью необходимо устанавливать: сущность фактов, лежащих в основе обстоятельств, по поводу которых выдвигаются версии; объективные закономерности возникновения и развития этих фактов; а также взаимосвязи как между уже установленными, так и пока невыясненными обстоятельствами, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье.

В любом случае подобное противоречие в доказательственном материале, как отмечает Й. Кунчев, выступает своего рода «сигналом» возможной недостоверности собранной информации и (или) ошибочности сформированной версии, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье[2]. В этой связи вероятность того, что отдельная следственная версия подтвердится и в дальнейшем трансформируется в достоверное знание о конкретном предполагаемом обстоятельстве, существенно возрастает в тех случаях, когда она выдвигается на основе всей собранной либо большей части непротиворечивой совокупности доказательств, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье[3].

При расследовании насильственного преступления в семье общая версия направлена на объяснение самого события, то есть на установление того, что именно произошло: убийство, жестокое обращение с ребёнком и т. п. При формулировании таких версий (которых может и должно быть несколько, включая альтернативные) основное внимание уделяется объективной стороне деяния, а действия предполагаемого преступника оцениваются с позиции уголовного закона вне зависимости от его личности.

Это указывает на то, что при выдвижении общих версий в рамках расследования насильственных преступлений в семье специфика, связанная с наличием семейных отношений между потерпевшим и правонарушителем, на данном уровне анализа не проявляется. Иначе обстоит ситуация при формулировании частных версий, под которыми понимаются гипотезы относительно отдельных элементов расследуемого деяния: личности виновного, использованных орудий преступления, целей и мотивов его действий и иных значимых обстоятельств.

Выдвигая частную версию о том, что насильственное преступление совершено членом семьи потерпевшего, для установления субъективной стороны необходимо также формировать гипотезы о роли пострадавшего — являлся ли он жертвой систематического домашнего насилия либо, напротив, сам ранее выступал инициатором насильственных действий. В любом случае следует учитывать, что степень детализации выдвигаемых версий определяется конкретными условиями следственной ситуации, складывающейся на момент планирования, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье.

В криминалистической литературе ведётся дискуссия относительно порядка выдвижения версий: следует ли сначала формулировать общие версии с последующим

[1] Российский следователь. - 2012. - № 6. - С. 43-46.
[2] Кунчев, И. Криминалистическая тактика. - С.: Албатрос, 2003. - С. 124.
[3] Российский следователь. - 2012. - № 6. - С. 43-46.

переходом к частным либо эти процессы осуществляются параллельно. Так, С. Пропастин считает, что первоначально должны выдвигаться общие версии, позволяющие определить общие направления и границы поиска, а затем – частные версии, конкретизирующие отдельные участки информационного поиска применительно к каждой общей гипотезе. По его мнению, именно такая последовательность обеспечивает достижение цели планирования, заключающейся в уточнении направления расследования. В противном случае формальное закрепление версий может не только утратить практическую значимость, но и существенно осложнить либо дезорганизовать взаимодействие участников расследования[1]. В. Н. Карагодин не разделяет указанную позицию. Он отмечает, что вызывает возражение утверждение С. Пропастина о необходимости сначала выдвигать общие версии о событии преступления с последующим выведением из них частных. По его мнению, на практике нередко возникают ситуации, когда уже на основании имеющихся данных возможно сформулировать версию, например, о способе убийства, совершённого конкретным лицом, относящимся к определённому кругу подозреваемых, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье[2].

Мы разделяем позицию В.Н. Карагодина. Действительно, в ситуациях, когда установлены способ совершения насильственного преступления в семье и сам факт того, что преступление совершено членом семьи, первостепенное значение приобретают частные версии, связанные с установлением конкретного лица и его возможных мотивов. Вместе с тем исключать общие версии о характере произошедшего события – убийство, несчастный случай, неосторожное причинение смерти и т. п. недопустимо, поскольку это может привести к ошибочным процессуальным решениям по делу.

На третьем этапе из каждой выдвинутой версии выводятся логические следствия. Например, если формулируется версия о том, что «жена нанесла удар ножом мужу», то из неё вытекают такие предположения, как: в момент нанесения удара жена должна была находиться рядом с потерпевшим, а не в ином месте; у неё должна была иметься физическая возможность нанести удар соответствующей силы и направленности и т. д.

Именно такие следствия, вытекающие из криминалистических версий, играют важную роль в процессе расследования насильственных преступлений в семье. Они определяют направление дальнейшей работы, формируют задачи следственных действий и ориентируют на получение максимально полного объёма информации, характеризующей личность преступника (например, стремился ли он сохранить власть и контроль над членами семьи или, напротив, действовал в условиях защиты себя либо других от агрессии). Кроме того, они способствуют установлению факта преступления, его основных признаков, отдельных обстоятельств, а также сбору доказательственной базы для последующего планирования расследования.

Четвёртый этап представляет собой проверку выдвинутых версий. При этом не только формирование, но и их проверка должны осуществляться в строгом соответствии с криминалистическими рекомендациями организации раскрытия и расследования преступлений. Следственные версии проверяются, как правило, путём проведения соответствующих следственных действий, тогда как оперативно-розыскные мероприятия используются преимущественно как вспомогательные, хотя и важные средства[3].

Все выдвинутые версии, независимо от степени их вероятности, подлежат обязательной комплексной проверке. Только такой подход обеспечивает всестороннюю

[1] Пропастин, С. Типичные недостатки организации взаимодействия следователя и оперативных подразделений по делам об убийствах / С. Пропастин // Законность. - 2009. - № 3.
[2] Карагодин, В.Н. Выдвижение версий о личности субъекта нераскрытого убийства / В.Н. Карагодин // Законность. - 2009. - № 7. - С. 81-84.
[3] Кокурин, Г.А. Выдвижение и проверка поисковых версий в ходе раскрытия и расследования преступлений / Г.А. Кокурин // Российский юридический журнал. - 2012. - № 3. - С. 118-125.

оценку поступающей информации и позволяет последовательно решать задачи, возникающие в ходе расследования. Каждая версия должна быть тщательно проверена, и, за исключением той, которая получила объективное подтверждение, остальные подлежат опровержению.

Следователь (дознаватель) обязан сохранять критическое отношение к результатам проверки версий. Критичность выступает необходимым условием эффективного решения задач уголовного судопроизводства по расследуемому преступлению, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье.

Как отмечает Й. Кунчев, «объективность требует, чтобы расследующий орган проявлял критичность не только в отношении выводов и оценок специалистов и других лиц, участвующих в уголовном производстве, но и к собственным выводам, версиям и оценкам фактов по делу»[1].

На основании изложенного, можно сделать следующие выводы.

Криминалистическая версия является необходимым элементом познавательной деятельности следователя (дознавателя) и представляет собой вероятностное, научно и фактически обоснованное предположение, требующее обязательной проверки в процессе расследования, в том числе при расследовании насильственных преступлений в семье.

Формирование версий осуществляется на основе как процессуальной, так и непроцессуальной информации. При этом недопустимо опираться исключительно на непроверенные сведения, однако их полное исключение из анализа также является методологической ошибкой при построении следственных предположений.

Версионная деятельность носит поэтапный характер и включает: сбор и анализ информации, выдвижение общих и частных версий, выведение логических следствий и последующую их проверку. На каждом этапе важное значение имеет системность и логическая взаимосвязь получаемых выводов.

В условиях расследования насильственных преступлений в семье особое значение приобретают частные версии, связанные с установлением личности виновного, мотивов и обстоятельств совершения преступления, при обязательном сохранении общих версий о характере самого события. Эффективность расследования зависит от правильного сочетания общих и частных версий, их своевременного уточнения и корректировки в зависимости от следственной ситуации, а также от полноты анализа внутрисемейных отношений участников события. Проверка версий должна осуществляться комплексно, с использованием следственных и оперативно-розыскных средств, при обязательном сопоставлении всех полученных данных и критической оценке результатов.

Ключевым условием объективности расследования является критическое отношение следователя к собственным выводам и версиям, что обеспечивает снижение риска ошибок и способствует установлению истины по уголовному делу.

[1] Кунчев, И. Криминалистическая тактика. - С.: Албатрос, 2003. - С. 124.

ТДУ 343.3/.7:004

АФЗОИШИ КИБЕРҶИНОЯТҲО БО МУСОИДАТИ ДРОППЕРҲО ВА РОҲҲОИ ПЕШГИРИИ ОНҲО

РОСТ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ С ПОМОЩЬЮ ДРОППЕРОВ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

РАҲМОНЗОДА РАМАЗОН АМРОХОН
Сардори шуъбаи тафтишотии РВКД дар шаҳри Душанбе, унвонҷӯи кафедраи мурофиаи ҷиноятии факултети № 2-юми Академияи ВКД ҶумҳурииТоҷикистон, полковники милитсия / Начальник следственного отдела УВД по городу Душанбе, соискатель кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции

Солҳои охир бо рушди рӯзафзуни Интернет ва технология, инчунин зиёд шудани истифодабарандагони кортҳои бонкӣ ва суратҳисобҳои бонкӣ имрӯзҳо дар ҷомеа калимаҳои киберҷиноят ва дроппер бештар шунида мешаванд.

Дроппер аз калимаи англисӣ “dropp” гирифта шуда, маънояш “партофтан” мебошад. Дропперҳо (ё дроп) як иштирокчии фаъоли нақшаҳои қаллобӣ буда, корти бонкӣ ё суратҳисоби бонкии ӯ барои содир шудани киберҷиноятҳо аз ҷумла, интиқоли маблағ ё шустушӯи пулҳои бо роҳи ҷиноят тасарруфшуда истифода бурда мешавад. Дропперҳо ҳамчун миёнарав барои қаллобони интернети (киберҷиноятқорон) хизмат намуда, ба мақсади амалӣ намудани нақшаҳои шуми онҳо, яъне қабул, нигоҳдорӣ, интиқол ва нақд кардани пулҳои тасарруфшуда ё дигар маълумотҳои бонкӣ хизмат мекунанд. Онҳо ин амалҳоро бо супориши содиркунандаи асосии ҷиноят анҷом дода, маблағи ночизе дар корти худ ё суратҳисоби худ нигоҳ дошта, бо ҳамин восита пулӣ осон ба даст меоранд. Дропперҳоро воситаи байни қаллоб ва ҷабрдида низ ном бурдан мумкин аст.

Қаллобон барои ҷалб кардани шаҳрвандон як низоми ба худ хосро эҷод намуда, тавассути шабакаҳои иҷтимоӣ ва мессенҷерҳо пешниҳод менамоянд, ки бо роҳи иҷора додани кортҳои бонкӣ ё интиқол намудани маблағҳо, метавонанд фоидаи осон ба даст оваранд. Аммо сарчашма ва бо роҳи қаллобӣ тасарруф гардидани маблағро тамоман намефаҳмонанд. Дар ин раванд, қаллобон ба ҷалбшудагон ҳар гуна баҳонаҳои сохтаро пеш оварда, ба онҳо маълумоти бардуруғро пешниҳод менамоянд. Ҳамин тавр, қаллобон шаҳрвандонро ба дроппер табдил дода, дидаву дониста ба ҷиноятҳои қаллобияшон шарик месозанд, аммо бештари аз ҷалбшудагон аз иштирокашон дар ин ҷиноятҳо пай намебаранд.

Шаклҳои паҳнгардидаи киберҷиноятҳо, ки қаллобони интернетӣ аксар вақт шаҳрвандонро фиреб дода, аз онҳо истифода мебаранд инҳо мебошанд:

– қаллобон ба воситаи ватсап, телеграмм ё дигар сайтҳои интернети ба истифодабарандаи корти бонкӣ ё суратҳисоби бонкӣ тариқи маҷози алоқа барқаррор намуда, пешниҳод мекунанд, ки корти бонкӣ ё маълумотҳои суратҳисоби бонкиятшро вобаста ба мӯҳлати истифодабари (соат, рӯз, моҳ) ба иҷора диҳад маблағи муайян дар суратҳисобаш мегузаронад;

– аз ҷониби қаллобон тариқи шабакаҳои иҷтимои пешниҳод карда мешавад, ки ба воситаи корти бонкӣ ё суратҳисоби бонкӣ маблағро аз муштарии «а» қабул намуда, ба муштарии «б» интиқол диҳед, вобаста ба миқдори пули интиқолшуда фоизи муайянро (3-5 %) ба худ нигоҳ доред;

– қаллобон дар зери ниқоби корфармо ё иҷорадеҳ даромада, ба муштариён ҷойи кор ва маоши баланд, инчунин амволҳои ғайриманқулро нисбатан арзонтар барои фуруш ё додани иҷора пешниҳод намуда, дар ин сурат ҷабрдида бояд ба сармоягузори сохта миқдори муайян маблағ гузаронад ё ягон амали фармударо иҷро намояд;

– инчунин, тариқи шабакаҳои интернети ба шаҳрванд маълумоти бардуруғ пешниҳод карда мешавад, ки шумо соҳиби шоҳҷоиза, ҷоиза ва бонус шудед, мукофоти рекордӣ ё фоидаи зиёд ба даст овардаед, дар суратҳисоби муайян як миқдор маблағи пулӣ барои гирифтани он гузаронед;

– дигар шакли паҳнгаштаи киберҷиноятҳо гузаронидани бозиҳои бурднок ба шумор меравад. Бо ваъдаи он, ки маблағи кам гузошта марҳила ба марҳила соҳиби маблағи калон мегардед ва дигар нафаронро низ дар ин бози ҷалб созед даромади шумо дучанд ё сечанд мегардад. Аммо ин ҳама фиреб буда, дар охир муштариён зарарҳои гуногуни молиявӣ мебинанд. Одатан саркардагони ин бозиҳо дар хориҷи кишвар қарор дошта, барнома ва бозиҳои худро пешниҳоди муштариён менамоянд, аммо маблағи пули бевосита тавассути кордҳои дропперҳо ба онҳо рафта мерасад;

– қаллобон бар ивази маблағӣ пули, истифода аз шиносои ё хешутабори ва дигар ваъдаҳо шаҳрвандони ноогоҳро фиреб дода, дар номи онҳо аз ширкатҳои гуногун, симкортҳои мобили гирифта, инчунин кортҳои бонки кушода, минбаъд истифодабарии онҳоро пурра дар ихтиёри худ қарор дода, метавонанд онҳоро бо мақсади ғараз ё содир намудани ҷиноятҳо истифода баранд.

Бояд қайд намуд, ки тибқи талаботи м. 341(1) Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ), «барои вайрон кардани талаботи санадҳои меъёри ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон доир ба пайвасткунии симкорт ба шабакаи алоқаи барқӣ ва ба соҳибияти каси дигар додани он» ҷавобгарии ҷиноятӣ то ҳади маҳрум намудан аз озоди пешбини намудааст.

Дар ҳамма мавридҳо қаллобон ба шаҳрвандон маълумоти бардуруғ пешниҳод карда, аз мақсади ғараз ва тасарруф шудани маблағҳо хабар намедиҳанд. Бархе аз истифодабарандагони шабакаҳои интернетӣ бошанд ҷиҳати зиёд намудани обуначиёни худ, баъзе навору рекламаҳои баръало бардуруғ ва ҷобили диққатро пешниҳоди мардум менамоянд, ки ин низ дар фазои маҷози як навъи фиреб ба ҳисоб меравад.

Пас мо бояд чӣ гуна имӯз худро аз киберҷиноятқорон ҳифз кунем:

– ҳеҷ гоҳ дар занҷираи қабул ва интиқол, ки интиқолдиҳанда ва қабулкунандаи маблағро намешиносед иштирок накунед, аз ин амал дурӣ ҷӯед. Агар аз шумо хоҳиш карда шавад, ки пардохтро аз "муштарии А" қабул намуда ба "муштарии Б" фиристед рад кунед, чунки қаллобони интернетӣ пули касеро тасарруф намуда, аз шумо истифода бурда истодаанд. Дар инҷо шустушӯй пулҳои ҷиноятӣ рафта истодааст;

– агар ба суратҳисоби шумо маблағ аз интиқоли номаълум расид, маблағро сарф накунед ё худ ҳарчи зудтар онро бар гардонед, дар акси ҳол бояд фавран ба корманди бонк оиди чорабинӣ, волидайн ё мутахассиси соҳа маслиҳат кунед;

– ҳеҷ гоҳ корти бонкӣ ва маълумотҳои суратҳисоби бонкии худро ба дигар нафар ба ҳеҷ ваҷҳ надиҳед, чун ки тавассути корт ва суратҳисоби шумо маблағи пулӣ тасарруф шуда, дар айни ҳол шумо шарики ҷиноят ба ҳисоб меравед;

– шахсеро, ки намешиносед ё дар бораш маълумот надоред ба ҳар навъе ба суратҳисобаш маблағ нагузаронед, шояд он суратҳисоби гуруҳҳои террористӣ ва экстремистӣ бошад, ки дар ниқоби эҳтиёҷманд ё дигар нафар ба сомона роҳ ёфтааст. Дар ин сурат мақомотҳои ҳифзи ҳуқуқ метавонанд шуморо барои маблағгузории терроризм мавриди тафтиш қарор диҳанд;

– ба ҳар гуна рекламаҳо ва паёмакҳои шабакаҳои иҷтимоӣ, ки шуморо аз кори маошаш баланд, шоҳҷоизаҳо, туҳфаҳо, бонусҳо, таҳфифҳо, фуруш ва ба иҷора додани амволҳои ғайриманқули арзон ва дигар даромадҳои муфт (шитобед, бурд кардед,

соҳиби шоҳҷоиза шудед, арзон мефурушем, ба иҷора медиҳем) хабар медиҳанд бовар накунед ва носанҷида маблағ нагузаронед

Имрӯзҳо истифодабарандагони шабакаҳои иҷтимоӣ то рафт зиёд шуда истода, шаҳрвандон тариқи ғайринақдӣ харидорӣ намудани молу маҳсулот, гирифтани маошу нафақа ва дигар хизматрасониҳоро ба роҳ монда, мушкилии худро дар бобати вақт ва меҳнат нисбатан осон намуда истодаанд. Аммо, содир шудани қиберҷиноятҳо ва рабурдани маблағҳои шаҳрвандон, имрӯз баъзе нафаронро ба ташвиш овардааст. Бояд қайд намуд, ки аксарияти ҷиноятҳои киберӣ ва тасарруф шудани маблағҳои ҷабрдидагон аз як тараф паст будани иттилоотнокии аҳолӣ бошад, аз тарафи дигар мусоидати дропперҳо ба шумор меравад. Бинобар ин, мушкилии фаъолияти дропперҳо имрӯз дар ҷомеа оммавӣ шуда, онҳо бо як эпидемия ё вабое дар ҷомеа паҳн гаштаанд, ки алакай баъзе аз давлатҳо нисбати онҳо ҷавобгарии ҷиноятиро то ҳадди маҳрум намудан аз озодӣ дар қонунгузорияшон қабул намудаанд.

Барои пешгирӣ аз ин зуҳурот, қонунгузории кишварҳои алоҳида ба шахсоне, ки корти бонкӣ ё маълумотҳои суратҳисоби бонкии худро ба дигар нафар медиҳанд ё дар занҷираи амалиёти қабул ва интиқоли маблағҳои тасарруфшуда ё шустушӯи маблағҳо иштирок мекунанд, ҷавобгарии ҷиноятиро пешбини намудаанд.

Аз ҷумла, дар давоми соли 2025 дар КҶ Федератсияи Россия м. 187 (илова кардани қисмҳои модда), КҶ Ҷумҳурии Қазоқистон м. 232 иловаи 1 ва КҶ Ҷумҳурии Қирғизистон м. 209 иловаи 1 тағйиру иловаҳо ворид карда шуд. Мувофиқи қонунҳои қабулшуда шахсоне, ки корти бонкӣ ё маълумотҳои суратҳисоби бонкии худро ба дигар нафар медиҳад ё дар занҷираи амалиёти қабул ва интиқоли маблағҳои тасарруфшуда ё шустушӯи маблағҳо иштирок мекунанд, ҷавобгарии ҷиноятиро пешбинӣ намудааст.

Қонуни мазкур метавонад болоравии содиршавии киберҷиноятҳоро, ки бевосита қаллобон аз дропперҳо истифода мебаранд коҳиш диҳад. Мақсади асосии қонуни навтаъсис - пешгирии тасарруфи маблағҳо аз ҷониби қаллобони интернетӣ ба воситаи дропперҳо мебошад. Чун ки имрӯзҳо киберҷиноятҳоро бо хатари ҷаҳони муосир раб додан мумкин аст.

Чунин шакли ҷиноятқорӣ, яъне киберҷиноятҳо дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамарӯза ба қайд гирифта шуда, теъдоди ин ҷиноятҳо то рафт афзуда истодааст. Мусалам аст, ки ҳамарӯза истифодабарандагони кортҳои бонкӣ ва суратҳисобҳои бонкӣ зиёд шуда истода, дар сурати сари вақт чораҷӯи накардани ин масъала метавонад дар ояндаи наздик содиршавии ин қабил ҷиноятҳо ба таври бесобиқа боло равад.

Бояд қайд намуд, ки солҳои охир техника ва технологияҳои рақамӣ, пайдоиш ва инкишофи сайтҳои гуногуни иҷтимои ва равандаҳои интернети бо суръат тараққи карда, ҳаммаи соҳаҳои ҳаёти ҷамъияти, сиёси ва фаридаро кулан фаро гирифтааст. Аммо иттилоотикунонии аҳолӣ ба таври дахлдор таъмин нагардида, истифодаи нодурусти сайтҳо ва шабакаҳои иҷтимои, кортҳои бонки, симкордҳои мобили ва суратҳисобҳои бонкӣ аз тарафи бархе аз сокинон алалхусус ҷавонон ба мушоҳида мерасад.

Тибқи таҳлилҳо ва маълумотҳои оморӣ дар кишвари азизамон содиршавии киберҷиноятҳо рӯз то рӯз зиёд ба қайд гирифта шуда истодааст, ки қисмати ин ҷиноятҳо маҳз бо мусоидати дропперҳо содир мегарданд.

Бо дарназардошти он, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон нисбат ба шахсоне, ки корти бонкӣ ё маълумотҳои суратҳисоби бонкии худро ба дигар нафар медиҳанд ё дар занҷираи амалиёти қабул ва интиқоли маблағҳои тасарруфшуда ё шустушӯи маблағҳо иштирок мекунанд (дроперҳо) ҷавобгарӣ пешбинӣ нашудааст. Аз ин хотир онҳо бо мақсади ба даст овардани фоидаи муфт ва пули осон метавонанд кирдорҳои худро озодона идома диҳанд.

Имрӯз вақти он расидааст, ки натанҳо шахсони қаллобро, ки маблағҳоро тасарруф намудаанд ба ҷавобгарӣ кашем, балки нафароне, ки корти бонкӣ ё маълумотҳои суратҳисоби бонкии худро ба дигар нафар медиҳанд ё дар занҷираи амалиёти қабул ва

интиқоли маблағҳои тасарруфшуда ё шустушӯи маблағҳо иштирок мекунанд (дропперҳо) таҳти тафтиш қарор дода, чораандешӣ намоем. Чунки киберҷиноятқорон алалхусус дар хориҷ қарордошта бе мусоидати дропперҳо наметавонанд, нақшаи ҷиноятии худро амали намуда, маблағҳои мардумро тасарруф намоянд. Муҳим он нест, ки дроппер аз сарчашмаи ғайриқонунии пайдоиши маблағ огоҳӣ дошт ё не, муҳим бо ғарази шахсӣ амал кардан мебошад. Ҳатто як маротиба корти бонкии худро ба ивази фоида ба дигарон додан метавонад мушкилиҳои ҷиддиро пеш орад.

Бояд қайд намуд, ки шумо барои додани корти бонкӣ ё суратҳисоби бонкии худ ба дигарон тасаввур мекунед, ки ягон кори бадеро анҷом надодаед ё бар ивази маблағи ночиз ин амалро анҷом медиҳед. Аммо, қаллоби интернетӣ аз ин амали шумо истифода бурда, метавонад фоидаи калони пулӣ бо роҳи ҷиноят ба даст оварда, чандин нафаронро қурбонии ҷиноят намояд.

Дар баъзе ҳолатҳо як шахс метавонад ҳам қурбонии ин ҷиноят бошад ва дар як вақт дроппер шуда, дигар нафаронро низ қурбонии ин ҷиноят намояд. Инҳо дропперони фаъол буда, барои ҷалби дигарон саҳмгузорӣ мекунанд.

Дар ҳолатҳое, ки шахс воқеъан дар нақшаи ҷиноятӣ иштирок карданашро намедонад, аммо аз нофаҳмӣ, зудбоварӣ, бо мақсади пули осон ба даст овардан ё дигар ваъдаҳо ба доми фиреби қаллобон афтида, бо дастури онҳо амали ҷиноятӣ анҷом медиҳанд.

Сабабҳои асосии содир шудани киберҷиноятҳо аз як тараф паст будани сатҳи иттилоотнокии аҳолӣ дар мавриди истифодаи кортҳои бонкӣ, суратҳисобҳои бонкӣ ва дигар сайтҳои интернети бошад, аз тарафи дигар кумаки дропперҳо ба киберҷиноятқорон мебошад, ки ба доми фиреби онҳо афтида, амалҳои фармудаи онҳоро бо пули ночиз ё дигар ваъдаҳои бардуруғ иҷро мекунанд.

Бинобар ин, агар дар қонунгузории кишвар дар ин масъала тағйиру иловаҳо ворид карда шуда, шахсоне, ки корти бонкӣ ё маълумотҳои суратҳисоби бонкии худро ба дигар нафар медиҳад ё дар занҷираи амалиёти қабул ва интиқоли маблағҳои тасарруфшуда ё шустушӯи маблағҳо иштирок мекунад (дроппер), ки боиси тасарруф шудани маблағҳои пулӣ ва содир шудани ҷиноятҳо мегардад ба ҷавобгарӣ ҷалб карда шаванд, ки ин метавонад боиси коҳиш ёфтани киберҷиноятҳо ва дар амон мондани маблағҳои шаҳрвандон гардад.

ТДУ 343.346.2

ЗАРУРАТИ ТАКМИЛИ ҚОНУНГУЗОРӢ ДАР САМТИ ҶИНОЯТҲО БА МУҚОБИЛИ БЕХАТАРИИ ҲАРАКАТ ВА ИСТИФОДАИ ВОСИТАҲОИ НАҚЛИЁТ

НЕОБХОДИМОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Раҳмонзода Рамазон Амрохон
Сардори шуъбаи тафтишотии РВКД дар шаҳри Душанбе, унвонҷӯи кафедраи мурофиаи ҷиноятии факултети № 2-юми Академияи ВКД ҶумҳуриТоҷикистон, полковники милитсия / Начальник следственного отдела УВД по городу Душанбе, соискатель кафедры уголовного процесса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, полковник милиции

Омӯзиш ва амалияи татбиқи қонунгузории ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти “Ҷиноятҳо ба муқобили бехатарии ҳаракат ва истифодаи нақлиёт”, бахусус,

моддаи 212 қисми 1 Кодекси ҷинояти Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ), ки бо расонидани зарари миёна ба саломатии инсон ҷиноят эътироф мегардаанд[1], нишон дод, ки новобаста аз вазнинии ҷазоҳои пешбинишуда дар муқоиса бо дигар давлатҳо солҳои охир оғози парвандаҳои ҷиноятӣ ва ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахрвандон бо ин қабил ҷиноятҳо то чанд зиёд шуда истодааст.

Ҳамасола танҳо бо қ. 1 м. 212 КҶ ҶТ нисбати зиёда аз 600 нафар шаҳрвандон парвандаи ҷиноятӣ оғоз карда шуда, пас аз тафтиши пешакӣ барои баррасии судӣ ба судҳо ирсол карда мешаванд. Ҳолати мазкур дар дохил ва хориҷи кишвар боиси нигаронӣ ва вокунишҳои зиёд гардида, Ҷумҳурии Тоҷикистон дар миёни давлатҳои аъзои Иттиҳоди Давлатҳои Мустақил (минбаъд – ИДМ) аз ҳисоби оғоз намудани парвандаҳои ҷиноятӣ ва ба ҷавобгарии ҷинояти ҷалб намудани шаҳрвандон мақоми болоро касб намудааст, ки ин аз ниёз доштани такмили қонунгузории ҷумҳури дар ин самт гувоҳӣ медиҳад.

Зеро ҳолати мазкур аз як тараф боиси зиёд шудани шахсони доғи судидошта ва аз тарафи дигар монеаи барқарор шудани адолати иҷтимоӣ дар ҷомеа, ки яке аз мақсадҳои асосии ҷазо мебошад, гардида истодааст. Амалияи тафтишотӣ ва судди нишон медиҳад, ки дар бештар ҳолатҳои содир шудани садамаҳои нақлиёти ҷабрдидагони ҷинояти мазкур нисбати ронандагон тамоман даъво надошта, зиддӣ оғозшавии парвандаҳои ҷиноятӣ ва ба ҷавобгарии ҷинояти кашидан онҳо мебошанд. Аммо новобаста аз иродаи ҷабрдида, ки аз ҷиҳати иқтисоди ва тибби аз ҷониби ронанда нигоҳубин мешавад тибқи қонунгузории амалкунанда парвандаи ҷиноятӣ оғоз карда мешавад.

Содир шудани ҷиноятҳои мазкур аз як тараф омили субъективӣ дошта бошад ҳам, аз тарафи дигар омилҳои зиёди объективӣ низ дорад. Ин пеш аз ҳамма, мушкилоти релифӣ ва маҳдудияти биниш дар роҳҳо, бепарвоёна рафтор намудани дигар иштирокчиёни ҳаракат дар роҳ, аз ҷойҳои муайяннашуда гузаштани пиёдагардон, аз роҳравҳои зеризамини ва руизамини истифода накардани пиёдагардон ва зиёд шудани теъдоди воситаҳои нақлиёти ва дигар иштирокчиён дар роҳҳои мошингард мебошанд.

Омӯзиши қонунгузории кишварҳои хориҷӣ, бахусус ИДМ нишон дод, ки дар аксари онҳо барои вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ё истифодаи воситаи нақлиёт, ки аз беэҳтиётӣ боиси расонидани зарар ба саломатии инсон гаштааст, танҳо дар он ҳолате парвандаи ҷиноятӣ оғоз ва шахс ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад, ки ба саломатии инсон зарари вазнин расонида шуда бошад ва ё дар ҳолати зарари миёна аризаи шахси аз ҷиноят зарардида мавҷуд бошад.

Масалан, дар асоси қ. 1 м. 264 КҶ Федератсияи Россия, кирдор ҳамон вақт ҷиноят эътироф карда мешавад, ки агар зарари ба саломатӣ расонидашуда вазнин бошад.

Дар асоси м. 345 КҶ Ҷумҳурии Қазоқистон, м. **317** КҶ Ҷумҳурии Белоруссия ва м. 263 КҶ Ҷумҳурии Озорбайҷон бошад, расонидани зарари миёна ба саломатии инсон ҷиноят эътироф карда мешавад, дар ҳолате, ки шахси аз ҷиноят зарардида ё намояндаи ӯ нисбати ронанда даъво дошта бошад. Яъне, тибқи талаботи м. 32 Кодекси мурофиавии ҷиноятии (минбаъд – КМҶ) Ҷумҳурии Қазоқистон, м. **26** КМҶ Белоруссия ва м. 37 КМҶ Ҷумҳурии Озорбойҷон парвандаҳои мазкур ба гурӯҳи айбдоркунии хусусӣ-умумӣ ворид гардида, бо аризаи шахси аз ҷиноят ҷабрдида ё намояндаи қонунии ӯ оғоз карда мешавад. Дар сурати оштӣ шудани шахси аз ҷиноят ҷабрдида бо айбдоршаванда ва барқарор намудани товони зарари ба ҷабрдида расонидашуда, пешбурди парвандаи ҷиноятӣ қатъ карда мешавад.

Аммо дар асоси қ. 1 м. 212 КҶ ҶТ кирдор ҳангоми расонидани зарари миёна ба саломатӣ ҷиноят эътироф шуда, тибқи талаботи қ. 6 м. 24 КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон ба айбдоркунии умумӣ дохил шуда, новобаста аз иродаи ҷабрдида ва ё намояндаи

[1] Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 21-уми майи соли 1998, № 574 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с. 1998, №9, м. 68, м. 69, № 22, м. 306 (Қонуни ҶТ аз 13.11.2023, № 1985).

қонунии ӯ парвандаи ҷиноятӣ оғоз карда шуда, шахс ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад.

Амалияи тафтишоти ва оморҳо нишон дода истодаанд, ки бо роҳҳои оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ ва ба ҷавобгарии ҷиноятӣ ҷалб намудани шаҳрвандон содиршавии садамаҳои нақлиёти кам нашуда истода, он то рафт зиёд шуда истодааст. Таҷрибаи дигар давлатҳо дар ин самт нисбатан тағйир дода шуда, бо роҳҳои зиёд намудани ҷаримаҳои маъмури, насб намудани шумораи зиёди камераҳои мушоҳидави, баланд бардоштани маданияти тамоми иштирокчиёни ҳаракат дар роҳ шидати садаманокиро коҳиш дода истодааст. Ҷиҳати пешгирии зиёдшавии доғдорони суди дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, барқаррор намудани адолати иҷтимоӣ, мутобиқ гардонидани қонунгузории ин самт ба дигар давлатҳо, имрӯз зарурати ворид кардани тағйиру иловаҳо ба қ. 3 м. 24 КМҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон ба миён омадааст, ки минбаъд парвандаи ҷиноятӣ бо қ. 1 м. 212 КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон танҳо бо аризаи ҷабрдида ё намояндаи қонунии ӯ оғоз карда шавад.

ТДУ 343.2

МУДОФИАИ ЗАРУРӢ АЗ ТАҶОВУЗИ БА ҶАМЪИЯТ ХАВФНОКЕ, КИ ДАР ШАКЛИ БЕҲАРАКАТӢ СОДИР МЕГАРДАД

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА ОТ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШЕННОЕ В ФОРМЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ

САИДОВ ШЕРМУҲАММАД АЛИШЕРОВИЧ
Ph.D докторанти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва муқовимат бо коррупсияи факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон / Ph.D докторант кафедры уголовного права и противодействия коррупции юридического факультета Таджикского национального университета
E-mail: shermukhammad.saidov@bk.ru

Мудофиаи зарурӣ, институти анъанавӣ ва қадимтарини ҳуқуқи ҷиноятӣ ба ҳисоб меравад, ки танзими ҳуқуқии худро дар моддаи 40 Кодекси ҷиноятии Ҷумуҳрии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) ёфтааст. Мутобиқи моддаи зикргардида, “Ҳаракате, ки дар ҳолати мудофиаи зарурӣ, яъне ҳангоми ҳимояи шахсият ва ҳуқуқҳои мудофиакунанда ё шахси дигар, манфиатҳои бо қонун ҳифзшавандаи ҷомеа, ё давлат аз таҷовузи барои ҷамъият хавфнок бо роҳи расонидани зарар ба таҷовузкунанда содир шудааст, агар ин таҷовуз бо зӯроварии барои ҳаёти мудофиакунанда ё шахси дигар хавфнок бошад, ё ин ки бо таҳдиди бевоситаи истифодаи чунин зӯроварӣ алоқаманд бошанд, ҷиноят ҳисобида намешавад”[1]. Қонун асосӣ мудофиаи заруриро таҷовузи ба ҷамъият хавфнок номбар карда, мазмун ва шаклҳои таҷовузе, ки ҳуқуқ ба мудофиаи заруриро медиҳад, кушода накардааст. Бинобар ин, баррасии махсусро масъалаи имкони мудофиаи зарурӣ аз таҷовузи ба ҷамъият хавфноке, ки дар шакли беҳаракатӣ зоҳир мегардад, талаб менамояд. Оид ба шаклҳои таҷовуз дар вазъияти мудофиаи зарурӣ дар адабиёти ҳуқуқӣ ақидаҳои гуногун баён гардидаанд. Таҳлилҳо нишон медиҳанд, ки дар хусусӣ таҷовузе, ки дар шакли ҳаракат содир мегардад, мудофиаи зарурӣ бе ягон шарт роҳ дода мешавад. Вале дар назарияи ҳуқуқи

[1] Кодекси ҷиноятии Љумҳурии Тољикистон аз 21-уми майи с. 1998, № 574 // [Манбаи электронӣ]. Реҷаи воридшавӣ: http://mmk.tj (санаи мурољиат: 10.04.2026).

ҷиноятӣ вобаста ба имкони мудофиаи зурурӣ аз таҷовузе, ки дар шакли беҳаракати зоҳир меёбад, масъалаи баҳснок буда, дар хусуси он чанд нуқтаи назар иброз гардидаст.

Чунончи, як гурӯҳ олимон қайд мекунанд, ки мудофиаи зарурӣ аз таҷовузе, ки дар шакли беҳаракати зоҳир мегардад, ғайриимкон аст. Дигарон дар навбати худ имкони мудофиаи заруриро аз таҷовузе, ки дар шакли беҳаркати зоҳир мегардад, қонунӣ мешуморанд. Дигар ақидаҳо низ дар хусусӣ масъалаи баррасишаванда ҷой доранд. Баъзе аз муҳақиқон пешниҳод доранд, ки расонидани зарар ба шахсе, ки беҳаракатӣ зоҳир мекунад, бо мақсади аз ҷониби охирин иҷро намудани уҳдадориҳои худ, ҳамчун як намуди махсуси ҳолатҳое, ки ҷиноят будани кирдорро истисно мекунад, арзёби гашта, ин намуд институт ба қонуни ҷиноятӣ илова карда шавад. Инчунин, гуруҳӣ дигари олимон тасдиқ мекунанд, ки расонидани зарар ба шахсоне, ки уҳдадориҳоии ба зиммаашон гузоштаро ба иҷро намерасонанд, яъне беҳаракати зоҳир мекунанд, бояд на аз рӯи қоидаҳои мудофиаи зарурӣ балки тибқи қоидаҳои институти зарурати ниҳоӣ барраси карда шавад.

Тавре дар боло гуфта будем, як қатор муҳақиқон имкони мудофиаи заруриро ба муқобили таҷовузи дар шакли беҳаркати зоҳир ёфтаро, рад карда, иброз медоранд, ки дар таҷрибаи судӣ ягон ҳолати мудофиаи зарурӣ аз таҷовузи ба ҷамъият хавфноке, ки дар шакли беҳаракатӣ зоҳир мегардад, содир нашудааст. Моҳияти мудофиаи зарурӣ дар расонидани зарар бевосита ба таҷовузкунанда, бо мақсади пешгирии таҷовузи оғоз гардида, иборат аст.

Расонидани зарар ба шахсе, ки беҳаракати зоҳир менамояд, яъне ин шахс ба сифати сарчашмаи (манбаи) хатар баромад намекунад, менависад Баулин Ю.В. ва имкони мудофиаи заруриро дар шакли беҳаракати рад мекунад[1]. Звечаровский Н.Е. баён медорад, ки асосӣ мудофиаи зарурӣ таҷовузи ба ҷамъият хавфноке дониста мешавад, ки он танҳо дар шакли ҳаракат, яъне, дар рафтори фаъоли шахс ифода мегардад, на балки дар рафтори ғайрифаъол[2]. Тарафдорони ин нуқтаи назар фикри худро бо он асоснок мекунанд, ки таҷовузи ба ҷамъият хавфноке, ки дар қонунгузории ҷиноятӣ гуфта шудааст, он дар шакли ҳуҷум ифода мегардад, ки он ҳамавақт ҳаракатҳои фаъол мебошад ва бинобар ин, мудофиа ба муқобили таҷовузе, ки дар шакли беҳаракати ифода меёбад, мутобиқи қонунгузори ҷиноятӣ ғайриимкон аст. Ақидаи монандро Сидиров Б.В. тарафдорӣ карда, чунин мешуморад, ки ҳамаи ҷиноятҳо хавфи ҷиддии ҷамъияти доранд, аммо на ҳар ҷиноят зарурати ҳимояро (дифоъ карданро) тақозо мекунад ва охирин ба хулосае меояд, ки мудофиаи зарурӣ танҳо бо ҳаркатҳои фаъоли таҷовузкунанда ба миён меояд.

Орехов В.В. муаллифоне, ки мудофиаи заруриро аз таҷовузи дар шакли беҳаракати зоҳир ёфтаро рад мекунананд, тарафдори карда, менависад, ки ҳимоя ва ё инъикоси таҷовуз танҳо аз ҳаракатҳои фаъоли таҷовузкунанда имконпазир аст. Қонун ишора кардааст, ки мудофиаи зарурӣ дар ҳолате агар таҷовуз бо зуровари барои ҳаёт хавфнок бошад ҷой дошта метавонад. Яъне, таҷовузи ба ҷамъият хавфноке, ки бо зуровари барои ҳаёти инсон хавфнок аст, наметавонад дар шакли беҳаракатӣ зоҳир ёбад[3].

Олимоне, ки имкони мудофиаи заруриро аз таҷовузи дар шакли беҳаракати зоҳир ёфтаро тарафдори мекунанд, ақидаи худро бо он асоснок кардаанд, ки таҷовузи ба ҷамъият хавфнок, мисли ҷиноят на танҳо дар шакли ҳаракат ҳамчунин, дар шакли беҳаракати низ содир мегардад. Ҳамзамон, иловатан ин гурӯҳ муҳақиқон нуқтаи назари худро бо он асоснок мекунанд, ки беҳаракати мисли ҳаракат, ҳамчунин оқибати ба

[1] Баулин, Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. - Харьков, 1991. - С. 227.
[2] Звечаровский, И.Э., Пархоменко, С.В. Уголовно-правовые гарантии реализации права на необходимую оборону. - Иркутск, 1996. - С. 75.
[3] Орехов, В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. - СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. - С. 57.

ҷамъият хавфноки дорад, ки ба расонидани зарар ба ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд ҷамъият ва давлат ифода мегардад.

Попов А.Н. чунин мешуморад, ки агар шахси беҳаракат зоҳир кардаро бо истифодаи зуроварӣ барои иҷрои уҳдадориҳои худ маҷбур кард, пас дар ин ҳолат, маҷбуркуниро бояд ҳамчун ҳолати мудофиаи зарурӣ баҳо дод[1]. Олими дигари рус Побегайло Э.Ф. масъалаи баррасишавандаро таҳлил кард, қайд кардааст: “Олимоне, ки имкони мудофиаи заруриро ба муқобили беҳаркати рад мекунанд онҳо асосӣ мудофиаи зарурӣ танҳо ҳуҷум мешуморанд, ки ин ҳолат ба муқаррароти қонун рост намеояд. Бинобар ин, набояд ҳуҷумро бо таҷовузи ба ҷамъият хавфнок баробар кард ва мудофиа ҳамчунин нисбати таҷовузҳое, ки ҳуҷум намебошанд, роҳ дода мешавад”. Ҳамин тавр, охирин ба хулосае омадааст, ки ба шахси беҳаракат зоҳир намуда, расонидани зарар ҷиҳати пешгирии беамалии ӯ бояд чунин ҳолат дар доираи мудофиаи зарурӣ ҳал карда шавад[2].

Ҳамзамон, як қатор олимон, имкони мудофиаи заруриро аз баъзе таҷовузҳое, ки дар шакли беҳаракати зоҳир мегарданд, роҳ медиҳанд. Хусусан, Ткачевский Ю.М. иброз дорад, ки мудофиаи зарурӣ ба муқобили баъзе аз таҷовузҳои дар шакли беҳаракати ифода гардида, имкон дода мешавад[3]. Чуноне, агар хизматчии ҳарбӣ фармони мутобиқи тартиби муқарраршуда додаи сардорро иҷро накунад, ки он ба манфиати хизмат таҳдиди расонидани зарари ҷиддиро ба миён меорад, пас дар ин вазъият маҷбур кардани хизматчии ҳарбӣ бо мақсдаи иҷрои уҳдадориҳо бе шубҳа шартҳои институти мудофиаи зарурӣ дида мешавад.

Мавқеи каме дигарро дар масъалаи баррасишаванда Тишкевич И.С. ишғол намуда, андеша дорад, ки қоидаҳои мудофиаи зарурӣ нисбати таҷовузе ба ҷамъият хавфноке, ки дар беҳаракатии шахс зоҳир мегардад, наметавонад татбиқ гардад. Ба шахси гунаҳгор истифодаи зуроварӣ бо мақсади қатъ намудани беҳаркатии он, бояд тибқи институти заруратӣ ниҳоӣ ва ё дигар ҳолатҳое, ки ҷиноят будани кирдорро истисно мекунанд, баҳо дода шаванд**[4].**

Муҳаққиқони дигар аз ҷумла, Якунков М.А. баён медорад – талаботи навбатие, ки ба таҷовуз рабт дорад ва ҳуқуқ ба мудофиаи заруриро ба вуҷуд меорад, дар он аст, ки таҷовузи ба ҷамъият хавфнок ҳангоми мудофиаи зарурӣ танҳо дар шакли ҳаракат содир мегардад ва мудофиаи зарурӣ ба муқобили беҳаракатӣ истисно мегардад. Расонидани зарар ба шахсе, ки беҳаракатии он ба ҷамъият хавфнокиро доро аст, институти зарурати ниҳоиро дар бар мегирад[5].

Туретский Н.Н. низ нуқтаи назари болоовардаро тарафдори карда, қайд мекунад, ки моҳияти мудофиаи зарурӣ дар расонидани зарар бевосита ба таҷовузкунанда, ки ҷиҳати пешгирии таҷовузи оғозгардида равона шудааст, ифода мегардад. Охирин ақидаи худро бо он асоснок мекунад, ки расонидани зарар ба шахсӣ беҳаракат зоҳир намуда, яъне ба шахсе, ки сарчашмаи хатар намебошад, роҳ дода намешавад (ғайриимконон аст). Маҷбур кардани шахс бо роҳи расонидани зарар бо мақсади аз ҷониби охирин иҷрои уҳдадориҳои ба зиммааш гузошта, ба аломатҳои мудофиаи

[1] Преступление, совершенное при превышении пределов необходимой обороны: учебное пособие / А.Н. Попов. - 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – С.16.
[2] Побегайло, Э.Ф. Избранные труды. – СПб.: Редакция журнала «Юридический центр Пресс», 2008. – С. 605.
[3] Ткачевский, Ю.М. Избранные труды. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2010. – С. 238.
[4] Тишкевич, И.С. Избранные труды. – Минск: Редакция журнала «Промышленно - торговое право», 2014. – С. 248.
[5] Якуньков, М.А. Необходимая оборона: уголовно-правовая регламентация и её совершенствование: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Якуньков Михаил Александрович. – Тюмень, 2005. – С. 80.

зарурӣ мувофиқ накарда, қоидаҳои дигар намуд ҳолатҳое, ки ҷиноят будани кирдорро истисно мекунад дар бар мегирад[1].

Ба нуқтаи назари болооварда розӣ гаштан ғайриимкон аст, зеро он ба талаботи қонунгузорӣ мувофиқат намекунад. Дар мудофиаи зарурӣ зарар бевосита ба таҷовузкунанда расонида мешавад, ҳоло он, ки дар зарурати ниҳоӣ бошад зиён ҳама вақт ба шахси сеюм. Расонидани зарар бо мақсади инъикоси таҷовузи дар шакли беҳаракати содир шуда ва баҳо додани ин ҳолат тибқи қоидаҳои зарурати ниҳоӣ ба андешаи мо ғайриимкон, бо сабаби оне, ки зарар дар ҳолати мавҷуда бевосита ба таҷовузкунанда расонида мешавад, на ба шахсони сеюм.

Бояд тазаккур дод, ки дар назарияи ҳуқуқи ҷиноятӣ боз як нуқтаи назари дигар вобаста ба масъалаи баррасишаванда баён гардидааст, ки аз дигар андешаҳои болозикргардида куллан тавофут дорад. Тарафдорони ин нуқтаи назар чунин мешуморанд, ки мудофиа аз таҷовузи дар шакли беҳаркати ифода гардида, як намуди мустақили ҳолатҳое, ки ҷиноят будани кирдорро истисно мекунад, бо истилоҳи “Маҷбур кардан ба иҷрои уҳдадориҳои ҳуқуқӣ” ташкил медиҳад. Яке аз аввалиншуда ин андешаро Ткаченко В.И. баён кардааст ва охирин менависад, ки ҷиноятҳое, ки аз беҳаракати содир мегарданд (маслан, хунукназарӣ, ёри нарасондан ба бемор ва ғ.) ба сифати асосӣ мудофиаи зарурӣ баромад намекунад. Дар чунин ҳолат, намуди мустақили ҳолатҳое, ки ҷиноят будани кирдорро истисно мекунад – “маҷбур кардан ба иҷрои уҳдадории ҳуқуқӣ” дида мешавад[2]. Яъне, охирин пешниҳод дорад ба КҶ меъёри махсус ба боби ҳолатҳое, ки ҷиноят будани кирдорро истисно мекунад, бо номи “Маҷбур кардан ба иҷрои уҳдадориҳои ҳуқуқӣ” ворид карда шавад.

Ҳамин тавр, вобаста ба имкони мудофиаи зарурӣ аз таҷовузи дар шакли беҳракатӣ зоҳир ёфта, чанд нуқтаи назарро мавриди таҳлил қарор додем, ки баъзе аз онҳо мавриди дастгирист. Ҷиҳати пайрави ва ё рад кардани ақидае, ки мудофиаи заруриро аз таҷовузи ба ҷамъият хавфноке, ки дар шакли беҳаракати зоҳир мегардад имкон медиҳад, бояд ба як қатор ҳолатҳо диққати махсус дод, ки мустақиман ба масъалаи баррасишаванда алоқаманди бевосита доранд. Беҳаракатӣ рафтори ғайрифаъоли шахс мебошад, ки дар содир накардани он ҳаракатҳое, ки шахс мебоист ва метавонист дар шароити мушаххас иҷро кунад, ифода меёбад. Ҷавобгарии ҷиноятӣ аз беҳаракатӣ дар сурате ба миён меояд, ки агар шахс метавонист ва мебоист уҳдадориҳои ба зиммааш гузошташударо иҷро кунад. Уҳдадории содир намудани ҳаракати мушаххаси зарурӣ, ки иҷро накардани он боиси ҷавобгарии ҷиноятӣ барои беҳаракатӣ мегардад, мумкин аст бо санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ ё меъёрҳои иҷтимоӣ пешбинӣ шуда бошад. Аз ин бармеояд, ки субъекти таҷовуз дар шакли беҳаракатӣ танҳо шахсе шуда метавонад, ки дар назди шахси дигар ё шахсон, ҷомеа ё давлат ягон навъ уҳдадорӣ дорад.

Мо андешаҳои муҳаққиқони соҳаро баррасӣ намуда, ба хулосае омадем, ки мудофиаи зарурӣ аз таҷовузҳои дар шакли беҳаракатӣ зоҳир ёфта, роҳ дода мешавад. Нуқтаи назари худро бо он асоснок мекунем, ки дар м. 40 КҶ ҶТ истилоҳи “таҷовуз” истифода гардида, дар сурате агар ин мафҳумро васеътар маънидод кунем, пас, таҳти он ҳам ҳаракатҳои фаъол, масалан, дар шакли ҳуҷум ва инчунин, дигар рафтори ғайрифаъол, ки дар шакли беҳаракатӣ содир мешаванд, фаҳмидан мумкин аст. Яъне, таҷовузи ба ҷамъият хавфнок ҳаракат ва ё беҳаракатие дониста мешавад, ки ба расонидани зарари ҷиддӣ ба муносибатҳои аз ҷониби қонун ҳифзшаванда равона шудааст.

Маҳз истифодаи истилоҳи таҷовуз на ҳуҷум дар қонун ба мо имкон медиҳад, ки мудофиаи заруриро аз таҷовузи дар шакли беҳаракатӣ роҳ диҳем. Дар умум агар

[1] Турецкий, Н.Н. Необходимая оборона: монография / Под общ. ред. Ш.Ш. Шаяхметова. - Алматы: ТОО «Издательство «Норма К», 2018. - С. 41.
[2] Ткаченко, В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. - М., 1979. – С. 55.

ҳаракат ва беҳаракатии ба ҷамъият хавфнокро муқоиса намояем, пас, ягон тавовути ҷиддӣ байни онҳо дида намешавад. Ҳар ду ин шаклҳои кирдор ба ҷамъият хавфноканд ва онҳоро бо расонидани зарар ба шахси таҷовузкунанда пешгирӣ кардан мумкин аст. Истифодаи зуроварӣ маҳз қодир аст, ки беҳаракатии ба ҷамъият хавфнокро боздорад, аз ҷумла, ба миён омадани оқибати ба ҷамъият хавфнокро пешгирӣ кунад. Масалан, маҷбур кардани модар тавассути лату кӯб барои таъмини хӯрок ва нигоҳубини кӯдаки навзоди худ низ хусусиятҳои дар боло зикршударо нишон медиҳад.

Маҳдуд кардани ҳуқуқ ба мудофиаи зарурӣ аз ҷиноятҳои дар шакли беҳаракатӣ содиршаванда ба оқибатҳои ногувор оварда мерасонад. Хусусан, шаҳрвандон ҳуқуқи пешгирии кирдорҳои дар ҳузури онҳо содиршавандаро таҳти таҳдиди татбиқи ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашиданро аз даст медиҳанд. Ҳамин тавр, расонидани зарар ҷиҳати пешгирии ба миён омадани зиён аз беҳаракатии ба ҷамъият хавфнок пурра меъёри мудофиаи заруриро дар бар мегирад. Дар иртибот ба пешниҳоди Ткаченко В.И. дар хусуси ба КҶ пешбинӣ кардани як намуди ҳолатҳое, ки ҷиноят будани кирдорро истисно мекунад, аз қабили “Маҷбур кардан ба иҷрои уҳдадориҳои ҳуқуқӣ” ба мақсад мувофиқ нест.

Дар адабиётҳои ҳуқуқӣ инчунин, масъалаи имконияти мудофиаи зарурӣ аз ҷиноятҳое, ки аз беэҳтиётӣ содир мешаванд, баҳснок аст. Баъзе аз олимон қайд мекунанд, ки мудофиаи зарурӣ аз ҷиноятҳои аз беэҳтиётӣ содиршуда роҳ дода намешавад ва ин муҳаққиқон бо чанд асос нуқтаи назари худро асоснок мекунанд. Хусусан, як гурӯҳи онҳо чунин мешуморанд, ки аксарияти кирдорҳои беэҳтиётӣ, дар он ҳолате ҷиноят ҳисобида мешаванд, агар дар сурате оқибати ба ҷамъият хавфнок ба миён омада бошад. Чуноне, ба андешаи Паше-Озарский Н.Н., таҷовузҳои беэҳтиётӣ танҳо дар ҳолате ҷиноят эътироф мегарданд, агар оқибати ба ҷамъият хавфнок ба вуқуъ пайваста бошад ва то ин вақт онҳо ҷиноят ҳисобида намешаванд. Бинобар ин, то ба вуҷуд омадани чунин оқибат мудофиаи зарурӣ қобили қабул нест[1]. Дигарон дар навбати худ, мудофиаро ба муқобили ҷиноятҳои беэҳтиётӣ бо сабаби дар ин гуна ҷиноятҳо даврaҳои содиркунӣ, яъне, тайёрӣ ва суйиқасди ҷиноят набудан, инкор мекунанд.

Голубих Н.В. мудофиаи заруриро аз ҷиноятҳои беэҳтиётӣ ғайриимкон шуморида, ақидаи худро бо он асоснок кардааст, ки дар ҷиноятҳои беэҳтиётӣ тайёрӣ ва суйиқасди ҷиноят дида намешаванд ва танҳо дар ҳолати ба амал омадани оқибати ба ҷамъият хавфнок ба ҷиноят тавбдил мегардад.[2] Ҳамзамон, бояд тазаккур дод, ки тарафдорони ин нуқтаи назар, пешниҳод мекунанд, ки инъикоси таҷовузи беэҳтиётӣ дар доираи институти зарурати ниҳоӣ барраси карда шавад.

Масъалаи ба миён гузоштаро таҳлил карда, мо ба хулосае омадем, ки мудофиаи зарурӣ аз ҷиноятҳои қасдона ва ҳам аз ҷиноятҳои аз беэҳтиёти содиршуда роҳ дода мешавад. Кирдорҳое, ки дар шакли беҳаракати содир мегарданд, дар ҳолати оқибатҳои дар қонуни ҷиноятӣ пешбини намуда, аксар вақт дар намуди зарар ба ҳаёт ва саломатӣ, ҳамчун ҷиноят эътироф мегарданд. Аммо пешбинӣ нагардидани ҷавобгарии ҷиноятӣ барои кирдори аз беэҳтиётӣ содиршуда, ки оқибатҳои ба ҷамъият хавфнокро ба миён намеорад, онро ифода намекунад, ки кирдори аз беэҳтиётӣ содиршуда аломати ба ҷамъият хавнокиро доро намебошад. Таҷовуз ба ҳаёти инсон, объективона хавфнок дониста мешавад новобаста аз оне, ки ин кирдор қасдона ё аз беэҳтиётӣ содир шудааст.

Бояд қайд кард, ки қонуни ҷиноятӣ таҷовуз гуфта, ҳам кирдори қасдона ва беэҳтиётиро дар назар дорад. Ба ҷамъият хавфноки ҳангоми содир кардани ҷиноятҳои

[1] Паше-Озерский, Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. - М.: Изд. Юридическая литература, 1962. - С. 38.
[2] Голубых, Н.В. Применение положений уголовного законодательства о необходимой обороне в деятельности сотрудников органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.В. Голубых. – Екатеринбург, 2001. - С. 31.

беэҳтиёти на ҳамавақт равшан (аён) аст. Бинобар ин, ҳангоми баҳо додан, бояд ба он диққат дода шавад, ки оё хавфи воқеъи расонидани зарар вуҷуд дорад ё не. Илова бар ин, дар аксар ҳолат муайянкардани шакли гуноҳ мушкил аст, вале ба ҷамъият хавфнокии он дида мешавад. Ба андешаи мо, набояд ҳуқуқ ба мудофиа зарурӣ маҳдуд карда шавад, зеро мудофиакунанда тарафи субъективии таҷовузро имкони муайян карданро надорад. Ҳамин тавр, бо назардошти мулоҳизаҳои боло, ба хулосае омадан мумкин аст, ки имкони мудофиаи зарурӣ на танҳо аз ҷиноятҳои қасдона, балки ҳамчунин, аз кирдорҳои беэҳтиётӣ барои таъмин ва тақвияти ҳифзи ҳуқуқ ва манфиатҳои шаҳрвандон аҳаммияти калон дорад.

УДК 343.14

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА И ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В СИСТЕМЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ МУСОДИРАИ АМВОЛ ВА ЧОРАҲОИ АМНИЯТӢ ДАР НИЗОМИ ТАФТИШОТИ АМВОЛ ДАР ЗАМИНАИ РАҚАМИКУНОНӢ

ТУЛЕУОВА АЙГУЛЬ ЖУМАБЕКОВНА
Докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук / Докторанти Академияи мақомоти ҳифзи ҳуқуқи назди Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Қазоқистон, магистри илмҳои ҳуқуқшиносӣ
E-mail: Tuleuova_aigul@mail.ru

В условиях глобализации финансовых потоков и роста транснациональной преступности институт конфискации имущества приобретает особое значение как инструмент восстановления социальной справедливости и экономической безопасности государства. В последние десятилетия наблюдается устойчивая тенденция к переосмыслению правовой природы конфискации: от традиционного понимания как уголовного наказания к признанию ее самостоятельной меры уголовно-правового воздействия[1].

Современное развитие института конфискации имущества характеризуется его постепенным отходом от классической карательной модели и переходом к модели восстановительного и превентивного характера. В традиционном уголовном праве конфискация рассматривалась исключительно как дополнительное наказание, направленное на лишение виновного имущества, полученного преступным путём.

Однако в условиях усложнения экономических отношений и транснационализации преступности конфискация приобретает самостоятельное значение как инструмент:

- изъятия преступных доходов;
- восстановления имущественного баланса;
- предотвращения легализации незаконных активов.

[1] Нургалиев, Б.М. Конфискация имущества как мера уголовно-правового воздействия / Б.М. Нургалиев // Право и государство. – 2020. – № 2. – С. 63.

Указанный процесс сопровождается усилением роли процессуальных механизмов обеспечения сохранности имущества ещё до вынесения приговора, что фактически изменяет функциональную природу конфискации[1].

Республика Казахстан, следуя международным стандартам, осуществила реформирование данного института, закрепив конфискацию в системе иных мер уголовно-правового характера[2]. Это обусловлено необходимостью повышения эффективности борьбы с коррупцией, экономическими и организованными преступлениями.

Согласно статье 48 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства имущества, добытого преступным путем либо приобретенного на средства, добытые преступным путем, а также имущества, являющегося орудием или средством совершения уголовного правонарушения[3].

Для выявления особенностей национального регулирования представляется целесообразным обратиться к сравнительно-правовому анализу зарубежных моделей конфискации имущества, что позволяет определить степень развития обеспечительных механизмов и их влияние на эффективность имущественного расследования.

В уголовном праве Российской Федерации конфискация имущества имеет схожую конструкцию, однако отличается более детализированным перечнем объектов. Согласно главе 15.1 УК РФ, конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества: денежных средств, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, орудий, оборудования или иных средств совершения преступления[4]. Конфискация не является самоцелью, а выступает инструментом устранения последствий преступления.

Институт конфискации имущества сохраняет классическую конструкцию уголовно-правовой меры, основанной на принципе ее акцессорности по отношению к уголовной ответственности. Она применяется исключительно на основании обвинительного приговора и охватывает имущество, полученное в результате совершения преступления, а также орудия и средства его совершения. Таким образом, российская модель демонстрирует классический подход, при котором основное внимание уделяется результату уголовного преследования[5].

Законодательство Республики Беларусь отличается более развернутым регулированием конфискации: оно предусматривает расширенное толкование имущества, подлежащего изъятию, а также более чётко устанавливает процессуальные механизмы, обеспечивающие его применение[6].

Особое значение имеет нормативная конкретизация объектов конфискации и усиление процессуальных гарантий их сохранности, что свидетельствует о смещении акцента в сторону предварительного обеспечения возможного изъятия активов.

Сравнительный анализ позволяет выявить определённые различия в степени развития обеспечительных механизмов: от преимущественно постфактум-модели, к более процессу-

[1] Головко, Л.В. Конфискация имущества в уголовном праве. – М., 2020. – С. 203.
[2] Джанбурбаев, Б.Б. Проблемы мер уголовно-правового воздействия в уголовном праве Республики Казахстан / Б.Б. Джанбурбаев // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2018. – № 4. – С. 46.
[3] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674
[4] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
[5] Борченко, Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Д.Ю. Борченко. – Тольятти, 2007. – С. 89.
[6] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275

ально ориентированному подходу, который предполагает дополнительные гарантии сохранности имущества.

Правовое регулирование института конфискации в Республике Казахстан, с одной стороны, закрепляет конфискацию как меру уголовно-правового характера и предусматривает институт ареста имущества как обеспечительную меру. С другой стороны, сохраняется временной разрыв между моментом выявления активов и применением к ним процессуальных ограничений, что снижает эффективность последующей конфискации, особенно в условиях цифровизации экономики и высокой мобильности активов.

На первый взгляд может сложиться впечатление, что указанные элементы в рассматриваемых странах уже реализованы в правовой системе Республики Казахстан, особенно с учётом принятия Закона «О возврате государству незаконно приобретённых активов» (2023 г.)[1] и развития финансового регулирования. Однако более детальный анализ показывает, что их сходство носит преимущественно концептуальный, а не нормативно-технический характер.

Во-первых, в части расширенного понятия имущества казахстанское законодательство действительно движется в сторону охвата новых форм активов, включая цифровые. Вместе с тем соответствующие положения остаются фрагментарными и распределены по различным нормативным актам (уголовное, гражданское, финансовое законодательство), что затрудняет их единообразное применение. В отличие от этого, в Республике Беларусь закреплено более целостное и прямо сформулированное определение, включающее электронные деньги, бездокументарные ценные бумаги и иные цифровые активы в рамках единой процессуальной конструкции.

Во-вторых, относительно учета не только ущерба, но и незаконного дохода, в Казахстане данный подход реализуется, однако преимущественно через материальные нормы (например, при определении предмета конфискации). При этом процессуальные механизмы выявления и доказывания именно «дохода от преступления» зачастую остаются менее конкретизированными, чем в белорусской модели, где прослеживается более четкая связь между категорией дохода и процедурами его изъятия.

В-третьих, наиболее существенное различие проявляется в сфере процедурной регламентации ареста и изъятия имущества. В Республике Казахстан данные институты закреплены и применяются, однако в ряде случаев сохраняется пространство для усмотрения правоприменителя, особенно на стадии неотложных следственных действий. Белорусское законодательство, напротив, характеризуется более высокой степенью формализации, включая:

– детализированные основания применения мер;
– четкое описание объектов;
– регламентацию действий должностных лиц на каждой стадии.

Ключевой особенностью конфискации является необходимость доказывания связи имущества с преступлением. Это соответствует принципам: презумпции невиновности, защиты права собственности, соразмерности вмешательства государства.

В Казахстане данное требование реализуется через обязательное установление:

1. факта совершения преступления;
2. происхождения имущества;
3. причинно-следственной связи между ними[2].

Современная доктрина уголовного процесса всё чаще рассматривает обеспечительные меры не как самостоятельный институт, а как элемент более широкой системы — имущественного расследования.

[1] Закон Республики Казахстан «О возврате государству незаконно приобретенных активов» от 12 июля 2023 года, № 21-VIII ЗРК // [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000021

[2] Байжанов, А.К. Современные подходы к доказыванию преступного происхождения имущества в уголовном процессе Казахстана / А.К. Байжанов // Юридический журнал Казахстана. – 2022. – № 3. – С. 47.

Имущественное расследование представляет собой системный процесс, включающий:

– выявление активов, связанных с преступлением;
– установление их происхождения;
– анализ финансовых потоков;
– определение конечных бенефициаров;
– обеспечение сохранности имущества до решения суда.

Тем самым имущественное расследование выходит за рамки традиционного следствия и приобретает самостоятельное аналитико-процессуальное значение[1].

Сформулированный подход соответствует международным стандартам противодействия незаконному обогащению и легализации преступных доходов, в частности положениям Конвенции ООН против коррупции (2003 г.)[2], предусматривающей необходимость ареста, замораживания и конфискации доходов от преступлений. При этом Конвенция подчеркивает не только необходимость окончательного изъятия имущества, но и важность его сохранности на всех стадиях уголовного процесса, включая этап досудебного расследования[3].

В этой связи особое значение приобретает институт обеспечительных мер, направленных на предотвращение утраты, сокрытия или отчуждения имущества, подлежащего последующей конфискации. Международная практика исходит из того, что эффективность конфискации во многом определяется не столько итоговым судебным решением, сколько своевременностью принятия мер по «замораживанию» активов. Отсутствие таких механизмов или их недостаточная оперативность фактически нивелируют саму возможность реализации конфискации как уголовно-правового инструмента.

Именно на данном этапе выявляется одна из ключевых проблем национального правоприменения – возможность быстрого и зачастую необратимого отчуждения активов до момента получения судебной санкции. В условиях цифровизации экономики и высокой мобильности капитала имущество может быть переоформлено, выведено за пределы юрисдикции или трансформировано в иные формы (включая цифровые активы) в течение крайне короткого времени.

В этой связи представляется обоснованным введение самостоятельной меры процессуального характера – временной обеспечительной меры в виде немедленного ограничения распоряжения имуществом до получения судебной санкции, применяемого на краткосрочный период. Такая мера позволит обеспечить баланс между необходимостью оперативного реагирования государства и соблюдением конституционных гарантий права собственности, выступая промежуточным звеном между выявлением актива и его последующим арестом в установленном законом порядке.

Может сложиться впечатление, что предлагаемая временная обеспечительная мера распоряжения имуществом до получения судебной санкции тождественна такому процессуальному институту, как наложение ареста на имущество. Однако между ними существуют существенные различия как по правовой природе, так и по порядку применения.

Наложение ареста на имущество в уголовном процессе Республики Казахстан представляет собой полноценную обеспечительную меру, которая применяется, как правило, с санкции суда и влечет за собой комплекс ограничений правомочий собственника, включая владение, пользование и распоряжение имуществом. Данная мера имеет формализованный характер, требует соблюдения процессуальной процедуры и обоснования, а также сопровождается вынесением соответствующего процессуального решения.

---

[1] Хан, В.В. Имущественное расследование как инструмент реализации задач уголовного процесса Республики Казахстан / В.В. Хан // Хабаршы – Вестник. – 2024. – № 4 (86). – С. 265.

[2] Конвенция ООН против коррупции (Нью-Йорк, 31 октября 2003 г.)// https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml. Дата обращения – 12.05.2025 г.

[3] Кусаинов, Е.С. Конфискация имущества в уголовном праве: международно-правовые стандарты и практика их реализации в Казахстане / Е.С. Кусаинов // Вестник КазНУ. Серия юридическая. – 2023. – №2(106). – С. 38.

В отличие от этого, предлагаемая мера носит предварительный и краткосрочный характер и направлена исключительно на оперативное предотвращение отчуждения активов в условиях дефицита времени. Ее сущность заключается во временном ограничении только одного правомочия – распоряжения, без полного вмешательства в сферу владения и пользования.

Данная мера может рассматриваться по своей функциональной направленности и сопоставима с задержанием лица, но применительно к имуществу. Ее ключевые характеристики:

– применяется в неотложных случаях до получения судебной санкции об аресте имущества;
– имеет строго ограниченный срок действия (например, до 48–72 часов);
– требует последующего подтверждения судом в форме наложения ареста;
– утрачивает силу при отсутствии такого подтверждения.

Следовательно, речь идет не о дублировании института ареста, а о введении дополнительного промежуточного механизма, позволяющего закрыть временной разрыв между моментом обнаружения актива и процессуальным оформлением ареста.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан (далее УПК РК) уже предусмотрены механизмы неотложных следственных действий (ст. 161 УПК РК)[1], однако данный механизм не охватывает в полной мере оперативное ограничение распоряжения имуществом.

Практика показывает, что ключевую роль играет взаимодействие между:

– органами досудебного расследования;
– регистрационными органами;
– финансовыми институтами.

Выявленные особенности правового регулирования свидетельствуют о наличии временного разрыва между моментом выявления имущества, подлежащего конфискации, и применением к нему обеспечительных мер, что создаёт риски его последующего отчуждения. В этой связи особое значение приобретает необходимость совершенствования оперативных процессуальных механизмов сохранения активов.

Реализация указанной меры предполагает её процессуальную регламентацию, в том числе установление чётких сроков действия и механизма судебного подтверждения. Кроме того, данная мера направлена на оперативное предотвращение отчуждения активов в период между их выявлением и процессуальным оформлением ареста.

Одновременно эффективность обеспечительных мер во многом определяется уровнем организации имущественного расследования как системного процесса.

В научной доктрине имущественное расследование рассматривается как комплексный механизм выявления, отслеживания и правовой квалификации активов, потенциально подлежащих конфискации.

Структурирование имущественного расследования предполагает системный подход к установлению происхождения активов, их движения и последующей правовой оценки в целях обеспечения эффективности конфискации имущества.

В качестве выводов можно отметить следующее.

Во-первых, установлено, что действующая модель правового регулирования института конфискации в Республике Казахстан характеризуется наличием временного разрыва между выявлением имущества и применением обеспечительных мер, что снижает эффективность последующей конфискации.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231

Во-вторых, выявлена недостаточная процессуальная определённость механизмов оперативного ограничения распоряжения активами, особенно в условиях их высокой мобильности и цифровизации.

В-третьих, обоснована необходимость введения самостоятельной краткосрочной обеспечительной меры в виде временного ограничения распоряжения имуществом до получения судебной санкции, которая выполняет функцию «процессуального моста» между выявлением актива и наложением ареста.

В-четвёртых, доказано, что эффективность конфискации напрямую зависит от уровня развития имущественного расследования как комплексного аналитико-процессуального института.

ТДУ 343.98

ОШКОР ВА ТАФТИШОТИ ҶИНОЯТҲОИ КОРРУПСИОНӢ ДАР РАВАНДИ САНҶИШИ ПЕШАКИИ АРИЗА ВА ИТТИЛЛООТ

ВЫЯВЛЕНИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ ЗАЯВЛЕНИЙ И ИНФОРМАЦИИ

ФАЙЗУЛЛОЗОДА НАИМ ШАРОФИДИН
Унвонҷӯи кафедраи мурофиаи ҷиноятии факултети № 2-юми Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, сардори бахши Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон /
Соискатель кафедры уголовного професса факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, начальник отдела Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан
E-mail: reefat@yandex.ru

Санҷиши пешакии ариза ва хабар дар бораи ҷиноятҳои коррупсионӣ дар низоми мурофиаи судии ҷиноятӣ феълан марҳилаи ибтидоӣ мебошад. Аз натиҷаи ин давра тақдири минбаъдаи ошкору тафтишоти ҳуқуқвайронкуниҳо мазкур дар ҷараени оғози парвандаи ҷиноятӣ ва тафтишоти пешакии он вобастагӣ дорад. Агар ҳангоми санҷиши ибтидоӣ муайян карда шавад, ки ҳолатҳои коррупсионӣ дар асл ҷой надоштаанд, зарурати оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ ва тафтишоти пешакии минбаъдаи он, инчунин баррасии парванда дар марҳилаи мурофиаи судӣ, инкор мегардад. Албатта, чунин натиҷаи санҷиш бо хулосабарорӣ ва қабули қарори дахлдори пешбининамудаи қонун анҷом дода мешавад.

Тафтишоти ҷиноятҳои коррупсионии аз ҷониби шахсони мансабдор содиршаванда дар марҳилаи аввалиндараҷа ҷиҳати ҳолатҳои тафтишотии хусусияти хос дорад, ки онҳо асосан бо сифатҳои зерин тавсиф меёбад:

а) намуд ва соҳаи фаъолияти шахси мансабдор;

б) салоҳият ва доираи ҳуқуқу ӯҳдадориҳои хизматии шахси мансабдор;

в) марҳилаи фаъолияти корие, ки ҳангоми он бевосита ҷиноят содир шудааст;

г) низомавӣ будани кирдорҳои ҷиноятқорона, ки давомнокии алоқаҳои коррупсиониро тавсиф медиҳад ва ҳамзамон зарурарти муайян кардани на танҳо

ҳолатҳои дар ариза ё хабар овардашуда, балки тамоми ваҷҳои ба ҷиноят дахлдорро нишон медиҳад[1].

Дар марҳилаи ибтидоии тафтишот оддатан се намуд ҳолатҳои намунавӣ дучор мешаванд, ки бо дарназардошти онҳо маҷмӯи амалҳои тафтишӣ баргузор мегарданд:

– воридоти ариза оиди ҷой доштани танҳо ваҷҳи тамаҷӯии мукофот аз ҷониби шахси мансабдор, ки ин хоҳишаш ҳоло иҷро нашудааст;

– маълумот оиди ҷинояти коррупсионӣ аз тарафи манбаҳои оперативӣ дохил гардидааст ва шарикони ҷиноят, ки бо маслиҳати якҷоягӣ амал карда истодаанд дар ин бора бехабаранд;

– аризадиҳанда ихтиёран ҳозир шуда ба гуноҳаш иқрор шудааст ва дар хусуси додани пора ё дигар мукофот ба шахси мансабдор, ки алакай онро гирифтааст, хабар медиҳад.

Ҳангоми тафтишоти ин намуд ҷиноятҳо ҳолатҳои латентӣ ва муқовимати фаъолонаи шахсони манфиатдор мушкилиҳоро ба миён меоранд. Чунин муқобилият дар эътирозҳо ва арзу шикоятҳо оид ба норозӣ будан ба мавқеи мақомоти тафтишкунанда (тафтишот, таҳқиқ) инъикос мебанд. Яъне, аслан муқовимат дар замнаи прнсипҳои мурофиаи судии ҷиноятӣ, аз ҷумла прнсипи муҳорибаи пешбининамудаи мод. 17 Кодекси мурофиавии ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд - КМҶ ҶТ) сурат меград. Аз нуқтаи назари қонун тавассути механизми мазкур тарафҳо – иштирокчиёни мурофиаи ҷиноятӣ, хусусан тарафи ҳимоя, баҳри ҳифз манфиатҳои қонуниашон, барпо намудани адолати иҷтимоӣ ва ҳуқуқҳои поймолгардида, нисбати шахси мансабдори тафтишбаранда, ҳаракатҳои ӯ ва мақомоти ҳифзи ҳуқуқи даҳлдор шикоят менамояд. Ҳамзамон, хотиррасон бояд кард, ки худи ошкор ва тафтишоти ҷиноятҳои коррупсионӣ дар марҳилаҳои пеш аз оғоз намудани парвандаи ҷиноятӣ, ҳангоми оғози он ва тафтишоти пешакии минбаъда, инчунин дар рафти мурофиаи судӣ, метавонад бо кирдорҳои коррупсионии аз ҷониби худи шахси мансабдори мақомоте, ки феълан нақши зиддикоррупсиониро амалӣ менамояд, ба вуҷуд биёянд. Яъне, дар ин ҳолат тарафи айбдоркунанда низ зери “ниқоби” таъқиби ҷиноятӣ ба манфиати ҷиноятқоронаи тарафи ҳимоя хизмат менамояд.

Дар ин қарина, ба баррасии ҷиноятҳои зиддӣ адолати судие, ки хусусиятҳои коррупсионӣ доранд (қаблан ин гурӯҳи ҳуқуқвайронкуниҳо аз ҷиҳати тавсифи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминологӣ ва ҷиноятшиносӣ дар боби якум дида будем) баргашта, ба онҳо ҳамчун омилҳои муқовиматкунанда ба ошкору тафтишоти ҷиноятҳои коррупсионӣ, назар кардан лозим аст. Чуноне, ки қаблан дар боби якуми диссертатсия қайд карда будем, ҷиноятҳо ба муқобили адолати судӣ дар боби 32-и фасли XIII (Ҷиноятҳо ба муқобили ҳокимияти давлатӣ) Қисми махсуси Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (минбаъд – КҶ ҶТ) пешбинӣ шудаанд, аз ҷумла: монеъ шудан ба татбиқи адолати судӣ, таҳқиқ ва тафтиши пешакӣ (м. 345); дидаю дониста расонидани хабари бардурӯғ (м. 346); хабар надодан дар бораи ҷиноят ё пинҳон доштани он (м. 347); дидаю дониста ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахси бегуноҳ (м. 348); дидаю дониста ғайриқонунӣ баровардани ҳукм, ҳалнома ё дигар актҳои судӣ (м. 349); монеъ шудан ба ҳозиршавии шоҳид ё ҷабрдида ба суд, мақомоти таҳқиқ ё тафтиши пешакӣ (м. 350); гувоҳии бардурӯғ (м. 351); саркашӣ аз ҳозир шудан ё нахостани додани нишондод, хулоса ё тарҷума кардан (м. 352); ришвадиҳӣ ё маҷбур кардан барои додани баёноти бардурӯғ, хулосаи бардурӯғ ё тарҷумаи нодуруст (м. 353); аз ҷониби таҳқиқбаранда, муфаттиш ё суд маҷбур сохтан ба додани нишондод (м. 354); беэҳтиромӣ нисбати суд (м. 355); таҳдид ё зуроварӣ вобаста ба амалбарории адолати судӣ ё таҳқиқ ё тафтиши пешакӣ (м. 356); ғайриқонунӣ дастгир ё ҳабс намудан (м. 358); сохтакории далелҳо (м. 359);

[1] Головин, А.Ю., Бугаевская, Н.В. Особенности расследования коррупционных преступлений / А.Ю. Головин, Н.В. Бугаевская // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. - 2012. - № 1-2. - С. 59.

ғайриқонунӣ озод кардан аз ҷавобгарии ҷиноятӣ (м. 360); фош кардани маълумоти таҳқиқ ё тафтиши пешакӣ (м. 361); ҳаракати ғайриқонунӣ нисбати молу мулке, ки рӯйхат шудааст, ё ба вай ҳабс гузошта шудааст, ё ин ки мусодира карда мешавад (м. 362); иҷро накардани ҳукми суд, ҳалномаи суд ё санади дигари судӣ (м. 363); саркашӣ аз адои ҷазои маҳрум сохтан аз озодӣ (м. 364); гурехтан аз ҷойҳои маҳрум сохтан аз озодӣ ё аз ҳабси пешакӣ (м. 365). Кирдорҳои дар диспозитсияи меърҳои дар боло номбаршуда, метавонанд бо ангезаи коррупсионӣ содир шаванд.

Чуноне, ки аз муҳтавои ин гуна кирдорҳо бар меояд, онҳо дорои иқтидори муқобилияткунанда ба мурофиаи судии ҷиноятӣ доранд. Ҳар як чунин амали ғайриқонунӣ бо вуҷуди тарафҳои объективӣ ва субъективӣ тарзи махсуси ошкоркунӣ ва тафтишотро талаб менамояд. Қобили таъкид ҳаст, ки дар ин ҷо ҷиноятҳои зидди адолати судӣ на ин ки ба сифати объекти ошкор ва тафтишот оварда шудаанд, балки ҳамчун омилҳои мониягардӣ ба санҷиши ариза ва хабар оиди ҳолатҳо коррупсионӣ дар марҳилаҳои санҷиши ибтидоӣ, оғозу тафтишоти пешакии парвандаи ҷиноятӣ, баррасӣ менамоем.

Ҳамин тариқ, муфаттиш ва таҳқиқбаранда ҳолатҳои мазкурро бояд ҳамчун эҳтимолияти муқовимат ба рафти санҷиши ариза ва марҳилаҳои минбаъдаи мурофиаи судии ҷиноятӣ, ба инобат гирифта, аз ҷиҳати тактикӣ ба чунин кирдорҳои ғайриқонунӣ ҳамаҷониба омода бошад.

Дигар масъалае, ки қобили баррасӣ ҳаст, ин таъмини ҳуқуқу озлдиҳои қонунии инсон ҳангоми санҷиши ибтидоии ариза ва хабар дар бораи ҷиноятҳои коррупсионӣ, оғози парвандаи ҷиноятӣ ва пешбурди минбаъдаи оиди он, ба шумор меравад.

Ҳангоми ошкор ва тафтишоти ҷиноятҳои коррупсионӣ дар шароити латентӣ, монияи фаъолонаи шахсони манфиатдор ба кори мақомоти тафтишоту таҳқиқ, овардани шикоят аз болои амалу қарорҳои тафтишотӣ ва судӣ (оиди татбиқи чораи пешгирӣ дар намуди ҳабси пешакӣ, гузоштани ҳабс ба молу мулк ва ғ.), ҳамкории зичи кормандони ин мақомот ҳамчун кафили таъминкунандаи фаъолияти зиддикоррупсионӣ баромад мекунад. Чунин ҳамоҳангсозӣ маҷмӯи чорабиниҳои мурофиавӣ ва ғайримурофиавӣ мебошад, ки бо мақсади иҷроиши босурът ва самараноки масъалаҳои тафтишотӣ дар асоси санадҳои қонунӣ ва зерқонунии соҳавӣ аз ҷониби иштирокчини ҳамкорӣ ба амал бароварда мешавад.

Таҳқиқи додани ришва яке аз навъҳои мураккабтарини ҷиноят барои фош кардан мебошад. Дар таҳқиқи ин гуна ҷиноятҳо, ки ҳаҷми зиёди маълумотро ҷамъоварӣ доранд, таҳлил, дақиқ кардан, санҷидан ва баҳогузорӣ намудан муҳим мебошад. Барои ноил шудан ба ин мақсадҳо таҳқиқбаранда (ваколатдори оперативӣ) дар марҳилаи санҷиши ибтидоии аризаи воридгардида аксар вақт ба кӯмаки мутахассисон дар соҳаҳои гуногун мурочиат мекунад. Зарур аст, ки методикаи таҳқиқи мушаххаси порадиҳӣ таҳия карда шавад, ки он усулҳои мураттбсозии маълумотро дар бар мегирад, ки баъдан ба пояи таҳкурсии далелӣ дар парванда хоҳанд гузошт.

Ин методика ба ташкили дурусти фаъолияти таҳқиқбаранда кӯмак мекунад, то ҳеҷ як лаҳзаи муҳим барои таҳқиқот аз даст наравад. Вазъиятҳои таҳқиқотӣ дар парвандаҳои додани ришва бо он муайян мешаванд, ки чорабиниҳо оперативӣ-ҷустуҷӯӣ (минбаъд – ЧОҶ) пеш аз оғози парвандаи ҷиноятӣ гузаронида шудаанд ё не. Дар ин ҷо бояд қайд кард, ки хусусияти фош кардан ва таҳқиқи ин гуна ҷиноятҳо дар айни замон имконияти баланди ифшои маълумот аз мақомоти ҳифзи ҳуқуқ мебошад, ки пас аз он гузаронидани ЧОҶ ва амалҳои тафтишӣ ҳама гуна маъноро аз даст медиҳанд. Аз ин рӯ, яке аз вазифаҳои муҳиммтарин дар марҳилаи аввал маҳдуд кардани доираи шахсоне мебошад, ки ба маводҳо дастрасӣ доранд.

Гузаронидани коркарди оперативӣ барои коррупсиягари гумонбаршуда ва шахсони гумонбаршуда дар додани ришва, ки аз ҷониби мақомоти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ пеш аз оғози парвандаи ҷиноятӣ анҷом дода мешавад, имкон медиҳад, ки маводҳои

роҳнамо барои таҳқиққунанда дар вазъияти умумӣ ва, махсусан, дар самтҳои асосии ҷамъоварӣ ва сабти далелҳои исботкунандаи гунаҳкорон ба даст оварда шавад.

Дар ин вазъият вазифаи асосии таҳқиқбаранда - арзёбии маълумоти оперативӣ мавҷуда ва бар пояи он нақшаи фаъолиятҳои минбаъдаро таҳия кардан мебошад.

Ҳангоми арзёбии маълумоти оперативӣ воридшуда мувофиқ аст, ки боварӣ ҳосил карда шавад, ки бо ЧОҶ пайвастагӣ ва ошкор кардани робитаҳои ҷиноятии шахси мансабдори гумонбаршуда дар коррупсия бо шахсе, ки гумон мебарояд, додандаи ришва аст, пайгирӣ ва муайян шудаанд. Агар ин кор анҷом дода нашуда бошад, бояд супориши дахлдор ба мақоми амаликунандаи ФОҶ дода шавад.

Таҳлили амалияи ошкор кардани парвандаҳои ин категория нишон дод, ки яке аз хатоҳои намунавӣ (типӣ) ин тартибдиҳӣ ва гузаронидани эксперименти оперативӣ аз ҷониби кормандони хизматҳои оперативӣ на нисбат ба шахси мушаххасе мебошад, ки ин ба меъёрҳои Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон “Дар бораи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ” муқобил аст[1].

Дар ҳолатҳое, ки оғози парвандаи ҷиноятӣ пеш аз он бо гузаронидани ЧОҶ нисбат ба шахси мушаххас (масалан, ҳангоми муроҷиати шахсе, ки аз ӯ ришва талаб мекунанд, ё ворид шудани иттилоот дар бораи сӯиистифодаи мансабдорон, пора гирифтани онҳо ва ғайра) ҳамроҳ набуд, қарор дар бораи оғози парвандаи ҷиноятӣ бояд танҳо бо дарназардошти зарурати санҷиши бисёрҷонибаи иттилооти воридшуда қабул карда шавад, аз ҷумла бо кӯмаки ЧОҶ. Нақши муайян дар ҳалли масъалаи оғози парвандаи ҷиноятӣ арзёбии ҳолати огоҳии гумонбаршуда аз ифшои иттилооте мебозад, ки далелҳои фаъолияти ҷиноятии ӯро дар бар мегирад. Дар ин ҳолатҳо ӯ метавонад чораҳои пинҳон кардани изҳои ҷиноят, нобуд кардани иттилооти далелӣ мавҷуда (пинҳон кардан, қалбакии ҳуҷҷатҳои ҳисобдорӣ, ворид кардани тағйирот ба ҳуҷҷатҳои хизматӣ, пора додани шоҳидон ва монанди ин) бигирад, ки ин имкон медиҳад, аз ҷавобгарӣ ғайб занад. Дар ин вазъият дер кардан бо оғози парвандаи ҷиноятӣ метавонад ба гум шудани дурнамои (перспективаи) судӣ оварда расонад.

Сифати пасти маводҳои санҷишҳои пеш аз таҳқиқ гузаронидашуда ва ЧОҶ метавонад ба гум шудани далелҳои муҳим оварда мерасонад. Ҳол он ки яке аз шароити муваффақияти мубориза бо ҷиноятҳо дар соҳаи ҷиноятҳои мансабдорӣ ин сабти саривақтии изҳои ҷиноят мебошад.

Аҳаммияти калон дорад истифода аз сабти видеоӣ ва аудиоӣ дар рафти амалҳои таҳқиқотӣ ва ЧОҶ. Бо вуҷуди ин, тавре ки амалия нишон медиҳад, ин воситаҳои техникӣ хеле кам истифода мешаванд. Илова бар ин, кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ аксар вақт аз воситаҳои техникии сифати паст истифода мекунанд, ки ин имкон намедиҳад, изҳои содир кардани ҷиноятро дуруст ва пурра сабт намояд. Бисёре аз мутахассисон қайд мекунанд, ки ҳангоми гузаронидани азназаргузаронии ҷои ҳодиса истифодаи сабти видеоӣ хеле муҳим аст, ки он имкон медиҳад, лаҳза ва раванди кашфи предмети пораро мустақим дар назди шахси мансабдори коррупсияшуда ё дар ҷои азназаргузаронидашуда (масалан, утоқи хизматӣ) объективона сабт намояд. Барои таҳқиқ иттилооти муфид инчунин таассури равоншиносии шахсоне мебошад, ки дар содир кардани ҷиноят гумонбар мешаванд, ба ҳодисаҳои ҷорӣ.

Бояд дар хотир дошт, ки аз андозаи даромади бо роҳи ҷиноятӣ ба даст овардашуда вобастагии бевосита ба таҳқиқи минбаъдаи ҷиноят вуҷуд дорад, ҳар як предмети ришваи интиқолдодашуда ё хизматрасониҳои пешниҳодшуда бояд ҳатман ба арзиши пулӣ мувофиқи арзиши воқеии предмет, нархҳо, нархгузорӣ ё тарофаҳои хизматрасониҳо, ки дар минтақаи додашуда муқаррар шудаанд ё дар лаҳзаи содир кардани ҷиноят

[1] Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар борам фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ» аз 25-уми марти с. 2011, № 687 // Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2011, № 3, мод. 155; с. 2014, №7 қ.1, мод. 387; с. 2017, № 7-9, мод. 570.

амал мекунанд, арзёбӣ гардад, ва агар онҳо вуҷуд надошта бошанд, пас дар асоси хулосаи мутахассисон баҳогузоӣ шаванд[1].

Аксар вақт иттилоот дар бораи алоқаи ҷиноятии шахси мансабдор бо гурӯҳҳои ҷиноятии муташаккил ҳангоми гузаронидани ЧОҶ, таҳқиқи фаъолияти ҷиноятии гуруҳ ва ҷамоатҳои ҷиноятӣ ворид мешаванд. Дар ин ҳолат шахси мансабдор метавонад иштирокчии гурӯҳи ҷиноятии ошкоршуда бошад ва ҳатто ташкилкунандаи он, ё барои иҷрои супоришҳои алоҳида, масалан, бо таъмини амнияти гурӯҳи ҷиноятӣ, қонунигардонӣ ва шустушӯи даромадҳои ҷиноятӣ истифода шавад. Дар ин вазъият бояд фарзияҳо дар бораи тааллуқ доштани шахси мансабдор ба гурӯҳи ҷиноятии фошшуда санҷида шаванд, далелҳое ҷамъ карда шаванд, ки ӯро дар тавофуқ бо ҷиноятқорон фош мекунанд, инчунин санҷида шавад, ки оё ӯ "супоришҳои" гурӯҳҳои дигари ҷиноятиро иҷро накардааст, ҳаммаслакони ӯ аз ҷумлаи шахсони мансабдори ҳамин ташкилот ва ҳам ташкилотҳои дигарро ошкор намояд.

Фарзия дар бораи қонунигардонии даромадҳои ҷиноятии аз ҷониби коррупсигар ба даст овардашуда низ бояд ба пешниҳод, нақшакашӣ ва тадқиқ дучор шавад. Ин фарзия бояд дар парвандаҳое низ санҷида шавад, ки дар онҳо кормандони давлатӣ мавқеи хизматии худро барои бой кардани шахсӣ истифода мебаранд, ва ҳамон замон, ки онҳо дар манфиати шахсони сеюм барои мукофоти муайян амал мекунанд. Ҳангоми пешниҳоди ин фарзияи бояд ба назар гирифта шавад, ки дар шароити муосир "мукофоти меҳнати" коррупсиягар шаклҳои гуногуни зиёдро мегирад: пардохт барои таҳсили фарзандонаш дар муассисаҳои таълимии элитаи кишварҳои тараққикарда; ташкили сафарҳои худи коррупсионер ва наздиконаш ба хориҷ; хариди амволи ғайриманқул ба номи худ ва наздиконаш дар хориҷ ва дар Ҷумҳурии Тоҷикистон; додани саҳмияҳои корхонаҳои баланддаромад ба ӯ; ба қайд гирифтани сохтаи ӯ дар вазифа бо пардохти музди меҳнат ва ғайра. Муқаррар кардани ин гуна маълумот имкон медиҳад, фарзияиро дар бораи қонунигардони даромадҳои ҷиноятии аз ҷониби коррупсиогари ошкоршуда ба даст овардашуда дақиқтар созад[2].

Манбаъҳои иттилоот дар бораи додани ришва метавонанд бошанд:

1) гирифтани иттилоот аз манбаъҳои оперативӣ ё аризаҳои шаҳрвандон, ки дар бораи ваҷҳои додани ришва, пайдо шудани гумон дар содир кардани ин ҷиноят маълумот доранд, инчунин иттилоот дар бораи додани ришваи наздик;

2) аризаи шахси мансабдор, ки ба ӯ ришва пешниҳод карда мешавад ё аллакай супурда шудааст, дар утоқи хизматӣ, мошин, ба хона расонида шудааст, ба хешовандон дода шудааст ва ғ.;

3) тавбаи худихтиёрӣ порадиҳанда, ки бо ёрии додани ришва натиҷаи дилхоҳро ба даст наовардааст, ё сабаб он хоҳиши фирор кардан аз ҷазои пешбинишудаи мод. 319 КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон буд;

4) ошкор кардани аломатҳои додани ришва аз ҷониби кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ҳангоми тафтиши парвандаҳои ҷиноятии дигар, ҳангоми гузаронидани ЧОҶ ва ғ.

Барои он ки аломатҳои таркиби ҷиноятро дар иттилооти ибтидоӣ дар бораи додани ришва ошкор кунем, санҷиши пешакӣ гузаронида мешавад. Ин санҷишҳо бояд аз ҳамаи иштирокчиёни гумонбаршудаи ҷиноят пинҳонӣ гузаронида шаванд. Онҳо метавонанд чунин бошанд: а) гирифтан ва баррасӣ кардани шарҳҳо аз муроҷиаткунанда ва шахсон, ки метавонанд шоҳид бошанд; б) ҷамъ кардани иттилоот

[1]Ниг.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 (ред. от 03.12.2013) № 24 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

[2] Бертовский, Л.В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Л.В. Бертовский. – М., 2005. – 526 с.

дар бораи ҳаёти қабулкунандаи ришва, молу мулки ӯ, молу мулки хешовандони наздикаш, алоқаҳо; в) омухтани ҳуҷҷатҳо, ки фаъолияти қабулкунандаи ришва, салоҳияти ӯ ва вазифаҳояшро муайян мекунанд; г) гирифтани иттилоот дар бораи фаъолияти додандаи ришва.

Ҳангоми муайян кардани ҳолатҳои марбут, муносиб аст, ки санҷишҳои прокуратураро дар тартиби назорати умумӣ ва инчунин гузаронидани санҷишҳо аз ҷониби мақомоти назоратии болоӣ истифода барем.

Вазъияти гирифтани иттилоот дар бораи пайдо шудани гумон дар содир кардани додани ришва хос аст дар ҳолатҳое, ки иттилоот аз шаҳрвандон ё аз манбаъҳои оперативӣ ворид шудааст. Дар он ҳама иштирокчиёни ришвагирӣ (додандаи ришва, қабулкунандаи ришва, миёнрав, агар чунин бошад) дар пинҳон кардани ин ҷиноят манфиатдор ҳастанд.

Фаъолияти санҷишӣ дар ин вазъият, аз рӯи муҳтавои иттилоотиаш, роҳи рушди дониш дар бораи ваҷҳои ҷинояти эҳтимолӣ то ба ҷойи расмии парвандаи ҷиноятӣ мебошад. Омӯхтани маълумоти гирифташуда имкон медиҳад, ки модели фикрии ҳодиса созем, унсурҳои нокифоя ва ҳалқаҳоро муайян кунем, мушкилотро, рӯйхати манбаъҳои эҳтимолии иттилооти заруриро ташкил диҳем.

Бисёре аз аризаҳои шаҳрвандон хусусияти номаълум доранд, зеро аксар вақт онҳо дар асоси ҳиссиёт асос ёфтаанд. Аммо аз гуфтугӯ бо муаллифон метавон ҳам шарҳи навишташуда ва ҳам маълумоти иловагиро ба даст овард, ки ба онҳо аҳамияти махсус надода буданд.

Дар ин вазъият чанд фарзияи шаклӣ мавҷуданд:

а) шахси мансабдор дар ҳақиқат ришва гирифтааст;

б) шахси мансабдор он ё ин предетро гирифтааст, аммо на ҳамчун ришва, масалан, баргардонидани қарз;

в) таҳқири шахси мансабдор рӯй медиҳад.

Дар асоси болозикр метавон хулосаҳои зеринро бароварда:

1) Зоҳир шудани “нав” усулҳои дода додан ва гирифтани предмети пора бо истифода аз технологияҳои иттилоотии муосир, инчунин муошарати байни порадиҳандагон ва порагирандагон шаҳодат медиҳанд, ки дар асоси ошкор кардан ва ҳуҷҷатгузории кирдорҳои ҷиноятӣ аз ҷониби кормандони воҳидҳои оперативӣ бояд усулҳои иттилоотӣ-таҳлилӣ ҷамъоварии иттилоот, ки дар асоси ЧОҶ, ҷамъоварии маълумот ва гузаронидани як қатор чорабиниҳои оперативӣ-техникӣ асос ёфтаанд, гузошта шаванд, ки ба онҳо гӯш додани гуфтугӯҳои телефонӣ, гирифтани иттилоот аз шабакаҳои алоқаи техникӣ, гирифтани иттилооти компютерӣ ва ғайра дохил мешаванд.

2) Ошкор кардани маълумоте, ки аломатҳои бой шудани ғайриқонунии порагирандаро дар шароити муосир тасдиқ мекунанд, метавонанд маълумоти ба даст овардаи кормандони оперативӣ дар бораи ҳаракати маблағҳои пулӣ аз ҳисоби он ва ҳисобҳои шахсони боэътимод аз шумори алоқаҳои ҷиноятии эҳтимолӣ, ки дар бонкҳо, системаҳои пардохти электронӣ, назди операторҳои шабакаҳои мобилӣ кушода шудаанд, имкон диҳанд.

3) Ҳуҷҷатгузории изҳороти ниятҳои ҷиноятӣ дар соҳаи порадиҳӣ, ки бо истифода аз системаҳои иттилоотӣ-телекоммуникатсионии муосир анҷом дода шудаанд, ҳангоми мавҷуд будани имкониятҳо дар соҳаи назорати оперативӣ-техникӣ бар сари паёмҳо, ки ба шабакаҳои алоқаи мобилӣ, интернет ва дигар намудҳои алоқа фиристода мешаванд, амалӣ мегардад.

Ҳамин тариқ, дар асоси ваҷҳои дар боло зикргардида ба хулосаҳои зерин омадан мумкин аст:

1. Ҳар як ҳолати баррасигардида бо худ як тартиби алоҳида, яъне алгоритми ҳаракатҳои муфаттишро эҷод менамояд, ки риоя карданаш барои таъмини самаранокии равандҳои санҷиши пешакии ариза, огози парвандаи ҷиноятӣ ё

тафтишоти пешакии минбаъдаи он, шарти муҳим мебошад. Ҳамзамон қайд кардан ба маврид аст, ки дар шароитҳои аз тарафи ин ҳолатҳои тафтишотии ба миёномада, муфаттиш бо хатарҳои [риски] тактикӣ ва муқовимати шахсони манфиятдор ба раванди фаъолияташ дучор мегардад.

2. Дар ин ҳангом ҷамъоварии босаводонаи таҳқурсии исботкунӣ нақши муҳимро мебозад. Аз ин лиҳоз дар сурати истифодабарии маҳзанҳои физикибуда ва ҳар хел ҳуҷҷатҳои дорои хусусияти оперативӣ-хизматӣ барои исботкунӣ, бояд на танҳо талаботҳои қонун оид ба пешниҳод кардани натиҷаҳои ФОҶ ва расмияткунонии мурофиавии онҳо риоя шаванд, балки иҷроиши дигар талаботҳои меъёрҳои қонун ва санадҳои меёрии ҳуқуқии идоравӣ ҷиҳати тартиби гузаронидани ЧОҶ дуруст амалӣ гардад. Ин шарт пеш аз ҳама барои марҳилаи санҷиши пешакии ариза ва иттилоот оиди ҷиноятҳои коррупсиони мубрам мебошад, зеро ҷараёни он дар аксари ҳолатҳо бо гузаронидани ЧОҶ сурат мегирад.

УДК 343.13

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ТАМОЮЛҲОИ МУОСИРИ ИНКИШОФИ ПРИНСИПИ ШАФФОФИЯТ ДАР ФАЪОЛИЯТИ МУФАТТИШ ДАР ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ

ЧЕРНОМЫРДИН РОДИОН АНДРЕЕВИЧ
Аспирант Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / Аспиранти Институти қонунгузорӣ ва ҳуқуқшиносии муқоисавии назди Ҳукумати Федератсияи Россия
E-mail: chernomyrdin-rodion@mail.ru

Вопрос о содержании и практическом воплощении принципа гласности в уголовном судопроизводстве, оставаясь традиционно дискуссионным, приобретает особую остроту при обращении к стадии предварительного расследования, в рамках которой, будучи опосредованно проявляющимся, данный принцип, трансформируясь, неизбежно вступает в противоречие с иными началами процесса, прежде всего – с требованием обеспечения тайны следствия.

Рассматривая гласность не изолированно, а в системе принципов уголовного процесса, следует исходить из её двойственной природы: с одной стороны, выступая гарантией открытости правосудия, формирующей общественное доверие к государственным институтам, с другой – будучи ограничиваемой в тех пределах, в которых разглашение информации способно причинить ущерб как интересам правосудия, так и правам конкретных участников процесса.

Именно на стадии деятельности следователя данная двойственность проявляется наиболее рельефно. Неся на себе функциональную нагрузку по собиранию, проверке и оценке доказательственной информации, следователь, действуя в условиях процессуальной самостоятельности, одновременно вынужден учитывать, что преждевременное или избыточное раскрытие сведений, касающихся расследуемого события, способно не только дезорганизовать ход расследования, но и повлечь искажение доказательственной базы, формируя, тем самым, угрозу достижению целей уголовного судопроизводства.

Нормативное закрепление и развитие принципа гласности в деятельности следователя в современной России, будучи опосредованным общими началами уголовного судопроизводства, осуществляется прежде всего через положения уголовно-процессуального законодательства, которые, не формулируя данный принцип применительно к досудебной стадии в чистом виде, тем не менее, последовательно выстраивают систему его ограниченной, но устойчивой реализации. Обращаясь к нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ)[1], нельзя не отметить, что законодатель, с одной стороны, прямо закрепляя требование недопустимости разглашения данных предварительного расследования без разрешения следователя (ст. 161 УПК РФ), фактически институционализирует режим процессуальной закрытости, обусловленный задачами обеспечения эффективности расследования, а с другой – предусматривает целый ряд положений, косвенно направленных на обеспечение элементов гласности, прежде всего через гарантии прав участников процесса.

Так, регламентируя порядок ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела (ст. 217 УПК РФ), закрепляя право на обжалование действий и решений следователя (гл. 16 УПК РФ), а также предусматривая судебный порядок санкционирования отдельных следственных действий (ст. 29 УПК РФ), законодатель, по сути, формирует правовой механизм, в рамках которого гласность, будучи ограниченной, не утрачивает своего содержания, реализуясь через процедурные формы контроля и информирования.

При этом, анализируя действующее законодательство в более широком контексте, следует учитывать его взаимосвязь с конституционными положениями, закрепляющими открытость правосудия и доступ к информации о деятельности государственных органов, что предопределяет необходимость системного толкования норм УПК РФ, исключающего их изолированное применение. В последние годы наблюдается тенденция к уточнению и детализации процессуальных норм, направленных на обеспечение баланса между гласностью и тайной следствия, что выражается, в частности, в развитии практики судебного контроля, расширении возможностей участников процесса по защите своих прав, а также в формировании более четких подходов к взаимодействию следственных органов со средствами массовой информации.

Вместе с тем сохраняется определенная фрагментарность правового регулирования, проявляющаяся в отсутствии исчерпывающих критериев допустимости разглашения сведений предварительного расследования, что, оставляя значительный объем усмотрения правоприменителю, одновременно создает риск неоднородности практики. В этой связи дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства видится в направлении более четкой регламентации пределов гласности на досудебной стадии, обеспечивающей, с одной стороны, защиту интересов правосудия, а с другой – недопущение необоснованного ограничения прав личности.

Гласность, понимаемая как доступность информации о деятельности государственных органов, в рассматриваемом контексте не может быть сведена к механическому раскрытию сведений. Напротив, она реализуется, будучи опосредованной системой процессуальных фильтров, через которые, преломляясь, информация приобретает допустимую форму распространения. При этом, анализируя нормативное регулирование, можно констатировать, что законодатель, закрепляя обязанность недопустимости разглашения данных предварительного расследования без соответствующего разрешения, фактически устанавливает презумпцию ограниченной гласности на данной стадии.

Вместе с тем, утверждать, что гласность полностью исключается из деятельности следователя, было бы методологически неверно. Она сохраняет своё значение, проявляясь в иных, менее очевидных, но не менее значимых формах. Так, обеспечивая информирование

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 51. Ст. 4834.

участников процесса о принимаемых решениях, предоставляя им возможность ознакомления с материалами дела в предусмотренных законом пределах, следователь, реализуя процессуальные обязанности, фактически способствует воплощению принципа гласности, пусть и в усечённом виде.

Особое значение приобретает опосредованная гласность, реализуемая через судебный контроль. Обращаясь в суд с ходатайствами о производстве следственных действий, затрагивающих конституционные права граждан, следователь тем самым выводит часть своей деятельности в сферу публичного рассмотрения, где, будучи подвергнутой оценке независимого суда, она становится доступной для восприятия более широкого круга лиц. Данный механизм, обеспечивая баланс частных и публичных интересов, выступает важнейшей гарантией недопущения произвола.

Нельзя обойти вниманием и взаимодействие следственных органов со средствами массовой информации, которое, будучи формой внешнего проявления гласности, требует особой осторожности. Формируя информационную повестку, следователь либо уполномоченные должностные лица, действуя от имени органа предварительного расследования, обязаны, с одной стороны, удовлетворять общественный интерес к информации о совершённых преступлениях, а с другой – избегать распространения сведений, способных повлиять на объективность расследования либо нарушить презумпцию невиновности. В этой связи любое публичное сообщение, будучи тщательно выверенным, должно носить нейтральный, информирующий характер, не допуская оценочных суждений о виновности конкретных лиц.

Пределы гласности, устанавливаемые в деятельности следователя, обусловлены рядом факторов, каждый из которых, будучи самостоятельным, в совокупности формирует систему ограничений. К их числу, прежде всего, относится необходимость защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, включая охрану частной жизни, недопустимость разглашения сведений, составляющих личную или семейную тайну. Наряду с этим существенное значение имеет обеспечение безопасности лиц, участвующих в процессе, что в отдельных случаях требует полного исключения публичности соответствующих данных.

Не менее важным является и фактор сохранения доказательственной информации в неизменном виде. Разглашая сведения о содержании показаний, результатах экспертиз либо иных следственных действий, следователь рискует столкнуться с ситуацией, при которой заинтересованные лица, адаптируя своё поведение, начинают согласовывать показания, уничтожать доказательства либо иным образом препятствовать установлению истины.

В научной литературе обоснованно отмечается, что чрезмерное ограничение гласности способно порождать негативные последствия, выражающиеся в снижении уровня доверия к правоохранительным органам. Закрытость, воспринимаемая обществом как непрозрачность, нередко интерпретируется как признак возможных злоупотреблений, даже при их фактическом отсутствии. В этой связи задача правоприменителя заключается не в максимальном ограничении гласности, а в выработке оптимального баланса, позволяющего, не нанося ущерба расследованию, обеспечивать необходимый уровень информированности общества.

Актуальное развитие научных представлений о принципе гласности в уголовном процессе нашло отражение в работах современных исследователей, акцентирующих внимание на необходимости его адаптации к изменяющимся социально-правовым условиям. Так, Е.А. Костенюк, анализирующая особенности реализации гласности в условиях усложненного уголовного процесса[1]. Ученый, рассматривая влияние чрезвычайных обстоятельств и процессуальных усложнений, приходит к выводу о том, что трансформация условий осуществ-

[1] Костенюк, Е.А. Гласность в уголовном процессе в условиях чрезвычайной ситуации, в том числе с участием присяжных заседателей: проблемы правового регулирования / Е.А. Костенюк // Проблемы экономики и юридической практики. - 2023. - Т. 19. - №3. - С. 109-114.

ления правосудия неизбежно влечет модификацию форм проявления гласности, однако не отменяет её сущностного значения. Подчеркивается, что даже в условиях объективных ограничений законодатель и правоприменитель обязаны стремиться к сохранению доступности информации, обеспечивая тем самым необходимый уровень открытости уголовного судопроизводства.

В более широком теоретическом контексте проблему гласности рассматривают Д.В. Наметкин и А.В. Федулов, связывая её с системой принципов уголовного процесса в целом[1]. Авторы подчеркивают, что принципы, включая гласность, представляют собой не только нормативные положения, но и идеологические ориентиры, определяющие направление развития уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи гласность трактуется ими как сложное правовое явление, реализующееся через совокупность различных механизмов, включая как процессуальные гарантии, так и институциональные формы контроля.

Дополнительно стоит отметить позицию Г.Н. Мухамадьевой, которая, анализируя проблемы реализации принципа гласности, приходит к выводу о необходимости его дальнейшего расширения в уголовном судопроизводстве[2]. Автор подчеркивает, что современное развитие правовой системы требует усиления открытости деятельности правоохранительных органов, поскольку именно гласность выступает важнейшим инструментом обеспечения баланса между функциями обвинения и защиты, а также условием повышения эффективности правосудия в целом. Данный зарубежный опыт Республики Казахстан кажется интересным для российского правового поля.

Современные тенденции развития уголовного процесса свидетельствуют о постепенном расширении элементов гласности, в том числе и на стадии предварительного расследования. Развитие цифровых технологий, активизация информационного обмена, рост общественного запроса на открытость государственных институтов – всё это объективно подталкивает к пересмотру традиционных подходов, предполагающих преимущественную закрытость следственной деятельности. Однако данное расширение, осуществляясь, не может носить безусловного характера, требуя тщательной нормативной регламентации.

Подводя итог, следует отметить, что принцип гласности в деятельности следователя реализуется в сложной, многоуровневой форме, будучи одновременно ограниченным и необходимым. Не являясь доминирующим на стадии предварительного расследования, он, тем не менее, сохраняет своё значение как важнейшая гарантия законности, проявляясь через информирование участников процесса, судебный контроль и взаимодействие с обществом. Его дальнейшее развитие, будучи обусловленным как внутренними потребностями правовой системы, так и внешними социальными факторами, требует взвешенного подхода, исключающего как избыточную закрытость, так и неоправданную открытость.

[1] Наметкин, Д.В., Федулов, А.В. Принцип публичности (официальности) в современном отечественном уголовном процессе / Д.В. Наметкин, А.В. Федулов // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 2 (230) // [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-publichnosti-ofitsialnosti-v-sovremennom-otechestvennom-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 18.04.2026).

[2] Mukhamadyeva, G. Проблемы реализации принципа гласности в уголовном процессе. Journal of Actual Problems of Jurisprudence. - 2019- 76(4). – С. 356-360.

УДК 343.37

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

МАСЪАЛАИ ҶАВОБГАРИИ ҶИНОЯТӢ ДАР СОҲАИ ХАРИДИ ДАВЛАТӢ ДАР РОССИЯ ВА ХОРИҶА

ШАДРИНА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА
Аспирант Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, следователь следственного отдела по Ленинскому району города Киров следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кировской области, майор юстиции / Аспиранти Академияи Кумитаи тафтишотии Федератсияи Россия дар ш. Москва, муфаттиши шуъбаи тафтишотии ноҳияи Ленини шаҳри Кирови Раёсати тафтишотии Кумитаи тафтишотии Федератсияи Россия дар вилояти Киров, майори адлия
E-mail: shadrina.elena1991@mail.ru

Проблема преступности в системе государственных и муниципальных закупок актуальна как для России, так и для зарубежных стран. Высокая степень криминогенности данной сферы обусловлена прежде всего значительными объемами денежных средств, ежегодно выделяемыми для обеспечения нужд государства и муниципальных образований во всех сферах деятельности, в том числе военной. Как показывает практика, такие денежные средства выступают достаточно привлекательным источником дохода для многочисленных злоумышленников[1].

Ярким примером может служить одно из резонансных уголовных дел, возбужденное Следственным комитетом Российской Федерации осенью 2025 года в отношении бывшего главного инженера филиала Военно-строительной компании «Строительное управление по ЮВО» Л., генерального директора ООО «ПП «Интерарм» К., его заместителя Д., а также сотрудников ООО «Нэст» по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ), по факту хищения денежных средств в размере 500 млн рублей, принадлежащих Министерству обороны Российской Федерации, при исполнении контракта в сфере государственного оборонного заказа.

В рамках расследования данного уголовного дела было установлено, что в 2022 году между государственным заказчиком и рядом коммерческих организаций был заключен многомиллионный государственный контракт на поставку оборудования для трубопроводной системы. Ответственными за поставку данного оборудования являлись К. и Д., при этом контроль за исполнением контракта был возложен на Л. В 2023 году в процессе исполнения контракта Л., К., Д., а также ряд сотрудников ООО «Нэст» организовали поставку оборудования, не соответствующего условиям контракта, похитив более 500 млн рублей, причинив Министерству обороны Российской Федерации ущерб в особо крупном размере[2].

Надо сказать, что данный пример является далеко не единственным. Преступления, совершаемые в сфере государственных и муниципальных закупок, – довольно распространенное явление, вовлекающее широкий круг субъектов: начиная от обычных работников заказчика, не наделенных организационно-распорядительными и административно-

[1] Морозов, Р.А. Характеристика субъектов преступления в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Р.А. Морозов // International Law Journal. – 2022. – Т. 5, № 5. – С. 90.
[2] ТАСС: «СК завел дело о хищении Минобороны 500 млн рублей» / Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sledcom.ru/press/smi/item/2029022/

хозяйственными функциями, заканчивая должностными лицами, в том числе занимающими различные государственные посты (министров, руководителей департаментов, высших должностных лиц регионов и т.п.).

Преступления, совершаемые в сфере государственных закупок, в различных странах квалифицируются по-разному. В одних странах для квалификации преступлений в сфере государственных закупок уголовным законодательством не предусмотрено каких-либо специальных уголовно-правовых норм, в связи с чем при квалификации преступлений, совершаемых в данной сфере, используются общие уголовно-правовые нормы[1]. В других странах (Республика Азербайджан, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Китайская Народная Республика, Кыргызская Республика, Эстонская Республика и др.) в уголовном законодательстве имеются специальные нормы об уголовной ответственности за преступления, совершаемые в рассматриваемой сфере[2], при этом общие уголовно-правовые нормы при квалификации преступлений в данной сфере применяются исключительно при отсутствии специальных уголовно-правовых норм.

Так, например, в Республике Казахстан предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество в сфере государственных закупок[3] (п. 5 ч. 2 ст. 190 УК Республики Казахстан[4]).

В то время как, например, в уголовном законодательстве Республики Азербайджан специальная статья об уголовной ответственности в сфере государственных закупок – ст. 308-2 УК Республики Азербайджан («Нарушение законодательства о государственных закупках»), предусматривает уголовную ответственность, в том числе за «расходование должностным лицом закупочной организации финансовых средств на основании заключенных договоров без проведения процедур закупок, а также с применением методов закупок, требующих согласия надзорного органа, без такого согласия или без утверждения надзорным органом итогового протокола о результатах проведенных закупок, если эти деяния причинили ущерб в значительном размере»[5].

В свою очередь, в § 300 УК Эстонской Республики («Нарушение требований к государственным закупкам») регламентирует уголовную ответственность за нарушение требований к процедурам государственных закупок, а также заключение договора о закупках без проведения процедур государственных закупок, предусмотренных законом, с целью предоставления преимущества участвующим в ней субъектам[6].

В уголовном законодательстве Республики Армения ст. 196 УК Республики Армения («Злостное нарушение порядка проведения публичных торгов») предусматривает уголовную ответственность за «злостное нарушение порядка проведения публичных торгов, причинившее крупный ущерб собственнику имущества, организатору торгов, покупателю или иному

[1] Овчаров, А.В. Нормы об ответственности за злоупотребления в сфере осуществления закупок: проблемы социальной обусловленности и законодательной техники / А.В. Овчаров // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 166.

[2] Любый, И. А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08 / Любый Иван Александрович, – Омск, 2022. – С. 39.

[3] Семыкина, О.И. Криминализация финансово-хозяйственных отношений в сфере государственных закупок (компаративистский анализ) / О.И. Семыкина // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3(70). – С. 161-170.

[4] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 г., № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 08.03.2026 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252&pos=3167;92&searchText=в+сфере+закупок

[5] Уголовный кодекс Республики Азербайджан от 30 декабря 1999 г., № 787 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=30420353&pos=2418;92

[6] Уголовный кодекс Эстонской Республики от 01 сентября 2002 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16677

хозяйствующему субъекту»[1].

В то время, как например, в уголовном законодательстве Республики Беларусь ст. 251 УК Республики Беларусь («Срыв публичных торгов») предусматривает уголовную ответственность исключительно за «совершение с корыстной целью действий, приведших к срыву публичных торгов в ущерб собственнику имущества или иному лицу»[2].

Анализируя уголовное законодательство Кыргызской Республики, хотелось бы отметить сразу несколько специальных статей об уголовной ответственности в сфере государственных закупок, таких как ст. 339 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее – УК КР) («Заключение заведомо невыгодного контракта»), предусматривающая уголовную ответственность за «заключение должностным лицом заведомо невыгодного для государства договора, а равно осуществление таким должностным лицом государственной закупки, причинившие крупный ущерб», а также ст. 247 УК КР «Нарушение порядка проведения публичных торгов, аукционов или государственных закупок (закупок)», предусматривающая уголовную ответственность за «умышленное или неосторожное нарушение порядка проведения публичных торгов, аукциона или государственных закупок (закупок), а равно заключение заведомо невыгодного контракта, причинившие собственнику имущества, организатору торгов или аукциона, покупателю или иному хозяйствующему субъекту ущерб в крупном размере»[3].

Также заслуживает внимания уголовное законодательство Китайской Народной Республики, в котором следует отметить ст. 223 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики (далее – УК КНР), предусматривающую уголовную ответственность для участников публичных торгов, объявляющих цену в сговоре друг с другом, нарушая тем самым интересы организатора или других участников торгов, а также для вступивших в сговор для объявления цены участников публичных торгов и их организатора, причинивших своими действиями вред законным интересам государства, коллектива, народа. Примечательно, что в той же ст. 223 УК КНР предусмотрена уголовная ответственность за «отказ от поставок в войска заказанного товара для военных нужд или умышленное затягивание поставок в военное время при отягчающих обстоятельствах в отношении организации»[4].

В данной уголовно-правовой норме, как отмечает И.А. Любый, законодатель Китайской Народной Республики «иллюстрирует тезис о том, что в случае войны интересы безопасности и государства ставятся выше интересов частных компаний и отдельных лиц»[5], что, на наш взгляд, представляет вполне логичным. Это объясняется тем, что в случае войны приоритет обороноспособности и бесперебойного функционирования вооруженных сил становится абсолютным. Любые действия, направленные на подрыв этой системы, будь то преднамеренное неисполнение контрактных обязательств или намеренное затягивание сроков поставок необходимого товара, могут иметь критические последствия для исхода боевых действий и, как следствие, для существования самого государства, его целостности.

Устанавливая столь строгую ответственность для поставщиков, законодатель Китайской Народной Республики демонстрирует четкое понимание неразрывной связи между своевременным обеспечением армии и сохранением суверенитета страны. Такая позиция от-

[1] Уголовный кодекс Республики Армения от 18 апреля 2003 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus

[2] Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09 июля 1999 г., № 275-З (с изм. и доп. по состоянию на 01.01.2026 г.) // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=30414984&pos=2706;92

[3] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г., № 127 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/24614/ru

[4] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики от 01 октября 1997 г. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz_0/zgflyd_142850/202504/t20250430_11614090.htm

[5] Любый, И.А. Уголовно-правовые меры противодействия злоупотреблениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Указ. соч. - С. 73.

ражает общепризнанный принцип, согласно которому в экстремальных ситуациях государство обладает правом и обязанностью принимать все необходимые меры для защиты своих граждан и своей территориальной целостности, даже если это сопряжено с ограничением прав и законных интересов отдельных лиц.

Говоря об уголовном законодательстве Российской Федерации, нельзя не отметить, что изначально Уголовный кодекс Российской Федерации[1] (далее – УК РФ) не предусматривал каких-либо специальных уголовно-правовых норм об ответственности в сфере государственных закупок. Следует отметить, что до 2018 года такие деяния квалифицировались исключительно по общим нормам УК РФ (в том числе ст.ст. 159, 160, 178, 201, 285, 286, 290, 291, 292, 293 УК РФ).

Однако спустя 28 лет с момента принятия УК РФ в нем начинают систематически появляться новые специальные уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере государственных и муниципальных закупок, в том числе при исполнении государственного оборонного заказа.

Так, 29 декабря 2017 года УК РФ был дополнен двумя новыми составами преступлений: ст. 201.1 УК РФ («Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа») и ст. 285.4 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа»)[2]. Несколько позднее, 23 апреля 2018 года, УК РФ дополнен двумя еще новыми составами преступлений: ст. 200.4 УК РФ («Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд») и ст. 200.5 УК РФ («Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок»). При этом ст. 304 УК РФ («Провокация взятки либо коммерческого подкупа») была изложена в новой редакции: «Провокация взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»[3].

Данные дополнения, принятые законодателем, положили начало формированию специальных уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение преступлений в данной сфере[4].

Спустя несколько лет, 24 сентября 2022 года, УК РФ был дополнен четырьмя новыми составами преступлений: ст. 201.2 УК РФ («Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа»), ст. 201.3 УК РФ («Отказ или уклонение от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа»), ст. 285.5 УК РФ («Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа»), ст. 285.6 УК РФ («Отказ или уклонение от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения гос-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: ред. от 29.12.2025 // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2017 г. № 469-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. № 1 (Часть I). Ст. 53 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 23.04.2018 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 30.04.2018. № 18. Ст. 2569 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[4] Международный опыт противодействия уголовно наказуемым деяниям в сфере госзакупок: исторический и уголовно-правовой аспекты / Д.А. Иванов, И.В. Филатова, Н.Н. Горач, В.И. Долинко // Вопросы истории. – 2022. – № 7-1. – С. 119-125.

ударственного оборонного заказа»)[1].

Надо сказать, что данные законодательные новеллы были неоднозначно восприняты как представителями научного сообщества, так и практическими работниками. Это объясняется тем, что большая часть перечисленных специальных статей УК РФ на практике широкого распространения не получила.

Так, например, одной из «мертвых» статей УК РФ на сегодняшний день является ст. 200.4 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, для лиц, не являющихся должностными лицами и лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации. Следует отметить, что за время существования данной уголовно-правовой нормы правоприменительная практика насчитывает лишь единичные приговоры[2]. В связи с чем ряд авторов (Л.Л. Бекренев[3], К.В. Волков[4], А.В. Морозов[5], А.В. Овчаров[6]) выступают за ее декриминализацию, аргументируя свою позицию тем, что для квалификации преступлений, совершаемых в данной сфере, достаточно общих составов преступлений, таких как, например, ст. 285 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями») и ст. 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями»).

В то же время, например, И.С. Сорокин отмечает факт отсутствия уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за «превышение полномочий лицом, не являющимся должностным»[7], и указывает на необходимость введения еще одной специальной уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за превышение должностных полномочий лицами, которые являются субъектами преступлений, предусмотренных ст. 200.4 УК РФ и ч. ч. 4–6 ст. 200.5 УК РФ, поскольку общая уголовно-правовая норма – ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий») – предусматривает ответственность исключительно для должностных лиц.

В свою очередь, говоря об уголовно-правовых нормах, предусмотренных ст.ст. 201.1 и 285.4 УК РФ, регламентирующих уголовную ответственность за злоупотребление полномочиями (должностными полномочиями) при выполнении государственного оборонного заказа), нельзя не отметить тот факт, что данные уголовно-правовые нормы, по сути, являются специальными нормами по отношению к общим уголовно-правовым нормам, таким как ст. 201 УК РФ («Злоупотребление полномочиями») и ст. 285 УК РФ («Злоупотребление долж-

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 24.09.2022 г. № 365-ФЗ // Российская газета. 2022. № 215 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[2] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/?id=79

[3] Бекренев, Л.Л. Проблема неэффективности статьи 200.4 Уголовного кодекса Российской Федерации как элемента охраны отношений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд / Л.Л. Бекренев // Юридическая наука. – 2020. – № 12. – С. 31.

[4] Волков, К.А. Уголовная политика и судебная практика / К.А. Волков // Российский судья. – 2019. – № 2. – С. 37.

[5] Морозов, А.В. Контент-анализ положений об уголовной ответственности за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд / А.В. Морозов // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов VII-ой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01–02 ноября 2019 года. Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», – 2019. – С. 597, 598.

[6] Овчаров, А.В. Нормы об ответственности за злоупотребления в сфере осуществления закупок: проблемы социальной обусловленности и законодательной техники / А.В. Овчаров // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 173.

[7] Сорокин, И.С. Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд / И.С. Сорокин // XII Балтийский юридический форум «закон и правопорядок в Третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 15 декабря 2023 года. – Калининград: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, – 2024. – С. 82.

ностными полномочиями»).

В данном случае интересно мнение В.Н. Самсонова, который считает, криминализацию ст. 201.1 УК РФ и ст. 285.4 УК РФ в полной мере обоснованной, при этом говорит о необходимости создания новой дифференцированной уголовно-правовой нормы «путем замены в названии и диспозиции указанных статей квалифицирующего признака «государственный оборонный заказ» на «закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1]. При этом в качестве квалифицированного состава данного преступления считает необходимым предусмотреть совершение указанных деяний «при выполнении государственного оборонного заказа»[2].

В то же время, например, И.А. Любый, анализируя ст. 285.4 УК РФ, задается вопросом: «Почему законодатель ограничился выделением в отдельную статью только злоупотребления при выполнении государственного оборонного заказа, но не посчитал нужным ввести аналогичные изменения для превышения должностных полномочий и халатности?»[3], поскольку, как показывает практика, превышение полномочий при выполнении государственного оборонного заказа, так же как и халатность, являются довольно распространенным явлением[4]. При этом довольно нелогичным представляется тот факт, что лица, совершившие халатность или превышение должностных полномочий в данной сфере, будут нести ответственность лишь по общим нормам УК РФ (ст. 286 и ст. 293 УК РФ)[5].

Приведенную точку зрения И.А. Любого разделяет И.П. Дегтярев, отмечая, что в сложившейся ситуации, ввиду отсутствия специальных уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления, совершаемые при выполнении государственного оборонного заказа, виновные лица привлекаются к уголовной ответственности за совершенные ими деяния, «по ст. 286 УК РФ или же по ст. 293 УК РФ соответственно»[6], что, по мнению И.П. Дегтярева, «можно расценить как нарушение требования системности уголовного закона»[7].

Так, например, военными следственными органами Следственного комитета Российской Федерации расследовано уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, в отношении директора судоремонтного завода Черноморского флота Ф., обвиняемого в превышении должностных полномочий при выполнении государственного оборонного заказа. Следствием установлено, что в 2023 году между судоремонтным заводом и индивидуальным предпринимателем Я. был заключен многомиллионный контракт на поставку оборудования. Контроль за исполнением контракта был возложен на Ф. В ходе исполнения контракта Ф. и сотрудники индивидуального предпринимателя Я. путем внесения в документы заведомо ложных сведений о стоимости оборудования совершили хищение бюджетных денежных средств в общей сумме более 4 млн рублей, причинив Мини-

[1] Самсонов, В.Н. О дифференциации уголовной ответственности за должностные преступления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд / В.Н. Самсонов // Российский следователь. – 2018. – № 12. – С. 55.
[2] Самсонов, В.Н. Указ. соч. С. 55.
[3] Любый, И.А. Новые подходы к вопросу об уголовно-правовой защите государственного и муниципального заказа в России. Правовое наследство Советского Союза / И.А. Любый // Российский следователь. – 2019. – № 2. – С. 53.
[4] Любый, И.А. Новые подходы к вопросу об уголовно-правовой защите государственного и муниципального заказа в России. Указ. соч. С. 53.
[5] Любый, И.А. Новые подходы к вопросу об уголовно-правовой защите государственного и муниципального заказа в России. Указ. соч. С. 53.
[6] Дегтярев, И.П. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере закупок товаров и услуг / И.П. Дегтярев // Закон и право. – 2021. – № 11. – С. 104.
[7] Дегтярев И.П. Указ. соч. С. 104.

стерству обороны Российской Федерации ущерб в особо крупном размере[1].

Данный пример наглядным образом демонстрирует ситуацию, когда, несмотря на ужесточение уголовной ответственности в сфере государственного оборонного заказа, действия лиц, совершивших халатность или превышение должностных полномочий, в рассматриваемой сфере продолжают квалифицироваться по общим уголовно-правовым нормам – ст. 286 УК РФ и ст. 293 УК РФ[2], что представляется теоретически нелогичным, «учитывая особое отношение государства к правонарушениям в указанной сфере»[3].

В то же время, если говорить об ужесточении уголовной ответственности при выполнении государственного оборонного заказа за совершение таких преступлений, как превышение должностных полномочий и халатность, то возникает вполне закономерный вопрос: «Как в таком случае быть с мошенничеством?» Поскольку, как показывает практика, зачастую именно по данной уголовно-правовой норме (ст. 159 УК РФ) квалифицируется огромное количество преступлений, совершаемых в сфере государственных закупок, в том числе при выполнении государственного оборонного заказа.

Говоря о мошенничестве, нельзя не отметить тот факт, что на сегодняшний день УК РФ насчитывает шесть специальных статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение мошенничества в различных сферах деятельности: «в сфере кредитования», «при получении выплат», «с использованием электронных средств платежа», «в сфере предпринимательской деятельности», «в сфере страхования», «в сфере компьютерной информации». При этом уголовная ответственность за совершение мошенничества в сфере государственных закупок по настоящее время не предусмотрена.

Надо сказать, что некоторые ученые довольно скептически относятся к «дроблению» уголовной ответственности на специальные составы преступлений, так как это способствует «появлению новых проблем, и прежде всего в доказывании»[4]. Такая дифференциация, по мнению ряда авторов, может привести к размыванию границ между отдельными видами преступлений, затрудняя точную квалификацию содеянного и, как следствие, создавая почву для различных квалификационных ошибок.

В заключение следует сказать, что, несмотря на неоднозначные оценки представителей науки и практики, на сегодняшний день в российском уголовном праве складывается целая система правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность в сфере государственных и муниципальных закупок, призванных обеспечить уголовно-правовую охрану отношений, возникающих в данной сфере[5].

Эффективность данных уголовно-правовых норм покажет время. Однако уже сейчас можно сказать, что в целом тенденция, заданная российским законодателем, направленная на создание специальных статей УК РФ применительно к сфере государственных закупок, безусловно является важным шагом на пути к предотвращению различного рода преступлений, совершаемых в рассматриваемой сфере, поскольку лучшим средством борьбы с преступлениями является угроза наказания.

---

[1]Завершено расследование уголовного дела в отношении директора судоремонтного завода Черноморского флота / Приемная Председателя СК России // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/wall-156933091_577533

[2] Любый, И.А. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере закупок товаров и услуг. Указ. соч. С. 54.

[3] Любый, И.А. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в сфере закупок товаров и услуг. Указ. соч. С. 54.

[4] Тищенко, Е.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере государственных и муниципальных закупок: сравнительно-правовой анализ / Е.В. Тищенко // Вопросы российского и международного права. – 2016. – Т. 6, № 11А. – С. 96.

[5] Любый, И.А. К вопросу уголовно-правовой защиты государственного и муниципального заказа в России / И.А. Любый // Российский следователь. – 2018. – № 11. – С. 47.

К сожалению, нельзя сказать, что каждая из нововведенных статей УК РФ, предусматривающая ответственность в сфере государственных закупок, является совершенной, поскольку многие из них нуждаются в доработке. В этой связи можно предположить, что дальнейшее развитие уголовного законодательства Российской Федерации, вероятнее всего, будет направлено на совершенствование уже существующих уголовно-правовых норм и, возможно, на введение новых, в зависимости от актуальных проблем и вызовов, возникающих в сфере закупочной деятельности.

УДК 343.14

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ НА ОСНОВЕ ФРЕЙМОВОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

БЕҲТАРСОЗИИ РАВАНДИ ИСБОТ ДАР АСОСИ СОХТОРБАНДИИ ЧАҲОРЧӮБАВИИ АМАЛҲОИ ТАФТИШОТИИ ҒАЙРИОШКОРО

Шайхыстанова Салтанат Нурлановна
Докторант Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, магистр юридических наук, капитан полиции / Докторанти Академияи мақомоти ҳифзи ҳуқуқи назди Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Қазоқистон, магистри илмҳои ҳуқуқшиносӣ, капитани политсия
E-mail: sh_11@bk.ru

Пройдя эволюционный путь от формализованных процедур к рациональному исследованию обстоятельств дела, доказывание, утвердилось в качестве системообразующего элемента уголовного процесса. Оно играет ключевую роль как для субъектов уголовного преследования, так и для органов расследования и суда, поскольку реализация правосудия вне рамок доказательственной деятельности невозможна.

В свою очередь, современные тенденции развития правовой науки, характеризующиеся междисциплинарной интеграцией и внедрением когнитивных подходов, обусловливают необходимость поиска новых методологических инструментов оптимизации процесса доказывания. В этой связи особый интерес представляет фреймовый подход, позволяющий структурировать доказательственную деятельность и повысить качество принимаемых процессуальных решений.

Так, теоретические основы и эволюция фреймового подхода сформировались в результате междисциплинарного развития научной мысли, объединяющего достижения лингвистики, социологии, антропологии и когнитивной науки.

Отмечая основные идеи развития фрейм-метода в различных областях знаний, особо хотелось бы подчеркнуть достижения американского исследователя в области лингвистика Чарльза Филлмора обосновавшего связь языка с когнитивными структурами, отражающими типовые сценарии восприятия[1]. Например, обычное слово «покупка» активирует мыслительный процесс, выраженный в представлении целой картины (сценария) охватывающий: магазин, деньги, продавец, товар и предстоящие расходы. Суть теории Филлмора заключается в том, что слова и предложения опираются на готовые «сценарии» в голове (фреймы) и через них мы понимаем смысл.

[1] Fillmore, C.J. The Case for Case // In: Bach E., Harms R. T. (eds.) Universals in Linguistic Theory. - New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. - Pp. 1–88.

В социологическом контексте теорию фрейма как систему организации восприятия социальных ситуаций развивал Ирвинг Гофман, который полагал, что в голове у человека есть «шаблоны» (фреймы), через которые он понимает происходящее вокруг. Например, если человек видит людей, наносящих удары на ринге - он воспримет это как спортивное состязание, если те же люди участвуют в уличной драке – это воспринимается как опасный акт агрессии.

Хотя люди могут быть те же самые, фрейм (социальный контекст) меняет смысл происходящего.

Гофман считал, что мы не воспринимаем реальность «как есть», мы автоматически «вставляем» её в знакомую рамку (фрейм) и уже через эту рамку понимаем, что происходит и как себя вести. Поэтому фреймы – это способ упорядочить реальность, быстро понять ситуацию, выбрать правильное поведение[1].

В свою очередь, британо-американский учёный Грегори Бейтсон ввёл понятие фрейма для объяснения механизмов коммуникации и интерпретации поведения, он объяснял фреймы как некую подсказку: «что сейчас происходит на самом деле?»[2]. Бейтсон, заметил, что одно и то же действие может означать разное - всё зависит от контекста. Пример: «кусающая собака» может быть как настоящей угрозой, так и игрой (шутливая борьба). Разницу мы понимаем по фрейму, то есть по внешним сигналам, как тон воспроизводимых животным звуков, обстановка и поведению в целом.

Суть идеи заключается в том, что люди постоянно посылают друг другу сигналы о том, «как это понимать», эти сигналы и создают фрейм, фрейм помогает правильно интерпретировать поведение. Бейтсон показал, что важно не только «что делают», но и «как это понимать» и именно фрейм даёт это понимание.

Следует отметить, что чрезвычайно продуктивными и универсальными представляются идеи Марвина Минского, который в рамках исследований в области искусственного интеллекта ввел самостоятельное научное понятие термина «фрейм», что определённо дало новый импульс, выразившийся в использовании фреймов в программировании. В когнитивном аспекте фрейм это «каркас», то есть, некая структуру данных для представления стереотипной ситуации с ячейками (слотами), которые мы постепенно заполняем информацией[3]. На примере «ресторан», фрейм по Минскому выглядит следующим образом:

1. Верхний уровень - общее понимание: вы в ресторане (есть еда, меню, оплата) это стандартное представление;
2. Нижний уровень (слоты) содержит определенные элементы: клиент – человек, еда – суп, оплата – банковская карта;
3. Маркеры (правила), которые проверяют либо устанавливают требования: еда должна быть – постной, официант – человеком, оплата –исключительно картой.
4. Подфреймы то есть, маленькие сценарии внутри большего: заказ – ожидание – оплата.

В случае, если всё совпало, клиент спокойно проходит стандартный сценарий «ресторан», если что-то не так, мозг переключается на другой фрейм, например: нет официанта – заказ производится на кассе, нет банковского термина – расчет производится в наличном способом.

Главная идея теории Минского, заключается в том, что мозг не думает с нуля, он берёт готовую схему (фрейм), заполняет её и при необходимости переключается на другую. Таким

[1] Goffman, E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. - New York: Harper & Row, 1974. - 586 p
[2] Bateson, G.A Theory of Play and Fantasy: A Report on Theoretical Aspects of the Project for Study of the Role of Paradoxes of Abstraction in Communication // Psychiatric Research Reports. No. 2. - Washington, D.C.: American Psychiatric Association, 1955. - Pp. 39-51.
[3] Minsky, M.L. A Framework for Representing Knowledge // In: Winston P. H. (ed.) The Psychology of Computer Vision. - New York: McGraw-Hill, 1975. - Pp. 211–277.

образом, Минский показал, что мышление – это не хаос, а работа с «готовыми схемами», которые мы заполняем и корректируем. Именно поэтому мы быстро понимаем ситуации учимся на опыте и принимаем решения без долгих раздумий.

Таким образом, эволюция теории фреймов демонстрирует переход от интерпретации восприятия к созданию универсальной модели структурирования знаний. Применительно к уголовному процессу фрейм представляет собой когнитивный каркас доказательственной деятельности, в рамках которого осуществляется соотнесение фактических данных с нормами права и предметом доказывания.

Доказывание же выступает как сложная когнитивно-аналитическая деятельность, включающая сбор, проверку и оценку доказательств на основе критериев относимости, допустимости и достоверности.

По нашему мнению, в данном контексте особую значимость фреймовый подход приобретает при анализе результатов негласных следственных действий, характеризующихся высокой информационной насыщенностью и сложностью интерпретации.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан, к негласным следственным действиям относятся: аудио- и (или) видеоконтроль лица или места; контроль, перехват и снятие информации, передающейся по телекоммуникационным сетям; получение информации о соединениях между абонентами; снятие информации с электронных устройств; контроль почтовых и иных отправлений; негласное проникновение и обследование места; наблюдение за лицом или местом; контрольный закуп[1].

Указанные действия формируют значительный массив разнородной информации, требующий систематизации и последовательной оценки.

В свою очередь, фреймовый подход позволяет формализовать процесс доказывания, представив его в виде структурированной модели.

Структура фрейма доказывания:

1) Верхний уровень: предмет доказывания, отражающий типовую правовую ситуацию.

2) Нижние уровни: элементы состава преступления и доказательственные компоненты: субъект, объект, объективная и субъективная стороны, способ, последствия, причинно-следственные связи, мотив и цель.

3) Маркерная система оценки доказательств: допустимость; относимость; достоверность; достаточность.

4) Подфреймы: следственная информация, результаты следственных действий в том числе проводимых негласно.

Отметим, применение фреймового подхода позволяет интегрировать результаты данных действий в единую структуру доказывания, соотнося их с элементами предмета доказывания и проверяя по установленным критериям. Несоответствие хотя бы одному из критериев снижает доказательственную ценность либо исключает доказательство.

Для демонстрации прикладного потенциала фреймового подхода рассмотрим его применение на примере расследования сбыта наркотических средств.

На верхнем уровне фрейма определяется предмет доказывания, то есть факт незаконного сбыта, включающий установление субъекта, способа передачи, умысла и иных юридически значимых обстоятельств.

Заполнение фрейма осуществляется посредством результатов негласных следственных действий. Проведение контрольного закупа позволяет зафиксировать факт передачи вещества и формирует ключевой доказательственный слот. Аудио- и видеоконтроль лица выявляет коммуникации, свидетельствующие о намерении сбыта, однако при частичной неразборчивости записи требует дополнительной экспертной проверки.

[1] Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V ЗРК.

Перехват сообщений подтверждает наличие договорённости о сбыте, тем самым заполняя слот субъективной стороны. Снятие информации с электронных устройств при неполном соблюдении процессуальной формы требует дополнительного процессуального закрепления для обеспечения допустимости доказательств.

Наблюдение за лицом позволяет установить систематичность противоправной деятельности, дополняя доказательственную конструкцию.

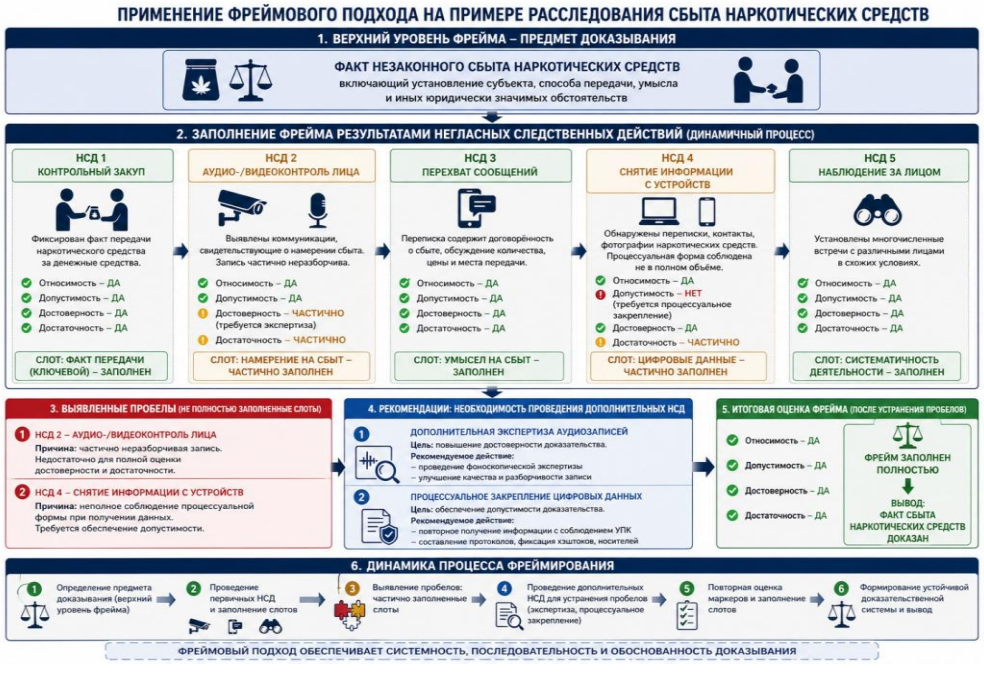
Выявленные пробелы устраняются посредством проведения дополнительных следственных действий, включая экспертизу аудиозаписей и надлежащее процессуальное оформление цифровых данных. Это обеспечивает приведение доказательств в соответствие с критериями допустимости и достоверности. В результате прохождения доказательствами всех маркеров формируется устойчивая доказательственная система, позволяющая сделать вывод о доказанности факта сбыта наркотических средств.

В контексте значимости для оценки доказательств, необходимо отметить, что **о**ценка доказательств осуществляется на основе внутреннего убеждения, однако оно должно опираться на правовые критерии, логические правила и полноту исследования. При этом, фреймовый подход придаёт данному процессу структурированность и снижает уровень субъективности.

Научная новизна исследования заключается в интеграции когнитивной теории фреймов в уголовный процесс, а также разработке модели фреймового структурирования доказательств и применении данной модели к анализу негласных следственных действий.

Практическая значимость состоит в том, что предложенная модель не только способствует повышению качества оценки доказательств, но и способствует выявлению пробелов расследования и снижает риск судебных ошибок. Кроме того, может быть использована при разработке цифровых систем и технологий искусственного интеллекта. Также необходимо отметить, что преимущества фреймового структурирования обеспечивает системность, прозрачность, логичность и эффективность доказательственной деятельности.

В заключении хотелось бы отметить, что фреймовый подход представляет собой перспективное направление развития уголовно-процессуальной науки и практики. Его применение способствует повышению эффективности доказывания и качества правосудия, особенно в условиях неизбежно нарастающей цифровизации.



УДК 343.85

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МИГРАНТОВ: РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ИНТЕРПОЛА РОССИИ

ПЕШГИРИИ ҶИНОЯТҲОИ МУҲОҶИРОНИ НОБОЛИҒ: НАҚШИ БЮРОИ МИЛЛИИ МАРКАЗИИ ИНТЕРПОЛИ РОССИЯ

Шукурова Гиджран Рауф кызы
Аспирант 2 курса кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права им. В.Е. Эминова Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина / Аспиранти курси 2-юми кафедраи криминология ва ҳуқуқи иҷрои ҷазои ҷиноятӣ ба номи В.Е. Эминови Донишгоҳи давлатии ҳуқуқшиносии ш. Москва ба номи О.Е. Кутафин
E-mail: shukurovaa5@yamdex.ru

Проблематика профилактики правонарушений среди молодежи иностранного происхождения сохраняет свою актуальность, обуславливая необходимость углубленного изучения и регулярной ревизии применяемых подходов. Настоящая статья представляет собой попытку систематизации авторского опыта и результатов исследований последних лет, посвященных вопросам противодействия преступности несовершеннолетних мигрантов. Динамика социально-экономической и миграционной обстановки, а также появление новых тенденций и фактов, делают целесообразным повторное осмысление существующих выводов и разработку инновационных решений. Данная необходимость продиктована стремительным развитием миграционных процессов и сопряженными с ними новыми угрозами общественной безопасности. Автор излагает свое видение наиболее эффективных мер профилактики, реализуемых Национальным центральным бюро Интерпола России (далее – НЦБИ).

Современная Россия сталкивается с ростом миграционных потоков, и одновременно с этим с проблемой преступности среди несовершеннолетних мигрантов. В исследовании В.С. Ишигеева, М.Е. Авдеева отмечается, что массовая миграция может представлять угрозу национальной безопасности через криминогенные очаги, если не выстраиваются механизмы адаптации и контроля[1].

За первые три месяца 2025 года преступная активность среди подростков-мигрантов продемонстрировала более существенный рост (13%), чем за тот же период предыдущего года (8%). В целом, за первые четыре месяца текущего года преступность среди всех несовершеннолетних увеличилась на четверть, составив 9522 инцидента. Особую тревогу вызывает полуторакратное увеличение числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных подростками. В своей статье П.К. Петров выделяет ключевые социальные факторы, способствующие криминализации мигрантов, включая отсутствие стабильного правового положения, социальную обособленность и сложности с адаптацией в обществе[2]. При принятии Федерального закона от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и иных законодательных актов, регулирующих указанную сферу, изначально не содержалось специальных норм, устанавливающих особые прави-

[1] Ишигеева, В.С., Авдеева, М.Е. Миграция и национальная безопасность России / В.С. Ишигеева, М.Е. Авдеева // Актуальные вопросы уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействие преступности. - 2015. - № 4. - С. 40

[2] Петров, П.К. Детерминанты преступности иностранных граждан и лиц без гражданства / П.К. Петров // Социальное управление. - 2024. - № 2. - С. 63-69.

ла въезда в Россию, выезда из нее и нахождения (проживания) детей-иностранцев[1]. За прошедшие годы в законодательство внесены значительные дополнения, но правоохранительные органы Министерства внутренних дел России и его региональные подразделения продолжают сталкиваться с необходимостью углубленного анализа правовых и организационных вопросов в указанной сфере.

Правовой режим несовершеннолетних иностранцев принципиально схож с положением несовершеннолетних россиян, однако полное осуществление всех прав на практике вызывает трудности, обусловленные спецификой их иммиграционного положения. Осуществление большинства предусмотренных законом прав детьми иностранцами тесно связано с особенностями их легального статуса на территории Российской Федерации.

Сочетание социально-экономических трудностей, культурных различий, нелегального статуса, дискриминации и недостаточной правовой грамотности ставит несовершеннолетних мигрантов в России в крайне уязвимое положение. В результате, они подвергаются повышенному риску вовлечения в преступную деятельность, чему способствуют неблагоприятные условия жизни и влияние криминогенной среды. Для эффективного решения этой проблемы требуется комплексный подход, включающий совместные усилия государства, общественных организаций и образовательных учреждений по интеграции, правовому просвещению и защите прав этих молодых людей.

В этих условиях ключевую роль в международном сотрудничестве правоохранительных органов играет Национальное центральное бюро Интерпола (НЦБ Интерпола) МВД России – структура, которая может выступать как механизм превенции преступлений, так и инструмент воздействия на транснациональные криминальные сети, вовлекающие несовершеннолетних мигрантов.

НЦБ Интерпола России использует глобальные ресурсы Интерпола для обмена разведывательной информацией и координации взаимодействия:

1. I-24/7 – сеть для передачи срочной полицейской информации между странами.
2. SLTD (Stolen and Lost Travel Documents) – база утерянных или похищенных документов, что позволяет выявлять мигрантов, пытающихся использовать поддельные или украденные паспорта.
3. Red Notices – уведомления о лицах, разыскиваемых для ареста или экстрадиции.
4. Missing Persons и Child Alert – специализированные инструменты для поиска пропавших несовершеннолетних, что может быть полезно для работы с уязвимыми группами мигрантов.

Благодаря членству в Интерполе, НЦБ России получает возможность активно участвовать в международных операциях против таких преступлений, как торговля людьми, незаконная миграция и эксплуатация несовершеннолетних. Это позволяет российским правоохранителям получать ценную разведывательную информацию, проводить задержания и контрольные мероприятия, а также организовывать возвращение или передачу лиц, причастных к преступлениям. К примеру, недавно была произведена международная операция Интерпола с участием России под названием Liberterra II (сентябрь-октябрь 2024). Интерпол объявил, что в рамках крупнейшей операции против торговли людьми и нелегальной миграции были «спасены» 3 222 потенциальные жертвы и выявлены 17 793 нерегулярных мигранта. Представленный механизм иллюстрирует взаимодействие между глобальной сетью Интерпола и НЦБ Интерпола России. Участие в совместных операциях предоставляет российскому НЦБ следующие функциональные возможности:

1. Информационный обмен: осуществлять обмен разведывательными данными относительно методов контрабанды несовершеннолетних мигрантов.

[1] Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в редакции он 4 ноября 2025 г., № 405-ФЗ).

2. Оперативная координация: участвовать в координации проведения рейдов и задержаний на маршрутах транзита.

3. Доступ к базам данных: использовать информационные ресурсы Интерпола для идентификации лиц, причастных к торговле людьми.

Данная деятельность является значимым компонентом репрессивной составляющей борьбы с преступностью, в частности, при экстрадиции мигрантов-преступников для целей уголовного преследования.

НЦБ Интерпола может формировать аналитические отчёты о криминогенных трендах, маршрутах миграционных потоков и уязвимых группах мигрантов. Эти данные важны для правоохранительных органов, социальных служб и НКО, которые занимаются профилактикой вовлечения подростков в преступность. Анализ может включать данные о возрастной структуре мигрантов, их географическом распределении, типах правонарушений и т.п. Как заявил В.А. Калачев, российское бюро активно обменивается опытом с зарубежными коллегами и участвует в форумах по транснациональной преступности[1]. Такой аналитический подход позволяет формировать превентивные меры, рекомендовать социальным и правоохранительным институтам РФ реализацию программ защиты несовершеннолетних мигрантов.

Е.А. Егоров, А.А. Кондакова провели анализ про мигрантов и криминальной активности в Республике Саха (Якутия). Учёные отмечают, что мигранты в удалённых регионах испытывают меньший контроль, но одновременно реже вовлекаются в тяжкие преступления по сравнению с мигрантами в мегаполисах – это говорит о необходимости региональной дифференциации профилактических стратегий. Они делают акцент на том, что превенция преступности мигрантов должна учитывать локальные социально-экономические условия[2].

При работе с информацией о детях-мигрантах, полученной через базы Интерпола, необходимо учитывать ряд важных моментов:

1. Защита прав и конфиденциальность: обработка данных о несовершеннолетних должна строго соответствовать международным нормам защиты личной информации, включая Конвенцию о правах ребенка и местные законы. Это означает обеспечение максимальной конфиденциальности и безопасности данных.

2. Сложности с идентификацией: часто у детей-мигрантов отсутствуют необходимые документы или они недействительны. Это усложняет процесс проверки информации через базы Интерпола и требует дополнительных усилий для установления личности.

3. Проверка и подтверждение данных: для обеспечения точности и достоверности информации о несовершеннолетних необходимо проводить тщательную верификацию. Это включает в себя сотрудничество с социальными службами, неправительственными организациями и образовательными учреждениями для перепроверки данных и исключения ошибок или ложных сведений.

Также немаловажна этическая сторона операций. В случаях задержания или розыска несовершеннолетних важно соблюдать права ребёнка, минимизировать травматизацию и обеспечить защиту их интересов, включая доступ к юридической и социальной помощи.

К сожалению, в текущей геополитической обстановке наблюдается ограничение в международной правоприменительной практике. Даже если поступают запросы, выдача подозреваемых через Интерпол может быть заблокирована по политическим или юридическим причинам. Национальные центральные бюро Интерпола чаще всего используются для розыскных и репрессивных действий, а не для предотвращения вовлечения мигрантов-подростков в

[1] МВД МЕДИА России // Ведомости. 25.09.2025. Режим доступа: https://mvdmedia.ru/news/official/andrey-khrapov-prinyal-uchastie-v-torzhestvennom-sobranii-posvyashchennom-35-y-godovshchine-so-dnya-/ (дата обращения: 21.11.2025).

[2] Егорова, А.И., Кондаков, А.А., Тимофеева, М.Г. Иностранные мигранты и криминальная активность в Республике Саха (Якутия) // ДЕМИС. Демографические исследования. - 2025. - Т. 5, № 1. - С. 76-101.

преступную деятельность. В процессе задержания несовершеннолетние мигранты становятся уязвимыми. Дети мигрантов зачастую не имеют доступа к образованию (например, не зарегистрированы в учебных заведениях), что увеличивает риск их вовлечения в преступные группы. На основе анализа текущей ситуации можно предложить следующие направления усиления роли НЦБ Интерпола в профилактике преступлений несовершеннолетних мигрантов:

1. Расширение оперативно-профилактических операций, ориентированных на молодежь. Требуется увеличить долю операций, направленных на предупреждение, а не только на реагирование – с акцентом на международные маршруты, криминальные сети, вовлечение подростков.

2. Укрепление обмена данными с зарубежными правоохранительными органами. Установление регулярных каналов обмена статистикой, профилями уязвимых групп (в частности, несовершеннолетних мигрантов), анализа трендов и маршрутов миграции-преступности.

3. Интеграция с социальными службами и образовательными институтами. НЦБ Интерпола может выступать как связующее звено между правоохранительной системой и социальными структурами: помощь в создании программ адаптации, взаимодействие с НКО, школами, центрами работы с мигрантами.

5. Обучение кадров. Повышение квалификации сотрудников НЦБ Интерпола и МВД в области культурной компетенции, психологии подростков-мигрантов и механизмов превенции молодежной миграционной преступности.

6. Аналитическая работа и исследования. Создание аналитических подразделений внутри НЦБ Интерпола, которые будут специализироваться на криминологии миграции, предиктивном анализе (в том числе с использованием данных), а также сотрудничество с научными институтами.

Преступность среди несовершеннолетних мигрантов – сложное междисциплинарное явление, требующее комплексного подхода. Национальное центральное бюро Интерпола России играет важную роль в международном сотрудничестве, розыске преступников и обмене информацией. Однако для эффективной профилактики подростковой миграционной преступности необходимо усиливать превентивную функцию бюро, налаживать межведомственное сотрудничество и интегрировать правоохранительные меры с социально-психологической работой.

ТАҲҚИҚОТИ ИЛМИИ КУРСАНТОН ВА ШУНАВАНДАГОН
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ

УДК 342.7

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ ГРАНИЦ КАК ФОРМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМ ЦИФРОВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ

МУҚАРРАР НАМУДАНИ МАРЗҲОИ ҲУҚУҚӢ ҲАМЧУН ШАКЛИ МУҚОВИМАТ БА СУИИСТИФОДА АЗ КОММУНИКАТСИЯҲОИ РАҚАМӢ

Бабенкова Ангелина Игоревна
Курсант 24о1с учебной группы факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, рядовой полиции / Курсанти гурӯҳи таълимии 24о1с факултети тайёр намудани мафаттишони Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, политсияи қаторӣ
E-mail: tjmvxangel@mail.ru

Социальные сети стали площадкой для возникновения и бурного развития принципиально новых художественных и литературных форм (микропоэзия, сторис-нарративы, мемы, цифровые перформансы), специфика которых напрямую определяется технологическими возможностями и ограничениями платформ, а также особенностями пользовательского поведения. Социальные сети выступают мощными дискуссионными площадками, где происходит не только обсуждение, но и активное формирование гуманитарного знания (философские дебаты, исторические дискуссии, литературная критика, популяризация науки), влияя на его доступность и характер восприятия широкой аудиторией.

Платформы предоставляют беспрецедентные возможности для самовыражения и публикации контента миллионам пользователей, ломая традиционные барьеры входа в культурное и интеллектуальное поле, что имеет как потенциал инноваций, так и риски. Параллельно с возможностями возникают системные проблемы. Это ускорение коммуникации ведет к поверхностности восприятия сложных идей, алгоритмическая селекция контента способствует формированию «эхо-камер» и «фильтрующих пузырей», угрожая плюрализму мнений и глубине понимания.

Безобидные на первый взгляд социальные сети, мессенджеры и видеохостинги, без которых современный человек плохо представляет свою жизнь, используются для распространения пропагандистских материалов, установления личных контактов с потенциальными сторонниками, а нередко навязывают деструктивную идеологии под видом религиозного или политического просвещения[1]. Параллельно с конструктивными процессами, социальные сети стали средой для совершения правонарушений, законодательная оценка которых формирует правовые границы цифровой площадки. Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) содержит ряд составов, непосредственно связанных с использованием IT-среды и социальных сетей[2].

[1] Тормозов, А.В. Противодействие вовлечению в экстремистские и террористические организации в информационно-телекоммуникационной сети интернет / А.В. Тормозов // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации: Сборник избранных научных статей III всероссийской межведомственной научно-практической конференции, Москва, 14 марта 2025 года. – М.: Академия управления МВД России, 2025. - С. 338.
[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

К преступлениям террористической и экстремистской направленности относятся:

– ст. 205.2 УК РФ – Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма. Объективная сторона анализируемого деяния предполагает размещение в открытых группах, пабликах, личных аккаунтах, а также в закрытых чатах и каналах (например, Telegram) видеороликов, мемов, манифестов, содержащих соответствующие призывы или оправдание. Распространение может осуществляться через боты, создание «клонов» заблокированных ресурсов. Молодежный экстремизм представляет собой одну из наиболее острых социально-криминологических проблем современности. Его проявления угрожают не только общественной безопасности, но и стабильности государства в целом[1].

– Ст. 205.5 УК РФ – Организация деятельности террористической организации и участие в ней. Соцсети используются для вербовки, координации действий, сбора средств (через криптовалюты или анонимные переводы), обмена шифрованными сообщениями. Криминалистическая особенность ст. 205.5 УК РФ заключается в необходимости установления администратора группы или канала как организатора.

– Ст. 205.6 УК РФ – Несообщение о преступлении касается случаев, когда пользователю достоверно известно о готовящемся теракте, о чем он узнал, в том числе, из переписки в соцсетях или мессенджерах.

Цифровые коммуникации широко используются преступниками при совершении ими преступлений против половой неприкосновенности и распространения запрещенного контента. Например, ст. 242 УК РФ – Незаконное изготовление и оборот порнографических материалов или предметов. Соцсети и мессенджеры используются для создания и распространения, в том числе с участием несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ). Фиксация доказательств требует сохранения метаданных (хешей) файлов, установления цепочек пересылки.

В IT-среде, в сфере компьютерной информации, совершаются следующие деяния:

– ст. 272 УК РФ (Неправомерный доступ к компьютерной информации) включает взлом аккаунтов в соцсетях (аккаунтинг), часто являющийся первым этапом для шантажа, кражи персональных данных или распространения информации от лица владельца.

– ст. 273 УК РФ (Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ) заключается в распространении троянов, шифровальщиков, стилеров через вложения в личных сообщениях, ссылками в комментариях или через взломанные аккаунты популярных сообществ.

– ст. 274 УК РФ (Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей) может быть инкриминировано, например, администраторам ресурса, не принявшим мер по удалению явно запрещенного контента после уведомления от Роскомнадзора.

– ст. 274.1 УК РФ (Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру) касается кибератак на государственные информационные системы, но подготовка к ним (поиск сообщников, обсуждение уязвимостей) может вестись в закрытых группах соцсетей и мессенджеров.

Смартфоны закрепили за собой роль главного источника цифровых улик в расследованиях по всему миру, согласно новому отчёту компании цифровой криминалистики Cellebrite, опубликованному сегодня. Отчёт «Тенденции отрасли 2026», основанный на опросе 1200 специалистов из 63 стран, показал, что 97% следователей теперь называют смартфоны своим главным источником цифровых улик – это на 24 процентных пункта больше, чем 73% в 2024

[1] Абушинов, А.В. Понятие и содержание криминологического противодействия молодежному экстремизму / А.В. Абушинов // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 170.

г. Ежегодный опрос, проводимый уже седьмой год, также выявил, что 97% руководителей ведомств считают – общество ожидает использования цифровых улик в большинстве дел[1].

Криминалистические особенности расследования уголовно-наказуемых деяний в IT-среде заключаются в необходимости процессуальной фиксации цифровых доказательств и метаданных; работе с платформами для поиска противоправной информации и последующего назначения криминалистических экспертиз. Все действия по изъятию цифровых доказательств (переписки, списков участников, файлов) должны проводиться в строгом соответствии с УПК РФ, обеспечивающего целостность и неизменность данных и формирующего протокол осмотра с хеш-суммами файлов.

Не менее важна фиксация метаданных: IP-адресов, времени отправки сообщений, уникальных идентификаторов устройств (IMEI, серийные номера), геолокации. Эти данные позволяют установить связь между виртуальным аккаунтом и конкретным лицом. Для получения информации, не доступной публично (логи подключений, детали аккаунта), правоохранительные органы направляют запросы администрациям социальных сетей (часто через Генпрокуратуру РФ и Роскомнадзор в рамках международного сотрудничества или на основании российского законодательства для компаний, имеющих представительство в РФ); назначают проведение компьютерно-технических, лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз для анализа контента, установления авторства, определения направленности высказываний и их воздействия на аудиторию.

Современные экстремистские и организованные преступные группы активно адаптируются к цифровой среде, используя социальные сети не только для коммуникации, но и как мощный инструмент вербовки, пропаганды, координации и мобилизации. В условиях глобальной цифровизации это создает серьезные вызовы для системы национальной безопасности, что отмечалось в выступлениях Президента Российской Федерации В.В. Путина, подчеркивавшего необходимость опережающего развития правовых и оперативных механизмов защиты информационного пространства России. Актуальность исследований по заявленной тематике обусловлена динамичным развитием технологий, опережающим часто нормотворческую и оперативно-розыскную практику.

Социальные сети предоставляют широкий спектр форматов для подачи контента: короткие видеоролики (TikTok, Reels), мемы, стримы, интерактивные опросы и «сторис». Экстремистские и преступные сообщества мастерски адаптируют эти форматы. Например, пропагандистские ролики террористических организаций, маскирующиеся под мотивационные или исторические видео, используют кинематографические приемы и саундтреки для эмоционального воздействия на молодежь.

Организованные преступные группы (ОПГ), занимающиеся кибермошенничеством или торговлей запрещенными веществами, используют зашифрованный сленг, геймифицированные механики (квесты, розыгрыши) и визуальные коды в «сторис» для рекрутинга курьеров или сбора персональных данных. В 2025 г. силами 2-го отдела Главного управления по противодействию экстремизму МВД России была пресечена деятельность экстремистского сообщества, участники, которого проводили тренировки и собрания, где обсуждали варианты совершения насильственных действий по национальному признаку[2].

[1] Cellebrite: 97% следователей считают смартфоны главным источником улик // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.osnmedia.ru/obshhestvo/cellebrite-97-sledovatelej-schitayut-smartfony-glavnym-istochnikom-ulik/ (дата обращения - 11.03.2026).

[2] Деятельность экстремистского сообщества пресечена в Нижнем Новгороде // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2025/02/10/reg-pfo/deiatelnost-ekstremistskogo-soobshchestva-presechena-v-nizhnem-novgorode.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения - 11.03.2026).

В 2025 г. МВД пресекло деятельность двух Telegram-каналов мошенников, которые ежедневно использовали более 1 000 арендованных аккаунтов в мессенджерах для обмана граждан России[1].

Противодействие такому контенту осуществляется в рамках Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[2] и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3]. Ключевую роль играет сотрудничество с администрациями социальных сетей на основе Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»[4].

Вызовы, порождаемые социальными сетями, обусловили формирование в России развитой системы государственного регулирования и активной правоприменительной практики.

На основании ФЗ РФ № 149-ФЗ Роскомнадзор осуществляет мониторинг соцсетей на предмет запрещенного контента, содержащего признаки экстремизма и пропаганды наркотиков, призывы к участию в несанкционированных акциях и т.д. В случае выявления нарушений направляются уведомления владельцам ресурсов о необходимости удаления информации. Неисполнение такого обязательства ведет к административной ответственности по ст. 13.41 КоАП РФ[5] с наложением штрафов, а впоследствии – к частичной или полной блокировке ресурса на территории РФ по решению суда.

Приказ от 24 августа 2023 г. № 619[6] определяет в качестве направления профилактики органами внутренних дел противодействие терроризму и экстремистской деятельности. Сотрудники полиции выявляют, документируют и пресекают экстремистскую деятельность в сети. Такая деятельность осуществляется во взаимодействии с Роскомнадзором и большей частью в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. ФСБ России, в рамках своих полномочий по противодействию терроризму и шпионажу, издает внутренние нормативные акты, регламентирующие мониторинг и анализ информационных угроз. На практике сотрудничество МВД и ФСБ в киберсфере осуществляется в рамках межведомственных оперативных штабов.

Государственный ответ на риски цифровой среды вылился в создание многоуровневой системы, сочетающей оперативный мониторинг, административное давление на платформы, быстрое судопроизводство о блокировках и широкую практику привлечения к ответственности самих пользователей.

Таким образом, если социальные сети стали новой площадкой для создания, размещения, распространения и поиска знания, то правовое поле формирует её границы, а правоохранительная практика и криминалистический инструментарий – это механизмы защиты этого пространства от деструктивного захвата.

[1] МВД пресекло деятельность двух Telegram-каналов мошенников // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/25629541 (дата обращения - 11.03.2026).
[2] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
[3] Федеральный закон «Об информации, ин-формационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
[4] Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля .2006 г. № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
[5] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
[6] Приказ «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» от 24 августа 2023 г. № 619 // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 351.74

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ В СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ КОНФЛИКТАХ

МАСЪАЛАИ ҲИМОЯИ ҲУҚУҚҲОИ ҶАБРДИДАГОН ДАР МУНОҚИШАҲОИ ОИЛАВӢ

ЗУБКОВА ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА
Курсант 2-го курса факультета подготовки специалистов Госавтоинспекции Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова / Курсанти курси 2-юми факултети тайёрнамудани мутахассисони Бозрасии давлатии автомобилии Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов

Научный руководитель:
ДУДЧЕНКО ЛОЛИТА ВАДИМОВНА
Преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук / Омӯзгори кафедраи фанҳои давлатӣ-ҳуқуқии Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ
E-mail: lv_dudchenko92@mail.ru

Служба в подразделении участковых уполномоченных полиции является одной из самых сложных в системе МВД России и это связано в первую очередь с тем, что сотрудники данной службы работают на переднем крае, непосредственно связаны с людьми и их проблемами, у них огромная зона ответственности и отсутствие права на ошибку. Участковый не просто представитель власти и правоприменитель, он универсальный специалист, сочетающий в себе функции и психолога и социального работника и юриста и воспитателя. От его своевременного и правильного решения зависят не просто спокойствие на обслуживаемом административном участке, но и зачастую жизнь людей.

Достаточно часто в своей практике участковые встречаются с конфликтами в семейно-бытовой сфере, несмотря на то что в последние годы снижено общее число зарегистрированных преступлений, связанных с домашним насилием. Однако среди отдельных категорий потерпевших этот показатель не изменился или увеличился, так наблюдается уверенная тенденция к снижению уровня насилия в отношении женщин, а в отношении несовершеннолетних тенденция противоположная[1]. И, к сожалению, как замечают эксперты[2] и председатель Следственного комитета А.И. Бастрыкин, такие преступления, как правило, носят латентный характер[3].

Как правило, факторами, способствующими инициированию семейно-бытовых конфликтов, является социально-экономические и духовно-нравственные, в их числе можно выделить безработицу, алкоголизацию, падение общественной морали, помимо прочего семейно-бытовые конфликты характеризуются немотивированной жестокостью и насилием.

[1] Эксперт СПбГУ представил новые данные о домашнем насилии // Официальный сайт ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://spbu.ru/news-events/novosti/ekspert-spbgu-predstavil-novye-dannye-o-domashnem-nasilii.
[2] Там же.
[3] Бастрыкин: около 2 тыс. детей пострадали от насилия в семье в 2024 году // Официальный сайт сетевого издания «Коммерсантъ» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7624744.

В деятельности участкового уполномоченного полиции профилактическая работа, направленная на предупреждение такого рода преступных деяний, является ключевым направлением.

На любом обслуживаемом административном участке имеются «неблагополучные квартиры», именно стоя у дверей таких квартир или на ее пороге участковый сталкивается с одним из главных профессиональных вызовов - способность найти выход в самый сложный момент, чтобы иметь возможность защитить всеми законными способами. Закон это инструмент в руках правоприменителя, однако, его применение требует не только холодного разума, но и осознания той меры человечности, без которой любая норма права превращается в формальность, неспособную защитить слабого. Деятельность участкового строится не только на знании и умении применить закон, но и на способности выстроить доверительные отношения с населением на обслуживаемом участке, данное умение будет способствовать сохранению общественной безопасности и правопорядка.

Согласно данным исследования Фонда «Общественное мнение» отмечается положительная динамика уровня доверия и оценки деятельности полиции гражданами России в период с 2020-2025года, так 63% граждан положительно оценили деятельность полиции и практически каждый пятый - 18% отметил улучшение ее работы по месту своего проживания. В высоком уровне компетентности и профессиональных качеств сотрудников, их честности и порядочности уверена половина опрошенных (49%)[1]. Но, несмотря на это, служба участковых уполномоченных сталкивается с критической оценкой своей деятельности со стороны граждан, что в целом неблаготворно влияет на оценку деятельности правоохранительной системы, а также может подрывать уровень доверия граждан.

Как отмечает министр внутренних дел России В.А. Колокольцев, более 50% от всех поступающих в органы внутренних дел обращений граждан рассматриваются участковыми уполномоченными полиции, именно ими ежегодно раскрывается до 24 % от всех раскрываемых преступлений[2]. Это свидетельствует о востребованности деятельности участковых и несмотря на наличие критических оценок и высокую нагрузку, возлагаемую на участкового, именно он остается главным связующим между полицией и гражданами.

Снова обращаясь к статистике, хочется отметить, что 3,7% респондентов сталкивались с насилием в семье в большинстве случаев, агрессия носила многократный или систематический характер[3]. Это свидетельствует о том, что люди вынуждены жить годами, испытывая не только физическое, но и психологическое насилие. На Всероссийский телефон доверия для женщин, пострадавших от домашнего насилия в 2024 году поступило более 21тысячи обращений о домашнем насилии. 80% из них – о физическом насилии, причем 77% случаев агрессором является муж или партнер. Более 60% обратившихся – матери с детьми[4].

Мы помним, что в арсенале участкового уполномоченного имеется целый комплекс мер как административно-правовых средств, так и уголовных, направленных на предотвращение нарушений закона и поддержание общественного порядка, в том числе в семейно-бытовой сфере.

---

[1] О результатах изучения общественного мнения о деятельности полиции Российской Федерации в 2025 году. По данным ФГКУ «ВНИИ МВД России» // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://мвд.рф/publicopinion.

[2] МВД России нужны Жегловы и Шараповы // Официальный сайт сетевого издания «Комсомольская правда» [Электронный ресурс] - Режим доступа: https: //www.kp.ru/daily/27669/5057776/ https://www.kp.ru/daily/27669/5057776/.

[3] Эксперт СПбГУ представил новые данные о домашнем насилии // Официальный сайт ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://spbu.ru/news-events/novosti/ekspert-spbgu-predstavil-novye-dannye-o-domashnem-nasilii.

[4] Более 21 тыс. женщин пострадали от домашнего насилия в прошлом году // Официальный сайт «Русфонда» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://rusfond.ru/news/4028.

Если касаться мер административного воздействия осуществляемых участковым уполномоченным полиции, то их выбор зависит от различных факторов таких как личность правонарушителя, характер правонарушения и обстоятельства его совершения. Такой подход, обеспечивающий систематизацию и классификацию административных средств воздействия, отражен в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1], способствует углублению понимания и оптимизации правоприменительной деятельности. Конкретные меры, которые участковый уполномоченный может применять в соответствии с этим законом, включают:

1. Профилактические беседы – эти меры направлены на предупреждение повторения правонарушений путем воздействия на правосознание лиц, склонных к нарушениям;
2. Вынесение предупреждений – на основании анализа характера и обстоятельств совершения правонарушений, участковые уполномоченные имеют полномочия вынесения официальных предупреждений;
3. Составление протоколов о правонарушениях, что является основанием для дальнейшего рассмотрения дел в административном порядке;
4. Инициирование административных штрафов или других наказаний, предусмотренных законодательством, в зависимости от тяжести и характера правонарушений;
5. Организация общественных работ, направленных на восстановление справедливости и компенсацию вреда, причиненного обществу.

Помимо прочего деятельность участкового связна с проведение превентивной работы по предотвращению семейно-бытовых конфликтов, которая включает многоуровневый комплекс как организационных, правовых, так и психолого-педагогических мер:

1. Мониторинг и контроль за лицами, склонными к агрессивному поведению, особенно в случаях предыдущих нарушений;
2. Изъятие оружия и других опасных предметов, если таковые могут быть использованы для совершения правонарушений;
3. Сотрудничество с органами социальной защиты для оказания помощи семьям, находящимся в сложной жизненной ситуации;
4. Организация просветительских мероприятий с целью повышения правосознания граждан и уменьшения потенциала конфликтных ситуаций.

Статья 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Побои» влечет наложение административного штрафа, либо административный арест, либо обязательные работы[2]. В случае повторного совершения лицом административного правонарушения оно понесет уже уголовную ответственность по ч. 1 ст. 116.1 УК РФ, при этом, если совершенные им действия не повлекут причинения легкого вреда здоровью[3]. Однако следует помнить, что указанное преступление согласно положениям ст. 20 УПК РФ[4] относится к категории дел частного обвинения, из чего следует, что уголовное дело по нему может быть возбуждено только на основании заявления потерпевшего либо его представителя.

Эффективность превентивной работы участковых уполномоченных по предотвращению семейно-бытовых конфликтов зависит от комплекса факторов в их числе укомплектованность кадрового состава, возложенная на каждого сотрудника нагрузка, позволяющая осуществлять контроль за семьями находящимися в «группе риска», межведомственное вза-

[1] Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г., № 195-ФЗ (ред. от 15.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
[3] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 25.02.2026) // СПС «КонсультантПлюс».
[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

имодействие с органами здравоохранения, опеки, социальной защиты, наличие действенных правовых механизмов, своевременного реагирования на первичные сигналы возможного конфликта.

Участковый уполномоченный, прибывший на вызов, может доставить в отдел полиции и задержать на три часа, выписать направление на судмедэкспертизу и поставить семью на профилактический учет. Но без заявления жертв эти усилия, как правило, малоэффективны. Жертва же в свою очередь как правило не готова принять волевое решение для того, чтобы решить возникшую конфликтную ситуацию правовым путем, написав заявление и привлечь к ответственности виновного. Жертвы домашнего насилия боятся остаться без средств к существованию, они оправдывают действия обидчиков (бьет, значит, любит или виновата сама) или в случае выявления факта применения насилия не идут на сотрудничество с правоохранительными органами, тем самым участковый попадает в правовую ловушку. Разорвать цепь может только кто-то извне и в данном случае роль участкового выходит за рамки простого правоприменителя. Он должен стать человеком, который сможет достучаться до женщины, объяснить ей, что закон на ее стороне, что есть кризисные центры, есть возможность начать новую жизнь. Для того чтобы жертва не находилась под постоянным напряжением и имело возможность прийти в себя и принять верное решение в отношении агрессора сегодня применяются новые рычаги воздействия по отношению к последнему.

Так уполномоченный по правам человека Т.Н. Москалькова в своем докладе за 2023 год предложила конкретные меры: создание сетей кризисных центров, ввод института судебных защит предписаний (охранных ордеров)[1]. Важно отметить, что практика уже начала меняться: в своем Постановлении от 31 января 2024г.№ 4-П Конституционный суд РФ фактически разрешил нижестоящим судам применять превентивные механизмы защиты, ограничивающий отдельные права виновного лица в целях обеспечения безопасности потерпевшего.

Результативность работы участкового уполномоченного полиции с правонарушениями в сфере семейно-бытовых конфликтов в первую очередь зависит от грамотно поставленной профилактической работы. В ходе осуществления своей деятельности участковому уполномоченному полиции часто приходится сталкиваться с различным контингентом людей, исходя из чего, от правильного анализа сложившейся ситуации и от уровня его коммуникабельности зависит конечный результат всей его деятельности.

Как мы видим, государством принимаются меры направленные на оказание помощи не только потерпевшим, но и создаются реальные инструменты для их защиты в правовых пределах и участковым уполномоченным. Но эффективность применения этих мер зависит от того, кто их использует и самое главное правильно, с пониманием и вовремя.

[1] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2023 год / Т.Н. Москалькова. – М., 2024. - С. 27.

УДК 343.13:004

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО (ОБВИНЯЕМОГО)

ТЕХНОЛОГИЯҲОИ ИТТИЛООТИЕ, КИ ҲАНГОМИ ТАФТИШИ ПАРВАНДАҲОИ ҶИНОЯТӢ НИСБАТИ ГУМОНБАРШАВАНДА (АЙБДОРШАВАНДА)-И НОБОЛИҒ ИСТИФОДА МЕШАВАНД

МАТВЕЕВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА
Слушатель 21о1с учебной группы факультета подготовки следователей Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, младший лейтенант полиции / Шунавандаи гурӯҳи таълимии 21о1с факултети тайёр намудани муфаттишони Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, лейтенанти хурди политсия
E-mail: mariiamatveeva@bk.ru

Научный руководитель:
ГРИШИН АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
Профессор кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент / Прфессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ ва криминологияи Донишкадаи ҳуқуқшиносии ВКД Россия дар ш. Орёл ба номи В.В. Лукянов, номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент
E-mail: ronsove@bk.ru

Сегодня информационные технологии – неотъемлемая часть жизни любого современного человека в его повседневной жизни. Быстрыми темпами развиваются социальные сети, которые, в свою очередь, в круг пользователей включают большую часть населения Российской Федерации. Наравне с развитием компьютерных технологий обороты набрала и преступность, в том числе новые виды преступлений, систему совершения которых становится сложно выявить правоохранительным органам без применения специализированных компьютерных программ.

Статья 421 уголовно-процессуального законодательства обязывают субъекта предварительного расследования устанавливать фактический уровень психического развития и другие особенности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). И одна из проблем – это отсутствие конкретизации относительно объема, способа получения и критериям, предъявляемым к информации и доказательствам, на основе которых устанавливаются обстоятельства, согласно ст. 73 и ст. 421 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ).

Средством получения информации является ряд процессуальных действий: осмотр места проживания несовершеннолетнего, допрос родителей, классного руководителя, включая истребование различных характеристик личности несовершеннолетнего. Но, к сожалению, не всегда полученных в результате следственных и действий на доследственной проверке доказательств оказывается достаточно.

Уделяя внимание сети Интернет и характеризуя её как платформу, которая в XXI веке стала подобна опорным пунктом к совершению различного вида преступлений, обязательным элементом в деятельности правоохранительных органов стали информационно-телекоммуникационные технологии. Именно они способствуют получению полной и достоверной базе доказательств по уголовному делу несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Основная сфера, где подростки проводят большую часть своего времени в вирту-

альном режиме – это социальные сети. Здесь формируется совокупность действий абсолютно каждого пользователя: его сообщения, контакты, публикуемый им материал.

На практике сотрудниками полиции активно применяется выемка мобильных устройств, являющиеся индивидуальным предметом пользования несовершеннолетнего (ноутбук, стационарный компьютер, сотовый телефон). После, осмотр изъятых объектов в достаточном объеме позволяет создать объективное изображение о личности подростка и его предпочтениях. Но не исключены обстоятельства, в рамках которых несовершеннолетнее лицо будет всячески пытаться избавиться от различных материалов, представляющих особую ценность для правоохранительных органов при сборе доказательственной базы по уголовному делу. Поэтому производство обыска (выемки) зачастую не является целесообразным решением следователя из-за того, что обвиняемый (подозреваемый) по уголовному делу, заранее проинформированный о предстоящем следственном действии, имеет возможность избавиться от материалов, доказывающих его вину.

В представленном случае неотложного характера (т.е. случай, не терпящий отлагательства), в перспективе применим метод дистанционного получения информации. Такое следственное действие, как правило, осуществляется специалистом по приглашению следователя в присутствии двух понятых. Он использует специализированное программное обеспечение и посредством сети Интернет взламывает систему защиты мобильного устройства, принадлежащего обвиняемому (подозреваемому) и собирает всю интересующую следователя по делу информацию. По окончании ход следственного действия процессуально закрепляется (протоколируется).

Однако, обнаруживается вопрос правового значения: допустимо ли производство данного следственного действия? Теоретически, ранее описанный порядок его проведение возможен. Но в настоящее время оно не закреплено на законодательном уровне в пределах территории Российской Федерации, а, наоборот, запрещено, поскольку противоречит ст. 25 Конституции РФ. В настоящее время дистанционное получение информации с мобильного устройства его пользователя приравнивается к проникновению в жилище, на разрешение которого необходимо получить мотивированное постановление судьи согласно положениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 1993 года № 13 «О некоторых вопросах, связанных с применением ст. 23 и ст. 25 Конституции Российской Федерации»[1]. Это объясняется тем, что следователь и иные участники следственного действия находятся вне жилого помещения лица, в отношении которого ведётся производство, а сам факт считывания информации с мобильного устройства осуществляется именно способом незаконного проникновения.

Легализация такого рода процессуального действия упростило бы задачу правоохранительным органам на этапах предварительного расследования.

Еще один интересный и грамотный метод, занимающий особое место на первоначальном этапе следственной деятельности – сбор сведений об абонентских номерах или месте нахождения мобильных устройств. Здесь внимание уделяется использованию идентификационного электронного модуля абонента (сим-карта), который принадлежит несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому). Преимущественно его применение выигрышно, если требуется оперативное получение информации за границей материального пространства. Сим-карта для правоохранительных органов – источник к получению доступа к различного рода телекоммуникационным сервисам, программным приложениям, сервисам кредитных организаций и т.п., которые были объектом для использования у несовершеннолетнего.

С позиции А. В. Богданова, учитывая, что такого вида информация не имеет доказательственного значения, она очень важна как тактический элемент на этапе предварительно-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» от 24.12.1993 N 13 (ред. от 06.02.2007)

го следствия[1]. С её помощью вырабатываются следственные версии и организуется весь процесс предварительного расследования.

Поскольку виртуальное пространство для подростка – это место, где он проводит львиную долю своего времени, то перед сотрудниками полиции встала необходимость прослеживания его информационной активности с целью предупреждения готовящихся или расследования уже совершенных преступлений. В настоящее время такой способ установления виртуальной активности подростка реален с применением массовых (доступных) веб-сервисов – информационных ботов. У последних механизм действия заключается в мониторинге информации о деятельности подростка в различных секциях сети Интернет. Таковыми могут быть социальные сети, сообщения, различный контент. Одним их самых распространенных сервисов в настоящий момент времени выступает информационный бот «Герда».

Сложность раскрытия любых преступлений с применением компьютерных технологий упирается в использование криминальными структурами приемов информационной конспирации, что позволяет им скрывать большую часть виртуальных следов преступления.

Подводя итог рассмотрению вопроса использования компьютерных технологий в предупреждении или расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними, инновационный подход следователя обусловлен стремительными темпами развития информационных технологий. Применение специализированных компьютерных программ в совокупности с соблюдением уголовно-процессуального порядка производства соответствующих следственных действий дает возможность формировать базу доказательств по уголовному делу. Однако, эффективность проведения процессуальных мероприятий резко снижается, если исключается аспект своевременности их производства, т.е., как уже ранее отмечалось, в случаях, не терпящих отлагательств, миновать судебное разрешение и конституционный запрет невозможно без фиксации такого «разрешения» на законодательном уровне.

Резюмируя весь вышеизложенный текст, необходимо обозначить, что успех и сущность уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов на этапе предварительного расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних обусловлен четким соблюдением должностными лицами регламентированной законодателем процедуры производства следственных и иных процессуальных действий.

Итогом анализа норм уголовно-процессуального закона и в сравнении с международным законодательством стало очевидно, что на практике у следователей (дознавателей) зачастую возникают проблемы процессуального (к примеру, отсутствие педагогов или психологов, привлечение лиц в качестве законных представителей несовершеннолетнего, не относящихся к категории близких родственников (п. 12 ст. 5, ч. 1 ст. 426 УПК РФ), при производстве допроса), организационного и тактического (к примеру, сложность установления психологического контакта с несовершеннолетним в порядке допроса) характеров. Такие проблемы обусловлены наличием в российском законодательстве «пробелов», отсутствием системы ювенальной юстиции, а также, в редких случаях, слабым профессионализмом сотрудников правоохранительных органов.

Помимо проблемы процессуального порядка, возникающего в ходе предварительного расследования уголовных дел несовершеннолетних, имеют место сложности с тщательным сбором, фиксацией и оценкой доказательств, установлением возраста, психофизиологического состояния. Однако первоочередной задачей для органов предварительного расследования должно быть не «изобличение и наказание» несовершеннолетнего, а выявление и устранение причин и условий, которые поспособствовали совершению преступления.

[1] Богданов, А.В. Проблемы разграничения оперативной, следственной и криминалистической информаций / А.В. Богданов // Вестник Московского ун-та МВД России. - 2009. - № 7. - С. 122–125.

МАСОИЛИ МУБРАМИ НАЗАРИЯ, ҚОНУНГУЗОРӢ ВА АМАЛИЯИ МУҚОВИМАТ БА ҶИНОЯТКОРӢ ДАР ЗАМОНИ МУОСИР

МАВОДДИ 1-УМИНИ КОНФЕРЕНСИЯИ ИЛМӢ-АМАЛИИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

МАТЕРИАЛЫ 1-ОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Масъули нашр / Ответственный за выпуск

Каримова Л.М.
Сармуҳаррири шуъбаи ташкилӣ-илмӣ ва табъу нашри Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон / Главный редактор организационно-научного и редакционно-издательского отдела Академии МВД Республики Таджикистан)

734012, Ҷумҳурии Тоҷикистон,
ш. Душанбе, к. М. Мастонгулов, 3, Академияи ВКД
Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Мастонгулова, 3
тел +(992 37) 226 28 01
e-mail: muzafarovsz@mail.ru, klm-15-73@mail.ru

Ба матбаа 15.05.2026 таҳвил гардид.
Чопаш 19.05.2026 ба имзо расид.
Коғази офсет. Андозаи 60х84 1/8. Ҷузъи чопии шартӣ 41,5.
Адади нашр 100 нусха. Супориши № ....

Дар Матбааи РТМТ ва Н-и ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон ба табъ расидааст
734018, ш. Душанбе, кӯчаи Борбад, 5.